

Весь

ШЕКИ

БЕЛАЯ
СМЕРТЬ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SGT-FI-FOUNDATION

ЭКРАНО

Весь
ШЕКЛИ

Весь
ШЕКЛИ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОБМЕН РАЗУМОВ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

БЕЛАЯ СМЕРТЬ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Роберт
ШЕКЛИ

БЕЛАЯ
СМЕРТЬ

Москва
ЭКСМО

2005

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Ш 40

ROBERT SHECKLEY

CALIBER 50
DEAD RUN
LIVE GOLD
WHITE DEATH
TIME LIMIT
THE MAN IN THE WATER

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

50-Й КАЛИБР

Шекли Р.

Ш 40 Белая смерть: Фантастические романы/ Пер. с
англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 960 с. (Отцы-основате-
ли. Весь Шекли).

ISBN 5-699-04711-5

В шестой том собрания сочинений знаменитого американского фантаста
вошли его остросюжетные произведения о секретном агенте Стивене Дэйне.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Robert Sheckley, 1953...2003.
Публикуется с разрешения автора
© Перевод. М. Авдоница, В. Баканов,
Е. Дрибинская, И. Непочатова,
О. Степанкина, 2003
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2003

ISBN 5-699-04711-5

Глава 1

Обычно Холлис заканчивал дежурство ровно в полночь. Но сегодня подготовка к утреннему экзамену и кондиционированный уют диспетчерской заставили его забыть о времени. Когда он поднял глаза, было уже четверть первого. Сменщик еще не явился, и это удивило Холлиса.

Он закрыл учебники и вышел из диспетчерской. Был он молод, худошав, отличался спокойным характером и отсутствием чувства юмора. Днем он посещал занятия в университете Майами, а по ночам дежурил. Работа была непыльная, и у него оставалось достаточно времени на учебу. Каждый час он совершал обход четырех освещенных прожекторами складов «Майами-Юг Экспорт». На боку у него болталась кобура с револьвером — этого требовала страховая компания. Холлис даже никогда не проверял, заряжено ли оружие. В этом не было надобности, потому что никому в здравом уме и в голову не придет красть тяжелые тюки хлопка и джута или подъемные ящики с оборудованием.

Он еще раз обошел склады. Револьвер бил по бедру, и это было неприятно. Холлис гадал, что же могло случиться со сторожем, дежурившим с полуночи до восьми утра. Старый Ханмейр всегда был пунктуален, хотя особым умом не блистал.

Ладно, что бы там ни случилось... Сегодня ночью не намечалось никаких поступлений груза, и потому Холлис решил запереть диспетчерскую и отправиться домой. Он вышел на подъездную дорогу, которая вела от склада номер четыре к Майамскому шоссе, чтобы посмотреть, не идет ли Ханмейр, и решил подождать старика еще пятнадцать минут. Если он

задержится дольше, то опоздает на последний автобус в Корал-Гейблс.

Холлис прошел несколько ярдов и остановился. С шоссе на подъездную дорогу свернул автомобиль и затормозил рядом с ним.

— Привет, Холлис, — сказал водитель.

Холлис заглянул в машину и узнал в водителе Джима Моррисона. Джим служил в полиции Майами, в дорожном патруле. Как и Холлис, он был родом из Энн-Арбор, штат Мичиган. Иногда — когда позволяли обязанности — они вместе играли в кегли.

— Заехал, чтобы подвезти тебя домой, — сообщил Моррисон. — Но мне казалось, что тебя уже здесь нет.

— Мне давно пора было уйти, — согласился Холлис. — Но Ханмейр все еще не пришел.

— Ну, ты за это не в ответе, — хмыкнул Моррисон. Он был грузного телосложения мужчиной, с бычьей шеей и красным лицом. Даже в спортивных штанах и рубашке он выглядел как настоящий полицейский.

В сотне ярдов от них на скоростном шоссе притормозил, мигая поворотными огнями, огромный грузовой трейлер. Шурша шинами, он свернул на подъездную дорогу к складу номер один.

— Вот это да, — сказал Холлис.

— Что в этом странного?

— Мне ничего не говорили о том, что сегодня ночью будут что-либо привозить или забирать. Полагаю, мне следует вернуться и проверить их путевой лист.

— Я подожду, — сказал Моррисон, — только недолго.

— Я всего на минутку, — отозвался Холлис.

Он направился обратно к складам, наслаждаясь бархатной чернотой майамской ночи. Вдоль дороги росли королевские пальмы. Их листья слегка шуршали, покачиваясь в потоках бриза. Холлис любил этот шорох.

Грузовик развернулся на широкой бетонной площадке и задом подъехал к погрузочной платформе. Холлис определил, что это новая полудизельная машина — красная кабина, серый кузов, украшенный елочной гирляндой. Из машины вышли шесть или семь грузчиков — большая бригада. В лу-

чах прожекторов, светивших из-под крыши склада, Холлис отчетливо увидел, как водитель открыл дверь кабины и вышел наружу. Мотор остался работать на холостом ходу.

— Привет, — сказал Холлис.

— Привет, — отозвался водитель. — Это ведь склад номер один?

Холлис кивнул, хотя вопрос был странным. На обеих створках ворот красовалась огромная цифра «1».

Грузчики открыли раздвижные ворота. Все они по виду смахивали на латиноамериканцев. Холлиса это не удивило. С тех пор, как пало правительство Батисты, в Майами было полно кубинцев. Зато его удивило то, как они были одеты. Их одежда подошла бы скорее морякам, чем грузчикам.

— Ты сторож? — спросил водитель. Он был долговязым и черноволосым, с огромным носом и кустистыми бровями. Холлису показалось, что водитель отчего-то нервничает.

— Что это вы так поздно? — спросил Холлис.

— Изменения в расписании. Кому-то срочно понадобилось забрать товар нынче ночью.

— Какой товар?

— Груз А-42, — ответил водитель. Холлис кивнул. Груз А-42 — это партия тяжелого сельскохозяйственного оборудования. Предполагалось, что ее заберут утром.

— Путевой лист есть? — спросил Холлис.

Водитель вынул из кармана рубашки листок бумаги оранжевого цвета и протянул Холлису. Тот посмотрел на листок и кивнул. Он уже отдал было листок обратно, но вдруг отдернул руку, вспомнив что-то.

— В чем дело? — спросил водитель. Вопрос был задан опасно резким тоном.

— Здесь нет второй подписи, — сказал Холлис.

— Не понимаю, о чем речь? — отозвался водитель. Грузчики уже подтащили первый из девяти огромных деревянных ящиков. В задней части грузовика был установлен гидравлический подъемник. Рабочие подняли ящик и втокнули его в кузов.

— Видите, — объяснил Холлис, — вот здесь стоит подпись мистера Райерсона. Но второй подписи нет. Еще долж-

на была расписаться миссис Дрисколл. Она заведует бухгалтерией.

Он показал водителю, где должна стоять подпись миссис Дрисколл. Быть может, старый Ханмейр и не заметил бы этого упущения.

Водитель еще раз изучил документ и почесал в затылке.

— Ни о какой второй подписи не знаю.

— Такова форма, — ответил Холлис.

— Но посмотрите, Райерсон подписал эту бумагу. Он же президент компании!

— Конечно. Но на любом документе такого рода должна стоять вторая подпись, иначе он недействителен. Прошу прощения, но без подписи миссис Дрисколл вы не можете забрать этот груз.

Водитель, казалось, был сбит с толку. Один из грузчиков подошел и тоже уставился на бумагу. Это был невысокого роста человек с темным угрюмым лицом. Тонкий ножевой шрам пересекал его висок, теряясь в волосах.

— Что не так? — спросил он.

— Нет второй подписи, — сказал водитель. — Ты знаешь что-нибудь об этом, Хуан?

— Все, что я знаю, — отозвался Хуан, — это то, что чертова посуда отчаливает ровно в четыре часа ночи и этот груз должен быть на ее борту. Господи, всегда что-нибудь идет не так.

— Посмотрите, — обратился водитель к Холлису, — ведь есть же подпись Райерсона. Разве этого не достаточно? Я потеряю работу, если сегодня ночью не доставлю этот груз на судно.

— Ну... — Холлис снова взглянул на путевой лист. Бланк был обычным, заполнен был правильно. Роспись Райерсона выглядела подлинной. У Холлиса не было реальных полномочий задерживать груз, и, уж конечно, он не мог сделать этого из-за мелкой формальности. Он решил — пусть все идет как идет.

Водитель сказал:

— Уверен, что мы все уладим, — и извлек аккуратно сложенную десятидолларовую банкноту.

Если бы на месте Холлиса был Ханмейр, это действитель-

но уладило бы все. Но сейчас попытка подкупа привела к прямо противоположному результату.

— Извините, — твердо сказал Холлис. — Полагаю, что мне следует позвонить мистеру Райерсону. Если он скажет «ладно» — значит, ладно.

Водитель пожал плечами. Холлис подошел к телефону-автомату, висевшему на стене, и сунул в щель десятицентовик. Начав набирать номер, он краем глаза заметил крадущуюся к нему черную тень. Он инстинктивно отпрянул в сторону, и дубинка врезалась в стену рядом с ним.

— Уберите его, живо! — приказал Хуан.

Рабочие двинулись к Холлису. Он попятился. Прежде чем он успел расстегнуть кобуру и выхватить револьвер, он увидел, что водитель наводит на него большой черный автомат. «Это неправда, так не бывает», — подумал Холлис. Водитель выстрелил, и Холлис почувствовал, как что-то с невероятной силой ударило его в грудь, отбросив к стене.

Он сполз на бетонный пол. Теряя сознание, он услышал, как шофер сказал:

— Черт возьми, все идет наперекосяк. Мне сказали, что дежурить будет старик.

— Надо погрузить остальной товар, — напомнил Хуан.

— Кто-то идет.

Моррисон бежал к ним с револьвером в руке.

— Стоять! Всем стоять! — кричал он.

— Грузите, — сказал водитель, — я им займусь.

Грузчики скрылись за контейнерами с грузом, а водитель запрыгнул в кабину своего грузовика. Моррисон вбежал на погрузочную платформу, его револьвер был направлен на шофера.

— Руки вверх, — скомандовал Моррисон. — Что, черт поберет...

Он не успел договорить — шофер открыл по нему огонь из окна кабины. Он стрелял из автомата системы «браунинг», и длинная автоматная лента дергалась у его локтя. Пули с визгом рикошетили от бетонной площадки.

Моррисон отреагировал быстро. Он повернулся и побежал, пытаясь укрыться за стволами пальм от пуль и безжалостно яркого света прожекторов. Но водитель стрелял те-

перь более прицельно, и, прежде чем полицейский успел убежать достаточно далеко, одна из пуль настигла его. Моррисон хотел спрятаться за пальмой, но ее тонкий ствол был плохим прикрытием. В отчаянии он открыл ответный огонь, целясь в кабину. Пули врезались в ствол пальмы, сдирая тонкие полоски коры. Моррисон упал. Шофер дал по нему еще одну очередь, а потом у него кончились патроны.

— Грузите! — заорал он. — И сваливаем отсюда!

Рабочие втащили в кузов последний ящик. Потом сами забрались в грузовик и захлопнули дверцы. Водитель включил скорость и вырулил с платформы. Выхав на шоссе, грузовик направился на юг.

Глава 2

Приемная компании «Майами-Юг Экспорт» была точно такой же, какой ее запомнил Торнтон. Оштукатуренные стены бежевого цвета казались холодными, кресла по-прежнему были обтянуты прочным коричневым твидом. Сидевшая за серой стальной конторкой миссис Хатчинс — ничуть не изменившаяся с прошлого раза, аккуратная и чопорная, — кивнула в знак официального приветствия.

— С возвращением вас, мистер Торнтон.

— Благодарю. Я тоже рад возвращению.

Она нажала кнопку на своем телефоне, произнесла несколько слов, а потом положила трубку.

— Мистер Райерсон примет вас, подождите минутку. Полагаю, вы уже слышали о постигшем нас несчастье?

— Да, — отозвался Торнтон, — я купил в Лондоне майамскую газету. Но она была нескольких дней давности.

— Мистер Райерсон расскажет вам. Поверьте, это ужасно. — Ее телефон звякнул. — Можете пройти.

По сравнению с прошлым разом Райерсон выглядел постаревшим и обмякшим. Вокруг бульдожьего рта появились усталые складки, а в коротко стриженных рыжеватых волосах поблескивала седина. Райерсон сидел за столом, заваленным погрузочными документами и прочими бумагами. Коллекция трубок в подставке орехового дерева покрылась пылью.

Огромная уродливая пепельница — образец африканской керамики — была полна окурков.

Не обошлось, конечно, без предисловий.

— Ну, Билл, ты хорошо поработал.

— Спасибо, сэр.

— Я изучал твои рапорты. Чудесно, просто чудесно. Начиная думать о том, как потратить вознаграждение. Ты в самом деле считаешь, что Мухади Сингх заслуживает доверия?

— Да, я так считаю. Он весьма целеустремленный молодой человек, и многие поколения его предков занимались торговлей в Калькутте.

— Чудесно, чудесно... — Предисловия были завершены. Индия была на расстоянии восьми тысяч миль, и эта волшебная земля слонов и пряностей не имела отношения к настоящим неприятностям, случившимся здесь, дома. — Полагаю, ты слышал о том, что у нас тут произошло?

— Слышал, — ответил Торнтон. — В газете, которую я прочел в Лондоне, говорилось, что мальчишка Холлис находится в критическом состоянии.

— Теперь думают, что он выкарабкается. Я видел его вчера в больнице, и, судя по всему, он выживет. Но полицейский мертв.

— У полиции есть какая-нибудь версия о том, кто это сделал?

— Они мне не говорили, — сказал Райерсон. — Полиция и окружная прокуратура не слезают с нас с той самой ночи. Страховое расследование. Федеральное правительство ведет следствие... Билл, мне кажется, они собираются отозвать нашу лицензию.

— Почему?

— Слишком много подобных событий происходит в Майами. Они ищут, кого бы прижать для примера, чтобы другим неповадно было.

— Но почему нас?

— Они считают, что это было работой нашей конторы. — Райерсон соединил кончики коротких пальцев. — По словам Холлиса, их путевой лист был в порядке. С подписью, похожей на мою. Они приехали за неким грузом, они знали его складской номер. Они знали, в каком складе он размещен.

Они знали, когда его должны были забрать согласно расписанию. Все было верно — кроме отсутствия второй подписи.

— Все это ничего не доказывает.

— Ничего. Но чертовски похоже на то, что те, кто это сделал, знакомы с нашими порядками не понаслышке. Билл, с тех пор, как это произошло, у нас побывали следователи всех рангов и ведомств. Бюро внутренних расходов заново просматривало все книги. Агенты ФБР вежливо говорили по телефону. Господи, можно подумать, что они действительно тратят свое время на то, чтобы выследить тех, кто это с делал, вместо того, чтобы выявить, что я сам организовал это ограбление.

— Они не предъявят вам такое обвинение.

— Конечно, нет. Но пока суд да дело, мы теряем клиентов. А уж коли вмешались федеральные власти, то бог весть когда это все кончится. — Он взял со стола слегка помятый листок белой бумаги. — Меня просят оказать максимальное содействие мистеру Стивену Дэйну, специальному агенту Департамента финансов. Он прибудет в аэропорт Майами сегодня вечером и остановится в отеле «Бронсон».

— Что вы намерены делать?

Райерсон ответил не сразу. Он сидел, сжимая в пальцах бумагу с печатью Департамента финансов. На лице у него было такое выражение, словно он держал в руках свой собственный смертный приговор. Подняв наконец глаза от бумаг, Райерсон сказал:

— Все и каждый суют свой нос в это дело. Просто какой-то следовательский сезон. Я полагаю, что нам самим пора выяснить кое-что. Билл, я хотел бы поручить это тебе.

— Прошу прощения?

— Я хочу, чтобы ты провел следствие по делу о похищении и убийстве, действуя в интересах нашей компании, как ее представитель.

— Но я ничего не знаю об этом! — воскликнул Торнтон. — Не лучше ли будет нанять частного детектива?

— Не лучше. Во-первых, я им не верю. Во-вторых, частный детектив не сможет проделать ту особую работу, которую я хочу поручить тебе. Билл, я хочу, чтобы ты послужил интересам компании.

— Но почему я? Я больше года провел за границей.

— Именно поэтому, — ответил Райерсон. — Никто не сможет заподозрить тебя в соучастии. Ты можешь сотрудничать с различными агентами, вовлеченными в это, в частности — с мистером Дэйном. Ведь это же естественный шаг с нашей стороны, не так ли? Что же касается тебя, то ты уж сможешь отстоять интересы компании. Я не жду, что ты выяснишь, куда ушел похищенный груз или кто убил полисмена. Но ты должен проследить, чтобы нас не обвинили только потому, что властям нужно обвинить хоть кого-то.

— Следить за следователями? — спросил Торнтон.

— Что-то в этом роде. Я знаю, что тебе положен отпуск, но мы позаботимся об этом после того, как все кончится. Ты возьмешься за это, Билл?

Торнтон зажег сигарету, чтобы выиграть время на раздумье. Он по себе знал, насколько нежелательно связываться с компанией, находящейся под государственным следствием. Если будет доказано соучастие в преступлении хоть кого-то из администрации, весь персонал фирмы окажется под подозрением. Учитывая обстоятельства, найти другую работу будет сложно. Но сейчас, сразу после нескольких успешно выполненных поручений за границей, он может уйти из «Майами-Юг» и устроиться на приличную должность. Это будет весьма практичным поступком, а Торнтон старался, хотя и не всегда успешно, действовать практично.

С другой стороны, за ним числится долг лояльности по отношению к «Майами-Юг». Не очень большой долг — Торнтон работал на компанию только два года. Но Райерсон обеспечивал ему быстрое продвижение по службе и не скупился на оплату и премии. «Майами-Юг Экспорт» была хорошей компанией.

И, наконец, Торнтон не мог поверить, что кто-то из администрации компании был замешан в преступлении.

— Я займусь этим, — сказал он.

— Я ценю твой выбор, — отозвался Райерсон. — В самом деле ценю, Билл. — Он протянул Торнтону папку. — Вот тут вся собранная нами информация. Может быть, ты что-то сможешь из нее извлечь. Поводи этого мистера Дэйна вокруг складов, покажи ему все. Нам нечего скрывать.

— Хорошо. И любую информацию, которую я разыщу сам...

— Используй ее так, как сочтешь нужным, — твердо ответил Райерсон. — Не скрывай ничего. Естественно, я не могу поручиться за каждого клерка или грузчика. Но я абсолютно уверен в руководстве и верхнем эшелоне персонала компании.

— Я буду иметь это в виду.

— И еще, Билл...

— Да, сэр?

— Не допускай ни единого промаха. Эти негодяи убили человека. Вряд ли они будут церемониться, если им понадобится убить еще кого-нибудь.

Торнтон кивнул и вышел из кабинета. Снаружи царил липкая жара — в Майами был сентябрь. Торнтон взял такси и поехал в отель, где он остановился. Сегодня утром он отправил багаж в отель прямо из аэропорта и еще не успел распаковать его. Именно этим он сейчас и занялся, методично раскладывая одежду на одной из двух кроватей, стоявших в номере. Покончив с этим, Торнтон принял душ. После душа, натянув шорты, он открыл полученную от Райерсона папку и принялся изучать ее содержимое.

Билл Торнтон мог бы стать преемником своего дяди, владельца токарно-штамповального предприятия в Уотербери, в Коннектикуте. Но Вторая мировая война заставила его прервать обучение и вкусить всех прелестей дальних странствий. Закончив в 1943 году школу младшего офицерского состава, он был направлен в Индию, в 112-й дивизион. Там он составлял платежные ведомости по оплате работы туземцев. У него был врожденный талант к языкам и присущее уроженцам Новой Англии смешанное чувство тяги и неприязни к экзотике. Он на практике приобрел немалые познания в хинди, а затем, когда дивизион перевели в Рангун, — еще и в бирманском языке. После окончания войны Торнтон подумывал о том, чтобы остаться в Индии — в качестве младшего совладельца Калькуттской торговой компании.

Но этот шаг был сочтен непрактичным, и Торнтон отказался. В 1946 году он вернулся в Соединенные Штаты, отучился последний год в Йельском университете и устроился

на работу в «Трансмировой Импорт» в Филадельфии. Это было хорошее место, но над Торнтоном тяготело проклятие — тяга к перемене мест. Печальный, затянувшийся финал его женитьбы не улучшил положения. Торнтон уволился из «Трансмирового», несколько месяцев после развода провел в Мексике, потом получил работу в торговой корпорации «Эдгар Джонсон» в Нью-Йорке. Это дело завершилось скандалом, в сопровождении черного урагана газетных заголовков. Почти восемь месяцев Торнтон был безработным, а потом встретил Джо Райерсона. «Майами-Юг» активно пыталась завести торговые связи со странами Ближнего Востока. Торнтон немедленно был направлен на «выездную работу», которой и занимался в дальнейшем.

Был он спокойным человеком среднего роста и плотного сложения. Несмотря на свои тридцать семь лет, он сохранил в себе что-то от мальчишки, и это «что-то» не смогли вытравить ни годы, ни странствия. Говоря об «американской наивности», циники-европейцы, должно быть, имели в виду таких, как Торнтон. Возможно, они ощущали в нем отсутствие склонности к самоанализу; возможно, недолюбливали Торнтон за впечатлительность, невзирая на то, что впечатлительным он не был. Со своей стороны, Торнтон считал себя деловым человеком, и это подтверждалось наличием счета в банке.

И все же порой деловой Торнтон уступал место Торнтону — любителю экзотики, человеку, который наиболее полно чувствует жизнь, находясь вдали от невидимых жестких границ собственного дома, под чужим небом, среди замкнутых смуглолицых представителей чужого народа.

И теперь, склонившись над газетными вырезками, повествующими о бандитском налете на склад, Торнтон ощущал непривычную мелкую дрожь. Он собирался заняться детективной работой.

Груз А-42 — партия тяжелой сельскохозяйственной техники, назначение — Венесуэла. Производитель — «Бойс Дармин», Бирмингем, штат Алабама. Заказчик — компания «Артуро Делакур, Юж.Ам.», главный офис находится в Мехико-Сити, филиалы — в Гаване, Сиудад-Трухильо, Монтеррее и Майами.

Полиция, несомненно, уже проверила майамский фили-

ал. И все же нелишним будет самому сходить туда и посмотреть, нельзя ли отыскать еще что-нибудь.

Торнтон оделся в легкий костюм. Из внутреннего кармана своего чемоданчика он извлек короткоствольный смит-вессоновский револьвер 38-го калибра. Это оружие он приобрел для поездки в Индонезию. До сих пор он только один раз брал его с собой, выходя на улицы Джакарты. Ему запомнилась неприятная тяжесть наплечной кобуры. Тогда Торнтону казалось, что каждый встречный видит ее очертания под пиджаком.

Он взвесил револьвер на ладони и решил, что это ребячество. Оружие ни разу не понадобилось ему в Индии, Бирме, Индонезии. Почему же он вспомнил о нем в Майами?

Он сунул револьвер обратно в чемоданчик и вышел из отеля.

Глава 3

Поток денег с Севера, устремившийся в южную Флориду, не затронул улицу Оливеда. Это была одна из тех медленно умирающих и загнивающих, а в прошлом деловых артерий города, каких в Майами немало. Турист, забредший сюда в поисках приключений, был бы очень удивлен. Возможно, удивление было бы горьким — эта улица многим напоминала о доме. Торнтон припарковал взятую напрокат машину между молочным фургончиком и побитым «Плимутом». Заперев дверцу автомобиля, он направился мимо забегаловки под открытым небом, прячущейся в скупой тени чахлой пальмы, мимо магазина деликатесов, мимо магазина сантехники к небольшому зданию, полностью арендованному под офисы. Компания «Артуро Делакур, Юж.Ам.» размещалась на первом этаже.

Торнтон зашел внутрь. Офис был большим и сумрачным. Барьер высотой по пояс взрослому мужчине делил помещение на две части. Большой потолочный вентилятор разгонял по комнате горячий воздух и дым сигар. В дальней части комнаты две темноволосые девушки работали за пишущими машинками, а третья праздно стояла у окна. За конторкой в

ближней половине сидел мужчина и хмурился, глядя в книжку комиксов. Потом он с отвращением отбросил ее и встал. Ростом он был примерно пять с половиной футов, глаза у него были черные, кожа — нездорового желтоватого цвета. Одет он был в элегантного покроя костюм неоновосинего цвета, экзотически сочетавшийся с черным шелковым галстуком и туфлями из крокодиловой кожи.

— Могу я помочь вам, сэр?

Торнтон представился и предъявил свои рекомендации от «Майами-Юг Экспорт».

— Меня зовут Эдуардо Энрикес, — сказал элегантный человечек. — Я заместитель управляющего этого филиала компании «Делакур».

— Могу я поговорить с управляющим?

— К сожалению, сеньор Монтемайор находится в Гаване. Он лично руководит всеми закупками, контрактами, договорами на перевозку и тому подобными делами. Быть может, вы зайдете через неделю?

Торнтон объяснил, что он не собирается покупать или продавать что-либо; его интересует информация касательно похищения груза А-42.

— Но похищение было совершено не у нас, — возразил Энрикес. — Какая информация может быть у меня?

— Ну, видите ли, довольно необычно, что кто-либо мог похитить одну-единственную партию тяжелой сельскохозяйственной техники и совершенно не обратить внимания на все остальные товары, хранящиеся на складе. Я ищу возможные мотивы.

— Да? — переспросил Энрикес. Он был похож на некоторых азиатов, которых приходилось встречать Торнтону: вежливый, непроницаемый, намеренно тупой.

— Полагаю, в вашем бизнесе есть конкуренты?

— Да, есть несколько. Но эта техника не была дефицитом. Мы можем вновь заказать и получить отправление в течение десяти дней. Чтобы нанести нам ущерб, конкуренты должны были похитить машины после того, как мы забрали их со склада. — Энрикес улыбнулся. — Возможно, мистер Торнтон, вам следует поискать среди ваших собственных конкурентов.

— Мы этим занимаемся, — ответил Торнтон. — Но мы хотим убедиться, что ничто не ускользнуло от нашего внимания. Не принесет ли вам какие-либо неприятности задержка с доставкой?

— Ничего серьезного.

— А в прошлом ваши грузы проходили через нашу компанию?

— Несколько раз в прошлом году. Почему вы спрашиваете?

— Обычная проверка, — отозвался Торнтон. — Мы проверяем производителя и отправителя в равной степени. Должна быть какая-то причина, по которой похитили только этот конкретный груз.

— Может быть, — сказал Энрикес. — А может быть, и нет.

Эта игра в вопросы и ответы явно наскучила ему. Одна из девушек взяла со своего стола стопку писем и подошла к управляющему.

— Вот эти письма готовы к отправке, сеньор Энрикес.

Девушка была очень симпатичной — стройная худощавая латиноамериканка, длинные черные волосы изящно обрамляют овальное лицо, твердый и печальный изгиб губ несколько сглаживает впечатление «девушки с картинки», создаваемое безупречными чертами.

— Очень хорошо, — ответил Энрикес. — Займитесь этим, Эстелла. И, пожалуй, купите конвертов для отправки авиапочтой.

Девушка вышла. Энрикес повернулся к Торнтону:

— Что-нибудь еще?

— Еще один вопрос. У вас когда-либо похищали грузы после того, как вы их получили?

— Нет.

— А до получения?

— Никогда.

— Благодарю вас, — сказал Торнтон. Он оставил управляющего, который вновь принялся за чтение комиксов, и вышел на улицу. Он испытывал недовольство и досаду. Это было весьма посредственное начало для его детективной карьеры.

...Он зашел в забегаловку под пальмой и заказал кофе. Кофе был столь же горьким, как и думы Торнтон. Никаких подозрений, никакого ключа, никакого следа, по которому мог бы пойти одаренный самоучка. Быть может, ему следовало подождать, пока Стивен Дэйн не прибудет в Майами. Быть может, ему вообще не следовало браться за это дело.

— Мистер Торнтон?

Он повернулся и увидел, что за соседним столиком сидит девушка из офиса «Делакура». Она по-прежнему держала в руках стопку писем. Он вспомнил ее имя: Эстелла.

— Вы пытаетесь найти похищенный груз?

— Моя компания несет за него ответственность, — ответил Торнтон. — Конечно, я хочу его найти.

— И вы в одиночку занимаетесь таким делом?

У Торнтон сложилось впечатление, что она ждет от него какой-то кодовой фразы, какого-то пароля. Он сказал:

— Я работаю вместе с мистером Стивеном Дэйном.

Несколько часов спустя эти слова стали чистой правдой.

— Вы будете осторожны с полученной информацией? Я не хотела бы, чтобы мистер Энрикес узнал, что я говорила с вами.

— Я буду чрезвычайно осмотрителен.

Она настороженно посмотрела на него, и Торнтон понял, что она пытается оценить, насколько на него можно положиться. Он решил, что она скорее красива, нежели просто миловидна. Она была в белой блузке и черной юбке, и во всей ее стройной фигуре чувствовалось напряжение — держалась она очень прямо. Судя по ее взгляду, Торнтон произвел на нее не больше впечатления, чем ящерица, греющаяся на солнце.

Неожиданно она произнесла:

— Мистер Торнтон, вы можете найти похищенный груз в заброшенном складе у пересечения шоссе номер 13 с Фламинго-роуд. Вы знаете, где это?

— Найду. Откуда вам это известно?

— От друзей, — ответила Эстелла. — Но вам не следует говорить, что вы узнали это от меня. Я могу потерять работу.

— Не понимаю, почему?

— В компании «Делакур» не одобряют вмешательства

женщин в такие дела. Им не понравится, что у меня есть друзья, располагающие такими сведениями.

Торнтону это показалось не очень-то убедительным. Но он кивнул и спросил:

— А как я объясню, откуда мне это известно?

— Возвращайтесь в отель. Оставайтесь в своей комнате примерно в течение получаса. Потом вы можете сказать, что вам позвонил по телефону какой-то мужчина, отказавшийся назвать себя. Мужчина говорил с легким немецким акцентом. Это звучит достоверно, не так ли?

— Великолепно, — отозвался Торнтон. — Почему же этот мужчина, говоривший с немецким акцентом, решил поделиться со мною сведениями?

Эстелла пожала плечами:

— Он не сказал. Никто не спросит об этом. Сведения часто приходят таким путем.

— И вы узнали это от своих друзей?

Эстелла кивнула.

— У вас интересные знакомые.

— Вас это не касается, мистер Торнтон.

— Хорошо, — сказал Торнтон. — Мне позвонил некто злобный, лысый, говорящий с немецким акцентом, хромой, со шрамом на левой щеке.

— Такие подробности необязательны. — Неожиданно Эстелла улыбнулась. — До свидания, мистер Торнтон. Пожалуйста, будьте очень осторожны.

Торнтон смотрел ей вслед, отдавая дань восхищения ее стройным ногам и прямой осанке. Она была прелестной девушкой, хотя, пожалуй, чересчур сдержанной, к тому же понимающей все буквально. Возможно, в этом было повинно испанское воспитание. На ум ему пришли рассказы об уединенных асиендах и строгих дуэньях. Он представил себе милую, очень серьезную девочку, которая ходила к обеду в белых перчатках и много размышляла о божественном. Торнтон гадал, каким образом она могла узнать о местонахождении груза, — если допустить, что ее информация была правдивой. Быть может, у нее есть приятель, как-то связанный с подонками общества? Эта мысль ему не понравилась. Эта де-

вушка была такой славной, она не могла быть замешана в подобных вещах — и дуэнья никогда не позволила бы ей этого.

Он допил кофе и вернулся к своей машине. Двадцать минут спустя он исхитрился отыскать место для парковки возле отеля. В номере он снял пиджак, закурил сигарету и снова перечитал имеющуюся информацию по грузу А-42. Он не нашел ничего, что не было бы ему известно прежде. Развернув карту дорог штата Майами, он нашел место пересечения шоссе номер 13 и Фламинго-роуд. Это место находилось примерно в пятидесяти милях от делового центра Майами по направлению к Черному мысу.

Торнтон свернул карту и спросил себя, стоит ли ему обращаться в полицию? Или ему следует подождать до вечера и сообщить информацию этому типу, мистеру Дэйну?

Возможно, это было бы наиболее разумным выходом. Но если груза там не окажется — а это вполне вероятно, — то Торнтон поставит себя в дурацкое положение с этой историей о человеке с немецким акцентом. Будет лучше сперва убедиться хотя бы в том, что заброшенный склад вообще существует. В качестве компромисса он может написать Дэйну записку и оставить ее у портье.

В тот момент это показалось ему хорошей идеей.

Глава 4

Было далеко за полдень, когда Торнтон доехал до перекрестка Фламинго-роуд и шоссе номер 13. В этом регионе некогда процветало фермерское хозяйство, но теперь земля истощилась, и поля зарастали низенькими сосенками и приземистыми пальмами. Поблизости виднелся нежилой дом с остатками фруктового сада перед ним. За домом располагался неработающий мотель, а за мотелем Торнтон заметил склад. Здание одиноко высилось у грунтовой дороги, в пятидесяти ярдах от шоссе.

Торнтон медленно двинулся по грунтовке. Он выкатился на потрескавшуюся бетонную площадку, окружавшую склад, и проехал вокруг здания на второй скорости, готовый в случае чего немедленно рвануть прочь.

Ничего не случилось. Торнтон с первого взгляда понял, что здание склада едва не разваливается на глазах. Сосновая обшивка стен покособилась и выгорела на солнце, изъязвленные железные листы на крыше были темными от ржавчины. Торнтон вышел из машины, оставив мотор работать, и направился к двустворчатым воротам склада. Обе створки изрядно просели на петлях, но ворота были заперты на новенький висячий замок.

Это было любопытно. Окна здания были заколочены. Торнтон попытался заглянуть в щель между досками, но увидел только отражение собственного глаза в пыльном стекле. Торнтон обошел здание вокруг. В десяти футах над землей он заметил выбитое окно. Он влез на помятый контейнер для мусора и заглянул внутрь склада.

Одна-единственная тусклая лампа, свисающая на проводе с потолка, отбрасывала неширокий круг света. Под лампой на канистрах из-под нефти сидели два человека. Они играли в карты, используя в качестве стола третью канистру. Рядом с ними стояли маленький примус и несколько винных бутылок. У стены были аккуратно расставлены ящики. В темноте смутно вырисовывались очертания огромного грузовика.

— Отлично, — произнес голос позади Торнтона. — Повернись-ка, только медленно.

Торнтон оглянулся и увидел высокого человека в черной куртке. Особыми приметами этого человека были кустистые брови и огромный нос. В руках у него был автомат — похоже, армейский. Должно быть, он вышел из-за угла — бесшумной походкой крадущегося кота. Торнтон стоял в десяти футах от мусорного контейнера — быть может, удастся допрыгнуть...

— И не пытайся, — сказал человек, прочитав намерения Торнтона по напрягшимся мускулам ног. — Просто медленно слезай вниз.

Торнтон спустился на землю, оказавшись лицом к лицу с этим типом. Чувствовал он себя отвратительно. Долговязый упер ствол автомата в бок Торнтона и наскоро ощупал его карманы.

— Ладно, пошли. Сюда, вокруг.

Он привел Торнтона к боковому входу и толкнул его внутрь. Несколько секунд спустя глаза Торнтона привыкли к

полумраку. Стали различимы очертания погрузочных тележек и каких-то тюков; огромной тенью нависал грузовик. Торнтон заметил, что игроки закончили очередную партию и отложили карты. Оба они были в шляпах, и падавший сверху свет оставлял их лица в глубокой тени.

— Теперь отвечай, — сказал человек в куртке, — зачем Эберхарт послал тебя?

— Я не знаю, о чем вы говорите. Я просто проезжал мимо и подумал...

— Заткнись. Анхел, возьми его бумажник.

Теперь Торнтон увидел, что остальные двое были латиноамериканцами. Один из них, низенький и коренастый, вытащил у Торнтона из кармана бумажник и отдал его человеку в куртке. Тот просмотрел содержимое и вернул бумажник Торнтону.

— У тебя тут удостоверение от «Майами-Юг».

— Конечно, — отозвался Торнтон. — Я работаю на них.

— Таким удостоверением легко обзавестись. У меня самого их два. Откуда мне знать, что тебя послал не Эберхарт?

— Я даже не знаю, кто это такой.

По-видимому, человек в куртке обдумал это заявление, но ничего по этому поводу не сказал. Он спросил:

— Как ты нашел это место?

— Это было не так уж трудно. Проверяются все склады в радиусе двадцати пяти миль от Майами. Я просто наткнулся на это место первым.

— Ты лжешь.

Торнтон пожал плечами:

— Подождите и увидите сами. Полиция будет здесь через полчаса, если я не вернусь и не доложу.

— Я все же полагаю, что ты лжешь, — сказал человек в куртке. Но на сей раз его слова звучали менее уверенно. — Руки на голову. — Он обернулся к латиноамериканцам: — Нам лучше уносить отсюда ноги. В любом случае уже пора.

Анхел кивнул. Второй спросил:

— А что делать с ним?

Этот второй был низкорослым, тощим и смуглым. Тусклый свет лампы выхватывал из темноты старый ножевой шрам, пересекающий его висок.

— Полагаю, у нас нет особого выбора, — ответил человек в куртке. — Мы оставим его и его машину здесь, в здании. Пройдет не меньше двух дней, прежде чем его найдут. Может быть, даже пара недель. — Говорил он спокойно и рассудительно — как человек, который ищет, куда бы поместить неудобный груз. Торнтон понял, что его смерть — дело решенное.

— А как насчет полиции? — спросил Хуан.

— Я думаю, что он лжет касательно обыска складов. А если даже и не лжет, что нам еще с ним делать? — В холодном голосе проскользнула нотка сожаления относительно сложившейся ситуации, но логика диктовала единственный выход.

— Хорошо, Роджер, — согласился Хуан.

Человечек со шрамом направился к грузовику. У Торнтона было время в деталях представить собственную смерть. Он не чувствовал страха, только странное оцепенение. Но какая-то часть его мозга холодно взвешивала шансы, учитывала то, что он один, а противников — трое. Эта часть сознания верила, что для любой мыши отыщется спасительная норка, если у мыши хватит ума найти ее. Торнтон потихоньку продвигался вперед, пока не оказался прямоком под лампочкой. Его ноги слегка подрагивали. Хуан скрылся в кабине. Через несколько секунд двигатель кашлянул, оживая. Хуан добавил оборотов, потом заглушил двигатель, затем включил снова. Из выхлопной трубы вырвалось облачко дыма. Роджер слегка повернул голову в ту сторону.

Торнтон избрал именно этот момент, чтобы начать действовать. Он сжал в замок руки, лежащие на голове, потом прыгнул и с размаху ударил по лампочке кольцом выпускника колледжа, которое носил на левой руке. Лампочка разбилась, и склад затопила темнота. Торнтон упал на пол за миг до того, как две пули прошли воздух в том месте, где он только что стоял.

— Включи фары! — закричал Роджер. — Анхел, где твой пистолет? Беги к боковой двери — не дай ему уйти! Хуан, да зажги же наконец фары!

Торнтон вскочил на ноги и бросился к задней двери. Он налетел на погрузочную тележку, больно ударившись обеими

ногами. Тележка тронулась с места, и сразу же по ней начали стрелять из двух стволов. Торнтон продолжал бежать, выставив одну руку перед собой, а другой защищая лицо. Вытянутая вперед рука ударилась об опорную колонну, и Торнтон спрятался за нею. Едва он сделал это, как зажглись фары грузовика. Они светили в противоположном направлении, а отраженный свет лишь слегка рассеивал мглу. Позади грузовика, там, где скрывался Торнтон, тьма была совершенно непроглядной.

— Анхел! — закричал человек в куртке. — Ты уже у задних ворот?

— Почти, — отозвался Анхел; голос его прозвучал чертовски близко от укрытия Торнтон. — О'кей, Роджер, я уже на месте.

— Теперь ему не уйти. Хуан, у нас есть еще одна лампочка?

— По-моему, нет.

— Ладно. Возьми из кабины фонарик и иди сюда.

Торнтон видел боковую дверь. Узенькие полоски света пробивались между разошедшимися досками. Затем плотная фигура Анхела заслонила эти проблески. Луч фонарика высвечивал темные углы, пробегал по тюкам пеньки и пыльным картонным коробкам. Торнтон распростерся на бетонном полу и пополз прочь от этого непоседливого луча, стараясь все время оставлять колонну между собой и человеком с фонарем. Плечо Торнтон уперлось в тюк. Он пошарил рукой вокруг и наткнулся на низкий деревянный ящик. Внутри ящика оказались инструменты. Торнтон взял гаечный и разводной ключи и пополз дальше.

— Анхел, будь повнимательнее. Не дай ему проскользнуть мимо тебя.

— Не проскользнет.

— Хуан, ты что-нибудь заметил?

— Нет еще. Возможно, он прячется за каким-нибудь тюком.

— Не позволяй ему наброситься на тебя.

— Если попытается — схлопочет пулю.

Им приходилось перекрикивать гулкий рокот работающего вхолостую двигателя. В этом шуме не слышен был тихий шорох — Торнтон заполз за длинный ряд тюков. Он раздумывал, удастся ли ему прорваться мимо противников к

грузовику. Вероятно, нет, ведь тогда он попадет в освещенное фарами пространство. Он огляделся и заметил свет, сочившийся сквозь заколоченное окно. Торнтон подполз туда и ощупал доски. Они были гнилыми. Возможно, ему удастся проломить их с первой попытки, если его не застрелят раньше.

Луч фонаря приближался. Торнтон бросил гаечный ключ через все помещение и услышал, как тот ударился о стену. Кто-то выстрелил на звук, и луч фонаря устремился в ту сторону.

Торнтон вскочил и с короткого разбега ударил плечом в доски, закрывающие окно.

Доски выдержали.

— Он там! — закричал Роджер.

Торнтон метнул разводной ключ на свет фонарика и услышал крик боли. Фонарик упал на пол и медленно покатился в сторону, его узкий луч освещал теперь только потрескавшийся бетон. Торнтон снова ударил всем телом в доски и почувствовал, что они поддались. Теперь он мог просунуть между ними руку. Он ухватился за доски и дернул изо всех сил. Доски вылетели, и Торнтон увидел оранжево-синее закатное небо. Он нырнул в пролом головой вперед.

Упал он на левое плечо, ударившись головой, но тут же вскочил на ноги. Он слышал, как открылась боковая дверь. Должно быть, Анхел сейчас выскочит из-за угла; Роджер и Хуан, наверное, выпрыгнут в окно следом за беглецом. Торнтон побежал прочь от склада к густым зарослям карликовых пальм — пальметос. Ему предстояло пробежать около тридцати ярдов. Он слышал выстрелы позади, но знал, что не так-то легко попасть в движущуюся цель из револьвера. При малейшей удаче...

И тут он услышал сухой треск пистолетного выстрела, донесшийся из тех зарослей, к которым он бежал. Он и не думал о том, что снаружи тоже могла быть охрана.

Оказавшись под перекрестным огнем, Торнтон бросился на землю. Роджер и Анхел приближались, за ними следом бежал Хуан. Миг спустя Торнтон осознал, что они стреляют не в него; они пытались попасть в человека, скрывающегося в зарослях пальметос.

Тот человек открыл ответный огонь. Торнтон услышал,

как страшно захрипел один из преследователей — это был Анхел. Он согнулся пополам, схватившись за живот, опустился наземь, еще раз захрипел и замер, скорчившись. Роджер и Хуан побежали обратно к складу.

Торнтон лежал на земле и смотрел — от потрясения и боли он не мог двинуться с места. Ворота склада распахнулись, и оттуда вылетел грузовик, с ходу набирая скорость. Раздалось еще несколько выстрелов, потом грузовик выехал на грунтовку и помчался прочь. На шоссе он свернул налево и поехал в северо-восточном направлении. Торнтон провожал его взглядом, пока грузовик не скрылся из виду.

Послышались шаги. Над Торнтоном стоял стрелок из зарослей. Это был худошавый высокий человек, одетый в костюм из серого вельвета, с неярким галстуком. У него были прямые темно-русые волосы и приятного вида лицо, отмеченное печатью некоторой замкнутости. На вид ему можно было дать от тридцати до сорока лет. Он изучающе-вежливо взирал на Торнтон.

— Я Стивен Дэйн, — представился человек. Он сунул в карман пиджака револьвер, который все еще держал в руке, и продолжил: — А вы, я полагаю, Уильям Торнтон.

Тщательно подобранные слова не оставляли сомнений касательно того, о чем думал Дэйн: кто еще, кроме Уильяма Торнтон, мог лежать на земле с ошеломленным видом? Торнтон встал.

— Я хочу поблагодарить вас, — сказал он, — и принести извинения. Думаю, я поступил опрометчиво, явившись сюда в одиночку.

Дэйн кивнул.

— Что ж, я уверен, что это не повторится, — произнес он.

Торнтон попытался привести себя и свой костюм в порядок. Он решил, что мистер Стивен Дэйн ему, пожалуй, не нравится.

Глава 5

Анхел лежал, скорчившись на земле, глаза его были закрыты. Дэйн стрелял, лежа в зарослях, и его пуля, попав Анхелу в живот, прошла легкое и вышла из спины. Дэйн не-

много постоял над мертвым, чуть сутулясь, как будто пытаюсь пронзить взглядом глубокую синь флоридских сумерек. Потом он повернулся и направился к машине Торнтона.

— Что теперь? — спросил Торнтон.

— Мы сообщим об этом в полицию Майами. Вы заметили номер грузовика?

— Я не подумал об этом, — признался Торнтон. — Вы полагаете, полиция их разыщет?

— Я бы не рассчитывал на это, — ответил Дэйн. — Кажется, эти люди действуют весьма организованно.

Машина Дэйна была припаркована у шоссе. Они сели в автомобиль Торнтона и постарались как можно скорее добраться до ближайшего кафе. Оттуда Дэйн позвонил в полицию, при помощи Торнтона сообщив приметы грузовика и людей. Затем он позвонил в майамскую резиденцию ФБР. Когда они вернулись к складу, первый полицейский наряд уже был там.

Больше десятка полицейских копошились возле здания. По большей части это были специалисты, занятые изучением следов шин, отпечатков пальцев и прочих улик. Сумерки быстро переходили в ночь, поэтому несколько человек были заняты установкой осветительных приборов. Седовласый человек в штатском принялся расспрашивать Торнтон, делая пометки в потертом черном блокноте. Торнтон рассказал ему обо всем, умолчав лишь об Эстелле. В качестве объяснения, откуда ему известно об этом складе, он воспользовался байкой о мужчине с легким немецким акцентом.

После этого его оставили в покое. И он наконец-то начал осознавать случившееся. Ноги подкашивались, руки слегка дрожали. Он присел на подножку автофургончика следственной лаборатории и стал просто наблюдать за происходящим. Два человека в штатском беседовали с Дэйном. Еще один передавал сообщения по рации. Торнтон слушал и смотрел, чувствуя легкое головокружение и гадая, занимается ли кто-либо поисками грузовика с преступниками. С его точки зрения, действия присутствующих были неорганизованными и несколько нелепыми, но, вероятно, эти люди знали, что делают.

Исследования места происшествия тянулись бесконечно,

а потом как-то внезапно завершились. Тело Анхела отнесли в санитарную машину, специалисты собрали свои камеры и измерительные приборы, полицейские автомобили уехали один за другим.

Дэйн подошел и тронул Торнтон за плечо.

— Как насчет того, чтобы выпить?

— Естественно, почему бы нет?

— Полагаете, вы сможете вести машину?

— Конечно.

Сев каждый в свою машину, они вернулись в Майами и завернули в коктейль-бар возле Линкольнской дороги. После двойной порции шотландского виски Торнтон снова почувствовал себя почти нормально. Он с интересом стал присматриваться к своему спасителю.

На вид Дэйну было порядком за тридцать. Хотя с первого взгляда он показался Торнтону необычайно высоким, но теперь Билл видел, что Дэйн был не выше шести футов. Но загар и худоба прибавляли ему роста. В общении он был вежлив и сдержан, говорил негромко и, судя по всему, превосходно владел собой. В эту минуту он был мало похож на того безжалостного и меткого стрелка, каким впервые предстал перед Торнтоном. Но и сейчас Торнтон ощущал в нем бесстрастную и беспощадную собранность, смертоносную сосредоточенность, которую только подчеркивали вежливые манеры. Торнтон подумал, что не хотел бы быть врагом мистера Дэйна; да и друзьям приходилось, видимо, быть настоящим.

Несмотря на такой исследовательский подход, Торнтон был застигнут врасплох словами Дэйна:

— Мистер Торнтон, я считаю, что вам следует серьезно подумать о том, чтобы бросить это дело.

— Простите?

— Эта работа не для вас. Зачем же и дальше заниматься ею?

— Я действую по поручению корпорации «Майами-Юг», — автоматически ответил Торнтон.

— Ради чего? Это дело расследуется полицией, страховой компанией, окружной прокуратурой и как минимум двумя ведомствами федерального правительства. Не слишком ли много пальцев уже сунуто в кувшин?

— Но у нас, бесспорно, свой интерес, — возразил Торнтон. — «Майами-Юг» находится в центре следствия. Мы можем потерять торговую лицензию. Учитывая эти обстоятельства, мы сочли необходимым провести собственное расследование.

— Вы и в самом деле думаете, что вашу компанию могут обвинить в преступлении, которого она не совершала?

— Да, я так думаю.

Дэйн нахмурился, между его бровями пролегли три глубокие вертикальные морщины. Темные глаза стали отстраненно-печальными. Он медленным и неуверенным движением зажег сигарету — как будто делал это впервые.

— Мистер Торнтон, боюсь, вы не знаете, о чем говорите. В таких делах вы дилетант, к тому же не особо одаренный, насколько я могу судить. Вы уже достаточно близко познакомились со всеми прелестями подобных дел. Если не отступить, то в следующий раз можете оказаться не столь удачливым.

— Полагаю, я этого заслуживаю, — отозвался Торнтон. — Мистер Дэйн, я признателен вам за спасение моей жизни. Но я не намерен подчиняться вашим приказам.

— Я не пытаюсь приказывать вам. Я просто предупреждаю.

— Поверьте, я осознаю опасность подобных дел, — сказал Торнтон. — Но в нашей стране совершается множество преступлений, и иногда дилетанты — к примеру, репортеры — успешно расследуют их. Почему бы и мне не последовать их примеру?

На лице Дэйна отразилось нечто похожее на изумление. Морщины между бровями разгладились.

— И как же выглядит это дело с вашей точки зрения?

— Насколько я понял, — начал Торнтон, — несколько вооруженных человек подъехали на грузовике к складу, принадлежащему моей компании. Они представили поддельный путевой лист, пытаясь вывезти партию сельскохозяйственного оборудования. Будучи застигнуты на месте преступления, они открыли огонь на поражение.

Помолчав несколько секунд, Дэйн холодно произнес:

— Понятно.

— А разве есть другая точка зрения?

— Естественно, возможна и другая.

— И какая же? — спросил Торнтон.

Лицо Дэйна стало абсолютно каменным. Глаза словно покрылись корочкой льда. Он смотрел на Торнтона так, словно видел его впервые.

— Я могу приказать вам оставить это дело, — сказал Дэйн.

Для Торнтона это было уж слишком. События происходили так быстро, что он не успевал освоиться с ними. Сперва долгий и неприятный перелет из Джакарты через Рим, Лондон и Нью-Йорк. Едва он приземлился в Майами, как сразу был брошен в самый водоворот событий. Прелестная девушка с улыбкой послала его в ловушку, а вооруженные люди охотились за ним в темноте, как за кроликом. А теперь холодный как рыба тип из правительства делает ему выговор. И в довершение ко всему жутко болят ушибленные во время беготни по складу ноги.

— Ладно, — сказал Торнтон, тщательно следя за своим тоном, — черт с вами и вашим делом. Вам не надо даже приказывать. Я и так намерен бросить это.

Хотя предположительно это было именно то, чего хотел Дэйн, вид у него был невеселый. Он спросил:

— А «Майами-Юг»?

— Черт с ними, — бездумно ответил Торнтон. — Я собирался уходить в другую компанию.

— И часто вы так переходите с места на место?

— Так часто, как считаю нужным. Еще вопросы будут?

Дэйн улыбнулся и покачал головой.

— Тогда прощайте, мистер Дэйн. Спасибо вам за то, что спасли мою жизнь сегодня. Удачи вам в вашем деле.

— Удачи вам, мистер Торнтон, — отозвался Дэйн. — Возможно, ваше решение было мудрым.

Но вместо того, чтобы принести облегчение, эти слова заставили Торнтона чувствовать себя еще хуже. Он вышел из бара и вернулся в отель. В номере он заснул, как только голова его коснулась подушки.

Глава 6

Утром Торнтон заказал кофе и тосты в номер. Он решил, что лучше всего будет уехать в Нью-Йорк, по возможности скорее, предварительно сообщив Райерсону о своем увольнении. У Торнтон в Нью-Йорке есть кое-какие знакомства. Можно немного отдохнуть, сходить в театр — в общем, не особо торопиться с поисками нового места работы. Можно даже снять маленькую квартиру. Как славно было бы наконец-то забрать свои книги и записи из камеры хранения.

Но он знал, что не будет снимать квартиру. Он остановится в точно таком же отеле, как этот, и оттуда будет обзванивать своих знакомых. И скорее всего не позже чем через месяц ему снова предстоит поездка на Восток.

От этих мыслей Торнтону стало грустно. Он пил кофе, сидя на кровати, и пытался подсчитать, сколько отелей он сменил за последние шесть лет. Через сколько аэропортов прошел, в сколько автобусов и поездов садился? Когда-то путешествия были для него удовольствием; потом удовольствие превратилось в работу, и теперь все страны были похожи одна на другую.

Звонил телефон, и медсестра из Центральной больницы города Майами сообщила, что его желает видеть мистер Джеймс Холлис. Торнтон ответил, что будет немедленно.

В Центральной больнице стояла тишина, словно в музее — в музее человеческих страданий. Сияющая чистота коридоров вызвала у Торнтон мимолетную мысль о том, что и сам он смертен. Палата Холлиса находилась на четвертом этаже.

— Не затягивайте посещение, ограничьтесь несколькими минутами, — предупредил Торнтон врач. — Он все еще очень слаб.

Торнтон кивнул и вошел в палату. Юное лицо Холлиса было почти таким же белым, как хрустящие простыни его постели. Когда он заговорил, голос его был не громче шепота:

— Мистер Торнтон? Вы мистер Торнтон?

— Верно. Как вы себя чувствуете, Холлис?

— Хорошо. Мистер Райерсон был здесь вчера. Он сказал, что вы ведете расследование от имени компании.

Торнтон неохотно кивнул.

— Я хочу предупредить вас. Это очень опасные люди, мистер Торнтон. Если бы вы видели, как они убили Джима Моррисона. Это было ужасно.

От этого слабого, невыразительного шепота Торнтон бросило в дрожь.

— Они стреляли по Джиму из какого-то автоматического оружия. Похоже на винтовку, но стреляло, как автомат.

— По описанию смахивает на «АВБ», — вслух отметил Торнтон.

— Простите, сэр?

— Автомат-винтовка Браунинга, — уточнил Торнтон, нахмурившись. Ему трудно было представить гангстеров, которые использовали бы такое громоздкое и приметное оружие, как тяжелый длинноствольный автомат-винтовка. Это было еще одно обстоятельство этого дела, которое, казалось, не укладывалось в рамки здравого смысла.

Холлис сказал:

— Я читал в газетах, что «Майами-Юг» подозревают в соучастии. Это же ерунда, правда?

— Конечно, ерунда.

— Никто в «Майами-Юг» не сделал бы такого, — продолжал Холлис. — Я хочу сказать, они не стали бы стрелять в собственного работника. И в полицейского. Правда, мистер Торнтон?

— Конечно, не стали бы. Холлис, я думаю, вам надо отдохнуть. Вы все еще слабы.

— Да, сэр. На самом деле я просил вас прийти, мистер Торнтон, потому что я вспомнил кое-что. Я думаю, что лучше сказать вам первому, потому что вы тоже работаете на компанию. Я не думаю, что это что-то очень важное.

— Итак? — спросил Торнтон.

— У одного из тех людей на руке было кольцо. Очень приметное — сине-белый орел с тремя красными точками вокруг головы. Может быть, знак какой-то организации или клуба. Наверное, по нему можно его выследить.

— Я постараюсь, — отозвался Торнтон.

— Это кольцо носил не человек в черной куртке, — сказал Холлис так тихо, что Торнтону пришлось наклониться, чтобы расслышать его слова. — Оно было у человека, которого звали Хуан. Но вам надо искать человека в куртке. Он стрелял из автомата.

Торнтон поблагодарил его и вышел из палаты. Он спросил у дежурившего снаружи врача о состоянии Холлиса.

— Думаю, с ним все будет в порядке, — ответил врач. — Пуля вошла ему в грудь под углом и вышла через боковую часть грудной клетки. Жизненно важные органы не затронуты, но шок и потеря крови...

Торнтон попрощался с врачом и ушел. Вернувшись в отель, он рухнул в кресло, упершись ногами в платяной шкаф, и попытался собраться с мыслями.

Что ему до этого дела? Райерсон поручит расследование кому-нибудь другому. Холлис лежит в больнице, оборудованной по последнему слову медицины. А мистеру Стивену Дэйну явно не нужна ничья помощь.

А еще есть Эстелла. По всей видимости, она играет в какую-то сложную и опасную игру. Красивая девушка. Благодаря ей его едва не убили.

Торнтон зажег сигарету, выкурил ее до половины, потом затушил. Он встал и начал ходить по комнате взад-вперед. Встреча с Холлисом была совершенно излишней. Торнтону пришлось напомнить себе, что в данных обстоятельствах умнее всего было бы уволиться и уехать. Это вовсе не трусливое бегство; это просто отстранение от дела, которое его совершенно не касается.

Он резко поднял телефонную трубку, попросил соединить его с международным аэропортом Майами и заказал билет на первый же самолет до Нью-Йорка. Самолет улетал в ноль часов десять минут. Пусть так. Дело сделано.

Не совсем. Нужно было еще позвонить Райерсону. Это будет крайне неприятно.

Торнтон закурил другую сигарету и снова снял трубку. Он начал набирать номер «Майами-Юг», но потом бросил трубку, вскочил и опять принялся расхаживать по комнате.

Нью-Йорк и номер в отеле. Быть может, следует остановиться в «Статлере». Работу найти несложно. Затем снова ко-

мандировки. В Лондоне он останавливался в «Ритце». В Париже — в «Жорже Синге». В Риме тоже был отель «Ритц». Стамбул в этом отношении был хуже, но теперь там построили новый «Хилтон». Номер следует заказывать заранее. Пять мест багажа...

Зазвонил телефон. Торнтон снял трубку, и незнакомый голос спросил мистера Торнтона.

— Я слушаю. Кто это?

— Мистер Торнтон, полагаю, мы сможем обсудить вопрос нашей обоюдной выгоды.

— Конечно. Обоюдной выгоды в чем?

— Партия сельскохозяйственных машин.

— Если вы хотите складировать груз...

— Нет, мистер Торнтон. Вы знаете, о каком грузе я говорю. Я представляю весьма заинтересованного покупателя.

— Боюсь, что не понимаю, о чем речь.

— Вы разочаровываете меня, мистер Торнтон. Пожалуйста, не будьте столь непроходимо глупы. Груз номер А-42.

— Если вы имеете в виду похищенную партию, — сказал Торнтон, — то ее все еще не нашли.

— Вам предложили за нее более высокую цену? Надеюсь, вы еще не приняли решения?

— Кажется, вы не поняли. Груз А-42 похищен. Если бы даже его не украли, он уже был продан. Я понятия не имею, где он находится. Понимаете?

— Понимаю, но поверить не могу. Пойдите нам навстречу, мистер Торнтон. Я прошу вас оценить ситуацию заново.

— Кто вы такой?

— Мы готовы заплатить вам премиальные сверх установленной цены. Я верю, что вы не подведете нас.

— Кто вы такой, черт побери? — закричал Торнтон. — Вы — Эберхарт?

— Очень мило было побеседовать с вами, — сказал человек. — Мы скоро обсудим это.

Раздался щелчок, и Торнтон тоже повесил трубку. Этот человек говорил с легким немецким акцентом. Это обстоятельство едва не заставило Торнтона рассмеяться: все это казалось какой-то нелепой шуткой. Быть может, мистер Эбер-

харт в придачу еще и хромой и у него на лице шрам? Торнтон надеялся, что это так.

Он не мог прийти ни к какому сознательному решению. Невозможно было взвесить и оценить все эти неуловимые порывы, эмоции, вызываемые мыслями о Райерсоне, Холлисе, Эстелле и Дэйне. Невозможно было понять, где верность фирме, а где вспышка отвращения при мысли о новых путешествиях. Торнтон не мог даже понять, действительно ли он изменил свое мнение или просто следует по пути наименьшего сопротивления.

Он снял трубку и позвонил Дэйну в отель.

— Мистер Дэйн? Я решил остаться в деле, пока не будет доказана непричастность «Майами-Юг».

Дэйн ответил:

— Я рад это слышать, мистер Торнтон.

— Не знаю, говорили ли вы мистеру Райерсону о моем решении, принятом прошлой ночью, но...

— Не говорил. Я подумал, что вы, возможно, измените свои намерения.

— Понимаю. У меня есть для вас кое-какая информация.

— Хорошо. Я тоже нашел кое-что, возможно, представляющее для вас интерес. Вы можете приехать сейчас?

— Могу, — ответил Торнтон. Отчего-то он вдруг почувствовал себя гораздо лучше. Прежде чем выйти из отеля, он позвонил в авиакомпанию и отменил свой заказ.

Глава 7

Когда Торнтон вошел, Дэйн сидел в кресле за длинным столом. Перед ним аккуратными стопочками были разложены бумаги. На одном краю стола лежал огромный том «Предписаний по грузоперевозкам в южных портах». С другой стороны — свернутая вчетверо карта Флориды и Карибского моря. В стеклянном стакане стояла дюжина тщательно заточенных карандашей, а рядом — банка с растворимым кофе. Дэйн сделал кое-какие уступки удушливой сентябрьской жары, то есть снял пиджак, развязал галстук и закатал рукава рубашки до локтя. Сейчас он был похож на необычайно

пунктуального служащего какой-нибудь конторы. Торнтону пришлось сделать усилие, чтобы напомнить себе, что это тот же самый мистер Дэйн, который недавно застрелил человека и сделал это с уверенностью, свидетельствующей о наличии большой практики.

— Входите и садитесь, — сказал Дэйн. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Я отрываю вас от дела?

— Не совсем. Я только что свел воедино материалы нескольких рапортов.

— Полиция нашла тот грузовик?

— Нет еще. Поиски продолжаются. Мистер Торнтон, не могли бы вы пояснить, почему вы вдруг изменили свои намерения касательно участия в этом деле?

Торнтон и сам этого не знал. Конечно, юношеский восторг от игры в жуликов и сыщиков здесь был ни при чем, как и удовольствие от пребывания в обществе Стивена Дэйна. Торнтон небрежно произнес:

— Полагаю, я устал кочевать из одного отеля в другой.

— Это может стать очень веской причиной, — отозвался Дэйн. — Любой может устать вечно жить на чемоданах.

— Вот-вот.

Дэйн вежливо кивнул.

— Кажется, по телефону вы упомянули о полученной вами информации?

Торнтон передал ему то, что Холлис рассказал о кольце Хуана, а также поведал о телефонном звонке от предполагаемого мистера Эберхарта. Дэйн откинулся в кресле, глядя в потолок и не выказывая ни малейшего признака интереса. Но все же он попросил Торнтон повторить описание кольца.

— Сине-белый орел с тремя красными точками вокруг головы. Это важно?

— Не особенно, — ответил Дэйн. — Но это поможет нам обрисовать общую картину.

— Картину чего? — Когда Дэйн не ответил, Торнтон сказал: — Мистер Дэйн, я считаю, что вы со мной неоткровенны.

— Возможно, и так, — спокойно согласился Дэйн.

— Мне это не нравится. Я полагал, что мы собираемся работать над этим делом вместе. Я рассказал вам все, что знал.

— И ожидаете ответной откровенности?

— Конечно.

— Думаю, вы правы, — сказал Дэйн. — Именно такого принципа я и придерживаюсь.

Дэйн поднялся из-за стола, пересек комнату и открыл дверь спальни. Оттуда вышла Эстелла. На скулах ее горели красные пятна, левая рука была забинтована. Взгляд, брошенный ею на Торнтон, выражал в лучшем случае сильную неприязнь.

— Вы еще не обыскали его? — обратилась она к Дэйну. — Он может быть вооружен.

— Я не считаю это необходимым, — отозвался Дэйн.

— Погодите, — вмешался Торнтон. — Что все это значит?

Дэйн пояснил:

— Мисс Варгас полагает, что вы — агент на службе у иностранных властей.

Это было настолько нелепо, что Торнтон едва не рассмеялся вслух. Эти правительственные сыщики всегда готовы принять облачко пара за привидение. Следующим номером Дэйн обвинит его в симпатиях к коммунистам! Должно быть, он заразился этим от прелестной, но сумасбродной мисс Варгас.

— Несомненно, мисс Варгас имеет определенные основания для таких предположений, — сказал Дэйн. — Возможно, вы хотите услышать о них?

— Конечно. Я буду рад послушать о том, что пригрезилось мисс Варгас.

— Пожалуй, лучше будет начать с самого начала, — произнес Дэйн. — Мистер Торнтон, скажите — только честно, — вы по-прежнему утверждаете, что груз, похищенный со склада вашей компании, — это всего лишь партия сельскохозяйственных машин?

Глава 8

— Конечно, — машинально ответил Торнтон.

— Он лжет! — заявила Эстелла Варгас. — По лицу видно, что лжет.

— Минутку, — вмешался Дэйн. — Давайте рассмотрим происходящее с логической точки зрения. Мистер Торнтон, вы сознаете, что полиция Майами проявляет необычайную активность в отношении данного преступления?

— Это естественно. Ведь было совершено убийство.

— И вы знаете, что к расследованию подключились ФБР и Департамент финансов — это обстоятельство даже вам должно показаться экстраординарным.

— Я об этом не думал, — признался Торнтон. — О методах, применяемых полицией, я знаю весьма немного.

Судя по взгляду Эстеллы, она ему не верила. Она начала было что-то говорить, но тут же умолкла.

Дэйн сказал:

— Значит, участие в расследовании муниципальной полиции, полиции штата, ФБР и Департамента финансов, и все это по случаю убийства местного масштаба, не кажется вам странным?

— Теперь, когда вы указали на это, я понимаю, что это действительно странно.

— А что вы можете сказать касательно самого преступления? — спросил Дэйн. — Вы видите в нем что-либо необычное?

— Не думаю, — отозвался Торнтон. — Банда вломилась на склад и пыталась увезти партию груза. Когда они были застигнуты сторожем и полицейским, то действовали, как я полагаю, импульсивно. — Он задумался на несколько секунд. — Ведь и раньше на складах происходили кражи.

— Конечно. Но в данном случае грабителям отлично были известны все процедуры вывоза груза со склада. Они были чрезвычайно хорошо подготовлены и имели в запасе массу времени. Но, несмотря на то что в их распоряжении был огромный грузовик, они не забрали ничего, кроме груза А-42. Проверив список грузов, хранящихся на складе, я обнаружил несколько партий более ценного и более ходового товара, чем сельскохозяйственное оборудование.

— Об этом я тоже не думал, — сказал Торнтон. — Возможно, они не знали об этих товарах.

— На многих контейнерах было обозначено их содержимое. На виду стоял контейнер с пишущими машинками —

куда более ходовой товар, чем сельскохозяйственные машины, к тому же представляющий куда большую ценность на единицу веса. Еще более ценный и куда более транспортабельный груз — большая партия деталей для транзисторных приемников. Я еще заметил алмазные сверла. Но, по словам Холлиса, налетчики интересовались только этой единственной партией машин, которые практически невозможно продать.

— Ладно, — согласился Торнтон, — признаю, что нечто весьма странное в этом есть. Но если в грузе А-42 было не сельскохозяйственное оборудование, то что в нем было?

— Оружие и боеприпасы! — воскликнула Эстелла. — И вам это хорошо известно!

— Это невозможно, — возразил Торнтон. — Это попросту нелепо. Эти машины предназначались компании «Делакур», совершенно законному покупателю. Закуплено оно было у компании «Бойс Дармин», эта фирма существует уже почти сто лет. Оборудование было прислано с их бирмингемской фабрики в опломбированных контейнерах. В Майами его доставило обычное бюро грузоперевозок. А после этого...

— Думаю, нам известны все стадии закупки и продажи товаров, — прервал его Дэйн. — Тем не менее в этих ящиках находилось оружие, точно так же, как в двух предыдущих партиях, поставленных вами компании «Делакур».

— Нет, минутку...

— Мы проследили путь контрабандного оружия из Соединенных Штатов, — сказал Дэйн. — Нет никаких сомнений и есть веские доказательства того, что «Майами-Юг Экспорт» замешана в эту торговлю, вне зависимости от того, известно это ее администрации или нет.

У Торнтонна возникло ощущение, что он внезапно оказался в чем-то нелепом сновидении. Лицо Дэйна было совершенно невозмутимым. Он походил на человека, изучающего под микроскопом образцы клеточных культур. Быть может, это окажутся безвредные микроорганизмы, а быть может, чумные бациллы.

Торнтон наконец произнес:

— Даже если допустить, что все сказанное вами правда, это еще не означает, что «Майами-Экспорт» как-то замеша-

на в преступлении. Мы не открываем опломбированные контейнеры. Мы полагаем, что получаем именно то, что было заказано.

— Это не очень-то правдоподобно.

— Но тем не менее это правда. И кроме того, если вы знали, что мы торгуем оружием, почему же вы не вмешались?

— Таможенное бюро планировало захватить этот груз при погрузке на корабль. Они медлили в надежде найти тех, кто возглавляет это дело. Должно быть, кто-то проболтался. Груз похитили для того, чтобы не дать таможене США наложить на него арест.

— Понятно.

— Очень важно, чтобы этот груз не достиг места своего назначения, — вмешалась Эстелла.

— Конечно, я понимаю это, — согласился Торнтон. — Но не можете ли вы объяснить, на каком основании вы učinяете мне перекрестный допрос?

Дэйн и Эстелла обменялись взглядами. Дэйн сказал:

— Я не хочу выдвигать фальшивые обвинения. Но некоторые вещи, касающиеся вас, мистер Торнтон, трудно объяснить. Если даже не принимать во внимание последнюю запись в вашем досье, которая при пристальном изучении кажется весьма подозрительной, остается еще тот факт, что после вашего появления в Майами события значительно ускорились.

Теперь Торнтону казалось, что из путаного сновидения он попал в кошмар.

— А что не так с последней записью? О чем, черт побери, вы говорите?

— Вы не можете, по крайней мере, оставить этот тон оскорбленной невинности? — спросила Эстелла.

— Вы либо истеричка, либо вообще сошли с ума, мисс Варгас.

— Я? А почему индонезийские власти арестовали вас в 1958 году за провоз оружия для мятежников Суматры?

— Все иностранцы, находившиеся в тот момент на Суматре, были арестованы, — парировал Торнтон. — Помимо контрабанды оружия, мне еще предъявили обвинения в том, что я коммунист, фашист, революционер и голландский тер-

рорист. Разве в досье не сказано, что я был полностью оправдан?

— По требованию Госдепартамента, — заметил Дэйн.

— Разве там не указано, что все обвинения были сняты? Что мне по-прежнему разрешен въезд в Индонезию?

— Совершенно верно, — отозвался Дэйн. — Сам по себе этот инцидент не представляет интереса. Но невезение сопутствовало вам — припомните вашу работу на корпорацию «Эдгар Джонсон». Двое служащих «Джонсона» до сих пор находятся в тюрьме за нелегальный ввоз оружия в северную Бирму.

Торнтон почувствовал, что краснеет. Он предпочел бы забыть свое короткое и несчастливое сотрудничество с «Эдгар Джонсон».

— Я ничего не знал об их нелегальной деятельности. Я занимался торговлей в рамках закона. Следствие установило, что многие работники фирмы не имели понятия о том, что происходит.

— Это тоже правда. Против вас не было прямых улик, и вас даже не вызывали в суд по этому делу. Но очевидно, что несчастья преследуют вас, мистер Торнтон. Вы постоянно оказываетесь там, где осуществляется контрабанда оружия.

— То же самое можно сказать про любого торгового агента на Ближнем Востоке, — возразил Торнтон. — Или в Африке и Южной Америке, если уж на то пошло. Все знают, что контрабандная деятельность процветает. Но не все замешаны в ней.

— Мистер Эберхарт считает, что вы замешаны.

— Мистер Эберхарт ошибается.

— Когда мисс Варгас сообщила вам о местонахождении похищенного товара, почему вы не поделились этой информацией с полицией или со мной?

— Я хотел сначала проверить. Я хотел убедиться, что товар действительно находится там.

— Вы отправились на этот склад, хотя мисс Варгас предупреждала вас, что это опасно?

— Признаю, что вел себя, как последний идиот, — ответил Торнтон. — Но вы видели, что из этого вышло. Меня едва не убили.

— Я видел нечто похожее на погоню со стрельбой, — парировал Дэйн. — Чудесный спектакль с грандиозным финалом. Насколько я понимаю, это могло происходить и по-настоящему. Но что-то ваши преследователи стреляли на редкость плохо.

— Вы считаете, это было подстроено? — оскорбился Торнтон.

— Не знаю. Я знаю только, что грузовик с партией оружия исчез в неизвестном направлении. И знаю, что мисс Варгас подвергла себя нешуточной опасности, рассказав вам об этом складе.

— А разве я в этом виноват?

— Прошлой ночью, — пояснил Дэйн, — менее чем через четыре часа после вашего с ней разговора кто-то пытался застрелить ее из винтовки с глушителем.

— А какое участие принимает во всем этом мисс Варгас? — спросил Торнтон.

— Она работает на правительство Коруны.

Торнтон кивнул. Коруна была маленькой центрально-американской республикой, зажатой между Никарагуа, Гондурасом и Сальвадором. Это была прекрасная и даже относительно процветающая страна. Правительство избиралось сроком на три года и осуществляло политику гибкого контроля над государством, такой порядок установился после свержения хунты, возглавляемой Франциско Рохасом. Но за последние полгода в стране произошло два неудавшихся путча, а также были намеки на готовящееся вторжение. На взгляд Торнтона, Коруна нуждалась скорее в регулярной армии, нежели в шпионских службах.

Дэйн продолжал:

— Мисс Варгас работала здесь под прикрытием — до прошлой ночи.

— Отлично, — хмыкнул Торнтон. — А я, в качестве главы шпионской организации, приказал убить мисс Варгас. Что еще вы вычитали в моем досье?

— Хотела бы я знать, — вступила в разговор Эстелла Варгас, — почему вы отказались от ведения следствия, но потом передумали и вернулись? Сначала вы испугались разоблачения, так? А потом вам предложили заплатить побольше...

— Да, конечно, все именно так, — иронично подтвердил Торнтон. — Почему бы вам не арестовать меня?

— Прошу вас сохранять спокойствие, мистер Торнтон, — сказал Дэйн.

— За каким чертом я должен сохранять спокойствие? Вы притаскиваете меня сюда и обвиняете в том, что я участвовал в контрабанде оружия, убил полицейского, ранил мальчишку и приказал убрать мисс Варгас. Почему бы вам попросту не арестовать меня и тем самым не сорвать всю операцию?

— Никто не говорит о вашем аресте, — возразил Дэйн. — Поставьте себя на мое место. Я хочу, чтобы этот груз не попал в руки тех, кому он предназначался. Мой долг — проследить все нити, ведущие к этому делу. Почему я должен делать для вас исключение?

— Не должны. Но ваши обвинения...

— Я не обвинял вас. Я задавал вопросы. Если бы я действительно считал, что вы замешаны в этом деле, то я бы не обмолвился об этом ни словом. Я выжидал бы, собирал улики, и в нужное время вы были бы арестованы.

— Мистер Дэйн, я не понимаю, — сказала Эстелла. — Мы не знаем, на кого работает этот человек, но очевидно...

Дэйн жестом руки попросил ее успокоиться.

— Не давайте ввести себя в заблуждение, мисс Варгас. Я рад, что мы прояснили ситуацию. Хорошо, что все это оказалось на виду, поскольку нам предстоит отныне работать всем вместе.

— Вместе? Мистер Дэйн, это бессмысленно. Торнтон либо преступник, либо дурак. В любом случае он опасен для нас.

Торнтон ответил, стараясь сдерживаться:

— Мисс Варгас, я не получил никаких разъяснений по поводу истинной природы этого похищения, никакой предварительной информации. К тому времени, как мне поручили вести это дело, я пробыл в Майами всего несколько часов после двух лет пребывания на Востоке. А что касается работы с вами, то я не допускаю и мысли об этом. Вы — последний человек, с которым мне хотелось бы работать.

Дэйн откинулся на спинку кресла. Он улыбался, хотя Торнтону казалось, что во всем этом нет ничего смешного.

— Сейчас важнее всего, — произнес Дэйн, — не дать этому грузу попасть в руки заказчика. Полагаю, мы все согласны с этим.

Торнтон и Эстелла хмуро посмотрели на него. Казалось, общая неприязнь к мистеру Дэйну на миг объединила их.

— Значит, за работу, — подытожил Дэйн. — Мисс Варгас, полагаю, у вас есть информация, в каком направлении вести поиски?

Эстелла неохотно кивнула.

— А мы с Торнтоном побеседуем кое с кем, — продолжал Дэйн. — Верно, Торнтон?

Торнтон кивнул. И тут же осознал, что Дэйн нашел хороший предлог, чтобы приглядывать за ним.

Глава 9

Сначала они заехали в местное отделение ФБР, размещавшееся в деловом центре города. Они прошли по сумрачному коридору к комнате в дальнем конце. Дэйн постучался и вошел.

Маленький кабинет был залит солнечным светом. Все здесь было просто и функционально, вся мебель — металлическая, кроме единственного кресла, обтянутого кожей. В этом кресле сидел молодой человек с шевелюрой песочного цвета и читал газету. Когда Дэйн вошел, молодой человек свернул газету и положил ее на стол.

— Возвращение блудного агента, — произнес он с легким южным акцентом.

— Привет, Том, — отозвался Дэйн. — Хочу представить тебе мистера Уильяма Торнтона. Он работает вместе со мной по делу о складах. Торнтон, это Том Дэйвис.

Они пожали друг другу руки. Дэйвис спросил:

— Ты сейчас работаешь на Госдепартамент, Стив?

— Нет, — ответил Дэйн. — На Департамент финансов.

— За тобой не уследишь, — сказал Дэйвис, раскуривая тонкую коричневую сигару. — Я слышал, что ты здесь, но никто не сказал мне, в качестве кого ты здесь. Такие мелкие подробности их не интересуют.

Дэйн сел и закинул руки за голову. Казалось, он грезит о чем-то отвлеченном.

— Я полагаю, — продолжал Дэйвис, — что тебе нужны данные относительно похищенного оборудования.

— Мистер Торнтон знает, что в контейнерах было оружие и боеприпасы, — сказал Дэйн.

— Понимаю, — отозвался Дэйвис.

— И это все, что знает мистер Торнтон, — дополнил Дэйн.

— Понятно, — сказал Дэйвис. — Но в общем-то ничего особо нового нет. В поисках грузовика нам не повезло. Местные власти перекрыли дороги в радиусе двадцати миль, но, я полагаю, слишком поздно. Или же грузовик спрятан где-то поблизости. Окружная полиция все еще обшаривает район.

— По поводу грузовика совсем ничего не известно? — спросил Дэйн.

— Абсолютно. Вероятно, сейчас его уже перекрасили и сменили номера. К тому же держу пари, что грузовиком больше не воспользуются. Наверняка сейчас эти контейнеры путешествуют через штат, спрятанные в копне сена или гряде овощей.

— Есть еще что-нибудь?

— Все словно воды в рот набрали, — пожаловался Дэйвис. — Постоянные осведомители или ничего не знают, или предпочитают молчать. Это действительно крупное дело, Стив. Примерно на миллион долларов. Быть может, они испугались.

— Как велики шансы на то, что им удастся вывезти это оружие за пределы страны? — спросил Торнтон.

Оба собеседника воззрились на него с некоторым удивлением. Торнтону стало неловко, как будто он проник на собрание некоего тайного общества.

— Трудно сказать, — ответил ему Дэйвис. — По счастью, во Флориде не более восемнадцати глубокоководных портов рангом от первоклассных до более-менее приемлемых. Это если допустить, что они будут действовать через порт. Если же они решат перевезти груз на корабль, стоящий в море на якоре, проблема становится сложнее. Протяженность береговой линии Флориды составляет более трех тысяч миль.

— Что-нибудь еще? — спросил Дэйн.

— Да. Человека, которого вы застрелили у склада, звали Анхел Моралес. Из Пуэрто-Рико. Там он отсидел три года за вооруженное нападение. До этого он привлекался в Нью-Йорке за хранение марихуаны, но обвинение не подтвердилось. Мы нашли отпечатки пальцев человека по имени Хуан. На него в наших файлах ничего нет. Человек в черной куртке — Роджер Стиччини. Мелкая рыбешка из Тампы. Отсидел восемь лет, с 1938-го по 1945-й, за убийство при отягчающих обстоятельствах. В 1945 году в Джексонвилле привлекался к суду за убийство, но был оправдан за отсутствием улик. После этого работал тут и там в качестве иностранного наемника. Был капитаном карательного отряда во время правления Хименеса в Венесуэле. Бежал из страны, чтобы не быть схваченным собственными солдатами. Недолгое время служил Сомосе, но по неясным причинам был вышвырнут из Никарагуа. Последние два года о нем ничего не было слышно. На кого он работает сейчас, неизвестно.

При этих словах Дэйвис улыбнулся; Дэйн усмехнулся в ответ. Члены тайного общества смеялись над чем-то, понятным только им.

— Ты когда-нибудь слышал о человеке по имени Эберхарт? — спросил Дэйн.

— Нет. Но я поищу в файлах. А он тут с какой стороны втиснут?

— Ни с какой, — ответил Дэйн. — Но пытается втиснуться. Спасибо, Том. Звони мне, если что-нибудь найдешь.

— Позвоню, — сказал Дэйвис. — Приятно было познакомиться с вами, мистер Торнтон.

Они вернулись в машину Дэйна и поехали в офис «Майами-Юг». Райерсон выглядел усталым и обеспокоенным. Он вежливо пожал руку Дэйна, но не смог скрыть скептического выражения лица. Дэйн сказал:

— Мистер Райерсон, мне кажется, между вами и властями, ведущими расследование, возникло некоторое непонимание.

— И это вы называете непониманием! — фыркнул Райерсон. — Ваши люди пытаются отобрать у меня торговую лицензию.

— Существуют подозрения, что ваша компания занималась операциями, не входящими в ее компетенцию. Но с вашей помощью я смогу прояснить это дело.

— Может быть, — с сомнением произнес Райерсон.

— Хотелось бы знать, что вы можете сказать по поводу компании «Делакур».

— Говорить особо нечего. Они обратились к нам примерно год назад. Они хотели импортировать различные промышленные товары для покупателей в Доминиканской Республике, Мексике и Венесуэле. Мы выяснили, что у них имеется приличный кредит, и потому заказывали и поставляли им товары. Это должен был быть третий контракт на поставку.

— А что вы можете сказать по поводу производителей, у которых закупали товары? — спросил Дэйн.

Райерсон выдвинул ящик стола и извлек стопку бумаг, скрепленных скоросшивателем.

— Последний поставщик — это «Бойс Дармин». А до этого «Делакур» заказывал пишущие машинки, оборудование для офиса и детали для двигателей. Здесь все записано.

Дэйн просмотрел бумаги и кивнул.

— Они закупали большинство товаров у «Бойс Дармин»?

— Верно.

— Я вижу, что предыдущие партии груза перевозились кораблями панамского направления, принадлежащими пароходству Стайвоса Маррачоса. По каким причинам этой линии отдавалось такое исключительное предпочтение?

— Заказчик ранее вел дела с Маррачосом, — ответил Райерсон. — Как бы то ни было, это не наше дело. В контракте уже был проставлен корабль и порт его стоянки.

— Какой порт?

— Заказчик желал вести дела через Порт-Какао, в нескольких милях отсюда к северу.

— Кто доставлял товар с фабрики на ваш склад?

— Компания по грузоперевозкам «Акме-Централь». За подробными сведениями вам лучше обратиться к Филу Джексону. Транспортировка грузов находится в его ведении.

— Могу я встретиться с ним сейчас? — осведомился Дэйн.

— Он сейчас на работе, — ответил Райерсон.

...Джексон наблюдал за погрузкой партии холодильников в заводской упаковке. Это был загорелый человек маленького роста, с блекло-голубыми глазками и острой мордочкой хорька.

— Конечно, — сказал он Дэйну. — Я заключаю договора на транспортировку груза от завода-производителя до склада и со склада на корабль. Это моя работа.

— Почему вы пользуетесь услугами транспортной компании «Акме-Централь»?

— У них подходящие расценки, — ответил Джексон. — Мы всегда прибегаем к их услугам, когда вывозим что-нибудь из Бирмингемского округа. Это хорошие партнеры. У них разумные цены, и они соблюдают график. В таком деле это очень важно.

— Вы когда-либо пользовались услугами других грузоперевозчиков в Бирмингемском округе?

— Мы работали с «Юго-Восточным экспрессом».

— Почему вы прекратили работу с ними?

— Это не мы, это они отказались от контрактов с нами. Они решили, что рейсы во Флориду больше не выгодны им.

— Полагаю, это было примерно тогда, когда президент «Экспресса» был уличен в получении взяток?

— Полагаю, что так, — согласился Джексон. — Но ни я, ни моя компания тут были ни при чем. И кроме того, сейчас мы работаем с «Акме». Разве и они тоже под подозрением?

Дэйн улыбнулся, но не ответил.

— Вы можете просмотреть наши записи по «Акме», — предложил Джексон. — Там все сказано, как есть.

— Я в этом уверен, — отозвался Дэйн. — А что вы можете сказать относительно пароходства Маррачоса?

— Это хорошая компания, — сказал Джексон. — Именно они должны были перевозить этот похищенный груз. Для этого было выделено грузовое судно «Гелиос». Причал номер 2, Порт-Какао.

— «Гелиос» уже пришел?

— Насколько я знаю, нет, — ответил Джексон. — Эти маленькие суденышки приходят когда им вздумается, забирают груз и уходят. Их опоздания — наше вечное несчастье.

Они беседовали еще несколько минут. Затем Дэйн и Торнтон ушли.

...Следующим пунктом их назначения было правительственное здание на 3-й улице. Поднявшись в Таможенное бюро, они застали там Джона Фредерикса, главу отдела. Он ждал их.

— Ну, Дэйн, — начал он, — мы едва не застучали их на прошлой неделе. Они готовились перевезти груз на «Гелиос», а мы собирались надеть на них наручники. Быть может, нам не следовало ждать так долго.

— Это был наилучший способ, — напомнил Дэйн.

— Знаю. Но теперь мы не получили вообще ничего. Я проинструктировал все местные таможенные и портовые власти, чтобы они высматривали «Гелиос», просто на всякий случай. Береговая охрана тоже задействована. Но корабль не возвращался ни в Порт-Какао, ни куда-либо еще. Видимо, нет смысла. Вероятно, сейчас это оружие уже вывезено за пределы страны.

— Откуда такие выводы? — спросил Дэйн.

— Просто из горького опыта. Береговая линия Флориды чересчур длинная, а таможенные пункты разбросаны слишком далеко друг от друга. У нас с этим столько проблем, сколько нет ни в одном другом штате. Меня перевели сюда два месяца назад из округа Саванна, и я мечтаю о том, чтобы вернуться туда.

На одной из стен висела карта Флориды и Карибского моря до самой Коста-Рики. Фредерикс махнул рукой в ее сторону.

— К Майами приписано огромное количество яхт, целый флот. Выйдя отсюда, можно через несколько дней достигнуть любого из полудюжины заграничных портов. Коммерческие рейсы доставляют нам массу хлопот, но яхты — это что-то невозможное. Их пути нельзя проследить, а ведь на многих из них нелегально перевозятся оружие, наркотики или люди. Это каша, которую некому расхлебывать. Всякий раз, когда какой-нибудь идиот желает провезти контрабанду на Кубу или в Доминиканскую Республику, вся таможенная служба и береговая охрана стоят на ушах.

— И не только они, — заметил Дэйн.

— Верно, — признал Фредерикс. — Центрально-американское бюро постоянно вкатывает нам выговоры за то, что

не получает сведений о месте назначения каждого самолета, вылетающего из каждого аэропорта Флориды — а этих аэропортов две сотни! Но что мы можем поделать? Несколько лет назад был героин. Теперь мы пытаемся пресечь торговлю оружием. Но на все нужно время. Я не думаю, что нам удастся задержать этот груз.

— Что бы вы сделали, если бы вам нужно было вывезти это оружие? — спросил Дэйн. — Как бы действовали вы?

Фредерикс задумался на несколько секунд.

— Ну, поскольку это груз тяжелый и объемный, то я при возможности воспользовался бы грузовым судном. Перевозка на яхтах займет много времени. Я послал бы агента в какой-нибудь порт, где не так строго следят или можно договориться с начальством. Там я прибыл бы на причал и погрузил бы груз на корабль совершенно легально.

— Я бы действовал точно так же, — согласился Дэйн.

— Я принял все меры, какие мог. Все таможенные и портовые власти в южной Флориде предупреждены о том, что следует внимательно проверять каждый груз, поступающий в течение нескольких следующих недель. Мы также присматриваем за большими яхтами и караулим «Гелиос».

— Возможно, это сработает, — сказал Торнтон.

Фредерикс покачал головой.

— Вы мало знаете о контрабанде оружия, молодой человек. Пожалуй, единственный способ остановить контрабандиста — это конфисковать его товар.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Эберхарт? — спросил Дэйн.

— Это имя мне незнакомо. Но, как я уже сказал, я здесь недавно. Если он имеет какое-либо отношение к контрабанде, — мрачно добавил Фредерикс, — рано или поздно я о нем услышу.

Следующую остановку они сделали в штаб-квартире полиции Майами. Там в расспросы было вовлечено несколько человек. Торнтон рассматривал графики дежурств и фотографии в отделе регистрации, пока Дэйн вел с лейтенантом по-

лиции непонятный и совершенно безрезультатный разговор. Наконец они вышли из здания и сели в машину.

— Почти четыре, — сказал Дэйн, глядя на часы. — Пожалуй, следует сделать перерыв на некоторое время.

Торнтон чувствовал себя совершенно разбитым, насквозь промокшим от пота и почти сварившимся заживо. Он отметил, что Дэйн был по-прежнему свеж и собран.

— И чего мы добились этим марафоном? — спросил Торнтон.

— Поддержки постоянного давления.

— То есть?

— Мы должны поторопить всех, кто замешан в этом деле, — пояснил Дэйн. — На данный момент мы имеем активное сотрудничество множества местных и государственных агентств. Но у них есть и другая работа. Совершаются — или скоро будут совершены — другие кражи и другие убийства. Пройдет несколько дней, и сотрудничество станет менее активным. Поэтому мы должны действовать сейчас — или заставить действовать других.

— Понимаю, — медленно сказал Торнтон. — И именно поэтому вы вывалили на меня всю эту чепуху о моей возможной преступной деятельности? Вы надеялись, что что-то случится?

— Существует возможность, что это отнюдь не чепуха, — улыбнулся Дэйн.

Торнтон обдумал это заявление.

— А зачем же вы таскали меня повсюду? Чтобы те, кто замешан в преступлении, подумали, что я знаю больше, чем на самом деле?

— Полагаю, что они могут подумать так.

— А если в следующий раз стрелять будут в меня?

Дэйн пожал плечами. Похоже, его мало заботило, кто в кого будет стрелять, — важно, что дело стронулось с мертвой точки.

— Чудесная система, мистер Дэйн, — сказал Торнтон. — Никто не знает позиций всех остальных. Вы просто распространяете атмосферу всеобщей подозрительности.

— Я не стал бы так расстраиваться по поводу слов мисс Варгас, — заметил Дэйн.

— А почему вы решили... Черт с ним! — махнул рукой Торнтон. — Я возвращаюсь в отель. Мне нужно принять душ.

— Хорошая идея. У нас впереди еще целый вечер.

— Опять кого-то будем подгонять?

— Возможно, — отозвался Дэйн. — Как бы то ни было, обещаю вам хороший ужин.

— Мы будем оказывать давление на метрдотеля?

Дэйн неожиданно усмехнулся.

— Нет. Но я хочу представить вас очень интересному человеку.

— Я не хочу встречаться с интересными людьми.

— Придется, — сказал Дэйн. — Это поможет вам завершить свое образование. И как я уже сказал, обещаю вам превосходный ужин.

— За чей счет?

— Возможно, заплатит интересный человек, — ответил Дэйн. — А если нет, то буду платить я.

— И вы всегда так хорошо относитесь к подозреваемым? — спросил Торнтон.

— Всегда, — заверил его Дэйн, — поскольку все это — за счет правительства.

Торнтон был слишком утомлен, чтобы спорить. Дэйн довез его до отеля и пообещал заехать за ним в восемь вечера.

Глава 10

Портье сообщил Торнтону, что в его отсутствие ему четыре раза звонил один и тот же человек. Звонивший не назвал своего имени. Также пришло два письма. Торнтон забрал их и поднялся в номер.

Одно письмо было от Дорис, его замужней сестры, жившей в Уотербери. В объемистом послании излагались смешные истории о муже и детях Дорис, сообщалось о здоровье дядюшки и пересказывались все новости и сплетни о приятелях и знакомых. «А ты знаешь, что Бобби Рейнс женился? А Дэн Макдональд, твой старый школьный приятель, помолвлен с девушкой из Рэдклиффа. А ты слыхал, что Эллиот

Эйджер, кажется, нашел счастье во втором браке? Видишь, Билл, такое случается!»

Ее забота о нем была почти осязаема. Плотная почтовая бумага палевого цвета, ровные черные строчки просто исходили этой заботой. После смерти матери Дорис взяла на себя обязанность беспокоиться о нем; в этой привилегии ей невозможно было отказать.

Второе письмо пришло от Пола Ленсинга, приятеля Торнтон. Сейчас Пол работал в торговой фирме «Керлайсл» в Сан-Франциско. Торнтон решил, что прочтет это письмо после того, как примет душ.

Освежившись и побрившись, он почувствовал себя совсем другим человеком. Разыскав свежую рубашку и костюм, он уселся читать письмо Пола.

С Полом Ленсингом они познакомились в Индии. Примерно неделю они жили в одном коттедже на окраине Бароды, пока Пол не уехал на север, в Пакистан, где его ждала новая работа. Теперь, вернувшись в родимый офис, Пол не принужденно, но отнюдь не небрежно обрисовывал в своем письме обстановку в торговых кругах Западного побережья. Конечно, он слышал о происшествии в «Майами-Юг»: новости распространяются быстро. Он сочувствует. Но он отмечает общую нестабильность торговли в Карибском бассейне. Тарифы и квоты меняются каждый день, никогда нельзя сказать, кто будет у руля и как долго, невозможно даже угадать, когда твоя фирма будет конфискована и национализирована.

В конце письма Торнтону предлагалась работа. Он может вылететь в Сан-Франциско за счет «Керлайсл», посмотреть, как идут дела, поговорить с управляющими отделами, подумать. Никаких обязательств. Однако, писал Ленсинг, «Керлайсл» — это крупная компания с устойчивым капиталом, которой будет очень полезен человек, хорошо знающий Восток.

Торнтон отложил письмо. Он снова напомнил себе, как мало он должен «Майами-Юг». Он может отказаться от ведения дела. Он может сказать «до свидания» всем махинациям Дэйна, подозрениям Эстеллы, страхам Райерсона. Он может упаковать чемоданы и начать все заново в Калифорнии.

Эта мысль не вызвала у него энтузиазма. Слишком часто он начинал все сначала. Предложение действительно было многообещающим, но оно могло подождать.

Зазвонил телефон, и Торнтон поднял трубку. Наконец-то этот человек дозвонился — с пятой попытки.

— Мистер Торнтон?

— Да. Полагаю, это мистер Эберхарт?

Последовала долгая пауза, потом собеседник произнес:

— Да. Мистер Торнтон, вы не передумали?

— Здесь не о чем думать.

— Если дело в цене...

— Нет, — прервал его Торнтон. — Поймите, Эберхарт, я не могу продать вам оружие, потому что у меня его нет. Вы можете это понять?

С тем же успехом можно было толковать что-либо дубовому пню.

— Мистер Торнтон, я должен получить это оружие. Таков приказ. Назовите ваши условия.

— Черт бы вас побрал, я не могу назвать условия! У меня нет оружия! Я не знаю, где оно!

— Значит, вы не согласны, — промолвил мистер Эберхарт. — Боюсь, что этим вы навлекаете на себя большие неприятности, мистер Торнтон.

Затем раздался шелчок — Эберхарт повесил трубку.

Ровно в восемь часов Торнтон вышел из отеля. Дэйн захватил за ним столь же пунктуально. Он вырлил на Бискайский бульвар и поехал по направлению к 79-й улице. Торнтон рассказал Дэйну о звонке Эберхарта и о его отказе поверить в то, что он, Торнтон, не знает, где спрятано оружие.

— У многих преступников мозги работают только в одну сторону, — сказал Дэйн. — Эберхарт знает, что вы были в пустом складе, где сперва было спрятано оружие. Ему известно о вашем прошлом, когда вы близко соприкасались с контрабандой оружия. И он знает, что я придерживаю вас при себе. Этого ему достаточно, чтобы увериться окончательно.

— Он угрожал мне.

— Вам следует быть осторожным, — кивнул Дэйн. Он

сказал это так, как будто разъяснял, что улицу следует переходить только на зеленый свет.

Целью их поездки оказался ресторан «Испанский дуб», располагавшийся на Коллинс-роуд неподалеку от Серфсайда. С одной стороны от ресторана находился мотель «Арабские ночи», с другой — торговый дом «Старинный гобелен», и ресторану приходилось прилагать все усилия, чтобы выжить в столь блистательном окружении. Нижняя половина здания, залитая потоком бегущих огней, была стилизована под гасиенду. Верхнюю часть украшали готические бойницы и зубчатые парапеты из искусственного камня. На остроко-нечных башенках полоскались под порывами океанского бриза знамена непонятной расцветки.

У дверей ресторана Дэйна и Торнтон встретил усатый метрдотель. Он провел их в главный обеденный зал, где им отвели столик и вручили меню размером со средневековый фолиант. По опыту Торнтон знал, что цены, как правило, прямо пропорциональны величине меню.

К их столику подошел круглолицый лысеющий человек в смокинге. Он улыбался и дружески протягивал руку.

— Дорогой мой мистер Дэйн! Я так счастлив, что вы посетили мой ресторан!

— С полным моим удовольствием, — тепло отозвался Дэйн. Он пожал круглолицему руку. Его улыбка выражала искреннюю приязнь. — Генерал Мендоса, позвольте вам представить мистера Уильяма Торнтона.

Торнтон пожал небольшую холеную, но тем не менее твердую и сильную ладонь Мендосы.

— Быть может, генерал не откажется присоединиться к нам за стаканчиком вина? — спросил Дэйн.

— Буду счастлив, — ответил Мендоса, садясь за стол. — Но я больше не генерал. Теперь я просто мистер Мендоса. Как вам хорошо известно, мистер Дэйн, искусство войны далеко опередило все мои познания. Теперь мое единственное желание — владеть приличным рестораном в этом прекрасном городе.

За спиной Мендосы появились два официанта. Почти немедленно к ним присоединился распорядитель винного по-

греба, мрачный старик, одетый в черное и носящий на шее цепь с подвешенным к ней ключом — знак своей должности.

— Что мы будем пить ради такого замечательного случая? — спросил Мендоса. — Шампанское? Мистер Дэйн, мистер Торнтон, вас это устроит?

Торнтон кивнул. Дэйн сказал:

— Во время нашей последней встречи, генерал, мы пили коньяк.

— Помню. И рюмка хрустнула прямо у вас в руке, а? У вас все еще остался шрам?

Дэйн приподнял рукав. По внутренней стороне его широкого мускулистого запястья тянулся нитевидный, едва заметный шрам.

— Как скоро затягиваются старые раны! — промолвил генерал. — Скоро у вас ничего не останется на память обо мне.

— Я всегда помню вас, — ответил Дэйн, — есть у меня шрам или нет. Люди такого калибра, как вы, — редкость в этом мире.

— Вы меня ошеломили, — признался генерал. — В самом деле. Но вы всегда были щедрым человеком.

Торнтон с досадой слушал этот нескончаемый поток комплиментов. У него было ощущение, что разговор идет на языке, который он едва-едва понимает. Это действовало ему на нервы. Кажется, все здесь знают всех — кроме него самого.

— Мистер Торнтон — ваш коллега? — спросил Дэйна Мендоса.

— Можно сказать, коллега, — отозвался Дэйн.

Мендоса счел это весьма забавным. Он обратился к Торнтону:

— Вы только посмотрите на него! У нашего мистера Дэйна все — «можно сказать». Он у нас, можно сказать, неуловимый!

Торнтон вежливо улыбнулся, хотя понятия не имел, о чем говорит генерал.

— Да-да, — продолжал Мендоса, обращаясь к нему, — вам не следует обманываться на его счет. О, наш старый добрый мистер Дэйн! Больше всего на свете он любит надевать на себя этакую англосаксонскую маску — спокойствие, вежливость, осторожность. Но под этой неприметной внешнос-

тью скрывается пламенная натура, как у истинного латиноамериканца. Вы еще не заметили этого, мистер Торнтон? Вы не заметили, что мистер Дэйн выполняет свою работу — в чем бы она ни заключалась — в столь неподражаемом стиле, с присущим только ему чутьем и размахом?

— Ваш собственный стиль столь же неподражаем, генерал, — заметил Дэйн.

— Ах, — вздохнул Мендоса с наигранной печалью, — я слишком много говорю. Но чего ожидать от уже немолодого эмигранта? Чего ожидать от латиноамериканца, склонного к пространственным рассуждениям? И когда ты уже не можешь много делать, остается только много говорить.

Мендоса действительно говорил много; но это многословие не меняло выражения его немигающих кошачьих глазок. Этот полнеющий человек в вечернем фраке сохранял военную выправку. У Торнтона сложилось впечатление, что Мендосе нравится болтать ерунду. Он тщательно культивировал эту клоунскую маску, так же, как Дэйн — свой образ осматривательного человека.

После вина Мендоса попросил разрешения заказать для них ужин. Они с Дэйнсом продолжали беседовать. Торнтон решил, что эти двое некогда были близкими друзьями. И происходило это явно в Южной Америке.

— А теперь вы в Майами, — сказал Мендоса. — Можно ли надеяться, что вы задержитесь здесь подольше?

— Зависит от обстоятельств, — ответил Дэйн. — Возможно, что дело вскоре будет завершено. Тогда я должен буду отбыть.

— Это будет печально. Я еще даже не показал вам свой дом. Это чрезвычайно уютное обиталище.

— Уверен в этом, — отозвался Дэйн. — Я хотел бы когда-нибудь взглянуть на него.

— Вам и вашему другу у меня дома всегда рады. В любое время, когда вам позволят обязанности агента ЦРУ.

— Сейчас я работаю на Департамент финансов, — поправил Дэйн.

— Конечно. Я и забыл, насколько вы непоседливы.

— В этом мы схожи.

Мендоса расхохотался.

— Я больше не непоседлив. Поверьте мне, мистер Дэйн, то, что я делал в юности, как будто бы совершал совсем другой человек. Войны и завоевания — иллюзия; куда более ценны покой и ясность. Я испросил американского гражданства.

— Знаю, — кивнул Дэйн.

— Мое единственное желание — остаться здесь и мирно заведовать этим маленьким рестораном. Непоседливость — это болезнь, которую излечивают годы.

— Я не ждал услышать подобное от вас, генерал, — сказал Дэйн. — Несколько лет назад...

— Это были тревожные времена, — поспешно прервал его Мендоса. — Я счастлив, что эти времена позади.

После трапезы Дэйн и Торнтон собрались уходить. Дэйн полез было в нагрудный карман за бумажником, но Мендоса положил ладонь на его руку.

— Нет, мистер Дэйн, оставьте это удовольствие мне.

— Благодарю вас, генерал, но я настаиваю на том, что платить должен я.

— А я отказываю, — возразил Мендоса. — Вы платили в прошлый раз. В Каракасе, помните?

Дэйн улыбнулся и кивнул.

— На этот раз удовольствие причитается мне, — сказал Мендоса.

Глава 11

— И что вы о нем думаете? — спросил Дэйн на обратном пути в отель Торнтон.

— Трудно сказать, — отозвался Торнтон, помолчав несколько секунд. — Он много говорит.

— Он нервничал.

— И он, кажется, хорошо вас знает.

— Можно сказать, что знает.

— «Можно сказать!» «Наш старый добрый мистер Дэйн!» Он на самом деле был генералом?

— О да. При Пересе Хименесе он был большим человеком в Венесуэле. Он командовал одной из немногих армий, которые не были разбиты при первом же натиске повстанцев. После того как борьба стала безнадежной, он отступил из Ка-

ракаса в Баранквиллю. Это был впечатляющий маневр. Если бы у Хименеса было еще два таких генерала, он остался бы у власти.

Дэйн помолчал несколько минут. Машина свернула на 79-ю улицу.

— Еще до Венесуэлы Мендоса сделал чрезвычайно интересную карьеру. Он был начальником тайной полиции во время правления Стресснера в Парагвае, до беспорядков сорок восьмого года. Стресснер почему-то решил, что Мендоса работает на две стороны, и потому Мендосе пришлось уходить через границу в Боливию. С собой он захватил немалую долю «Эль Банко де Парагвай». В Боливии он недолгое время был весьма популярной персоной. Он продавал там парагвайские военные секреты. Боливийцы страстно желали узнать их, они по-прежнему помнили чакскую войну. Потом Мендоса сбежал из Боливии.

— Почему?

— Оказалось, что его сведения были неточными.

— А в нашем деле Мендоса замешан?

— Буду очень удивлен, если это не так.

— Но почему вы так думаете? Разве какие-либо улики указывают на это?

— На определенном уровне, — пояснил Дэйн, — не нужны прямые улики, чтобы предположить участие человека в деле; достаточно умозаключений. Если вы связались с перевозкой оружия в Карибском бассейне, то следует знать, что этими перевозками управляют — на самом верху — несколько человек. Поскольку Мендоса находится в Майами, мы вправе заключить, что он участвует в игре, если не будет доказано обратное.

Торнтон почувствовал легкое замешательство. Он мог представить себе цепочку подозрений, ведущую к некоему совершенно непредставимому мистеру Икс. Но Дэйн указывает на человека, не имея для этого совершенно никаких видимых улик! И все же, когда Торнтон думал об этом, он находил логичным, что главари одной властной структуры должны знать главарей другой. Доказательства — это другой вопрос; но глава ведущей преступной группировки может сохранять анонимность не в большей степени, нежели глава государства.

Они подъехали к отелю, где проживал Торнтон. Когда Дэйи остановил машину у края тротуара, Торнтон сказал:

— Полагаю, наш визит к Мендосе усилил давление?

— Надеюсь, — ответил Дэйи. — Думаю, факт вашего появления вместе со мной подхлестнул любопытство генерала. Он должен гадать, какую роль вы играете в этом деле.

— Он достаточно легко может узнать, что я работаю на «Майами-Юг».

— Вероятно, он уже знает это, но сомневаюсь, что он в это поверил. Для Мендосы вы еще одна неизвестная в уравнении. Это должно тревожить его.

— Разве люди не пытаются сократить в уравнении лишние неизвестные?

— Пытаются.

— И что дальше?

— Мы просто подождем и посмотрим, что выйдет, — сказал Дэйи. — Я позвоню вам завтра.

Портье сказал, что никто не передавал для Торнтонa никаких посланий. Торнтон взял у него ключ от номера, поднялся на лифте на одиннадцатый этаж, отпер дверь, вошел и нажал выключатель.

Свет не зажегся. Кто-то, стоявший до этого за дверью, с силой захлопнул ее. Торнтон услышал шум и отшатнулся за миг до того, как что-то тяжелое и твердое врезалось в стену в том месте, где он только что стоял.

В комнате царил полный мрак — видимо, занавески были задернуты. Торнтон чувствовал запах пота и чеснока. Кто-то крался к нему в темноте. Торнтон ударил, и его кулак задел чье-то плечо. Он ударил снова и промахнулся. Удар по ребрам отбросил его к стене. По-прежнему ничего не видя, он выпрямился и вновь нанес удар. На этот раз его кулак врезался во что-то твердое и выпуклое, и запястье пронзила боль. Видимо, он попал налетчику по голове. Он прицелился кулаком пониже, стукнув по шее. Присев, он нанес еще один удар, в живот.

За спиной Торнтонa послышались шаги. Он попытался обернуться, но в черепе словно взорвалась бомба. Торнтон почувствовал, что плывет по воздуху, как будто сила тяжести вдруг исчезла совсем.

...Когда Торнтон пришел в себя, он обнаружил, что лежит на полу в своем номере. Свет был включен. Кто-то подложил ему под голову подушку и накрыл ноги одеялом. «Очень любезно с чьей-то стороны», — подумал он. Он попытался сесть, потом решил, что делать этого не следует. Комната стремительно расплылась перед глазами.

Когда зрение вновь стало отчетливым, Торнтон заметил, что рядом с ним стоит на коленях Эстелла Варгас. Она сняла с его лба мокрую салфетку и положила другую. Первую салфетку она бросила в тазик, стоящий на полу позади нее, и с тревогой посмотрела на Торнтон.

— Вы можете говорить? — спросила она. — Надеюсь, у вас нет сотрясения мозга.

— Нет, полагаю, сотрясения нет, — ответил Торнтон. Он сел, чувствуя слабость и дурноту. Кожу головы словно бы несколько дней вялили на солнце. На затылке была большая шишка. На ощупь — не меньше бильярдного шара.

— Кто ударил меня?

— Не знаю, — отозвалась Эстелла. — Когда я вошла в ваш номер, вы лежали на полу без сознания. Вашу комнату, судя по всему, обыскали.

Осторожно поворачивая голову, Торнтон осмотрелся. Занавески на окне были раздвинуты. Содержимое его чемоданов было вывалено на пол, подкладка всех костюмов вспорота. Даже матрас на кровати зиял разрезом.

— Управляющий отеля будет чрезвычайно рад, — хмыкнул Торнтон. Он решил было подняться, но потом передумал и остался сидеть, осторожно ощупывая затылок.

— Сильно болит? — спросила Эстелла.

— Естественно. Мисс Варгас, вы видели этих людей?

Она покачала головой:

— Когда я вошла в номер, свет был выключен и выключатель не работал. У меня в сумочке был карманный фонарик, и я огляделась. Оказалось, что пробки были выкручены. А вы лежали на полу и стонали.

— Прелестная картинка, — сказал Торнтон. — Ну что же, мисс Варгас, вам должно быть понятно, что эти люди ударили меня по голове и обыскали мой номер, чтобы обеспечить мне достоверное прикрытие.

— Пожалуйста, мистер Торнтон...

— А возможно, здесь никого и не было. В этом случае я сам устроил тут беспорядок, а потом шарихнул себя по голове. Какой вариант вам больше нравится?

— Поверьте, — сказала Эстелла, — я очень сожалею, что подозревала вас. Я должна доверять мнению мистера Дэйна. Я прошу прощения, если сказала что-то оскорбительное для вас.

— Забудьте, — отозвался Торнтон. Экспериментальным путем он выяснил, что может сесть в кресло, не испытывая особых мучений. В голову ему пришла некая мысль. — Мисс Варгас, если вы звонили в номер от портье, вы не могли получить ответа.

На бледном оливковом лице Эстеллы появился легкий румянец.

— Ну, по правде говоря, я и не звонила. Я просто поднялась вверх.

— В самом деле? И обнаружили, что дверь открыта?

— Нет, она была закрыта. Я постучалась, но вы не ответили. Поэтому я... я...

— Вы решили войти во что бы то ни стало. И как вам это удалось сделать без ключа?

— Двери номеров в отеле очень легко открыть, — пробормотала Эстелла. Она чувствовала себя крайне неловко.

— Вы пришли, чтобы произвести в моей комнате обыск, не так ли?

— Сначала да. Но на самом деле мне и мысли не пришло...

— Уверен, что нет, — сказал Торнтон. Он дошел до шкафа, чтобы взглянуть на свои вещи. Выглядели они так, словно над ними хорошо потрудились вооруженный бритвой сорванец.

— И все же вы обыскали комнату? — спросил он.

— Да. Я подумала, что эти люди оставили что-нибудь. Какие-нибудь улики.

— Звучит правдоподобно.

— Это правда. Мистер Торнтон, у меня были веские причины подозревать вас. Возможно, мистер Дэйн считает, что с вами все в порядке, но у меня есть право на собственное мне-

ние. Я не работаю на мистера Дэйна; мы с ним сотрудничаем в этом отдельно взятом случае. Я знаю, что он сделает все возможное, чтобы этот груз оружия не попал по назначению. Но он не так заинтересован в этом деле, как я.

— Почему?

— Потому что это оружие не будет использовано против его страны, — сказала Эстелла. — Это оружие используют против моей родины.

Глава 12

Торнтон окинул взглядом кавардак, царивший в номере. Два костюма из легкого шелка и один из дакрона были искромсаны в куски. Интересно, кто за это заплатит? И кто возместит отелю ущерб, нанесенный номеру? Боль в голове слегка ослабла, и теперь Торнтон чувствовал, как ноют ушибленные места на ребрах. Он мрачно смотрел, как Эстелла осторожно обходит кучи хлама. В этот момент ему мало было дела до того, на чью страну готовится нападение.

— Как вы думаете, что они искали? — спросил он.

— Какие-либо документы. Возможно, они хотели знать, на кого вы действительно работаете.

— И вы искали то же самое?

— Мистер Торнтон, я уже объяснила...

— Замнем, — перебил ее Торнтон. — И не будете ли вы так добры не называть меня больше мистером Торнтоном? Я полагаю, что наше знакомство уже продвинулось достаточно далеко, чтобы вы называли меня Биллом.

— Хорошо, — отозвалась Эстелла. — Полагаю, нам следует немедленно уведомить о происшедшем мистера Дэйна.

Торнтон кивнул и с надеждой сказал:

— Может быть, они обыскали и его комнату? Вы не могли бы набрать номер, Эстелла?

Шел четвертый час ночи, но Дэйн ответил на звонок сразу же. Судя по голосу, события вечера его не удивили. И даже порадовали.

— Все к лучшему, — уведомил он. — Это означает, что

они занервничали. Обыск в вашем номере был ошибкой. Возможно, они допустят и другие просчеты.

— Надеюсь, что объектом их просчетов будет теперь кто-нибудь другой, — отозвался Торнтон.

— Вы тоже сделали ошибку, — сказал ему Дэйн. — Когда свет не зажегся, вам следовало немедленно уходить.

Несомненно, сам мистер Дэйн именно так и поступил бы в первую очередь; но не каждый способен реагировать на обстановку, как военный гений. Торнтон даже не стал отвечать ему.

— В то же время, — продолжал говорить Дэйн, — у нас появилось еще несколько предметов для рассмотрения. Этим вечером полиция округа нашла грузовик — вероятно, тот, которым воспользовались похитители. Он был брошен на дороге номер 1 в десяти милях от Форт-Лодердейла.

— Полагаю, что контейнеров в нем уже не было.

— Конечно. И все же это уже кое-что. И еще мы получили рапорт от таможенников о корабле, заходившем в Порт-Какао для ремонта вчера поздно вечером. Корабль отбыл, даже не забрав заказанных приборов. На это стоит взглянуть. Вы готовы выехать отсюда в семь утра сегодня?

Торнтон ответил, что будет готов. И в семь тридцать они с Дэйном уже ехали по дороге A1A, направляясь на север от Золотого Берега в Порт-Какао.

Солнце уже начало припекать, когда они достигли небольшой кучки магазинов, разбросанных вокруг порта. Все было закрыто, и Торнтон припомнил, что сегодня воскресенье. Они проехали мимо чахлах сосенок по асфальтовой дороге, ведущей к докам. Узкая гавань Порт-Какао была пригодна скорее для стоянки прогулочных лодок, чем для чего-то более серьезного. С одной стороны гавани над длинным грузовым причалом возвышался дряхлый подъемный кран.

Кабинет начальника порта находился на втором этаже старого склада сборной конструкции. Они постучали, и хриплый голос пригласил их войти.

Начальника порта звали Джордж Кларрис. Это был краснотелый человек лет пятидесяти, с заметным брюшком, одетый в засаленную одежду цвета хаки. От него пахло несвежим пивом. Стены его кабинета были увешаны бездарно выпол-

ненными морскими пейзажами. Другие картины лежали на стульях, а на мольберте красовалась незаконченная акварель — вид на гавань на закате.

— Давайте я уберу парочку этих картин, чтобы вы могли сесть, — сказал Кларрис. Он освободил два шатких складных стула.

Дэйн заявил:

— Вы сообщили, что вчера сюда заходил корабль, нуждающийся в ремонте. Мы хотели бы услышать об этом.

— Верно, — ответил Кларрис. — Вся информация у меня тут, в блокноте.

Он взял со стола записную книжку в пластиковой обложке и стал листать страницы.

— Вот. Маленькое каботажное судно под названием «Трентон», примерно пятьсот тонн, пришло в гавань, запрашивая помощь сигналами. Оно встало на якорь, механик сошел на берег и сообщил мне, что на мостике произошел взрыв и они потеряли часть приборов. Когда это случилось, они пересекли Гольфстрим, и потому они зашли в первый же судоходный порт. Они хотели знать, не мог бы я предоставить им детали для ремонта.

— А вы могли?

— Конечно. У нас в городе есть магазин запчастей. Но, естественно, в ассортимент не входят судовые приборы, поэтому я послал за ними в Майами.

Торнтон спросил:

— А почему «Трентон» не потратил еще час и не зашел в порт Майами?

— Они сэкономили на этом время, — пояснил Кларрис. — В этом сезоне в Майами толкучка. Они могли бы потратить большую часть дня только на поиски места для стоянки, куда механик ездил бы на берег за приборами. А тут все по-другому. Большие корабли к нам не заходят.

— Пока все выглядит вполне естественно, — отметил Дэйн. — Что случилось потом?

— «Трентон» не стал дожидаться заказанных приборов. Он ушел еще до того, как я вернулся.

Дэйн поощрительно кивнул.

— Это одно, — продолжал Кларрис. — Пойдемте на причал, и я покажу вам другое.

В дальнем конце причала Кларрис указал на свежие царапины на почерневшем дереве настила. Рядом в луже мазута стояла грузовая тележка. Возле крана сидел маленький старичок в белых парусиновых брюках и кепке с козырьком. Он был тонким и иссохшим, словно сучок, но глаза его смотрели пристально и настороженно, словно у ящерицы.

— Ты показал им, Джордж? — спросил он.

— Показал, — ответил Кларрис. — Расскажи им, Тед.

— Ну, сэр, — начал Тед, — не успел Джордж умчаться в Майами, как эти парни подогнали свой кораблик поглубже в бухту. А еще орава парней приехала на причал на крытом грузовике кремового цвета и стала грузить что-то.

— А что делали вы? — спросил Дэйн.

— Ничего не делал, — ответил Тед. — Было немного странно, что эти парни взялись за погрузку после того, как уехал Джордж, но, черт побери, многие из этих корабельных ребят слегка со странностями. Я просто пришел порыбачить. Они погрузились, отчалили и уплыли из гавани. Я подождал, пока вернется Джордж, и рассказал ему об этом.

— Вы видели, что они грузили?

— Большие контейнеры. Должно быть, девять или десять.

— На контейнерах была маркировка?

— Не было. Все они были выкрашены в черный цвет. Судя по тому, как скрипела лебедка, эти ящики были очень тяжелыми.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал Дэйн.

— А больше и говорить-то нечего. Это видел не только я. Молодой Том Бейкер тоже. Он гонял по бухте на своей «Колучке». Может, видела еще пара человек. Как бы то ни было, я дождался Джорджа и рассказал ему все. Джордж был вне себя.

— Действительно, был, — подтвердил Кларрис. — Ни одно судно не имеет права грузиться или разгружаться здесь без моего разрешения. У нас маленький порт, но мы работаем честно. То, что они сделали, — нарушение закона. Грузились без разрешения, без уплаты за пользование причалом, без досмотра и всего такого прочего. Я пытался сообразить,

почему они не дождались этих приборов. Чем больше я об этом думал, тем больше меня беспокоило что-то в этом корабле. — Кларрис выдержал драматическую паузу и продолжил: — Я не особый знаток по части идентификации кораблей такого типа. Парусники — другой разговор. А эти — на мой взгляд, они все похожи. И все-таки этот кораблик мне что-то напомнил. Так что я просмотрел свой блокнот, чтобы узнать, не заходил ли «Трентон» сюда прежде. Не заходил. Но черт меня побери, если его опознавательные знаки были не теми же самыми, что у «Гелиоса».

— Я тебе говорил, что это был тот же самый корабль! — вмешался Тед. — Я тебе говорил!

— Сперва я подумал, что старик малость перегрелся на солнце, — сказал Кларрис. — Я и вообразить не мог, зачем «Гелиосу» понадобилось заходить в эту гавань под другим именем и другим флагом. Потом я вспомнил об уведомлении, которое таможенники рассылали касательно «Гелиоса». Поэтому я и сообщил вашим людям.

— Разве вы не могли узнать корабль, который прежде заходил в ваш порт? — спросил Дэйн.

Кларрис пожал плечами:

— Я уже говорил, что, на мой взгляд, все эти мелкие суденышки похожи одно на другое. Я знаю в лицо капитана и боцмана. Но сейчас они на берег не сходили.

— Когда «Гелиос» был здесь в прошлый раз?

— Примерно два месяца назад. Он взял партию цемента и кучу разного товара.

— Кто экспортировал груз?

— «Майами-Юг», — ответил Кларрис. — Это все есть в блокноте. Те же сведения вы могли бы получить в главной таможенной конторе в Майами.

— Заходят ли к вам регулярно другие суда?

— В последние несколько лет — нет, — сказал Кларрис. — Десять или двенадцать лет назад у нас процветал маленький бизнес по экспорту цитрусовых. Но нынче все пришло в упадок. На юге — Майами, на севере — Болотистый Порт и Палм-Бич. У них и бухты получше, и возможностей побольше, чем у нас.

— В таком случае, — заметил Дэйн, — почему же «Майа-

ми-Юг» по-прежнему отправляет часть груза через ваш порт? Как вы полагаете?

— Нет, минутку, — вмешался Торнтон. — В данном случае у «Майами-Юг» нет выбора. Мы согласились доставлять товары от производителя в порт и на корабль по выбору получателя. И не наша вина, что он выбрал Порт-Какао.

— А чем провинился наш порт? — с жаром возразил Кларрис. — В общем-то здесь для маленьких кораблей есть некоторые преимущества. У нас и причалы лучше, и цены за погрузку ниже, чем в Майами или Палм-Бич. У нас нет проблем с работой, нет лоцманских сборов, нет краж. Для организации с урезанным бюджетом мы работаем чертовски хорошо.

— Это точно, — радостно согласился Тед. — Мы всем покажем, где раки зимуют!

— Во-во, — кивнул Кларрис. — Вы сами можете проверить все бумаги и просмотреть графики. Так я и сказал мистеру Райерсону, когда он стал подумывать о том, чтобы перенести погрузку товара для «Делакура» в Майами.

— Минутку... — начал было Торнтон.

— Знаю, знаю, — перебил его Кларрис. — Это заказчик, а не экспортер, выбирает порт, в котором груз принимается на борт. Но взгляните фактам в лицо. Экспортер знает обстановку. Ему известны все порты на побережье, все возможности складирования, все расценки. К его мнению касательно выбора порта следует прислушаться.

— И вы утверждаете, что этот порт выбрал мистер Райерсон? — спросил Торнтон.

— Я не утверждаю ничего, — ответил Кларрис. — Я просто говорю, что я обсуждал с мистером Райерсоном возможности Порт-Какао. Если это означает, что он выбрал наш порт, то я тут ни при чем.

Дэйн удержал Торнтон от дальнейших комментариев, сказав:

— «Трентон» не сообщил, куда он направлялся?

— Нет.

— Куда обычно «Гелиос» ходит отсюда?

— Зависит от груза. Иногда заходит в Нассау, иногда в Гавану. После этого делает остановки в Санта-Катарине и Си-

удад-Трухильо, потом обходит Ямайку и возвращается вдоль побережья Центральной Америки. Скажите, мистер, а что было в тех контейнерах?

Дэйн поджал губы, три вертикальные морщины пробороздили его лоб.

— Товар, подлежащий таможенной пошлине, — ответил он.

Глава 13

— И что теперь? — спросил Торнтон, когда они возвращались к машине Дэйна.

— Теперь это уже проблема, — ответил Дэйн. Он шел, сунув руки в карманы и склонив голову. Выглядел он усталым и удрученным.

— А береговая охрана не может перехватить «Гелиос»?

— У него было время, чтобы выйти из прибрежных вод Соединенных Штатов. Даже если бы мы знали, где он находится, то мне понадобилось бы разрешение Госдепартамента на арест иностранного судна, находящегося в нейтральных водах. К тому времени, как я получил бы это разрешение — если получил бы, — «Гелиос» уже ушел бы. Все движется слишком быстро, мы не успеваем, Торнтон. Противник сделал резкий рывок вперед.

— Вы не можете мне сказать, кто же все-таки купил его?

— Насколько я знаю, — отозвался Дэйн, — заказ на этот груз поступил из Доминиканской Республики.

Они сели в машину. Дэйн развернул ее и вырулил на узкую асфальтовую дорогу.

Торнтон спросил:

— Ведь это же не первый случай контрабанды оружия, верно?

— Конечно, не первый.

— И это в самом деле так важно — перехватить его сейчас, когда оно покинуло Соединенные Штаты?

— Да.

— Боюсь, что не понимаю причины такой спешки.

— Причина в том, что этот груз — последний. И самый большой.

— Я могу понять, что необходимо пресечь проникновение оружия в Карибский бассейн, — сказал Торнтон. — Ясно, что мы приложим все усилия, чтобы не допустить этого проникновения. Но мы не можем помешать Доминиканской Республике заказывать оружие в Британии, Западной Германии или даже Чехословакии, ведь так?

— Не можем.

— Тогда почему они этого не делают?

— Потому что все не так просто. Предыдущие партии оружия поставлялись из Соединенных Штатов. Это означает, что у них есть оружие систем «гаранд», «браунинг» и «томпсон», к которым бельгийские или чешские патроны не подходят. Доминиканцы не хотят переходить на «брены» и «шкоды» — ведь у них уже в наличии большой запас патронов 30-го калибра. Патроны должны соответствовать оружию, а оружие, которое они покупают, должно быть соответствующего калибра. Но даже если бы доминиканцы решили закупить оружие и патроны другого калибра в Европе, они не смогли бы получить это оружие немедленно. Это же нужно послать агента, заключить сделку, проверить кредитоспособность и перевезти груз. На все это потребуется время, а времени у них в обрез.

Несколько секунд Дэйн молча вел машину, а потом спросил:

— Торнтон, вы когда-либо слышали о Синей дивизии?

— Не думаю. Это так важно?

— Чрезвычайно.

Далеко впереди на дороге, петляющей среди дюн, Торнтон заметил кремового цвета автомобиль, ехавший им навстречу. Когда расстояние сократилось, он увидел, что это грузовик, идущий на высокой скорости прямо посередине узкой дороги.

— Дэйн...

— Вижу, — отозвался Дэйн. — Держитесь покрепче. Я полагаю, они собираются протаранить нас.

Торнтон обеими руками уперся в переднюю панель. С ужасом и удивлением он заметил, что Дэйн тоже едет по центру

дороги. Два автомобиля шли на лобовое столкновение. Высокие бамперы грузовика блестели на утреннем солнце, словно зубы дракона. Грузовик был маленьким, но выглядел достаточно тяжелым, чтобы переехать их без большого для себя вреда.

Если бы Торнтон был за рулем, он немедленно нажал бы на тормоза, пытаясь превратить катастрофу в незначительное столкновение. Но Дэйн поступил иначе. Он буквально вжимал акселератор в пол. На его лице появилось выражение упрямства, брови сошлись на переносице, на плотно сжатых губах заиграла чуть заметная улыбка. Казалось, он наслаждался грядущим столкновением. Спидометр показывал уже больше шестидесяти миль в час.

Справа дюны уступили место широкой илистой канаве, по ту сторону канавы росли кипарисы и сосны. Слева возвышался крутой гладкий склон дюны. Торнтон решил, что Дэйн сошел с ума. Ему отчаянно хотелось перехватить руль и предотвратить столкновение. Ускорение вжимало его в спинку сиденья. Он съезжился, предчувствуя удар.

Дэйн заставил машину слегка вильнуть вправо, в сторону канавы и сосен. Грузовик повернул в ту же сторону. И за миг до столкновения Дэйн резко вывернул руль влево. Торнтону показалось, что стальные клыки лязгнули буквально в миллиметре от бока их машины. Затем грузовик остался позади, а их автомобиль, накренившись под угрожающим углом, вспахал рыхлый склон дюны. Торнтону пришлось уцепиться за ручку двери, чтобы не упасть на Дэйна. Он услышал, как шины скрипят по песку, и почувствовал, что машина накренилась. Они скатились с дюны и с силой ударились об асфальт дороги. Передняя шина лопнула.

Когда Дэйну удалось остановить машину, грузовик уже скрылся из виду.

Вместе они сменили колесо. Судя по виду, Дэйн был доволен — как будто все проблемы, терзавшие его, разрешились во время этого инцидента. Дальнейший путь в Майами протекал мирно и спокойно. Когда Торнтон зажег сигарету, он с досадой заметил, что руки его все еще дрожат. С еще

большей досадой он покосился на лицо Дэйна. Судя по всему, это происшествие одним махом исцелило Дэйна от депрессии. Когда они выехали на 79-ю улицу, он что-то мурлыкал себе под нос.

— Не скажете ли мне, о чем это вы поете?

— Я думал об этом грузовике. Понимаете, это словно ряд картинок.

— Нас едва не убили, черт побери.

— Не убили бы, — возразил Дэйн. — Я мог съехать на любую сторону дороги. На самом деле с их стороны это была неуклюжая попытка, продиктованная отчаянием, без малейшего шанса на успех.

Торнтон, припомнив лязг стальных клыков у бока машины, не смог согласиться с Дэйном.

— С успехом или нет, но они попытались. Полагаю, что они попытаются еще раз.

— Весьма вероятно. В любом случае ситуация изменилась.

— Почему?

— Груз уже за пределами Соединенных Штатов, — пояснил Дэйн. — Но поскольку на нас напали уже ПОСЛЕ его успешного вывоза, то мы можем предполагать, что груз по-прежнему остается в пределах досягаемости. Иначе с чего бы им так беспокоиться по поводу нашего расследования?

— Может быть, мы им просто не понравились.

Дэйн покачал головой:

— Не в этом дело. Они хотят убрать нас со сцены, потому что у нас все еще есть возможность перехватить это оружие.

— Но если они убьют вас, то разве ваше место не займет другой агент?

— Займет, конечно. Но это означает потерю времени и перерыв в ходе расследования.

— Ладно, — сказал Торнтон. — Если я правильно понял, оружие находится на корабле вне территориальных границ Соединенных Штатов. Верно?

— Да.

— Тогда я не понимаю, как мы можем перехватить его.

Им остается только выгрузить его в Доминиканской Республике.

— Оружие не попадет в Доминиканскую Республику, — возразил Дэйн. — Я не знаю, куда они направляются, но только не туда.

— Разве заказ на оружие поступил не из Сиудад-Трухильо?

— Оттуда.

— Тогда почему они везут груз не туда, откуда поступил заказ?

— Чтобы понять это, — ответил Дэйн, — вам нужно знать кое-что касательно политики в Карибском бассейне и, конечно, вам следует знать кое-что о Синей дивизии.

Дэйн помолчал несколько секунд, пытаясь припарковать машину у отеля.

— Мне нужно позвонить в несколько мест, — сказал он Торнтону. — И полагаю, нам следует сообщить все полученные данные мисс Варгас. После этого я с радостью расскажу вам о Синей дивизии.

Они вышли из машины и направились в отель, где жил Дэйн. Торнтон размышлял о словах начальника Порт-Какао. В первый раз у него возникли сомнения в том, что «Майами-Юг» не была замешана в нелегальных перевозках оружия.

Глава 14

Уединившись в телефонной будке, Стивен Дэйн набрал междугородный код Вашингтона, а потом нужный ему номер. Пока сигнал преодолевал многочисленные подстанции, Дэйн мурлыкал песенку и курил сигарету. Наконец послышались гудки, и Дэйн нажал на кнопку «ответ».

На том конце провода трубку сняла секретарша:

— Приемная мистера Бидера.

— Это мистер Дэйн. Твой начальник на месте, киска?

— Я сейчас посмотрю, мистер Дэйн. — В голосе секретарши явственно слышался трепет. Дэйн усмехнулся и стал ждать. Через несколько секунд мужской голос настороженно спросил:

— Как ты там, Стив?

— Отлично, Харви. А ты?

— Великолечно.

— Жена и дети здоровы?

— Здоровы. — Настороженность в голосе собеседника стала более отчетливой: когда Дэйн задает личные вопросы, следует быть начеку. — Что я могу сделать для тебя?

— Ну, Харви, у меня есть маленькая привилегия попросить тебя кое о чем.

— Конечно, Стив. Все, что сможет сделать мой отдел...

— Неофициально.

— Стив, я же говорил тебе в прошлый раз...

— Харви, я хочу всего-навсего просмотреть кое-какие ваши документы. Отчеты о подоходных налогах мистера Джорджа Клэрриса из Порт-Какао, Флорида, мистера Джозефа Райерсона из Майами, мистера Эдварда Джексона из Майами, мистера Уильяма Торнтон из Майами. Отчеты за последние три года плюс любая другая информация по финансам, относящаяся к этому делу. Также я хочу просмотреть регистрационные документы корпорации «Майами-Юг» и все бумаги, какие у вас есть по фирме «Артуро Делакур», главный офис в Мехико-Сити, филиал в Майами. А также список держателей контрольного пакета этих двух фирм. У тебя это все есть?

— У меня — есть, — отозвался Бидер. — Но ты этого не получишь.

— Харви, не затрудняй мне работу.

— Черт возьми, Дэйн, ты знаешь, что не уполномочен проверять отчет по подоходным налогам. И ты еще имеешь наглость обращаться ко мне! Ищи официальные пути. — Он говорил это монотонно, словно повторяя давно заученный обряд; он был жрецом бюрократии, охраняющим неприкосновенную святыню документации. — Однажды, в этом деле с депортацией, я сделал это для тебя, но тогда же я сказал тебе, что это в первый и последний раз. Ты не можешь всякий раз ссылаться на чрезвычайные обстоятельства.

— Мы оба работаем в Департаменте финансов, — напомнил Дэйн. — Где же старый дух товарищества?

— В аду мы оба будем работать! — желчно хмыкнул Би-

дер. — На чем ты пытаешься меня подловить? Ты работаешь на любой департамент, на который хочешь работать. Сегодня — финансы, завтра — морское ведомство, послезавтра ты снова вернешься в свое вонючее ФБР. И это ты будешь говорить мне о духе товарищества?

Дэйн затушил сигарету и стал ждать. После минутного молчания Бидер спросил:

— Ты еще здесь?

— Да.

— Нет, я этого не могу. Совсем не могу. Дэйн, существуют законы и предписания, регулирующие поступление информации в правительственные агентства и в их отделы. Существуют определенные правила, которые все — даже ты — должны соблюдать. — Теперь Бидер буквально умолял. — Ты ведь понимаешь это, правда?

— Конечно, понимаю, — доброжелательно сказал Дэйн. — Если не можешь — значит, не можешь.

— Я рад, что ты так считаешь. Ничего личного.

— Конечно, нет. Я попытаюсь получить эти сведения по другим каналам. Передавай привет Долорес.

— Кому? — переспросил Бидер.

— Ты хочешь сказать, что забыл Долорес? Разве ты больше не виделся с ней?

— Нет. В тот раз я был пьян. Это была ужасная ошибка.

— Верно, — отозвался Дэйн. — Ну, до встречи.

— Минутку, — возразил Бидер. — Почему ты вдруг вспомнил эту женщину?

— Да так, просто пришло на ум. Мы в ту ночь славно повеселились, Харви.

— Я, должно быть, тогда совсем рехнулся, — сказал Бидер. — Я понять не могу, зачем я... сошелся... с этой женщиной.

— Сошелся? Чудесное словечко.

— Дэйн! Ты обещал никогда не заговаривать об этом. Я был пьян и в совершенно невменяемом состоянии. Мне надо было как-то разрядиться. Это...

— Я понимаю, — отозвался Дэйн. — Это тебя беспокоит. Давай не будем говорить об этом.

— Если только моя жена узнает...

— Будем надеяться, что не узнает.

— Дэйн, ты что, шантажируешь меня?

— Прошу прощения?

— Это шантаж, ведь так? Ты собираешься разгласить эту историю, если я не дам тебе то, что тебе нужно. Так?

— Надеюсь, твоя секретарша тебя не слышит, — вежливо сказал Дэйн.

— Не слышит. Я прав?

— Твои предположения нелепы, — ответил Дэйн. — Где это слыхано, чтобы один правительственный служащий шантажировал другого, чтобы получить информацию о соучастниках преступления? Это же будет невероятная глупость. Как скоро ты сможешь переслать мне эти данные, Харви?

Бидер был из тех людей, которым нужно высказаться, чтобы охладить свою ярость.

— Дэйн, тебе абсолютно неведомы моральные нормы. Ты ничем не лучше тех негодяев, за которыми охотишься. Ты даже хуже, потому что тебя ничем не прошибешь. В один прекрасный день один из этих подлецов пристрелит тебя или одна из твоих шлюх воткнет в тебя нож. И тогда очень многие из нас с удовольствием спляшут на твоей могиле.

Дэйн печально вздохнул.

— Я всегда знал, что пользуюсь у вас популярностью. Мы обсудим это, когда я вернусь, Харви. Я так ценю дружеское общение. Я хочу, чтобы меня все любили.

Бидер извиняющимся тоном хрюкнул что-то в трубку.

— Могу я ожидать прибытия этих данных завтра? — спросил Дэйн.

— Да.

— Чудесно. Мой адрес — в моем офисе. Надо бы повторить ту ночь, когда я вернусь, Харви.

— Ни за что.

— Тебе это нужно. Судя по голосу, тебе приходится туго. Маленькие каникулы способны сделать окружающий мир чудесным.

— Год был тяжелым. — По мере того как гнев улетучивался, в голосе Бидера опять пробивалась настороженность. — Стив, если я оскорбил тебя...

— Ничего подобного! Я закончу это дело, и мы славно повеселимся.

— Сперва позвони мне, — поспешно произнес Бидер. — Вы, холостяки, не понимаете... Я пришлю эти данные. До свидания, Стив.

— До свидания, Харви.

Дэйн повесил трубку, вышел из телефонной будки и поднялся на лифте в свой номер.

Глава 15

Во время Второй мировой войны Испания поддерживала дружественный нейтралитет с властями Третьего рейха. При Хендае Гитлер предложил передать Испании Гибралтар и часть Северной Африки в обмен на вступление Испании в войну и в качестве платы за пользование испанскими базами. Генералиссимус Франко заинтересовался, но проявил осторожность. Он отверг предложение. Испания оставалась в принципе нейтральной; но когда в 1941 году Гитлер объявил войну России, Франко послал на Восточный фронт Синюю дивизию.

В 1943 году война окончательно обернулась против рейха. Шестая немецкая армия была окружена под Сталинградом, и Франко отозвал свою дивизию. Была отвоевана Нормандия. Италия вышла из войны, и армии союзников уже были под Анцио и Кассино. И следовало забыть Хендае и сделать вид, как будто испанские военные силы вообще не принимали участия в войне. Синяя дивизия была демобилизована, а ее название вычеркнуто из списков испанской армии. Ее командир, генерал Сантос-Фигуэрос, счел за лучшее покинуть Европу. Новым местом жительства он избрал Доминиканскую Республику.

После окончания войны в Испании был самый высокий уровень рождаемости в Европе, низкий финансовый актив, минимум иностранных вложений и отсутствие добрососедских отношений. Франко поощрял эмиграцию из страны. Одним из немногих государств, охотно принимавших испан-

ских иммигрантов, была Доминиканская Республика, которой правил тогда генералиссимус Леонидас Трухильо.

В течение всех послевоенных лет проблемы Трухильо становились все острее. После тридцати лет абсолютной диктатуры народ стал волноваться. Революционный дух витал в воздухе, подогреваемый примерами Венесуэлы и Аргентины. Свободные доминиканские силы проходили обучение на Острове Революции — Кубе, в провинции Ориенте. На побережье Доминиканской Республики было произведено несколько высадок, но все они были отражены. И тем не менее возможность успешного нападения оставалась вполне вероятной.

Ключом ко всему была Куба; но война против Кубы была бы чрезвычайно рискованным шагом. Пока что решено было воздержаться от этого. И все же военные диверсии по всем направлениям несли в себе огромные потенциальные возможности, а установление еще одной диктатуры в западном полушарии могло бы оказаться поддержкой для пошатнувшегося режима Трухильо.

В мишенях недостатка не было. Панама волновалась, в Гватемале было неспокойно. Гондурас и Коруна были слабы в военном отношении.

Все это диктовало необходимость возрождения Синей дивизии. Люди поодиночке и маленькими группами стекались в Доминиканскую Республику. В первую очередь это были испанцы. Но были там и немцы из вермахта; голландцы, изгнанные из Индонезии, безземельные беглецы из Восточной Европы; британские и американские искатели приключений, кучка канадцев и несколько французов. И все как один были радушно приняты под штандартом с изображением сине-белого орла. Сантос-Фигуэрос начал обучать своих новых солдат. Было их почти пять тысяч. Синяя дивизия стала иностранным легионом.

Вооружение Синей дивизии было большой проблемой.

Генерал Сантос-Фигуэрос был способным и амбициозным человеком. Вооружить его солдат означало ввести его в соблазн и предоставить удобный случай для свержения режима Трухильо. Но и помимо этого вопрос об оружии был трудноразрешим. В прошлом вооружение для доминиканской

армии поставляли Соединенные Штаты. Таким образом, закупать оружие европейских стандартов было экономически невыгодно. Но США внезапно и необъяснимо прекратили поставку вооружения некоторым диктаторам. Покупать что-либо у стран социалистического блока означало идти на экономический конфликт с Соединенными Штатами. Некоторые страны Западной Европы согласны были поставлять оружие Трухильо, но только в ограниченных пределах и за наличный расчет. Но по настоянию США даже эти поставки могли быть остановлены. И, наконец, перевозка оружия в Доминиканскую Республику могла привлечь нежелательное внимание тех, для борьбы против кого это оружие было предназначено. ООН или Организация Американских Государств могли задать неприятные вопросы Доминиканской Республике.

Чтобы разрешить эти проблемы, Трухильо прибег к помощи контрабандистов. Постепенно оружие прибывало в страну, а цель была уже намечена: Коруна в Центральной Америке. Последняя большая партия была предназначена для передовых подразделений Синей дивизии, уже выступивших из Сиудад-Трухильо. Две партии — оружия и людей — должны были пересечься в условленном месте.

— Вот такая картинка, — сказал Дэй. — Вся беда в том, что мы не знаем, где должны встретиться солдаты и оружие.

Они сидели в номере Дэйна. Эстелла прикрыла глаза и сложила руки на коленях. Казалось, духота комнаты лишила ее последних сил. Торнтон курил сигарету. Клубы синего дыма недвижно висели в воздухе вокруг него.

Эстелла открыла глаза.

— Мы знаем, что «Гелиос» обычно заходит на стоянку на остров Санта-Катарина. Возможно, это и есть место встречи.

— Возможно, — отозвался Дэй, — но я в этом сомневаюсь. Если исходить из намерений Трухильо, то Санта-Катарина находится слишком близко от Доминиканской Республики. И все же это наша единственная зацепка. При наличии некоторой удачи и значительного количества денег мы сможем узнать, куда «Гелиос» направился оттуда.

— Когда мы отбываем? — спросил Торнтон.

— Я уезжаю сегодня в полдень, — ответил Дэй. — Вы и мисс Варгас останетесь здесь и продолжите собирать информацию. Я свяжусь с вами, как только узнаю что-либо.

Эстелла мигом очнулась от летаргии.

— Я тоже поеду на Санта-Катарину.

— Я полагаю, что это будет неразумно и небезопасно.

— Секретная служба — вообще не самое разумное и безопасное занятие для женщины. Но тем не менее это моя работа. Теперь, когда оружия больше нет в Майами, я буду здесь бесполезна, и вы отлично это знаете.

— Но вы точно так же будете бесполезны и на Санта-Катарине.

— Я так не думаю. Я знаю, мистер Дэй, вы говорите по-испански. Но насколько хорошо?

— Этот язык для меня довольно труден, — признал Дэй.

— Вы ничего не узнаете, если окажетесь на Санта-Катарине в одиночку, — сказала Эстелла. — Они не верят североамериканцам, и у вас не будет времени на то, чтобы завоевать их доверие. Я не буду там бесполезной. И в любом случае я вам не подчиняюсь. Я еду тоже.

— И я, — добавил Торнтон.

— Это глупо, — возразил ему Дэй. — Разве вы говорите по-испански, Торнтон?

— На уровне средней школы. Но это дело я не брошу. Моя компания заинтересована в нем.

— Об этом не беспокойтесь. Я обещаю вам, что любое заключение будет сделано абсолютно честно по отношению к «Майами-Юг».

— Спасибо. Но я все-таки предпочитаю сам выполнять ту работу, которую мне поручили. А в случае чего...

— В случае чего нам понадобится отряд морской пехоты. Торнтон, я не смогу поручиться за то, что в этом путешествии вы успеете.

— Знаю, — отозвался Торнтон. Он почувствовал облегчение от того, что отныне сам должен отвечать за себя. Но в глубине души он знал, что на это решение его подвигла настойчивость Эстеллы. По каким-то неясным причинам он не хотел быть во Флориде или в Калифорнии, когда Эстелла будет на Санта-Катарине.

— Вы оба уверены в своем решении? — спросил Дэйн. — Вы оба хотите отправиться в эту поездку?

Они кивнули.

— Я учел эту возможность, — сказал Дэйн, — и забронировал два лишних места просто на всякий случай. Мы отбываем сегодня ночью, в час сорок пять. Пусть каждый из вас возьмет с собой только легкую дорожную сумку. Прихватите свой пистолет, Торнтон. Мисс Варгас, вы вооружены?

— Да. Но только маленьким пистолетом тридцать второго калибра.

— Большой калибр еще не означает меткости. Я не думаю, что нам действительно понадобится оружие. Возможности ручного оружия преувеличены, как вы, Торнтон, могли убедиться в том складе. Но оно создает определенный психологический настрой. Встретимся здесь после ужина.

Торнтон и Эстелла разошлись по своим отелям. Торнтон уже чувствовал тревожный холодок где-то в области желудка. Но все же это ощущение не было совсем уж неприятным.

Глава 16

Гул двигателей «ДЦ-4», совершавшего рейс с одного острова на другой, стал глуше, и Торнтон зевнул, чтобы прочистить заложенные уши. Внизу блестели кобальтово-синие воды Карибского моря, и утреннее солнце окрашивало золотом гребни волн. Вот под водой появились белые песчаные отмели, окруженные бурунами. Самолет пролетал над восточной оконечностью Багамских островов. Куба была справа, Доминиканская Республика — прямо по курсу. Аэроплан чуть накренился, начиная плавный заход на посадку.

Зажегся транспарант, на английском и испанском языках призывавший пассажиров пристегнуть привязные ремни. Торнтон последовал этому предупреждению, покосившись на сидевшую рядом Эстеллу. Она была бледна и часто и с трудом сглатывала. Дэйн, занимавший место через проход, спал, лицо его было спокойно-расслабленным. Капельки пота медленно ползли по его щекам, словно слезы по камню. На груди его покоился фотоаппарат, медленно поднимавшийся

и опускавшийся в такт ровному дыханию Дэйна. Солнцезащитные очки оттопыривали нагрудный карман.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Торнтон Эстеллу.

— Когда мы сядем, все будет в порядке.

— Вы думаете, кто-нибудь поверит, что мы просто туристы?

— Почему бы и нет? На Санта-Катарине находится один из самых старых испанских фортов на Карибах. Там всегда полно туристов с фотоаппаратами.

— Я не чувствую себя туристом.

— Туристы никогда этого не чувствуют. Я хотела бы, чтобы самолет не так трясло. Мы скоро сядем?

— Вероятно, минут через пятнадцать. Если вас тошнит, то тут есть бумажный пакет...

— Меня не тошнит, — возразила Эстелла. — Просто неприятно. — Она отвернулась от него и стала смотреть в иллюминатор. Надеюсь, что она правильно расценит этот жест сочувствия, Торнтон положил ладонь поверх ее руки. Эстелла безразлично позволила ему это. Лучи солнца били в иллюминатор, подсвечивая иссиня-черное облако ее волос.

Минуто спустя она повернулась к Торнтону, но руку не отняла.

— Билл, расскажите мне о себе.

— В общем-то рассказывать особо нечего, — ответил Торнтон. — Я занимаюсь экспортными сделками и много путешествую. Вот и все, что я могу сказать.

— Это не может быть всем, — улыбнулась Эстелла. — А семья?

— Мои родители умерли. У меня есть тетя и дядя в Уотер-бери, штат Коннектикут. И еще замужняя сестра. — Он несколько секунд помолчал, потом решительно продолжил: — И еще бывшая жена, живущая в Фениксе. Вот и вся моя семья.

— Я и не знала, что вы были женаты.

Торнтон развелся с женой уже почти семь лет назад, и потому он легко мог сказать:

— Она очень хороший человек. Ее зовут Джанет. Сейчас она замужем за офицером.

Обычно Торнтон стыдился своего неудавшегося брака, расценивая его как символ жизненной неудачи. Он знал, что

лучше всего промолчать об этом и сделать вид, что этого никогда не было. Но когда речь зашла об этом, какой-то импульс заставил его рассказать, попытаться объяснить то, что он не в силах был понять.

— Я и сам хотел бы знать, что вышло не так, — сказал Торнтон. — Нельзя сказать, что у нас были скандалы. Я не избивал ее, она мне не изменяла. Но мы постоянно ссорились, пока это не перешло в постоянную размолвку. Тогда я думал, что она просто невыносима. Мы развелись. Несколько лет спустя я начал думать, что это я был невыносим. Теперь я не знаю. Я думаю, что мы с Джанет были просто очень молоды и эгоистичны... Возможно, это служит слабым оправданием для развода.

— По крайней мере, это честно, — промолвила Эстелла. Помолчав, она спросила: — Могу я задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Вы можете рассказать о своей бывшей жене?

— О, она была высокой блондинкой, гибкой, атлетического сложения. Очень смелой. Почему вы спрашиваете?

— Мне просто любопытно, — ответила Эстелла. Она пригласила, и Торнтон решил, что она мысленно сравнивает достоинства женщин англосаксонского и латиноамериканского типов.

Санта-Катарина поднималась из океана им навстречу в белом сиянии, слегка приглушенном зеленью пальм. Они пролетели над причалами, возле которых стояли игрушечные кораблики, над мозаикой улиц и зданий. Вот внизу появился кукольный домик — здание аэропорта. Вдали, на самом краю океана, виднелась темная туча — остров Гаити.

Дэйн проснулся и стал проверять готовность фотоаппарата. Эстелла выдернула свою руку из-под ладони Торнтон.

Выйдя из самолета, они словно ступили в раскаленную печь. В этот день ни малейшее дуновение ветерка не освежало берега Санта-Катарины. Улицы были практически пусты, подъезды к магазинам перекрыты тяжелыми деревянными брусками. Возле аэропорта в дряхлой автомашине дремал

шофер. Когда Торнтон потряс его за плечо, он с неохотой открыл глаза.

Дэйн заказал номера в «Коронадо», великолепной, просоленной морскими ветрами развалине, пыльные окна которой выходили на гавань. Лифт не работал; коридорные отсутствовали. Путешественники поднялись по скрипучей лестнице в свои номера на четвертом этаже. Результатом этого восхождения были дурное настроение и пропитанная потом одежда. Все трое дружно решили принять душ и отдохнуть.

Торнтон вошел в свой номер и захлопнул дверь, распугав тараканов. Он включил располагавшийся на потолке вентилятор. Лопасты провернулись с ревматическим скрипом. Торнтон разделся и прошел в ванную. Там ему удалось извлечь из душевого рожка струйку тепловатой воды.

Все это угнетающе напоминало ему Юго-Восточную Азию. Везде одно и то же — полный упадок техники. Сгнившая изоляция и проржавевший металл — эпидемические заболевания, поражающие всю технику, приходящую с Запада. И все же люди хотели получить эти тракторы, джипы, комбайны и жатки, несмотря на то что климат превращал это все в груды металлолома за год или даже быстрее.

Торнтон стал думать об Эстелле. Очаровательная девушка, очень милая. Стройная талия, округлая грудь, а ножки просто замечательные. Пожалуй, чересчур скована и серьезна, но это, решил Торнтон, просто признак хорошего воспитания, примерно такого же, какое получил он сам.

Она была привлекательной по любым меркам, хотя сильно отличалась от тех девушек, которым он когда-то назначал свидания. На одной из тех девушек он и женился. Эстелла же принадлежала к совсем другому типу. В ней было кое-что общее с тем женщинами, которые подгоняют себя, часто неосознанно, под стандарт телевизионных реклам зубной пасты и шампуня. Но этим ее образ не исчерпывался. Торнтону это нравилось; однако миллион рекламных роликов и десять тысяч миль рекламных щитов мешали ему полностью переключиться на новое восприятие. Ему нужно время, чтобы отделиться от них.

Некоторое время он смотрел, как лопасти вентилятора медленно крутятся в застоявшемся воздухе, но смотреть на это было мучительно. Наконец он заснул.

...Он проснулся несколько часов спустя, не чувствуя себя отдохнувшим и ощущая во рту привкус железа. Он побрился, принял душ, оделся и вышел из номера. Коридор заканчивался дверью, выходившей на патио — плоскую крышу пристройки нижнего этажа. Открытая площадка была уставлена горшками и кадками с растительностью. В дальнем конце патио сидели в плетеных креслах Дэйн и Эстелла. На Дэйне были легкие брюки с ремнем из крокодиловой кожи, кричаще-яркая рубашка спортивного покроя и сетчатая панама. На шее висели фотоаппарат и экспонометр. Если он хотел выглядеть нелепо, то это ему почти удалось. Почти, но не совсем. Никакая шляпа не могла приглушить металлический блеск в его глазах или скрыть отнюдь не туристский загар на жестком длинном лице. И никакая спортивная рубашка не отвлечет внимания от его широких запястий и сильных рук.

Эстелла надела сегодня длинную плиссированную юбку из шелка с бахромой по подолу и красные босоножки на высоких каблуках. Ее блузка была из черного шелка в красный горошек, а тонкую талию подчеркивал широкий белый пояс. Ее макияж был нанесен весьма умело. Должно быть, когда-то ей приходилось пользоваться отвратительной косметикой фирмы «Кармен».

Несколько мгновений Торнтон созерцал их, дабы вежливо выдержать паузу, а потом спросил:

— А что бы вы посоветовали мне? Я могу взять напрокат костюм матадора или, быть может...

— Ваша одежда, — отозвался Дэйн, — вполне уместна в данной обстановке.

— В какой ночной клуб собирается пойти мисс Варгас? — спросил Торнтон.

Эстелла ответила:

— А вы вообще имеете понятие, как одеваются девушки на Санта-Катарине?

— Полагаю, нет. В любом случае — что мы планируем?

— Мисс Варгас собирается поискать своего друга, — сказал Дэйн.

— Кого?

— Разве я не говорила вам о нем? — сладко пропела Эстелла. — Его зовут Рафаэль Домингес. Он вам понравится,

Билл. Ростом выше шести футов, с широченными плечами и прекрасно танцует. Он так очаровательно смеется! Очень разительный смех.

— Уверен, — отозвался Торнтон.

— И к тому же, — добавила Эстелла, — он служит третьим помощником капитана на грузовом судне «Гелиос».

— О да, понимаю. Этот Домингес действительно существует?

— Конечно, существует, — сказал Дэйн. — Мы получили на него данные с фотографией из эмиграционного бюро. При наличии некоторой удачи мисс Варгас может добыть кое-какие сведения касательно «Гелиоса».

— А мы пойдем с ней?

— Нет, конечно. Если два парня будут таскаться за ней по всем причалам, то ей не удастся ничего узнать.

— Но разве такая прогулка не опасна?

— Все наше дело опасно.

— Она действительно может что-либо разведать таким способом?

— Вероятно, — ответил Дэйн. — Получить информацию не так уж сложно. Насколько информация будет точной — другой вопрос. И почти невозможно быть уверенным, что эта информация достанется тебе одному.

Торнтон кивнул.

— А что будем делать мы с вами?

— Я пойду за кое-какими покупками. А вы отправитесь на руины старого форта за чертой города. Чрезвычайно живописные развалины. Я дам вам свой фотоаппарат.

Торнтон недоверчиво уставился на него:

— Вы хотите сказать, что я должен просто бродить и любоваться видами?

— Конечно. А вы ожидали чего-нибудь таинственного? Хотите поиграть в сыщиков-разбойников?

— Нет, но... А что вы намерены купить?

— Новый бумажник. Мой старый уже совсем истерся.

— Послушайте, мистер Дэйн, это чрезвычайно странный способ расследования. Я думал, мы примчались сюда, чтобы обнаружить местонахождение оружия.

— Именно так. Но мы не достигнем ничего, если будем

рыскать по всей Санта-Катарине и хватать людей за шиворот. Или вы пытаетесь понять, как мы узнаем что-либо?

— Конечно.

— Осведомители сами придут к нам, — ответил Дэйн.

— Почему они должны это сделать?

— Потому что знают, что мы заплатим за информацию американскими долларами. У них на это дело особый нюх. Когда будете в форте, обязательно осмотрите монастырь поблизости. Мне говорили, там чудесный сад.

— Полагаю, вы знаете, что делаете, — с сомнением произнес Торнтон. — Когда мы встречаемся?

— Скажем, в семь тридцать вечера в ресторане «Кастельон». Это в квартале от нашего отеля.

Торнтон добросовестно облазил старый форт и сфотографировал разрушенные бастиины и изукрашенные орнаментом бронзовые пушки. Присоединившись к толпе туристов, сошедшей с прогулочного теплохода, он поднялся на верхушку дозорной башни. Одетый в форму страж порядка рассказал ему, что с этой башни испанские часовые высматривали в море галеоны с сокровищами, идущие с Кубы, и английские и голландские пиратские суда, приплывающие с Багам. Зной по-прежнему был нестерпим, а туристы попались очень шумные. Торнтон направился в монастырский сад и долго рассматривал там тропические растения, большую часть которых он видел на Яве.

Он бродил по изрезанному террасами склону холма, любуясь цветочками. Стивен Дэйн покупал в городе новый бумажник. Эстелла расспрашивала в порту о своем мнимом друге по фамилии Домингес. И где-то в море грузовое судно «Гелиос» спешило к неизвестному им месту встречи.

Наконец Торнтон снял пиджак, перекинул его через плечо и отправился обратно в город. Было едва четверть восьмого, но Дэйн и Эстелла уже сидели за столиком в «Кастельоне», дожидаясь его.

— Вы купили бумажник? — спросил Торнтон.

Дэйн кивнул.

— Торнтон, через несколько столиков слева от вас сидит человек, которого вы, как я думаю, знаете.

Торнтон обернулся. Человек, сидевший через несколько столиков от них, кивнул ему, а потом вновь уткнулся в свою газету. Секунду спустя Торнтон вспомнил, кто это. В прошлый раз он видел Роджера Стиччини в Майами, в заброшенном складе, когда тот целился в него из пистолета.

Глава 17

— Что он здесь делает? — спросил Торнтон.

— Вероятно, то же самое, что делаем здесь мы, — ответил Дэйн.

— Возможно ли арестовать его?

— Между США и Санта-Катариной нет соглашения о выдаче преступников.

— Но что мы можем сделать?

— Мы закажем ужин, — отозвался Дэйн и приступил к делу, проявляя неплохие познания в испанском языке.

Позже, в номере Эстеллы, они свели воедино всю полученную ими информацию. Эстелла выяснила, что «Гелиос» заходил в Санта-Катарину два дня назад всего на несколько часов, чтобы взять пресную воду и продовольствие. Никто не знал, куда он направился отсюда, хотя кое-кто полагал, что в Пуэрто-Баррьос, в Гватемалу. Поделившись с Эстеллой этими сплетнями жена рыбака обещала сообщить, если «Гелиос» вернется или дойдут какие-нибудь слухи о нем. От нее же Эстелла узнала много других портовых сплетен: о том, что Куба готовит нападение на Гаити; о том, что банда в двести тяжелооруженных мятежников вторглась в Никарагуа из Гондураса; о том, что таинственный самолет атаковал с воздуха Сантьяго-де-Куба; о том, что на мексиканско-гватемальской границе, поблизости от Сан-Фелипе, в Кампече произошла вооруженная стычка. Ничего интересного касательно Доминиканской Республики и совсем ничего о Синей дивизии.

— Так что мы по-прежнему не знаем, куда направляется оружие, — сделал вывод Торнтон.

Дэйн покачал головой:

— Кажется, это один из наиболее тщательно охраняемых секретов в этой части света. При обычном развитии событий можно было бы ожидать, что кто-нибудь сообщит нам что-либо сегодня ночью или завтра. Но поскольку Стиччини в порту, то я не могу быть в этом уверен.

— И что теперь? — спросила Эстелла.

— Я собираюсь послать несколько телеграмм. А потом пойду погулять. Думаю, будет лучше, если вы и мистер Торнтон останетесь где-нибудь поблизости от отеля. Все, что нам сейчас остается, это ждать.

Дэйн ушел. Торнтон пригласил Эстеллу зайти в бар отеля, но она отказалась. Она провела большую часть дня, распивая вино вместе с женой рыбака.

— И вы собираетесь продолжать работу в этом же направлении? — спросил ее Торнтон.

— Нет, конечно. Это работа для профессионалов, таких, как мистер Дэйн.

— А разве вы не профессионал?

— В этом смысле — нет. Я взялась выполнять работу на благо своей страны, и я пытаюсь работать как можно успешнее. Когда все это закончится, я вернусь к своей постоянной работе.

— А что это за постоянная работа?

— Исследователь в Консультативном комитете при представительстве Соединенных Штатов. Эта работа так же скучна, как ее название. Но собрания комитета часто проходят в Нью-Йорке, и это очень радует меня. Я хотела бы жить в Нью-Йорке.

— Я тоже, — отозвался Торнтон. — Эстелла, как вы впутались во все это?

— Я оказалась в нужном месте в нужное время. Вот так просто. А вы, Билл? Куда вы направитесь после того, как вся эта суета закончится?

— Не знаю, — ответил Торнтон. — Вероятно, снова в Индию.

— Звучит заманчиво.

Торнтону снова представилась чередой номеров в отелях,

протянувшаяся в неопределенное будущее. Снаружи доносились удары барабана и гудки автомобилей.

— Удивительно, насколько скучным это может стать. Я хотел бы проводить больше времени в Штатах.

— А разве вы этого не можете?

— На самом деле не знаю, — сказал Торнтон. Оба умолкли. Эстелла сидела, сложив руки на коленях, ее гладкие черные волосы были зачесаны за уши. Торнтон чувствовал себя неловко. Он закурил, пытаясь сообразить, что же все-таки не так.

— Может быть, спустимся выпить кофе? — предложил он.

— Мне не хочется. Я очень устала, Билл.

Торнтон кивнул в знак того, что он тоже устал. Эстелла проводила его до двери номера. Торнтон, по-прежнему испытывая неловкость, повернулся и положил руки ей на плечи.

— Я хотел бы, чтобы вы не принимали в этом участия, — сказал он. — Стиччини здесь, и это может оказаться опасным.

— Для участия в этом деле у меня больше причин, чем у вас.

— Полагаю, это так. Ему не хотелось отпускать ее. Она была обута в туфли без каблуков, и Торнтон только теперь осознал, насколько она ниже его. Из открытого окна донесся хриплый вой трубы, перекрывший даже барабанную дробь. Вентилятор скрипнул, и Торнтон вдруг ощутил, что ладони у него вспотели. Он выпустил ее плечи и отступил на шаг.

— Увидимся утром, — сказал он. Эстелла кивнула, и он ушел.

У себя в номере он лег на кровать, не раздеваясь, и закинул руки за голову. Он прислушивался. Сквозь тоненькую перегородку до него доносились шаги Эстеллы — она расхаживала по комнате. Он слышал, как шелкнул замок в двери ее номера. Чуть погодя он расслышал шорох одежды, а потом — скрип кровати.

Он закурил, не зажигая света. По лицу катился пот, мысли были обрывочны и беспокойны. Он не мог прекратить думать о ней и не мог прекратить попытки избавиться от этих мыслей. Перед его внутренним зрением все время возникал образ Эстеллы, прекрасной и чувственной. Вот она медленно

расстегивает блузку в горошек, вот она снимает шелковую юбку...

Если бы знать заранее, что ему предстоит, он захватил бы с собой снотворное.

Глава 18

Восемь часов сна и ясное солнечное утро вернули Торнтону спокойствие духа. Он сказал сам себе, что накануне был слишком взвинчен, но теперь это позади. Важно сохранять рассудок, и тогда лихорадка минет своим чередом. Некоторые способны на это, хотя Торнтон никогда не причислял себя к ним. Со времени развода с Джанет все его романы стремительно вспыхивали, подобно фейерверку, и так же внезапно угасали, словно раскаленное железо, брошенное в ледяную воду.

Бедой была в том, что он вовсе не был донжуаном. Но и роль осторожного холостяка его не устраивала. Он жаждал дружбы и взаимопонимания; он хотел домашнего уюта и чувства защищенности.

Если бы Эстелла была его женой... Но он отбросил эту мысль прочь. Он уже был однажды женат, и его пугала возможность вторично потерпеть неудачу. Он запретил себе вообще думать на эту тему. Вскоре он уже стучался в дверь номера Эстеллы.

Она была готова к новой ежедневной порции жары и духоты. Вместе они постучались к Дэйну и не получили ответа. Они спустились в вестибюль, и портень сообщил им:

— Ваш товарищ оставил вам записку. — Он протянул Торнтону незапечатанный конверт.

— Когда он ушел? — спросила Эстелла.

— Ночью, очень поздно. Я тогда еще не заступил на дежурство. Мне сказал дежурный из ночной смены.

Они поблагодарили его и направились завтракать в ресторан при отеле. Торнтон вынул из конверта записку, и они прочли: «Милые мои, мне очень жаль, что я вас бросаю, но вы сами знали, на что идете, отправляясь в отпуск с археологом-любителем. Я встретил в баре одного парня, который

рассказал мне о настоящих наскальных изображениях доколумбовых времен, не говоря уже об оружии периода испанской оккупации! Если я смогу найти что-нибудь на одном из ближайших островков, то можно будет приволочь это в Высшую Школу Обманщиков! Как бы то ни было, пусть ваш отпуск продолжается. Если вы сможете остаться в окрестностях Санта-Катарины еще на день-другой, то я как раз вернусь. А если вы уедете в Майами, то встретимся в отеле. Еще раз прошу прощения».

— Так что теперь он археолог-любитель, — подытожил Торнтон. — Вы не думаете, что дело зашло слишком далеко?

— Не думаю, — откликнулась Эстелла. — А что вы хотели? Чтобы он оставил список инструкций относительно партии оружия?

— Нет, конечно. Но все это выглядит так наигранно.

— Это и есть наигранное. В любом случае он выражается довольно ясно.

— Переведите мне.

Эстелла снова развернула письмо.

— Он пишет, что встретил кого-то, кто знает кое-что относительно сложившейся ситуации. Он уехал на день или два, чтобы кое-что проверить. «Высшая Школа Обманщиков» — это, должно быть, Вашингтон. И он ясно указывает нам — оставаться здесь или вернуться в Майами.

— Интересно, почему он не сказал нам об этом ночью?

— Вероятно, потому, что у него не было времени.

— Он упоминает ближайшие островки. Должно быть, это Багамы.

— Сомневаюсь, — возразила Эстелла, — он не стал бы так явно указывать на них. С другой стороны, он мог написать это, чтобы сбить со следа кого-нибудь другого, кто мог прочесть это послание. Если бы я знала его лучше, то поняла бы, что он под этим подразумевал.

— Можем ли мы быть уверены, что тут нет другого письма, написанного невидимыми чернилами?

Эстелла изумленно посмотрела на него.

— Я терпеть не могу эти спектакли «плаща и кинжала», — пояснил Торнтон. — Насмотрелся в Азии. Цэрэушники с загадочным взглядом, словно все до единого носят маски. Уди-

вительно, во сколько обходятся такие вещи и как мало от них отдачи.

— Мистер Дэйн занимается особыми делами, — сказала Эстелла. — И для него очень важно добиться успеха.

— Ладно, — махнул рукой Торнтон. — Чем бы вы хотели заняться сегодня утром?

— Как насчет прогулки на рынок?

— Чудесно, — ответил Торнтон и вернулся к своему кофе.

После завтрака они первым делом наведались на причал для маленьких судов, находящийся в северной части порта. Они прошли мимо длинной шеренги рыбацких лодок, окрашенных в ярко-красный и зеленый цвета, мимо причала для сдающихся напрокат судов, возле которого безнадежно ожидали работы два старых прогулочных катера и сорокафутовая спасательная шлюпка. Большинство рыбацких лодок были снабжены дизельными моторами; их низкие мачты и укосины стали теперь бесполезным грузом. Оборудованы эти лодки были скудно, но на каждой имелось радио, принимавшее танцевальные мелодии из Гаваны. Мол был уставлен корзинами с рыбой, потерявшей в ярком солнечном свете свое фосфоресцирующее свечение.

— Не хотите прогуляться под парусом? — спросил Торнтон.

— Не сегодня. Я надеюсь, мистер Дэйн не задержится надолго.

— Ну да, — с легким недовольством согласился Торнтон. Но было просто невозможно долго оставаться в дурном настроении, когда вокруг сияет тропическое утро, когда солнце еще не палит нестерпимым жаром, когда Эстелла идет рядом и, переступая через трещины в тротуаре, опирается на его руку.

С причала они отправились на рынок. У самого входа под длинными навесами расположились торговцы цветами, их прилавки были завалены розовыми, желтыми и алыми соцветиями, уже испускавшими слабый аромат увядания. Торнтон и Эстелла прошли мимо открытых лавок, где продавались мексиканские одеяла и гаитянские резные безделушки, мимо раскаленной жаровни, на которой старуха в черной шали пекла и жарила черепашее мясо, распространяя запах горя-

щего масла. Домохозяйки торговались за сушеные фрукты. В мясной лавке свисали с потолка длинные ряды бело-красных туш, и маленький мальчик постоянно отгонял от них мух.

Чуть подальше рынок выглядел несколько более респектабельным. В крохотных лавчонках продавались кольца, ожерелья, статуэтки святых, поделки из соломы и куски необработанных полудрагоценных камней. Торнтон и Эстелла прошли ювелирные ряды и оказались в мире крокодилов. Здесь были туфли и бумажники, портфели и чемоданы, пояса и обложки для документов — и все из крокодиловой кожи. Все на свете можно сделать из крокодиловой кожи, и более уродливый мир невозможно представить. Предлагалось бесконечно многое — требовалось несуществующее.

До сих пор им успешно удавалось отвязаться от продавцов. Энергичные испанские выражения Эстеллы и ворчание Торнтона отпугивали даже самых настырных. Но продавец крокодилийей кожи оказался непробиваемым. Он выбежал из своей лавки и вцепился в них, словно тропическая пиявка. Он был низеньким, толстым, с глазками, похожими на ягоды терна. Он зазывал их в лавку на испанском, французском и английском языках. Торнтон подумал, что в другом месте человек с такой энергией и целеустремленностью вмиг сделался бы миллионером.

— Я умоляю вас только взглянуть на эти чемоданы. Только взглянуть, и ничего более. Дело идет плохо, торговля — это ужасно. Это настоящий крокодил, сэр.

— Не люблю крокодилов, — ответил Торнтон. — Предпочитаю бычью кожу.

— Крокодиловая кожа долговечнее бычьей, — возразил торговец. — В моих чемоданах хранится сама вечность. А может, вам нужен бумажник?

— Нет, — сказал Торнтон.

— По крайней мере, посмотрите на мой магазин. Никаких обязательств, я вас уверяю.

— Нет, — ответил Торнтон, а Эстелла добавила по-испански нечто весьма похожее на ругательство.

— Мне так жаль, — огорчился торговец. — Только вчера

ваш земляк купил у меня лучший бумажник. Мистер Дэйн. Он понимает толк в вещах.

— В самом деле? — переспросил Торнтон, останавливаясь.

— И он сказал мне, что вам тоже может понадобиться бумажник или, возможно, небольшая дорожная сумка. Честно говоря, он посоветовал мне, чтобы я высматривал вас.

— Понятно, — сказал Торнтон. — Ладно, мы зайдем посмотреть.

Торговца звали мистер Куалилья. Он провел их в свой магазин и пригласил пройти за прилавок в небольшую комнату. Помимо двух потертых кушеток и грязного восточного ковра, в комнате находилась куча битой керамики и множество изделий из латуни. Мистер Куалилья задернул занавески и уселся в видавшее виды кресло.

— Дорогой мой сэр, — начал он торжественно, — вы не должны заставлять немолодого и слегка располневшего человека гоняться за вами по улицам. Я полагал, что люди вашей страны понимают намеки быстрее.

Торнтон извинился, а Эстелла добавила, что трудности в понимании — целиком ее вина.

— Ладно, не будем об этом, — галантно произнес мистер Куалилья. — Конечно, не будем! В любом случае вы здесь, в покое и уюте, и через мгновение будет готов кофе. Сэр, позвольте сообщить вам, что я полностью разделяю ваш вкус. Крокодиновая кожа — на редкость отвратительный материал.

— Тогда почему вы ею торгуете? — спросил Торнтон.

— Я думал, это будет интересно и не потребует больших усилий. Дело идет ни шатко ни валко, за исключением тех случаев, когда в порт приходит туристский теплоход. А все остальное время я могу спокойно писать мемуары. Вы любите турецкий кофе?.. Прекрасно, я сейчас приготовлю.

Мистер Куалилья вынул из стенного шкафчика джезву с длинной ручкой и поставил ее на горелку. Банка с кофе обнаружилась на куче свернутых кож.

— Да, — продолжал он, — я могу сказать, что получаю удовольствие от этого бизнеса, потому что это вообще не бизнес. Он позволяет мне наслаждаться красотами этого чудесного острова. В своей собственной стране каждый должен

работать, но за границей можно посвятить время другим занятиям.

— А где ваша родина, мистер Куалилья?

— Я британец, — ответил мистер Куалилья. — Вот! Кажется, кофе готов.

Он разлил кофе в крошечные медные чашечки. Торнтон и Эстелла попробовали густой напиток и похвалили его вкус. Мистер Куалилья сиял от радости.

— Кажется, вы упомянули мистера Дэйна? — спросил Торнтон.

— Да, — отозвался мистер Куалилья, — великолепный мистер Дэйн. Он обычно покупает у меня бумажники, когда бывает на Санта-Катарине. А потом мы заходим сюда, пьем кофе и разговариваем.

— Это должно быть интересно, — сказал Торнтон, подавляя нетерпение.

— Я всегда наслаждаюсь разговором с мистером Дэйном, — продолжал Куалилья. — С ним сюда приходит истинное дыхание севера. Рядом с мистером Дэйном трудно сохранять убежденность в том, что мир лишен смысла. После того как мистер Дэйн покидает нас, я обычно стараюсь поговорить с моим добрым другом, секретарем французского посла. Это помогает мне вернуться к прежней точке зрения.

— А вы работаете и на французов? — спросил Торнтон.

— Я — человек Запада, — твердо заявил мистер Куалилья. — Мои симпатии целиком на стороне стран НАТО. Но в первую очередь моя верность, конечно, принадлежит Соединенным Штатам.

— Конечно, — повторил за ним Торнтон.

— Еще кофе? Нет? Ну так вот, мистер Дэйн попросил меня ввести вас в курс дела. Вам следует знать, что недавно в Доминиканской Республике произошло одно интересное событие. Группа европейцев численностью приблизительно в тысячу человек из лагеря особого назначения под Ла-Вегой переместилась в Сиудад-Трухильо. Они погрузились на борт транспортного судна «Либерии». По документам это были рабочие, направлявшиеся в Венесуэлу на нефтяные поля. Возглавлял их хорошо известный всем Сантос-Фигуэрос, бывший генерал Синей дивизии. — Мистер Куалилья много-

значительно улыбнулся. — Быть может, вы слышали кое-что об этой рабочей силе?

— Слышали, — подтвердил Торнтон. — Они уже получили оружие?

— Нет еще. Не в Доминиканской Республике.

— Они уже отплыли?

— Их корабль покинул берега Доминиканской Республики сегодня утром. Если бы вы могли сообщить об этом мистеру Дэйну...

— Мы не знаем, где он находится, — сказал Торнтон.

Куалилья поднял брови.

— В самом деле? И он не оставил никаких указаний относительно того, куда уехал?

— Никаких.

— Возможно, он не мог открыть вам все свои секреты, — с улыбкой произнес мистер Куалилья, давая понять, что это всего лишь шутка. — Или, быть может, это пресловутая американская осторожность.

— У вас есть еще какая-нибудь информация для нас? — спросила Эстелла.

— В настоящий момент — нет. Но я должен сказать вам, что вам обоим лучше всего покинуть Санта-Катарину при первой же возможности. В городе появился опасный элемент. Слишком многие пытаются изменить ход событий, убрав лишние неизвестные из уравнения. Лучше всего будет быстренько исчезнуть.

— Это невозможно.

— Тогда будьте осторожны, — сказал Куалилья. — Будьте очень осторожны.

Эстелла спросила:

— Вы слышали что-нибудь о грузовом судне «Гелиос»?

— Оно было здесь два дня назад. Помимо этого я не слышал ничего. Однако очевидно, что «Гелиос» и «Либерии» должны встретиться в некоторой точке. Оружие воссоединится с людьми там, где никто ничего не заметит. Но я не знаю, где находится это место. Это не может быть большой порт или город. Но за данным исключением нам на выбор предоставлен весь Карибский бассейн.

Торнтон и Эстелла встали. Куалилья дружески пожал им руки.

— Будьте осторожны, мои юные друзья. Ради всего святого, будьте осторожны.

— А вы, мистер Куалилья? — спросила Эстелла. — Разве вам не грозит опасность?

— Я принял необходимые меры предосторожности. Мистер Дэйн предусмотрительно снабдил меня некоторыми средствами, и я отправляюсь в отпуск. Я буду отсутствовать в течение нескольких недель. А после этого, как я полагаю, Санта-Катарина вновь станет благодатным и приветливым местом. Передайте мою благодарность мистеру Дэйну, когда увидите с ним. И будьте осторожны.

Торнтон сказал:

— Быть может, мне перед уходом нужно купить бумажник?

— Пожалуйста, не делайте этого, — возразил мистер Куалилья. — Мистер Дэйн покупает их только для того, чтобы досадить мне. У него очень странное чувство юмора.

— Это точно, — отозвался Торнтон. Они с Эстеллой вышли на улицу.

Не успели они пройти квартал, как Эстелла тронула Торнтона за плечо:

— Что касается неприятностей, которые предрекал мистер Куалилья...

Торнтон обернулся и увидел, что прямо к ним направляется не кто иной, как Роджер Стиччини.

Глава 19

— Давайте уйдем отсюда, — сказал Торнтон. Он взял Эстеллу под руку и перевел на другую сторону улицы. Ему не верилось, что Стиччини осмелится предпринять что-либо посреди города среди бела дня. Но рисковать, проверяя это предположение, он не хотел. Стиччини уже пытался один раз убить его. Возможно, он считает, что в людном месте это будет легче сделать — неожиданный спор, выстрел, неразбериха, толпа, собравшаяся поглазеть на труп. И когда наконец

приедет полиция, никто не сможет с уверенностью сказать, что же случилось на самом деле.

Они свернули в узкий переулок. Торнтон оглянулся и увидел, что Стиччини идет за ними. Руки его были засунуты глубоко в карманы. Судя по виду, он нервничал и злился.

В дальнем конце переулка Торнтон увидел серую каменную громаду отеля «Коронадо».

Стиччини что-то крикнул. Торнтон огляделся и заметил грузовик, свернувший в переулок. Он подтолкнул Эстеллу поближе к стене здания, чтобы дать грузовику возможность проехать. А потом заметил, что грузовик и не намеревается проезжать.

Тротуар был шириной не больше фута. По обеим сторонам переулка возвышались многоэтажные здания, похожие на отвесные стены ущелья. Грузовик левыми колесами ехал по тротуару, его квадратная громада занимала почти всю ширину переулка. Он мчался прямо на них.

Стиччини, стоявший в двадцати футах позади них, прыгнул в дверь подъезда. Торнтон поспешно огляделся в поисках другой двери, но вокруг были только гранитные стены зданий. Он слышал, как стучат клапаны в двигателе грузовика, радио в кабине играло танцевальную мелодию из Гаваны.

На какой-то миг вид огромного колеса, мчащегося прямо на них, парализовал Торнтон. В следующий миг он швырнул Эстеллу наземь, вжимая ее в угол, образованный стеной здания и тротуаром, прикрывая ее своим телом.

Оплошность водителя спасла им жизнь. Грузовик подошел слишком близко к зданию. Кабина скрежетнула по камню, потом последовал удар о выступ. На скорости сорок миль в час грузовик накренился, ударившись о стену здания на другой стороне переулка. Два человека, отчаянно вжимавшиеся в тротуар, увидели, как мимо них промелькнуло днище машины, окутанное синими выхлопами. Грузовик промчался мимо них на двух боковых колесах. Торнтон рывком поднял Эстеллу на ноги, и они побежали туда, откуда пришли, прежде чем грузовик мог остановиться.

Но грузовик бесследно исчез из переулка. Когда они добежали до подъезда, куда скрылся Стиччини, его там уже не было. Должно быть, он вышел из здания через другую дверь.

...По дороге в отель Эстелла была на удивление спокойна. Реакция на случившееся настигла ее только тогда, когда они вернулись в ее номер и заперли дверь. Теперь она уже могла подавить дрожь. Торнтон обнимал ее, пока она постепенно приходила в себя. Она уткнулась головой ему в плечо, и он вдыхал тонкий аромат ее волос. Послеполуденное солнце светило в окно и пятнало тусклым золотом темное дерево мебелировки.

Торнтон почувствовал, что горло у него пересохло, а лицо, наоборот, стало мокрым от пота. Он заметил, что забыл включить вентилятор.

— Эстелла...

Она подняла голову и посмотрела на него. Он наклонился и поцеловал ее, и она обвила его шею руками. Торнтон снова поцеловал ее, по-прежнему слыша где-то в глубине сознания стук клапанов грузовика. Когда он коснулся тонкого шелка ее блузки, на миг ему показалось, что он совершает что-то недозволенное. Но это ощущение моментально ушло, растворившись в потоке других, более ярких чувств.

Вечерело, тусклое золото заката уступило место синеве сумерек. Торнтон и Эстелла лежали рядом на кровати, держась за руки. Торнтон словно медленно дрейфовал в океане чувств. Сиюминутное желание было удовлетворено, и на месте этого желания возникло новое чувство, тяга к чему-то непреходящему, почти пугающая своей необъятностью. Полуоформленные образы проплывали в его сознании — незавершенные картины семейной жизни с Эстеллой. Эти образы дразнили, были бесконечно притягательны. Но одновременно с ними в душу ему закрадывались опасения. Он обладал ею, но завоевал ли он ее? Она отвечала на его ласки с неистовой страстью. Но вот сейчас она лежит рядом с ним в постели, удовлетворенная и усталая, какая-то отстраненная, словно бы ведет разговор со своей незримой дуэньей. С внезапным страхом Торнтон подумал, что, возможно, уже потерял ее.

— Эстелла, — сказал он, — я еще ни разу не говорил, какие чувства я испытываю к тебе.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Я люблю тебя, Эстелла. — Он неуверенно

улыбнулся. — Я влюблен в женщину, которая работает агентом секретной службы.

— Это правда? — Голос ее был сонным и теплым, в нем проскальзывало легкое изумление.

— Да. Несомненно. Эстелла, ты выйдешь за меня замуж?

— Это можно, — мечтательно протянула она. — Я обдумываю твой план. То есть я хочу сказать — твоё предложение.

— Я должен был сказать это тебе раньше. Прошу прощения, если я...

— Пожалуйста, не будь занудой-моралистом, — отозвалась Эстелла. — Не сейчас. Это будет ужасно.

— Ладно. Но я действительно люблю тебя.

— Ты замечательный человек. Я должна очень серьезно обдумать твоё предложение.

Торнтон ощутил странную горечь. Именно тогда, когда ему полагалось полностью покорить ее, он терял ее.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Такие дела, — твердо сказала она, — решаются не в постели. Думаю, только американцы делают предложение в постели. Должно быть, это пример американской изобретательности.

— Эстелла, ради бога!

— Я очень люблю тебя, Билл. Сделай мне это предложение завтра, если ты по-прежнему будешь хотеть этого.

— Конечно, буду.

— Вот и предложишь тогда. А пока, я полагаю, мы можем считать себя неофициально помолвленными. — Она потянулась и поцеловала его в шею, а потом быстро выскользнула из постели. Он смотрел, как она одевается, почти скрытая от глаз сумеречными тенями.

— Вставай, Билл. Пойдем ужинать.

— Ты очень неромантическая женщина.

— Романтическая. Но голодная.

— Пусть так, — согласился Торнтон. — Как ты думаешь, они снова подадут на ужин этого проклятого цыпленка?

— А что еще они могут подать?

В ресторане отеля им действительно подали рис и цыпленка — должно быть, это было неизменное вечернее меню.

К удивлению Торнтон, цыпленок оказался почти съедобным. Во время кофе Торнтон спросил:

— Ты твердо намерена уйти из секретной службы?

— Думаю, да. А что?

— Было бы несколько неловко быть мужем агента спецслужбы. Ты знаешь, насколько консервативны бывают американцы. Наши соседи не поймут, если ты будешь упражняться в дзюдо или метании ножа. И мне будет трудно объяснить, почему в наш дом под покровом темноты приходят низенькие бородатые мужчины с портфелями. И еще нам следует подумать о детях. Как я буду им объяснять, что их мама отбыла на спецзадание?

— Билл, какие глупости ты говоришь! Все это очень мило. Но я еще не сказала, что выйду за тебя замуж.

— Но ведь ты выйдешь, не правда ли?

— Могу и выйти. Ты планируешь отправиться в путешествие?

— Мой бизнес требует от меня постоянных путешествий, — ответил Торнтон. — Возможно, я без этого уже не смогу. Но зачем мне все время болтаться где-то за границей? Приложив некоторые усилия, я смогу получить должность менеджера в отделе зарубежной торговли. И тогда большую часть времени я буду проводить дома.

— Думаешь, тебе это понравится?

— Понравится, — сказал Торнтон и с легким удивлением понял, что эти слова были правдой. — И все же мне придется довольно много путешествовать по долгу службы.

— Ты сможешь брать меня с собой?

— В долгие поездки — да.

— Мне хотелось бы повидать Европу, — промолвила Эстелла. — И Азию. Я еще никогда не выбиралась из западного полушария.

— Тебе понравится Европа, — сказал Торнтон, обнаруживая, что с трудом сдерживается, чтобы не расплыться в широкой и глупой улыбке.

— Да. Но на данный момент нам надо решить этот вопрос с оружием.

— Черт, я и забыл об этом проклятом грузе. Хотел бы я, чтоб Дэйн поскорее вернулся.

— Возможно, он прислал нам телеграмму, — предположила Эстелла.

Они спросили у портье, но ни на имя мисс Варгас, ни на имя мистера Торнтон не поступало никаких сообщений. Они пошли в казино отеля и немного поиграли в рулетку. Потом Торнтон учил Эстеллу, как надо правильно пить ром по-пиратски. Время для этого было самое подходящее. Они пили в баре отеля, потом купили несколько журналов и газет и поднялись в номер Торнтон.

Отсутствие Дэйна угнетало их. Они сидели, читали прессу или выглядывали в окно, чтобы полюбоваться на бродячих музыкантов. Наконец Торнтон бросил взгляд на часы и спросил:

— Эстелла, ты выйдешь за меня замуж?

— Что, Билл?

— Сейчас три минуты первого. Ты сказала, чтобы я спросил тебя об этом завтра, а завтра уже наступило.

— Ты всегда так пунктуален?

— Всегда.

— Мы не так уж долго знакомы друг с другом.

— Знаю.

— Замужество — это очень серьезный вопрос.

— Я знаю и это тоже.

Она задумчиво посмотрела на него, затем сказала:

— Билл, я тебя люблю. Но сейчас еще слишком рано думать о браке. Я считаю, что нам следует еще некоторое время поразмыслить.

— Полагаю, ты права, — согласился Торнтон. Он легко поцеловал ее. В дверь постучали.

— Кто там? — спросил Торнтон.

— Стиччини. Я должен поговорить с вами, Торнтон. Это важно.

Торнтон посмотрел на Эстеллу. Потом достал из дорожной сумки револьвер, проверил наличие патронов в барабане

и сунул оружие в карман пиджака. Не снимая ладони с рукояти револьвера, он отпер дверь.

— Ладно, Стиччини, входите.

Глава 20

Вид у Стиччини был нездоровый: лицо покрыто желтоватой бледностью, глаза лихорадочно блестят. Он закрыл за собой дверь и осторожно прошел в комнату, держа обе руки на виду. Одет он был в помятый костюм спортивного покроя и рубашку с оторванной у ворота пуговицей. На ногах — легкие кожаные туфли.

Он окинул взглядом комнату и спросил:

— А где еще один?

— Вы имеете в виду мистера Дэйна?

— Того типа из Госдепартамента, который был с вами.

— Сейчас его здесь нет, — сказал Торнтон. — Что мы можем сделать для вас?

— Я только хочу поговорить с человеком из Госдепартамента.

— Тогда найдите его, — посоветовал Торнтон.

Стиччини отстраненно кивнул и опустился на стул у двери. Казалось, он пытался привести мысли в порядок. Он полез в карман, и Торнтон сжал рукоять своего револьвера. Стиччини вытащил сигарету и закурил.

— Послушайте, — сказал он, — вы действительно работаете с этим типом? — Не получив ответа, он задумался на несколько секунд, затем добавил: — Я хочу заключить сделку.

— Какую сделку? — спросил Торнтон.

— Я хочу уехать в Европу.

— Мы вам не препятствуем.

— Меня арестуют, как только я выйду из самолета, — пояснил Стиччини. — И препроводят обратно. Я знаю, что за мной следят. Я не могу уехать никуда. А тут со мной покваются.

— Учитывая обстоятельства, — сказал Торнтон, — я не могу особо посочувствовать вам.

— Мне не нужно сочувствие. Я хочу заключить сделку.

— Как я могу верить вам? — спросил Торнтон. — Во Флориде вы пытались убить меня.

Стиччини раздраженно отмахнулся:

— Но вы же не собираетесь всю жизнь припоминать это мне? Тогда мы были по разные стороны.

— Мы и сейчас по разные стороны. Сегодня днем было маленькое происшествие с грузовиком.

— Минутку, — возразил Стиччини. — Это предназначалось не для вас.

— Ну конечно, нет.

— Разве вы не видели, что произошло? Этот грузовик собирался переехать меня. Конечно, они с удовольствием задавили бы и вас. Но я был главной целью. Торнтон, они охотились бы на вас, если бы не хотели сначала пристукнуть меня.

— Это бессмыслица, — сказал Торнтон. — Мы говорим об одних и тех же людях? Шайка, которая купила оружие?

Стиччини кивнул.

— А вы работали на них. Почему же они хотят убить вас?

— Потому что теперь они получили груз. Они хотят скинуть законное правительство одной страны в Центральной Америке и не хотят, чтобы я был как-то связан с этим делом. Кроме того, они не любят североамериканцев.

— А еще?

— Они мне не доверяют.

— Неудивительно, — отозвалась Эстелла.

— Черт возьми, да они друг другу не доверяют! У них теперь есть оружие, и они думают, что могут отделаться от меня. А вот не выйдет!

— Не понимаю, как вы надеетесь выкрутиться? — сказал Торнтон. — И не понимаю, почему правительство США должно заключать с вами какую бы то ни было сделку?

— Я скажу, почему. Вы, ребята, хотите остановить это вторжение, прежде чем оно начнется, верно? Но вы не знаете, где оружие. А у меня есть сведения. Я знаю, где оружие. Я знаю всех людей, участвующих в этом. Я знаю, откуда пришел груз, кто заказал, кто оплатил, как его протащили через таможню. Это кое-чего стоит.

— Может, и так, — согласился Торнтон. — И где же оружие?

— Я скажу это Дэйну после того, как мы заключим сделку.

— Сейчас его здесь нет. Я не знаю, когда он вернется.

— Тогда сделки не будет.

— Оружие будет пущено в ход в ближайшее время, не так ли? — спросила Эстелла.

— В самое ближайшее.

— Тогда вам лучше рассказать нам, где оно находится. Мы сделаем все, чтобы помочь вам. Уверена, что и мистер Дэйн тоже.

— Нет, — уперся Стиччини. — Это все как-то слишком расплывчато.

— Не будьте глупцом. Вы должны поверить нам. Если оружие будет пущено в ход, то вам нечего будет предложить в качестве платы за сделку.

— У меня еще останутся имена участников.

— Этого будет недостаточно, — сказала Эстелла. — Вторжение — это самый важный вопрос. Вам лучше всего рассказать нам об этом. Если вас не пристукнут ваши приятели, то это можем сделать и мы.

Глядя на ее холодное, непреклонное лицо, Торнтон поверил ей. Видимо, Стиччини тоже. Он отвернулся и уставился в пол. Потом спросил:

— А если я расскажу вам, вы обещаете обговорить мои условия с Дэйном?

— Мы сделаем все возможное.

— Могу ли я верить вам? — Ему никто не ответил. Стиччини сказал: — Ладно, вы обещали. Вы знаете про островок под названием Куэвра? Неподалеку от побережья Центральной Америки, примерно шестьдесят миль на юг от Сан-Хуан-дель-Норте.

— Я о нем слышала, — кивнула Эстелла. — Он необитаем, не так ли?

— Верно. Я там никогда не был, но мне говорили, что это просто груда скал площадью примерно в один акр. Там когда-то было несколько рыбацких хижин, но во время последнего урагана их смыло в море. Люди так туда и не вернулись.

— Оружие будет выгружено там? — спросила Эстелла.

Стиччини кивнул.

— Оно уже там. «Гелиос» причалил к Куэвре и выгрузил

оружие на берег. Вы знаете про армию вторжения из Сиудад-Трухильо? Так вот, они тоже высадятся на Куэвре. После того, как они вооружатся, они переместятся на материк и начнут вторжение. Или освободительную акцию, как они это называют.

— Когда они высадятся?

— Последнее, что я слышал, — это то, что по графику они должны прибыть на Куэвру рано утром шестнадцатого числа. То есть через два дня.

— Кто сейчас на острове?

— Насколько я знаю, никого. Сначала планировалось, что «Гелиос» и «Либерии» прибудут на остров одновременно. Потом план изменился. «Либерии» был поврежден во время захода в гавань — кое-кто утверждал, что это происки кубинцев, — и ему пришлось пару дней ремонтироваться в сухом доке. «Гелиос» не мог болтаться в море с оружием на борту, когда американские корабли ищут его повсюду. Он выгрузил оружие на Куэвру прошлой ночью.

— «Майами-Юг» замешана в этом деле? — спросил Торнтон.

— Я сказал все, что собирался сказать сейчас, — ответил ему Стиччини. — Я рассказал об оружии и о планах вторжения. Если вы хотите знать, кто участвует в деле, то прежде — сделка. Когда вернется Дэйн?

— Мы ожидаем его возвращения в любую минуту, — сказал Торнтон.

— Отлично. А я пока разведую обстановку. Понимаете, мне нужна чья-то защита.

— Вы ее получите, — заверила Эстелла. — Но пока мистер Дэйн не вернется, вам, наверное, лучше оставаться здесь, в отеле. Полагаю, что по Санта-Катарине разгуливать не следует.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь разгуливать, — сказал Стиччини. — Если я прятался до сих пор, то полагаю, что мне это удастся и впредь.

Он подошел к окну и осторожно выглянул за занавески. Уличные музыканты, расположившиеся на тротуаре напротив, били в африканские барабаны. Стиччини несколько се-

кунд смотрел на них, потом отпрянул от окна. Эти музыканты ему явно не понравились.

— Под прикрытием такого шума хорошо стрелять из автомата, — сказал он Торнтону.

— Может, не будем драматизировать?

— Драматизировать, ха! Вы здесь слишком недолго, Торнтон. Именно так это и делается, особенно здесь, на Карибах. Верно, мисс?

Эстелла неохотно кивнула. Стиччини добавил:

— Это вам не Штаты. Здесь крутые парни просто приходят, захватывают город, делают свои дела и уходят. Ковбои с автоматами. Два дня назад здесь высадились эти самые крутые.

— А как же полиция? — спросил Торнтон.

— Когда крутые в городе, полиция обычно в отпуске, — серьезно ответил Стиччини. — Чтобы очистить это место, потребовалась бы армия.

— Пожалуй, мы можем заказать для вас номер, — сказала Эстелла.

— Да, думаю, это будет лучше всего. Номер без вида на улицу. И пусть еду приносят в комнату. — Он полез в карман и достал оттуда большой черный пистолет-автомат. Это движение было столь быстрым и небрежным, что Торнтон среагировал только тогда, когда пистолет был уже у Стиччини в руке. Тогда он потянулся за своим револьвером.

— Спокойнее, — сказал Стиччини. — Мы теперь партнеры, помнишь?

Он вынул обойму, извлек боек и осмотрел его, потом несколько раз проверил, как действует курок, вставил боек обратно и вогнал обойму в патронник. Наполовину взведя курок, он положил пистолет обратно в карман. Кажется, эта проверка вернула ему уверенность в себе.

— Ладно, — сказал он, — полагаю, я готов. Пусть и не пытаются устроить какой-нибудь трюк. Я сейчас позвоню портье.

Он взял телефонную трубку и подергал рычаг:

— Алло! Портье?

Он подождал, потом еще раз постучал по рычажку и сказал:

— Алло! Алло! — Положив трубку на место, он заявил: — Не работает.

— Может быть, дежурная просто отлучилась? — предположил Торнтон.

Стиччини скептически хмыкнул:

— Они всегда начинают с таких фокусов.

— Что вы предлагаете? — спросила Эстелла. — Может, нам следует подождать?

Стиччини подошел к окну, раздвинул занавески на дюйм и снова посмотрел на музыкантов. Подойдя к двери, он открыл замок, быстро выглянул наружу и снова закрыл дверь.

— Нет, — сказал он, — лучше не ждать. Им только того и надо.

— А что они могут сделать, пока мы остаемся в номере? — спросил Торнтон.

— Многое. Если бы эта маленькая проблема была поставлена передо мной, то я разрешил бы ее в пять минут. Мне нужна другая комната, и под чужим именем. Насколько я знаю, этот номер прослушивается.

— С записью на магнитофон?

— Какой дурак будет связываться с магнитофоном? Они больше думают о бомбах. Вы знаете, как пользоваться пушкой, которую вы носите в кармане?

— Знаю, — ответил Торнтон. — Но я по-прежнему считаю, что вы преувеличиваете опасность.

— Надеюсь, что это так. — Стиччини снова попробовал дозвониться по телефону, но аппарат по-прежнему молчал. Вынув пистолет из кармана, Стиччини взвел курок до конца. Взяв со стола газету, он завернул в нее оружие. — Ладно, — сказал он, — полагаю, я готов.

Торнтон подумал, что это было бы смешно, если бы не сегодняшнее происшествие с грузовиком. Но даже это воспоминание не помогло ему полностью поверить Стиччини. Лицо Эстеллы было спокойным. Стиччини, казалось, собирался с духом. Потом сказал:

— Если вы увидите, что что-то не так, быстро смывайтесь. Но не думаю, чтобы они решились на что-нибудь прямо сейчас.

Он приоткрыл дверь и осмотрел коридор. Потом вышел наружу, держа в левой руке завернутый в газету пистолет.

— Ладно, можете выходить, — сказал Стиччини голосом бравого офицера из телефильма про войну.

Он пошел впереди них по коридору. Перед каждым поворотом он останавливался и осторожно заглядывал за угол, прежде чем выйти. Когда они дошли до лестницы, он остановился и посмотрел вверх и вниз. На каждой площадке он задерживался, чтобы прислушаться, затем шел дальше. К тому времени, когда они спустились в вестибюль, Торнтон решил, что Стиччини надо было податься не в бандиты, а в актеры.

В вестибюле было немного народу — человек восемь. Группа туристов толпилась у доски объявлений, споря, в какой ночной клуб пойти. За столиком в углу два пожилых человека играли в шашки.

Стиччини подошел к стойке портье, зарегистрировался и попросил номер с окнами во двор. Портье взял деньги и дал ему ключи от номера на третьем этаже. Стиччини спросил:

— А что у вас с телефонами?

— Часа через два все будет в порядке, — ответил портье. — Мы вызвали монтера, но он еще не пришел.

— Понятно, — сказал Стиччини. — Видите ли, я хочу, чтобы еду доставляли мне в номер. Это можно устроить?

— Конечно, сэр.

— Хорошо, позаботьтесь об этом. — Стиччини обернулся к Торнтону: — Наверное, я сейчас поднимусь в номер и осматрю его. Думаю, это может решить проблему.

Он направился к лестнице. Там ему пришлось подождать — по лестнице спускались четыре бизнесмена в белых тропических костюмах. Они о чем-то ожесточенно спорили по-испански. Пройдя вплотную к Стиччини, они вышли в вестибюль.

Стиччини пошел наверх. Потом вдруг остановился и обернулся. Лицо его стало изжелта-бледным и на какой-то миг застыло, как маска. Потом он выкрикнул что-то, уронил пистолет и газету и судорожно сунул руку в карман.

Торнтон и Эстелла, стоявшие в пятнадцати футах от лестницы, смотрели на него. Потом Торнтон осознал, что же

именно выкрикнул Стиччини. Он схватил Эстеллу за руку и бросился бежать.

Четверо бизнесменов уже вышли из отеля.

Стиччини удалось наполовину извлечь из кармана какой-то предмет. Но больше он не успел сделать ничего.

Взрыв прозвучал приглушенно, но воздушная волна едва не сбила Торнтон с ног.

Глава 21

Капитан полиции был молод, не старше двадцати семи или двадцати восьми лет, и красив какой-то сумрачной красотой. У него были маленькие, тщательно подстриженные усики, благородный лоб, тяжелые веки и правильных очертаний губы. Свою форму цвета хаки он носил с оттенком щегольства. Глядя на него, Торнтон сравнивал его с молодым Игнатием Лойолой. В этом человеке не к чему было придраться — разве что к его самоуверенности. Но и эта самоуверенность была вполне объяснима: капитан сейчас выступал как оплот закона.

— Это была ручная граната, — сказал молодой Лойола, которого на самом деле звали Мигель-Доминго Альварес-и-Тадарро. — Они подбросили вашему другу в карман пиджака ручную гранату. Теперь вы поняли?

— Он не был моим другом, — ответил Торнтон.

Капитан Альварес пожал плечами. Он ожидал, что любой человек, находящийся по другую сторону стола для допросов, будет лгать; это было всего лишь подтверждением преступной натуры допрашиваемого.

— Запал гранаты, — продолжал Альварес, — вероятно, был такой длины, чтобы она взорвалась примерно через четыре секунды. Это должно было дать людям, подбросившим ее, достаточно времени, чтобы покинуть место взрыва.

— Я не понимаю одного, — сказал Торнтон. — Почему Стиччини не успел вытащить ее из кармана?

— Я не могу сказать с уверенностью, так как нам не удалось собрать достаточно металлических фрагментов, но я полагаю, что убийцы применили старую и очень простую уловку.

К корпусу гранаты приматывается двойной ряд рыболовных крючков. Обычные рыболовные крючки, которые впиваются в одежду и застревают.

— Это ужасно, — отозвался Торнтон.

— Но все равно ваш друг действовал неправильно. Вместо того чтобы попытаться выкинуть гранату из кармана, ему следовало просто сбросить пиджак. Но, возможно, ваш друг никогда не слышал об этой уловке.

— Повторяю, он не был моим другом, — сказал Торнтон. — Вы нашли тех людей, которые прошли мимо него по лестнице?

— Нет, — ответил капитан Альварес. — Ваше описание несколько расплывчато. Четверо мужчин, говорящих по-испански, одетых в белые костюмы делового покроя. Таких людей в Санта-Катарине около десяти тысяч. Ваш друг...

— Капитан, я вам говорил...

— Как пожелаете. Ваш соотечественник мистер Стиччини пал жертвой старых террористических приемов, зародившихся в России, но полного расцвета достигших только в Южной Америке. Вам это о чем-либо говорит?

— Нет. А должно говорить?

Капитан Альварес вздохнул и полистал какие-то документы, лежавшие на столе. Торнтон слышал скрип кожи за спиной — охранник у двери переступал с ноги на ногу.

Альварес сказал:

— Мистер Торнтон, я думаю, что вы сознательно отказываетесь помогать нам. Не расскажете ли, что вы делаете в Санта-Катарине?

— Я вам уже рассказал.

— Я хотел бы услышать это еще раз.

— Я прибыл сюда вместе с мистером Стивеном Дэйном, который является агентом Департамента финансов США.

— У нас нет никаких записей касательно его прибытия и отъезда. Но продолжайте, пожалуйста.

— Мы прибыли сюда, — сказал Торнтон, — чтобы перехватить небольшое грузовое судно под названием «Гелиос».

— Этот корабль ушел уже два дня назад, а вы все еще здесь. Ваша история становится слегка странной, мистер Торнтон. Но продолжайте, прошу вас.

Торнтон бросил взгляд на невозмутимый скульптурный лик капитана и подавил нарастающую ярость.

— Причина, по которой мы хотели найти и задержать этот корабль, состоит в том, что на нем переправляется партия оружия, незаконно вывезенная из Соединенных Штатов и предназначенная для армии вторжения в центральноамериканское государство Коруна.

— Коруна?

— Да.

— Но позвольте, мистер Торнтон, Коруна находится на противоположном берегу Карибского моря от Санта-Катарины. Зачем кому-либо нелегально вывозить оружие из Соединенных Штатов, а потом делать с ним крюк в тысячу миль? Согласитесь, мистер Торнтон, что ваша история выглядит неправдоподобной.

— Мистер Дэйн смог бы объяснить вам причины.

— Но, к величайшему сожалению, мистера Дэйна здесь нет. У нас в наличии вы, мисс Варгас и сказка о вторжении, готовящемся по ту сторону Карибского моря.

— Эта сказка скоро станет былью.

— Не сомневаюсь, — отозвался Альварес, — что в Центральной Америке скоро случится война, переворот или революция. В этом году их было уже шесть, почему бы не случиться еще одной? Это очень трагично. Но это не объясняет вашего присутствия на Санта-Катарине, равно как присутствия мисс Варгас или вашего друга мистера Стиччини.

— Я уже говорил вам, — сказал Торнтон, словно задавшись целью натренировать свое терпение, — что мистер Стиччини не был моим другом. Во Флориде он пытался убить меня.

Альварес кивнул:

— Это определенно не сделало его вашим другом. Но если он покушался на вашу жизнь, почему же выпустили его в ваш номер? Почему вы спустились с ним в вестибюль и помогли ему снять номер в этом же отеле?

— Обстоятельства изменились.

— Они должны были измениться очень радикально, если вы пытались помочь человеку, который хотел убить вас. Но,

возможно, вы ему не помогали. Возможно, вы сыграли какую-то роль в гибели мистера Стиччини.

— Нет.

— Он пытался убить вас. Что может быть естественнее с вашей стороны, чем попытка убить его?

— Возможно, это было бы естественно, — сказал Торнтон, — но я не принимал в этом никакого участия.

— Тогда скажите мне, чем вы действительно занимались на Санта-Катарине, — резко потребовал Альварес. — Быть может, контрабандой?

— Нет.

— Тогда вы, вероятно, революционер. Нет? Вы можете быть шпионом Трухильо или Кастро, каждый из которых сможет найти хорошее применение этому островку. Позавчера вас видели в старом форте, где вы снимали что-то на фотопленку.

— Вряд ли это можно назвать стратегическими разведанными.

— Сам форт не представляет собой военного значения. Но с него открывается отличный вид на гавань и аэропорт.

— Это же нелепо! — вышел из себя Торнтон. — Сотни туристов фотографируют эти развалины.

— Но вы не турист, мистер Торнтон. Кажется, мы уже пришли к такому выводу. Такой человек, как вы, просто не может быть не связан с подрывными элементами, недавно прибывшими на Санта-Катарину. Вы — человек, имевший тесную связь с террористическим актом, человек, который пытается объяснить свое присутствие здесь, рассказывая чрезвычайно неправдоподобную историю. Вы говорите, что действуете в пользу Коруны, но Коруна находится по ту сторону Карибского моря. Вы говорите мне, что работаете вместе с мистером Дэйном, но у нас нет записей, свидетельствующих, что он прибывал на остров или покидал его. Вы говорите мне, что мистер Стиччини, которого вы пригласили в номер, когда-то пытался убить вас; и вот мистер Стиччини погибает при чрезвычайно странных обстоятельствах. Я считаю, что вы лжец и опасный человек, мистер Торнтон. Я не знаю, что мне с вами делать.

Торнтон решил, что дальнейшие пререкания с капитаном Альваресом бесполезны.

— Я желаю видеть адвоката, — сказал он, — и американского консула.

Капитан Альварес кивнул, и к столу подошли два охранника.

— Уведите его, — сказал капитан. Он взял ручку и стал заполнять бланк голубого цвета, лежавший перед ним на столе. Допрос был окончен.

Охранники провели Торнтонa вниз на два лестничных пролета, состоявших из шероховатых каменных ступеней, в тюремный блок на восемь камер. Они отперли дверь огромных размеров ключом, который, наверное, сохранился со времен Непобедимой армады. Втолкнув его в камеру, они заперли за ним дверь.

Торнтон оглядел свое новое обиталище и обнаружил, что оно насчитывало примерно десять футов как в длину, так и в ширину. В качестве обстановки фигурировали деревянные нары, ведро, шербатый кувшин и чашка без ручки. Три стены были железными. Четвертая была вырублена в граните, на котором стояла вся Санта-Катарина. Стена блестела от сырости, равно как и каменный пол. «Идеальное место, чтобы подхватить пневмонию», — подумал Торнтон. В пятнадцати футах над его головой было маленькое зарешеченное окошко, с потолка тускло светила электрическая лампочка.

Торнтон лег на нары, которые явно предназначались для человека ростом не более пяти с половиной футов. Согнув ноги в коленях и подложив руки под голову, Торнтон обеспечил себе минимальный комфорт. Он смотрел на потолок, по которому бегали большие раскормленные тараканы. Кожа зудела. Он надеялся, что Эстелле отвели лучшее помещение.

Охранники не забрали у него ни ремень, ни шнурки от ботинок. Он волен был повеситься, если пожелает этого. Но он не желал. Все, чего он хотел, — это выпутаться из этой нелепой, бессмысленной истории.

И какое ему дело до вторжений в Центральную Америку, контрабандного оружия, карибских интриг?

Естественно, вопрос был совсем не так прост. Это дело касалось его верности по отношению к «Майами-Юг». Но только касалось. Он уже и так возместил все, что был должен Райерсону и фирме. А за это расследование он взялся на свой страх и риск. Он сделал все, что мог, и этого достаточно.

Еще была Эстелла. Но даже этот факт следовало рассматривать с позиции здравого смысла. Одно дело — путешествие под руководством Стивена Дэйна и совсем другое — если Дэйн исчез, а ситуация становится с каждым часом все более опасной. Это была работа для специалиста, а специалист находился за пределами Санта-Катарины. Эстелла это поймет.

Она способна понять, что героизм не приведет ни к чему. Гоняться за оружием и дальше — это уже не верность и не патриотизм; это самоубийство. В последний раз грузовик подъехал слишком близко; Торнтону все еще очень ярко представлялось огромное колесо, мчащееся прямо на него. Стиччини погиб страшной смертью, и только по счастливой случайности никто другой не погиб вместе с ним. Довольно. Надо выходить из игры. Пусть с этим разбирается Дэйн. Именно за это ему и платят.

Приняв это решение, Торнтон сразу почувствовал себя лучше. Он поднялся, закурил сигарету и стал рассказывать по камере. Из дальнего конца блока доносилось пьяное мычание. Вся камера пропахла плесенью и аммиаком, и даже у сигареты был дурной привкус. Торнтон отбросил ее, снял свой пиджак и свернул его. Потом снова улегся на нары, подложив пиджак под голову, и уперся ногами в стену. К своему удивлению, он смог уснуть.

Проснулся он от клацанья огромного ключа. Дверь камеры была открыта, и стоявший у двери охранник что-то сказал. Торнтон уловил слово «абогадо» и вспомнил, что это означает «адвокат». В камеру вошел человек, и дверь за ним закрылась.

— Вы говорите по-английски? — спросил Торнтон.

— Да, я говорю по-английски. Мне очень прискорбно видеть вас здесь, мистер Торнтон.

Торнтону его голос показался знакомым. Он сел, выпрямившись.

— Вы случайно не мистер Эберхарт?

— Да, это так. Могу я присесть?

— Почему бы и нет? — ответил Торнтон и подвинулся, освобождая место на нарах.

Глава 22

На вид мистеру Эберхарту было лет пятьдесят, рост средний, вес тоже. Лицо у него было бледное и вечно нахмуренное, тонкие губы поджаты. На круглой голове — ни единого волоска. Он носил очки в оправе из нержавеющей стали. Никаких признаков хромоты или шрамов не наблюдалось. Мистер Эберхарт сел на нары и сложил руки на коленях. В полумраке камеры его ладони были похожи на две бледные плоские рыбины.

— У меня на этом острове есть друзья, — сказал мистер Эберхарт. — Это дает мне возможность добиться вашего немедленного освобождения.

— В обмен на информацию?

— Конечно.

— А почему вы не спросили об этом Стиччини?

— С мистером Стиччини невозможно было иметь дело, — ответил Эберхарт. — Его требования были совершенно невыполнимы.

— И тогда вы решили убить его, так?

— Не думаю, что это имеет значение, — отозвался мистер Эберхарт. — Ведь он не был вашим другом, мистер Торнтон. Зачем же беспокоиться о нем?

Торнтон действительно не любил Стиччини; но видеть его разорванным на куски гранатой... никакой радости это Торнтону не доставило.

— В конце концов, — продолжал Эберхарт, — почему бы вам не поделиться со мною информацией, которая нужна мне? Если то, что вы сказали мне, правда, то вы работаете на корпорацию «Майами-Юг».

— Это верно.

— Я могу понять вашу заботу о репутации вашей компании. Но информация, которую вы мне сообщите, не бросает тень на эту репутацию. Я могу понять ваше желание возместить ущерб. Но вы, несомненно, сделали все в пределах возможного. Вы рисковали своей жизнью за дело, которое, по здравому размышлению, не может иметь для вас большого значения. Лучшее, что вы можете сейчас сделать, — это передать информацию мне и выйти из дела.

Эти рассуждения были до дрожи близки к тому, о чем Торнтон и сам думал незадолго до этого. Но в изложении мистера Эберхарта этот план потерял всякую привлекательность.

— Я уже говорил вам прежде, — сказал Торнтон, — что я не располагаю никакой информацией.

Мистер Эберхарт бережно снял очки и протер их носовым платком. Потом снова надел их на нос.

— Я вас не понимаю, — произнес он.

— Возможно, это вопрос элементарной порядочности, — ответил Торнтон. — Почему бы вам не пойти и не украсть оружие у кого-нибудь другого?

— О, я понимаю, — сказал мистер Эберхарт. — Элементарная порядочность. Тогда вам, быть может, будет интересно узнать, что это оружие изначально принадлежало мне. Мистер Стиччини и его сообщники похитили его у меня.

— Откуда мне знать, что это правда?

— У вас есть только мое слово, — сказал мистер Эберхарт. — Я заказал это оружие у дилера в Нью-Джерси, поставляющего армейское снаряжение. Я заплатил наличными. Оружие отправили на юг на грузовике. Грузовик был перехвачен, водитель и охранник убиты. С тех самых пор я пытаюсь вернуть свое имущество.

— Почему вы не сообщили в полицию?

— Это было невозможно. В глазах закона тот факт, что я — владелец оружия, был правонарушением. Этот закон переменчив, мистер Торнтон. В один год оружие провозится вполне легально, в другой год это запрещено. Страна, для которой я закупил оружие, в настоящее время находится под действием эмбарго.

— Значит, вам и думать нечего вернуть его, — сказал Торнтон.

Глава 23

— Не согласен. Это мое оружие, оно закуплено на мои средства. Я должен вернуть его.

— Для кого вы закупили его?

— Этого я не скажу. Однако сообщу вам следующее: если я сумею вернуть себе свою собственность, это оружие не будет использовано против Коруны и честь вашей компании не пострадает. Это должно удовлетворить и вас, и мисс Варгас. Более того, я заплачу вам премию в пять тысяч долларов за своевременную информацию. Вас это устроит?

Торнтон покачал головой:

— Я ни черта не знаю, Эберхарт. Вы зря тратите время.

Эберхарт извлек из кармана платок и промокнул лоб.

— Мистер Торнтон, я взываю к вашему разуму. Войдите в мое положение. Я отвечаю за это оружие. Если я не доставлю его на место, это грозит мне неприятными последствиями.

— Вы знали, что идете на риск, когда начали заниматься незаконными делишками.

— Да, я знал, что рискую. Но если я не доставлю это оружие, меня убьют.

— Мне прискорбно слышать это, — отозвался Торнтон. — Однако я полагаю, что если оно будет доставлено по назначению, то будет убито куда большее количество людей. Учитывая данные обстоятельства, я не могу проникнуться к вам большим сочувствием.

— Значит, вы не хотите помочь мне, даже для того, чтобы помочь себе и мисс Варгас?

— Я не могу помочь вам, — сказал Торнтон самым искренним тоном. — Я следовал за мистером Дэйном, пытаюсь найти оружие. Но теперь я не знаю даже, где находится сам мистер Дэйн.

Эберхарт решительно поднялся с нар.

— Отлично, мы больше не будем обсуждать этот вопрос. Я намерен вернуть свою собственность. Не стойте у меня на пути. Советую вам убраться из Карибского бассейна как можно скорее.

Он постучал в дверь камеры. Охранник подошел и отпер дверь. Мистер Эберхарт чопорно кивнул. Торнтон ответил на это легким движением, которое при желании можно было счесть за кивок. Мистер Эберхарт вышел.

Полчаса спустя охранник вернулся и отпер дверь камеры, в которой сидел Торнтон. Он показал знаками, что Торнтон хотят видеть наверху. Торнтон расправил свой пиджак, надел его, поправил галстук и проследовал за охранником в кабинет капитана Альвареса. Эстелла была уже там.

— Я посоветовался с начальством, — сказал капитан Альварес. — Мы обнаружили, что вы и мисс Варгас виновны в трех нарушениях уголовного кодекса, каждое из которых карается тюремным заключением.

Торнтон начал было протестовать, но Эстелла взглядом остановила его. Он умолк и стал слушать дальше.

— Мы могли бы совершенно законно подвергнуть вас тюремному заключению. Ваши консулы заявили бы протест, но только и всего. Если бы решение было предоставлено мне, я бы так и поступил. Однако мое начальство сообщило, что существуют определенные смягчающие обстоятельства. Помимо этого, ваш арест плохо скажется на прибыли в туристский сезон, который начинается в следующем месяце. Учитывая эти обстоятельства, мы решили освободить вас.

— Благодарю вас, капитан, — сказал Торнтон.

— Не за что меня благодарить. Вы и мисс Варгас должны покинуть Санта-Катарину в течение часа. Мисс Варгас пообещала, что никто из вас не вернется на Санта-Катарину в течение как минимум года. Если гипотетический мистер Дэйн приедет сюда, его тоже попросят покинуть остров. Это понятно?

— Понятно, — ответил Торнтон.

— Хорошо. Я распорядился, чтобы ваш багаж доставили в аэропорт. Сержант Мензиес доставит вас туда.

— Вы уверены, что на ближайший рейс будут места? — спросил Торнтон.

— Места есть. Мисс Варгас позвонила и заказала два билета. Хочется верить, что на этом все завершится.

Капитан Альварес вновь вернулся к своим бумагам. Сержант Мензиес подошел к бывшим заключенным и вывел их из помещения.

Вся эта история с неожиданным освобождением и выдворением с острова привела Торнтон в некоторое замешательство, но он решил, что все к лучшему. Вернувшись в Майами, они смогут связаться с властями. Возможно, кто-нибудь другой сможет выйти на след и найти оружие. Кажется, Эстелла смирилась с мыслью о том, что их выставляют с острова. Когда они в сопровождении сержанта Мензиеса шли через ярко освещенный зал ожидания аэропорта к терминалу, она крепко держалась за руку Торнтон и, казалось, сильно нервничала. Торнтон решил, что события дня повлияли на нее сильнее, чем она сама осознает. Он был рад, что все это для них наконец-то закончилось.

Он считал, что все идет как надо, до тех пор, пока они не достигли трапа самолета. Только там он увидел ярко освещенные буквы: «Рейс 103. Кингстон, Панама-Сити, Квито».

— Эстелла, — сказал он, — этот самолет летит не в Майами.

— Знаю. Объясню, когда мы будем на борту.

— Объяснишь — что? Куда мы направляемся?

— В Кингстон, на Ямайку. Пожалуйста, Билл, я все объясню.

— Нет! — воскликнул Торнтон. — Зачем мы летим на Ямайку? Ты не можешь просто...

Он почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, он увидел круглое доброжелательное лицо сержанта Мензиеса. Сержант указал подбородком в сторону самолета. Эстелла сжала руку Торнтон.

Под вежливым, но твердым нажимом (в буквальном смысле этого слова) сержанта Мензиеса Торнтон поднялся по трапу в самолет.

Глава 24

Половина мест в «ДЦ-6» была свободна. Торнтон и Эстелла заняли кресла в хвостовой части. Вскоре объявили взлет, и огни Санта-Катарины исчезли внизу, когда самолет плавно развернулся и взял курс на Ямайку.

— Ладно, — сказал Торнтон после того, как они смогли

отстегнуться от кресел. — Так ты теперь можешь рассказать мне, почему мы летим на Ямайку?

— Потому что это ближайшее безопасное место от Куэвры, — ответила Эстелла.

— Продолжай.

— Я подумала, что мы, возможно, сможем взять лодку напрокат в Кингстоне. Мы можем нанять рыбацью лодку и отправиться на Куэвру. Это не займет много времени, Билл. На хорошей моторной лодке мы доберемся туда за двенадцать часов.

— Ну конечно. И что мы будем делать, когда окажемся там?

— Мы побросаем оружие в океан, — сказала Эстелла. — Разве ты не понимаешь, Билл? Моторная лодка доберется туда скорее, чем придет «Либертио». Мы сможем избавиться от оружия и скрыться раньше, чем они высадятся.

— Нет, — сказал Торнтон.

— Почему?

— Потому что так дела не делаются. Теперь, когда мы знаем о местонахождении оружия, мы должны сообщить об этом законным властям Коруны, чтобы те послали корабль и солдат. Оружие — дело армии.

— На это нет времени, — возразила Эстелла. — Я не думаю, что это подействует.

— Почему?

— В правительстве есть лица, которые поддерживают идею вторжения. Если сообщение попадет не в те руки, то не будет предпринято ничего или же действия будут откладываться до тех пор, пока не станет слишком поздно. Но даже тот, кто заслуживает доверия, дважды подумает, прежде чем выслать на Куэвру солдат, если получит ничем не подтвержденное сообщение от разведчика-новичка. Понимаешь, Куэвра находится в спорном районе, на который претендуют одновременно Коруна и Никарагуа. В настоящее время между нами и Сомосой существуют почти добрососедские отношения. Никто из официальных лиц не пошлет войска в тот район без неопровержимых улик. Возможно, слово мистера Дэйна и смогло бы подтолкнуть их к действию, но мое слово там ничего не значит.

— Этот нелепо, — сказал Торнтон. — Я полагал, что правительство Коруну прислушивается к словам своих агентов.

— Оно прислушивается, но это сложный процесс. Предполагалось, что я подам рапорт только моему начальнику, доктору Медилье, начальнику отдела безопасности Северного сектора. Он перешлет рапорт главе отдела внутренней безопасности, который представит свои рекомендации президенту и парламенту. Все это займет пять или шесть дней. У нас нет этих пяти или шести дней.

— Почему бы вам не позвонить доктору Медилье и не спросить у него?

— Я пыталась сделать это из Санта-Катарины, но не смогла связаться с ним. Доктор Медилье сейчас в Мексике, на Всеамериканской конференции сотрудников безопасности. Ожидают, что он вернется через три дня.

— Он выбрал чертовски подходящее время, чтобы уехать.

— Коруне непрерывно угрожают извне в течение трех последних лет. Вы хотите, чтобы доктор Медилье просидел все эти три года за своим столом?

— Полагаю, нет. Эстелла, если вы это сделаете, то вы нарушите данные вам приказы.

— Предполагалось, что в экстремальных случаях я буду действовать по собственной инициативе.

— Это просто ничего не даст, — сказал Торнтон. — Эти контейнеры весят по полтонны каждый. Чтобы перетаскивать их, нам понадобится как минимум лебедка.

— Мы можем вскрыть их и выбросить оружие по отдельности.

— А если график прибытия «Либерии» изменился? Тогда у нас не будет ни малейшего шанса скрыться.

— Будет! — нетерпеливо возразила Эстелла. — Когда мы приблизимся к Куэвре, то увидим, прибыл «Либерия» или нет. На таком маленьком островке невозможно спрятать тысячу человек. Если они уже там, мы направимся в Коруну. Если нет, то мы сможем сделать что-либо с этим оружием. Мы будем настороже. Если «Либерия» появится в поле зрения, когда мы будем на острове, то у нас будет куча времени, чтобы добраться до материка.

— Звучит вполне убедительно, — с сомнением сказал Торнтон.

— Если не хочешь ехать со мной, то можешь не ехать.

— Понимаю, — отозвался Торнтон. — Дай мне подумать над этим.

Он откинулся в кресле. Он видел в иллюминаторе бледную россыпь огоньков внизу. «Сантьяго-де-Куба», — подумал он. До посадки в аэропорту Кингстона оставалось меньше двух часов.

План Эстеллы должен сработать. Если на острове никого нет, они легко смогут избавиться от оружия. Если солдаты уже прибыли, то можно сбежать на лодке. Проблема только в том, чтобы арендовать достаточно быструю лодку, способную обогнать любой транспорт, которым располагает отряд вторжения. А если бы Дэйн был здесь, то как бы он поступил? Кстати, где, черт побери, болтается Дэйн? Подобные авантюры скорее в его вкусе...

Торнтон понял, что мысленно уже включился в этот план.

— Хорошо, Эстелла, — сказал он. — Мы попытаемся.

Глава 25

Незадолго до рассвета «ДЦ-6» зашел на посадку над взлетным полем Кингстонского аэродрома. Эстелла спала на плече у Торнтон и в этот миг совершенно не походила на девушку, собирающуюся сорвать план вторжения. А походила она на маленького взъерошенного котенка, удравшего от своры свирепых собак. Она словно искала опоры, даже во сне продолжая сжимать в кулачке лацкан его пиджака.

Торнтон мягко потряс ее за плечо.

— Кингстон, — сказал он.

— Уже? — Она зевнула, села прямо и выглянула в иллюминатор. Открыв сумочку, она извлекла оттуда расческу и пудреницу. — Тебе следовало разбудить меня раньше. Это в самом деле уже Кингстон?

Торнтон кивнул. Эстелла слегка пожала плечами, расче-

сывая волосы. Торнтон коснулся ее ладони. Она была холодной как лед.

— Что-нибудь не так?

— Билл... ты действительно думаешь, что нам это удастся?

— Да. Нет никаких причин, чтобы не удалось.

— И ты поедешь со мной?

— Конечно, — ответил Торнтон.

— Я так рада. Потому что я не уверена, что пошла бы на это без тебя. Билл, мне снился ужасный сон. Мне снилось, как будто я умерла и похоронная процессия провожает меня на кладбище. Ты и мистер Дэйн смотрели на проходящую мимо процессию, только на самом деле вы не обращали на нее внимания. Вы о чем-то так спорили, что даже не заметили, как катафалк проехал мимо вас, и я ужасно на это рассердилась... Я не хочу, чтобы мне снилось, что я умерла.

— В такой обстановке только такие сны и снятся, — сказал Торнтон, чувствуя, как шевелятся волосы у него на голове. — Ты побывала в серьезной переделке. А что касается мистера Дэйна и меня... ну, он где-то там, неизвестно где, а я был против экспедиции на Куэвру. И, естественно, тебе приснилась твоя смерть и наше невнимание.

— По-твоему, все так просто? — спросила Эстелла со слабой ноткой надежды в голосе.

— Черт меня побери, если я считаю это предвестием чего-то дурного. Людям часто снится собственная смерть. Мне такое снилось по меньшей мере два раза. Все кончится для нас хорошо.

— Правда, Билл?

— Несомненно. Мы покончим с этим проклятым делом и вернемся в Майами. Ты уйдешь из спецслужбы. Я отправлюсь к Райерсону и скажу ему, что хочу наконец-то взять отпуск, а после этого — получить другую должность. Я думаю, что смогу стать менеджером по экспорту и проводить в Штатах не меньше восьми месяцев в год. Райерсон может согласиться или отказать, но я думаю, что он согласится. Я уйду в отпуск. Мы будем сидеть на солнце и держаться за руки. Я буду рассказывать тебе, какой я бережливый, романтический и чрезвычайно искренний. Я буду рассказывать тебе, как я люблю тебя. Я сделаю тебе предложение.

— А я скажу «да», — отозвалась Эстелла.

— Мы поженимся и купим один из этих нелепых домов во флоридском стиле с мраморными полами. Мы купим машину, лодку и какую-нибудь рыболовную снасть...

— Ты не даешь мне вставить ни слова, — укорила его Эстелла. — После того, как ты сделаешь предложение, а я скажу «да», но до того, как мы поженимся, мы навестим твоих дядю и тетю.

— Я об этом и не подумал.

— И, конечно же, мы навестим мою семью. Они живут в большом белом доме возле университета. Мой отец задаст тебе множество вопросов, а моя мать будет плакать. Думаю, мои тетушки присоединятся к ней. Мой отец отведет тебя в сад и нальет тебе стакан великолепного шерри. Он скажет тебе, что женщины всегда плачут перед свадьбой по причине своего природного упрямства, и спросит тебя, читал ли ты Сантаяну.

— Думаю, что смогу понравиться твоему отцу, — сказал Торнтон. — Я читал Сантаяну.

— Прочти заодно и Ортега-и-Гассета. А я смогу понравиться твоей семье? Не надо просто говорить «да». Как ты на самом деле полагаешь?

— Я действительно думаю, что ты им понравишься.

— И ты сделаешь мне предложение очень нежно и серьезно, без всяких шуточек?

— Да.

— Я так счастлива. И все это мы сделаем сразу, как только вернемся с Куэвры?

— Да, — ответил Торнтон. — Как только завершим дела на Куэвре.

Пройдя проверку на таможне и в пунктах здравоохранения и эмиграции, они зашли в кафе на открытом воздухе и взяли по кофе с булочкой. Было около шести часов утра. Но в Кингстоне уже царил оживленный дорожное движение — на улицах было много грузовиков, легковушек, велосипедов и пешеходов. Солнце начало пригревать, и в воздухе запахло перцем и соленой водой. К их столику подсел какой-то человек. Он был невысок и толст, одет в белое и, кажется, очень радовался встрече с ними. Это был мистер Куалилья.

— Я подумал, что вы можете приехать на Ямайку, — сказал он. — Позвольте мне предложить вам свое гостеприимство.

— Вы высматривали нас? — спросил Торнтон.

— В таком месте, как Кингстон, только и остается, что высматривать. Иначе никак не узнаешь, кто прибывает и когда. Скажите, на Санта-Катарине у вас были неприятности?

— Ничего серьезного, — ответил Торнтон.

— Никаких беспорядков? И мою лавочку не сожгли?

— Конечно, нет. А почему ее должны были сжечь?

— Это моя маленькая мечта, — шепотом сказал мистер Куалилья. — Если мою лавочку сожгут или разграбят, то у меня не будет причин оставаться на Санта-Катарине. А поскольку у меня есть страховка, то я смогу жить на Ямайке. Моя жена будет просто счастлива.

— Я и не знала, что вы женаты, — сказала Эстелла.

— О да! И у меня четверо детей. Моей старшей дочери скоро исполнится восемнадцать лет — почти ваша ровесница, мисс Варгас, — галантно добавил он.

— Они живут на Санта-Катарине?

— Конечно, нет. Мы живем в доме на окраине Кингстона. Сам дом невелик, зато сад и двор великолепны. Мы были бы рады принять вас как дорогих гостей.

— Большое вам спасибо, — отозвалась Эстелла, — но боюсь, что мы задержимся в Кингстоне всего на несколько часов.

— Вероятно, вы возвращаетесь в Майами?

— Вероятно.

— А может быть, вы обнаружили место, где должны встретиться люди и оружие?

— Возможно.

— Вы мне не доверяете, — скорбно промолвил мистер Куалилья. — Я нахожу это весьма огорчительным.

— Почему мы должны верить вам? — спросил Торнтон. — Если мы скажем вам, где находится это место, кому вы продадите эту информацию?

— Голландцам, — честно ответил мистер Куалилья. — Они очень аккуратно обходятся с полученной информацией. У них в Карибском бассейне есть свои владения, и поэтому данные вопросы их крайне интересуют. Но они редко пуска-

ют полученную информацию в ход. У голландцев эта тайна будет в сохранности, а я получу несколько долларов на какое-нибудь бесполезное путешествие.

— Вы с нами очень откровенны, — признал Торнтон. — Но не думаю, что я вправе рассказать вам эту тайну.

— Возможно, не вправе, — сказал мистер Куалилья. — Может быть, она предназначена для лучших ушей. Я слишком много говорю, и, в конце концов, я вынужден руководствоваться честностью других людей. Это почти так же хорошо, как руководствоваться собственной честностью. Вы видели мистера Дэйна?

— Нет. А вы?

— Я слышал, что он в Вашингтоне.

— В Вашингтоне?

— Конечно, — сказал мистер Куалилья. — Это самое подходящее место для мистера Дэйна, не так ли? Разведчик черпает силу духа в Вашингтоне, в несравненной штаб-квартире ЦРУ, ФБР, тайной службы, могущественного Департамента финансов...

— Но мы предполагали, что он находится на Карибах! — воскликнула Эстелла.

— Касательно такого человека, как мистер Дэйн, — наставительно сказал Куалилья, — нельзя предполагать, что он находится там-то или там-то. Он находится в том месте, где должен быть в нужное время. И только потом выясняется, где именно. Таков удел агентов высшего класса. Тем более что все это только слухи.

— А другие слухи до вас не доходили? — спросила Эстелла.

— Ничего важного, — с наигранной небрежностью сообщил мистер Куалилья. — Обычные разговоры, кочующие по кафе и базарам. Пустые сплетни о русских подлодках и китайских грузовозах. Интересная маленькая история о некоем генерале Мендосе и другая история — о грузовозе под названием «Либерти».

— Что вы слышали о генерале Мендосе и «Либерти»?

Мистер Куалилья улыбнулся.

— Обе эти истории довольно заняты.

— Что вы хотите за них?

— Информацию.

— Чтобы вы могли продать ее голландцам?

Мистер Куалилья пожал плечами:

— А чем голландцы могут вам помешать?

— Кому они могут передать эти сведения?

— Это не имеет значения. К тому времени об этом уже будут знать все, и поэтому знания станут бесполезны. Эти маленькие кусочки новостей хорошо распродаются в первые полчаса. Люди заплатят за тайну, но никогда ею не воспользуются. Это странный факт, который придает профессии шпиона оттенок этичности.

Торнтон посмотрел на Эстеллу. Она кивнула.

— Оружие, — сказал Торнтон, — находится на острове под названием Куэвру.

— Спасибо, — отозвался мистер Куалилья. — Поверьте мне, вы несколько не скомпрометировали себя.

— А теперь расскажите нам о генерале Мендосе.

— Конечно. Вчера утром генерал прибыл в международный аэропорт Майами с билетом до Гватемала-Сити. Он сказал, что намерен взять короткий отпуск. Агенты иммиграционного бюро сочли, что его документы не совсем в порядке. Он задержится как минимум на неделю.

— Это интересно, — обронил Торнтон. — А что говорят про «Либерии»?

— Чрезвычайно несчастливый корабль, — ответил Куалилья. — Они сообщили об отказе одного из двигателей в открытом море, к югу от Кубы. Так что к месту своего назначения «Либерии» прибудет с опозданием.

— Вы слышали что-нибудь еще касательно мистера Дэйна? — спросил Торнтон.

— Нет. Но я могу предположить — только предположить, заметьте, — что он вернулся в Майами, чтобы задать несколько вопросов генералу Мендосе. А может быть, кому-нибудь еще.

— Это вероятно?

— Это возможно. В любом случае, это совершенно не касается той проблемы, которая сейчас стоит перед вами.

— И что же это за проблема?

— Это же вполне очевидно, — сказал мистер Куалилья. — Вы собираетесь на Куэвру. Вы зашли так далеко, как только

можно, действуя вполне легально. И теперь вам нужно кое-что для маленькой частной прогулки. Самолет, например. Или лодка.

— Вы очень умны, мистер Куалилья, — сказала Эстелла.

Куалилья улыбнулся, прикрыв глаза.

— Благодарю вас, мисс Варгас, но на самом деле тут большого ума не нужно. Всегда одни и те же дела. Люди, оружие и расстояние. Проблема одна, как диктует логика. Оружие должно быть ликвидировано до прибытия «Либерии» на Куэвру. С другой стороны, даже задержка генерала Мендосы может ничего не значить, поскольку Сантос-Фигуэрос отлично знает, что ему делать с тысячей вооруженных солдат. Но вам понадобится набрать людей, чтобы ликвидировать оружие.

— Нет времени, — возразила Эстелла.

— Совершенно верно. Я могу обеспечить вам тайную и надежную транспортировку на Куэвру и обратно. Это вас интересует?

— Интересует, — ответил Торнтон. — Сколько это будет стоить?

— Стандартное вознаграждение за подобные дела, — сказал Куалилья. — Мы обсудим это по дороге в порт.

Через час мистер Куалилья уладил все дела и получил свое вознаграждение. Для поездки на Куэвру была предоставлена сорокафутовая рыбацья лодка с экипажем в два человека. По словам шкипера, она могла делать больше пятнадцати узлов. Шкипер был огромным жизнерадостным негром с Андроса. Он носил потертые брюки защитного цвета, рубашку с оторванными рукавами и бейсбольную кепку. Его помощник, он же специалист по наживлению перемета, он же двоюродный брат, был ямайцем, невысоким, пожилым, с серо-стальной шевелюрой и мрачным взглядом. Они сообщили, что к полудню топливные баки будут заполнены и все будет готово к отплытию. Мистер Куалилья сердечно распрощался с ними.

Пока лодка заправлялась, Торнтон и Эстелла вернулись на Мельничную площадь, чтобы перекусить. Торнтон купил

«Майами геральд» двухдневной давности. На третьей странице он прочел короткую заметку о том, что генерал Мендоса задержан в аэропорту Майами, а в разделе судоходства — короткое упоминание о неполадках на «Либерии».

— Вот так это и делается, — сказал он Эстелле. — Я тоже могу быть шпионом. Весь фокус в том, чтобы прочитать газету раньше всех остальных.

— Я предполагала, что он нас надует, — отозвалась Эстелла. — Но я все же рада, что ты прочел эти новости в газете.

— Почему?

— Я не думаю, что мистеру Куалилье можно доверять. Но это доказывает, что его данные действительно верны.

Глава 26

Гладь Карибского моря безмятежно расстилалась под бледно-голубым небом. Далеко на юго-востоке по горизонту ползли дождевые облака, похожие на серое стадо. Лодка на полной скорости летела по глади моря, вздымая водяные крылья, в которых радугой переливалось солнце. Они плыли весь день, и после заката шкипер слегка сбросил скорость. Спустилась ночь, и лодка продолжала свой бег под слегка обгрызенной с краю луной. Около полуночи Торнтон задремал.

Разбудил его помощник шкипера. Торнтон сел, прикрыв глаза от слепящего утреннего солнца. Помощник ткнул пальцем куда-то вперед, и Торнтон увидел Куэвру — коричневую точку в синеве моря. Он взял из рук помощника кружку с кофе и разбудил Эстеллу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он у нее.

— Я буду чувствовать себя намного лучше, когда все это будет позади, — ответила она.

Они быстро приближались к острову. Теперь Торнтон мог рассмотреть Куэвру вблизи. Остров выглядел попросту высокой беспорядочной грудой гранита, серого и гладкого. Тут и там были заметны узенькие полоски коричневого песка. В сотне ярдов от острова шкипер заглушил мотор и впросительном повороте посмотрел на Торнтон.

— Обойдите вокруг острова, — сказал ему Торнтон. Он

поднялся наверх и стал рассматривать Куэвру в бинокль шкипера. Он старался ничего не упустить. На темных скалах не было заметно ни малейшего движения, ни отблеска стали. Завершив круг, лодка легла в дрейф неподалеку от острова. Торнтон окинул взглядом горизонт. Далеко на западе можно было различить низкую береговую линию Центральной Америки. До самого горизонта нигде ни единого корабля, в окулярах бинокля беззаботно пляшут волны.

Он снова осмотрел Куэвру, потом опустил бинокль.

— Если здесь и скрывается тысяча человек, — сказал он Эстелле, — то они скрываются чертовски хорошо.

— А как насчет оружия?

— Отсюда я ничего не вижу.

— Возможно, «Гелиос» не смог разгрузиться. Возможно, он даже не заходил сюда.

— Я бы на это не рассчитывал, — отозвался Торнтон. — Мы должны исходить из того, что контейнеры были доставлены сюда и выгружены на остров. Эта полоска песка на северной оконечности острова выглядит вполне подходящим местом.

— Мы собираемся проверить?

— Именно для этого мы здесь, — ответил Торнтон. Он достал из кармана револьвер, осмотрел его и снова спрятал. Он сказал шкиперу, чтобы тот доставил их на северную оконечность острова. Шкипер кивнул, хотя вид у него был не очень-то радостный, и включил зажигание. Помощник перешел на нос лодки, держа в руках длинную бамбуковую палку с черными отметинами. В пятидесяти ярдах от острова он начал делать промеры. Дно постепенно повышалось. В двадцати футах от берега шкипер заглушил мотор и предоставил лодке двигаться по инерции. В десяти футах от берега нос лодки мягко ткнулся в песок.

Торнтон велел шкиперу и его помощнику не глушить двигателя и быть готовыми отплыть немедленно. Они энергично закивали и уселись на палубу. Торнтон достал из ящика с инструментами небольшой лом и заткнул его за пояс. Они с Эстеллой спрыгнули с носа лодки в воду, доходившую им до колен, и выбрались на берег.

Узкий пляж заканчивался нагромождением гранитных

валунов, гладко облизанных приливами. Торнтон и Эстелла пробрались между валунами и очутились на покато скальном плато. Тишина, яркое полуденное солнце. Они слышали, как плещет вода о борт лодки и как шипит прибой на песке. Впереди скалы образовывали череду миниатюрных гор и долин, мертвых и серых. На выветренной поверхности поблескивали стеклянистые вкрапления. С обеих сторон возвышались черные вулканические утесы.

— Пока ничего, — шепотом произнесла Эстелла.

— Нет. Но если кто-то и побывал здесь, мы не увидели бы следов. Во время прилива пляж затопляет, а на скалах следов не остается.

— Даже если оружие здесь, — сказала Эстелла, — то я не понимаю, как нам его найти.

— Это не должно быть слишком трудным делом. Контейнеры весят слишком много, чтобы их можно было оттащить далеко вручную. Я уверен, что их выгрузили на этот пляжик. Так что если они на острове, то они должны быть где-то здесь.

Они пошли вперед, осторожно озираясь на каждом шагу. Между гигантскими валунами извивалась дорожка. Торнтон остановился и осмотрел землю, словно истинный следопыт. Потом вынул из кармана револьвер и снял его с предохранителя.

— Ты будешь обеспечивать дальний обзор, — сказал он Эстелле. — Я буду придерживать тебя за локоть и направлять. Смотри на вершины тех утесов и оглядывайся назад. А я буду смотреть вперед и по сторонам. Если что-нибудь увидишь, быстро прячься.

Они пошли дальше. Пройдя еще пятьдесят футов, они заметили устье пещеры. Возвышающаяся перед нею скала поблескивала на солнце. Тени от утесов, черные и плотные, лежали поперек дороги, словно некие материальные образования.

Эстелла сказала:

— Кажется, я заметила вон там какое-то движение. — И указала, где именно. Торнтон метнулся за выступ скалы. По руке его скатилась капля пота, упав на ствол револьвера.

Одинокая чайка с победным криком взвилась со скалы и полетела к морю.

Они подошли ко входу в пещеру. Вряд ли кто-то особо задумывался о маскировке. Черные контейнеры стояли прямо у входа. Торнтон достал из-за пояса лом и направился к ним.

— А теперь, — произнес из-за ящиков чей-то голос, — пожалуйста, положите револьвер на землю. Медленно.

Торнтон боялся чего-то подобного и потому был готов. Его реакция была почти мгновенной. Он упал ничком, прижимая к земле Эстеллу. Пуля просвистела над их головами.

— Не делайте глупостей, — произнес голос. — Вы должны понять, что вы в ловушке. Бросьте револьвер немедленно, и вам не причинят вреда.

Торнтон выстрелил на голос и услышал, как пуля рикошетом отскакивает от стен пещеры. Они поползли назад, пытаясь держаться под прикрытием контейнеров.

Когда они оказались на свету, раздались два выстрела, и Торнтон с Эстеллой метнулись за валун. Стреляли сверху и справа, возможно, с вершины скалы. Но яркое солнце и глубокие тени мешали попасть в цель.

— Что теперь? — спросила Эстелла.

— Думаю, нам надо попытаться добраться до лодки. Может, парни уже сбежали, услышав выстрелы. Но, может быть, они болтаются где-нибудь поблизости от берега, поджидая нас.

Послышался скрежет. Осторожно высунувшись из-за валуна, Торнтон заметил, что человек в пещере пробирается к выходу, по-прежнему оставаясь в укрытии.

Человек наверху снова начал стрелять. Возможно, он сменил позицию. Теперь пули рикошетили от макушки валуна.

— Уходим, — сказал Торнтон. Они осторожно выбрались из-за валуна.

Прогулка от берега до пещеры была короткой. Обратная дорога казалась бесконечной. Стрелок двигался параллельно им по гребню утеса. Иногда он на миг показывался в поле зрения — крошечная фигурка в хаки, с лентами патронов, переброшенными через плечи.

Торнтон подождал, пока стрелок не покажется в просвете между скал. Потом взял револьвер двумя руками, опираясь

Глава 27

рукоятю на валун, и выстрелил. У ног стрелка поднялось облачко пыли, и он отпрянул за скалу. Револьвер на таком расстоянии был почти бесполезен, но, по крайней мере, стрелок теперь будет осторожнее.

Другой человек выбежал из пещеры и спрятался за валуном. Он двигался осторожно, не показываясь на глаза, и даже не стрелял.

Торнтон и Эстелла добрались до границы скального массива. Перед ними лежал узкий песчаный пляж. Лодка по-прежнему была здесь, мягко урча мотором. Оба рыбака стояли на мостике, пытаясь разглядеть, что происходит.

На скале над ними появился стрелок. Торнтон выстрелил дважды, и стрелок исчез из виду.

— Бежим! — скомандовал Торнтон.

Они промчались через пляж и вбежали в воду. По ним больше не стреляли. Они добежали до лодки и обогнули ее, чтобы обеспечить себе прикрытие.

— Дайте руку! — закричал Торнтон рыбакам. — Нам надо убираться отсюда!

Рыбаки засмеялись. Оба они были вооружены револьверами. Шкипер указал на оружие Торнтон. Тот подумал секунду и уронил револьвер в воду.

Продолжая смеяться, рыбаки погнали их обратно на берег.

Стрелок со скал спустился вниз. Это был Хуан, которого Торнтон в последний раз видел на заброшенном складе в Майами. Теперь на его плечах красовались капитанские погоны.

Человек из пещеры неспешно приблизился, промокая лицо большим белым носовым платком. Он был невысок, несколько толстоват, с тщательно подстриженными усами и редкими черными волосами. На плече его сияла генеральская звезда. В руках у него был армейский карабин.

— Друзья мои, — сказал генерал Мендоса, — сожалею, что пришлось пригласить вас на Куэвру столь неделикатно. Однако сейчас мы находимся в состоянии войны, и тут уже не до вежливости. Пойдемте со мной.

Генерал повернулся и зашагал обратно к пещере. Торнтон и Эстелла поплелись следом. За ними шли Хуан и оба рыбака.

Пещера оказалась больше, чем выглядела снаружи. Вход в нее был искусственно расширен — Торнтон увидел на камне отметины от инструмента. Их провели внутрь.

Коридор тянулся еще на тридцать ярдов, круто поднимаясь вверх, и заканчивался маленькой пещерой естественного происхождения. В наружной пещере за контейнерами горела керосиновая лампа. В ее желтом свете они увидели смуглого рябого человека в белой хлопчатобумажной рубашке и брюках, сидящего на куче ящиков. На плечах у него висели две ленты с патронами и винтовка «гаранд». Он встал и отсалютовал Мендосе, который ответил на приветствие с важной небрежностью. Человек усмехнулся, увидев пленников, и спросил по-испански Мендосу, не началось ли уже освобождение. Мендоса ответил, что скоро начнется, и рябой снова сел на ящики. Мендоса зажег вторую лампу и повел их мимо охранника в другую пещеру.

Она была площадью примерно в тридцать квадратных футов. Каменный потолок, блестящий от сырости, находился не более чем в трех футах над головами. Единственным видимым входом — или выходом — был тот, через который они только что вошли сюда. Очевидно, рябой человек охранял именно этот вход.

— Можете располагаться, как хотите, — радушно предложил Мендоса. — Как вы понимаете, наши возможности на Куэвре сильно ограничены.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил Торнтон.

— Это зависит от того, как обернутся события. После того как освобождение Коруны будет завершено, мы, возможно, отпустим вас. Или мы можем быть вынуждены задержать вас здесь на некоторое время в качестве залога хорошего поведения Соединенных Штатов. Сейчас трудно сказать.

Эстелла выслушала это со спокойным кивком. Торнтон проявил меньше стоицизма. Он сказал:

— Последнюю часть нашей поимки обеспечил мистер Куалилья, не так ли?

— Совершенно верно.

— Значит, он ваш агент?

— Нет, — возразил генерал Мендоса. — Куалилья — ничей не агент. Он продает информацию тому, кто ее покупает, и предлагает услуги тем, кто платит за них. Он верен только самому себе.

— А как же его жена и дети?

— Боюсь, это просто ловкий розыгрыш. Я знал, что мистер Дэйн покупает сведения у Куалильи. Я предложил больше. Знаете ли, все вещи имеют цену; равным образом имеет цену и информация, и верное размещение нужных людей, таких, как два моих моряка.

— Почему же Дэйн не понимал этого? Почему он доверял Куалилье?

— Вы делаете неверные выводы, — сказал Мендоса. — Мистер Дэйн ни на грош не верил мистеру Куалилье. Единственной его заботой была достоверность информации. Это всем известно.

«Известно всем в маленьком замкнутом мирке разведчиков и контрразведчиков», — подумал Торнтон.

— Мистер Дэйн покупал у Куалильи определенные сведения и платил ему всего лишь деньгами. Но когда вы, молодые люди, остались на месте действия одни, мистер Куалилья узрел возможность получить деньги из нескольких источников разом. Естественнo, он сказал, что мистер Дэйн верит ему; но это всего лишь слова. Мистер Дэйн никогда не говорил этого.

— Он никогда даже не упоминал Куалилью.

— И вообще, мистер Торнтон, глупо думать, что мистер Дэйн доверяет каждому человеку, с которым говорит. Вы оба, молодые люди, еще совсем новички в этой игре.

— Полагаю, да, — отозвался Торнтон. — Это грязная игра.

— Да, — согласился Мендоса, — хотя в ней есть некоторая притягательность. Я могу сказать вам, мистер Торнтон и мисс Варгас, что события развиваются с неумолимой точностью. Я говорил по радио с «Либерии». Корабль будет здесь не позднее завтрашнего полудня. И еще до заката начнется освобождение.

— Вторжение, — поправила Эстелла.

— Это зависит от того, на какой стороне вы находитесь, — сказал ей Мендоса. — Вторжение, освобождение, как бы мы это ни называли, будет осуществляться одной из самых больших, хорошо вооруженных и хорошо обученных армий, которые когда-либо вступали на землю Центральной Америки. Главная дорога, ведущая в столицу, охраняется только для виду. Остальная корунская армия — два плохо вооруженных пехотных полка — находится на Тихоокеанском побережье, отражая вылазки против Международной фруктовой компании. Через два дня, считая с этой минуты, в Коруне будет новое правительство. Так что остается только один вопрос.

— Какой? — спросил Торнтон.

— Совсем незначительный, — сказал генерал Мендоса. — Я хотел бы знать имя вашего настоящего нанимателя.

Несколько секунд Торнтон не мог понять, о чем говорит Мендоса. Потом произнес:

— Вам это известно. Я работаю на корпорацию «Майами-Юг».

— Ну теперь-то уж вы могли бы отказаться от этого устаревшего прикрытия, — сказал Мендоса. — Я более чем уверен, что документы у вас подлинные. Я снова спрашиваю: на кого вы работаете в действительности?

— Я вам уже сказал. Мой единственный наниматель — «Майами-Юг».

Мендоса нахмурился и побарабанил пальцами по кобуре, висящей у него на поясе.

— Возможно, мистер Торнтон, вы не понимаете причин такого интереса ввиду своей явной неопытности. Поймите, что люди, стоящие за вами, — противники освобождения. Теперь мы знаем, кого представляет мистер Дэйн и кого представляет мисс Варгас. Таким образом, мы знаем двух наших врагов. Но мы не знаем, кто третий враг, тот, кого представляете вы, и на ранних стадиях реорганизации правительства для нас очень важно знать, с какой стороны следует ждать удара. Например, правительство Никарагуа примет участие в этом спектакле; но неизвестно, на чьей стороне, поскольку существует вопрос спорной территории. С юга мы граничим с Коста-Рикой, мирной страной. У нас нет причин

подозревать Коста-Рику в подрывной деятельности, но мы должны знать наверняка. Также у нас есть общая граница с Гондурасом протяженностью в несколько миль, так что гондурасских агентов нельзя не принимать в расчет. И существуют не только эти возможности. Куба поневоле сыграет в этом интересную роль, вплоть до самых верхов. Агент из Мексики или Гватемалы не удивил бы меня, равно как и венесуэльский шпион. И еще остаются Британия, Франция и Голландия, у каждой из которых в Карибском море есть свои владения. Я даже допускаю возможность засылки разведчика из России или Китая. Они далеко, но их интерес к событиям в Латинской Америке очевиден.

— Не увлекайтесь сказками, Мендоса, — прервал его Торнтон. — Я уже сказал вам, кого я представляю.

— Простите, мистер Торнтон, но ваше окружение опровергает эту легенду. И вы не упомянули мистера Эберхарта.

— А почему я должен упоминать его?

— Потому что он контрабандист, перевозящий оружие, и платный агент режима Кастро. Потому что он навещал вас в тюрьме Санта-Катарины. Потому что вы были освобождены немедленно после его ухода.

— Эберхарт не имеет никакого отношения к моему освобождению.

— Тогда почему он навестил вас?

— Он хотел получить сведения касательно оружия. Я ничего ему не сказал.

Мендоса поднял брови.

— Вы были освобождены из заключения и сразу же отплатились на Ямайку. Мистер Эберхарт и несколько его друзей прилетели следующим рейсом. В Кингстоне они арендовали гидросамолет.

— И все же я к этому не имею отношения. Почему бы вам не расспросить Эберхарта обо мне?

— Это невозможно. По словам мистера Куалильи, гидроплан потерпел аварию вскоре после взлета. Ни одно тело еще не найдено.

— Полагаю, это было подстроено вами?

— Нет. Мистер Эберхарт потерпел неудачу с доставкой

партии оружия, и его наниматели потеряли терпение. Как долго вы работали вместе с ним?

— Я никогда не работал вместе с ним.

— Кто ваш наниматель?

— Я вам уже сказал.

Мендоса скорбно покачал головой:

— Мистер Торнтон, я не хочу вам угрожать. Я считаю вас очень приятным молодым человеком. Мне не хочется идти на крайние меры.

— Так не идите.

— Это может стать необходимым для безопасности революционного правительства.

— Черт побери! — воскликнул Торнтон. — У вас еще даже нет правительства, а вы уже волнуетесь о безопасности! Все, что у вас есть, — это четыре человека на скалистом островке.

— Десять человек, — поправил Мендоса. — Я поставил часовых в других точках, на тот случай, если вы решите высадиться не на северном берегу. Но это к делу не относится. Конечно, у нас еще нет правительства, но завтра оно уже будет. Поэтому безопасность становится крайне серьезным делом. Мистер Торнтон, я не прошу вас выдавать никаких тайн. Я просто прошу вас назвать имя вашего нанимателя.

— Спросите меня завтра, когда у вас будет правительство, — огрызнулся Торнтон.

На какой-то миг ему показалось, что он зашел слишком далеко. Лицо Мендосы покраснело, рыхлое тело заметно напряглось, глаза стали жесткими и острыми, словно осколки гранита.

— Мы еще обсудим это позже, — пообещал Мендоса. — И вы ответите. — Он повернулся и вышел.

— Ну вот, — сказал Торнтон Эстелле, — кажется, по моей вине мы угодили в самое пекло.

— Нет, Билл. Если кто-то в этом виноват, то это я. У меня в таких вещах есть некоторый, хотя и небольшой опыт. Я должна была знать.

— Я с тобой не согласен, — возразил Торнтон, — но да-

вай не будем искать виноватых. Как ты думаешь, что они с нами сделают?

— Вероятно, это зависит от того, как пройдет их вторжение. Если успешно, то они могут отпустить нас через несколько недель. Если вторжение провалится, то они станут военными преступниками, беглецами. Тогда они могут нас расстрелять.

— И как ты оцениваешь возможность успешного вторжения?

— Полагаю, это будет труднее, чем они считают. У Коруны маленькая армия, но правительство пользуется большой поддержкой у народа. Даже если столица падет сразу, Мендоса может получить затяжную гражданскую войну.

— Где они будут нас держать?

— Мендоса хочет выглядеть настолько чистым с точки зрения закона, насколько это возможно. Мы будем помехой для него.

Торнтон кивнул и попытался обдумать все это. Он был в ответе за Эстеллу, равно как и за себя самого. Странное чувство, несколько непривычное и очень ценное. Но в данных обстоятельствах это была тяжкая ноша. Следовало ли им тихо сидеть в пещере и ждать, чем обернется для них вторжение? Эта идея претила ему. Тщательно все взвесив, Торнтон решил, что сидеть и ждать — опаснее, нежели попытаться вырваться на свободу.

— Что-то мне не очень верится, что они оставят нас в живых, — сказал Торнтон. — Лучше мы поищем выход отсюда.

Они обшарили всю пещеру, но никаких древних заброшенных туннелей, скрытых в скалах, не нашли. Единственный выход был через то отверстие, через которое они вошли сюда. Это означало, что надо вывести из строя охранника. Это было рискованно, но довериться человеколюбию Мендосы — еще рискованнее.

— Нам надо убрать охранника, — прошептал Торнтон. Он поднял с пола обломок гранита. — Нож был бы лучше, но особо выбирать не приходится.

Эстелла наклонилась и подняла подол юбки. Секунду спустя она протянула Торнтону короткий нож с узким лезвием.

— Это стандартное снаряжение? — спросил Торнтон.

— Просто с ним я чувствую себя увереннее. Знаешь, Билл, мне говорили, что лучше такое оружие, чем никакого оружия вообще.

— Не будь фаталисткой, — сказал Торнтон, проверяя остроту ножа. — Если я смогу убрать охранника, у нас будет винтовка. А потом мы приступим к делу. Оставайся пока здесь.

— Нет!

— Эстелла, это важно. Останься здесь и продолжай говорить. Сделай вид, как будто я отвечаю тебе.

— Возможно, нам следует подождать и посмотреть, что они собираются делать?

Торнтон покачал головой.

— Если они решат, что мы им мешаем, то нам будет поздно предпринимать что-либо. — Он легонько поцеловал ее и пригладил ее волосы. — Думаю, так будет лучше всего, любимая. Говори.

Она на миг прижалась к нему, потом отстранилась. Торнтон опустился на четвереньки и осторожно пополз к выходу. За его спиной Эстелла сказала:

— По соображениям безопасности положение крутое...

Торнтон пополз по узкому туннелю и оказался у острого выступа, за которым расположился охранник. Распластавшись на животе, Торнтон осторожно огляделся. Охранник был примерно в сорока футах от него — сидел на ящиках и смотрел в сторону охраняемой пещеры, напевая что-то и отстукивая такт на прикладе своей винтовки.

Торнтон ждал, когда охранник отвернется. Если он окажется в поле зрения стража, то не успеет ничего. Но охранник сидел все в той же позе, продолжая напевать. Торнтон ждал, держа нож за лезвие. Сорок футов — большое расстояние для маленького ножа. Слишком большое. Со времен военной подготовки Торнтон усвоил кое-какие навыки по метанию ножа. Но армейский нож был длиннее и тяжелее, а дистанция, на которой Билл практиковался, — намного короче. Но даже тогда он часто мазал мимо цели. Он никогда не ставил себе целью стать мастером этого искусства. Этот охранник вообще собирается поворачиваться?

Торнтон лежал на каменном полу; минуты тянулись бес-

конечно. Охранник допел одну песенку и начал другую. Керосиновая лампа мигнула, и охранник умолк. Он нахмурился, опустил винтовку и повернулся к лампе. Торнтон начал подниматься. Охранник поправил фитиль и снова взялся за оружие. Торнтон лег опять.

Со стороны входа в пещеру неожиданно донесся гулкий хохот. Охранник резко встал и обернулся. Торнтон вскочил и метнул нож.

Едва разжав пальцы, он понял, что бросок не удался. Нож описывал правильную дугу, разворачиваясь в полете острием вперед. Охранник начал оглядываться — слишком поздно.

Нож задел низкий потолок пещеры и упал на пол.

Торнтон бросился назад. Охранник выпустил очередь в сторону туннеля, и Торнтон вознес молитву, чтобы Эстелла не оказалась на линии огня. Охранник смотрел на нож, потом закричал что-то вслед Торнтону по-испански. Но значение его слов было достаточно ясным — он намеревался как следует обработать пленника, быть может, даже сломать ему руку, чтобы впредь не мог кидаться ножами. А девуку...

Торнтон ждал. Охранник вошел в пещеру, увидел его и остановился. Потом усмехнулся и вскинул винтовку: палец, лежавший на курке, был белым. Торнтон приготовился к прыжку, понимая, что не успеет.

— Довольно! — крикнул генерал Мендоса, появляясь за спиной у охранника. Он быстро заговорил по-испански, и охранник отошел назад, широко улыбаясь.

Мендоса обратился к Торнтону:

— Пожалуйста, не пытайтесь изображать героя. В этом нет необходимости.

Торнтон стоял рядом с Эстеллой. Следом за генералом Мендосой шел Стивен Дэйн. Человека, шедшего следом, Торнтон вспомнил с трудом, потом внезапно узнал его. Это был Джордж Кларрис, начальник Порт-Какао. За ним шли два одетых в хаки солдата с автоматами.

— Теперь мы все здесь, — сказал генерал Мендоса.

Дэйн кивнул, его лицо не выражало ничего. Сначала Торнтону показалось, что тот идет, сжав ладони в приветственном жесте; потом он понял, что у Дэйна связаны руки.

Глава 28

— Вы и представить себе не можете, как я рад этому, — продолжал генерал Мендоса. — Вы можете присоединиться к своим друзьям, мистер Дэйн.

Вельветовый костюм Дэйна был измят и испачкан, но сам Дэйн держался прямо, ничем не выдавая своих эмоций. Он прошел к дальней стене пещеры, кивнув Торнтону и Эстелле. Он не был похож на человека, потерпевшего поражение. Возможно, в мире Дэйна не существовало ни поражения, ни побед. Просто вереница случаев, частью удачных, частью нет, с каким-то налетом абсурдности, но, несмотря на это, — неизбежных. Если судить по вежливому и чуть насмешливому лицу Дэйна, он никогда не испытывал надежды, и потому у него не было повода для отчаяния.

— Тот факт, что все мои противники собраны в одном месте, — сказал Мендоса, — дает мне определенное ощущение безопасности. Понимаю, что мое чувство удовлетворения несколько преждевременно. Еще нужно выиграть войну. Но, по крайней мере, я теперь знаю, что война состоится.

— Должно быть, вы этим очень довольны, — фыркнула Эстелла.

— Нет, я не люблю воевать. Как это ни парадоксально, почти все генералы воевать не любят. Война — это попросту самый быстрый и простой способ достигнуть успеха. Мистер Дэйн, вы со мной согласны?

— Ваши прошлые шаги в этом направлении не привели ни к чему хорошему, — отозвался Дэйн.

— Бывали различные ситуации, мистер Дэйн, и некоторые из них — куда более сложные. Я даже находил определенное удовольствие в состязании с вами. Но сейчас благодаря услугам моего партнера мистера Кларриса вы выведены из игры.

Все посмотрели на Кларриса. Красный и взмокший, он едва не плакал от стыда. Только сейчас Торнтон заметил, что Кларрис носит портупею и револьвер в кобуре.

— Мистер Кларрис — очень полезный партнер, — продолжал генерал Мендоса. — Благодаря его сотрудничеству мы получили возможность вывезти наш груз за пределы стра-

ны через Порт-Какао. А теперь благодаря его умению выдавать неверную информацию он привел к нам мистера Дэйна. Вы хорошо поработали, мистер Кларрис.

— Ладно, — сказал Кларрис, — избавьте меня от этого.

— Ну нет, — возразил Дэйн. — Вы понимаете, в каком положении вы оказались?

— Я не буду обсуждать это.

— Тогда подумайте об этом. Как вы, например, собираетесь вернуться в Соединенные Штаты?

— Я не намерен возвращаться в ближайшее время. А когда захочу вернуться, то придумаю что-нибудь.

— А как насчет вашей жены? Вы придумали что-нибудь для нее?

Кларрис в ярости потянулся к кобуре. Генерал Мендоса успокаивающе положил ладонь на его руку.

— Прошу вас, мистер Кларрис. У нас еще остались кое-какие вопросы.

— И все же лучше будет прикончить их. — Кларрис кивнул в сторону пленников.

Мендоса задумчиво посмотрел на него, а Кларрис ответил ему яростным взглядом. Секунду спустя Мендоса рассмехался.

— Возможно. Но вы слишком торопитесь. Не позволяйте мистеру Дэйну дразнить вас. Он любит дразнить людей — даже тогда, когда у него связаны руки.

— Мы не будем в безопасности, пока они живы, — сказал Кларрис.

— Это вы не будете в безопасности. Что касается меня, то это другой вопрос. — Он повернулся к Дэйну: — Не можете ли вы поведать мне, кто настоящий работодатель вашего друга, мистера Торнтон?

— Сейчас это не имеет значения, — ответил Дэйн. — Мистер Торнтон — наблюдатель из Госдепартамента.

— Я должен был догадаться! — заявил генерал Мендоса. — Никакое иное положение не в силах объяснить эту странную смесь упрямства и политической неосведомленности. — Генерал был доволен, как может быть доволен человек, только что сочинивший эпиграмму.

Дэйн вежливо кивнул.

— Не хотите ли развязать мне руки?

— Ну конечно же! Как я мог забыть! — Генерал обратился к одному из охранников, и тот разрезал веревки на руках Дэйна карманным ножом. Несколько секунд Дэйн растирал запястья, потом скрестил руки на груди.

— А теперь мы вас ненадолго покинем, — объявил Мендоса. — Мне нужно обсудить кое-что с мистером Кларрисом. Ради вашей же собственной безопасности не выходите в туннель.

Мендоса, Кларрис и охранники ушли. Дэйн выбрал себе местечко посуше и уселся прямо на пол. Откинувшись к стене, он прикрыл глаза. Эстелла спросила:

— Мистер Дэйн, что случилось?

Дэйн открыл глаза. В желтом свете лампы лицо его казалось серым от усталости. Он сказал:

— В Санта-Катарине я получил телеграмму. У меня не было времени поговорить с вами: самолет в Майами вылетал немедленно. Полагаю, вы получили мою записку и действовали так, как в ней указано. Я не думал, что это приведет к таким последствиям. И я уж точно не ожидал, что вы явитесь сюда.

— Это казалось единственным выходом, — отозвался Торнтон.

— Знаю. Наша беда была в отсутствии связи. Но с этим ничего нельзя было поделать.

— А как насчет Кларриса? Почему вы поверили ему?

— Я не поверил, — ответил Дэйн, — но я счел его безвредным. На тот момент я располагал информацией о том, что генерал Мендоса задержан эмиграционным бюро. И тут отсутствие связи; я не знал, что он был отпущен.

— Как вы попали сюда?

— Мы вылетели в Сан-Хуан-дель-Норте, а там арендовали моторную лодку. Вскоре после нашей высадки один из людей Мендосы потопил эту лодку.

— Что происходит сейчас? — спросила Эстелла.

— Давайте подождем и увидим, — сказал Дэйн, вновь закрывая глаза.

Когда часы Торнтон показывали девять вечера, охранник принес им упаковку армейского рациона и фляжку воды. Ночь тянулась бесконечно. Дэйн отмалчивался. Торнтон и Эстелла обнаружили, что им почти не о чем говорить друг с другом. К полуночи в пещере стало очень холодно. Наконец Торнтон погрузился в беспокойный сон.

Проснулся он внезапно. Керосин в лампе почти закончился. Взглянув на часы, Торнтон обнаружил, что уже почти пять утра. Эстелла спала на его плече, ее длинные волосы разметались по его груди. Торнтон огляделся, пытаясь понять, что разбудило его. Потом он заметил, что в тени у входа стоит человек. Это был Джордж Кларрис. Он с револьвером в руке подбирался к Дэйну.

Торнтон снял со своего плеча голову Эстеллы и вскочил. И тут же услышал резкий шепот Дэйна:

— Спокойнее, Торнтон. Все в порядке.

Глава 29

Они вышли по туннелю во внешнюю пещеру. Охранник без сознания лежал на ящиках, прерывисто дыша. Дэйн и Торнтон оттащили его к стенке. Кларрис достал большую отвертку и начал вскрывать один из ящиков.

В ящиках были свертки, упакованные в промасленную бумагу. Торнтон сдирал упаковку, Кларрис стирал толстый слой жира, а Дэйн принимал детали. Он собрал из них три автомата.

— А теперь посмотрим, удастся ли нам найти патроны, — сказал Дэйн.

Им пришлось взломать пять ящиков, прежде чем они нашли рожки для своих автоматов. Зарядив автоматы, они расставали тяжелые рожки в карманы и за пазуху. Кларрис отдал Эстелле свой револьвер. Она взяла его и повесила на плечо фляжку охранника. Во главе с Дэйном они направились к выходу из пещеры.

Над Куэврой вставал серый промозглый рассвет. Скалы были влажными, по земле вились пряди тумана. Дэйн сказал:

— Мы попытаемся добраться до лодки, на которой прибыли вы, Торнтон. Быть может, нам повезет.

Они вышли из пещеры цепочкой, по одному. Впереди шел Дэйн, Кларрис пристроился в хвосте. Ни единого шороха не донеслось до беглецов, никто не попытался напасть на них. Они без происшествий достигли конца скального массива. По ту сторону пляжа покачивалась на волнах лодка, стоящая на якоре. А затем послышался крик и звук автоматной очереди. Беглецы распластались на земле между обломками скал. Крики не стихали, а потом из скал хлестнула вторая очередь, отсекая беглецов от пляжа. Было ясно, что побег не удался — а ведь лодка была так дразняще близко, всего в нескольких десятках ярдов! В перерывах между выстрелами слышался голос Мендосы, выкрикивавший приказы.

— Черт бы их побрал, — выругался Кларрис, — мы должны попасть на эту лодку! Дэйн, как ты думаешь, может, нам удастся подобраться к ней с дальнего конца, из-за скал?

В двадцати футах справа скалы тянулись через весь пляж почти до самой воды. Если им удастся достичь этой точки, то они смогут пройти почти весь пляж под прикрытием скал. Но все равно придется плыть к лодке под автоматным огнем.

— Давайте пойдём туда и посмотрим, — сказал Дэйн. Они, пригибаясь, побежали вдоль скальной гряды и достигли дальней точки, прежде чем люди Мендосы смогли зайти им во фланг.

Дэйн оценил их новую позицию:

— Выглядит не слишком многообещающе. Против нас будет по меньшей мере четыре автоматчика.

Торнтон сказал:

— Если вы прикроете меня огнем, я попробую доплыть до лодки. Я могу оставить якорь на дне и привести лодку прямо сюда.

— У вас нет ни малейшего шанса.

— Думаю, есть, — возразил Торнтон. Он отдал свой автомат Эстелле и двинулся к краю стены. Вдруг Дэйн скомандовал ему подождать.

Автоматчики Мендосы обратили огонь на другую цель. Ураган очередей накрыл лодку. Пули прошивали борта, на мостике уже плясал маленький огонек. Лодка беспомощно

накренилась на нос. Вскоре спорить стало не о чем, разве что о том, утонет злосчастная лодка или сперва сгорит.

Дэйн решил отступить к дальнему концу скального массива, а потом в глубь острова.

У восточной своей оконечности Куэвра переходила в скалистый мыс, отвесно поднимавшийся над морем почти на сотню футов. Дэйн повел свой отряд в этом направлении. Вскоре обрывистые склоны скал скрыли беглецов от глаз преследователей. Местность благоприятствовала реализации замысла Дэйна. Оставив далеко позади людей Мендосы, они двигались к самой высокой точке острова Куэвра.

В двух сотнях ярдов от оконечности острова они были встречены автоматным огнем. Мендоса, реагируя с завидной быстротой, послал одного человека на западный конец острова. Автоматчик расположился высоко над ними, укрывшись между валунами, именно в том месте, которое хотел занять Дэйн. Мендоса и остальные были где-то позади.

— Нам крышка, — сказал Кларрис.

— Еще нет, — возразил Дэйн. — Один человек не сможет удержать эту позицию. Я думаю, мы сможем обойти его.

Кларрис устался на пик. Руки его дрожали.

— Не надо мне было слушать тебя, Дэйн. Рассуди здраво. Мы не сможем забраться вверх по этим скалам под автоматным огнем.

— Все не так плохо, как кажется, — ответил Дэйн. — И, откровенно говоря, Кларрис, ты знал, на что идешь. Тебе не следовало возвращаться на Куэвру.

— Это точно. Я должен был остаться в Порт-Какао и попасть под арест. Ты предоставил мне недвусмысленный выбор.

— Но сперва выбирал ты сам, — сказал Дэйн. — Ты занялся контрабандой и попался на этом. В обычное время тебя бы попросту арестовали. Ты не получил бы и такого шанса.

— Чертовски вонючий шанс, — отозвался Кларрис. — Черт побери, эти ребята знают свое дело. Стреляют на поражение.

— Так же поступим и мы.

— Мне эта мысль не кажется удачной. Ты серьезно хочешь заставить нас ползать по этим скалам?

— Мы не можем оставаться тут, внизу.

— Послушай, Дэйн, я слишком стар для такого. Мне пятьдесят четыре года, я...

— Заткнись! — приказал Дэйн, и его лицо потемнело от гнева. — Перестань ныть. Тебе следовало подумать об этом прежде, чем ты занялся контрабандой оружия. Если бы не ты, то никому из нас не пришлось бы ползать по этим скалам. Во Флориде я предоставил тебе выбор: пойти со мной и помочь вытащить Торнтон и мисс Варгас с Куэвры или пойти под суд при отсутствии смягчающих обстоятельств. Теперь я предлагаю тебе другой выбор. Иди с нами и сделай все, что сможешь, или возвращайся и присоединяйся к Мендосе.

— Он меня убьет.

— Сомневаюсь, — сказал Дэйн. Голос его вновь стал спокойным, лицо обрело невозмутимое выражение. — У него каждый человек на счету, и никто не будет лишним.

Кларрис трясущейся рукой вытер лоб.

— Извините, мистер Дэйн. Конечно, я не вернусь. Я сделал свой выбор во Флориде. Но, боюсь, нервы у меня немножко не в порядке.

— Об этом не беспокойся, — ответил Дэйн. — В таких делах у всех нервы не в порядке. — Он положил руку на плечо Кларрису, и Кларрис ответил ему признательным взглядом. — А теперь идемте.

Дэйн разделил отряд на две группы. Дэйн и Кларрис двинулись вправо, Торнтон и Эстелла — влево.

После Торнтон с трудом мог вспомнить подробности этого кошмарного восхождения на скалы. Тяжелый автомат болтался на шее, карманы и рубашка отвисали под тяжестью рожков с патронами. Большую часть времени он и Эстелла были защищены от выстрелов выступами скал. Один раз на открытом месте пули ударили в камень рядом с ними, но автоматчика сразу же отвлекли Дэйн и Кларрис, открывшие огонь с другой стороны.

А когда они обогнули последний валун и достигли вершины скалы, все остальное оказалось до боли просто. Автоматчик, попав под перекрестный огонь, начал отступать. Он беспорядочно отстреливался, пытаясь держаться в укрытии;

но он не мог укрыться от трех автоматов, ведущих огонь с разных позиций. Длинная очередь, выпущенная Дэйном, достала его. Торнтон видел, как пули, выбивая из камня крошки, подбирались все ближе к человеку. А потом раздался короткий глухой вскрик. Человек уронил свой автомат и бросился бежать, согнувшись чуть ли не вдвое и прижимая обе руки к животу. На плечах его поблескивали погоны — это был Хуан. Он пробежал дюжину ярдов, потом споткнулся, упал лицом вниз и больше не двигался.

Теперь они находились на восточной оконечности острова Куэвра, на самой высокой его точке. Дэйн поставил их прикрывать все подходы к вершине. С точки зрения Торнтонна, их крепость была неприступной. Ее можно было разбомбить с самолета, но подобраться снизу под заградительным огнем не удалось бы никому.

— Берегите патроны, — сказал им Дэйн, — не стреляйте, пока перед вами не будет определенной цели.

Торнтон спросил:

— А как мы выберемся отсюда?

— Одним путем или другим, но тем не менее скоро. Сейчас меня заботит генерал Мендоса. Он не послал своих людей наверх.

— Но ведь это же хорошо!

— Я так не думаю, — возразил Дэйн. — Мендоса — отличный солдат. Если он не прижал нас немедленно — значит, у него есть план получше.

— Какой у него может быть план? Вы думаете, он сможет заслать кого-нибудь нам в тыл?

Они посмотрели в сторону западного побережья. Пики зубчатой линией вырисовывались на фоне моря, покрытого рябью.

— Нет, — сказал Дэйн, — с тылу мы в безопасности.

— Может быть, он собирается уморить нас голодом?

— У него нет на это времени. Нам остается только ждать и смотреть. Что бы он ни сделал, ничего хорошего нам это не сулит.

Солнце было на полпути к зениту, над скалами поднималось марево. Море было пустым и ровным, побережье Центральной Америки скрывалось за дымкой. Беглецы ждали, что предпримет Мендоса.

Глава 30

К полудню они установили по редким автоматным очередям, что автоматчик находится внизу и справа от них, в укрытии, закрывая выход с восточной оконечности острова. Мендоса не предпринимал никаких попыток взобраться на скалу и выкурить оттуда беглецов. Солнце ползло по безоблачному небу, и камень нагрелся так, что до него было больно дотронуться. Стволы автоматов были раскаленными, хотя из них еще не стреляли. Весь остров словно превратился в одну большую сковородку.

Они расположились полукругом. На одном конце прижмался к скале Кларрис, лицо его было ярко-красного цвета, глаза полузакрыты. Казалось, он был опасно близок к тепловому удару. На другом конце полукруга Торнтон и Эстелла прятались в тени под выступом скалы. Эстелла тоже страдала от жары. Торнтон устроил ее поудобнее, тронул ладонью ее лоб, и она улыбнулась ему потрескавшимися губами. Ей было плохо, и в эту минуту Торнтон был готов убить Мендосу голыми руками.

Дэйн занял позицию в середине. Он дал Кларрису попить воды, потом переместился к Торнтону и Эстелле. Даже Дэйн выглядел сейчас не особо бодрым. На лице его отросла густая щетина, нос и лоб были измазаны грязью. Запавшие глаза лихорадочно блестели. Сейчас он походил на беглого преступника.

— У нас есть шанс? — спросил Торнтон.

— Должен быть, и не один. Я попросил военный флот США перехватить «Либерии».

— Они могут сделать это?

— Несомненно. Они никого не арестуют, просто задержат корабль на день-другой, обыскивая на предмет водолазного снаряжения.

Торнтон, казалось, был сбит с толку. Дэйн пояснил:

— В оправдание они сошлутся на неисправности в телеграфной системе Карибского бассейна. Проблема в том, найдут ли они «Либерии».

— А это так трудно?

— Да. Мы можем только предполагать, где он находится.

— Значит, «Либерии» все-таки может прийти сюда?

— Это возможно, — согласился Дэйн.

— А что насчет правительства Коруны?

— Они получили всю необходимую информацию. Я настоятельно порекомендовал им послать на Куэвру эсминец.

— Они сказали, что пошлют его?

— Они сказали, что рассмотрят этот вопрос. Вероятно, эсминец будет направлен сюда. Большой вопрос — когда. Вы должны помнить, Торнтон, что большинство стран, подвергшихся нападению, знало о планах противника заранее. Но это ничего им не дало. А спорный статус Куэвры довершит все остальное.

— Но они же не могут просто сидеть и ждать, когда их завоюют!

— Боюсь, что могут, — ответил Дэйн. — Мы просто не знаем, что они предпримут. Они могут отправить эсминец на Куэвру немедленно или могут обсуждать этот вопрос в парламенте в течение трех следующих дней. Они могут послать солдат на побережье, ждать вторжения, а затем потребовать немедленных действий со стороны ООН. Или могут списать все происходящее на военную панику со стороны США. Очень трудно предсказать, что будет делать правительство, оказавшись перед лицом кризиса, и как долго это продлится.

— Радостные новости, — съязвил Торнтон. — А нам остается только торчать в этом пекле неизвестно сколько.

Дэйн кивнул. Похоже, ему было не привыкать торчать в пекле.

— Вы предприняли множество мер, — сказал Торнтон. — Почему же вы не попросили эмиграционное бюро задержать Мендосу подольше?

— Я не просил их об этом. Я просил их отпустить его.

— Зачем?

— Я хотел, чтобы он был схвачен на Куэвре, — пояснил Дэйн. — Пока он оставался в Майами, против него не было настоящих улик. Мы, конечно, докопались до Клэрриса и до компании «Делакур». «Майами-Юг», кажется, действительно ни при чем, хотя компания по перевозке грузов может оказаться замешанной в деле. Но против Мендосы у нас не было ничего. И оставь мы это дело так, Мендоса на следую-

щий год начал бы планировать новую войну в другой стране и все началось бы сначала. Но захваченный здесь, за подготовкой к свержению правительства...

— Понятно, — сказал Торнтон. — А я и Эстелла спутали все планы.

— Вы ничего такого не сделали, — возразил Дэйн и неожиданно усмехнулся. — Не волнуйтесь об этом.

— И тем не менее я волнуюсь, — настаивал Торнтон. — Мы с Эстеллой оказались невероятно наивны, поверив миссеру Куалилье. Мы не должны были приезжать сюда.

— Забудьте об этом, — сказал Дэйн. — Если уж вы так ищете виноватого, то мне не следовало приезжать сюда за вами. Но мисс Варгас чувствует ответственность перед своим правительством, вы чувствуете ответственность за нее, а я отвечаю за вас обоих. Мы втянули друг друга в эту кашу, и теперь должны вытащить друг друга из нее. Я надеюсь...

Речь Дэйна прервал на полуслове глухой хлопок — как будто лопнул бумажный пакет. Наступило долгое молчание, затем в скалах в пятидесяти ярдах от них прогремел взрыв. Еще не утихло его последнее эхо, как вновь послышался глухой хлопок, и какой-то черный предмет взвился в небо, неспешно пролетел над их головами и взорвался в скалах.

— Вот почему Мендоса так медлил, — сказал Дэйн. — Он собирал миномет. Теперь нам точно придется плохо.

Сначала Торнтон не осознал всей опасности. Ему казалось, что миномет — это всего лишь еще один вид оружия, смертоносный, но не в большей степени, чем автомат. Было невероятно, чтобы появление на сцене миномета могло серьезно подорвать безопасность их укрытия.

Еще несколько мин разорвалось позади них. Минометчики целились в самый отдаленный пик, чтобы видеть разрывы. Теперь, пристрелявшись, они переместили огонь ниже, систематически осыпая снарядами маленький пятнышко земли. Через минуту «крепость» должна была превратиться в лощину.

Кларрис покинул свою позицию и метнулся к остальным.

— Что нам теперь делать? — спросил он Дэйна.

— Ждать.

— Но мы не можем ждать! Нас закидают минами!

— Они не могут покрыть всю площадку одновременно, — возразил Дэйн. — Мы подождем, пока мины не станут падать на внешний склон. Тогда мы перебежим в дальний конец.

— Мы не сможем продержаться под минометным огнем, — сказал Кларрис.

— Нам больше ничего не остается. Если Мендоса нас схватит, то скорее всего расстреляет. Думаю, нам лучше некоторое время все-таки терпеть минометный обстрел.

Мины уже рвались рядом. Дэйн подал сигнал, и все бросились в дальний конец острова. Остановившись там, они смотрели, как минометный огонь выметает только что оставленную ими позицию.

— А когда обстрел переместится сюда, мы побежим обратно? — спросил Торнтон.

— Нет. Мендоса, вероятно, пошлет людей занять нашу «крепость». Лучше мы спрячемся за этими скалами.

В десяти футах за последним каменным завалом поверхность утеса резко обрывалась в море. Здесь они были в некоторой безопасности от минометного огня, но слабо защищены от атаки автоматчиков. Они смотрели, как минометные снаряды ввинчиваются в синеву неба и как мины перепачивают скалистый пятачок.

Дэйн заглянул за край обрыва, потом сказал:

— Думаю, отсюда можно спуститься.

Кларрис глянул вниз и покачал головой:

— На это нам потребуется по меньшей мере полчаса. И все эти полчаса мы будем великолепной мишенью для автоматчиков.

— Мы должны попытаться, — настаивал Дэйн. — Торнтон, вы первый. Потом мисс Варгас, потом Кларрис. Я пойду последним.

— А как насчет автоматчиков?

— О них не беспокойтесь.

— Вы случайно не планируете остаться здесь? — спросил Торнтон.

— Мои планы — это мое личное дело.

— Черт бы вас побрал! — вспыхнул Торнтон. — Дэйн, вы не можете так поступить.

— Я намерен это сделать. Не беспокойтесь, когда придет

время, я смогу уговорить генерала. Мы друг друга понимаем. Возможно даже... — Он умолк и настороженно прислушался.

— Что случилось? — спросил Торнтон.

— Они прекратили стрелять из миномета.

Несколько секунд спустя они услышали голос Мендосы, слабо доносящийся издалека:

— Мистер Дэйн! Вы и ваши люди живы?

— Придите и посмотрите! — откликнулся Дэйн.

— Славный ответ, — сказал Мендоса. — Мистер Дэйн, вы великолепно организовали сопротивление. Поздравляю вас.

— Благодарю.

— Вы могли бы стать отличным пехотным лейтенантом. Но стратегия — ваше слабое место. Вы никогда не позволяете себе попасть в безвыходное положение. Но вы рассуждаете неверно, мистер Дэйн.

— Признаю это.

— Если бы вы действовали иначе, я был бы рад еще поиграть с вами в кошки-мышки. Но теперь игра окончена. Я призываю вас сдаться.

— На каких условиях?

— Безоговорочно.

— Это меня не устраивает.

— Но так оно и будет, — заявил Мендоса. — Вы не в том положении, чтобы торговаться.

— Положение у нас отменное. Скалы обеспечивают нам достаточное прикрытие от минометного огня, а прямая атака вам ничего не даст.

— Мистер Дэйн, вы блефуете. Ваше положение безнадежно. Или мне послать людей вокруг острова, чтобы они расстреляли вас с тыла?

— У вас нет достаточного количества людей.

— У меня людей достаточно. Прибыл «Либерио».

— Не верю.

— Мы зря тратим время, — сказал Мендоса. — Можете влезть на одну из тех вон скал и убедиться. Обещаю, что никто не будет стрелять. Вы поверите моему слову хоть в этом?

— Конечно, — отозвался Дэйн. Он повернулся к Торнтону. — Как видите, генерал все еще исповедует кое-какие ста-

ромодные принципы ведения войны. Поэтому он выигрывает битвы, но проигрывает войны.

Дэйн положил свой автомат на землю и взобрался на макушку большого валуна. Несколько секунд он стоял там и его силуэт четко вырисовывался на фоне неба, потом спрыгнул вниз.

— Это «Либерио», — сказал он.

Неожиданно послышался треск автоматной очереди. Дэйн бросился на землю. Торнтон прислушался и понял, что стреляют где-то в отдалении. Он слышал голоса, выкрикивавшие что-то по-испански, слышал басовитый гудок парохода.

— Они стреляют не в нас, — сказала Эстелла. — Это по ту сторону скал. Мистер Дэйн, не могли ли люди генерала взбунтоваться против него?

— Возможно, — кивнул Дэйн. — Для Сантос-Фигуэра это идеальный момент, чтобы взять верх.

— Но если это так, — вмешался Торнтон, — то что остается нам?

Дэйн пожал плечами:

— Давайте подождем и посмотрим.

Глава 31

В обеденном зале отеля «Клайтон» было холодно. Кондиционеры были включены на полную мощность, и, пока на улицах Майами царило сентябрьское пекло, постояльцам «Клайтона» могло показаться, что они находятся в зимнем Нью-Йорке.

Торнтон и Эстелла заняли столик на четверых. Стол был завален газетами. Они наскоро просматривали их одну за другой.

— Я не могу найти ничего, — пожаловалась Эстелла. — Возможно, об этом не сообщала пресса.

— Вполне могло быть, — согласился Торнтон. — Минутку, вот оно. На пятой странице.

— На пятой?!

— Боюсь, что так. Вот, слушай. «Попытка интервенции.

Транспорт с большим отрядом вторжения на борту был перехвачен вчера в прибрежных водах у побережья Коруны. Перехват производился корунийским эсминцем «Ла Сала» под командованием капитана Эрнесто Родригеса. После того как «Либерио», корабль интервентов, был захвачен, капитан Родригес проследовал на конфискованном судне на остров Куэвра, где налетчики должны были получить оружие и боеприпасы. Еще несколько интервентов были захвачены на Куэвре после короткой стычки. О жертвах сообщений нет. Предполагается, что обучение армии интервентов проходило на Кубе, в провинции Ориенте. Правительство Коруны назвало попытку вторжения «несерьезной угрозой». Кубинскому правительству был заявлен формальный протест».

— Но это же все неправда! — воскликнула Эстелла. — Интервенты были из Доминиканской Республики, и это было очень серьезно. Если бы эсминец не наткнулся на «Либерио», сейчас в Коруна бушевала бы война.

Торнтон кивнул, вырвал заметку из газеты и положил ее в свой бумажник. Его кофе уже остыл.

— И они не упомянули ни мистера Дэйна, ни генерала Мендосу, — продолжала Эстелла. — Они не упомянули даже нас!

— А это тебя тревожит?

— Конечно, нет. Но я не понимаю, почему вся слава должна достаться этому капитану Родригесу. Он просто выполнял приказ. Он на самом деле и не принимал почти никакого участия во всем этом деле.

— Забудь, — посоветовал ей Торнтон. — Он спас нам жизнь.

— Знаю. Он теперь герой. Но газеты должны были рассказать обо всем открыто. Как ты думаешь, что теперь будет?

— Ну, Клэрису, наверное, позволят тихо уйти на пенсию. Генерал Мендоса пойдет под суд. Уж обвинений против него хватает: и контрабанда, и революционная деятельность. Лет десять или пятнадцать тюрьмы ему обеспечено.

— И это все?

— Боюсь, что так.

— А разве он не пытался совершить убийство?

— Я так не думаю, — ответил Торнтон. — Полагаю, что,

когда человек возглавляет армию, это не называют убийством.

— Все это очень нечестно, — сказала Эстелла. — А мистер Куалилья? Как поступят с ним?

— Думаю, никак. В чем его можно обвинить?

Эстелла горько вздохнула:

— Это самая нечестная вещь из всех. А мистер Дэйн ничего не может с ним сделать?

— Кажется, Дэйн этим совершенно не интересовался. Он сказал, что всегда остаются оборванные концы. И перед отъездом он пожелал нам счастья.

— Наверное, он сейчас уже в Вашингтоне, — сказала Эстелла.

— Наверное.

На миг Торнтону вспомнился Дэйн, каким он был в международном аэропорту Майами — высокий, спокойный, он пытался выглядеть точно так же, как сотни других пассажиров, но это ему не удавалось. Теперь, когда все было позади, Дэйн чувствовал себя немного неловко и потому держался натянуто и холодно. Его часть работы была закончена, его не интересовали подробности, он не хотел рассуждать о том, что могло бы быть, если бы...

На прощание Дэйн сказал:

— Все было бы гораздо проще, если бы этот осел Родригес в точности выполнил приказ. Ему было приказано отправляться прямо на Куэвру, но он решил сперва поохотиться на «Либерии». Ну что ж... Счастья вам, Торнтон. Она чудесная девушка. Счастья вам обоим.

Дэйн небрежно пожал руку Торнтону, как будто прощался с малознакомым человеком. А потом пошел к самолету.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГОНКИ

Глава 1

Завидев «Скорую помощь», он остановился, внимательно оглядывая старомодную машину с высокими колесами и серо-зеленым кузовом. Аккуратные шторки закрывали боковые стекла. За рулем сидел шофер в униформе. «Скорая» загородила половину тротуара в узком переулочке, который вел к Болтон-Лейн. Этот старый «Роллс-Ройс» с фыркающим мотором выглядел очень внушительно, почти величественно, чего никак нельзя было сказать о краснолицем шофере: из-под голубой фуражки ползли струйки пота, оставляя следы на его жирных щеках и пропадая за белым воротничком, туго облегающим толстую шею. Сам по себе пот был уже весьма любопытным явлением: в Лондоне стояла довольно прохладная погода, солнце лишь изредка выглядывало из-за серого полога туч, дул сильный ветер. Так что Карлос решил смотреть в оба.

Два санитар в халатах вывели больного. Он выглядел и в самом деле очень скверно: пепельно серело лицо, зрачки вращались, словно шарики в детской игре. Два санитар поддерживали его под руки, а третий шел впереди, держа под мышкой папку для бумаг. К «Скорой» они подошли, почти неся больного на руках: его ноги странно подгибались, словно у пьяницы или наркомана.

Карлос заворуженно наблюдал за происходящим. Болезни вообще интересовали этого склонного к ипохондрии человека. Коротая длинные ночи корабельных вахт, он часто воображал себя заразившимся некоей новой болезнью, о которой никто никогда не слышал. Великие ученые из корпораций Форда и Рокфеллера униженно вымаливают разрешение обследовать его, изучить неизвестный науке недуг. Он не

страдает. Лежит в огромной белой клинике в Нью-Йорке, в отдельной палате; ему приносят все, что он хочет, а три раза в неделю берут анализы крови, мочи и слюны и постоянно расспрашивают о самочувствии, просят как можно подробнее описать свои мысли, состояние духа, реакции на окружающее.

— Давайте-давайте, проходите! — крикнул санитар, шедший во главе процессии. — Нечего здесь стоять, зенки пилить. Проходите, не задерживайтесь!

За свою жизнь Карлос повидал немало машин «Скорой помощи» и еще больше санитаров разных национальностей. Но никто из них никогда не обращал внимания на происходящее вокруг: обычно они вообще как будто не замечали толпы у машин, по крайней мере, до тех пор, покуда им не мешали работать. В данном же случае «толпа» состояла всего из четырех человек. Все-таки довольно странно, что Карлосу предлагают идти своей дорогой и не глазеть на «Скорую». Может, больной у них заразный?

— Проходите, не задерживайтесь! — повторял санитар. — Расступитесь, дайте этому бедняге вздохнуть!

Зеваки разошлись. Карлос уже собрался было последовать их примеру, как вдруг встретился взглядом с краснолицым шофером, который неотрывно смотрел на него; потное лицо было перекошено от страха. Карлос снова взглянул на больного, которого принялись затаскивать в «Скорую». Голубые остекленевшие глаза этого человека напомнили Карлосу нечто, с чем он часто сталкивался в своей профессии: застывший, как будто повернутый внутрь взгляд наркомана, принявшего слишком большую дозу зелья.

— Я же тебе сказал: вали отсюда! — прошипел санитар. Этот крепкий парень был примерно на голову выше Карлоса. Зажав папку в правой руке, левую санитар отвел для удара. — Пошел прочь!

И тут Карлос понял, что происходит. Он понял это еще до того, как больной, отчаянно сясь повернуться, сдавленным голосом пробормотал:

— Прошу вас! Вызовите...

Санитары запихнули его в машину, а человек с папкой попытался оглушить Карлоса ударом кулака. В ту же секунду

в руках шофера что-то металлически блеснуло. Нырнув под руку санитару, Карлос ушел от удара и изо всех сил двинул противнику в солнечное сплетение: это походило на удар ножом без ножа. Санитар, ловя ртом воздух, сложился пополам и выпустил из рук папку. Карлос подхватил ее на лету и, не дожидаясь продолжения, бросился бежать. В папке наверняка находится что-то ценное. Наверное, бриллианты... Или наличные? А может быть, и чистый героин...

Позабыв про больного, санитары пустились в погоню. Карлос уже успел отбежать метров на двадцать. Он несся как угорелый, прижимая папку к груди и широко улыбаясь. За спиной слышался грузный топот, но за то время, что преследователи успевали сделать один шаг, Карлос пробегал три. На улицах в этот ранний час почти никого не было, и вскоре он исчез в лабиринте переулков, ведущих к городским докам.

Он ушел от них, как уходил от полиции в Тампико и в Веракрусе. Ни один человек, таскающий на костях слишком много мяса, не мог угнаться за ним. Голод и работа сделали из Карлоса превосходного стайера, привычка поднимать тяжести расширила ему легкие. Очувшившись вне пределов досягаемости, он перешел на быстрый шаг и по Тренч-стрит направился к семейному общежитию, в котором квартировал.

Папку для бумаг Карлос спрятал под пальто. Он по-прежнему улыбался. В папке наверняка скрывается целое состояние. Ясно, что он, Карлос, сорвал чей-то тщательно подготовленный план, какую-то незаконную операцию. Эти люди сами виноваты. Когда занимаешься такими делами, нужно иметь крепкие нервы. А им выдержки явно не хватило.

Глава 2

Ей хотелось спать. К тому же нелепость ситуации начала всерьез действовать на нервы. Даже хваленая британская обходительность ничего не меняла. Они, конечно, все были очень вежливы, но никак не хотели отпускать ее в гостиницу. Она поискала в сумочке сигареты, но пачка оказа-

лась пустой. Эта капля переполнила чашу терпения. Женщина встала и подошла к столу сержанта.

— Сержант, я попросила бы вас немедленно записать мои показания.

— Сожалею, мисс Беллоуз, но это невозможно.

Она уже с трудом держала себя в руках.

— Потрудитесь объяснить, почему?

Тут сержант принялся пороть чушь о распределении обязанностей в лондонской полиции, чем только подтвердил ее уверенность в непроходимой тупости чиновников любого ранга и звания. Когда она ездила в Мексику разводиться, тамошние бюрократы были точно так же предельно вежливы и так же непрошибаемо бестолковы.

«Нет-нет, вас неверно проинформировали, — говорили ей. — В пограничных городах разбор дела, конечно, может производиться немедленно, но здесь, в Моралесе, в федеральном округе...»

И все же в конце концов она добилась развода, так что и теперь, без сомнения, сумеет заставить их записать показания, а потом вернется в гостиницу. И дело-то яйца выеденного не стоит!.. Она стала свидетельницей кражи, только и всего. Наблюдала за сценой из окна своего номера ранним серым утром, выкуривая очередную сигарету наедине со своей бессонницей.

К дому подъехала машина «Скорой помощи», санитары вывели больного. Потом появился маленький, плохо одетый человечек, о чем-то начал спорить с одним из санитаров, выхватил у него из рук папку и пустился наутек.

Как могла быстро, она спустилась вниз. «Скорая» и больной уже исчезли. Поскольку первый раз в жизни проклятая бессонница хоть на что-то сгодилась, возникли глупые мысли насчет гражданского долга и прочей ерунды. Выяснив, где находится ближайший полицейский участок, мисс Беллоуз отправилась туда и рассказала об увиденном.

Поначалу все были крайне предупредительны, сержант угостил ее чаем. Лейтенант по фамилии Дэвис стал записывать ее показания, в точности как это сделали бы в Соединенных Штатах. И вдруг, на самой середине рассказа, началась эта возмутительная бессмыслица...

— Тогда кто же снимет с меня показания?

— Квалифицированный специалист уже в пути, мисс Беллоуз.

— И как скоро он появится?

— Мы ждем его с минуты на минуту.

Квалифицированный специалист! Черт бы побрал этих англичан с их вечными условностями! Как только лейтенант выяснил адрес, по которому произошла кража, он отложил ручку, сверился с картой, затем полистал блокнот на столе у сержанта и позвонил по телефону. Квалифицированному специалисту...

Ладно... Кстати, никакие условности не помешали лейтенанту коситься на ноги собеседницы. Впрочем, эти ноги были очень хороши, так же, как и вся стройная пропорциональная фигурка, позволявшая мисс Беллоуз считать себя женщиной эффектной и элегантной. Длинные густые волосы цвета меда смягчали выражение немного жесткого, хотя и очень привлекательного лица со скорбно изогнутыми губами. Недоверчивые голубые глаза взирали на мир с разочарованием и надеждой одновременно, как, впрочем, и подобает глазам скептика.

Между тем в участке возникла легкая паника. Очевидно, квалифицированный чиновник наконец прибыл. Он сразу же подошел к ней.

— Мисс Беллоуз? Стивен Дэйн, — представился высокий темноволосый мужчина, не лишенный привлекательности. — Извините, что заставил ждать. Пройдите, пожалуйста, сюда. Мы устроимся в кабинете лейтенанта.

Девушка поднялась и пошла следом за ним. Странно, что квалифицированный специалист оказался американцем, как на то указывал его акцент. Она выразила желание посмотреть его документы, и перед глазами на секунду возникло раскрытое удостоверение, подписанное совершенно нечитаемой фамилией и подтверждающее, что Стивен Дэйн действительно назначен агентом по специальным поручениям при Центральном разведывательном управлении на неопределенный срок. В документе не говорилось, к какой службе или подразделению Дэйн принадлежит, и не уточнялось, какие именно поручения выполняет.

Четверть часа спустя Дэйн записал показания мисс Беллоуз, а еще через пять минут она рассматривала фотографии людей с физиономиями висельников, пытаясь найти среди них снимок утреннего вора. Но в полицейском досье не нашлось никого, кто хотя бы отдаленно напоминал маленького человечка. Потом случилось нечто любопытное: Дэйн попросил опознать по фотографиям кого-нибудь из бригады «Скорой». Это становилось интересным. Похоже, речь шла об чрезвычайно интригующим заговоре. Фотографий санитаров она тоже не нашла, и Дэйн попросил как можно подробней описать внешность похитителя.

— Маленький, — сказала мисс Беллоуз, — плохо одетый. Загорелый или просто смуглый. Похож на латиноамериканца или, может, на азиата. — Она немного подумала. — По-моему, у него довольно крупный нос. И еще — он улыбался, когда убегал с папкой.

— Охотно верю, — откликнулся Дэйн.

— А что он украл?

— Мы еще не знаем в точности.

Но она не позволила ему уйти от ответа таким тактичным образом.

— Проще говоря, вы предпочитаете не сообщать мне об этом?

Он с улыбкой пожал плечами.

Ей стало забавно. Этот Стивен Дэйн являл собой великолепный образчик молодого высокопоставленного чиновника с блестящим будущим. Вся биография была крупными буквами написана у него на лбу. В университете он наверняка прекрасно успевал, особенно в политических науках и иностранных языках. Однако, несмотря на недюжинные умственные способности, достойные всяческого восхищения, Дэйн, без сомнения, принадлежал к тому типу «настоящих мужчин», который так любит популяризировать ФБР, то есть умел работать кулаками, обращаться с оружием и, видимо, был силен, несмотря на худощавость. Более того, он не лишен такта и скромности, умеет хранить тайну и понимать шутки. Сногсшибательное сочетание!.. Мисс Беллоуз никогда не сомневалась, что подобные мужчины существуют наравне с идиотами и карликами, но все равно здорово удиви-

лась, столкнувшись с представителем этого племени лицом к лицу.

— А вы можете объяснить, — поинтересовалась она, — почему лондонская полиция посчитала необходимым вызывать для расследования этой кражи американца из ЦРУ?

— Потому что пострадавший тоже американец.

Разговор начал действовать ей на нервы. Она не ребенок, чтобы выслушивать эти сказки. Иногда, конечно, лестно, когда тебя держат за несмышлениша, но только не в подобных обстоятельствах.

— Мистер Дэйн, вы намеренно увиливаете от прямых ответов? Какую тайну вы скрываете?

— Здесь нет никаких тайн, — возразил Дэйн, поднимаясь. — Полагаю, мисс Беллоуз, на сегодня достаточно. Где мы сможем найти вас, если придется предъявить несколько фотографий Интерпола для опознания?

— Не уверена, что мне удастся выкроить время...

— Мы уже опросили нескольких человек, которые находились поблизости от места преступления. Однако в момент кражи все они успели отойти от «Скорой» на значительное расстояние. Так что, кроме вас, похитителя никто не рассматривал.

— Выходит, я важный свидетель...

Дэйн кивнул.

— ...незначительного преступления.

Дэйн снова кивнул, на сей раз менее уверенно. Она очень любезно улыбнулась ему:

— Мистер Дэйн, вам известно, в какой гостинице я оставилась. Возможно, я задержусь в городе еще на день-два.

И, повернувшись на каблуках, она вышла, не слишком довольная своей последней репликой.

Глава 3

Этот высокий человек лет пятидесяти носил дорогой костюм и очень скромный галстук. Его внушительной внешности с лихвой хватало на то, чтобы превратить эту отлично сшитую тройку в величественный памятник обреченному и уходящему навсегда стилю жизни.

Он сидел за письменным столом и слушал стоящих перед ним людей из «Скорой помощи». Сложенные руки покоились на поверхности стола, большая голова на толстой шее оставалась неподвижной, глаза смотрели куда-то вниз. В юности этот человек понял цену слова, в зрелом возрасте познал бесценность молчания. Сейчас он молчал. Старший санитар как раз заканчивал доклад о происшедшем:

— Именно так все и случилось, мистер Бардиев. Неожиданно, нелепо...

Улыбка тронула губы Бардиева. Насчет нелепости у него имелись особые соображения.

— Мы, разумеется, бросились в погоню, но вор бежал слишком быстро. Потеряв его из виду, мы посчитали самым разумным...

— Вы посчитали? — переспросил Бардиев, внимательно следя за реакцией собеседника.

По старой привычке он в любом подчиненном выискивал слабое место и не гнушался ударить в него, вызывая страх. Чужой страх может иногда обеспечить вашу собственную безопасность...

— Мне очень жаль, мистер Бардиев.

— Извинения меня не интересуют. Кто-нибудь из вас сможет опознать этого человека?

Почуяв передышку, санитары дружно кивнули.

— Отправляйтесь в архивную. Мэри покажет вам слайды. Может быть, удастся найти его снимок. И пришлите ко мне Зеттнера.

Бардиев выкурил полсигареты. Потом, с хладнокровным видом хирурга, готового приступить к операции, вошел Зеттнер. Он был молод, предан душой и телом и, следовательно, совершенно не способен к дипломатии. Высокий, красивый, он тем не менее казался существом, напрочь лишенным темперамента. Зеттнер испытывал холодное удовольствие от абстракций, проектов, маневров, идей, концепций — от всего лишненного плоти и крови. План с использованием «Скорой помощи» принадлежал ему. Зеттнер оперировал данными, почерпнутыми из книг: пресловутой флегматичностью британских прохожих и тем фактом, что присутствие «Скорой» в любое время и в любом месте никогда никого не удивляет.

Построения Зеттнера всегда были довольно сложны. И в конечном счете их успех объяснялся только безразличием человека к искусственным элементам, привнесенным в его окружение извне.

Новость об утрате папки Зеттнер воспринял спокойно, едва ли не безразлично. По большому счету, он вообще интересовался только статистическими результатами; временные неудачи, равно как и временные успехи, трогали его мало. Однако не признать, что содержимое папки имело значительную ценность, Зеттнер не мог.

— У меня предчувствие, что фотографии этого типа нам обнаружить не удастся, — сказал Бардиев. И слабо улыбнулся, вспомнив о ненависти Зеттнера ко всякого рода предчувствиям. — Что вы намерены предпринять, если я окажусь прав?

Зеттнер задумался.

— Субъекту придется как-то распорядиться содержимым папки. А сбыть подобного рода документы не так-то просто. Поэтому необходимо продолжить поиск похитителя и установить тщательное наблюдение за всеми возможными покупателями.

— Отлично. Ну и как, по-вашему, велики наши шансы?

— Успех или провал намеченной операции...

— Нет-нет, — прервал Бардиев. — Так далеко заглядывать не нужно, по крайней мере сейчас. Меня интересует папка. Вы полагаете, что сумеете ее вернуть?

— Да, — ответил Зеттнер.

— Почему вы в этом уверены?

— Я основываюсь на природной глупости человеческих существ.

— Прекрасно, — пробормотал Бардиев. — В таком случае можете немедленно приступить к работе.

Без единого слова Зеттнер поднялся и вышел из комнаты. Он тоже знал цену молчания.

Бардиев достал платок и вытер вспотевший лоб. Он сам помогал создавать подобных людей для нового порядка: историческая необходимость требовала рождения целого поколения зеттнеров. И все же в их обществе он всегда чувствовал себя дурно.

Глава 4

Закрывшись у себя в комнате, Карлос положил добычу на ночной столик, закурил сигарету и с наслаждением растянулся на кровати. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь слой пыли, покрывавшей стекла, и бросали блики на красную папку. Карлос полюбовался медными защелками; их ослепительный блеск лишней раз убеждал в том, что под толстой кожей скрывается что-то ценное. Пока хватит и этой уверенности. Позже нужно будет перевести содержимое папки в наличные — используя опасные и извилистые пути. Одному богу известно, куда эти пути заведут его! Папка для бумаг, за которой послали четырех человек и «Скорую», наверняка таит в себе несметные сокровища: бриллианты, платину или чистый героин.

Но сейчас, с двадцатью ливрами в кармане, валяясь на разобранной постели в семейном общежитии для моряков, Карлос чувствовал себя богатым, и не открывая папки. Да в эту минуту он и был богат; забывать об этом не стоило.

Карлос, не торопясь, докурив, затем осмотрел папку повнимательнее. Она была закрыта на замочек. Карлос удовлетворенно кивнул и попытался расцедь кожу ножом, но наткнулся на стальной лист. Все лучше и лучше! Такие папочки покупают не для того, чтобы таскать в них свой завтрак или утренние газеты!

Карлос переключил внимание на замок — маленький, но очень надежный и, как выяснилось, сделанный из более прочной стали, чем его нож. Разрезав кожу, Карлос убедился, что скобы замка намертво припаяны к стальному каркасу папки. Великолепно! Из кармана куртки Карлос вытащил связку инструментов, которые оказали ему немало услуг в разных частях света, отцепил от нее два крошечных изогнутых крючка и взялся за замок с нежностью натуралиста, препарирующего бабочку.

Но для этого замка нежности явно не хватало. Он был сделан на совесть, как и подобает замку, хранящему великие сокровища. Карлос срезал остатки кожи, обнажив блестящий металлический корпус, и, поднеся папку поближе к свету, внимательно оглядел ее, поворачивая так и этак. Отцепив

от связки маленькую стамеску, Карлос упер ее в шов замка и, пользуясь тяжелым матросским ботинком как молотком, несколько раз ударил по ручке. Потом снова осмотрел папку. Ему удалось лишь слегка поцарапать металл. Две половинки замочка прилегали друг к другу слишком плотно. Не было никакого зазора, которым он мог бы воспользоваться.

Закурив новую сигарету, Карлос хмуро оглядел свою добычу. От хорошего настроения и следа не осталось. Конструкторы этого маленького сейфа явно перестарались. Неужели придется открывать эту чертову штуку автогенном? Дело как будто идет к тому, но автоген может повредить содержимое.

Карлос потряс металлический контейнер; изнутри слышался легкий сухой шелест. Пакетики с героином? Дежневые купюры?

Итак, нужна помощь, чтобы выпотрошить эту треклятую папку. Обратиться к кому-то, у кого есть необходимые инструменты, возможно, даже газовый резак? Но во всей Англии Карлос знал лишь одного человека: Джона Эдельгейта, который покупал у него марихуану и героин, контрабандой привезенные из Мексики. Эдельгейт никогда не подводил Карлоса. Наверное, на него можно положиться... Но сколько он запросит за то, что всего лишь вскроет злосчастную папку? И сможет ли Карлос присутствовать при операции? Если нет, Эдельгейту не составит труда припрятать часть добычи или вообще сказать, что папка была пуста, коль скоро содержимое ее окажется достаточно ценным. Здесь, в Европе, друзей у Карлоса не было. Доверить Эдельгейту несколько пакетов героина он мог, но отдать в руки малознакомого человека переносной сейф, за которым не поленились послать по меньшей мере четырех человек и «Скорую помощь», было не так просто.

Нет, черт возьми, риск слишком велик! Карлос очень давно ждал подобного случая, чтобы теперь довериться безразличному иностранцу с глазами дохлой рыбины. С того самого дня, когда Карлос ушел из своей деревни и отправился в Пуэрто-Вальярта наниматься на рыболовецкое судно, даже еще раньше, с того времени, когда он мальчишкой возился в пыли Санта-Марта-де-ла-Меза, он мечтал об огром-

ных богатствах, сказочных сокровищах: тысячах, десятках тысяч долларов, которые однажды попадут к нему в руки. Карлос лелеял эту мечту долгие годы, работая на плантациях сахарного тростника под Мехико, потом вкалывая рыбаком в Пуэрто-Вальярта, а затем попеременно нанимаясь мотористом, смазчиком, стюардом на разные суда, отплывавшие из Акапулько и Веракруса во все порты мира; повсюду его поддерживала мечта. Картины богатства, которое позволит больше никогда не работать, помогли ему выжить среди нищеты и подлости окружающего мира. У других людей был их бог — далекий и чужой, который все видел и ни во что не вмешивался; у Карлоса была мечта.

Мысли о богатстве неотступно преследовали его. Люди с Севера говорили: «Работай больше, Карлос, эконоь на всем, учись». Но парень из Санта-Марта-де-ла-Меза, работай и эконоь он хоть тысячу лет, никогда не станет таким, как североамериканцы. Коммунисты, служившие рядом, на кораблях, очень серьезно внушали ему: «Трудись на благо народа, Карлос. Помни о великой революционной истории Мексики. Борись за то, чтобы однажды все богатства мира, все средства производства были справедливо распределены между людьми». Они говорили красиво и гладко, но в свою веру обратить его не сумели.

Разговоры о мексиканской революции и в самом деле звучали торжественно, однако в Санта-Марта двое из трех младенцев умирали вскоре после рождения, а когда вырученные за продажу урожая сахарного тростника деньги были потрачены, деревенские мужчины слонялись без дела и еще ту же затягивали веревки, служившие поясами.

Карлос снова взял в руку папку. Лоб его покрыли морщины, глаза под выступающими надбровными дугами недобро светились, толстые губы свела судорога. Он провел заскорузлым пальцем по краю папки, нежно огладил впаянные скобы замка. Если над замком работали на совесть, пайку наверняка укрепили заклепками. Карлос присмотрелся повнимательней и увидел с одной стороны почти незаметные маленькие пупырышки.

Опустившись на колени, он пристроил папку в углу комнаты и упер стамеску во впаянную скобу. Примерившись, он

изо всех сил ударил ботинком по рукоятке стамески и посмотрел, что получилось. Видимых изменений не наблюдалось. Карлос уперся стамеской в угол скобы и несколько раз подряд с силой опустил ботинок на рукоятку. На нижнем этаже кто-то яростно заколотил по батарее.

— Эй, ты, с ума сошел, что ли? Полвосьмого утра! — крикнул недовольный голос.

Карлос глянул на кровать, где лежал нож. Потом, тщательно примериваясь, еще три раза подряд ударил по скобе.

— Да чтоб тебя разорвало! Совсем очумел!

Еще один удар. Скоба и замок разом отлетели в сторону. Поработав стамеской еще немного, Карлос сломал язычок замка. Папка приоткрылась.

Карлос подошел к кровати и вывалил на нее содержимое маленького сейфа. Оно состояло из початой пачки сигарет и большого коричневого конверта из плотной бумаги. Конверт был заклеен. С обеих сторон виднелась красная нашивка: «Совершенно секретно».

Дурной сюрприз. Богатства, обещанные красивой папкой, четырьмя наемниками и «Скорой помощью», уже отдалялись от Карлоса. Совершенно секретно! Он быстро вскрыл конверт, тайне надеясь, что внутри все же окажется нечто ценное. Но обнаружил лишь еще один коричневый конверт, также помеченный грифом «Секретно». На нем значился адрес: «Лондон, Карлайл-стрит, 4. Служба стратегического планирования США».

Карлос разорвал конверт, лихорадочно перелистал вывалившиеся из него бумаги и выпустил их из рук. Он бы завыл, принялся бы биться головой о стену, но побоялся крикливого соседа снизу. Столько опасностей, столько надежд... Какой же он дурак, что доверился своей мечте! Мечта рассыпалась в прах, осталась только опасность.

Однако даже в пучине отчаяния Карлос не потерял головы. От папки необходимо избавиться. А что до бумаг, их, вероятно, лучше всего сжечь и сделать вид, будто они вообще никогда не существовали. Только безумец станет совать нос в правительственные секреты. А Карлос пока еще в своем уме.

Собрав документы, он пробежал по ним взглядом. Как будто никаких особых тайн. Был листок с чем-то напомина-

ющим карту, но понять, где здесь суша, а где море, Карлос не смог. Никаких названий, только четкая линия, проведенная пером, очевидно, обозначающая прибрежную полосу. Карту усеивали маленькие пронумерованные точки. На другом листке к номерам давались пояснения. Но они состояли из пятибуквенных слов, не принадлежащих ни к одному из известных Карлосу языков. Шифр? Наверняка. Были и другие листки, испещренные словами из пяти букв или исписанные числами, а также целые страницы чисел; строчки располагались то повыше, то пониже, но всегда в сопровождении непонятных букв. Этот американский сверхсекрет состоит из множества маленьких секретов, решил Карлос.

Ладно, сказал он себе. Сожжем бумаги и обо всем забудем.

Он достал из кармана коробок, вытащил спичку. И принялся чистить ею ногти.

А может, не торопиться? Конечно, в папке не оказалось ни бриллиантов, ни платины, ни героина, ни долларов, ни вообще чего бы то ни было ценного в общепринятом смысле. Зато оказался «совершенный секрет». И кто-то придавал этому секрету такое большое значение, что не поскупился нанять четырех головорезов и «Скорую». Чтобы проверить операцию, выложили несколько сотен долларов. Так сколько же может стоить сам секрет? Тысячу долларов? Десять тысяч? Если только эти листочки, исписанные шифрованным языком, вообще чего-нибудь стоят...

Карлос хлопнул себя по колену. Ну конечно же, стоят! Правительства всех стран только и делают, что покупают секреты у шпионов, всем известно! А эти документы, похищенные уже дважды, должны стоить гораздо больше всех остальных. Не найдя в папке ничего, что можно легко продать, он разозлился и едва не упустил возможность обогатиться по-настоящему. Секреты имеют свою цену. А американские секреты должны стоить очень дорого, ведь Америка такая богатая страна. Десять тысяч долларов? Да эти бумажки, наверное, потянут на двадцать, а то и на тридцать тысяч!

Карлос вновь почувствовал себя богатым. Вернулось ощущение блаженства. Скоро с тупой и плохо оплачиваемой работой будет покончено. Забыть о дрянной пище, уродливых

бабах и бессмысленном существовании среди равнодушных иностранцев! В обмен на этот «совершенный секрет» он получит деньги и купит себе ферму в Австралии, как можно дальше от Америки и Мексики. Он заплатит за ферму наличными и станет полновластным хозяином.

Но как превратить «секрет» в звонкие монеты или хрустящие купюры?

Карлос понимал, что ему придется нелегко. Но он уже твердо знал, с чего начнет. Надо пойти к Джону Эдельгейту, который продает все, что хоть чего-то стоит. Разумеется, с Эдельгейтом придется долго спорить о цене...

Засунув документы во внутренний карман куртки, Карлос спрятал папку под матрас. Здесь она в полной безопасности: кровати в общежитии перестилают только по случаю въезда и выезда жильцов. И, не медля больше ни секунды, Карлос, вооруженный только ножом и энтузиазмом, вышел на улицу. Совершенно не представляя, что его может там ожидать.

Глава 5

— Ну, — сказала Сюзан Беллоуз, — я просмотрела никак не меньше десяти тысяч ваших чертовых фотографий. Что дальше?

— Пока все, — вздохнул Дэйв. — Это копии, которые Интерпол снял с архивов всех полицейских сил Европы. Если вы не ошиблись, снимка нашего человека в полицейских досье нет.

— Я не ошиблась.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Сказав это, Сюзан попыталась вызвать в памяти образ похитителя. Он был здесь, этот образ, немного затуманенный, но еще различимый. И все же описать его Сюзан могла только общими словами: темная или загорелая кожа, толстый нос, бледные губы, черные блестящие глаза, черные волосы и странная уверенность в движениях, что-то от сорви-головы.

Чем больше Сюзан Беллоуз думала, тем больше замутнялся портрет похитителя; на самом деле это уже был не портрет, а нечто вроде ключа, ожидающего, пока ему предъявят существо из плоти и крови, чтобы начался процесс опознания.

— Я бы его узнала, — заявила Сюзан. — Что теперь будем делать?

— Теперь? Не пойти ли нам выпить?

— От таких предложений я никогда не отказываюсь.

Они сидели в одном из дальних залов ресторана «Георг V» за блестящим столиком красного дерева и потягивали виски. Полутьма в зале вроде бы располагала к откровенности. Но атмосферы особой откровенности между ними не установилось. Мрачно насупившийся Дэйн как будто вообще не обращал внимания на окружающее. Его руки неподвижно лежали на столе; казалось, он спокоен и безмятежен. Но у Сюзан сложилось впечатление, что эта безмятежность наигранная. Было похоже, что Дэйн держит себя в руках только усилием воли. Вероятно, именно так он всегда реагирует в сложных ситуациях.

— И что вы предпримете теперь? — спросила Сюзан.

— Попытаюсь его найти.

— Вы ведь даже не знаете, как он выглядит!

— Это не всегда обязательно.

Она с сомнением покачала головой. Возможно, Дэйн хорошо знает свое дело, но отыскать безликого темнокожего человека в целой Европе...

— А чем займетесь вы? — поинтересовался Дэйн.

— Продолжу путешествие: Париж, Женева, Вена, Флоренция.

— Наверное, здорово повеселитесь.

— Да уж, на славу... Дэйн, вы скажете мне, что находилось в этой папке?

— Нет.

— Знаете ли, я в состоянии догадаться.

— Сколько угодно.

— А если я заговорю?

— Тут я бессилен.

Этот ответ Сюзан не понравился. Было обидно, что ее, единственную настоящую свидетельницу преступления, вот так запросто отодвигают в сторону. Погрузившись в созерцание своего стакана, она скорчила гримасу, а потом снова подняла глаза на Дэйна.

— Возможно, я могу вам чем-то помочь...

Дэйн расправил плечи.

— Конечно, можете.

— Чем же?

— Вам это не понравится, к тому же расстроит ваши планы.

— К черту мои планы! Преследовать похитителя гораздо интереснее, чем таскаться по музеям!

— Может быть, но и гораздо опаснее.

— Тогда я с вами.

— Серьезно?

— Разумеется. При одном условии: вы скажете, что находится в этой драгоценной папке. Мы ведь станем напарниками, бесстрашными охотниками за готовым на все преступником. Так что с вашей стороны будет некрасиво хранить от меня тайну!

Дэйн согласно кивнул.

— В папке находился конверт с грифом «Совершенно секретно».

— А в конверте?

— Секретный документ.

— Дэйн, это нечестно! Какой именно документ?

— Мне не сообщили.

— Но он важен?

— Крайне.

— Не думаю, что мы сумеем заполучить его обратно, — заметила Сюзан. — Если папку украли Советы, то она уже давно отправлена в Москву дипломатической почтой, так ведь?

— Есть и другие способы. Но мы абсолютно уверены в том, что у Советов папки нет. Санитары из «Скорой» — люди русских. Папку украли именно у них.

— Понимаю, — медленно выговорила Сюзан. — Но кто же мог это сделать? И зачем?

— Поскольку фотографии похитителя нет в архивах, резонно предположить, что это новичок: шпион, работающий только на себя, который пытается сколотить капитал, или секретный агент непонятно какого правительства. Учитывая обстоятельства похищения, наиболее вероятной представляется первая версия. В таком случае документы попытаются продать.

— А за них можно получить много денег?

— Можно, — кивнул Дэйн. — Только это непросто. В подобных делах ловушки подстерегают на каждом шагу. Нам сильно повезет, если удастся обнаружить похитителя живым!

Дэйн закурил и несколько секунд размышлял.

— Любитель непременно совершит немало оплошностей. Одна-две ошибки еще могут сойти ему с рук, но в шпионском бизнесе за неосторожность наказывают быстро и безжалостно. Если он хитер и находчив, то прежде всего войдет в контакт с нами и предложит выкупить документы.

— А если он обратится к русским?

Дэйн пожал плечами:

— Возможно, выручит много денег. Хотя обычно русские не покупают то, что могут получить иным способом.

— Понимаю, — шепнула Сюзан. — Ладно! Что будем делать?

— Ничего. Ждать, пока что-нибудь случится.

— Так можно прождать очень долго!

— Не исключено.

— Но это же чертовски скучно!

Она посмотрела Дэйну прямо в лицо и слегка вздрогнула, встретившись с прямым взглядом его серо-зеленых глаз. Прекрасно владея собой, он почти незаметно улыбался. Сюзан это совсем не понравилось. Дэйн, вероятно, принадлежал к той категории мужчин, которые уверены, что знают обо всем больше других и никогда не раскрываются до конца.

— А мы постараемся не скучать, — игриво произнес Дэйн.

Теперь его улыбка превратилась в недвусмысленный намек. Сюзан машинально нахмурилась, отметив про себя, что в конце концов это может оказаться даже забавным.

Глава 6

Верхняя часть Бингхэм-Роу мужественно пыталась сохранить более или менее пристойный вид; зато нижняя половина улицы, выходящая к городским докам, радостно подстраивалась под самые экстравагантные вкусы моряков пятидесяти различных национальностей и, похоже, пропала безнадежно. В верхней части обитали торговцы судовыми принадлежностями, аптекари, бакалейщики и прочие мелкие коммерсанты, раз и навсегда повернувшиеся спиной к реке и с надеждой устремившие взоры на квартиры благопристойных служащих и дома-близнецы почтенных отцов семейств. Верх Бингхэм-Роу отчаянно старался попасть в ряды буржуазии и как будто преуспевал в этом.

На узком поле битвы, которое зовется улицей, никто не дрался за место под солнцем с таким ожесточением, как Джон Эдельгейт из клана Эдельгейтов.

Карлос явился к Эдельгейту с надеждой в сердце и секретными документами в кармане. Он вошел в крохотный полутемный мебельный магазинчик, и через несколько секунд появился хозяин: низенький и важный, с округлым лицом и редкими прилизанными волосами, похожий на гигантскую лягушку. Узкий лоб, маленький острый носик, липкие скользкие пальцы, переплетенные на четко обозначившемся животе. Сморщенный ротик складывался в гримаску, выражающую нечто среднее между презрением ко всякого рода сомнительным сделкам и желанием повернуть их как можно больше. Под безобидной внешностью Эдельгейта добропорядочность каждый день вела изнурительный бой с алчностью.

— А вот и мистер Зеккилия! — воскликнул Эдельгейт, увидев Карлоса. — Здравствуйте, как поживаете?

— Отлично.

С тех самых пор, как Карлос покинул родную деревню, еще никто никогда не произносил его фамилию правильно. И он научился откликаться на многочисленные иностранные вариации, ни одна из которых не походила на ту фамилию, которую дали ему в Санта-Марта.

— А как идут ваши дела, мистер Эдельгейт?

Эдельгейт с озабоченным видом наклонил голову, прислушиваясь к словам собеседника. Карлос страдал еще и от этого неудобства. Он рос, полагая, что разговаривает на испанском. Но когда юношей отправился в Пуэрто-Вальярта, выяснилось, что вся остальная Мексика вовсе не считает испанским язык, на котором он говорит. Это диалект, объяснили ему, один из ацтекских языков, пересыпанный искаженными испанскими словами. Карлос был потрясен. В шестнадцать лет ему пришлось учиться языку, на котором говорят жители Мехико и Веракруса, а на кораблях он узнал немало английских фраз. Но иностранцы по-прежнему в ужасе склонялись к нему, настороженно прислушиваясь, просили повторить сказанное или, если возможно, говорить медленнее. Некоторые вообще не понимали его английского, просто не разбирали слов. Свободно Карлос мог изъясняться только на родном диалекте, но возвращению в Санта-Марта он предпочел бы смерть.

— Не угодно ли пройти в мою комнату, мистер Зеккилия? Наверное, не откажетесь от чашечки чая...

— Спасибо большое.

Карлос приучил себя поглощать этот напиток. Всего лишь небольшое испытание, через которое необходимо пройти, чтобы с выгодой повернуть дело.

— Вот так. Хорошо устроились? Прекрасно. Приятное плавание, мистер Зеккилия?.. Хорошо, хорошо... А у нас стоит чуть более влажная погода, чем обычно. Зато ожидается теплое лето...

В этом чертовом городе выпадает столько осадков, что с лихвой хватило бы на всю Мексику.

— Итак, полагаю, вас привело ко мне дело, о котором вы хотели бы поговорить?

— Есть кое-что на продажу.

Хотя Карлос знал, что, сразу взяв быка за рога, нарушает неписаные правила приличия и обижает Эдельгейта, терять время на обычные церемонии он не хотел.

— Разумеется, мистер Зеккилия. Счастлив сообщить, что за время вашего отсутствия цена грамма не изменилась. Если позволите, я достану весы...

— Не надо, мистер Эдельгейт. Это не героин.

Эдельгейт с облегчением улыбнулся. Бриллианты или платину бдительной совести переварить куда как легче.

— Есть одна очень любопытная штука... И стоит, по-моему, немало, — пояснил Карлос склонившемуся к нему англичанину.

Продолжая говорить медленно и следя за произношением, которое тем не менее оставалось непоправимо ацтекским, он рассказывал историю о «Скорой помощи» и найденном секрете.

Мистер Эдельгейт слушал очень внимательно. Украденные планы... Как живописно! И речь, похоже, идет не о британских документах. Планы принадлежат американцам, которые, хотя и союзники, в Общий рынок все же не входят!

Эдельгейт немного пофлиртовал с романтической идеей стать посредником в столь серьезной операции. Но здравый смысл быстро подал голос.

— Мистер Зеккилия, прошу вас, не будем больше об этом. С моей стороны было бы более чем нескромно не сообщить вам, что в подобного рода делах я не имею никакого опыта. Совершенно никакого.

— Вы не хотите продать для меня американские планы?

— Дорогой друг, я просто не знаю, кому их можно предложить. Не имею ни малейшего представления. Этот мир мне абсолютно незнаком, можно даже сказать — чужд.

— Чужд?

— Безгранично.

Мистер Эдельгейт замолчал. Он очень хорошо чувствовал свой каждодневный мир, мир мебели и героина, ставший уже привычным и обыденным, с нравственной точки зрения сравнимым со стаканчиком виски в баре на углу. Люди, прираставшие к героину, были ясны и понятны Эдельгейту: просто покупатели незаконного продукта, продаваемого под видом безобидной пудры. А если брать бриллианты и платину, так это вообще обычные товары, которые любят приобретать капиталисты, уставшие от строгостей налогообложения.

Но что он мог рассказать этому иностранцу о романтическом мире шпионов, планов, документов и секретов, о котором сам знал только из газет? Мистер Эдельгейт попытался

объяснить это, но смутился: складывалось впечатление, что он пересказывает популярный роман Эдгара Уоллеса.

Зато Карлос, который никогда не читал книг, ничуть не стесняясь, спросил твердым голосом:

— Эти бумаги чего-нибудь стоят?

— Полагаю, да, — ответил мистер Эдельгейт. — Да, почти наверняка стоят.

— Так я и думал!

— Но, дорогой друг, вам надо найти покупателя.

— Точно, — согласился Карлос, и радость сразу исчезла с его лица. — Наверняка существуют люди, которые покупают такие секреты.

— Однако никто не знает, где их искать, — заметил мистер Эдельгейт.

— Тогда как же продают секреты?

Мистер Эдельгейт призвал на помощь свое деловое чутье и знание практических сторон жизни.

— У покупателей должна иметься организация. Почти как в обычных предприятиях. Посредники, перекупщики... Агенты, которые подпаивают моряков...

— Значит, если я пойду в какой-нибудь бар в доках...

— Нет-нет, так было во время войны. Думаю, теперь все иначе.

Они немного посидели молча. И тут в памяти мистера Эдельгейта всплыл один смутный факт.

— Несколько лет назад жил в Амстердаме человек... Ван Джост, если не ошибаюсь. Он занимался контрабандной торговлей бриллиантами. Но один из моих клиентов утверждал, что на самом деле Ван Джост — секретный агент.

— Какой страны?

— По-моему, об этом мой клиент не распространялся.

— Ладно, не имеет значения. Этот человек покупает секреты?

— Так говорил мой клиент. Или, во всяком случае, давал понять. Но не забывайте, что я лично незнаком с этим Ван Джостом и совершенно не представляю...

— Вы можете дать его адрес?

— Кажется, записывал где-то здесь...

Мистер Эдельгейт принялся рыться в кипе бумаг разного

цвета и размера, сначала быстро, потом все медленнее и медленнее. С одной стороны, он понимал, что имеет право на определенный процент за посредничество, а с другой, не сомневался, что у этого оборванца Карлоса в карманах шаром покати. К тому же имелись и другие причины не давать посетителю искомый адрес. Зеккилия — иностранец, и, по всей вероятности, доверять ему, когда дело выходит за рамки торговли героином или платиной, просто опасно. Впечатлительный, легковозбудимый тип, который наверняка вляпается с этими документами в какую-нибудь историю. А коль скоро он угодит в руки полиции, то наверняка без разбора заложит всех, кто так или иначе с ним связан.

При мысли о подобной перспективе пальцы мистера Эдельгейта почти совсем перестали шевелиться, но клочок бумаги, на котором он крупными буквами записал имя и адрес Ван Джоста, уже был извлечен на свет. Карлос с торжествующей улыбкой завладел листком и принялся внимательно вглядываться в него: чтение никогда не относилось к числу его сильных сторон. Наконец ему удалось расшифровать написанное: «Амстердам, Де Рутерс Кайд, 17, Ван Джост».

— Большое спасибо, мистер Эдельгейт, — сказал Карлос, поднимаясь. — Очень вам признателен. Надеюсь, что в случае успеха сумею должным образом засвидетельствовать свою благодарность.

— Вы очень добры. Но будьте поосторожней.

— Непременно, — отозвался Карлос. — Еще раз спасибо.

— Не хотел бы, чтобы с вами что-нибудь случилось, — от всей души заявил мистер Эдельгейт, легонько похлопав Карлоса по плечу.

Глава 7

Великан Антей, побежденный лишь Геркулесом, черпал силы от своей матери Земли. Зеттнер был бы не прочь поместиться местами с этим персонажем греческой мифологии. Но сила Зеттнера проистекала от недюжинных интеллектуальных способностей, позволявших ему с большой долей вероятности прогнозировать будущее: в прогнозах он был по-

настоящему талантлив. Теперь же, разработав планы и отдав необходимые распоряжения, он вошел в кабинет Бардиева, едва не лопааясь от гордости. Даже в его докладе проскальзывал легкий намек на снисходительность: он говорил тоном архитектора, читающего тупоумному прорабу лекцию по строительству.

— Людей из «Скорой помощи», переодетых в гражданское, я отправил в четыре разных района Лондона. Возможно, им удастся обнаружить нашего человека. Вот выбранные мною сектора. — Бледный, но крепкий палец Зеттнера четыре раза подряд решительно ткнулся в карту Лондона, висевшую над письменным столом.

Бардиев слушал пояснения и рассеянно кивал. Сегодня он проснулся с легкой головной болью: сказывались последствия старых мигреней. И от этого неприязнь к коллеге только усиливалась. Каждая мысль давалась с огромным трудом.

— Люди из «Скорой помощи» согласны с тем, что похищение носило спонтанный характер, — продолжал Зеттнер. — Принимая во внимание находящиеся в нашем распоряжении данные, можно сформулировать разумную гипотезу касательно личности похитителя.

— И что же вы сформулировали касательно его личности? — осведомился Бардиев. Его ирония осталась незамеченной.

— Это асоциальный романтик, склонный к преступному оппортунизму. Он не планировал свою акцию заранее, просто увидел возможность пожить и воспользовался ею.

— Если, конечно, ему за это не заплатили.

— Я рассматривал подобную вероятность. Она предполагала бы серьезную утечку из нашей организации, до сих пор совершенно герметичной. Поскольку из двух гипотез эта представляется менее удобной, я временно отложил ее разработку.

— Отлично, — буркнул Бардиев. — Что дальше?

— Если мои выкладки соответствуют истине, похититель — одиночка и действует на свой страх и риск. Ему придется продать, а не просто передать по инстанции похищенные документы. Это усложняет его положение. В Лондоне рынок сбыта строго ограничен.

— Однако он все же может попытаться вступить в контакт с перекупщиками.

— Я предусмотрел такой вариант. За всеми возможными покупателями в городе, не связанными с нами, установлено круглосуточное наблюдение. Хотя, должен отметить, от личного состава потребуется значительное напряжение сил.

— Превосходно. Ну, а если он попытается продать документы за пределами Англии?

Оказалось, что Зеттнер рассмотрел и такую возможность. Более того, он почти убежден, что похититель вскоре покинет Британские острова: на английской территории, заметил Зеттнер, для продажи документов существует слишком много препятствий. Похитителю понадобятся простор действий и многочисленные границы Европейского континента. В ожидании подобного развития событий Зеттнер разместил людей в стратегически важных пунктах страны, у основных портов и аэродромов. Однако вероятность того, что похититель просочится у них между пальцами и вскоре окажется во Франции, все же достаточно велика.

— И тогда? — спросил Бардиев.

Зеттнер лукаво улыбнулся:

— Его очевидные преимущества на континенте на самом деле иллюзорны. Там мы обладаем гораздо более широкими возможностями и менее стеснены вмешательством полиции. В преддверии второго этапа операции я уже связался с нашими людьми.

— Похоже, вы все предусмотрели, — чуточку раздраженно подытожил Бардиев.

— В меру своих сил — да.

Отправив Зеттнера восвояси, Бардиев опустился в глубокое кресло. Необходимо расслабиться. Сегодня вид бледного, по-эллинически чистого лица Зеттнера действовал на нервы даже больше обычного. Досье утверждало, что Зеттнер не курит, очень мало пьет и не интересуется женщинами. У человека, еще не достигшего тридцати, такое агрессивное целомудрие могло легко превратиться в порок.

С некоторых пор Бардиев все больше и больше любил возвращаться мыслями в прошлое. Он вспоминал те времена, когда был солдатом и жил простой веселой жизнью в раз-

рушающемся мире. Со свирепым наслаждением следил он за быстрой экспансией русских в Европе и лишь иногда сожалел, что больше не служит рядом со своими боевыми товарищами. Может, правы были те, кто, пережив немцев и Сталина, оказались в армии? Выполняя простые приказы, человек обретает покой. Защищай свою страну — этого девиза вполне достаточно и для интеллектуала. А трудная и неблагодарная секретная служба на благо будущих поколений подвергает силы и таланты человека суровому испытанию, если только этот человек не Зеттнер.

Бардиев со вздохом вернулся к делам. Позже ему доложили, что похитителя удалось засечь на вокзале Виктория, но он быстро затерялся в толпе. После поспешной рекогносцировки людей из «Скорой помощи» разместили у наиболее вероятных пунктов выхода в город.

В этот же день первые точные сведения получил Стивен Дэйн. В Скотланд-Ярде внезапно объявился свидетель, которого после короткого допроса доставили в кабинет, временно отведенный представителю ЦРУ. Быстро проглядев принесенное полицейским инспектором досье, Дэйн вызвал свидетеля.

Перед ним предстал маленький, нервный, упитанный человечек, который, казалось, даже в этом учреждении, внушавшем трепет многим, чувствовал себя достаточно уверенно. От посетителя сильно разило алкоголем.

— Дело в том, — начал мистер Эдельгейт, — что я посчитал своим долгом сообщить о происшедшем в компетентные органы. В полиции меня заверили, что я не... что неосторожности, которые я некогда позволил себе совершить...

Дэйн подтвердил, что прегрешения свидетеля останутся без последствий.

— Ну что же, сэр, признаюсь откровенно: одно время я занимался тем, что принято называть «торговля наркотиками».

Дэйн приподнял брови, демонстрируя легкое удивление.

— Конечно, я прекратил эту деятельность, как только осознал, насколько она губительна. Теперь работаю исключительно с мебелью.

Эдельгейт поднял на Дэйна полные надежды глаза. Аме-

риканец улыбнулся, показывая тем самым, что понимает, как сложно порой придерживаться сухой буквы закона.

— Вот так, сэр. И, разумеется, время от времени ко мне приходят люди, полагающие, что я по-прежнему перепродаю наркотики. Это очень мешает бизнесу, но что поделаешь? Не вывешивать же соответствующее объявление!

Дэйн признал, что ситуация у мистера Эдельгейта действительно довольно щекотливая, не говоря уже о том, какие неприятные последствия она может повлечь.

— Именно так, сэр, именно так. У преступников, мистер Дэйн, существуют свои законы. И положение такого человека, как я, легким не назовешь.

Дэйн это прекрасно понимал. Он угостил мистера Эдельгейта сигаретой, которую тот принял, размышляя, достаточно ли хорошо подготовлена почва для дальнейшей беседы. Американец ведет себя крайне любезно, а он, наверное, человек влиятельный. Решив, что преамбула удалась, мистер Эдельгейт позволил себе немного расслабиться.

— Итак, сэр, вы можете себе представить, что, когда сегодня утром ко мне в магазинчик зашел некий моряк, это не стало для меня полной неожиданностью. Я посчитал, что его привело ко мне обычное дело: выгодно продать раздобытый где-то пакетик героина. Поэтому я приготовился как можно быстрее и тактичнее выставить гостя за дверь...

— Моряк? — переспросил Дэйн.

— Припоминаю, что именно так он отрекомендовался.

— А свое имя он не назвал?

— К сожалению, нет.

Мистер Эдельгейт решил утаить некоторые сведения, которые могли бы навести на мысль о его близости с Карлосом.

— А вы могли бы определить его национальность?

— Не рискну утверждать, сэр. Испанец или итальянец, что-то в этом роде.

Дэйн кивнул.

— Простите, что перебил вас, мистер Эдельгейт. Рассказывайте дальше.

— Да, сэр. Видите ли, я как раз подхожу к самому необычному. Вместо того, чтобы предложить на продажу наркотики (в этом случае я немедленно выдворил бы его вон),

посетитель захотел продать... секреты! Американские секреты, по его словам. Вот тут я удивился!

— Могу себе представить.

— Да-да, он меня совершенно огородил.

Мистер Эдельгейт подошел к самой сложной части повествования, которую нужно было излагать очень осторожно.

— Когда я заявил, что ничего, кроме мебели, не продаю, этот тип потребовал адрес специалиста по такой части. Даже не просто потребовал. Он угрожал мне, мистер Дэйн! Признаюсь, я струхнул. Он невысок ростом, но очень мускулист, как многие моряки. К тому же, поверите ли, размахивал ножом! А у меня оружия нет.

— Ну и дела! — пробормотал Дэйн.

— Вот-вот! Посетитель начал выходить из себя, и я назвал ему первый пришедший в голову адрес. Адрес человека по фамилии Ван Джост. Мне говорили, что Джост занимается наркотиками. Но я дал моряку его адрес только потому, что в ту минуту вспомнил о нем. Если бы я имел возможность подумать, то, разумеется, назвал бы какое-нибудь вымышленное имя...

— Вы поступили единственно правильным образом, — заметил Дэйн.

— В самом деле? Счастлив, что вы так думаете, сэр... Когда моряк ушел, я сел и принялся размышлять. Видите ли, я оказался в очень сложной ситуации. Рецидивисты, чтоб вы знали, особенно организованные, иногда действуют не менее эффективно, чем полиция. Во всяком случае, так говорят. А меня нельзя назвать кристально честным коммерсантом. — Тут мистер Эдельгейт грустно улыбнулся. — В прошлом у меня случались трения с законом.

— К счастью, с этим покончено! — воскликнул Дэйн. — Теперь это достояние истории.

— Да, сэр. Проанализировав свое положение, я решил, как это ни стыдно признавать, сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Но определенные соображения заставили меня передумать. Предположим, этого идиота арестуют. Не исключено, что тогда он втянет меня в свое грязное дело! Подобная перспектива показалась мне крайне неприятной. Я помнил и о том, что похищены американские доку-

менты, а мы ведь союзники и вообще... Ну, я хочу сказать: мы ведь в одной упряжке, правда?

— Без сомнения. Вы можете припомнить адрес Ван Джоста?

— Я записал его. Амстердам, Де Рутерс Кайд, 17.

— Как выглядел моряк?

Мистер Эдельгейт довольно туманно описал внешность Карлоса. Он уже сказал Дэину ровно столько, сколько хотел сказать.

— Очень вам признателен, мистер Эдельгейт. Вас не затруднит повторить свои показания стенографистке?

— Ничуть, сэр, ничуть. Полагаю, вы скоро арестуете этого парня. Мне он показался человеком резким, но весьма недалеким. Так что вы наверняка обошлись бы и без моей помощи.

Дэйн еще раз поблагодарил мистера Эдельгейта и повел его в комнату стенографистки. По дороге Эдельгейт поинтересовался:

— Надо думать, вознаграждения за помощь следствию не предусмотрено? Не то чтобы я пришел из-за этого, но все же...

Дэйн подтвердил, что вознаграждения не предусмотрено, однако, если сведения мистера Эдельгейта окажутся полезными, его труд, несомненно, будет оценен должным образом. Удовлетворенный Эдельгейт уселся диктовать свое заявление, а Дэйн вернулся к себе в кабинет, переговорил с голландской полицией и заказал два билета на вечерний рейс в Амстердам.

Глава 8

— Это очень хорошая комната, — сказала женщина. — И завтрак входит в плату за наем.

Карлос кивнул, разглядев за пышными телесами хозяйки маленький, идеально чистый прямоугольник комнаты.

— Замечательный вид из окна, — добавила женщина.

Карлос попытался мысленно перевести гульдены в доллары. Деньги буквально таяли. Конечно, он мог бы снять ка-

морку и подешевле, рядом с портом, но здесь окна выходили на Де Рутерс Кайд и магазин Ван Джоста был виден как на ладони.

— Мне нравится, — объявил Карлос. — Беру.

— Простите? — не поняла хозяйка. — А, берете комнату... Извините за любопытство, давно ли вы говорите по-английски?

— Не очень, — холодно отозвался Карлос.

— Так я и подумала. Обычно английских и американских клиентов я понимаю без труда, особенно если они говорят медленно. Вы, случаем, не из Южной Америки?

— Из Чили, — назвал Карлос первую пришедшую в голову страну.

— О, далеко же вы забрались... Наверное, в Чили очень красиво?

Карлос кивнул. Южной Америки он не знал совершенно.

— Особенно горы, — сообщил он хозяйке.

Когда она наконец убралась, Карлос подошел к окну и закурил. Потом уселся, привалившись спиной к обоям с цветочками, подтянул ноги к подбородку и принялся наблюдать за магазином Ван Джоста на другой стороне улицы. Карлос обладал поистине безграничным терпением, не считая это, впрочем, особым достоинством.

Маленький чистенький магазинчик Ван Джоста, ничем не отличавшийся от других подобных заведений, казалось, ни у кого не мог бы вызвать подозрений. И все же Карлос медлил идти туда.

До сих пор он следовал достаточно простым путем. Едва ли не машинально украл папку у санитаров. Даже поход к Эдельгейту в подобных обстоятельствах вполне мог сойти за обычное дело. Но теперь...

Теперь, приехав к Ван Джосту, Карлос вступал на скользкую тропу. Ради туманной надежды на будущие сокровища ему предстоит встретиться с опасностями, которым подвергаются все люди, влетающие в правительственные дела. И противостоять этим опасностям Карлос должен вслепую, ничего не зная о том, как далеко могут зайти охотники за секретными документами. Целью его жизни оставались богатст-

во и независимость, но он не имел ни малейшего желания кончать самоубийством.

Еще можно уничтожить планы и обо всем забыть. Поездка в Голландию останется невинным развлечением моряка, готовящегося завербоваться в очередной рейс.

Он курил, неподвижно сидя у окна, а в голове бурлили мысли и впечатления, с трудом складывавшиеся в корявые афоризмы: «Лучше быть богатым и здоровым... Не создавай себе сложностей... Без труда не выловишь и рыбку из пруда...»

Однозначного решения Карлос так и не принял. Хотя на самом деле все было решено заранее: несколько дней назад — в Лондоне и много лет назад — в Мексике. Он встал, страхнул с куртки сигаретный пепел. Потом вышел из комнаты и принялся спускаться по лестнице.

— Да-да, — закивал Ван Джост. — Замечательный человек этот мистер Эдельгейт. Как у мистера Эдельгейта идут дела?

Ван Джост говорил еле слышным голосом, словно у него болело горло. Он оказался настоящим великаном: двухметровый рост, широченные плечи. Но, несмотря на массивность, производил впечатление человека хрупкого и неуверенного в себе. Ван Джосту приходилось соизмерять свои движения с небольшими размерами магазинчика. Он еле протискивался между стеной и прилавком, лишь чудом умудряясь не опрокинуть наземь стеллажи с часами и полочки с грошовыми сувенирчиками, брелками и прочей разной дребеденью. Больше всего Ван Джост напоминал чахоточного льва, запертого в слишком тесной клетке. Его большие руки, покрытые белыми волосками, заметно дрожали. Несколько секунд он пристально смотрел Карлосу в глаза, потом покоился куда-то в глубь магазинчика.

Карлос неподвижно стоял перед прилавком, силясь понять, что же беспокоит Ван Джоста.

— Прошло уже... да-да, почти пятнадцать лет, если не больше, с тех пор, как мы последний раз встречались с мис-

тером Эдельгейтом. Мы с ним занимаемся разным бизнесом. Но, случается, направляем друг к другу клиентов.

— Ах, вот как... — вежливо отозвался Карлос.

— О, да!

Стекла магазина вдруг вздрогнули от хриплого замогильного хохота Ван Джоста. Наверное, клиенты у него очень смешные. И бизнес веселый. Карлос улыбнулся. Он, как и все, умел ценить и понимать юмор в делах. Джост отступил на шаг от прилавка и, развернувшись так, чтобы наблюдать за входной дверью, сказал:

— Ну-с, друг мой, мистер...

— Да, — произнес Карлос с жутковатой застывшей улыбкой.

— Вы правы. Совершенно правы! — вскричал Ван Джост с громким неискренним смехом. — Никаких имен! Только дела. Верно говорю?

— Только дела, — повторил Карлос.

И они расхохотались хором. В конце концов юмор победил недоверие. В этом разговоре о делах и впрямь было что-то утомительное. Руки Ван Джоста задрожали еще сильнее. Карлос, продолжая вымученно смеяться, отступил к двери.

Ван Джост встревожился:

— Желаете совершить сделку немедленно? Отлично. Я уполномочен. Позвольте, пожалуйста, взглянуть...

Вошедшая в магазин пожилая женщина раздраженно отпихнула Карлоса в сторону. Ван Джост воззрился на посетительницу с видом человека, которого вот-вот повесят. Сделав над собой усилие, он подмигнул Карлосу:

— Будьте любезны, подождите секундочку...

— Зайду попозже, — сказал Карлос.

И сделал еще один шаг к двери. На лице Ван Джоста появилось страдальческое выражение. Он быстро обогнул прилавок и взял Карлоса за руку:

— Погодите, друг мой...

Штора в глубине магазина раздвинулась, и из-за нее появились два полицейских в штатском с револьверами в руках. Они вознамерились картинно перепрыгнуть через прилавок, и это дало Карлосу возможность ударить Ван Джоста по горлу ребром ладони — крепкой, как кора старого дуба.

Полумертвый от боли Ван Джост рухнул прямо в ноги полицейским. Пожилая дама не без видимого удовольствия попыталась испустить громкий вопль, дабы отметить нестандартность ситуации. Быстрый как молния, Карлос выскочил за дверь и затерялся в толпе на Де Рутерс Кайд, исчез в проходных дворах. Полицейские даже не успели заметить, в какую сторону он побежал. Когда наконец это удалось выяснить, вопрос представлял уже чисто теоретический интерес.

У билетного кассира голова раскалывалась от семейных неурядиц. Он неодобрительно взглянул на запыхавшегося смуглокожего человека по ту сторону окошка и машинально протянул руку к ящику с билетами.

— Что вы сказали? — переспросил кассир, повышая голос, чтобы перекрыть шум поезда. — Куда вам надо?

Поняв, что по-голландски пассажир не разговаривает, кассир повторил свой вопрос по-английски. Но вспотевший смуглый человек, очевидно, не понимал и этого языка.

— Дайте мне билет на ближайший поезд, — еще раз повторил Карлос, силясь перевести дыхание.

Кассир никогда не слышал такого языка. Может, это баскский? Иностранцы, которые хотят, чтобы с ними разговаривали лишь на родном языке, должны обращаться в туристическое бюро.

— Куда вам нужно? — снова спросил кассир, на этот раз по-французски, старательно выговаривая слова.

— Дайте мне билет на ближайший поезд, — взмолился Карлос по-испански.

— Не понимаю, — заявил кассир. (Ему и без этого прикурка забот хватало: у жены три недели задержка, заявила погостить матушка из Дордрехта, в клозете бачок засорился...) — Говорите, куда нужно, или выходите из очереди.

— Билеты здесь продают?

— Вы всех задерживаете. Уходите, или я вызову полицию!

Вцепившись в окошечко обеими руками, Карлос с ненавистью уставился на кассира. Тот обвел взглядом зал ожидания в надежде заметить полицейского. И вдруг какая-то женщина хлопнула Карлоса по плечу. И в многоголосье звуча-

ших рядом языков он разобрал ее слова, произнесенные на вполне приличном английском, хотя и с сильным акцентом:

— Куда вам нужно?

— На ближайший поезд.

— В Париж?

— Да.

Женщина сообщила кассиру, что иностранец хочет купить билет до Парижа. Карлос просунул в окошечко несколько купюр и получил в обмен билет второго класса и пару гульденов сдачи. Женщина тоже взяла билет до Парижа и отошла от окошечка вместе с Карлосом. Она поймала его за руку, когда он попытался влезть в вагон первого класса, и отвела во второй, показала место.

Примерно на голову выше Карлоса. Пухленькая, светло-волосая, коротко подстриженная. Не красивая, но и не уродина. И хорошо говорящая по-английски.

В тот же день управление амстердамской полиции разжаловало двух инспекторов в патрульные. Описание иностранца, бежавшего из магазина Ван Джоста, передали по радиации всем постанам. Беглеца обвинили в попытке ограбления. За вокзалом и аэропортом следили вдвое внимательней обычного. Обо всех принятых мерах докладывали Стивену Дэйну.

Немного погодя Дэйн лично допросил Ван Джоста и убедился, что данное им описание похитителя совпадает с рассказом Сюзан Беллоуз. Джост ничего не мог сказать о национальности визитера; секретных документов он не видел и ничего не хотел добавить к своим предыдущим показаниям.

Через четыре часа на связь вышел пограничный пост. Тамошний персонал не успели оповестить вовремя, но тридцатью минутами раньше один из охранников видел подходящего под описание человека за рулем светло-коричневого «Фольксвагена», въезжающего в Бельгию по дороге на Льеж. Тотчас же были предупреждены французские и бельгийские власти, подняты по тревоге таможенные посты. Еще через час французская полиция сообщила, что водитель «Фольксвагена» задержан в Мобеже. Дэйн и Сюзан немедленно отправились в

путь на машине, предоставленной амстердамским отделением ЦРУ.

Поздно вечером в аэропорту Амстердама появились двое русских с дипломатическими паспортами. Один — высокий молодой человек в элегантном костюме — держался холодно и надменно. Другого — постарше, с сединой на висках — казалось, бесконечно забавляли чистота и аккуратность маленького голландского аэропорта. Мужчины представились специалистами в области тяжелой промышленности. Дежурный иммиграционной службы что-то пометил у себя в блокноте. С некоторых пор русские, похоже, поголовно перекалифицировались в специалистов по тяжелой промышленности.

Глава 9

Тем же вечером в Лондоне мистер Эдельгейт готовился закрыть магазинчик и отправиться домой на Лауэр-Клэптон. После разговора с Дэйном он старался вообще не думать о последних событиях и с головой погрузился в свои дела, то есть исключительно в торговлю мебелью. Еще до похода в Скотланд-Ярд он предупредил торговцев наркотиками, с которыми был связан, чтобы те держались подальше вплоть до новых распоряжений. Эдельгейт не хотел идти даже на малейший риск.

Но теперь страшное испытание начинало понемногу забаваться. Он мог даже поздравить себя с тем, что так отважно и ловко справился с трудной задачей.

При нормальном течении дел он ни за что бы не сдал Карлоса. Но секреты к нормальным делам не относились. Эдельгейт никогда не касался подобных вещей. Секреты означали опасность. Тем утром, после ухода Карлоса, Эдельгейт принялся размышлять о своем положении.

Оптимизма оно не внушало. Этот чертов дикарь, предоставленный сам себе, на континенте неминуемо попадется, точно так же, как тигр, вздумавший побродить по Гайд-парку, наверняка угодит в клетку. Без связей и поддержки в лабиринтах европейской мафии, не умеющий отличить стукача

от друга, не знающий правил поведения в цивилизованном обществе, разговаривающий о делах на совершенно невразумительном английском, Карлос не мог долго оставаться на свободе.

Мистер Эдельгейт продолжал размышлять. Когда Карлоса схватят, его, конечно, станут допрашивать, возможно, пытаться, угрожать, искушать. Агенты секретных служб захотят выяснить имена всех, с кем он так или иначе имел дело, всех, кто хоть как-то замешан в похищении; захотят выявить все возможные пути утечки информации. А уж эти ребята знают, как отучить любопытных совать нос не в свои дела! Карлос, не имея никаких причин покрывать Эдельгейта и думая прежде всего о собственной шкуре, сразу же сдаст его. Эти секреты сделали из треклятого моряка едва ли не чумного: из-за них свободы лишится не только он сам, но и все, к кому он приближался!

Поэтому-то мистер Эдельгейт и отправился на исповедь в полицию, надеясь, что Карлосу еще не представилась возможность рассказать стражам порядка о своем добром друге из мебельного магазина. Конечно, опасность пока не миновала, но, по мере того как шло время, положение мистера Эдельгейта ощутимо улучшалось.

Итак, прибравшись в магазинчике, мистер Эдельгейт готовился выключить свет и отправиться восвояси. Но едва он протянул руку к выключателю, как в дверь кто-то энергично застучал.

— Закрето! — крикнул Эдельгейт.

— Полиция, — сообщил голос из-за двери.

Поморщившись, мистер Эдельгейт подошел к двери и приоткрыл ее. В полутьме улицы он разглядел высокого, хорошо одетого мужчину в сопровождении двух помощников. Хорошо одетый предъявил полицейский значок, прикрепленный к бумажнику.

— Разрешите войти, сэр?

Эдельгейт распахнул дверь. Гости настороженно вошли в магазин, осмотрелись вокруг с обычной полицейской подозрительностью.

— Чем обязан... — начал мистер Эдельгейт.

— Я — инспектор Хэдден, — представился высокий. —

Эти господа — мои коллеги, сержант Флинн и сержант Тернер.

— Я собирался домой.

— Надолго мы вас не задержим. — Инспектор Хэдден вытащил из кармана блокнот, открыл его и взглянул на испи-санную страничку. — Итак... По поводу вашего посетителя...

— Инспектор, я уже обо всем рассказал в Скотланд-Ярде. Мои показания записаны стенографисткой.

— Мне это прекрасно известно, мистер Эдельгейт. Но вы же знаете, что полицейские обожают перепроверять полученные сведения.

— В такое время?

— Возможно, вы предпочли бы, чтобы мы заявили днем, когда у вас полно клиентов?

— Разумеется, нет. Что вам угодно?

— Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов. Вы заявили, что человек предложил вам купить секретные документы. Вы видели эти документы своими глазами?

— Нет, инспектор.

— Вы уверены?

— Еще бы! О таком не забывают.

— Сообщил ли он вам, как достались ему эти бумаги?

— Нет.

— А что-нибудь об их внешнем виде?

Эдельгейт отрицательно помотал головой.

— Не потрудитесь ли еще раз описать внешность посетителя?

Эдельгейт повиновался.

— И вы совершенно уверены, что сумеете его опознать?

— Послушайте, инспектор...

— Бросьте, мистер Эдельгейт. У вас было вполне достаточно времени, чтобы хорошо рассмотреть этого типа!

— Да, я мог бы опознать его.

— Сможете отличить его от других людей, которых вам предъявят в полиции?

— Полагаю, да.

— Превосходно, — пробормотал инспектор Хэдден. — Так мы и думали.

Он подал знак. Молчаливые помощники подошли к Эдельгейту с двух сторон и крепко взяли его под руки.

— Минуточку...

Но инспектор Хэдден больше не слушал. Отвернувшись от Эдельгейта, он осматривал магазинчик. Заметив в дальнем углу недавно распакованный контейнер с мебелью и лежащую на нем веревку, Хэдден взял ее в руки и попробовал на прочность.

— Инспектор, что происходит? Что вы делаете?

Прихватив веревку с собой, Хэдден вернулся на середину торгового зала и, задрав голову, осмотрел потолочные балки и перекладины.

— Сойдет, — заключил он наконец.

Тут Эдельгейт понял, что происходит. И предпринял отчаянную попытку вырваться. Но его крепко держали. Хэдден вытащил на середину зала стол. Поставил на него стул и влез наверх. Затем перекинул веревку через три перекладины и затянул узел.

— Мистер Хэдден, я ошибся, — выдохнул Эдельгейт. — Я не смогу опознать интересующего вас человека.

Хэдден отряхнул руки и принялся мастерить петлю на свободном конце веревки.

— Прекратите! Остановитесь! — завопил Эдельгейт. — Я не сумею его опознать, это невозможно!

Державшие его верзилы с таким же успехом могли бы быть и статуями. Их лица не выражали ровным счетом ничего: ни сострадания, ни жестокости. А сильные руки сжимали локти Эдельгейта с каменной неотвратимостью. «Сержанты» стояли неподвижно, широко расставив мощные ноги и вперив глаза в пол. Хэдден закончил с петлей, слез со стола и подошел к Эдельгейту. Легкая грусть появилась на его тонком умном лице.

— Мне очень жаль, — сказал Хэдден. — Но это необходимо. Могу заверить, что страдать вы не будете.

— Вы убьете меня?

— Увы.

Эдельгейт взвизгнул:

— Как вы смеете говорить, что я не буду страдать? Что же,

по-вашему, повешенные не страдают? Вы не посмеете, вы обещали не делать мне больно! Хэдден, вы же обещали!

— А вам и не будет больно, — сообщил Хэдден, заходя за спину Эдельгейту.

Эдельгейт скорчился в сдавивших его каменных клешнях. Потом вдруг обмяк, повиснув на руках своих стражей. Глаза его неотрывно, словно у загипнотизированного, смотрели на веревочную петлю. Он попытался вспомнить какую-нибудь молитву, но разум отказывался смириться с происходящим. Он тут ни при чем, он не вмешивался в это грязное дело. Если бы удалось вырваться, убежать...

Кто-то — наверное, Хэдден — резко ударил его по затылку у основания черепа. Эдельгейт услышал щелчок, как если бы сломалась сухая ветка. Ему почудилось, что магазинчик внезапно погрузился во тьму: очевидно, вылетели пробки. Люди, державшие его, одновременно разжали руки. Он почувствовал себя свободным и побежал: нырнул в ночь и через открытое окно выпрыгнул на улицу. Фонари почему-то не включили, свет нигде не горел. Царила полная темнота. Эдельгейт не видел ни луны, ни звезд, но чувствовал под ногами плиты мостовой. Он бежал. Мостовую вскоре сменила высокая трава, потом мягкий песок, потом вода, становившаяся все глубже и глубже. Наверное, удалось добежать до самого Дувра! Эдельгейт бросился в воду и потерял сознание. И умер, уверенный, что плывет к Франции и спасению.

Глава 10

Дэйн выехал на дорогу в Мобеж и повел машину со скоростью семьдесят километров в час. Сюзан Беллоуз, полузакрыв глаза, откинулась на сиденье. Тугая струя теплого воздуха била в поднятое к небу лицо; лучи солнца просачивались через прикрытые веки красными пятнами. Один за другим бросали тень на лицо огромные платаны, бесконечной чередой тянувшиеся по обеим сторонам шоссе. Тепло, солнце и мельтешение теней, в сочетании с рокотом мотора и легким подрагиванием сиденья, оказывали на Сюзан почти гипнотическое воздействие. Она по-детски радовалась ощу-

щению скорости, испытывая чувство глубокой благодарности к человеку, сумевшему хотя бы на время снять с ее плеч груз будничных забот.

Сюзан наблюдала за Дэйном из-под полуприкрытых век. Казалось, его опутала паутина ее длинных шелковистых волос. Дэйн держался за рулем очень прямо, даже не догадываясь о том, что попал в плен волос своей соседки, и продолжал корчить из себя супершпиона, гоняющегося за вражеским лазутчиком.

Автомобиль замедлил ход, и регулярное чередование света и тени уступило место однообразной серости. В лицо Сюзан повеял легкий холодок. Она в раздражении открыла глаза, выпрямилась и осмотрелась.

— Где мы?

— Подъезжаем к Мобежу. Надеюсь, там нас ждут хоть какие-то сведения о похитителе.

— К черту похитителя!

— Что это с вами?

Сюзан взглянула на Дэйна с легким отвращением. Таким взглядом она обычно одаривала неумелых любовников.

— Голова немного болит. Не угостите сигаретой?

К пограничному посту они подъехали в напряженном молчании. Здесь быстро выяснилось, что французская полиция задержала не того человека. Из Амстердама никаких новостей не поступало. Четверть часа спустя они выехали в Париж.

— Но зачем вы дали полиции столь подробное описание его внешности? — спросил Зеттнер.

— Не было другого выхода, — заявил Ван Джост. — Вы забываете, что старуха и двое полицейских тоже его видели. Во всяком случае, мельком.

Зеттнер задумался.

— Я немедленно связался с вами, — продолжал Ван Джост. — Предупредил об Эдельгейте. С ним что-нибудь решили?

Зеттнер не ответил. В застегнутом до подбородка плаще он стоял в магазинчике Ван Джоста и пальцами затянутой в

перчатку левой руки легонько постукивал по прилавку. За один день Ван Джоста допрашивали трижды: сначала полицейские, потом сотрудники голландской службы безопасности, а затем американцы.

Теперь он беседовал с представителем организации, к которой принадлежал сам, и этот разговор был для Ван Джоста важнее всех прочих. Полицейским и цэрэушникам он мог лгать, мог подлизываться к ним и молить о снисхождении. Но стоявшего теперь перед Ван Джостом задумчивого немногословного человека, которого голландец вызвал сам, не волновали ни ложь, ни правда, ни мольбы. Посетитель молча стоял у прилавка, погрузившись в свои таинственные размышления. Этот человек олицетворял собой силу и власть; достаточно одного его слова, и Ван Джосту навсегда откажут в партийных фондах. И тогда магазинчик обанкротится, как едва не случилось пятнадцать лет назад.

— Вам не следовало давать подробное описание его внешности, — наконец объявил Зеттнер.

— У меня не было времени подумать. Я не получил инструкций, растерялся... Но предупредил организацию, как только...

— Организация не в состоянии делать за вас все. Быть может, вы предложите нам расставлять в магазине товар и улаживать клиентов?

Джост покорно опустил голову. Теперь он был почти уверен, что дотацию ему урежут, если не снимут вообще.

— Как вы поступите, если полиция арестует этого субъекта и предложит его идентифицировать?

— Я его не узнаю. Солгу, — торжественно заявил Джост.

— Неубедительно.

— Вовсе нет. Им из меня ничего не выжать.

— А американец? Если за вас возьмется он?

— Мистер Дэйн? Да это же легче легкого. Его и ребенок обманет.

— Таково, по зрелом размышлении, ваше мнение?

Ван Джост не уловил иронии. И поспешно заговорил:

— Я в этом просто уверен. Он и на вид-то не слишком умен, а когда меня допрашивал, все время отвлекался. Другая

свидетельница, женщина, и та вела себя куда разумнее. А сам мистер Дэйн меня едва слушал.

— И это побудило вас говорить громче, чтобы услышали?

— Никогда в жизни! — запротестовал Ван Джост. И добавил обиженно: — В конце концов, не круглый же я идиот!

Зеттнер, казалось, о чем-то замечтался. Глядя на выражение его красивого лица, можно было решить, что молодой человек занят разработкой какого-то приятного плана. Джост взирал на него с восхищением. И потому слишком поздно заметил, как правая рука Зеттнера нырнула в карман плаща и появилась вновь уже с маленьким автоматическим пистолетом.

— Секундочку, — выдохнул Джост. — Может, я неверно выразился...

Его слова потонули в бескрайнем равнодушии Зеттнера, посчитавшего, что пришло время действовать. Без всякой спешки он снова засунул руку в карман и вытащил глушитель, который ловко прикрутил к стволу оружия. Джост, охваченный паническим ужасом, наблюдал за его действиями, судорожно сглатывая слюну.

— Честно, — выдавил он наконец, — я понимаю, что совершил немало ошибок. Но я все исправлю, клянусь! Меня оставили без указаний. В этом срыве нельзя винить меня одного, я не мог...

— Вас никто ни в чем не винит, — сообщил Зеттнер.

Он передернул затвор и поднял пистолет на уровень груди Ван Джоста, губы которого шевелились теперь совершенно беззвучно. Раздался глухой щелчок. Пуля вошла точно между моргающими глазами, как раз над носом. Секунду Ван Джост еще глядел на своего палача, потом отступил на шаг и рухнул на пол — почти бесшумно для такого большого тела.

Зеттнер спрятал пистолет в карман, зашел за прилавок и сгреб из-под стекла горсть часов. Потом вышел на улицу.

На небольшом мосту через канал Воорбюргвал Зеттнер перегнулся через парапет и бросил часы в темную воду. Затем снял перчатки и направился в отель.

...— Неужели это действительно было необходимо? — спросил Бардиев.

— Безусловно, — заверил его Зеттнер. — Ван Джост был слишком слаб, чтобы выдержать нажим полиции. Мы не могли позволить ему опознать похитителя.

Вернувшись в номер, который они делили с Бардиевым, Зеттнер развалился в глубоком кресле и закурил. Это случилось с ним крайне редко, но курил он вовсе не потому, что нервничал. Зеттнер знал, что курение — вид деятельности, относящийся к разряду удовольствий. И время от времени позволял себе поэкспериментировать с удовольствиями, чтобы расширить свои познания о человеческой природе.

— Все спишут на грабеж. Лишь еще одно преступление из тысяч и тысяч, которые ежегодно совершаются на Западе. Несколько строк в газетах, неделя следствия и точка!

— Сначала Эдельгейт, теперь Джост, — пробормотал Бардиев.

Зеттнер выпрямился.

— Вас это в самом деле беспокоит? Мне-то казалось, что кадровые военные хорошо понимают необходимость подобных мер.

Бардиев пожал плечами. Он двенадцать лет провел в армии, восемь из них на командных постах, а последние четыре года работал в разведке. Служил в Кантоне, Бухаресте, Берлине, теперь перебрался в Лондон и, если не брать в расчет отпуска, которые время от времени проводил в России, не жил на родине уже около десяти лет. Может, он слишком долго отсутствовал?.. Ему вдруг пришло в голову, что Зеттнер направлен сюда с заданием выявить степень его, Бардиева, лояльности и благонадежности, а может статься, даже окончательно утвердить решение, принятое по его поводу.

— Исчезновение Эдельгейта и Ван Джоста не слишком облегчает нам жизнь. Мисс Беллоуз, американка, по-прежнему находится с Дэйном. Она сможет опознать похитителя.

Зеттнер устало пожал плечами:

— Разумеется. Поэтому ее тоже придется ликвидировать.

Последнее слово он произнес почти агрессивно. Реалист не может позволить себе баловаться эвфемизмами.

— А Дэйн?

— Его также необходимо убрать.

— А потом вы уберете его преемника? А потом того, кто его сменит?

— Не говорите так, — бросил Зеттнер. — Даже в шутку. Если вы, конечно, шутите...

На этот крючок Бардиев не попался. Он слишком долго жил на свете, чтобы позволить себе реагировать на инсинуации такого существа, как Зеттнер.

— Просто удивительно, до чего вы, молодые, любите играть в старые игры. Еще немного, и вам захочется взорвать Лувр!

— У террора есть свои преимущества.

— Ну, конечно! Почему бы в таком случае не стереть с лица земли Версальский дворец? Может, на его месте построят завод!

Зеттнер улыбнулся. Он понимал юмор, хотя сам шутить не любил, да и не умел.

— Террор не так устарел, как вам представляется. Всякие средства хороши, если они позволяют достичь цели. Называть что-либо старой игрой означает поддаваться сентиментальному чувству виновности. — Зеттнер докурил и аккуратно затушил окурочек в пепельнице. — Вы идете не в ногу, Бардиев. Террор возвращается.

— Таковы последние инструкции?

— Это очевидно. А вы предпочитаете другие средства?

Бардиев с улыбкой пожал плечами.

— За операцию отвечаете вы, — напомнил он Зеттнеру. — Когда вы рассчитываете ликвидировать Дэйна и женщину?

— Без промедления. Но сначала нужно все тщательно продумать.

— Ну, а я отправляюсь спать, — объявил Бардиев и ушел к себе.

Очутившись один в темной спальне, Бардиев, не раздеваясь, растянулся на кровати, заложив руки за мускулистую шею. Он испытывал почти отеческую жалость к Зеттнеру, такому юному, так безраздельно преданному делу, не умеющему улыбаться, еще не видевшему мира и потому склонному излишне упрощать проблемы старого недисциплинирован-

ного Запада. Погружаясь в сон, Бардиев подумал, что было бы интересно посмотреть на пьяного Зеттнера. Да, такой эксперимент может оказаться забавным. Этому юноше необходимо понять, причем поскорее, что совершенным человеком стать просто невозможно, как бы ты к этому ни стремился.

Глава 11

В европейской штаб-квартире ЦРУ в Париже Дэйну не сообщили ничего нового касательно дальнейшей судьбы похитителя. В Амстердаме он больше не всплывал, и Дэйн предположил, что субъект все-таки покинул город, а может быть, и страну, отправившись в неизвестном направлении.

Дополнительные меры безопасности на границах пока результатов не принесли. Как похитителю удалось вырваться из засады в магазине и обмануть бдительность пограничников? Это оставалось загадкой. Кое-кто, и Дэйн в том числе, полагал, что новичку просто сопутствует удача. Некоторые считали, что подобный успех индивидуальных действий объясняется только существованием разветвленной агентурной сети. Как далеко простираются шупальца этой гипотетической организации, никто сказать не мог, но поползли слухи, что похитителя финансирует мощная азиатская держава из числа неприсоединившихся.

Слухи, в свою очередь, породили новую гипотезу: утверждали, что похититель на самом деле никакой не моряк и вовсе не так наивен, как на то якобы указывают его поступки. Похищение документов могло рассматриваться как попытка некоей страны «третьего мира» с помощью профессионального агента-provokatora осложнить отношения между членами НАТО, с одной стороны, между НАТО и Советским Союзом, с другой, и, может быть, даже между Союзом и странами Варшавского договора, с третьей. Эта гипотеза вызвала определенный интерес в Вашингтоне, но в Париже сторонников не сыскала. В ожидании дополнительных сведений надо было работать с самой простой версией, основанной исключительно на фактах, а не на их интерпретации.

Дэйну доложили, что Джон Эдельгейт найден повешен-

ным у себя в магазине: все как будто указывало на самоубийство. Но судебный медик утверждал, что Эдельгейта повесили, предварительно сломав ему шейные позвонки.

В Амстердаме некий грабитель пристрелил Ван Джоста. Наиболее вероятным представлялось, что и здесь действовала группа, расправившаяся с Эдельгейтом.

Папка, в которой изначально находились документы, попала в руки лондонской полиции. Горничная из семейного общежития обнаружила ее под матрасом в одной из комнат. И совсем уж было собралась выкинуть на свалку, но предпочла сначала переговорить с постовым на улице. С металлической поверхности удалось снять очень четкие отпечатки пальцев, но их аналогов в архивах Интерпола не нашлось. В общежитии никто в точности не помнил, как выглядел человек, квартировавший в комнате, где обнаружили папку. В ту неделю было много постояльцев.

Проверив крупные навигационные компании Лондона, люди Дэйна установили, что все экипажи вернулись на свои суда в полном составе, зато примерно четыре сотни моряков латинского происхождения находились в отпусках или уволились после окончания контракта: это были итальянские, корсиканские, испанские моряки, а также выходцы из Центральной и Южной Америки. До дюжины мелких компаний, владеющих двумя-тремя судами, а также до каботажных кораблей у следствия руки не дошли.

Короче говоря, Дэйн очутился в безвыходном положении. Он не имел никакой возможности предположить, где в следующий раз объявится похититель, что предпримет, с кем попытается войти в контакт. Оставалось только ждать, от корки до корки штудировать все поступающие донесения и не спускать глаз с Сюзан Беллоуз — единственной оставшейся в живых свидетельницы. Хотя в прессу ее имя не просочилось, жизни женщины отныне грозила серьезная опасность.

Многое зависело от того, к кому похититель решит обратиться в следующий раз.

Глава 12

Джулиан Скарборо был молодым человеком с установившимися привычками и скромными запросами. Получив назначение в департамент благодаря протекции сенатора Уэллинса, Скарборо построил свою жизнь в лучших традициях молодого дипломата. Он старательно исполнял обязанности помощника атташе американского посольства в Париже. И будущее представлялось ему вполне однозначно: скромный и хорошо воспитанный юноша, он, ступенька за ступенькой, пойдет вверх по длинной лестнице успеха. Только случай, который, как известно, бродит по коридорам всех посольств мира, мог ускорить этот процесс или же, наоборот, навсегда остановить его.

И случай, нацепив невзрачную обыденную маску, не преминул воспользоваться возможностью. Каждый день, в дождь и в солнце, Джулиан выходил из посольства ровно в полдень, иногда с друзьями, но чаще один, и отправлялся обедать в кафе «Марго», скромную забегаловку, не упомянутую даже в «Мишелэн», самом известном и подробном путеводителе по Парижу. Здесь Джулиан мужественно старался преодолеть противоречия между американским желудком и французской кухней. Вечером, иногда с друзьями, но чаще один, он покидал посольство и отправлялся напрямик в «Спагну» — отличный ресторан, где пищу подавали разрезанной, ароматизированной, с зеленью и пряностями, так что ее изначальный вкус оказывался совершенно заглушен изощрениями французских поваров. Перекусив там, Джулиан пешком проходил километр, отделявший его от «Анаиса», заведения «левобережного» типа, располагавшегося, однако, на правом берегу Сены. Завсегдатаи «Анаиса» состояли в основном из молодых дипломатов, с удовольствием следивших за тем, как поглощают кофе бородатые неотесанные представители парижской богемы. Джулиан проводил здесь приятные полтора часа за чтением «Фигаро» или «Монд», совершенствуя свой и без того вполне приличный французский. А потом отправлялся спать.

В тот вечер, когда двуликий случай решил воспользоваться

ся представившейся возможностью, Джулиан пришел в «Анаис» к десяти часам. Заказав виски, он погрузился в чтение статьи о влиянии культуры острова Ява на развивающиеся страны Западной Африки.

Внезапно он почувствовал, что человек за соседним столиком смотрит на него как-то слишком пристально. Но Джулиан не растерялся: дипломаты, вне зависимости от стажа, ранга и звания, должны уметь жить в не всегда приятном свете прожекторов. Лишь один раз Скарборо с самым высокомерным видом оглядел навязчивого соседа, а затем снова погрузился в газету.

Но, как ни странно, уже не мог сосредоточиться на чтении. Статья о яванском влиянии в Западной Африке, написанная с изяществом чисто французского стиля, которому завидуют во всем мире, больше не вызвала интереса. Человека, сидевшего за соседним столиком, Джулиан явно где-то видел.

Дипломат гордился своей памятью на имена и лица. Мысленно он принялся перебирать воображаемые карточки, пытаюсь соотнести с чем-нибудь эту черную гриву, маленькие глубоко посаженные глазки, оливковую кожу и не очень крупное, но мускулистое тело. Два анархиста из Латинской Америки, бывший итальянский премьер и финский корреспондент, представшие перед мысленным взором, здесь явно не годились. Погадав еще немного, Джулиан припомнил, что видел этого человека шатающимся около посольства. Как-то раз незнакомец последовал за ним в кафе «Марго» в полдень, а потом сюда, в «Анаис». А может быть, и не один раз.

— Вы из американского посольства? — спросил человек на варварском английском.

Видимо, он посчитал быстрый взгляд, брошенный Джулианом за несколько секунд до этого, вполне достаточным поводом для беседы.

Джулиан кивнул в ответ, решив, что этого хватит. И со всей возможной вежливостью снова погрузился в чтение газеты. Но незнакомец со свойственной нахалам всего мира развязностью решил продолжить еще не начавшийся разговор. Он встал и пересел за столик к Джулиану.

— Вы дипломат? Может быть, из секретной службы?

Джулиан снова посмотрел на этого плохо одетого иностранца. Полную изоляцию от недипломатического мира Скарборо считал большой ошибкой. Именно потеря контакта с массами привела к краху дипломатии прошлого. С другой стороны, связываться с незнакомцем Джулиану совершенно не хотелось.

— Я работаю в посольстве Соединенных Штатов, — изрек он.

Подобный ответ как будто не таил в себе никакой опасности.

— Но не в секретной службе?

— Предпочел бы не уточнять.

— Конечно. Вы ведь дипломат, — заметил человек с тонкостью, удивительной для такого невоспитанного существа. — Хотя и очень молоды.

— Тут уж я бессилен, — отрезал Джулиан.

Человечек кивнул, грустно качнув черной гривой. Несмотря на холодную сдержанность Джулиана, он явно был настроен дружелюбно.

— Спорю, что вы работаете с кучей важных дел, точно?

Джулиан слабо улыбнулся.

— Это хорошо, — сказал незнакомец.

Быстро осмотревшись по сторонам, словно опереточный конспиратор, он снова повернулся к Джулиану:

— А вам случалось покупать секретные документы?

Ну и вопросы у этого типа!.. Джулиан вновь улыбнулся и пригубил кофе.

— У моего приятеля есть на продажу секретный документ. Всего за пять тысяч долларов.

Ну что тут скажешь? Джулиан ограничился поднятием бровей.

— Мой приятель, — продолжал незванный собеседник, — украл этот американский секрет. А может, и нет. Как бы там ни было, секрет сейчас у моего приятеля. Сначала он хотел продать его русским, но я отговорил. Это нехорошо. Да и вообще русским доверять нельзя. Так вот я и сказал приятелю: «Слушай, если уж приспичило, так перепродай этот американский секрет американцам. У них денег-то побольше, чем у русских, да и дело с ними иметь приятней». Вот так я ему и

сказал. А он отвечает: «Хуанито, мне все равно, кому продавать секрет, лишь бы заплатили. Только не знаю я американцев, которые такие штуки покупают». Тогда я пообещал, что попробую помочь...

Человечек с оливковой кожей устремил на Джулиана полный надежды взгляд. Но дипломат в ответ обдал его волной безразличия.

— Ну, в общем, приятель мне и говорит: «Хуанито, делай что хочешь. Я не верю ни русским, ни американцам. Светиться лишний раз мне неохота, так что, если задумаешь встретиться, шепни вот этому моему дружку, а он шепнет еще одному».

Хитрый он парень! Если сам не захочет, никогда его не отыщешь! Но секрет свой продаст, если вы и другие американцы согласитесь его купить. Он просит только пять тысяч долларов, это ведь пустяк для правительства. А больше ему ничего не надо.

— Это все? — ледяным голосом осведомился Джулиан.

— А что, мало?

Джулиан соединил кончики пальцев и задумчиво осмотрел их, как это часто делал первый помощник атташе. Потом поднял глаза и спокойно произнес:

— Вы хотя бы приблизительно представляете себе, сколько людей ежедневно заявляются в посольство Соединенных Штатов или обращаются к его работникам, предлагая купить какие-нибудь секреты?

— Что, много?

— Нет, вы, кажется, не понимаете. Я пытаюсь донести до вас простую мысль: все мошенники Европы как будто сговорились считать американцев славными, счастливыми и недалекими простаками, готовыми отвалить кучу денег в обмен на любую бумажонку с этикеткой «Секретно». Каждый месяц нам предлагают столько секретов, что голова кругом идет!

— Но, мистер...

— Секреты? — продолжал Джулиан, распаляясь. — Да в Европе этих секретов больше, чем фальшивых персидских ковров на Востоке! Мальчишки на улицах пытаются продать нам секреты! А некоторые даже предлагают их бесплатно! Существует целая служба, занимающаяся исключительно

проверкой и сортировкой секретов, которые попадают к нам в руки. Впрочем, мне говорили, что русские испытывают аналогичные сложности.

Хотя незнакомец следил за страстной речью Джулиана с видимым напряжением, большую часть сказанного он все же уловил.

— Не знал, что так обстоят дела, — заметил он.

— Поверьте мне на слово, именно так. А посему посоветуйте своему другу попытать счастья с русскими. Мы, американцы, в этом году благотворительностью не занимаемся!

Маленький человечек сильно упал духом, но признать себя побежденным никак не хотел:

— Может быть, другие люди из вашего посольства...

— Они скажут вам то же самое. Мы никогда не покупаем товар, в котором не нуждаемся.

— Я так понимаю, вы боитесь, как бы вас не надули, — сказал иностранец. — Сразу я как-то об этом не подумал... Но я предлагаю настоящий секрет, он имеет цену. Слушайте. Меньше недели тому назад в Лондоне у одного американца украли секретные документы люди из «Скорой помощи». Не слышали?

— Продолжайте, — бросил Джулиан.

— А людей из «Скорой» как раз обчистил мой друг. Ему представился случай, и он его не упустил. Это правда, можете проверить. На следующий день, в Амстердаме, когда мой друг пытался продать секрет советскому агенту, его едва не сцапала полиция. Да-да, эти бумаги настолько важны, что американские службы работали очень быстро! Но и это еще не все. Когда мой приятель приехал в Париж, один человек прочел ему кое-что из голландской газеты. Моему приятелю хотелось выяснить, что написали об амстердамском деле. И оказалось, что человек, которому он хотел продать секреты, — вы меня слушаете, мистер? — оказалось, что этот голландец, который работал на русских, убит во время так называемого ограбления. Об этом вы слышали?

— Нет.

— Ну, а о первом-то деле, о краже в Лондоне, вы наверняка слышали?

— И об этом не слышали, — заявил Джулиан. — Кстати,

смею вас заверить, что если бы эта история действительно имела место, нам бы сообщили. Новости подобного рода немедленно передаются во все основные посольства. Боюсь, что рассказ вашего друга — всего лишь тонко сотканная ложь от начала и до конца.

Человечек явно хотел продолжить спор, но с Джулиана было довольно. Он расплатился и ушел, напоследок еще раз порекомендовав собеседнику рассказать свою историю русским.

На следующий день в посольстве Джулиан поведал друзьям о своем приключении. Все от души посмеялись. Совершенно очевидно, что продать секреты хотел сам человечек, а рассказанная им история всего лишь плод его необузданного воображения.

Приключение было слишком веселым, чтобы забыть о нем сразу. Джулиан позабыл рассказом о случившемся непосредственного начальника, с которым недавно произошло нечто подобное. Начальник Джулиана рассказал о происшествии своему шефу, который тоже нашел этот случай очень смешным. Потом дело отошло на второй план. Может, о нем бы вскоре и вовсе забыли, если бы агент американской секретной службы по прибытии в Париж не нанес в посольство обязательный визит. Агент — информатор ЦРУ — не нашел в истории ничего смешного. Странное дело, он принял ее всерьез. И, что более странно, у него имелись неопровержимые доказательства правдивости слов маленького человечка.

Всю следующую неделю Джулиан посвятил лихорадочным и безрезультатным поискам в самых отвратительных кварталах столицы. Смуглый незнакомец как сквозь землю провалился. И это сильно повредило карьере Джулиана Скарборо. Обнаружение шпиона, которого случай поставил у него на пути, наверняка принесло бы ему повышение. Но после всего происшедшего Джулиана едва не отозвали на родину. Спасением своим он был обязан только посольским начальникам, которые тоже не приняли дело всерьез и подтвердили, что Джулиан повел себя единственно правильным образом.

Глава 13

Постучавшись, Бардиев вошел в комнату. Зеттнер сидел в кресле и читал книгу о промышленном использовании атомной энергии.

— Есть новости?

— Никаких, — обронил Бардиев. — Исчез бесследно.

— Он появится. Планы для него не имеют совершенно никакой ценности. Ему необходимо найти покупателя, а мы представляем страну, которая логически должна рассматриваться как покупатель номер один.

— Может быть, похититель не очень силен в логике?

— Надо просто подождать, — сказал Зеттнер.

Но подобная перспектива как будто не доставляла ему удовольствия. Его пальцы машинально постукивали по подлокотнику кресла. Опомившись, Зеттнер сжал руку в кулак.

— Я отправляюсь ужинать, — сообщил Бардиев. — Не скрасите ли мое одиночество своим присутствием?

— Не знаю. Планировал что-нибудь заказать в номер. Нужно составить несколько донесений.

— По-моему, вы ни разу не ужинали ни в одном из здешних хороших ресторанов.

— Да, это факт.

— Зеттнер, французская кухня вас не разочарует. Полагаю, попробовать стоит. Для того чтобы понимать западного человека, необходимо хорошо знать его вкусы и пристрастия. Так что непосредственное знакомство с гастрономическими аппетитами французов пойдет только на пользу вашему образованию.

— Я отлично понимаю французов и без того, — раздраженно парировал Зеттнер. — Может быть, даже лучше, чем вы.

— Может быть, — охотно согласился Бардиев. — Но что с вами сегодня? Вы, кажется, в плохом настроении?

Зеттнер, насупившись, опустил голову. И поднял ее лишь через несколько секунд:

— Получил письмо из дома.

Бардиев уже это знал. Он вежливо наклонил голову.

— От меня уходит жена, — продолжал Зеттнер. И тут же поспешил добавить: — Но это не имеет никакого значения.

Мы никогда не любили друг друга. Никогда. Просто испытывали взаимное влечение. О любви речь никогда не шла.

Бардиев покачал головой. Некоторое время мужчины сидели в полной тишине, потом Зеттнер снова принялся постукивать пальцами по подлокотнику кресла. Бардиев резко поднялся.

— Иду ужинать. Вы не решились, Зеттнер?

На этот раз Зеттнер не колебался:

— С удовольствием присоединяюсь. Что бы мне надеть? У меня есть темный костюм...

— Отлично, — одобрил Бардиев.

Час спустя в ресторане неподалеку от Оперы Зеттнер расправлялся с буайабес¹, которую находил вкусной, но малопривлекательной и совершенно не сравнимой с обычным рыбным супом. Когда Бардиев заказал вино, Зеттнер запротестовал. Цена была неоправданно высокой, к тому же французские вина он пробовал и в России. Но Бардиев настоял, напоирая на то, что продукт следует употреблять в его естественном окружении. Зеттнер осторожно пригубил и признал, что напиток гораздо приятнее тех вин, которые можно достать в Союзе. Выпив второй стакан, он подозвал официанта:

— Что в точности входит в состав этого напитка?

Официант растерянно промолчал.

Бардиев заметил, что по крепости это вино значительно уступает водке. По крайней мере вдвое. Зеттнер объявил, что это не подлежит сомнению. Лично он предпочитает водку. А французское вино в духовном смысле напоминает кока-колу, но уж никак не напиток, достойный настоящего мужчины. Хотя вкус, конечно, приятный.

— Знаете что? — сказал Зеттнер чуть погодя. — Я рад, что пошел с вами ужинать. Больше не чувствую себя угнетенным.

— Выпейте еще стаканчик, — посоветовал Бардиев.

Поначалу Зеттнер отказывался. Алкоголь в больших дозах не менее опасный яд, чем героин или кокаин. Если считаешь себя реалистом, нельзя замутнять мозг наркотиками. Но вечер продолжался, и Зеттнер, сам того не заметив, выпил

¹ Рыбная похлебка с чесноком и пряностями, распространенная на юге Франции.

еще несколько стаканов из третьей бутылки, заказанной Бардиевым.

Выходя из ресторана, Зеттнер чувствовал себя превосходно. Он сам предложил прогуляться по Монмартру. В маленьком темном баре Бардиев поинтересовался у коллеги, пробовал ли тот когда-нибудь скотч. Оказалось, пробовал, но без содовой и без бурбона. Бардиев посчитал, что, несмотря на высокие цены, Зеттнеру необходимо ознакомиться и с этим типично американским напитком. Зеттнер позволил себя убедить. Быстро выяснилось, что ни содовая, ни бурбон ему не нравятся, и по обоюдному согласию они перешли на водку.

К двум часам ночи щеки Зеттнера покрыл легкий румянец, язык немного заплетался, но движения оставались безупречно уверенными. Бардиев, выпивший вполтину меньше, подивился крепости организма юного коллеги. Теперь ему действительно стало любопытно. И он решил продолжить эксперимент.

Зеттнер проснулся как от толчка. Он спал, сидя в глубоком кресле; левая нога затекла. В ноздри бил запах грязного белья и дешевых духов. Зеттнер попробовал шевельнуть онемевшей ногой, и его немедленно замутило, во рту появился отвратительный привкус. Ценой отчаянного усилия ему удалось сглотнуть слюну, а потом оглядеться вокруг.

Он находился в маленькой убогой комнатенке. По бокам кресла стояли два торшера на длинных ножках, возвышавшиеся над его головой, словно неумолимые часовые. В другом углу комнаты сидела пожилая женщина, с головы до ног одетая в черное, и вязала что-то из черной же шерсти. Она подняла голову и взглянула на Зеттнера, не переставая с потрясающей скоростью двигать спицами.

— Где мой друг? — пробормотал Зеттнер на плохом французском.

— Ушел часа два назад. Передал вам, что будет ждать в гостинице.

— Он бросил меня здесь? Спящего?

— Да вы тогда не спали, месье. Вам было очень весело.

— Правда?

Женщина неприветливо кивнула. Зеттнер отвел глаза в сторону: вид сверкающих спиц вызывал головокружение.

— Очень весело, — повторила женщина. — Вы настоятельно требовали принести четыре бутылки шампанского.

— И выпил их?

— Частично. Остальное подарили дамам.

Зеттнер задумался, но никаких дам вспомнить не смог. Он не помнил даже, как очутился в этом месте. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя так паршиво.

— Так, значит, здесь были дамы? — пробормотал Зеттнер, твердо вознамерившись хотя бы в общих чертах выяснить, что же с ним произошло.

— Разумеется, — подтвердила женщина. — А вы как думали?

Зеттнера передернуло. Он встал и с трудом потащился к двери.

— Вы забыли про счет.

— А разве мой друг...

— Да, конечно. Но после его ухода прошло немало времени.

Зеттнер вытащил из бумажника пачку купюр, проковылял через комнату и протянул женщине деньги. Она отложила вязанье и ловко вытащила из пачки добрую половину. Зеттнер поплелся к выходу.

— До свиданья, месье! — крикнула женщина вслед.

Зеттнер вернулся домой в номер, который делил с Бардиевым, уже на рассвете. От холодного утреннего воздуха в голове прояснилось, буря в желудке немного поутихла. Бардиев, облаченный в халат, сидел в гостиной и читал.

— Дорогой Зеттнер, как раз собирался идти вас искать.

— Зачем вы затащили меня в эту дыру? — спросил Зеттнер голосом твердым как сталь.

— Затащил? Зеттнер, это вы привели меня туда. Вы настаивали.

— Это невозможно. Я даже не знаю адресов подобных заведений.

Бардиев терпеливо объяснил, что Зеттнер, несколько оживившись после употребления различных алкогольных

напитков, принялся делать непристойные предложения первой же встречной женщине. Когда Бардиев оттащил его в сторону, Зеттнер попросил, даже потребовал, чтобы его отвели в соответствующее заведение. Впечатления от Парижа будут неполными, если не посетить хотя бы одно из таких погребельных мест, заявил он.

Зеттнер с ужасом и одновременно с интересом слушал рассказ о похождениях незнакомца, которым он был всего лишь несколько часов назад.

— И что же произошло потом?

— Мы пришли в нужное вам место. Кстати, вы сами его обнаружили. Вас будто вел инстинкт.

— Не может такого быть!

— Тем не менее я не лгу, уверяю вас.

— Почему вы бросили меня в этом борделе?

— Ну, я посидел там с вами около часа, — с упреком сказал Бардиев. — Пытался вас увести, но вы наотрез отказались. А потом я решил вернуться сюда, чтобы было кому хотя бы подходить к телефону.

— Значит, я наотрез отказывался уходить?

— Чтобы не сказать больше.

— Я много говорил?

— Вы пришли туда не для этого.

— Очевидно, я вел себя непростительным образом, — заметил Зеттнер, пытаясь выведать хоть какие-то подробности.

— Вовсе нет. Впрочем, не вижу никаких причин, которые помешали бы нам сохранить все происшедшее в тайне, — сказал Бардиев. — Совершенно никаких причин.

Зеттнер неподвижно стоял посреди комнаты. Снова вернулась головная боль, и он едва видел Бардиева, но все же заметил его слабую улыбку, блаженно сложенные руки...

— Бардиев, вы мерзавец! Клянусь, вы за это поплатитесь!

Может, он прибавил бы и еще что-нибудь, но вынужден был резко замолчать и броситься в ванную.

Проводив его взглядом, Бардиев закурил. «Жаль этого беднягу Зеттнера! — подумалось ему. — Блестящий молодой человек, но выдержки явно не хватает. Придется осторожно намекнуть на это обстоятельство в ежемесячном отчете о поведении Зеттнера».

Глава 14

Следующие дни никаких новостей о похитителе не принесли. Агенты и информаторы Востока и Запада никак не могли выйти на его след. Это топтание на месте не прошло незамеченным ни в Москве, ни в Вашингтоне: руководителей секретных служб принялись поторапливать, а в Париж выслали подкрепления.

Для Бардиева подкрепление стало неприятным сюрпризом, потому как прибывшие поступили в распоряжение Зеттнера, а не под его командование. К тому же Бардиеву стало известно, что его покровителя, начальника Западного отделения контрразведки генерала Прокова, сместили с должности и перевели из Москвы в 15-ю армию, на границу с Афганистаном.

Несколько часов Бардиев провел в раздумьях о значении и возможных последствиях смещения генерала. Может, старый упрямец стал слишком болтлив? Или слишком сдержан? Или его сместили просто потому, что кресло начальника Западного отделения требовалось новому человеку, способному более решительно проводить в жизнь политику правящей группировки?.. Как бы там ни было, Бардиев понимал, что его собственное положение становится отныне более чем шатким.

Тем не менее он продолжал работать с Зеттнером без всяких задних мыслей, выкладываясь на полную катушку. Основная цель оставалась неизменной: вступить с контакт со шпионом и при первой возможности ликвидировать Дэйна и Сюзан Беллоуз.

Но, вспомнив о том, что составлять доклад о поведении Зеттнера больше не имеет смысла, Бардиев горестно охнул. Теперь этот доклад просто некому было отправить.

Стивен Дэйн находился примерно в аналогичной, хотя и менее запутанной ситуации. Из специальных фондов ему выделили пять тысяч долларов на покупку документов, но похититель больше не появлялся. К тому же не было ни одной интересной версии, проработкой которой Дэйн мог бы за-

няться. Такая ситуация привела к определенным разногласиям в парижском отделении ЦРУ. В Вашингтоне заволновались, и, тщательно изучив проблему, компетентные органы прислали своего агента, который заявил, что необходимо немедленно действовать. Стали действовать. И как-то рано утром Дэйна попросили зайти в разведотдел войск американской армии в Париже.

Два вооруженных охранника, изучив удостоверение Дэйна, отвели его к секретарю, который тоже попросил предъявить документы. И только после этого охранники проводили Дэйна в кабинет полковника Нестера.

Нестер был маленьким, плотным, краснолицым человеком, почти совершенно лишенным шеи. Его коротко подстриженные волосы торчали на круглом черепе словно кабанья щетина. Голубые глазки-бусинки пылали недобрым огнем. Молва гласила, что Нестер может простить подчиненным все, кроме служебной небрежности. Он двадцать восемь лет провел в армии и гражданских остерегался.

— Дэйн, — вместо приветствия объявил полковник, — так дело не пойдет.

Дэйн принялся излагать ситуацию, но Нестер сразу оборвал его:

— Отчеты я читал. И знаю, что сделано и что делается. Этого недостаточно. Мы топчемся на месте.

— Пока ничего нельзя предпринять, — сказал Дэйн. — Будем ждать.

Именно такие фразы вернее всего выводили Нестера из себя: он ненавидел пассивность гражданских, вечно надеющихся, что кто-то все за них сделает.

— Выходит, нам остается только бить баклуши? Я правильно понял?

— Пока больше нечем заняться.

— Да ну?! — взвился Нестер. — Быть может, вы не отдаете себе отчета в том, насколько важны пропавшие документы?

— Полагаю, отдаю.

— Не убежден. Дэйн, нам нужны эти документы. Заметьте, я не говорю: «хорошо бы получить их обратно» или «надеюсь, нам улыбнется удача». Нет. Они нужны нам. И даю вам голову на отсечение, мы их получим.

— Как?

— Вот это уже лучше. Как — именно в этом и заключается проблема. Не когда и не если повезет, а именно — как.

— Да, полковник.

— Что ж, подведем итоги. Известно, что документами завладел некий человек, вероятно, испанской или латиноамериканской национальности. По профессии, очевидно, моряк. Мы предполагаем, что этот шпион работает на свой страх и риск и не принадлежит ни к одной из действующих организаций. Известно, что он два раза пытался продать документы: один раз русским, другой — нам. Обе попытки провалились. Вы со всем согласны?

Поскольку большую часть этих сведений полковник почерпнул из собственных донесений Дэйна, тому оставалось только кивнуть.

— Теперь, — продолжал Нестер, — нам предстоит с возможно большей степенью вероятности предугадать следующий шаг этого человека. Я провел соответствующую беседу в службе планирования. На самом деле все очень просто: надо влезть в шкуру похитителя и выяснить, какой план действий представляется ему наилучшим. Так вот, наилучший вариант для него — постараться либо через газеты, либо через своих друзей выяснить имена агентов СССР, прокоммунистически настроенных дипломатов или иных должностных лиц, симпатизирующих коммунистам, здесь, в Париже, и вступить с ними в контакт через посредника. Вы согласны?

— Теоретически это, может быть, и наилучший план, — отозвался Дэйн. — Но я считаю, что нельзя упускать из виду и другие возможности. Похититель, увы, не в силах прибегнуть к услугам службы планирования. Поэтому не исключено, что он предпримет нечто совсем иное.

— Конечно, он может предпринять нечто совсем иное, однако именно этот план был бы для него наилучшим. Мы не в состоянии отрабатывать сразу тысячу версий. Он может завтра скончаться от сердечного приступа, это тоже не исключено. Нет, нам надо исходить из наиболее вероятной гипотезы и работать с ней, не щадя ни сил, ни времени.

— Это мы и делаем.

— Нет, Дэйн. Разве мы установили слежку за всеми за-

метными коммунистами Парижа? За членами партии, за основными симпатизирующими?

— Это технически невозможно.

— Нет, Дэйн. Я отозвал всех наших европейских агентов. Мы расставим в Париже настоящую сеть.

— А если похититель переберется в другой город?

— На данный момент нас это не интересует, — заявил Нестер. — Надо выбрать самый вероятный путь и идти по нему, используя все возможности.

— Даже если для этого приходится на три четверти сокращать численность наших людей в других регионах?

— Это опасно только в случае значительной вражеской активности в другом секторе. Когда это произойдет, мы примем меры. Если это произойдет. Но пока подобный вариант маловероятен, давайте на него не рассчитывать.

— Агенты необходимы и в остальных частях Европы.

— Вынужден поправить вас по этому пункту. Они необходимы в строго определенные моменты. Когда такой момент наступит, мыотреагируем немедленно. Мистер Дэйн, это старая тактика пехоты: хочешь прорвать оборону противника — сосредотачивай силы в одном месте, а не распыляй их.

— Тактика пехоты едва ли применима в разведке.

— Не вижу особой разницы. Это правило годится для многих ситуаций.

— К тому же, — настаивал Дэйн, — среди отозванных вами агентов наверняка есть те, которым поручены особо важные задания. Прервать их деятельность сейчас...

Нестер нетерпеливо отмахнулся. Он терпеть не мог все эти мелкие подробности. Они только затуманивали главное.

— Решения принимаю я, и я же несу за них ответственность, — отрезал полковник. — Необходимые распоряжения уже отданы. — Он замялся, подыскивая наиболее дипломатичный способ выразиться. — Не сомневаюсь, что вы согласитесь с моими выкладками. Нам понадобится помощь всех специалистов, находящихся в Париже. Я составил общий план операции...

— Мне очень жаль, — пробормотал Дэйн.

— Простите?

— Я вам не подчиняюсь.

— Вам дан приказ во всем сотрудничать с армейской разведкой!

— Безусловно. Но и службы армейской разведки должны во всем сотрудничать со мной.

— Дэйн, это абсурдно! Что вы намерены делать?

Дэйн с улыбкой пожал плечами.

— Мне необходимо знать, — продолжал полковник с исключительным терпением. — Я должен скоординировать ваши действия с общими задачами.

— Пока я ничего не могу сказать. Когда представится возможность сделать что-либо, я это сделаю. На данный момент я могу только ждать.

— Своеобразный стиль работы.

— Ваш предшественник придерживался иного мнения.

Последнее замечание задело Нестера за живое. Его предшественник, ныне генерал, не так давно был призван на службу в более высокие сферы. У Нестера подобных перспектив не было.

Полковник поднялся.

— Я вынужден проинформировать Вашингтон о вашем отношении к делу.

— Буду весьма признателен. Еще что-нибудь?.. Нет? Прекрасно. Сообщу вам, если появятся новости.

С этими словами Дэйн вышел из кабинета. Нестер уселся за стол, погружившись в печальные размышления о подлых гражданских, которые проигрывают холодную войну после того, как военные спасли их во времена войны горячий!

Глава 15

Они сидели бок о бок на скамейке в парке, еще не совсем оправившись от путешествия вторым классом через всю Европу. В унылом сером небе над их головами кружили голуби; вдоль широких бульваров бесконечными рядами тянулись желтые и грязно-серые дома Вены, похожие на почтенных и равнодушных зрителей.

— Нет, — сказала Анна. — Ты не должен этого делать.

Карлос не ответил. Просто бросил на белокурую женщину едва ли не яростный взгляд. Чего хочет эта иностранка, прилипшая к мужчине с жадностью моли, забравшейся в платяной шкаф? В Амстердаме она помогла ему взять билет второго класса и всю дорогу болтала о разной ерунде. В Париже, покорная, как собака, без удивления и протестов, она пошла за Карлосом, чтобы поселиться в снятой им маленькой комнатенке и ждать там, пока он разрабатывал новые планы. Что могла смыслить в таких делах глупая баба? Впрочем, Карлос привык к тому, что рядом постоянно находятся женщины — чаще всего иностранки, которые могли с ним разговаривать и, следовательно, оказывать какое-то влияние. Их голоса звучали, как птичье пение, — приятные на слух, если не принимать всерьез. Женщины, конечно, необходимы, но придавать им слишком большое значение не стоит. Вот только с этой Анной все вышло по-другому. Непонятно как, но она сумела влезть в жизнь Карлоса глубже любой другой женщины, может быть, не считая матери.

Карлос без всякой опаски позволил ей поселиться вместе с ним. Да и что тут такого, дело житейское! Он разделил с ней тот маленький островок своего существования, центром которого были еда и кровать. Но как-то вечером в Париже, вконец отчаявшись, едва не наложив на себя руки после неудачи с американским дипломатом, Карлос рассказал ей все о секрете.

Она слушала напряженно, как будто с трудом разбирала слова, откинув со лба светлые волосы, сложив руки на коленях. Однако смысл, похоже, уловила. Анна понимала все, что говорил Карлос на своем странном английском: интонации его голоса, движения рук женщина переводила на родной язык быстрее, чем сами слова. Как и он, Анна была иностранкой, вынужденной постоянно вслушиваться в чужую речь. Она даже догадалась о многом не сказанном Карлосом. На его лице читалось страстное желание вырвать богатство у жестоких и коварных существ, убивающих друг друга из-за нескольких строк, нацарапанных на листке бумаги.

Карлос знал, что беглец хуже прокаженного: стоит ему проболтаться, и люди сами спешат спастись бегством. Но Анна осталась с ним; она приняла бешеный ритм его жизни,

который мог привести лишь к катастрофе; она любовалась этим novillero¹, неопытным и невежественным torero², который, вооружившись лишь плащом и отвагой, отправляется искать счастья между изогнутыми рогами быка.

Анна поделилась с ним своими деньгами. Карлос не стал возражать: женщины всегда так поступают. Шли дни, совместная жизнь придавала Анне смелости. Однажды она решилась спросить, почему Карлосу так необходимо продать планы.

— Мне нужны деньги.

— Зачем?

— Чтобы купить ферму в Австралии.

Анна здорово удивилась. На ферме она родилась и выросла. Там живут в грязи, в курином помете и коровьем навозе. Как можно испытывать желание жить на ферме?

— Слушай меня, — сказал Карлос. — Я знаю, что такое ферма. Знаю, что ферма — это глупо. Ты что, думаешь, я люблю кур и коров? Настолько глуп, что только и мечтаю выращивать маис и пшеницу?... Мне хорошо известно, что такое ферма.

Тогда зачем она ему сдалась?

Чтобы стать ее хозяином, чтобы умереть на своей земле, в своей грязи.

Тут Анна, может, и согласилась с Карлосом. Во всяком случае, спорить не стала. Он хотел ферму, как ребенок хочет луну. А она хотела его. Анна твердо решила остаться рядом с Карлосом и отправиться с ним хоть на ферму, хоть на смерть. Не из любви — это чувство было слишком шикарным для нее и слишком дорогостоящим для него.

Анна оставалась с Карлосом просто потому, что он понравился ей, потому что она быстро привыкла к нему, потому что он был маленьким, мускулистым, темнокожим и на редкость живым; потому что, играя в гонки со смертью, спрятанной в кармане куртки, он сохранил способность улыбаться; потому что он в полной мере обладал этим странным мужским качеством — продолжать надеяться, когда надеять-

¹ Новичок (исп.).

² Тореадор (исп.).

ся вроде и не на что. Пусть мечта Карлоса была абсурдна — сам он таким не был. Теперь он принадлежал Анне, и она осталась рядом.

Венчаться в церкви Карлос ни за что бы не согласился, но Анна верно уловила тот момент, когда он начал относиться к ней как к законной жене. И тогда принялась давать ему советы.

— Тебе надо уехать из Парижа.

— Ты сбрендил, Анна. Уехать из Парижа, не продав секреты?

— Здесь тебя все ищут. Я читала об этом в газете.

Карлосу пришлось покориться высшей мудрости читательницы газет. Итак, потратив остатки денег, они отправились в Вену, подальше от Парижа, подальше от океана. Анна объясняла:

— Большой город, не меньше Парижа, легко спрятаться. Я понимаю язык. Рядом страны, оставшиеся под влиянием русских. Газеты пишут, что в Вене всегда полно русских. Там продать планы будет несложно.

Карлос нехотя признал, что о политике Анна имеет гораздо более полное представление, чем он сам. Женщины могут рассуждать вполне логично, вот только всегда что-нибудь забывают.

Итак, они прибыли в Вену, в промерзший бестолковый город. Без денег, без крыши над головой. Им было нечего есть... И при всем этом они ни на шаг не продвинулись в деле продажи секретов!

А теперь, в довершение всех бед, Анна отчаянно воспротивилась единственной здоровой мысли, пришедшей Карлосу в голову.

— Слушай меня, — говорил он, — мы сидим на скамейке, жрать нечего, денег ни гроша. Я не могу подскочить к первому попавшемуся русскому и продать ему секреты, ты сама так говорила. Придется выждать по меньшей мере пару дней. И что мы будем есть все это время, где будем спать?

— Я не хочу, чтобы ты воровал, — отозвалась Анна, как будто не слыша его.

— Не хочешь, чтобы я воровал? А как, по-твоему, я заполучил секреты?

— Это другое дело. Это было важно, это ты сделал ради фермы.

— Если я не буду есть, то не доживу до того времени, когда смогу купить ферму!

— Если ты украдешь, тебя схватят.

— Никогда!

— Это не принесет тебе удачи.

— Ну, особой удачи у меня никогда и не было. Да и на что мне она, удача?

— Все же рисковать фермой...

— Тебе вроде не нравились фермы?

— Не нравились, но ты все равно прав. Ничего лучшего я придумать не могу. А мы поедem в Австралию вместе?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Что ты сделаешь, если не добудешь денег для фермы?

— Убью себя.

— Пообещай, что ты так не поступишь.

— Ладно, хватит глупостей. Сиди здесь. Вернусь через час.

Карлос отсутствовал гораздо дольше. Анна сидела на скамейке, нежась в мягком солнечном свете, и разглядывала прохожих. Дефилирующие мимо полицейские бросали на нее быстрые вопросительные взгляды. Им казалось, что есть что-то ненормальное в этой женщине, одиноко сидящей на скамейке в парке в то время, когда все остальные спешат на работу. Один из полицейских остановился и с подчеркнутой вежливостью осведомился, не может ли он быть чем-то полезен.

— Я жду мужа.

Разумеется, дама ждет своего мужа. Но она сидит на этой скамейке уже довольно давно. Так, может быть, ее супруг заблудился?

— Он пошел искать гостиницу. А я устала и решила подождать здесь.

Анна была достаточно прилично одета. Она не заговаривала ни с одним из проходящих мимо мужчин и не ответила нескольким типам, которые сами клеились к ней. На самом деле ее спокойствие объяснялось лишь фатализмом; полицейский же принял его за невиновность.

— Надеюсь, он не задержится, миссис. Если понадобится какая-нибудь помощь...

— Большое спасибо.

Карлос вернулся после захода солнца — с горящими глазами, в разорванной, выбившейся из штанов рубашке. Возбужденный и счастливый. Он охотился на рынке и сумел украсть сумочку с туго набитым кошельком.

— Что было дальше?

— Меня пытались догнать.

— Рубашка?

— Случайность. Зацепился за ограду.

— Сумочка?

— Выбросил на помойку.

Он показал Анне толстенную пачку ассигнаций. Карлос был осторожным, хитрым и терпеливым вором. Он умел дожидаться хорошей добычи и подходящей возможности. Воровство он ненавидел, оно унижало его, но ради своей мечты Карлос был готов на все.

— Ладно, — вздохнула Анна. — Теперь надо найти комнату и поесть. Потом я займусь твоими идиотскими секретами.

— Ты?

— Конечно, я. Тебя знают в лицо. Так что действовать придется мне. А может, найдем кого-нибудь третьего.

— Я все могу сделать сам, — заявил Карлос.

— И получить пулю в лоб?

— Не будь душой.

Но она убедила его в необходимости действовать именно по такому плану, и Карлос нехотя согласился.

Уже на выходе из парка Анна спросила:

— Кто-нибудь видел, как ты воровал сумочку?

— Вероятно. Мне пришлось вырубить полицейского!

Глава 16

Сюзан Беллоуз проснулась словно от толчка. Остатки сна разом слетели с нее, но она продолжала лежать в кровати с закрытыми глазами, еще не совсем оправившись от снотворного, которое приняла накануне. И пыталась вспомнить свой

сон. Сны имеют большое значение; нью-йоркский психоаналитик всегда расспрашивал ее о снах, и Сюзан привыкла записывать их во всех подробностях, когда могла хоть что-то вспомнить. На сей раз почудилось, что ее зовет по имени далекий низкий голос.

А еще что? Что-то неприятное. Сюзан вообще чаще всего снились неприятные вещи: люди превращались в животных, пейзажи оживали и становились угрожающими. Ей снились гоблины и гномы, фрейдистские колдуны и заклинатели и всякие прочие мерзости, от которых она стремилась избавиться хотя бы на восемь часов в сутки. Эти восемь часов сна она проводила в мире темных чар и сверхъестественных опасностей. Психоаналитик ничем помочь не мог. Даже наоборот: он как будто гордился своей пациенткой, просто наслаждался ее рассказами. Сны Сюзан, по его мнению, имели большое значение; они выходили за рамки процесса торможения. Сюзан иногда начинало казаться, что психоаналитик сам немного не в своем уме. Уйти в себя легко; это уже не модно, зато так приятно. Уйти в себя, Сюзан, и, может быть, тогда не придется проводить треть жизни в никогда не существовавших мирах, спасаясь от когтей сказочных чудовищ...

Она открыла глаза и тут же почувствовала, что рядом никого нет.

— Дэйн, — крикнула женщина, — ты где?!

— Здесь.

Он стоял перед зеркалом в ванной и завязывал галстук.

— В чем дело? Что-то случилось?

— Только что звонили из ЦРУ.

— А я не слышала?

— Ты ничего не слышала. Похитителя видели в Вене.

Сюзан встала с кровати, зябко передернув плечами, накинула халатик. Пробуждение после ночи любви всегда неприятно, особенно если мужчина уже одет.

— В Вене?

— Так говорится в рапорте.

— А это точно он?

— Может быть, и нет. Но описание как будто соответствует. Думаю, стоит съездить на место.

— Минутку, — пробормотала Сюзан. — Я с тобой.

— В этом нет необходимости. Этот тип украл у одной женщины сумочку, но арестовать его не сумели. Если он попадется, я всегда смогу вызвать тебя.

— С чего ты решил, что я послушаюсь? Я предпочитаю отправиться в Вену немедленно.

— Прекрасно, — вздохнул Дэйн.

Голос его звучал почти равнодушно; в утреннем свете он и сам казался особенно холодным и далеким. В его движениях чувствовалась какая-то напряженная неестественность. Мужчины всегда делают вид, как будто ничего не произошло, только актеры из них по большей части никудышные.

Сюзан быстро оделась. И, уже приготовившись выходить из номера, дотронулась до руки Дэйна.

— Стив... Ты меня презираешь?

Дэйн едва не расхохотался, но, увидев, что она спрашивает вполне серьезно, вовремя сдержался.

— Конечно, нет. Разве это не очевидно?

Сюзан злилась на себя за этот вопрос. До чего противны эти утренние разбирательства! Одни и те же неуклюжие фразы. Но она ничего не могла поделать с собой. Слова сами лились из нее, словно древнее бессмысленное заклинание.

— В самом деле? Я ведь так набросилась на тебя...

— Я все сделал для этого.

— Но у тебя наверняка есть особое мнение о женщинах, которые ведут себя таким образом, верно? Ну, признайся честно...

— Сюзан, клянусь...

Она подождала, пока Дэйн скажет все нужные слова. Он обнял ее, поцеловал... И вдруг в одну секунду Сюзан поняла, что, несмотря на кажущуюся уверенность в себе, Дэйн на самом деле всего лишь застенчивый мальчишка; поняла, что действительно нравится ему, но что он совершенно не умеет ориентироваться в джунглях человеческих чувств. Но все это не избавило ее от растущей внутри тревоги. Она слушала его бессмысленный сбивчивый шепот. В подобного рода признания Сюзан никогда не верила. И, призвав на помощь всю свою волю, высвободилась из объятий Дэйна.

— Теперь я готова идти.

— Ты уверена, что все в порядке?

— Безусловно. А почему что-то должно быть не в порядке?

Дэйн промолчал. Только психоаналитики, которые все понимают и ничего не чувствуют, пытаются отвечать на подобные вопросы.

Остаток дня Дэйн провел в отделении ЦРУ за изучением рапортов из Рима, Афин и Бейрута, где как будто бы тоже засекли похитителя. В конце концов он пришел к выводу, что более всего заслуживает доверия все же венское донесение, оставил послание полковнику Нестеру, выяснил, что ночных авиарейсов на Австрию нет и заказал два билета на «Арлберг-Ориент Экспресс». Поезд отправлялся в два часа двадцать минут ночи. У них было время, чтобы без спешки поужинать и сходить в кино.

Когда пришла пора отправляться на вокзал, официанты в кафе уже уносили стулья с террас, а парижские улицы почти совсем опустели. Зато на вокзале царило оживление. Именно таким Сюзан и запомнила этот вокзал: огромное серое здание, лотки продавцов табака, газет и сувениров, выстроившиеся в бесконечный ряд под стеклянной крышей. В любое время дня и ночи в этой многоэтажной пещере сновали люди, спешившие добраться до железных решеток, за которыми поджидали поезда: одни — загадочные, с чудесными романтическими названиями типа «Арлберг-Ориент Экспресс» или «Трено дель Соле», другие — обычные, не имевшие названия, а только станцию назначения...

В купе они не могли попасть раньше чем через полчаса и потому прошли в зал ожидания, обогнув отряд немецких бойскаутов, дрожавших от холода в своих шортах, и устроились напротив бородатого молодого человека, заснувшего на потертом рюкзаке. Рядом с ним сидел пожилой господин лет пятидесяти со сложенным на коленях зонтиком и вчерашней «Дейли экспресс». Железнодорожный служащий с метлой в руках медленно продвигался по залу, сгребая в кучу окурки, конфетные фантики и прочий мусор. Над коричневыми деревянными скамейками серо-голубыми кольцами вился табачный дым. С перрона доносились свистки и вздохи паро-

возов. В дальнем конце вокзала что-то невнятно бормотал громкоговоритель.

Уютно свернувшись калачиком рядом с Дэйном, Сюзан почувствовала, как тело обволакивает приятная теплая дрема. Женщина уже смутно различала окружающих людей, развалившихся на сиденьях в каком-то промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. Кое-кто вяло пытался победить усталость с помощью газет или курева; другие капитулировали и, отыскав наименее неудобное положение на деревянных скамейках, погружались в сон, как поступают обычно ночные пассажиры во всех частях света.

Зал ожидания был наполнен сном, посерел от сна. Шелест метлы уборщика, через равные промежутки времени скребущей кафельный пол, только усиливал это впечатление. Все вокруг гипнотизировало Сюзан: тиканье стенных часов, сизые кольца табачного дыма, сухой шорох метлы.

Прямо перед ней прошел уборщик, угловатый, в потертой синей форме, фуражка с черным кожаным козырьком надвинута на самые глаза. Работал он крайне небрежно. На полу оставались клочки бумаги, смятые пачки сигарет, но он не обращал на них внимания. Казалось, что он не подметает, а скорее расчищает дорожку. Он продвигался вперед маленькими шажками, и Сюзан вдруг поняла, что его метла вообще ничего не метет. Уборщик бросил на женщину быстрый взгляд и снова опустил глаза.

Это походило на медленное, почти незаметное начало кошмара, на первый признак того, что в нормальной среде произошли страшные изменения. Человек в голубой форме уборщика, в фуражке с черным кожаным козырьком перемещался по залу, словно робот, только делая вид, что подметает.

Сюзан казалось, что Дэйн уснул, но, повернувшись к нему, она встретила взгляд жестких блестящих глаз, в которых не было и намека на сонливость. Она тронула его за руку, и Дэйн кивнул в ответ:

— Знаю. Притворись, что ничего не заметила.

Ощущение кошмара усиливалось. «Притворись, что ничего не заметила... И, возможно, все исчезнет само по себе...» Но все оставалось по-прежнему. Сюзан почувствовала, что от одного ее взгляда где-то включился некий таинственный ме-

ханизм: сцена пришла в движение. Старый господин напротив неторопливо свернул газету. Зонт, лежавший у него на коленях, одним концом смотрел прямо на Дэйна. Сюзан приходилось слышать о тростях-шпагах и зонтиках-ружьях. Но этот человек выглядел совершенно обычно: коричневый твидовый костюм, вязаный галстук, серые кустистые брови на спокойном невыразительном лице... Может быть, перед ними заурядный пассажир, ведь в зале, в конце концов, должны быть и такие!

Псевдоуборщик в застиранной голубой форме перестал симулировать активность и встал у дверей, опершись на метлу. Бородатый молодой человек, пристроившийся на потертом рюкзаке, все так же безмятежно спал.

— Ты уверен? — прошептала Сюзан Дэйну.

— Да.

— Старик с зонтиком?

— И он тоже.

— А кто еще?

— Уборщик и человек в голубом плаще. Вероятно, есть и другие, но их я пока не засек.

Коренастый человек в плаще с сизыми от пробивающей-ся щетины щеками походил на хрестоматийного «изменника родины». Он сидел на краю скамейки, перед выходом из зала. Странно, что Сюзан не заметила его раньше.

В стенных часах что-то щелкнуло, минутная стрелка прыгнула вперед. До отхода поезда оставалось еще четверть часа. Из зала ожидания никто не выходил. Сюзан и Дэйн продолжали шепотом переговариваться:

— Ты уверен, что им нужны именно мы?

— Да. Двоих я узнал в лицо, их фотографии есть в наших архивах.

Дэйн имел преимущество перед Сюзан. Он уже видел эти лица, и для него происходящее не было кошмарным сном.

— Но что они хотят от нас?

— Они считают, что ты — единственный свидетель, способный опознать похитителя. Они хотят помешать нам найти его. Похититель нужен им самим.

— И что, мы ничего не можем сделать?

— Пока нет.

Черное лезвие большой стрелки отрезало еще две минуты. Три старые дамы подхватили свой багаж и вышли из зала ожидания. Бородатый молодой человек подскочил, как будто внутри у него сработал невидимый будильник, протер лицо и взял свой рюкзак. Потом уселся попрямее и, не вставая со скамейки, расправил лямки на плечах. Очевидно, он тоже принадлежал к банде.

— Через две минуты, — шепнул Дэйну, — мы встанем и пойдем к поезду.

— А они?

— Вероятно, этого они и ждут.

Сюзан могла только гадать, есть ли у Дэйна какой-нибудь план. Лицо его оставалось совершенно безучастным. Он сидел, облаченный в броню молчания, с заспанным видом отогревая руки в карманах пальто. Старый господин убрал свою газету; зонт смотрел теперь в направлении Сюзан. Человек в плаще вдруг вскочил на ноги и вышел из зала. Уборщик прислонил метлу к стенке и поглубже надвинул фуражку на глаза. Бородатый молодой человек взглянул на стенные часы, потом сверил время по своим наручным. Большая стрелка проглотила еще две минуты.

— Пошли, — сказал Дэйну. — Не бойся. Когда выберешься отсюда, отправляйся напрямик к полковнику Нестеру в армейскую разведслужбу. Расскажи ему все, что знаешь, и попроси передать информацию в ЦРУ.

— Но разве я смогу уйти отсюда?

— Конечно.

— А ты?

— Мы встретимся в кабинете Нестера. Возможно, сейчас нам придется расстаться.

Дэйну поднялся и помог Сюзан встать. Старый господин громко кашлянул и тоже встал со скамейки. Дэйну и Сюзан вышли из зала ожидания. Бородатый молодой человек закончил возиться с лямками, забросил рюкзачок за плечи и пошел следом. Один спереди, один сзади. Послышался шелест метлы уборщика. Он тоже шел за ними.

Вдалеке на перроне в поезд грузился отряд немецких бойскаутов. Навстречу то и дело попадались спешившие куда-то люди. Дэйну, Сюзан и их свита направились к экспрессу. Сю-

зан почувствовала, что им ни за что не дадут подняться в вагон. Их убьют на перроне, выбрав место, где поменьше людей. Сейчас убийцы войдут в вестибюль, а потом исчезнут — прежде чем кто-либо успеет вызвать полицию. Сюзан внезапно почувствовалось, что эта смерть в серый рассветный час на парижском вокзале была уготована ей с самого рождения.

Окружающие ее люди — старик, уборщик в форме, бородатый молодой человек, мужчина в голубом плаще — были всего лишь статистами, лицами второстепенными, ничего собой не представляющими. Эту пьесу на самом деле разыгрывали она и Дэйн, разыгрывали перед незрячими глазами вагонных окон, и убийство в этой бессмысленной и бесконечной пьесе означало лишь короткую интерлюдию. Мимо проходили потенциальные актеры: железнодорожник в фуражке с масленкой в руках, двое мужчин с папками для бумаг под мышкой, охотник с зачехленным ружьем через плечо... Сюзан с надеждой взглянула на охотника, но Дэйн сжал ее руку и потащил вперед. Другие актеры не задерживались на сцене, они направлялись за прокуренные кулисы.

Дэйн и Сюзан шли мимо вагонов второго класса. Кроме их маленькой группки, на перроне больше никого не осталось. Впереди Сюзан уже различала последние вагоны поезда, а за ними — черное туманное небо. Остальные тоже увидели небо. И начали приближаться, осторожно и неотвратно, словно пастушьи собаки, окружающие стадо. Теперь их намерения стали вполне очевидны и, следовательно, менее ужасны.

Дэйн прошептал:

— Когда представится возможность, беги изо всех сил.

— Возможность? Какая возможность?

Дэйн не ответил. Они подошли к вагону первого класса, дверь в который еще оставалась открытой, и тут Дэйн без всякого предупреждения схватил Сюзан за талию. Она почувствовала, как сильные руки поднимают ее в воздух и толкают вперед. И упала. Дэйн умудрился перебросить ее в тамбур через вагонную подножку. Сюзан приземлилась на локти и колени, быстро поднялась и оглянулась. Дэйн, огромный и призрачный в сером сумраке, развернулся и бросился на человека в голубом плаще и старого господина с зонтиком.

Уборщик что-то кричал, пытаясь обогнуть группку, заслонившую вход в вагон. Бородатый молодой человек подошел к Дэйну и принялся методично бить его по голове каким-то блестящим предметом. Он действовал так хладнокровно, словно забивал гвоздь в доску.

Сюзан пробежала через тамбур и прыгнула на параллельные пути. Остановилась на секунду, чтобы осмотреться, но, услышав за спиной шаги, бросилась по шпалам прочь, в сторону неба и ночи.

Она бежала долго, падала и снова вставала. Один раз узкий луч фонарика рассек темноту совсем рядом с Сюзан, едва не зацепив край юбки. Но ее не нашли.

Потом она, должно быть, заснула, потому что ранним утром на нее едва не наступил вокзальный полицейский. После долгих объяснений он отвел ее в офис разведслужбы американской армии.

Ей едва хватило сил, чтобы рассказать о происшедшем. Полицейский не мог ни подтвердить, ни опровергнуть ее показания.

По его представлениям, прошедшей ночью на вокзале все было спокойно. И экспресс отправился точно по расписанию.

Сюзан же могла доказать свою правоту только запачканной и порванной одеждой да ссадинами на ногах. Дэйн не появлялся и не давал о себе знать.

Глава 17

Дэйн пришел в себя на диване в темной пыльной комнате без окон. В покато потолке, нависавшем метрах в шести над головой, виднелось зарешеченное слуховое окошко, закрытое на висячий замок. За ухом вспухла болезненная шишка, на висках запеклись струйки крови. Очень хотелось пить, голова раскалывалась от боли. Кровоподтеки на запястьях и опухшие щиколотки свидетельствовали о том, что недавно его связывали веревками или проволокой.

Дэйн откинул голову назад, стараясь хоть как-то унять

пульсирующую боль. Потом пошевелил затекшими пальцами. Эта партия решительно оборачивалась не в его пользу!

В течение последующих часов Зеттнер подверг Дэйна нескольким интенсивным допросам. Зеттнер рассматривал американца как более или менее трезвомыслящего интеллектуала, служащего делу капитализма без особых убеждений, а скорее просто по инерции. Для подобного рода людей существовал вполне определенный набор аргументов. Зеттнер воспользовался им. Он полагал, что Дэйн, если его правильно сориентировать, сумеет принять новый комплекс идей о природе и законах функционирования общества. А на основе этих идей возможна выработка новой программы действий. Живой и служащий правому делу Дэйн имел бы гораздо большую ценность, чем непокорившийся и, следовательно, мертвый.

Своей цели Зеттнер попытался достичь, используя описанные в учебниках процедуры; Дэйн представлял собой всего лишь ребус, требующий расшифровки, всего лишь набор противоречий, в которых предстояло разобраться, всего лишь сгусток рефлексов, которые надо было разложить по полочкам. Но, столкнувшись с реальной жизнью, с ее страстями и противоречиями, описанные в учебниках приемы обнаружили свою несостоятельность. Идеи об освобождении народных масс от гнета капитала Дэйна не воспламенили, священный ход Истории его тоже особо не волновал.

Однако у Дэйна и Зеттнера нашлась одна общая черта, которая роднила их и которая, когда закончились неизбежные идеологические дебаты, внушила им едва ли не чувство взаимной приязни. Они оба любили поговорить о своей профессии. Дэйна очень заинтересовало, каким образом Зеттнер умудрился перевезти его с парижского вокзала в нынешнюю тюрьму, которая, как выяснилось, находилась в пригороде Вены. Зеттнер с огромным удовольствием просветил «коллегу». Впрочем, абстрактная социальная теория никогда не относились к числу сильных сторон Зеттнера.

Рассказывая о своем плане, во всех подробностях описывая просчитанные варианты и тонкости мизансцены, Зеттнер явно оживился. Он вытащил карту и показал, в каких местах он расставил людей, где расположил машины. Покинуть Па-

риж с пленником было легче легкого. Гораздо сложнее оказалось проехать через две границы, чтобы добраться до Австрии. Конечно, пограничные посты пришлось выбирать с особой тщательностью. А в остальном Зеттнер положился на свои книжные знания человеческой природы.

Оглушенного наркотиками Дэйна связали по рукам и ногам, заткнули ему рот кляпом и запихнули в багажник автомобиля. В машину посадили трех красивых француженок, которые якобы отправлялись в отпуск. Никаких сложностей на границах не возникло, и Дэйну оставалось лишь поаплодировать изобретательности собеседника.

В последний раз выходя из комнаты Дэйна, Зеттнер испытывал нечто вроде сожаления при мысли о том, что человека такого масштаба придется уничтожить, предварительно выжав из него все необходимые сведения.

Немного погодя в комнату степенно вошел улыбающийся Бардиев. Он принес с собой бутылку портвейна и коробку сигар. Они с Дэйном уже встречались один раз в конце Второй мировой: Бардиев был тогда майором артиллерии, а Дэйн — капитаном в Управлении стратегических служб. Они познакомились, встретившись в Берлине на приеме в каком-то посольстве, и обменялись лишь несколькими фразами. С тех пор они часто читали друг о друге в документах секретных служб и рапортах Второго управления. А их мимолетная встреча наполняла эти материалы жизнью и смыслом.

Некоторое время они сидели молча, словно заговорщики. Потом Бардиев, рассматривая тлеющий кончик своей сигары, поинтересовался, что Дэйн думает о Зеттнере.

— Он очень молод.

Бардиев слегка наклонил голову.

— И настроен весьма решительно.

Бардиев снова наполнил стаканы.

— Такой коллега едва ли вызывает у вас особо теплые чувства, — продолжал Дэйн.

Бардиев, поморщившись, пожал плечами. В воздухе повис вопрос. И Дэйн сформулировал его:

— Бардиев, вы можете выпустить меня отсюда?

— Это абсолютно исключено, — заявил Бардиев тоном маклера, вздувающего цену.

— Однако это было бы в высшей степени практично.
 — Почему?
 — Потому что в этом случае я пообещал бы вам убить Зеттнера.
 — Друг мой, вы бредите. Убить Зеттнера! Зачем, черт возьми?
 — Чтобы спасти вашу жизнь. И мою тоже, разумеется.
 Итак, вопрос был задан, но его пока не приняли всерьез.
 — Дэйн, — сказал Бардиев, — вино ударило вам в голову. Вы предлагаете совершенно нелепые вещи. Зачем мне убивать моего друга Зеттнера?
 — Если моя информация верна, то ваш шеф переведен на афганскую границу. Бардиев, теперь вы — кисть без руки.
 — Ах! — воскликнул Бардиев. — Таковы издержки большой политики.
 — Вы пережили много политических бурь. Как вам это удавалось в прошлом?
 Бардиев задумчиво глядел в сторону.
 — Хорошо, скажу яснее, — решил Дэйн. — Неужели вы откажетесь воспользоваться полезным орудием, оказавшимся в ваших руках?
 — Мы не стираем грязное белье на людях.
 — Речь идет о вашей голове, — настаивал Дэйн.
 Снова наступила тишина. Через несколько секунд Бардиев объявил:
 — Я не предатель.
 — А я и не считаю вас предателем. Вопрос вообще не ставится так.
 — Если вы не считаете меня предателем, как вы осмеливаетесь предполагать, что я совершу поступок, который называется предательством?
 Бардиев задал вопрос серьезным тоном, глаза его заблестели.
 — Я рассуждаю следующим образом, — пояснил Дэйн. — Ваш покровитель в опале. Значит, в опасности и вы. Ваша политическая позиция считается неблагонадежной.
 — Временно.
 — Да, но ваше желание жить тоже временно. Зеттнер с друзьями, укрепив свои позиции, начнут капитальную чист-

ку. Лучшее, на что вы можете рассчитывать, — это двадцать лет лагерей.
 — Меня могут перевести на административную должность в какой-нибудь узбекский городок.
 — Это маловероятно.
 — Продолжайте, — предложил Бардиев.
 — Я не ставлю под сомнение ваш патриотизм. Как раз наоборот, именно на него я и рассчитываю. Кто из вас двоих, по вашему мнению, способен принести больше пользы своей стране — вы или Зеттнер?
 — По-моему, я.
 — Итак, вы решились.
 — Не торопитесь, — хмыкнул Бардиев. — Если кто-нибудь убьет Зеттнера, что выиграю я? Политический курс это не изменит.
 — Вы выиграете время, а не мне вам объяснять, как дорого оно ценится. Ветер может подуть и в другую сторону.
 — Но не для меня. Особенно когда начнут выяснять, почему я позволил улигнуть заключенному Дэйну.
 — А ему позвольте улигнуть не вы, а Зеттнер. В конце концов, операцией руководит он. Охранников подбирал тоже он, и он за все в ответе. Всякий его промах будет рассматриваться как тяжкий грех.
 — А какой промах допустил Зеттнер?
 — Его подвела гордыня. Он не приказал обыскать меня потщательней.
 — Да, это серьезный просчет, — подтвердил Бардиев с широкой улыбкой. — Что вам понадобится для побега?
 — Очень немного.
 — Шансы на успех все равно минимальны. Мы в тридцати километрах от Вены. Повсюду охрана, собаки, электрические провода.
 — Неважно.
 Бардиев поднялся и оглядел Дэйна.
 — Вы хоть понимаете, во что ввязываетесь? Я ведь могу оказаться опаснее всех зеттнеров на свете!
 — Не сомневаюсь. Но у меня будет больше шансов переиграть вас, если я останусь в живых.
 — Вы проиграете.

— Посмотрим. Пока же постараемся остаться в живых. И вы, и я.

— Да, это непереносимое условие, — подтвердил Бардиев.

Глава 18

Поздно вечером Зеттнер получил хорошее известие. Похититель вступил в контакт с одним из низших чиновников советской торговой делегации в Вене. По счастью, у чиновника имелись четкие инструкции на случай такого поворота дел. Действуя по заранее намеченному плану, он попросил немного времени, чтобы обговорить все вопросы с начальством, немедленно условившись с похитителем о следующей встрече. Потом он направился прямоком в родное посольство, откуда его и прислали к Зеттнеру.

Подвергнув соотечественника подробному допросу, Зеттнер понял, что дело усложняется. С чиновником разговаривал явно не сам похититель, а какой-то плохо держащийся на ногах здоровяк с туповатой багровой физиономией — вероятно, запойный пьяница. Судя по всему, мелкий венский рецидивист, которого похититель нанял в качестве посредника.

За документы запросили смехотворную сумму в пять тысяч долларов. Зеттнер немедленно согласился. С тем же успехом похититель мог потребовать миллион или миллиард; денег ему все равно не видать. Платить нет никакой необходимости, поскольку теперь не составит труда выйти на самого похитителя. Установив контакт с его импровизированной «организацией», Зеттнер получит документы без лишних затрат.

Зеттнер вообще никогда не бросал деньги на ветер. Но вопрос для него заключался даже не в пяти тысячах долларов. Провал первоначальной операции по захвату документов сильно подмочил репутацию Зеттнера. Теперь он мог вернуть себе доброе имя. Похититель, очевидно, чувствовал себя в безопасности; ему предстояло узнать, насколько иллюзорна эта уверенность. Следующее свидание назначили на завтрашнее утро, однако люди Зеттнера уже нашли посредника в кафе неподалеку от сквера Эстерхази. За ним установили на-

блюдение, но пока не трогали. Если он и в самом деле такой тупой, как кажется, вскоре они найдут человека, владеющего документами.

Все это Зеттнер изложил Бардиеву, попивая из стакана газированную воду. Они сидели в большой гостиной особняка. В порыве великодушия Зеттнер принялся рассказывать подробности, но был прерван собачьим лаем во дворе. В ту же секунду в комнату ворвался запыхавшийся охранник и доложил, что заключенного нет на месте.

Зеттнер среагировал немедленно. Он распорядился включить свет на всей территории и поднял всю охрану, приказав стрелять без предупреждения. После чего одним нажатием кнопки пустил по окружающей парк колючей проволоке ток. Затем вместе с Бардиевым отправился в комнату заключенного.

Дэйн бежал до смешного легко. Поставив диван на торцы, он взобрался по нему как по лестнице и непонятным инструментом вскрыл замок на слуховом окошке. Каким-то другим инструментом он умудрился вырезать стекло, затем выбрался на крышу. Здесь ударом кулака оглушил часового и соскользнул на землю, цепляясь за тонкую нейлоновую веревку, которая так и осталась привязанной к каминной трубе.

— Просто невероятно, — выдохнул Бардиев, когда они вернулись в гостиную. — Откуда он мог взять инструменты?

— Не понимаю, — пробормотал Зеттнер.

— Не мог же он хранить их при себе, — заявил Бардиев убежденно.

Зеттнер промолчал. Его бледная кожа слегка порозовела.

— Нет-нет, — продолжал рассуждать Бардиев, — это невозможно. Вы же, разумеется, приказали его обыскать?

— Все произошло так быстро. Мне показалось необязательным...

Лицо Бардиева выразило недоверчивое изумление.

— Вы не приказали его обыскать? О, дорогой мой Зеттнер!..

— Не имеет значения, — заявил Зеттнер. — С территории ему не выбраться.

— Но все же не обыскать такого опасного агента...

— Говорю вам, это не имеет значения. Меньше чем через час мы возьмем Дэйна.

— И кстати! Нет ли у него пистолета?

— Нет. Он бы воспользовался им раньше.

— Кто знает, на что способен этот человек? Полагаю, стоит готовиться к худшему...

Зеттнер поджал губы. Потом, поразмыслив, открыл ящик письменного стола и вытащил из него автоматический пистолет.

— Мне следует лично возглавить поиски. Вы пойдете?

— Разумеется, — ответил Бардиев. — Я ждал, пока вы будете готовы.

Кlaus знал, что ему не выбраться из порочного круга. Только спиртное в больших количествах оказывало на него хоть какое-то действие, а денег на покупку больших количеств чего бы то ни было у него давно не водилось. Даже сегодня вечером, ловко справившись с возложенной на него опасной миссией, он не мог себе позволить купить столько, чтобы надраться как следует. Они все же оказались не слишком щедры, этот маленький темнокожий и его женщина: дали как раз столько денег, чтобы немного затуманить мозги, но недостаточно для того, чтобы превратить мир в то радостное и веселое место, каким он должен быть по замыслу божьему.

Klaus заказал еще один стакан муската, грустно сознавая, что эта порция — последняя, потому как выпивку принесли бы, даже если бы он валялся на полу и блевал, но в кредит не отпустят ни грамма. И Карл еще один из лучших барменов в городе. У него можно посидеть серьезно и недорого. Карлу и всем его завсегдатаям совершенно наплевать, кто вы и что делаете. Даже иностранцы любят сюда заходить, как вот, например, эти трое в уголке. Пьют не переставая с самого прихода. Хлещут бутылочное пиво и почти не разговаривают. Чудные они люди, иностранцы.

Взять хотя бы того человека, который его нанял. Он пообещал Klausу две вещи: пятьсот американских долларов, если работа будет сделана на совесть, и неизбежную смерть,

если Klaus попытается выкинуть какой-нибудь фортель, например, бежать с полученными деньгами. За тобой следят убийцы, сказал он Klausу. Стоит тебе хоть в чем-нибудь ослушаться полученных приказов, расправа будет быстрой. Именно так и сказал Klausу тот иностранец — через посредство своей блондинистой подружки. А потом оба они пристально посмотрели на Klausа, наблюдая за его реакцией.

Ну и что, Klausа все это нисколько не смутило. Пятьсот американских долларов — хорошие деньги за сорок восемь часов работы посыльным. Так он им и сказал, и они, наверное, поверили. Во всяком случае, Klaus знал, что полученных приказов не ослушается. Этот маленький темнокожий иностранец, похоже, мог преследовать человека до самого края света, лишь бы отомстить.

Пятьсот долларов — кругленькая сумма. Klaus не станет умничать, а сразу отдаст деньги сестре. «Выдавай мне понемножку», — скажет он ей. Конечно, сестренка может и обжурить. Или, что еще хуже, заставит Klausа заняться коммерцией. Пожалуй, лучше все же положить деньги в банк.

Он принялся мечтать перед пустым стаканом. Представлял себе специальную таверну, отведенную для таких пьяниц, как он. Тамошние кристально честные служащие будут распоряжаться деньгами пьяниц и оказывать им неограниченный кредит. Светлый такой, приятный домик, а цены еще ниже, чем у Карла. Специально для клиентов там оборудуют бесплатные номера. На самом деле оттуда вообще не придется выходить. Таверна станет заботиться о пьяницах и оберегать их от бессердечных и вечно трезвых шакалов, которые обогащаются за счет других людей.

Карл, бармен, похлопал Klausа по плечу и вопросительно взглянул на пустой стакан. Карл всегда знал в точности, сколько денег у человека в кармане.

— Вернешься завтра, когда появятся деньги!

Вежливо попрощавшись с Карлом, Klaus вышел из бара. Иностранцы тоже засобирались. Они успели выйти на улицу до него. Оказавшись снаружи, один из них махнул рукой своим товарищам и перешел на противоположную сторону — вероятно, в поисках заведения с девочками.

Klaus брел, пошатываясь и оступаясь. Он погрузился в

пьяное полузабытье, мечтая о деньгах, которые скоро получит, и о том, как поместит пятьсот долларов в безопасное место, при этом сохранив их в пределах досягаемости. Вскоре он оказался на Аргентиниерштрассе, а еще через десять минут добрал до места назначения. Белокурая женщина ждала его на втором этаже ветхого домика.

— Я встретился с советским чиновником, — объявил Клаус. — Он согласен дать то, что вы просите.

— Вас никто не проследил?

— Конечно, нет.

— Вы уверены?

— Дамочка, я же говорил, что ни один человек во всей Вене не сможет выследить меня, если я этого сам не захочу.

Но женщина продолжала смотреть на него с осторожностью, едва ли не подозрительно. Клаус немного смутился и вдруг почувствовал что-то похожее на раздражение. Он сказал правду. Много лет назад, когда он торговал на черном рынке, полиция частенько приставляла к нему шпики. Но до его поставщиков так и не добралась. Конечно, все это было очень давно, еще во времена оккупации. Но разве Клаус потерял былую сноровку?

Блондинка тем временем немного повеселела.

— Отлично, — сказала она. — Похоже, все идет как надо. Сюда вы придете завтра утром, а к полудню отправитесь на встречу с русскими.

— Договорились.

— И постарайтесь не слишком напиваться. Завтра очень важный день.

— Капли в рот не возьму, клянусь, — заверил Клаус. — Прямо отсюда пойду домой.

— И вернетесь завтра в девять часов.

— Зачем так рано? Свидание назначено на двенадцать.

— В девять часов, — твердо повторила блондинка. — Возможно, планы придется менять на ходу.

— Хорошо.

— А когда все закончится, получите пять сотен долларов.

Клаус кивнул. Он вдруг вспомнил о тех иностранцах из бара. Полицейские они, что ли? Нет, это вряд ли. Иначе бы его давно арестовали. С женщиной своими опасениями он

предпочел не делиться. Если ей станет известно, что Клаус повел себя неосмотрительно, может, ему никогда не видать пяти сотен американских долларов. К тому же не его это вина. Ей не следовало выдавать ему деньги вперед.

Блондинка подошла к окну и осмотрела улицу через щель между шторами.

— Кажется, никого нет.

— Ну, естественно! — сказал Клаус.

Он был в безопасности; иностранцы, очевидно, пошли своей дорогой.

Дэйн удалялся от дома быстро и бесшумно — тень, скользкая в тени. Внезапно включились прожекторы. Но там, куда не достигали их слепящие лучи, тьма казалась еще непрогляднее. И Дэйн не преминул этим воспользоваться. За спиной послышался собачий лай и тяжелый топот: охранники высыпали в парк и растворились в темноте. Метрах в пятидесяти от виллы начиналась роша; немного дальше виднелись заграждения из колючей проволоки.

Дэйн уже почти добежал до роши, когда появился первый доberman. Беглец остановился, целясь из «беретты», переданной ему Бардиевым. Но потом передумал и засунул пистолет за пояс. Выстрелы неминуемо привлекут внимание охранников. И тогда ему ни за что не добраться до проволоки.

Собака бросилась на него — черный силуэт на сером фоне. Дэйн укрылся за стволом дерева, не давая зверю возможности разбежаться как следует. Когда-то давно его учили обороняться от полицейских псов. Теперь оставалось надеяться, что эта наука не выветрилась из памяти. Доберман обогнул дерево и прыгнул. Прислонившись спиной к стволу, Дэйн одновременно выбросил вперед обе ноги. От страшного удара взвизывая в воздух бестия камнем рухнула на землю. Дэйн немедленно бросился на пса, схватил его за задние и передние лапы и сломал позвоночник о колено. Потом перебросил труп через плечо и побежал к роше. По руке Дэйна стекала кровь, и второму доbermanу оставалось только идти по следу.

Собака — на сей раз сука — настигла Дэйна почти сразу

же. Она была мельче самца и намного быстрее. В лунном свете псина выглядела тонкой зловещей стрелой, скользящей над самой землей. Дэйн швырнул труп самца прямо перед ней. На долю секунды собака замешкалась: Дэйну хватило этого мгновения, чтобы оглушить ее рукояткой пистолета. Второй удар по затылку добермана прикончил его.

Дэйн снова бросился бежать, на сей раз отягощенный двумя трупами. Схватка с собаками не прошла незамеченной — впрочем, на это рассчитывать и не приходилось. Лучи прожекторов рыскали в темноте прямо за его спиной. Где-то в роще перекрикивались охранники. Но Дэйн как мог быстро продвигался вперед и вскоре достиг высокой ограды, окружавшей виллу.

Электрифицированные провода негромко гудели в темноте. Ограда высотой около трех метров состояла из шести рядов колючей проволоки с керамическими изоляторами, расположенными на равном удалении друг от друга. Освещенная призрачным лунным светом колючая проволока, казалось, давно поджидала Дэйна. Шаги охранников за спиной приближались.

Дэйн наугад выстрелил в темноту. Потом засунул «берету» за пояс, ухватил труп одной из собак и швырнул его на верхний ряд проволоки. Труп животного повис, зацепившись за шипы. Посыпались искры; в воздухе разнесся удушливый запах горелого мяса.

Дэйн разбежался, прыгнул и, цепляясь за труп собаки, перелез через проволоку. Он тяжело рухнул на землю, больно ударившись плечом, и некоторое время лежал неподвижно, массируя ушибленную руку.

По ту сторону ограды из парка бежали люди. Они заметили голубоватое свечение и сноп искр и теперь рассчитывали увидеть мертвого беглеца, дотлевающего на колючей проволоке. Дэйн вытащил пистолет и стал ждать. Лучи прожекторов, скользящие вдоль ограды, вскоре высветили обгорелый труп добермана. Луна на секунду вынырнула из-за туч, и Дэйн увидел лицо Зеттнера. Взяв пистолет обеими руками, Дэйн выстрелил. И тут же понял, что промахнулся. Автоматная очередь взрыла землю совсем рядом. Дэйн отполз назад и

притаился за небольшим холмиком, дожидаясь, пока над головой перестанут свистеть пули.

Он уже почти собрался вернуться к ограде и предпринять новую попытку прикончить Зеттнера, но в последний момент решил не рисковать. События развивались так стремительно, что возможность сдержать данное Бардиеву обещание наверняка представится еще не раз. И все же, пробираясь через поле к грунтовой дороге, Дэйн чувствовал себя немного виноватым.

Глава 19

Растянувшись на кровати, сплетя пальцы на затылке, Карлос внимательно рассматривал облупившийся потолок. Тело Карлоса отдыхало, потому что он принудил его к этому, но на душе было беспокойно. Кажется, провал близок. Продать секреты никак не получается. А первоначальный план выглядел таким простым и надежным. Он бы и теперь не смог придумать ничего лучшего. Под давлением обстоятельств, вынудивших Карлоса импровизировать, план пришлось менять на ходу. Теперь Карлос понимал, почему большинство людей никогда не становятся богатыми: чтобы разбогатеть, надо проделать слишком много ужасных вещей.

— Уже почти полдень, — подала голос Анна.

— Знаю.

— А Клауса до сих пор нет.

— И это знаю.

Анна в три шага пересекла комнату и уселась на кровать к Карлосу. Ее лицо оставалось спокойным, но Карлос прекрасно знал, что она боится. Уж в этом-то он разбирался. Ему часто приходилось видеть, как люди боятся, он видел людей, которых ужас парализовал так же внезапно, как приступ лихорадки. Существует много типов и разновидностей страха, но Анна испытывала наихудший из всех. Такой страх зарождается в человеке еще до того, как что-то в действительности начинает ему угрожать, и исчезает, только уничтожив у жертвы всякую способность к сопротивлению. Страх Анны раздражал Карлоса. Он боялся, что и сам заразится им.

Карлос вскочил с кровати.

— Клаус не идет. Придется отправляться самому.

Анна яростно замотала головой.

— И все же другого выхода нет. Не стоило нам связываться с Клаусом, не стоило. Пьяницам нельзя доверять. Наверное, где-нибудь уснул.

— А может, он испугался?

— Заткнись, — цыкнул Карлос.

Он наклонился и вытянул из-под матраса дешевенькую папку, которую купил накануне. Анна протянула руку и сжала его запястье с поразительной силой.

— Не ходи, — прошептала она.

Карлос осторожно попытался высвободиться.

— Надо идти.

— Подожди еще четверть часика.

— Он не придет.

— Тогда и ты не ходи. Не сегодня. Потом что-нибудь придумаем.

— Нет. Нам не хватит денег, чтобы начать все по новой.

— Тогда укради.

Немного опешив, Карлос пристально посмотрел на подругу.

— Ты вроде не хотела, чтобы я воровал?

— Мне все равно, что ты делаешь. Лишь бы был жив.

Он раздраженно тряхнул головой. Такие вещи могут говорить только женщины. Мужчина бы постыдился.

Карлос грубо выдернул руку.

— Ты уходишь?

Он кивнул.

— Дай я тебя поцелую.

Карлос отрицательно покачал головой. Целоваться перед делом нельзя — это приносит несчастье. Он взял Анну за плечи и с улыбкой обнял. Секунду спустя женщина улыбнулась в ответ. Карлос с приязнью осмотрел комнату. Странное дело, он чувствовал себя здесь как дома.

— Вернусь через час. Не переживай.

Очутившись снаружи, на залитой солнцем улице, он обрел уверенность в своих силах, сомнения исчезли, остались в убогой квартирке на втором этаже... Но увидеть Клауса все

равно бы не помешало. Вряд ли человек может напиться или струхнуть до такой степени, чтобы отказаться от пяти сотен долларов за один час работы.

В дверь негромко постучали. Сюзан Беллоуз открыла и увидела на пороге улыбающегося Дэйна. Первым чувством женщины было невероятное облегчение. Живой!.. Она не верила своим глазам. Сюзан почти свыклась с мыслью о том, что Дэйн погиб на этом жутком Восточном вокзале, населенном призраками! Но вот он сидит рядом, разговаривает и пьет скотч с содовой.

Дэйн рассказывал о своем побеге, а Сюзан со странным чувством рассматривала его подвижное лицо, выглядевшее таким юным. На детали рассказа она внимания не обращала, точно так же, как не обращала внимания на болтовню бывшего мужа Чарльза о войне. Такие темы интересны только мужчинам. Видимо, разговоры о перестрелках и мифических побегах позволяют им чувствовать себя более мужественными. Хотя, видит бог, Чарльзу и Столетней войны для этого мало!

Сюзан смотрела на Дэйна с демонстративным равнодушием. Его губы шевелились, руки жестикулировали. Она чувствовала материнскую нежность к этому человеку. И, довольная собой, попыталась оценить его анатомически бесстрастным взглядом.

Она увидела тридцатилетнего американца приятной наружности, худощавого, в сексуальном плане привлекательного, но с некоторых точек зрения удивительно нестабильного. Дэйн, например, никогда не говорил с ней о музыке или литературе — очевидно, искусство его не интересовало. Казалось, ни семьи, ни друзей у него нет. Будто его дом — везде и нигде одновременно. Возможно, это было связано со странным качеством некоторых мужчин с головой уходить в работу и забывать обо всем остальном... Взять, например, ее бывшего мужа. Чарльз и в самом деле не мог думать ни о чем, кроме физики. Даже по ночам ему снились элементарные частицы и силовые линии.

Наверное, что-то отразилось на лице Сюзан, и Дэйн поинтересовался, все ли с ней в порядке.

— Все отлично. Еще виски?

— Не сейчас.

— Что ты намерен предпринять?

— Мне по-прежнему нужен похититель.

— А как же русские друзья?

— Они, вероятно, где-то неподалеку.

— И все так же хотят убить тебя?

Дэйн кивнул.

— Ребячество все это! — вдруг воскликнула Сюзан. — Прямо как дети, играете в войну!

— Ты в самом деле так полагаешь?

— Конечно.

У Сюзан внезапно возникло неприятное чувство, что она рассуждает о вещах, в которых ничего не смыслит.

— А почему ты пришла к такому выводу?

— Да посмотри на себя со стороны! Бегаешь через всю Европу, становишься попеременно то дичью, то охотником, на ходу стреляешь и прячешься от пуль! Просто водевиль какой-то!

— А что я, по-твоему, должен делать?

— Что-нибудь более разумное!

— В каком смысле?

— Меня это не касается. Разбирайся сам.

— Если бы я мог придумать лучший способ для достижения цели, поверь, я не преминул бы им воспользоваться.

— Да неужели? Без какого-нибудь жуткого револьвера ты вообще не знал бы, куда деться! — Сюзан с ужасом прислушивалась к звукам собственного голоса, сознавая, что ведет себя как неразумное дитя. Но остановиться уже не могла. — Без этого вашего шпионского снаряжения ты чувствовал бы себя совершенно голым!

— Вовсе нет. С чего ты взяла?

— Ладно! Проехали, — устало бросила Сюзан.

— Поговорим об этом позже. Пока необходимо отыскать похитителя.

— Это твое дело, но уж никак не мое.

Дэйн вопросительно взглянул на женщину. И тут Сюзан

с радостью поняла, что сумела наконец изумить его. В первый раз за все это время Дэйн, похоже, потерял уверенность в себе.

— Что ты хочешь сказать?

— Что с меня довольно! Что мне до смерти надоели эти безумные гонки за таинственными документами! Что все это слишком глупо...

— Заставить тебя я не могу...

— Конечно, не можешь. — Теперь Сюзан ненавидела Дэйна: он говорил именно то, чего говорить не следовало. — Я отправляюсь на юг, в Италию или в Грецию. Соскучилась по солнцу.

Дэйн наклонил голову.

— Ты согласишься дать показания, если мы поймем этого типа?

— Да, полагаю.

Все было сказано. Дэйн опорожнил свой стакан и ушел, пожелав Сюзан счастливого пути. Она злилась на американца за полное отсутствие интуиции — и на саму себя за идиотскую привычку разрушать все, чем хочется обладать. Как это началось? Почему она так поступила? Еще одна загадка для нью-йоркского психоаналитика!

Был уже полдень. Дэйн остановил такси и поехал в новое здание на Шварценбергплатц, где располагался штаб разведывательных служб. Здесь его уже поджидал специальный агент по фамилии Хэйнс. Он предоставил Дэйну в распоряжение все новейшие данные о похитителе, тщательно выверенные и классифицированные по датам и версиям. Дэйн скинул куртку и принялся за работу.

Утрата американских планов в большей или меньшей степени затрагивала интересы всех стран НАТО; посему каждая из них выделила своих людей для расследования дела. Рапорты этих агентов часто выглядели довольно живописно, но не содержали никаких существенных деталей. Слухи касательно пребывания похитителя в Бейруте, Риме и Афинах тщательно проверили службы ЦРУ. До сих пор не подтвердился ни один из них. Второе управление ЦРУ вместе с французскими и западногерманскими коллегами шло теперь по новому следу: похитителя якобы видели и даже ранили в

Стамбуле. Результаты расследования еще не поступили, но перспективы все равно не обнадеживали. В рапорте британского агента утверждалось, что человека, подходящего под описание похитителя, засекли в Гонконге. Эту версию сразу отвергли как маловероятную. Предприняли попытку следить за советскими агентами в Вене, но ничего не вышло — в австрийской столице слишком много советских и западных агентов знали друг друга в лицо.

Около часа Дэйн внимательно изучал эту аккуратную подшитую коллекцию надежд, мечтаний и гипотез, а потом вернул ее Хэйну. И уже совсем собрался уходить, когда сообщили, что полковник Нестер из Второго управления вызывает его к себе.

Нестер выглядел унылым, едва ли не подавленным. Памятуя о последнем разговоре с ним, Дэйн поинтересовался, связывался ли полковник с Вашингтоном.

— Связывался, — ответил Нестер. — Должен заметить, не для того, чтобы жаловаться на вас. Просто хотел получить более четкие инструкции.

— И как, получили?

— Мне приказано во что бы то ни стало вернуть документы. Их необходимо отыскать. Мне также приказано во всем сотрудничать с вами.

— Весьма любезно с их стороны.

— У вас влиятельные друзья в Вашингтоне, — сумрачно заметил Нестер. — Жаль, что я не могу похвалиться такими связями. Но проблема не в этом. Вашингтон заявляет, что чертовы документы необходимо вернуть любым способом. Там, кажется, не отдают себе отчета в том, что все не так легко, как кажется со стороны.

Дэйн кивнул, про себя отметив, что присутствует при метаморфозе бравого вояки в осторожного чиновника разведслужбы.

— Есть у вас какие-нибудь предложения? — осведомился Нестер.

— Никаких.

— У меня тоже. Пусть меня повесят, если я знаю, что делать!

— Ждать. Пока ничего другого не остается.

— Полагаю, вы правы, — неуверенно согласился Нестер.

Он встал и принялся неторопливо мерить комнату шагами. — Дэйн, вы ведь служили в армии?

— В управлении стратегических служб.

— Ну, все равно армейское подразделение... — Нестер вышагивал по комнате, задумчиво покусывая нижнюю губу. — Знаете, пожалуй, когда это дело закончится, я попрошу перевода в пехотные войска.

— Почему?

— Мне иногда кажется, что я здесь не на своем месте.

— Полагаю, вы ошибаетесь.

Полковник Нестер остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Вы хотите находиться там, где сражаются. А в наше время самые жаркие битвы происходят именно на тайном фронте.

Нестер поразмыслил, потом вздохнул:

— Это совершенно точно. Но я верил, что смогу хорошо поработать во Втором управлении: провести реорганизацию, дать новый импульс... Честно говоря, теперь прямо и не знаю...

— Все это необходимо, — согласился Дэйн. — Только без терпения и гибкости не обойтись.

— Вот это уж не мои сильные стороны.

— Почему вы так уверены? Ваше начальство, очевидно, все взвесило, прежде чем доверить вам этот пост.

Тут Нестер впервые за все время ухмыльнулся.

— Дэйн, как же вы плохо знаете армию!.. Впрочем, поживем — увидим. Чем намерены заняться?

— Вернусь в гостиницу и стану ждать дальнейшего развития событий.

Полковник Нестер не рассвирепел — верный признак хорошей способности к адаптации.

— М-да, — буркнул он, немного помолчав. — Вероятно, это лучшее, что можно сделать.

Глава 20

Пройдя по Вольфишгассе, Карлос остановился у Оперы, крепко прижав к телу картонную папку. Неподалеку притормозил туристический автобус. Высокий худой человек с пе-

чальными глазами что-то объяснял группе иностранцев. Обогнув экскурсантов, Карлос подошел к светящейся пасти, изрыгающей людей на большую механическую лестницу. Табличка над входом гласила: «Опернпассаж». Карлос спустился вниз и внимательно осмотрелся по сторонам.

Это место для встречи он выбрал сам: шесть выходов и огромный круглый ресторан в самом центре. Вдоль стен — куча киосков и лотков. Такое впечатление, что здесь всегда полно народу. Довольно плохо зная Вену, Карлос решил, что лучше и надежнее места для встречи не найти.

Карлос обошел вокруг ресторана, отражаясь в его огромных, почти полностью зеркальных стенах. Теперь он уже жалел, что не назначил встречу снаружи, на свежем воздухе, в каком-нибудь парке, например. Хотя это могло оказаться опасным. Лучше все-таки переговорить о деле здесь, в подземном сооружении, где всегда толчется столько народа, что почти не продохнуть. А закончив с делами, Карлос всю жизнь сможет дышать своим собственным воздухом на своей земле.

Человек, с которым предстояло встретиться, уже пришел — сидел за маленьким столиком в ресторане, с белой гвоздикой в петлице, как и договаривались. Молодой, красивый, с бледной кожей, правильными чертами лица и темным галстуком, он походил на служащего похоронного бюро. Рядом с ним за столиком сидел еще один человек — пожилой мужчина с круглым добродушным лицом. О том, что русских будет двое, тоже условились заранее. Пожилой держал в руках небольшую дорожную сумку. Пока все шло нормально, если не считать исчезновения проклятого пьяницы Клауса.

Карлос оглядел соседние столики. Двое совсем молодых парней и одна девушка о чем-то болтали, смакуя кофе. Сразу за ними сидел бородатый парень с рюкзаком за плечами. Он, казалось, задремал перед кружкой с пивом. С другой стороны сидели еще двое, оба читали газеты. Один походил на шофера грузовика. Второй — хорошо одетый человек в летах — держал на коленях зонтик.

Все выглядело вполне нормальным. Карлос вошел в ресторан и сел напротив человека с белой гвоздикой.

— Здесь не занято? — спросил Карлос.

— В ближайшие полчаса нет, — ответили ему.

Все точно. Анна рассказала Карлосу о системе паролей, и он решил, что без паролей никак не обойтись. Впрочем, он и без того знал, что не ошибся.

Подошла официантка, и русские заказали кофе. Карлос последовал их примеру. Он с удивлением заметил, что сердце у него едва не выскакивает из груди. Его соседи сохраняли спокойный и немного печальный вид, как и подобает представителям великой державы. Вероятно, им часто приходится покупать секреты, так что для них это дело вполне обычное!

У Карлоса крепла уверенность, что все пройдет гладко. Серьезные люди либо дают согласие, либо сразу отказываются. Эти русские наверняка слишком высокопоставленные чины, чтобы пытаться украсть у него документы. Но если они все же попытаются, пусть пеняют на себя...

— Вы принесли документы? — спросил молодой с гвоздикой.

Карлос наклонил голову.

— Деньги? — поинтересовался он в свою очередь.

— Вот здесь.

Пожилой человек похлопал по дорожной сумке. Карлос сразу же решил, что этот тип ему не нравится. Он явно не воспринимал происходящее всерьез, в отличие от своего коллеги с белой гвоздикой.

— Проводим обмен?

— Да, — выдохнул Карлос.

Он протянул свою папку для бумаг через стол, получил взамен дорожную сумку. И немедленно открыл ее. Внутри оказался ворох газетных обрезков.

Молодой человек с гвоздикой бросал на Карлоса яростные взгляды. Раскрыв папку и убедившись, что, кроме листов белой бумаги, внутри ничего нет, он положил ее на стол. Его коллега широко улыбался.

— Что это значит? — спросил молодой человек с искренним негодованием.

Карлос пожал плечами:

— Я не принес документы, вы не принесли деньги.

Молодой человек попытался совладать с собой:

— Казалось бы, вполне очевидно, что мы должны по-

смотреть документы, прежде чем заплатить за них. Что помещает вам бежать с деньгами, ничего не оставив взамен?

— Да, об этом я и сам размышлял, — грустно признался Карлос.

Теперь он уповал только на чудо. Как же сложно обделывать дела, когда никто никому не доверяет!

— Деньги у моего друга при себе. Мы по-прежнему готовы вам заплатить. Где документы?

Карлос широко улыбнулся:

— В надежном месте.

— Они при вас?

— Нет, конечно. Заплатите, и я принесу вам бумаги.

Молодой человек покачал головой:

— Почему мы должны вам верить?

— Другого выхода нет, — сказал Карлос. — Вы — представители могущественной державы. У вас много солдат, много связей в разных частях света. А у меня есть только я. Так что, если хотите получить бумаги, придется вам мне поверить. Обещаю, что как только вы заплатите...

Карлос вслед за молодым человеком опустил глаза. И увидел, что пожилой мужчина, не переставая улыбаться, положил на колени маленький пистолет. Ствол оружия выглядел как-то странно.

— Это глушитель, — пояснил молодой. — Так что давайте без глупостей. Мы готовы стрелять.

Карлос посмотрел на улыбающегося человека. Да, он явно был готов стрелять.

— Раздастся тихий шелчок, — продолжал молодой. — Вы почувствуете боль в животе и согнетесь пополам. А мы, ваши заботливые друзья, поможем вам выйти из ресторана. Видите, как все просто?

— Да, — отозвался Карлос.

— Так вы скажете, где спрятаны документы?

— А если скажу, вы заплатите?

— Разумеется.

Карлос прекрасно понимал, что это ложь. Он обреченно тряхнул головой.

— Выходит, придется довериться вам.

— Где документы?

— Я вас отведу.

Это предложение как будто не понравилось человеку с пистолетом. Он собрался что-то сказать, но его спутник отрицательно покачал головой. Они встали из-за стола. Пожилой мужчина прикрыл пистолет складками плаща, молодой с гвоздикой расплатился, и троица направилась к выходу. Не успели они дойти до двери, как внезапно проснулся бородач с рюкзаком.

Карлос вдруг остановился:

— Я забыл папку.

— Она вам не понадобится.

— Понадобится. Без нее я не смогу найти то место, где спрятал бумаги.

Пока они размышляли, Карлос развернулся, подошел к столику и забрал свою папку.

— Спасибо, — сказал он.

Нож, спрятанный в рукаве, скользнул ему в ладонь. Карлос с разворота бросил его в человека с пистолетом, целясь в сердце.

Но русский проявил чудеса ловкости. Он отпрыгнул в сторону еще до того, как Карлос успел разогнуться после броска. Нож угодил мужчине в самую середину левого плеча, слишком высоко, чтобы серьезно ранить. Карлос пронесся мимо людей, застывших у выхода из ресторана, и побежал к ближайшему эскалатору. Где-то позади истошно завопила женщина. Но Карлос уже добрался до верха металлической лестницы и вскоре растворился в толпе на Опернринг.

Полицейский прибыл на место преступления со всей возможной поспешностью. По счастью, он успел вовремя, потому как иностранцы, с каким-то болезненным упорством старавшиеся не привлекать к себе внимания, едва не ушли из ресторана. Сначала они даже не хотели подавать жалобу. Но, как объяснил им патрульный, покушение на убийство среди бела дня в самом центре Вены — слишком серьезное дело, чтобы так просто о нем забыть. Человек, способный на подобные поступки, очевидно, чрезвычайно опасен. Так что в

интересах общественности необходимо тщательно записать показания всех присутствовавших при инциденте.

Иностранцы — русские, как выяснил полицейский, — немедленно согласились с его точкой зрения. Но, возможно, в России дела такого рода решаются как-то по-другому, поскольку они во что бы то ни стало хотели ограничиться кратким заявлением и отправиться по своим делам. Естественно, так просто уйти им не удалось.

Патрульный приступил к делу с неторопливой тщательностью. Он записал имена и адреса русских, внимательно изучил их документы и только после этого попросил рассказать о случившемся.

Заговорил тот, что постарше, мистер Бардиев. Прижимая к плечу окровавленный платок, он рассказал о том, что некий человек попросил разрешения занять свободное место за их столиком. Они согласились. Человек уселся и почти сразу же стал к ним приставать.

— Без всяких поводов? — спросил полицейский.

— Совершенно! — ответил Бардиев. — По-моему, у него не все в порядке с головой. Он начал спорить о политике.

— А затем?

— Мы собрались уходить. О политике нам разговаривать не хотелось... Этот тип пробормотал несколько ругательств. А потом неожиданно бросил нож.

Бардиев протянул полицейскому кинжал с костяной ручкой.

— Вам не следовало его трогать, мистер, — заметил полицейский. — Может, мы нашли бы отпечатки пальцев на ручке.

— Простите, но я не слишком уверенно себя чувствовал с этой штуковиной в плече.

— О, разумеется! Приношу свои извинения. — Полицейский быстро нацарапал что-то у себя в блокноте. — Не трудитесь ли описать внешность преступника?

— Среднего роста, темноволосый, загорелый. Усы...

— Нет, никаких усов, — вмешалась американка из толпы зевак. Сжимая обеими руками сумочку, она возбужденно подалась вперед. — Я все-все видела, это я закричала!

— Вы разглядели лицо этого человека?

— Безусловно. Он едва не сбил меня с ног.

— Ну и как же он выглядел?

— Безусый, маленького роста...

— Глупо, — процедил Зеттнер. — Мы сидели за одним столом с этим типом. Он носит усы.

— Нет, не носит! — настаивала женщина.

Из толпы вышел молодой человек с рюкзаком за плечами.

— Я его тоже видел. Я сидел за соседним столиком.

— Были у него усы?

— О, конечно! И я бы сказал, что он гораздо выше среднего роста.

— Да вы, наверное, плохо его рассмотрели, — пробормотала женщина.

— Еще свидетели есть? — спросил полицейский.

Никто не отозвался. Старый господин с аккуратно свернутым зонтиком кашлянул, но промолчал.

— Отлично, — сказал полицейский. — Вы четверо сейчас отправитесь со мной в участок, где сделаете подробное заявление.

Женщина негодуяше воскликнула:

— Но я уже сделала свое заявление!

— Вот именно, — поддержал ее Бардиев. — Нам и в самом деле нечего добавить к сказанному.

— Сожалею, но таков закон, — сообщил патрульный. — Необходимо иметь официально заверенное и застенографированное заявление, подписанное всеми свидетелями. Послушайте, вы же не хотите, в конце концов, чтобы этот опасный тип разгуливал на свободе?

— Конечно же, нет, — подтвердил Бардиев. — Как только мне сделают перевязку, мы обязательно зайдем в участок.

— Вам придется доверить свою рану заботам полицейского врача.

— Зачем? У нас в посольстве прекрасный врач.

— Но ваше посольство довольно далеко, а полицейский участок всего в ста метрах.

— Господин полицейский, — вмешался Зеттнер, — я приеду в участок через два часа. Но прежде мне нужно закончить одно крайне важное дело.

— Мне тоже, — сообщил человек с рюкзаком.

Полицейский помотал головой. Он давно привык к такому поведению свидетелей.

— Нет. В участок придется проследовать немедленно. Это отнимет у вас не больше часа.

— Часа вполне хватит, чтобы расстроить мои планы, — озабоченно пробормотал Зеттнер, обращаясь как будто к самому себе.

В зал вошли еще трое полицейских.

— Полагаю, все как-нибудь уладится, — вздохнул Бардиев, смирясь с неизбежным. — И вообще было бы странно, если бы мы отказались от официального заявления.

— Совершенно верно, — согласился полицейский. — К тому же не исключено, что мы управимся и быстрее, чем за час.

С этими словами он повел четверых свидетелей к выходу. Пожилой господин с зонтиком несколько секунд смотрел вслед процессии, потом направился в противоположную сторону. Толпа начала расходиться.

Глава 21

Почти сразу же с обеих сторон Опернринг послышалось завывание полицейских сирен. Карлос замедлил шаг, сиюсь принять вид беспечного зеваки. Метрах в семи перед ним, у выхода из Опернпассажа, показался полицейский и направился в его сторону, вглядываясь в лица прохожих. Карлос повернул назад. И едва не столкнулся с пожилым господином, который держал в руке зонтик и, казалось, высматривал кого-то в толпе. Отойдя от него подальше, Карлос смешался с группой туристов, которые столпились у входа в Оперу и вникали своему гиду.

— Это здание построено в 1778 году, в самом конце правления императрицы Марии-Терезии...

Экскурсию вела коренастая женщина средних лет со строгим желтоватым лицом, в туфлях на платформе и с потрепанной шляпкой на голове. Туристы принялись шелкать фотоаппаратами. «Роллексы» и «лейки» сверкали линзами в

лучах показавшегося из-за туч солнца. Карлос протиснулся поближе к центру группы.

Рядом с ним оказался мужчина в велюровой куртке с рубчиками. Два фотоаппарата, висающие на шее, и аккуратно подстриженные усики выдавали в нем американца. Его сопровождала жена — симпатичное существо с мягким безвольным лицом, — которая неотрывно смотрела на здание Оперы, время от времени хлопая глазами под толстыми стеклами очков.

— Ну и что вы об этом думаете? — спросил мужчина у Карлоса.

— Очень красиво, — ответил тот.

— Вам не нравится?

— Да я не особенно разбираюсь.

— А я вот разбираюсь, — раздраженно заявил мужчина. — И могу вас заверить, что эту дрянь даже не стоит фотографировать!

— Минуточку, дамы и господа! — завопила женщина-гид. — Прошу вашего внимания!

Все подняли головы.

— Сожалею, но к нашей группе присоединились несколько посторонних. Я вынуждена попросить их удалиться.

Карлос не шевельнулся. Через несколько секунд двое мужчин и женщина отошли в сторону.

— Спасибо, — сказала гид. — Я настаивала на этом только потому, что членам нашей группы не всегда хорошо слышно из-за толчеи. Вы мне заплатили, вы и имеете право меня слушать. Теперь мы вернемся в автобус. Следующую остановку сделаем у собора Святого Этьена.

Карлос вместе с остальными двинулся к автобусу. Встав у самых дверей, гид наблюдала за тем, как туристы поднимаются по ступенькам. С замиранием сердца Карлос прошел мимо нее. Он поднимался последним, а в автобусе еще оставались пустыми больше половины мест. Гид не обратила на Карлоса никакого внимания. Она взяла предложенную шофером сигарету и о чем-то заговорила с ним по-немецки.

— Вовсю старается, лишь бы доказать, что мы не напрасно потратили деньги, — заметил мужчина в куртке с рубчиками.

— Да уж, — промямлил Карлос.

— А вы из какой части Южной Америки? — спросил мужчина на правильном испанском.

Автобус тронулся.

— Из Боливии.

— Так я и думал! — воскликнул мужчина и торжествующе толкнул свою жену локтем. — Я ведь тебе сказал: Боливия или Перу. Такой акцент.

— Вы что, специалист по языкам? — поинтересовался Карлос.

— Ну уж нет! Я инженер. Просто три года провел в Южной Америке. Мне довольно тяжело давался испанский, не говоря уже о диалектах...

— А я довольно долго жил в Африке, — произнес Карлос, не зная, что сказать.

— Вот как? В какой части? Я и сам там жил некоторое время.

Карлос почувствовал, что пол уплывает из-под ног.

— Занзибар, — бросил он наугад.

— Никогда не бывал на востоке континента, — признался инженер. — Ну и как страна?

— Жарко. И грязно.

— Да, — грустно согласился инженер. — Так я и думал.

С этими словами он откинулся на спинку кресла. Гид перечисляла памятники, встречавшиеся по дороге. Карлос смотрел по сторонам, пытаясь понять, в каком направлении движется автобус. Позже ему представилась возможность посмотреть на карту Вены, где инженер-американец отметил все точки экскурсии. Маршрут вполне устраивал Карлоса. Он попросается с группой на Мариахилф, то есть всего лишь в нескольких сотнях метров от нужного ему места. Закончив с делами, подастся на юго-восток, в сторону Турции. Удалось же ему убежать от русских, американцев и австрийцев в первые часы опасности. Теперь Карлос был убежден, что, если принимать определенные меры предосторожности, его никогда не найдут. Жизнь снова начинала казаться прекрасной.

У Сюзан Беллоуз были друзья повсюду, но, как назло, все венские знакомые сейчас находились в разъездах. Однако Сюзан знала, куда пойти, чтобы обзавестись новыми друзья-

ми. В баре по соседству с конторой «Америкэн Экспресс» она разговорилась с любезным, хотя и несколько вялым американцем по имени Джеймс Блэйк. Блэйк торговал антиквариатом и в очередной раз прочесывал Европу, но на сей раз нашел мало стоящих вещей. По-настоящему красивая мебель исчезла с рынка уже несколько лет назад, да и картины попадаются гораздо реже. В лучшем случае осталась куча второсортного барахла, интересного с коммерческой, но не с эстетической точки зрения.

Блэйк оказался весьма посредственным собеседником, но все же помог Сюзан скоротать несколько часов. Они вышли из бара и неторопливо направились по дороге к собору. Блэйк рассказывал о встречающихся по пути памятниках архитектуры с видом человека, проходящего мимо стеллажей в супермаркете. Он порядком устал от Вены, а американское посольство почему-то отказало ему в венгерской визе.

— А это что такое? — осведомилась Сюзан.

— Святой Этьен. Витражи считаются одними из лучших в Европе.

Они прошли мимо туристических групп, толпившихся у входа в собор. Сюзан угнетал вид этих бестолковых людей, тшщащихся узнать хоть понемножечку, но обо всем. Впрочем, чем еще здесь заниматься? Осматривать памятники — отвратительное времяпровождение, но именно для этого и существует Европа. Вот вам неизбежная дань уважения к «культурным традициям»: таскайся, не жалея сил, по бесконечным коридорам Прадо, Лувра, Королевской академии, тусклым взором обводя картины на стенах... Куда как интереснее общаться с местными жителями! С другой стороны, зачем, черт возьми, с ними общаться?! Здешние горожане еще хуже, чем их культура! Маленькие нервные чудовища, самодовольные, лелеющие свою застекленную Европу. «Как вам нравится наша живопись, наша музыка, наша самобытная архитектура?» Нет, с местными жителями Сюзан общаться не собиралась! Она всегда находила в них лишь искаженные отражения самой себя.

— В чем дело? — спросил Блэйк.

Сюзан резко остановилась.

В толпе туристов она заметила маленького человечка с

всклоченными черными волосами. Хотя он довольно быстро повернулся к Сюзан спиной, она успела понять, что где-то уже видела это лицо.

— Если это ваш знакомый, — сказал до тошноты правильный Блэйк, — полагаю, уместно с ним поздороваться.

Туристы начали заходить в собор.

— Пустяки, — отмахнулась Сюзан. — Куда пойдем?

— Здесь неподалеку есть очень милый бар. А кстати, вы сегодня вечером свободны?

— Как ветер.

Последний турист исчез за бронзовыми воротами собора. Маленький человечек зашел внутрь вместе с остальными. Сюзан не могла бы утверждать с точностью, что именно его она видела в Лондоне.

— Ну что, идем? — спросил Блэйк.

— Безусловно.

Глава 22

— Вы в этом уверены? — спросила женщина.

— Конечно, сударыня, — улыбнулся Бардиев.

Зеттнер сухо кивнул, а бородатый молодой человек спросил:

— Вы и теперь не припоминаете, мадам? У этого типа совершенно точно были усы.

Женщина повернулась спиной к остальным трем свидетелям. Они внимательно смотрели на нее, так же, как и полицейские из участка. Сержант патрульной службы за широким столом, заваленным бумагами, с рассеянным видом изучал потолок, поглаживая усы (у него они тоже имелись).

Когда женщину попросили назвать свою профессию, она ответила: учительница. Она гордилась своей наблюдательностью и отличной памятью. Она часто водила учеников на прогулки в леса Коннектикута и всегда безошибочно показывала им и купену обыкновенную, и разрыв-траву. Пять лет назад, проводя отпуск в Европе, она сделала несколько сотен фотографий и до сих пор без труда могла вспомнить и в мельчайших деталях описать любую из них. Ученики любили ее;

зато тупицы из Комиссии по образованию терпеть не могли за рассеянность и эксцентричность. В результате ее зачисление в штат отложили на полгода. Подумать только: лишних шесть месяцев ждать! Но если она будет вести себя осмотрительно, не привлекая ненужного внимания...

Эти двое русских и студент-американец с такой настойчивостью доказывают, что у того типа были усы! Они заблуждаются. И если она не исправит ошибку, опасный псих может остаться на свободе. Но если она продолжит упорствовать, пытаясь переспорить остальных трех свидетелей, ее имя может появиться в завтрашних газетах! И об этой истории узнают в Коннектикуте! Такое ведь не исключено! В прошлом, только из-за привычки до конца отстаивать собственное мнение, учительнице слишком часто приходилось менять места работы. Поэтому теперь, хотя разум и противился этому, она хотела лишь размеренной, спокойной жизни и включения в штат.

— Ну, тогда, наверное, это были совсем незаметные усики, — вздохнула учительница.

Когда идешь на компромисс, поначалу всегда уступаешь лишь чуть-чуть.

— Точно, — подтвердил молодой американец, — я бы сказал: просто черточка над верхней губой.

— Именно так, — согласился Бардиев, а Зеттнер снова коротко кивнул.

— Теперь припоминаете, мадам? — спросил американец.

«Как все просто», — подумалось женщине.

— Да, припоминаю. Боюсь, я немного рассеянна...

— Ну что вы, сударыня! — воскликнул тот из русских, что постарше. — Просто иногда память выкидывает такие номера, что и сам себя не сразу вспомнишь. Я бы, например, тоже забыл про усы, не сядь этот тип за наш столик.

Она благодарно кивнула. Какой очаровательный мужчина! Она всегда знала, что русские — такие же люди, как остальные, особенно если поблизости нет их руководителей.

— Ну, вот и все, — сказал Бардиев сержанту. — Похоже, мы наконец пришли к согласию. Этот человек носит усы. Он среднего роста, а может, и чуть выше среднего...

В памяти учительницы сохранился совсем другой образ, но теперь возражать было поздно.

— ...И говорит с акцентом.

— Вы не могли бы определить, с каким? — оживился сержант.

— Без сомнения, с итальянским. Я потому так уверен, что сам несколько лет провел в Италии.

— Вы придерживаетесь такого же мнения? — спросил полицейский у Зеттнера.

— Да. Это итальянец.

— Еще что-нибудь?.. Нет? Отлично. Сударыня, будьте любезны изменить ваше письменное заявление в той части, что касается усов.

Учительница черкнула пару слов на листке бумаги. Трое мужчин подписали свои заявления.

— Возможно, скоро мы арестуем этого парня, — объявил сержант. — Конечно, обещать ничего не могу, но перспективы обнадеживают. — Он передал свидетельские показания помощнику. — А теперь, господин Бардиев, позвольте заняться вашей раной.

Бардиев с улыбкой покачал головой.

— Нет, спасибо. Это всего лишь царапина.

— Но царапина может воспалиться.

— Чуть погода я продезинфицирую ее йодом.

— Но с нашей стороны было бы непростительно не оказать вам помощь. Кабинет хирурга на этом же этаже, чуть дальше по коридору. Вы обяжете меня лично, если позволите доктору осмотреть ваше плечо.

Бардиев понял, что полицейский опасается, как бы случай в ресторане не повлиял на советско-австрийские отношения. Из этого сержанта мог бы получиться отличный дипломат!

— Мое плечо осмотрит врач в посольстве. Не беспокойтесь. Ни Австрия, ни австрийская полиция не понесут никакой ответственности за случившееся.

Полицейский с признательностью кивнул в ответ. Зато Зеттнер и не пытался скрыть, что не одобряет действий Бардиева.

Сержант обогнул стол, пожал всем свидетелям руки, про-

водил до дверей участка. Молодой американец, весело прощавшись с остальными, зашагал к Опернринг. Учительница немного постояла в нерешительности, а потом двинулась в том же направлении. Зеттнер с Бардиевым пошли в противоположную сторону, к площади Марии-Терезии.

— Теперь уже слишком поздно, — просвистел Зеттнер.

— Может быть, и нет. Если остальные поработали на совесть.

— Даже если и так, это ничего не меняет. Чертовы полицейские! Похититель, вероятно, уже на швейцарской границе.

— Воры редко выбирают лучший из вариантов. Надо рассчитывать на их врожденную глупость... Ну же, Зеттнер! Игра еще не проиграна. Нас с вами ждет работа, серьезная работа, которая потребует напряжения всех сил.

Холодные светло-голубые глаза Зеттнера глянули прямо в глаза Бардиеву. Да, впереди серьезная работа, и про личное соперничество лучше пока забыть. В такие минуты, когда их объединяла общая идея, Зеттнер испытывал к Бардиеву едва ли не нежность. Жаль, что старика на следующей неделе отправят в Россию!

Глава 23

Музыкальный автомат играл грустный немецкий вальс. Симпатичный бармен с огромными светлыми усами и в кожаном фартуке принес еще две порции виски. Стены украшали фрески, изображающие эпизоды из оперетт Штрауса. Пепельницы на столах были выполнены в форме избушки дровосека.

Поглощая четвертую порцию виски за день, Сюзан Беллоуз пристально рассматривала своего спутника.

— Что-то не так? — встревожился Блэйк.

— Не нравятся мне ваши руки.

— Руки?..

— Совсем безволосые.

Блэйк с нервным смешком потер ладони.

— Еще по стаканчику?

— Хотите меня напоить, а потом трахнуть?

— Да что вы! — воскликнул Блэйк. — Просто мне показалось, что вы с удовольствием выпьете еще.

Он закурил, чтобы чем-нибудь занять руки. Еще в студенческие годы Блэйк раз и навсегда усвоил, что самый надежный и самый быстрый способ убедить девушку переспать — это угостить ее определенной дозой спиртного. Естественно, мужчина не должен забывать и про собственный стакан, чтобы не вызывать подозрений: вроде как пригубляешь яд, убеждая жертву, что он абсолютно безвреден. Впрочем, необходимо внимательно следить и за тем, чтобы не перебрать лишнего, а то в самый ответственный момент окажешься не на высоте. А некоторые вульгарные особы в таких ситуациях становятся невероятно грубыми и пошлыми, подвергая чувствительное самолюбие суровым испытаниям. Блэйк уже давно, хотя и не без некоторой меланхолии, смирился с опасностями, которые неизбежно выпадают на долю любого хладнокровного соблазнителя.

— Я выпью еще, — сказал он. — А вы?

— Давайте, МакДафф. Плесните мне виски своими гладкими руками.

Блэйк, в глубине души оскорбленный, все же нашел в себе силы улыбнуться. Волосы не росли у него и на теле, так что на сей раз, наверное, лучше... Но Сюзан внезапно хлопнула его по плечу и посмотрела прямо в лицо загадочными глазами, полуприкрытыми прядью шелковистых волос.

— Вы, по-моему, отличный парень, Блэйк, — выдохнула она. — Сексуально озабоченный, конечно, но все равно парень что надо. Не то что эти олухи англичане!

— Вот и славненько, — отозвался Блэйк, пригубив виски.

Сюзан покончила с четвертой порцией и тут же принялась за пятую. Но не чувствовала себя ни пьяной, ни даже чуточку влюбленной. Обычно она спала с мужчинами, испытывая интерес и отвращение одновременно, но всегда сохраняя ясность мыслей. Спиртное она использовала в других целях: оно служило удобным предлогом для высвобождения определенных агрессивных эмоций. Психиатрик неоднократно указывал Сюзан на это, но никаких результатов пока не добился.

— Да, Блэйк, вы как будто человек неплохой...

— Почему бы вам не звать меня просто Джим?

— Да я б таким именем и собаку не назвала! Пейте, Блэйк, а то вы что-то ужасно рассудительны!

Потеряв всякую надежду соблазнить эту женщину, Блэйк одним духом влил в себя сразу полстакана. И тут Сюзан подалась вперед, прижав свою округлую левую грудь к правой руке собеседника.

— Блэйк, а что вы думаете о жизни?

С самым непринужденным видом он переложил стакан в левую руку. Искорка надежды снова начинала тлеть.

— О жизни? Очень сложный вопрос...

— А вы не уходите от ответа. Вы же гуманист, у вас должны, черт возьми, иметься свои соображения на этот счет!

— Ну, разумеется.

Она еще теснее прижалась к его руке. Может, это бессознательный жест?

— О'кей, — настаивала Сюзан. — Так что же вы думаете о жизни?

— Мне представляется, — сообщил Блэйк немного развязно, — что жизнь — это искусство избегать страданий.

— Это и есть ваши мысли о жизни?! Блэйк, я разочарована.

Блэйк вдруг с удивлением заметил, что едва сдерживается, чтобы не расшибить ей нос. Но грудь, предвестница неземного блаженства, по-прежнему лежала на его руке, почти у сгиба локтя.

— Вы не знаете, что такое жизнь? — продолжала Сюзан. — Так я вам объясню. Жизнь — это маленький чернявый человечек, бегущий через всю Европу. Что вы на это скажете?

— Очень интересный образ.

Блэйк положил руку на спинку скамейки. И сантиметр за сантиметром принялся опускать ее на плечо Сюзан, одновременно принимая позу верного товарища.

— Это и есть жизнь, — прошептала Сюзан. — Помните, мужчина, которого мы видели у этой большой церкви...

— Святого Этьена?

— Да. Где, по-вашему, он может сейчас находиться?

— Откуда же мне знать?

Рука Блэйка теперь окончательно легла на плечо Сюзан. Они сидели совсем рядом, бедро к бедру. Учебник идеально-

го соблазнителя, предназначенный для скромных студентов, возник перед мысленным взором Блэйка.

— Поразмыслите, — настаивала Сюзан. — Он приехал вместе с туристами. Где теперь может находиться их автобус? Я вполне серьезно, Блэйк.

Блэйк всегда старался удовлетворять женские капризы. Он призадумался.

— Ну что же... С того времени прошел час. Эти автобусы обычно совершают двухчасовую поездку по городу: Опера, ратуша, Мессеплатц...

— Блэйк, я знаю, что вы великий путешественник. В каком именно месте сейчас находится автобус?

— Вероятно, возле старой церквушки на Мариахилф. Помоему, ее построили сразу после первой осады Вены турками...

Сюзан поднялась.

— Допивайте, мой мальчик...

— Сюзан, мне кажется, не стоит...

Склонившись над столом, она схватила Блэйка за плечо.

— Блэйк, вы и не подозреваете, что судьба всей Европы, нет — всего христианского мира! — находится в наших с вами руках. Я — секретный агент, прикинувшийся пьяницей. Нам необходимо отыскать этого ужасного человечка и проинформировать об этом кого следует. В противном случае я не отвечаю за последствия.

Блэйк расплатился и повел Сюзан к выходу. Она играла в непонятную безумную игру, но он знал по опыту, что большинство женских игр заканчивается в постели.

Блэйк взял такси. И через десять минут, проехав мимо старых гранитных домов Мариахилф, они остановились у церквушки, приземистой и круглой, похожей на сторожевую башню. Церковь располагалась немного в стороне от улицы: от взоров ее почти скрывало огромное новое здание Австрийского музея. Возле церквушки несколько туристов с фотоаппаратами внимательно изучали показания экспонометров. Гид рассказывал о делах давно минувших дней:

— Построенное в 1532 году в честь победы Максимилиана

на над турецкими ордами, это здание когда-то составляло часть крепостной стены нашего города. Обратите внимание на бойницы...

— Блэйк, — прошептала Сюзан, — вы гений.

— Видите своего знакомого?

Сюзан обошла вокруг группы, не обращая внимания на недовольство невзрачного гида с грустной физиономией. И тут лицо ее вытянулось.

— Его здесь нет!

— Ну, с моей стороны это была всего лишь гипотеза, — заметил Блэйк. — Его группа могла отправиться и в другое место.

— Разумеется! Какая же я дура!

— О, что вы! — запротестовал Блэйк, осторожно кладя руку на плечо Сюзан. — Я уверен...

— Впрочем...

Из церкви выходила еще одна группа туристов во главе с внушительной женщиной в потрепанной шляпе. Сюзан схватила Блэйка за руку.

— Он здесь! Вот он!

Блэйк спокойно кивнул. Этот маленький чернявый человечек его совершенно не волновал. У Сюзан, без сомнения, довольно необычные друзья и весьма странные вкусы.

— Видите? — шептала Сюзан. — Он уходит. Отстает от группы.

— Как я его понимаю!

— Его нельзя терять из виду. Послушайте. Сделайте мне одолжение, сходите к ближайшему телефону-автомату и позвоните Стивену Дэйну. Запомнили? Стивен Дэйн.

— Секундочку...

— Дэйн остановился в гостинице «Эксельсиор». Если его там нет, Второе управление американской разведки наверняка его отыщет.

— Сюзан...

— Скажите ему, где я. Я пойду за этим типом, пусть ищет меня где-нибудь поблизости.

Все это напоминало Блэйку дурацкие розыгрыши в университете: «Сходите к тому старику, он должен дать вам денег».

— Сюзан, — сказал Блэйк, — я и не подумаю никому звонить. Вам не кажется, что шутка слишком затянулась?

— Мы теряем время. Он может снова исчезнуть!

— Сюзан, вы меня слышали?

Она повернулась и взяла его за рукав куртки.

— Блэйк, ради меня, пожалуйста... Клянусь, это не шутка. Этот человек на самом деле преступник!

Блэйк заколебался.

— Если это глупый розыгрыш...

— Спасибо, Блэйк. Стивен Дэйн, гостиница «Эксельсиор». С вами мы встретимся сегодня вечером в «Венгерском кабачке». Часов в девять.

И Сюзан заспешила вслед за маленьким человечком. Блэйк, глубоко засунув руки в карманы брюк, остался стоять перед церковью. Почему ему так везет на подобных женщин? Что из всего этого выйдет? Сегодня вечером в «Венгерском кабачке»... Да, надежда еще была. Он может и позвонить этому мужчине, как будто речь идет о шутке. Как там его зовут? Кто-то из гостиницы «Эксельсиор»...

Блэйк медленно пошел прочь от церкви.

Глава 24

В Вене полно церквей. Карлосу подумалось, что эта, у Мариахилф, похожа на тюрьму. Когда группа вышла во двор, вымощенный серыми плитами, Карлос немного отстал. Гид, сдвинув шляпку на затылок, вещала что-то о фресках. Американский инженер с женой переместились поближе, чтобы лучше слышать.

Карлос быстро огляделся. По улице шли прохожие, красивая блондинка о чем-то спорила со своим приятелем. Все выглядело вполне нормальным.

Свернув на боковую улочку, Карлос пошел по ней, не топясь, но готовый в любой момент перейти на бег. Впрочем, в этом лабиринте узеньких проходов и переулков он чувствовал себя почти в полной безопасности. Карлос всегда превосходно ориентировался в такого рода кварталах, в какой бы части света они ни располагались.

В первую очередь необходимо провести пьянчужку Клауса. Без этого никак не обойтись. Но потом они с Анной немедленно уедут из Вены. Карлосу было неспокойно в этом холодном мертвом городе далеко от моря. На пятки наступали американцы и русские, к которым теперь присоединились австрийцы. Австрийцы — это, конечно, ерунда, но он на их территории. Американцы, возможно, и не станут убивать Карлоса, однако очень надолго выведут из игры. А русские наверняка убьют.

Добравшись до улицы, на которой жил Клаус, Карлос пошел к третьему зданию слева, открыл дверь в подвал и быстро скользнул внутрь, задержавшись на мгновение только для того, чтобы глаза привыкли к темноте. Один угол подвала занимал котел калорифера; его облезлые белые руки-трубы как будто обнимали низкий потолок. В другом углу, сразу за угольным бункером, и располагалась комната Клауса. За жильем Клаус не платил, потому что помогал смотрителю здания.

— Клаус! — позвал Карлос, остановившись перед дверью в комнату.

Никакого ответа. Он постучал и толкнул дверь.

Через единственное маленькое окошко в помещение едва просачивался свет с улицы. В полумраке Карлос разглядел Клауса. Тот лежал навзничь возле стены, с перекошенным ртом и полуприкрытыми глазами. Выглядел он мертвецки пьяным.

— Просыпайся! — гаркнул Карлос.

Но, наклонившись, чтобы потрясти его за плечо, Карлос увидел, что из шеи лежащего торчит нож — с узким лезвием и костяной рукояткой, точь-в-точь похожий на тот, который Карлос оставил в плече русского. Только этот нож вонзили прямо в дыхательное горло...

Карлос миготом отпрыгнул назад и обернулся. Прислушался. Похоже, он все-таки один в этом погребе. Вероятно, убийца ушел сразу после того, как закончил дело.

Карлос оглядел комнату. Ее в буквальном смысле перевернули вверх дном, тщательно и безжалостно. Матрас вспороли и разрезали на куски, деревянные ножки кушетки сломали в нескольких местах. Небогатый скарб, который Клаус

хранил в картонной коробке, разбросали по полу. Керосинку и лампу без абажура, висящую под потолком, разнесли на части. Всю одежду Клауса обыскали, разодрали по швам, разрезали и отшвырнули в сторону. Эти люди оказались гораздо проникательнее, чем рассчитывал Карлос.

Теперь надо было действовать быстро и решительно. Но силы вдруг оставили Карлоса. Мертвец наблюдал за ним из-под полуприкрытых век.

— Эх, — простонал Карлос, — все бы прошло нормально, если бы ты был осторожен и не напился! Пять сотен долларов для тебя одного, дурень ты несчастный! Клаус, я бы взял тебя с собой на ферму. Поехали бы все троим, с Анной... А ферма дороже всего, дороже ста тысяч долларов, Клаус, идиот!

Он проклял смерть; потом, исчерпав запас ругательств, попытался прикрыть мертвецу глаза, но веки никак не хотели смыкаться. Затем, немного запинаясь от смущения, Карлос пробормотал молитву. Он никогда не верил в бога, всегда считал это глупостью, но, возможно, Клаус был верующим? Вытерев вспотевшие руки о штаны, Карлос еще раз огляделся вокруг, а потом подошел к разбитой лампочке и с превеликой осторожностью выкрутил ее.

Внутри патрона, тщательно свернутые в трубочку, находились секреты, которые Карлос скопировал на кальку. Оригиналы он сжег много дней назад. Хотя эти люди искали везде, заглянуть за разбитую лампочку они все же не додумались.

Обнаружив под кроватью Клауса целую лампочку, Карлос снова спрятал документы в патрон и как можно плотнее вкрутил ее на место. Конечно, свет не зажегся, но спрятать документы больше было негде, а носить их при себе Карлос не осмеливался. Если немного повезет, еще несколько дней секреты будут в безопасности. Это его последняя надежда, на самый крайний случай.

Он снова вытер руки и с грустью взглянул на мертвеца. Австрийская полиция наверняка повесит на Карлоса еще и эту смерть. Русские ведь не случайно использовали именно такой нож. Теперь надо как можно быстрее добраться до Анны...

Но если они сумели найти Клауса, значит, им наверняка известно, где искать Анну. Клаус встречался с ней несколько раз. Его наверняка проследили. Значит, к Анне соваться нельзя. Ей придется выпутываться самой. А ему теперь же, немедленно, надо пробираться к ближайшей границе.

Карлос мысленно обозвал себя идиотом. Конечно, ничего подобного он не сделает. Что ждет Анну без него? Он не мог оставить эту кроткую женщину один на один со злокозненной судьбой. В мире полно других женщин, но эта успела стать частью его мечты, его жизни. Карлос не смог помочь Клаусу, и тот умер. Теперь надо попытаться спасти Анну.

Выходя из подвала, он знал, что подписывает свой смертный приговор. Однако старался не думать об этом. Нужно вывести Анну из гостиницы. Они выедут из Вены поодиночке и встретятся в Турции. Это в его силах, черт побери, он еще не мертв!

Глава 25

Разложив на коленях журнал мод, Анна в одиночестве сидела в гостиничном номере, рассеянно изучая светлое пятно на стене. Карлос ушел около трех часов назад, и его место в комнате уже давно занял страх. Страх, принявший форму маленького черноволосого человечка, ползал вокруг ее ног, демонстрируя свежие раны на теле и моля о христианском погребении. Страх нашептывал ей в уши слова о том, что бессмысленно противостоять миру, в котором безжалостно убивают самонадеянных гордецов.

Анна и сама это знала, не зря ведь она предупреждала Карлоса, но мужчины не умеют слушать. Она с самого начала знала, чем кончится его безумная затея, и решила оставаться такой, как всегда: пассивной, ни на что не согласной, ничем не интересующейся. Этой тактике, ставшей залогом личной безопасности, Анна училась долго и трудно и всегда умело придерживалась ее, невзирая на жестокость и страсть мужчин. Она хранила себя для себя самой.

Но вот страх заполз под дверь, чтобы занять место Карлоса, и тень смерти приласкала Анну ледяными пальцами, со-

рвала с нее этот защитный панцирь, словно одежду, которая выставляет напоказ именно то, что нужно прятать. Когда-то жизнь нанесла Анне рану, которая с течением времени худобно зажила, но теперь смерть, великий хирург, снова вскрыла старый рубец. Сама того не желая, Анна дико, до безумия влюбилась в чужеземца, верившего в то, что его неугомонной живучести хватит для победного боя с миром, который только и делает, что безжалостно поглощает силы и мечты мужчин. Как и все хорошее, любовь пришла слишком поздно. Но даже сейчас, ожидая сообщения о гибели Карлоса, Анна не жалела о своей внезапной уязвимости. И обещала себе никогда о ней не жалеть.

А потом неожиданно-негаданно в комнате возник Карлос — возник внезапно, словно чертик, выпрыгнувший из коробки, — с улыбкой осмотрелся по сторонам, быстро подошел к кровати и взял Анну за руку, вынуждая подняться.

— Слушай меня, Анна, это очень важно. Ты немедленно должна покинуть эту комнату. Уедешь в Стамбул, там будешь меня ждать.

— В Стамбул? Почему в Стамбул?

— Я там бывал, когда ходил в плавание. Хороший город.

— А что случилось?

— Пьянчужка Клаус мертв, больше ничего. Надо отправляться немедленно. Безопаснее порознь. А у меня еще есть дела.

Анна наконец поняла, что хочет сказать Карлос, и с яростной силой привлекла его к себе. Хотя бы секунду еще раз любить Карлоса телом в ожидании тех долгих вялых лет, когда она сможет любить его только памятью!.. Мускулистый торс прижался к груди женщины, твердый лоб ткнулся в щеку...

Карлос почти сразу с силой оттолкнул ее.

— Анна, хватит глупостей! Выходи отсюда.

Она медленно пошла к двери.

— У нас будет ферма в Австралии?

— Конечно.

— А где мы встретимся в Стамбуле?

— У «Америкэн Экспресс». Где это, я не знаю, но ты спроси. Жди меня перед конторой в полдень.

— В какой день?

— Каждый день.

Анна дошла до двери, открыла ее и выглянула в коридор. Карлос, бесшумно следовавший за женщиной, тронул ее за плечо. И в это мгновение она тоже услышала звук шагов на нижнем этаже.

— Поднимись на пару пролетов вверх, — шепнул Карлос. — Тебя они искать не станут. Через час спустишься и поедешь в Стамбул.

— Карлос, а почему бы нам...

Внезапно рассвирепев, он грубо подтолкнул ее к лестнице:

— Поднимайся! Если бы был другой выход, я бы здесь не остался! Встретимся в Стамбуле. Не забудь!

Анна кивнула в ответ и быстро пошла вверх по лестнице. Она взбежала на пять этажей вверх, до самого чердака, лишь бы только не слышать, что происходит внизу.

Глава 26

Сюзан Беллоуз остановилась перед винным магазинчиком, делая вид, что внимательно изучает товар в витрине. В пыльном стекле отражалось здание на другой стороне улицы, куда вошел похититель. Рядом с Сюзан внезапно возник мужчина в элегантной бежевой тройке и желтых ботинках. Он тоже притворился, что смотрит на витрину, но краешком глаза наблюдал за соседкой. Пару раз он кашлянул, готовясь заговорить. Потом негромко хмыкнул и сделал шаг в сторону Сюзан.

Сюзан понимала, что сама виновата. Торчит никак не меньше пятнадцати минут перед этой чертовой витриной. И у этого типа, само собой, появились определенные соображения! Интересно, неужели все женщины — секретные агенты сталкиваются с подобными сложностями?

Сюзан испугалась, что похититель засек ее, когда входил в подвал другого здания, за несколько улиц от того места, где она теперь находилась. Конечно, можно было на время оставить свой пост и попытаться найти полицейского. Но если Дэйн и его организация не собирались посвящать в это дело

австрийскую полицию? Да и что сказать полицейскому? Что-нибудь мелодраматичное, на ломаном немецком, вроде: «Арестуйте этого человека, он шпион, которого ищут и Запад, и Восток...»? Да ей рассмеются в лицо!

Безусловно, никто не мешал заявить, что он украл у нее сумочку, однако хорошие мысли всегда приходят слишком поздно. К тому же Дэйн никогда не прибегал к помощи местных блюстителей закона. Может, это не принято? Но, черт возьми, откуда ей знать, что принято, а что нет?

Одно Сюзан знала наверняка: операция по выслеживанию проведена вполне профессионально. Когда похититель зашел в подвал, Сюзан сняла с себя легкое весеннее пальто, таким образом несколько изменив свой облик. Впрочем, похититель, через пять минут выскочивший на улицу, был бледен как смерть и слишком поглощен своими мыслями. Он вряд ли обратил бы на Сюзан внимание, даже если бы она пошла рядом с ним. Женщина без труда проследила его до этого здания, и теперь мышеловка захлопнулась. Похититель уже все равно что пойман. Ах, если бы только Дэйн не задержался!

Сюзан бросила взгляд на наручные часы. Блэйк позвонил ему больше получаса назад. Если, конечно, позвонил...

Человек в желтых ботинках широко улыбнулся и сказал:

— Очень скучно, когда долго ждешь, правда?

Сюзан сделала вид, что не слышит. К зданию, в котором скрылся похититель, подъехала машина — большой серый «Мерседес». Сюзан сразу увидела, что Дэйна в машине нет. Из «Мерседеса» вышли два человека в темных костюмах и немедленно исчезли внутри здания.

— Вы американка? — спросил тип в желтых ботинках.

Третий человек остался сидеть за рулем автомобиля, мотор он почему-то не заглушил.

— Говорят, Америка — очень красивая страна, — не унимались желтые ботинки.

Голос незнакомца звучал вполне уверенно: он говорил со Сюзан так, будто случайно встретил на улице давнюю подругу. Мужчины всегда кажутся одинаково бездарно. Единственное, что тут можно сделать, так это вообще ничего не отвечать. Наилучшая тактика: притвориться, что этого любез-

ного «старого друга» просто не существует, что с ней вообще никто не разговаривает. Прodelай все правильно — и вскоре «старый друг» сам убедится в собственной нереальности, в полном отсутствии материальной субстанции. И если упорно отрицать факт его существования, он быстро исчезнет...

— Вы давно в Вене?

Вот невезение, тип, похоже, всерьез вознамерился заявить о своем присутствии. Его ботинки упрямо лезли в глаза, он был нестигаемо реален: стоял рядом и хотел, чтобы его существование наконец признали. Сюзан достаточно было сказать одно слово, чтобы он стал личностью. Но этого слова она так и не произнесла, и мужчина с сожалением удалился, слившись с пейзажем, бесследно исчез в городе Вене, в его шумах и запахах.

В пыльном стекле витрины Сюзан увидела, как люди в темных костюмах выходят из здания. Они с обеих сторон поддерживали под руки третьего человека, похитителя, который покорно переставлял ватные ноги, широко раскрыв абсолютно пустые, словно у запойного пьяницы, глаза. Его заботливо устроили на заднем сиденье автомобиля. Сюзан оставалось только в беспомощной ярости наблюдать за происходящим. Хлопнули дверцы, «Мерседес» медленно подъехал к углу улицы и свернул направо.

И именно в эту секунду, то есть уже слишком поздно, к Сюзан подкатила маленькая красная спортивная машина «Триумф». За рулем сидел Дэйн. Сюзан прыгнула на сиденье рядом с ним.

— Ты их упустил! Всех! Они поехали направо!

Внезапное ускорение вдавило ее в кресло: «Триумф» прыгнул вперед и, балансируя на двух колесах, едва вписался в поворот.

— Почему ты так долго?!

— Принимал ванну! — сообщил Дэйн.

Глава 27

Лицо Дэйна оставалось спокойным и непроницаемым. Одна рука на руле, другая — на ручке передач, он пробивал себе путь в море уличного движения. Сюзан казалось, что

они несутся с головокружительной скоростью, но «Мерседес» сохранял свое преимущество и даже как будто немного отрывался от них. Им с трудом удавалось не терять из виду квадратный бампер серого автомобиля.

Дома превратились в бесконечные серо-желтые полосы. Пешеходы, достаточно напуганные «Мерседесом», отпрыгивали в сторону, чтобы не угодить под колеса «Триумфа». Водители большинства автомобилей от греха подальше забирали покруче вправо, хотя время от времени Дэйну на крутом вираже приходилось обходить самонадеянные грузовики, шоферы которых изумленно таращили глаза.

Вскоре движение стало еще интенсивней, и «Триумф» приблизился к менее маневренному «Мерседесу» на расстояние автомобильного корпуса. Но через несколько километров они выехали в пригород Вены, застроенный гигантскими заводскими сооружениями. И «Мерседес» начал медленно вырываться вперед.

— Куда ведет это шоссе? — спросила Сюзан.

— К чехословацкой границе.

— Там есть кордон?

— Полагаю, да. Но они ведь могут и проскочить через него.

— Выходит, им ничто не в силах помешать?

Дэйну на секунду задумался.

— Немного подальше есть армейский полигон, но его используют только во время весенних учений.

— А учения сейчас идут?

— Начнутся через неделю... Сюзан, я не знаю, что будет дальше. Если представится возможность сбросить скорость или остановиться, тебе придется выпрыгнуть из машины.

— Ни в коем случае.

— Так надо. Это очень опасно.

— Нет.

Борцами не рождаются, ими становятся. Сюзан Беллоуз очутилась теперь в самой гуще сражения. Они уже выехали за границу города и катили по дороге, обсаженной чахлыми тополями. «Мерседес» продолжал набирать скорость.

— Засунь руку в карман моей куртки, — скомандовал Дэйну. — С другой стороны.

Сюзан повиновалась и вытащила из кармана револьвер с длинным стволом.

— Там еще коробка с патронами. Достань...

Когда Сюзан извлекла и коробку, Дэйну спросил:

— Ты в состоянии поддержать руль? Попробую продырявить им шину.

— Естественно, в состоянии!

Сдвинувшись влево, она взяла руль. Дэйну высунулся в окошко, оперся о ветровое стекло и, держа револьвер обеими руками, прицелился. Машину немного занесло на очередном вираже. Дэйну принялся стрелять, опорожнил барабан, перезарядил. Невредимый «Мерседес» по-прежнему рвался вперед.

— Сколько еще до границы? — спросила Сюзан.

— Километров двадцать.

Слева расстилались ровные поля, справа высился лес. Дэйну снова начал стрелять. На четвертом патроне левая задняя шина «Мерседеса» сплющилась и захлопала по асфальту. Автомобиль не остановился, но теперь «Триумф» быстро сокращал расстояние. Дэйну снова перезарядил револьвер, положил его на колени и взялся за руль.

Они находились примерно метрах в семи от «Мерседеса», когда шоссе изогнулось в очень крутом повороте. «Триумф» вписался в него следом за «Мерседесом», и тут Сюзан увидела, как по дороге запрыгало что-то черное, величиной с миллиардный шар. Дэйну тоже заметил этот предмет. Он изо всех сил нажал на акселератор, пытаясь провести автомобиль по самой кромке кювета. Граната взорвалась. Ударная волна накренила «Триумф» на один бок, затем автомобиль в клубах пыли упал на все четыре колеса. Когда пыль немного осела и они обрели способность видеть, «Мерседес» уже и след простыл. Сюзан показалось, что он просто сквозь землю провалился.

Дэйну медленно поехал вперед. Ни на стелившемся перед ними шоссе, ни на поле слева не было видно никаких следов «Мерседеса». Они посмотрели направо и увидели уходящую в лес неширокую грунтовую дорогу. В пыли явственно виднелись отпечатки шин. Объявление, прибитое к дереву не-

много подальше, сообщало на немецком языке: «Учебный полигон 4-й армии. Въезд запрещен».

— Почему они поехали туда? — спросила Сюзан.

— На шоссе у них не было ни единого шанса — с простреленной шиной они не смогли бы добраться до границы раньше нас. — Дэйн проверил уровень топлива и нахмурился. — Бензина мало...

— Но куда они намерены отправиться теперь?

— В Чехословакию, только лесами.

Дэйн свернул на грунтовую дорогу. Вскоре они подъехали к высокому бетонному забору с заграждением из колючей проволоки. Рядом с открытыми воротами валялись тела двух часовых в зеленой форме. «Триумф» проехал мимо.

Дэйн и Сюзан очутились внутри четырехугольника размерами с футбольное поле, ограниченного с одной стороны несколькими рядами казарм, а с другой — тремя боевыми танками, парой пулеметных гнезд и десятком пушек «Бофор». В дальнем конце площадки стоял «Мерседес».

Подойдя к автомобилю, Дэйн и Сюзан убедились, что он пуст. «Мерседес» прижался вплотную к железобетонной стене, огораживающей полигон. Объявление на немецком гласило, что поле по ту сторону стены заминировано вдоль всей чехословацкой границы.

— Значит, проехать они не могут, — заметила Сюзан.

— Да, здесь не могут. Похоже, они в ловушке.

Дэйн развернул автомобиль и погнал обратно к воротам. Почти тотчас послышался рев мощного мотора. Один из танков отделился от остальных, набрал скорость и тоже покатил к воротам. Это был «Шерман» с пушкой 75-го калибра. Не слишком быстрая машина. Дэйн перешел на четвертую скорость, и маленький «Триумф» рванулся вперед.

Но вскоре Дэйну пришлось резко затормозить и круто вывернуть руль. Танк, находившийся гораздо ближе к воротам, все-таки доехал до них первым. Остановиться вовремя он не смог и потому просто снес ворота. Мгновение «Шерман» стоял неподвижно, и Дэйн уже решил, что у него полетела гусеница. Но тут танк сдал немного назад и принялся разворачивать башню, нацелив пушку в направлении отступающего «Триумфа».

Глава 28

Карлос, все еще под действием снотворного, валялся в кабине танка; шофер «Мерседеса» не спускал с него глаз. Навверху, откинув башенный люк, Зеттнер мужественно сражался с незнакомым механизмом пушки. Бардиев сидел чуточку ниже, на месте водителя, и смотрел в бронированную щель. Прямо перед ним в туче пыли виднелось красноватое пятно «Триумфа». Дав полный газ, Бардиев рванул танк вперед, намереваясь раздавить автомобиль. Сверху послышался скрежет поворачивающейся башни. Зеттнер добился первых результатов, но зарядить пушку еще не мог.

На покалеченном «Мерседесе» они добрались до въезда в военный лагерь и застали часовых врасплох. Когда солдаты подошли выяснить, в чем дело, Зеттнер уложил их двумя выстрелами в упор.

«Мерседес» бросили в дальнем углу полигона. Зеттнер предлагал перебраться через ограду и попытать счастья на минном поле. Но Бардиев воспротивился. Даже если не брать в расчет мины, шестнадцать километров пешком по открытой местности им ни за что не пройти. Дэйн на своем спортивном автомобильчике в два счета доберется до границы. Патрули удвоят и утроят, на помощь вызовут вертолеты. Бардиев сразу решил, что единственная надежда на успех — выбираться обратно на шоссе в танке. Больше сорока километров из него, конечно, не выжмешь, зато любое заграждение, способное остановить автомобиль, бронированному чудищу нипочем.

Но успеть к границе нужно до того, как австрийцев предупредят об опасности и они смогут установить противотанковые заслоны. Иными словами, с Дэйном надо покончить немедленно.

Открытый танк с полными баками и нетронутым боекомплект, дожидаящийся начала учений, показался Бардиеву даром небес. На войне ему часто приходилось ездить в танке; он неоднократно видел, как водители обращаются с управлением. Сам он, естественно, не водил никогда: полковнику пехоты этого и не требовалось. Бардиев полагал, что дело тут

нехитрое. Однако теперь, сидя в трехтонной машине, он начинал испытывать на сей счет некоторые сомнения.

Создавалось впечатление, что нужно знать какое-то волшебное слово, чтобы заставить чудовище слушаться. Мотор ревел, танк швыряло вправо и влево, а Бардиев безуспешно сражался со сцеплением. В узкую смотровую щель он почти ничего не видел, пыль, клубами вылетающая из-под гусениц, забивалась в горло и глаза, а защитных очков, естественно, не нашлось.

Хуже всего была жгучая боль в плече, в том месте, куда вонзился нож Карлоса. Лезвие сильно зацепило мышцу. Бардиев кое-как перебинтовал плечо в машине, но теперь от сильного напряжения рана вновь открылась. Кровь бурным пятном выступила на рукаве, струйками потекла на пальцы. Каждый раз, когда Бардиеву приходилось что-то делать левой рукой, его начинало тошнить.

Красный автомобиль по-прежнему находился перед танком. По пересеченной местности «Триумф» ехал не слишком быстро, даже на сравнительно небольшой скорости он скакал как заяц. Иногда все четыре колеса разом отрывались от земли. «Да так он сломает себе задний мост», — подумал Бардиев, стараясь прижать противника к бетонному забору. Вскоре Дэйн оказался в ловушке — «Триумф» был зажат в углу огороженной площадки.

Стиснув зубы, Бардиев вдавил педаль газа. От пыли и боли у него на секунду потемнело в глазах. Когда зрение вернулось, автомобиль все так же находился прямо перед ним. Бардиев ясно видел Дэйна и его спутницу. Выматерившись в адрес Зеттнера, который так и не совладал с пушкой, Бардиев приготовился расплющить «Триумф» об ограду.

Но в тот момент, когда он уже задерживал дыхание в ожидании удара, машина принялась отползать на задней передаче в сторону. Бардиев попытался изменить направление, но было уже поздно: красная молния выскользнула из поля зрения. Обезумев от бешенства, полковник дернул ручку передач. Танк со скрежетом развернулся и въехал в бетонную ограду. Водитель принял удар прямо на больное плечо.

— Зеттнер! — взревел Бардиев. — Направляйте меня!

У Зеттнера в башне своих проблем хватало. Незнакомая

техника целиком поглощала его внимание, а теперь еще и Бардиев требует инструкции! Да разве он разберет что-нибудь в грохоте мотора?

Зеттнер огляделся. И увидел на задней стенке внушительный телефон с наушниками, кучей штепселей и перепутанных разноцветных проводов. Зеттнер взял трубку и принялся искать место, куда воткнуть штепсель. Но тут до него дошло, что у Бардиева нет наушников.

Решительно, сделать предстояло слишком много, а времени явно не хватало.

«Триумф» осторожно катил метрах в шестнадцати справа от танка. Зеттнер отшвырнул телефон в сторону и, надсаживаясь от крика, принялся отдавать распоряжения Бардиеву. Танк резко дернулся и поехал прямо на автомобиль, тесня его в самый отдаленный угол площадки. За рулем «Триумфа» теперь сидела женщина. Дэйн, высунувшись из окошка, внимательно смотрел на танк. Зеттнер кричал не переставая, «Триумф» бросало из стороны в сторону. И тут рядом с головой Зеттнера, отскакивая от брони, засвистели пули — Дэйн открыл огонь из револьвера. Зеттнер забился внутрь башни.

Танк опять развернулся, пытаясь настичь красный автомобильчик, и у Зеттнера появилось время, чтобы в очередной раз попытаться совладать с пушкой. Наконец ему удалось открыть затвор. Но тут снизу заорал Бардиев, снова требуя инструкции.

Зеттнер высунулся из башни и сразу понял, что Дэйн заманивает их в песчаный карьер. Бардиев услышал предостерегающий вопль коллеги как раз в тот момент, когда танк въехал на гибельный участок полигона.

«Шерман» отчаянно забуксовал, из-под гусениц во все стороны полетели фонтаны песка и грязи. Но найти точку опоры никак не удавалось. Бардиев дал полный газ. Гусеницы жутко заскрежетали, вырыв в грунте две параллельные траншеи, словно чудовищное насекомое пыталось зарыться в землю. Наконец Бардиев догадался включить заднюю скорость, танк медленно выполз из ловушки и снова начал исследование.

Они подъехали к самому дальнему участку полигона. И тут метрах в пяти-шести от бронированной машины «Три-

умф» круто развернулся, встав на два боковых колеса. Зеттнер сверху что-то заорал, но Бардиев уже и без того поворачивал танк. Внезапно он с ужасом понял, что Дэйн переиграл его: «Триумф», словно пушечное ядро, на бешеной скорости неся к воротам. Полковник вдавил в пол педаль газа и бросился в погоню, прекрасно сознавая, что не успеет опередить автомобиль, который, доехав до ворот, выберется на шоссе и помчится к границе. Мысленно Бардиев обозвал себя идиотом. Надо было оставаться у ворот и ждать, пока Зеттнер не разберется с пушкой.

В десяти метрах от ворот Дэйн резко затормозил. Шины «Триумфа» жалобно взвизгнули, машину занесло. Тяжелые железные ворота, которые танк Бардиева вырвал из петель, так и остались заклинены в закрытом положении.

Выскочив из машины, Дейн попытался открыть их. Безуспешно: нижняя часть плотно засела в земле. Проехать было невозможно.

— Давай бросим машину и уйдем пешком, — предложила Сюзан.

— В таком случае у нас не будет ни одного шанса на спасение, — возразил Дэйн, снова уstraиваясь за рулем. — Они отшвырнут ворота в сторону и выедут на шоссе. А убежать от танка мы не сумеем.

— Даже если побежим лесом?

— Даже.

Танк снова приближался. Дэйн слишком быстро включил передачу, мотор заглох, но быстро завелся, и автомобиль юркнул в сторону. Придерживая руль одной рукой, Дэйн опять выстрелил в Зеттнера, опять промазал и повел машину на противоположный край полигона.

Увидев, что ворота заклинило, Бардиев даже не сразу поверил в такую удачу. В тот момент, когда автомобиль выскользнул из поля зрения, он начал поворачивать танк, прислушиваясь к указаниям Зеттнера. Возникли, промелькнули и исчезли ряды бараков-казарм, затем снова появились лес и

ворота, но уже с другой стороны. Выходит, «Шерман» описал полный круг, а «Триумфа» так и не засек.

Тут до Бардиева дошло, что автомобиль находится сзади. Пристроившись в «кильватере» танка, Дэйн разворачивался вслед за ним, используя скорость и маневренность своего автомобиля, которым тяжелая боевая машина ничего не могла противопоставить. Осатанев от ярости, Бардиев дал по тормозам и тут же включил задний ход. И был вознагражден: красное пятно на секунду мелькнуло перед глазами. Затем автомобиль опять юркнул за танк; полковник, морщась от боли в плече, вновь принялся маневрировать.

Бардиев сознавал, что Дейн пытается выиграть время и пока преуспевает в этом. Если так пойдет и дальше, дело закончится прибытием австрийцев и крушением всех планов... Он принялся размышлять, стараясь придумать новый способ уничтожения автомобильчика, который постоянно ускользал от него.

И вдруг раздался взрыв, танк легонько тряхнуло. На долю секунды Бардиеву показалось, что это Дэйн принялся швырять гранаты. Но, услышав щелканье затвора и глухой стук выскочившей гильзы, он понял, что Зеттнер наконец-то совладал с пушкой. Сражение явно оборачивалось в их пользу.

Виляя из стороны в сторону, «Триумф» неся по полигону. Снаряды взрывали землю совсем рядом с автомобилем. У большого ангара, в котором располагался склад материалов, Дэйн так круто вывернул руль, что Сюзан едва не вылетела из машины.

«Шерман» принялся объезжать барак вслед за автомобилем. «Триумф» продолжал описывать круги вокруг ангара, стараясь держать его между собой и танком. Дэйн пытался придумать новый план действий.

Вдруг танк резко развернулся и принялся объезжать ангар с другой стороны. Но рык мотора и лязг гусениц вовремя предупредили Дэйна об опасности, и он тоже поспешил изменить направление.

Покосившись на приборную доску, Дэйн увидел, что бензобак почти пуст. Имелся, конечно, запасной бак, но он

не знал, сколько там горючего. Если срочно что-нибудь не придумать, долго не продержаться: либо в машине что-то сломается, либо кончится бензин, либо танк в конце концов зажмет их в угол.

Тут «Шерман» в очередной раз изменил тактику. Он поехал прямо на ангар. Деревянные стенки почти не замедлили его хода. Танк проехал сооружение насквозь, крыша здания зацепилась за башню, немного повисела на ней, а потом соскользнула на землю. Танк развернулся и устремился к следующему барaku. И так, одну за другой, разрушил все постройки.

Дэйн держался немного в стороне от того места, где неистовствовал стальной монстр. Последний барак рухнул, и из люка снова показалась голова Зеттнера. Ожила башня. Но теперь Дэйн знал, что нужно делать. Он перешел на вторую передачу и повел автомобиль прямо на танк.

Цель быстро приближалась. Зеттнер стрелял, все больше и больше наклоняя пушку, по мере того как автомобиль продвигался вперед. Вскоре «Триумф» уже несея параллельно «Шерману», почти касаясь бронированного бока. Даже до отказа наклонив пушку, Зеттнер никак не мог попасть в машину. Снаряды пролетали над головами Дэйна и его спутницы, не причиняя им особого вреда. Зеттнер крикнул об этом Бардиеву.

Тот немедленно оценил ситуацию. Необходимо держаться на достаточном расстоянии от машины, чтобы позволить Зеттнеру воспользоваться пушкой. Но проблему усугубляло то обстоятельство, что сам Бардиев автомобиля не видел. И эта деталь, в сочетании со скоростью и маневренностью «Триумфа», ставила перед ним почти неразрешимую задачу. Танк походил на очень бестолкового слона, вознамерившегося растоптать крайне приткую мышь. Сколько полковник ни кружил и ни хитрил, избавиться от Дэйна никак не удавалось.

Башенная пушка несколько раз подряд выстрелила, сверху что-то закричал Зеттнер. Бардиев развернул танк и увидел, что автомобиль остановился. Может, у него наконец

кончился бензин? Или от бешеной гонки по ухабам сломалась полуось?.. Бардиев рванул вперед, намереваясь раздвинуть противника.

Несмотря на то что расстояние до цели сокращалось, Зеттнер постоянно промахивался. Он уже ясно видел пассажиров в застывшей машине. Когда танк находился метрах в семи от автомобиля, Дэйн высунулся из окошка и открыл огонь.

Пушка всецело поглотила внимание Зеттнера, и про Дэйна он как-то забыл. По сравнению с танком револьвер казался такой ничемной безделушкой! Но теперь Зеттнер осознал, что стоит в башне, выпрямившись во весь рост, совершенно незащищенный. Он попытался юркнуть в укрытие, и это ему почти удалось. Но в ту секунду, когда его голова почти исчезла за броней башни, револьверная пуля вонзилась ему в левый глаз и проникла в мозг.

Бардиев понятия не имел, что происходит наверху. Он продолжал нестись прямо на «Триумф». Танк ударил машину, перевернул ее набок, подмял под себя. Для верности Бардиев немного покрутился на месте. Тут он заметил женщину, со всех ног бегущую к воротам. Плевать... Он развернулся, ища Дэйна. Но того нигде не было видно. Возможно, он остался в раздавленной машине...

И вдруг что-то с силой толкнуло Бардиева в спину. Он обернулся и увидел совсем близко звериные глаза Карлоса, который пытался обхватить его руками. Бардиев оттолкнул его, но от этого простого движения в плече будто граната взорвалась. Шофер оттащил Карлоса в сторону, но тот вырвался, двинул противнику кулаком по физиономии и снова бросился на Бардиева. Полковник ударил его ребром ладони здоровой руки. Карлос, пошатываясь, отступил, ткнул шофера локтем в живот и опять бросился на Бардиева. Тот изловчился и нанес сильнейший удар кулаком в челюсть. Карлос рухнул без чувств.

Бардиев взялся за рычаги управления, потом в удивлении застыл. Внутри танка стало совсем темно. Шофер что-то заорал, но Бардиев и без того уже понял, что Дэйн рядом — спускаясь в башню, он не переставая палил из револьвера.

С диким воплем шофер завалился на бок. Бардиев отпус-

тил рычаги и вытащил пистолет. Дэйн уже был в танке. Он шел прямо на Бардиева. Тот поднял оружие.

Оставшийся без водителя танк ткнулся в бетонную ограду. Бардиева швырнуло на приборную доску. Удар пришелся прямо на больное плечо. Кровавая пелена застлала глаза, он упал, продолжая целиться в том направлении, где должен был находиться Дэйн, и даже нажал на спуск. Ему послышалось, что выстрел гулким эхом отразился от стен танка.

Потом кто-то вырвал пистолет из его руки. Он забыл отвести предохранитель. Темнота накрыла Бардиева с головой, и полковник окончательно потерял сознание.

Глава 29

В Вене уже садилось солнце, когда Стивен Дэйн в сопровождении полковника Нестера и четверых сотрудников американской военной полиции прибыл к тому дому, где убили Клауса. Австрийские полицейские установили перед подвалом кордон и держали любопытных на почтительном расстоянии. Дэйна, Нестера и полицейских провели в маленькую комнатку, в которой обнаружили труп. Тела здесь больше не было, после тщательного осмотра его увезли в морг. В комнате успели прибраться.

— Боюсь, вы совершили ошибку, Дэйн, — пробормотал полковник Нестер. — Поверить на слово такому типу...

— Посмотрим, — отозвался Дэйн.

Выйдя на середину комнаты, он принялся выкручивать электрическую лампочку, свисавшую с потолка на длинном шнуре.

Нестер был мрачнее тучи, у него появилось предчувствие неминуемой беды. Полковник отдавал должное мужеству и находчивости своего коллеги — ввязаться в бой с танком, имея на вооружении всего лишь револьвер да спортивный автомобильчик!.. Но, черт подери, чтобы служить в разведке, надо уметь собирать информацию. А Дэйн, застрелив Зеттнера и шофера и выведя из строя Бардиева, проявил внезапную и необъяснимую растерянность.

Лампочка скрипнула под пальцами Дэйна. Нестер затаил

дыхание. Дэйн вывернул лампочку и принялся шарить внутри патрона. Худшие опасения Нестера оправдались. Патрон был пуст.

— Итак, похититель поклялся вам, что документы находятся здесь? — спросил Нестер.

— Именно так.

— А он не говорил ни о каком другом месте? Например, о банковском сейфе или камере хранения на вокзале?

— Нет. Он просто сказал, что документы спрятаны в комнате Клауса.

Нестер с видимым усилием заставил себя говорить спокойно:

— Дэйн, я вполне понимаю тяжелые обстоятельства, в которых вы находились. Значит, похититель был вооружен, когда вы обнаружили его в танке?

— Он подобрал пистолет шофера.

— Он мог вас убить?

— Естественно.

— Почему же он этого не сделал?

— Потому что хотел вступить в переговоры.

— Откуда он мог знать, что у вас при себе пять тысяч долларов?

— Он этого не знал. Просто пошел ва-банк. Я ведь тоже мог его убить.

— А почему вы этого не сделали? Почему хотя бы не ранили его?

— Потому что это не так легко проделать, как кажется. Особенно когда противник угрожает вам пистолетом.

— Да... Но неужели обязательно было отдавать всю сумму?

— А меньше бы он просто не взял.

Это, по крайней мере, было правдой. Когда Карлос благодаря заботам Дэйна пришел в себя, несмотря на дикую слабость и растерянность, он думал только об одном: о деньгах. С отчаянной страстью, словно речь шла о самой жизни, он требовал пять тысяч долларов и ни цента меньше. Наконец Дэйн поверил похитителю и выдал ему деньги в обмен на информацию.

— Я по-прежнему считаю, что он сказал правду, — заявил Дэйн.

— Эти люди никогда не говорят правды! Есть ли у вас какие-нибудь соображения по поводу его нынешнего местопребывания?

— Никаких.

— Полагаете, у нас еще сохранился шанс арестовать его? Может быть, перехватить на пограничном пункте?

— Мне это представляется крайне маловероятным.

— Разумеется, он обманул вас. Документы припрятаны где-то в другом месте, и теперь он снова попытается продать их.

Дэйн промолчал.

— Но у нас, по крайней мере, есть женщина, — продолжал Нестер. — Найти предлог, чтобы ее засадить, я всегда смогу. И, черт возьми, этот мерзавец больше никогда ее не увидит — слово офицера! Впрочем, едва ли его волнуют такие мелочи.

— Ну, это как сказать, — заметил Дэйн. Он повернулся к одному из полицейских: — Вы не могли бы сходить за смотрителем здания?

Увидев, что полковник Нестер кивает, военный вышел из комнаты. А через несколько минут вернулся в сопровождении смотрителя — старичка с вялой физиономией побитой собаки. Смотритель тревожно поглядывал на величественную форму полковника.

— Полиция сказала, что я ни в чем не виноват...

— Все верно, — подтвердил Дэйн. — Я просто хочу задать вам несколько вопросов.

— Да, сэр.

— Вы убивались в этой комнате?

— Полиция разрешила.

— А вы меняли лампочку?

— Простите, сэр?

— Ну, вы же выворачивали лампочку из патрона.

— Да, сэр.

— И нашли внутри бумаги.

Смотритель взглянул на него с изумлением:

— Откуда вы знаете?

— Расскажите, как это произошло.

— Я попробовал включить свет, но ничего не получилось.

Тогда я выкрутил лампочку и увидел, что Клаус напихал в патрон бумаги. Наверное, спьяну. Он всегда вел себя очень странно.

— Что вы сделали с теми бумажками?

— А это что-то важное, да? Выбросил.

— Куда?

Смотритель привел их к огромному мусорному баку. Дэйн перевернул его, опустил на колени прямо посреди апельсиновых корок и обрывков старых газет и принялся лихорадочно разгребать ворох мусора. Через несколько секунд полковник Нестер надел перчатки и присоединился к нему. Все четверо полицейских немедленно бросились на помощь.

Они нашли документы, тщательно сложенные, но залитые красным вином. Смотритель был искренне поражен.

— Это и в самом деле так важно, да? Мне не нужны неприятности. Я просто подумал, что Клаус...

— Вы свободны, — бросил Дэйн.

Старичок, облегченно переводя дух, заспешил к двери, но застыл как вкопанный, когда сзади послышался голос Дэйна:

— ...Но сначала отдайте копии, которые вы сняли с документов.

Смотритель вдруг стал совсем маленьким.

— Сэр, вы же не думаете в самом деле...

В голосе Дэйна внезапно послышался гнев:

— А ну-ка отведите этого ублюдка к австрийским полицейским!

— Сэр, прошу вас. Господа...

Смотритель умоляюще взглянул на Нестера и четверых военных, которые стояли рядом с ним, неподвижные, словно статуи. Дэйн с безучастным лицом сделал шаг вперед. И вдруг смотритель потерял самообладание. Засунув руку во внутренний карман, он вытащил несколько листов бумаги.

— Прямо какой-то бес попутал. Сам не знаю, что на меня нашло, честное слово...

Дэйн взглянул на документы, потом передал их Нестеру. Один из полицейских увел смотрителя.

— В его комнате придется сделать обыск, — сказал Нестер. — Возможно, отыщутся и другие копии.

— Не думаю, что он успел их снять, но обыск сделать надо, это точно. А за старикашкой стоит некоторое время понаблюдать.

— Да, этим мы займемся. Вы как будто оказались правы насчет похитителя. Судя по всему, он вам не солгал.

— Полагаю, теперь нет нужды сажать в тюрьму его подругу?

— Конечно, нет, черт возьми! Ну, пошли отсюда!

Они вышли из подвала на темную улицу. И тут Нестер объявил:

— Планы, разумеется, больше не имеют никакой ценности. Эти базы никогда не будут построены, поскольку не исключена возможность, что их местонахождение станет известно неприятелю. Но заподучить документы было необходимо.

— Конечно.

— А базы построят в другом месте, — задумчиво добавил Нестер.

Дэйн с улыбкой кивнул.

— Вы не могли бы пригласить ко мне женщину, опознавшую похитителя? — осведомился Нестер. — Я бы хотел лично поблагодарить ее.

— Это невозможно, — ответил Дэйн. — Она уехала в Афины с неким Блэйком. Около получаса назад.

— В Афины? Почему, черт возьми?

— Похоже, она теперь интересуется археологией.

Нестер недоверчиво покачал головой.

— А похититель? Мы так и не знаем его имени. Вы что-нибудь выяснили?

— Нет.

— А как, по-вашему, он поступит с этими деньгами?

— Хотел вроде бы купить ферму, только вот не припомню где...

ЖИВОЕ ЗОЛОТО

23 ноября 1951 года, Мекка

Глава 1

Одэ взвесил свои шансы. Вероятность успеха была невелика. Ему пришлось поставить на карту саму жизнь, но другого выхода просто не оставалось. Спрятав в складках белого одеяния нож, Одэ пошел по улицам Мекки. Он изо всех сил старался выглядеть обычным человеком, спешащим по своим делам. Ему нужно было пройти мимо охранника-бедуина и присоединиться к группе людей, стоящих у автобуса на Джидду.

Одэ не мог сказать, наблюдает ли за ним охранник; глаза бедуина скрывались за огромными солнечными очками. Он мог следить за кем угодно, подобно мухе с ее большими глазами. Одэ встал в очередь. Перед ним стояли двое торговцев: один — из племени джахейма, второй — нигериец. Сейчас в автобус садились три закованных в наручники раба-балучи и их хозяин, какой-то йеменец с растрепанными волосами.

Охранник-бедуин взирал на всех с глубоким, но ни на кого конкретно не обращенным недоверием. Он был воином дома Сауда. Его забрали из Неджа и вручили солнечные очки и винтовку «ли-энфилд». Недоверие было его наследием, полученным от предков, а подозрительность — отличительной чертой его образа мыслей. Босые ноги охранника шлепали по мостовой, а огромные очки, казалось, смотрели прямо в душу Одэ. Одэ стоял в очереди. Он твердо решил пустить в ход нож, если бедуин попытается задержать его. Если он убьет этого бедуина, тогда, возможно, другие охранники не станут стараться взять его живым, чтобы подвергнуть наказанию, а разозлятся и прикончат прямо на месте.

Одэ ни о чем не жалел. Он взвесил все обстоятельства и понял, что другой такой возможности может не представить-

ся и через десять лет. Его хозяин, Бедр ибн-Шефия, уехал по делам в Медину. А жена Шефии, обманувшись кажущейся покорностью Одэ, поручила ему отвезти в Тайфу серебряный браслет для их сына. Одэ воспользовался моментом, загнал браслет какому-то сирийцу за треть цены и купил билет на автобус до Джидды. Так он стал не только беглым рабом, но еще и вором. Да, он бежал. Но если уйти не удастся, надо попытаться умереть быстро, чтобы избежать медленной смерти, которой его предадут, если поймают.

Очередь переместилась, и Одэ поднялся по ступенькам. Охранник продолжал сверкать очками, но Одэ понял, что тот не присматривается к нему. Он смотрел так сурово просто потому, что был бедуином, воином и мужчиной из дома Сауда. Охранник пристально смотрел на каждого, наслаждаясь ощущением власти.

Оказавшись внутри, Одэ поспешно прошел в конец автобуса. Салон был почти пуст. Хадж в этом году уже закончился, и жители Мекки в ожидании новых паломников впали в дремоту. Одэ прошел мимо несчастных балучей. За ними сидел нигериец, человек его расы. Судя по тюрбану и трости с золотым набалдашником, это был эмир из Кано. Он выглядел как влиятельный человек, но станет ли он помогать соплеменнику? Вполне возможно, что нет. С какой стати богатый эмир должен помогать беглому рабу? Одэ решил ни о чем не просить эмира, но сел к нему поближе.

Автобус тронулся. Бедуин-охранник последний раз посмотрел на отъезжающий автобус и отвернулся. Автобус выехал из городских ворот и с пытением принялся карабкаться по невысоким холмам, окружающим Мекку. Потом он спустился на плоскую сухую равнину и поехал быстрее. Одэ вздохнул свободнее. Его бегство началось. Через два часа, к вечеру, он окажется в Джидде. А там, если будет на то воля Аллаха, он найдет способ выехать из Аравии.

Он должен бежать или умереть. С первого же дня пленения Одэ не представлял себе иной возможности. Он не мог оставаться рабом. Он был фулани, а к его племени в Западной Африке издавна относились с боязливым уважением. Всего несколько поколений назад фулани воевали одновременно и с торговым племенем хаусов, и со свирепыми туаре-

гами из Сахары. Теперь между воинственными племенами французской и британской Западной Африки установился хрупкий, не слишком прочный мир. Но даже сейчас фулани помнили, кто они такие. Фулани — это вам не какие-нибудь белласы. Фулани нельзя превратить в рабов. Они либо убивают своих врагов и освобождаются, либо умирают.

Автобус прибавил скорость, увеличивая расстояние между Одэ и Меккой, прекрасным и предательским городом. Насколько хватало глаз, по сторонам расстилалась каменистая равнина. На востоке смутно темнели горы. Автобус приближался к первому сторожевому посту.

Одэ застыл, вцепившись в рукоять кинжала. Эти посты ставились в основном на время хаджа, чтобы заворачивать обратно иноверцев и задерживать мусульман, у которых не было должным образом оформленных документов. Таких, как Одэ. Воспоминания вызвали у Одэ приступ гнева на саудовских воров, укравших у исламского мира священный город. Для вида эти воры строго порицали ваххабитов, а сами наживались, обманывая и поработав свои братьев по вере. Одэ ненавидел их всех: тех, кто обращал свободных в рабов, — сильнее, тех, кто покупал их, подобно бывшему хозяину самого Одэ, — несколько слабее. Но самая глубокая и искренняя его ненависть была отдана Мустафе ибн-Хариту, великодушному и богобоязненному, для которого, несомненно, давно уготовано особое место в аду.

Автобус остановился для проверки. Одэ сидел, сжимая рукоять ножа, и думал о Мустафе ибн-Харите.

Одэ родился в Ишане, неподалеку от Кано, крупного города, расположенного на севере Нигерии. В его жизни произошло два великих события. Первое случилось, когда ему было семнадцать лет. В том году его дядя после длительных размышлений решил сделать Одэ помощником водителя грузовика, а не продавать это место тому, кто предложит наилучшую цену. Благодаря поразительной щедрости и великодушию дяди будущее Одэ было обеспечено. Со временем он сам мог бы стать водителем грузовика, получить водительские права британского образца, солидный доход и высокое положение в обществе. Это была невероятная удача для юноши, не имеющего ни гроша, и Одэ трудился не жалея

сил, чтобы доказать, что он достоин этой чести. Он выучил малейшие детали мотора фордовского грузовика и каждую колдобину на пыльной дороге между Ишаном и Кано.

Второе великое событие произошло, когда Одэ было девятнадцать. В этом году в Ишан приехал Мустафа ибн-Харит.

Харит был проповедником. Он изучал Коран и комментарии к нему. Его радость заключалась в его набожности, а его честолюбие — в том, чтобы помогать другим выполнять долг перед верой. Мустафа ибн-Харит был не каким-нибудь двуличным арабом, а истинным африканцем, уроженцем Бамако, выходцем из процветающей семьи. Еще мальчиком он уехал в Аравию и там жил и учился в Мекке, святом городе. В зрелые годы Харит подчинился непреодолимому религиозному порыву и вернулся на родину, чтобы нести свет истинной веры и побуждать правоверных совершать великий хадж в Мекку.

Мусульмане Ишана, открыв рот, слушали рассказы Харита о Мекке, о уммре, похвальном малом паломничестве, и о шайтане, побитом камнями в Мине. Когда Харит что-нибудь рассказывал, все это вставало перед глазами его слушателей словно наяву. Они видели девятнадцать врат, ведущих в Масджид-аль-Харам, огромную мечеть, в которой находится камень Каабы, величественное каменное здание, вышитое черное покрывало и сам священный черный камень.

Жители Ишана были мусульманами, правоверными, но несколько заторможенными. Они знали, что их вера требует, чтобы каждый мусульманин совершил хадж в Мекку, что это одна из главных обязанностей, налагаемых исламом. Увы, всегда находилась какая-нибудь причина, заставлявшая их откладывать далекое и нелегкое путешествие в Аравию. Но после проповедей Харита все изменилось.

Двое-трое преуспевающих торговцев уехали сразу же. Но бедняки вроде Одэ ничего не могли поделать. До Мекки было больше двух тысяч миль, несколько месяцев пути. Для людей, которые в жизни не располагали суммой больше нескольких шиллингов, такое путешествие оставалось несбыточной мечтой. Откуда им было взять деньги на дорогу, на еду, на жилье? Их религиозный пыл был велик, но и он не мог преодолеть гнета нищеты.

Благочестивый Харит долго размышлял о бедственном положении жителей Ишана. По его признанию, он провел много ночей в думах и молитвах. Он думал о правоверных, чьи души рвутся в Мекку, но которым недостает денег...

И вот однажды утром Харит объявил, что принял важное решение. Он рассказал жителям Ишана, как больно ему смотреть на единоверцев, которые не в силах исполнить свой религиозный долг. А потому он, Мустафа ибн-Харит, ничтожнейший из слуг Аллаха, стремящийся не к богатству, но единственно лишь к праведным деяниям, открывающим вход в рай, обязуется помочь этим бедным, но достойным людям, чьи сердца рвутся в Мекку. Он оплатит их пропитание и проезд и сам в их обществе отправится в священный город. За это он не ожидает никаких земных благ, а надеется лишь заслужить милость Аллаха великого, всеведущего и доставить остальным то блаженство, которое подарил ислам ему самому.

Решение Харита взбудоражило весь Ишан. Старейшины селения объявили проповедника святым и сказали, что путешествие в его обществе будет считаться особой заслугой. Единственное условие Мустафы — что его спутниками в трудном путешествии должны стать только молодые и сильные люди — казалось совершенно справедливым. Высокий и стройный Одэ, которому тогда исполнилось девятнадцать лет, получил особое разрешение от своего глубоко религиозного дяди. Дядя даже пообещал сохранить за Одэ его работу до возвращения. И преисполненный восторга Одэ присоединился к группе из восьмидесяти мужчин и девятнадцати женщин, которых Мустафа отобрал среди жителей Ишана и еще нескольких окрестных деревень.

Они отправились в Кано, а оттуда — в Форт-Лами, где великодушный Мустафа прихватил еще пять десятков непредусмотрительных паломников. Это были люди из Убанги-Шара, и никто из соплеменников Одэ не знал их языка. Оттуда они на грузовиках приехали в Судан, в Эль-Обейд. Здесь поразительная щедрость Харита позволила присоединиться к их группе еще двум десяткам новообращенных нубийцев. Харит клялся, что религиозный долг разорит его еще до окончания хаджа. Он посадил своих паломников, число ко-

торых теперь приближалось к двум сотням, на поезд, идущий в Хартум, оттуда — в Атбару, а оттуда — в Суакин, стоящий на берегу Красного моря. В Суакине Харит нанял одномачтовое судно-дхоу и перевез своих паломников через море, в Лит, на побережье Аравии.

Они прибыли в Лит в пятый день Дха'л-Хиджа, за неделю до должного срока. Все хаджи сняли свои повседневные одежды и переоделись в белые ихрамы, не имеющие швов. Когда они готовились преодолеть последний отрезок пути в Мекку, их религиозный пыл достиг степени истерии. Но, прежде чем они покинули Лит, их остановили саудовские гвардейцы и потребовали показать паспорта и визы.

Жители африканской глубинки были потрясены. Им редко приходилось иметь дело с паспортами, а многие вообще о них не слыхали. Ну кто же мог подумать, что для совершения хаджа в Мекку необходимы какие-то бумаги? Они сказали гвардейцам, что поездку устроил Мустафа ибн-Харит, их благодетель.

Но куда же делся Мустафа, который мог бы все объяснить? Его нигде не было. Саудовские гвардейцы, глухие к мольбам и уговорам, отправили всю группу в литскую тюрьму. Там паломники оставались в течение трех недель, все время хаджа. Потом их извлекли оттуда и препроводили к судье.

Того, что произошло в суде, хватило, чтобы заставить усомниться в побуждениях Харита. Судья постановил, что паломники должны заплатить крупный штраф за незаконный въезд в Аравию. Паломники не имели никакой возможности выполнить это постановление, но тут в суд явился Харит и уплатил за всю группу. После того как Харит внес деньги, судья объявил, что теперь эти иностранцы, несостоятельные должники, переходят в полную собственность Мустафы ибн-Харита. По законам Саудовской Аравии все паломники стали его рабами.

Теперь они поняли, кто такой Харит, но было поздно. При помощи своих вооруженных слуг и саудовских солдат Харит отвез всю группу на рынок рабов в Эр-Рийяде. Там он выставил их на открытые торги. Некоторые из несчастных паломников кричали и сопротивлялись, пока охранники не

избили их плетками. Другие безропотно смирились с сокрушительным ударом судьбы. А некоторые, как и Одэ, были слишком ошеломлены, чтобы как-то реагировать на происходящее.

Одэ знал о рабстве. Оно еще с древних времен глубоко въелось в жизнь Западной Африки. Эмиры в Кано до сих пор владели рабами, хотя британские законы и запрещали им приобретать новых. На севере туареги никогда не отказывались от владения белласами, которые обрабатывали землю и присматривали за магазинчиками туарегов в Тимбукту и Камбаре. Даже кое-где в Хаусе сохранялось рабовладение.

Но, несмотря на все это, Одэ никогда не думал, что может наступить такой день, когда в раба превратится он сам. Этого не могло быть. Этого просто не могло случиться с чистокровным фулани, учеником водителя грузовика, который прошел обряд инициации и был принят в число мужчин племени. Фулани никогда не становятся рабами. И все-таки Одэ им стал.

Первые несколько недель он прожил в милосердном опенении. Юноша сидел с невидящим взглядом и не обращал внимания даже на удары кнута. Тогда окружающие решили, что он какой-то ненормальный, богом обиженный. Он не пригодился оманцам, которым нужны были рабы для опасной и изнурительной работы — добычи жемчуга. Бедуины из Неджа, ощутив легкое безумие Одэ, решили, что в пустыне он не протянет и месяца. Он был слишком взрослым, чтобы можно было сделать из него евнуха — юноша его возраста мог просто не выжить после кастрации, — и слишком туго соображал, чтобы работать в магазине. В конце концов его за сходную цену купил торговец из Мекки, которому нужен был слуга для дома.

Но даже придя в себя, Одэ продолжал держаться, как простодушный дурачок. Эта унижительная маска на какое-то время обеспечивала ему безопасность и позволяла выискивать возможности для побега. Следующие три месяца Одэ работал, ждал и продолжал сохранять свою маску. Ему даже в голову не приходило, что можно смириться с судьбой. Смирение никогда не было свойственно его народу. Он должен был бежать и отомстить за то бесчестье, которому подверг его

Мустафа ибн-Харит, этот проклятый Аллахом лгун, осквернитель гостеприимства, пожиратель падали, надсмевшийся над хлебом и солью. Харит должен умереть. А чтобы убить Харита, Одэ нужно освободиться...

Солдат махнул рукой, давая понять, что автобус может ехать дальше, и Одэ расслабил руку, сжимавшую нож. Через час они миновали второй пост. Сидевший рядом с Одэ мужчина из Кано спал. Впереди показались белые здания Джидды, розовевшие под закатным солнцем. Пятнадцать минут спустя, когда они въехали в город, пурпур заката поблек и сменился грязно-серыми сумерками.

Мимо автобуса с ревом пронесся американский автомобиль, едва не сбив носильщика воды и его ослика. Одэ резко выпрямился. Ему показалось, что это была машина Шефии. Юноша попытался убедить себя, что это невозможно. Бедр ибн-Шефия сейчас в Медине. Не может быть, чтобы именно сегодня он решил прервать свою поездку! Наверное, машина принадлежит какому-нибудь богатому нефтяному шейху, который любит быстро ездить по плохим дорогам...

Машина развернулась и остановилась в пятидесяти футах перед автобусом. Водитель автобуса ударил по тормозам, но это мало помогло. Одэ увидел, что из машины выбираются четыре саудовских солдата. На улице как-то сразу образовалась толпа. Водитель автобуса издал гневный вопль и утопил педаль тормоза до отказа. Автобус вильнул в сторону, неохотно замедляя ход. Он так и не сумел затормозить достаточно быстро и потому толкнул американскую машину. Толчок был мягким, но все же он помял бок легковой машины и разъярил ее владельца.

Владельцем машины, как увидел Одэ, оказался Бедр ибн-Шефия. Он действительно прервал свою поездку в Медину.

Осмотрев свою помятую машину, Шефия обрушил град проклятий на голову водителя автобуса. Водитель ответил тем же самым, но еще более энергично. Тогда Шефия прибег к более утонченным обвинениям. Он высказал предположение, что у водителя плохо со зрением, а потому нельзя упре-

кать его за то, что он не заметил такой крохотный предмет, как американский автомобиль. Водитель на мгновение задумался, потом согласился, что столкновение действительно произошло по его вине — он не знал, что некоторые слабоумные господа имеют привычку ставить свой автомобиль поперек главной улицы.

Солдаты и зеваки от души наслаждались происходящим. Заметив это, Шефия резко оборвал ссору и заявил, что он прибыл сюда из Мекки, чтобы забрать беглого раба.

Зеваки приготовились услышать о революции, о государственной измене или о похищении третьей жены короля Сауда, и такое обыденное сообщение их разочаровало. Рабы — вещь несущественная. Конечно, казнь беглого раба может оказаться любопытной, но ее скорее всего перенесут в Эр-Рийяд, чтобы пощадить чувства иностранцев. Иностранцев это бы утешило, но жители Джидды почувствовали бы себя обманутыми в своих ожиданиях. Впрочем, поимка беглого раба — это лучше, чем полное отсутствие развлечений.

— Беглый раб у меня в автобусе? — переспросил водитель. — Ну тогда забирай его.

Шефия вошел в автобус, четверо солдат последовали за ним. Он внимательно осмотрелся по сторонам, но своего раба не обнаружил. Тут эмир из Кано тронул Шефию за рукав.

— Думаю, я видел того человека, которого вы ищете, — сказал эмир. — Он сидел по соседству со мной.

— И где же он теперь? — спросил Шефия.

— Он вышел, — сказал эмир, указав на заднюю дверь. — Я спал. Когда автобус остановился и поднялся крик, я проснулся, а этот парень выскользнул через заднюю дверь, словно змея.

— Почему же вы не закричали?! — возмутился Шефия.

— У нас в Кано это не принято, — высокомерно ответил эмир.

— Но вы должны были закричать! — взвыл Шефия. — Вы должны были сразу же сообщить мне! Быстро говорите, куда побежал этот беглый раб!

Эмир молча посмотрел на торговца. Шефия попытался ответить ему таким же надменным и угрожающим взглядом, но тут же отказался от этой затеи. В спокойных, ничего не выражающих глазах и в больших узловатых руках, неподвиж-

но лежавших на рукояти меча, таилась опасность. Это был не тот человек, который позволяет торопить себя, тем более кричать на себя.

Выждав должное время, эмир произнес:

— Я сказал бы вам об этом раньше, если бы вы меня спросили, причем надлежащим образом.

— Это все нервы, — сказал Шефия. — Столько беготни, столько неприятностей... — Он замаялся, надеясь, что это объяснение может служить достаточной заменой извинению.

— Что касается направления, — сказал эмир, — раб протолкался через толпу и пошел по этой улице.

Шефия знал, что за этой улицей начинался лабиринт улочек и переулков. Найти в них кого-либо было нелегко. Торговец сжал руки.

— Не понимаю, почему он это сделал! Я обращался с этим неблагодарным ублюдком, как с родным сыном. Зачем он это сделал?

Эмир пожал плечами. Его редко интересовали побуждения других людей.

— А ведь бедолага еще и не в своем уме, — продолжал Шефия. — Он же придурковатый.

— Он выглядел не более придурковатым, чем гиена.

— Все равно его поймут! — вскричал Шефия и вылетел из автобуса. Он направился к властям, чтобы те оказали помощь в розысках.

Эмир откинулся на спинку сиденья и про себя пожелал беглому рабу удачи. Совершенно ясно, что этот парень — фулани. В самом эмире текла доля крови фулани, хотя вообще-то он принадлежал к древнему роду хауса. Но все-таки беглец не был каким-нибудь вонючим йоруба или ибо, или немытым язычником с холмов. Эмир чувствовал определенную симпатию к этому фулани, но помогать беглым рабам было ниже его достоинства.

Глава 2

На улицах зажглись факелы и фонари — ажурные пятна света посреди сгущающейся тьмы. Тускло светились редкие электрические лампочки, освещавшие лишь самих себя.

Ночь обрушилась на Джидду, словно голодный зверь. Белые дома потускнели и стали безнадежно серыми, а улицы превратились в черные туннели, испещренные белыми точками.

Саудовские солдаты обыскивали город, перекликаясь, подбадривая друг друга и обмениваясь советами. К охоте присоединились и горожане, с неистовым рвением прочесывавшие тупички и дворы. Такого развлечения у них не было уже давным-давно, с 1947 года, когда какой-то христианин попытался войти в мечеть обутым и за это его забили камнями. Раньше в Джидду стекалось много беглых рабов. Некоторые ухитрялись удрать, прежде чем до города добирались их преследователи. Тех, кто удрать не успевал, ловили за какой-нибудь час, дрожащих и ослабевших от рыданий. Но на этот раз происходила настоящая охота, и в каждом мужчине проснулись охотничьи инстинкты.

Толпа приблизилась к большому новому коллектору, по которому сбрасывались в море сточные воды города. Охотники подняли факелы повыше и с брезгливым отвращением заглянули внутрь. Труба была достаточно широкой, чтобы по ней мог пройти человек, и выводила прямо к морю. Но разве мужчина, будь он хоть беглым рабом, способен пасть настолько низко, чтобы войти в эти помои?

После длительного спора преследователи сошлись на том, что по-настоящему отчаявшийся человек все-таки на это способен. Но если так, то идти за ним в коллектор должны солдаты или сам хозяин раба. Несомненно, горожан это не касается. Охотники пришли к общему согласию, оставили в покое коллектор и двинулись обыскивать порт.

Лабиринт улочек и переулков был прочесан уже несколько раз. Кроме того, охотники осмотрели базарные ряды и обыскали несколько магазинов. На пристани тщательно проверили целый ряд лодок-дхоу. Возникло несколько ложных тревог, а двух сомалийцев вообще арестовали и избили. Позже, когда ни в одном из них Шефия не узнал своего беглого раба, перед сомалийцами долго и многословно извинялись.

А теперь, по неким необъяснимым причинам, поиски переместились в ярко освещенные кофейни.

...Одэ стоял рядом с пристанью, в тени сарая, громко именуемого таможенной. Юноша даже не запыхался. Ему почти не пришлось бежать. Выйдя из автобуса, он несколько минут походил по улицам, а потом присоединился к одной из поисковых партий. Это не составляло особого труда: Джидда была морскими и воздушными воротами Мекки, и потому город постоянно был наводнен множеством мусульман из самых разных стран. Здесь можно было встретить всю палитру оттенков — от эбеново-черных нубийцев до белокожих балучей, и какие угодно наряды — от набедренных повязок до джеллаб. Здесь, в Джидде, жило больше народностей, чем где-либо в мире, не считая Омдурмана.

В качестве преследователя Одэ не привлекал к себе особого внимания. Единственная предосторожность, которую юноше следовало соблюдать, — это держаться подальше от одного только человека, который мог его опознать, Бедры ибн-Шефии.

Одэ тоже заглядывал в коллектор и счел, что его не устраивает такой путь бегства. Потом он вместе с остальными добровольцами спустился в порт и стал помогать обыскивать стоявшие у причала суда. А когда толпа отправилась обыскивать кофейни, Одэ незаметно ускользнул и притаился в тени таможи. Теперь он ожидал, пока саудовские гвардейцы перейдут на дальний конец пристани.

Одэ уже знал, на какой дхоу он спрячется. Он выбрал большое неопрятное кувейтское судно, готовое к отплытию. Груз — невыделанные шкуры и древесина — уже находился на борту и, судя по штемпелям, прошел таможенный досмотр. Когда Одэ вместе с другими преследователями обыскивал судно, там никого не было. Вероятно, капитан и команда сейчас пили кофе в какой-нибудь кофейне.

Когда солдаты удалились, Одэ выступил из темноты. Казалось, за длинным рядом дхоу никто не наблюдает. Каменные здания, оставшиеся у Одэ за спиной, тоже были темными и безмолвными. Юноша пересек пристань и поднялся на борт кувейтской дхоу.

Несколько минут он ждал, затаившись в маленькой душевой каюте. Похоже, погони не было. Вскоре Одэ услышал,

как мимо снова прошли солдаты, направляясь на противоположный конец пирса.

Крадучись, Одэ выбрался на палубу. Луна скрылась за тучами — велик Аллах всемилостивый! — и на соседних судах не было заметно ни малейшего движения. Одэ пробрался на заваленный дровами нос корабля. Там он осторожно вытащил из большой груды несколько поленьев. Потом юноша осторожно растащил несколько бревен, надеясь, что ветер или прилив не заставят их грохнуться в море или обратно на пристань, и с сомнением посмотрел на сотворенную им дыру. Его тошнило при одной мысли о необходимости забиваться в эту нору. Теперь его собственный план казался Одэ бредом сумасшедшего. Он мог сбыться только при особом благословении Аллаха.

Но ничего другого не оставалось. И Одэ, правоверный мусульманин, враг саудовцев, свободнорожденный фулани и беглый раб, ногами вперед заполз в дыру, проделанную им в грудке дров. Извиваясь, как червяк, он забился поглубже, ногами отталкивая со своего пути связки древесины. Одэ пришлось в голову, что сейчас он похож на червяка-древоточца. Но, даже забиваясь поглубже, он продолжал держать в руке нож. Этот червяк-древоточец был вооружен. Первый, кто обнаружит его, горько об этом пожалеет, а возможно — второй и третий тоже.

С большим трудом Одэ закопался достаточно глубоко, чтобы его голова скрылась под дровами, после чего он построил на место ранее вынутые поленья, чтобы замаскировать свою нору. Это он проделал с особым тщанием. Если лодку будут обыскивать во второй раз, его могут найти; но, возможно, они не станут копаться здесь снова. Еще Одэ мог обнаружить перед отплытием капитан или кто-нибудь из команды, но это было маловероятно. Юноша спрятался на носу, и от остальной палубы его нору заслоняла огромная куча дров. Чтобы увидеть укрытие Одэ, сперва нужно было бы разгрести всю эту грудку.

Одэ принялся ждать. Тут его словно громом поразило: он ведь не знал, куда направляется эта лодка! Она вполне могла стоять в Джидде, ожидая благоприятного ветра для плавания к берегам Африки. Да, но куда именно? Если дхоу направит-

ся в один из маленьких безымянных портов южнее Судана, положение Одэ может осложниться. Эфиопы были даже худшими рабовладельцами, чем арабы, а сомалийцы — еще хуже эфиопов. По крайней мере, так говорили. Все эти чужаки были дикарями, и они не могли понять, что означает свобода для фулани.

А что, если дхоу простоит у пристани еще неделю? Одэ не под силу переплыть Красное море. И вернуться в Джидду он тоже не может.

Одэ сказал себе, что нечего загадывать наперед и беспокоиться о том, чего не можешь изменить. Если дхоу не уплывет из Джидды, он умрет под этой грудой бревен. Если судно причалит в землях свирепых эфиопов, он умрет, сражаясь. Самым важным было то, что он освободился, даже если свобода не принесет ему ничего, кроме смерти.

До рассвета оставалось несколько часов. Одэ устроился поудобнее, насколько это представлялось возможным, закрыл глаза и уснул.

Глава 3

Саид Мохаммед Маджбил сидел в маленькой каюте на своем судне и пытался сосредоточиться на цифрах бухгалтерской книги. Саид был совладельцем дхоу и ее капитаном. Вторым совладельцем лодки был кувейтский торговый дом Мабери́дж. Большая часть команды состояла из бедных родственников семейства Мабери́дж и работала за мизерную плату. Это было вполне в порядке вещей, но вносило путаницу и потому не нравилось Саиду. Приходилось постоянно подбивать баланс, а для него это было нелегкой работой. Он был капитаном, морским волком и привык иметь дело с ветром, морем и землей, а не с циферками в грессбухе.

Саид разогнул спину и потер глаза. Борода капитана была седой. Пожалуй, он стал слишком стар для того, чтобы путешествовать по удушающей африканской жаре. Ему бы следовало сидеть дома, да, в собственном доме, расположенном неподалеку от кувейтского порта, курить, попивать кофе в обществе других капитанов, беседовать о судах, фрахтах и

других важных вещах. А он вместо этого вынужден томиться в душной тесной каюте, страдать от всепроникающей влажной жары африканского побережья и корпеть над бухгалтерской книгой.

Шкуры были выгружены здесь, в Порт-Судане. Древесина предназначалась для Суакина — на пятьдесят миль дальше по побережью. Отплыть нужно будет сразу же после утреннего намаза — если, конечно, ему удастся собрать команду, застрявшую в здешних борделях. Матросы разошлись сразу после разгрузки шкур, поклявшись вернуться к заходу солнца. Уже давно наступила ночь, но, само собой, ни один мерзавец еще не вернулся.

Саид поднял голову. С носа донесся какой-то странный звук. Крыса? Нет, это что-то покрупнее. Ну, раз не крыса, то, значит, человек. Возможно, кто-нибудь из этих вороватых динка решил, что на судне никого нет, и залез посмотреть, чем можно поживиться.

Странный звук повторился. Саид закрыл грессбух и вытащил нож — ханжал с изогнутым лезвием, без которого капитан чувствовал себя все равно что голым. Он попробовал пальцем, достаточно ли хорошо отточено лезвие, потом подошел к двери и прислушался.

Шаги прошуршали по палубе. Неизвестный двигался в сторону кормы. Когда он приблизился к каюте, Саид закричал и выпрыгнул наружу. Вор — молодой негр, одетый в белое, — быстро обернулся, пытаясь защититься. Но спасла его не собственная ловкость, а забытая на палубе жаровня. Споткнувшись об нее, негр упал, и ханжал Саида просвистел у него над головой.

Саид бросился к упавшему, но молодой вор быстро откатился в сторону и вскочил. В руке у него блеснул нож. Саид набросился на вора в тот момент, когда тот еще не восстановил равновесие. Капитан рассчитывал одним ударом покончить с этим наглецом. Они вместе упали на палубу. Саид оказался сверху, но вор схватил его за запястье правой руки и попытался высвободить свой нож. Саид перекатился и, в свою очередь, поймал негра за правое запястье, стараясь сломать ему руку о палубу.

Но капитан уже утратил преимущество, которое дала ему

неожиданность нападения. Сцепившись, дерущиеся покатились по палубе. Вор был молод, крепок и хорошо сложен, хотя и худощав. А Саид был уже пожилым человеком, давно миновавшим расцвет сил. Пятьдесят с лишним — это вам не шуточки. Но всю свою жизнь капитан провел в море, и его тело стало подобно хорошо выдержанной древесине дуба.

Вор снова оказался сверху и еще раз попытался высвободить свой нож. Во время драки капитан громко проклинал воров, тревожащих покой правоверных. В таких ругательствах не было ничего постыдного, а кто-нибудь на берегу мог их услышать и поспешить на помощь.

— Я не вор! — закричал в ответ юноша и рванулся с такой силой, что едва не освободил руку.

Саид ответил новым потоком проклятий. Но теперь оба участника схватки боролись уже не так яростно. Они берегли силы, не забывая при этом держать друг друга за руки.

— Лживый твой язык! — воскликнул Саид. — Как ты смеешь утверждать, что ты не вор?

— Смею, потому что я не вор! — гневно откликнулся юноша. — Я спрятался на твоей дхоу, когда она стояла в Джидде, а теперь пытаюсь уйти с нее!

— А, — догадался Саид, — так ты тот самый беглый раб из Джидды!

— Я не раб! Меня поработили обманом!

Гнев Саида явно поостыл. Вор — это одно, а беглый раб — это совершенно другое. А кроме того, капитан уже потерял все свое преимущество. Ситуация зашла в тупик, и выигрыша здесь быть не могло. Не считать же выигрышем возможность получить нож в горло.

— Послушай, — сказал Саид, — а если я позволю тебе уйти, ты не станешь пытаться меня убить?

— А зачем мне тебя убивать? — спросил Одэ. — Клянусь Аллахом, все, что я хотел, — это мирно уйти с твоего судна.

— Ну так иди! — сказал Саид и выпустил юношу. На всякий случай капитан быстро откатился в сторону, поднял свой ханжал и вскочил, держа оружие наготове. Но юноша не предпринял никаких попыток напасть на него. Вместо этого он медленно попытался встать. Саид вспомнил, что дхоу три дня находилась в плавании. Если юноша говорит правду,

значит, эти три дня он провел, зарывшись в груды дров, — без еды, без питья, под палящим солнцем...

Видимо, это действительно было правдой. Ноги юноши подогнулись, нож выпал из обмякших пальцев и звякнул об палубу. Некоторое время Саид смотрел на распростертое тело, соображая, что же делать дальше, потом подошел к упавшему беглецу.

Придя в сознание, Одэ обнаружил, что он лежит в каюте дхоу. Пожилым араб обтирал лицо юноши холодной водой. Одэ тут же потянулся к воде.

— Ну-ну, не спеши, — предостерег его старик. — Попробуй сесть. Может быть, расскажешь, что с тобой стряслось?

Одэ сел и рассказал пожилому арабу обо всем: о Мустафе ибн-Харите, о саудовских гвардейцах, о том, как его, свободного фулани, продали в рабство и как ему удалось бежать.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул Саид. — Что за история! Я сам не люблю рабовладельцев. У нас в Кувейте богачи покупают рабов, чтобы те работали на дхоу. Рабы плавают на судах, а свободные люди не могут заработать себе на жизнь.

Одэ никогда не смотрел на вещи с этой стороны, но в словах араба был свой смысл. Рабов, конечно, кормят, но им ничего не платят. Их труд стоит дешево. Таким образом рабовладельцы отбивают заработок у торговцев вроде этого старика.

— Но я становлюсь забывчив, — сказал Саид. — Окажи мне честь, раздели мою трапезу.

Одэ, у которого три дня крошки во рту не было, едва не согласился сразу же. Но юноша помнил, что он снова вернулся в цивилизованный мир и что ему следует вести себя достойно. От старого араба требовалось исполнить долг гостеприимства, а от Одэ — сохранить самоуважение. Потому юноша отказался, вежливо, но твердо. Поскольку Одэ был очень голоден, во второй раз его отказ звучал более нетерпеливо. На третий раз Одэ принял приглашение, делая вид, что он лишь уступает просьбам хозяина.

Старик выложил на стол все, что у него было: хлеб, рыбу

и немного сушеных фиников. Потом он заварил кофе. Они с Одэ пили уже по второй чашке.

— И что ты теперь собираешься делать? — поинтересовался Саид.

— Я убью Мустафу ибн-Харита, — твердо ответил Одэ.

— Конечно, это будет замечательно, — согласился Саид. — Но как ты его найдешь?

— Не знаю, — пробормотал Одэ. Об этом он пока что не думал.

— Работоторговцы обычно не сидят на одном месте, — сказал Саид. — Ты говоришь, в прошлом году он побывал рядом с Кано. В этом году он может оказаться в Джубе, или в Дар-эс-Саламе, или в Бамако, или в Берберии. Он может отправиться куда угодно: в Нигерию, в Конго, в Танганьiku, в Судан — рабов привозят отовсюду. Он может поехать в любой уголок Африки. А возможно, он все еще находится в Аравии или в Йемене.

— Да, его будет нелегко найти, — признал Одэ.

— И кроме того, — продолжил Саид, — предположим, ты действительно найдешь и убьешь его. А что с тобой сделает полиция?

— Это неважно, — сказал Одэ.

— Ты женат?

— Нет пока что. Я собирался жениться через пару лет, когда сдам экзамен на права.

— Тогда послушай старика. Не стоит губить свою жизнь ради мести. Если ты убьешь этого мерзавца, полицейские убьют тебя. А у тебя даже нет сыновей, которым ты мог бы передать свое имя.

— Но он причинил мне...

— Расскажи обо всем полицейским, — предложил Саид.

— Полицейским? Да что они могут сделать?!

— Может, ничего, а может — очень много. Ты должен молить Аллаха, чтобы полицейские нашли и убили этого человека. Они убили уже многих работоторговцев. Например, здесь, в Судане, два года назад казнили одного такого негодяя.

— Неужели это правда? — спросил Одэ.

— Чистая правда. Иногда полицейские приносят большую пользу. Ты — молодой человек с многообещающим бу-

душим, твой враг может находиться в любом месте Африки или Аравии, а у тебя нет сыновей. Так что иди-ка ты лучше в полицию.

Одэ поблагодарил капитана и сказал, что он подумает над этим. Потом он сошел с судна и направился в Порт-Судан. Шагая по дороге, юноша размышлял о возмездии. Как он сможет смотреть людям в лицо, если откажется от мести? Но, приблизившись к городу, Одэ услышал музыку и смех, и вдруг жизнь снова показалась ему величайшим сокровищем. Возможно, жизнь действительно ценнее мести.

Одэ было нелегко принять такое решение, но он решил сдержаться — по крайней мере, на время. Он расскажет полицейским о Мустафе ибн-Харите. И посмотрит, что из этого получится.

10 мая 1952 года, Эль-Джезира

Глава 1

Это был один из рутинных, набивших оскомину рапортов. Обычно полковник Фрэнк Пэррис ограничивался тем, что бросал взгляд на заголовок «Практика рабовладения в Северной и Северо-Восточной Африке». Увидев, что его это не касается, полковник откладывал рапорт в сторону, так же как сотни других документов, поступивших на базу бомбардировщиков, расположенную в Эль-Джезире, Ливия, которой командовал Пэррис.

Однако на этот раз Пэррис не стал сплавлять документ куда подальше. Совершенно неожиданно полковнику пришло в голову, что вопросы рабовладения могут представлять для него определенный интерес. Он внимательно прочел довольно объемистый рапорт.

Рапорт был составлен в Хартуме. Копии были разосланы полицейским властям соответствующего района. Полицейские, в свою очередь, разослали копии по командным постам британских, французских, бельгийских и американских войск, дислоцирующихся в этом районе. Мало-помалу очередные копии расплзлись с командных постов на региональные, и таким образом шесть месяцев спустя данный экземпляр до-

брался до базы полковника Пэрриса, затерянной в глубинах Ливийской пустыни.

Если говорить конкретно, рапорт касался деятельности предполагаемого работорговца, известного как Мустафа ибн-Харит. (Описание прилагается.) 30 ноября 1951 года в Хартуме была зарегистрирована жалоба на этого Харита, поданная неким нигерийцем (см. Приложение 1). Самой по себе этой ничем не подкрепленной жалобы было бы недостаточно, чтобы выдвинуть против Харита обвинение в работорговле. Но оказалось, что оную жалобу подкрепляют сведения о деятельности Харита со времен окончания Второй мировой войны, которые имелись у полиции. Так что эта жалоба послужила последней каплей, переполнившей терпение полицейских властей, и те решили, что с Харитом нужно что-то делать, причем немедленно (см. Приложение 2. «Политические последствия работорговли в африканских регионах, контролируемых европейскими странами»).

Считалось, что Харит был крупнейшим работорговцем, действующим в Северной и на севере Центральной Африки. На него уже пять раз поступали подобные жалобы, и дважды он привлекался к суду: первый раз — в 1947 году в Порт-Арчемболте и второй — в 1949 году в Джибути. Оба дела были прекращены ввиду смерти или исчезновения важнейших свидетелей обвинения (см. Приложение 3).

Было достоверно зафиксировано, что Харит поставляет рабов на рынок в Саудовской Аравии — около двухсот пятидесяти человек в год. Его метод заключался в следующем: Харит отправлялся в какой-нибудь сельский район, изображал из себя мусульманского проповедника и филантропа и уговаривал малоимущих мусульман совершить хадж в Мекку. По прибытии в Аравию паломников арестовывали за нелегальный въезд в страну, присуждали к выплате непомерно высокого штрафа, после чего обращали в рабство (см. Приложение 4. «Легальный статус работорговли в Саудовской Аравии»).

Харит предпочитал добывать свое «сырье» в районе, который с севера и с юга ограничивали соответственно реки Нигер и Конго, а с востока и с запада — Тимбукту и Эль-Обейд. Сюда входили почти весь Нигер, большая часть провинций Верхней Вольты, относящихся к французской Эква-

ториальной Африке, Камерун, север Нигерии, восточные провинции бельгийского Конго, а также провинции Дарфур и Кордофан, относящиеся к англо-египетскому Судану. То есть Харит действовал на территории площадью почти в миллион девятьсот тысяч квадратных миль. Здесь могли бы поместиться две Индии или Индия, Пакистан, Афганистан и Бирма вместе взятые.

Из этого следовало, что имя Харита не получило той известности, которую могло бы приобрести при других условиях. Огромные пространства и изоляция большинства селений давали Хариту почти стопроцентную гарантию того, что он не будет опознан. А кроме того, в сборе групп паломников для поездки из Африки в Аравию не было абсолютно ничего противозаконного. Так что, в отличие от работорговцев, промысляющих в Сахаре и на территории Сомали (см. Приложение 5), Харит мог действовать совершенно открыто.

Согласно рапорту, в качестве точки сбора Харит обычно использовал Форт-Лами в Чаде. Оттуда он на грузовиках переправлял свои группы в Судан, сажал их там на поезд и вез в Порт-Судан или Суакин. Потом паломники пересаживались на дхоу и через Красное море переправлялись в Аравию.

Тем не менее это был только один из его маршрутов. Согласно некоторым источникам, иногда Харит отправлялся на юг, в Йоунде или Бангуи, а оттуда двигался на северо-восток, в Кассалу, провинцию Судана. А добравшись до Красного моря, Харит мог выбирать любой из многочисленных небольших портов, рассыпанных по трехсотмильному побережью между Порт-Суданом и Массавой.

Впрочем, излюбленным его маршрутом являлся первый из упомянутых: Форт-Лами—Хартум—Порт-Судан.

Харит считался крайне опасным человеком. На его совести было убийство трех европейцев, агентов полиции. Власти сообщали, что они будут всемерно приветствовать любую помощь и содействие в поиске доказательств работорговческой деятельности Мустафы ибн-Харита...

Полковник Пэррис полагал, что в данном случае он может оказать и помощь, и содействие. Так уж получилось, что в настоящий момент полковник принимал у себя служащего

военной разведки, человека по имени Стивен Дэйн. Пэррис очень надеялся, что его гость, рыцарь плаща и кинжала, предпочтет поохотиться за мерзавцем-работорговцем вместо того, чтобы слоняться по небольшой ничем не примечательной базе бомбардировщиков и проверять рапорты о продаже излишнего и устаревшего оборудования.

Чем дольше полковник размышлял, тем больше ему нравилась эта идея, особенно если учесть, что кое-что из проданного оборудования можно было назвать излишним лишь с большой натяжкой. Здесь, в Сахаре, даже новая техника зачастую выдерживает лишь несколько месяцев, после чего ее приходится списывать. Ну кого в таких условиях может волновать судьба десятка грузовиков и тягачей времен Второй мировой войны? Разве можно при таких обстоятельствах осуждать человека за исчезновение нескольких сотен устаревших «спрингфилдов» и «гарандов», которые вообще куда не годятся? И кого могут заинтересовать несколько тысяч неучтенных комплектов обмундирования?

Как ни странно, но к этим вопросам начал проявлять интерес финансовый отдел командования авиацией, расположенный в Триполи. Это была какая-то разновидность новой экономической кампании, нудная рутинная проверка, но, увы, это означало конец счастливых, беззаботных послевоенных времен.

У полковника Пэрриса эти времена заняли на пять лет больше, чем у всех прочих, и вот теперь отдельные узкомыслящие чинуши могут счесть некоторые особенности административной политики полковника обыкновеннейшим воровством.

Впрочем, у него все достаточно неплохо подчищено. Формалистам из финансового отдела придется чертовски нелегко, если они попытаются что-либо доказать. Но этот Дэйн был мужиком цепким и вел рутинную проверку так, словно разыскивал доказательства для проводимого им судебного следствия. Это действовало Пэррису на нервы. Дэйн вполне способен что-нибудь раскопать. Было бы гораздо приятнее, если бы он отправился охотиться на работорговца и оставил базу в покое.

Проблема заключалась в том, что Пэррис не мог отыскать

никаких причин, по которым человеку из военной разведки Соединенных Штатов следовало бы подключиться к этому расследованию.

Но Пэррис был не из тех, кто легко отказывается от хорошей идеи. Полковнику требовалась какая-нибудь связь между вверенной ему воинской частью и Харитом. Да бога ради, если связь нужна, она всегда найдется. В рапорте говорилось, что Харит регулярно появляется в районе озера Чад, а это менее трех сотен миль от Эль-Джезире. В уме полковника стали оформляться контуры этой гипотетической связи.

Пэррис вызвал дежурного офицера и приказал приготовить анкету для гражданских лиц, работающих на базе. Дежурный офицер, майор Форбес, всю войну прошел вместе с Пэррисом. Он тоже любил беззаботные времена. Потому майор сразу же понял, что требуется командиру, и подобрал нужные вопросы.

Два дня спустя Пэррис позвонил в Хартум, в штаб британских войск, и задал офицеру разведки несколько вопросов о Мустафе ибн-Харите. С подобными же вопросами полковник обратился в Лагос, в Кано, в Браззавиль, где располагался штаб французских войск, в Яоунду и в Бангуи. Все эти звонки были сделаны с единственной целью — извлечь рапорт о Харите из глубин забвения и поддерживать интерес к нему. Добившись этого, Пэррис позвонил в Триполи, в командование авиационных частей. Он решил обратиться к генералу Дейлу, который просто-таки с болезненной чувствительностью относился к общественному мнению.

— Я по поводу этого рапорта о работорговле, сэр. Он вам не попадался? Нет? Ну, это официальный рапорт англичан насчет одного работорговца, Мустафы ибн-Харита. Он, кажется, один из крупнейших работорговцев, а может, и самый крупный. Я тут кое-что проверил и обнаружил, что здесь, в Эль-Джезире, тоже были случаи работорговли. Нет, не на базе, конечно, — в городе. Боюсь, это может выставить нас не в лучшем свете. Несколько человек из местного персонала были похищены этим Харитом. Они уехали вместе с ним, и с тех пор о них не было ни слуху ни духу. Видит бог, нашей вины тут нет. Но поскольку в этой части пустыни закон и по-

рядок представляем именно мы, боюсь, местные жители не слишком нами довольны...

Генерал Дейл тут же согласился, что благожелательное отношение местного населения крайне важно для нормального функционирования военной базы в чужой стране. Он сейчас прочтет копию рапорта и перезвонит полковнику.

Через час беседа Пэрриса с генералом возобновилась. Генерал Дейл просмотрел рапорт и наскоро переговорил с Хартумом и Браззавилем. Он был совершенно согласен с полковником Пэррисом — это действительно серьезная проблема.

— Честно говоря, — сказал Пэррис, — меня беспокоит общая картина. В Ливии существует сильная оппозиция нашим базам и часто имеют место попытки настроить общественное мнение против нас. Из истории вокруг Эль-Джезире вполне могут сделать вывод, что военная разведка США недостаточно сильна, чтобы заставить каких-то паршивых работорговцев держаться за пределами наших оперативных районов. Подобные слухи способны подорвать наш престиж, а в арабских странах, если у вас подорван престиж, вам конец. Вспомните хотя бы наши базы в Марокко. Возможно, мне не следовало высказываться настолько откровенно, но меня беспокоят все эти штучки с работорговлей. Это очень серьезный повод для волнений, а наше явное безразличие к данному вопросу создает нам репутацию людей бессердечных. Такой подход к делу позволяет коммунистам всю развернуть свою пропаганду, хотя прямых доказательств подобного у меня пока что нет. Я не хочу попусту бить тревогу, генерал, я просто говорю о положении вещей в Эль-Джезире. Вот все, что я могу сказать по данному вопросу.

— Я не знаю, окажет ли это какое-нибудь влияние на Хиллуз-Филд или на какую-либо другую нашу базу в Ливии. Но я точно могу сказать, что мы бы много выиграли, если бы нам удалось что-нибудь сделать с этим работорговцем. Мне бы очень хотелось увидеть, как мы поймает этого ублюдка на горячем и засадим. Если бы мы могли поручить это какому-нибудь достаточно опытному человеку, это заметно улучшило бы наши отношения с местным населением, — откликнулся генерал.

— Ну, сейчас подумаю... Здесь есть один человек из воен-

ной разведки, приехал посмотреть нашу документацию. Некий Стивен Дэйн. Во время войны он служил в ОСС, а сейчас, я полагаю, поддерживает связи с ЦРУ. Он хорошо знаком с местными условиями. Просто стыдно, что такого специалиста заставляют заниматься бумажной работой. Хотя, возможно, это вне его компетенции. Я имею в виду, ему пришлось бы действовать на британской и французской территориях, а на это может потребоваться специальное разрешение. И в этом деле присутствует элемент личного риска, который может перевесить выгоды...

— Ну, если вы так считаете, сэр... Да, сэр! Хорошо, я сразу же этим займусь. Благодарю вас, генерал Дейл.

Полковник Пэррис повесил телефонную трубку и наградил себя сигарой. Теперь все было готово. Полковник создал форменную дымовую завесу, которая, конечно, была дутой, но основывалась на вполне реальных и неприглядных фактах — существовании Мустафы ибн-Харита и работорговли. Тем самым Пэррис обезопасил себя от мистера Дэйна. Если Дэйн возьмется за это занятие, он перестанет стоять у полковника над душой. Если же Дэйн от задания откажется, его репутация сильно пострадает. Тогда при помощи нескольких своевременных намеков о мужестве, долге и налагаемых ими обязанностях Пэррис вполне может подорвать доверие к отчету Дэйна. И в конце концов, так или иначе, но на некоторое время в Триполи забудут о пропавших винтовках и грузовиках. А время — это возможность перевести дыхание и еще что-нибудь придумать. Если вы предупреждены, за несколько месяцев вы можете чертовски много сделать.

Взвесив все это, полковник пришел в превосходное расположение духа и отправился побеседовать со Стивеном Дэйном.

Глава 2

— Итак, вот что мы имеем, — сказал полковник Пэррис Стивену Дэйну несколько часов спустя. — Я лично не понимаю, при чем тут мы, но вы же знаете, как генерал Дейл относится к общественному мнению. Во всяком случае, фран-

цузы и англичане совершенно не против того, чтобы мы разгрызли этот орешек.

Стивен Дэйн кивнул и отложил рапорт. Он прочел такую же копию еще месяц назад, в Триполи, и отчет его очень заинтересовал. Но этот документ вызвал у Дэйна некоторые дурные предчувствия. Ему вообще-то казалось, что это задача для политиков, а не для секретных агентов. Разумеется, можно арестовать и посадить Харита, но остальные две сотни работорговцев Северной Африки даже не почешутся. Покончить с работорговлей не удастся, пока существует сам институт рабства. Согласно рапорту, поступившему из Хартума, в Саудовской Аравии, Йемене, Омане и в некоторых эмиратах работорговля велась совершенно легально или хотя бы полупо-легально. До тех пор, пока сохраняется подобное положение вещей, устранение одного конкретного работорговца приведет лишь к тому, что вместо него появится другой.

Но до этого было еще далеко. Размах работорговли просто ошарашил Дэйна. Это происходило на огромных плохо управляемых пространствах второго по величине континента планеты. Страдали от этого уродливого явления бедные, беспомощные, наивные люди, живущие в глуши. Прибыль работорговцев составляла от трехсот до пяти тысяч процентов. Основная часть расходов приходилась на взятки полицейским, судьям и портовым властям. Рабов могли доставить из любого уголка и продать в любую из восьми стран, расположенных неподалеку от рынков, ведущих торговлю рабами в Аравии, а также в любое место 2500-мильного побережья, от Бир-Шалатейна в Египте до Дар-эс-Салама в Танганьике. Против нефтедобывающих стран, практикующих работорговлю, невозможно было предпринять ни одной политической акции, не обсудив предварительно этот вопрос в ООН. При таких обстоятельствах торговля людьми начинала просто бесить Дэйна.

А Харит бесил его особенно. Конечно, этого человека необходимо остановить. Даже если его место и займет кто-нибудь другой, маловероятно, чтобы преемник унаследовал его размах и наглость. Согласно досье, Мустафа ибн-Харит был первоклассным мореходом и обладал редкой способностью к языкам. Он мог с одинаковым успехом читать проповеди

чуть ли не в любом селении, расположенном на территории в два миллиона квадратных миль, поскольку знал более десятка местных языков и диалектов. Если устранить Харита, его место вполне может занять какой-нибудь откровенный охотник за рабами. Он примется устраивать набеги на селения, а за ним, в свою очередь, будет гоняться полиция. Но налетчику, тайком пробирающемуся по пустыне с тремя-пятью десятками рабов, трудно тягаться с Харитом, который не таится, действует в рамках закона и продает за год триста-четыре-ста рабов. Если нужно из двух зол выбрать меньшее, пусть уж лучше будет налетчик.

Дэйну хотелось взяться за это дело, но прежде, чем хотя бы начать к нему готовиться, следовало выполнить задание, полученное от военной разведки, — то самое, которое привело его в Эль-Джезиру, на базу бомбардировщиков, возглавляемую полковником Пэррисом.

Действительно, в штабе заметили возникшую на базе нехватку оборудования. В большинстве подобных случаев военные предпочитали наводить порядок собственными силами, но относительно данного инцидента ходили настойчивые слухи, что Пэррис продает не только старые винтовки. Согласно неподтвержденной информации, Пэррис намеревался продать все стратегически важные материалы, оказавшиеся в его распоряжении, включая сведения о том, где именно в Средиземноморье планируется разместить базы авиационного командования. Все те же слухи связывали с этим имя некоего советского агента и даже описывали, как это якобы должно произойти. Слухи были слишком настойчивыми, чтобы от них можно было просто отмахнуться, и Дэйна послали с ними разобраться, а для маскировки своих истинных намерений разгрести здешнюю бухгалтерскую отчетность.

Оказалось, что, несмотря на их настойчивость, слухи не соответствовали действительности. Дэйн не обнаружил никаких связей между Пэррисом, находящимся в Ливии, и предполагаемым советским агентом, которого якобы видели в Каире. Полковник был вором, но не предателем. Впрочем, точно таким же вором был и деловитый араб из Триполитании, от которого военная разведка получила эти сведения.

Похоже, его жадность намного превосходила количество ценной информации, которой этот араб располагал, и он просто принялся врать, чтобы вытянуть побольше денег. Так что с полковником Пэррисом все было ясно. Тем больше удивился Дэйн, когда обнаружил, что разнервничавшийся полковник сделал за него почти всю предварительную работу по делу Харита.

При таких обстоятельствах Дэйн решил не мешать полковнику действовать в том же духе. Тот явно с перепугу начал быстрее соображать.

— Есть ли какой-нибудь способ узнать, где сейчас находится Харит? — спросил Дэйн.

— Я уже интересовался этим, — торопливо ответил Пэррис. — По предположениям французской и английской разведок, в этом году Харит отправился на промысел в Убанга-Шари и северный Камерун. Он использует в качестве сборного пункта Форт-Лами и уже оттуда продолжает путь через Судан.

— Вы быстро работаете, — сухо заметил Дэйн.

— Ну, найти Харита — не такая уж проблема. Вот собрать доказательства и притянуть его к суду действительно трудно. Дэйн кивнул:

— Да, похоже, это и вправду самая сложная часть дела.

— Должно быть, Харит управляет чертовски хорошей организацией, — высказал предположение Пэррис. — И, конечно, он имеет возможность все это оплатить. Вряд ли он тратит больше пятидесяти долларов на дорогу и питание для одного человека. В Аравии за этого же самого человека он может получить долларов четыреста, а за красивую женщину — до полутора тысяч. Дьявольски высокая прибыль, даже если учитывать плату сообщникам и расходы на взятки. Однако опытный оперативник при достаточном финансировании операции и при поддержке других служб, пожалуй, мог бы с ним справиться — как вы считаете?

— Я считаю, что это было бы очень нелегко, — бесстрастно откликнулся Дэйн.

— Это правда, — признал Пэррис. — Конечно, вам нужно быть очень осторожным. У вас есть какой-нибудь план?

— Я прикинул несколько вариантов.

— Так вы беретесь за это дело?

— Да, — сказал Дэйн, выполняя решение, принятое им несколько месяцев назад. — Берусь. Но мне нужна дополнительная информация.

— Я уже обратился с запросом в лондонский Комитет по борьбе с рабством и попросил, чтобы они сообщили все, что им известно, — сказал Пэррис. — Если я могу еще чем-нибудь помочь, вы только скажите.

— Вы и в самом деле быстро работаете, — признал Дэйн. — По правде говоря, вы действительно могли бы еще кое-что сделать для меня.

— Скажите, что вам нужно, и я вам помогу.

— Хорошо, — утвердительно кивнул Дэйн. — Во-первых, мне нужен список работорговцев, осужденных за последние пять лет. Список должен быть максимально полным, насколько это вообще возможно. Кроме того, мне потребуется список всех лиц, которые за последние пять лет привлекались к суду по обвинению в работорговле, даже если их и оправдали. Третий список должен включать всех лиц, подозреваемых в работорговле. И мне необходимо подробное описание каждого человека из этих списков и все, что о нем можно узнать.

— Это довольно большая работа, — с сомнением произнес Пэррис. — Если исходить из хартумского рапорта, в Северной Африке насчитывается более пятидесяти работорговцев. За последние пять лет могло быть вынесено несколько десятков приговоров по этим делам и произведено бог весть сколько арестов. А если начать расспрашивать полицейских, кого они подозревают...

— И тем не менее мне нужна эта информация, — твердо произнес Дэйн. — Причем не только по Северной Африке. В список должны входить имена всех известных или подозреваемых работорговцев по всему континенту.

— Вы имеете в виду всю Африку?!

— Именно.

На мгновение полковник ошеломленно застыл.

— Послушайте, Дэйн, — выдавил он наконец, — чтобы собрать подобную информацию, мне придется связаться с

полицией всех стран континента. То есть нужно будет отправить около тридцати запросов.

— Скорее около сорока, — поправил его Дэй. — Но, поскольку генерал Дейл проявил такой интерес к этому вопросу, я уверен, что вас это не смутит. Особенно после того, как вы уже оказали мне немалую помощь.

— Хорошо, я соберу сведения, которые вы просите, — согласился Пэррис. — Но на это потребуется время.

— Времени у меня полно, — сказал Дэй. — А пока вы будете составлять эти списки, я продолжу проверку ваших бухгалтерских счетов.

— Ясно, — проронил Пэррис. — Ну что ж, Дэй, поскольку это дело исключительной важности, я привлеку к нему всех клерков базы. Черт побери, я привлеку к нему всех людей, способных написать свое имя. Можете не сомневаться, они у меня заработают как миленькие.

— Я высоко ценю вашу помощь, — улыбнулся Дэй. — Как вы полагаете, сколько времени это займет?

Полковник Пэррис быстро что-то подсчитал в уме:

— Думаю, мы справимся за три дня. Или я получу эти списки, или я тут всех понижу в чине. Но послушайте, а на кой черт вам это нужно? Вы думаете, что Харит может заниматься работоторговлей под другим именем?

— Сомневаюсь, — ответил Дэй.

— Тогда зачем вам эти списки?

— Они могут пригодиться.

— Ну ладно, — согласился Пэррис. — Пожалуй, вы правильно делаете, что предпочитаете держать свои планы при себе. В таких делах следует соблюдать особую осторожность. Вам еще что-нибудь нужно?

— Только одно, — сказал Дэй. — Как только списки будут готовы, мне понадобится полететь на Тенерифе.

— Тенерифе? На Канарские острова?

Дэй кивнул.

— Не понимаю, — озадачился полковник. — Конечно, Канары расположены совсем рядом с Африканским побережьем, но я никогда не слышал, чтобы там занимались работоторгов... Погодите, я понял! Вы не хотите прилететь в Форт-

Лами на военном самолете. Не хотите лишний раз привлекать к себе внимание, так ведь?

— И это тоже, — согласился Дэй. — Но, так или иначе, мне нужно на Тенерифе.

— Понял. Будет сделано. А как вы намерены выбираться оттуда? Может, заказать вам билет на коммерческий рейс?

— Спасибо, с этим я справлюсь сам, — сказал Дэй. — Кроме того, я собираюсь немного задержаться на Тенерифе.

— Зачем?

— Я слышал, что там очень приятно проводить отпуск.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Пэррис.

— Ничуть. Я говорю серьезно. Я вспомнил, что у меня накопилось уже несколько месяцев отпуска, а я никак его не использую.

Некоторое время Пэррис смотрел на Дэйа, потом проронил:

— Ну ладно, это ваша игрушка, вы с ней и забавляйтесь. Я пошел заниматься списками.

Дэй дружелюбно кивнул, и Пэррис отправился к себе в кабинет.

Через три дня полковник Пэррис проводил Дэйа до трапа «ДС-4», дружески пожал агенту руку и пожелал ему удачи.

— Спасибо, — поблагодарил Дэй. Он уже шагнул было на трап, но вдруг остановился и обернулся: — Кстати, полковник, я не сумел закончить проверку вашей отчетности.

— Ну ничего, — сказал Пэррис, — думаю, они пришлют кого-нибудь другого.

— Думаю, да, — согласился Дэй. — Или, возможно, они вызовут вас в Триполи. Я там случайно обнаружил недостачу нескольких грузовиков и тягачей, некоторого количества винтовок и нескольких тысяч комплектов обмундирования. Я уверен, что это объясняется уважительными причинами, но финансовый отдел, кажется, хочет поподробнее с этим разобратся.

— Разобраться? — переспросил Пэррис.

— Да, у меня осталось такое впечатление после вчераш-

него разговора с ними, — сказал Дэйн. — До свидания, полковник. Спасибо за гостеприимство.

Пэррис ошеломленно смотрел, как «ДС-4» покатился по взлетной полосе и оторвался от земли. Он продолжал следить за самолетом, пока тот не превратился в черную точку и не затерялся в раскаленном сахарском небе. «Чертов Дэйн! — подумал полковник. — Он что-то раскопал, и у меня теперь будут неприятности с Триполи».

Но если Дэйн подложил полковнику свинью, то и Пэррис в долгу не остался. Харит производит впечатление опасного человека, и он действует на своей территории. Принимая все это во внимание, можно предположить, что долгая жизнь Дэйну не суждена. И поделом ублюдку.

На какое-то время эти размышления утешили полковника, и он отправился к себе, ждать звонка из Триполи.

2 августа 1952 года, Форт-Лами

Глава 1

Мустафа ибн-Харит сидел в небольшой кофейне, расположенной под открытым небом. Кофейня находилась в Джем-бел-Бахр, одном из районов Форт-Лами. Перед Харитом раскинулся базар. Сейчас, посреди дня, он был заполнен людьми из племени котоко, пришедшими из окрестных деревень. За спиной у Харита раскинулась водная гладь реки Шари. На реке кишели рыбацкие лодочки, выходящие вокруг европейской концессии. Это местечко, расположенное между шумным базаром и широкой спокойной рекой, обычно вызывало у Харита ощущение благополучия. Обычно, но не сейчас. У Харита появились некоторые трудности, и он считал, что справиться с ними будет нелегко.

Мустафа ибн-Харит был высоким мужчиной — больше шести футов ростом. Цвет его кожи приближался к иссиня-черному — среди более светлокожих народностей юга такой цвет вызывал особое уважение. В Харите смешались арабская и негритянская кровь, но сам он считал себя арабом племени рифаа из Неджа. Он гордился этим, но и негритянской своей кровью он тоже гордился, поскольку без нее он

никогда бы не смог так успешно вести дела. На Харите был зеленый тюрбан хаджи, белое одеяние бедуина и вышитый маракешский пояс. Пальцы торговца были унижены перстнями. Безупречный изумруд и цейлонский рубин красноречивее любых слов свидетельствовали о богатстве их обладателя. Черты лица Харита были по-орлиному резкие, как это свойственно бедуинам, — чеканные, суровые, с печатью достоинства и высокомерия. Но суровый взгляд Харита смягчался, когда к нему приближался нищий. Мустафа ибн-Харит любил хвастаться тем, что ни один человек, просящий милостыню ради Аллаха, не ушел от него обиженным. Своей щедростью Харит снискал немалое уважение. Ему это было на руку, поскольку помогало создать репутацию человека великодушного, преуспевающего, склонного к благодеяниям, набожного и известного своим рвением в вопросах веры.

Рассказы о его благочестии и любви к ближнему распространились так широко, что Харит и сам в них поверил. Не соответствие подобной репутации истинному роду его занятий не беспокоило Харита. Он мыслил как настоящий бедуин, и для него само собой подразумевалось, что все люди живут одновременно несколькими жизнями, зачастую очень противоречивыми. Дела домашние — это одно, дела торговые — другое. О делах веры или делах удовольствия и говорить нечего. Все эти дела устраивались в соответствии со строгой шкалой их ценности, и объединяло их лишь то, что все они существовали в этом мире. Харит полагал, что это единственно возможный порядок вещей.

Мустафа ибн-Харит торговал людьми. Он не видел особой разницы между своей профессией и профессией лекаря или, скажем, моряка. Харит знал, что европейцы не одобряют подобной деятельности, но они были всего лишь неверными. Они захватили эти земли, но их власть была преходящей, и потому в Африке и на Ближнем Востоке с их мнением не очень считались. Европейцы уйдут, не оставив и следа, а работорговля будет существовать. Работорговля была исконным, древним занятием арабов. А поскольку это занятие было традиционным, оно было уважаемым. Кроме одобрения общества, оно было утверждено и религией. Разве не сказал пророк, что освобождение раба — деяние величайшего мило-

сердия? А если бы не труды работорговцев, то и освобождать было бы некого.

Правда, религия запрещала мусульманам обращать в рабство своих братьев по вере. Харит признавал, что такой запрет существует, но толковал его по-своему. Он считал, что его братьями по вере являются только ваххабиты, члены одной из сект Саудовской Аравии, истинные последователи пророка, ни в чем не искавшие его учение. Все остальные мусульмане, принадлежащие к другим направлениям ислама, впали в заблуждение. И этих остальных, составляющих большую часть мусульманского мира, обращать в рабство не только можно, но и нужно. Это настоящее благодеяние для них, хотя несчастные могут об этом и не догадываться, поскольку таким образом они получают возможность соприкоснуться с истинной верой, сохраненной ваххабитами. Следовательно, работорговля — такая же заслуга перед верой, как и проповедь.

Харит нажил немалое состояние и был уверен, что после смерти попадет в рай. Казалось бы, чего еще желать? Но и у процветания есть свои трудности. Несмотря на то что Харит ни разу не нарушил европейских законов, неверные продолжали донимать его. Последнюю неприятность ему причинили французы. Они уже месяц тормозили выдачу выездной визы, задерживали тем самым отъезд паломников и добавляли трудностей долгому путешествию в Аравию. Хорошо, что здесь оказались тоговцы из Мекки и Медины, которые купили его товар и заняли денег на новое предприятие. Кроме того, для поддержания того образа жизни, который соответствовал его положению в обществе, Хариту пришлось построить большой дом в Медине, и теперь он глубоко увяз в долгах. В прошлом году прибыли были невелики, а теперь ростовщики, эти разжиревшие стервятники, требовали, чтобы он с ними расплатился. Почти вся прибыль с этой поездки уйдет на уплату долгов.

Но и это еще не все. Хуже всего было то, что само его дело оказалось под угрозой. Все больше арабов начинали заниматься работорговлей. Большинство новичков предпочитали действовать на юге и на востоке, в районе Момбасы и Дар-эс-Салама, но некоторые начали пробираться севернее, в

охотничьи угодья Харита, принялись конкурировать с ним и даже затевать свары с туарегами. Уже одно это было достаточно скверно. Но, кроме того, один рослый атейба, работорговец по имени Салех Мохаммед эль-Тикхейми, решил добиться господствующего положения в Чаде и Судане. Похоже, у этого рябого араба было много денег, много влиятельных друзей и совершенно непомерные запросы. Подобно Хариту, он не привык, чтобы у него имелись сколько-нибудь серьезные соперники. Судя по обстоятельствам, одному из них предстояло вскоре умереть — возможно, угодив в засаду.

Вот какие трудности несет с собой преуспевание.

От размышлений о нелегкой доле работорговца Харита отвлек неслышно возникший у его столика худощавый грек, лицом напоминающий крысу. Харит невольно сделал знак от дурного глаза. Грек усмехнулся и присел напротив.

— Не ты ли будешь Мустафа ибн-Харит, добрый человек? — спросил грек. Он говорил на грубом арабском, распространенном на побережье.

Харит холодно кивнул.

— Я принес тебе привет от твоего двоюродного брата из Огилы, — сказал грек. — Доктор-француз вылечил ему глаза, и твой брат уже поправляется.

— Это хорошая новость, — степенно произнес Харит. — Ты проделал долгий путь, чтобы сообщить мне об этом.

— Пути торговцев неисповедимы, — сказал грек. — Так получилось, что я посетил Огилу по пути в Ливию, в Эль-Джезире. — Он внимательно посмотрел на собеседника, но для Харита это название ничего не значило. Эль-Джезира была всего лишь маленьким захолустным городишком, затерянным в Сахаре. Американцы построили там базу для своих самолетов. В общем, ничего интересного.

— Из Эль-Джезире, — продолжил грек, — я обычно возвращаюсь на автобусе в Бенгази. Но на этот раз я почувствовал, что для меня может найтись важное дело на юге. Я всегда отправляюсь туда, куда меня ведут дела.

Теперь Харит понял, что у грека к нему какое-то дело. Он заказал две чашечки кофе и мрачно произнес:

— Это долгая дорога.

Грек кивнул.

— Самый важный город на юге Сахары — это Форт-Лами, а самый важный человек в этом городе — это Мустафа ибн-Харит, чье имя известно во всех городах побережья. Бедный торговец будет счастлив провести несколько недель в этой ужасной пустыне, вдали от дома, лишь бы оказать услугу такому человеку. Любой торговец, который хоть раз слышал о щедрости Мустафы ибн-Харита эль-Хаджи, преодолел бы и вдесятеро большее расстояние, лишь бы сложить к его ногам важные сведения.

Харит воздел глаза к небесам.

— Ты слишком добр, о юноша! Я смиреннейший из слуг Аллаха, бедный торговец, желающий лишь одного — жить в соответствии с Кораном и творить благие дела, насколько мне позволяют мои скудные средства.

— О! — воскликнул грек. — Теперь я вижу, что твое великодушие уступает лишь твоей скромности. Такой человек благословен в глазах Аллаха великого, всеведущего.

— Ты — правоверный? — резко спросил Харит.

— Правоверный, хвала Аллаху, — ответил грек.

Харит кивнул. Знает он этих греков: в Африке они мусульмане, в Европе — христиане, а на самом деле единственный их бог — выгода.

— Я не имею чести знать твое имя, друг мой.

— Меня зовут Расим Николаи Прокопулос, — представился грек.

— Итак, дорогой Расим, ты говоришь, что у тебя есть какие-то сведения для меня?

— Да, господин, — сказал грек. — Только важность этих сведений и уважение к твоей репутации могли заставить меня пожертвовать многими неделями торговли и приехать сюда, чтобы рассказать тебе о том, что стало мне известно.

Теперь начался торг. Харит презрительно скривил губы:

— Обычно ценность сведений преувеличивают. Впрочем, если ты докажешь их полезность, ты получишь соответствующее вознаграждение. Если сведения действительно важные, я заплачу тебе восемь или даже девять тысяч франков.

Прокопулос привык иметь дело с самыми разнообразными

ми валютами. Он легко мог перевести французские франки в египетские фунты, а фунты — в американские доллары. Восемь тысяч франков равнялись семнадцати египетским фунтам или пятидесяти вождленным долларам США.

— Уж не ослышался ли я? — спросил Прокопулос. — И такую сумму ты предлагаешь мне, тому, кто принес новости, стоящие не меньше двухсот тысяч франков?

— Что за мечта скупца! — рассмеялся Харит. — Я могу заплатить двенадцать тысяч франков в том случае — но только в том, — если сведения действительно окажутся ценными. Но сперва я должен их услышать.

Грек встал из-за стола и холодно поклонился. Его худощавое лицо потемнело от гнева.

— Девять тысяч франков! — произнес он дрожащим голосом. — Двенадцать тысяч франков! Это во столько-то ты ценишь мои сведения и мое долгое путешествие? Так-то ты меня уважаешь? Это столько ты готов заплатить за дело, касающееся жизни или смерти? Ну что ж, пусть будет так! Я лучше уйду без единого гроша, чем соглашусь принять такую ничтожную сумму. Прощай, Мустафа Харит!

Прокопулос развернулся, чтобы уйти. Харит протянул сверкающую драгоценными перстнями руку и воскликнул:

— Успокойся, Расим! Ты слишком горячишься и неверно судишь обо мне. Прежде ты не говорил, что речь идет о жизни или смерти. Это часто бывает преувеличением, но если на этот раз твои слова окажутся правдой, я с радостью заплачу тебе... пятьдесят тысяч франков!

Прокопулос сел. Он заявил, что плата за сведения, за его долгое путешествие и за труды других людей, помогавших ему, никак не может быть меньше двухсот тысяч франков. Харит поклялся, что такая сумма разорит его, но если он продаст все свое имущество, включая одежду, то, возможно, сможет поднять цену до шестидесяти тысяч. Прокопулос возразил, что сумма меньше девяти тысяч франков даже не покроет его дорожные расходы. После получаса вдохновенного торга договаривающиеся стороны сошлись на семидесяти тысячах франков, что по прикидке Прокопулоса соответствовало четырем сотням долларов.

— Ты торгуешься лучше меня, Расим, — вздохнул Харит. — Теперь сообщи мне свои новости.

— Конечно, сообщу, — сказал Прокопулос. — Сразу же, как только получу деньги.

Лицо Харита застыло, а рука потянулась к рукояти кинжала.

— Ты что, хочешь оскорбить мое достоинство? Ты предполагаешь, что я способен не оплатить сделку, заключенную с именем Аллаха?

— Я ничего не предполагаю, — сказал Прокопулос. — Но мое достоинство оскорбляет предположение, что моим новостям настолько мало можно доверять, что за них не стоит платить заранее.

Два оскорбленных достоинства уравнили друг друга, и еще за полчаса собеседники договорились о способе произведения выплаты. Прокопулос сообщит о том, чего касаются его сведения, и позволит Хариту оценить их важность. Если Харит сочтет, что это действительно важно, он заплатит семнадцать тысяч франков и услышит первую половину сведений. Если после этого он все еще будет считать их важными, он заплатит тридцать пять тысяч и услышит вторую половину. Когда он выслушает все до конца, то сдержит свое слово и заплатит оставшиеся восемнадцать тысяч франков.

— Сказать, о чем мои новости, нетрудно, — начал Прокопулос. — На авиабазе в Эль-Джезире есть один американский полковник, который решил арестовать, а может, и убить Мустафу ибн-Харита, которого этот полковник считает главным работорговцем.

— По-твоему, это новость? — улыбнулся Харит. — Множество неверных — американцы, англичане, бельгийцы, французы — клялись сделать это. Они вели себя грубо, и некоторые из них умерли. Твои новости устарели.

Прокопулос покачал головой:

— Да и прочие неверные прознали об этом. На этот раз они ведут себя осторожнее. Они раскинули свою сеть в Чаде, в Судане, по берегам Красного моря. Эта сеть началась с телефонного звонка, а закончилась отправкой знаменитого полицейского агента.

— Продолжай, — сказал Харит.

Прокопулос пожал плечами:

— Зачем я буду понапрасну отнимать твое время, Мустафа ибн-Харит? Возможно, как ты и сказал, эти новости давно устарели.

Харит полез в кошелек и выложил на стол семнадцать тысяч франковых банкнот. Прокопулос почтительно поклонился, спрятал деньги и принялся рассказывать.

Глава 2

Интерес Прокопулоса привлекла примечательная перемена в поведении полковника Фрэнка Пэрриса. В течение многих лет Прокопулос навещался в Эль-Джезире по торговым делам. Из местных сплетен он знал, что американский полковник уже шесть лет командовал авиабазой и все это время не интересовался ничем, кроме личной выгоды, которую получал тем же способом, что солдаты и офицеры всех армий мира. Это было вполне понятно и совершенно естественно. Но однажды в Эль-Джезире появился некий американец. Он был одет в штатское, но прилетел на военном самолете. И вскоре после появления этого незнакомца в полковнике Пэррисе произошла разительная перемена.

Полковник, перед этим шесть лет просидевший без движения, вдруг начал бурно интересоваться проблемой рабства. Он отправил переводчиков, чтобы те расспросили сельских жителей о работоторговле и в особенности о деятельности Мустафы ибн-Харита.

Полковник принялся звонить в Триполи, в британский штаб в Хартуме и французский штаб в Браззавиле. Суть этих звонков, выведенная за некоторую сумму у местного телефониста, сводилась к одному: работоторговца Харита следует остановить.

Откуда у полковника Пэрриса появился такой внезапный интерес к этому вопросу? Совершенно ясно, что пришелец передал ему приказ из Вашингтона. Этот новый американец, который, несомненно, являлся правительственным агентом, предпочитал оставаться в тени, пока полковник собирал информацию и отвлекал внимание на себя. Агент же работал

втихую, и сеть, сплетенная в Вашингтоне, распространилась на Чад и Нигер, Дарфур и Кордофан.

— Любопытно, — протянул Харит. — Но с чего вдруг американцы стали интересоваться работорговлей и лично мною?

— Чтобы ответить на этот вопрос, — сказал Прокопулос, — следует понять образ мышления западного человека. Этими людьми движет чувство вины. Когда-то они сами были работорговцами, причем непревзойденно жестокими. А теперь они время от времени принимают искупать свою вину, осуждая в других то, чего они уже не могут позволить себе. Возможно, ты помнишь, как напряженно они боролись с работорговлей накануне мировой войны.

Харит помнил. В тысячах африканских деревушек маячили красные рожи французских, английских и бельгийских солдат, а Красное море патрулировали специальные корабли. Ужасные были времена. Но война все переменяла.

— Ну а теперь, — продолжил Прокопулос, — война закончилась, и давнее чувство вины снова дало о себе знать. «Уничтожим рабство!» — говорят они на Западе, но при этом стремятся истребить самые безобидные из его форм. Их не беспокоит рабовладение в Южной Африке, или в бельгийском Конго, или в португальской Анголе. Вместо этого они рвутся уничтожить Мустафу ибн-Харита, самого крупного из независимых работорговцев. Харит не возглавляет никакую страну и не имеет голоса в ООН. Его могут любить в Саудовской Аравии, но по рождению он не принадлежит этой стране. Если мы покончим с Харитом, никто в целом мире не попытается защитить его. Вот как думают в Вашингтоне, и вот почему американская полиция решила уничтожить тебя.

— Возможно, это действительно так, — признал Харит. — Я никогда не понимал ни европейцев, ни американцев.

— Все это обстоит именно так, — заверил его Прокопулос. — Они намереваются уничтожить тебя и выбрали своим инструментом этого американского агента. Все их планы сосредоточены на этом человеке. Но я думаю, что рассказ о том, что случилось после отъезда агента из Эль-Джезир, можно считать уже второй частью истории.

Поколебавшись, Харит передал греку тридцать пять тысяч франков.

— Я узнал, — сказал Прокопулос, — что американского агента зовут Стивен Дэйн. Он может знать, что «дэйн» по-арабски означает «долг», так что, возможно, это ненастоящее имя. Тем не менее его называют Стивеном Дэйном. Я видел его только раз и на расстоянии. Я не заметил ни шрамов, ни родимых пятен, ни каких-нибудь особенностей в строении его тела или в чертах лица. Я не увидел ничего, за что мог бы зацепиться глаз. Он выглядит таким же неприметным, как большинство великих шпионов и убийц. Он не боится быть неприметным — в этом его сила. В чем его слабость, мне пока неизвестно. В один прекрасный день он внезапно покинул Эль-Джезир. Он улетел на американском военном самолете, и, кроме него и летчиков, в самолете не было никого. И как ты думаешь, куда направился этот Дэйн? В Хартум или, возможно, в Браззавиль? Ничего подобного! Их план был гораздо сложнее. Дэйн направился напрямик на Канарские острова — точнее, на Тенерифе.

Харит приподнял брови.

— Я не упрекаю тебя за недоверие, — сказал Прокопулос. — Я сам усомнился в человеке, сообщившем мне эту информацию. Но, к счастью, у меня есть двоюродный брат. Он работает посыльным в одной гостинице в Тенерифе. Я позвонил ему, хотя это стоило чрезвычайно дорого, и сообщил, что мне нужно узнать. На следующий день брат перезвонил мне и сказал, что американский военный самолет действительно приземлился на Тенерифе и высадил одного пассажира. Пассажир выглядел именно так, как я его описал брату. Он поселился в гостинице «Гран-Канариа», но под именем Джорджа У. Баркера! И он пробыл на Тенерифе два месяца!

Мой брат работает не в «Гран-Канариа», потому он не мог ничего узнать о посланиях, которые получал этот человек. Но у моего брата есть глаза, и он видел, что этот Дэйн, превратившийся в Баркера, все два месяца жил, как обычный турист. По утрам он ходил на пляж. Днем он плавал, спал или читал книги. По вечерам он ходил в винные погребки и таверны, разговаривал с местными жителями о погоде и рыбной ловле и иногда спал с испанской женщиной, с которой

познакомился на пляже. Все, что мог сказать мой брат, — это то, что Дэйн двигается, как человек, умеющий драться. Этот Дэйн отправил много телеграмм, которые мой брат никак не мог прочесть. Но он узнал одну интересную вещь. Кажется, у Дэйна состоялся длинный разговор с человеком, прилетевшим на Тенерифе из Майами. Они проговорили почти всю ночь. Они встретились на широком пустынном пляже и сели у самой воды, так что их невозможно было подслушать. Мой брат даже не сумел увидеть лица этого человека или услышать его голос. Но он выяснил, что этот человек покинул Тенерифе в ту же ночь на американском бомбардировщике, направлявшемся в Кейптаун. Кем был этот человек, зачем он прилетал и улетел, какую роль он играет во всей этой истории? Пока что эти вопросы остаются без ответа, но мы знаем, что это часть все той же сети. Следующие две недели ничего не происходило. Потом Дэйн получил телеграмму и наутро уехал. Перед этим не было никаких намеков на его скорый отъезд, никаких заказанных билетов, вообще ничего. Вечером Дэйн пил вино на Тенерифе, а наутро он исчез, словно его никогда и не было. Мой брат навел справки. Он узнал, что в то утро не отплывал ни один корабль, а с аэродрома взлетело всего три самолета. Один — самолет «Пан-Америкэн», улетевший в Мадрид, второй — американский бомбардировщик, улетевший в Кейптаун, и третий — самолет «Эйр Франс» взявший курс на Дакар. Задав некоторые вопросы, мой брат выяснил, что Дэйн улетел в Дакар. Узнав все это, я стал обдумывать факты, оказавшиеся в моем распоряжении. Наконец я понял, зачем Дэйн провел столько времени на Тенерифе, зачем он вызвал этого человека из Майами и что он будет делать дальше. Я сообщил тебе все сведения, которые у меня имелись. Но мне хотелось бы еще изложить тебе свои предположения. Кроме того, почтеннейший Харит, я могу также предложить тебе свое полное содействие в этом деле.

Словно загипнотизированный, Харит заплатил последние восемнадцать тысяч.

— Дэйн оставался на Тенерифе, чтобы вжиться в образ Джорджа Баркера, — продолжил Прокопулос. — Лишь несчастливый для американца случай позволил мне установить несомненную связь между правительственным агентом из

Эль-Джезиры и туристом с Тенерифе. Но вживание в новый образ — это лишь наименее важная часть плана Дэйна.

Прокопулос хитро улыбнулся и наклонился поближе к величественно восседавшему Хариту.

— Почему Дэйн два месяца бездельничал на Тенерифе? — спросим мы у себя. Почему он втайне встретился с каким-то человеком и отослал его в Кейптаун? И почему сам Дэйн два дня спустя улетел в Дакар? Стоит немного поразмыслить, и некоторые причины становятся ясны. Ясно, что человек, с которым встречался Дэйн, — это еще один правительственный агент. Можно не сомневаться, что, когда Дэйн прикажет, второй агент отправится из Кейптауна на север — возможно, в Хартум или в Порт-Судан. Что же касается отъезда Дэйна — он ждал начала твоего ежегодного паломничества в Мекку!

Прокопулос на мгновение прервался и отпил глоток кофе.

— Если Дэйн хоть сколько-нибудь интересовался твоими делами, он знает, что сейчас, когда близится месяц Дха'л-Хиджа, ты должен покинуть Форт-Лами и вместе с твоими паломниками отправиться в Аравию. Следовательно, сейчас наиболее подходящее — да что там, единственно подходящее время для того, чтобы Дэйн начал действовать. Конечно, ты можешь остаться в безопасном Форт-Лами и ничего не делать. Но как быть с твоей прибылью, заработанной тяжким трудом? Как быть с твоей гордостью? Как быть с твоими долгами аравийским торговцам? Что останется от твоей репутации и какое будущее ждет человека, который не способен доставить обещанный товар? Можешь ли ты позволить себе не браться за это паломничество?

Харит промолчал.

— Вот так я и догадался о намерениях Дэйна, — произнес Прокопулос. — Именно этого момента он ждал. Он ждал, когда ты окажешься всецело связанным с этим хаджем, пока твои паломники соберутся и будут готовы отправиться в путь, а твоя репутация в Аравии будет поставлена на кон. До окончания хаджа остается чуть больше трех недель; по европейскому календарю это соответствует двадцать третьему августа. Дэйн наверняка знает, что успех твоего предприятия зависит от того, успеешь ли ты доставить своих паломников

в Аравию к этой дате. Если не успеешь, то даже самая бестолковая деревенщина поймет, что паломничество не удалось, и не захочет никуда ехать. Поняв это, Дэйн договорился с французами, чтобы те задержали твою визу, и намерен приступить к действиям именно сейчас, пока у тебя связаны руки.

Прокопулос вздохнул и развел руками.

— Таковы мои сведения, Мустафа ибн-Харит, и таковы мои предположения, — произнес он. — Стоят ли они тех денег, которые ты уплатил?

Харит кивнул.

— Похоже, этот Дэйн — умный человек, — с раздражением проговорил он. — Но, кажется, ты еще умнее. Откуда ты так много узнал о моих делах?

— Бедный торговец должен знать как можно больше о тех, с кем он имеет дело, — ответил Прокопулос. — Ведь иначе он не сможет угадать, что нужно его клиентам.

Харит улыбнулся, но про себя решил, что этот грек ему не нравится. Ни один порядочный человек не станет столько разнюхивать о чужих делах. Это всегда чревато неприятностями. Сейчас важнее всего решить, что делать с американским агентом, но и о греке забывать не следует.

— Этого Дэйна следует убить, — сказал Харит. — Я не могу отказаться от хаджа.

Прокопулос согласно кивнул.

— Возможно, убить его будет не так уж трудно. Он станет путешествовать вместе с тобой или где-нибудь неподалеку от тебя, чтобы добыть доказательства и позволить европейцам отдать тебя под суд. От Форт-Лами до Порт-Судана путь долгий и нелегкий. По дороге вполне может произойти несчастный случай.

— Да. Если я буду знать, с кем он должен произойти.

— Возможно, я смогу тебе в этом помочь, — сказал Прокопулос. — Я видел Дэйна в Эль-Джезире, хотя и на расстоянии. А любую маскировку можно разгадать.

— Станешь ли ты сопровождать меня? — спросил Харит.

— Я счастлив служить тебе. И, конечно, я уверен, что ты со всем известной щедростью возместишь те потери, которые я понес, забросив свои дела ради тебя.

Харит тяжело вздохнул:

— Ну хорошо, я думаю, мы сможем договориться. Когда мы начнем действовать?

— С утра, — ответил Прокопулос. — Утром прибывает рейсовый самолет из Дакара, и Дэйн должен прилететь на нем.

— Откуда это тебе известно?

— Это лишь предположение, но оно кажется мне обоснованным. В течение следующих трех недель все рейсы будут заняты богатыми мусульманами, совершающими хадж. Этот рейс — один из последних, на котором может прилететь христианин. Раз уж Дэйн так хорошо все рассчитал, значит, он прибудет в наиболее подходящее время. А завтрашний день, несомненно, является подходящим.

— Почему? — не успокаивался Харит.

— Потому что ты собираешься покинуть Форт-Лами послезавтра, — объяснил Прокопулос.

Харит был неприятно удивлен и почувствовал, как в нем закипает раздражение. Этот грязный грек слишком много знает! Вне всяких сомнений, крысомордый грек должен умереть — в должное время. А сейчас он может оказаться полезным.

— Завтра мы будем встречать этот самолет, — тоном приказа произнес Харит. — Мы узнаем этого человека и решим, как лучше с ним управиться.

Прокопулос поклонился в знак согласия.

— В аэропорту, в одиннадцать утра.

— Мир тебе, — сказал Харит, вставая.

— И тебе мир, — сказал Прокопулос и еще раз поклонился.

3 августа 1952 года, Форт-Лами

Глава 1

Самолет из Дакара приземлился точно по расписанию. Семеро европейцев спустились по трапу и бросили первый взгляд на серовато-коричневую землю, по которой были то там, то сям разбросаны колючие кусты, изнемогающие от жары. Чиновник иммиграционной службы повел европейцев

под навес из рифленого железа — для прохождения таможенного досмотра и паспортного контроля. Второй чиновник повел к такому же навесу, расположенному чуть дальше, пассажиры-африканцев.

Здесь европейских путешественников, которые намеревались продолжить путь, ждало жестокое разочарование. Вопреки тому, что им говорили в Дакаре, путешественники выяснили, что они не смогут улететь из Форт-Лами по крайней мере в течение трех недель. Все рейсы были забиты паломниками, направляющимися в Мекку. Количество паломников намного превышало возможности рейсовых самолетов. ВВС США даже наладили «воздушный мост» между Бейрутом и Джиддой. Европейцев, застрявших в Форт-Лами, уверяли, что они улетят отсюда сразу же, как только это станет возможно. Беда заключалась лишь в том, что никто не мог точно сказать, когда же это произойдет.

За навесом, изображающим таможню для европейцев, толпились несколько десятков африканцев. Они ждали, пока европейцы выйдут. Эта толпа состояла из водителей такси, гидов, рассыльных из разных гостиниц, торговцев сувенирами, а также из обычных зевак. Среди зевак можно было заметить рослого негра с арабскими чертами лица, в белом одеянии и зеленом тюрбане хаджи. Ближе к другому концу навеса стоял невысокий грек, одетый в коричневый европейский костюм и черные туфли с узкими носками. Оба этих человека внимательно слушали, как пассажиры-европейцы сообщали о предполагаемом сроке их пребывания во французской Экваториальной Африке, о своих делах и о следующем пункте, куда они намеревались направиться.

Там был высокий светловолосый родезиец, направлявшийся в Бейрут. Он был просто вне себя — с тех пор, как он выехал из Булавайо, его уже трижды вынуждали изменить намеченный маршрут. Там был американский инженер. Он только что закончил работу по усовершенствованию порта Мбоу в Сенегале и теперь направлялся на работу в Аравию, в порт Джидду. Усатый английский капитан возвращался с конференции в Гамбии. Два южноафриканца ехали в Аден. Датчанин находился в отпуске и просто путешествовал по Африке. Немецкий археолог хотел присоединиться к группе

ученых, которые занимались раскопками руин города Мерое в Судане.

Никто из европейцев не планировал надолго оставаться в Форт-Лами. Неожиданная задержка и связанные с нею неудобства привели их в раздражение. Они в общем-то попытались отнестись к этой неприятности философски, но им очень хотелось, чтобы это случилось с ними где-нибудь в другом месте. Лагос был весьма интересным городом, Дакар славился своей космополитичной атмосферой, а Кано — древностью и живописностью. Но Форт-Лами представлял собой всего лишь некоторое количество зданий, сгрудившихся в кучу на берегу малярийной реки Шари посреди малонаселенной провинции Чад. Форт-Лами не был примечателен ни в историческом, ни в экономическом смысле; здешний базар был неинтересен, а местные художественные промыслы — невыразительны. Это был всего лишь перевалочный пункт.

Европейцы прошли паспортный контроль и снова вышли под палящее солнце, чтобы нанять такси и добраться до города. Когда последний пассажир уехал, Харит подошел к Прокопулосу и спросил:

— Кто из них Дэйн?

— Не знаю, — ответил Прокопулос.

Харит кивнул. Он предчувствовал нечто подобное.

— Ты умеешь прекрасно говорить, господин Прокопулос, и у тебя много интересных идей. Тем больший позор для тебя, что, как только дошло до дела...

— Он должен быть одним из этой группы, — перебил его Прокопулос. — Вспомни, что я тебе говорил: я видел Дэйна только один раз и только издалека. Он спокойно мог в Дакаре с помощью французов сменить имя и паспорт.

— Возможно, — согласился Харит. — Но возможно, что он и не прилетел сегодняшним рейсом. Он мог договориться с европейской военной авиацией, полететь дальше и ждать меня в Хартуме.

Прокопулос покачал головой:

— Откуда Дэйн может знать, что ты вообще собираешься ехать в Хартум? А вдруг ты отправишься на юг, в Джедареф, а оттуда — в Массаву?

— Это невозможно! — возмутился Харит. — Я не могу в последнюю минуту менять маршрут четырехсот паломников. Грузовики и билеты на железную дорогу уже заказаны. И, кроме того, весной часть дороги на Массаву размыло наводнением, а мне некогда объезжать этот участок через Бербер или Джибути.

— Об этом знаешь ты сам, но не Дэйн, — терпеливо пояснил Прокопулос. — Откуда ему знать, по какому маршруту и через какие города ты намерен ехать? Дэйн может быть уверен лишь в одном — что он найдет тебя в Форт-Лами. Ему необходимо найти тебя, а когда найдет — держаться к тебе поближе, чтобы собрать доказательства.

— Это звучит разумно, — признал Харит. — Ну что ж, значит, он будет искать меня в Форт-Лами. Но почему я должен считать, что он прилетел именно этим рейсом? Есть ли у него другие возможности добраться сюда?

Харит прикрыл глаза, чтобы лучше представить возможные маршруты.

— Ты говоришь, что три дня назад Дэйн был в Дакаре. Из Дакара он мог перелететь в любой уголок Африки, а уже оттуда добираться сюда. Но за последние три дня здесь не приземлялся ни один самолет. Если бы он решил ехать поездом, ему понадобилось бы три дня на дорогу до Бамако, потом еще два дня на автобусе до Угадугу и около недели от Угадугу до Форт-Лами. Двенадцать дней, а на машине еще дольше. Нет, если твои сведения верны, то он действительно должен был прилететь этим самолетом. Один из этих семерых европейцев — Дэйн, если, конечно, он не рискнет изображать из себя мусульманина-паломника.

— Некоторые европейцы действительно так делали, — согласился Прокопулос. — Но это очень трудно. Зачем Дэйну лишний раз рисковать? Зачем ему пытаться обмануть тебя в тех вопросах, в которых ты разбираешься несравненно лучше его, если он может дурачить тебя в том, в чем разбирается лучше он сам? Он может ехать к Красному морю под видом европейского бизнесмена, инженера, туриста или ученого. Как ты узнаешь, кто из них Дэйн?

Харит медленно кивнул:

— Да, должно быть, это он и задумал. Итак, мне следует признать, что Дэйн находится в Форт-Лами под видом одного из европейцев. Но как я могу узнать его среди этих семи?

— Никак, — сказал Прокопулос. — Но, если будет на то воля Аллаха, я смогу найти его для тебя. Я сам европеец и знаю, как разговаривают и ведут себя люди из разных стран. Я могу войти в бар «Метрополя» и выпить вместе с ними. Я могу обнаружить, кто из них обманщик. И за эту дополнительную услугу я прошу у тебя небольшое вознаграждение — всего лишь пятьдесят американских долларов.

Харит презрительно посмотрел на грека. Под этим спокойным взглядом Прокопулос почувствовал себя очень неудобно. Через некоторое время Харит сдержанно произнес:

— Господин Прокопулос, ты уже оказал мне важную услугу и получил от меня хорошую плату. Я заплачу тебе и это дополнительное вознаграждение. Я не могу пожаловаться на тебя, так же как ты не можешь пожаловаться на меня. Возможно, ты и в самом деле торговец, а возможно — кто-то другой.

Прокопулос ничего на это не сказал. Харит продолжал:

— Если бы, например, ты был полицейским информатором, я бы мог провести несколько лет в тюрьме, в Форт-Арчемболте или в Омдурмане. Это значило бы, что мне не повезло, но это также значило бы, что тебе не повезло еще больше. У меня большая семья и множество друзей по всей Африке. И все мы — мои родственники, мои друзья и я сам — привыкли расплачиваться с долгами.

Смуглое лицо Прокопулоса застыло. Тихим, резким голосом он произнес:

— Не стоит угрожать мне, Мустафа иб- Харит. Если уж на то пошло, у меня тоже есть друзья в Африке.

Харит небрежно кивнул:

— Приношу свои извинения, господин Прокопулос. Ты пойдешь в «Метрополь» сегодня же вечером?

— Да, — ответил Прокопулос, — и надеюсь к утру получить интересующие тебя сведения.

Харит подозвал такси, и двое мужчин поехали в город.

Глава 2

Обычно европейские путешественники, попавшие в Форт-Лами, старались остановиться дома у кого-нибудь из французских чиновников. Тем же, у кого не было здесь знакомых, приходилось селиться в «Метрополе». «Метрополь» считался единственной на весь город подходящей для европейцев гостиницей. Поскольку конкурентов у «Метрополя» все равно не было, его хозяин не считал нужным обращать внимание на всякую чепуху вроде приличного обслуживания. Это особенно бросалось в глаза в баре «Метрополя», представлявшем собой большую, унылую, обшарпанную комнату с тусклым освещением. Ликер здесь был посредственным, обслуживание — скверным, а общая атмосфера — вообще ужасной. Под ногами у посетителей кишели жучки и тараканы, их по пятам преследовали голодные ящерицы, а за ящерицами гонялись прожорливые крысы. Время от времени на зазевавшуюся крысу обрушивалась метла хозяина гостиницы, и поверженное животное выбрасывали за дверь, где оно становилось пищей для все тех же жучков и тараканов. В баре «Метрополя» любой посетитель мог ощутить близость к природе.

Шмыгающие по полу формы жизни дополнялись формами жизни, кишевшими в воздухе. Никакой заслон не мог удержать полчища moskitov, черных мух и ночных бабочек, порхающих между тусклыми лампочками и медлительным вентилятором, установленным на потолке. Сам вентилятор способен был донести к распаренным телам посетителей лишь слабое колыхание раскаленного воздуха. В Европе или хотя бы в Дакаре «Метрополь» прогорел бы за неделю. В Форт-Лами он процветал.

Господин Прокопулос пришел в «Метрополь» к девяти часам. Все местные постояльцы сидели в баре и заливали спиртным тоску по дому. Большинство пассажиров, прилетевших утром из Дакара, находились здесь же. Господин Прокопулос направился прямо к стойке и заказал стакан вермута. Половину он выпил, не глядя по сторонам. Грек прикидывал, как бы половчее завести беседу. Вопрос решился сам собой, когда сзади раздался голос:

— Вы случайно не здешний?

С господином Прокопулосом заговорил датский турист. Это был высокий приветливый мужчина, худощавый и темноволосый. На шее у него болталось сразу два фотоаппарата. Датчанин назвался Лоренсом ван Хаарнином.

Господин Прокопулос поклонился и в свою очередь представился. Он объяснил, что не является местным жителем, но ему часто приходится путешествовать по Чаду.

— Хотелось бы мне знать, — сказал ван Хаарнин, — здешним властям никогда не приходило в голову обработать пойму реки ДДТ?

— Полагаю, приходило, — сказал Прокопулос. — Но они решили, что это не имеет смысла. Чтобы добиться скольконибудь заметного результата, пришлось бы обработать ДДТ всю французскую Экваториальную Африку. А это около миллиона квадратных миль, или, если точнее, девятьсот шестьдесят тысяч.

Похоже, это произвело впечатление на ван Хаарнина. Он принялся расспрашивать Прокопулоса о тропической Африке, и вскорости к их разговору присоединился путешественник из Южной Родезии. Господин Прокопулос отвечал на вопросы и размышлял, кто из присутствующих больше всего подходит на роль замаскированного тайного агента.

Подозрения Прокопулоса прежде всего пали на ван Хаарнина, на родезийца и на американского инженера. Эти трое были подходящего роста и телосложения. Британский майор выглядел слишком низкорослым и сухощавым, а немецкий археолог — слишком пожилым. Но и их нельзя было окончательно сбрасывать со счетов. Кто его знает, какой маскировки можно ожидать от американского агента?

Вскорости в бар вошли два южноафриканца. Тот, который повыше, тоже вполне подходил, а второй выглядел слишком низеньким и полным. Но все же...

Кандидатов на роль Дэйна оказалось слишком много. Из семи четверо или пятеро казались вполне подходящими. Следовало сузить круг подозреваемых.

Грек попытался представить, какое прикрытие мог бы выбрать американский агент. Возможно, он решил сделать ставку на эффект эксцентричности, понадеявшись, что ник-

то не станет подозревать явного чудака. Тогда Дэйном может оказаться немецкий археолог. Или, возможно, Дэйн решил воспользоваться наиболее близким ему типажом, лишь слегка сместив акценты, — ведь легче всего пропустить очевидные вещи. В таком случае Дэйном может оказаться американский инженер, родезиец или высокий мужчина из Южной Африки. Прокопулос посмотрел на семерых подозреваемых и подумал, что Мустафа ибн-Харит ждет точного ответа. От скверного предчувствия по спине грека пробежал холодок. Харит — человек опасный, и Прокопулосу для собственного же блага нужно поскорее выяснить, кто из этих людей Дэйн.

Прокопулос начал расспрашивать путешественников об обычаях и традициях их стран. Он очень гордился тем, как именно он вел расспросы: прямо и открыто, как обычный иностранец, интересующийся отдаленными землями. Путешественники отвечали без малейшей подозрительности, словно каждый из них был именно тем, за кого себя выдавал.

Тайная роль дарила Прокопулосу пьянящее ощущение власти. Скрывшись за маской вежливой любезности, он мог принести смерть любому из этой семерки. И никто не мог даже догадаться об истинной роли грека — кроме, возможно, самого Дэйна. Но даже если Дэйн что-то и заподозрил, он не мог ничего знать наверняка. Потому-то Прокопулос продолжал ощущать в себе эту власть — и вдохновение.

Таковы были чувства, испытываемые хитрым греком, или, точнее, их часть. Но при этом он был глубоко озадачен тем, как же ему опознать Дэйна. Он коротко побеседовал со всеми путешественниками, кроме американского инженера, но так и не догадался, кто же из них тайный агент. Прокопулоса начали грызть сомнения. Грек сказал Хариту, что он — европеец. Это в общем-то соответствовало истине. Но местом рождения Прокопулоса был остров Хиос, расположенный в нескольких милях от побережья Турции, и торговцу редко доводилось посещать другие районы Европы. Большую часть своей жизни он провел на Ближнем Востоке и в Африке. Он знал десяток языков, но, кроме греческого, ни одним из них не владел в совершенстве. Прокопулос хорошо говорил по-английски, но тонкости произношения от него

ускользали. Он не был уверен, что сумеет отличить американское произношение от английского. А об особенностях южноамериканского или австралийского произношения ему вовсе ничего не было известно.

Усилием воли Прокопулос подавил сбедающее его беспокойство. Произношение — лишь самый незначительный признак человека. Должны существовать другие способы узнать правду. И он, Прокопулос, это сумеет — сомнений быть не может.

Дружелюбно улыбнувшись, Прокопулос подсел за дальний столик, где сидел американский инженер.

— Как вам понравился Форт-Лами, сэр? — поинтересовался грек.

Инженера звали Тим Мак-Кью. Это был худошавый загорелый мужчина с холодным, неприветливым взглядом.

— Нормальный город, — сухо ответил он.

Прокопулос понял, что с ним не желают разговаривать, но решил не обращать на это внимания.

— Сейчас, во время сезона дождей, здесь не слишком приятно. Слишком душно, не правда ли?

Мак-Кью пожал плечами и посмотрел на свой стакан.

Прокопулос не унимался.

— Просто не верится, что всего лишь на несколько сотен миль севернее начинается Сахара. Вы когда-нибудь бывали в Сахаре?

Мак-Кью оторвался от созерцания стакана и секунды три в упор смотрел на настырного грека. Господин Прокопулос нервно улыбнулся и невольно попятился. Наконец Мак-Кью сказал:

— Мне казалось, я ясно дал понять, что не настроен вести беседу.

— Прошу прощения, сэр, я не хотел...

— Прекрасно. Извинения приняты. Может, теперь вы наконец оставите меня в покое?

Прокопулос отошел, размышляя, чем могла быть вызвана эта вспышка грубости. Возможно, у человека действительно скверный характер... Но грубость может оказаться очень неплохой маской для Дэйна. Он может путешествовать по Африке — мрачный, погруженный в свои мысли человек, никем

и ничем не интересующийся. А в нужный момент маска сбрасывается. Да, инженера пока что нельзя вычеркивать.

Извинения Прокопулоса услышал родезиец Чарльз Отт и поинтересовался у грека, что за муха укусила его собеседника.

— Понятия не имею, — ответил Прокопулос.

— Выглядело это чертовски грубо, — сказал Отт и, понизив голос, добавил: — Если он не станет вести себя повежливее, когда-нибудь ему расквасят нос.

Инженер даже не посмотрел в их сторону.

— Возможно, это из-за жары, — предположил Отт. — Здесь, в Чаде, кошмарная жара. Я буду чертовски рад оказаться в Бейруте.

— В Бейруте тоже жарко, — сказал Прокопулос.

— Да, но там в гостиницах стоят кондиционеры. И кормят там нормально. Помои, которые подают в этой гостинице, просто невозможно взять в рот.

— Бейрут — красивый город, — сообщил Прокопулос. — Там множество достопримечательностей.

— Боюсь, мне будет не до них, — проронил Отт. — Я еду по делам. Железная руда. Семейные связи. Христиане-марониты толсты, как воры, — это так о нас шутят. А вы, полагаю, принадлежите к греческой православной церкви?

— Да, — подтвердил Прокопулос. — Но моя работа не позволяет достаточно регулярно бывать в церкви.

— Да, конечно, — согласился Отт. — У меня то же самое. Этот инженер смотрит на меня?

Боковым зрением Прокопулос видел, что Мак-Кью ни на кого не обращает особого внимания — за исключением разве что самого Прокопулоса.

— Кажется, нет, — ответил грек.

— С этими американцами просто невозможно разговаривать, — сказал Отт. — Да ладно, нам-то какая разница. Выпьем еще?

Прокопулос заказал себе новую порцию спиртного, после чего как-то незаметно для себя самого разговорился с высоким мужчиной из Южной Африки. Его звали Диего Рауль Альварес Рибейра-и-Кастильо, и он пересек Атлантический океан ради того, чтобы поохотиться в Африке. Он оказался

полковником парагвайской армии в отставке и был преисполнен самодовольства.

— Я всегда считал военную службу превосходным занятием для мужчины, — сказал Прокопулос.

— Возможно, — пожал плечами Рибейра. — По правде говоря, я никогда над этим особо не задумывался. У нас как-то само собой разумеется, что старший сын семьи Рибейра должен служить в армии, а младшие сыновья обычно становятся священниками.

— Прекрасная традиция, — сказал Прокопулос. Он узнал, что Рибейра Монталбанские — старый и почтенный род, хотя и не слишком древний, и происходит он из Испании. Они принадлежали к испанскому дворянству и всегда входили в состав кортесов Арагона. Их влиянию пришел конец во времена Азаньи, и род Рибейра эмигрировал в Южную Америку.

— Политика, — вздохнул Рибейра. — Я тогда был ребенком. Отец решил, что наилучшие возможности ему может предоставить Парагвай, и мы поселились там. Когда я вырос, то пошел на армейскую службу в чине лейтенанта.

— Вы сделали прекрасную карьеру, — сказал Прокопулос.

Рибейра махнул рукой, словно давая понять, что в этом нет ничего особенного. Руки у него были изящной формы.

— Генералу Стресснеру нужны надежные офицеры, особенно среди высшего командного состава. Видите ли, генерал Стресснер — традиционалист. В Южной Америке именно он является главным оплотом антикоммунистических сил. Но у него много врагов. Несомненно, эти факторы очень способствовали моей карьере. Но мне хочется верить, что здесь сыграли роль и мои личные достоинства.

— В вас с первого взгляда можно узнать человека военного, — гнул свою линию Прокопулос.

— Благодарю, — сказал Рибейра. — А в вас, друг мой, с первого взгляда можно узнать человека, отлично осведомленного в некоторых вопросах, о коих не принято говорить на публике.

Удивленный Прокопулос даже не нашелся, что на это ответить.

— Да, — продолжил Рибейра. — Я лишь взглянул на вас и сразу же сказал себе: «Вот умный человек, который умеет улаживать некоторые деликатные вопросы». Именно так я и подумал, мистер Прокопулос.

— В самом деле? — переспросил Прокопулос, пытаюсь понять, что имеет в виду Рибейра.

— Да, именно так. И еще я подумал: «Этот смекалистый господин способен — за соответствующее вознаграждение, конечно, — помочь путешественнику, оказавшемуся вдали от дома».

— Конечно, — подтвердил Прокопулос. — Любые услуги, которые в моей власти...

— Благодарю вас! — воскликнул Рибейра. — Я так и предполагал, что моя догадка окажется верной. Я думаю, вы понимаете, что мне нужно, мистер Прокопулос.

Прокопулос изобразил многозначительную улыбку:

— Полагаю, да, сэр. Но если бы вы высказались чуть-чуть конкретнее...

— Нет ничего проще, — охотно откликнулся Рибейра. — Конечно же, мои интересы касаются сферы развлечений.

— Развлечений? — переспросил Прокопулос.

Рибейра ткнул его в бок и рассмеялся.

— У вас на редкость выразительное лицо, мистер Прокопулос. Вам следовало стать актером. Но вернемся к нашему делу. Есть ли у вас доступ к определенному сорту девушек?

Какую-то долю секунды Прокопулос был ошеломлен. К некоторому огорчению, он снова оказался в очень знакомой ситуации. Грек внимательно посмотрел на полковника, потом сказал:

— Так уж получилось, сэр, что я действительно могу вам помочь. У меня есть друг, который знаком с прехорошенькой четырнадцатилетней девушкой, причем девственницей...

— Да, она должна быть девственницей, — подхватил мысль Рибейра. — Но четырнадцатилетняя для меня старовата. Небось это высокая девица с тяжелой грудью.

— Ничего подобного! — запротестовал Прокопулос. — Девушка, о которой я говорю, невелика для своего возраста. На вид ей можно дать не больше двенадцати. И у нее восхитительная маленькая грудь, едва сформировавшаяся.

Когда Рибейра услышал эти слова, у него засверкали глаза. Прокопулос, который считал, что умный человек вполне может провернуть несколько дел сразу, лихорадочно принялся соображать, где бы ему найти такую девчонку.

— Это может занять день или два, — сказал он.

— Я бы предпочел обойтись без задержек, — заявил Рибейра. Глаза полковника ярко блестели, а рот приоткрылся. — Я хотел бы воспользоваться ее услугами сегодня же ночью. Могу поклясться честью, что не причиню ей никакого вреда. Что же касается цены, я думаю, мы могли бы сойтись на...

Внезапно Рибейра замолчал. Обернувшись, Прокопулос увидел, что к ним подходит второй парагваец. Грек мысленно проклял идиота, помешавшего заключить такую выгодную сделку. Кровь из носу, но надо сегодня же вечером найти подходящую девчонку.

Рибейра представил Прокопулосу вновь подошедшего, назвав его капитаном Эчеверрье, и пошутил насчет его торжественного приближения. Когда капитан не ответил, Рибейра с большим воодушевлением принялся говорить об охоте в Африке и в Аравии.

— Должно быть, это очень интересно — стрелять в животных, — произнес наконец Эчеверрье. — Полковник превосходно стреляет как из пистолета, так и из винтовки, но я боюсь, у него нет навыков обращения с крупнокалиберным оружием, с которым ходят на слонов. Но он еще успеет к нему привыкнуть.

— А вы? — спросил Прокопулос. — Вы тоже с нетерпением предвкушаете охоту?

— Не то чтобы... — сказал Эчеверрье. — Я неважный стрелок, и я слышал, что охота в Африке чревата многими опасностями. Особенно охота на буйволов.

Рибейра рассмеялся.

— Конечно, полковник известен своей безрассудной смелостью, — продолжал Эчеверрье. — Чего же еще можно ожидать от Рибейры Монталбанского. Но он — очень важное лицо в нашей армии, мистер Прокопулос, и друг великого генерала Стресснера. Генерал Стресснер лично приказал мне проследить, чтобы дону Диего ничего не угрожало.

Капитан посмотрел на Прокопулоса. Взгляд его глаз, полуприкрытых веками, был выразительнее всяких слов.

— Вы — сводник, мистер Прокопулос, и, возможно, связаны с женщинами, страдающими дурными болезнями. Я должен заботиться о том, чтобы мой полковник не попадал в руки таких, как вы.

Прокопулос вспыхнул, но постарался не подать виду. Ему страстно захотелось всадить нож в объемистый живот Эчеверри. Но вместо этого он еще немного поговорил с паргвайцами об охоте, после чего вернулся к бару и вновь заказал вермут.

Потом его посетила крайне неприятная мысль — подобное поведение тоже может служить маской, так же, как грубость американца или безмятежность родезийца. Рибейра тоже может оказаться Дэйном. Это начало надоедать греку.

Похоже, этим вечером большего не достигнешь. Прокопулос собрался уходить. Но едва он направился к двери, как его схватил за руку немецкий археолог:

— Простите, можно вас на минутку?

— Конечно-конечно, — заверил его Прокопулос, пытаясь понять, что могло понадобиться немцу.

Археолога звали Клаус Эберхардт. Росту в нем было больше шести футов, но из-за сутулости ученый казался ниже. Он был в очках в золотой оправе, с прилизанными волосами.

— Я хотел узнать, не известно ли вам что-нибудь о развалинах Добары? — спросил он.

— Боюсь, я первый раз об этом слышу, — признал Прокопулос.

— Они находятся примерно в пяти милях от порта Суакин в Судане.

Прокопулосу случалось бывать в Суакине. Он смутно припомнил, что по дороге на Саллум действительно торчат какие-то каменные колонны. Грек сообщил об этом доктору Эберхардту, и тот радостно закивал:

— Да, конечно! Именно! Это и есть Добара!

— Не знаю, — сказал Прокопулос. — Я думал, что это какой-нибудь аванпост древних египтян.

Услышав это, доктор Эберхардт переменился в лице.

— Простите, это что — общее мнение? Эти колонны — египетского образца?

— Я слышал, что их так называют, — сказал Прокопулос. — Но помнится, некоторые говорят, что это римские колонны, а не египетские.

— Ясно. А больше вы ничего не слышали?

Прокопулос немного подумал:

— Нет, ничего такого, что я мог бы припомнить.

— Интересно, — протянул доктор Эберхардт и впал в задумчивость. Прокопулос ждал. На его лице играла выжидающая улыбка.

Эберхардт поджал губы и изрек:

— Эти колонны не могут быть ни римскими, ни египетскими.

— Не могут?

— Никоим образом. Конечно, в тех местах находили египетские вещи. Видимо, это и привело к недоразумению.

Прокопулос согласно кивнул, пытаясь понять, о чем говорит немец.

— Но часть правды в этом все же есть, — сообщил доктор Эберхардт. — Эти колонны — сабеанские. Судя по их форме и размеру, под песками — почти несомненно — погребен сабеанский город.

— В самом деле? — вежливо переспросил Прокопулос.

— Если там действительно находится город, значит, моя теория верна, — сказал Эберхардт. — И если город будет обнаружен, это станет величайшим открытием в археологии. Исчезнувший город Добара, несомненно, являлся центром сабеанской цивилизации. Именно отсюда самая высокоразвитая культура древней Южной Аравии распространилась на север и на юг вдоль африканского побережья. — Доктор Эберхардт сделал паузу и иронически усмехнулся: — И думать только, мне придется работать на раскопках Мерое, когда в каких-нибудь четырех сотнях миль отсюда меня может ожидать величайшее открытие века!

— Поразительно! — воскликнул Прокопулос.

— Вот именно. И как вы думаете, хоть один университет выделил мне грант на изучение Добары? Как бы не так! Они предпочитают Мерое или Зимбабве. Они лучше будут просе-

ивать груды земли через мелкое сито, чем выделяют средства на открытие, способное потрясти мир! Если бы только я осмелился, я бы взял свои сбережения, нанял рабочих и отправился в Добару. Деньги были бы возмещены в ближайшее время, сразу же, как только я сообщил бы о своем открытии. Университеты и научные фонды на коленях умоляли бы меня принять их деньги! Если бы только я осмелился...

Доктор Эберхардт снова погрузился в размышления — на этот раз печальные. Прокопулос вежливо поклонился и двинулся к двери. Но не успел он отойти, как доктор снова протянул руку и с поразительной силой вцепился в плечо грека.

— А известно ли вам, — спросил он, — что Шлиман обнаружил Трою, располагая куда меньшими сведениями, чем те, которые известны мне о Добаре?

И после этого заявления, показавшегося Прокопулосу совершенно бессмысленным, ученый отпустил его. Прокопулос поспешно выскочил за дверь и окунулся во влажную ночь.

Этот Эберхардт — чокнутый старый придурок! Толкает тут какие-то дикие теории! Старого идиота следует изолировать от нормальных...

Старого?

А ведь не так уж он стар. По внешнему виду Эберхардту можно было дать чуть больше пятидесяти. Но как он будет выглядеть, если нормально причешется и снимет эти очки в золотой оправе? Как он будет выглядеть, если перестанет сутулиться?

Наверняка лет на десять младше.

Грим может сильно изменить возраст. И руки у него подозрительно сильные...

И какая превосходная маскировка для Дэйна! Отправиться в дорогу под видом немецкого археолога почтенных лет, у которого не все дома, цепляться ко всем со своими теориями, а в последний момент передумать и отправиться в исчезнувший город под названием Добара.

Кстати сказать, этот исчезнувший город находится в какой-нибудь миле от Суакина, порта, через который проходят самые большие партии рабов, и в двадцати милях от Порт-Судана.

Доктора Эберхардта тоже надо иметь в виду.

Но так получается слишком много подозреваемых. По фигуре и возрасту большинство путешественников вполне соответствуют Дэйну. Прокопулос сможет определить, кто же из них тайный агент. Он умеет обнаруживать тайные мотивы в самых убедительных заявлениях и избегать ловушек, скрытых за внешним правдоподобием. Но теперь его собственные таланты обратились против него, и он начал в каждой мухе видеть слона.

Внезапно детектив Прокопулос решил, что ему необходимо выспаться.

Глава 3

Сразу же после утреннего намаза Мустафа ибн-Харит принялся за работу. Сегодня был последний день его пребывания в Форт-Лами. Завтра рано утром он вместе с собранными им паломниками отправится в хадж в Мекку. Четыреста паломников будут ехать на грузовиках, а десяток людей Харита — присматривать за ними. Сам Харит будет ехать следом за колонной на стареньком «Лендровере». Их путь протянется на тысячи миль по областям, прилегающим к Сахаре, — через Эль-Фашер, Эль-Обейд, Омдурман и Атрабу. В Суакине паломников пересадят на дхоу, перевезут в Лит, на территорию Аравии, и работу можно будет считать оконченной. Но сегодня, накануне отъезда, Харит занимался тем, что в последний раз проверял все вплоть до мельчайших деталей. Все должно находиться в полной готовности. Ошибка или упущение могут поставить под угрозу всю партию товара.

Первым делом Харит посоветовался со своими доверенными людьми, дабы убедиться, что все взятки вручены. С этим вопросом были связаны наибольшие сложности и наибольшие расходы, но это было абсолютно необходимо. Такие вопросы легко решались в Нигерии или Чаде, но в Судане, стоявшем на пороге независимости, раздача взяток была связана с большими трудностями. Иметь дело с суданской полицией или с отрядами войск, патрулирующими пустыню, было очень тяжело. Следовало все тщательно рассчитать и найти

нескольких чиновников, которые занимали бы подходящие посты, могли выдать нужные разрешения и не стали бы отправлять паломников обратно из-за такой мелочи, как отсутствие паспортов.

Взяточничество было жизненно важным явлением, без которого работорговля не просуществовала бы и года. Но это была лишь одна сторона работы ибн-Харита. Ему, например, нужно было убедиться, что нанятые транспортные средства способны проделать длинный путь. Даже краткая задержка была бы весьма накладной — ведь Харит оплачивал питание всех паломников. А долговременная задержка превратилась бы в сущее разорение. Большинство паломников просто не захотят уезжать из Африки, если не смогут попасть в Мекку именно в тот момент, который предусмотрен Кораном — в двенадцатый день Дха'л-Хиджа.

В этом году хадж пришелся на самый конец летнего сезона дождей, а значит, любой участок пути между Форт-Лами и Омдурманом мог оказаться размытым. Если бы это действительно произошло, паломникам пришлось бы своими силами чинить дорогу, а возможно, даже строить мосты — и тратить на это часы и дни. А для Мустафы ибн-Харита эти часы и дни оборачивались потерей денег.

Хотя работорговля была прибыльным занятием, расходы следовало подсчитывать с величайшей тщательностью. От четверти до трети прибылей Харита уходило на взятки. Дальше шли расходы на еду и транспорт, потом — плата охранникам и помощникам, а в этом году — еще и дополнительные расходы на этого грека, который, кстати, до сих пор не доложил о результатах своей беседы с европейцами.

А кроме того, в этом году добавилась проблема, именуемая Салех Мохаммед эль-Тикхейми.

В предыдущие годы эль-Тикхейми довольствовался территорией Танганьики и Сомали. Эль-Тикхейми относился к работорговцам старой школы. Он либо просто покупал рабов для перепродажи, либо похищал их из расположенных в глубинке деревень. Собрав десять-двенадцать человек, эль Тикхейми контрабандой переправлял их в Массау или Джибути, а оттуда отвозил в Саудовскую Аравию или в Йемен. Это было старинное, почтенное и достаточно прибыльное заня-

тие. Но когда цены на рабов выросли, возросла и жадность эль-Тикхейми. Он принялся поглядывать на более легкий маршрут перевозки товара — из Нигера и Верхней Вольты через пустыню до Суакина.

В этом районе действовало много работорговцев. Харит их терпел, поскольку эти торговцы не представляли собой ничего серьезного. Но теперь здесь же объявился эль Тикхейми. Ходили слухи, что он пользуется финансовой поддержкой группы постоянных клиентов-йеменцев из Саны. Харит знал, что два крупных работорговца в одном районе — это уже чересчур. Местным властям, хотя бы они того или нет, придется принять меры.

Впрочем, до этого дело не дойдет. Либо Харит, либо эль-Тикхейми начнут действовать раньше. В этом году они воспользовались примерно одним и тем же маршрутом. Харит обдумал свои планы и позаботился о должной охране. Несомненно, то же самое сделал и эль-Тикхейми. Вскорости им предстоит выяснить, чей план лучше. Впрочем, Харит был почти уверен, что это столкновение окончится в его пользу. Конечно, эль-Тикхейми считался человеком умным, но он был всего лишь атейба, человек из племени хвастунов, которые много говорят, но мало делают. А сам Харит принадлежал к племени рифаа, чья доблесть известна во всем мире, а верность исламу не запятнана никакими ересями. Исход этого противостояния решат мужество, сила характера и воля Аллаха. И потому Харит знал, что проигравшим окажется не он, а его соперник.

Весь день в дом Харита, расположенный на окраине Джембел-Бахр, прибывали доверенные люди торговца. Харит узнал, что эль-Тикхейми сейчас находится на севере, в Тибести. Прокопулос вернулся в «Метрополь» и беседовал с кем-то из европейцев. Остальные европейцы все еще пытались найти способ выехать из Форт-Лами. К вечеру Хариту стало известно, что путешественники наняли автобус, чтобы тот отвез их в Эль-Фашер.

Это была плохая новость. Это означало, что Харит и европейцы покинут Форт-Лами одновременно. В Эль-Фашере европейцы смогут нанять транспорт до Эль-Обейда, а там сесть на поезд до Хартума. Почти на всем пути европейцы

будут держаться поблизости от Харита, а ведь среди этих путешественников почти наверняка присутствует американский агент.

Харит поразмыслил, не отложить ли ему отъезд на пару дней, но решил, что делать этого не стоит. Такая задержка будет выглядеть слишком подозрительной. Во время сезона дождей весь автотранспорт по мере возможности старается путешествовать группами. Когда приходится пробираться через размытый участок дороги, ни одна пара рук не оказывается лишней. К тому же, если в число путешественников входит и Дэйн, он обязательно найдет причину, по которой европейцам тоже придется задержаться именно настолько, чтобы все-таки выехать вместе с Харитом и его подопечными.

Лучше пусть все идет своим чередом. Он будет действовать так, как намеревался. Конечно, присутствие Дэйна достаточно неприятно, но ничего смертельного в этом нет. Здесь и раньше появлялись агенты, и все они так или иначе скончались во время долгого путешествия по безлюдным холмам Дарфура или на пути через Кордофанскую пустыню. Нет никаких причин считать, что на этот раз дела обернутся иначе.

Вечером Харит по-прежнему сидел дома, а доверенные люди продолжали идти к нему с докладами. Сейчас работяга напоминал паука. Он сидел в центре паутины, а подрагивание нитей приносило ему новости. Нити паутины тянулись с севера, с нагорья Тибести, с юга, из Убанги-Шари, с запада, из Нигера, и с востока, из Судана.

Харит без конца сопоставлял между собой полученные известия. Он любил интригу, обман и неожиданные нападения. Он занимался этим не только ради прибылей, но и просто из любви к искусству. Перехитрить чванливых колониальных чиновников — английских, французских, бельгийских, американских, — что может быть приятнее? Все эти чиновники заслуживали лишь презрения. Один эль-Тикхейми был для Харита опаснее всей английской полиции в Судане, всей французской армии в Чаде и всех бельгийских войск в Конго. Что могли сделать эти европейцы, живущие в своих милых прохладных домиках? Они не давали себе труда выучить хоть какой-нибудь из африканских языков и сторони-

лись местных жителей. Они сидели под надежной охраной, виделись только друг с другом и наивно полагали, что их белесая кожа дает им некую волшебную власть. А после этого они еще ожидали от населения некогда захваченных стран благодарности и повиновения.

Европейцы были постоянными противниками Харита, и он получал огромное удовольствие, провозя группы паломников под самым носом у этих надутых червяков, пытающихся ему помешать. Харит презирал европейцев, но признавал, что и они бывают полезны. Именно европейцы, закрывая глаза на внутренние дела Саудовской Аравии, покупали арабскую нефть, а саудовская знать на эти деньги покупала «Кадиллаки» и рабов. Конечно, рабовладение существовало бы и без европейцев, но в гораздо меньших размерах — раньше Аравия была небогатой страной. Так что это именно европейцы позволили неплохо зарабатывать Хариту, эль-Тикхейми и доброй сотне мелких работяг, промышляющих на пространстве от Атбары до Джибути и от мыса Горн до Дар-эс-Салама и Занзибара.

Поздно вечером грузовики были заправлены и готовы к путешествию. Европейцы тоже готовы были отправиться в путь на нанятом автобусе. Два отряда французских солдат должны были сопровождать путешественников до Абеше. И наконец объявился Прокопулос.

Хариту хватило одного взгляда, чтобы понять, что грек потерпел неудачу. Но тем не менее он внимательно выслушал рассказ Прокопулоса о вечере в «Метрополе». Харит решил, что он сам постарается по пути встретиться с европейцами и посмотреть, что удастся выяснить. Что же касается грека...

— Что же касается меня, — произнес Прокопулос, — то тут следует уладить некоторые вопросы. Прежде всего я хочу вернуть деньги, которые ты мне заплатил за поход в «Метрополь». Четыре доллара я потратил на выпивку, и это я сделал, находясь у тебя на службе. Но остальных денег я не заслужил и прошу тебя взять их обратно.

После некоторых возражений Харит принял деньги и выжидательно посмотрел на грека. Ему было крайне любопытно, зачем Прокопулос это сделал и что за этим последует.

— Скажи мне откровенно, Мустафа ибн-Харит, — попросил Прокопулос, — стоили ли мои сведения тех денег, которые ты за них заплатил?

— Цена была велика, — медленно произнес Харит, — но сведения того стоили.

— А когда я не смог добыть обещанные сведения, разве я не вернул тебе деньги?

— Вернул.

— Тогда послушай, о чем я хочу тебя попросить, — сказал Прокопулос. — Я уверен, что смогу вычислить Дэйна. Мне нужно лишь подольше побыть среди этих европейцев, подольше понаблюдать, как ведут себя эти люди, и вычеркнуть некоторых из списка подозреваемых. Одного вечера на это мало. Никто не смог бы этого сделать за один-единственный вечер. Но если я поеду вместе с тобой и с европейцами до Хартума...

— За мой счет, — язвительно проронил Харит.

— Ничего подобного! — возмутился Прокопулос. — За мой счет, за мои собственные деньги, исключительно из любви и почтения к тебе.

— Это очень великодушно с твоей стороны, — сказал Харит. — Твое предложение великолепно, господин Прокопулос.

— Я хочу принести пользу нам обоим, — пояснил Прокопулос. — Моя гордость уязвлена, и потому я не хочу бросать это дело, не окончив его. Оно так глубоко задело меня, что я предлагаю — нет, настаиваю — отправиться в эту поездку за свой счет. Если мне не удастся обнаружить Дэйна, я не попрошу у тебя ни гроша. Это будет ниже моего достоинства.

— А если удастся? — поинтересовался Харит.

— В таком случае, — сказал Прокопулос, — я надеюсь, что ты захочешь оплатить мои дорожные расходы. Этого будет требовать твоя честь, потому что я отправился в путь, чтобы оказать тебе услугу.

— Совершенно верно.

— Что же касается всего прочего, я целиком полагаюсь на твою прославленную щедрость. Если я добьюсь успеха и ты захочешь вознаградить меня, то это будет только справедливо. Пусть это будет семьсот долларов, или шестьсот, или даже

пятьсот — я не стану ни спорить, ни жаловаться. Твоя честь находится в твоих руках, Мустафа ибн-Харит, и никто в мире не сохранит ее лучше, чем ты сам.

Харит рассеянно кивнул. Он был занят подсчетами. Пятьсот долларов — это сто семьдесят четыре египетских фунта. Слишком большие деньги, чтобы отдавать их этой греческой собаке. Впрочем, все-таки придется их заплатить. Этого требовала его честь — если, конечно, платить все-таки придется...

— Твое великодушное предложение глубоко тронуло меня, — сказал Харит. — Я с радостью оплатил бы твои расходы, но не могу — это оскорбило бы тебя. Но в случае успеха я непременно заплачу тебе, и вознаграждение будет щедрым.

Прокопулос почтительно поклонился:

— Иного я и не ожидал от великого Мустафы ибн-Харита из племени рифаа.

Харит поклонился в ответ и поинтересовался:

— Можешь ли ты получить место в автобусе европейцев?

— Я уже сделал это, — ответил Прокопулос, — в искренней надежде, что ты не откажешься от моих дальнейших услуг.

Они снова поклонились друг другу и обменялись комплиментами. Прокопулос собрался было уходить, но Харит остановил его вопросом:

— Скажи, слыхал ли ты когда-нибудь о человеке по имени Салех Мохаммед эль-Тикхейми?

— Я слышал о нем, — медленно произнес Прокопулос.

— Ты знаешь, где он находится?

— До меня доходили слухи, что он сейчас не то в Тибести, не то в Боркоу.

— А ты знаешь, зачем эль-Тикхейми прибыл в эти места?

— Я кое-что слышал, — по-прежнему осторожно сказал Прокопулос.

— Что ты думаешь об эль-Тикхейми?

— Я никогда с ним не встречался. Мне известно лишь то, о чем толкуют на рынке. Люди говорят, что это человек опасный, умеющий вести льстивые речи, жестокий и нечестивый и что становится ему поперек дороги рискованно.

— Они говорят правду, — сказал Харит. — Я рад увидеть,

что репутация эль-Тикхейми пристала к своему хозяину так же крепко, как запах падали — к стервятнику. Не хочешь ли ты помочь мне расправиться с этим человеком, господин Прокопулос?

— Говорят, что он очень опасен.

— Он — плохой мусульманин. Для любого истинно верующего это должно быть достаточной причиной.

— Да-да, конечно.

— А тот человек, который в должный момент поможет мне справиться с эль-Тикхейми — поможет не словами, а делом, — такой человек может считать себя хозяином моего кошелька. — Харит помедлил, чтобы дать греку время заглотнуть наживку, после чего уточнил: — Если уж я готов заплатить пятьсот долларов тому, что поможет мне обнаружить американского агента, то тому, кто поможет справиться с этим мерзким псом эль-Тикхейми, я заплачу не меньше.

— От твоей щедрости у меня захватывает дух! — с горячностью произнес Прокопулос. — Тебе известно, что я хотел бы помогать тебе во всех твоих делах. Я от всего сердца желаю служить тебе.

Харит поблагодарил грека, и Прокопулос ушел, чтобы поспать несколько часов перед отъездом.

Оставшись один, Харит улыбнулся и налил себе чашечку кофе.

Господин Прокопулос, шагавший по темным улочкам Форт-Лами, тоже улыбался.

5 августа 1952 года, Омдурман

Глава 1

Сержант суданской полиции был человеком рослым и крепко сбитым. Висящий у него над головой вентилятор вяло гонял волны удушливо жаркого воздуха. Перед столом сержанта, опустив голову и потупив взгляд, стоял иностранец по имени Одэ. Он приходил сюда не то в десятый, не то в двенадцатый раз, и его вид уже начал вызывать у сержанта смешанное чувство гнева и бессилия.

— Нет ли новостей? — спросил Одэ.

— Нет, вообще никаких, — буркнул сержант. Он был добрым человеком, но старался спрятать свою доброту за громким голосом и грубыми манерами.

— Наверняка что-нибудь известно о караванах паломников, — сказал Одэ.

Сержант нетерпеливо тряхнул головой и подумал: неужели все нигерийцы так же упрямы, как этот? Одэ был для него совершенно чужим человеком. Его даже понять было трудно — он говорил по-арабски совершенно не так, как суданцы.

— Может, были какие-нибудь доклады из портов? — продолжал настаивать на своем Одэ.

— Я же тебе сказал — никаких новостей! — рявкнул сержант. — Если бы мне было что-нибудь известно о Мустафе ибн-Харите, я бы обязательно тебе сказал. Но никаких новостей нет. — Сержант посмотрел на Одэ. Парень стоял, все так же склонив голову и потупив глаза. Такая поза действительно приличествовала просителю, но Одэ как-то ухитрился напускать на себя такой вид, словно он наклоняет голову лишь затем, чтобы отыскать упавшую на пол вещь. Сержант подумал, что этот парень просто невыносим.

Впрочем, если бы не его несгибаемое упрямство, пареньhipочем не сумел бы бежать из рабства и выбраться из Саудовской Аравии. Когда Одэ только пришел в омдурманскую полицию и рассказал свою историю, это вызвало некоторую суматоху. Из Хартума, который располагался в нескольких милях отсюда и считался столицей, поступил приказ доставить Одэ к ним. Парня допросил сам господин инспектор британской полиции, после чего власти отправили много телеграмм и обзвонили кучу мест во французской Западной Африке и в Ливии. Но никто так и не сумел сообщить о местонахождении Мустафы ибн-Харита, и постепенно это дело забылось, так же, как и множество других сенсаций на день. Омдурман был большим городом — самым большим в Африке после Каира. Каждый день приносил с собой новые проблемы и новые преступления. Дело Одэ исчезло в куче серых папок, но сам Одэ исчезать не захотел. Даже сейчас, почти год спустя, он продолжал навещать в полицейский участок, наклоняя голову в знак уважения, но не кланяясь. Сер-

жанту нравился этот парень, а потому при виде Одэ он старался придать своему лицу самое суровое выражение.

— С этим ничего не поделаешь, — сказал сержант. — Почему ты не уезжаешь отсюда? Почему ты не возвращаешься домой?

— Не могу, — ответил Одэ. — Оскорбление еще не смыто.

— Полиция смывает это оскорбление.

— Ну да, это мне и сказали год назад.

— Ты должен понять...

— Я понимаю, что Африка очень большая, — сказал Одэ. — И я понимаю, что в ней живут миллионы людей и Харит — лишь один из них. Это мне сказали еще в прошлом году. Еще мне сказали, что у полиции множество других дел и что Харит может находиться в любой из доброго десятка стран.

— Если ты все это знаешь, — спросил сержант, — зачем же ты сидишь здесь?

— Я думаю, что он вернется в Омдурман. Я должен увидеть, что оскорбление смыто, или смыть его сам.

Сержант не мог выслать Одэ из Судана и отправить его домой — это не входило в его компетенцию. Он знал, что у парня нет ни паспорта, ни визы, ни вообще каких-либо документов, так же, как и никакого легального занятия в Судане. Но точно так же полицейский знал, что не имеет права выслать Одэ. Сержант очень ответственно относился к своей работе, но понимал, что означало пребывание в рабстве для такого гордого юноши, как Одэ. Если кровь все-таки прольется, то виноват в этом будет только сам Харит.

— Сожалею, но ничем не могу помочь, — сказал сержант. — Извини.

Одэ поблагодарил полицейского и вышел. За последние месяцы он по-своему привязался к этому человеку. Несмотря на постоянное рывканье сержанта — а по-арабски он говорил просто кошмарно, — полицейский был добрым человеком и пытался помочь Одэ.

Одэ шел по многолюдным улицам Омдурмана, пока не добрался до магазинчика кузнечных изделий, находившегося неподалеку от гробницы Махди. Он был просто счастлив, получив здесь работу. Платы, правда, не хватало на то, чтобы

есть досыта, но все же она позволяла Одэ не умереть с голоду, и ему было чем заняться, пока он дожидался появления Харита.

Хозяин магазинчика был рабочим-металлистом из Кано и принадлежал к племени хауса. Он приехал в Судан попытать счастья, но обнаружил, что условия для мелкого предпринимательства здесь не намного лучше, чем в Нигерии. За хорошие кузнечные изделия здесь платили даже меньше, чем в Кано, но зато здесь хотя бы имелись постоянные покупатели: арабы из Каира и Джидды, стройные, спокойные люди из племен шилуков и нуэров, а также приходящие с севера арабы-багарра. Суданские племена знали, что скоро их страна освободится от власти англичан, и потому вооружались. Зачем, собственно, нужно вооружаться, никто толком не знал. Тем не менее по базарам ползли упорные слухи, и люди предусмотрительные запасались патронами к древним «ли-эн-филдам» и точили старые фамильные мечи и кинжалы или ковали новые.

Этот торговец-хауса — Одэ однажды столкнулся с ним и по тюрбану узнал в нем соотечественника, — клялся, что работник ему нужен не больше, чем чума. Но, конечно, поскольку он был хауса, то предпочел нанять человека из племени фулани, а не кого-нибудь из местных уроженцев. Так Одэ начал управляться с кожаными мехами и поддерживать огонь в горне. Время от времени хозяин позволял ему придавать форму мечу или кинжалу, но всегда завершал работу сам. Вся эта возня с железом была не слишком подходящей работой для человека, который был помощником водителя грузовика, но это было лучшее, что Одэ удалось найти.

— Какие новости? — поинтересовался кузнец, когда Одэ вошел в магазинчик.

— Никаких.

— Ну, Африка велика, а этот Харит может быть где угодно.

— Да знаю я, — отмахнулся Одэ.

— Тогда почему ты не выбросишь это из головы? Аллах сам накажет этого человека.

— Это правда, — признал Одэ, — наказание действительно находится в руках Аллаха. Но у меня к Хариту долг крови, и ничто в мире не изменит этого. Справедливость Аллаха не-

сомненна, но иногда он выбирает своим инструментом кого-нибудь из людей.

— Это похоже на богохульство, — сказал кузнец. — А если не на богохульство, так на глупость. Ну, предположим, ты найдешь Харита и даже убьешь его. А полиция арестует тебя, а потом повесит. Что это за месть?

— Это лучшее, что я могу сделать, — сказал Одэ.

Кузнец был человеком дородным и веселым. Он привязался к своему работнику. Одэ никогда не просил прибавки и работал столько, сколько требовалось. И, кроме того, он был из Кано, а фулани и хауса считались родственными племенами.

— Глупости! — возмутился кузнец. — Месть — это для богатых. Лучше забудь об этом человеке и займись работой.

— Я выполняю всю работу, которую ты мне поручаешь.

— Я не говорю, что я тобой недоволен. Но с тех пор, как моя жена умерла, я оказался один в этой чужой стране. Я не жалуюсь — я не одинок. Но я не буду жить вечно, и мне хотелось бы передать свое дело земляку, раз уж у меня нет родственников, которым я мог бы его оставить. Через несколько лет мы вполне могли бы стать совладельцами. А после моей смерти ты вообще унаследуешь все, если откажешься от своих несбыточных планов мести.

Одэ с трудом сдержал улыбку. Он был помощником водителя грузовика, разбирался во всех тонкостях «Форда». Ему оставалось только сдать экзамены, и он стал бы настоящим водителем. Только хауса может думать, что человек запрыгает от радости, когда ему предложат по двенадцать часов в день сидеть в этой маленькой грязной лавчонке. Правда, кузнец сделал свое предложение от чистого сердца, и за это Одэ был ему благодарен. Но хауса просто не способен понять, что значит месть для чистокровного фулани.

— Спасибо, — сказал Одэ. — Я очень тебе благодарен. Но я должен смыть это оскорбление. А после этого я вернусь домой.

— Если только полиция не решит иначе.

— Да, конечно, — согласился Одэ.

Кузнец покачал головой. Эти фулани никогда не станут цивилизованными людьми. Они так и будут цепляться за свою месть и за свою кровную вражду. Они никак не могут

забыть, что когда-то властвовали над Западной Африкой. Смех, да и только. Хауса тоже когда-то властвовали над Западной Африкой, но эти времена прошли, а хауса не цепляются за прошлое. Кузнец представил, как Одэ гордо и спокойно поднимается на эшафот, думая только о том, что он убил своего врага, а полицейские за это убьют его. Ну до чего же бесполезная гибель!

— Ладно, поступай как знаешь, — отступился кузнец. — Но, ради Аллаха, будь осторожен! Если ты найдешь этого человека, тщательно выбери удобное место и удобный момент. Ударь, как тень, и исчезни, прежде чем поднимется крик.

— Когда я его найду, — сказал Одэ, — я убью его тем способом, который покажется мне самым удобным.

Этого молодого упряма было невозможно переспорить. Он определенно решил закончить свою жизнь на эшафоте. Кузнец тяжело вздохнул и велел Одэ разжечь огонь в горне. К полудню нужно было закончить два кинжала.

Глава 2

Пятого августа паломники на рассвете покинули Форт-Лами. Четыреста человек набились в восемь грузовиков. Они знали, что их хадж начался. Все происходившее до этого момента было лишь подготовкой. Даже те, кто уже проделал тысячемильный путь от Верхней Вольты или Того до сборного пункта в Форт-Лами, лишь с этого момента по-настоящему ощутили, что отправились в паломничество. Почти все эти люди были жителями небольших деревушек. Они пришли сюда с запада и с юга: мужчины, женщины, дети из Вольты, Нигерии, Дагомеи, Камеруна, из Убанги-Шари на юге Чада и из северных провинций бельгийского Конго. Теперь их путь вел на восток, к Мекке и священным городам Аравии. Паломники были преисполнены изумления — их путешествие действительно началось.

В переполненных грузовиках начали происходить открытия. Почти каждый паломник обнаружил рядом с собой чужаков из десятка стран, объясняющихся на двадцати разных языках. Одетым в белое северянам из деревень, окружающих

Тимбукту, Мопти, Гао, Угадугу и Кано, с трудом верилось, что люди с юга — истинные мусульмане. Южане из окрестностей Яоунде, Форт-Арчемболта, Банги и Браззавиля подзревали, в свою очередь, что северяне подражают арабам. И все-таки они вместе отправились в паломничество, и все они были братьями по вере. Лишь ислам мог сделать так, чтобы фулани ехал рядом с яо, хауса рядом с сонхей, а йоруба рядом с ашанти. Ислам распахнул перед ними двери в мир, сделал их всех братьями и дал им общую цель.

Это чудо стало возможным лишь благодаря щедрости Мустафы ибн-Харита. Четыреста паломников неустанно поминали его в своих молитвах.

Колонну грузовиков возглавлял Харит на своем «Лендровере». Прокопулос ехал вместе с торговцем. За паломниками ехал грузовик с французскими солдатами, а следом — автобус, нанятый европейцами.

В июле здесь прошли сильные дожди, и потому путешественники выбрали северную дорогу на Моссоро, чтобы обогнуть озеро Фитри и разлившуюся реку Бата. Их путь должен был пройти по самой границе Сахары, по плоской песчаной равнине, заросшей колючим кустарником. Паломникам везло: за первую сотню миль они задержались лишь раз, у разлившейся вади¹. Проехав Аоуни, колонна развила приличную скорость и к ночи добралась до Ати.

Здесь путешественники сделали остановку, чтобы отдохнуть и заправиться бензином. Поговорив с Харитом, Прокопулос отправился навестить европейцев. Он обнаружил, что те пребывают в скверном расположении духа: оказалось, что у автобуса из Форт-Лами нет рессор, и путешествие на нем до Эль-Фашера обещало стать довольно безрадостным.

Господин Прокопулос посочувствовал путешественникам и сказал, что у него есть предложение.

— Мой компаньон, господин Харит, великодушно предлагает свой «Лендровер» в ваше распоряжение. Он думает, что там вам будет намного удобнее, чем в автобусе.

¹ Вади — сухое русло, наполняющееся водой лишь во время сезона дождей.

— Это очень любезно с его стороны, — сказал доктор Эберхардт. — Но мы там не поместимся.

— К сожалению, это правда. Но там вполне может с удобством разместиться половина вашей группы. Господин Харит предлагает, чтобы четверо из вас ехали вместе с ним до Абеше, а остальные трое — от Абеше до Эль-Фашера.

— По-моему, неплохая мысль, — откликнулся Отт. — Кто войдет в первую очередь?

— Конечно же, это предстоит решить вам самим, — любезно проговорил Прокопулос.

После некоторого спора путешественники решили бросить жребий. В первую группу вошли два парагвайца, американский инженер и британский майор. Прокопулоса это вполне устроило. Теперь он сможет в течение восьми-десяти часов поговорить с каждым из них, послушать, как разговаривают они друг с другом, понаблюдать за всеми. Грек был уверен, что по пути от Форт-Лами до Эль-Фашера он обязательно поймет, кто из этих людей Стивен Дэйн.

Прокопулос представил четверых европейцев Хариту. Тот степенно поклонился и поздоровался с ними на плохом французском. На рассвете они тронулись в путь, направившись к Абеше.

Глава 3

— Вы долго находились в Судане? — спросил Прокопулос у британского майора.

— Полагаю, вы назвали бы это достаточно длинным отрезком времени, — ответил майор Харкнесс. Прокопулос подождал, но майор не стал развивать свою мысль. Вместо этого он принялся смотреть через окно на монотонную желто-серую равнину. Два парагвайца переговаривались по-испански. Инженер прикуривал.

— Должно быть, вы приобрели очень интересный жизненный опыт, — продолжил Прокопулос, пытаясь найти зацепку и завязать разговор. С момента отъезда из Ати путешественники еще не перекинулись ни единым словом.

— Ну, не знаю. Опыт как опыт, ничего особенного, — от-

кликнулся майор Харкнесс, не отрываясь от окна, и опять ничего больше не добавил. У майора была сдержанная манера поведения, которая, по мнению Прокопулоса, вообще являлась отличительной чертой англичан. Майор был очень вежлив, но его немногословные ответы давили беседу в зародыше. Он был невыносим, но Мак-Кью вообще не желал отвечать на вопросы, а парагвайцы болтали по-испански и пересмеивались. Подавив приступ ненависти, Прокопулос спросил:

— Вам нравится жить в Судане, майор?

— Пожалуй, да. Это довольно интересная страна.

— Но ведь здесь нет ни театров, ни кино, — сказал Прокопулос, выдавив из себя смешок. — Вы не скучаете по развлечениям?

— Я об этом особо не задумывался, — ответил майор Харкнесс. Очередная попытка завести разговор бесславно скончалась. Майор продолжал смотреть в окно: очевидно, неизменный пейзаж чем-то его очень интересовал. Прокопулос никак не мог решить, чувствует ли он себя оскорбленным или нет. «Лендровер» кренился, проезжая по изрытой глубокими колеями дороге. Европейцы сидели, словно плакальщики в катафалке.

После пяти минут молчания Харкнесс неожиданно изрек:

— Я не поклонник театра. Но я люблю охотиться.

— В самом деле? — спросил Прокопулос.

— Да. В Судане прекрасная охота, особенно в верховьях Нила. Сейчас там уже не то что десять лет назад, но все равно это лучшее место для охоты во всей Африке.

Эта внезапная вспышка красноречия удивила Прокопулоса. Он совершенно не разбирался в охоте и не понимал, почему людям нравится гоняться за животными и стрелять в них. Но, чтобы поддержать беседу, Прокопулос спросил:

— А вы охотились в других районах Африки?

— Да. В основном в Восточной.

При упоминании охоты полковник Рибейра оживился и счел нужным присоединиться к разговору.

— А вы охотились в Кении? — спросил он.

— Да, — ответил майор Харкнесс.

— Я собираюсь поохотиться в Кении, — сказал Рибейра. — И еще в Танганьике. После Адена я рассчитываю совершить тур по Восточной Африке.

Прокопулос тут же насторожился.

— Я собирался поохотиться в Йемене, — продолжал Рибейра, — но мне не дали визу. Ну что ж, говорят, в протекторате Аден тоже есть превосходные газели.

— Не только газели, но и ориксы, — заверил его Харкнесс. — Возможно, мы как-нибудь сможем поохотиться вместе.

— Майор Харкнесс, — оживился Рибейра, — для меня было бы величайшим удовольствием, если бы вы составили мне компанию.

— Ну что ж, мы вполне можем это устроить.

— Простите, сэр, — обратился Прокопулос к американскому инженеру, — а вы тоже спортсмен?

Мак-Кью поднял голову. Его загорелое лицо было мрачным и угрюмым.

— Нет, — ответил он. — Я не охочусь.

— И я тоже, — сказал Прокопулос. — Но в мире много интересного. Судан — очаровательная страна. А Аравия! Аравия просто прелестна.

— Вы так считаете? — вяло поинтересовался Мак-Кью.

— Я никогда там не бывал, но мне так говорили.

— Вам безбожно соврали. Аравия — это пустыня. Там нет ничего хорошего, кроме лежащей под ней нефти.

— Да, это бесплодная страна, — согласился Прокопулос. — Но люди...

— Некоторые из них богаты, — сказал Мак-Кью, — а остальные живут на грани голодной смерти. А дети почти поголовно болеют трахомой.

— Если вам так не нравится эта страна, зачем вы туда возвращаетесь?

— Затем, что меня туда послали. Компания, в которой я работаю, строит в порту Джидды новый волнолом.

— Джидда — не слишком уютный город, особенно летом.

— Она неуютна круглый год, — довольно приветливо произнес Мак-Кью. Он выглядел счастливым только тогда, когда говорил о том, чего не любил.

— А куда вы отправитесь, когда постройте этот волнолом?

— Откуда я знаю? Куда пошлют, туда и отправлюсь. В мире полно жарких, пыльных, кишящих болезнями мест, и мне, похоже, предстоит все их посетить.

— Возможно, в будущем вам повезет больше, — сказал Прокопулос. — Может, ваша компания даст вам работу в вашей собственной стране, недалеко от вашего дома.

— Маловероятно. В Калифорнии и без меня полно инженеров.

— Но надеяться ведь можно. Мне говорили, что Калифорния — очень красивое место.

— На этот раз вам сказали правду. Там здорово. Лично я надеюсь, что никогда больше туда не попаду.

— Боюсь, я не совсем вас понял, сэр.

— Забудьте об этом, — с неожиданной злобой ответил Мак-Кью. — Мне просто нравится работать за границей, в местах наподобие Джидды. Трахома, кишечные паразиты, двойное жалование и периодически выделяемые суммы на путешествия. Неплохо.

И инженер отвернулся. Прокопулос не знал, что и думать об этой вспышке. Возможно, этот американец — неуравновешенный человек. А возможно, он играл.

И инженер, и парагвайцы, и британский майор — все они направлялись на Аравийский полуостров. А кого можно вычеркнуть из другой группы?

Время приближалось к полудню, и в открытые окна врывался раскаленный воздух пустыни. Прокопулос с трудом удерживался от того, чтобы зажмуриться. Эчеверрия спал. Мак-Кью сидел, уставившись в пол. Рибейра и Харкнесс обсуждали ружья и патроны.

Харит, управлявший «Лендровером», спросил по-арабски:

— О чем они говорили?

— Об охоте и об инженерном деле, — ответил Прокопулос.

Харит кивнул. «Лендровер» приближался к суданской границе, за ним следовали восемь грузовиков с паломниками и автобус.

Глава 4

В Абеше грузовик с французскими солдатами покинул караван и свернул на север, чтобы сменить заставы в Боркоу. Путешественники отдохнули часа четыре, после чего отправились в Гезейну, город, расположенный уже в Судане. Этот участок пути был довольно легким. Теперь они попали в настоящую Сахару. Вокруг не было видно даже намека на то, что где-то существует какой-то там сезон дождей. Почва была серой и бесплодной. С каждым годом пески ползли все дальше на юг, угрожая редким полям проса. Лишь изредка купы деревьев оживляли безрадостный желто-коричневый пейзаж. Сам Абеше оказался унылым городишком, заполненным верблюдами, овцами и грязными лачугами. Еще здесь находился французский форт, построенный из необожженного кирпича. Выглядел он точно так же, как, по мнению Голливуда, должен выглядеть штаб Иностранного легиона в Сиди-бель-Абесе.

Первая группа европейцев вернулась в автобус, а вторая пересела в «Лендровер». Доктору Эберхардту хотелось поговорить об археологических загадках Африки. Он избрал в качестве слушателя Чарльза Отта, нервного родезийца. Ученый решил, что Отт должен интересоваться историей своей страны. Исходя из этого, доктор Эберхардт принялся рассказывать о древнем Мапунгубве, находившемся на границе Южной Африки и Родезии, и о великом королевстве Мономапате, некогда простиравшемся от Трансвааля до бельгийского Конго. Отт слушал без особого интереса. Но когда Эберхардт рассказал о золоте, найденном в Зимбабве, родезиец оживился. Здесь было много золота, в основном в Мапунгубве. Кроме того, золотые изделия нашли также в Ньекерке и в Иньянге, в Южной Родезии. Услышав об этом, Отт заявил, причем совершенно серьезно, что археология — не такая уж скверная штука.

Прокопулос тем временем слушал и наблюдал. Его интересовал датчанин, Лоренс ван Хаарнин, называющий себя туристом. Это был высокий, худощавый, сильный на вид, загорелый мужчина. На тыльной стороне левой руки у него виднелся небольшой шрам, судя по виду — от старой ноже-

вой раны. Датчанин таскал с собой два фотоаппарата и экспонометр и как-то сказал Прокопулосу, что иногда посылает фотографии в датские журналы. Но Прокопулос не видел, чтобы ван Хаарнин хоть раз шелкнул фотоаппаратом. Он казался человеком спокойным, одним из тех, на кого можно положиться при неожиданных обстоятельствах. Прокопулос подумал, что в ван Хаарнине чувствуется способность к насилию. Впрочем, то же самое можно было сказать о Рибейре, Мак-Кью и Чарльзе Отте. Но это качество ощущалось в каждом из них по-разному. Парагваец создавал впечатление холодной, злобной безнравственности. Мак-Кью походил на человека, готового при случае подрасть. В Отте эта склонность к насилию отдавала предательством. А ван Хаарнин словно держал ее под надежным контролем, но лишь для того, чтобы в нужный момент пустить в ход.

Прокопулос напомнил себе, что все это еще ничего не доказывает. Это были лишь впечатления, не подкрепленные фактами. Впрочем, греку не оставалось ничего иного, как продолжать прислушиваться к своим впечатлениям. Исходя из них Прокопулос попытался вычеркнуть троих подозреваемых. Доктор Эберхардт выглядел слишком старым, а майор Харкнесс и капитан Эчеверрия были недостаточно высокими.

Оставалось четверо: Мак-Кью, Отт, Рибейра и ван Хаарнин. Двое из них направлялись в Аравию: Рибейра — в Аден, а Мак-Кью — в Джидду. Отт ехал в Бейрут, а ван Хаарнин — в Каир. Если исходить из этого, первые два казались более подозрительными. Или нет? Возможно, как раз они и не были ни к чему причастны. Человек вполне может заявить, что направляется в Каир или Бейрут, а вместо этого поехать куда угодно. Агент полиции вполне способен так поступить.

Прокопулос почувствовал приступ раздражения. Все было так зыбко и расплывчато! Дэйн был только частью проблемы. Не следовало забывать и об эль-Тикхейми, который, возможно, находился сейчас несколько севернее и как раз ехал в Омдурман. Еще одной частью проблемы был сам Харит, которому ни в коем случае не следовало доверять. И было что-то еще, касающееся четырех подозреваемых, что-то важное. Какая-то промелькнувшая мысль, связанная с работой Дэйна в Эль-Джезире, с его долгим пребыванием на Ка-

нарах и с внезапным отъездом в Дакар. Что ж это за мысль? Какая из частей его путешествия приобрела новое значение? Прокопулос почти ухватил мысль за хвост...

— Простите, мистер Прокопулос, это там случайно не Адре? — прервал его размышления ван Хаарнин.

Прокопулос поднял голову и увидел стоящий на пологом склоне розово-оранжевый город. Большинство домов было крыто шифером или черепицей, что придавало городу сходство с европейской деревней.

— Да, — ответил Прокопулос, — это Адре. — Он попытался вспомнить ускользавшую мысль, но та уже исчезла. А может, и вовсе не существовала.

— Здесь уже прохладнее, — заметил ван Хаарнин. — И сам город выглядит довольно мило.

— Да, действительно, — согласился Прокопулос. — Может, попросить господина Харита остановить машину, чтобы вы могли сфотографировать город?

— Нет-нет, спасибо, — сказал ван Хаарнин. — Я повидал множество подобных городов. Обычно я не снимаю ландшафты и памятники архитектуры.

— А что же вы фотографируете? — спросил Прокопулос.

— Людей, — ответил ван Хаарнин. — Меня привлекают лица людей. История каждого человека запечатлена на его лице.

— Да, так говорят.

— А иногда на чьем-нибудь лице можно прочесть историю целой страны или расы, — сказал ван Хаарнин. — По лицу человека нетрудно прочесть его прошлое, а порой даже и будущее.

— И что, для этих свидетельств судьбы вам требуется два фотоаппарата? — поинтересовался Чарльз Отт.

— На самом деле это необязательно. Просто я предпочитаю для портретов использовать «Роллекс», а для фотографий навскидку — «лейку». Часто кого-нибудь можно сфотографировать лишь неожиданно.

— Очень любопытно, — пробормотал Прокопулос.

— Я рад, что вы так считаете, — сказал датчанин. — Вы обязательно должны разрешить мне сфотографировать вас,

мистер Прокопулос. Я пришлю вам фото, когда вернусь в Европу и проявлю пленки.

— Я уверен, что это будет замечательно, — нахмурившись, проронил Прокопулос. — Вы прочли на моем лице какую-то историю?

— На каждом лице написана своя история. Но ваша выглядит очень запутанной.

— Для меня в этих рассуждениях слишком много всякой дурацкой мистики, — заявил Отт. — Может, вы хотите получить и мою фотографию?

— Она у меня уже есть, — ответил ван Хаарнин.

— То есть как?

— Я взял на себя смелость потихоньку сфотографировать вас в Форт-Лами. Надеюсь, вы не станете возражать?

— С чего вдруг я должен возражать? — сказал Отт. Но, судя по тону, это ему не понравилось. — А мистера Харита вы тоже сфотографировали? На его лице точно написана история.

Ван Хаарнен посмотрел на Харита, молча ведущего автомобиль.

— Нет, — сказал датчанин. — Мистера Харита я не фотографировал. Но обязательно сфотографирую, если он будет не против.

— Лично я, — вмешался в разговор доктор Эберхардт, — не вижу никакого смысла в фотографии. Разве что она может быть полезна при научной классификации.

— У вас необычный взгляд на вещи, — вежливо откликнулся ван Хаарнин.

Они проехали через Адре. Впереди лежала граница. Ее отмечала заброшенная хижина, где некогда располагалась застава. Колонна миновала хижину и очутилась на территории Судана. Прокопулос обдумывал разговор с ван Хаарнином. Ему этот разговор не нравился, и, уж конечно, Прокопулос не хотел, чтобы датчанин его фотографировал. Зачем ван Хаарнин заговорил об этом? Мог ли секретный агент затеять такой разговор, чтобы вывести противника из себя? Или это была просто невинная просьба туриста?

После Генейны дорога постепенно пошла вверх. Вокруг раскинулась гористая местность, земля изломанных скал и

пересохших вади. Рессорам «Лендровера» пришлось туго: машина ныряла из стороны в сторону, объезжая выбоины. Колонна поднималась в гору примерно в течение пяти часов, и после захода солнца они попали на высокогорное плато. Воздух был свежим и чистым, как на альпийских лугах. На краю плато лежал городок Кебкабья. Здесь машины дозаправились, а пассажиры поели и до рассвета подремали в кофейнях.

С первыми же лучами солнца снова двинулись в путь. Теперь колонна спускалась среди опасного нагромождения валунов. Машины постоянно шли на первой передаче. То и дело визжали тормоза. Потом колонна выбралась на другое плато, которое было больше вчерашнего. Оно заросло кустарником и колючими деревьями. Далеко впереди виднелись круглые верхушки дюн. Путешественники подъехали поближе и увидели город Эль-Фашер, окруженный невысокими холмами.

Здесь путешественникам предстояло остановиться на день или два; и здесь же, как сказал себе Прокопулос, следовало решить вопрос с Дэйном. Этого человека нужно было убить во время остановки. Удобнее всего сделать это здесь, пока от Хартума и центрального полицейского бюро их отделяло шестьсот миль. Но кто из европейцев должен умереть?

Прокопулос непрерывно думал об этих путешественниках с самого момента их встречи в Форт-Лами. Грек взвешивал все подмеченные черты и поступки и сопоставлял их с тем, что ему было известно о Дэйне. Он сравнивал каждого европейца со своим представлением о тайном агенте. И теперь, при въезде в Эль-Фашер, Прокопулос сделал кое-какие выводы.

8 августа 1952 года, Эль-Фашер

Глава 1

В Эль-Фашере европейцы остановились в отеле «Белый Нил». Они решили в самое жаркое время дня отдохнуть в своих номерах, а потом сходить в кассы авиакомпаний. Между Эль-Фашером и Суданом летали и суданские, и эфиопские

самолеты. Сомнительно, конечно, чтобы во время хаджа на них оказались свободные места, но попытаться стоило.

Доктор Эберхардт уселся за письменный стол и развернул карту. На карте был изображен Судан: от провинций Верхнего Нила до египетской границы и от Дарфура до Красного моря. Еще там поместилась часть Аравии. Доктор взял красную ручку и принялся отмечать на карте места, где были обнаружены руины сабеанских городов. Сперва он отметил свой пункт назначения — Мерое. Потом — Добару рядом с Суакином. Нахмурившись, доктор долго сидел над картой, потом отложил ее в сторону. На лице его застыло выражение досады.

Майор Харкнесс закончил читать английскую газету недельной давности. По обыкновению, в мире царил полный бардак. Как сообщалось, в Египте произошла революция. Короля Фарука свергли; вместо него к власти пришел какой-то Наджиб. Французское правление в Тунисе переживало глубокий кризис. На Синайском полуострове начались пограничные инциденты. Группа, именующая себя «Мау-Мау», совершила несколько террористических актов в Кении. Происходящие в Корее переговоры зашли в тупик.

Харкнесс аккуратно свернул газету, лег на кровать и закрыл глаза. Через несколько минут он заснул.

Ван Хаарнин зарядил в свою «лейку» 135-миллиметровую пленку. Потом он сел в кресло у окна и принялся наблюдать за расположенным внизу входом в отель.

Мак-Кью изучал отчет об обследовании порта Джидды. Из отчета выпало письмо. Оно было отправлено из Кейптауна и нагнало Мак-Кью в Дакаре. Инженер засунул письмо обратно и закрыл глаза, но не заснул.

Рибейра и Эчеверрия сняли двухместный номер. Они разговаривали о Парагвае, пока Эчеверрия не задремал. Тогда Рибейра извлек из своего багажа учебник арабского языка и попытался было его штудировать. Через несколько минут полковник захлопнул учебник и взял книгу об охоте в Восточной Африке.

Чарльз Отт наблюдал за ящерицей. Ящерица ползла по стене, подбираясь к большой мухе с радужными крылышка-

ми. Когда ящерица подползла достаточно близко, чтобы дотянуться до нее своим длинным языком, муха улетела.

— Не повезло тебе, старина, — сказал Отт ящерице. Он повесил свою легкую куртку на спинку стула и извлек из внутреннего кармана небольшой автоматический пистолет — «беретту» 32-го калибра. Отт вынул обойму, повел дулом, несколько раз нажав на спусковой крючок, потом разобрал пистолет. Он почистил «беретту» при помощи лоскута хлопчатобумажной ткани и бутылочки с машинным маслом. Во время работы родезиец что-то тихо бормотал себе под нос. Потом Отт стер лишнее масло, собрал пистолет, проверил, как ходит спусковой крючок, заново зарядил «беретту» и спрятал в кожаную кобуру.

Потом родезиец лег на кровать и принялся смотреть в потолок. Казалось, он о чем-то сосредоточенно думает, но минут через десять жара подействовала на него усыпляюще. Отт положил куртку поближе к себе, развязал шнурки и уснул.

Прокопулос также остановился в отеле «Белый Нил». Греку некогда было предаваться сиесте — слишком много нужно было успеть за время остановки в Эль-Фашире. Прокопулос вышел из своего номера и направился к дому, в котором остановился Харит. Грек изложил Хариту свои соображения и планы, и Харит кивнул. На его темном непроницаемом лице не отразилось ни интереса, ни беспокойства. Торговец предоставил Прокопулосу волноваться вместо себя.

Прокопулос, который вообще не отличался любовью к людям, решил, что Харит ему ненавистен. Он подумал, что у всех арабов — белые они или черные, христиане или мусульмане — есть по крайней мере одно общее свойство: они любят строить из себя этаких богов, превосходящих обычного человека и выдержкой, и бесстрашностью. Вид-то они строят, но настоящего спокойствия в них ни на грош. Они не постояннее латинян, даже когда стараются выглядеть устойчивыми, как скала. Мужества в них немного, а мудрости и того меньше. Одна лишь их жестокость несомненна: арабы известны как непревзойденные мучители бессловесных живых тварей и беспомощных людей.

Таково было мнение Прокопулоса о своем работодателе.

Впрочем, он мог бы так же нелицеприятно высказаться и о европейцах. Все зависело от того, кто его нанял.

Харит одобрил предложенный Прокопулосом запутанный план. Он раскусил этого грека. С ним можно иметь дела, но поворачиваться к нему спиной не стоит. За деньги он сделает все, что угодно, но во всем мире не хватит денег, чтобы купить его верность. Добиться ее можно только при помощи страха, а страх, так же, как и любовь, нужно непрерывно подкармливать.

— Я думаю, твой план превосходен, — сказал Харит. — Человек, о котором ты говоришь, вполне может быть американским агентом. Но мне хотелось бы получить более убедительные доказательства.

— Какие же доказательства я могу тебе представить? — спросил Прокопулос. — Разве он станет носить в бумажнике визитную карточку с надписью: «Стивен Дэйн, агент тайной службы»? Или, может, он будет возить в багаже шифрованную книгу, жетон полицейского или письмо от своего начальника из Вашингтона?

— Не строй из себя дурачка, — одернул его Харит. — Я понимаю, что прямых улик в таком деле быть не может, но некоторые указания существовать должны. Я должен быть уверен, что устраняю именно того, кого следует.

— Твоя шепетильность делает тебе честь, — с самым искренним видом заявил Прокопулос.

Несколько мгновений Харит мрачно смотрел на грека, потом произнес:

— Воздух этой высокогорной страны плохо повлиял на твой ум, господин Прокопулос. Он сделал тебя веселым — и глупым. Потому мне придется объяснить тебе одну очевидную вещь. Смерть одного европейца, путешествующего по Африке, объяснить нетрудно; власти напишут рапорт, и на этом все и закончится. Но ты подозреваешь четырех человек, а мы не можем себе позволить устроить по дороге от Эль-Фашера до Хартума четыре несчастных случая. Это вызовет задержку в пути, которая мне вовсе не нужна. Ты понимаешь положение вещей, господин Прокопулос?

— Да, понимаю.

— Тогда не забывай об этом. Собери все сведения, какие только сможешь.

— А вдруг я ничего больше не обнаружу?

— Тогда будем действовать так, как мы планировали.

— Прекрасно, — сказал Прокопулос. — Скоро послеобеденный отдых окончится, и европейцы пойдут в кассы авиалиний выяснять, не удастся ли им улететь отсюда. А потом, вечером...

Харит улыбнулся и кивнул. Прокопулос тоже улыбнулся и слегка поклонился. Они вежливо попрощались друг с другом.

Глава 2

Ближе к вечеру европейцы отправились в здание, в котором находились кассы суданской и эфиопской авиакомпаний. Там они обнаружили огромную очередь. В кассах собрались оборванные арабы из северного Дарфура и новообращенные жители Бахр-эль-Газалья вперемежку с шейхами и торговцами из Дирры, Менаваше и Джедид-Рас-эль-Фил. Всем им были нужны билеты в Мекку. Сегодня было восьмое августа. До того момента, когда правоверные должны вступить во двор Мазджид-аль-Харама в Мекке, оставалось пятнадцать дней. Если человек не попадал в Мекку именно в двенадцатый день мусульманского месяца Дха'л-Хиджа, а опаздывал хоть на день, его хадж оказывался напрасным. Конечно, он по-прежнему мог совершить умру, малое паломничество, но это можно было сделать и в любое другое время года. Умра не могла заменить хаджа, главного религиозного долга мусульманина.

Если пользоваться наземным транспортом, пятнадцати дней едва-едва хватало, чтобы преодолеть тысячу миль от Эль-Фашера до Мекки. А в сезон дождей, когда нельзя предсказать, на каких участках дорога уцелела, а на каких нет, и когда размывало даже железную дорогу в Порт-Судан, пятнадцати дней могло и не хватить. Большинству мусульман удавалось совершить хадж лишь раз в жизни, и потому кассы авиалиний были забиты не только богачами, но и другими

паломниками, которым удалось накопить или занять денег на билет до Джидды.

Европейцы растерялись. Ситуация выглядела скверно; но в Эль-Обейде сейчас творилось то же самое, а в Хартуме было и того хуже. Что же им делать — ждать пятнадцать дней, пока последний запоздалый паломник не улетит в Аравию? Европейцы дружно решили, что это неприемлемо. Они встали в очередь и принялись медленно продвигаться к кассе. Их уже тошнило от автобусов и грузовиков, от разлившихся рек и выжженной солнцем земли. Некоторые из европейцев готовы были взять билет куда угодно, в любой цивилизованный город Африки или Европы. Шансы на удачу были невелики, но европейцы продолжали терпеливо стоять в очереди, обдумывая свои заказы.

Прокопулос не терял времени даром. Он хотел обыскать комнаты европейцев, и он это организовал с присущей ему компетентностью. После небольшого торга египтянин — управляющий отеля принял скромную благодарность в размере трех фунтов и одолжил Прокопулосу связку ключей. Коридорный запросил десять шиллингов, а за полкроны он вызвался лично постоять на страже, понаблюдать за главным входом и предупредить Прокопулоса в случае неожиданного возвращения кого-нибудь из европейцев. Чтобы использовать время с наибольшей пользой, Прокопулос решил обыскать комнаты своих главных подозреваемых и начать с мистера ван Хаарнина.

Фотоаппараты датчанина вместе с хозяином ушли в кассы, но Прокопулос нашел необычные телескопические линзы. На дне чемодана ван Хаарнина обнаружилась промасленная металлическая коробка, а в ней — несколько обойм к пистолету 38-го калибра. В матрасе был устроен тайник, в котором лежал маленький футлярчик с четырьмя крохотными пленками. Прокопулос понял, что это пленка к какому-то совсем маленькому шпионскому фотоаппарату, что-то наподобие «Минокса». Из чистого принципа Прокопулос засветил все четыре пленки, потом вернул их обратно в тайник и вышел в коридор.

Коридорный знаком показал ему, что все в порядке. Прокопулос перешел в номер, который сняли полковник Рибейра и капитан Эчеверрия. Там он нашел парагвайскую газету месячной давности, две пачки игральных карт, сделанных в Аргентине, и письмо от женщины по имени Ньевес. Письмо было отправлено из Асунсьона и написано по-испански.

Обувь Эчеверрии была сделана в Уругвае, Рибейра же предпочитал английскую. Форма полковника была пошита на Сэвил-роу. Среди имущества парагвайцев находились три ружья разного калибра, все три — английского производства. На спинке стула висела куртка, в которой обычно ходил Рибейра. Куртка тоже была английской. Внутренний карман куртки был какой-то необычной формы. Возможно, он растянулся от ношения оружия. Прокопулос понюхал карман и уловил слабый запах масла. Машинное или масло для волос?

Прокопулос проверил чехлы ружей и обнаружил набор инструментов для чистки оружия. Грек осмотрел щетки и понюхал бутылочку с маслом. От нее исходил тот же запах, что и от внутреннего кармана куртки. Рибейра носил при себе оружие.

Дальнейшие поиски не дали ничего, кроме пачки порнографических открыток, спрятанных в корешке книги об искусстве верховой езды. Прокопулос был знатоком порнографических открыток и потому внимательно их просмотрел. Ничего, довольно неплохо. Грек вернул открытки на место и вышел.

Следующим пунктом программы был номер американского инженера. В комнате стоял чемодан, в чемодане лежала поношенная одежда — один хороший костюм гонконгского производства и твидовый пиджак, сшитый в Шотландии. Багаж был упакован с военной аккуратностью.

На столе Прокопулос нашел три книги. Написаны они были по-английски и, похоже, касались инженерного дела. Там же лежал отчет — тоже написанный по-английски — об обследовании порта Джидды. Большинство технических терминов Прокопулос не понял, но, кажется, отчет касался какого-то надводного сооружения. К отчету прилагались сделанные с воздуха фотографии Джидды и карта города и порта.

Между страницами отчета лежало отправленное из Кейп-

тауна письмо. Оно было написано неким Гордоном. Этот Гордон извинялся перед инженером за то, что женился на женщине по имени Дорис, и выражал надежду, что это не помешает им быть друзьями. Гордон также надеялся, что Мак-Кью не будет держать на них зла и как-нибудь, когда сможет, навестит их в Санта-Барбаре, где всегда будет желанным гостем.

Прокопулос быстро осмотрел багаж Мак-Кью, его одежду, ящики стола, матрас, подушку и напоследок заглянул под кровать. Под кроватью находились две пары аккуратно поставленной рядком обуви. В ней грек ничего не обнаружил. Одна пара была обычными легкими туфлями, сделанными в Англии, вторая же пара — ботинки с сильно потертыми носами — была странно тяжелой. Прокопулос взвесил ботинок на руке, пощупал каблук, подметку, бок, носок, потом запустил руку внутрь и снова пощупал носок.

Сомнений быть не могло: носок ботинка был укреплен спрятанной под слоем кожи изогнутой стальной пластинкой.

Прокопулос решил, что обдумает это попозже. Время бежало быстро, и скоро могли вернуться европейцы. Он вышел из комнаты Мак-Кью. Коридорный кивком подтвердил, что все в порядке.

Доктор Эберхардт не входил в число главных подозреваемых, но его номер располагался рядом с номером Мак-Кью. Прокопулос решил быстренько осмотреть и его.

Первым, что он увидел, была карта доктора с пометками в разных местах южной Аравии. По крайней мере три из этих пометок совпадали с местами, где содержали большие партии рабов; что означали другие пометки, Прокопулос не знал.

Рядом с картой лежал немецко-арабский словарь. В деревянном ящике, обитом изнутри мягкой тканью, находился какой-то телескопический инструмент, с которым Прокопулосу никогда прежде не доводилось сталкиваться. Сделан он был в Франкфурте. Еще Прокопулос нашел кучу разнообразных бумаг, написанных по-немецки, прочесть которые он не мог. Там же лежал кожаный футляр для карт, содержащий подробные карты Судана, Ливии, Египта и Аравии. На этих картах пометки были сделаны в районе Западной Египетской

пустыни, на севере Судана и в районе Нубийской пустыни. Рядом с Гебель-Ода и Джабатитом было что-то мелким почерком написано по-немецки.

В багаже Эберхардта обнаружился ящик с компасом, секстантом и еще некоторыми предметами, выглядящими как навигационные инструменты. Кроме того, в багаже находился портативный радиоприемник с самодельной антенной и автоматический пистолет — довольно старый «люгер». Он был хорошо смазан, но не заряжен.

Последней находкой грека была ракетница и шесть ракет.

Прокопулос счел все это крайне интересным и хотел было продолжить осмотр, но ему помешал донесшийся из холла громкий свист. Прокопулос поспешно навел порядок и выскочил из номера. Коридорный замахал ему рукой и скорчил рожу. На лестнице послышались голоса европейцев.

Прокопулос быстро спрятался на черной лестнице, расположенной на другом конце коридора, и стал ждать.

Европейцы обсуждали неудачу, постигшую их в кассах авиалиний. Другого выхода не было — придется ехать в автобусе до Эль-Обейда, а оттуда — в поезде до Хартума. Путешественники договорились через час встретиться за обедом и разошлись по своим номерам. Наконец-то в коридоре стало тихо.

Прокопулос сидел на лестнице, пока к нему не подошел коридорный. Грек отдал коридорному ключи и оставшиеся полкроны и махнул рукой, чтобы тот уходил. Прокопулос был зол на себя. Он работал слишком медленно и не успел обыскать номер главного подозреваемого, родезийца Чарльза Отта. Возможно, это удастся сделать, когда европейцы уйдут на обед. А возможно...

Прокопулос бесшумно спустился в коридор. Коридор был пуст; путешественники сидели у себя в номерах. Прокопулос подошел к лестничной площадке. Из вестибюля выглянул коридорный и расплылся в улыбке. Прокопулос вернулся в коридор и остановился перед дверью Отта. Он подождал секунду, потом присел и заглянул в замочную скважину. Грек испытывал легкое смущение, пользуясь таким старомодным приемом. Впрочем, напомнил он себе, чаще всего

старые способы оказываются самыми надежными. Через замочную скважину можно увидеть много полезного.

Отт сидел на кровати. Он был виден почти целиком, за исключением макушки. Лицо родезийца было не то раздраженным, не то испуганным. Он нетерпеливо барабанил пальцами по колену. Прокопулос смотрел, затаив дыхание. Это было очень любопытно — наблюдать за человеком, который считает, что его никто не видит.

Отт потер лоб, потом потрогал щетину на подбородке, потом энергично потер передние зубы. Потом родезиец посмотрел на свою правую руку, сжал ее в кулак, снова разжал, внимательно изучил ногти и почистил их спичкой.

Закончив это, Отт выбросил спичку, нагнулся и расшнуровал туфли. Снял туфли и пошевелил пальцами. На левом носке красовалась дыра. В дыру выглядывал большой палец. Родезиец взял в руки левую туфлю и некоторое время ее рассматривал, поворачивая то туда, то сюда, как статуэтку. Сперва Отт держал туфлю на вытянутой руке, потом поднес поближе к лицу. Он отвернулся, исподтишка, краем глаза взглянул на туфлю, словно та была юной девушкой, и улыбнулся ей. Только богатый опыт подсматривания в замочные скважины помешал Прокопулосу немедленно счесть родезийца сумасшедшим.

Очевидно, с туфель все-таки что-то было не в порядке. Отт тяжело вздохнул и поставил туфлю. Потом он снова ее взял, внимательнейшим образом осмотрел, после чего достал из кармана складной нож. На мгновение Прокопулосу показалось, что родезиец собирается зарезать не угодившую ему туфлю, но тот вместо этого осторожно поддел лезвием каблук. Оказалось, что каблук полый и в нем устроен небольшой тайник. Из этого тайника Отт вытащил маленький матерчатый мешочек и вытряхнул на ладонь десяток невзрачных камушков. Прокопулосу как-то приходилось иметь дело с такими камушками. Даже не принимая во внимание то, с какой тщательностью они были спрятаны, грек узнал в них необработанные алмазы.

Отт долго рассматривал камни, трогая их пальцем. Наблюдая за выражением лица родезийца, Прокопулос прекрасно мог представить себе его мысли. Когда Отт прикасал-

ся к камням, на лице у него появлялось мечтательное выражение: он уже видел себя богатым, влиятельным человеком. Потом мечты развеивались, и Отт вспоминал, что по-прежнему находится в Эль-Фашере, сонном провинциальном городке, куда его занесла нелегкая. Прокопулос все прекрасно понял. Контрабанда алмазов была достаточно распространенным явлением.

Видимо, Отт был как-то связан с добычей или обработкой алмазов. Он тщательно подготовился к краже. В должный момент он похитил камни и пересек границу Южной Родезии. Должно быть, он собирался улететь из Булавайо в Бейрут. Так бы он и сделал, если бы не хадж. Но так же, как и все прочие европейцы — все, за исключением Дэйна, — Отт не принял в расчет хаджа.

Остаться в Булавайо он не посмел. Похитителей алмазов преследуют безжалостно. Даже убийство не карается в Южной Африке настолько строго, как кража алмазов. Поэтому Отт принялся всеми возможными способами пробираться на север и в конце концов попал в Форт-Лами. Так он оказался на французской территории, в трех тысячах миль от Кимберли или Претории. Но родезиец все еще находился в Африке. Его в любой момент могли заподозрить, арестовать, выслать в Преторию и отдать под суд. Пока что полиция его не поймала. Оставалось совершить последний отчаянный бросок — и он в Каире или Бейруте. Но, увы, в кассах не было ни единого билета.

Отт не мог позволить себе оставаться в Форт-Лами. Ему необходимо было двигаться. Не на юг — там его поджидали слуги закона; не на север — христианин не мог и мечтать в одиночку пересечь Боркоу, Тибести и бескрайние просторы Сахары; даже не на запад, в Дакар, — там ему пришлось бы опять же в одиночку двигаться вспять против потока мусульман-паломников, стремящихся к Красному морю. Ему ни в коем случае нельзя было оставаться одному — так он привлекал бы к себе больше внимания. Родезийцу пришлось ехать туда, куда направлялись прочие европейцы, — на восток, в Хартум. Но, следуя по этому пути, Отт приближался к британской территории, крайне для него опасной! И вот он оказался в Эль-Фашере, в пятистах милях от Хартума и в полуто-

ра тысячах миль от Каира. Неудивительно, что на лице Отта проступало то мечтательное выражение, то отчаяние. Прокопулос готов был ему посочувствовать. Этот человек бежал очень быстро, но ему предстояло пробежать еще очень долгий путь.

Отт ссыпал алмазы обратно в мешочек, плотно его завязал, мгновение поколебался, потом покачал головой и спрятал мешочек обратно в тайник в каблуке. Прокопулос тоже покачал головой. Полный каблук был слишком старым фокусом. При малейшем подозрении таможенники сразу же его обнаружат. Впрочем, в таких случаях ни один тайник не оказывается достаточно надежным. То, что один человек спрятал, другой всегда может найти.

Отт поставил туфлю на пол. Тут Прокопулос услышал, как за дверью напротив заскрипел стул. Грек поспешно выпрямился, одернул пиджак и огляделся по сторонам. Ни одна дверь не отворилась, но зато была открыта фрамуга над ближайшей дверью. Ощущение невидимости сразу же исчезло. Внезапно Прокопулос почувствовал себя голым и уязвимым. Лицо и шею грека залила краска. Неужели в то время, когда он смотрел в замочную скважину, кто-то наблюдал за ним самим? Когда человек не знает, что за ним наблюдают, он может предстать в смехотворном виде. Господин Прокопулос поспешно спустился по лестнице, прошел через вестибюль и вышел на улицу. От гнева и стыда его бросило в пот. Ему захотелось кого-нибудь убить, чтобы успокоиться.

Но вскоре самообладание вернулось к нему. В конце концов, именно это он и должен был устроить. Через какую-нибудь пару часов европеец умрет — тот человек, который вполне может быть Дэйном. Улики добываются нелегко, а в таких делах вообще нельзя быть в чем-то полностью уверенным. Он сделал все, что мог, чтобы угадать тайного агента. А если все-таки убьют не того — подумаешь, велика важность!

Прокопулос сказал себе, что это не имеет значения. Европеец умрет, и Харит будет доволен. Значение имела плата. Теперь Прокопулос прикидывал, как бы к этой плате добавить мешочек с алмазами, спрятанный в каблуке родезийца. Алмазы станут Прокопулоса личным подарком судьбы ему, Прокопулосу.

Глава 3

После обеда доктор Эберхардт вернулся к себе в номер. Рибейра отправился поискать развлечений. Эчевеерья присоединился к полковнику, но лицо у него при этом было кислое. Майор Харкнесс отыскал в отеле небольшую полутемную комнату отдыха и принялся играть сам с собой в бильярд. Через некоторое время ему составил компанию Отт, но родезиец не выспался, плохо себя чувствовал и потому играл скверно. Ван Хаарнин и Мак-Кью пошли прогуляться по базару.

Даже в таком небольшом городе, как Эль-Фашер, базар представлял собой обширный лабиринт забитых народом переулков, глухих дворики и тупичков. Узкие улочки переплетались между собой, как клубок змей. Это была миниатюрная копия омдурманского базара, город внутри города. В свете луны, факелов и редких электрических лампочек базар был почти живописен. Узкие извилистые улочки, забранные в камень, и дворики с железными решетками создавали некий намек на средневековую романтику, но запах выгребных ям и немых тел сообщал об отсутствии канализации и элементарной гигиены. На базаре можно было увидеть много красивых лиц — худошавых, смуглых, страстных. Но европейцам в глаза бросались изломанные тела калек и паршивевшие дети. Иногда даже сильные молодые люди несли на себе следы экзотической слоновой болезни или банального сифилиса. Обаяние запутанных улочек и стройных минаретов сразу как-то поблекло. Базар, помимо всего прочего, был рассадником болезней.

— Ну и воняет же здесь, — сказал Мак-Кью.

— В Омдурмане еще хуже, — откликнулся ван Хаарнин.

— Да, я знаю.

Они пошли дальше. Они были иностранцами, а значит — богачами, а значит — объектом презрения, зависти и всяческих просьб. Ничто не могло избавить их от подобного отношения и ничто не могло удержать лавочников и уличных торговцев от попыток продать им местные грубые медные изделия, каирские пластмассовые бусы, деревянные статуэтки из Джибути, дамасские верблюжьи попоны, персидские ковры

из Александрии, филигрань из Триполи и местные украшения из белесого серебра — не очень чистого, но зато дешевого. Сводники усиленно расхваливали девиц, страдающих венерическими заболеваниями, а более сильные нищие отпихивали более слабых, демонстрируя увечья, нанесенные жизнью. Но ван Хаарнин и Мак-Кью не подавали милостыню и даже не смотрели на товары, которые совали им под нос или расстилали перед ними. Они оба были опытными путешественниками, и им не нравилось, что их принимают за туристов. Им хотелось лишь одного — чтобы их оставили в покое. Они знали, что неизбежно будут привлекать внимание — для местных жителей одни лишь туфли европейцев просто-таки вопили о богатстве. Путешественники не просили слишком многого, но все-таки хотели бы, чтобы их оставили в покое.

Это было бы возможно в Омдурмане или в Каире. Но Эль-Фашер был слишком маленьким и слишком провинциальным городом, чтобы местные жители могли позволить двум невозмутимым иностранцам пройти мимо и даже не попытаться им при этом что-нибудь продать.

— Ну и дыра, — проворчал Мак-Кью.

— Да, скверное место, — согласился ван Хаарнин. Они остановились у внешнего края базара, рядом с полицейским участком и административными зданиями, не пытаясь зайти глубже. Они знали, что внутренние улочки выглядят точно так же, как и внешние, — узкие, извилистые, заполненные алчностью, истощением, лживостью и болезнями. Они повидали достаточно и уже успели переработать опыт, превратив его в воспоминания. Они рассматривали базар, не обращая внимания на толпу, и переговаривались так, словно, кроме них, здесь больше никого не было.

— Конечно, я могу ошибаться, — сказал ван Хаарнин, — но мне кажется, мы с вами встречались на какой-то вечеринке в Кейптауне.

— Вполне возможно, — ответил Мак-Кью. — Я был в Кейптауне месяц назад. Но я не помню никаких вечеринок.

— Ну, возможно, мы виделись при других обстоятельствах, — сказал ван Хаарнин. — Я много путешествовал по Южной Африке.

— Вы там живете?

— Нет. Я живу в Голландии, в Роттердаме. Но у меня есть деловые интересы в Южной Африке. Может, мы встречались в Йоханнесбурге?

— Возможно.

— Или в Кимберли?

— Может быть, — сказал Мак-Кью. — Я провел там несколько дней.

— Очаровательное место, — проронил ван Хаарнин. — Вы видели алмазные поля? Что вы о них думаете?

— Прекрасный памятник нездоровой экономике, — заявил Мак-Кью.

— Вам не нравится Южная Африка?

— Почему же? Прекрасная страна.

— Вот теперь я действительно уверен, что она вам не нравится. Вы либерал? Вас беспокоит апартеид?

Инженер пристально посмотрел на ван Хаарнина.

— Я не собираюсь спорить по этому поводу. Могу только сказать, что не люблю, когда красивая страна загоняет себя в кровавую баню.

— Все заканчивается кровавой баней, — сказал ван Хаарнин. — Вопрос лишь в том, чья кровь прольется.

— Превосходный взгляд на вещи, — хмыкнул Мак-Кью.

— Это прискорбная перспектива, — примирительно сказал ван Хаарнин. — Стыдно, что подобное происходит на самом деле.

Прежде чем Мак-Кью успел что-либо ответить, кто-то дернул его за рукав.

— Сэр, — произнес этот кто-то по-английски, — пожалуйста, сэр, очень важно.

Неизвестный оказался парнем, одетым в униформу посыльного из отеля «Белый Нил».

— В чем дело? — спросил инженер.

— Вам телеграмма, сэр. Требуют немедленно ответить. Управляющий приказал найти вас.

— Телеграмма? — переспросил Мак-Кью. — Отлично, давайте сюда.

— Она в отеле, сэр. Телеграмма не оплачена, за нее должны заплатить вы.

— От кого она?

— Управляющий не сказал. Он просто сказал, что пришла важная телеграмма для американского инженера по имени Мак-Кью. Она не оплачена.

— Кому могло взбрести в голову отправлять телеграмму сюда? — раздраженно спросил Мак-Кью. — Вы точно не знаете, от кого она?

— Не знаю, сэр. Знаю только, что пришла телеграмма, очень важная, неоплаченная. Я взял для вас такси, сэр, только вам нужно будет за него заплатить.

На одной из примыкавших к базару улочек, почти перегородив ее, стоял большой черный «Ситроен». Мак-Кью посмотрел на машину, потом на посыльного.

— Откуда отправлена телеграмма? — спросил он.

— Я не знаю. Телеграмма в отеле.

— Может, это от вашей компании? — спросил ван Хаарнин.

— Вполне возможно. А может, от президента Соединенных Штатов. Хотел бы я знать, кому и за каким чертом понадобилось искать меня в этой дыре?

— Вы поедете со мной на такси? — спросил посыльный.

— Поеду, поеду, — отмахнулся Мак-Кью. — Вас подвезти? — спросил он у ван Хаарнина.

— Я никогда не сажусь вечером в арабское такси, — сказал датчанин. — Даже в компании. Лично мне вся эта история кажется дурацкой мистификацией.

— Возможно. А может оказаться и чем-то важным.

— Лучше бы вы не садились в это такси.

— Меня они не обсчитают.

— Здесь бывает и кое-что похуже.

— Не беспокойтесь, — с усмешкой заявил Мак-Кью и хлопал себя по пиджаку. — В их же интересах ничего не затевать.

— И все-таки я бы вам не советовал.

— Да черт побери! — не выдержал американец. — Я побывал в половине самых паршивых городов мира. Знаете, что я вам скажу?

— Что?

— Самым бандитским городом, с которым мне довелось

столкнуться, был Сент-Луис. Я подожду вас в отеле. — Мак-Кью повернулся к посыльному: — Давай води, асассин доможенный.

Ван Хаарнин понаблюдал, как инженер открыл дверцу «Ситроена», заглянул внутрь и знаком показал посыльному, чтобы тот сел первым. Потом Мак-Кью тоже сел в машину, продолжая держать правую руку за отворотом пиджака. Ван Хаарнин покачал головой и пошел дальше.

В пятидесяти футах от датчанина находился полицейский участок. У входа в участок возвышались два одетых в хаки полисмена. Ван Хаарнин на мгновение остановился и о чем-то задумался, хмуро и рассеянно глядя на столпившихся вокруг него уличных торговцев. Потом он энергично тряхнул головой и принялся пробиваться сквозь толпу, направляясь к полицейскому участку.

Кто-то ударил его в бок, прямо под ребра. Ван Хаарнин гневно обернулся, схватился за бок и с изумлением обнаружил, что у него из бока торчит четыре дюйма дерева. Датчанин выдернул деревяшку; оказалось, что это рукоятка, а за ней следуют шесть дюймов стального лезвия. У рукоятки оно было полдюйма толщиной, а к острию превращалось в иглу. Это был узкоспециализированный предмет, пригодный лишь для одного — для тихого убийства. Он был любовно сделан из старого напильника и куска прочной древесины. Настоящая ручная работа. Сувенир на вечную память. Кто-то всадил это ему в бок.

Толпа поняла, что произошло. Все подались назад даже раньше, чем ван Хаарнин почувствовал первый толчок боли. Полицейские тоже поняли, что происходит что-то неладное. Они бросились к датчанину, держа свои «ли-энфилды» на изготовку. Ван Хаарнин ощутил приступ слабости и упал на колени. Датчанин обнаружил, что держит свой револьвер в руке, хотя никак не мог вспомнить, когда же это он успел вытащить оружие. Теперь у него чертовски болел бок. Ван Хаарнину случалось получать ножевые раны, но отнюдь не такие серьезные. А на этот раз какой-то специалист всадил нож ему в бок и исчез, прежде чем датчанин понял, что произошло. Какой-то ублюдок быстро и тихо продырявил ему печень, а такие раны смертельны.

Прошло не больше пары секунд, но убийца уже успел скрыться. Он мог оказаться любым из полусотни столпившихся вокруг зевак. Этого ловкача уже не поймать. Охваченный холодной яростью, ван Хаарнин повернулся в ту сторону, откуда был нанесен удар. Он обеими руками ухватился за рукоятку револьвера, оперся на колено и открыл огонь. Толпа завопила. Мольбы о пощаде звучали почти так же, как вопли о милостыне. «Пусть проваливают к дьяволу! — подумал ван Хаарнин. — Они знали, что происходит!»

Первая пуля сбила с ног средних лет мужчину с повязкой на глазу. Вторая пуля просвистела мимо бледного, как покойник, араба и вонзилась какой-то старухе в спину. Третьим выстрелом ван Хаарнин все-таки попал в бледного араба. «Возможно, это он и есть», — подумал ван Хаарнин.

У ван Хаарнина потемнело в глазах, но он разглядел худого старика. Старик уронил поднос с медными украшениями, остановился, неуверенно посмотрел на датчанина и принялся подбирать свой товар. Ван Хаарнин взял старика на мушку, но стрелять не стал. Ни у одного убийцы не хватит идиотизма задерживаться из-за подноса с побрякушками.

Глаза датчанина заволокло пеленой. Он почувствовал, как револьвер дважды дернулся, потом кто-то выбил у него оружие. Копы, наверное. Ван Хаарнин хотел сказать им, что у него осталась еще одна пуля — пусть они позволяют ему выстрелить. Но он не смог произнести ни слова. Ну надо же страстись такой чертовщине, и в каких-нибудь пятидесяти футах от полицейского участка! Ван Хаарнину захотелось, чтобы старуха не умирала, — он не собирался в нее стрелять. Это просто несчастный случай, захотел он объяснить кому-то. Датчанин снова попытался заговорить, но зашатался, упал и потерял сознание.

Глава 4

— Они здесь, — доложил сержант.

— Отлично, пусть заходят, — сказал Гастингс. Сержант отдал честь и вышел.

Лесли Гастингс исполнял обязанности начальника поли-

ции Эль-Фашера. Это был красивый стройный молодой человек с вьющимися светлыми волосами и голубыми глазами — внешность субалтерн-офицера из Британской Индии. Для полноты картины не хватало лишь усов и компании гурков. Непосредственный начальник Гастингса месяц назад угодил в больницу с множественными переломами: его автомобиль столкнулся с автобусом, у которого не было тормозов. Это происшествие выдвинуло Гастингса в начальники полиции и сделало его ответственным за поддержание закона и порядка в районе от Генейны до Эмм-Бела и от Умм-Лахаи в Сахаре до Мумаллаха на границе с Бахр-эль-Газалем. Под его управлением оказалась территория размером с Данию. Это не особо беспокоило Гастингса: Судан вообще был в десять раз больше Великобритании и лишь ненамного меньше всей Западной Европы. Новому начальнику полиции было двадцать семь лет.

Сержант вернулся и привел с собой восемь человек, которые были знакомы с покойным. Гастингс уже вкратце побеседовал с ними вчера вечером, вскоре после убийства ван Хаарнина. Начальник полиции просмотрел список: Харкнесс, Отт, Мак-Кью, Эберхардт, Рибейра, Эчеверрия, Прокопулос, Харит — из Великобритании, Южной Родезии, Америки, Германии, Парагвая, Греции и Саудовской Аравии соответственно. Интересная подборка. Гастингс попросил прибывших показать документы.

Начальник полиции нарочито медленно проверял паспорта путешественников, надеясь, что кто-нибудь из них занервничает. Но все вели себя совершенно спокойно, и документы их — по крайней мере, на первый взгляд, — были в порядке. Гастингс задумался. Он никогда не слышал о майоре Харкнесе, который, судя по документам, провел шесть лет в Малакале и два года в Вади-Халфе. Конечно, всех офицеров не упомнишь, но надо будет проверить. Немец-археолог явно был чокнутым, а что касается греческого торговца, Гастингс готов был спорить на месячное жалованье, что тому уже доводилось попадать в полицейские сводки. С американским инженером, похоже, все было в порядке, так же, как с родезийцем. Парагвайцы выглядели как офицеры в высоких чинах; вероятно, один несколько старше другого по званию.

А Мустафа ибн-Харит определенно был работником. Ну и странная же компашка! Впрочем, и не такое встречается. Если найти правильный подход, можно получить очень любопытные результаты.

— Благодарю вас, — сказал Гастингс, возвращая документы. — Думаю, мы быстро обсудим сложившуюся ситуацию. Не был ли кто-нибудь из вас близко знаком с мистером ван Хаарнином?

Несколько мгновений все молчали, потом майор Харкнесс произнес:

— Полагаю, никто из нас его особо не знал. Насколько мне известно, все мы впервые встретились в Форт-Лами.

— Совершенно верно, — поддержал его Рибейра. — Мы вместе едем в Хартум.

Гастингс подождал, но никто больше ничего не добавил. Тогда Гастингс обратился к инженеру:

— Мистер Мак-Кью, полагаю, вы были последним из этой группы, кто видел ван Хаарнина живым?

— Видимо, да, — сказал Мак-Кью. — Мы вместе гуляли по базару. Насколько я могу судить, его убили почти сразу же после того, как я ушел.

— Совершенно верно, сэр. А почему вы оставили его одного?

— За мной пришел посыльный, — сказал Мак-Кью. — Он взял такси и сказал, что в отеле меня ждет какая-то важная телеграмма. Я предложил ван Хаарнину подвезти его.

— И почему он не согласился?

— Мне кажется, ему просто еще не хотелось возвращаться в отель. Он сказал, что никогда не ездит в арабских такси после наступления темноты, и посоветовал мне быть начеку.

— Он намекал на какую-то определенную опасность?

— Мне так не показалось. Скорее он просто высказал свое предубеждение насчет таких такси.

— Но вы пренебрегли его предупреждением.

— Я особо не волновался, — сказал Мак-Кью. — Я вооружен. Пистолет тридцать восьмого калибра, все бумаги в порядке.

— Здесь много оружия, — сказал Гастингс.

— По-моему, не так уж много, — возразил Мак-Кью. —

Тридцать второй калибр — это несерьезно, хлопушка какая-то. Для мест, в которые меня отправляет моя компания, наиболее уместен тридцать восьмой калибр.

— Понятно. И вы считаете нужным носить пистолет при себе, когда путешествуете по Африке?

— Именно так я и считаю, — сказал Мак-Кью. — А в чем, собственно, дело? Вы что, думаете, что я потихоньку вернулся обратно и зарезал ван Хаарнина?

— Ну что вы, нет, конечно. Я просто пытаюсь выяснить кое-что о людях, с которыми был знаком ван Хаарнин. Мы понятия не имеем, почему его убили.

— Полагаю, ограбление исключено, — нерешительно подал голос доктор Эберхардт.

— При данных обстоятельствах — абсолютно исключено. Но если уж речь зашла о пистолетах, джентльмены, еще кто-нибудь из вас путешествует с оружием?

Майор Харкнесс кивнул:

— Служебное оружие.

— Не считая охотничьих ружей, — сказал Рибейра. — У нас с Эчеверрьерой имеются два пистолета «кольт» сорок пятого калибра, производства США. — Он улыбнулся инженеру. — Думаю, мистер Мак-Кью, вы согласитесь, что сорок пятый калибр более серьезен, чем тридцать восьмой.

— Но менее точен, — подчеркнул Мак-Кью.

— Еще у кого-нибудь есть оружие? — перебил их Гастингс.

Прокопулос быстро взглянул на Отта и Эберхардта. Те помалкивали. Прокопулос решил, что у них, видимо, нет разрешения на ношение оружия. Сам он предпочитал с такими вещами не связываться.

— Отлично, — сказал Гастингс, проверив документы на оружие. — Ну что ж, мистер Мак-Кью, что произошло в такси?

— Я приехал в отель, — сказал Мак-Кью. — У управляющего не было никакой телеграммы для меня, и он не отправлял за мной ни посыльного, ни такси. Я решил, что произошла какая-то ошибка, и отправился обратно на базар. Пока я туда дошел, ван Хаарнин был уже мертв.

— Найти посыльного, который приходил за вами, вы не смогли.

— Совершенно верно. Ваш сержант выстроил всех посыльных, работающих в отеле, но этого парня среди них не оказалось. Возможно, вам сумеет что-нибудь рассказать водитель того «Ситроена»?

— Мы с ним уже побеседовали, — сказал Гастингс. — Это обычный водитель такси, работающий по лицензии. Он помнит, что на базаре разговаривал с посыльным, а потом отвез вас двоих в отель. Он говорит, что посыльный не стал входить в отель, а вроде как пошел к черному ходу. Описание он дал довольно смутное, но совпадающее с тем, которое дали вы.

— Превосходно, — хмыкнул Мак-Кью. — Значит, все, что вам нужно сделать, — это найти невысокого араба в этой чертовой униформе посыльного.

— Да, примерно, — согласился Гастингс. — Здесь у меня записано, где находился каждый из вас в момент убийства. Я хотел бы еще раз проверить список.

Все восемь путешественников дали точно такие же ответы, как в первый раз. Гастингс уже успел наскоро проверить их алиби. Похоже, никто из них не мог лично убить ван Хаарнина.

— Что ж, давайте подведем итог, — сказал Гастингс. — Ни у кого из вас нет предположений, кто и почему убил ван Хаарнина?

Все промолчали.

— Ну тогда все. Благодарю за содействие.

Путешественники уже собрались было уходить, но тут Гастингс заглянул в какие-то бумаги и сказал:

— А, да, еще один момент. Каким родом деятельности занимался, по его словам, мистер ван Хаарнин?

— Он говорил, что у него деловые интересы в Южной Африке, — сообщил Мак-Кью.

— А несколькими днями раньше он упоминал, что приехал из Голландии в отпуск, — подал голос Эберхардт.

— Ясно, — протянул Гастингс и нарочито спокойно сообщил придержанную до поры до времени новость: — Боюсь, мистер ван Хаарнин был не совсем откровенен с вами.

Прежде всего его настоящее имя было не ван Хаарнин, а Бруно Дитц.

Гастингс внимательно посмотрел на путешественников, но не заметил ничего, кроме отразившегося на их лицах сильнейшего удивления.

— Насколько я понимаю, никто из вас никогда не слышал о мистере Бруно Дитце? — спросил начальник полиции.

Путешественники покачали головами. Гастингс добавил:

— Этот мистер Дитц даже не был гражданином Дании, хотя и называл себя таковым.

— Как вы все это узнали? — спросил Отт.

— Простейшим способом, — ответил Гастингс. — Осмотрели его одежду. В воротник его пиджака было зашито удостоверение личности на имя южноафриканца Бруно Дитца, резидента в Йоханнесбурге. Сегодня утром йоханнесбургская полиция сообщила нам его имя и приметы.

— Ничего не понимаю, — сказал Мак-Кью. — Он что, от кого-то удирал?

— Совсем нет, — возразил Гастингс. — Наоборот, вопрос заключается в том, за кем мистер Дитц гнался?

— Для меня это слишком загадочно, — проронил Мак-Кью.

— Согласно удостоверению личности, — пояснил Гастингс, — мистер Дитц был частным детективом, в настоящий момент работавшим по заданию компании «Де Бирс».

Путешественники промолчали. Заготовленный Гастингсом сюрприз не принес особых результатов.

— Так как, вам это ни о чем не говорит? — поинтересовался начальник полиции. — Ну ладно, возможно, работодатели мистера Дитца прольют свет на это дело. Еще раз благодарю вас, джентльмены. До свидания.

Когда путешественники ушли, Гастингс снова открыл рапорт по делу ван Хаарнина-Дитца.

Детектив работал на компанию «Де Бирс». Это сразу наводит на мысль об алмазах. Но в наше время сфера деятельности компании «Де Бирс» не ограничивается лишь алмазами, так же как сфера деятельности «Дюпон» не ограничивается одним химическим производством, а «Круппа» — сталью. Так чего же касалось дело, которое расследовал детектив

Дитц? Похищения алмазов, золота или наличных денег? Сферы высших финансовых интересов фирмы «Де Бирс»? Вопросы о картелях? Кражи патентов или незапатентованных производственных секретов?

Пока компания «Де Бирс» не ответит, это так и останется неизвестным. Гастингс даже не может точно сказать, кто непосредственно нанял Дитца, поскольку «Де Бирс» — это огромная организация, целиком или частично владеющая разными компаниями во французской, британской и бельгийской Африке. Они вкладывали деньги отнюдь не в одни алмазы, но также в пальмовое масло, хлопок, кофе, кобальт, цинк и еще бог знает что. Какое именно поручение выполнял Дитц и для какой именно компании, входящей в состав огромной корпорации? Придется спрашивать у «Де Бирс», хотя вряд ли они будут особенно охотно разговаривать с и. о. начальника полиции в захолустном Эль-Фашере. Он, конечно, попытается, но такие фирмы не любят выносить сор из избы.

И что же у него остается? Некое лицо — или некие лица — убили европейца прямо у входа в полицейский участок. Гастингс желал найти убийц, но понимал, что на это у него чертовски мало шансов.

Само собой, ни один из посетителей базара не признался в том, что ему что-нибудь известно. Убийцу они не видели, и вообще, как говорится, их там не стояло. С чего это вдруг они будут помогать представителю английской полиции, да еще после того, как Дитц принялся стрелять по толпе? Он убил араба, какую-то старуху и серьезно ранил одноглазого мужчину. Полный бардак. Теперь в Хартуме поднимут хай по этому поводу.

Гастингс еще раз просмотрел рапорт. Дитц был убит одним ударом, нанесенным просто-таки с хирургической точностью. При обычной поножовщине бывает множество ран, но, как правило, не настолько губительных. Здесь работал профессионал высшего класса. Это явно не ограбление — кто же так грабит на многолюдном базаре? Это заказное убийство. Но кем оно заказано и зачем? Какая-то связь с похищенным имуществом? Бизнес? Месть?

Начнем с исполнителя. Профессионального убийцу узнают по почерку. Откуда мог взяться этот искусник с его узким

ножом? Не из Эль-Фашера — это точно. Звонки в Эль-Обейд, Хартум и Омдурман ничего не дали. Но манеру действий нельзя назвать особо необычной. Где-то она уже встречалась. Впрочем, в полицейском управлении любого города можно найти рапорт с описанием подобных убийств. Возможно, у них есть и кой-какие догадки насчет личности убийцы, пусть даже бездоказательные. Если он установит тождественность, у него появятся шансы раскрыть убийство. Если убийца находится в провинции Дарфур — да вообще на территории Судана, — Гастингс выжмет из него правду.

Но откуда начинать? Мир велик. Сузим район поисков до Африки и Ближнего Востока. Временно отбросим юг Африки, начиная с Конго. Потом, ввиду отдаленности, вычеркнем страны, расположенные восточнее Египта. По той же причине отбросим Марокко и западный Магриб. Вычеркнем также Аравию и Йемен — с ними просто невозможно работать.

Таким образом, мы исключаем огромное пространство. Но все равно еще остаются четыре страны, не считая самого Судана: Алжир, Тунис, Ливия и Египет. И остаются одиннадцать крупных городов. Если расположить их по степени удаленности от Эль-Фашера, ближайшими окажутся Каир, Александрия и Порт-Саид. Далее следуют Бенгази и Триполи. Потом идут Бизерта и Тунис. И, наконец, наименее вероятные, но все же важные из-за их величины алжирские города — Алжир, Константина, Бона и Оран. Одиннадцать телеграмм. Плохо, что в Африке нет Интерпола.

Гастингс взял ручку и принялся думать. Телеграммы, которые следует отправить в эти одиннадцать городов. Запрос в компанию «Де Бирс». Объяснительное письмо в Хартум. Гастингс положил ручку и потянулся к телефону.

Сперва надо позвонить в Хартум и навести справки насчет майора Харкнесса. Кроме того, надо предупредить таможенников о том, что, возможно, в этой группе находится похититель алмазов, и попросить обратить особое внимание на греческого торговца Прокопулоса.

Гастингс позвонил. Окончив разговор, он принял ванну, потом пообедал, потом отправился отдохнуть. Эти дурацкие телеграммы можно будет набросать и вечером. Гастингс сказал себе, что найти убийцу Дитца важно, но, увы, маловероятно.

Глава 5

Девятого августа на рассвете, сразу же после утреннего намаза, тишина Эль-Фашера была нарушена астматическим кашлем плохо отрегулированного мотора грузовика. Кашель тут же подхватили остальные семь грузовиков, словно группа стариков, откликнувшихся на призыв муэдзина к молитве. Грузовики стояли в колонне под рассветным небом; их скошенные носы и выключенные фары были устремлены на восток, в сторону Мекки.

Паломники забрались в кузовы грузовиков. Во главе колонны находился «Лендровер» Харита. Его мотор работал спокойно и ровно. Сам Харит сидел за рулем и ждал.

Появился Прокопулос и скользнул на переднее сиденье. С момента вызова путешественников в полицию хитрый грек умудрялся как-то избегать Харита. Но тянуть дальше было нельзя. Иначе пришлось бы бросить дело на полдороге и отказаться от результатов кропотливой работы, которая уже отняла у него несколько месяцев. Пойти на такое Прокопулос не мог, но и встречаться взглядом с Харитом ему тоже было трудно.

— Добро пожаловать, господин Прокопулос, — поприветствовал его Харит. — Мне всю ночь не хватало твоего общества. Я ночь напролет перечислял твои удивительные достоинства. О господин Прокопулос, ты силой своего ума пронзил все покровы и проник в самое сердце тайны с искусством, недоступным простым смертным. Ты сумел протянуть руку и безошибочно указать на ненавистного Дэйна.

Прокопулос натянуто улыбнулся:

— Кажется, я ошибся.

— Тебе кажется, что ты ошибся! — воскликнул Харит, закатив глаза. — Ошибся! Ну конечно, это всего лишь крохотная ошибка, все равно что дать девяносто девять пиастров за лиру вместо ста. Всего лишь маленькая несерьезная ошибка, правда?

— Очень серьезная, — ответил Прокопулос, склонив голову, и беспомощно-умоляюще развел руками. По многословию Харита грек понял, что опасность миновала. Несомненно, ночью Харит был преисполнен смертоносного гнева. Но

за долгие часы до рассвета ярость утихла, и теперь торговец позволил себе поязвить. Харит разглагольствующий не пугал Прокопулоса; он боялся Харита молчащего. Теперь следовало позволить торговцу сполна насладиться своим красноречием и своей тяжеловесной иронией.

— Ну что ты, нам не следует преувеличивать твою крохотную ошибку, — сказал Харит. — Тебе нечего стыдиться. Подумаешь, после нескольких недель тщательного изучения выбрать вместо американского агента южноафриканского детектива. В конце концов, ты почти угадал. Правда, целился в ястреба, а попал в воробья, но ведь попал же! Да и почему нас должна беспокоить смерть какого-то европейца? Наверняка полиция захочет узнать, почему убили этого человека. Несомненно, теперь я удостоюсь пристального внимания с их стороны. Они окажут мне честь наблюдать за каждым моим шагом. Прежде я был ничтожеством, а теперь стану знаменитостью. И кому я обязан этой милостью судьбы? Конечно же, моему советнику, мудрому греку, который способен читать в сердцах европейских путешественников, отделять истину от лжи и потом безошибочно указать не на того. Вот каким советником наградил меня Аллах.

— Я ничтожнейший из людей, — сказал Прокопулос, пытаясь изобразить сдерживаемые рыдания. Сколько еще Харит намерен читать ему нотации? В конце концов, дело-то не ждет. Грек украдкой взглянул на часы, потом уставился в пол, всем своим видом выражая раскаяние.

— Неподражаемая проницательность — лишь одно из достоинств моего советника, — продолжал тем временем Харит. — Он к тому же прекрасно разбирается в людях. Он избрал своим инструментом опытейшего убийцу, араба, приехавшего из отдаленного города, человека, непревзойденно владеющего ножом. Искусство этого человека так велико, что даже тупые европейские полицейские не смогли этого не заметить и не начать интересоваться, кто такой этот человек, где он научился своему делу, не слыхали ли о нем другие люди, кто его нанял и зачем. Но эти мелкие подробности не обеспокоили моего советника. Он просто не мог удовольствоваться заурядным убийством. Ему нужно было нанять человека, который подписывается ножом и чей неповторимый

почерк может навести полицию на его след. Он нанял и заставил его приехать из великолепного большого города в грязный захолустный Эль-Фашер. Вот кого выбрал мой советник — и все затем, чтобы убить не того, кто был нужен. А я, слепец из слепцов, выбрал подобного мудреца своим советником!

Прокопулос подумал, что это замечательная речь. Немного недоработанная, чуть затянутая, но в целом замечательная. Он мог бы слушать ее часами — а Харит вполне мог бы ее продолжать, — но ведь время не ждет. Харит отвел душу, получил удовольствие, а теперь пора переходить к делу.

— Я не стану оспаривать ни единого твоего слова, — церемонно заявил Прокопулос. — Я выбрал не того европейца, хотя мне казалось, что я не ошибаюсь. И я не знал, что нанятый мною убийца окажется столь искусен. Но всем людям свойственно заблуждаться, Мустафа ибн-Харит, и, несмотря на все мои недостатки, тебе все же не найти лучшего советника.

Харит презрительно фыркнул и приготовился разразиться новой речью. Но, прежде чем торговец успел открыть рот, Прокопулос быстро произнес:

— К счастью, европейская полиция медлительна и глупа. Они никогда не сумеют пройти от убитого к убийце, от убийцы ко мне, а от меня к тебе. Их внимание к тебе ничего не значит. Единственная настоящая проблема — это тайный агент, и теперь я знаю, кто он.

— Ты и вчера говорил, что знаешь! — возмутился Харит.

— Тогда я ошибся. Тогда, но не сейчас. Тот, кто нам нужен, умрет в должный момент — это совершенно точно. Но теперь приготовься. Я от твоего имени пригласил европейцев. Четверо поедут с нами, а двое — на грузовике.

— Что?! — закричал Харит.

— Успокойся, — попросил Прокопулос. — Они уже идут.

— Нет, я тебя недооценивал, — сказал Харит. — Вместо того чтобы оставить их в Эль-Фашере, ты помогаешь им добраться в Эль-Обейд. Благодаря твоим усилиям мой враг будет ехать рядом со мной.

— Ты всерьез полагаешь, что мог бы от него избавиться-

ся? — спросил Прокопулос. — Да через десять минут после твоего отъезда Дэйн пошел бы к начальнику полиции, и ему тут же дали бы специальную машину или грузовик. А потом твой враг поехал бы вслед за тобой, вместо того чтобы быть у тебя на глазах.

Харит задумался, потом недовольно проговорил:

— Возможно, ты и прав. Но все-таки мы должны...

— Обязательно, — согласился Прокопулос. Европейцы подошли к «Лендроверу». Прокопулос обратился к ним по-английски: — Мы с господином Харитом рады приветствовать вас. Мы отправляемся немедленно.

— Это очень любезно со стороны мистера Харита, — сказал майор Харкнесс.

— Господин Харит сожалеет, что не может разместить в своем автомобиле вас всех, — вздохнул Прокопулос.

— Не стоит извиняться, — сказал Отт. Впервые после Форт-Лами его голос звучал бодро. — Мы уже бросили жребий. Доктор Эберхардт и капитан Эчеверрия проиграли. Им придется трястись на грузовике.

— В этом нет необходимости, джентльмены, — заявил неизвестно откуда возникший рядом с автомобилем высокий араб с бронзовой кожей и орлиным профилем. Лицо его было усеяно оспинками.

— У меня есть личный транспорт, — продолжил араб. — Это старый «Мерседес» — к моему глубокому сожалению, очень старый, — который стоит в пятидесяти ярдах отсюда. Поскольку я тоже направляюсь в Эль-Обейд, я буду счастлив подвезти этих двух джентльменов.

— Вы очень любезны, — откликнулся доктор Эберхардт. — Нам здорово повезло, что вы случайно здесь оказались.

— Случай здесь ни при чем, — сказал араб. — Я находил-ся севернее этих мест, в Умм-Чауме. Но однажды меня посетило сильнейшее желание побывать в Эль-Обейде и еще более сильное желание встретиться с моим добрым другом Мустафой ибн-Харитом.

Харит тем временем выбрался из «Лендровера». Он обнял араба и расцеловал его в обе щеки.

— Вот воистину замечательное событие! — воскликнул

Харит. — Путешествовать в твоём обществе — на это я не смел и надеяться!

Повернувшись к европейцам, торговец торжественно произнес:

— Господа, позвольте представить вам моего почтенного друга Салеха Мохаммеда эль-Тикхейми из прославленного племени атейба.

Уже совсем рассвело, и каравану пора было отправляться в путь. Когда Харит сел обратно в «Лендровер», эль-Тикхейми сказал:

— Ты обязательно должен быть моим гостем в Эль-Обейде, Мустафа ибн Харит. Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть и как мне тебя не хватало в то время, когда я был в Абеше и Генейне.

— Друг мой, я очень рад, что ты меня нашел, — отозвался Харит. — Но если бы этого не случилось, я сам бы отправился искать тебя. Мне обязательно нужно было с тобой встретиться.

Эль-Тикхейми повел двух европейцев к своему «Мерседесу». Через несколько минут караван двинулся к Эль-Обейде.

*11 августа 1952 года,
Эль-Обейд;
первый день месяца Дха'л-Хиджа*

Глава 1

В Эль-Обейде начиналась железная дорога на Хартум. Через час после приезда Харит и его помощники пересадили четыреста паломников с грузовиков в вагоны. Харит решил вопросы с питанием, отослал грузовики обратно в Форт-Лами и отправил несколько телеграмм, чтобы обеспечить беспрепятственный путь после прибытия в Хартум. Когда он закончил со всем этим, его принялось снедать беспокойство. Это чувство было для него вновь; если бы Харит не был правоверным мусульманином, он постарался бы утопить его в вине. Но поскольку ислам не одобрял подобного, Харит сидел на железнодорожной станции, яростно курил и пытался сообразить, как выпутаться из этой ситуации.

Его окружали враги и преследовали неудачи. Мало ему было американского агента, повисшего у него на хвосте, так теперь к нему добавился еще и этот проклятый Салех Мохаммед эль-Тикхейми. А хуже всего было то, что уже наступил первый день Дха'л-Хиджа. В прошлые годы он к этому времени успевал довести своих паломников до Хартума, чтобы наверняка попасть в Мекку в священный двенадцатый день. Но французская полиция задержала его в Форт-Лами, дожди задержали его в Дарфуре, и вот он всего лишь в Эль-Обейде, в двухстах милях от Хартума.

Харит сказал себе, что время еще есть. До Мекки остается меньше девятисот миль — на поезде и на дхоу это расстояние можно преодолеть за девять дней. «Время еще есть», — повторил Харит, но беспокойство не проходило.

От Эль-Обейда до Хартума. Там пересадка. Еще одна пересадка в Атрабе. Еще одна в Саллуме. И наконец в Суакине пересадка на дхоу. Четыре пересадки, и нельзя позволить себе ни малейшей задержки. А вдруг поезд опоздает на день-два? Согласятся ли паломники продолжать путь?

«Согласятся, — подумал Харит. — Я их уговорю».

Но сам он не был в этом уверен.

Ну что ж, на все воля Аллаха, и путешествие пройдет так, как того захочет он. А теперь пора поразмыслить, что же задумали его враги. Прежде всего, что задумал Дэйн?

Арестовать его в Африке невозможно; Харит, как и любой другой человек, имеет полное право сопровождать группу паломников. Тогда в Аравии? Но что сможет сделать Дэйн в Саудовской Аравии? Ни чиновники, ни полиция не станут помогать ему; они неплохо подрабатывают на работоторговле.

А что, если Дэйн каким-нибудь образом подкупит владельцев дхоу? Предположим, они свернут южнее, в Йемен. Что тогда?

У Харита и при таком повороте событий не появится особых трудностей. Йеменцы тоже наживаются на продаже рабов. Хотя в Йемене Харита знают не так хорошо, как в Саудовской Аравии, все же у него есть несколько друзей в Сане и Ходейде. Йеменские чиновники никогда не станут арестовывать его, скорее уж они арестуют Дэйна.

Остается только Аден, британский протекторат. От Суа-

кина до него не меньше пяти дней плавания. Но даже если они окажутся в британском Адене, какими Дэйн располагает доказательствами?

Доказательствами? Неожиданно Харит понял, в чем дело. Дэйн собирается сфабриковать доказательства. Некоторых паломников можно подкупить, и они поклянутся в полиции, что их продали в рабство, что деньги уже уплачены и сейчас их должны передать новым хозяевам. Капитана дхоу тоже можно подкупить, и тогда Мустафа ибн-Харит может оказаться на положении пленника, пока судно не подойдет к аденскому берегу.

Харит подумал, что закону европейцев это будет как нельзя более на руку. Поняв план Дэйна, Харит решил, что тот действительно хорош. Помешать ему будет сложно и дорого. Но можно.

Следом шел эль-Тикхейми, враг и конкурент, шелудивый пес, возмнивший себя волком. Пес уже подползает, чтобы попировать над телом льва. Но, возможно, пес поторопился; возможно, лев всего лишь спит.

Эль-Тикхейми следует убить при первой же возможности.

А как насчет Прокопулоса? Может ли Харит ему доверять? Может ли хоть кто-нибудь ему доверять? Может ли Прокопулос доверять сам себе? Вопрос уже содержал в себе ответ. Доверьтесь Прокопулосу, а потом пойдите на берег реки и попросите крокодила помочь вам наловить рыбы.

Но Прокопулос любит деньги, поклоняется им, хранит им верность. До тех пор, пока у Прокопулоса на уме вознаграждение, которое можно получить от Харита, грек может быть полезен. Он будет верен своему работодателю до того момента, пока получит плату; но секундой позже он должен умереть.

Харит с сожалением подумал о том, как много людей необходимо убить. Убийство вредит делам. Кровь вызывает новую кровь. Начинается все с капли, а заканчивается потоками. Но сейчас враги не оставили ему другого выхода. Ему придется убивать, чтобы сохранить свое дело.

До отправления поезда оставалось около двенадцати часов. За это время Хариту предстояло многое успеть. Нужно отправить несколько телеграмм и позвонить Сагару, его по-

мощнику в Атбаре. Следует объяснить ему одно щекотливое поручение. Впрочем, это легче сказать, чем сделать. И даже если верный, но тупоголовый Сагар поймет, что от него требуется, справится ли он с этим делом? Как странно распорядился Аллах: умный слуга полезен, но может предать, а глупый слуга верен, но мало на что пригоден.

Харит встал и направился к железнодорожной станции. Ничего другого не остается, придется положиться на Сагара. Но сперва надо встретиться с Прокопулосом в кофейне Халлафа. Грек все еще способен принести некоторую пользу. До тех пор, пока он подчиняется приказам, его можно считать довольно ценным орудием.

Глава 2

В кофейне Халлафа кипел яростный спор между владельцем заведения и четырьмя бедуинами из Северной пустыни. У каждого из бедуинов через плечо висела древняя винтовка «мартини-генри», и, судя по виду, все бедуины были готовы и отчаянно желали пустить оружие в ход. Хозяин кофейни был маленьким, толстеньким и безоружным, но выглядел достаточно разъяренным, чтобы наброситься на четверых бедуинов с голыми руками. Причиной спора послужила стоимость четырех стаканов чая.

Эти бедуины ежегодно приходили в Эль-Обейд, чтобы продать верблюдов и овец, купить снаряжение и посмотреть состязания нубийских борцов, бойцов с браслетами и бои на палках. После состязаний они всегда выпивали по стакану чая в кофейне Халлафа и платили за это по одному пиастру и два миллема. Но в этом году Халлаф повысил цену до одного пиастра и четырех миллемов, то есть с трех с половиной центов до четырех. Естественно, четыре бедуина заподозрили, что этот толстый горожанин имеет что-то лично против них. Дело было не в самой цене, а в предполагаемом оскорблении. С чего это вдруг Халлафу вздумалось внезапно изменить издавна устоявшуюся цену на чай?

Халлаф же громко настаивал на своем праве повышать или понижать цены в любой удобный для него момент. Он

кричал, что только подозрительные и невежественные жители пустыни могли усмотреть личное оскорбление в перемене цен, которая касается каждого посетителя кофейни. Еще Халлаф указывал, что больше всего о недоверии к людям разглагольствует тот, кто сам не заслуживает доверия.

Бедуины сжимали в руках ружья и выкрикивали свои возражения. Седобородый старый араб попытался было выступить в роли миротворца, но потом решил еще немного послушать спор. Гневные слова звучали все громче. Они уже почти заглушали настроенный на каирскую волну радиоприемник. Приемник был включен на полную громкость и передавал речь полковника Наджиба.

Харит и Прокопулос пили кофе. Их вполне устраивало это заведение. Они знали, что громкий шум — лучшая защита от любопытных ушей. Во всем сумасшедшем доме, именуемом Эль-Обейд, кофейня Халлафа была самой шумной, а значит — самой популярной. Следовательно, это было наиболее удобное для обмена конфиденциальной информацией место.

Их разговор тек легко и непринужденно. Они без особых трудностей договорились о том, что следует предпринять, как, где, против кого, сколько это будет стоить, и о том, какое вознаграждение должно последовать после завершения дела. Каждый из них называл своего собеседника проницательным и хитроумным человеком. Они смотрели друг другу в лицо почти с нежностью, но не видели ничего хорошего. Лицо Харита оставалось непроницаемо серьезным, а подвижные черты Прокопулоса отражали какие угодно чувства, кроме истинных. Каждый хранил свои секреты и искусно проявлял свое недоверие. Каждый уже по одному этому мог распознать в собеседнике врага, но недооценивал способность своего противника перейти в наступление.

Когда они ушли, седобородый араб все-таки приступил к попытке примирить четырех разгневанных бедуинов и одного разъяренного хозяина кофейни. Старик сдержанно поучал спорщиков, а бедуины молча слушали. Они стояли прямо и неподвижно, лица их были задумчивы. Бедуины слушали очень внимательно, но про себя уже решили не платить лишних два миллема за чай, да еще за такой скверный.

Глава 3

— Здесь есть кое-что любопытное, — сказал майор Харкнесс. — На это обязательно нужно посмотреть.

Как только они прибыли в Эль-Обейд, майор Харкнесс сильно изменился. В Чаде это был ничем не примечательный человек, да и в провинции Дарфур он был не на своем месте. Но Эль-Обейд — это же самое сердце провинции Кордофан. Отсюда рукой подать до провинции Верхний Нил, где была расквартирована воинская часть майора. Он провел на этой прекрасной земле шесть лет, а теперь она была передана политикам Каира и Хартума и потеряна для майора. Шести лет довольно, чтобы любой армейский форт стал домом. А Эль-Обейд был так близко от этого дома, от Малакаля и холмов Долейб, от Белого Нила, от деревень, где жили племена динка и нуэр. Теперь майора отправили в Аден, а куда отправят оттуда — бог весть. Возможно, он никогда больше не попадет ни в провинцию Верхний Нил, ни даже в Кордофан. Майора охватило странное чувство. На мгновение он ощутил настоящую привязанность к Эль-Обейду и сказал себе, что это в общем-то замечательное место.

— Я не уверен, что мне сейчас хочется на что-нибудь смотреть, — откликнулся Отт.

— Мой дорогой друг, — сказал Харкнесс, — сейчас у нубийцев праздник. Вы не должны его пропустить. Вы действительно пожалеете об этом впоследствии.

Европейцы стояли на рыночной площади Эль-Обейда. Утро выдалось дождливым, но теперь выглянуло солнце и превратило город в огромный парник. Путешественники устали и пребывали в унылом настроении. Поток дождя и жгучее солнце окончательно их доконали. Рибейра вяло озирался по сторонам. Даже мелькающие в толпе девушки-нубийки с обнаженной грудью вызывали у него лишь слабое оживление. Доктор Эберхардт принялся что-то бормотать себе под нос. Эчеверрия напоминал выбившегося из сил вьючного мула. На его смуглом лице отражалось лишь одно желание — упасть и уснуть. Мак-Кью был даже более раздражительным, чем обычно. Отт выглядел изможденным. Лицо его приобрело какой-то желтоватый оттенок, а когда rodeзи-

ец закурил, стало заметно, что у него дрожат руки. Один лишь майор Харкнесс изменился к лучшему. Остальные европейцы чувствовали себя отвратительно.

— К тому же, — добавил Харкнесс, — мы можем увидеть все прямо отсюда.

Европейцы без особого интереса последовали за майором. Они подошли к располагавшейся на западной стороне рынка площадке размером с футбольное поле. Земля на ней была утоптана до твердости камня. На площадке находилось около семидесяти негров, а большая толпа, состоящая из негров и арабов, наблюдала за ними.

— Это что, какие-то танцы? — поинтересовался Рибейра.

— Вы думаете, что я потащил бы вас сюда смотреть на танцы? — с чувством оскорбленного достоинства спросил Харкнесс. — Это бой.

— Полагаю, я не особо интересуюсь боями, — заявил доктор Эберхардт.

— Эти вас обязательно заинтересуют, — настаивал на своем Харкнесс. — Нубийцы — лучшие атлеты во всей Африке. Сейчас здесь начнется борьба.

Европейцы решили полюбоваться зрелищем, но на первый взгляд на площадке ничего не происходило. Борцы пританцовывали друг вокруг друга, время от времени испуская пронзительные вопли. Все участники праздника были великолепно сложены и обладали прекрасно развитой мускулатурой. Рост большинства из них превышал шесть футов. Тела нубийцев были покрыты слоем белой золы, придающей борцам вид трупов. Некоторые из борцов были нагими, другие — в набедренных повязках. У некоторых с поясов свисали медные украшения вперемежку с полосками меха. У одного или двоих на запястьях и лодыжках красовались плетеные браслеты. Борцы резко выкрикивали что-то в лицо друг другу, плавно наступали и отступали и внимательно следили за противником. Наконец двое борцов сошлись вплотную и сцепились. Другие тоже приблизились друг к другу. Над площадкой поднялась туча пыли. Вот кто-то полетел на землю. Толпа завопила. Пыли прибавилось.

— Зачем они вымазываются золой? — поинтересовался Рибейра.

— Чтобы за них можно было крепко ухватиться, — пояснил Харкнесс. — Видите вон тех борцов с медными колокольчиками на поясе? Такие колокольчики имеют право носить только победители состязаний.

— А кто эти парни с повязками на руках и ногах? — спросил Отт.

Харкнесс присмотрелся повнимательнее и наморщил лоб:

— Честно говоря, не знаю. Но, наверное, это тоже что-то значит.

Уже довольно много борцов оказалось на земле, и, соответственно, клубы пыли стали еще гуще. Толпа ревела, но разобрать, что происходит, было трудно. Видны были лишь призрачные фигуры, движущиеся в серовато-коричневом облаке.

— Превосходные атлеты, — сказал Харкнесс. — Нубийские племена поставляют наилучших солдат. Эти борцы в основном из племени коронго. А видите людей, которые стоят вон там? Это те, кто дерется на палках. Они по большей части из племени масакинов. Полагаю, следующими выступают они. Вы будете поражены: они дерутся так, словно прошли обучение в европейской фехтовальной школе.

— А сколько это будет продолжаться? — спросил Эчеверья.

— Ну, трудно сказать, — ответил Харкнесс. — Смотрите, на дальнем конце стоят бойцы с браслетами. Видимо, кау и фунгор. Совершенно первобытные племена. Они устраивают ужасные представления. Они наносят друг другу такие раны, которые для европейца оказались бы смертельными; но эти люди поразительно живучи. Ага, начался бой на палках!

Стало немного прохладнее. С запада налетел свежий ветер и развеял пыль. Действительно, некоторые из бойцов с палками уже сражались.

— Изумительно, не правда ли? — сказал Харкнесс. — Просто-таки гладиаторские бои.

Европейцы вежливо покивали.

— Теперь стоит посмотреть... — начал было Харкнесс, но его перебил Отт, лицо которого стало совсем желтым:

— По-моему, я заболел.

Отт повернулся, чтобы уйти, и едва не упал, но Эчеверрия успел подхватить родезийца. С помощью Эчеверрии и Эберхардта Отт кое-как удержался на ногах. Эберхардт потрогал лоб Отта и внимательно посмотрел на его лицо.

— Кажется, это малярия, — сказал немец. — Но я не врач. Ему нужно немедленно показаться врачу.

— Это не похоже на малярию, — дрожащим голосом сказал Отт.

— Я только высказал предположение, — пояснил Эберхардт. — В здешних краях можно подхватить желтуху, дизентерию, сонную болезнь, холеру...

— Ладно, ладно, — прервал его Отт. — Я подцепил какую-то дрянь — это ясно. Потому-то меня ноги и не держат. Вы не можете мне добраться до врача? Кстати, а в этой дыре вообще есть врач?

— В прошлом году, когда я здесь проезжал, был, — ответил Эберхардт. — Он останавливается в доме уполномоченного. Пойдемте, поймем такси.

Эберхардт и Эчеверрия почти вынесли Отта из толпы. Такси они не нашли, но зато им удалось остановить грузовик «Форд» с водителем-арабом.

Рибейра, Мак-Кью и Харкнесс в нерешительности стояли на краю толпы. Ветер утих, и снова начал накрапывать дождь.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — сказал Харкнесс.

— С ним будет все в порядке, если они найдут врача, — отозвался Мак-Кью. — Западному человеку трудно сохранить здоровье в тропическом климате.

— Я живу в этом климате уже пятнадцать лет, — возразил Харкнесс, — и ни разу не страдал ничем серьезнее головной боли.

— Везет, — хмыкнул Мак-Кью. — А я уже со счета сбился, сколько раз подхватывал дизентерию.

— Мне тоже не нравится этот климат, — сказал Рибейра, — и я достаточно мнителен, когда речь заходит о болезнях. Так что пойду-ка я в кофейню и укреплю свой организм порцией спиртного. Кто-нибудь составит мне компанию?

Харкнесс покачал головой, а Мак-Кью сказал:

— В той дряни, которую здесь подают, я бы даже руки не стал мыть.

Рибейра слегка кивнул на прощание и удалился.

Мак-Кью несколько минут смотрел на бойцов с палками, потом сказал:

— Да ну их к черту! Пойду лучше пройдуся. Не хотите?

— Нет, спасибо, — отказался Харкнесс. — И вы бы лучше остались. Вы же пропустите самую интересную часть соревнований.

— Именно это я и намерен сделать, — заявил Мак-Кью и тоже ушел.

Оставшись в одиночестве, майор Харкнесс почесал подбородок и задумался над тем, почему же остальные путешественники не захотели смотреть на такое увлекательное зрелище, как состязание нубийских борцов. Такого больше не увидишь во всем мире. Наверное, они из тех путешественников, которые предпочитают официальные экскурсии.

Майор снова принялся наблюдать за состязаниями. Сейчас в схватке сошлись два чемпиона по бою на палках. Харкнесс следил за ними с глубоким интересом. Он сам в юности недурно фехтовал на саблях; конечно, не так хорошо, как венгры, но достаточно прилично, чтобы входить в сборную Англии.

Глава 4

Водитель грузовика высадил Эберхардта, Эчеверрию и Отта у дома уполномоченного. К счастью для Отта, врач только что вернулся из поездки по северному Кордофану. Это был невысокий подвижный человек с холодным взглядом. Он молча осмотрел родезийца.

— Ну что ж, — сказал врач, закончив осмотр. — Больницы здесь нет, но, полагаю, я смогу найти для вас койку и подыщу какую-нибудь пижаму.

— А в чем дело? — спросил Отт. — Что у меня такое?

— Одна из форм гепатита, — ответил врач.

Эберхардт кивнул:

— Я так и думал, что это желтуха.

— Гепатит? — спросил Отт. — Черт меня побери! Слушайте, док, вы не можете сделать мне какой-нибудь укол от этого?

— Я ничего не могу с этим сделать, — сказал врач. — От этого нет лекарств. Вам нужно обильное питание и абсолютный покой. Ложитесь сюда на кушетку, я уберу ваши туфли.

— Оставьте мои туфли в покое, — возразил Отт. — Я отдохну, когда доберусь до Бейрута.

— Видимо, я недостаточно ясно выразился, — сказал врач. — У вас крайне серьезное заболевание. Без должного ухода гепатит зачастую приводит к летальному исходу. Но ваш организм сам о себе позаботится, если предоставить ему такую возможность. А для этого организму требуется абсолютный покой, причем немедленно. Вам нельзя даже вставать и ходить по комнате. Теперь вы меня поняли?

— И сколько я должен так лежать? — спросил Отт.

— Месяц, возможно, два, — ответил врач. — А теперь будьте так добры снять рубашку и туфли.

— Отстаньте от меня! — воскликнул Отт. — Ничего я не буду снимать! Я отдохну в Бейруте. Просто сделайте мне какой-нибудь укол, и все. Я сегодня вечером выезжаю поездом в Хартум.

— Никакой укол вам не поможет, — сказал врач. — В вашем нынешнем состоянии для вас опасен даже перелет в Бейрут. Что же касается поезда... Вы когда-нибудь ездили на поезде из Эль-Обейда в Хартум?

— Нет.

— Вот и мне так кажется. Если вы все-таки настаите на своем, вы можете превратиться в покойника еще до того, как проедете Вад-Медани.

— Я крепче, чем вам кажется, — бросил Отт, потом повернулся к Эберхардту и Эчеверрье. — Вы мне поможете в поезде?

Оба путешественника выглядели смущенно и неуверенно. Наконец Эчеверрье сказал:

— Я болел гепатитом. Мне очень жаль, но лучше бы вы подчинились врачу.

— Да, вам лучше будет остаться здесь, — поддержал его Эберхардт.

Отт посмотрел на своих спутников и попытался встать. Врач рванулся удержать его. В этот момент открылась дверь и вошел вспотевший и запыхавшийся Прокопулос.

— Друг мой! — бросился он к Отту. — Я встретил мистера Мак-Кью, и он сказал мне, что вы заболели. Что с вами? Я могу чем-нибудь помочь?

Врач еще раз объяснил, что у Отта гепатит и что больному нужен абсолютный покой. Отт признал, что он действительно болен, но сказал, что поедет в Хартум, даже если ему придется ползти к поезду на четвереньках.

— Доктор, мне случалось встречаться с этой болезнью, — сказал Прокопулос. — Вы правы, больному необходим покой. Но что поделаешь? Этот человек желает отдохнуть у себя дома, в Бейруте. Вы ведь не привяжете его к кровати?

— Поездка на поезде его убьет.

— Но если он так решил, что мы можем сделать? При таком настроении его может убить и пребывание в Эль-Обейде, разве не так? Поезд в Хартум не очень хорош, но, возможно, если друзья будут присматривать за больным, обеспечат ему удобства, будут оберегать его от...

— Я поеду поездом, — повторил Отт.

— Вот видите? — сказал Прокопулос. — Он стоит на своем. Его можно остановить лишь грубой силой.

— Именно, черт побери, — согласился с ним Отт.

— Но я лично берусь присмотреть за ним, — сказал Прокопулос. — Я уверен, что остальные европейцы мне помогут. Не так ли, джентльмены? Благодарю вас. Я знал, что вы не откажетесь. Доктор, я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить больному покой.

— Ну что ж, мистер Отт, поступайте, как знаете, — махнул рукой врач. — Я не могу силой заставить вас лежать в постели. Но я предупреждаю, что это самоубийство. Неужели вы не можете подождать несколько недель, а потом улететь отсюда на самолете?

— Нет, я не могу ждать, — сказал Отт.

— Вы — полный идиот, — заявил врач. — Все, что я могу для вас сделать, — попытаться забронировать место на авиарейс из Хартума в Бейрут. Там довольно оживленное сообщество, так что, возможно, вы улетите через день или два.

— Я вам очень благодарен, док, — сказал Отт.

— Не за что, — с горечью произнес врач. — Вы, конечно, понимаете, что броня пропадет, если вы приедете в Хартум в виде покойника. Вас просто закопают — и все. Надеюсь, у вас при себе достаточно денег, чтобы оплатить расходы на похороны.

— Что за страсти вы рассказываете, — поежился Отт.

— Я пытаюсь вколотить в вашу тупую башку простейшую мысль: вам нужен покой. Сейчас, немедленно, здесь, в Эль-Обейде. Вы же молодой человек. Потерянный месяц даст вам еще лет тридцать жизни. Ну что за гонка? Что такого важного в этом Бейруте?

— Это важно, — сказал Отт. — Я извиняюсь, но это действительно очень важно. Сколько я вам должен, доктор?

— Ничего вы мне не должны, — ответил врач. — Может, вы полежите здесь хотя бы до поезда? Или вы предпочтете пойти осматривать достопримечательности и убить себя прямо сейчас?

— Я побуду здесь, — сказал Отт. — Спасибо вам еще раз.

— Я останусь с ним, — предложил Прокопулос. — Джен-тльмены, вы потом вернетесь, чтобы помочь мне доставить мистера Отта к поезду?

Эберхардт и Эчеверрия кивнули.

— Я пойду поищу, чего тут можно выпить. Эберхардт, вы как?

— Да, мне тоже кажется, что выпить нам не помешает, — согласился ученый. Они ушли. Врач бросил на Отта еще один неодобрительный взгляд и тоже вышел из комнаты.

Отт прикрыл глаза. Он чувствовал сильную слабость, головокружение и боль в желудке, но это его не смущало. Гепатит, конечно, дрянь, но оставаться в Эль-Обейде нельзя. Если он проваляется здесь целый месяц, то к тому моменту, когда он встанет, под дверью его уже будут ждать детективы из Южной Африки. А на руках у них будут документы о его выдаче. И как только он сможет ходить, детективы тут же на-

цепят на него наручники и засунут его в самолет на Йоханнесбург.

Но нет худа без добра. Зато теперь в Хартуме ему обеспечено бронированное место на самолет до Бейрута. Возможно, таможенники не станут усердно копаться в его багаже, а на него самого и вовсе не обратят внимания. В Бейруте он будет в безопасности. И он будет богатым человеком. Все, что от него требуется, — выдержать эти три дня пути до Хартума.

Отт почувствовал какое-то движение и открыл глаза. Рядом с ним стоял Прокопулос с большой подушкой в руках.

— Я подумал, что так вам будет удобнее лежать, — сообщил грек.

— Да, спасибо. Не знаю даже, зачем вы так себя утруждаете.

— В таких глухих углах мы, европейцы, должны держаться вместе. Вот и все.

— Спасибо. Я вам очень признателен.

— Я рад, что могу чем-то помочь, — сказал Прокопулос и посмотрел на часы. — До поезда еще пять часов. Может, снимете туфли, чтобы удобнее было лежать?

Они посмотрели друг на друга. Мгновение спустя Прокопулос отвернулся и закурил.

— Мне достаточно удобно и так, — сказал Отт.

— Как хотите.

— Доктор еще здесь, не знаете? — спросил Отт.

— Думаю, да. Ладно, вы бы подремали.

Отт закрыл глаза. «Так вот в чем дело, — подумал он. — Интересно, как этот пронырливый ублюдок узнал про алмазы? Заботится он обо мне, как же. Еще одна проблема на время поездки в поезд».

Тело родезийца налилось свинцовой тяжестью. Это чертово тело пыталось убить его или засадить в тюрьму. Но до Хартума было всего три дня пути и еще несколько часов лета до Бейрута. Отт скрестил руки на груди, так чтобы правая рука касалась рукоятки «беретты», лежавшей в наплечной кобуре. В другом углу комнаты Прокопулос листал старый журнал.

Глава 5

Полковник Рибейра решил, что все кофейни Эль-Обейда одинаково грязны, а потому вошел в большое, битком набитое заведение, расположенное в центре города. Он подумал, что в кофейне, где травят посетителей, не было бы столько народу. Зайдя внутрь, полковник отыскал свободный столик и попросил официанта принести стакан вина. Официант недоуменно посмотрел на него. Рибейра понял, что сказал это по-испански. Он повторил заказ по-английски.

Официант по-прежнему смотрел на него с недоумением. Посетители-арабы начали с любопытством рассматривать Рибейру и обсуждать, чего может хотеть этот иностранец. Официант громко и внятно спросил Рибейру по-арабски, чего ему нужно. Рибейра ответил по-английски, потом по-испански. Посетители придвинулись поближе к его столику, пытаясь придумать, чем тут можно помочь.

Рибейра порывлся в карманах и обнаружил там англо-арабский разговорник. Арабского слова «вино» там не было, но зато полковник нашел фразу типа «Что у вас есть выпить?» и решил попытаться.

— Шу фи хаун лишширб? — спросил он. По утверждению разговорника, так это звучало на сирийском диалекте. Эта же фраза была приведена еще и на египетском диалекте. Не получив ответа, Рибейра зачитал и второй вариант:

— Э хене лишшурб?

Похоже, его опять никто не понял. Несколько секунд официант и посетители молчали, потом начали оживленно спорить, что же сказал иностранец. Некоторые утверждали, что он ищет место, где можно купить кувшин воды, другие же инстинктивно чувствовали, что он просит чего-нибудь выпить. Исходя из этого официант перечислил странному посетителю все напитки, имеющиеся в заведении, а также сообщил, где можно купить кувшин воды. Иностранец на это ничего не ответил.

Полистав разговорник, Рибейра обнаружил раздел, называющийся «В кофейне». Там он нашел следующие выражения: «Как пройти в кафе?», «Хозяин! Мне очень жарко, и я

хочу чего-нибудь освежающего», «Мальчик! Принеси мне две чашки кофе», «Я бы выпил лимонада», «Я хочу бутылку ячменного отвара», «Стакан воды!» и «Есть у вас английское пиво?»

И ни малейшего упоминания о вине или виски. Рибейра решил заказать хотя бы пива.

— Джиблина каннинит бира англизи'йи.

Не получив ответа и на этот раз, Рибейра жестом изобразил, что что-то пьет, потом похлопал себя по животу и закрыл глаза. Официант энергично закивал и поспешил прочь. Завсегдатаи продолжали толпиться вокруг столика Рибейры, обсуждать его странные ужимки и спорить, на каком языке написана маленькая книжечка, которую иностранец пытался читать вслух.

Официант вернулся и принес чашечку кофе.

Рибейра холодно посмотрел на эту чашечку, потом кивнул, выпил кофе и жестом попросил еще. Официант ушел. Завсегдатаи тем временем наблюдали за движениями иностранца и обсуждали его одежду и его манеру пить кофе. Некоторое время Рибейра сидел молча и медленно багровел от такого количества любопытных зрителей. Потом он обратился к собравшимся по-испански:

— Говорит ли здесь кто-нибудь по-испански?

Никто не ответил. Рибейра улыбнулся и продолжил:

— В таком случае, господа, я имею полную возможность сообщить вам, что вы — банда паршивых ублюдков с манерами стада свиней, с которыми вы состоите в близком родстве.

Увидев дружескую улыбку Рибейры, завсегдатаи кофейни заулыбались в ответ.

— Более того, — тепло и дружелюбно заявил Рибейра, — у всех у вас в бородах вши, у ваших жен сифилис, а сами вы — шлюхины дети.

Завсегдатаи поняли по его тону, что иностранец их хвалит. Они заулыбались еще шире, покивали друг другу и решили, что иностранцы в общем-то не такие уж плохие люди. Вторую чашку кофе Рибейра смог выпить спокойно.

Глава 6

Мак-Кью медленно прошел через многолюдный рынок. К нему со всех сторон тянулись скрюченные смуглые руки, размахивали, указывали, умоляли, требовали. Нищие срывали свое тряпье и показывали гноящиеся раны. Безногая нищенка подтолкнула к Мак-Кью своего слепого ребенка. Ребенок протягивал перед собой деревянную плоску. Мак-Кью отступил в сторону и прибавил шаг. Он не посмел дать денег этому ребенку: если дать одному, как ты откажешь другим? Он не смел поверить в окружающую его нищету; если бы он поверил, это бы слишком многого от него потребовало.

Мак-Кью повернул к железнодорожной станции, подальше от новой группы нищих. Дорога к станции пролегла через ряд лотков. На лотках торговали неизвестными американцу овощами и мясом, над которым кружились тучи мух. Мак-Кью свернул в узкую улочку. Впереди уже виднелась станция. Шум базара затих.

Мак-Кью услышал позади звук шагов и обернулся. В его сторону быстро шел высокий негр. Негр выглядел как один из тех нубийских борцов, на которых путешественникам указывал майор Харкнесс. На негре была лишь набедренная повязка; сложен он был великолепно. Кожа негра была покрыта серой золой, а на правом запястье у него было надето какое-то странное украшение. Когда негр подошел поближе, Мак-Кью увидел, что это деревянный браслет, на котором закреплены две полоски меди, довольно толстые и, похоже, очень острые. Мак-Кью подумал, что это, должно быть, и есть тот самый боевой браслет, о котором говорил Харкнесс.

Инженер отступил к стене, чтобы пропустить негра. Боец подошел поближе, распространяя вокруг себя запах просяного пива. Потом он с улыбкой повернулся, его правая рука с тяжелым браслетом взлетела и обрушилась на голову Мак-Кью.

Мак-Кью как-то ухитрился уклониться от удара. Он быстро огляделся, но, похоже, на помощь рассчитывать не приходилось. Оба конца улочки манили к себе, но перед Мак-Кью пританцовывал здоровенный негр, стараясь прижать инженера к грязной стене. Мак-Кью с силой ударил негра в живот, но нубиец выдержал удар и сам в свою очередь ударил

правой. Мак-Кью заблокировал удар, но ему показалось, что ручищи у этого негра словно из дуба. Атлет ударил снова. Мак-Кью попытался перехватить правую руку негра, и на мгновение ему даже удалось ее удержать. Потом нубиец вырвался и быстро рубанул противника. Браслет просвистел над ухом Мак-Кью и ударил его в правое плечо, оставив глубокую рану.

Негр двинулся вперед. Мак-Кью прижался к стене и попытался пнуть негра в пах. Нубиец уклонился и принял удар на бедро. Его правая рука уже снова была занесена для удара, а левая тянулась к противнику. Мак-Кью проклял тесную улочку и скользнул вдоль стены. Ему нужно было совсем немного — прорваться мимо чертова негра к безопасному многолюдью базара или железнодорожной станции. Но нубиец повторил его движение и снова хлестнул правой рукой, задев американца по голове.

Тут у Мак-Кью гнев взял верх над благоразумием. Кровь стала заливать ему глаза, а нубиец снова протянул левую руку, пытаясь вцепиться в противника. Мак-Кью попятился, потом внезапно метнулся вперед. Он обеими руками схватил левую руку негра, поймал его за указательный палец и резко рванул в сторону. Палец хрустнул. Нубиец, судя по виду, почувствовал скорее удивление, чем боль. Он рванулся в сторону и оставил глубокую ссадину на шее американца. Мак-Кью отступил на шаг и снова приподнял ногу. Негр повернулся, защищая пах, но Мак-Кью ударил его в коленную чашечку. Нубиец оступился. Следующий удар Мак-Кью нанес вытянутыми пальцами правой руки в горло негра.

Нубиец, задыхаясь, упал. Мак-Кью дернулся было нанести удар в пах — он стал бы смертельным, — но все же сдержался. Негр был совершенно беспомощен; он корчился на земле и не мог даже встать. Теперь с обоих концов улочки бежали люди. Мак-Кью услышал отдаленный полицейский свисток. Улочка заполнилась народом. Все что-то гневно кричали, а некоторые начали придвигаться поближе. Мак-Кью заметил в толпе блеск металла. Он запустил руку за пазуху и взялся за рукоятку пистолета, но не стал его извлекать. Это наверняка спровоцировало бы беспорядки. Он вытащит оружие, только если ему действительно придется стрелять. Но Мак-Кью очень надеялся, что полиция подоспеет раньше.

Глава 7

Поезд на Хартум отправился из Эль-Обейда в начале первого ночи 12 августа, во второй день Дха'л-Хиджа. Европейцы ехали в вагоне, по здешним меркам считавшемся первым классом. Паломникам отвели отдельный вагон, в который они и набились, как селетки в бочку. У Харита было отдельное купе. Он пригласил эль-Тикхейми разделить с ним это купе, исходя из убеждения, что лучше уж присматривать за врагом лично. Эль-Тикхейми, придерживавшийся того же мнения, проводил у Харита большую часть времени. Оба противника старались превзойти друг друга в любезности и сплетничали, словно две старухи.

Ненависть связала их крепче, чем могла бы связать дружба. Но если не считать этого, у них было очень много общего. Они происходили из одной страны, говорили на одном языке и занимались одним делом. У них имелись общие знакомые, обоим им доводилось жить в Мекке, Медине, Джидде и Сане. У них был сходный жизненный опыт и сходные взгляды на жизнь. Они одинаково не любили христиан, евреев, европейцев в целом, Израиль, Россию, Америку, Египет, Ирак, друзов, туарегов, исмаилитов и шиитов. Общие предрассудки создавали некое ощущение товарищества; Харит и эль-Тикхейми интуитивно понимали друг друга. Осторожное соперничество заставляло их относиться друг к другу внимательнейшим образом. Так они стали друзьями, отнесясь к этому с грустной иронией. Эта мимолетная дружба, возникшая из ненависти, должна была окончиться кровью. Оба знали об этом и считали это восхитительным парадоксом. Поезд катил по пустыне к городу Кости, а друзья-враги продолжали свою бесконечную беседу.

Путем огромных усилий и значительных расходов европейцам удалось найти для больного мистера Отта отдельное купе. Они не жалели сил: возня с Оттом помогала им скрасить скучное путешествие в поезде. Они постарались отыскать подходящую для больного еду. Они напомнили больно-

му, что ему нужен полный покой и необходимо побольше спать.

Но Отт принялся капризничать. Он настаивал, чтобы европейцы остались с ним. Хотя ему и было трудно разговаривать, он все-таки сказал, что не желает оставаться один. Он хочет видеть других людей и слышать их разговоры. Исходя из этой просьбы двое-трое путешественников постоянно находились в купе Отта, читали или о чем-нибудь беседовали. Когда они оттуда выходили, Прокопулос постоянно отзывал их в сторонку и объяснял, что все это не пойдет мистеру Отту на пользу. Больной нуждается в покое, согласен он с этим или нет. Прокопулос просил, чтобы они пореже приходили к мистеру Отту в его же интересах.

Европейцам казалось, что Прокопулос прав. Но потом они вспоминали, как Отт шепотом просил составить ему компанию, и решали, что в его состоянии они бы тоже не захотели валяться в одиночестве. И, кроме того, ехать в отдельном купе было куда приятнее, чем в забитом вагоне первого класса. Потому они продолжали посещать Отта, несмотря на все просьбы и увещания Прокопулоса.

Когда больного первый раз навещил Мак-Кью, Отт увидел, что голова и шея инженера перевязаны. Родезиец захотел узнать, что случилось.

— Какой-то пьяный придурок из местных попытался убить меня, — объяснил Мак-Кью. — Но на этот раз полиция подросла вовремя. Вот, собственно, и все.

Кроме инженера, в купе в тот момент находился майор Харкнесс. В полицейском участке он узнал об этом происшествии чуть больше, чем счел нужным сказать американец, и майора заинтересовали некоторые моменты. За годы, проведенные в Судане, Харкнессу крайне редко приходилось слышать, чтобы опытный боец с браслетом ввязался в драку. То, что он был пьян, это еще не повод. Видимо, бойца подкупили. Но кому могла понадобиться смерть Мак-Кью?

Особый интерес у Харкнесса вызвали отдельные подробности драки. Мак-Кью сумел уклониться буквально от всех ударов или заблокировать и смягчить их. Нападающий смог нанести американцу лишь поверхностные травмы, а ведь это был мастер своего дела. Мак-Кью почти сразу перешел в на-

ступление, сломал нубийцу указательный палец, раздробил ему коленную чашечку и едва не убил его колющим ударом в горло. Что это было? Дзюдо? Саватэ? Эти подробности затронули солдатский инстинкт Харкнесса. Вполне возможно, что Мак-Кью когда-то служил в рейнджерах. Во всяком случае, американец был превосходно натренирован.

Харкнесс попытался узнать побольше, но Мак-Кью упорно продолжал хранить молчание. Похоже, эта нелепая мистификация доставляла ему удовольствие. В конце концов Мак-Кью ушел, а вскоре за ним последовал и Харкнесс.

Дождавшись, когда Отт останется один, Прокопулос вошел и осторожно закрыл за собой дверь. Потом он повернулся к постели. Отт лежал с закрытыми глазами. Он был одет и вдобавок укрыт тремя одеялами. Грек посмотрел на желтое, восковое лицо больного. Отт дышал, но грудь едва-едва приподнималась. Прокопулос тихо приблизился к постели.

Отт мгновенно открыл глаза. Под одеялами что-то шелохнулось, и Прокопулос увидел, что ему в грудь смотрит иссиня-черное револьверное дуло.

— Что тебе здесь нужно, ворюга вшивый? — поинтересовался Отт.

— Возможно, я и вправду вор, — невозмутимо ответил Прокопулос. — Но в таком случае мы с вами коллеги.

— Возможно, — не стал спорить Отт. — Но у меня в руках оружие, и ты можешь вынудить меня пустить его в ход. Так что лучше проваливай и держись от меня подальше.

— Раз уж вы начали говорить так откровенно, — сказал Прокопулос, — то и я позволю себе эту роскошь. Мое внимание, мистер Отт, привлек тот факт, что вы носите в полом каблуке вашей туфли около десятка необработанных алмазов. Такой способ транспортировки навел меня на мысль, что вы приобрели их не совсем законным способом. Я также предположил, что в вашем нынешнем состоянии вам просто необходим надежный помощник.

— Убирайся, — прохрипел Отт.

— Могу вас заверить, — продолжал Прокопулос, — что

мои условия достаточно разумны. Я прошу всего лишь равной доли в камнях. Взамен я могу гарантировать безбоязненное прохождение таможи, перелет в любой город мира и лучшую больницу, которой только может потребовать ваше заболевание.

— Вот в это я могу поверить, — хмыкнул Отт. — Ты охотно сдал бы меня в больницу. Для опытов. Пятьдесят на пятьдесят? Прокопулос, до тех пор, пока я способен хотя бы выпустить в тебя пулю, я не стану тебе доверять.

— Но вам придется мне довериться, — настаивал на своем Прокопулос. — Я знаю вашу тайну. А что, если я выдам вас полиции? Что, если я отправлю анонимное письмо таможенникам на египетской границе?

Мгновение Отт молча смотрел на Прокопулоса. Глаза его лихорадочно блеснули, но на лице застыло холодное выражение.

— Конечно, ты можешь это сделать, и тогда полиция арестует меня. Я не могу тебе помешать. Но зато и я могу выдать полиции тебя.

— Выдать меня? — вежливо удивился Прокопулос. — А за какое преступление?

— За убийство ван Хаарнина в Эль-Фашере.

— Вы, должно быть, бредите, — сказал Прокопулос. — Во-первых, я его не убивал. Во-вторых, у меня есть алиби.

— Ну и что? — спросил Отт. — Неважно, убивал ты ван Хаарнина или нет. Важно то, что полиции нужен убийца. Смотри, что получится. Полиция арестует меня за контрабанду алмазов, а я сдам им тебя как моего соучастника. Копы потянут тебя на допрос раньше, чем ты успеешь выбраться из Судана. Если ты все-таки каким-то образом ускользнешь от них, они примутся искать тебя в Европе и на Ближнем Востоке. И они тебя найдут, потому что их очень заинтересует моя история.

— Они могут допросить меня, — сказал Прокопулос, — но им не за что меня арестовывать.

— Да ну? Я признаюсь, что украл камни, и скажу, что ты мой сообщник. Я скажу, что мы заранее договорились встретиться в Форт-Лами. Ты должен был позаботиться о транспорте и следить, чтобы детективы компании «Де Бирс» нам

не помешали. За это я дал тебе четыре алмаза. Но ты выполнил свою часть работы слишком хорошо — ты убил детектива Дитца. Я его точно не убивал: это могут подтвердить управляющий отеля и майор Харкнесс. Я играл с ним в бильярд. А кто может подтвердить твоё алиби? Кто твой свидетель — Харит? Человек с репутацией работоторговца? Да он вообще не захочет ради тебя являться в суд.

— Очень остроумно, — признал Прокопулос. — Но здесь есть недочёты. Ничто не подтверждает, что я получил четыре алмаза, а ведь в «Де Бирс» знают точное их число. И все алмазы будут найдены у вас.

— Опять неверно, — сказал Отт, приподнимаясь на локте. — Ты думаешь, что я держу все камни при себе? Ну уж нет! Именно на случай ареста я спрятал четыре камня отдельно. Я рассчитывал, что, если меня поймают, я подкуплю кого-нибудь и увернусь от тюрьмы. А если не выгорит, заберу эти камни, когда отсिжу свой срок. Эти четыре камня не в Южной Африке. Они достаточно близко от Форт-Лами, чтобы полицейские поверили, что это ты их там спрятал.

Отт откинулся на подушку и усмехнулся.

— Согласен, дело очень запутанное, и в нём куча натяжек. Ну и что с того? И суданцы, и южноафриканцы очень хотят заполучить убийцу ван Хаарнина. Они пошлют запрос в Интерпол и поинтересуются, не числится ли за тобой каких-нибудь грехов в Европе. Я уверен, что-нибудь числится. Я думаю, что они с радостью повесят это убийство на тебя.

— Что за чушь! — воскликнул Прокопулос. — Ни суд, ни полиция не действуют подобным образом!

— Что, правда?

— Ну... Бывают, конечно, судебные ошибки...

— Брось! — сказал Отт. — Ты — мошенник, а значит, ты наверняка числишься где-нибудь в полицейских досье. Когда полиция получит моё подробное признание, почему бы ей не осудить за это убийство тебя?

— В принципе это возможно, — признал Прокопулос. Голос грека дрогнул. — Но зачем нам угрожать друг другу, мистер Отт? Возможно, я поступил неразумно, запросив половину. Хорошо, пусть будет треть. Мы просто обязаны

прийти к соглашению — мы слишком много знаем друг о друге.

— Никаких соглашений, — отрезал Отт.

— Давайте будем благоразумны, — попросил Прокопулос. — Не забывайте — я могу отправить вас в тюрьму.

— А я могу повесить на тебя обвинение в убийстве. Так что твоё карта бита. А теперь выметайся отсюда.

— Ну что ж, — пожал плечами Прокопулос. — Возможно, вы согласитесь обговорить этот вопрос попозже. До Хартума далеко. Вы тяжело больны. Доктор предупреждал, что вам опасно отправляться в путь.

— Убирайся!

— Я навещу вас позже. Вам действительно следует поспать, мистер Отт. Постоянное бодрствование может плохо отразиться на вашем здоровье.

Прокопулос поклонился и вышел из купе. Некоторое время Отт смотрел на закрытую дверь. Разговор с Прокопулосом истощил его силы. Отт мысленно проклял хитрого ублюдка. На этот раз его удалось запугать, но ведь такая тварь не смиритсЯ с тем, что алмазы ускользнули у него из-под носа. Чертова крыса примется поджидать удобного момента, чтобы закончить работу, которую начал гепатит.

Отт спрятал револьвер в кобуру и заставил себя подняться с постели. Он был страшно слаб. На мгновение ему показалось, что сейчас он потеряет сознание. Но кое-как Отт все-таки доковылял до двери. В замке торчал ключ. Отт повернул этот ключ, потом потрогал дверь. Дверь приоткрылась. Замок не работал.

Отт ухитрился вернуться обратно, укрыться и вытащить револьвер из кобуры. У него слипались глаза. Ему нужен был план, нужен был способ защитить себя. Прокопулос непременно вернется.

Глава 8

Утром тринадцатого августа, на третий день Дха'л-Хиджа, поезд добрался до Кости, города на берегу Белого Нила, и двинулся на восток. Вокруг простирались хлопковые поля

Гезиры. В полдень поезд миновал Сеннар на Голубом Ниле и повернул на север, к Вад-Медани и Хартуму.

От свирепого сухого жара пустыни у европейцев не осталось сил даже для разговора. Один лишь Прокопулос, которому довелось попутешествовать по пустыням больше иного араба, чувствовал себя нормально. Он сновал из вагона первого класса в купе Харита, потом обратно в первый класс, а оттуда — в купе Отта, посмотреть, что делает больной. Прокопулос сообщил европейцам, что Отту стало хуже и что он почти не приходит в себя. Им сразу вспомнилось предсказание врача, что Отт не доедет живым даже до Вад-Медани. В этой выжженной солнцем стране слова врача приобрели оттенок проклятия. Брошенная в сердцах фраза начала казаться знаком судьбы, а смерть посреди бесплодной пустыни — чем-то естественным.

Вечером поезд достиг Вад-Медани и остановился на полчаса. Европейцы, как и большинство других пассажиров, обрадовались возможности немного размяться. Когда все вышли, Прокопулос поспешил в купе Отта.

Грек подошел к постели и внимательно всмотрелся в желтое, заросшее светлой щетиной лицо спящего. С величайшей осторожностью Прокопулос откинул край одеяла и увидел в руке Отта револьвер. Прокопулос забрал револьвер. Отт не проснулся. Грек положил револьвер на столик, так чтобы Отт не мог до него дотянуться, вздохнул и потер руки.

Прокопулос не был убийцей. Во всяком случае, он не убивал людей собственноручно. Он только разрабатывал схему, а действовать предпочитал через исполнителей. Но данное убийство нельзя было доверить никому. Прокопулос желал получить алмазы, и он не мог допустить, чтобы Отт обратился в полицию. Следовательно, Отт должен умереть. Лучше всего здесь подойдет удушение. Нужно осторожно удушить Отта его же собственной подушкой. Если сделать это аккуратно, смерть будет выглядеть естественной. Разве врач не сказал, что Отт не доживет до Вад-Медани?

Прокопулос приподнял голову больного и вытащил из-под нее подушку. Рядом с головой Отта грек увидел маленький мешочек. На мгновение Прокопулос заколебался, потом положил подушку и взял в руки мешочек.

Внутри оказалось два алмаза и клочок бумаги. А на бумажке была нацарапана записка:

«Прокопулос, ты ничего не найдешь в моих туфлях. Перепрятано. На обыск понадобится час, а то и больше. Здесь два, без риска, что тебя застукают. Поговорим позже».

Прокопулос прикусил губу. Он понял, что сделал Отт. Поскольку он не мог больше защищаться, то потратил последние силы на то, чтобы спрятать все камни, кроме этих двух, и написать записку. Родезиец рассчитал, что Прокопулос предпочтет забрать эти два алмаза в надежде позже получить еще, вместо того чтобы убить больного и попытаться отыскать спрятанные камни.

Грек взвесил камни на ладони. Он хотел большего. Но уловка Отта и так уже отняла у Прокопулоса много времени. Некоторые пассажиры начали возвращаться на свои места. Что, если его застанут за обыском? Или вдруг он оставит какие-то следы, по которым хартумская полиция сможет его выследить?

Наконец Прокопулос решился. Он взял револьвер Отта, разрядил его и положил обратно на постель. Алмазы, записку и мешочек грек сунул себе в карман. Потом он приложил руку к груди Отта, обнаружил, что сердце еще бьется, и вышел из купе. Два алмаза лучше, чем ничего. Кроме того, еще оставался шанс, что по дороге от Вад-Медани до Хартума оставшиеся камни тоже сменят владельца.

В коридоре Прокопулос столкнулся с Эберхардтом.

— Доктор, — сказал грек, — мне кажется, мистеру Отту стало хуже.

— Ему следовало остаться в Эль-Обейде, — проворчал Эберхардт.

— Конечно. Но я думаю, сейчас ему совсем плохо. Может, вы взглянете на него, и мы подумаем, что можно сделать?

Эберхардт пробурчал, что он не медик, но все-таки пошел следом за Прокопулосом. Войдя в купе, немец откинул одеяло и увидел револьвер.

— Револьвер от гепатита не поможет, — так же ворчливо

проговорил Эберхардт, взял больного за руку и стал нащупывать пульс. В купе вошли Эчеверрия и Харкнесс.

— Он еще жив, — сообщил им Эберхардт. — Без сознания, но пульс сильный и ровный. Я плохо разбираюсь в этой болезни и не знаю, каковы шансы мистера Отта.

— По крайней мере, он все еще жив, — сказал Прокопулос.

Все европейцы, и Прокопулос с ними, вернулись в вагон первого класса. Грек был чрезвычайно доволен собой. Если бы он задушил Отта и стал обыскивать купе, либо Эберхардт, либо те двое застали бы его за этим занятием. А так он без всякого риска получил два алмаза. А главное, теперь все могут подтвердить, что, когда Прокопулос ушел из купе Отта, тот еще жил. Нет, он будет действовать умнее. Время пока терпит. Возможно, он точно так же, без риска и особых усилий, завладеет и остальными камнями.

В вагон первого класса вплыло облако черного дыма. Поезд тронулся и медленно принялся набирать скорость. Вад-Медани остался позади. Следующей остановкой был Хартум. До него оставалось около ста миль.

Поезд ехал сквозь ночь. Европейцы забылись беспокойным сном. В тусклом свете их лица казались сделанными из мягкого обветренного камня. Прокопулос проснулся и некоторое время наблюдал за своими спутниками. Потом он встал и отправился еще раз навестить мистера Отта, источник алмазов.

Похоже, за всю ночь Отт даже не пошевелился. Но когда Прокопулос убрал одеяла, он не нашел никаких алмазов.

Встало солнце. Его лучи, пробивающиеся сквозь окна поезда, уже несли с собой первый намек на дневную жару. В коридоре слышались шаги. Через окно Прокопулосу были видны фермы, протянувшиеся вдоль плодородного берега Голубого Нила.

Прокопулос укрыл больного и вышел из купе. Он упустил свою возможность. Следовало убить Отта вчера ночью, убить и обыскать купе. Теперь же было поздно что-либо предпринимать — поезд подъезжал к Хартуму.

15 августа 1952 года, Хартум;
пятый день Дха'л-Хиджа

Глава 1

Когда поезд прибыл в Хартум, Отта уже поджидала санитарная машина. Прокопулос попросился сопровождать больного. Врач заговорил было о хартумской больнице, но Отт отказался туда ехать. Потом он на некоторое время потерял сознание. Придя в себя, Отт обнаружил, что его заносят в самолет. Больного отнесли в конец салона и уложили на кушетку. Подошла стюардесса, застегнула ремни безопасности и укрыла Отта одеялом.

— Куда мы летим? — спросил Отт.

— В Каир, — ответила стюардесса. — А оттуда в Бейрут.

— А что с моим багажом?

— Его погрузили вместе с багажом других пассажиров.

Отту не верилось, что это происходит на самом деле, но вскоре он услышал звук работающих моторов, почувствовал, как самолет тронулся с места и через несколько секунд взмыл в небо. Через иллюминатор Отт видел раскинувшуюся внизу коричневатую-желтую пустыню, рассеченную надвое темной лентой Нила. Они летели над Северной пустыней, направляясь в Египет. Удалось! Он свободен!

— Вам надо попытаться заснуть, — обратилась к Отту стюардесса.

— Да, я действительно посплю, — согласился родезиец.

— Давайте я помогу вам разуться.

— Не беспокойтесь, мне и так неплохо, — попытался возразить Отт, но стюардесса уже шагнула к другому краю кушетки, откинула одеяло, потом недоуменно посмотрела на больного.

— Странно. Вы уже без туфель.

— Без туфель? А где они?

Стюардесса поискала вокруг, но ничего не нашла.

— Возможно, их с вас сняли в санитарной машине, да там и забыли. Не стоит из-за них беспокоиться.

«Прокопулос, — подумал Отт. — Этот пронырливый ублюдок забрал туфли, пока я был без сознания. Он подумал,

что я мог соврать, что у меня не было сил перепрыгивать камни. Ну и пусть подавится этими туфлями».

Отт закрыл глаза, наслаждаясь полетом. Потом его словно тряхнуло: а что еще забрал Прокопулос? Что с багажом? Обыскивали ли его одежду?

Отту хотелось выяснить все это немедленно, но у него уже не было сил бодрствовать, и он забылся тяжелым, беспокойным сном.

Глава 2

В Хартуме у путешественников оказалось два часа свободного времени до отправления поезда на Атрабу. В Атрабе поезд должны были переформировать: часть вагонов отправить на север, к Вади-Халфе и египетской границе, а часть сворачивала на восток, к Порт-Судану и Суакину, к Красному морю. Европейцы еще раз попытались достать билеты на самолет — исключительно для очистки совести. Их усилия были абсолютно бесполезны. Все рейсы были забиты под завязку. Шел к концу пятый день Дха'л-Хиджа, и до того момента, когда все желающие совершить хадж должны присутствовать в Мекке, оставалось всего семь дней. Поток хаджи все возрастал. Это был самый многолюдный хадж за всю историю, паломники съезжались даже из Китая и Индонезии. Казалось, половина Африки пришла в движение, переполнив все города и порты от Каира до Момбасы. Если не считать отдельных рейсов в Европу и Америку, все самолеты были переброшены на беспосадочный челночный маршрут до Джидды. К перевозке паломников приложили руку даже ВВС США, и все равно справиться с этим человеческим потоком не было никакой возможности.

— Нам еще повезло, что мы достали билеты на поезд, — сказал своим спутникам майор Харкнесс.

— По-вашему, это можно назвать везением? — хмыкнул Мак-Кью. — Я буду чертовски рад, когда наконец-то доберусь до Джидды.

— Сомневаюсь, — сказал майор. — Если здесь сейчас такой бедлам, представляете, что творится в Джидде?

— Представляю, — раздраженно бросил Мак-Кью. — А тут еще и в поезде трясись.

— Кстати, — вспомнил Харкнесс, — кто-нибудь в курсе: Отт нормально улетел, все в порядке?

— Думаю, да, — ответил Рибейра. — Мистер Прокопулос поехал с ним, чтобы за всем проследить.

— Очень любезно с его стороны, — сказал Харкнесс.

— Джентльмены, не хотите ли вы сходить вместе со мной на экскурсию? — спросил Эберхардт. — Здесь неподалеку находится музей суданской археологии.

— Я там уже бывал, — откликнулся Харкнесс.

— Я там не бывал, — сказал Рибейра, — и не испытываю ни малейшего желания. Мне нужна ванна, двенадцатичасовой сон и приличный обед — только после этого меня начнут интересовать местные достопримечательности.

— Точно-точно, — поддержал его Мак-Кью. — Я и сам такой грязный и уставший, что не пройду и лишних пятидесяти ярдов, даже если мне скажут, что здесь за углом стоит Тадж-Махал.

— Вполне согласен, — лаконично поддержал его Эчеверрия.

— Я просто подумал, что предложить все-таки стоит, — сдался Эберхардт. — Музей суданской археологии — необыкновенно интересное место.

— К черту музеи! — буркнул Мак-Кью. — Сейчас слишком жарко для экскурсий.

— Думаю, — сказал Эчеверрия, — нам стоит вернуться в наше купе, пока его кто-нибудь не занял.

Пятеро европейцев равнодушно пошли к поезду. В вагоне их встретил Прокопулос.

— Ну что, посадили они Отта на самолет? — спросил Харкнесс.

— Да-да, конечно, — ответил Прокопулос. — Я сам проводил его до трапа. Возможно, в эту минуту мистер Отт уже пересек египетскую границу.

— Оказывается, и от гепатита бывает польза, — сказал Мак-Кью.

Они вошли в свое купе и обнаружили там лейтенанта английской полиции и двух суданских констеблей.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал лейтенант. — Я не смог отыскать вас на вокзале и потому позволил себе подождать здесь. Могу я посмотреть ваши документы?

— А в чем дело? — спросил Харкнесс. — У нас уже проверили документы в Генейне.

— Прошу прощения, сэр, но у меня приказ.

Майор что-то проворчал и полез за паспортом. Остальные последовали его примеру. Лейтенант сел за столик, внимательно посмотрел каждый паспорт, потом вернул их владельцам.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал он. — Надеюсь, я не причинил вам особых неудобств. А вам, мистер Прокопулос, придется пройти со мной в управление полиции.

— В чем дело? — возмутился Прокопулос.

— Мы поговорим об этом в управлении.

— Но я опоздаю на поезд! Вы не имеете права препятствовать моему отъезду только из-за того, что кто-то хочет получить ответ на какие-то дурацкие вопросы.

— Сожалею, сэр, но ничем не могу помочь.

— Какая нелепость! Я отказываюсь идти!

— В таком случае я буду вынужден арестовать вас, — проговорил лейтенант с несчастным видом.

— Мои документы в полном порядке! — возмущенно заявил Прокопулос. — В чем меня обвиняют?

— Я думаю, это удобнее будет обсудить в управлении.

— Нет! — закричал Прокопулос. — Я имею право знать, за что меня арестовывают!

— Ну что ж, — пожал плечами лейтенант. — Я получил предписание арестовать вас по обвинению в похищении драгоценных камней и их незаконном вывозе из Южной Африки.

— Но это абсурдно! — воскликнул Прокопулос. — У меня нет никаких драгоценных камней, и я никогда в жизни не бывал в Южной Африке!

Терпение лейтенанта истощилось.

— Давайте, — сказал он и кивнул констеблям. Суданцы двинулись к Прокопулосу.

— Не нужно насилия, — торопливо проговорил Проко-

пулос. — Я пойду с вами. Но я подам на вас в суд за незаконный арест.

— Как хотите, сэр, — безразлично произнес лейтенант. Он кивком попрощался с остальными европейцами и вышел из купе. Следом двинулись констебли, между ними — Прокопулос.

Когда они ушли, Эчеверрия произнес:

— У этого человека внешность вора. Я это понял с первого взгляда.

— Странно получается, — сказал Рибейра. — Наши спутники покидают нас один за другим.

— Смотрите! — воскликнул доктор Эберхардт. — Поезд тронулся!

Сперва движение было почти незаметным. Но потом поезд постепенно набрал скорость, отошел от перрона хартумского вокзала и двинулся в путь: на Атрабу, Порт-Судан и Суакин.

Глава 3

Всю ночь и большую часть следующего дня поезд шел без приключений. Шестнадцатого августа, в шестой день Дха'л-Хиджа, за час до захода солнца поезд приблизился к запыленному зданию вокзала в Атрабе. Багаж доктора Эберхардта — старые чемоданы и скрипучие плетеные корзины — был выгружен из вагона и свален в кучу на перроне. Европейцы вышли проводить Эберхардта, пока поезд готовился к отправлению.

В последнее мгновение Эберхардт подумал: а может, отбросить осторожность, разорвать контракт с экспедицией Беккермана в Мерое, сесть обратно на поезд и поехать в Суакин, к руинам Добары, к славе или поражению? Мерое или Добара? Он никак не мог решиться. Но если Беккерман не получил его последнюю телеграмму, если он не пришлет за ним машину, то тогда, возможно...

Эберхардт увидел на дороге черное пятнышко. Пятнышко приблизилось и оказалось тяжелым грузовиком.

— Это за мной, — печально произнес Эберхардт.

— Нам будет не хватать вас, — сказал ему Рибейра. — Мы выехали из Форт-Лами всемером, а теперь нас остается только четверо.

— Мне тоже будет не хватать вашего общества, — сказал Эберхардт. — Но вы четверо вместе доедете до Аравийского полуострова.

— Иншаллах! — с усмешкой произнес Эчеверрия.

— Совершенно верно, — согласился с ним майор Харкнесс. — Именно это и следует говорить перед подобным путешествием. Иншаллах! Да будет на то воля Аллаха!

Они попрощались с Эберхардтом. Грузовик подъехал к вокзалу. За рулем сидел европеец, а в кузове — двое суданских рабочих. Европеец помахал Эберхардту рукой, тот помахал в ответ. Раздался свисток паровоза. В голове поезда Харит ненадолго оставил своих паломников. Он был поглощен беседой с каким-то арабом, жителем Атбары.

Харит молча выслушал своего помощника. Верный Сагар закончил сообщение, и на лице его отразились беспокойство и надежда. Но Харит продолжал молчать. Он все еще злился на Прокопулоса.

Хотя грек и внушал Хариту отвращение, его не стоило недооценивать. Прокопулос был единственным звеном, связывавшим его с европейцами. Теперь это звено порвалось, и опасность угрожала Хариту отовсюду. Ближайшей угрозой была смерть от руки эль-Тикхейми. Но за этой опасностью маячила другая, возможно, даже более страшная. Харит до сих пор не знал, кто из европейцев Стивен Дэйн и что он намеревается делать. Это мог узнать Прокопулос, но теперь он сидел в полицейском управлении Хартума. Задерживаться и вызывать его оттуда было абсолютно некогда. Время летело, неумолимо приближался двенадцатый день Дха'л-Хиджа. Терять время из-за Прокопулоса было бы непозволительной роскошью. Но все же алчный и лживый грек мог бы сейчас весьма пригодиться.

Паровоз пронзительно засвистел.

— Господин, я сделал все, что ты мне приказал, — снова подал голос Сагар.

— Да, — согласился Харит, — ты сделал то, что я тебе сказал, но ты не узнал того, что мне было нужно.

— Но это было невозможно! Я сам отправился в суакинский порт. Я ходил по причалам и слушал сплетни обо всех событиях в Африке и Аравии. Но никто не говорил ни о тебе, ни о эль-Тикхейми, ни о Дэйне и не произносил ни одного из тех имен, которые ты называл.

— Конечно, ты ничего не мог услышать, — сказал Харит. — Всем известно, что ты — мой слуга и моя правая рука. При виде тебя осторожные люди никогда не станут говорить ни обо мне, ни о моих друзьях, ни о моих врагах. Ты глупец, Сагар. Когда я приказывал тебе узнать, что говорят в Суакине, я вовсе не имел в виду, что ты должен был делать это лично. Тебе нужно было послать кого-нибудь другого, не связанного со мной.

— Но как я мог об этом догадаться? — воскликнул Сагар. — И разве я мог без твоего приказа доверить такое важное дело кому-нибудь другому?

— Ты глуп, — со вздохом проронил Харит. — Моя жизнь и благополучие оказались в руках глупцов.

— Я не мог прочесть твои мысли! — стоял на своем Сагар. В его голосе слышались угрюмые нотки. — Я сделал то, что мне показалось наилучшим, и большего я сделать не мог. И потом — а что с другими твоими приказаниями? Разве я не выполнил их в точности?

— Да, с ними ты справился хорошо, — согласился Харит. — Гораздо лучше, чем я ожидал. Ты верный человек, Сагар, а верность дороже любых драгоценностей. Ты не виноват в том, что твой разум не столь проницателен, как того хотелось бы мне.

— Тогда я справлюсь и с другим заданием! — воскликнул Сагар. — Я уверен! Господин, когда я у тебя на службе, для меня нет невыполнимых заданий. Мне нужно только точно сказать, что надо делать.

— Да, тебе нужно только сказать, — с улыбкой произнес Харит. — Расписать все в подробностях.

— Да, конечно! — радостно подхватил Сагар. — Только скажи, что я должен делать, Мустафа ибн-Харит, и я выполняю все в точности.

Паровоз засвистел в третий раз.

— Ты хороший и верный человек, — торжественно сказал Харит. — Ты мой возлюбленный брат. Я прошу тебя принять это в знак моего уважения.

Харит протянул арабу бумажник — плату за услуги. Сагар попятился и обеими руками оттолкнул бумажник.

— Нет, Мустафа ибн-Харит! Все, что я сделал, я сделал из любви к тебе, а не ради денег!

Хариту пришлось трижды предлагать бумажник своему помощнику, пока тот наконец не принял его, просияв от радости. У торговца еще осталось несколько секунд, чтобы позвать руку верному слуге и произнести несколько слов похвалы. Потом поезд тронулся. Харит оставил Сагара и вскочил на подножку.

Остановившись в тамбуре, Харит посмотрел на запад и увидел грузовик, увозивший европейца, которого звали Эберхардт. Поезд бодро двигался на восток, преодолевая последнюю часть пути к Саллumu, Порт-Судану и Суакину. Теперь в нем ехали только четыре европейца, а в одном из вагонов находился эль-Тикхейми. Больше не было умного Прокопулоса, который нашептывал бы Хариту в уши запутанную ложь. Вместо этого, оглянувшись, Харит мог увидеть приземистую фигуру Сагара, неподвижное белое изваяние на желтом фоне пустыни, верного и честного слугу. Но когда требуется ум, ни верность, ни честность не могут его заменить.

Глава 4

Предполагалось, что поезд преодолеет расстояние от Атрабы до Саллума чуть меньше чем за день. По крайней мере, так утверждало расписание, и европейцы поверили этому утверждению. Но африканцы и арабы отнеслись к расписанию так, как к нему и следовало относиться, — как к посланию надежды, к поэме желания. Они знали, что поперек расписания горит написанное красными буквами слово «Иншаллах!» и что каждую поездку следует начинать с молитвы.

В Европе путешественнику нет нужды прибегать к каким-либо обрядам и взывать о помощи и поддержке к выс-

шим силам. Но африканская природа дика и по-детски непредсказуема. Иногда ей хочется поиграть в послушание, но гораздо чаще — в хаос и разрушение. В стране, где сама земля время от времени то стряхивает грязные деревушки со своей спины, то иссушает их, как трут, то затапливает, то сбрасывает в ближайшую реку, очень остро ощущается необходимость в каком-нибудь доброжелательном божестве, способном за тебя заступиться. Природа огромного континента просто кишела необузданными чудесами. Она могла подарить путнику неожиданную удачу, а могла играючи, без всякой злобы, уничтожить его.

В ночь на семнадцатое августа природа решила поиграть с не по сезону сильным южным ветром. К утру результат стал нагледен для всех. Южный ветер немного изменил границы Нубийской пустыни. Он переместил песчаные дюны провинции Кассала почти к подножию Джебел-Абадаба, а заодно засыпал и большой участок железной дороги. Путь в горы был закрыт.

Пассажиры позвали расчищать пути. Даже европейцам пришлось потрудиться под лучами невероятно белого солнца. Важные же персоны — такие, как Харит и эль-Тикхейми, — презрели рабский труд. Они наблюдали и обменивались шутками по адресу европейцев. Машинист и кочегар выбрали себе местечко в тени и улеглись спать. Четыреста паломников трудились вовсю. Они посмотрели на незнакомый пейзаж и решили, что им здесь не нравится. У них начал возникать вопрос: на кой черт их вообще понесло куда-то из дому?

За восемь часов работы шестьсот человек расчистили путь на Хайю. Теперь поезд мог проехать через горы. Восемнадцатого августа, в восьмой день Дха'л-Хиджа, он достиг станции Саллум.

Здесь дороги путешественников разошлись. Четверо европейцев направлялись в Порт-Судан. Оттуда Харкнесс, Рибейра и Эчеверрия должны были отплыть на пароходе в Аден, а Мак-Кью — в Джидду. Харит же, которому был нужен Суакин, принялся загонять своих паломников в пригородный поезд.

Когда пассажиры уже заполнили оба поезда, было объяв-

лено, что отправление задерживается. Пропали оба машиниста: похоже, загуляли где-то в Саллуме. Европейцы остались в своем вагоне первого класса, окруженные разогретой кожей сидений и раскаленным металлом. Они слишком устали, чтобы отправиться на поиски комфорта в город, и были слишком раздражены, чтобы выражать недовольство. Харит и эль-Тикхейми решили воспользоваться моментом и прогуляться.

Врагам бывает так же трудно расстаться друг с другом, как и друзьям; потому они принялись гулять по Саллуму, предаваясь воспоминаниям и пытаясь прощупать дальнейшие намерения друг друга. Они о многом поговорили, но мало узнали. Вежливость и самоуважение заставляли как Харита, так и эль-Тикхейми всегда отвечать на вопрос собеседника, но осторожность вынуждала их при этом либо солгать, либо превратить ответ в парадокс. В конце концов друзья-враги запутались в лабиринте возведенных ими загадок, так и не проведая о планах друг друга.

Они подошли к окраине города. По улицам тянулись наметенные ветром полосы песка, а у стен жалких лачуг песок громоздился целыми грудками. Безо всякого перехода они оказались в самой что ни на есть настоящей пустыне. Прямо перед ними раскинулись дюны, пробирающиеся между черными скалами и невысокими базальтовыми утесами. Иссохшая земля была усыпана валунами; некоторые из них достигали размеров грузовика. Вдали виднелась горная цепь.

Харит и эль-Тикхейми некоторое время смотрели на искореженную землю, потом Харит изрек:

— Вот подходящее место для араба. Здесь можно чувствовать себя свободным.

— Да, — согласился эль-Тикхейми, — здесь можно дышать полной грудью.

Они дружно закивали, хотя каждый отлично понимал, что лжет. Они оба были горожанами. Харит вырос и провел молодость в Мекке, а эль-Тикхейми рос в Ходейде. На самом деле они любили шум, развлечения, толпы народу; но им хотелось любить скупую, безмолвную пустыню с ее намеком на добродетели древних кочевников и яростной жаждой независимости.

Они молча постояли рядом, обманчиво единые. От черных базальтовых утесов тянуло волнами жара. От города доносился чей-то вопль.

Обернувшись, Харит и эль-Тикхейми увидели бегущего к ним человека. Лицо его было покрыто потом и пылью, впадая грудь тяжело вздымалась. Это был один из помощников Харита.

— В чем дело? — резко спросил Харит.

— Хаджи, господин, это все хаджи!

Эль-Тикхейми стоял в стороне и с усмешкой наблюдал за происходящим. Харит схватил помощника за плечи.

— Что с ними такое?

— Они испугались, когда поезд не поехал. Некоторые начали кричать, что ты бросил их в пустыне, а другие — что они нипочем не успеют в Мекку к двенадцатому дню Дха'л-Хиджа. Потом они все вышли из поезда. Я попытался их остановить, но...

— Показывай, куда они пошли! — взревел Харит, повернулся и понесся обратно, волоча еле живого помощника за собой.

Эль-Тикхейми хохотал, пока Харит не скрылся из виду. Потом он утер слезы и улыбнулся. Эль-Тикхейми очень надеялся, что от ярости Харита хватит удар. Еще он надеялся, что паломники уже уселись на поезд, идущий обратно в Хартум. Перекошенное лицо Харита навсегда останется одним из самых приятных его воспоминаний.

Эль-Тикхейми повернулся, чтобы отправиться обратно в город. Но, не сделав еще ни шагу, он услышал у себя за спиной резкий сухой звук ружейного выстрела.

Эль-Тикхейми отреагировал немедленно; именно скорость реакции позволила ему уцелеть среди множества налетов и погонь. Он бросился на землю, вниз и вправо. Эль-Тикхейми давно усвоил, что снайпер, стреляющий в человека сзади, обычно целится в позвоночник или под левую лопатку.

На этот раз снайпер целился в сердце. Пуля задела эль-Тикхейми за левый бок, но лишь оцарапала его. Эль-Тикхейми стремительно перекатился вправо. В то место, где он только что лежал, ударило несколько пуль, выбив фонтанчики песка. Эль-Тикхейми бросился вперед, к валуну, за кото-

рым можно было укрыться, но снайпер не упускал свою жертву из виду. В первый раз он взял слишком высоко, и пуля от ricoшетила от валуна. Потом раздался щелчок — снайпер выбросил пустую обойму. Эль-Тикхейми последним рывком достиг безопасного места. Снайпер попытался прицелиться в перекачивающуюся фигуру, но неправильно рассчитал траекторию. Он целился в позвоночник, а вместо этого пуля вошла в правое бедро, прошив его насквозь.

Эль-Тикхейми осмотрел рану и убедился, что кость не задета. Но рана, хотя и поверхностная, была очень болезненной. Через полчаса нога отнимется. Она и теперь уже сильно кровоточила.

Ладно, займемся по порядку. Эль-Тикхейми вытащил свое собственное оружие, длинноствольный «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, и выстрелил в сторону снайпера, чтобы дать понять противнику, что он вооружен, и отбить охоту приблизиться к нему. Потом он снял нижнюю рубашку, разорвал ее пополам, одну половину сложил и прижал к ране, а второй перевязал ногу. Эль-Тикхейми пока еще мог согнуть ногу, а повязка задержала кровь. Это хорошо. Ему нельзя оставлять за собой кровавый след.

Царапина на боку не заслуживала особого внимания. Эль-Тикхейми подобрал револьвер и попытался обдумать план действий.

За спиной эль-Тикхейми лежал Саллум. Но чтобы добраться до города, нужно пробежать пятьдесят ярдов по открытому пространству, а нога слушалась плохо. Конечно, этот снайпер стреляет паршиво, но не настолько же.

Снайпер снова открыл огонь. Он сменил позицию, и теперь его пуля ударила в гранит в трех футах над головой эль-Тикхейми. Эль-Тикхейми дернулся назад и пополз вокруг валуна. Ему пришлось удалиться от города, но зато теперь он примерно знал, где прячется враг.

Судя по звуку выстрела, снайпер находился ярдах в семи-десяти — ста от эль-Тикхейми. Если исходить из скорострельности, у противника было какое-то полуавтоматическое оружие наподобие американского «гаранда» — куда более дальнобойное, чем револьвер эль-Тикхейми. Снайпер спокойно мог удерживать его на расстоянии, скрываясь

среди скал и не подпуская на дистанцию револьверного выстрела.

Футах в пяти от эль-Тикхейми по валуну щелкнули три пули. Видимо, снайпер снова переместился. Эль-Тикхейми вернулся на прежнее место. Он обдумывал, что же показалось ему странным в этом снайпере. Странностей было несколько.

Снайпер промахнулся при первом выстреле. Ни один бедуй на его месте никогда не промахнулся бы. Они вырастают со своими старыми «мартини-генри» и «спрингфилдами» в руках и могут попасть в цель с любого расстояния и при любых обстоятельствах. Ни ветер, ни преломление воздуха из-за жары для хорошего стрелка не помеха. Хороший стрелок стреляет только раз.

Похоже, этого человека нельзя назвать опытным стрелком. Он явно не проводил долгие годы, с любовью предаваясь любимому занятию. Ружье — не его оружие. Тип ружья, которое он использует, только лишний раз подтверждает это. Полуавтоматическое оружие для Африки новинка, ни один опытный стрелок не сменял бы свое старое проверенное ружье на «гаранд». И, уж конечно, он не стал бы использовать его в таком деликатном деле, как засада.

Но все-таки тут что-то не так. Пожалуй, этого снайпера все-таки нельзя считать косоруким любителем. Он стрелял быстро и уверенно, умело кружил, выбирая сектор обстрела. Он отнюдь не новичок. Но кто же такой этот снайпер и к какому оружию он привык?

Вдруг до эль-Тикхейми дошло. Видимо, этот человек — бывший солдат или полицейский. Его оружие — автомат. Совершенно непростительный первый выстрел, привычка выпускать всю обойму — все подтверждало эту мысль, а еще больше — его манера стрелять. Человек, привыкший к ружью, следует за движениями мишени, а автоматчик чаще бьет на упреждение.

«Отлично, — подумал эль-Тикхейми. — У него ружье, но стреляет он, как автоматчик. Посмотрим, что из этого выйдет».

Укрывшись за валуном, эль-Тикхейми снял хафию и высунул ее из-за камня. Выглянув с другой стороны, он засек

солнечный блик на стволе ружья. Эль-Тикхейми дважды выстрелил, ружье поспешно исчезло. Эль-Тикхейми перезарядил револьвер и пристроил хафию у края валуна. С семидесяти ярдов должно было казаться, что за камнем ничком лежит человек. Пока что снайпер не мог этого видеть, но он перемещался, двигаясь по часовой стрелке. Если он будет продолжать придерживаться этой же тактики, не больше чем через пять минут он увидит хафию. Тогда он наверняка выстрелит в нее, переместится еще немного в сторону, а потом выпустит всю обойму.

Эль-Тикхейми очень надеялся, что снайпер именно так и поступит. Он пополз влево, против часовой стрелки, прячась за камнями, как ящерица. Продырявленное бедро болезненно пульсировало, но сейчас эль-Тикхейми находился в состоянии возбуждения. Он подкрадывался к снайперу, стараясь зайти ему за спину и приблизиться на расстояние револьверного выстрела.

Когда до места последней остановки снайпера осталось тридцать ярдов, эль-Тикхейми услышал, как по камню, за которым он оставил хафию, ударили две пули. Эль-Тикхейми попытался двигаться быстрее, пока его хитрость не раскрыли. Он прополз еще двадцать ярдов, и раненая нога отказала. Тогда эль-Тикхейми взял револьвер в зубы и пополз, опираясь на руки и здоровую ногу. Одолел ли он эти десять ярдов? И где теперь снайпер?

Эль-Тикхейми завернул за край скалы и увидел человека, стоявшего спиной к нему и лицом к хафии-приманке. Рядом со снайпером валялись две пустые обоймы, а сам он надежно укрылся в расщелине.

До него было около тридцати футов. Эль-Тикхейми взял револьвер обеими руками и прицелился в середину спины. Потом он передумал, сместил мушку, затаил дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Револьвер дернулся у него в руках.

Пуля вошла снайперу в правое плечо, раздробив кость. Ружье отбросило в сторону; оно звякнуло о скалу и упало в песок. Снайпер смотрел, как падает его оружие, а эль-Тикхейми смотрел на неудачливого снайпера. Наконец тот обер-

нулся. Из раны на плече струилась кровь, и мужчина пытался зажать ее рукой.

— Не повезло тебе, — сочувственно проговорил эль-Тикхейми. Снайпер не ответил. На лице его застыло угрюмое выражение, а взгляд был устремлен в землю. Он старался стоять прямо, словно пленник, пытающийся храбро встретить казнь.

— Не повезло, — повторил эль-Тикхейми. — Знаешь, что тебя ждет за попытку убийства? Самое меньшее двадцать лет тюрьмы.

Мужчина первый раз посмотрел на эль-Тикхейми. На лице у него отразился слабый проблеск надежды.

— Ты хочешь сдать меня в полицию?

— Конечно, — сказал эль-Тикхейми. — А что мне еще с тобой делать?

— О боже! — простонал мужчина. — Я глубоко сожалею, что пытался убить тебя!

— Еще бы, — согласился эль-Тикхейми. — Теперь-то ты об этом сожалеешь.

— Да, да! — воскликнул снайпер. — Но откуда мне было знать, что ты за человек? Откуда мне было знать, что ты — искуснейший из искусных, опаснейший боец, тень, скользящая над землей?

— Ты тоже неплох, — сказал эль-Тикхейми. — Но зачем тебе понадобилось убивать меня? Ты меня ненавидишь?

— У меня нет ненависти к тебе! — воскликнул мужчина. — Я даже не знаю тебя! Меня наняли, господин! Меня нанял один человек — груда навоза в турбане. Он дал мне много денег, пообещал заплатить еще больше и сказал, что убить тебя легче, чем прихлопнуть муху! Господин, моя жизнь в твоих руках, но если ты дашь мне возможность, я убью этого человека...

— Как его зовут? — спросил эль-Тикхейми.

— Его имя Сагар, он живет в Атбаре. Он сказал, что хочет отомстить тебе. Но я знаю, что он — лишь уста своего хозяина, Мустафы ибн-Харита.

— Я тоже это знаю, — согласился эль-Тикхейми. — Это всем известно.

— Господин, позволь мне убить Харита для тебя!

— Это очень заманчивое предложение. Но убить Харита потруднее, чем прихлопнуть муху.

— Я сделаю это! — воскликнул снайпер. — Клянусь Аллахом, я могу убить Харита, и клянусь, я это сделаю! Господин, я клянусь своей надеждой на райское блаженство!

— Ты клянешься очень убедительно, — сказал эль-Тикхейми. — И мне кажется, что ты, несмотря на свою неуклюжесть, кое-что понимаешь в убийстве. Я думаю, ты был полицейским.

— Как ты догадался? Ты прав, я действительно был полицейским, и я разбираюсь в убийствах.

— Ты сам не из Судана?

— Нет, господин. Я родился в Египте, в Бени-Суэйфе, и учился в полицейской академии в Каире. Потом меня направили в тайную полицию, и я дослужился до сержанта, но когда короля Фарука свергли, мне пришлось покинуть страну.

— Режимы возвышаются, потом гибнут, — прокомментировал услышанное эль-Тикхейми. — Тайная полиция? Тогда ты должен быть привычен к револьверу.

— Нет, господин, — гордо заявил снайпер. — Да, мы действительно носили револьверы, но нашим настоящим оружием были «шмайсеры» или «стейны». Я очень хорошо стреляю из автомата.

— Я так и думал, — сказал эль-Тикхейми, — но мне хотелось убедиться. Ты стрелял из ружья, как автоматчик, а теперь умрешь, как автоматчик.

— Господин, не надо, умоляю...

Эль-Тикхейми выстрелил снайперу в лицо, но тот упал на колени, и пуля просвистела у него над головой. Эль-Тикхейми выстрелил снова, и на этот раз попал снайперу в левый глаз.

Потом он перезарядил револьвер и спрятал его за пазуху. Раненое бедро жутко болело, плоть вокруг раны покраснела, и до нее невозможно было дотронуться. Неужели так быстро началось воспаление? Нет, не может быть. У него бывали раны и похуже этой, и ни одна из них не воспалялась так быстро. Но если огнестрельную рану не лечить, вполне может развиться гангрена. Нужно немедленно показаться врачу.

Но теперь Харит, эта хитрая лиса, ускользнет от него.

Харит! Нет, но какого ума человек! Как любовно и заботливо он разработал эту засаду: снайпер, спрятанный в пустыне, дружеская прогулка по городу и, наконец, этот помощник, который прибежал так, словно его убивали, и разразился лживыми воплями о сбежавших хаджи. У Харита появилась уважительная причина вернуться в Саллум, а снайперу это указало на жертву.

Эль-Тикхейми восхищался Харитом. Такой план не оставлял врагу ни единого шанса. Лишь слабость непосредственного исполнителя помешала ему осуществиться. Возможно, этот снайпер действительно хорошо умел стрелять из автомата по безоружной толпе, но настоящий боец ему оказался не по зубам.

А теперь — если будет на то воля Аллаха, — он, эль-Тикхейми, положит конец затянувшейся игре с Харитом. Эль-Тикхейми повернулся и побрел через скалы к городу.

Не только Харит умел составлять хитроумные планы. У эль-Тикхейми тоже было кое-что в запасе, но снайпер его задержал. Теперь каждый час и каждая миля могли оказаться решающими. Нельзя задерживаться даже для посещения врача. Ране придется подождать. Наверняка с ней все будет в порядке. Но даже если не будет, если все-таки начнется нагноение, ей все равно придется подождать.

Глава 5

Было девятнадцатое августа 1952 года, девятый день Дха'л-Хиджа. Харит стоял на главной пристани Суакина и наблюдал, как его помощники загоняют паломников на борт дхоу, которая должна была переправить их через Красное море. Он был раздражен и обеспокоен. Ему казалось, что какой-то злой дух мешает всем его планам и помогает его врагам. Агенты в Саллуме и Порт-Судане не смогли сообщить ничего связного.

Европейцы прибыли в Порт-Судан и в тот же день покинули его. Они взяли билеты на сухогруз, идущий по маршруту Джидда—Ходейда—Аден. Один из этой четверки был секретным агентом, но никто из них не остался в Порт-Судане,

и предпринять что-нибудь против них прямо сейчас не представлялось возможным. Придется ждать встречи с Дэйном в Аравии.

Еще хуже была новость, что эль-Тикхейми избежал гибели. Хотя он и был ранен, но все же сумел убить нападавшего. Теперь, как сообщалось, он прибыл в Порт-Судан. Он вошел в город, но потом агенты Харита потеряли его след. Где он теперь? Отправился на север, в Мухаммад-Квол? Сидит в Порт-Судане и поджидает возвращения Харита? Или переправился в Аравию и собирает своих людей для налета?

Сказать было трудно. Но и Дэйн, и эль-Тикхейми находились где-то рядом, незримые и быстрые как ветер. Они шли путями, которые он не мог знать, и выполняли планы, которым он не мог помешать.

Харит мрачно смотрел, как паломники садятся на дхоу. Это было двухмачтовое океанское судно из Кувейта водоизмещением двести тонн. Оно было слишком велико, чтобы подойти к пристани, и потому паломников перевозили на лодках. Большая их часть уже находилась на борту, а скоро и сам Харит отправится туда же. Неожиданно Харит подумал: а почему бы ему не остаться в безопасной Африке? Пускай паломников забирает тот, кто захочет, а он подастся куда-нибудь подальше, в Момбасу или в Занзибар, в Могадисио или в Дар-эс-Салам. Его постигла злая судьба, а сражаться с судьбой не под силу никому. А что касается торговцев из Мекки — пускай сами ищут себе рабов.

Неожиданно Харит понял, в чем тут дело, почему его враги сильны, а он слаб. Они были свободны, а он — нет. Он стал консервативным преуспевающим старым торговцем. Ему было необходимо отправляться в долгий путь, собирать паломников в определенном месте и в определенное время. А его враги ничем не были связаны. Дэйн спокойно мог просидеть два месяца на Тенерифе лишь для того, чтобы дожидаться, пока паломники Западной Африки двинутся в путь. Эль-Тикхейми вообще мог идти, когда и куда пожелает. Они были свободны, как молодые леопарды, а он, Харит, за прошедшие годы превратился из налетчика в торговца. Теперь против него можно использовать все хитрости налетчиков. Ему не стоит покидать Африку.

Но, едва подумав об этом, Харит покачал головой. Остаться в Африке? Ради чего? И с чем? Он останется нищим, потеряет результаты труда всей жизни. И что тогда? Идти работать помощником лавочника или подмастерьем при мяснике? О Аллах, никогда!

Харит направился к поджидающей у причала лодке. Он напомнил себе, что последнее слово еще не сказано. Да, он не убил своих врагов, но и его враги пока что не убили его. У них есть какие-то планы, но и у него они есть. Свободных налетчиков тоже можно убить, несмотря на всю их силу и хитрость. Нужно только вспомнить старые навыки.

Харит ступил на палубу дхоу. Последние из паломников уже погрузились. Над шумом, производимым четырьмя сотнями людей, разносились пронзительные команды капитана. Харит поднялся на капитанский мостик. Отсюда он мог наблюдать, как матросы поднимают якорь и ставят паруса. Рулевой повернул штурвал, и дхоу двинулась на северо-восток.

Час спустя африканский берег превратился в расплывчатую коричнево-зеленую полоску. Команда дхоу навела на судне некое подобие порядка, и паломников водворили в трюм. Капитан отправился в свою каюту. Харит немного подождет, потом последовал за ним.

В маленькой каюте пахло рыбьим жиром и специями. Капитан был невысоким худощавым кувейтцем средних лет. Он водрузил на нос очки и просматривал свою бухгалтерскую книгу.

— Приветствую тебя, Мустафа ибн-Харит, — сказал капитан. — Я почти закончил разбираться с этими проклятыми счетами. Сейчас я прикажу коку приготовить нам кофе.

— Что, счета не в порядке?

— Все, что касается кораблей, не может быть в порядке.

И капитан ударился в пояснения, хотя и был уверен, что никакая сухопутная крыса не в силах понять его несчастье. В начале года он с северо-восточным муссоном поплыл в Мукаллу и частично загрузил судно специями, топленым буйволиным маслом, одеждой из хлопчатобумажных тканей

и японскими игрушками. Он намеревался также взять большую партию хадрамаутского меда для одного покупателя из Могадишо. Но приличного меда не было, и прибыльный заказ пропал. Следующая неприятность поджидала его в Могадишо. Торговля была плохой, и он едва оправдал расходы на длительное плавание. Когда он кое-как отделался от груза, он загрузил корабль древесиной мангрового дерева, взял пассажиров-паломников и поплыл в Джидду. Но севернее островов Дахлак его таранил какой-то пьяный кретин на персидской дхоу, сломал ему мачту и продырявил борт выше ватерлинии. Капитан ухитрился кое-как довести судно в Суакин и угробил два месяца на ремонт. За это время установился юго-западный ветер, который принес с собой плохую погоду и яростные штормы и похоронил надежду капитана на быстрое возвращение в Кувейт. Команда была недовольна, а владельцы судна будут довольны еще меньше. Его весь год преследуют неудачи, а ведь год еще не закончился.

— Тебе действительно очень не повезло, — сочувственно произнес Харит.

— О Аллах, еще бы! И кто знает, что случится дальше?

— Возможно, я могу тебе подсказать, — сказал Харит.

Капитан снял очки и исподлобья взглянул на Харита.

— Что ты имеешь в виду?

— Твое следующее несчастье, капитан, заключается в том, что вместо Литы тебе придется плыть в Дауку.

— Но ты нанял меня для плавания в Лит.

— Я передумал.

Капитан яростно затряс головой:

— Даука — опасный порт! Вокруг нее полно отмелей и коралловых рифов. Я свой корабль туда не поведу.

— Поведешь, — сказал Харит. — Я говорю, что ты должен это сделать.

— Ты нанимал меня плыть в Лит! — возмущился капитан. — Я бы никогда не согласился принять заказ, если бы речь шла о Дауке! Чтобы войти в этот порт, тебе нужна маленькая лодка, а не океанское судно!

— И все-таки ты повезешь меня в Дауку. — Харит запустил руку за пазуху и вытащил пистолет.

Капитан удивленно посмотрел на пистолет и воскликнул:

— Харит, ты сошел с ума!

— Нет, — возразил Харит. — Просто мне необходимо пересмотреть мои планы. У меня есть уважительные причины не высаживаться в этом году в Лит. Ты должен отвезти меня в Дауку.

Казалось, пистолет скорее рассердил капитана, чем напугал.

— Должен? А не то ты меня убьешь?

— Да.

— А кто поведет корабль?

— Твой помощник.

— Мой помощник — сын владельца корабля и полный идиот. Он не знает даже порты Персидского залива — о здешних я вообще не говорю. Он никогда не сможет провести корабль в Дауку. Он разобьет его о рифы. Твои паломники смогут проплыть пару миль до берега? Тебе известно, что в Красном море акул больше, чем в любом другом море мира?

— Мне ничего не известно об акулах, — сказал Харит. — Я только знаю, что Даука — это порт в ста милях от Литы и что мне нужно туда.

— Ты не доберешься туда живым, — сказал капитан.

— Я думаю, ты сможешь доставить меня туда в целости и сохранности, — сказал Харит. — Если же ты откажешься, я убью тебя и прикажу твоему помощнику вести корабль. У меня нет выхода. Что ты предпочтешь, капитан?

Капитан бросил на Харита яростный взгляд.

— Ты рассчитываешь, что я соглашусь и что Аллах позволит мне войти в Дауку, а потом ты меня убьешь, как только будет брошен якорь?

— Клянусь Аллахом, я не собираюсь тебя убивать, — торжественно произнес Харит. — Я щедро вознагражу тебя.

Капитан недоверчиво покачал головой.

— Ты слышал обо мне? — спросил Харит.

— Слышал, — неохотно произнес капитан.

— Тогда ты должен знать, что я не убиваю тех, кто выполняет мои просьбы. Я награждаю тех, кто приходит мне на помощь в час нужды. Ты слышал об этом?

— Да, я слышал подобные разговоры. Но почему бы тебе не направиться в Лит или Джидду? Если даже я высажу тебя

в Лите, как ты доставишь своих паломников в Мекку к назначенному дню?

— У меня есть на то важные причины, — сказал Харит. — А что касается моих паломников, то не беспокойся, они попадут в Мекку в должное время.

— Если ты не выполнишь их ожиданий, у тебя возникнут неприятности.

— Это будут мои неприятности, а не твои. Ну так что ты решил, капитан?

— Я попытаюсь доставить тебя в Дауку, — сказал капитан. — Но, клянусь Аллахом, я не знаю, может ли мой корабль там пройти. Проход через рифы очень опасен, а у моего корабля низкая осадка.

— Я верю в твое искусство, — сказал Харит. — Я верю, что ты способен найти безопасный проход в порт.

Капитан пожал плечами:

— Все в руках Аллаха.

— Это правда. Но, капитан, мне нужно сказать кое-что еще.

— Говори.

— Мои помощники хорошо вооружены, и они начеку. Твои матросы не смогут застать их врасплох. И мои помощники знают Дауку не хуже меня. Если ты откажешься от своих слов и приведешь корабль в Джидду или Лит, они убьют тебя.

— Ну что ж! — воскликнул капитан. — Ты умный человек, Мустафа ибн-Харит, и ты прекрасно все продумал. Но не смей больше угрожать мне, если ты хочешь, чтобы этот несчастный корабль доставил тебя хоть куда-нибудь!

— Что ты, больше никаких угроз, — заверил его Харит. — Все уже сказано. Только если твои матросы...

— Мои матросы будут делать то, что я им скажу, — перебил его капитан. — Если будет нужно, они пойдут за мной и на коралловый риф, где, возможно, мы все и останемся. Пошли, послушаешь, как я передам твое безумное приказание рулевому.

Харит спрятал пистолет и пошел следом за капитаном. Рассеянные по палубе помощники торговца смотрели и вы-

жидали. Харит улыбнулся и подал знак, что все в порядке. Потом он поднялся на капитанский мостик.

— Курс на Дауку, — приказал капитан рулевому. — И не пьясь на меня так, обезьяна.

Рулевой был сомалийцем.

— На Дауку? — переспросил он. — Но, капитан, там же рифы...

— Заткнись, ублюдок недоношенный! — рявкнул капитан. — Я проплавал двадцать лет не за тем, чтобы каждый сопляк лез ко мне со своими поучениями! Может, тебя посетил ангел и теперь ты знаешь порты и рифы Аравии лучше меня? Курс на Дауку, идиот!

Рулевой с непроницаемым лицом повернул штурвал. Капитан смотрел, несколько успокоившись после устроенной рулевому выволочки.

Дхоу повернула чуть восточнее. Некоторых матросов это заинтересовало, но капитан прикрикнул и на них, и они вернулись к работе. Паломники ничего не заметили.

Харит посмотрел на подернутую легкой рябью поверхность моря. Рядом с кораблем вода была темно-синей; на гребнях волн плясали солнечные блики. Вдали же море напоминало расплавленное серебро и незаметно переходило в серебряно-белое небо. Где-то за этим сиянием лежала Аравия. За потоками серебра и золота прятались ее черные утесы.

Харит почувствовал покой и умиротворение. Он плыл к своей судьбе, предначертанной Аллахом. Он так же, как и все прочие люди, не мог знать, какую судьбу предопределил ему Аллах. Это оставалось тайной, но в этой тайне крылась надежда.

*22 августа 1952 года, Даука;
двенадцатый день Дха'л-Хиджа*

Глава 1

Под выцветшим от жары белесым утренним небом паломники высадились на потрепанный временем каменный причал Дауки. Теперь помощники Харита открыто шли с оружием. Паломникам они сказали, что это необходимо на

случай возможного налета. Паломники возражать не стали. Ни у одного из них оружия не было. Они доверяли Хариту во время тысячемильного пути через Африку и через Красное море, доверяли ему и сейчас; но все-таки вид пистолетов внушал им беспокойство.

В начале путешествия Чад и Судан казались им самыми диковинными и непонятными местами, которые только можно вообразить. И только сейчас, в Аравии, паломники осознали всю глубину своего заблуждения. Аравия была неизмеримо более чужой и угрожающей, чем любые земли, виденные ими до сих пор. И теперь, вместо того чтобы говорить о своих деревнях в Нигерии, Камеруне или Конго, хаджи принялись говорить о самой Африке. Когда они ступили на святую и чуждую землю Аравии, весь покинутый континент стал казаться им хорошо знакомым, близким и дорогим.

Стоя на пристани Дауки, хаджи шепотом переговаривались между собой. Но они не говорили о страхе, который внушало им оружие. Они слишком многим рисковали, слишком далеко заехали и слишком сильно доверились Хариту, чтобы теперь позволить себе терзаться дурными предчувствиями при виде нескольких пистолетов. Они не хотели облекать свой страх в слова. Они не могли поверить, что Харит способен оказаться предателем и обмануть их. И потому каждый из паломников подавлял свой страх и пытался убедить себя, что все в порядке.

Дхоу приблизилась к берегу на закате предыдущего дня. Она бросила якорь примерно в миле от берега, а с первыми лучами солнца двинулась дальше. Капитан то молился, то проклинал свой путь через песчаные отмели и коралловые рифы, при каждом повороте умирая от страха за корабль. На носу и на мачте сидели впередсмотрящие. Они всматривались в прозрачную воду и выкрикивали предупреждения, заведя темнеющий риф или мель. Капитан с рыданиями уворачивался то от опасности по правому борту, то от беды по левому. Дважды дхоу задевала корпусом за риф, и капитан скрежетал зубами. Потом дхоу каким-то чудом проскользнула в маленький, но глубоководный порт Дауки. Когда ко-

рабль причалил, капитан удалился в свою каюту в состоянии нервного возбуждения.

Через некоторое время капитан осознал, какое великое и замечательное деяние он совершил. Единственный из капитанов всего мира, он сумел провести в Дауку океанское судно. Все ориентиры запутанного маршрута накрепко запечатлелись в его памяти — и он единственный владел этим знанием! В настоящий момент оно не имело практической ценности, но зато подтверждало кое-что, о чем он давно догадывался: он — самый лучший и искусный капитан в мире.

Обдумав это, капитан вернулся на палубу и понаблюдал за высадкой последних хаджи. Когда Харит принес ему обещанное вознаграждение, капитан лишь покачал головой.

— Не нужно, — сказал он Хариту. — Честно говоря, для меня не было разницы, куда тебя доставить. Джидда, Лит, Даука или Аль-Квинфича — я могу ввести мой корабль в любой порт, куда только пожелаю. Мне безразлично, большой это порт или маленький. Я только хочу заранее знать, куда плыть — чтоб не беспокоить владельцев судна.

Харит продолжал настаивать, а капитан, сияя от гордости, отказывался дольше, чем того требовали приличия. Наконец он взял деньги со словами:

— Я принимаю это лишь для того, чтобы доставить тебе удовольствие. Но опытному капитану безразлично, в каком порту причаливать.

Харит поблагодарил капитана и рассыпался в похвалах его искусству. Потом он спустился на причал и присоединился к хаджи.

Под понукания помощников Харита паломники построились в колонну по четверо. Помощники встали по бокам колонны, а один — сзади. Харит прошел в голову колонны и сказал паломникам, что на окраине их ждут грузовики. Откуда-то появились несколько горожан. Неподалеку остановились два саудовских солдата. На них были белые одеяния, перехваченные нарядными кожаными поясами. Через правое плечо перекинута ружья. Оба солдата были с непокрытыми головами, и оба носили солнечные очки, такие, какие быва-

ют у американских военных летчиков. Когда хаджи проходили мимо, солдаты усмехались.

Харит повел паломников на главную улицу Дауки. Улица резко шла под уклон. Город был стиснут между узким побережьем и отвесными гранитными скалами Джабал-Хиджаза. По обе стороны улицы выстроились каменные дома. Их сложенные из грубого камня стены намекали на невероятное постоянство. Но это ощущение постоянства было лишь иллюзией; натканые вплотную дома опирались друг на друга в поисках поддержки, сцеплялись в отчаянной попытке удержаться и не сползти по крутой, изрезанной глубокими колеями дороге прямо в море. Узкие черные оконные проемы бесстрастно наблюдали, как паломники сражаются с крутым подъемом.

Взобравшись на склон, они оказались на перекрестке. В тени дома отдыхали еще несколько саудовских солдат. В пятидесяти футах от перекрестка возвышалось каменное здание караулки. Харит повел паломников к нему.

Он знал, что наибольшая опасность миновала. Если бы эль-Тикхейми хотел устроить на него засаду, он сделал бы это на узкой, карабкающейся вверх улочке. Харит прикинул, как бы это можно было устроить при условии, что он окружен паломниками и вооруженными помощниками и что сам он тоже вооружен и держится настороже. Впрочем, он знал, что против по-настоящему хорошо подготовленной засады не помогает ничего.

Теперь опасное место осталось позади. Он в безопасности. А завтра вся эта толпа хаджи больше не будет висеть у него на шее. Завтра он сможет отправиться, куда пожелает. Все его обещания будут выполнены, все долги уплачены. Завтра он будет свободен, забудет про лживых торговцев из Мекки и займется эль-Тикхейми.

Та узкая улочка давала шанс эль-Тикхейми. Но на что рассчитывал Дэйн? Неужели у него хватило глупости полагать, что христианин может арестовать мусульманина в Саудовской Аравии? Нет, этот человек не может быть глупцом. Возможно, Дэйн остался в Африке ожидать возвращения Ха-

рита. Но тогда он не сможет ничего доказать европейскому суду.

Входя в караульное помещение, Харит спрятал пистолет под одежду. Теперь все пойдет накатанным путем. Солдаты проверят его документы, потом потребуют документы паломников. Но у паломников никаких документов нет; они въехали в Саудовскую Аравию нелегально. Солдаты их арестуют, а судья назначит штраф. Когда они не смогут заплатить, судья объявит, что отныне они лишаются всех прав и привилегий. По законам Саудовской Аравии нелегальных иммигрантов следует продать в рабство, чтобы оплатить судебные издержки. Харит заплатит за них штраф и станет их первым владельцем. Потом он возьмет эскорт из солдат и отвезет рабов в Эр-Рияд или в Мекку, в зависимости от того, где в этом году лучше спрос. Но сперва ему следует выполнить то, что он обещал торговцам из Мекки, — отдать им лучших девушек и молодых юношей.

В караулке один из солдат взял документы Харита, изучил их, пожал плечами и передал другому солдату. Харит знал, чего они ждут. Он полез в кошелек и достал четыре серебряные монеты — в подарок. Первый солдат вышел из караулки.

Харит раскрыл ладонь, показывая блеск серебра, и собрался произнести любезную речь. Но прежде чем он открыл рот, оставшийся в караулке солдат повернулся, и Харит увидел его лицо. Это был Эчеверрия, невысокий молчаливый парагваец.

Харит потянулся за пистолетом. Он уже почти достал его, когда второй солдат ударил его прикладом ружья по руке. Пистолет упал в пыль. Харит бросился за ним. Приклад обрушился ему на загривок. Харит упал, извиваясь, как червяк, но не оставил своих попыток дотянуться до пистолета. Солдат пинком отшвырнул пистолет прочь и засмеялся, глядя, как Харит пытается подползти к нему. Солдат позволил торговцу приблизиться к пистолету на фут, потом снова огрел Харита прикладом по загривку. Харит рухнул лицом в пыль. Солдат подождал, не продолжится ли развлечение, но Харит не шевелился. Солдат наклонился и подобрал пистолет.

Глава 2

Придя в сознание, Харит обнаружил, что находится в маленькой полутемной хижине. У него ныл затылок и болел позвоночник. Но сейчас Хариту было не до того. Он пытался понять, что же произошло, как и почему.

Подняв голову, он увидел, что в углу хижины сидит парагвайский капитан и держит на коленях пистолет. Эчевеерья крикнул кому-то в дверной проем:

— Он пришел в себя!

— Это вы — агент полиции Дэйн? — спросил по-арабски Харит.

— Нет, конечно, — ответил Эчевеерья. — Вы знаете меня под моим настоящим именем.

— Значит, вы из Южной Америки?

— Да.

— Но вы говорите по-арабски. Сейчас вы даже выглядите, как араб.

— Моя мать была сирийкой, — сказал Эчевеерья.

— Это недоступно моему пониманию, — пробормотал Харит.

— Ничего, скоро вы все поймете, — пообещал Эчевеерья.

Дверь в хижину открылась, и вошел полковник Рибейра. Он кивнул Эчевеерье и посмотрел на Харита.

— Это вы — Дэйн, — сказал Харит, потом повторил то же самое по-французски.

— Совершенно верно. Я — Стивен Дэйн.

— Мы еще в Аравии?

— Мы находимся рядом с Даукой. Вы были без сознания около получаса.

— Я не нарушил ни одного аравийского закона, — сказал Харит.

— В самом деле?

— Да. Во всяком случае, власти Саудовской Аравии не предъявляли мне никакого обвинения.

— Нам об этом известно, — сказал Эчевеерья.

— Значит, вы собираетесь вывезти меня обратно в Африку?

— Нет, — ответил Дэйн.

Харит немного помолчал. Ему не хотелось вот так в лоб

спрашивать, что они собираются с ним делать. Он и так мог догадаться, каким будет ответ. Они позволят ему остаться в Аравии, только вгонят пулю в затылок. Но, придя к такому выводу, Харит тут же усомнился в нем. Если его хотели убить, почему они не сделали этого до сих пор? Ответ мог быть только один: прежде чем убивать, они хотели его допросить.

— Полагаю, вы хотите узнать имена моих деловых партнеров, — сказал Харит.

— Мы их уже знаем, — ответил Дэйн.

— Тогда что вас интересует?

— Ничего.

Харит недоумевал. Если они не собираются его допрашивать, то почему он все еще жив? Для чего его держат? Все стало бы ясно, если бы он спросил, что с ним собираются делать. Но Харит пока что не хотел задавать этот вопрос. Сперва следовало выяснить кое-что другое.

— Как вы сумели схватить меня здесь, в Аравии? Откуда вы знали, в каком порту я высажусь? Как вы смогли заручиться поддержкой саудовских солдат? И что с другими европейцами — они тоже в этом участвовали? Скажите мне, какую ошибку я допустил.

— Вы слишком торопитесь, — заметил Дэйн. — Я не могу ответить на все эти вопросы одной фразой.

— Тогда сначала скажите мне, в чем я ошибся.

— Вы не допустили никакой ошибки, — сказал Дэйн, — не считая того, что продолжали делать то, что делали.

— Я думал об этом, — сказал Харит. — Мне следовало остановиться раньше. Но это величайшая из человеческих слабостей — неумение остановиться вовремя. Я продолжал заниматься своими делами, а вы составили план против меня. Что это был за план?

— Ничего особо сложного, — ответил Дэйн. — Когда я взялся за это задание, я прочитал все, что смог найти о работе торговли и о здешнем законодательстве. Я понял, как хитроумно организована ваша деятельность и как трудно ей помешать. Честно говоря, сперва я не хотел браться за это дело. Я считал, что это вопрос политический, а не уголовный. Но потом я все-таки взялся за него. В Вашингтон поступило не-

сколько раздутых рапортов о вашей особе, и мне приказали заняться вами, не жалея ни средств, ни усилий, и остановить вас любым доступным мне способом.

— Да, вы действительно не жалели средств, — сказал Харит. — Прежде чем приступить к работе, вы два месяца отдыхали на Тенерифе.

— Строго говоря, я там не отдыхал, — возразил Дэйн. — Во-первых, я ждал начала хаджа. А во-вторых, учил испанский язык.

На лице Харита промелькнуло удивление. Потом торговец расхохотался:

— Испанский язык! Вы готовились к роли полковника Рибейры!

— Некоторая маскировка казалась мне необходимой, — сказал Дэйн. — В частности, потому, что я слышал о судьбе других полицейских агентов, следивших за вами.

— Да, маскировка была необходима, — признал Харит. — И все-таки я должен был вас вычислить. Я знал от Прокопулоса, что вы улетели на Тенерифе. Там говорят по-испански; а потом в Форт-Лами появились два господина, говорящие по-испански. Я должен был догадаться, но мне просто в голову не пришло, что агентов может быть двое.

— Я обратился за помощью к капитану Эчеверрье, — сказал Дэйн. — Я знал, что он владеет арабским языком, тогда как я им не владею. Также я знал его как опытного офицера полиции. И, что самое важное, мы с Эчеверрьерой служили друг другу телохранителями. Нам хотелось избежать неприятностей того рода, что произошла с ван Хаарнином и чуть не произошла с Мак-Кью.

— Действительно, вы всегда держались рядом, — пробормотал Харит. — Но полицейский с телохранителем — это же смешно.

— Очень смешно, — кивнул Эчеверрье. — Но необходимо.

— Согласен, — сказал Харит и на некоторое время задумался. — Я знал от Прокопулоса, что Дэйн встречался ночью на пляже с каким-то человеком. Это были вы, капитан?

Эчеверрье снова кивнул.

— И вы улетели в Кейптаун, чтобы позже присоединиться к Дэйну?

— Нет, — сказал Дэйн. — Эчеверрье отправился в Кейптаун по другой причине. Он пробыл там только один день, после чего присоединился ко мне в Дакаре.

— Ну что ж, — вздохнул Харит. — А теперь расскажите мне о других европейцах.

— О них нечего рассказывать. Я никогда прежде с ними не встречался. Насколько я понимаю, им ничего не известно об этом деле. У ван Хаарнина и Отта были свои проблемы, но нам это было только на руку.

— Если бы европейцев было меньше, все могло бы обернуться совсем иначе.

Дэйн покачал головой:

— Я связался с французскими властями еще до приезда в Форт-Лами. Если бы там не оказалось достаточного количества настоящих путешественников, направляющихся в Хартум и восточнее, мне пришлось бы кого-нибудь нанять, чтобы запутать вас. Я, собственно, на это и рассчитывал.

— О господи! Вы очень свободно обращаетесь с правительственными деньгами! — воскликнул Харит.

— Вы говорите, словно налогоплательщик, — хмыкнул Дэйн. — Но вы правы. Я не слишком церемонюсь с чужими деньгами. Мое правительство поручило мне работу. И все, что я потратил, я потратил на службе у правительства.

— Хорошо сказано, — произнес Харит. — Не хотел бы я быть вашим работодателем. Но, наверное, американское правительство знает, что делает. А теперь расскажите мне остальное.

— Думаю, в основном вам и так это известно, — сказал Дэйн. — Французские власти помогли мне, задержав ваш отъезд. Из-за этого у вас осталось времени в обрез. Мы с Эчеверрьерой сопровождали вас, чтобы быть уверенными, что вы не свернете куда-нибудь в Эфиопию или Эритрею. Не то чтобы мы этого от вас ожидали, а так, на всякий случай. Кроме того, наше постоянное присутствие должно было действовать вам на нервы. Мы не хотели, чтобы вы могли спокойно все обдумать, Харит.

— Мне не нужны были вы, чтобы сбивать меня с толку, — сказал Харит. — Для этого у меня был господин Прокопулос.

— Прокопулос поработал для вас лучше, чем вы считае-

те, — возразил Дэйн. — Когда мы прибыли в Форт-Лами, он оказался для нас неучтенным фактором. Мы проследили его обратно до Эль-Джезиры. После этого стало очевидно, что часть нашего плана раскрыта, но мы не знали, насколько много ему известно. Некоторое время мы даже считали, что весь наш замысел провалился. Нам повезло, что вы не очень доверяли Прокопулосу.

— Он был для меня таким же неучтенным фактором, как для вас, — мрачно сказал Харит. — Он отчасти понял ваш план, но знал он недостаточно. Почему вы тянули с его арестом до Хартума?

— Я не имею никакого отношения к его аресту, — сказал Дэйн. — Для меня это оказалось не меньшей неожиданностью, чем для вас.

Харит недоверчиво пожал плечами:

— Ну, неважно. А откуда вы узнали, что я высажусь именно здесь?

— Я этого не знал, но мог предполагать. Я был на дхоу, которая следовала за вами несколько миль вдоль берега. Капитан проследил ваш курс. Он вел прямо сюда. Конечно, курс можно было и изменить, так что я прикинул, куда еще вы могли направиться. Джидда отпадала. Это лучший порт на всем побережье, но там слишком много европейцев и слишком много мусульман — не арабов. Джидда не используется работоторговцами в качестве порта еще с конца Второй мировой.

— Это так. Но как насчет других портов от Хиджаса до Тихамы? Как насчет Йемена и Хадрамаута? Побережье Аравии тянется на тысячу миль.

— Больше, чем на тысячу, — поправил его Дэйн. — Но у вас был ограниченный выбор. Сперва я отбросил все порты севернее Джидды. Ближайший из них, в который может войти океанское судно, — это Айюна, а до нее от Суакина семьсот миль. Кроме того, сейчас в Красном море господствуют неблагоприятные ветры. Чтобы добраться до Айюны, вам потребовалось бы несколько недель тяжелого плавания. Я подумал, что этого вы делать не станете.

— А южные порты?

— Это было уже посложнее, — согласился Дэйн. — Но

здесь я тоже произвел некоторый отбор. От Дауки до Мекки по суше около ста пятидесяти миль. Если бы вы забрались слишком далеко на юг, в Ходейду, вам пришлось бы по дороге к Мекке проделать лишние три сотни миль — то есть вместе четыреста пятьдесят миль. А для ваших плохих дорог это немалое расстояние. По той же причине я отбросил Йемен и сосредоточил свое внимание на побережье между Литом и Квизаном. Здесь на двести пятьдесят миль береговой линии приходится всего четыре порта, пригодных для океанского судна. Это Лит, Даука, Аль-Квинфича и Квизан. Я послал своих людей во все четыре порта. Но на самом деле я рассчитывал только на два места: на Лит и Дауку.

— Так оно и вышло. Вы были правы, — признал Харит. — Но что, если бы я совершил что-нибудь непредсказуемое? Если бы я поплыл в Ходейду или вокруг Хадрамаута в Мукаллу или Рийян?

— Тогда бы я вас не поймал, — пожал плечами Дэйн. — По крайней мере, в этом году. Но мне повезло, вы пошли предсказуемым путем — в Дауку.

— Я направился сюда, потому что не верил, что вы сможете что-либо сделать со мной в Саудовской Аравии. Мне и сейчас в это не верится. Я не понимаю, как вы заручились поддержкой саудовских солдат, — они же все подкуплены.

— Эти люди — вовсе не саудовские солдаты, — сказал Дэйн. — Вы должны были бы знать, Мустафа ибн-Харит, что во время хаджа почти все войска короля Сауда находятся в Джидде, Мекке и Медине. Или вы никогда не совершали хаджа?

— Конечно, совершал! — возмущенно воскликнул Харит. — Давно, правда... Но если это были не саудовские солдаты, то кто тогда?

На порог упала тень. Харит понял, что кто-то слушает их разговор, стоя снаружи. Тень шевельнулась, и человек вошел в хижину.

Харит посмотрел на вошедшего, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимое выражение лица. Дальнейшие вопросы стали ненужными. Теперь он понял все — но было поздно.

Человек прошел на середину хижины.

— Здравствуй, Мустафа ибн-Харит, — сказал он.

— Здравствуй, Салех Мохаммед эль-Тикхейми, — ответил Харит.

Эль Тикхейми усмехнулся и повернулся к Дэйну и Эчеверрье.

— Друзья, прошу простить меня за задержку. Я получил ваше послание всего два часа назад, а добраться сюда из Лита довольно сложно. Ну как, вы узнали что-нибудь полезное от этой кучи верблюжьего навоза? Вы уже поговорили с ним?

— Мы еще не закончили, — ответил Дэйн.

— Ну что ж, пусть будет так, — сказал эль-Тикхейми. — Но вам следует поторопиться. Все устроено так, как мы и договаривались. Нельзя терять времени.

— Да, хорошо, — отозвался Дэйн и повернулся к Хариту: — Вы хотите еще что-нибудь спросить?

Глава 3

Мгновение Харит молчал. Эль-Тикхейми скалился как волк. Эчеверрье, сидевший в углу с ружьем в руках, напомнил статую, вырезанную из черного дерева. Дэйн стоял прямо и торжественно. Хариту просто не верилось, что это был тот самый человек, который путешествовал вместе с ним по Африке. Полковник Рибейра с его насмешливыми разговорами, с интересом к охоте, с легким намеком на порочность и с безукоризненно аристократическими манерами исчез. На его месте возник незнакомец, называющий себя Дэйном. В этом человеке не было ни легкой общительности Рибейры, ни его бросающихся в глаза мелких недостатков. Возможно, полковник Рибейра — это человек, которым Дэйну хотелось бы быть? «Возможно, — сказал себе Харит. — Возможно».

— Как вы нашли эль-Тикхейми? — наконец спросил он. — Как вы уговорили его сотрудничать?

— Найти его было нетрудно, — сказал Дэйн. — В каждой стране правительственные службы держат досье на известных работорговцев и на тех, кого в этом подозревают. Я просмотрел эти досье и выбрал эль-Тикхейми, поскольку он показался мне умным и честолюбивым человеком, к тому же привыкшим держать слово. Я послал ему телеграмму с Тене-

риффе. Он согласился встретиться с Эчеверрье в Кейптауне и выслушать деловое предложение.

— Но что вы могли ему предложить? — спросил Харит. — Что вы могли предложить такого, что удовлетворило бы его честолюбие?

— Я мог предложить ему вас, — ответил Дэйн. — Вас и ваш маршрут через южную Сахару.

Несколько секунд Харит изумленно смотрел на него, потом переспросил:

— Я не ослышался? Вы, агент полиции, отобрали маршрут работорговцев у одного человека, чтобы передать его другому?

— Именно это я ему и пообещал, — сказал Дэйн. — Эль-Тикхейми понравилась эта идея. Ловушка поджидала вас в Аравии еще до того, как вы покинули Форт-Лами. Впрочем, мы не учли возможности покушения, которое произошло в Саллуме.

— Ты вполне мог бы убить меня там, — вмешался в разговор эль-Тикхейми, — если бы у тебя хватило ума нанять мужчину, а не косорукую египетскую обезьяну.

— Я использовал то, что было под рукой, — сказал Харит. — Тебе тоже приходилось так поступать, эль-Тикхейми. — Торговец повернулся к Дэйну. — Я могу понять, почему эль-Тикхейми принял ваше предложение. Как вы и сказали, он умен, честолюбив и пользуется репутацией человека, умеющего держать слово. Но вы, мистер Дэйн... вас я не понимаю.

Дэйн не ответил.

— Вы — слуга закона, — продолжал Харит. — Но для того, чтобы поймать меня, вы заключили союз с другим работорговцем. Это кажется мне невероятным. Может, я ошибаюсь и здесь кроется какая-нибудь хитрость?

— Никаких хитростей, — сказал Дэйн. — Эль-Тикхейми выполнил свое обещание, а я намерен выполнить свое.

— Тогда вы просто отвратительны! — воскликнул Харит. — Вы отреклись от своей присяги закону. Да, вы устранили Харита, которого некоторые считают крупнейшим работорговцем. Но кого вы поставили на его место? Эль-Тик-

хейми! Умного, честолобивого, верного своему слову эль-Тикхейми! И что теперь эль-Тикхейми станет делать?

— Может, пнуть эту свинью в рыло? — спросил эль-Тикхейми.

— Не надо, — сказал Дэйн. — Пусть сам ответит на свой вопрос.

— Да, я отвечу, — сказал Харит. — Много лет я проповедовал в Африке, призывая правоверных совершить хадж. Я мирно провозил своих рабов через Африку, избавляя их от голода и невежества, и передавал хозяевам, которые лелеяли их, как родных детей. Но эль-Тикхейми не станет ничего проповедовать. Он будет добывать рабов традиционным способом — налетами. Разве не так, эль-Тикхейми?

Эль-Тикхейми усмехнулся и кивнул.

— Он будет совершать налеты, — продолжал Харит, — и хватать мужчин, женщин и детей, которых можно продать. Он будет убивать стариков, больных и калек и сжигать деревни. Он будет заковывать своих рабов в цепи и гнать их к Красному морю. Он будет двигаться по ночам, а днем прятаться. Он будет идти старыми путями через Сахару, через Ливийскую и Нубийскую пустыни. И сколько же рабов смогут перенести подобное путешествие? Сколько из них останутся в живых к тому времени, как их погрузят на дхоу? Я могу вам сказать, сколько: один из четырех, не больше. А от остальных останутся только скелеты, на которые будут время от времени наткаться суданские патрули. Вот кого вы поставили на мое место. А теперь скажите мне честно, мистер Дэйн: вы все еще считаете, что сделали хорошее дело?

— Да, — сказал Дэйн. — Я так считаю. Да, вы везли ваших рабов в лучших условиях, но в конце концов они оказывались там же. Вы проповедовали им во имя ислама, побуждали исполнить религиозный долг, а сами поработали тех, кто вам доверился. Эль-Тикхейми, по крайней мере, не пытается доказать, что он совершает благодеяние по отношению к своим рабам.

— Превосходно! — воскликнул Харит. — Вы ненавидите работорговлю, но при этом заключаете союз с работорговцем!

— Мой выбор был прост, — сказал Дэйн. — Я не могу

полностью уничтожить работорговлю. Все, что я мог, — убить одного из двух сотен работорговцев Северной Африки. И я устранил вас, воспользовавшись помощью эль-Тикхейми и передав ему ваш маршрут. Но дал ли я ему хоть что-нибудь на самом деле? С вашим исчезновением он и так захватил бы этот маршрут. А не он, так кто-нибудь другой из этих двух сотен. Пока эта торговля существует, уничтожение одного работорговца создает лишь место для другого. Вопрос лишь в том, кто именно будет занимать это место.

Дэйн замолчал на мгновение, потом продолжил:

— Харит, вы провозили своих хаджи через Африку в соответствии с африканскими законами. Потом в Аравии вы их поработали, уже в соответствии с аравийскими законами. На мой взгляд, вы — чрезвычайно опасный человек, куда опаснее любого налетчика. Когда страны, граничащие с Сахарой, захотят покончить с работорговлей, они примутся охотиться на эль-Тикхейми, как на дикого зверя. Но что они смогли бы сделать с вами?

— И правда — что? — сказал Харит. — По крайней мере, в одном вы правы: я опаснее, чем эль-Тикхейми.

— Хватит болтовни, — проронил эль-Тикхейми. — Времени больше нет. При всем моем уважении к вам, мистер Дэйн, я все же должен заметить, что вам стоило бы выяснить свои отношения с совестью где-нибудь наедине, а не здесь, при участии Харита.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Дэйн.

— Кроме того, — добавил эль-Тикхейми, — африканская полиция не станет охотиться на меня, как на дикого зверя. Они предпочтут найти себе дело полегче — они знают, что я вооружен и не уклоняюсь от боя. — Он вытащил из-за пояса револьвер и кивнул Хариту: — Пойдем, дорогой мой Мустафа, пойдем со мной.

Харит встал. Эль-Тикхейми подтолкнул его к двери, и Харит медленно двинулся вперед. Проходя мимо Дэйна, он сказал:

— Вы неплохо объяснили все остальное. А как насчет этого? Как это согласуется с американскими законами?

— Никак, — сказал Дэйн. — Но мы сейчас не в Америке,

не в Европе и даже не в Африке. А со здешними законами, как мне кажется, все это вполне согласуется.

— Не понимаю, — сказал Харит.

— Сейчас поймешь, — перебил его эль-Тикхейми. — Мистер Дэйн — великий поборник законности. А еще он умеет превосходно торговаться. Он даже уговорил меня отпустить твою последнюю группу паломников назад в Африку. А с тобой поступят по справедливости, Мустафа. Давай шевелись!

После того как оба работоторговца вышли, Дэйн и Эчеверья некоторое время сидели молча. Потом Эчеверья сказал:

— Давай-ка сваливать отсюда.

— А в чем дело?

— Ни в чем. Просто мне кажется, что лучше убраться отсюда, пока этому мяснику ничего не взбрело в голову.

— Эль-Тикхейми выполнит свое обещание, — сказал Дэйн. — Но ты прав — отсюда лучше убраться, и поскорее.

Когда они добрались до порта, люди эль-Тикхейми начали загонять паломников на дхоу. Хаджи шли вяло и неохотно. Если их сейчас вышлют обратно в Африку, они никогда уже не увидят священный город Мекку. Нельзя же всерьез рассчитывать, что найдется еще один такой же великодушный человек, как Мустафа ибн-Харит. Некоторые из паломников хотели остаться, но их со всех сторон окружали люди эль-Тикхейми — толкали паломников, грозили им оружием и вынуждали подняться на борт. Со стороны это напоминало стаю голодных волков, вынужденных охранять овчье стадо.

*23 августа 1952 года — 1 июля
1953 года;
отдельные дополнения
и уточнения*

Передав паломников хартумским властям для дальнейшей репатриации, Дэйн свалился с кошмарной дизентерией. Когда он выздоровел, они с Эчеверрией вылетели в Вашингтон. Впрочем, добрались они туда не скоро, поскольку по дороге сделали остановку в Испании, где и задержались на три месяца. На многочисленные и разнообразные официальные

телеграммы Дэйн отвечал, что считает нужным написать отчет, пока он ясно помнит факты. Эчеверья сообщил своему правительству примерно то же самое. У него в Испании было множество друзей и родственников, и капитану очень хотелось познакомить Дэйна с ними всеми, так что отчет они писали вместе — в Мадриде, Барселоне, Картахене, Малаге, Севилье и Хересе-де-ла-Фронтера поочередно. Когда тон поступающих из Вашингтона телеграмм из раздраженного превратился во взбешенный, Дэйн и Эчеверья вернулись в Америку.

Эчеверья провел в Вашингтоне всего несколько дней, после чего улетел в Асунсьон. Дэйну повезло меньше. Как он и опасался, его отчет пришлось переписывать и перепечатывать в соответствии со стандартами, принятыми в Центральном разведывательном управлении с 1946 года. Потом его пришлось печатать в трех экземплярах, а потом еще и составлять к нему примечания. После чего Дэйну пришлось предстать перед некоторыми чиновниками из Государственного департамента и изложить им информацию, позднее занесенную в разряд секретной, касающуюся политических перспектив и возможного будущего Чада, Судана и Саудовской Аравии. Дэйн, как опытный правительственный служащий, всего этого терпеть не мог. Но деваться было некуда, и он приготовился к этой беседе, прочитав несколько книг и некоторые документы все того же Государственного департамента о тех странах, о которых ему предстояло беседовать. Государство осталось довольным. Дэйн подал заявление об отпуске и еще одно — с просьбой о переводе на оперативную работу. Просьбу об отпуске отклонили, а заявление о переводе — его назвали временным, как и все прочие переводы Дэйна, — удовлетворили. В марте 1953 года Дэйн покинул Вашингтон и вернулся к работе.

Тим Мак-Кью закончил перестройку порта в Джидде, и его перевели на один объект в Верхней Бирме, связанный с контролем над наводнениями. Там он влюбился в девушку-бирманку, получившую европейское образование. Несмотря на сильное противодействие ее семьи, 23 мая 1952 года они поженились.

Мак-Кью повез молодую жену в свадебное путешествие в

Японию, а потом обратился в гонконгское отделение своей компании с просьбой о переводе. В июне 1953 года чета Мак-Кью поселилась в Коулуне и занялась ведением домашнего хозяйства.

Майор Харкнесс обнаружил, что жить в протекторате Аден даже интереснее, чем в англо-египетском Судане. К марту 1953 года майор был занят тем, что пытался прекратить небольшую, но упорную трехстороннюю войну между двумя враждующими племенами северного Адена и одним племенем из южного Йемена. Время от времени йеменцы проникали в Аден — эти две страны не имели четко установленной границы — и поддерживали то одно, то другое из здешних племен. Понять, к кому они относятся благосклонно — кроме самих себя, конечно, — не представлялось возможным. Точно так же оставалось непонятным, из-за чего воюют йеменцы: ради добычи, ради славы или просто из любви к искусству? Причина вражды вообще оставалась тайной за семью печатями.

Когда дипломатия себя исчерпала, Харкнесс привлек к этому делу войска. Не мудрствуя лукаво, он громил всех участников военных действий. При военном опыте майора и современном вооружении его войск разгром всех трех племен не занял много времени. В последнем сражении, проходившем в горах неподалеку от Вади-Хабауна, Харкнесс получил пулю в грудь. Столичный хирург спас ему жизнь, но в начале июня майор был признан негодным к службе по состоянию здоровья и отправлен в Англию. Харкнесс сохранил извлеченную из его тела пулю — единственный сувенир, оставшийся у него после девяти лет службы за границей.

Полковник Фрэнк Пэррис некоторое время продолжал командовать базой бомбардировщиков в Эль-Джезире. Он приобрел хорошую репутацию у отдела военной разведки в Триполи, поскольку теперь его имя было связано с устранением самого известного работаргольца в Северной Африке. Но финансовый отдел относился к майору все так же подозрительно, поскольку вопрос о пропавших грузовиках, нескольких сотнях «спрингфилдов» и нескольких тысячах комплектов обмундирования продолжал оставаться открытым. Пэррис прочел письма, начертанные на стене, и решил,

что служба в армии в мирное время — это не его призвание. И он покинул армию — с почетной отставкой, несколькими медалями и пенсией. Майор вернулся к себе на родину, в Лос-Анджелес, где и открыл магазинчик по продаже подержанных автомобилей. Похоже, он обладал особыми способностями в этой области. По крайней мере, к 1 июля 1953 года его заведение процветало.

В Мерое доктор Эберхардт усердно трудился в составе экспедиции Беккермана. Сотрудники считали его спокойным, надежным человеком, достаточно понимающим юмор, хотя и не обладающим особым воображением. Эберхардта уважали, поскольку на него всегда можно было положиться. Сам Беккерман заявлял, что доктор Эберхардт — человек нетемпераментный. Его слова были опровергнуты в апреле 1953 года, когда доктор Эберхардт получил тяжелейшее нервное расстройство.

Некоторые считали, что во всем виноват климат, другие говорили, что в тихом омуте черти водятся. Но потом кто-то вспомнил, что перед тем, как его постиг упадок сил, доктор Эберхардт прочел свежий археологический отчет. В отчете сообщалось о деятельности молодого канадского археолога по имени Бернс — скорее удачливого, чем опытного. Этот Бернс, ведомый лишь предчувствиями, приехал в суданский город Суакин и обнаружил там, как некогда Шлиман Трою, руины легендарной Добары. Некоторые из сотрудников почувствовали, что именно это открытие и вызвало шок у Эберхардта; они припомнили, что доктор интересовался сабеанскими городами.

Вернувшись в Европу, Эберхардт успешно восстановил свое здоровье и принял предложенное ему место преподавателя в Боннском университете. Он поклялся, что никогда больше не станет заниматься раскопками.

Эль-Тикхейми, не теряя времени, утвердился на старом маршруте Харита. О его дерзких налетах в Верхней Вольте и французском Судане ходили легенды. Не менее прославились его молниеносные нападения на деревни северной Нигерии, Чада и провинции Дарфур. Наконец полиция и армия объединились и разработали план совместных действий. План так и не пригодился, поскольку эль-Тикхейми был убит

умным и честолюбивым молодым туарегом из Агадеса, который реорганизовал работоторговлю в Сахаре в соответствии со своими представлениями. Полиция и армия начали продумывать новый план, но втайне надеялись, что появится кто-нибудь еще и избавит их от необходимости устраивать засаду на налетчика.

Лесли Гастингс, временно исполняющий обязанности начальника эль-фашерской полиции, продолжал поиски убийцы ван Хаарнина. Компания «Де Бирс» не сообщила ему никаких сведений, а ответы из крупнейших городов Алжира, Туниса, Ливии и Египта не содержали ничего утешительного. Тогда Гастингс перенес внимание на юг, и это принесло немедленные результаты. Занзибарская полиция сообщила о нескольких убийствах, выполненных в той же манере, что и убийство ван Хаарнина. Занзибарцы считали, что это была работа наемного убийцы, профессионала. Наиболее вероятным подозреваемым считался невысокий, рыжий, рябой выходец из Ирака по имени Мохаммед Миджибил. Ордер на его арест был выписан, но так и не пригодился. Миджибила не смогли найти.

В течение нескольких месяцев Гастингс обнаруживал следы Миджибила в архивах полиции Дар-эс-Салама, Момбаши, Энтеббе и Вау. После посещения этих городов Миджибил попал в Эль-Фашер, убил ван Хаарнина и сразу покинул город. След вел в Маракеш, оттуда — в Рабат, где и обрывался. Гастингс так и не сумел выяснить, что же случилось с Мохаммедом Миджибиллом — то ли он остался в Марокко, то ли подался еще куда-нибудь на поиски счастья.

Гастингс записал собранные сведения и переслал их в Хартум. Он сделал все, что мог, дальше пусть разбирается начальство. Гастингс постановил считать дело ван Хаарнина закрытым и взялся за другие дела.

Несколькими месяцами раньше хартумская полиция арестовала Прокопулоса по подозрению в контрабанде алмазов. Они исходили частично из косвенных данных, сообщенных Гастингсом, частично из собственных сведений. Полицейские тщательно обыскивали багаж Прокопулоса, прощупали каждый шов в его одежде и даже отправили грека на рентген, чтобы убедиться, что он не проглотил алмазы. Они

так ничего и не нашли. Полицейские неделю продержали Прокопулоса под арестом, после чего с огромной неохотой отпустили.

Прокопулос потерял два алмаза и возможность проверить прибыльное дельце с Харитом. Кое-как примирившись с этими потерями, он сел в поезд, идущий до Вади-Халфы, потом спустился по Нилу до Асуана, а оттуда отправился в Каир.

Там Прокопулос с головой погрузился в дела, а в марте вернулся в Бенгази. Но прежде чем покинуть Каир, грек отправил два анонимных письма: одно — в хартумскую полицию, второе — в бейрутскую. В этих письмах он изложил все, что знал об алмазах, похищенных Оттом у компании «Де Бирс». Даже много месяцев спустя при воспоминании об этих письмах у Прокопулоса теплело на душе.

Хартумская полиция очень заинтересовалась Чарльзом Оттом. Они получили анонимное письмо, касающееся этого человека, а через некоторое время в Хартум прибыла группа южноафриканских детективов, идущих по следам Отта от самого Йоханнесбурга. Кроме того, они заподозрили в соучастии одну старую прачку из Омдурмана.

Сколько помнили все соседи, эта прачка всегда жила в нищете. Но в один прекрасный день на нее снизошло процветание. Прачка бросила работу, купила небольшой домик и вышла замуж. Такая резкая перемена в ее судьбе вызвала множество слухов. Их было так много, что даже в полиции заинтересовались, откуда это вдруг у нищей прачки появились деньги. Полицейские спросили ее об этом, но получили крайне уклончивый ответ. Инспектор допросил ее еще раз. Прачка сказала, что получила кое-какое наследство от дальнего родственника. От какого именно — она не помнила.

Тогда полицейские изучили покупку дома. К делу оказались причастны торговец недвижимостью, меняла и торговец драгоценностями. При допросе торговец драгоценностями сообщил, что прачка продала ему два необработанных алмаза, которые он позже перепродал другому торговцу. Полиция проследила, как эти камни сменили четырех хозяев, причем каждый новый был богаче предыдущего. Пятого покупателя, некоего сирийца из Алеппо, найти не удалось.

Прачку вызвали в полицейский участок и допросили. Она снова изменила показания. На этот раз она заявила, что нашла алмазы, подобрала их в канаве неподалеку от хартумского полицейского управления. Сперва она подумала, что это просто симпатичные, но ничего не стоящие камушки и что их кто-то потерял. Потом ей стало интересно: а вдруг они все-таки что-нибудь стоят? Почему бы, собственно, им не иметь своей цены? Поразмыслив, прачка отправилась к самому невежественному из омурманских торговцев драгоценностями и сказала ему, что это алмазы. Она и сама в это не верила, но торговец поверил и заплатил ей кучу денег.

Полиция так и не смогла опровергнуть эту нелепую историю. Они отпустили прачку, но несколько месяцев продолжали наблюдать за ее домом и за ней самой. Полицейские хотели знать, не найдет ли она еще несколько алмазов в канаве.

Теперь они еще сильнее желали побеседовать с мистером Оттом. Но здесь возникли некоторые трудности.

Чарльз Отт знал, что в Каире ему нужно сделать пересадку и улететь куда-нибудь в другой город: в Афины, Рим, Стамбул, Марсель, Париж или Лондон. Загвоздка была в том, какой город выбрать. Отт был чудовищно слаб, его почти все время трясло в лихорадке. Он не мог сосредоточиться, не мог решить, какой из этих городов безопаснее. Иногда он даже не мог вспомнить их названий. Единственным городом, который он помнил, был Бейрут. Первоначально он выбрал этот город скорее в качестве отговорки, чем в качестве реального места назначения, но теперь воспаленное сознание заиклось на нем. Бейрут казался Отту целью, которой необходимо достичь, спасительной гаванью и средством от болезни. И потому он полетел в Бейрут.

До прохода таможенного досмотра Отт кое-как держался, а затем впал в кому, и его увезли в больницу. Врач заявил, что пациент жив лишь каким-то чудом. Помимо гепатита он подхватил еще и пневмонию. Врачи согласились, что этого и следовало ожидать. Они сделали для больного все, что было в их силах. Самые оптимистичные из врачей полагали, что он может протянуть еще с неделю.

Отт принял вызов. Так же, как раньше он обвел вокруг пальца могущественную корпорацию «Де Бирс», так теперь

он опроверг расчеты высокоученых медиков. Он уперся на своем и отказался умирать. Он лежал на больничной кровати, словно укутанный в простыни желтый труп. Глаза его были затянуты пеленой, грудь едва приподнималась. Его приходилось постоянно держать под капельницей. Отт не умер, но и живым его назвать было трудно. Больной или здоровый, Отт оставался закоренелым индивидуалистом.

Две недели спустя, когда полицейские Хартума и Бейрута получили касающиеся его анонимные письма, Отт был все еще жив. Он оставался жив и еще через неделю, когда южноафриканское правительство сделало официальный запрос о нем. Да, Отт был жив, но допросить его было невозможно. Он по-прежнему не приходил в сознание.

Ливанская полиция нашла в обшлагах брюк Отта похищенные алмазы. Двух камешков не хватало. Эта информация пошла в Хартум и в Преторию. Полиция Хартума решила обвинить Отта в контрабанде. Они потребовали выдать преступника им, когда тот придет в себя, — если, конечно, придет.

Возможно, их требование и удовлетворили бы, но дело усложняло еще одно официальное требование о выдаче, исходящее от Южноафриканского Союза. Ливанский чиновник ответил представителю Южноафриканского Союза, что якобы похищенные алмазы будут им возвращены, но предполагаемого вора они не получают. В выдаче было отказано, но сказано было, что его привлекут к судебному разбирательству. Прodelав это, чиновник вернулся домой и прочел жене лекцию о вреде апартеида.

На следующий день этому же чиновнику поступило требование о выдаче, исходящее от хартумской полиции. Поскольку только накануне чиновник отказал южноафриканцам, он подумал, решил быть беспристрастным и отказал и суданцам тоже.

Отт ничего этого не знал. Он не знал, что лишился алмазов и что избежал ареста. Он по-прежнему оставался без сознания.

Месяц спустя он начал понемногу приходить в себя, и тут персонал больницы обнаружил, что у них на руках оказался нищий. Они провели собственное расследование и узнали,

что у Отта есть отец и два брата, проживающие неподалеку от Блумфонтейна. Пригрозив отправить пациента в приют, они заставили родственников оплатить счет за лечение.

В марте Отт почти выздоровел. К этому времени он все-таки оказался в приюте, поскольку его семья не могла или не хотела продолжать платить за него. Но в приюте Отт стал поправляться даже быстрее, чем раньше. К маю он уже мог вставать и понемногу ходить. Врач предсказывал, что к июню больной окончательно выздоровеет.

Но вместо этого Отт снова заболел пневмонией. В июле он был еле жив, и похоже было, что долго он не протянет. Но на этот раз ни один врач не брался что-либо предсказывать. Отт уже раз оставил их в дураках, и врачи подозревали, что он выживет и теперь — им назло.

В середине августа, прождав в Омдурмане восемь месяцев и так и не дождавшись никаких сведений о Харите, Одэ окончательно потерял терпение. Он покинул Судан и отправился на юг, в Эритрею. Юноша был угнетен и разъярен и уже начинал подумывать о том, чтобы забросить поиски и вернуться в Ишан. Но Одэ никак не мог заставить себя сделать это.

В Асмаре он нашел работу лесоруба и там же услышал первые новости о Харите. Кто-то кому-то рассказывал, что король Сауд пригласил к себе святого Мустафу и подарил ему дворец в Эр-Рийяде, и что святой Мустафа поклялся провести остаток своей жизни в размышлении и молитве.

Одэ в это не поверил. Он покинул Асмару и пешком прошел шестьдесят миль до порта Массавы. Там он услышал совершенно другую историю, причем рассказчик клялся, что услышал ее от человека, который все это видел своими глазами.

Похоже было, что в арабском городе Дауке Харита постигло величайшее несчастье. Святой человек был схвачен безбожными врагами, которых возглавлял хитрозлобный Салех Мохаммед эль-Тикхейми. Благодетель бедняков стал беспомощным пленником, и, казалось, ему не на что было больше надеяться.

Но Аллах не оставил своего раба! С востока примчались на быстрых верблюдах родственники Харита, спасли благодетеля и исчезли вместе с ним. Эль Тикхейми и его люди

были вне себя от ярости, но спасители ушли в Руб'аль-Хали, смертоносную пустыню, куда даже бедуины стараются не заходить.

Наверное, благоволение Аллаха было с ними, потому что беглецы спаслись не только от врагов, но и от ужасной пустыни. По совету своих родственников Харит уехал в Оман, оттуда — в Бахрейн, а уже оттуда — на остров Дхораи в Персидском заливе. Там, обезопасив себя от гнева эль-Тикхейми, Харит и обосновался. Он купил себе богатый дом с роскошной обстановкой и достиг видного положения, занявшись добычей жемчуга. Так Аллах награждает тех, кто предан ему!

Одэ бродил по окраинам Массавы, не замечая, куда идет. Юноша был вне себя от горя и ярости. Он проклинал слепоту Аллаха и человеческую глупость. Он проклинал неумолимую судьбу, землю, море и воздух, все, что бегает, плавает или летает. Ему казалось, что земля и небо насмеются над ним. Его, рожденного свободным, обратили в рабство, а человек, который это сделал, наслаждался всеми радостями этого мира и надеждой на рай. Даже деревья смеялись над ним. Одэ достал нож, попробовал пальцем остроту лезвия, потом прикинул, как удобнее вонзить его в горло.

Но он не стал этого делать. Его удержали внезапно нахлынувшая усталость и страх. Одэ воткнул нож в землю, очистил лезвие и снова спрятал его под набедренную повязку. Юноша сел на землю и сидел, пока его гнев не улегся и пока к нему не вернулась способность рассуждать.

Ему осталось лишь одно: отправиться на этот остров Дхораи и настичь Харита посреди его процветания. Да, именно так. Он настигнет его вечером, в саду. Женщины кинутся врассыпную, словно стая спугнутых бабочек. Харит узнает, что рука человека карает преступника даже тогда, когда рука Аллаха отступает от него. Нож Одэ будет наносить удар за ударом. Он убьет Харита, а потом друзья Харита убьют его самого.

Одэ сидел в сумерках и обдумывал свой план. Он показался ему хорошим. Юноша даже решил, что, может быть, это и к лучшему — пусть Харит богат, уважаем и живет в мире. Зато смерть потрясет его, словно гром среди ясного неба. Да, он должен немедленно отправиться на Дхораи.

Но пока у Одэ появилась возможность выбраться из Мас-савы, прошло почти три месяца. За время юго-западного муссона на Аден ушло всего несколько дхоу, и на всех судах команда была полностью укомплектована. Но с начала декабря задул северо-восточный муссон, и дхоу снова принялись курсировать между Африкой, Аравией и портами Персидского залива. Одэ нашел капитана, которому нужны были люди. Поскольку Одэ совершенно не знал морского дела, он подрядился работать только за еду и место для сна.

Плавание было бесконечным. Капитан плыл вдоль южного побережья Аравии и заходил в каждый порт, в котором можно было продать лишнюю пригоршню сушеных фиг. После Адена он завернул в Шукру, Аквар, Хауру, Маквдаху и Мукаллу. Две недели капитан простоял в Рийяне, после чего, к удивлению команды, приказал без остановок плыть в Альдазир в Омане. Здесь он задержался, размышляя, а не сплавить ли ему в Индию. Одэ тем временем размышлял, не удрать ли ему с корабля. Но в конце концов капитан все-таки направился в Персидский залив, решив воспользоваться благоприятным ветром и лишь ненадолго задержавшись в Мускате, Дхадне, Шарье, Дохе и Бахрейне.

Крайней точки своего маршрута, острова Дхораи, он достиг в конце марта. Отсюда капитан собирался повернуть на юг и плыть обратно в Африку, в Массаву или в Ассаб, а может, в Джибути или Дар-эс-Салам. Поскольку за четыре месяца плавания Одэ кое-чему научился, капитан милостиво предложил ему половину жалованья матроса.

Одэ заколебался. Если он поплывет на этой дхоу, то сможет сойти на берег где-нибудь в Восточной Африке. Конечно, до Ишана по-прежнему будет много месяцев пути, но зато он сможет двигаться по суше и нигде не задерживаться. Иногда можно будет остановиться и немного поработать, иногда подъехать на попутной машине. Но в конце концов он доберется домой.

Одэ очень хотелось принять предложение капитана, но юноша помнил, зачем он приплыл на Дхораи. А после того, как он убьет Харита, он, скорее всего, сам будет убит. Но даже зная это, Одэ не смог заставить себя окончательно отказаться от этого предложения. Юноша сказал капитану, что поплы-

вет с ним обратно, если на то будет воля Аллаха. Капитан принял это за изъявление согласия. Потом Одэ отправился в город.

Он шел по бесконечным улицам и расспрашивал людей, где находится дом богатого и благочестивого Мустафы ибн-Харита. Он придумал какую-то отговорку на тот случай, если кто-нибудь поинтересуется, зачем ему нужен Харит, но никто не задал юноше этого вопроса. Местные жители никогда не слыхали о Харите.

Это казалось невероятным — но дело обстояло именно так! Люди один за другим качали головами и отвечали, что впервые слышат это имя. Одэ с ужасом начал подозревать, что история, услышанная им в Массаве, была лживой от начала до конца, что он напрасно проделал это длинное путешествие и что Харит может находиться в любом уголке мира. Нетвердой походкой юноша вернулся в порт.

В это время как раз вернулись с моря лодки ловцов жемчуга, и в порт явились торговцы, чтобы посмотреть на дневной улов. Они страстно торговались и клялись своими бородами, но Харита среди них не было. Наконец Одэ спросил о нем у одного местного капитана.

— Ты говоришь — Мустафа ибн-Харит? — переспросил капитан и как-то странно взглянул на Одэ.

— Да, — ответил юноша, — я ищу богатого и благочестивого Мустафу ибн-Харита, чтобы попросить у него благословения.

— Ну что ж, — сказал капитан. — Ты сможешь найти этого богатого и всеми уважаемого человека на пристани, за десятком судном отсюда.

Одэ пошел к десятому судну. Перед ним так же, как и перед остальными, стояли несколько купцов и торговались с капитаном. Одэ положил руку на рукоять ножа и шагнул вперед.

Он всматривался в торговцев, стараясь напустить на себя вид зеваки, которому просто нравится послушать хороший спор. Но среди торговцев Харита не было, и капитаном тоже был не он. Одэ повернулся, чтобы уйти, и у него перехватило дыхание. В пяти футах от него на палубе судна сидел Мустафа ибн-Харит.

Одэ во все глаза смотрел на своего врага. Черты лица Харита остались прежними, но кое-что в его внешности все же изменилось.

Харит больше не носил богатых одежд. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки. Голова его была обрита. Харит выглядел очень худым. На шее у него что-то блесело. Сперва Одэ принял это за амулет, но потом увидел, что это ошейник.

Одэ понял, что Мустафа ибн-Харит сидел среди ловцов жемчуга и сам был ловцом. И только под конец юноша понял, что работорговец Харит сам превратился в раба.

Немного опомнившись, Одэ отошел от ловцов, нашел одного из помощников капитана и спросил у него о Харите.

— Об этом? — переспросил помощник. — Я слышал, что его купили в арабском городе Даука. Его продали группе оманцев.

— Но почему?

— А кто его знает, — пожал плечами помощник. — Некоторые говорят, что он нарушил законы Саудовской Аравии — нелегально ввез в Дауку людей. Его застукали и оштрафовали, а когда он не смог заплатить штраф, продали в рабство для покрытия судебных издержек. Другие говорят, что его поймали и продали его враги. А мне лично вообще нет до него дела. Этот человек — всего лишь раб.

— Да, он всего лишь раб, — согласился Одэ. — Но я знал его раньше. Скажи мне, что он за раб? Причиняет ли он тебе беспокойство?

— Сперва я думал, что мне придется его убить, — сказал помощник. — Он совершенно ничему не обучен. Оманцы продали его в Хасан. Этот человек был плохим рабом, поэтому его перепродали в Бахрейн. Он по-прежнему был плохим рабом, потому его перепродали сюда. Никто из его владельцев не смог сломить его мятежного духа. Чтобы научить его почтительности и повиновению, понадобились такие люди, как мой капитан и я. Но даже здесь он чуть не умер, пока научился вести себя прилично.

— Но он не умер, — сказал Одэ. — Он предпочел остаться в живых.

— Это правда, он предпочел остаться в живых и стал по-

слушным и понятливым. Он неплохой ныряльщик. Правда, он начал заниматься этим в таком возрасте, что искусным ловцом жемчуга ему уже не стать, но он старательно работает, и я им вполне доволен. Как ты можешь видеть, он силен и вполне протянет еще лет пять.

— А потом?

Помощник пожал плечами. Одэ кивнул, продолжая держать руку на рукояти ножа. Он не мог оторвать взгляда от Харита.

— Он выглядит очень худым.

— Так и положено, — сказал помощник. — Ловцы жемчуга не должны много есть, иначе они будут плохо нырять.

— Я запомню это, — сказал Одэ. Он поблагодарил помощника и подошел к Хариту. Когда юноша остановился перед бывшим работорговцем, он почувствовал, что у него дрожат колени. Через несколько секунд Харит поднял голову.

— Ты меня помнишь? — спросил Одэ.

Некоторое время Харит молча разглядывал юношу, потом сказал:

— Нет, не помню. А что, я должен тебя знать?

По лицу Харита Одэ понял, что тот говорит правду. В конце концов, тот, кто продал в рабство тысячи людей, не обязан всех их помнить в лицо.

— У тебя нет никаких причин помнить меня, — сказал Одэ. — Я думаю, тогда ты был другим человеком.

Юноша быстро повернулся и ушел. Вечером он вернулся на свою дхоу, а три дня спустя они вышли в море. И только тогда, когда остров Дхораи скрылся за горизонтом, Одэ позволил себе подумать о Харите.

«Это самая лучшая месть, — думал Одэ. — Я был рабом, а теперь Харит сам стал рабом, несчастнейшим из несчастных. У него впереди пять мучительных лет, а потом он умрет либо станет бесполезен, и хозяин вышвырнет его на улицу. Да, это замечательная месть. Я рад, что не убил его».

Одэ улыбнулся и посмотрел на море. Но потом он подумал: «Нет, это не самая лучшая месть. Лучше жить — пусть даже очень плохо, — чем умереть. Даже несчастный нищий калека цепляется за жизнь. Клянусь Аллахом, мертвым быть хуже. Я должен был все-таки убить его. Я увидел Харита ра-

бом, и это было так замечательно, что я успокоился. Но кому ведома воля Аллаха? Кто может сказать, сколько проживет Харит: пять лет или пятьдесят? Умрет ли он от голода на Дхораи или сбежит на каком-нибудь судне, как это сделал я? Или, возможно, его спасут друзья? Людям не дано этого предугадать! Неизменна лишь смерть. Путь к дому лежал на острие моего ножа, а я упустил удобный случай».

Одэ, охваченный душевной болью, посмотрел назад, где скрылся за горизонтом Дхораи. Он сказал себе, что должен в первом же порту покинуть дхоу, вернуться на Дхораи и совершить то, что намеревался.

Потом его чувства прояснились, и Одэ начал мыслить спокойнее. Он сказал себе: «Я не вернусь на Дхораи. Если бы мне было предназначено убить Харита, я сделал бы это тогда, когда мне представился удобный случай. Раз я этого не сделал, то теперь я должен положиться на справедливость Аллаха. Но поскольку правосудие уже свершилось, моя судьба больше не связана с судьбой Харита. Теперь я свободен и могу вернуться домой, в Ишан».

БЕЛАЯ СМЕРТЬ

Глава 1

Мой дом находится почти в центре Исфагана. Это не-большой, но уютный особнячок, позади которого разбит тенистый сад. Как-то во второй половине дня, когда я сидел в саду, читая газету, моя матушка выбежала из дома в крайнем волнении.

— Ахмед, — сказала она, — Кефтия хочет тебя видеть!

— Кто тебе это сказал? — спросил я.

— Сам Кефтия, начальник полиции!

— Ну что за неожиданная радость, — отозвался я. — Пусть слуга проведет его в сад.

Услышав мои слова, матушка ударилась в слезы.

— Ох, господи, — запричитала она. — Что ты натворил, Ахмед? Что нужно от тебя полиции?

— Да ничего я не делал, — сказал я ей. — Речь, вероятно, будет идти о каком-нибудь общественном поручении.

Она мне, конечно, не поверила, и тут в сад ворвался мой отец.

— Ахмед, еще не поздно убежать через стену. Спрячься у Али в доме, а я использую все свое влияние в Тегеране...

— Ваши страхи совершенно беспочвенны, — заявил я. — Я не виновен ни в каком преступлении. Пожалуйста, проводите гостя в сад.

Некоторое время родители молча смотрели на меня.

— Ладно, — наконец сказал отец. — Может быть, лучше остаться и все отрицать. Да, я думаю, ты прав, Ахмед. Сейчас я его приведу.

Они с матерью ушли прежде, чем я смог вставить хотя бы слово. Никого из представителей старшего поколения невоз-

можно убедить в том, что визит полицейского может означать нечто иное, нежели арест и заключение под стражу.

В бесшабашные дни моей молодости я совершил один-два неосторожных поступка, но это было очень давно. И теперь я не мог придумать никакой причины, которая могла бы привести ко мне начальника полиции. Так что я ждал его с некоторым опасением. Кефтия, говоря по правде, имел несколько зловещую репутацию. Он совершенно честный человек, но слишком хитрый. Его любовь к ненужным сложностям часто приводила к ненужным смертям. Зная это, я изо всех сил пытался разгадать истинную цель его визита...

Меня зовут Ахмед Аботай эд-Дин. Я родился здесь, в Исфагане, самом прославленном из великих городов Ирана. Мой отец происходит из старой семьи тегеранских землевладельцев, для которой с падением Резы-хана настали плохие времена. Моя мать — из бухарской знати, сильно поредевшей после смерти последнего эмира. Она дала мне монгольское имя Аботай и заставила выучить язык ее народа и ее родословную, которую она возводила к хану Узбеку.

Мои родители часто спорят об относительной чистоте и благородстве своих родословных. Что касается меня, то, когда я вырос, меня перестали заботить древняя знатность или минувшая слава. Я решил проложить свою дорогу в этом мире, а не обитать в мире, давно исчезнувшем.

У меня были склонности к языкам и искусству, и я поступил в Тебризский университет. Я проучился там два года, но мое образование было прервано Второй мировой войной. Я способный переводчик и поэтому исполнял особые поручения вместе с разными британскими и американскими офицерами.

В те годы я много путешествовал — на запад до самого Стамбула, на восток до Кабула и даже дальше. Я научился разговаривать с турками, арабами, афганцами, армянами, туркменами и курдами, с киргизами и бактрийцами на их языке. К концу войны я скопил достаточно денег, чтобы купить домик с садом и нанять слугу. Мы с родителями наслаждались скромным процветанием, но конец войны означал

конец моих перспектив. Неожиданно из Ирана исчезли молодые американские офицеры — вместе со всеми своими интригами, удивительным снаряжением, многозарядными ружьями, личными желаниями и любовью к приключениям. Стало трудно найти работу даже квалифицированному переводчику. Я довольствовался должностью переводчика в Абадане, где наставлял угрюмых арабов и немытых аборигенов в их новых обязанностях.

А теперь даже такая работа пришла к концу, поскольку большинство арабов были суннитами, и они заявили, что не желают иметь дело с шиитом, то есть со мной. Кроме того, они обвинили меня в нечестности. Я защищался до последнего, но меня все же уволили. Я вернулся в Исфаган, и опять у меня не было никаких перспектив. Я стал серьезно подумывать о том, чтобы заняться торговлей. Вот как низко я пал.

И вдруг я понадобился начальнику полиции.

Слуга провел его в сад и направился к дому. Я крикнул ему вслед, чтобы он принес чай, и поднялся навстречу гостю.

Начальник полиции Кефтия мало изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Это был невысокий лысеющий человек, толстый, как турок, с холодными пронизательными глазками. Из-за своей тугой портупеи он напоминал мне свинину по-польски. Однако я придержал эту шуточку про себя и гостеприимно осведомился о здоровье Кефтии.

— Я вполне здоров, мой дорогой Ахмед, — сказал Кефтия. — Если не считать случайных приступов астмы. Но, конечно, с годами мы не становимся моложе, увы.

— Печально, но это так, — поддакнул я. — Иной раз в холодное зимнее утро мне напоминает об этом ноющая рана на ноге.

— Ах да! — воскликнул Кефтия. — Я почти забыл об этом. Я был уверен, что ты получил эту рану, когда контрбандой перевозил золотые слитки через турецкую границу, а?

— Не совсем так. В то время я переводил армянских беженцев через азербайджанскую границу.

— Ну конечно! Должно быть, меня подводит память. Ну, Ахмед, как ты жил в эти скучные годы после войны?

Он знал это не хуже меня, если не лучше. Все это были пустые слова, но не в обычае Кефтия прямо переходить к делу, поэтому мы вспоминали о минувшем и пили чай. Наш разговор мог бы тянуться так часами, но я предположил, что начальник полиции приглашен на ранний обед, потому что он заговорил о причине своего визита через удивительно краткий промежуток времени.

— Ахмед, в войну ты превосходно работал на разведку. Не хочешь ли ты снова использовать свои таланты?

— Может быть, — сказал я. — И на кого мне придется работать?

— Твой наниматель — американский агент, который прибыл в Иран по особому делу. С оплатой проблем нет, ты должен помнить это по своим прошлым встречам с американцами.

— Мне всегда нравились американцы. Я буду рад помочь этому человеку, — заявил я.

— Отлично, — ухмыльнулся Кефтия. — И еще ты лишишь его толики имущества, будешь завышать цену на свои услуги при каждой возможности и вообще вести себя так же, как в прошлом?

— Богом клянусь! — воскликнул я. — Мои рекомендации военных лет говорят сами за себя. Моя верность, моя честность...

— Да-да, — сказал Кефтия. — Все твои наниматели хорошо отзывались о тебе. Но мы с тобой знаем друг друга, мой дорогой Ахмед, и мы знаем, как беспечны американцы с такими вещичками, как котелки, палатки, револьверы, одеяла, бинокли, мулы, верблюды, ружья, ботинки...

— За всю свою жизнь я никогда не украл и пары ботинок, — возразил я.

— Может, и не украл, — согласился начальник полиции. — Но все прочие предметы в ваших экспедициях удивительным образом терялись и не менее удивительным образом появлялись в продаже на базарах Исфагана и Мешхеда, а деньги каким-то образом шли в твой кошелек.

— Я обвиняюсь в краже? — спросил я.

— Вовсе нет! Я просто пользуюсь возможностью поздравить тебя с такой выгодой. Даже арабы из Абадана почувствовали, что должны отплатить тебе за твои последние услуги по переводу.

— Как я мог отказаться от подарков этих невежественных людей? — спросил я. — Они думали, что их подарки помогут им купить работу полегче. Бесплезно было их уверять, что у меня нет никакой власти над британскими нефтяниками. Они были настойчивы в своих попытках умиловить меня, и я был вынужден принимать их подношения.

— И опять же — никаких обвинений. Всем известна щедрость арабов — они дают деньги так же легко, как сфинкс молоко. Поздравляю тебя со столь хитрым вымогательством.

— Бога ради! — вскричал я. — Я должен выслушивать оскорбления в собственном доме!

— Да никаких оскорблений, — возразил Кефтия. — Я просто подумал, что должен упомянуть об этом. Меня попросили найти в помощь американскому агенту надежного и сообразительного человека, который говорит на нескольких языках.

— И вот поэтому вы пришли прямиком ко мне.

— Да. Просмотрев свои списки мошенников, воров и бандитов, я наткнулся на тебя. Говорят, что ты верно служил американцам в годы войны и хорошо делал свое дело, несмотря на воровство и интриги. Этого, решил я, должно хватить. Из собственного печального опыта я знаю, что честнейший человек знает обычно только один язык, в лучшем случае — два. Только авантюристы учат пять или даже шесть и больше. Только вор знает, где скрываются другие вору, и только убийца может отыскать других убийц. Поэтому я выбрал тебя. Но слушай меня внимательно, Ахмед Аботай эд-Дин.

— Я слушаю.

— Правительство в Тегеране хочет помочь этому американцу чем только возможно и оказывает ему всяческое содействие. Он наш почетный гость, наш друг, наш помощник. Кроме того, его правительство дает Тегерану много денег. Поэтому Тегеран будет крайне огорчен, если миссия американца провалится. Они перенесут свое недовольство на ме-

ня, — тут начальник полиции впился в меня взглядом, — а я перенесу свое недовольство на тебя самым прямым и недвусмысленным образом.

— Поскольку вы мне не доверяете, — оскорбленно произнес я, — забирайте свою работу и предложите ее погонщику верблюдов. Не нужны вы мне вместе с вашим американцем.

— Не будь смешным, — отеческим тоном пожурил меня Кефтия. — Любой в Исфагане знает, что ты самый подходящий человек для этого дела. Твой успех принесет почет и уважение твоим родителям и городу. Удача может улыбнуться тебе. Поверь мне, Ахмед, вознаграждение будет немалым.

— Ну, может быть, я и возьмусь за эту работу.

— Конечно, возьмешься, — заверил меня начальник полиции. — Разве я не говорил, что ты единственный, кто для нее пригоден? Просто помни все, что я тебе сказал. И помни, что американцы — очень странный народ, склонный к внезапным вспышкам энтузиазма и поспешным решениям. Но под твоим присмотром он наверняка добьется успеха.

— Что это за человек и с какой миссией он прибыл в Иран? — спросил я.

— Его имя Стивен Дэйн. А что касается миссии, он скажет тебе сам — столько, сколько сочтет нужным. Вы встретитесь с ним сегодня вечером в отеле «Шираз».

Начальник полиции ушел, а я рассказал родителям о своей новой работе. Их радость не знала границ. Отец немедленно решил купить садовый участок за городом и весело рассмеялся, когда я сказал ему, что плата за мою работу может не покрыть подобных расходов.

— Ты сделаешь все, как надо. Я верю в тебя, — заявил отец.

Я ничего не мог сказать на это. Привычки и ожидания старых землевладельцев невозможно изменить за одну ночь.

Глава 2

Вечером начальник полиции привел меня в отель «Шираз» и представил Стивену Дэйну. Я с живым любопытством разглядывал агента. Мое первое впечатление о нем — высо-

кий мужчина с властным взглядом серых глаз и продолговатым худым лицом. У него были сильные руки — твердые и сухошавые. Шея в распахнутом вороте белой рубашки была мускулистой, а это верное свидетельство физического состояния человека. Вообще же выглядел он суровым, неторопливым и церемонным. Мне показалось, что он не часто смеется, и, судя по его выражению лица, я решил, что он склонен к аскетизму. Помимо этого, он сильно напоминал мне других американских офицеров, с которыми я познакомился во время войны.

— Итак, мистер Дэйн, — сказал Кефтия, — позвольте мне представить вам Ахмеда Аботая эд-Дина, переводчика необыкновенных достоинств, моего старого друга. Ни один местный житель не знает о здешнем преступном мире больше, чем мой дорогой Ахмед. А то, чего он не знает, он, вероятно, способен узнать.

Я попытался вставить слово, потому что он говорил обо мне, словно об овце на базаре, но Кефтия с силой схватил меня за локоть и продолжил:

— Ахмед — это сокровище, мистер Дэйн. Он знает все, что можно знать о контрабанде, ворованных вещах и вымогательстве. А такое знание достается нелегко. И, как я уже упоминал, он замечательный переводчик и такой человек, к которому без опаски можно повернуться спиной. В один прекрасный день Ахмед разбогатеет, если только прежде его не повесят. Кроме того, он может сохранить в тайне все, что вы посчитаете нужным ему доверить. Я лично гарантирую вам это — клянусь именами почтенных родителей Ахмеда.

Я принял во внимание эту угрозу. Ничего, придет час, когда мы с Кефтией уладим наши дела.

Кефтия поклонился и испросил разрешения удалиться, весьма довольный тем, что оказывает услугу и Тегерану, и Вашингтону, причем с двойной выгодой.

Мы с Дэйном остались наедине, к обоюдному нашему смущению. После устроенного мне Кефтией представления было трудно установить хорошие деловые отношения.

— Не хотите ли кофе? — спросил Дэйн, нарушив молчание.

Я кивнул.

Дэйн приготовил кофе, и мы молча выпили по первой чашке. За второй Дэйн, как будто читая мои мысли, пророчил:

— Пусть Кефтия вас не беспокоит, Ахмед. Он полицейский, а они совершенно одинаковы во всем мире.

— Все полицейские одинаковы, только преступники разные, — откликнулся я, на ходу сочинив афоризм, подходящий к теме.

— Преступники тоже различаются не очень сильно, — задумчиво возразил Дэйн. — Они не сильно отличаются от полиции. Я заметил, что они поразительно похожи.

Для американского агента это было странное высказывание.

— В самом деле? — осторожно спросил я.

— В определенной степени, — подтвердил Дэйн. — Я думаю, это вид симбиоза. Или, возможно, некоторых людей просто тянет к преступлениям. И на какую сторону они встанут — всего лишь дело случая.

— Выходит, есть склонные к преступлению полицейские и преступники-законолюбы?

— Я в этом уверен, — сказал Дэйн.

Я рассмеялся, довольный этим весьма вольным выводом. Разумеется, я принимал во внимание, что Дэйн высказывает мне симпатию чисто автоматически, но все же он сразу мне понравился. Мало того, этот человек снискал сразу мое доверие и восхищение.

— Ну; а как обстоит дело с вами? — спросил я. — Вы вроде бы полицейский, так вы тоже причисляете себя к преступникам?

— Разумеется, — ответил Дэйн. И он пустился в рассуждения об определении природы закона, и о двойственном отношении к закону полицейских, и о великом множестве прочих тем. Это было весьма приятно, но я не имел понятия, насколько Дэйн во все это верит. Но в конце концов результат этих рассуждений меня успокоил.

— Ахмед, — сказал Дэйн, наливая себе третью чашку кофе, — мне не нужны были рекомендации начальника полиции относительно вас, и я их не требовал. Сегодня я позво-

нил двум людям, которые работали с вами во время войны и которых я знаю лично.

— Вы спросили их, можно ли мне доверять?

— Нет. Я просто сообщил им, что собираюсь работать с вами, и внимательно выслушал их после этого.

— И что же?

— Им было что сказать. Во время войны вы совершали удивительные вещи, Ахмед, в частности эти путешествия в Узбекскую и Киргизскую Республики. И еще вы провели одного нашего человека в Бухару и Самарканд.

— В этом не было ничего трудного, — скромно ответил я. — Русскую разведку в Центральной Азии переоценивают.

— Я бы хотел повидать те места, — произнес Дэйн с тоскливой ноткой в голосе.

— Если хотите, я могу это устроить.

— Нет, — печально откликнулся Дэйн. — Боюсь, не сейчас. У меня есть дело здесь, в Иране. — Он помолчал. Возможно, он думал о Золотом Самарканде, о гробнице Тимура и о древней Бухаре, в которой высится Башня Смерти. Со своей стороны, я бы предпочел увидеть Нью-Йорк или хотя бы Лондон.

Дэйн снова обратил на меня внимание.

— Я доверяю вам без вопросов, — заверил он ровным голосом. — Но скажите, Ахмед, можете ли вы доверять мне?

Это застало меня врасплох, но его вопрос многое сказал мне о его проникательности.

— Интуиция велит мне доверять вам абсолютно, — заявил я. — А я всегда слеую своей интуиции. То есть — если я решу работать с вами, я буду вам доверять.

— Разумеется, — кивнул Дэйн. — Я должен рассказать вам, зачем меня послали в Иран.

Мы переместились в удобные кресла, и Дэйн начал:

— Мое задание касается производства и контрабанды героина.

Я кивнул, и он, должно быть, заметил мелькнувшее на моем лице выражение легкого разочарования, потому что тут же сказал:

— Это выглядит не столь романтично, как тайная миссия

в Советскую Азию, но я думаю, что вы найдете эту работу достаточно привлекательной. Это очень серьезное дело.

— Героин, — задумчиво произнес я. — Этот наркотик производят из опиумного сырья.

Дэйн кивнул.

— Что еще вы о нем знаете?

— Полагают, что он вызывает крайне скорое привыкание. Я уверен, что в большинстве стран он запрещен. Я не думал, что в Иране находится центр его распространения.

— В Иране — никогда. Героин обычно производили в странах Средиземноморья из турецкого и египетского опиума и контрабандой доставляли в Соединенные Штаты через Нью-Йорк. Не так давно торговлей героином занялся коммунистический Китай — они доставляют наркотик через Гонконг в порты Западного побережья. И недавно Иран неотвратимо стал также весьма важным перевалочным пунктом. Вам что-нибудь известно об этом?

Я покачал головой.

— Мистер Дэйн, если вам нужна информация о местном производстве опиума, я могу вам помочь. Есть опиум арабский, хорасанский и самый чистый — черный опиум из Белуджистана. По большей части его производят нелегально.

— Я интересуюсь героином.

— Об этом у меня никакой информации нет.

— Ну, зато кое-какая есть у меня, — сказал Дэйн. — В прошлом году в Мешхеде был обнаружен тайник с героинем высокой степени очистки. Судя по настойчиво распространяющимся слухам, этот наркотик был произведен где-то на севере, затем переправлен через Иран в один из портов Персидского залива для отправки в Соединенные Штаты. Мы узнали все это, но не смогли выяснить подробности. Поэтому один американский агент был отправлен в Иран, чтобы расследовать этот случай совместно с местными властями. Примерно за неделю он выяснил, что одним из главных пунктов переправки наркотика была деревня Имам-баба.

— Он быстро сработал, — сказал я. — И что еще он выяснил?

— Я не знаю. Вскоре после того, как он отправил первый

рапорт, его убили. Возможно, он слишком торопился с работой.

— Как он был убит?

— Несколько свидетелей говорят, что это была ссора из-за женщины.

— Ну... Возможно, они говорят правду.

— Я так не думаю. Я хорошо знал этого агента. А еще я знал его жену и детей. Это был не тот человек, чтобы его убили из-за женщины.

— Понимаю. Вы узнали что-нибудь еще?

— Только слухи — тысячу разных слухов. Я надеюсь, что вместе мы сможем раздобыть хоть немного информации. Возможно, мы сможем отыскать ее в Мешхеде или Имам-бабе.

Я поднялся на ноги и поклонился.

— Мистер Дэйн, я сохраню все сказанное в тайне. Если я что-нибудь узнаю, я вам сообщу. Но боюсь, что не смогу сопровождать вас.

— Почему же?

— Потому что я не самоубийца, — ответил я. — Вы сказали мне, что первого агента раскрыли и убили за неделю. А как вы думаете, сколько времени понадобится убийцам, чтобы выяснить, кто вы такой, и затем избавиться от вас — и заодно от меня?

— Первый агент был неосторожен, — сказал Дэйн. — Мы с вами не будем столь легкой мишенью.

— Я вообще не собираюсь становиться мишенью, — заявил я. — Вам известно, что собой представляет страна к северо-западу от Мешхеда? Правительственные войска патрулируют долины большими отрядами и стараются держаться подальше от Хорасанских гор. Вам известно, что Имам-баба находится высоко в горах, возле границы между Ираном, Афганистаном и Туркменской Республикой? А знаете ли вы, что этот городок считается пристанищем бандитов и головорезов?

— Я уверен, что вы найдете способ, как безопасно выполнить задание, — сказал Дэйн.

— Напрасно уверены, — возразил я. — Эта часть работы не по мне.

— Стыдно, — укорил меня Дэйн. — Я так много слышал о ваших талантах и знаю, что никто не может вас заменить.

— То, что вы слышали, — верно, — ответил я. — И тем не менее, поскольку я предпочитаю остаться в живых, меня может заменить кто-нибудь другой, менее достойный.

— Что ж, так и быть, — заключил Дэйн. — Но мне будет неприятно сделать богатым человека менее достойного.

— Что вы имеете в виду?

— Мое правительство сильно озабочено появлением нового источника героина, — сказал мне Дэйн. — И поэтому вознаграждение человеку, который поможет мне отыскать этот источник, будет весьма щедрым. Ну, а поскольку вы не заинтересованы...

— Минуточку, — прервал я его. — Я не говорил вам, что я не заинтересован. Я только сказал, что это не мой профиль. Но ведь может же человек сменить профиль работы — особенно если для этого имеется веская причина.

— Я не могу просить вас об этом. Как вы говорили, это слишком опасная работа.

— Вы полагаете, это меня волнует? — спросил я. — Меня, который всю войну выполнял самые рискованные поручения? Опасность меня не волнует. Я просто не люблю рисковать ради самой опасности.

— Целиком и полностью с вами согласен. И уверяю вас, если вы захотите мне помочь, мы не будем рисковать понапрасну.

— В этом можете положиться на меня, — сказал я. — Ну, а что касается точного размера вознаграждения...

— Мы обсудим это завтра к вашему вьшему удовольствию. У нас будет достаточно времени, чтобы прийти к соглашению на пути в Мешхед.

— В Мешхед? Завтра?

— Конечно. Чем раньше мы начнем, тем раньше закончим и тем скорее вы разбогатеете. До завтра, друг мой.

С этими словами Дэйн проводил меня до двери, с чувством пожал руку и пожелал спокойной ночи.

Оставшись один, я обдумал все это дело. В разговоре с Дэйном я несколько преувеличил опасности, ожидающие нас непосредственно в Мешхеде и Имам-бабе, — это был за-

конный предлог для торговли. Я был уверен, что Дэйн это понял. Но даже если не принимать в расчет преувеличения, риск был. И возможно, даже слишком большой.

Однако я был намерен работать на Дэйна, имея в виду возможность сбежать, если дела пойдут из рук вон плохо.

А вот о большом вознаграждении следовало подумать. Кроме того, стоило подумать о самой работе, которую я любил во время войны. Интриги, хитрость, секретность — свои таланты в этих делах я не использовал со времени ее окончания. Но теперь я мог снова воспользоваться ими, да еще под началом специалиста в деле лжи.

Потому что Дэйн знал так же хорошо, как и я, что тот герой, который он ищет, не был произведен в Иране. Никто не смог бы построить здесь фабрику без ведома Тегерана, особенно фабрику по производству героина. Тегеран слишком ценил щедрую американскую помощь, чтобы допустить существование такой фабрики.

Так что нам наверняка придется пересекать границу с Афганистаном или Туркменской Республикой, возможно — нелегально. Но Дэйн, видимо, не хотел до такой степени посвящать меня в свои планы.

Все равно. Я разглагольствовал об опасности лишь для видимости — и еще для того, чтобы набить себе цену, а не из страха. Если Дэйн решил мне лгать, то это было совершенно естественно. Помимо всего прочего, если того потребуют обстоятельства, мне тоже придется лгать ему.

Глава 3

На следующий день мы со Стивеном Дэйном вылетели в Мешхед. Вылетели мы рано утром и к полудню уже пролетали над голыми солончаками Дешт-и-Кавир, большой пустыни на севере Ирана. Во второй половине дня впереди показались минареты Мешхеда, а вскоре мы были уже в городе.

Мы договорились встретиться вечером у Синей Мечети. Затем Дэйн отправился заказывать комнаты в отеле, а я — собирать информацию, какая попадется.

На этот случай я придумал себе легенду прикрытия — я,

мол, торговец из Исфагана, предлагаю лучший вышитый лен. Прежде чем отправиться в дорогу, я купил — по сходной цене — целый чемодан прекрасных образцов исфаганских вышивок. С ним я отправился на базар и там воспользовался всеми трюками торговца, пристраивающего свой товар. С божьей помощью я сумел продать большую часть привезенного, потому что с искусством исфаганских мастеров не сравнится ничто в мире. Я переговорил со множеством людей, обменивая слухи из своего родного города на сплетни из других мест.

Этот способ, к моему величайшему сожалению, принес мне очень мало информации. Разговор вертелся в основном вокруг засухи, русских радиопередач и обещаний шаха насчет земельных реформ.

Я пошел в кофейню, но там тоже не добился успеха: об убитом американском агенте ничего не было слышно. Тогда я решил начать разговор об этом сам, но косвенным образом, и посмотреть, к чему это приведет.

— В Тебризе, — сказал я рослому молодому кузнецу, — ходят слухи о странных делишках турок.

Кузнец подался вперед и спросил, что это за слухи. Прислушались и еще несколько человек, потому что истинный мешхедец всегда поверит во все, что вы скажете о турках.

Но меня не так-то легко было разговорить, и с околичностями и многозначительными кивками я сообщил, что близятся события странные и недобрые и что турок надо опасаться больше, чем русских или афганцев.

Как я и ожидал, это вызвало спор. Мешхедцам нравится верить, что они живут, постоянно окруженные опасностями, но от их города до турок расстояние куда больше, чем до русско-афганской границы, до которой отсюда около девяноста миль.

— Вы не знаете, о чем говорите, — подал голос угрюмый белудж. — Хотя турки — люди злые и безбожные, американцы их сдерживают. Но здесь, на северо-востоке, где наши горы переходят в туркменскую равнину и встречаются с афганскими высокогорьями, наши враги строят против нас тайные козни.

Я посмеялся над белуджем и сказал ему, что он не знает,

где кроется настоящая опасность, и что он не узнает ее, пока она не дернет его за бороду. Он потемнел лицом и пробурчал:

— Вы, исфаганцы, все поголовно глупцы. Аллах всемогущий! Ты думаешь, я не чувую, где таится угроза для нас? Что в Мешхеде не слыхали о чертовом грузе, который пришел через горы из Имам-бабы...

Тут его толкнул локтем приятель, и он умолк. Я понял, что они считают меня полицейским шпиоком, и принялся хохотать, чтобы проверить их подозрения. Посетители кофейни умолкли, и мне стало ясно, что они не доверяют мне. Поэтому я придумал историю о заговорах и интригах на юге, где Шатт-эль-Араб разделяет Иран и Ирак. В моей истории было контрабандного оружия, суннитов и тайных заговоров арабских стран против Ирана.

Немногочисленные арабы стали косо на меня поглядывать, но зато эта история принесла мне некоторое доверие со стороны иранцев. Я вышел из кофейни, пообещав завтра вернуться сюда.

Уже темнело, когда я встретился со Стивеном Дэйном у Синей Мечети. Я вкратце рассказал ему, что удалось узнать, и мы пошли в отель.

По дороге мы миновали Старый Город, где еще сохранились крытые базарные улочки, узкие и извилистые, как горная дорога. Эти базары поразительно воняли верблюжьим, конским и коровьим навозом и человеческим дерьмом, были полны потными немытыми телами, вонючими хлопковыми одеждами, обрезанными гирьками на весах, открытыми сточными канавами и всеми прочими прелестями, и все это мешалось с запахом седельной кожи, необработанной шерсти и приправ. Настоящая клоака! Однако издали, особенно с наветренной стороны, Старый Город выглядит очень живописно. Европейцы любят смотреть вниз на таинственные улочки, по которым ходят местные жители в длинных халатах, тюрбанах и войлочных шапках.

Все это весьма привлекательно, но для современного иранца вроде меня Старый Город Мешхеда напоминает о живучести старины. Очень ностальгический вид, несомненно, но он напоминает каждому иранцу о тех днях, когда русские и англичане швыряли нас, словно игральные кости, в своих

имперских играх, когда туркмены и курды ходили на нас набегами и когда пришельцы с Запада считали нашу древнюю цивилизацию и наш национальный дух не более чем лепетом неграмотных дикарей. Старые базары — это позор, и нынешний шах совершенно справедливо намерен их модернизировать. А еще — это очень опасные места.

Мы влипли в неприятность, как только зашли достаточно далеко в лабиринт узких извилистых улочек. Началось все на пустом месте — толпа спорящих мужчин, по виду — сартов, двигалась напрямик на нас. Они зло и возбужденно переговаривались и толкали друг друга. Я сразу почувствовал опасность и повернулся к Дэйну. Но Дэйн увидел все раньше меня. Он схватил меня за руку и утянул в угол, образованный двумя домами.

Сарты приближались, споря все громче и громче, как будто они были навеселе. Пошатываясь, они как бы случайно приближались к нашей оборонительной позиции. Я вытянул из рукава маленький автоматический пистолет итальянского производства, который мне во время войны подарил один английский офицер.

— Уберите это, — сказал Дэйн.

Я начал спорить, но Дэйн меня оборвал:

— Мы не можем стрелять по людям в таких городах, как этот. В лучшем случае дело обернется тюрьмой и бесконечными объяснениями, и все дело рухнет.

— Но разве ваше правительство за вас не вступится?

— Мое правительство находится за шесть тысяч миль отсюда. Это мое задание, моя ответственность и моя голова.

Я хотел указать ему на то, что мою голову тоже неплохо было бы принять в расчет, но сарты были уже рядом. Их было пятеро, а может и шестеро, и выглядели они сухими головорезами. Они шли прямо к нам, делая вид, что пьяны, но поглядывали на нас вполне трезво. У одного или двух были дубинки, и мне показалось, что я заметил проблеск стали.

— Держите мне спину, — сказал Дэйн. И не успел я осознать это предложение, как он сделал три длинных шага вперед. Я двинулся следом с нехорошим предчувствием.

Убийцы отбросили всякую маскировку. Шедший первым занес свою дубинку, но, прежде чем он смог ее опустить, Дэйн

ногой ударил его по тому месту, которое мужчина бережет более всего. Не задержавшись для того, чтобы убедиться в очевидном, Дэйн развернулся к следующему, который отпрянул назад и оказался вне его досягаемости. Но это движение Дэйна было обманным, потому что он тут же развернулся вправо. Человек, стоявший с той стороны, взмахнул дубинкой и нанес ему удар по тому месту, где шея переходит в левое плечо. Это был болезненный удар, но он не достиг цели, потому что просвистел мимо ключицы. И тут Дэйн ударил, но не так, как бьют обычно люди Запада. Он нанес удар ребром ладони, попав нападавшему точно пониже носа.

Только не подумайте, что я стоял без дела, пока все это происходило. Двое выбыли из драки, но мгновением позже мне пришлось драться не на жизнь, а на смерть с двумя другими громилами. По счастью, сходящиеся под острым углом стены за моей спиной не давали им напасть на меня одновременно. Они пытались прикончить меня, а я отбивался, пустив в ход руки, зубы и небольшой, чрезвычайно острый нож, фамильный талисман, который я всегда ношу с собой.

У того сарта, который лез первым, тоже был нож, но я недаром горжусь своим скромным умением владеть клинком. Я использовал этот свой талант, полоснул его по руке с ножом, а потом по брюху.

Толстая шерстяная куртка остановила смертельный удар, и он схватился за порезанную руку скорее от потрясения, чем от боли. Бешенство перевесило мою обычную осторожность — то бешенство, которое я относил за счет своих монгольских предков со стороны матери. С окровавленным ножом я бросился на врага.

И тут же кто-то сыграл марш дубинкой на моей голове. Я упал, ошеломленный, и увидел, что дубинкой противника завладел Дэйн.

Трое нападавших выбыли из строя, а трое других, хотя и продолжали нападать, начали выказывать признаки растерянности. Причина была очевидной, потому что Дэйн использовал свою дубинку невиданным образом.

Он ни разу не нанес удара, ломающего кости. Вместо этого он орудовал ею, как мечом, целя сартам по глазам и животам. А когда он бил, то не вкладывал в удары особой силы —

ровно столько, чтобы разбить лоб или колено, но зато эффект был поразителен.

Я поднялся, с ножом в руке, хотя в голове у меня все еще звенело, готовый выпустить кишки из оставшихся врагов. Однако такой возможности мне не представилось — трое уцелевших сартов, обнаружив, что противостоят они двум столь замечательным противникам, дали деру. Раненый последовал за ними.

Одержав полную победу, мы с Дэйном остались на темной улочке одни. И направились в отель.

Глава 4

В номере гостиницы я оглядел свой набор царапин и синяков и не нашел ничего серьезного. Благодаря крепкому черепу — еще одному наследию моих монгольских предков со стороны матери — я вышел из драки невредим. И все же я был потрясен. На нас напали в самом начале нашего расследования, и, если мы будем упорствовать в его проведении, нас ждут большие неприятности. И что хуже всего, сражаться нам приходится с теньями, а нашим врагам известно, кто мы такие.

Любая темная улица может стать нашей могилой — так я и сказал Дэйну.

Он ответил:

— Будем держаться подальше от темных улиц.

— Тогда они будут стрелять в нас с вершины холма или попытаются задавить автомобилем.

— Мы примем меры предосторожности, — сказал Дэйн.

— Да чтобы убить нас, найдется сотня разных способов!

Дэйн пожал плечами. Я смотрел на него, пытаюсь справиться с раздражением. Он сидел в кресле, откинув голову на спинку и закрыв глаза. Меня раздражало отсутствие всякого выражения эмоций на его худом лице. Я знал, что он, как многие англосаксы, был склонен скрывать свои чувства за маской иронии или безразличия и что, несмотря на его невозмутимый вид, он должен, также как я, испытывать сомнения и страх. Он выглядел спокойным и невозмутимым.

Возможно, это был стоицизм. Но, с другой стороны, это вполне могло оказаться следствием невежества и недостатка воображения, которые позволяют некоторым выказывать неуместную и ложную храбрость.

— Мистер Дэйн, — сказал я. — Я бы хотел услышать об этом деле больше.

— Что вы хотите знать? — спросил Дэйн, приоткрыв глаза.

— Все.

— Зачем?

— Затем, что я хочу знать точно, во что я ввязываюсь.

— Достаточно честно, — отметил Дэйн. — Но большую часть дела вы уже знаете.

— Тогда расскажите мне все остальное.

Дэйн кивнул и закурил сигарету. Затем он прочитал мне лекцию о торговле наркотиками, ее международном размахе и легальном прикрытии. Этот общий обзор, сказал он, необходим, чтобы понять наш частный случай, но когда он это говорил, в глазах его мерцал сардонический огонек.

Я сделал вывод, что торговля наркотиками — это главный источник средств для организованной преступности в Европе и Америке. Доходы от нее в сотни и тысячи раз превышают расходы. Эти доходы так велики, что в дело иной раз бывают вовлечены полицейские чины и правительственные чиновники. А иной раз в этот бизнес вступают целые правительства, и самый недавний пример тому — коммунистический Китай.

Героин, запрещенный законом наркотик, вызывающий быстрое привыкание, — самый частый товар. Главным рынком его сбыта являются Соединенные Штаты.

Борьбой с контрабандой героина в Соединенных Штатах занимается несколько организаций. Это, разумеется, таможня, которая должна проверять слишком много кораблей и самолетов силами слишком малого количества людей. Это ФБР, пограничная служба, береговая охрана и полиция. Но на передовой линии борьбы стоит Бюро по борьбе с наркотиками, самостоятельное подразделение министерства финансов.

В сотрудничестве с полицейскими службами всего мира

агенты Бюро пытаются пресечь пути торговли наркотиками, собирая доказательства причастности к этой торговле коррумпированных чиновников в Америке и за рубежом и выявляя новые пути контрабанды.

Но преступники не склонны поступаться столь прибыльным бизнесом. Поэтому если в одной стране им приходится туго, они переносят свои операции в другую. Агенты по борьбе с наркотиками следуют за ними, и все начинается снова и снова, и так без конца.

Нынешнее дело Дэйна возникло в результате наступления полицейских на торговцев наркотиками в странах Средиземноморья. В Италии и Франции было арестовано несколько ключевых фигур и закрыто несколько лабораторий, производящих героин. Но торговля не прекратилась — она просто перестроилась.

Большая часть героина по-прежнему производится и отгружается в Европе. Но в Иране образовался новый важный источник наркотика.

О нем известно очень мало. Местоположение фабрики, производящей героин, пока не установлено, хотя Дэйн не без оснований полагал, что он найдет ее в северо-восточном Иране, или в Хорасанских горах, или по ту сторону границы в Афганистане, или в Туркменской Республике. Но это было только начало. Дэину нужно было узнать, как наркотик пересекает Иран до места погрузки и кто его перевозит. Ему предстояло выяснить, какой порт используется для отправки наркотика, и, что еще более важно, он должен был раскрыть способ, которым героин столь успешно ввозили в Соединенные Штаты. И наконец, в его задачу входило разоблачение организатора этой трассы.

— И это все, что вы должны сделать? — спросил я.

— Где-то так, — ответил Дэйн.

— Очень хорошо. Груз героина обнаружен в Мешхеде, американский агент убит, некоторые слухи указывают на Имам-бабу как место встречи, а другие слухи указывают на некий порт в Персидском заливе. Вы можете добавить к этому еще что-нибудь?

— Мы совершенно уверены, что иранская торговля контролируется американцем, — сказал Дэйн. — Его обычно на-

зывают мистер Смит. Вовлечен в нее и некий арабский чин. Но как его зовут — мы не знаем.

— И все?

— Об этом — все.

— Маловато, — сказал я.

— Для начала достаточно, — возразил Дэйн.

— Вы не знаете, какой именно порт в Персидском заливе они используют? Это может быть Хормуз, Бушир, Кувейт или Абадан?

— В слухах упоминаются все они. Любой из них может оказаться тем самым.

— А лаборатория по производству героина? Что, если она находится по ту сторону границы, в Советской Азии?

— Об этом мы будем думать, когда придет ее черед, — заявил Дэйн. — Наша первая задача — получить информацию. Как вы думаете, вы сумеете отыскать человека, который заговорит?

— Люди всегда говорят за соответствующую цену, — сказал я ему. — Каждый второй в Мешхеде думает, что у него есть секрет на продажу, а те, у кого ничего нет, готовы его выдумать. Ваш приезд явно заметили, мистер Дэйн, и все, что нам нужно, — это подождать до завтра. А там посмотрим.

Глава 5

Мое предсказание подтвердилось очень скоро. На следующий день, сразу после утреннего намаза, к нам стали приходить информаторы. Некоторые входили смело, заявляя, что они друзья американцев, другие проникали в отель через черный ход. В большинстве своем это были иранцы, но навестили нас и несколько человек из бахтиярских племен, несколько арабов, один русский эмигрант и даже пара сартов, соплеменников тех самых головорезов, которые напали на нас накануне вечером. Я исполнял роль переводчика, Дэйн сидел в большом кресле в номере отеля, слушал, подперев голову рукой и цинично шуря глаза.

В этой комнате было шепотом рассказано немало тайн. Дэйн вознаграждал двух первых информаторов, и это вооду-

шевило остальных. Нам намекнули на то, что в Таджикской Республике устанавливаются русские ракеты, что в русском Азербайджане скапливаются большие вооруженные отряды, что Афганистан и Россия тайно сговариваются о чем-то, что Советы планируют объединить Персию и афганский Белуджистан в одну республику под своим контролем. Дэйн давал деньги тем немногим, кто говорил о северо-восточной границе Ирана, поскольку интересовался именно этим районом. Но ни один посетитель не сообщил ему ничего нужного.

Информаторы шли весь день. Даже управляющий отелем имел секрет на продажу, не говоря уже о посыльных. Заявился и седобородый старик, впавший в старческое слабоумие, который путал это столетие с прошлым и говорил о российских претензиях на Хайберский перевал и о том, что афганские племена вот-вот поднимутся и хлынут в Британскую Индию. Мы обращались с этим старцем вежливо, но постарались поскорее избавиться от него.

День прошел, и поток посетителей стал убывать. Это было печально. Каждый посетитель давал мне небольшое вознаграждение за мои услуги переводчика, и к концу дня у меня скопилась некоторая сумма. Но Дэйн не получил нужной ему информации. Он сидел и размышлял над своей неудачей, а я пытался развеселить его.

— Клянусь Аллахом! — сказал я. — У кого из нас исполняются все желания? Мистер Дэйн, сегодня вы услышали по меньшей мере сотню тайн. Почему бы вам не привезти в Америку самые достойные внимания из этих секретов, чтобы ваше правительство записало их в секретных бумагах и успокоилось?

— Мое правительство не успокоится на этом, — ответил он.

— Это их успокоит! — заявил я. — Поверьте мне, сэр, я работал в прежние годы со многими американскими агентами, и все они возвращались домой с кучей подобных секретов.

Дэйн улыбнулся.

— Вы правы, Ахмед. Если бы я приехал в Иран за секретами, я собрал бы все это и довольный вернулся бы домой. Увы, я должен заниматься героинном.

— Ни один из наших сегодняшних посетителей даже и не упомянул о нем, — печально проронил я.

— В таком случае мы должны подождать, — сказал Дэйн, — пока кто-нибудь упомянет.

— А может, никто не захочет об этом говорить.

— Конечно, захочет! Героин — это секрет, а секреты нужно продавать. Это вопрос времени.

Мы ждали три ночи и три дня. За это время ничего не произошло, так что мы с Дэйном наслаждались теми немногими развлечениями, которые мог предложить Мешхед.

Жизнь в этом городе, особенно после наступления темноты, не имеет ничего общего с приятным ночным временем в Исфагане, или Ширазе, или даже в Тегеране. Так и должно быть — не стоит ждать от города шиитов особых удовольствий. И однако умная лошадь всегда знает, где лежит овес, так что я сумел разыскать для мистера Дэйна весьма рафинированный клуб, о котором мне как-то рассказали.

Там были певички и танцовщицы. Там была одна афганка, которая исполняла египетский танец живота лучше любой прирожденной египтянки. То, что она проделывала, было поразительно — ее тело оставалось неподвижным, а груди вращались, как крылья ветряной мельницы — по часовой стрелке, против часовой стрелки и обратно. Но хотя танцевала она весьма искусно, для меня в этом представлении было что-то отталкивающее, потому что она обращалась со своим телом как с занятым механизмом, а ее душа в этом не участвовала.

Мистер Дэйн, должно быть, чувствовал то же самое, потому что вскоре отвлекся от представления и заговорил с одной из здешних девиц. Должен признаться, я позавидовал ему. Это была девушка с пушистыми черными волосами, точеным личиком, прекрасной осанкой, высокой грудью, тонкой талией и изящными лодыжками — я бы с удовольствием выбрал ее для себя. Напрасно я указывал Дэйну на женщин с пышными формами — как и я, он не разделял с турками их предпочтений. А девушка, которую звали Лейра, казалась со-

вершенно очарованной этим американцем, на языке которого она не знала ни слова.

Я с трудом скрыл свое раздражение. Этим двоим для общения хватало не более десятка слов по-английски и по-персидски, и они не нуждались в моих услугах переводчика. Девушка уже показывала знаками, что считает это любовным увлечением, а не сделкой. А Дэйн, с лица которого исчезло каменное выражение, смотрел на нее с дурацким сияющим видом так, как будто эта общедоступная шлюшка была настоящей Шахерезадой.

Раздражение мое усилилось настолько, что я встал из-за столика, отрывисто бросив Дэйну, что увижусь с ним завтра утром в гостинице, если только он будет в состоянии заниматься делом. Он кивнул с отсутствующим видом.

Я направился к выходу не в самом лучшем настроении. Но в дверях меня остановила одна из женщин. Она была родной и живой и прекрасно выглядела, несмотря на то что была на несколько лет старше меня.

— Вечер только начинается, — сказала она мне.

— По-моему, уже достаточно поздно, — ответил я.

— Мой дорогой, ты расстроен тем, что Лейра выбрала иностранца, не так ли?

Я воззрился на нее, пораженный ее пронизательностью. Затем я пожал плечами и открыл дверь, заявив ей, что дела Лейры меня вовсе не касаются.

— Хорошо сказано! — воскликнула женщина, хватая меня за рукав. — Я уверена, что ты расстроился. Это дело не стоит таких чувств, поверь мне.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил я.

— У меня что, глаз нет? — вопросом на вопрос ответила женщина. — Или у тебя нет глаз? Посмотри на нее внимательно!

— Ну и что?

— Да она слишком тощая даже на утонченный вкус. А это ее миленькое личико выдает холодность и порочность натуры. Разве это не видно?

Посмотрев еще раз, я разглядел в лице Лейры что-то похожее.

— Далее, — продолжала женщина, — эти ее груди, которыми ты так заметно восхищался, — скажи мне, где они принесли бы ей успех?

— Нельзя сказать, что это такой уж секрет, — ответил я.

— Конечно, нет, — поддержала меня женщина. — Подобные хитрости можно продавать в Тегеране, да еще среди йездов, в обители вероломства.

— Удивительно! — воскликнул я. — Мне это не приходило в голову!

— Конечно же, не приходило, — сказала женщина. — Ты добрый человек, это всякий может увидеть. Считай, приятель, что тебе повезло! Ночь с этим мешком костей запомнилась бы тебе только полученными синяками. Эта девка холодна и небрежна, ей удастся только головы морочить. Прислушайся к совету женщины! А еще...

— Моя дорогая, — сказал я, — будь осторожна и не преувеличивай.

— Я ничего не преувеличиваю. Я говорю только то, что знаю. Но о ней такие слухи ходят...

— Какие слухи?

— Ну как ты думаешь, какого сорта девки бывают из племени йездов? Какие девки выглядят, как эта?

Я смотрел на нее, открыв рот. Затем быстро сделал знак от дурного глаза.

— Так она из йездов? — спросил я.

— Я никого не обвиняю, — сказала женщина. — Насколько мне известно, она такая же добрая шиитка, как ты или я. Видит Аллах, она прикидывается, будто стоит десяти таких, как мы. Больше я ничего о ней не скажу. Ты должен рассудить сам.

— То, что ты мне рассказала, очень интересно. Но я ничего не знаю о тебе, даже твоего имени не услышал.

— Меня зовут Созра, — представилась женщина. — Обо мне сказать нечего. Но если ты будешь столь любознателен и пожелаешь что-либо узнать обо мне, то не выпить ли нам по чашечке кофе в моей комнате?

— Веди, — сказал я. Когда мы уходили, я еще раз взглянул на Дэйна и Лейру. Я напомнил себе, что мне повезло и я

не связался с этим мешком костей и холодным личиком, да притом предположительно йездкой. И вот такими делами мы продолжали заниматься в эту ночь, да и в следующую тоже.

Глава 6

На третью ночь нашего пребывания в Мешхеде, именно тогда, когда я начал от души наслаждаться в этом благословенном городе, Дэйна наконец нашла та информация, которую он искал. Точнее, она нашла меня. Дэйн отдыхал в своем номере, — должно быть, после утомительной ночи с Лейрой. Я возвращался от Созры, которая оказалась крайне приятной женщиной, хотя очень дорогой и требовательной. Едва я ступил на лестницу, из темноты протянулась рука и ухватила меня за рукав.

Первая моя реакция была схватиться за нож, потому что у меня еще болела голова после нападения тех сартов. Но тут раздался голос, который произнес по-тюркски:

— Это ты покупаешь секреты?

— Выйди на свет, — сказал я, крепко сжав рукоять своего ножа.

— Я никуда не двинусь, — ответил этот человек сердито и раздраженно. — Сначала скажи мне — вы с тем иностранцем все еще покупаете секреты или уже купили все, что вам было нужно?

Я сдержал свое нетерпение и сказал:

— Мы еще покупаем секреты, если это те секреты, которые нам нужны. А теперь выходи на свет, или ты боишься показать свое уродливое лицо?

Это его задело, и он дошел вместе со мной до края веранды. Это был желтолицый молодой человек с тонкими черными усиками. В свете единственной голой лампы я разглядел высокую черную шапку из овечьей шкуры, потрепанный халат, на груди — две портупей крест-накрест, за спиной винтовка, на ногах — поношенные сапоги из мягкой кожи. Я почувствовал запах овечьего загона и лошадиного пота и понял, что передо мной туркмен.

— Ну, теперь ты меня увидел, — сказал он. — Давай, води меня к твоему господину, чтобы он мог купить мой секрет.

— Этот иностранец мне не господин, — сказал я. — Мы с ним друзья и вместе занимаемся важными делами.

— Ну так отведи меня к нему.

— Возвращайся к своей лошади, — сказал я. — Я не стану тратить его время и его деньги на туркменские выдумки. У любого бродяги Мешхеда есть секрет на продажу, но туркмены всегда опаздывают, а потому лгут пуше всех остальных.

Он свирепо глянул на меня, по туркменскому обыкновению скорчив рожу, — они думают, что этим можно напугать. Я пожал плечами и отвернулся.

— Ради Аллаха! — сказал туркмен. — У меня есть настоящий секрет — секрет, который стоит много денег и жизней многих людей. Я смертельно рискую, явившись сюда, чтобы поговорить с иностранным шпионом... И вот как меня здесь принимают!

Я помедлил, разглядывая его, и дернул себя за нижнюю губу. Наконец я сказал:

— Несомненно, твоя история лжива, как все туркменские истории. Но я сначала выслушаю тебя, а потом буду решать. Если история будет чего-то стоить, я вознагражу тебя.

Туркмен разразился горьким смехом.

— Ты в самом деле думаешь, что я поведаю свой секрет двуличному персидскому горожанину?

— О Аллах! — воскликнул я. — По крови я монгол с материнской стороны, прямой потомок эмиров Бухары. Ты, глупец, подумай сам — откуда я, по-твоему, знаю твой язык?

— Всякий может выучить язык. Как тебя зовут?

— Ахмед Аботай.

— Я как-то знал в Мерве одного свинопаса по имени Аботай, — заявил он.

Такие штучки сходят у туркмен за юмор, и этот юноша казался себе весьма остроумным.

— Пошли, — повторил он. — Води меня к своему господину.

— Сначала открой мне свой секрет.

— Никогда.

— Тогда дай мне хотя бы намек, чтобы я смог оценить его важность.

Обычное выражение лица туркмена — усмешка, но этот так нахмурился, что я испугался — не парализовало ли его лицо от напряжения. Он подумал — что для туркмена всегда дело непростое — и наконец проговорил:

— Мой секрет касается города Имам-баба и одного вещества, которое называют Белым Порошком.

Я приложил все усилия, чтобы по моему лицу ничего нельзя было прочесть, но напрягся.

— Дальше, — произнес я усталым голосом.

— Это мое последнее слово, — заявил туркмен. — Прежде чем разговор пойдет дальше, я должен получить деньги.

Я зевнул.

— Твой так называемый секрет может оказаться совсем не важным, но я предоставлю моему другу возможность решить это лично. А тебе я дам возможность увидеться с ним.

Сказав это, я замер, как статуя, а туркмен молчал и нервно переплетал пальцы. Он ждал. Я тоже ждал.

— Ладно, — наконец проронил он. — Пойдем.

Я задумчиво сказал:

— Возможно, мне не стоит беспокоить моего очень богатого друга сегодня вечером. Может быть, лучше сделать это завтра или послезавтра.

Туркмен очень хорошо знал, чего я хочу и что было вполне естественно. Но, как и все их племя, он скорее проглотил бы свои деньги, чем расстался с ними. Он обозвал меня некоторыми непочтительными словами, продемонстрировав таким образом все свои грязные мысли и недостаток воображения. Я не обращал на него внимания, пока он не сделал паузу, чтобы набрать воздуха, и тогда я сказал, что, может быть, встречу с моим американским другом будет лучше отложить до следующей недели. Однако, добавил я, к тому времени у моего друга может остаться очень мало денег.

Туркмен застонал, как раненый зверь. Скупость боролась в нем с жадной наживой. Наконец он достал из-под полы своего халата кошель. Он открыл его, как будто открывал рану в собственном теле, и с ругательством заплатил мне.

— Очень хорошо, — сказал я. — Теперь ты можешь встретиться с ним. Я уверен, что ты привел с собой переводчика.

— Переводчика? — переспросил туркмен. — Ты демон, ты ублюдок, ты что же, думаешь...

— Я делаю только то, за что мне заплачено, — сказал я. — Ты заплатил за то, чтобы встретиться с иностранцем, и ты с ним встретишься. Но насчет разговора с ним — может, ты знаешь английский? Если нет, я уверен, что он сумеет понять твой немецкий, или французский, или даже испанский.

Туркмен, который и свой родной язык знал едва-едва, от ярости совершенно онемел. Он почти прошипел:

— Клянусь Аллахом, горожанин, как ты мне услужил, так и я тебе услужу. Мой час еще придет, не сомневайся.

— Один Аллах знает будущее, — заметил я. — Все мы в его руках.

Туркмен справился со своей яростью и заплатил мне еще раз. Я же потребовал у него двойной платы только ради того, чтобы научить его вежливости, а не ради грязных монет из его кошелька. Этим косматым кочевникам недостает такой добродетели, как смирение. Я забрал у него деньги, отчего у него чуть сердце не разорвалось, и повел его вокруг отеля к черному ходу. Мы тихо проскользнули внутрь и, никем не замеченные, поднялись по задней лестнице.

Дэйн с легким удивлением взглянул на этого неумытого парня.

— С огромными усилиями я нашел ключ к вашей загадке, — гордо заявил я по-английски. — Но не выказывайте особой заинтересованности, иначе этот жадный сын шлюхи потребует все ваше золото, включая золотой зуб.

Дэйн кивнул, оглядел туркмена, отметил выражение его лица и посмотрел на меня. Затем изящно указал туркмену на кресло, но этот немытый дикарь глянул на мебель и решил остаться стоять. Затем он вдруг заговорил.

— Я уже говорил об Имам-бабе и Белом Порошке, — переводил я за ним. — Но прежде, чем я скажу еще хоть слово, я хочу получить деньги — не бумажки, а золото или серебро. А если моя история вас заинтересует, я хочу получить еще денег за ее продолжение.

Дэйн был к этому готов. Он дал ему пять мелких серебря-

ных монет, пообещав потом дать еще. Туркмен попробовал на зуб каждую монетку, упрятал их к себе в кошелек и стал рассказывать.

Его имя, как он нам сказал, Хитай, и он из рода душак текке-туркмен. С утомительными подробностями он пересказал нам историю туркменских войн в Иране, Афганистане и Туркестане, сообщил о том, как текке-туркмены доблестно сражались против русских, иранцев и афганцев, об их превосходстве над их родичами — казахами, узбеками и киргизами и об их возродившемся боевом духе, их храбрости и неукротимости.

— Об этом я только упомянул, — заявил Хитай, завершая предисловие к рассказу, — чтобы вы знали, с какими людьми вы имеете дело.

Это, по-моему, было уж слишком. Я спросил:

— Скажи мне, мой неукротимый друг, как же так вышло, что русские уничтожили само название Туркестан, создав новое государство под названием Туркмения, захватили без особых усилий Мерв, а ваших неукротимых воинов послали в колхозы копать в земле?

Хитай потянулся за ножом, я тоже, но Дэйн успокоил нас обоих, велел мне не оскорблять нашего гостя. Туркмену же он велел продолжать. Но Хитай не проронил ни слова, пока его не утихомирили еще четыре серебряные монеты.

— Нас одолели благодаря измене и нехватке снаряжения, — наконец сказал он. — Может, это и правда, что некоторые туркмены забыли свою кровь и историю и работают в колхозах. Но текке не забыли, и род душак не умрет, пока под рукой Аллаха существуют горы и солончаки!

Похвалившись, Хитай почувствовал себя лучше и вернулся к самому секрету.

Туркмены в Хорасанских горах, сказал он нам, очень бедны, и у них нет сил для успешных набегов на поселения в долинах. Поэтому они стали искать другой источник средств к существованию.

Тут Дэйн, несмотря на все мои предупреждения, проявил искру интереса, и нам пришлось дать этому туркмену еще несколько монет.

Эти горцы, сказал нам Хитай, идеально подходят для та-

кой работы, поскольку многие роды текке жили в Хорасанских горах и на Копетдаге, а также в горах Памира к северу от Герата. Поэтому они могут беспрепятственно преодолевать горные пути там, где сходятся границы России, Афганистана и Ирана.

Сначала они занимались контрабандой оружия, потом — шерсти, потом — специй, доставляя их покупателям во всех трех странах. Работа распределялась по родам — чем сильнее род, тем более выгодную контрабанду он перевозил. Это всегда было занятием рискованным, тяжелым и малооплачиваемым.

Потом, два года назад, вожь алтаев, большого рода текке в Афганистане, нашел крайне прибыльную область контрабанды. Дело касалось Белого Порошка — вещества, которое туркмены прежде никогда не видели, но о котором слышали. Этот порошок, как выяснилось, был необходим жителям Запада, он был редок, дорог и запрещен властями.

Некоторые роды текке под предводительством рода алтай доставляли контрабандой этот порошок от его источника в Копетдаге до нескольких пунктов сбора в северо-восточном Иране, иногда — вблизи от Калат-и-Надири, иногда вблизи от Турбат-и-Шайх, а иногда еще дальше на юг, в обширную Соляную Пустыню.

Тут туркмен снова остановился и сказал, что ждет, чтобы ему заплатили за то, что он столько рассказал, и тогда он продаст нам больше подробностей.

Дэйн молча посмотрел на Хитай, — похоже, он пытался понять, что собой представляет этот туркмен. Затем Дэйн достал из нагрудного кармана свой бумажник, открыл его, нахмурился и закрыл снова.

— Почему вы оставили этот прибыльный бизнес и пришли ко мне? — спросил его Дэйн при моем посредничестве.

Туркмен с трудом отвел взгляд от бумажника Дэйна и отвел:

— Сначала в этом деле были заняты пять родов, и алтай были главными, потому что это они первыми его начали и еще потому, что их было больше. Так продолжалось год, но потом многие алтай из Афганистана и Таджикистана, прослышав о таком прибыльном промысле, присоединились к

ним. Из-за этого доходы алтаев уменьшились. И они решили вытеснить из этого промысла другие роды. Они предательски обвинили душаков в немыслимом преступлении, и так началась вражда.

— А потом? — спросил Дэйн.

Хитай пожал плечами.

— Мы сражались и все еще сражаемся. Но алтай — сильный род, у них есть новые ружья и много патронов. К тому же они забрали себе всю торговлю Белым Порошком и так разбогатели, что нанимают курдов и сартов для войны с нами. Пока алтай возглавляют торговлю Белым Порошком, для моего народа надежды нет.

— И что вы об этом думаете? — спросил меня Дэйн.

— Туркмены солгут вам при первой же возможности, — ответил я. — Просто из любви к выдумкам. Но этот не солжет правдоподобно, потому что ему не хватает воображения. История этого человека вполне может оказаться правдивой.

Дэйн прикинул что-то в уме и заплатил Хитаю тысячу риалов новыми банкнотами. Это меньше восьми долларов, но для дикого кочевника — огромная сумма. Тем не менее Хитай насмешливо посмотрел на деньги и потребовал пять тысяч риалов.

— Сначала скажи мне вот что, — ответил ему Дэйн. — Откуда поступает Белый Порошок?

— Обычно мы брали его в горах, поблизости от персидского города Имам-баба, — сказал Хитай.

— Белый Порошок делают там?

— Нет. Мы просто там назначали встречу. Там алтай должны передавать порошок душкам, а душаки должны доставить его туда, куда им скажут. Так было до начала раздора.

— А где алтай берут Белый Порошок? — спросил Дэйн.

— Не знаю. Алтай держат это в тайне. Но я знаю тропы, которыми они ходят, и могу проследить за ними до нужного места.

— Куда вы доставляли порошок?

— Мы переправляли его всего за несколько сотен миль и отдавали иностранцам, с которыми встречались в условленных местах.

— А что это за иностранцы?

— Арабы. Но не спрашивай меня, иранские это арабы, иракские или саудовские, — для меня все арабы одинаковы.

— Кто первый вовлек алтаев в этот промысел?

— Этого я тоже не знаю. Алтай могут сказать только то, что это богатый иностранец. Но они намекали мне, что он американец.

Дэйн заплатил Хитаю еще несколько тысяч риалов и задал еще несколько вопросов. Но он исчерпал до дна знания этого человека. Можно было выяснить подробности участия в этой торговле душаков, но об источнике порошка и о конечной точке его следования он ничего не знал. Равно как и о некоем американце, который контролировал все это дело. Разговор подошел к концу, вопросы кончились, а за окнами стали заметны первые проблески рассвета. Видя это, Хитай собрался уходить.

Прежде чем он ушел, Дэйн спросил, не пожелает ли он или кто-то из его соплеменников провести нас через горы за Имам-бабу, по тропам алтаев до источника Белого Порошка. Хитай сказал, что, возможно, желающий найдется, но дело это очень опасное и плата потребует соответствующая.

Мы договорились, что обсудим соглашение на следующий вечер. И Хитай ушел.

Мы с Дэйном оба устали и решили поговорить обо всем после того, как выспимся. Я был рад этому, потому что мне было трудно сказать Дэйну одну вещь. Он мог, если у него было такое желание, лезть в горы с кучей сумасшедших туркменов и сложить там голову, как ему заблагорассудится. Но я не собирался идти с ним. Я сделал уже достаточно и теперь хотел получить свое вознаграждение. А потом вернуться в Исфаган.

Глава 7

Мы проснулись к полудню и вышли к ленчу в столовую отеля. За десертом я сказал Дэйну, что не собираюсь сопровождать его в горах.

— Почему? — спросил Дэйн.

— Потому что не намерен покончить жизнь самоубийством — ни за какие деньги.

— Это совершенно понятно, — сказал Дэйн. — Но в предстоящей поездке нет ничего опасного. С нами будут вооруженные люди, и идти мы будем осторожно.

Тут я презрительно рассмеялся.

— Поможет ли нам все это, если мы попадем в засаду? И какие предосторожности помогут нам в горах Копетдага? Вы же видите, как вас встретили в Мешхеде. И что, по-вашему, будут делать алтай-туркмены, когда вы приедете в Имамбабу?

— Всегда можно найти способ сделать свое дело, — сказал Дэйн, что я счел совершенно неудовлетворительным ответом.

— Может быть, — возразил я. — Но вы можете и не найти то, что ищете.

— Думаю, что найду. Но я не вижу способа убедить в этом вас.

— Это действительно невозможно.

— Я собираюсь дать Хитаю две сотни долларов за то, что он будет моим проводником, — сказал Дэйн. — И еще сотню тем душакам, которые пойдут с нами. Как вы думаете, этого хватит?

— Более чем.

— Вам я собирался дать тысячу долларов.

На мгновение названная сумма ошеломила меня. В Исфагане тысяча долларов — это фантастические деньги, с ними можно постепенно возместить все утраты моей семьи. Я заколебался было, но все же справился с собой.

— Это превосходная сумма, но извините, я не намерен идти в горы с вами и этими изменниками-туркменами.

Я ждал его следующего предложения. Но его слова меня удивили.

— Хорошо, — сказал он.

— Прошу прощения, мистер Дэйн.

— Я сказал — ладно, — повторил Дэйн. — Я заплачу вам за уже проделанную вами работу и попрошу сделать для меня еще кое-что.

— Что именно?

— Я хочу, чтобы вы нашли человека вместо себя. Мне нужен человек, который знал бы английский и турецкий, умел обращаться с оружием и пошел бы со мной в горы. За это я заплачу ему полторы тысячи долларов — и ни на пенни больше. Вы можете найти такого человека?

Я подумал и понял, что могу найти десятка два таких людей, и все это будут недостойные воры и бродяги. Мне было очень неприятно думать, что мои полторы тысячи долларов могут достаться таким людям — да и вообще могут достаться кому-либо, кроме меня. Меня огорчало расставание с человеком, в распоряжении которого находилось такое богатство. Если я останусь с Дэйном и потом останусь в живых, я могу сделать себе состояние. Но если я вернусь в Исфаган сейчас, то не получу ничего, кроме нескольких сотен долларов, — а этой суммы мне было явно недостаточно.

— Итак? — спросил Дэйн. — Вы можете мне кого-нибудь назвать?

— Такие люди есть, — сказал я. — Но они ограбят вас и сбегут при первой возможности.

— Я рискну. Назовите мне их имена.

Я надолго задумался и понял, что не могу упустить такую возможность. Шанс разбогатеть выпадает очень редко и неизбежно сопряжен с риском. Если я хочу когда-нибудь выкормить свою семью, я должен принять участие в этом безнадежном деле.

— Мистер Дэйн, — сказал я. — Я трижды дурак. Но я предпочту пойти с вами сам, положившись на вашу сообразительность и предусмотрительность, чем оставить вас на волю кого-либо из этих людей.

— Спасибо, Ахмед.

Я сурово кивнул.

— И за свою службу я попрошу всего лишь пять тысяч долларов.

— Я заплачу полторы тысячи. Но если вы останетесь со мной до конца, пока мы не выясним, как и кем героин вывозится из Ирана, я заплачу вам еще полторы тысячи.

Мы торговались еще полчаса, но Дэйн проявил твердость адаманта. Все, чего я от него добился, — это обещания дополнительного вознаграждения, если я хорошо сделаю свое

дело. Пришлось остановиться на этом, но даже три тысячи долларов перевешивали опасности, с которыми мы могли встретиться в горах. Итак, я принял предложение Дэйна и отправился закупать припасы для путешествия.

Вечером в гостиницу снова пришел Хитай. Он и его соплеменники были уверены, что смогут выследить алтаев до того места, где они получают героин, и сделать это, не подвергая нас всех опасности. За это они потребовали восемьсот долларов для себя и еще две с половиной сотни после окончания дела.

Я не был уверен в том, что Хитай сможет выполнить все свои хвастливые обещания. Но нам, кажется, не оставалось ничего другого, как продолжать дело, и на следующее утро мы отправились в Имам-бабу.

Дэйн взял напрокат древний «Ситроен», на котором мы поехали на юг, к Турбат-и-Шейх, что на основной дороге в Герат. Это было сделано с целью ввести в заблуждение сартов и алтаев. Не очень надежно, но в наших обстоятельствах ничего лучше предпринять нельзя было.

От Турбата мы повернули на северо-восток, на проселочную дорогу, которая вела в Карцеллиас. Эта дорога постепенно привела нас в более высокогорную и неприветливую местность, и «Ситроен» стонал и скрипел, когда мы вели его между холмами Хорасана. Хитай тоже стонал и скрипел — он был непривычен к машинам и отказывался расстаться с ружьем и прочим снаряжением. Поэтому каждый рывок машины стоил ему синяка на боку или спине, и он твердил, что будет избит до смерти раньше, чем мы встретим врага.

Не доезжая до Карцеллиаса, мы по компасу свернули на север, остановились на ленч, а потом снова пустились в путь. Дорога наша лежала вдоль реки Кашаф, по которой проходит северо-восточная граница между Ираном, Афганистаном и Туркменской Республикой. Однако реки нам видно не было, она была в нескольких милях к востоку от нас и на несколько тысяч футов ниже плоскогорья, которое мы пересекали. Мы ехали дальше и за весь день не встретили ни души.

Еще до заката мы оказались в самих горах. Дорогу указывал Хитай, который сказал, что хорошо знает эти места. Весь в синяках, он был еще способен смеяться над теми штуками,

которые выделяла наша машина. Эта местность предназначена для ног, а не для колес, сказал нам Хитай. Он, казалось, получал большое удовольствие от того, с каким трудом наш «Ситроен» карабкался на становившиеся все круче склоны. Я видел, что он ненавидит машину нерассуждающей детской ненавистью и что он хочет, чтобы машина не выдержала, даже если это означало, что дальше придется идти пешком. На его желтом лице отражалось злорадное ожидание каждый раз, как машина натужно одолевала подъем, хрипя мотором и отчаянно цепляясь всеми четырьмя колесами за голый гранит. Усы его топорщились, узкие глаза зло сверкали, когда машина теряла сцепление и сползала обратно по каменному крошеву.

Но «Ситроен» не сдавался, и мы остановились вечером из-за темноты, а не из-за состояния дороги. Лагерь мы разбивали уже ночью. Я побаивался, что Хитай под покровом ночи прострелит двигатель — из одного злорадства, и присматривал за ним, пока он не заснул.

С первыми лучами рассвета мы продолжили наш маршрут. Дэйн снова сидел за рулем, положив одну руку на рулевое колесо, а другую на рычаг скоростей. Мы ехали самым легким путем, который только могли найти. Долгое время нам это удавалось. В душе этот «Ситроен» явно был лошадью, потому что выделял такие штуки, которые не под силу автомобилю. Дважды в низинах мы вязли в грязи. Тогда приходилось выходить из машины и толкать, причем машина сама пыталась освободиться, как живое существо. Хитай тем не менее только делал вид, что толкает, хотя время от времени вкладывал в удар всю силу, как будто хотел сокрушить металлическую обшивку.

Мы продвигались по пересеченной местности, поднимаясь все выше, «Ситроен» фыркал и кряхтел, словно вот-вот развалится на части. Затем уклон стал круче, мы одолели еще сотню ярдов, и вдруг все четыре колеса заскребли по скале, потеряв сцепление с поверхностью, а перегретый радиатор выпустил в небо клуб пара. Мгновение машина удерживалась на месте, пытаясь одолеть непосильную крутизну, потом покатила назад, набирая скорость.

Дэйн сражался с тормозами и рычагами, но «Ситроен»

был уже на пределе. Не реагируя на усилия водителя, он продолжал соскальзывать вниз, раскачиваясь из стороны в сторону на камнях, набирая скорость и катясь к скальному обрыву. Радостный вопль Хитая оборвался — он осознал опасность и теперь молил машину удержаться, собраться с силами и поехать вперед.

Я крикнул ему, чтобы он открыл дверь и прыгал, и то же самое повторил Дэйну. Но Дэйн был слишком занят попытками удержать машину, а Хитай в ужасе застыл на своем месте. И что хуже всего, я оказался зажат между ними и не мог дотянуться ни до той, ни до другой двери.

Край обрыва был уже совсем рядом. Я закрыл глаза, ожидая ужасного падения. Хитай прекратил упрашивать машину и сидел, крепко сжав в руках винтовку, как будто таким образом можно было отвести беду. Двигатель взревел. И тут, не успев я осознать, в чем дело, как мы покатались вдоль обрыва, менее чем в футе от края.

Я понял, что Дэйну удалось справиться с машиной. Он снова управлял ею и попытался затормозить. Но нажимавшая на педаль нога уперлась в пол — тормоза отказали.

Несколько ужасных секунд мы катились вдоль края обрыва, потом Дэйн резко повернул руль. Мы повалились друг на друга, когда машина резко вильнула, потом ткнулись в лобовое стекло, потому что машина задом наехала на здоровый булыжник, затормозивший ее наконец, при этом едва не сломав нам шеи.

Мы выбрались наружу. «Ситроен» не получил особых повреждений, но явно был непригоден для дальнейшего путешествия. Поэтому мы достали из багажника свое оружие и снаряжение и оставили машину на этом месте. Прежде чем мы ушли, Дэйн сказал, что «Ситроен» совершил невозможное, доставив нас так далеко, но туркмен злобно пнул машину и заявил:

— Эта мерзкая четырехколесная тварь хотела нас убить и только ждала подходящего случая. Ни одна лошадь не соскользнула бы так далеко!

После чего мы пошли пешком через горы в сторону Имам-бабы. Дэйн проявил свою чисто американскую любовь к технике, Хитай — типично туркменскую ненависть ко

всему иностранному и непривычному. Мне, единственному умеренному в пристрастиях человеку, осталось вслух согласиться с тем, что в пристрастиях обоих есть доля правды.

Ни тот ни другой не пожелали к этому прислушаться, и мы шли на север в молчании, под ярким полуденным солнцем, через скалы и снежники, приближаясь к Имам-бабе и таким опасностям, перед которыми проделки нашего «Ситроена» были просто подарком.

Хитай задал нам быстрый темп. Хотя он был так же тяжело нагружен, как мы, туркмен карабкался по скалам и валунам с быстротой горного козла. От него и пахло, как от козла, да и вел он себя временами так же, картинно замирая на очередной вершине в ожидании, пока мы с Дэйном его догоним. Никакого сомнения — Хитай был в горах у себя дома, и, когда день стал угасать, а я совсем выдохся, я уже ненавидел изо всех сил его нелепую овечью шапку, ремни крест-накрест, его мягкие сапоги, — короче, я ненавидел это чудовище в человеческом облике. Ноги мои горели, и я начал ненавидеть даже Дэйна, который шел молча, выказывая необыкновенную выносливость. Он больше нравился бы мне, если бы проявил хоть малюсенькую слабость, как всякий нормальный человек.

Так мы и шли. В сумерках Хитай сказал нам, что до Имам-бабы осталось миль пять или шесть по холмистой местности между горами и рекой Кашаф. В угасающем свете мы пошли дальше, двигаясь по самой настоящей тропе, извивавшейся между скалами. Потом я услышал шум и замер.

Ошибки не было — это был отчетливый и ясный шелчок затвора, досылающего патрон. Я посмотрел в том направлении, откуда послышался звук. Не далее чем в десяти ярдах от меня, между двумя валунами, виднелся тонкий ствол винтовки.

Раздалось клацанье стали о сталь, и я увидел, что мы окружены. Над нами, под прикрытием скал, стояли люди, и винтовки их были направлены вниз. Я торопливо оглянулся по сторонам в поисках укрытия и не нашел ничего подходящего. Засада была устроена со знанием дела, в таком месте, где невозможно отбиваться.

Молчание тянулось невыносимо долго. Ни Дэйн, ни Хи-

тай не двигались, я тоже стоял спокойно, ожидая выстрела, который оборвет мою жизнь. Сидевшие в засаде стали осторожно приближаться к нам. Я вспомнил старые истории о применяемых туркменами пытках. И тут раздался голос, нарушивший молчание.

Шедший первым сказал по-туркменски:

— Ты уже давно должен был быть здесь.

— Мне пришлось идти медленней, — ответил Хитай. —

Чтобы эти иностранцы поспевали за мной.

Хитай подошел к этим людям. Затем обернулся, небрежно направив на меня свою винтовку. Я замер и приготовился схватиться за собственную винтовку, хотя она и висела у меня за спиной.

Хитай засмеялся.

— Это мои сородичи! — воскликнул он. — Это душаки, которые пришли нам на помощь! Они тебя напугали, Ахмед, бедняга! Клянусь Аллахом, если бы ты видел, какое у тебя сейчас лицо!

Хитай упал на землю, дрыгая ногами и разрываясь от хохота. Я утешился тем, что сообщил Дэйну, что эти убийцы, очевидно, наши друзья и что они сыграли с нами обычную туркменскую шутку. Хитай явно шепнул словечко-другое своим родичам, и они, вместо того чтобы выйти нам навстречу и поздороваться, как это принято у порядочных людей, решили пошутить на свой лад.

Душаки отложили оружие и развели костер. Вскоре запахло жареной бараниной, а возле огня расстелили плащи из козьей и верблюжьей шерсти. Туркмены веселились — как всегда, когда им удастся выставить кого-нибудь на посмешище. Я сидел у огня и жевал жирную баранину. Последующие два часа Хитай насмехался надо мной и без конца повторял, какое именно у меня было лицо, когда я увидел винтовку, и как тряслись у меня руки, и как я испачкал одежду, и прочее в том же лживом духе. Он пытался отыграться на мне за ту неловкость, которую сам испытывал в Мешхеде, но я не обращал на него внимания.

Наконец он выдохся, огонь угас, и мы стали устраиваться на ночлег. Надо мной опрокинулся величественный купол звездного неба, воздух был чист и прозрачен, как бывает

только в Центральной Азии. Несмотря на оскорбления Хитай, ноющие ноги и ожидающие впереди опасности, я был доволен. Я понял, что слишком долго сидел дома, слишком долго не покидал город. Я вспоминал войну и свои тогдашние походы. Это были самые счастливые дни моей жизни, и сейчас я был так же счастлив, как тогда.

Глава 8

На следующий день мы опять пустились в путь, и вели нас туркмены-душаки самыми окольными из возможных путей к холмам, за которыми лежала Имам-баба. Вся моя радость прошлой ночи испарилась. Я устал до смерти от карабканья вверх-вниз по отвесному граниту и от тропок, по которым и коза не пройдет. Честно говоря, я скучал по Исфагану, городу равнинному. А еще меня до смерти утомили тщеславные и хвастливые туркмены, которые производили на меня впечатление переодетых детишек-переростков, играющих в разбойников. Я знал, что теперь принято рассуждать о достоинствах тех или иных кочевников, в то же самое время заставляя их жить оседло, но, по-моему, о них уже и без того сказано много. Видит бог, я прочел и услышал множество хвалебных слов о кочевниках, написанных по большей части англичанами. Авторы этих исследований восхищались туркменами, курдами, бедуинами, патанами и дюжиной других племен, у которых не хватило ума научиться обрабатывать землю, чьи представления о военном деле не идут далее засады, которые торговлю представляют воровством и культура которых состоит из перевранного Корана. Разумеется, кочевники могут быть людьми храбрыми и независимыми, но таковы же и нищие Исфагана, которые отказываются сменить это древнее, доставшееся по наследству призвание на что-либо более достойное.

Наконец мы добрались до того места в горах, откуда могли обозревать Имам-бабу и ее северо-восточные окрестности. Хитай сказал мне, что здесь мы можем спрятаться и ждать, когда алтай-текке отправятся на север за очередным грузом

Белого Порошка. Когда же это случится, мы сможем проследить за ними до источника этого порошка.

Я передал это Дэйну, добавив, что подобная идея напоминает самоубийство.

— Почему? — спросил Дэйн.

— Алтай наверняка приняли в расчет такие элементарные вещи. Они вполне могут подстроить нам засаду.

— Душаки должны были об этом подумать, — предположил Дэйн. — Спросите об этом у Хитая.

Хитай сказал:

— Алтай не станут устраивать засаду. Во-первых, они так надуты спесью, что думают, будто никто не рискнет проследить за ними от Имам-бабы. А во-вторых, никто из них не отстанет, чтобы устроить засаду. Потому что отставший будет исключен из раздела барыша, а остальные сочтут это веселой шуткой.

Дэйн кивнул, и на этом дискуссия завершилась. Я подумал, что душаки слишком уж уверены в благоприятном исходе, но не стал возражать, потому что никакие доводы не колебали бы решимости Дэйна.

Мы разбили лагерь и стали ждать. Ждали мы два дня, питаясь холодной копченой бараниной, потому что разжигать огонь опасались. За подходами к Имам-бабе наблюдали по очереди через бинокль Дэйна. Ночью в городские предместья ходили разведчики, чтобы убедиться, что алтай не проскользнули незамеченными. Прodelывалось это с основательностью и упорством, поразительными в туркменах. Я должен был учесть, что мечта о мести сделает этих людей упорными.

Время шло. Дэйн выучил несколько слов по-туркменски, и мы обсуждали с Хитаем, что следует предпринять в возможных ситуациях. Летели дни, а мы сидели в своем лагере, питаясь холодной бараниной. Я смертельно заскучал, почти заболел от подобной пищи, но пуще всего мне надоело непрерывное хвастовство этих дикарей. Постепенно я разговорился с одной туркменкой по имени Лера, самой привлекательной из пяти или шести женщин, сопровождавших нашу экспедицию. Я узнал, что она помолвлена с огромным крас-

нолицым хвастуном по имени Азиз, но она, кажется, не относилась к этому серьезно.

Мы нашли уединенное местечко на площадке в сотне ярдов от лагеря и там узнали друг друга получше. Лера была молода, но крайне соблазнительна. К несчастью, она была еще и крайне грязна, и ее хихиканье стало меня раздражать. Если говорить начистоту, я еще и боялся подцепить от нее какую-нибудь болезнь. А потому я решил продолжать свое воздержание и не позволять себе ни единого намека на интимность по отношению к ней. И вот поэтому-то мы всего лишь спокойно болтали, когда явился Азиз.

Этот отвратительный грубиян впал в неистовую ярость под влиянием собственного грязного воображения, убежденный, что я занимаюсь с Лерой тем же, чем он занялся бы с любой женщиной, молодой или старой, больной или здоровой, уединись он с ней хотя бы на три минуты. Как правило, надо просто подождать, пока туркмен не прекратит изливать свою ярость, сотрясая воздух, но мне не повезло, потому что я сказал ему, что скорее выбрал бы себе в любовницы свинью, чем коснулся бы его заразной милашки. Услышав это, Лера зарыдала, а Азиз потянулся за ружьем.

Я схватил его, чтобы не быть убитым на месте, и мы стали кататься по площадке взад и вперед, пытаясь схватить друг друга за глотку. И что хуже всего, Лера ухитрилась поднять огромный камень. Она покачивалась, как перегруженный мул, ее глаза сверкали, волосы развевались, и она выискивала возможность размозжить мне голову. Ухватив Азиза покрепче, я извивался, как дервиш. Он, увидев, что его возлюбленная так неосторожно подняла огромную каменюку, испугался за свою собственную голову и тоже покрепче ухватил меня. В этот миг он мне почти понравился.

Азиз, в полной амуниции, с ружьем, патронташем и прочей утварью, катался в обнимку со мной, Лера следила за нами, руки у нее дрожали, и камень мало-помалу выскальзывал из них, грозя убить нас обоих. Но все же я не решался отпустить Азиза, потому что мое ружье осталось в лагере. Мы бы могли трижды прокатиться по площадке туда-сюда, преследуемые Лерой, если бы Дэйн с несколькими туркменами не услышали шум и не поспешили мне на помощь.

Я поднялся на ноги. У Леры отобрали камень, и она снова зарыдала. Азиз снова схватился за ружье — возможно, рефлекторно, был брошен на колени перед ханом своего племени и стал всхлипывать. Я принялся отряхиваться, когда меня вдруг схватили и довольно основательно затрясли.

Схватил меня Дэйн. Лицо его было бледно от ярости, и он в гневе оторвал меня от земли — к удивлению свидетелей-туркмен. Он зарычал на меня, не дав возможности объясниться. Он описал мне мою тупость и несдержанность, приказал оставить туркменок в покое и пригрозил немедленно уволить меня, если я буду доставлять ему неприятности. Затем он обозвал меня по-всякому, причем некоторые ругательства явно были позаимствованы у туркмен. Все это происходило под громкий и неестественный смех душаков. Наконец Дэйн тряхнул меня в последний раз и отпустил.

Мне хотелось ответить ему в том же духе, бросить эту экспедицию и вернуться в Исфаган. Но я решил не делать этого. Дэйн нуждался во мне, знал он это или нет, и десяти туркменских слов явно не хватит, чтобы изложить план боя. Кроме того, я предполагал, что такое обращение со мной было просто спектаклем для туркмен, чтобы превратить их ярость в смех. И наконец, я нуждался в американских долларах куда больше, чем Дэйн в моей помощи. И все же я был несколько оскорблен его недостойным поведением.

Так закончился этот инцидент. Вняв предупреждению Дэйна, я решил оставить Леру и ее подруг-коровушек в покое — это оказалось не так уж трудно. С Азизом мы даже стали вроде как приятелями. Он поведал мне, что испугался булыжника в руках Леры куда больше, чем десятка вооруженных мужчин. А поздно ночью даже предложил раздобыть мне женщину за умеренную цену — каковое предложение я отклонил, рассыпавшись в благодарностях.

Еще до рассвета наши дозорные вернулись и сказали, что заметили большой отряд вооруженных всадников, направляющийся в Имам-бабу с юга. С первыми проблесками зари мы их увидели. Это были алтай. Даже с такого расстояния можно было разглядеть, что у них прекрасные лошади и новые ружья — результат процветания. У некоторых были даже

автоматы. Их было человек пятьдесят, да еще десятка два сартов.

Сарты свернули в Имам-бабу. Алтай, не торопясь, обехали город и направились в горы. Мы оседлали лошадей и молча пустились по их следу, держась в миле-другой позadi. Наши ружья, патронташи и все прочие металлические части снаряжения были замотаны, чтобы не блестели на солнце, и даже копыта лошадей мы обмотали тряпками. Алтай не озаботились тем, чтобы принять такие же меры предосторожности. Мы следовали за ними, видя отблеск солнца на их оружии. Любой производимый нами шум тонул в цокоте копыт их коней. И все же сегодня наши душаки не хвастали своей доблестью. У нас было пятнадцать бойцов против пятидесяти с лишним алтаев, и наши ружья смотрелись бледно на фоне их карабинов и автоматов. И теперь, когда мы ехали в глубь гор, к афганской границе, кое-кто из нас начал беспокоиться насчет возможной засады.

Глава 9

Несмотря на многочисленные препятствия, мы без особого труда выслеживали алтаев. Углубившись в горы после Имам-бабы, они стали чересчур самоуверенными, и клацанье их оружия и звуки голосов далеко разносились в тишине. С равным успехом они могли бы гнать стадо увешанных колокольчиками верблюдов, груженных котлами. Однако их уверенность в собственной безопасности отнюдь не основывалась на умении метко стрелять по всему, что попадется на пути. Туркменские налетчики всегда ведут себя таким образом — они считают себя орлами, и им никогда и в голову не приходит мысль, что кто-то может заслонить им солнце.

На второй день мы достигли цели. Шум, поднимаемый алтаями, затих где-то впереди. Очень тихо мы пробирались дальше, пока не смогли заглянуть с перевала в следующую долину. И там перед нами предстало самое странное и неуместное зрелище, какое только мне доводилось видеть.

Посреди диких гор, отвесных ущелий и узких расселин,

где не было никаких дорог, кроме редких тропок, едва пригодных для всадника, более чем в тысяче миль от города большого или малого, среди девственных зарослей елей и сосен, посреди небольшого луга, на берегу речушки мы увидели фабрику.

Мы моргали и терли глаза, но это был не мираж. Тут она и стояла — в миле впереди и в тысяче футов внизу, квадратная, угрюмая современная небольшая фабрика, над которой поднимался в небо дым. Это было так же удивительно, как мечеть, перенесенная целиком из Тегерана в середину Солёной пустыни.

При помощи биноклей мы увидели, как последние из алтаев скрываются за воротами фабрики. Поверху на стенах виднелись пулеметные площадки. Фабрика была построена как крепость.

Понаблюдав немного, Дэйн спросил у меня:

— В какой мы сейчас стране?

Я не знал и спросил об этом хана душаков. Он сказал, что в этих местах, где встречаются три страны, граница не определена. Мы могли по-прежнему находиться в Иране, могли сместиться к востоку на расстояние, достаточное, чтобы попасть в Афганистан, или к северу, чтобы очутиться в Туркменской Республике. Странно, но такой ответ вполне удовлетворил Дэйна.

— Значит, невозможно определить, какой стране принадлежит эта фабрика? — спросил он.

— Совершенно невозможно, — подтвердил хан. Его звали Норотай, и он был высоким стариком с необыкновенно узкими глазами. — Я сам видел карты, на них не было определенной границы.

— Превосходно, — заявил Дэйн. — Значит, ни одна страна не станет возмущаться, если мы уничтожим эту фабрику.

Норотай дважды моргнул, дернул себя за усы и посмотрел вниз на фабрику. Хитай, стоявший рядом с ним, сказал:

— Никого не возмутит уничтожение фабрики — или наша гибель.

— Ты боишься напасть на одинокое строение? — спросил Дэйн.

— У них пулеметы, — заметил хан.

— Зато у нас — внезапность, а вскоре станет темно.

— Мы не боимся сражаться, — сказал хан. — Даже против пулеметов. Но мы враждуем с алтаями, а не с фабрикой. Мы должны остаться здесь и устроить засаду на них.

Другие душаки присоединились к нему, но Дэйн рассмеялся.

— Допустим, вы убьете двадцать или тридцать алтаев, — сказал он. — У них что, нет родичей в Афганистане и Туркменской Республике? Или у них меньше родичей, чем у вас?

— Больше, — ответил Норотай. — Поэтому смерть двадцати или тридцати имеет огромное значение.

— Куда большее значение будет иметь уничтожение фабрики.

Хан пожал плечами и отвернулся.

— Послушайте, — сказал Дэйн. — Эта фабрика — источник богатства алтаев. Благодаря ей и торговле героином они могут покупать автоматы и нанимать сартов и курдов. Но без фабрики — что им делать?

Это была разумная мысль, и душаки обсудили ее. Гордость не позволяла им соглашаться с мнением соседа, и казалось, что они никогда не придут к согласию. Затем хан высказал вслух то, о чем многие думали.

— Если мы убьем достаточное число алтаев, — сказал Норотай, — то мы сами можем возглавить торговлю Белым Порошком и разбогатеет!

Это вызвало хор согласных голосов. Душаки притихли, задумавшись о богатстве, которое сможет дать им эта торговля. Некоторые искоса глянули на меня и на Дэйна. Ради того, чтобы захватить в свои руки выгодную торговлю, им пришлось бы перерезать нам глотки. Таким образом тайна фабрики не будет раскрыта, и им осталось бы только устроить на алтаев успешную засаду.

Я отступил к скале, и тут некоторые душаки положили руки на ружья.

— Только не стрелять! — крикнул хан.

— И не хвататься за ножи, — добавил Дэйн, когда я ему это перевел. — Ты в самом деле думаешь, что все так просто, хан?

Глава 10

— Может, и не просто, — ответил хан. — Но совершенно ясно, в чем заключается наша выгода.

Дэйн рассмеялся, показывая, что он презирает его измену.

— Тайна фабрики! — воскликнул он издевательским тоном. — Как ты думаешь, насколько это тайна? Или ты предполагаешь, что я забрался в эти горы, чтобы за оленем гоняться?

— Ты хотел проследить за алтаями, — сказал хан.

— Да, — промолвил Дэйн с таким терпением, как будто объяснял ребенку. — Но *почему* я захотел проследить за алтаями? Почему я не сделал так, чтобы иранская полиция арестовала их в Имам-бабе? Потому что я хотел найти источник Белого Порошка. И, поскольку героин надо где-то производить, я ожидал, что найду фабрику.

— Так ты предвидел это? — спросил хан.

— Разумеется. Героин ведь надо где-то делать. Мое начальство тоже так считает. Вот почему они согласились с моим планом пойти вместе с душаками на северо-восток и поискать в горах за Имам-бабой.

Дальше объяснять было не нужно. Примерное расположение фабрики было известно, известна была и связь Дэйна с душаками. Если с Дэйном что-нибудь случится, на душаков ополчатся не только алтай, но и вся иранская полиция. Разумеется, наши коварные союзники подозревали, что Дэйн мог и солгать насчет своего предвидения, — лично я в этом сомневался. Но душаки не могли быть в этом уверены, и ошибка могла оказаться для них роковой. Дэйн добавил еще несколько убедительных подробностей, и душаки решили согласиться с ним.

Далее Дэйн привел доводы за уничтожение фабрики. Это было нетрудно. Фабрика была источником богатства алтаев — то есть у душаков ничего такого не было, и они хотели ее уничтожить. Дэйну стоило только намекнуть на их хитрость и отвагу и на то, что фабрику будет легко уничтожить, невзирая на пулеметы. От его слов они словно опьянели, и мы все в наилучшем расположении духа уселись и принялись составлять план атаки.

Туркмены любят поговорить о сражениях, в которых они побывали и в которых будут участвовать. Прежде чем они занялись обсуждением предстоящего дела, они должны были дать волю своей фантазии, рассказывая побасенки о былых схватках и своей древней славе в Мерве, Бухаре и Самарканде, пересказывая свои сомнительные претензии на происхождение от Бату-хана и Золотой Орды. Это обычно отнимает довольно много времени. В нашем случае — большую часть тех пяти часов, которые ушли на то, чтобы выработать простейший план.

Даже тут были разногласия. Дэйн хотел, чтобы целью нападения стало полное уничтожение фабрики. Но туркмены, взбудораженные предстоящим сражением, настаивали на таком плане, который позволил бы им уничтожить еще и полсотни алтаев. Дэйн считал это дурацким упрямством, а я — самоубийством, но выбора у нас не было. И наконец мы пришли к единому мнению.

Мы подождем, пока алтай покинут фабрику, поскольку нападать на фабрику с нашими малыми силами, когда там полно вооруженных людей, было опасно. Мы выждем полдня, чтобы алтай оказались подальше от нас на западе. Затем мы нападём на фабрику под покровом темноты. Если все пойдет хорошо, мы развернемся и двинемся вслед за алтаями, настигнем их в марш-броске и будем надеяться на внезапность. Или — еще лучше — нападём на них ночью, когда они будут спать.

Итак, мы ждали, наблюдая за фабрикой, пока не село солнце. В сумерках показались алтай. Дэйн в свой бинокль разглядел, что они везут множество туго набитых седельных сумок, которых раньше у них не было. Хитай сказал, что в таких сумках перевозят Белый Порошок.

Алтай ушли в горы той же тропой, которой приходили. Мы прятались на возвышенности, и они проехали в полусотне ярдов от нас. Это было большое искушение, да и позиция чрезвычайно удобная, и пара душаков схватились за ружья. Но мы с Дэйном напомнили им о том, что уже говорили, и они недовольно отложили оружие.

Алтай ехали беспорядочной толпой, и мы еще долго слышали производимый ими шум. Потом наступила тишина. Вскоре настала ночь. С приходом темноты фабрика ожила. Из труб повалил дым, многочисленные окна ярко осветились.

Душаки становились все нетерпеливей, но Дэйн заставил их ждать. Они ворчали, но до захода луны никто не двинулся с места. Хитай вернулся из разведки и сказал, что по углам фабрики расставлены на площадках четыре пулемета и у каждого по два человека. Но охранники не сидят все время возле пулеметов, а расхаживают по крыше, болтают, пьют чай и вообще ведут себя довольно беспечно. Внешней лестницы на крышу нет.

Это были важные сведения. Мы поняли, что охранники на крыше держатся как люди, которые вынуждены долго стоять в карауле, когда нападения явно не ожидается. Но мы не знали, сколько охранников может быть внутри фабрики. Успех нашего предприятия зависел от того, сможем ли мы быстро занять крышу и одолеть пулеметчиков, прежде чем они сумеют обратить свое оружие против нас.

Наконец луна зашла, стало совсем темно. Алтай опередили нас в продвижении на запад на много часов. Каждому душаку раз по десять повторили, что именно он должен делать. Мы взяли ружья на изготовку и тихо спустились к фабрике. Нападение началось, и, каков бы ни был его исход, туркменам будет чем хвастаться у своих очагов.

Спустившись в долину, мы залегли в темноте. Медленно, молча мы ползли к фабрике. Впереди и вверху, на фоне звездного неба, виднелись толстые пулеметные стволы и заправленные ленты. Мы слышали неразборчивые разговоры охранников. Подходы к фабрике простреливались как минимум из одного пулемета — здесь не было ни камня, ни дерева, и мы представляли собой идеальную мишень.

Наши ружья были обернуты овечьими шкурами, все металлические детали замотаны, и все же мне казалось, что мы издаем столько шума, что можем разбудить мертвого. Мы ползли, едва отваживаясь дышать, не отрывая взгляда от тор-

чащего в небо ствола ближайшего пулемета. Любой шум казался слишком громким. Когда я задел дулом винтовки о камень, показалось, будто рядом кто-то прикоснулся лезвием ножа к точилу. А когда у Хитая нож выпал из-за пояса и упал на цементную площадку, опоясывающую фабрику, звук был такой, как будто изо всей силы ударили в барабан. По счастью, нервы охранников не были напряжены так, как наши, и они ничего не слышали — или не прислушивались.

Но среди этих глухих и слепых нашелся один зрячий. Когда мы были уже в двадцати ярдах от фабрики, мы услышали лай и замерли на месте, не отрывая глаз от проклятого пулемета. Я молился — остальные, должно быть, тоже, — чтобы поганый сторожевой пес подавился и сдох, или чтобы ему попался кот, или нашлась сука, чтобы отвлечь его. Но проклятая тварь не унималась, она приближалась, и вскоре мы увидели здорового пса, несущегося прямо на нас. Он увидел нас и завыл, как душа грешника в аду. Мы услышали, как зашевелились охранники на крыше.

В этот ужасный миг я увидел, что Норотай и еще кое-кто разворачивают свои ружья и берут на прицел пулемет. Двое или трое были готовы пристрелить пса, но Дэйн велел им пока не стрелять.

На крыше охранник перегнулся через перила и закричал, чтобы пес уgomонился. Тот продолжал лаять, и охранник с руганью исчез.

Я был ошеломлен таким поворотом событий и не мог понять, почему охранники не обратили внимания на поднятую собакой тревогу. Но потом я понял. Несомненно, с момента постройки фабрики здесь ничего не происходило, зато в окрестностях было полно кроликов, на которых пес охотился и лалял. Поэтому охранники привыкли не обращать на него внимания. Но если собака продолжает лаять, почему они не посветили вниз или не спустились посмотреть?

В нескольких футах от нас пес вдруг перестал лаять. Вероятно, он был озадачен, когда увидел пятнадцать человек, которые лежали на земле, как мертвые, и подошел поближе, чтобы присмотреться повнимательнее. И обнюхать первым он решил меня.

— Быстро режь ему глотку, — зашептал Хитай.

Я стал на ощупь искать свой нож, не обращая внимания на прикосновение мокрого собачьего носа к моему уху. Ножны были на поясе, но, пока мы ползли, пояс перекрутился, и теперь ножны оказались где-то за спиной, и достать нож в такой позиции мог только циркач. Я чуть не вывихнул себе руку в попытках дотянуться до рукояти, а душаки все это время шипели мне советы, словно клубок разъяренных змей. Им было хорошо советовать мне задушить пса или свернуть ему шею — они-то были далеко. Заставить собаку умолкнуть казалось невозможно, и вдруг я воспрял духом.

Я залез за пазуху и вытащил припрятанный кусок баранины. Пес подозрительно понюхал, потом вцепился в него. Он мигом заглотил мясо и потребовал еще. Я нашарил еще кусок, потом нашел лепешку. Пока он жевал, я трепал его за уши, и через несколько минут мы стали друзьями.

Дэйн велел душакам ползти дальше. Я тоже пополз, а пес шел рядом и тихонько поскуливал, выпрашивая добавку. Мне больше нечего было ему дать, так что я полз вперед, опасаясь, что он залает опять. Но он все шел за мной, поскуливая и сопя, и таким образом мы наконец добрались до стены фабрики. Здесь мы были в относительной безопасности, потому что для пулеметов это была мертвая зона.

Тут мы собрались вместе и развернули ружья. Душаки шептались в мой адрес оскорбления, говоря, что я скоро прославлюсь тем, что сражаюсь куском мяса вместо более привычного оружия. Хитай достал свой нож и нагнулся, намереваясь перерезать псу глотку, но я гневно оттолкнул его. Пес нам ничем не навредил, и я не собирался вознаграждать его на туркменский лад. Дэйн вернул нас к предстоящему делу, и мы цепочкой двинулись вдоль стены. Пес шел рядом со мной.

Мы подошли к двери и долго стояли рядом. Мы слышали, как внутри шумят машины и иногда раздаются негромкие реплики. Двери были не заперты, и мы легко приоткрыли их. Видны были только какие-то приборы, поэтому мы распахнули дверь настежь и ворвались внутрь.

Как и было решено, восемь душакон нашли лестницу наверх и быстро взбежали по ней. Остальные рассредоточились

по помещению, двигаясь вдоль стен и целясь из ружей. Мы были готовы стрелять в любой момент.

Но наше нападение удалось. Захваченные врасплох полтора десятка человек посмотрели на нас с потрясенным видом, потом медленно подняли руки. Сопrotивлялся только один. Он схватился за карабин, но стоявший рядом Дэйн оглушил его прикладом.

Потом мы слышали на крыше ружейные и револьверные выстрелы. Послышались вопли, потом наступило молчание, а затем застрочил пулемет. В ответ раздались выстрелы из ружей. Мы стояли и слушали, ругаясь, что наши восемь человек оказались не способны быстро смести охранников. К первому пулемету присоединился второй, и винтовки умолкли. Затем все стихло.

Мы ждали, направив ружья на лестницу и опасаясь худшего. Охранники явно победили. Если так, дела наши были плохи. Мы не могли покинуть фабрику, пока пулеметы оставались в руках врага.

Люк в потолке открылся. Мы стали целить в темный квадрат, и Хитай пробормотал:

— Может, они не будут стрелять. Они поубивают своих людей внизу.

— Несомненно, им приказано охранять этих, — сказал я. — И все-таки мне кажется, что они будут стрелять.

Однако ничего не происходило, и ожидание становилось мучительным. Норотай заметил в отверстии люка какое-то движение. Он прицелился — и взвыл, как медведь, когда Дэйн отклонил ствол его ружья в сторону.

Из люка донесся смех. Поначалу тихий, он вскоре превратился в неудержимый хохот. Потом насмешливый голос крикнул:

— Норотай! Ты собрался убивать собственных родичей?

Смеясь над нашим испугом, восемь душакон спустились по лестнице, неся тяжелый пулемет. Они ворвались на крышу, как лавина, сказали они нам. Каждая пара устремилась на заранее выбранную пулеметную позицию, а там пустила в ход сначала ножи, потом ружья. Охранники совершенно растерялись. Тех, кто не был убит сразу, отгеснили на середину крыши, и пулеметы достались душакам. Охранники схвати-

лись за револьверы и открыли огонь. Их расстреляли сначала из ружей, потом из пулеметов, разорвав в клочья. Когда бой кончился, душаки подошли к люку — и оказались на мушке у Норотая!

Норотай зло обругал своих людей за опасные шутки, но они продолжали настаивать на том, что наслаждались они не дольше, чем резали глотки охранникам. Оправдание было слабенькое, но Дэйн привлек внимание Норотая к работникам фабрики, которые сбились в кучку и стояли, подняв руки. Лица у них были бледнее их рабочих халатов. Очевидно, они думали, что настал конец света и что их убьют на месте.

Боялись они не зря — наши туркмены выглядели сущей бандой дьяволов и были в два раза опасней обитателей преисподней. Но сейчас они были возбуждены и счастливы, и им больше не хотелось убивать. Сначала мы решили осмотреться и узнать кое-что о фабрике, которую захватили.

Глава 11

Эта небольшая фабричка в горах была удивительным местом. Она выглядела куда современной тех заводов, которые я видел в Тегеране и Стамбуле. С одной стороны стояли печи, от которых вдоль стен тянулись трубы. Другие трубы были подведены к сверкающему оборудованию. Там были точные приборы со шкалами, трубками, ретортами, горелками, мензурками и прочими штуками. Там были металлические коробки с каким-то белым гранулированным химикатом, который, по словам Дэйна, использовался в процессе получения героина. С другой стороны были устроены сушилки, странной формы сосуды и мензурки со спиртом для очистки опиума. Мы нашли лари, заполненные круглыми темными головками размером с большой кулак. Это был опиум, и по его цвету я опознал, что он происходил из Хорасана, Белуджистана, Афганистана и Турции. А в самом дальнем конце лаборатории мы нашли конечный продукт, героин, часть которого еще оставалась в плоских резиновых лотках, но большая часть была запакована в маленькие металлические контейнеры.

Все это было необыкновенно интересно, и мы обратились за разъяснениями к техникам. И тут перед нами возникло неожиданное препятствие — все они говорили на странном и непонятном языке. Это были невысокие кривоногие люди с широкими бесстрастными лицами и раскосыми глазами. Я задавал им вопросы на разных языках — и наконец обнаружил несколько слов на знакомом мне диалекте тухоло. Основываясь на своем открытии, я определил в этих людях западных монголов, из Улангома или Узун-Булака, а то и из самого Улан-Батора. Но кое-кто из туркмен со мной не согласился. Они сказали, что эти люди действительно монголы, но они явно олоты из пустыни Синкьянг. Другие настаивали на том, что это уйгуры с гор Каракорума, а третьи были уверены, что они с Кашгара. В ответ на все это рабочие отважно кивали, соглашаясь со всем, и непрерывно лопотали на своем неведомом языке.

Я продолжил расспрашивать их, пустив в ход все свои познания в тухоло. Но говорили они правду или врал, а казалось, что понимают они только отдельные слова. Я спросил у них, как мог, прибыли ли они из Улан-Батора. Они с готовностью закивали. То же самое они сделали в ответ на предположения, что они из Кашгара, Синкьянга и Каракорума. Наконец, выйдя из себя, я спросил, уж не из Нью-Йорка ли они приехали. Они согласились и с этим, причем непрерывно что-то толковывали мне на своем наречии.

— Что вам удалось узнать? — спросил меня Дэйн.

— Я узнал, что эти люди прибыли отовсюду, — какое место ни назови, они соглашаются, — угрюмо ответил я. — Они говорят на языке, которого не понимает никто, кроме них самих, — если только они сами могут понять друг друга. По облику и речи они монголы. Но нельзя с уверенностью сказать, из Монголии они, Синкьянга, Китая или Тибета.

Хитай дернул меня за рукав и горячо зашептал на ухо. Я повернулся к Дэйну:

— Обычно идеи, возникающие у туркмен, бесполезны. Но Хитай, кажется, додумался до дельной мысли. Он считает, что наилучший способ получить от кого-нибудь информацию — это раскалить шомпол докрасна и прикладывать

его к телу, пока допрашиваемый не заговорит на понятном языке.

— А если предположить, что допрашиваемый не знает ни одного из известных вам языков? — спросил Дэйн.

— Судя по опыту туркмен, — серьезно ответил я, — человек, подвергнутый такому допросу, обязательно найдет способ пообщаться.

Дэйн задумался, что меня удивило. Я ожидал, что он с порога отвергнет эту идею, потому что для серьезного допроса у американцев и англичан кишка тонка, хотя они невероятно усердны, когда дело касается уничтожения вещей. Но Дэйн идею допроса обдумал. Наконец он покачал головой.

— Мы не будем их пытаться, — сказал он. — Собственно говоря, мы даже не будем больше задавать им вопросы.

— Сэр?

— Вы слышали, что я сказал, Ахмед. Меня не интересует, откуда они прибыли.

— Мистер Дэйн, вы в самом деле хотите узнать об этом заводе, кто им владеет, кто его построил...

— Нет, — сказал Дэйн. — Эта территория на стыке трех стран никому не принадлежит, здесь работают люди из четвертой страны — или вообще без гражданства. Это меня устраивает как нельзя лучше.

— Боюсь, что я не понимаю, сэр.

— А я уверен, что понимаете. Если эта нелегальная фабрика принадлежит русским, афганцам или иранцам, то я должен покинуть ее и послать официальную жалобу по дипломатическим каналам. Опять же, если рабочие скажут мне, что они жители Монголии, Китая или Тибета, приехавшие сюда с разрешения правительства, у меня не будет права держать их на мушке или убивать их пулеметчика. Теперь вы понимаете?

— Кажется, да.

— А сейчас мы обнаружили нелегальную фабрику неизвестно на чьей территории, на которой работают люди неизвестной национальности, да еще к тому же неизвестно, кому она принадлежит. И все ясно.

— Да, сэр, — сказал я, поражаясь его глубокому пониманию тонкостей международных отношений. — Мы уничто-

жаем эту фабрику, которая никому не принадлежит, и никто не может пожаловаться.

— Вот именно. Выведите этих рабочих из здания и приступайте.

Двое туркмен выгнали рабочих с фабрики, а шестеро других залезли на крышу и спустили вниз оставшиеся пулеметы. Остальные готовили фабрику к сожжению. Сделать это было легко, поскольку в цистернах тут хранилось изрядное количество спирта. Мы обрызгали им все вокруг и вышли из здания. Честь зажечь огонь Дэйн предоставил Норотаю.

Фабрика занялась ярким пламенем, и мы радостно закричали, когда огонь взметнулся в небо. Даже рабочие-монголы радовались этому зрелищу — для них оно означало всего лишь временную потерю работы. Туркмены знали, что они нанесли тяжелый удар по своим врагам. Дэйн знал, что он пресек источник местной торговли героином. Эта фабрика, по частям переправленная через горы, пустыню и степь, вполне возможно, никогда больше не будет восстановлена. А даже если и будет, то иранская полиция станет теперь приглядывать за окрестностями Имам-бабы.

И я тоже чувствовал глубокое удовлетворение от сделанного, потому что доллары Дэйна были, считай, уже у меня в кармане, и я мог подумать о новом доме для себя и своих родителей, о доме с садиком и виноградником, прохладными стенами и приличной обстановкой. Я смогу жениться на девушке из хорошей исфаганской семьи — древность моего рода и нынешнее богатство делали это вполне возможным. Моя жена будет смуглой, стройной и красивой, спокойной, хорошо воспитанной и бесконечно очаровательной. С ее приданым и моими деньгами мы сможем открыть дело, достойное моего нового положения. Очень похоже, что я смогу стать богатым, иметь много детей, снискать большое уважение в Исфагане...

Эти восхитительные мечтания прервал Хитай, который грубо дернул меня за рукав.

— Хватит мечтать, — сказал он. — Есть еще работа.

— Какая работа? — спросил я.

— Такая. Мы должны сейчас же уйти отсюда, перехватить алтаев в горах и устроить им засаду.

Я совершенно забыл об этой части плана. И, вспомнив, не испытывал особого энтузиазма. Тем не менее я напомнил о нем Дэйну.

— Я тоже не в восторге от этой идеи, — сказал он. — Но я хочу перехватить последний груз героина, прежде чем он покинет пределы этой страны. И еще я должен выяснить, как его вывозят из Ирана и доставляют в Соединенные Штаты.

— Но как вы сможете это выяснить? — спросил я.

— Придумаем, — пообещал Дэйн.

Это означало, что мое вознаграждение еще не упало в мой карман. Дэйн велел мне сказать туркменам, чтобы те готовились выступить, и привести к нему Норотая и Хитая.

Что и было сделано. Дэйн подробно выяснил, что они знают о том, куда девается героин с фабрики. Но они мало что могли ему сказать. В их задачу прежде входило встретить алтаев у Имам-бабы, принять героин и отдать его группе арабов в окрестностях Турбат-и-Шейха. Что эти арабы делали потом с героином, кому его передавали, кто вывозил его из Ирана и как его переправляли в Америку — этого туркмены не знали.

Пока приходилось довольствоваться этим, но мы надеялись узнать больше от алтаев.

Пожар еще бушевал, когда мы собрались уходить. Сначала туркмены хотели убить монгольских рабочих. Никакой особенной причины для этого у них не было — просто привычка. Но Дэйн их отговорил, сказав, что убивать беззащитных не по-мужски. И застыдил туркмен до такой степени, что они отпустили рабочих восвояси.

Мы направились в горы по той тропе, по которой десять часов назад ушли алтаи. В свете догорающего пожара нам было видно, как монголы о чем-то разговаривают. Казалось, они не знают, что им делать. Я думаю, что, если бы они могли говорить на нашем языке, они присоединились бы к нам. Как бы то ни было, посоветовавшись, они пошли на восток. Они вполне могли дойти до Афганистана. Но до ближайшего поселения им предстояла прогулка в сотню миль.

Нас тоже ожидал утомительный бросок. Туркмены забрали с собой все четыре пулемета с фабрики. Даже разобранные на части, которые раздали пятнадцати человекам, эти пуле-

меты были тяжелым грузом. Но туркмены сказали, что смогут продать их в Афганистане за пятьсот долларов каждый, и были полны решимости тащить их по крутым горным тропам.

Глава 12

Мы превосходно провели время в горах. Туркмены шли с перекошенными от напряжения бледными лицами, сгибаясь под тяжестью дополнительного веса стволов, треног, жестянок с патронами и тому подобного. Но шли они быстро, и на рассвете мы остановились только для того, чтобы быстро перекусить, затем снова двинулись в путь. В середине дня мы сделали такую же короткую остановку, а после нее еще прибавили шаг.

Я поневоле восхищался этими туркменами. Это были великие хвастуны и крайне неотесанные люди, но, кроме того, они были выносливы и невероятно упорны и способны совершить марш-бросок в условиях, которые убили бы человека цивилизованного. Такие солдаты сделали бы честь любой стране, если бы какая-нибудь страна сумела найти цель, за которую они согласились бы сражаться.

В середине дня мы нашли следы алтаев, а еще часом позже обнаружили навоз их мулов, который был еще теплым. Они не могли оторваться от нас больше, чем на несколько миль, и мы выслали вперед дозор и назначили человека, чтобы высматривать снайперов. Без всякой команды душаки прекратили разговоры, и мы укутали свое снаряжение, чтобы не звенело.

Вернулся дозор уже в сумерках. Они заметили алтаев в полумиле впереди, насчитав сорок три человека, расположившихся лагерем прямо на тропе. Кажется, нам удалось застать их врасплох, и теперь туркмены быстро двинулись вперед, чтобы напасть на них.

Спустились сумерки, когда мы заняли позицию для атаки. Алтаи были в пятидесяти ярдах от нас. Некоторые еще ели и болтали, другие уже легли спать. Мы молча подкрались поближе, пока лагерь не оказался в пределах досягаемости

всех пятнадцати винтовок в руках душаков. Ни я, ни Дэйн не принимали активного участия в этом смертоубийстве. Это была свара сородичей, которая нас не касалась.

Все взгляды были прикованы теперь к Норотаю, который должен был дать сигнал к атаке. Душаки вскинули ружья к плечу. Хан поднял руку и, выдержав драматическую паузу, резко опустил ее. И тут же лагерь алтаев накрыло залпом, за которым последовал беглый огонь. Я видел, как пули взбивали фонтанчики пыли. Ответный огонь алтаев был недружным и редким. Застав врага врасплох, душаки были готовы перезарядить ружья.

В этот момент Дэйн схватил меня за плечо.

— Прикажи им развернуться и искать укрытия! — сказал он.

Я не мог понять, что его встревожило, но он тряхнул меня так яростно, что я передал его приказ Норотаю. Сначала хан оставил приказ без внимания, но тут до него дошло — как и до меня, — что сопротивление алтаев слишком слабое и что легкость, с которой мы застали их врасплох, слишком подозрительна. Он медлил, Дэйн кричал на меня, а я кричал на Норотая.

Норотай отдал приказ, и вовремя. Как только душаки стали искать укрытия, сверху и сзади на нас обрушился огонь из пулеметов и ружей. И одновременно впереди стрельба стала более организованной и массивной.

Роя яму другим, мы сами ухитрились в нее ухнуться.

Мы с Дэйном бросились наземь. Кругом свистели пули, и мы укрылись за валуном. Но это было ненадежное укрытие. Мы снова привстали, и тут пуля ударила в камень в дюйме от моего лица, осыпав меня осколками. Один порезал мне лоб, и кровь залила мне глаза. Она текла так, что я не успевал вытирать ее. Я сделал пару шагов вслепую, уверенный в том, что пришел мой час. Тут Дэйн ухватил меня за руку и за ногу, и я ощутил, что лечу. Я заорал — мне показалось, что он сошел с ума и сбросил меня с обрыва.

На самом деле он почти забросил меня под прикрытие крутого горного склона. Он перевязал мне рану, и я увидел,

что четверо наших душаков убиты, захваченные врасплох этим нападением. Другие одиннадцать смогли добраться до склона. Все мы залегли в ряд под обрывом, который прикрывал нас от огня сверху и защищал от алтаев спереди и сзади. Но эта безопасность была временной.

В этом положении мы могли отстреливаться только из двух стволов. Стрелять мог только тот, кто стоял первым в ряду, и тот, кто был последним, что они и делали. По приказу Норотая они вели беглый огонь, а остальные перезаряжали им оружие. Мы удерживали позицию, но не могли сменить ее, и вскоре решительная атака алтаев должна была сокрушить нас.

И тут в человека, замыкавшего наш строй, попали. Он рухнул на колени, получил еще одну пулю и упал, оказавшись за пределами укрытия. Его прикончили из пулемета. Его место занял другой. Тот, который находился во главе колонны, был защищен лучше, но пули рикошетом отлетали от скалы и свистели рядом с его головой. Такими темпами нас могли перестрелять одного за другим в течение часа.

— Что там с пулеметами? — спросил Дэйн.

Я перевел его вопрос. Норотай быстро огляделся и покачал головой.

Душаки побросали унесенные с фабрики пулеметы, когда по ним стали стрелять. Пулеметы лежали на земле, вне пределов досягаемости. Но даже если бы мы могли их достать, они бы нам не помогли. Это не было легкое ручное оружие, которое использовали алтаи. Это были тяжелые пулеметы, предназначенные для стрельбы со стационарных позиций. И однако они казались нашей единственной надеждой.

Некоторое время Норотай отказывался говорить о пулеметах. Он был слишком огорчен тем, что попал в ловушку, и тем, что приказал стрелять по свернутым тряпкам, которые выглядели как устроившиеся на ночлег люди. Но в конце концов он прекратил проклинать свою злую судьбу и занялся пулеметами.

Их невозможно было достать, но без них наше положение становилось безнадежным. Было темно, но алтаям, которые стреляли по всему, что движется, хватало и света звезд. Норотай шепнул что-то одному из своих людей, тот в ответ храбро

кивнул головой. Затем он сказал что-то Хитаю, который пожал плечами и передал мне свою винтовку.

Он лег на землю и пополз к пулеметам. Наши стрелки еще яростней стали перестреливаться с алтаями, и под свист пуль Хитай пополз.

Он добрался до пулемета и медленно стал тянуть его за собой обратно к укрытию. Он едва отполз на три ярда, как алтай стали стрелять по нему. Хитай вскочил на ноги, получил пулю, проковылял три шага по направлению к нам и упал. Душаки подхватили его, не дав упасть на открытом месте. Хитай был ранен в плечо, а еще ему задело бок. Раны не были серьезными, но из боя он выбыл.

Это нас напугало, и мы попросту жались к скале, как бессловесные животные, а кругом свистели пули алтаев. Сделать ничего было нельзя, потому что вражда у туркмен не знает пощады и милосердия. А эти четыре пулемета так и лежали у нас перед глазами, дразня своей недоступностью.

Дэйн, однако, не собирался пускать дело на самотек. Он долго смотрел на пулеметы, прикидывая расстояние до них. Потом сказал мне:

— Добудь мне веревку.

Я перевел это Норотаю, который вытянул из своего мешка черную веревку из конского волоса. Дэйн измерил ее рукой и сказал, что нужно еще. Однако больше веревки не было, поэтому Дэйн забрал у троих туркмен их кушаки из плотного шелка и связал вместе. Получилась веревка длиной футов в двадцать, и Дэйн проверил все узлы на прочность.

Затем он намотал веревку на руку. Я ждал, что он попробует набросить петлю на пулемет на манер техасских лассо. Но намерение его было совсем другим. Вместо этого он вручил мне один конец веревки, дождался усиления стрельбы и с душераздирающим воплем ринулся вперед.

Это застало нас всех врасплох, и некоторые бросились вперед помочь ему, но град пуль заставил нас отпрянуть обратно. Мы поняли, что он не убит и даже не ранен. Он упал менее чем в десяти футах от ближайшего пулемета. И теперь незаметно, дюйм за дюймом, придвигался к нему.

Все мы пытались догадаться, что он собирается делать, и молились за успех. Очень медленно Дэйн полз к пулемету,

разматывая веревку. В ночной темноте не было видно, движется он или нет. Главной опасностью была случайная пуля. Алтай, не видя подходящей цели, бесприцельно палили по трупам.

Минуты шли, и Дэйн дотянулся до ствола пулемета. Напрягая зрение, мы увидели, что он обмотал его веревкой и пополз дальше, к треноге. Я хотел крикнуть ему, чтобы он возвращался, но ствол сам по себе, без треноги и боеприпасов, ни на что не годен, и Дэйн это знал. Несколько мучительных минут — он добрался до треноги и зацепил ее. Затем он пополз дальше, на этот раз пытаясь добраться до цинки с патронами.

Но не успел он дотянуться до нее, как застрочил ручной пулемет, и трупы задергались под ударами пуль. Дэйн замер на месте, а мы в ужасе следили, как пули ложатся все ближе и ближе к нему. Тут со стороны алтаев раздался яростный вопль, и пулемет смолк. Дэйна так и не обнаружили, и вождь алтаев приказал своему пулеметчику не тратить понапрасну ценные боеприпасы на мертвых.

Дэйн снова пополз и добрался до цинки. Мы воспряли духом, но тут увидели, что длины веревки не хватает. Мы ждали, затаив дыхание, пока Дэйн подтягивал цинку дюйм за дюймом к тому месту, где ее можно будет крепко привязать. Теперь ему оставалось только вернуться под прикрытие скалы.

Он снова медленно пополз, нас разделяли уже всего десять футов. И тут алтай заметили движение и открыли огонь. Дэйн, в отличие от Хитая, не стал вскакивать и бежать. Вместо того чтобы попытаться проскочить под огнем, он подполз к ближайшему трупу. Он закинул руки мертвеца себе на плечи, взвалил труп на спину и снова пополз к нам.

Теперь ружья и пулеметы стреляли по нему, обнаружив подходящую цель. От трупа летели клочья, и каждый раз при попадании Дэйн вздрагивал, как будто попали в него. Но он не останавливался, защищенный мертвецом. Наконец он добрался до укрытия, и мы втащили его в безопасное место.

Тело отпихнули на простреливаемое место, и алтай разразились воплями, уверенные, что убили еще одного из нас. Дэйн стоял, закрыв глаза. Я подумал, что ему нехорошо, но

он собрался, потер глаза и приказал как можно осторожнее тянуть пулемет.

Втроем мы ухватились за веревку и стали тянуть. Тяжелый ствол сдвинулся с места. За ним потянулась тренога, а потом и цинка с патронами. Нам не нужно было приказывать тянуть медленнее — в таком положении, да еще с таким тяжелым грузом, мы просто не могли иначе.

Мы тянули медленно, проклиная каждую пядь расстояния. Дважды ствол сам по себе зарывался в землю, как якорь, отказываясь двигаться дальше. Приходилось осторожно тянуть в другом направлении, высвобождая его.

Когда пулемет одолел уже половину пути, мы увидели, что один узел распускается, — только сам дьявол мог бы связать веревку из конского волоса с шелком так, чтобы узел не скользил. Мы продолжали тянуть, и нам казалось, что мы слышим шорох, с которым шелк выскальзывает из волосистой петли. Мы проклинали Норотая за то, что у него не оказалось веревки достаточной длины, ругали Дэйна за то, что он не знает, как вязать прочные узлы. Но мы тянули, и узел распускался, пули алтаев свистели совсем рядом, и мы ждали, что вот-вот одна из них попадет в цель. Наконец мы вытянули и ухватили этот узел прежде, чем он распустился, а в следующий миг в наших руках оказался драгоценный пулеметный ствол, тренога и полная цинка патронов.

Мы возблагодарили за это Аллаха и поздравили Дэйна с успехом. Но радоваться было рано. Этот пулемет, разрешив одну проблему, поставил перед нами другую.

Для начала мы должны были его собрать, при этом прижимаясь к прикрывающей нас скале. Если кто отклонялся чуть дальше, он попадал под обстрел. Но наконец ствол был установлен на треноге, лента извлечена из цинки и заправлена куда следует. Но, даже собрав пулемет, мы еще не могли им воспользоваться. Поспешно составив план действий, мы из рук в руки передавали пулемет первому в ряду.

Просто чудо, что во время этой операции никто из нас не был задет. Тяжелый пулемет, раскачивающийся на треноге, нужно было поднимать вдвоем. А подняв, передать дальше, не высовываясь. Но в конце концов мы справились и с этим, и пулемет оказался впереди.

Теперь мы сомкнулись так тесно, как только смогли, используя мертвые тела вместо мешков с песком для защиты. Пулемет был установлен и загрохотал.

Несколько долгих секунд пулеметчик поливал свинцом пространство перед собой, вынудив алтаев отойти. Они понимали, что мы собираемся сделать, но были не в состоянии нам помешать. Большая часть их отряда находилась позади нас, и душаки удерживали противника на расстоянии ружейным огнем. Впереди алтаи, отрезанные от своих товарищей, попадали на землю под градом пуль.

И тут Норотай отдал приказ об атаке. Два человека подхватили пулемет, третий схватил треногу, четвертый — ленты. Остальные прикрывали их, паля во все стороны из ружей и воя, как стая демонов.

Мы не дали алтаям подняться. С пулеметом во главе отряда мы прорвали их ряды. Они дрогнули и пропустили нас, убираясь с дороги. Прорыв удался.

И тут предостерегающе закричал Азиз. Мы обернулись и увидели, что с тыла на нас надвигаются основные силы алтаев, рассчитывая застать нас врасплох.

Две минуты назад они бы в этом преуспели, но мы уже расчистили себе путь, и у нас было время развернуть пулемет. Из-под прикрытия скал мы поливали свинцом алтаев, едва они высовывались на открытое место — точно так же, как стреляли они в нас несколько раньше. Мы убили их с полдюжины, пока они не поняли, что засада не удалась, и не отступили в безопасное место.

На этом бой кончился. Погибли шесть душаков, в живых осталось девять, из которых трое были ранены. Вместе со мной и Дэйном нас было одиннадцать. Времени мы не теряли. Под покровом тьмы, волоча за собой пулемет, мы поспешили уйти по тропе. Одного человека мы оставили в аррьергарде, чтобы он предупредил нас в случае, если алтаи нападут еще раз. Но алтаи, у которых было больше десятка убитых и еще столько же раненых, не были склонны соваться под наш пулемет. Раздалось только несколько ружейных выстрелов, и все смолкло.

Мы продолжали шагать, хотя шатались от усталости. К рассвету мы покинули высокогорье и были в безопасности

от неожиданного нападения. Но Норотай заставил нас идти, пока мы не увидели впереди Имам-бабу. Тогда мы наконец остановились, разбили лагерь, перевязали раненых и оплакали мертвых.

Глава 13

Туркмены не любят думать о поражениях, это их вгоняет в тоску. Поэтому вскоре наша провалившаяся засада в горах превратилась в стратегический ход, а наш отчаянный прорыв виделся уже проявлением прославленной хитрости и храбрости туркменов-душаков. Это все мне поведал на следующий день Хитай по пути к Имам-бабе. Тот факт, что они потеряли более трети своего отряда, померк в сиянии их самодовольства. И кроме того, напомнил Хитай, они уничтожили фабрику, которая была источником богатства алтаев, и теперь окажутся в Имам-бабе раньше, чем алтаи, и тем предотвратят дальнейшую передачу Белого Порошка по контрабандной цепочке.

Но, к сожалению, мы обнаружили, что последнее не соответствует истине. Горожане сказали нам, что группа человек в десять алтаев прошла через Имам-бабу накануне, задержавшись только для того, чтобы нанять лошадей. Они направились на юго-запад, к Турбат-и-Шейху.

Дэйн подробнее расспросил барышников, наградив их за правдивые ответы. Мы узнали, что эти алтаи были из той компании, которая приходила с гор раз в месяц или около того. Они были вооружены и несли небольшие набитые кожаные сумки.

Сопоставив это с информацией из других источников, мы вычислили, что их послали вперед, доверив груз героина. Они явно не знали о сражении в горах и делали свое дело как обычно. Они опередили нас на целый день, и у них были лошади. Тем не менее Дэйн решил нагнать их.

Мы поспешно принялись искать лошадей. Но подходящих не было, потому что туркмены забрали всех приличных жеребцов. В конце концов мы договорились об использовании древнего «Мерседеса», собственности одного местного

землевладельца. Машина была под стать хозяину, узкоглазому маленькому человечку. Мы торговались за эту развалину битый час, и он стойко отказывался дать нам напрокат свою машину за любую цену. Он хотел ее продать. Совершенно справедливо рассудив, что мы очень спешим и машина нам очень нужна, он задрал цену весьма высоко и не торопился ее снижать. Еще через два часа я сбил цену наполовину, но Дэйн велел мне покупать, и я ее купил — за сумму, достаточную для того, чтобы свозить новый «Мерседес» на Северный полюс и обратно. Но последними смеялись все же мы, потому что Дэйн дал ему государственное обязательство вместо наличных, и старый прохиндей понял, что он может ждать своих денег от Тегерана до конца света.

Теперь мы были готовы выступать и попросили душаков сопровождать нас. Но Норотай сказал, что их дело с алтаями закончено и что маленький отряд, ушедший вперед, их не касается. Он и его люди спешили пересечь границу с Афганистаном и продать пулеметы, а еще, как я подозревал, они спешили увеличить расстояние между собой и оставшимися в горах тремя десятками алтаев.

Даже Хитай не пожелал идти с нами. Однако он сказал, что будет держать глаза и уши открытыми, и если что-нибудь узнает, то присоединится к нам. Так что Дэйн заплатил туркменам — деньгами, а не бумажками, — и мы отправились в путь вдвоем, как в самом начале.

Мы покинули Имам-бабу и двинулись с хорошей скоростью по Хорасанским холмам. Я сидел за рулем и вскоре обнаружил, что наш «Мерседес» имеет пару незначительных дефектов, — например, в нем не было тормозов. Я сумел справиться с этой трудностью, в нужное время снижая скорость и поворачивая и при этом управляясь с рычагами с искусством автогонщика. С зажиганием тоже не все было в порядке. Его приходилось долго терзать, пока вся машина не начинала трястись и дребезжать. При этом у машины был на удивление хороший акселератор, которым я и пользовался больше всего.

Пару раз Дэйн просил меня ехать помедленнее, но я объяснил, что справиться с недостатками этой машины можно только скоростью и быстрыми поворотами. Дэйн велел мне

прекратить объяснения и смотреть на дорогу. Он хотел сам сесть за руль, но я отказался от этого, заявив, что хочу привыкнуть к автомобилю этой марки. После этого Дэйн умолк. Я подумал, что он недоволен, когда дорогу перекрыла телега, и мне пришлось вилить, как сумасшедшему, чтобы ее объехать. Но Дэйн не произнес ни слова. Он сидел рядом со мной, закрыв глаза, с видом полной покорности судьбе, что было очень необычно для американца.

В предместьях Турбата наш «Мерседес» потерял крышку радиатора и лишился охлаждения. Я сумел остановить автомобиль, переключившись на первую скорость, а затем протаскиваясь вдоль какого-то сарая. Мы осмотрели машину и обнаружили, что, помимо всего прочего, коробка скоростей почти развалилась, а передние колеса вот-вот слетят.

Так окончилась наша поездка на автомобиле. Поскольку его можно было починить, Дэйн через полицию отослал его обратно прежнему владельцу вместе с платой за аренду. С его стороны это было очень великодушно, поскольку мы купили машину за настоящее правительственное обязательство.

Мы расспросили местных жителей и обнаружили, что отстает от туркмен только на полдня. Они ушли меньше шести часов назад и направились на запад, к Султанабаду. Мы были уже рядом, но снова у нас не было средства передвижения.

Мы теряли драгоценное время в Турбат-и-Шейхе, споря с начальником полиции. Этот человек, не в пример начальнику полиции в Имам-бабе, не был склонен оказать нам помощь. Он с подозрением просмотрел наши документы и вообразил, что мы русские шпионы. Мы упрашивали этого нелепого служаку позвонить в Тегеран или Мешхед, но он отказывался, твердя, что его начальство ждет от него самостоятельных решений. Потом он разозлился, а мы сказали ему, что именно высокие чины из Тегерана с ним сделают, когда узнают о том, как он с нами обошелся. Угроза, очевидно, дошла до его крохотных мозгов сквозь кость и жир, потому что в конце концов он стал звонить в Тегеран.

Пока он дозволился, прошел еще час — он тряс свой телефон, рычал в него приказы и угрозы, его соединили не с тем отделом, потом соединили с тем, но связь прервалась, и наконец он таки дозволился.

Должно быть, инструкции из Тегерана были получены весьма выразительные, поскольку начальник полиции стал рьяно нам помогать. Он предложил нам свою собственную машину, но с первого взгляда было видно, что она не намного переживет несчастный «Мерседес». Это был тупик, потому что в Турбате не было другого транспорта, кроме нескольких мелких ишаков. Я начал уже терять надежду, но вдруг проблема решилась сама собой.

С востока подкатил огромный новенький дизельный грузовик. Начальник полиции приказал ему остановиться, и мы узнали, что грузовик принадлежит шведской строительной компании, которая строит дамбу на реке Кашаф.

— В чем дело? — спросил водитель. Это был высокий костлявый светловолосый швед, и говорил он по-немецки.

— Превосходная машина! — воскликнул начальник полиции. — Господа, она вас устроит?

— Какого черта? — воскликнул швед по-французски.

— Вполне устроит, — ответил Дэйн.

— Тогда возьмите ее вместе с моими наилучшими пожеланиями, — сказал начальник полиции, низко поклонившись.

— В чем дело? — взревел швед по-испански. — Что вам нужно?

Дэйн по-французски объяснил ему, в чем дело. Швед ударил кулаком по сверкающему красному борту своего грузовика и заявил, что он гражданский служащий, который работает на правительственный проект под эгидой нейтральной страны, и он не позволит нам забрать его машину.

Когда я это перевел, начальник полиции достал из-за пояса громадный автоматический пистолет и стал им бешено размахивать. Швед нахмурился и схватил огромный гаечный ключ. Начальник полиции отскочил, выкрикивая приказы, и ради пушей безопасности еще резвее замахал своим пистолетом.

Я успокаивал его, пока Дэйн объяснялся со шведом. Видимо, его объяснения вполне удовлетворили шведа, потому что он отложил свой ключ, подумал, покусывая губу, а потом заявил, что это забавное дело. Он попросил Дэйна объяснить

все это его компании, и Дэйн пообещал. Мы забрались в кабину, попрощались с начальником и покатили по дороге на Султанабад.

Костлявый швед оказался непререкаемым владыкой своей огромной машины, что было нелишним на извилистой дороге в Султанабад. Дорога извивалась и вилась, как умирающая змея, обвивалась вокруг отвесных скал, тянулась вдоль глубоких ущелий, потом круто карабкалась на откосы и спускалась по сухим речным руслам. Изредка по краям дороги попадались кусты, борющиеся за существование, а разок мы увидели ферму, — расположенную там исходя скорее из необоснованного оптимизма, чем из здравого смысла, — медленно умирающую под яростным солнцем. Мы были на краю Дешт-и-Кавир, большой северной солончаковой пустыни. Кроме редкой травы и ящериц, выжить здесь не мог никто, и на протяжении еще сотни миль мы вообще ничего и никого не встретили.

Наш водитель, которого звали Хансен, был серьезным человеком, постоянно имевшим вид хмурый и озабоченный, как, впрочем, и подобает человеку, занятому важным делом. Его мрачные голубые глаза и выпяченная нижняя губа показывали, что он не занимается всякой чепухой, он был на стороне здравого смысла, противником всяческих романтических глупостей. Однако он сам находился далеко от своей родины, сидел за баранкой грузовика в Дешт-и-Кавир. Он был европейцем того типа, который я часто встречал в Азии, — смущенный романтик.

Я уверен, что такие люди, как Хансен, оставляют свою скучную родину под влиянием некоего неосознанного побуждения — ради жизни под синим небом и горячим солнцем среди смуглого или чернокожего народа. И все было бы прекрасно, но многие из этих людей, выросшие в атмосфере буржуазной морали, голого утилитаризма и здравого смысла, не могут принять ужасающей простоты своих желаний. Поэтому они скрывают свои мечты от мира и от самих себя. Они говорят о высоком заработке, потому что этот довод неоспорим, и мирятся с грязью азиатских городов, плохой пищей и

скукой. Они расскажут вам, как хорошо будет вернуться *домой*. Но, конечно, смущенные романтики вроде Хансена никогда не возвращаются *домой*. Они под тем или другим предлогом продолжают свои скитания по залитому солнцем театру своей мечты.

Во всяком случае, такая у меня теория. Поведение Хансена, кажется, подтверждало ее, потому что он сначала захотел присоединиться к нам, а потом стал думать о нашем деле вообще.

Он спросил о нашей работе, но Дэйн сказал ему только то, что мы ведем совместное с иранским правительством расследование. Дальнейшие расспросы ничего не прояснили, и Хансен остался явно недоволен этим. Поскольку его командировали в эту поездку, он хотел ясности. А так как ответы Дэйна были слишком туманны, он начал изобретать собственные объяснения.

— Ну ладно, — сказал он. — Это все достаточно очевидно. Вы из ЦРУ, верно?

— Нет, — сказал Дэйн. — Я не имею к ним никакого отношения.

— Это вы так говорите, — возразил Хансен. — Секретность прежде всего, верно? Но где секретность, там, сразу видно, есть что прятать.

— Правда?

— Ну конечно! Я полагаю, что ваше дело как-то связано с Россией. Вы в ЦРУ всегда занимаетесь Россией. Вероятно, вы хотите разузнать о ракетах в Центральной Азии или поднять восстание в Туркменской Республике. Я угадал?

— Нет, — ответил Дэйн.

— Уверен, что угадал. Может, вам это неизвестно, но вообще-то в мире не приветствуют такую провокационную деятельность. Этот «У-2», десант на Кубу... Когда вы прекратите это безобразие? Вы нас всех втянете в ядерную войну. И кто тогда будет победителем? Нет, вы мне скажите — кто?

Дэйн тяжело вздохнул. Швед сказал:

— Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Я хотя и человек западной культуры, но с Россией мне делить нечего. Это понятно или как?

— Да, — сказал Дэйн.

— Так почему вы продолжаете придерживаться этой опасной тактики?

Дэйн закрыл глаза, потом открыл их и обронил:

— Политика.

— Политика?

— Конечно, — произнес Дэйн подозрительно мягко. — Учитывая сложившуюся политическую ситуацию, я не вижу, как мы можем действовать иначе. Единственная наша надежда — что результаты будут стоить риска.

— Так вы все-таки из ЦРУ! — торжествующе воскликнул Хансен. — И вы здесь для того, чтобы шпионить и подстрекать!

— Только не в Иране, — твердо заявил Дэйн.

— Конечно же не в Иране. Но вот в Туркменской Республике...

— Там готова почва для революции, — сказал Дэйн.

— Правда?

— Да это известно всякому мало-мальски информированному человеку. Я не выдам тайны, напомнив вам о восстании, которое месяц назад произошло в Таджикской Республике. Может быть, вы читали о нем в газетах. Менее известны, но отмечены в заслуживающих доверия международных журналах волнение в Синкьянге и неурожай в Киргизской Республике. Припомните еще о беспорядках в Западной Гоби, которые вызвало Монгольское Народное Движение за Независимость, а также о кочевниках-тюрках в горах Тянь-Шаня. И что мы имеем, учитывая все это?

— И что же?

— Превосходную возможность поднять мятеж по всей Центральной Азии, — важно проронил Дэйн.

Хансен нахмурился и закусил губу.

— Мятеж... Но это может вызвать всеобщее термоядерное побоище.

— Ну, мы так не думаем, — утешил его Дэйн.

— Но вы не можете быть полностью в этом уверены!

— Не разбив яиц, омлета не сделать, — с нездоровым смешком проговорил Дэйн. — Кроме того, если усиление военной напряженности окажется неизбежным, мы всегда сможем предложить русским несколько концессий.

— И какие же концессии вы можете им предложить? — спросил Хансен.

— Ну, я не вправе вам это открыть, — ответил Дэйн. — Это государственная тайна, вы же знаете. Но я полагаю, что вы читали Клаузевица.

— Нет. А что он написал?

Дэйн хихикнул и пояснил:

— Клаузевиц определил нейтральную страну как ту, которую можно отдать врагу без смущения.

— Это ужасно! — возмутился Хансен. — Но я полагаю, что вашим союзникам есть что сказать насчет этого.

— Полагаю, что так. Если мы им позволим.

Настало молчание. Потом швед изрек:

— Я не могу поверить, что вы настолько циничны. Заставить замолчать ваших союзников...

— Союзник, — сказал Дэйн, — это солдат на линии огня. Его достоинство в том, что им можно пожертвовать. Ну, как бы там ни было, а через несколько лет нам уже не понадобятся нынешние союзники.

— Почему же?

— Этого я вам сказать не могу. Я только напомню вам о том, что подтвержден факт существования разумной жизни на Марсе.

Хансен открыл рот. Потом он осознал, что над ним издеваются, и разразился потоком ругани. Выплеснув таким образом ярость, он некоторое время вел машину в угрюмом молчании. Наконец он с усмешкой сказал Дэйну, что это был отличный розыгрыш. В таком веселом расположении духа мы и въехали в Султанабад и обнаружили, что наконец-то догнали алтаев.

Глава 14

Они расположились отдохнуть в лучшей кофейне Султанабада — пятеро беззаботных желтолицых туркмен. Перед ними горкой возвышалась жареная, с приправами говядина, дорогая городская роскошь. Седельных сумок при них не

было, и они только посмеялись, когда мы спросили у них насчет Белого Порошка.

По счастью, нам на помощь пришли горожане, которые не питали любви к заносчивым туркменам. Они рассказали, что алтаи продали свои седельные сумки за серебро где-то на окраине города. Покупатели были арабами, их было пятеро — высокие, вооруженные ружьями и револьверами.

Единого мнения насчет того, что же это были за арабы, не было. Одни говорили, что они откуда-то из южного Ирана, другие настаивали, что из Ирака, а кто-то утверждал, что это были саудовцы. Но все единогласно заверяли нас, что у их джипа были специальные шины для езды по пустыне и дополнительные баки для воды и газа. Они приехали предыдущей ночью на прекрасном новеньком джипе из Турбат-и-Хайдари или еще откуда-то с севера. Здесь они получили седельные сумки и поехали на юг, к Таббасу, что в пустыне Дешт-и-Кавир.

Мы проследили еще один участок переправки героя. Он начинался в горах Копетдага и извивался по всему Хорасану. Теперь мы знали, что он ведет на юго-запад через Дешт-и-Кавир. Это было важное открытие, но оно не доставило мне удовольствия. Я ожидал, что контрабандисты направятся на юг в Белуджистан или на запад через горы Эльбурс. То, что они выбрали дорогу через пустыню, грозило осложнениями.

Дэйн хотел сразу же пуститься им вслед, но Хансен отказался ехать дальше. Он боялся за свой грузовик в предстоящем тяжелом пути.

Дэйн обратился ко мне:

— Ахмед, что скажете вы? Сможет ли этот грузовик пройти там?

— Полагаю, слабая вероятность имеется, — ответил я. — Но я не думаю, что мы должны так рисковать.

— А что же нам делать?

— Ехать в Мешхед и лететь на самолете в Йезд, где у нас появится шанс перехватить арабов.

— А как мы узнаем, в Йезд ли они поедут? — спросил Дэйн.

— Никак. Они могут свернуть на юг. Но в Йезде вероятность успеха больше.

— Это не очень хорошо, — сказал Дэйн. — Мы отстали от них всего на шесть часов, мы знаем, по какой дороге они едут, и у нас отличная машина. Лучше всего последовать за ними.

Я покачал головой.

— Извините, мистер Дэйн, но я не собираюсь идти в пустыню. Вы не знаете, что это такое, а я знаю, и у меня есть такое простое желание — остаться в живых.

Он думал, что я преувеличиваю, когда я сказал ему, что арабы поехали в самое сердце самой страшной пустыни мира. Но я говорил чистую правду и пытался заставить Дэйна понять это.

Дорога, по которой они поехали, идет по южному краю пустыни Дешт-и-Кавир, где та переходит в Дешт-и-Лут. В древние времена это был караванный путь, но такой, которого по возможности избегают. Это был кратчайший путь от Персидского залива до Тартарской возвышенности, но лишь один из десяти выживал в буранах, зыбучих песках, обвалах и прочих прелестях этого маршрута.

Это самая страшная пустыня в мире. В Сахаре и Гоби есть оазисы, но в пустынных просторах Центрального Ирана нет ни единого источника воды, кроме как в Таббасе. В других пустынях есть животные и растения — но в солончаковых пустынях Ирана не может существовать ничто живое, даже ящерицы или песчаные блохи. Трава и кактусы умирают, стервятники получают солнечные удары, и даже скорпионы издыхают на перегретых камнях.

Пересекать эту пустыню я не хотел.

Дэйн со мной не спорил, но сказал, что пятеро арабов поехали через Дешт-и-Кавир на джипе, и, кажется, для них это обычное дело.

— Путь через Дешт-и-Кавир никогда не был обычным делом, — возразил я. — Действительно, в наши дни есть машины, которые способны пересечь эту пустыню. Но они специально оборудованы, в отличие от нашего грузовика. И даже со всем этим оборудованием не все они добираются до конца пути.

Хансен, изучавший карту, поднял голову и высказал свое мнение:

— Дорога до Таббаса местами даже и не дорога. А за Таббасом местность еще хуже. Если где-нибудь грузовик сломается, нас ждет верная смерть. Мистер Дэйн, в этом путешествии нет смысла.

— Понимаю, — сказал Дэйн и несколько секунд изучающе смотрел на нас. Затем он велел мне добыть достаточное количество дизельного топлива, воды и провизии для путешествия через пустыню в Йезд. Я выполнил его приказание.

Хансен, раскрыв рот, смотрел, как все это грузят в его машину. Потом он издал невнятный вопль и схватил одного из грузчиков за руку.

Дэйн шагнул вперед и отвел Хансена с дороги.

— Что вы, по-вашему, делаете? — спросил Хансен.

— Загружаю вашу машину, — ответил Дэйн.

Хансен от души выругался — должно быть, по-шведски. Потом сказал:

— Я требую, чтобы вы прекратили это. Я не еду в Таббас.

— Я знаю, — сказал Дэйн. — Я беру ваш грузовик в долг.

Ответ Хансена был несоразмерен силе его гнева. Он начал с ругательств, а закончил тем, что обвинил Дэйна в открытом грабеже.

— Я ничего не краду, мистер Хансен, — ответил Дэйн. — Я преследую группу преступников, и ваш грузовик — единственное подходящее транспортное средство в радиусе пятидесяти миль. Вы и ваша компания получите полную компенсацию за потерю времени и за любое повреждение, которое может получить грузовик.

Хансен недоверчиво фыркнул.

— Преступники! Что это за преступники, что ради них нужно устраивать такую самоубийственную гонку?

— Они везут чистого героина на несколько миллионов долларов, — ответил Дэйн.

— Предназначенного для Соединенных Штатов?

— Да.

— Но как собираются они протащить его через границу?

— Вот это я и пытаюсь выяснить, — сказал Дэйн.

— Понятно. Я думал, что вы занимаетесь какими-то

шпионскими глупостями... Ладно. Вы когда-нибудь водили большой дизельный грузовик?

— Нет. Честно говоря, я надеялся, что вы покажете мне, как это делается.

Хансен рассмеялся.

— Показать вам, как что действует? А кто покажет вам, как управиться с машиной на крутом повороте? Да вы хоть знаете, как менять шины на грузовике вроде этого?

— Найду способ.

— Вы себя убьете.

— Я так не думаю.

— А я думаю, — сказал Хансен. — Вы сломаете грузовик, и ваша смерть будет на моей совести. Моя компания спросит, почему я отпустил вас одного. После вашей смерти они станут очень законопослушными. Извините, мистер Дэйн, я не могу позволить новичку сесть за руль своего грузовика.

— У вас нет выбора.

— А, да заткнитесь же! — раздраженно оборвал его Хансен. — Я говорю, что сам поведу машину. Вы, цэрэушники, может, и знаете все на свете о невидимых чернилах, но перед машиной совершенно беспомощны.

Дэйн поблагодарил его, и Хансен тут же пошел проверять шины. Я так и думал. Здравый смысл Хансена был не более чем маска, которую он носил для всего мира, — сердце его было полно европейского романтизма. Сначала он пытался действовать рационально, но я знал, что ничто в мире не удержит его от того, чтобы присоединиться к Дэйну и мчаться через пустыню следом за бандой головорезов.

Повернувшись ко мне, Дэйн сказал:

— Ахмед, спасибо вам за помощь. Как только смогу, я перешлю вам ваше вознаграждение.

— Спасибо, — горько проронил я. Я смотрел, как Хансен укрепляет дополнительные баки с горючим. Должно быть, ему было трудно удержать на лице усмешку.

Наконец грузовик был готов, и Дэйн с Хансеном забрались в кабину. Хансен завел мотор и взялся за рычаги. Тут я шагнул вперед, открыл дверь и забрался тоже.

— Рад, что вы переменили свое решение, — сказал Дэйн.

— Так же, как мистер Хансен, — отозвался я. — Я тоже не

хочу принимать участия в убийстве. Вы не проживете в пустыне и дня, если с вами не будет опытного человека. Кроме того, я хочу быть уверен в том, что получу свое вознаграждение и премиальные.

Мы выехали из города и покатили по плоской каменистой границе Дешт-и-Кавир. Цивилизация осталась за спиной, впереди лежал выжженный солнцем пустынный пейзаж. Я твердил себе, что я дурак и что мои спутники сумасшедшие. Потом я решил, что не буду об этом думать. Я выказал себя таким же сумасшедшим, как Дэйв или Хансен. Делать было нечего, только ждать и гадать, какие плоды принесет это безумие.

Глава 15

Мы ехали вдоль каменистой равнины, ограниченной гранитными скалами. Солнце жарило с сумасшедшей силой, превращая кабину в раскаленную докрасна клетку. Я не мог ни положить руку на край окна, ни даже прислониться к дверце. Дуновение воздуха от нашего движения не приносило ни малейшего облегчения. Он был раскаленным и душным. И в довершение всех несчастий, двигатель грузовика тоже перегревался, обжигая нам ноги. Я чувствовал себя примерно так же, как медленно поджариваемый на углях кусок мяса. Я даже не мог вспотеть, потому что воздух был невероятно сухим.

После трех часов этой пытки мы остановились проверить шины и размять ноги. Кругом не было ни пятнышка тени, кроме как от нашего грузовика. Мы несколько минут передохнули в этой тени, потом загрузились обратно.

Все попытки разговора обрывались сами собой, потому что тут же начинало болеть горло. Мы сидели каждый сам по себе, страдая от жары и глядя на пустыню. В мертвом небе не было заметно ни малейшего движения, по земле не пробежало ни одно живое существо. Двигался только грузовик, да еще далеко впереди низкие серые горы дрожали в потоках раскаленного воздуха. В этом преддверии ада способностью движения обладали только грузовик да горы.

К закату мы одолели треть пути до Таббаса. Мы остановились на ночь, потому что продолжать движение после наступления темноты было опасно. Впереди лежали плохие места — сначала горы, потом трясина, потом песчаная и каменистая пустыня, а потом снова горы. И мы не могли не принимать в расчет вероятности того, что арабы каким-то образом обнаружили, что их преследуют, и уже выбирают лучшее место для засады.

Мы наскоро перекусили и легли спать. Избавление от солнечного жара было столь приятно, что я заснул мгновенно. Но через час я проснулся. После заката поднялся холодный резкий ветер, и температура стала падать. Дрожа, наполовину больной от слабости, я завернулся в два одеяла. Ветер пробирался сквозь них, как нож, и вонзал прямо в лицо песок и гранитную крошку. Я развернулся лицом на подветренную сторону, и ветер стал морозить мне ноги и спину. Ругаясь, я свернулся по-собачьи и попытался урвать несколько часов сна.

Настал рассвет. Ветер утих, и нам выпало полчаса блаженного отдыха. Но тут встало солнце, огромное и ослепительно белое на белом небе, и вскоре пустыня снова превратилась в дьявольскую сковороду. Мы упаковали вещи и снова забрались в кабину.

Через час мы были уже в горах. Дорога, по которой мы ехали, дорогой не была — это было всего лишь обозначение места, где некогда могла проходить дорога. Совершенно непреодолимая зимой, она шла по сухим руслам рек и естественным долинам. Валуны были отброшены в сторону, взрывами расчистили что-то вроде козьих троп. Так была проложена великая пустынная дорога через Иран от Юмина до Йезда, за которую строителям заплатили миллионы. Я тешил себя мыслью, что их заставили потом проехать по своему творению.

Хансен гнал по сухим руслам так, как будто это было бетонируемое шоссе. Казалось, он решил доказать самоубийственность нашего путешествия и показать нам, что никто, кроме него самого, не смог бы управлять этой машиной

на столь коварной дороге. Он напоминал лягушку на вертеле, — крутя руль, он растопыривал руки и ноги, наклонялся вперед и назад, давил на акселератор и налетал на тормоза. Я готов был поклясться, что в его глазах горел огонь, как у дервиша, когда он исполнял этот ритуал управления машиной. Мы с Дэйном вынуждены были хвататься за потолок, борта и все, что попадалось под руку, чтобы удержаться на месте, когда грузовик кренился на очередном крутом повороте. Прямо на наших глазах глубокое русло реки сменялось обрывом. Далеко внизу была видна изъеденная поверхность пустыни, ожидающая нашего падения. Хансен давил на рычаги изо всех сил, потом проклятый обрыв сужался, и мы скребли бортом по скале, а колеса скрежетали по другому краю. Был момент, когда мы должны были опрокинуться, но потом расщелина снова сделалась шире и внезапно перешла в очередное русло. Хансен, с довольной усмешкой на лице, напевал песенку, прославляющую его умную машину. Для меня же это было подтверждением того безумия, которое вовлекло его в это приключение.

Все утро мы мчались с невероятной скоростью и были уверены в том, что в любой момент должны настигнуть арабов в их джиле. Но в обозримом пространстве не было ничего, хотя время от времени мы видели свежие следы шин или масляные пятна. К полудню мы снова были на поверхности пустыни и остановились, чтобы поесть и размять свои несчастные кости. Потом я два часа вел грузовик по камням, пока мы снова не въехали в горы.

Хансен занял свое место и с новыми силами бросился в атаку. Руслы и овраги были куда уже, чем прежде, если такое вообще возможно. Хансен бросался на них, словно обезумевший бык. Рев мотора и скрежет шин оглушали, но вдруг я услышал низкий звук и выглянул в окно, чтобы посмотреть, что там такое.

Кровь застыла в моих жилах. Высоко над нами вершина скалы, гигантский валун, казалось, висит в воздухе. Он медленно повернулся, ударился о склон, взмыл в воздух, ударился снова и обрушился вниз вместе с частью склона.

— Обвал! — заорал я.

Основная часть обвала была уже почти перед нами, ее

пыльные выступы тянулись к нам. Мне показалось, что наше спасение в том, чтобы Хансен изо всех сил затормозил.

Но у Хансена было другое намерение. Он взглянул на катящуюся лавину, вцепился в рулевое колесо и вдавил акселератор в пол.

Его стратегия была бы вполне оправданна на настоящей дороге, но в горах Дешт-и-Кавир это было самоубийством. Потому что по крыше кабины застучали камни, а дорога впереди исчезла в облаке пыли.

Глава 16

Секундой позже мы влетели в пыльное облако, и судьба наша в этот миг казалась вполне определенной. Камни колодили по крыше, а сверху катился грохот обвала. Шел ли он прямо на нас, был впереди или сзади? Это не имело значения, потому что не похоже было, что мы доживем до того момента, как нас засыплет. Первой нашей заботой была дорога, этот серпантин с обрывом слева. На скорости в сорок или пятьдесят миль в час казалось, что мы в любой момент можем сослепу соскользнуть с него.

Но тут Хансен меня поразил.

— Берегите пальцы! — крикнул он с неуместной развязностью.

Затем он рванул руль вправо. Крыло проскрежетало по скале, и я подумал, что Хансен и впрямь сошел с ума. Но тут я увидел в его маневре смысл. Хансен удерживал контакт машины со скалой. Осторожно маневрируя, он прижал весь правый борт грузовика к скале. Металл скрежетал и визжал, перекрывая грохот обвала. Грузовик трясся и скрежетал, выступ скалы сорвал фару и зеркало, половину крыла стесало напрочь, и переднее колесо, кажется, зашаталось. Хансен не обращал на это внимания, он был целиком поглощен управлением.

Он держал скорость и мягко поворачивал руль туда-сюда, удерживая контакт со скалой. Грузовик слепо продирался через облако пыли, имея слева обрыв, а справа — стон раздираемого металла, единственный путеводный знак. Мы с Дэй-

ном к этому времени были уже на полу. Осколки скалы летели в наше окно, как шрапнель, а один камень размером с голову ядром проломился через ветровое стекло.

Затем вдруг наш сумасшедший полет закончился, и мы вырвались на свет. Хансен снизил скорость, и мы с Дэйном поднялись на сиденья. Мы вспомнили об обвале и вытянули шеи, чтобы рассмотреть его. Он был далеко позади — огромный кусок скалы практически перекрыл дорогу.

— Взгляните-ка туда, — сказал мне Дэйн. Я посмотрел и увидел на склоне горы четыре или пять человек рядом с джипом. Я услышал звук выстрелов и подумал, что это, должно быть, выхлоп мотора джипа. Тут вдоль борта грузовика зашвистели пули, и я понял, что арабы обстреливают нас из автоматов.

Хансен не нуждался в инструкциях. Он рванул с места в карьер. Крошечные фигурки на горе прекратили стрельбу и побежали к своему джипу. Мы с Дэйном сразу поняли, в чем дело.

Арабы то ли обнаружили, что их преследуют, то ли просто оглядывались назад ради пушей безопасности. Они загнали свой верткий джип на склон горы, выбрали удобное место и заложили заряд динамита. Когда мы показались внизу, они взорвали заряд, рассчитывая похоронить нас под обвалом или хотя бы перекрыть нам дорогу.

Но они не приняли во внимание дурацкую отвагу Хансена — и мы не угодили в их ловушку. Если нам будет хоть сколько-нибудь сопутствовать удача, мы сможем теперь нагнать их, блокируя единственную дорогу через пустыню и вынуждая их удирать от нас.

Преимущества и недостатки этого положения были нам еще не вполне ясны, но мы не могли дать арабам оторваться от нас, пока не перевалим через горы. Дэйн понуждал Хансена гнать со всей возможной скоростью, и Хансен подчинялся ему с нездоровым рвением.

Арабы развернули свой джип. Они гнали по склону горы к тому месту, где они могли спуститься на дорогу. Они были в тысяче футов над нами. Мы отставали от их более быстрой машины, хотя Хансен впечатал акселератор в пол.

Они продолжали увеличивать разрыв, и их джип петлял

по склону, как заяц. Хансен оскалился и изо всех сил вцепился в рулевое колесо. Дэйн схватил винтовку и пытался прицелиться при этой бешеной тряске. Арабы сражались за свою жизнь, когда их джип одолевал склон невероятными прыжками.

Они были довольно далеко впереди, но тут им пришлось включить тормоза, чтобы не свалиться с обрыва, когда они достигли дороги. Джип скользил, и водитель поворачивал направо и налево, пытаясь сбавить скорость. Они сумели выехать на дорогу перед нами, но последние футов двадцать буквально пролетели по воздуху. Джип приземлился соответствующим образом, и его передние шины лопнули. Водитель сумел удержаться на дороге. Он отвернул от края обрыва в последний момент и остановился на самом краю. В следующий момент мы были уже рядом. Арабы заехали в канаву, и Хансену пришлось прижаться к краю обрыва, чтобы проехать мимо их джипа. Клянусь, я прямо-таки чувствовал, как колеса нашей машины поворачиваются в воздухе. И тут мы миновали их.

Хансен провел грузовик еще на пять сотен ярдов и там остановился. Руки у него дрожали, да и цвет лица у него был желта-серый. Он выбрался из кабины и обошел грузовик, пиная покрышки и что-то бормоча про себя. Он долго разглядывал полученные повреждения, озабоченно хмурясь, как будто пытался вспомнить, где и как они были получены. Пятнадцать минут назад это была сверкающая современная машина — теперь она выглядела грудой хлама. Ветровое стекло разбито, передняя часть решетки радиатора и фара снесены. Больше всего пострадал правый борт — поверхность была пропорота по всей его длине. Сзади красовались следы пуль, а какой-то булыжник из обвала промял точно посередине один из баков, отчего бак стал похож на верблюда.

Мы собрались на военный совет, чтобы обсудить ситуацию и выбрать наилучший способ действий. Хансен заявил, что грузовик еще пригоден к службе и что шины держатся куда лучше, чем он ожидал. Но, вздохнув, добавил, что неизвестно, сколько еще выдержит машина. Все это он произнес обиженным тоном, как будто мы с Дэйном были неопытными водителями, повредившими его прекрасный грузовик.

Бедный Хансен никогда не был в состоянии твердо решить, кто же он — благородный искатель приключений или добропорядочный обыватель.

Арабы были на время лишены средства передвижения. Но, как только они сменяют шины, они нас догонят. Они имели преимущество в скорости и маневренности, а также в огневой мощи. Мы, возможно, могли бы сдерживать их в горах, но что случится потом, было легко представить. Для того чтобы не позволить им подъехать близко и стрелять по покрышкам, мы должны были посадить на крыше наблюдателя.

Я видел, к чему ведет эта идея, и изо всех сил ей воспротивился. На крыше грузовика нет никакого укрытия, сказал я, и на такой дороге на ней совершенно невозможно удержаться. Тот, кто займет позицию стрелка, не продержится там и десяти минут.

Дэйн со мной не согласился. Он показал на карниз, шедший вдоль всей крыши, и на поднятую крышку люка в задней части. Можно уцепиться за карниз и спрятаться за люком, сказал он.

— Только не на повороте, — возразил я.

— Моя смена первая, — сказал Дэйн. — Через час смени-те меня.

Я не мог отказаться. У нас не было времени, чтобы расходовать его впустую, потому что арабы, вероятно, уже были почти готовы продолжать путь. Мы с Хансеном сели в кабину, а Дэйн залез на крышу. У него была винтовка и портупея с боеприпасами через плечо. Хансен посмотрел на разбитое ветровое стекло и покачал головой. Затем он тронул машину. Вскоре мы набрали приличную скорость.

Глава 17

К концу дня мы доехали до Таббаса, жалкого оазиса посреди Дешт-и-Кавир. Мы пополнили свои запасы воды, купили еды — уж какая нашлась у полусотни здешних обитателей, и поехали дальше. Впереди лежала худшая пустыня, а где-то позади болтался джип, полный злых вооруженных арабов.

Мы ехали по ровной местности под полной луной всю ночь. Я сменил Дэйна на его посту. На рассвете он снова занял это место. Арабы не показывались, и я начал думать, что с их джипом что-то случилось.

Но они появились незадолго до полудня и полчаса ехали за нами, явно высматривая и вырабатывая тактику.

Когда они начали действовать, это было стремительно и неожиданно. Частично скрытый плотными клубами пыли, джип рванулся на нас кавалерийской атакой. Дэйн стрелял с крыши, я — высунувшись из окна. Они палили в нас из автоматов. Я слышал, как колотят пули по задку машины, а один раз пуля врезалась в дверцу с моей стороны. Затем Дэйн вцепил пулю им в ветровое стекло и еще две — в решетку радиатора, промахнувшись по колесам. Джип немедленно отстал. Еще дважды арабы пытались обогнать нас, и оба раза мы их отгоняли. По огневой мощи они нас превосходили, но палили неорганизованно и бестолково. Кроме того, передняя часть их джипа была весьма уязвима. Сзади нашего грузовика нечего было выводить из строя — разве что прострелить шины или убить стрелка, а это были непростые мишени. Дэйн хорошо прятался, а колеса были полускрыты рамой машины и частично защищены кузовом. После третьей попытки арабы отстали и следовали за нами на безопасном расстоянии, явно пытаясь придумать некую новую каверзу.

Мы ехали весь день, остановившись только в полдень, чтобы перелить горючее из канистр в бак. Мы обнаружили, что две канистры пробиты пулями, но Хансен считал, что нам хватит горючего, чтобы добраться до Йезда. Остановились мы, развернув грузовик поперек дороги. Мы с Дэйном заняли позиции на скалах, пока Хансен переливал горючее. Арабы пытались приблизиться, но выстрелы наших дальнобойных винтовок их отогнали.

Я представлял себе, что они чувствуют. У них были превосходные автоматы, чудесные штуковины, которые как следует грохотали и выплевывали яркие трассирующие пули, и все же им помешали два человека с обычными винтовками. Дальность прицельной стрельбы была у нас по крайней мере ярдов на пятьдесят больше, чем у них, и в этом-то и заключа-

лось дело. Но арабы всегда питали слабость к грозным с виду военным игрушкам.

Дозаправившись, мы продолжили путь. Мы с Дэйном по очереди дежурили на крыше, но ничего не случилось. У нас вроде бы не было причин не дотащить арабов до Йезда, до которого было не больше сотни миль, а там арестовать их при помощи местной полиции.

Но я, конечно, не принял в расчет коварства Дешт-и-Кавир. Пустыня до сих пор была невероятно безобидной, но исключительно ради того, чтобы заманить нас и уничтожить. В сумерках она показала свое истинное лицо, затянув нас на солончак.

Мы с трудом вывели грузовик оттуда и поехали дальше уже осторожней. Поднялся ветер, и нам в лицо полетела пыль. Хансену пришлось сбавить скорость. Но, даже пустив в ход все свое умение, он не смог избежать другого солончака. Грузовик затянуло по самые оси, и мы вылезли из кабины, чтобы решить, что делать.

Едва мы прекратили движение, как пустыня обрушила на нас всю свою ярость. Ветер уже не свистел, а завывал и ревел. В воздух взвились пыль, песок и обломки камней. Мы продолжали работать, зацепив трос за заднюю ось и закорив ее на твердой поверхности. Ветер достиг силы урагана, выметая все между небом и землей. Посреди дня вдруг настала ночь, потому что не было видно даже собственных рук. Мы прекратили работу и заползли под грузовик, ища укрытия.

Однако прятались мы недолго. Дэйн наклонился к моему уху и прокричал:

— Сейчас самое удобное время для нападения!

Я крикнул в ответ:

— Если они отойдут на десять футов от своего джипа, они никогда больше его не увидят!

Но Дэйн мне не поверил, да и я не верил сам себе.

Арабы-кочевники — настоящие дети пустыни. Никто не может сказать, что они могут в пустыне, а чего нет. Я покрепче ухватил свою винтовку и всмотрелся в песчаную бурю. Никто не сумеет передвигаться в ней, твердил я себе. Это невозможно, это самоубийство, об этом и помыслить нельзя.

Но откуда-то я знал, что именно сейчас совершалось невозможное и эти пятеро отродий большой шлюхи приближаются к нам — смутные фигуры, скрывающиеся в темноте бури.

Глава 18

Мы втроем тут же устроили военный совет — голова к голове, перекрикивая шум ветра. Главной нашей задачей было уберечь себя и особенно грузовик — главным образом грузовик. Если арабам удастся лишить нас средства передвижения посреди пустыни, мы будем все равно что покойники. Дешт-и-Кавир убьет нас так же верно, как пуля в живот, и почти так же мучительно.

Хансен, нервничающий из-за внезапной потери видимости, хотел укрыться за чем-нибудь массивным и стрелять по всему, что движется. Мой план был более тонким. Мы должны были разделить, чтобы перекрывать пространство вокруг, как паутиной, со мной в центре.

Дэйн коротко разобрал обе идеи, которые, как я полагаю, характеризовали скорее наш образ мыслей, чем ум. План Хансена он назвал статичным и самоубийственным, а мой, по словам Дэйна, был неосуществим и его легко расстроить.

Он, конечно, был прав, и мы с Хансеном сердито спросили его, что же предлагает он сам.

С этой своей тягой к безумным импровизациям Дэйн уже приготовил ответ. Мы должны обвязаться веревками, сказал он, а другой конец веревки привязать к грузовику. Таким образом мы, словно козы на привязи, сможем патрулировать пространство вокруг грузовика, ползая по земле, как черви.

Мы с Хансеном стали возражать. Но Дэйн спросил — уж не предпочитаем ли мы сидеть в грузовике и ждать, пока нас кто-нибудь не пристрелит, и ответа на это у нас не нашлось. Я вообще сомневался, что найдется человек, способный переспорить Дэйна, если он что-то решил.

Через пару минут Хансен был привязан короткой веревкой — следить за мотором и передними колесами грузовика. Дэйн, на длинной веревке, стерег правую сторону, с которой

располагался бак и большая часть канистр с горючим. Я, тоже на длинной веревке, охранял тыл.

Я выполз из-под грузовика, обязанный за талию веревкой, с винтовкой на спине. В пяти футах я уже не мог различить ни грузовик, ни что-нибудь еще. Ветер выл, будто огромный зверь в агонии, и пустыня кипела, как штормовое море. Земля перестала повиноваться законам гравитации — в этой бешеной круговерти все горизонтальное сделалось вертикальным. Я уже привык к потокам песка, которые хлестали меня по лицу. Более всего меня смущало то, что я не мог понять, в какую же сторону я смотрю. Ветер пустыни, не повинующийся никаким законам, кроме своих собственных, дул со всех сторон, осыпая меня крошечным из песка, пыли, осколков камня и ошметками растений.

Я полз вперед, молясь о том, чтобы моя веревка была привязана прочно, и о том, чтобы арабы прислушались к голосу разума и остались в своем джипе. Я полз, обмотав свой тюрбан вокруг лица и почти закрыв глаза. Фут за футом я отполз на всю длину своей веревки, развернулся назад — и тут моя вытянутая вперед рука наткнулась на грубую ткань.

Я отдернул руку, как будто прикоснулся к скорпиону. Я лежал совершенно неподвижно, вглядываясь в поднятую ветром муть, — и ничего не видел, прислушиваясь к подозрительным шорохам, — и ничего не слышал. Не постыжусь сказать, что на секунду ослабел от страха.

Но я все же собрался с духом и обдумал ситуацию с ледяным спокойствием. Кончики моих пальцев еще хранили ощущение ткани. Это была грубая ткань, сотканная небрежно. Мысленно я увидел грубый небеленый хлопок арабской джеллабы. Моя рука явно коснулась одного из наших врагов. Вопрос был в том, почувствовал ли араб это прикосновение? Затаился ли он, готовый разнести меня в клочья из своего автомата, едва я двинусь с места?

Я задержал дыхание на целую вечность, в любой миг ожидая смерти. Но ничего не случилось. Не было слышно никаких звуков, кроме жестяного завывания ветра. И никакого движения, кроме крутящегося песка, камней и прочего. Я понял, что враг не смог отличить прикосновения моей

руки от ударов ветра. Преимущество было за мной, и я приготовился действовать.

Но что я должен был сделать? Винтовка, впившаяся мне в спину, была бесполезна на малых расстояниях. Если я промахнусь или всего лишь раню араба, он точно изрешетит меня из автомата. Может, нужно выстрелить и попытаться ударить его прикладом, — но вслепую это опасно.

Оставался только длинный нож у меня на поясе. Лучше всего было вскочить, броситься на противника и несколько раз ткнуть ножом. Но я медлил, потому что нож довольно своеобразное оружие, и как ни посмотри, а колоть им с яростью берсерка дело неприятное. Я уже достал его и взял на изготовку, но тут прикосновение к холодной стали вызвало у меня отвратительное ощущение в животе.

Честно говоря, я уверен, что не трусость заставила меня отступить. Общеизвестно, что человек, который может убить из ружья на расстоянии тысячи ярдов, совсем не обязательно способен проделать это голыми руками лицом к лицу. Для первого нужен инстинкт охотника, для второго — менталитет мясника. Кроме того, моим прямым делом было охранять грузовик, а не убивать арабов. Поэтому я осторожно стал отползать к грузовику, чтобы посоветоваться с Дэйном и выбрать наилучший способ действий.

Я отполз футов на пять, и тут какое-то предчувствие заставило меня остановиться. Я всмотрелся в крутящийся песок и прислушался. Потом очень медленно протянул руку вперед. Осторожно, очень осторожно мои пальцы коснулись той же грубой материи, что и раньше. Я отпрянул назад, как будто обжегся.

Каким-то образом араб обошел меня. Путь к отступлению был отрезан, и теперь оставалось только пустить в ход нож.

Я приготовился, присев с ножом в одной руке, и вытянул другую руку перед собой, сосредоточив внимание на пальцах. Я коснулся материи. Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди, я бросился вперед, издав невольный возглас, и ударил ножом.

Я упал на тело, которое извивалось с силой и хваткой питона. Я промахнулся, и нож зарылся в песок. Я выдернул его,

и тут мой противник ухватил меня одной рукой за кисть, державшую нож, а другой — за волосы. Он несколько раз стукнул меня головой об землю, и я попытался вспомнить слова молитвы.

Затем я услышал над ухом голос Дэйна:

— Ахмед, бога ради, прекратите попытки меня убить!

Скорее рефлексивно, чем повинувшись рассудку, я перестал бороться. Дэйн отпустил мои волосы, но руку еще держал. Он спросил:

— Ахмед, вы знаете, кто я?

— Да знаю, знаю, — зло ответил я. — Пожалуйста, мистер Дэйн, отпустите меня.

Он отпустил меня. Чувствуя себя полным дураком, я спросил:

— Что вы делаете на моей территории? Как я мог предположить, что...

— Я на своем месте, — возразил Дэйн. — Но вы, кажется, заблудились.

— Невозможно! Ну ладно, а как я должен был узнать вас?

— Я вам дважды сказал.

— Что?

— Когда вы в первый раз меня задели, я сказал вам, что это я. Еще я сказал вам, чтобы вы возвращались на свою сторону. Вы отошли в сторону, потом опять наткнулись на меня. Я опять повторил вам все это, вы еще раз меня задели, а потом прыгнули.

— О Аллах! — воскликнул я. — Да вы, должно быть, шептали, потому что я ни слова не услышал.

— Я кричал. Вы, наверное, слишком усердно вслушивались.

— Предположим, — сказал я, чувствуя себя еще большим дураком, чем обычно, и не в силах найти подходящий ответ. — Ветер, должно быть... А как вы поняли, что это я?

— Я слышал, как вы ругались про себя, — ответил Дэйн.

— Вот как? Странные вещи случаются во время пустынных бурь. Полагаю, мы вернемся по местам, а не станем сидеть здесь и спорить, как пара старух.

— Хорошая мысль, — согласился Дэйн и пополз прочь.

...По веревке я вернулся к грузовику и снова развернулся, на этот раз изо всех сил следя за ориентацией. Никогда в жизни я не испытывал такого огорчения. Я давно знал, что в Дешт-и-Кавир у людей бывают странные галлюцинации и что чувства временами начинают обманывать. Я знал о панике, которая иногда нападает на людей во время бури, лишая остатков здравого смысла. Но я никогда не думал, что подобное случится со мной. Особенно досадно было, что свидетелем этого стал Дэйн, который выглядел в этой истории совершенно непогрешимым. И однако я находил некоторое утешение в том, что Дэйну, возможно, просто не хватает воображения для галлюцинаций.

Час проходил за часом, а ветер все не утихал. Я внимательно патрулировал свой участок, нервы были напряжены до предела в ожидании врага, который все не появлялся. Время от времени я глотал воду с песком из фляжки и подкреплялся рисом с песком. Дело шло к рассвету — любимое время нападений арабов. Я боролся со сном и старался не терять бдительности, но глаза от усталости закрылись, и чудесное ощущение покоя охватило меня.

Распознав приближение опасности, я собрался с духом и заставил себя ползти. Но сон обволакивал меня, даже когда я двигался, и я грезил о высоких фонтанах, в которых играет радуга, о воде, текущей по мрамору, о мокрой повязке на лбу...

Внезапно я очнулся. Я спал и видел сны, пока полз, и сны казались крайне реальными. Мокрая повязка была у меня в руке, но уже сухая и какая-то странная. Потом я понял, что держу в руке кусок веревки.

Меня охватила тревога. Я подождал, и тут она заскользила вперед, а потом остановилась.

Чтобы не ошибиться еще раз, я старательнейше убедился, что это не моя веревка. Это была не моя веревка. Она принадлежала кому-то другому. Вопрос: кому?

Я сидел и думал, а веревка ползла и ползла помаленьку, почти параллельно моей, к грузовику. Я решил, что это страховка Дэйна. Я, видимо, снова оказался на его участке или он забрел на мой.

Я уже готов был окликнуть его, когда меня остановила тревожная мысль. Я снова коснулся веревки, осторожно ее ощупав. Наши веревки были из прочной крученой манильской пеньки. А эта — из простого хлопка. Я совершенно потерял чутье — эта веревка принадлежала арабу.

Я вытащил нож. Но долгое ожидание, происшествие с Дэйном и неистовая буря совершенно лишили меня уверенности и сил. Руки у меня дрожали, и я знал, что не смогу заставить себя проследить эту веревку и заколоть ее владельца. Я чуть не заплакал от разочарования. Наконец я потянулся и обрезал веревку араба, ухватил ее за конец и как следует дернул. Затем отскочил в сторону.

Реакция последовала немедленно — автоматная очередь вспорола землю рядом с тем местом, где я обрезал веревку. Я перекатывался дальше, а араб стрелял. Он палил во все стороны, но я уже был далеко.

С другой стороны раздалось три винтовочных выстрела, и затем раздался крик боли. Дэйн явно стрелял на звук. Больше выстрелов не последовало. Я представил себе, как араб ползет по земле, пытаясь найти обрезанный конец своей страховки. Я подождал немного, затем вернулся по своей веревке к грузовику.

На востоке горизонт озарился слабым желтоватым светом. С первыми лучами рассвета буря пошла на убыль. Менее чем через час ветер утих, и мы смогли посмотреть друг на друга.

Для поздравлений было мало времени. Мы снова взялись за работу, вытаскивая грузовик из песчаного плена. Он выглядел точь-в-точь как высокий крутой бархан, и, если бы мы не были к нему привязаны, мы бы его никогда не нашли. Через четыре часа мы отгребли достаточно песка, чтобы Хансен смог завести мотор и помочь нам. Еще через час при помощи лопат, веревок и рычагов мы снова пустились в путь.

Но мы были не одни. Оглянувшись, мы увидели знакомое облако пыли на дороге. Эти проклятые арабы продолжали нас преследовать. Дэйн долго разглядывал их в бинокль. На-

конец он сказал нам, что из пяти врагов у нас осталось только четверо.

Этого было более чем достаточно, чтобы компенсировать мою ошибку.

Глава 19

Человеку свойственно расслабляться после напряжения. Действие порождает реакцию, следствие энтузиазма — усталость, напряжение вызывает слабость, а героизм есть следствие плохой памяти... Из таких сентиментальных афоризмов и натянутых противопоставлений я пытался сплести философскую рамку для нового неприятного факта.

Это случилось в середине дня, когда мы спустились с гор и выехали на открытую каменистую равнину. Водитель джипа, увидев свой шанс, свернул с дороги. Держась вне пределов досягаемости наших винтовок, он вел джип параллельным курсом, потом обогнал нас и выехал на дорогу впереди. Несколько минут мы еще видели его, потом остались только пыль и выхлоп, а потом не стало видно вообще ничего.

Это было невыносимо. Мы обогнали этих арабов несколько сотен миль назад, выбрались из их засады и сражались с ними во время песчаной бури. А что в результате? В полусотне миль от Йезда они обгоняют нас с такой легкостью, как будто мы едем на осле. Несмотря на все наши усилия, мы их потеряли. В такие моменты на ум приходит только мрачная философия.

Дэйн воспринял это удручающее событие со своим обычным индифферентным видом. Когда я спросил его, он ответил, что предвидел подобное и был бы очень удивлен, если бы джип не ушел. Когда я сказал, что арабы могут вообще ускользнуть от нас, он заявил, что в мире есть множество других преступников. Может, это была шутка, но я уверен, что позиция Дэйна была к ней близка.

У Хансена не было ни перспектив Дэйна, ни моего чувства юмора. Он был очень зол и каждые пять минут проклинал арабов на четырех языках. Затем, вернувшись от прошлого к настоящему, он обвинил Дэйна в том, что тот втянул его в

рискованную и безнадежную авантюру. Он говорил весьма страстно, и через пару минут я понял, что он думает скорее о повреждениях, которые получил его грузовик, чем о себе самом. Когда до меня это дошло, я испугался, что меня разберет откровенный и грубый хохот.

— А вы! — обрушился на меня Хансен. — Беспольный вымогатель, трусливый ублюдок, дебил с куриными мозгами! И вы себя называете проводником? Ну да, вы знаете эту пустыню примерно так же, как собственную задницу, и вообще никогда ни одной пустыни в глаза не видели!

Моя рука потянулась к ножу, и Дэйну пришлось меня останавливать. Я утешился тем, что поведал Хансену неприятную правду о его услужливой мамочке, неизвестном отце, шелудивой сестрице и братце-своднике. Я выдал ему дюжину бородатых шуточек насчет его национальности, рода занятий, ума и мужественности. По слабой улыбке Дэйна я понял, что сравнивал счет, но Хансен, охваченный упрямым бешенством, даже не прислушивался. Он все еще хихикал над своей жалкой шуточкой насчет меня в качестве проводника.

Дэйн нас помирил, указав, что я вообще-то переводчик и никогда не претендовал на роль проводника. Хансен извинился, но хихикать не перестал. Я тоже извинился, заявив, что был не прав, когда судил о целой семье по одному ее представителю. Эта тонкость, разумеется, прошла мимо Хансена совершенно незамеченной. Дальше мы ехали молча, стараясь сдерживаться.

К тому времени, как мы добрались до окрестностей Йезде, усталость и упадок сил вызвали у меня полную апатию. Меня больше не волновали арабы с их героинем, и даже мысль о вознаграждении меня не радовала. Хансен, кажется, испытывал те же чувства, и мы ощутили что-то вроде товарищества. Дэйн, как можно было ожидать, держался с раздражающим стоицизмом. Но как только мы въехали в Йезд, он тут же поручил мне найти чистый туалет.

Мысль о мрачном, стойком, каменнолицем мистере Дэйне с докучающим ему полным мочевым пузырем заставила меня хихикнуть. Дэйн не видел в этом ничего смешного и сказал, что у меня примитивное чувство юмора, примерно

такое же, как у бушменов или человекообразных обезьян. Некоторое время он злился, но после того, как я нашел ему туалет, чувство юмора к нему отчасти вернулось.

Глава 20

В Йезде дорога разветвляется. Одна ветка идет на север через Исфаган, а другая — на юг через Керман. Нельзя сказать, что есть дорога на Абадан — между Персидским заливом и внутренней пустыней возвышаются Загросские горы. Обе дороги ведут на побережье очень извилистыми путями. Северная поворачивает в Даулатабаде и пересекает горы там, где они пониже — в Буруджире. Южная огибает Шираз, потом идет через прибрежное плато. В сухой сезон предпочтительнее короткая южная дорога. Именно по ней, как мы выяснили, и поехали арабы.

И мы тоже поехали — за ними следом, изнывая от жары и монотонности. Состояние нашего грузовика с каждой милей ухудшалось, равно как и наше. У нас у всех болела голова от сияния летнего солнца, гула мотора и постоянной тряски. Кроме того, Дэйн и Хансен страдали от легкой дизентерии, а меня мучил кашель из-за паров дизельного топлива. Несчастья не заставили нас сплотиться, — наоборот, каждый укрылся в своем собственном одиночестве страдания, из которого выходил только для того, чтобы пробормотать оскорбление в адрес другого. Началась перебранка, в которой наши высказывания были настолько нелепы, что я не стану их повторять. Но все же мы одолели путь через Керман, Машиз, Саидабад и Нириз.

На каждой остановке мы узнавали, что арабы выигрывают все больше времени, отрываясь от нас. Но я сомневался в том, что нас это заботит. Эта бесконечная гонка по просторам Ирана стала для нас образом жизни. Мы так пали духом, что не задавались вопросом о своей судьбе — мы просто ехали дальше, как рабы, прикованные навечно к механическому хозяину.

Я начал получать извращенное удовольствие от каждой очередной поломки грузовика. Со злорадным весельем я за-

метил, что вышли из строя амортизаторы, рулевое управление сделалось медлительней, и вся подвеска расшаталась. Я прислушивался к стуку двигателя и говорил себе, что поршни скоро пробьют в нем дыру. Я составлял список всех возможных неисправностей, какие только мог вообразить, и высчитывал их вероятность. Не имея возможности действовать, я знал, что только гибель грузовика освободит меня. И все же я продолжал наравне с Дэйном и Хансеном чинить все, что можно было.

К тому времени, как мы достигли Шираза, разговоры между нами кончились. Мы ненавидели друг друга так сильно, что не могли найти для этого слов. Бог его знает, что думали обо мне остальные, я знаю только, что один-единственный взгляд на бледное лицо Хансена вызывал у меня острый дискомфорт и желание схватить его за нос и дернуть. Что до Дэйна, то его острый профиль и полуприкрытые глаза делали его мало похожим на человека. Дэйн и Хансен платили мне таким же отвращением.

Мы вошли в Шираз как три кровных врага. Грузовик остановился у мечети Омара и отказался ехать дальше. Хансен немного поругался для виду, но я знал, что он желал конца этому железному чудовищу так же страстно, как мы с Дэйном. Мы восприняли кончину грузовика совершенно спокойно и пешком добрались до полицейского участка. Там мы узнали, что арабы на джипе проехали через город два дня назад и с тех пор о них ничего не было слышно.

Таким образом, после всего пережитого мы их упустили. Возможно, они ехали к Абадану, но в этом не было уверенности. Они могли направиться в любой другой порт Персидского залива. Они могли переправиться в Ирак через Евфрат, а могли и свернуть в Хормуз. Я сказал об этом Дэйну.

— Насчет этого не тревожьтесь, Ахмед, — с поразительным спокойствием заявил Дэйн.

— «Насчет этого не тревожьтесь», — повторил я. — Нет, конечно же, не буду. Мы гоним через пустыню, переживаем засаду и обвал, терпим невообразимые мучения, и вот вам результат наших стараний — мы проигрываем игру и приз. Гонка на тысячу миль была бесполезна! И вы мне говорите...

— Ахмед, — сказал Хансен, — не будете ли вы так любез-

ны, черт бы вас побрал, и не соизволите ли заткнуть свою вонючую пасть?

— Спокойней, Хансен, — призвал его Дэйн.

Я посмотрел на них и понял, что единственным достойным ответом будет застрелить их обоих, а потом застрелиться самому. Но самоубийство при помощи винтовки совершить трудно, — при этом придется нажать на курок большим пальцем ноги. Для этого потребуются обезьянья ловкость, и выглядеть это будет смешно. Но, с другой стороны, я мог бы взять револьвер Дэйна...

Необходимость позаимствовать револьвер у Дэйна, потом застрелить его из этого револьвера, потом застрелить Хансена, а потом и себя — все это, облеченное в слова, оказалось слишком глупым. Я посмеялся над нелепым ощущением собственной важности, которым иногда страдают люди. От смеха в голове у меня прояснилось. Я кивнул Дэйну и Хансену, развернулся на пятках и пошел прочь.

— Куда вы идете? — спросил Дэйн.

— В баню! — ответил я. — Насколько я понимаю, арабы могут продать свой героин в любом порту Персидского залива, от Хормуза до Шираза и обратно. Я не собираюсь ломать над этим голову, пока не смою с себя недельную грязь.

Мгновение у Дэйна был вид человека, которого предали, но потом он обрел чувство меры, провел рукой по лицу и сказал:

— Вы правы, Ахмед. Баня, хорошая еда и долгий сон. Подождите, я иду с вами.

Хансен недоуменно уставился на нас. Идти в баню в этот миг высокой трагедии было до оскорбительности неуместно. Но тут он, видимо, вспомнил, что детективом был Дэйн, а не он, Хансен, и присоединился к нам с таким видом, будто вовлечен в это вопреки собственному мнению. Несомненно, у Хансена имелись представления о том, что подобает сыщику, а что — водителю грузовика. Его уверенность в собственном моральном превосходстве выросла невыносимо, но прошла после первого же погружения в воду.

Как и многое другое, знаменитые на весь мир ширазские бани за последние годы пришли в упадок. Но они все еще оставались лучшими в Иране, а это означает, что они были луч-

шими в мире. Когда кто-то говорит о знаменитых *турецких* банях, вы слышите отголосок всеобщего невежества. Турки, которые в прошлом были крайне неумытым народом, стащили идею бани у нас. Их бани достаточно хороши — на свой грубый лад. Но ради настоящего удовольствия и отдыха нужно идти в бани Тебриза или Исфагана или — если это возможно — Шираза.

Мы пошли в главную баню Шираза, разулись у входа и прошли в прохладное, сумрачное просторное помещение. После необходимых формальностей мы смогли помыться, отскрестись, отмокнуть, попариться, ополоснуться розовой водой и снова помыться, пока ширазское масло и мыло не удалили с нашей кожи грязь пустыни. Но это была всего лишь прелюдия, потому что потом нами занялись умелые массажисты, которые принялись нас мять и растирать. Это продолжалось до тех пор, пока Дэйн не застонал и не заявил, что теперь месяц не сможет встать на ноги. Этим он только выдал свое невежество, потому что, когда массажисты ушли, мы все, включая Дэйна, чувствовали себя как новенькие.

Потом мы снова искупались, попарились, пока лица не стали багровыми, а затем окунулись в холодную воду. Все поры раскрылись, последние следы грязи были удалены. Дэйн сказал, что это самый верный способ заработать сердечный приступ, но он явно шутил.

И вот наконец, чистые и отмытые, мы в свое удовольствие плавали в огромном главном бассейне. Кругом били фонтаны воды — как в моем сне, и мы могли наконец нормально вспоминать о своем путешествии через пустыню и смотреть друг на друга с ощущением товарищества. Все наши неприятности были смыты целебными водами Шираза, которые очищают не только тела, но и души.

Мы плавали, смеялись, вспоминали и отдыхали от тяжелого пути перед еще более тяжким.

И вдруг от края бассейна раздался громкий голос:

— О господи! И я до такого дожил! Арабская магия превратила мистера Дэйна в рыбу — весьма бледную рыбу и очень костлявую. А его товарищи стали песчаными черепахами.

Я узнал этот голос, но все же повернулся посмотреть и увидел Хитая — на его смуглом лице играла отвратительная

усмешка, а тонкие усики казались еще более наглыми, чем обычно. Он был одет в свой потрепанный халат и высокую овечью шапку, при нем были пояс, нож и ружье, на ногах — мягкие сапоги. Не хватало ему только лошади, которая, несомненно, находилась в соседней комнате. От него несло копченой бараниной и потом. Как всегда, он был весьма самодоволен.

— Что ты делаешь в Ширазе? — спросил его я.

— А вы не ожидали меня увидеть? — спросил Хитай. — Однако я здесь, за тысячу миль от приграничья. Мы, туркмены, идем туда, куда хотим, и да поможет Аллах тем, кто встанет у нас на пути.

— Я понял, что твоя храбрость и отвага лежат за пределами понимания обычных людей, — сказал я. — Но все же — что ты здесь делаешь?

— У меня есть дело, — сказал Хитай. — Если вы в своем бассейне найдете время подумать о контрабанде...

Рассуждения истинного немытого туркмена! К несчастью, я не мог помышлять о достойном ответе, — одетый человек всегда имеет преимущество перед голым. Мы торопливо выбрались из бассейна, вытерлись, оделись и пошли в кофейню обсудить с Хитаем его дело.

Глава 21

После сладких рисовых булочек и многих чашек чая Хитай рассказал нам, что заставило его пересечь Иран в поисках нас. Его рассказ был выдержан в обычае туркмен — пуганый, противоречивый, сложный и невыносимо долгий. Короче говоря, дело сводилось вот к чему: душам нужно было больше денег, чтобы купить оружие, и они подумали о своем богатом друге мистере Дэйне.

— И вот я здесь, — сказал Хитай. — У меня есть информация, которая вам крайне необходима, информация об арабах и Белом Порошке. У вас есть деньги, которые нужны моему народу. Итак, вы даете мне несколько тысяч долларов, а я...

— Минутку, — прервал его Дэйн. — А каким образом ты так быстро сюда добрался?

— На самолете из Мешхеда.

— И ты знаешь, куда арабы повезли героин и кому они его передадут?

— Я знаю много тайн этих арабов. А что не знаю, то могу узнать.

— Если ты знаешь так много, — сказал Дэйн, — почему же ты не продал мне эту информацию в Мешхеде или Имам-бабе?

— Потому что тогда я не знал, — с видом победителя ответил Хитай. — Я узнал обо всем только после того, как вы уехали.

— Этот человек явно врет, — сказал я.

Хитай глянул на меня:

— Разве я не провел вас к месту, о котором вы хотели узнать? Разве мой народ не сражался и не умирал ради вас? Разве мы не сожгли ту фабрику? Мы тогда проявили верность, так почему сейчас все должно быть иначе?

— Ну ладно, — согласился я. — Как ты узнал, куда арабы везут героин?

— Это случилось так, — начал рассказывать Хитай. — Прежде всего нам стало известно, что арабы, которые получили Белый Порошок, — это бедуины-санния из Ирака. Это можно было понять по их головным уборам. Чтобы узнать больше, мы утащили одного старика с их стоянки у Кашмера и расспросили его. Это был очень упрямый старик, но после ночи расспросов он сказал нам то, что мы хотели узнать. Он сказал нам это уже на рассвете, когда воля слабее всего, и после этого умер.

Хитай уловил выражение лица Дэйна и услышал неприязненное ворчание Хансена. Поэтому он торопливо прибавил:

— Этот араб был очень плохим человеком, убил много людей, его все равно убили бы, попадись он врагам. Мы сделали доброе дело. В любом случае его гибель касается только душачков, потому что теперь санния наши враги. Мы пошли на этот риск, чтобы вызнать необходимый вам секрет.

— Варвары! — проворчал Хансен.

— А что, если араб вам солгал? — спросил Дэйн.

— Он не солгал.

— Ты уверен?

— Конечно, уверен, — заявил Хитай. — Он сказал нам все, что знал. Но он был не слишком важной персоной в своем племени, поэтому знал не все мелкие детали.

— Он мог бы назвать человека, который получал героин и платил за него? Или это как раз те мелкие детали, которых он не знал?

— Мы спрашивали его об этом. Но он не мог нам ничего сказать. Я же говорил — он был незначительным человеком. Нельзя ожидать, что такой будет знать все.

Хансен с отвращением покачал головой.

— Пытать человека ради чего бы то ни было — грех, — торжественно заявил он. — Но пытать старика, который даже не может сообщить то, что тебя интересует, — занятие, достойное тупицы. Мистер Дэйн, этот парень глуп и недостоин доверия.

Я перевел это для Хитая. Он зло сказал:

— Вы называете то, что мы сделали, глупостью? Во имя Аллаха, да ничего умнее не придумаешь! Этот старик был почти отверженным в своем собственном племени, и санния просто возьмут за него выкуп. Если бы мы допросили любого другого, кровная вражда была бы бесконечной.

— Но у него не было необходимой информации, — заметил Дэйн.

— Все-таки была! Он знал большую часть того, что нас интересовало. Он сказал нам, откуда берется Белый Порошок, как часто, в каких количествах, сколько за него платят и множество всякого прочего. И что важнее всего — он сказал нам, как можно узнать все остальное, что нам нужно.

— И как же? — спросил Дэйн.

— А это часть того, что я продаю, — холодно ответил Хитай.

Он не пожелал сказать ни слова больше, пока не будет установлена цена и ему не вручат задаток. И вот в атмосфере взаимного недоверия мы принялись торговаться.

Я сделал для Дэйна все, что мог, но сердце мое к этому не лежало. Я считал любую сумму свыше полусотни долларов непомерной ценой и так и сказал Дэйну. К тому же в этом не было необходимости. Не стоит ожидать, что миллионные сделки останутся в тайне. Будь моя воля, я бы пошатался по базарам Хоррамшахра или Басры и там выведал бы все, что можно.

Но Дэйн сказал, что у нас нет времени. Помимо того, что он хочет остановить торговлю героином, он хотел еще и перехватить эту последнюю партию прежде, чем ее отошлют в Соединенные Штаты. Поскольку он спешил, я потерял возможность подзаработать на посредничестве.

Наконец соглашение было достигнуто и аванс уплачен. Хитай сообщил нам:

— Белый Порошок повезли в Абадан. Там его отдали толстому рыжему американцу, который платит за доставку в долларах. Этот рыжий американец, кроме того, распоряжался на той фабрике, которую мы сожгли.

— Его имя? — спросил Дэйн.

— Они называют его мистер Смит.

— Где его контора в Абадане?

— Тот араб не смог нам этого сказать. Он никогда сам не бывал в Абадане. Он пересказал лишь то, что говорили его соплеменники, когда возвращались.

— В Абадане не может быть очень много рыжих американцев, — предположил Хансен.

— Не думаю, что мы можем принимать в расчет рыжие волосы, — проронил Дэйн и спросил Хитая: — Араб еще что-нибудь сказал?

— Вспомните, он никогда сам не видел этого человека. Но он сказал, что этот американец — большой и сильный, что голос у него выше, чем можно ожидать, и что он похож на других американцев.

— А они уверены в том, что он именно американец?

— Так сказал тот араб, — отвечивал Хитай. — Но санния немного знают о любых других народах, кроме своего собственного.

— Итак, — подытожил я, — нам нужно найти некоего человека, предположительно в Абадане, и все, что мы о нем

знаем — что это большой человек со слишком высоким голосом и что у него могут быть рыжие волосы, а могут быть и не рыжие. Хитай, ты знаешь, сколько в Абадане американцев и англичан?

— Я знаю, что их много, — ответил Хитай.

— Их слишком много, чтобы твоим описанием можно было воспользоваться, — сказал я. — Нам нужно больше подробностей, которые помогли бы его опознать.

— Я это понимаю, — ответил Хитай. — Или ты думаешь, что я проделал столь долгий путь, не зная, как найти нужного человека?

— И как же? — спросил Дэйн.

— Это достаточно просто. Мы узнали от араба кое-что ценное. Кажется, его племя, бедуины-санния, имеют кровную вражду с суаяд-мадан. Поначалу это был раздор из-за пастбищ, но бедуины и мадан ненавидят друг друга с начала времен, и им не нужен предлог для вражды. Поэтому мы можем пойти к мадан...

— Нет, — сказал я.

Хитай резко повернулся ко мне.

— Ты идиот! — заорал он. — Мадан всегда следят за саннией, они знают о них все. Мы можем получить ценную информацию!

— Нам перережут глотки, — заявил я. — Идти к мадан? Неужели ты потерял последний разум, Хитай?

— Я ничего не потерял, а вот ты потерял храбрость.

— Чтобы пойти к мадан, не нужна храбрость, — сказал я. — Для этого нужна лишь тупость, которой ты одарен в избытке.

Наш спор грозил перейти в кое-что более серьезное, но нас прервал Дэйн, спросив, кто такие эти мадан.

Мадан, объяснил я ему, это обитатели болот южного Ирака, которые живут неподалеку от персидской границы. Их можно встретить повсюду в междуречье Тигра и Евфрата, по берегам Шатт-эль-Араб, от Аль-Курны до Абадана. Мадан можно встретить везде, где затопленная земля непригодна для проживания нормальных людей. Иногда их называют болотными арабами, потому что они выглядят и ведут себя как бедуины, но и арабы, и мадан отрицают любое сходство друг

с другом. Арабы южного Ирака и Ирана говорят, что мадан — это племя ублюдков, у которых нет предков. Мадан отрицают это, заявляя, что происходят от древних персов и вавилонян, и смотрят на арабов свысока.

Какова бы ни была правда, сказал я, мадан имеют неприглядную репутацию убийц и воров, особенно среди соседей-арабов. Эти два народа боятся друг друга. Но, пожалуй, арабы имеют больше причин для страха, потому что мадан могут совершить набег и потом отступить в свои непроходимые топи.

— Люди рассказывают о мадан много небылиц, — проворчал Хитай, когда я закончил. — На самом деле они не лучше и не хуже других. Они убивают своих врагов и помогают друзьям, и они хотят, чтобы их оставили в покое.

— Это все так, — возразил я. — Вот только у мадан нет друзей.

Мы заспорили. Тут Дэйн прервал нас и спросил, имели ли мы лично дело с мадан.

Хитай как-то видел одного. Я видел нескольких, они работали в Абадане, но никогда с ними не общался.

— Как типично, — пробормотал Хансен. — Масса слухов и намеков, но ни единого факта, за который можно ухватиться.

Я не удержался и сказал Хансену, за что именно он может ухватиться, и Дэйну снова пришлось вмешаться. Наконец мы все опять помирились, и Дэйн принял решение. Поскольку у нас не было иного источника информации, мы отправимся к мадан.

Хитай был, конечно, доволен, он уже чувствовал в руках тяжесть обещанных ему монет. Мысли о коварстве мадан его не заботили, потому что туркмена может заботить только бурчание в животе. Что до меня, то я пребывал в состоянии покорности судьбе. Судьба уготовила мне этот опасный путь и предопределила, чтобы я карабкался по горам, пересекал пустыни и хлюпал по болотам. Мое предназначение было начертано у меня на лбу, хотя видно это было только Аллаху, и оно было неотвратимо — разве что Он соизволит вмешаться. Не имеет значения, приведет ли это предназначение меня к большому богатству или к мучительной смерти, — способа избежать его не было. При таких обстоятельствах всякий истинно верующий целиком полагается на волю Аллаха.

Мы приготовились немедленно выехать из Шираза. Прежде чем мы покинули город, Дэйн отвел Хансена в сторону, пожал ему руку и горячо поблагодарил за сотрудничество. Хансен посмотрел на него и спросил, почему он говорит это сейчас. Дэйн ответил, что ему пришлось по необходимости оторвать Хансена от повседневной работы, но теперь необходимость миновала, и будет нечестно дольше удерживать его с нами. Поэтому, сказал Дэйн, он сейчас позвонит в компанию Хансена и все объяснит, а впоследствии пришлет письменные объяснения и плату за грузовик, рабочее время Хансена и причиненные компании неудобства.

— Понятно, — сказал Хансен. — Конечно, вы правы, необходимость в транспорте отпала. Но дело не кончено, и вам может понадобиться помощь...

Дэйн заверил его, что не может просить Хансена рисковать и далее, забыв, как я полагаю, о том, что сам просил нас с Хитаем подвергнуться опасности.

Хансен кивнул, и вид у него при этом был совершенно несчастный. Мне показалось, что он был потрясен внезапным превращением из детектива обратно в водителя. Может быть, потрясение было слишком сильным, поскольку Хансен сказал:

— Мистер Дэйн, я предпочел бы не бросать дело в самый критический момент. Совесть не позволяет.

Дэйн начал что-то говорить, но Хансен прервал его уже с более разумными доводами:

— Кроме того, мистер Дэйн, я полагаю, что вам еще нужна моя помощь. Я знаю, что в данный момент у вас нет грузовика, который я мог бы вести, но если он у вас появится? Кроме того, я знаю дороги и доки в районе Абадана и умею обращаться с инструментами и оружием.

Они спорили еще несколько минут, но Хансен отказался остаться. Зайдя так далеко, он хотел увидеть, чем все кончится. В конце концов Дэйн сдался и сказал Хансену, что с радостью возьмет его с собой.

Я был тоже рад, потому что, если вы идете в страну мадан, вам нужно как можно больше людей. Хватило бы и полка, но это было совершенно невозможно, и мне пришлось довольствоваться тем, что нас четверо.

Глава 22

Мы вылетели из Шираза в Басру рано утром. Вскоре горы Загрос остались позади, и слева мы увидели Персидский залив. Потом самолет свернул на север, и мы пересекли устье Шатт-эль-Араб и приземлились в аэропорту Басры. Иракская таможня пропустила нас без задержек, и мы взяли такси. Первым пунктом в нашем маршруте была деревня Джазирех-е-Салбух.

Мы уже находились среди заболоченных земель южного Ирака. Дорога, на три фута возвышавшаяся над затопленными рисовыми полями, была единственной твердой поверхностью в обозримом пространстве. Эти болота тянутся по обоим берегам Тигра и Евфрата, на севере они кончаются на поддороге к Багдаду, на юге — до Аль-Курны, где, как говорят, Адам и Ева нашли Древо Познания. Поблизости от Аль-Курны обе реки сливаются и образуют Шатт-эль-Араб, который на юге впадает в Персидский залив у Абадана. В нижнем течении, от Кийюн-канала до залива, по Шатт-эль-Араб проходит граница между Ираном и Ираком.

Первая остановка на нашем пути, Джазирех, была с иракской стороны реки. На другом, иранском, берегу, чуть южнее, находился Абадан. Между ними было примерно двадцать миль по реке и болотам. Где-то в этой глуши мы надеялись найти род суайяд племени мадан, чтобы купить или выпросить у них секрет, — и остаться в живых. Потом нам оставалось доехать до острова Абадан и найти американца. Схватить этого человека, избавиться от его телохранителей, привести веские доказательства, обеспечить свидетелей, потом отвести его в ближайший полицейский участок и потребовать его ареста, выдачи и так далее.

Таковы были наши самые скромные намерения, и я не слишком обольщался насчет их исполнения. Но я по натуре пессимист. Слишком часто амбициозные планы искушали Провидение продемонстрировать тщету человеческих желаний. Такой урок, несомненно, полезен для души, но неизбежно вреден для тела.

Мы проехали через древний порт Синдбада Басру и направились дальше вдоль Шатт-эль-Араб. Кругом были рисо-

вые поля, иногда попадались заросли тростника и бамбука. Погонщики тащились рядом со своими буйволами, а там, где находился клочок сухой и твердой земли, располагались поселения.

Дальше к югу деревень стало меньше — здесь было меньше земли и больше воды, и даже дорога стала хлюпать под колесами. Наконец мы приехали в Джазирех, угнездившийся на едва заметной возвышенности и каждый год сползавший все ниже. Это была последняя арабская деревня на нашем пути. Здесь кончалась дорога и начиналось болото.

Мы расплатились с таксистом и пошли в Джазирех нанимать лодку и лодочника, потому что только так могли добраться до мадан. Но тут мы столкнулись с затруднениями. Хотя люди из Джазиреха торгуют с мадан и славятся как хорошие рыбаки, они никогда не забираются глубоко в плавни. Один за другим они отказывались везти нас. Мы не могли даже найти кого-нибудь, кто продал бы нам лодку, — в каждой семье лодка была только одна, и от нее зависела их жизнь.

После часа поисков я заметил, что Дэйн стал терять терпение. Я подумал, что он близок к тому, чтобы реквизирировать лодку под дулом пистолета, примерно так же, как мы реквизировали грузовик Хансена. Но, к счастью, мы нашли на берегу компанию сабеев, и один из них согласился довезти нас до ближайшей деревни мадан за весьма умеренную плату.

Мы без промедления погрузились в его лодку. Вскоре Джазирех исчез позади, и мы поплыли по Шатт-эль-Араб. Некоторое время рядом тянулся берег, прямой, низкий, покрытый увядшей травой. Вдоль берега ютились хижины, и время от времени мы видели мальчишку, который ведет осла, или стайку женщин, стирающих белье. Мы видели даже ухоженные поля, с которых нищие феллахи надеялись собрать урожай прежде, чем разлив смоет эти поля вместе с жалкими хижинами в Персидский залив.

Река становилась все шире, двумя рукавами обтекая остров Мухаллах. Затем она делилась на три части, чтобы обогнуть Абу-Дауд, а потом на дюжину рукавов, разделенных длинными песчаными отмелями. Спустя некоторое время мы уже не видели ни берегов Шатт-эль-Араб, ни каких-либо

других приметных мест. Но наш лодочник знал, что где находится. Он прокладывал маршрут в глубину безбрежных плавней.

Я привык гордиться никогда не подводившим меня чувством направления, но здесь я совершенно растерялся, не в силах отличить одну протоку от другой. Каждая отмель выглядела точно так же, как предыдущая, а любой островок камыша в точности походил на любой другой. Даже солнце ничем не могло помочь, потому что его скрыла тонкая пелена облаков. Никогда я не чувствовал себя более беспомощным. Теперь я знал, почему жители Джазиреха держатся подальше от плавней.

— Мне не нравится это проклятое место, — прошептал Хитай. — Я могу понять землю и, возможно, даже пойму океан. Но эта проклятая смесь того и другого...

— Да, — сказал я. — Мне это тоже надоело.

Наши глаза встретились, и впервые мы обменялись взглядами понимания и товарищества. Мы посмотрели на Дэйна, который неподвижно сидел на носу лодки, а потом снова переглянулись.

Хитай облек мысль словами:

— Друг мой, этот каменнолицый американец хочет нас погубить!

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал я.

— О Аллах! Слышал ли кто-нибудь нечто подобное? Дэйн карабкается по горам, пересекает пустыни, лезет в болота и бог знает куда — и все ради того, чтобы остановить людей, которые продают немножко героина другим людям. Но этих гонок, восхождений и стрельбы уже слишком много. Ты знаешь, Ахмед, человеку при рождении дается определенная толика удачи, и, когда он ее израсходует, он умирает. Послушай, Ахмед, — сколько удачи могло остаться у нас?

В разговорах Хитая об удаче звучали, на мой взгляд, отголоски богохульства, но что-то в этом было, и я печально кивнул.

— Если Дэйн умрет... — начал Хитай, остановился и посмотрел мне в лицо.

Я должен был пресечь это туркменское коварство на месте. Но невыносимая жара угнетала мой дух. Меня тошнило от

однообразного пейзажа, меня преследовало болотное злование. Так что я ничего не сказал, только отвернулся.

Хитай резко схватил меня за руку.

— Ну ладно, а почему он не может умереть? Кто он такой для нас? Он иностранец и неверный, а мы — правоверные, и мы оба — иранцы древней крови...

Он ударился в красноречие. Но я не мог удержаться — я стал смеяться, когда он заговорил о «единой религии, едином наследии, едином народе» — прямо как диктор каирского радио. Наша «единая» религия разделена между суннитами и шиитами, а там — между исмаилитами, ваххабитами и суфи, кроме того, есть ибадиты, друзья и бог знает кто еще. Наше «единое» наследие пришло к нам из Аравии, Африки, Европы и Азии. А что до нашего «единого» народа — ну что ж, Иран состоит из племен, родов и поселений персов, арабов, тюрок, туркмен, сартов, бахтияр, великих и малых луров и белуджей — и это только самые важные его составляющие.

Зная все это, я не удержался от смеха. Хитай посмотрел на меня с ненавистью и глубоким упреком. Но потом глаза его наполнились слезами, и он сказал:

— Ахмед, я не имел в виду ничего такого! Я держу свое слово, — но, господи боже, мне так неуютно в этом месте!

Он стал всхлипывать, а я ждал, пока он придет в себя. Я никогда не думал, что туркмен может быть так взволнован, но не стал думать о Хитае хуже из-за этого срыва. На самом деле он стал мне нравиться куда больше, потому что я разглядел под всей этой грубостью и хвастовством, каков он на самом деле.

Другие пассажиры лодки были достаточно благоразумны, чтобы не заметить этой небольшой сценки, и мы продолжали плыть в глубину плавней в молчании.

Этот сабей был превосходным лодочником. Маршрут, должно быть, врезался ему в память, потому что он плыл без промедлений, минуя широкие отмели и ныряя в извилистые протоки, которые выглядели совершенно одинаковыми. Несколько раз мы натыкались на неожиданное течение, и нас отбрасывало в сторону на десяток ярдов, и тогда я радовался

мастерству нашего лодочника и широкому днищу его лодки. Когда плыть было легко, мы разговаривали, и он поведал мне несколько невероятных историй об опасностях плавней. Все эти сабеи носят бороды и обматывают головы пестро-красными куфиями. Их секта не относится ни к мусульманским, ни к христианским. Их всегда можно найти у реки, потому что их церемонии требуют обязательного наличия проточной воды. Они искусны в изготовлении и ремонте всяческих лодок и ведут обширную торговлю с мадан. По любому счету это достойные люди.

Уже к концу дня мы прибыли к первой деревне мадан. Она состояла из пары десятков домов, некоторые были на удивление большими. Дома возводились из тростника, который был сплетен в связки и уложен, подобно бревнам. Все это обмазывалось глиной и буйволиным навозом. Двери домов были обращены к Мекке. И что интереснее всего, дома стояли на толстом ковре тростника, который удерживал их над водой. Я и раньше слышал, что мадан живут на рукотворных островах, но не верил в это.

Шейх деревни приветствовал нас и занялся кофе. Он ничего не знал ни о бедуинах-хаббания, ни о Белом Порошке. Он ничего не мог нам сказать насчет того, где мы можем найти суаяд-мадан, потому что они кочевники, которые постоянно перемещаются по плавням в поисках пастбищ для своих буйволов. Но он согласился на следующее утро отвезти нас к таркуал-мадан, которые живут на востоке. Наш лодочник-сабей получил плату и распрощался с нами, а шейх пригласил нас остановиться в его доме.

В эту ночь мы спали среди телят, собак, детей, москитов и блох. На рассвете, торопливо позавтракав, мы получили лодку и лодочника и поплыли к следующей деревне.

После посещения еще двух деревень я признался Хитаю, насколько я был не прав насчет мадан. Они обычно относились к нам с подозрением, но гостеприимство их не оставляло желать лучшего. Они делились с нами тем немногим, что имели, и отказывались от платы, даже когда ее предлагали как дар. Эти плавни, в которых они живут, почти так же суровы, как пустыня, и так же безжалостны. Однако в них, как и в пустыне, есть своя красота. Рассвет и закат окрашивают

воду мягким золотым светом, и очертания дальних тростников и пальм кажутся нарисованными на небе черной тушью. Одинокая цапля — отдых для глаз в этой стране, где резкие линии редкость, а полет бакланов кажется радостным, как в первый день творения.

Чем дальше на восток, тем выше становились тростники, достигая двадцати футов в высоту. Мы продирались сквозь них и иногда пугали диких кабанов, а иногда дикие кабаны пугали нас. Я думаю, мы путешествовали дня два или три, но эти дни показались годом в этой стране воды, потому что любимое место в этих болотах казалось похожим на другое, и даже деревни мадан не отличались ничем, кроме размеров.

Но наконец мы добрались до селения суаяд. Их тростниковые дома были очень высокими, и они владели большим стадом буйволов. Суаяды были более молчаливы, чем другие кланы, и их гостеприимство казалось несколько натянутым и ненатуральным. Их шейхом был одноглазый человек по имени Дакхил, и он смотрел на наше оружие и снаряжение с завистью.

Нам не пришлось терять время в поисках ответа на вопросы. Когда я упомянул о хаббания, лицо Дакхила окаменело от ярости. Но когда я сказал, что они наши враги и что мы планируем нанести им удар, он задумался.

— Вы слышали о хаббания? — спросил я.

— Да, — ответил Дакхил, коснувшись пустой глазницы. — Я слышал о них. Скоро и они услышат обо мне.

— Вы слышали о веществе, которое называют Белым Порошком? — спросил я.

Мы ждали, пока Дакхил обдумывал ответ. Он долго молчал, и я не мог ничего прочесть по его лицу. Его люди собрались вокруг нас, и от меня потребовалась вся сила воли, чтобы не схватиться за револьвер. Потом Дакхил что-то сказал шепотом одному из своих людей, который поспешно ушел.

Однако нам Дакхил пока не ответил. Молчание становилось тягостным, и я стал прикидывать наши шансы, если дело дойдет до драки.

Тут посланный вернулся, неся корзинку, сплетенную из тростника. Дакхил передал ее нам.

Внутри мы обнаружили туркменскую седельную сумку. Она была полна героина.

— Откуда она у вас? — спросил я.

— Не имеет значения, — ответил Дакхил. — Сначала расскажи мне, для чего оно используется.

Я некоторое время пялился на него, не в силах понять вопрос. Дакхил грубо произнес:

— Послушай, ты! Я знаю все о хаббания. Мало-помалу я выяснил, откуда берется этот порошок и как хаббания разбогатели, перевоза его через Иран. Я даже знаю, кому они продают его в Абадане. Но я не знаю, для чего этот порошок используется.

Дакхил закрыл сумку и положил ее обратно в корзину.

— Хаббания разбогатели на торговле этим порошком, — сказал он. — И я планирую сделать суаяд богатыми. Но сначала я должен узнать, для чего это все. Я хочу получить ответ немедленно.

Его соплеменники теснее сомкнулись вокруг нас. Я пересказал Дэйну слова шейха и спросил, что я должен отвечать.

Глава 23

При моем посредничестве Дэйн объяснил им, что Белый Порошок — это наркотик вроде гашиша или опиума, но гораздо сильнее.

— Его курят или глотают? — спросил Дакхил.

— Ни то и ни другое. Его вводят в вену поллой иглой.

Дакхил подумал, что Дэйн обманывает его, потому что он никогда не слышал о столь странном способе одурманивания. Но Дэйн поклялся, что это правда, и Дакхил попросил, чтобы ему рассказали все подробнее. Дэйн объяснил, как возникает привычка к наркотику, как постепенно требуются все большие и большие дозы и как люди идут на грабеж и даже убийство, чтобы получить нужную дозу. Потом он рассказал, как полиция преследует торговцев наркотиками, и как преступники сражаются друг с другом за контроль над сбытом наркотиков, и как правительственные агенты обыскивают районы, в которых, по их мнению, прячут наркотики.

Когда Дэйн ответил на последний вопрос, Дакхил угостил нас кофе — первый жест гостеприимства. Потом он ушел к себе в дом, чтобы обсудить дело со старейшинами своего племени.

Нам было все слышно, потому что они спорили очень громко. Дакхил хотел принять участие в торговле Белым Порошком, но я не думаю, что говорил он от всего сердца. Старики непримиримо противились этому. Героин может принести богатство, сказали они, но он определенно приведет в плавни иракских солдат и полицейских. От них можно сбегать, на них можно устраивать засады, как это было в прошлом, но их постоянное присутствие означало бы, что весеннего сева не будет и что пастбищ для буйволов тоже не будет. Стада и урожай — вещи уязвимые, не в пример самим мадан. А если солдаты останутся здесь подольше, под угрозой окажется сам образ жизни мадан.

Дакхил спорил порядка ради, но наконец он согласился с остальными. Он был все еще несколько враждебно настроен, когда вернулся к нам, но, услышав, как мы преследовали пятах хаббания от Султанабада до Йезда, сменил враждебность на дружелюбие. Он попросил нас еще раз рассказать о засаде возле Таббаса и о том, как мы превратили ловушку в преимущество. И он сказал, что поддержит нас и расскажет нам все, что нужно.

Суаяд знали о своих врагах поразительно много. Что-то они узнали от лазутчиков, что-то — в набегах, а кое-что доставили сабеи, которых бедуины не переносят. Но самая лучшая информация шла от тех мадан, которые работали в Абадане.

Каждый год несколько сотен мадан уходили за реку в Абадан и Хоррамшахр. Эти рабочие редко оставались там дольше, чем на несколько месяцев. Они работали, пока не набирали достаточно денег на покупку буйвола или выкуп за невесту, а потом возвращались к себе в деревню. Понятно, что они следили за передвижениями своих врагов, и все, что они узнавали, обсуждалось позднее на совете племени. Теперь нам рассказали, что же они узнали.

Группа арабов-хаббания посещала остров Абадан по крайней мере пять или шесть раз в год, что давало представление о количестве переправленного героя. Оказавшись на острове, бедуины не спешили со своим делом. Иной раз они проводили пять дней, а то и неделю в бездействии, явно для того, чтобы избежать подозрений.

Передавали свой груз они всегда поздно ночью. Тогда хаббания прокрадывались к причалам, как банда убийц и грабителей в поисках жертвы. Мадан клялись, что каждый бедуин может двигаться, как тень среди теней, и что понадобилось четыре попытки, чтобы выследить их.

Но цель их поездок все же была обнаружена. Это был Джетти-29В, малоиспользуемый причал севернее главных доков. Там, в брошенной сторожевой будке, хаббания ждали. Спустя некоторое время к ним присоединился высокий рыжий американец.

Все дело занимало менее получаса. Затем хаббания уходили — уже без сумок.

— И что хаббания делают потом? — спросил Дэйн.

— Они покидают Абадан, — сказал Дакхил. — Они садятся на утренний катер до Хоррамшахра, а потом на поезд до Ахваза. Дальше Ахваза мы никогда за ними не следили.

— А что насчет американца? Куда он идет после того, как дело сделано?

— Мы никогда им не занимались. Наше дело — хаббания.

— Вы узнали его имя?

— Да. Его зовут Смит.

Дэйн задал еще несколько вопросов, но не узнал ничего стоящего. Затем мы спросили, не пойдет ли с нами в Абадан несколько суаяд, чтобы опознать американца. Мы предложили хорошую цену, и нашлось двое желающих. Оба видели этого американца.

Теперь нас было шестеро, и мы наняли собственную лодку шейха, потому что в меньшей мы все не поместились бы. Мы отплыли за час до заката, потому что мадан предпочитают проникать в Иран ночью.

Глава 24

Наше путешествие в Абадан началось в мертвой и зловещей тишине. За нашей спиной садилось огромное раздутое солнце — уродливый ком огня, который, казалось, вот-вот зашипит, погружаясь в воду. Это солнце было недобрым знаком, не обрадовал меня и плотный туман, поднявшийся в сумерках. Испарения недвижно лежали на поверхности воды, подобно длинным и плотным белым лентам; они сплетались, словно борющиеся змеи, либо напоминали закутанные в белые саваны человеческие фигуры, еще они походили на развалины древних строений, на скульптуры, на призраков, на демонов. Ни единое дуновение ветерка не нарушало это застывшее подобие реальности, и я поймал себя на том, что сдерживаю дыхание. Я, в общем-то, не суеверен; но ночью на болотах, тем более в тумане, любому может стать не по себе.

Мы пробирались сквозь туман три или четыре часа, а потом подул ветер и унес его. Я был рад вновь увидеть звезды, и, конечно, для Хитая это тоже было огромным облегчением.

В короткий предутренний час ветер усилился. Нашему перевозчику понадобилось немалое умение, чтобы удержать лодку на плаву. Мы находились посреди Шатт-эль-Араб, и мелкие, но злые волны постоянно заплескивали через борт, так что всем нам приходилось вычерпывать воду из лодки. У обитателей болот есть название для каждого ветра, и я узнал, что этот называется «арб'айин» — дующий сорок дней северо-западный ветер. Возможно, он был куда опаснее, чем безмолвный туман, но все же я предпочитал ветер. Он освежал душу. Когда впереди показалось низкое абаданское побережье, я почти жалел, что мы уже приплыли.

Мы миновали освещенный волнорез, потом мигающий красный бакен, потом еще несколько бакенов, ровно горящих белым светом. Перевозчик налегал на весла, выгребая против течения, и наконец причалил к иранскому берегу в нескольких сотнях ярдов выше Абадана.

Мы вышли из лодки, врезавшейся в густые заросли тростника, и ступили на болотистую почву. Небо на востоке было

светлым, как будто рассвет уже начался, и на его фоне я видел скелет радиомачты и множество высоких фабричных труб. Как только мы оказались на суше, Дэйн собрал нас, чтобы выдать нам инструкции.

Слушая его, я ощущал, как по телу пробегает горячая волна возбуждения. Близился конец нашей долгой погони, ибо здесь, в Абадане, связывались воедино все нити, протянутые с разных концов, и только здесь их можно было окончательно распутать. Никто не в силах предугадать развязку; последняя и самая опасная часть нашей работы ждала нас в спящем на рассвете городе.

Глава 25

К тому времени, как мы достигли Абадана, солнце уже поднялось высоко над горизонтом. Улицы были запружены толпами рабочих, а огромные заводские трубы изрыгали дым и пламя. Дойдя до центра города, мы разделились, условившись встретиться у грузового причала после вечерней молитвы.

Я зашел в кофейню Хасана, расположенную поблизости от доков, и сел там почитать газету. Кофейня Хасана была излюбленным местом грузчиков и десятников. Здесь я мог встретить старых друзей и узнать свежайшие городские сплетни. Если ходит слухок о контрабанде героина, то я, несомненно, услышу его здесь.

Не прошло и часа, как я увидел Юсуфа Сувайита, араба из Бейрута. Он всегда был полон кипучей энергии, но особым умом не блистал. Сейчас он работал помощником начальника отдела грузоперевозок.

— Чудо из чудес! — воскликнул Юсуф. — Возвращение блудного сына!

— Юсуф, друг мой, я очень рад видеть тебя, — сказал я.

— А я более чем рад, — ответил Юсуф. — С тех пор, как ты исчез столь быстро и бесследно, наша жизнь стала скучной и тусклой. Знаешь, Ахмед, мы по-прежнему играем в ту дьявольскую игру, которой ты научил нас. Ну, в эту американскую, называется «покер». О Аллах, тебе всегда везло!

— Вы все так же тянете карты вслепую? — спросил я.

— Карты ложатся так, как велит Аллах, — набожно ответил Юсуф.

— Конечно, конечно. Но Аллах также повелел нам пользоваться тем скудным разумом, который Он отмерил нам... Но это все неважно. Как идут дела в Абадане?

Юсуф рассказал. Сначала он поведал о делишках иностранных нефтепромышленников, потом о продажности властей и коррумпированности полиции. Наконец речь зашла о преступлениях, о контрабанде жемчуга и махинациях с валютой и о том, что старое грузовое судно, плававшее под либерийским флагом, месяц назад разбилось на Палинурской отмели, и подстроено это было нарочно, чтобы получить страховку. Но о наркотиках Юсуф не упомянул ни словом, и я счел за лучшее не расспрашивать об этом.

Мы еще немного поговорили о взаимном прощении долгов, потом Юсуф попрощался и ушел. Я заказал еще чашку кофе, потом ленч, потом еще кофе. День тянулся медленно.

После полудня я встретил еще двоих приятелей. Первым был Абдул Кемаль Ихенди, высокий усатый турок из Рамандага, работавший в тепличном хозяйстве в Бавардехе. Он рассказал мне довольно глупую историю о пиратах, якобы разбойничающих возле Файлаки, но ничего не сказал о наркотиках. Второй приятель, по имени Аннад Мотлег эль-Авар, родом был из Саудовской Аравии. Он много говорил о политике, но, также, как остальные, ни слова не проронил о героине.

Больше мне не удалось никого расспросить. Я еще немного посидел, меланхолично размышляя о том, что информация идет в руки только тогда, когда не нужна тебе. Сгущались сумерки. После вечерней молитвы я пошел к грузовому причалу на встречу с Дэйном и остальными.

Хансен и Хитай искали по всем базарам пятерых арабов-хаббания. И не нашли их. Но Дэйну и мадан повезло больше. Они провели весь день в районе порта, разыскивая американца по фамилии Смит. И нашли его. Мадан были уверены, что именно этот человек на их глазах заплатил арабам за набитые до отказа вьюки. Дэйну удалось узнать, что настоящее имя этого человека Эдвард Флагерти и что он заместитель

управляющего абаданским отделением «Чизпикской и Виргинской Нефтяной Компании».

— Описание внешности совпадает? — спросил Хансен.

— Совпадает, — ответил Дэйн. — Вплоть до рыжих волос.

— Наконец-то хоть что-то, — сказал Хансен. — Вы уже арестовали его?

— Еще нет, — отозвался Дэйн. — Я не имею права производить аресты в Иране. Но я запросил о немедленной помощи полицию.

— И где же эта помощь? — спросил я.

— Они должны были прибыть сюда полчаса назад, — уведомил нас Дэйн.

— Но Флагерти к этому времени может понять, что его преследуют, — сказал Хансен. — Он мог уничтожить улики. Он может даже сбежать!

— Знаю, — ответил Дэйн. — Но мы должны дожидаться полицию.

Я видел, что Хансену эта идея не нравится вообще. Должно быть, ему представлялось, как он ворвется в дом Флагерти с пистолетом в руках, арестует преступника без всякой помощи полицейских и обыщет дом без ордера на обыск. Детектив Хансен, карающий злодеев! Но Дэйн был совершенно прав. Если бы он произвел арест в отсутствие иранских властей, мы все отправились бы за решетку на куда более долгий срок, нежели контрабандист. И все же тяжело было ждать, все время осознавая, что человек, на которого мы охотимся, может избавиться от героя и исчезнуть.

Пятнадцать минут спустя подъехали двое иранских полисменов в джипе. Они изучили наши документы и предоставили себя в наше распоряжение. Мы немедленно направились к коттеджу Флагерти. Наконец-то ловушка захлопнется. Я надеялся, что намеченная добыча все еще оставалась в ней.

Глава 26

Флагерти жил в западной части Абадана, возле реки Хоуре Бахманшир. Мы с максимально возможной скоростью пересекли остров, въехали во двор коттеджа и остановились

прямо на цветочной клумбе. Ощетинившись стволами пистолетов, мы выскочили из машины и двинулись к дому. И сразу же столкнулись с трудностями командования. Полицейские выкрикивали приказы по-ирански, в то время как Дэйн отдавал совершенно другие приказы по-английски. Возникло замешательство, Хансен подчинился Дэйну, а Хитай присоединился к полицейским. Мадан, не понимавшие ни слова ни по-английски, ни по-ирански, нерешительно стояли у джипа. Я попытался перевести команды и привести их к общему знаменателю, но моя попытка была прервана выстрелами со стороны коттеджа.

Мы кинулись в укрытие. В нас стреляли из нескольких револьверов и одного автомата. Автоматная очередь наконец хлестнула по двору. Один из мадан закричал и упал. Я пополз к джипу, чтобы спрятаться за ним; но потом подумал о том, что произойдет, если пуля попадет в бензобак, и пополз прочь.

Один из наших полицейских сорвал со своего ремня гранату, дождался паузы в стрельбе, затем приподнялся и швырнул гранату прямо в окно. Прошло несколько секунд, ничего не последовало, и я услышал, как полицейский выругался. В горячке он забыл выдернуть чеку. Это упущение он исправил со второй гранатой, которая не попала в окно и покатилась по веранде.

Граната взорвалась, и весь фасад коттеджа заволокло плотной пеленой дыма. Мы посылали пули в пролом одну за другой, стреляя так неистово, что наши пистолеты раскались. В этом потоке свинца не смог бы выжить даже комар, и наконец Дэйн скомандовал нам прекратить огонь.

Ответных выстрелов из дома не последовало. Мы осторожно подползли и встали у разрушенной стены коттеджа. Изнутри не доносилось ни звука. Мы крикнули Флагерти, чтобы он сдавался, но постарались при этом не обнаружить свое местоположение. Ответа не было. Хансен вошел в коттедж. Никто не стрелял в него, и остальные последовали за ним.

На полу лежал убитый хаббания, а рядом с ним — еще один, умирающий. Больше никого в коттедже не было; но мы нашли два выюка с героем и еще один, набитый американ-

скими долларами. Несомненно, наш визит не был неожиданностью и Флагерти пытался забрать весь груз с собой. Мы прибыли быстрее, чем он ожидал, и захватили его прежде, чем он успел все приготовить.

Иранские полицейские немедленно принялись расспрашивать умирающего араба. Но тот был ранен в голову и не мог говорить. Полицейские дергали и тормозили его, пока он не умер, а потом отодвинули тело в сторону и занялись изучением сумки с валютой. Только теперь мадан зашли в дом. Один из них был ранен в плечо, но рана на вид казалась не особо серьезной.

В самом разгаре этих беспорядочных действий мы услышали звук автомобильного мотора, доносившийся от задней двери дома. Мы выскочили наружу и едва не угодили под маленький крытый грузовичок. Я краем глаза заметил мужчину плотного сложения, сидевшего за рулем, а позади него — нескольких арабов. Это наверняка был Флагерти с остальными хаббания. Воспользовавшись нашим замешательством, компания на грузовике рванула прочь.

Мы бросились к джипу. Иранский полисмен добежал первым и с ходу завел машину, едва дав время кому-либо еще вскочить внутрь. Дэйн на ходу прыгнул на заднее сиденье, я последовал за ним. Хансен уже нацелился следом, но Дэйн оттолкнул его, крикнув, чтобы тот присмотрел за коттеджем и найденными уликами. Хитай и один из мадан ухитрились вскочить в машину, но другой мадан опоздал. Мы осмотрелись и обнаружили, что мчимся примерно в сотне ярдов позади грузовичка, на высокой скорости пересекавшего Абадан.

Полицейский джип был оборудован сиреной, прожектором и радиосвязью, но толку не было ни от чего. Сирена издала несколько пробных воплей и смолкла. Прожектор, которым никто не управлял, светил прямо в небеса. Радио гудело и трещало самым добросовестным образом, но полицейский не умел обращаться с ним. Его напарник, сидевший за рулем, выкрикивал ему какие-то указания, и тот крутил верньеры, нажимал кнопки и орал в микрофон. Но проку от этого не было никакого, и некоторое время спустя полисмен отключил радио, достал револьвер и попытался прострелить шины

грузовика. В этом он добился не большего успеха, чем в других делах, за которые брался.

Мы миновали длинный ряд заводских цехов и начали догонять грузовик. Он свернул к северу, на дорогу, идущую вдоль доков, и мы прибавили скорости. Вскоре мы миновали предместья, двигаясь параллельно Шатт-эль-Араб. Слева молчаливо стояли у речных причалов танкеры; дальше виднелась болотистая северная оконечность острова.

Я полагал, что Флагерти надеялся пересечь мост между Абаданом и материком, а там затеряться в узеньких улочках Хоррамшахра. Но едва ли это было возможно. Нас отделяло от грузовика не более двадцати ярдов, и это расстояние продолжало сокращаться. Еще минута — и мы их настигнем.

Неожиданно весь вид впереди заслонил блестящий металлический бок грузовика. Флагерти без предупреждения нажал на тормоза, и грузовик развернуло боком. Наш водитель отчаянно пытался остановить джип, но не смог избежать столкновения.

Встряска была порядочная, но никто из нас не пострадал. Мы выпрыгнули из машины и поспешили укрыться. Из грузовика ударила автоматная очередь. Мы открыли ответный огонь, рассредоточившись и осторожно продвигаясь вперед. Было ясно, что Флагерти слепо палит в темноту, почти не имея шанса зацепить кого бы то ни было. Один из полицейских полез в карман за гранатой. Но, прежде чем он извлек ее, автомат смолк.

Подозревая какую-то уловку, мы осторожно приблизились к кабине. Флагерти мы нашли на сиденье водителя. Он по-прежнему сжимал автомат, но лоб его был разворочен пулей. Никого из арабов поблизости не было.

Мы обыскали все вокруг и не нашли ничего. А потом мы услышали слабый всплеск. Арабы пересекали реку, упорно выгребая к иракскому берегу, и уже находились в доброй сотне ярдов от нас. Вскоре их лодка исчезла в речном тумане.

Несомненно, этот побег был подготовлен заранее. Флагерти, должно быть, собирался уйти вместе с арабами и оставаться с ними, пока не найдет способа покинуть Ирак. Если бы обстоятельства благоприятствовали ему, его план сработал бы. Но чей-то удачный выстрел свел на нет его шансы.

Я высказал это Дэйну, когда мы возвращались к грузовику, и Дэйн кивнул, но ничего не ответил. Казалось, его мысли витали в миллионе миль отсюда. Я полагал, что это обычный упадок сил после долгой и тяжелой погони, и не стал вырывать его из мира видений.

Мы вернулись к грузовику, и мадан официально опознал убитого. Это означало завершение самой трудной части расследования. Осталось только опросить всех друзей Флагерти, проверить записи «Чизпикской и Вирджинской Нефтяной Компании» и найти их истоки. Но это уже являлось не более чем стандартной полицейской процедурой. По-настоящему важная работа была завершена.

Вдали мы услышали вой сирен; абаданская полиция наконец-то поняла, что здесь что-то происходит. Хитай выглядел измотанным, но довольным. Я полагаю, он уже мысленно пересчитывал доллары. Интересно, сколько этих долларов когда-либо видел род душак? Мадан бормотал молитвы над телом Флагерти. Дэйну склонился, чтобы более внимательно осмотреть труп.

Неожиданно Дэйну выпрямился. Он посветил своим фонариком на крышу, потом на стенки кабины. Затем повернулся ко мне и спросил:

— Где вы были во время перестрелки?

— Там, — ответил я, указав на кусты около джипа.

— Спросите остальных, где были они.

Я спросил их, потом разъяснил Дэйну диспозицию. Оказывается, во время перестрелки мы залегли вокруг кабины грузовика неровным полукругом.

— Что вы хотите узнать? — спросил я. — Мы избрали неверную тактику?

— Нет, не в том дело, — ответил Дэйну. — Проблема в том, что никто из нас не мог застрелить Флагерти.

— Мы могли сделать это, сэр, и сделали, — сказал я. — Один из нас влепил пулю в лоб Флагерти.

Дэйну покачал головой.

— Но рана...

— Это выходное отверстие, — объяснил Дэйну. — Пуля вышла из его лба. Если посмотреть с другой стороны, то вы

увидите входное отверстие у основания черепа. Флагерти застрелили сзади.

— Возможно, это был рикошет, — предположил я.

— В кабине нет отметины от рикошета. К тому же кожа вокруг входного отверстия обожжена. Кто-то приставил пистолет к голове Флагерти и нажал курок.

— Вы уверены? — спросил я.

— Да.

— Тогда это, должно быть, один из хаббания, — сказал я. — Их ненависть к чужестранцам хорошо известна. В последний момент они могли решить...

— Хаббания и застрелили его, — сказал Дэйну, — но не из ненависти к чужестранцам. Они вели дела с Флагерти в течение многих лет.

— Тогда это вообще не имеет смысла.

— Вы найдете смысл, если правильно распределите роли, — пояснил Дэйну. — Мы полагали, что Флагерти — важная шишка, что он контролирует всю операцию. Но что, если это не так? Предположим, он был только прикрытием?

— В таком случае, — произнес я, — кто-то заранее планировал его устранение, если...

Я осекся, заметив слева какое-то резкое движение. Я быстро развернулся, одновременно пытаясь выхватить свой револьвер. Но было уже поздно. Один из иранских полицейских шагнул подальше от нас и вскинул свой пистолет-автомат. Мы обнаружили еще одного перебросчика героина; но момент для такого открытия был как нельзя более неподходящий.

Все мы на миг застыли от потрясения. Но больше всех был шокирован другой полицейский. Он смотрел на пистолет напарника, и в глазах его светилась боль от осознания того, что его предали. Неожиданно он прыгнул на своего бывшего товарища. В тот же миг наш мадан бросился вперед.

Но шансы были нулевыми. Полисмен, твердо стоявший на ногах, одним выстрелом срезал мадана и своего напарника-иранца. Потом он наставил пистолет на нас, и я был уверен, что настал наш смертный час.

Но он не решился выстрелить, потому что сирены были уже слишком близко.

— Бросьте оружие, — сказал он. Мы повиновались. — Теперь идите к причалу. Не делайте резких движений, не вынуждайте меня стрелять.

Мы двинулись прочь от грузовика, прочь от приближающихся полицейских машин. Мы не пытались бежать: он слишком ловко обращался со своим пистолетом-автоматом и был слишком близко. Я ощущал во рту привкус смерти и был чересчур обескуражен, чтобы проклинать свое невезение.

Но кто мог предвидеть, что одним из заговорщиков будет иранский полицейский, к тому же говорящий по-английски? Ну ладно, это я должен был предвидеть такое, по крайней мере допускать такую возможность. И тем более должен был предвидеть это Дэйн. Он забыл старую истину, которая одинаково верна во всем мире: когда охотишься за преступниками, не забывай присматривать за полицией.

Потом я отбросил эти размышления и сосредоточился на важнейшем вопросе — как сохранить свою жизнь? Мы поспешно спускались по длинному волнорезу. Впереди нас выростала темная туша нефтяного танкера. Далеко позади нас, слишком далеко, чтобы прийти на помощь, несколько полицейских автомобилей сгруппировались вокруг грузовичка.

Мы подошли к сходне, перекинутой с танкера на волнорез. Здесь полицейский остановил нас и приказал подниматься на борт. Я последовал за остальными, пытаюсь подсчитать свои шансы прыгнуть в воду. Но полицейский шел позади меня, подгоняя меня дулом пистолета.

Мы ступили на палубу.

— Идите сюда, — сказал какой-то человек. Он говорил по-английски с американским акцентом. Мы двинулись к нему. Из темноты вынырнули еще два человека и втянули сходню на борт. Когда они это сделали, я почувствовал, что оборвана последняя ниточка, связывавшая меня с жизнью. Мы стояли молча — Дэйн, Хитай и я, полицейский позади нас и американец впереди.

— А теперь, — продолжил американец, — давайте спустимся вниз и поговорим.

Мы пошли. Но я уже знал, чем закончится этот разговор.

Глава 27

Американец шел впереди нас, иранец и двое матросов — позади; в таком порядке нас провели вниз по металлическому трапу и ввели в каюту — не большую, но и не маленькую. Нас обыскали, а потом приказали встать у стены, самой дальней от двери. Напротив нас встали четверо вооруженных мужчин, и мне ярко представилась картина расстрела; но нам была дарована краткая отсрочка.

Резко обернувшись к иранскому полисмену, американец гневно произнес:

— Вы в своем уме? Зачем вы притащили их сюда?

— Ради Аллаха, мистер Смит, — ответил полицейский, — это было самое разумное решение из всех возможных.

— Еще пара таких разумных решений, и я окажусь в Синг-Синге, — фыркнул мистер Смит. — Я плачу вам не за то, чтобы вы принимали разумные решения. Я плачу вам за то, чтобы вы исполняли приказы. Приказы — вы понимаете, о чем речь?

Вопрос казался риторическим, но мистер Смит — настоящий и окончательный мистер Смит — ждал ответа. Он выглядел как совершенно обыкновенный человек. Насколько я могу судить, ему было за пятьдесят, росту он был невысокого, слегка полноват, одет в легкий деловой костюм серого цвета, с темным галстуком. Я знал, что он был главарем преступной шайки; но он совершенно не соответствовал моим представлениям о подобной фигуре. Он не был учтив, не был жесток, не был ни холодно-смертоносен, ни свирепо-убийственен. В общем, он казался совершенно обычным, ничем не примечательным человеком и вел себя так, как мог бы вести себя обеспокоенный ходом дел бизнесмен. Но, возможно, это и было страшнее всего.

— Ну? — требовательно спросил Смит.

— Да, сэр, я знаю, сэр, — сказал полицейский. — Но ввиду непредвиденных обстоятельств я подумал...

— Вы подумали, — прервал его Смит и потер глаза с видом человека, доведенного до предела отчаяния. — Кто, черт побери, платит вам за то, чтобы вы думали? О господи, о чем я вам твердил десять тысяч раз? О том, что не должно быть

никакой связи между товаром и моим кораблем. Стоит копам найти хоть одну зацепку, и я сразу могу заняться новым делом.

— Но ведь нет никаких доказательств... — попробовал было возразить полисмен.

— Доказательств? Кому нужны эти чертовы доказательства? Стоит только намекнуть разок парням из таможни, и они будут трясти этот корабль всякий раз, как он зайдет в порт. Они разнесут тут все по винтику, а ставить все на место придется нам. Они звякнут стервятникам из отдела здравоохранения и иммиграции, что задержали нас по подозрению во ввозе бубонной чумы или еще чего-нибудь в том же роде, и наложат запрет на погрузку и выгрузку. И бог знает, что еще. Доказательства? Этим ублюдкам не нужны доказательства. Они просто сделают все, чтобы наша работа стала убыточной.

Мистер Смит гневно распространялся о бесчеловечном поведении американских властей. Дэйн подкинул ему еще некоторое количество информации к размышлению:

— Помимо иранской полиции, существует также ФБР и родственные ему организации. Контрабанда героина — это уже достаточно плохо, но дело об убийстве не закроют никогда.

— Я никого не убивал, — возмущенно отозвался Смит.

— Вы думаете об этом сейчас, — указал ему Дэйн.

— Ладно, заткнитесь, — пробурчал Смит. — Я не хочу говорить с вами. Я должен обдумать все это.

Дэйн заткнулся, и Смит стал обдумывать. Иранский полицейский смотрел на него, а два американских моряка, молчаливые, как статуи, смотрели на нас.

Кажется, мистер Смит пришел к выводам, которые не понравились ему самому. Он повернулся к Дэйну и сказал:

— Черт побери, я еще не пачкал руки убийством. Наркотики — грязная игра, но я клянусь, что никогда никого не убил. Увы, эти тупицы, которые работают на меня, думают не головой, а руками.... Вы ведь вроде как из ФБР, верно?

Дэйн кивнул.

— Вот так, и что же мне теперь делать?

— Я не эксперт по таким ситуациям, — ответил Дэйн, —

но я сказал бы, что вы уже замешаны в убийстве. По закону вы так же виновны, как тот человек, который нажал курок. Так что, в зависимости от того, кто будет осуществлять правосудие, вы можете быть либо повешены в Иране, либо посажены на электрический стул в Соединенных Штатах.

— Чудесно, — желчно произнес Смит. — Просто великолепно.

— Однако, — продолжал Дэйн, — дальнейшее зависит от вас. Обвинение в непосредственном убийстве может быть снято. Если вы сдадитесь прямо сейчас, предоставите нам всю возможную помощь и информацию, то приговор, я уверен, будет куда менее суровым.

— А как с обвинением в перевозке наркотиков?

— Оно останется в силе, — ответил Дэйн.

— Великолепно, — повторил Смит. — Когда вы предлагаете дело, вы и впрямь предлагаете дело, не так ли?

— Я не предлагаю никакого дела, — возразил Дэйн. — Я не уполномочен вести с вами переговоры. Я просто описываю вам судебную процедуру, чтобы показать вам имеющуюся у вас альтернативу.

— Приятель, вы не умеете вести дела, — усмехнулся Смит. — Вам не удалось бы продать вязанку дров замерзающему эскимосу.

Но я видел, что слова Дэйна произвели на него впечатление. Небольшие уступки убедили этого подозрительного человека лучше, чем могло бы убедить обещание полного прощения. Смит отлично знал, что ему светило по меньшей мере длительное тюремное заключение. Вопрос был в том, согласится ли он на это или же убьет нас и попытается скрыть все преступления разом.

Смит повернулся к иранскому полисмену и спросил его, почему дела пошли не по плану. Полисмен — мы уже знали, что зовут его Фахад, — объяснил, что мы выследили Флагерти быстрее, чем кто-либо ожидал. Что касается его самого, то он успел только наскоро переговорить по телефону, прежде чем его отправили на это задание. И что хуже всего, его напарником оказался Мифлех Али Зувейд, один из этих неподкупных тупиц, которые имеются в полицейском управлении и явно ниспосланы шайтаном. Мифлех уже сидел за рулем

джипа, так как собирался выехать на патрулирование порта, поэтому избавиться от него, не возбудив ничьих подозрений, было невозможно.

Фахад удалось имитировать неисправность радиации, но притормозить джип он не мог — вел машину Мифлех. Из-за этого джип и грузовик достигли причала практически одновременно. Завязалась перестрелка, и арабы не сумели сделать дело должным образом. Убийство Флагерти было исполнено совершенно топорно...

— Черт побери, — сказал Смит, — я же говорил вам, что не желаю убийства Флагерти.

— До тех пор, пока это не будет необходимо, — поправил его Фахад.

— Ну, вообще-то он сам мог о себе позаботиться. Но эти ваши арабские олухи могли бы спокойно забрать его с собой и перевезти за реку.

— Может быть, — согласился Фахад. — Но могли возникнуть трудности. Много чего могло стрястись, пойти не так, как надо.

— Ну и что? Мы знали расклад с самого начала. Я велел вам не трогать Флагерти, пока не настанет крайний случай.

— Я решил, что такой случай настал, — ответил Фахад. — Флагерти мертв, и теперь никто не сможет проследить связь между ним и вами. Вы сами говорили об этом, мистер Смит. Помните?

Смит проигнорировал вопрос и сказал:

— Ну ладно, значит, ваши любители пострелять пристукнули Флагерти и смылись за реку. Что было потом?

— Вот этот, — Фахад указал на Дэйна, — понял, что Флагерти не мог быть убит в перестрелке. Он увидел, что Флагерти застрелили с близкого расстояния в затылок.

— Конечно, он увидел. Даже десятилетний ребенок поймет разницу между входным и выходным отверстием. Эти ваши друзья действительно грубо сработали.

Фахад пожал плечами:

— Мы сделали все, что могли.

— Вы говорили мне, что они знают свое дело.

— Знают, но делают его не так, как американцы.

— Конечно, — хмыкнул Смит. — И вы тоже хороши. Тип

из ФБР находит что-то подозрительное, а вы теряете голову и стреляете в другого копа, — как его зовут, Мифлех?

— Его звали Мифлех. Я застрелил его, потому что он пытался свернуть мне шею. И голову я не потерял. А потом...

— Продолжайте.

— Я также был вынужден пристрелить мадана, который был с этими типами.

— У вас действительно выдалась бурная ночь.

— Я делал то, что было необходимо.

— А потом вы притащили этих типов сюда. Действительно, здорово придумали. Почему бы вам было попросту не дать объявление в газету?

— Мистер Смит, обстоятельства.

— Да уж, обстоятельства. Если вам так хотелось поиграть в ковбоя, почему же вы не продолжили начатое?

— Полиция была слишком близко. Я не мог быть уверен, что успею убить всех троих до подхода копов. И если бы хоть один был в состоянии говорить, все открылось бы.

— Ладно, — сказал Смит. — Но вам не следовало никого убивать. Что с того, что смерть Флагерти выглядела подозрительно? Никто не смог бы связать его со мной.

— Но они могли связать его со мной, — возразил Фахад. Смит вздохнул и потер лоб.

— Ну, что сделано, то сделано. Остается только маленькая проблема в лице трех исчезнувших типов и одного пропавшего копа. Что с этим делать?

— Пропавший коп, — ответил Фахад, — вынырнет в Ираке под чужим именем. Никаких трудностей.

— А эти трое?

Фахад улыбнулся.

— Я думаю, что они исчезнут навсегда. Некоторое время спустя власти уверятся, что они утонули в Шатт-эль-Араб, преследуя хаббания.

— Не очень-то правдоподобная версия, — сказал Смит.

— Да. Но власти сочтут, что это лучше, чем отсутствие какой бы то ни было версии.

Я видел, что Смицу стало неуютно, когда перед ним возникла жестокая необходимость убить нас. Он знал, что для всего случившегося прежде можно найти какие-то смягчаю-

щие обстоятельства. Но если мы будем убиты сейчас, по его приказу и на борту его корабля, ни один суд в мире не окажет ему ни малейшего снисхождения. Думать о тюремном заключении неприятно; но перспектива смертной казни ужасала. Было о чем поразмышлять!

Смит сел, ослабил узел своего галстука и зажег сигарету. Несколько раз затянувшись, он бросил ее и сказал Фахаду:

— Вы знаете, это нелегко.

— Это очень легко, — сердито произнес Фахад. — Во имя Аллаха, если вы не можете это сделать, то сделаю я!

Он вынул свой револьвер из кобуры. Дэйн сказал:

— Полиция, возможно, уже ищет нас по всему порту. Что, если они услышат выстрелы?

— Он прав, — кивнул Смит.

— Никто ничего не услышит! — прошипел Фахад.

— Не знаю, услышат или нет, — возразил Смит, — но надо соблюдать осторожность.

— Тогда позовите остальной свой экипаж, — предложил Фахад. — Позовите их сюда и прикажите им удавить этих троих.

Два моряка, стоявших рядом со Смитом, взглянули на Фахада с холодным презрением; очевидно, в Америке так дела не делались. Смит воспротивился:

— Не думаю, что ребята возьмутся за это. И вообще, кто вы такой, чтобы тут приказывать? Я все еще команду здесь, и в этом чертовом деле тоже. Дай вам волю, вы всех перестреляете. О господи, какая-то мелочь сработала не так, и вы поставили под угрозу всю операцию!

— Я сделал то, что было необходимо, — ответил Фахад. — По крайней мере я не струсил!

Смит ничего не сказал на это. Оба они пытались сдержать свою ярость. Фахад начал расхаживать взад-вперед по каюте. Смит сгорбился в кресле, сунув обе руки в карманы пиджака. Жест был довольно небрежный, но я знал, что его рука сжимает пистолет. У меня появилась слабая надежда.

Фахад посмотрел на Смита. Его лицо не выражало ничего, но я понимал, что он тоже знает о пистолете. Ровным голосом он произнес:

— Нам не о чем спорить, мистер Смит. Наш союз выго-

ден нам обоим. Того, что сделано, уже не исправить. И мы оба знаем, что следует предпринять.

— Верно, — отозвался Смит.

— Зайдя так далеко, — продолжал Фахад, — мы не можем повернуть обратно. Это немыслимо. Посудите сами: если даже вы сможете прийти к какому-то соглашению с властями — а я не допускаю подобной мысли, — то как насчет вашего экипажа?

— Это их не касается.

— Касается, — настаивал Фахад. — Ваши матросы делят с нами риск и прибыли от героина — и делят ответственность. Ваши матросы никого не убивали; но они, также, как вы, соучастники убийства.

Фахад улыбнулся и выдержал эффектную паузу.

— Так что по закону они убийцы. Быть может, если сильно повезет, правительство даст вам меньший срок. А как быть с вашим экипажем? Могут ли они полагаться на широко известную «доброту», которую американское правительство проявляет по отношению к убийцам?

Смит обратил взгляд на двух моряков. Они молчали, как раньше. Но в их руках по-прежнему были пистолеты, и теперь они были направлены на Смита.

Казалось, молчание длится бесконечно. Затем Смит вынул руки из карманов — пустыми.

— О'кей, я с этим согласен, — сказал он.

— Я знал, что вы поймете, — усмехнулся Фахад. — Я полагаю, что теперь мы должны поспешить. Полиция наверняка обыщет каждый корабль в округе.

— Но куда мы их спрячем?

— Туда же, куда прячем героин.

Смит кивнул с отсутствующим видом. Он как-то разом постарел, лицо его стало серым и дряблым, словно у тяжело больного человека. Теперь я действительно мог поверить, что он не сторонник убийств; я мог поверить, что все его существо восстает против необходимости убить нас. В других обстоятельствах я даже испытывал бы легкое сочувствие к мистеру Смит. Но сейчас я ощущал только странную болезненную опустошенность, как будто мое все еще живое тело пыталось заранее почувствовать свою собственную смерть.

Под перекрестными взглядами Фахада и моряков мистер Смит извлек из кармана свой пистолет и указал им на нас.

— Мне жаль, парни, — сказал он, — но так уж сложилось. Я хочу, чтобы вы ушли тихонько и без всякого шума. Если вы начнете бузить, то у нас не будет выбора — нам придется стрелять.

Любой человек предпочтет хоть чуточку отсрочить свою смерть, пусть даже на несколько минут. Поэтому мы вышли в коридор вслед за Фахадом — тихо и без всякого шума.

Глава 28

Коридор заканчивался металлической лестницей. По ней мы спустились в недра корабля, потом прошли по другому коридору. Фахад остановил нас у овального люка в переборке, один из матросов взял гаечный ключ и один за другим отвернул двенадцать больших болтов, удерживавших крышку на месте. Нам приказали заходить внутрь.

Мы оказались в пустом прямоугольном помещении. Высоко над головами сквозь маленькое зарешеченное отверстие просачивались в нашу тюрьму первые проблески утреннего света. Мы слышали клацанье — это матрос снова завинчивал крышку люка, а потом наступила тишина.

Хитай наконец-то собрался с духом и теперь проклинал контрабандистов и самого себя — за то, что не сумел героически сражаться и погибнуть там, в каюте. Но он находил горькое удовлетворение в мыслях о предстоящей нам последней битве.

— Вот увидишь, Ахмед, — говорил он мне, — рано или поздно они должны будут забрать нас отсюда. Полагаю, это будет в открытом море, где они захотят избавиться от наших тел. Человек должен принимать смерть, которую посылает ему бог. Но клянусь тебе, Ахмед, что если я погибну, то один или два этих кровавых ублюдка умрут вместе со мной.

На этот раз я не находил хвастливые речи туркмена смешными. В них присутствовало даже некое странное величие, и в ту минуту я любил Хитая, как брата. Я с радостью оставил бы его упиваться героическими мечтаниями; но очень скоро

ему предстояло обнаружить истину, и я решил, что будет лучше, если я скажу ему сейчас.

— Хитай, — промолвил я, — пожалуйста, прости меня, я всем сердцем желал бы, чтобы все закончилось так, как ты говоришь. Но этого не будет.

— Будет! — воскликнул он. — Ахмед, они должны будут прийти за нами...

— К тому времени мы уже будем мертвы.

— Ты сошел с ума! — протестующе вскричал Хитай.

Я покачал головой.

— Это не грузовой корабль. Это танкер.

— Ну и что?

— Прежде чем покинуть Абадан, танкеры наполняются нефтью. Мне очень жаль, Хитай.

Он уставился на металлические стены, потом на маленькую решетку наверху. Постепенно истина дошла до него.

— Ты хочешь сказать, что мы находимся в той части судна, которая наполняется нефтью?

Я кивнул.

— И они зальют сюда нефть и утопят нас в ней?

— Именно так они и сделают, — подтвердил я.

Хитай размышлял над этим, а я ждал, что он впадет в бессмысленную ярость. Но вместо этого он очень спокойно произнес:

— Тогда мы быстро должны найти выход отсюда.

Я не сказал ему, что выхода нет. Я согласился:

— Ты прав, давай поищем.

Но сперва нам пришлось искать Дэйна, который, как оказалось, уже успел куда-то отойти. Миг спустя я засек его. Оказывается, он обнаружил скобы, ведущие к решетке, закрывающей отверстие наверху, и теперь неистово дергал ее за прутья.

Хитай и я полезли вверх по скобам. Прежде, чем мы достигли верха, над нашими головами послышался монотонный гул.

— Что это? — спросил Хитай.

— Поднимайся, поднимайся, — сказал я.

— Но откуда шум? Ты не думаешь, что кто-то...

Затем он увидел источник шума: из отверстия наверху

полилась плотная черная струя толщиной с человеческое туловище. Матросы закачивали в нашу темницу нефть.

Мы собрались на верху трапа из скоб, пытаясь ухватиться за решетку. Там едва хватало места для одного человека, но Дэйн встал с одной стороны, я с другой, Хитай оперся на мои плечи, и все мы вцепились в решетку. Внизу нефть уже на дюйм покрыла дно танка. Вверху наши пальцы отчаянно цеплялись за толстые металлические прутья, дергая и раскачивая их. Мы с отчаянием обреченных боролись за жизнь.

Я не верю, что мы смогли бы выбить прутья этой решетки даже при помощи кузнечного молота; пожалуй, нам понадобилась бы для этого ацетиленовая горелка. Но мы трясли и дергали решетку так, что сводило все мышцы. Это было единственное, что мы могли сделать. А нефть продолжала прибывать.

Глава 29

Дойдя до этого момента, я столкнулся с трудностью, подстерегающей всех, кто рассказывает истории о себе самом. Я должен поведать, чем все закончилось.

Честно говоря, я не могу сказать, что мы выбрались из темницы собственными силами. Я хотел бы, чтобы так оно и случилось, и уверен, что Хитай именно так описал финал этой истории своим соплеменникам. И они, будучи весьма простодушными, наверняка поверили ему. Но только туркмен может верить, что три человека способны голыми руками пробиться сквозь толстую, крепко склепанную железную решетку, не имея никаких инструментов.

С другой стороны, житель Исфагана, искушенный в тонкостях сюжета, может предположить наличие неожиданного выхода — какой-нибудь скрытой двери или раздвигающейся панели в стене. Или же он будет ожидать научного объяснения, взрывного эффекта, создаваемого давлением нефти под железной решеткой, по закону, всем известному как Закон Раки. Такой финал также был бы отраден мне, особенно если бы я мог сказать, что знал о нем наперед. Но увы, ничего подобного не произошло.

Мы не утонули. Но человеческая сила не одолела решетку. Мы не обнаружили никакой раздвижной панели, и никакое научное открытие не явилось к нам на помощь. Мы были не в силах сделать что-либо.

Так как же мы уцелели?

Нас спасли.

Вот так, одной-единственной строчкой, я разочарую всех, кроме тех редких личностей, которым доставляет радость выслушивать правду. Именно так и было, и в утешение я могу предложить только одно: подробности нашего спасения.

Бросившись в погоню за грузовичком Флагерти, мы оставили Хансена и одного из мадан в коттедже, охранять улики. Шло время, мы не возвращались, и наши друзья стали беспокоиться. Не имея возможности поговорить друг с другом, каждый из них думал о своем и боялся самого худшего.

Мадан, как типичный представитель своей расы, был весьма суеверен и верил в видения и предчувствия. Очень быстро он убедил себя, что мы попали в беду, и бросился к нам на помощь. Каким-то образом он собрал тридцать с лишним рабочих-арабов и приказал им следовать за ним. Должно быть, это был самый великий миг в его жизни, но он не позволил себе даже думать об этом. Он следовал своему предчувствию и ни на секунду не усомнился в истинности того, что подсказывало ему это шестое чувство, недоступное доводам разума. Он провел свое возбужденное воинство через центр Абадана, к порту, мимо бесконечной линии кораблей. Потом он свернул к одиноко стоящему белому зданию, принадлежащему «Корпорации грузовых перевозок в Персидском заливе».

— Вот это место, — сказал он шедшим за ним арабам. — Выломайте двери и найдите моих друзей.

Рабочие, охваченные мистическим пылом, сделали именно так, как он велел. Конечно, они не нашли нас, но зато произвели огромный беспорядок. Как ни странно, они вломились в здание, принадлежавшее мистеру Смитту: именно отсюда он осуществлял операции с героином, прикрываясь законным нефтяным бизнесом. Когда прибыла полиция, она обнаружила большое количество документов, свидетельству-

ющих о преступной деятельности. Никогда не стоит смеяться над интуицией мадан.

Хансен, оставшись один в коттедже Флагерти, погрузился в тяжкие раздумья. Он был человеком логики и пошел по логическому пути. Он решил, что сперва ему нужно получить как можно больше информации о Флагерти. Для того чтобы найти эту информацию, он начал обзванивать всех европейцев в Абадане.

Он выяснил весьма интересный факт — Флагерти был добрым другом полицейского по имени Фахад. Еще несколько телефонных звонков помогли установить, что именно Фахад вел наш джип и куда-то пропал вместе с нами. Хансен решил, что, возможно, Фахад был сообщником контрабандистов, и вновь принялся за поиски информации.

Он узнал, что Фахад проявлял немалый интерес к «Корпорации грузовых перевозок в Персидском заливе». Хансен немедленно понял, что компания Флагерти, «Чизпикская и Вирджинская Нефтяная Компания», была попросту ширмой. Истина открылась ему, озаренная светом логики. И когда он узнал, что в городе «Корпорации» принадлежит только небольшой нефтеперегонный завод — никогда не работающий, — все стало ясно. Не колеблясь ни секунды, Хансен позвонил начальнику полиции Абадана, кратко изложил факты и потребовал, чтобы на заводе был произведен обыск с целью обнаружения наших тел.

Начальник полиции выполнил требование. Но он располагал большей информацией, нежели Хансен, и знал, что танкер «Корпорации» загружен и готов выйти в море. У него уже не осталось полицейских, поэтому он затребовал отряд солдат и послал их на танкер. Его действия свидетельствуют о чрезвычайно остром уме, и не его вина, что он направил отряд на другой корабль «Корпорации».

Сделать финальный ход выпало молодому иранскому капралу. Этому капралу было приказано взять своих людей и обыскать каждый корабль и каждый склад в районе порта. Приняв к сведению случившуюся ранее перестрелку, а также зажигательную речь мадана, телефонные звонки Хансена и приказы начальника полиции, капрал получил четкое представление о том, что происходит. К этому времени о проис-

ходящих событиях знал весь Абадан, но капралу подвернулся счастливый случай. Ведя своих людей вдоль причалов, капрал заметил нечто странное.

Только-только начало светать, и именно в это время муэдзин призывает к первой молитве. Корабли, выстроившиеся длинной вереницей, были безмолвны и пусты, ибо мусульманы молились, а христиане спали. Через час, после молитвы и завтрака, причалы наполнятся толпами рабочих. Но сейчас все было тихо и мирно.

За исключением одного корабля.

Капрал заметил необычайную для этого часа активность на борту одного из танкеров. Матросы тянули с берега на танкер нефтеналивной рукав, потя и проклиная норовящие развинтиться соединения, суеились у насосов, кричали друг на друга. Достаточно странно было, что они работают в такую рань; но их нервозность и неестественная спешка были еще более странными.

Капрал действовал по собственной инициативе, как действовали все в Абадане. Он приказал матросам выключить насос.

Затем, как мне рассказали, последовала весьма оживленная перестрелка. Капрал отрядил одного рядового за подкреплением, и рядовой вернулся с полным взводом солдат, бронемашиной и древним, но все еще действующим танком «Шерман». Матросы сдались еще до того, как танк вступил в бой, но стрелок танка, чтобы сорвать досаду, несколько раз выстрелил в борт корабля.

Экипаж танкера был захвачен в плен, мистера Смита взяли без малейших препятствий, а Фахада выудил из воды полицейский катер. Он пытался переплыть через Шатт-эль-Араб на иракский берег.

Начальник полиции позвонил в Басру и объявил розыск на хаббания. Немедленно были подняты иракские погранвойска, и весь приграничный район был прочесан. Но приказ пришел слишком поздно. Вскоре стало очевидным, что схватить их не удастся.

Хансен, мадан и начальник полиции рассказали о происшедшем различным правительственным чинам, а также нескольким репортерам. И только когда один репортер спро-

сил, как выглядят события с точки зрения мистера Дэйна, все осознали, что нас еще не спасли.

Нефть наконец отключили — к тому времени она уже заполнила нашу тюрьму примерно наполовину. Тяжкие засовы пали, и Дэйн, Хитай и я вышли навстречу благословенному свету дня.

Мы долго благодарили капрала, поскольку были обязаны своими жизнями именно ему. Однако, как напомнил нам Дэйн, мы также были обязаны Хансену, мадану и начальнику полиции. Объединенными усилиями всех этих людей были обысканы все возможные узилища, и наше спасение было обеспечено, вне зависимости от того, куда нас упрятали. Дэйн, несомненно, был прав, когда сказал, что нас с той же вероятностью могли запереть и на другом танкере, и на заводе, и в главной конторе.

Как я узнал позже, «Нефтяная Корпорация» целиком и полностью принадлежала американскому преступному синдикату. Они действительно осуществляли прибыльные операции с нефтью; но настоящий доход получали с наркотиков. Героин, запечатанный в водонепроницаемую пленку, перевозился в баках одного из танкеров. Ни один таможенный инспектор никогда не процеживал несколько тысяч галлонов неочищенной черной нефти в поисках упаковки героина; быть может, теперь начнут этим заниматься. Для полноты картины я должен сказать, что «Корпорация» владела пятью танкерами, но никогда не провозила героин больше чем на одном в одно и то же время.

Когда мы уже собирались покинуть Абадан, нам сообщили, что мистер Смит настоятельно просит о встрече с нами. Мы навестили его в усиленно охранявшейся камере, куда поместил его начальник полиции. Смит выглядел чрезвычайно бодро для заключенного. Он сказал, что его настоящая фамилия — Виноски. Он взял у Дэйна сигарету, с усмешкой посмотрел на нас и сказал:

— Ну, ребята, мы действительно с этим справились, а?

— О чем вы говорите? — спросил Дэйн.

— О том, о чем мы толковали тогда, на корабле, — пояснил Смит. — Как я говорил вам, убийство — это не для меня.

Так что как только вы указали мне законный выход из положения, мистер Дэйн, я понял, что мне делать.

— Вы хотели убить нас, — заявил Дэйн. — И были близки к успеху.

— Я пытался вас убить? — потрясенно и негодуяше возопил Смит. — Это клевета! Поймите, Дэйн, я спас вашу жизнь. Вы обещали мне кое-что тогда, на корабле, помните? Никакого обвинения в непосредственном убийстве. Вы ведь не собираетесь отказываться от ваших слов, а?

Дэйн возразил:

— Мало похоже, что вы пытались спасти наши жизни, мистер Смит. Я бы сказал, совсем наоборот.

— Сказали бы, да? Это потому, что вы не дали себе труда подумать. Черт побери, я не мог просто открыть дверь каюты и дать вам уйти, ведь там были матросы и Фахад. Они следили за мной. Вы помните?

Дэйн кивнул.

— Особенно после выступления Фахада, — продолжал Смит. — Я должен был следить за собой и в то же время продолжать игру. Если я принимаю какое-либо обдуманное решение, я и в самом деле обдумываю его.

— Ладно, — сказал Дэйн. — Но я не видел, чтобы вы что-то предприняли.

— Минутку, послушайте, — произнес Смит. — Дайте мне договорить. Как только вы появились, я понял, что игра идет к концу. Таможня США тупа, но не настолько тупа. Если вы исчезнете в Абадане, они проверят каждый вышедший отсюда танкер и обнаружат, что «Корпорация» принадлежит паре подставных контор, которыми, в свою очередь, владеет группа джентльменов, числящихся в списках министерства юстиции. После этого, поработав некоторое время и проконсультировавшись с независимыми экспертами, они пришли бы к выводу, что героин спрятан в нефти. Так что, когда мы пришвартовались бы в Саванне, нас уже с нетерпением ожидала бы группа служителей закона.

— Ну и что? — спросил Дэйн. — Вы могли бы выкинуть нас и героин за борт и прийти в порт чистенькими.

— Я думал об этом, — сказал Смит. — Но это принесло бы мало хорошего. Это была большая операция, она длилась

без малого пять лет. Я не мог быть уверен, что кто-нибудь в правительстве не докопается до чего-нибудь. И даже если бы не осталось никаких улик, кое-кто понес бы убытки, чтобы спасти от петли закона шеи совета директоров. А кто понесет убытки? Мы, то есть я.

— Почему вы? — спросил Дэйн.

— Потому что я — владелец, — пояснил Смит. — На бумаге «Корпорацией» владею я. Я всегда на переднем крае. Мне весьма неплохо платят, и именно я несу убытки, когда что-то идет не так. Меня это устраивало. Но я не собирался брать на себя ответственность за убийство. Даже совет директоров не предполагал этого, и мы не были согласны на убийство. Но потом Фахад все испортил, и мне пришлось все исправить. И я это сделал.

— Каким образом? — спросил Дэйн.

— Спас ваши жизни.

— Да, но как?

— Понимаете, они закрыли вас в танке. А что сделал я? Разве я приказал парням подождать пару часов, а потом начать заливать нефть? Нет. Я сказал им, что дело очень спешное, что мы должны наполнить танки, пока никто не видит. Я велел им начинать сразу же, немедленно. И они это сделали. Один-единственный танкер набирает нефть, не дожидаясь помощи докеров, — даже дурак сообразит, что тут что-то не так.

Дэйн ничего не сказал. Смит пожевал губу и беспокойно спросил:

— Вы ведь не попытаетесь увильнуть, правда? Я поставил на карту свою жизнь, отдав этот приказ. Если бы Фахад и ребята не нервничали так, они бы поняли, что я делаю. Я шел на крупный риск.

— Вы могли утопить нас, — сказал Дэйн.

— Ни в коем случае, — возразил Смит. — Нужно добрых четыре часа, чтобы наполнить этот танк. Если бы местная полиция не появилась, я час или два спустя выскользнул бы на берег и предупредил бы их.

Он изрядно поволновался, пока Дэйн обдумывал его слова. Наконец Дэйн сказал:

— Хорошо, мистер Смит. Полагаю, что если вас оправда-

ют за недостаточностью улик, то это будет честно. Я посмотрю, что можно сделать для вас.

Благодарность Смита не имела границ.

Теперь Фахад мертв, а мистер Смит отбывает долгий срок в американской тюрьме. Очень жаль, что никто из «совета директоров» не был осужден, хотя министерство юстиции и несколько комитетов конгресса выдвигали против них обвинения. Мистер Дэйн щедро расплатился со мной и Хитаем, а также настоял на том, чтобы Хансен тоже не остался без вознаграждения, несмотря на то, что ему ничего не было обещано. После этого Дэйн вернулся в Вашингтон, и с тех пор я больше не слышал о нем.

Хансен остался здесь, в Иране, работать водителем грузовика. Некоторое время он подумывал открыть собственное детективное агентство, но с этим ему не повезло ни в Иране, ни в Швеции. Время от времени мне случается повидаться с ним.

Хитай вернулся к туркменам-душакам. Благодаря своему богатству он стал главой рода и находит в этом титуле немало радостей. Я редко встречаюсь с ним, но побеседовать при встрече неизменно приятно. Их междоусобица с алтаями завершилась, поскольку вмешалась иранская армия и заявила, что теперь она, армия, будет вести боевые действия. Чтобы доказать свою позицию, иранцы убили по несколько туркмен из каждого племени, выразив тем свою беспристрастность. В результате туркмены занялись возделыванием земли, что может показаться невероятным. Но я то и дело слышу о бандитских набегах на приграничные афганские селения и знаю, что мой друг не совсем забыл старые времена.

Что касается меня, то я вложил свои деньги в земельный участок и в несколько малых предприятий, все они сейчас процветают. Я живу вместе с родителями в большом доме в Исфагане, и у нас самый чудесный сад на сотню миль в округе. Я взял в жены прелестную девушку; я был знаком с ней много лет, но она стала проявлять ко мне интерес только тогда, когда я наконец поймал фортуна за хвост.

Хансен не считает мой выбор удачным. Но я предпочитаю понимание чувствам, а мы с женой хорошо понимаем друг друга. Я думаю, что она скоро проникнется ко мне не-

поддельной любовью, особенно теперь, когда близится рождение нашего ребенка.

Так что я добился процветания, счастлив в браке и скоро стану отцом. Своим счастьем я обязан упорной работе, честности и, в некоторой степени, находчивости. Все это осталось при мне. И все же мне иногда грезится, что Дэйн снова входит в мою жизнь, снова вовлекает меня в какую-то сумасшедшую авантюру и снова дает мне шанс рискнуть своей шеей где-то в горах, или в пустыне, или в болотах...

Несомненно, это желание трудно понять, и все же оно временами приходит ко мне. Я желаю того, чего не имею, и среди цветения жизни тоскую и о холодном дуновении смерти.

Но может стать, что мое желание на самом деле всего лишь признание неизбежности будущего. Ибо я уверен, что мы с Дэйном встретимся вновь.

ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ

Глава 1

Дэйн прилетел в Афины после полудня. Деловая встреча была назначена на восемь часов того же вечера. Он остановился в отеле «Георг V» на площади Конституции, принял душ и переоделся в легкий черный костюм. Вышел из отеля и прогулялся по развалинам Акрополя. Перекусил в первой попавшейся таверне. После чего взял такси и вернулся в отель.

Ровно в восемь он направился к гостинице «Де Вилль», расположенной всего в двух кварталах от отеля. Стоял тихий и трепетный весенний вечер, повсюду цвели гиацинты и пели соловьи.

Комитет занимал одно крыло на четвертом этаже. Дверь открыл секретарь и проводил Дэйна в гостиную. Из-за закрытой двери спальни доносились голоса, разговор шел явно на повышенных тонах. Когда секретарь постучал в дверь, голоса резко смолкли. Дэйн сделал вывод, что у собеседников было тайное совещание.

— Сейчас к вам подойдут, — сказал секретарь.

— Благодарю.

Дэйн присел на диван, обитый выцветшим зеленым плюшем. Радость от чудесного афинского вечера прошла: он увидел слишком много заговорщиков в гостиничных номерах. У него возникло ощущение нереальности происходящего; все эти бесконечные и едва обжитые комнаты слились в одну безликую, неопределенную Комнату — прообраз всех на свете гостиничных номеров с зашторенными окнами и потертыми коврами, с лампочками на сорок ватт, слабый желтый свет которых рассеивается в облаках застоявшегося сигаретного дыма.

Стивен Дэйн был высоким стройным мужчиной, с темно-каштановыми волосами и приятным, немного худощавым лицом. Его возраст определить было трудно: на первый взгляд — около тридцати, а присмотревшись внимательнее к его серым глазам, дерзким и проницательным, можно было дать и все сорок. Выглядеть так, чтобы после было трудно описать его внешность, стало для Дэйна частью профессии, и он вполне в этом преуспел. Все его достоинства были подчинены практической выгоде, а недостатки искоренены из самолюбия. Работу свою он выполнял хорошо, но, кроме нее, почти ничем не интересовался. Он был больше нужен другим, чем самому себе.

В спальне снова загремели голоса, но тут же перешли в быстрый шепот. Дэйн несколько не удивился. Люди, занимающие такие гостиничные номера, были однообразны, как и сами эти номера: хомо конспиратор, существо, цель жизни которого — кого-нибудь свергнуть; биологический подвид, характеризующийся ярко выраженной склонностью к повышенной секретности.

Даже их планы не отличаются почти ничем. Дэйн видал перевидал десятки подобных планов; они уже перемешались у него в голове... Комитеты прошлого и настоящего: за освобождение Анголы, Йемена, Курдистана, Суматры, Целебеса, Танзании, Ганы, Тибета, Дагомеи, Верхней Вольты; комитеты, канувшие в небытие: за освобождение Сербии, Богемии, Савойи, Беарна, Наварры; комитеты будущего: за освобождение Болвании от Раджании, за объединение Нубарии против ига Вазерии, для защиты Трулялябии от Тралялябии...

Дверь спальни открылась. Появился один из спорщиков.

— Добрый вечер. Я — мистер Лахт. Вы, полагаю, мистер Дэйн?

— Именно.

— Могу ли я взглянуть на ваши... э-э... документы? Большое спасибо.

Его тонкие нервные коричневые пальцы завертели бумаги, исподтишка пытаясь прощупать их на предмет подделки. Лахт был высоким и необычно светложким симпатягой с большим висловатым носом, с щеками, побитыми какой-то кожной болячкой, и маленьким недовольным ртом. Над ним

витала аура силы, нетерпеливости и чувства собственной правоты. Стандартный набор для хромосом Конспиратора. Он выглядел переутомленным и наверняка страдал бессонницей (Лахт был вынужден не спать ночами с тех пор, как решил пробудить мир).

— Прекрасно, мистер Дэйн. Вы, конечно, понимаете, что проверка необходима. В таком деле, как наше...

В каком деле? Кто он такой и что за дело он задумал? Южные арабы против аденцев? Или бахрейнцы против иракцев? А может, кувейтцы против саудовцев? А-а, на этот раз ракканцы против иракцев... Скорость, с которой множились подобные «дела», вызывала только саркастическую усмешку. Дэйн видел слишком много яростно враждующих сторон в мире. Его чувства говорили об идиотизме происходящего, его разум утверждал, что все это хоть сколько-то, но важно. Приняв сторону своего сердца, он оказался в двусмысленном положении: приходилось служить целям, в которые он сам имеет несчастье не верить.

Теперь из спальни вышли остальные два члена Комитета. Оба натянуто скалились, как школьники, которые подрались в раздевалке.

— Мистер Дэйн, разрешите вам представить моих коллег. Это мистер Бикр...

Высокий мужчина в летах, с квадратными плечами и вытянутой унылой физиономией. Его лицо окаменело в попытке симпровизировать чувство собственного достоинства.

— ...и мистер Рауди.

Мужчина сорока пяти лет, невысокий и пухлый, с желтоватой кожей и редкой бородачкой. Пока его представляли, он взволнованно моргал.

Сели. Секретарь принес сладкий турецкий кофе в крохотных чашках и нырнул в одну из комнат.

Лахт спросил Дэйна, что тот знает об освободительном движении Ракки.

— Очень мало, — ответил Дэйн. — Меня ввели в курс задания всего два дня назад.

— С вами говорил мистер Уэльс из вашего посольства в Париже?

— Он сказал, что обо всем необходимом для моей работы расскажете вы.

Лахт усмехнулся и медленно приподнял свои чудесные изогнутые брови. Это значило, что объяснения были если не невозможны, то уж наверняка излишни. Он повернулся и кивнул одному из комитетчиков, тот сразу же развернул карту района Персидского залива.

— Вот Ракка, — начал Лахт, указывая на обведенную территорию у восточных границ Ирака и Саудовской Аравии. — Она небольшая, ненамного больше, чем штат Мэриленд, и в три раза меньше, чем Ливан. Это земля с выдающейся древней историей, но в настоящем у нее почти ничего нет.

Лахт откинулся на спинку дивана и, заливаясь соловьем, поведал Дэйну о славных страницах истории древней Ракки. Она была независимой частью Вавилонского царства. Некоторые археологические находки свидетельствуют о том, что на месте столицы Ракки некогда стоял город — современник Ура и халдеев.

— Потом, разумеется, было множество нашествий, — продолжал Лахт. — Все древние царства пали под стопой Тамерлана или Аттилы. Ракка была разрушена так же, как Вавилон и Халдейское царство. Но люди выжили.

Ракканцы, как пояснил Лахт, являются отдельной и независимой расой в арабском мире, как, например, курды и туркмены. Их ближайшие родственники — жители болотистой местности, арабы Махдана.

Ракканцы не смирились с османским владычеством, тянувшимся веками. Они сражались вместе с Лоуренсом во времена освобождения Аравийского полуострова от турков. Но позже, когда Британия проводила политическое урегулирование на полуострове, ракканцы так и не получили автономию — их интересами пренебрегли в пользу Ирака и саудовцев.

Но долгому сну пришел конец. Снова — недовольство народа, стремление к независимости. Возродилось освободительное движение, и, конечно, появился Комитет. Одно время Франция, похоже, собиралась их поддержать. Тогда Иран немедленно признал Ракку — это был недолгий период относительной независимости. Но в тысяча девятьсот тридцать

восьмом иракские войска «восстановили» свои границы и вновь оккупировали земли ракканцев. Ракканцы сразу же подняли вопрос об автономии в составе Ирака, но так ничего и не добились — началась Вторая мировая война. После войны в восточном Ираке взбунтовались курды, и ни о какой автономии теперь не могло быть и речи.

Мечты о независимости начали таять, но в пятидесятые годы, когда вспыхнул саудовско-иракский конфликт, для ракканцев снова забрезжила какая-то надежда.

В тысяча девятьсот пятьдесят втором представители британских и датских нефтедобывающих компаний исследовали Тикканскую равнину. И уже к тысяча девятьсот пятьдесят пятому году началась промышленная разработка богатейшего месторождения. В эти годы ракканские патриоты боролись за свои интересы, пытаясь отгородиться от наступающего на страну арабского мира. Решающий удар был запланирован в пятьдесят девятом году при поддержке саудовцев. Но он провалился, когда Саудовская Аравия, под давлением Египта, была вынуждена примириться с Ираком.

С тех самых пор торговые связи на Ближнем Востоке упорочились и кое-где изменились. Этому поспособствовала и общая ненависть к Израилю, который проводил политику отделения от своих соседей. Но в настоящее время идея вернуть вспять воды Иордана из плана активных действий превратилась в недостижимую мечту. Война в Йемене, казалось, принесла шаткое равновесие, но по-прежнему отвлекала Египет, мешая ему обратить свою разрушительную энергию в другом направлении. Внимание Ирака до сих пор было приковано к северо-западу, где курдские националисты угрожали жадному правительству вооруженным мятежом. А Саудовская Аравия, после многих неудач, наконец получила от Фейсала долгожданные реформы. Теперь саудовцы твердо держат свои позиции и готовы поддержать друзей и вносить смуту в ряды врагов.

— В связи с вышесказанным становится ясно, — закончил Лахт, — что мы живем во времена великих возможностей. Настроения и диспозиция наших ближайших соседей играют нам на руку. Назрел момент для решения вопроса о

независимости. Такое может повториться не раньше чем через десять лет, а то и через все сто.

— Верю вам на слово, — сказал Дэйн. — Вы знаете своих соседей много лучше, чем я.

— Я знаю их, — согласился Лахт. — Я знаю всю эту шакалью стаю. В арабских странах, мистер Дэйн, единственным движущим мотивом выступают собственнические интересы. Я полагаю, так же, как везде, но здесь это происходит открыто и бесстыдно. Личные интересы здесь поднялись до культового уровня, а все остальное рассматривается как дурацкое философствование. Конечно, существует определенная шкала ценностей. Никто не вцепится в своих ближних, если можно запустить когти в бок соседа; любой объединится с соседом для того, чтобы разорвать более сильного на стороне. Все дело в степени родства, понимаете ли.

— А как насчет родства со всем человечеством? — поинтересовался Дэйн.

— Сейчас такая постановка вопроса не имеет смысла, — ответил Лахт. — Мы проникнемся любовью ко всему человечеству не раньше, чем на Земле высадятся марсиане. — Лахт улыбнулся и опустил взгляд на свои отполированные ногти. — А поскольку случится это отнюдь не завтра, давайте займемся более насущными проблемами. Час освобождения Ракки пробил. Вы не согласны со мной, мистер Рауди?

При звуке своего имени Рауди нервно вздрогнул.

— Час? А, да. Я полагаю, что пробил. Хотя некоторые ключевые вопросы...

— На эти ключевые вопросы не существует ответов, — оборвал его Лахт. — Когда возникает возможность вмешаться в ход событий, нужно брать дело в свои руки. Но события, как бы хорошо они ни были подготовлены и просчитаны, происходят стихийно. Хотя и кажется, что мы держим ситуацию под контролем, на самом деле это далеко не так; мы можем только нанести удар в наиболее подходящий момент. Как будут развиваться события после этого, нам остается только догадываться.

— Да, конечно, — сказал мистер Рауди, — я так и думал, вам это известно. Я лишь пытался указать на определенные границы наших знаний.

Мистер Рауди покивал сам себе и раскурил сигарету.

— Ваше мнение, мистер Бикр? — спросил Лахт.

Бикр по-школьному втянул голову в плечи и вяло покачал головой:

— Мы должны все точно рассчитать, Лахт. Все зависит от того, как лягут карты. Нужно действовать очень осторожно.

— Терпения вам не занимать, — ответил Лахт, — но это достоинство вы превращаете в недостаток. Может, вы согласны подождать еще тридцать лет, мистер Бикр?

— Если нужно, да.

— Вы сами решаете, когда нужно, а когда — нет?

— Гм... я человек не очень решительный.

— Никто вас не осуждает, мистер Бикр. Вы инертный, да. Робкий и легко впадающий в панику, пассивный и уклоняющийся от активных действий, это правда. Но никак не нерешительный.

— Это похоже на оскорбление, — тихо произнес Бикр.

— Это констатация факта, — отпарировал Лахт.

Бикр слабо поморгал и повернулся к Рауди:

— А как вы расцениваете обстановку?

Рауди снова смутился. Он громко откашлялся и сказал:

— Ясно одно. Мы должны действовать. Мы просто обязаны использовать выгодную для нас ситуацию. Это понятно. Но нельзя бросаться сломя голову только из нетерпения или немедленной жадности действий. Нужно взвесить все «за» и «против» и отбросить нереальные надежды. Дело, на которое мы идем, чрезвычайной важности, и нужно все тщательно продумать.

Лахт наблюдал за своими соратниками с грустной улыбкой.

— Мои бедные друзья, — сказал он, — какое жалкое зрелище вы представляете — беззубые львы, да и только! Вы слишком долго шептались в закрытых комнатах. Конспирация тянет вас на дно, она стала частью вашей жизни. Вы превратились в профессиональных заговорщиков, которые планируют бесконечно отдаляющуюся революцию! Вы похожи на двух страстно спорящих профессоров; но вся страсть направлена лишь на своего слушателя. Вы слишком долго были оторваны от всего мира, друзья мои! Если бы вам не повезло

в том, что именно я взялся за это освободительное движение...

— Мы все знаем о вашем стремлении помогать всем угнетенным земного шара, — перебил его Рауди с неожиданным порывом. — Я считаю, что это похвально для душ наивных. Но мы же не можем начинать, пока не придем к общему согласию.

— Я полагал, вы согласились с тем, что действовать необходимо.

— Согласились, — кивнул Бикр, — осталось только выбрать удобный момент. А это нужно подробно обсудить.

— Мистер Бикр, создается впечатление, что без обсуждения вы и в туалет не сходите. Ваши внутренности дают вам знать, что пора предпринять определенные действия, но ваш могучий интеллект требует сперва все взвесить и тогда уже выбрать подходящий момент...

— Я не намерен здесь оставаться ни минутой дольше! — заявил Бикр и вскочил.

— Перестаньте, — отозвался Рауди. — Он всегда разговаривает таким тоном.

— Я останусь только в том случае, — не унимался Бикр, — если мне принесут извинения!

Лахт церемонно поклонился:

— Мой дорогой Бикр, если я, сам того не желая, обидел вас, прошу меня простить.

Бикр поколебался, прикидывая, стоит ли принимать такие извинения. Наконец Рауди дернул его за рукав, и Бикр сел на место.

— Ситуация в Ракке вполне ясна, — продолжил Лахт. — Иракцы отвели почти все войска на север своей страны, поближе к Киркуку и Ирбилу, чтобы удержать курдов в узде. Саудовцы одобрили наш план. Они признают наше правительство, если мы возьмем Ракку и продержимся у власти хотя бы неделю. Они даже согласны предоставить нам военную помощь. Нас поддерживают Объединенные Эмираты, а также США, Франция и Британия. Даже Советский Союз готов признать наш суверенитет, хотя бы из-за конфронтации между ним и Ираком. Это внешняя сторона дела.

— А внутренняя? — спросил Бикр.

— Даже еще лучше. Граждане Ракки страдают под игом Ирака. Недовольство дошло до высшей точки, почти восемьдесят процентов населения — за независимость, из них двадцать процентов готовы отстаивать свободу с оружием в руках. Да вы же сами все это знаете; статистика вам хорошо известна. Почему я должен повторяться?

— Нам действительно все это известно, — согласился Бикр. — И, невзирая на вашу склонность к преувеличениям, эти сведения более-менее правдивы. Но ваши выводы не так уж и очевидны. Например, если мы сейчас достаточно сильны, то можно предполагать, что через полгода мы станем еще сильнее. На несколько лет внимание Ирака будет приковано к курдам. Почему мы должны бросаться на приступ именно сейчас?

— Потому что мы не станем сильнее, — ответил Лахт. — Наш народ не настолько одарен бесконечной терпеливостью, как вы. То, чего хотят ракканцы, им нужно немедленно, не через год, не через тридцать лет, а сейчас. Оружие уже роздано, обстановка в городах приближается к критической точке. Как долго, по-вашему, мы можем удерживать их в таком напряжении? Если мы сейчас промедлим безо всякой видимой причины, мы тем самым докажем людям, что наше движение не оправдывает своих целей, и подтолкнем их к другим, более решительным группировкам, например к коммунистам. Друзья мои, либо мы начинаем революцию сейчас, либо мы упускаем ее из рук навсегда.

— Я не против немедленных действий, — сказал Бикр. — Несмотря на все недостатки, которые вы приписываете мне, я стремлюсь освободить наш народ не меньше, чем вы сами. Но это слишком серьезно — призвать к восстанию население небольшой страны против сильного соседа. Это может закончиться ужасно, не для нас с вами, Лахт, а в первую очередь для наших сограждан.

— Я понимаю, — ответил Лахт. — И наш народ тоже понимает это.

— Да, понимает, — вмешался Рауди, — отчасти. И смотрит на нас как на проводников. Мы ведь не только поведем их к независимости, но и укажем наиболее подходящий по

всем соображениям момент для выступления. Это наш священный долг.

— Идиоты! — взревел Лахт. — Вы что, решили преподавать мне урок школьной этики? Конечно, это наш долг! Естественно, мы обязаны здраво оценить обстановку, прежде чем поднять народ на восстание. Вы, тупые недоумки, почему, по-вашему, я прибег к помощи американцев? Какого черта, как вы думаете, здесь сидит мистер Дэйн?

Дэйн развалился на диване и лениво листал журнал. Он поднял глаза и сказал:

— Я и сам удивляюсь.

— Прошу прощения, — извинился Лахт. — Конечно, нам следовало обсудить все это еще до вашего прибытия. К несчастью, бесконечные споры и дискуссии обязательны для политических ссыльных. Чем меньше у них реальной власти, тем строже становятся их принципы и тем сильнее чувство долга. Но к делу: я просил американцев прислать нам заслуживающего доверия агента, профессионального оперативника ЦРУ...

— Я не из ЦРУ, — перебил его Дэйн.

Брови Лахта поползли вверх.

— Нет?

— Нет. Не обязательно работать на ЦРУ, чтобы заслуживать доверия. У нас есть еще военная разведка, морская и воздушная разведки и много чего другого.

— Откуда же вы, мистер Дэйн?

— Я — из чего другого.

— А у вашей организации есть название?

— Безусловно, — ответил Дэйн. — Называйте, как хотите. Например, Особый отдел, подраздел номер два.

— Что это означает?

— То же, что и Центральное разведывательное управление.

— Но, в таком случае, кто ваш генеральный спонсор?

— Некоторые считают, — угрюмо проронил Дэйн, — что мы давно являемся правой рукой «Корпуса мира». Другие думают, что мы — ударная сила сенатской комиссии по ассигнованиям...

— Мне это не нравится, — сказал Лахт. — Сейчас не время шутить.

— Как раз наоборот, — возразил Дэйн. — Считается, что наша организация секретна. Значит, она секретна и для вас.

— Мы специально попросили помощи у ЦРУ...

— Ну, ЦРУ, по причинам, известным только им самим, не захотело с вами связываться. Мое начальство рассмотрело ваш вопрос и решило помочь вам. По известным только ему причинам. Итак, вы согласны с нами работать или нет?

— Мы предпочли бы ЦРУ, — упрямо повторил Лахт.

— Черт, если для вас это так важно, у меня есть документ, который подтверждает, что я из ЦРУ.

— Думаю, что так оно и есть, — ответил Лахт. — Ладно, в конце концов, это не важно. Какая разница, как называется ваша фирма? Нам нужен американский агент, на которого мы могли бы положиться. Он должен раздобыть кое-что, чего нам не хватает.

— Что именно? — спросил Дэйн.

— Достоверную информацию.

— Мне казалось, что вы в курсе событий.

— Дело вот в чем: восстание должно начаться в столице Ракки. Дата известна; это в любом случае произойдет раньше чем через две недели. Перенести выступление не сможет даже наш Комитет. По нашим сведениям, повода для изменения даты нет. Все играет нам на руку. Но нам нужно еще раз оценить ситуацию. Это поручается вам. Мы вынесем окончательное решение на основе той информации, которую получим от вас.

— Значит, мне нужно пробраться в Ракку, оценить обстановку, выбраться оттуда, доложить ситуацию вам — и все это в течение каких-то двух недель? — спросил Дэйн.

— Точнее, за двенадцать дней.

— Вам не кажется, что срок маловат?

— Отнюдь, — возразил Лахт. — У вас времени более чем достаточно. Даже с запасом на всякие непредвиденные задержки. Понимаете, сведения уже собраны. Кое-кто в Ракке готов нам их передать. Но мы не можем туда поехать, а наш информатор не может оттуда выехать.

— Вы доверяете этому человеку?

— Безоговорочно, — ответил Лахт и посмотрел на своих коллег. Рауди и Бирк дружно кивнули. — Поскольку он работает на нас втайне, мы дали ему кодовое имя — Радж. Это молодой парень, патриот, но он не связан ни с одним человеком в нашей организации. Его верность делу проверялась неоднократно.

— И почему он не может приехать? — поинтересовался Дэйн.

— Риск слишком велик. Он под подозрением у иракского правительства. Любая его попытка покинуть город послужит сигналом тревоги.

— Тогда почему бы вам не послать к нему связного?

— Вопрос слишком серьезен, — покачал головой Лахт. — Мы доверяем друг другу и Раджу. Мы верим Бену Алиме и еще паре жителей столицы, но все они — влиятельные купцы и банкиры, и их отъезд тоже будет подозрительным.

— Получается, что у вас нет ни одного связного, которому вы могли бы доверять?

— У нас их много. Но связные — это самое слабое звено в любой организации. Мы подозреваем, что иракская тайная полиция раскрыла часть нашей группы. Но не знаем, какую именно часть или какого именно человека. Если информация попадет в руки врагов...

— Итак, вы предлагаете мне сыграть роль «мальчика на побегушках», — спросил Дэйн.

— Немного больше, — возразил Лахт. — У вас будет возможность увидеть Ракку своими глазами и самому оценить обстановку. Мы согласны положиться на вашу интуицию. Одним словом, мы готовы последовать тому решению, которое вынесете вы.

— Я полагал, что мне просто предлагается приехать в Ракку, найти вашего человека, получить информацию и вернуться.

— Это будет не очень и сложно, — подал голос Рауди. — Иракцы ждут, что приедет араб, а не американец. И, кроме всего прочего, вы будете путешествовать под надежным прикрытием.

— Застрелить человека можно под любым прикрытием, — возразил Дэйн.

— До такого не дойдет, — заверил его Лахт. — Все действительно очень просто, мистер Дэйн. Так как для въезда в Ракку не требуется никакой визы, вы прилетите туда на самолете, как любой другой пассажир. Вы проведете там пару дней, за которые поговорите с Раджем, и вылетите в независимый эмират Катар, который, как вы, наверно, знаете, находится на небольшом полуострове в Персидском заливе. Вы приземлитесь в его столице Доха, где мы уже будем вас ждать. Вся поездка займет дней пять, от начала до конца.

— Хорошо, — ответил Дэйн. — Но что делать, если вдруг иракцы что-то заподозрят и отменят все рейсы?

— Мы учли и это, — сказал Лахт. — Тогда будете действовать по плану номер два. Мы хотели нанять скоростное судно, которое доставило бы вас по Персидскому заливу к Дохе так же быстро, как самолет. Но мы отказались от этой заманчивой идеи. Ведь если иракцы что-то заподозрят, их самолеты и патрульные катера начнут прочесывать весь Персидский залив. И вас почти наверняка найдут. Сейчас сезон ловли жемчуга, и почти все местные лодки вертятся возле подводных плантаций. Одно небольшое судно, плывущее на юг...

— И еще неизвестно, — встрял Бикр, — будет ли оно плыть в международных водах или территориальных водах Саудовской Аравии, Бахрейна или Катара.

— Я считаю, что лучше этот план отбросить, — отозвался Лахт. — На месте иракцев я бы сперва стрелял, а извинялся потом. Полагаю, они будут действовать так же.

— Совершенно согласен, — сказал Дэйн. — Так в чем же заключается ваш план номер два?

— Вы выберетесь из Ракки и двинетесь в Саудовскую Аравию. Саудовцы — наши ближайшие союзники. Они, как и американцы, не намерены открыто нас поддерживать прямо сейчас, но они не станут нам мешать. Иракцы прекратят преследование, как только вы пересечете границу.

— Где находится эта граница?

— От центра Ракки вы можете добраться до саудовской границы за полчаса.

— Звучит неплохо. А дальше?

— Через Саудовскую Аравию вы направитесь дальше на

юг, к порту Кати́ф. Там вас будет ждать автомобиль и лодка. Оттуда можно добраться до До́ха еще быстрее, чем в предыдущем случае, и иракцы вряд ли будут искать вас так далеко к югу. Но если решите, что лучше ехать на машине, вы направитесь в Салву, а потом — на полуостров Катар, в До́ха.

— Сколько времени это займет?

— Около девяти дней — со всеми непредвиденными задержками. У вас еще будет три дня форы, даже если вы выберете самый долгий маршрут.

— Чем больше дней в запасе, тем лучше, — сказал Дэйн.

— Увы, сколько есть, — вздохнул Лахт. — Больше мы не можем вам предоставить, даже если бы и захотели. Успех нашего дела зависит от быстроты и секретности. Если мы затянем все хотя бы на неделю, о надвигающейся революции в Ракке не будут сплетничать на всех базарах от Багдада до Рабата только немые.

— Утечка информации все равно возможна, — сказал Дэйн.

— Я не думаю, — заверил его Лахт. — Дата выбрана со всеми предосторожностями. Сегодня двадцать пятое августа. Мы будем ждать вас через двенадцать дней. Если вы не вернетесь, восстание начнется по плану, то есть утром седьмого сентября.

— Я вернусь, — ответил Дэйн. — Но если придется действовать по плану номер два, я надеюсь на некоторую помощь с вашей стороны.

— Безусловно! Мы все подготовим. Если возникнет необходимость действовать по второму плану, то по дороге к Катару вас будут сопровождать члены нашей организации.

— Вашей организации... — повторил Дэйн безо всякого выражения.

— Поверьте мне, на них вполне можно положиться, — настаивал Лахт. — Мы давно уже укрепили свои позиции на побережье Хаса и на островах Персидского залива. Мы с радостью принимаем помощь местных организаций. Ни в одном из эмиратов или протекторатов Персидского залива не любят иракцев.

— И саудовцев, — добавил Бикр. — Но в данном случае это не важно.

— Мне любопытно вот что, — сказал Дэйн. — Вы говорите, что у вас дружная и крепкая организация. И в то же время нет никого, кому можно было бы доверить передачу этой информации. В этом есть некоторое противоречие.

— Я ведь уже объяснил, — ответил Лахт. — Наши люди надежны, но нам нельзя допустить ни малейшей возможности провала.

Дэйн кивнул, но видно было, что он не удовлетворен ответом.

— Ладно, — сказал он. — Давайте обсудим все детали.

Следующие два часа ушли на сообщение целей и путей, мест и людей и тому подобных сведений. Наконец Дэйн выяснил все, что нужно, чтобы наутро отправляться в Ракку.

Лахт проводил его до дверей.

— Встретимся в До́ха, — сказал он напоследок. — Через двенадцать дней.

— Надеюсь, — ответил Дэйн.

Глава 2

Дэйн вышел из гостиницы «Де Вилль» в одиннадцать сорок пять. Через полчаса он вошел в другую гостиницу, расположенную на площади Синтагма. Не останавливаясь, он поднялся к номеру сто двенадцать. Человек, который его там ждал, был невысоким румяным американцем лет пятидесяти. Его звали мистер Менли. На нем был клетчатый смокинг. Он любезно улыбался.

Когда Дэйн вошел, мистер Менли аккуратно сложил парижское издание «Нью-Йорк таймс» и спросил:

— Ну, что вы о них думаете?

— Ничего особенного, — ответил Дэйн.

— Полагаете, они что-то скрывают?

— Нет, они были достаточно откровенны. Что бы это ни значило. — Он налил себе из початой бутылки шотландского виски, стоявшей на бюро, и бросил в бокал кубик льда из небольшого холодильничка, который нашел в ванной. Потом сел в глубокое кресло, лицом к мистеру Менли, расположившемуся на диване.

— Полагаю, их откровенность мало значит, — сказал мистер Менли. — Мне бы не хотелось рассказывать, сколько так называемых революционеров ведут приятную и далекую от политики жизнь в Швейцарии и Франции. За наши деньги, между прочим. С той же проблемой столкнулись и русские... Но все это входит в правила игры. Ладно, что там у них за организация?

— Какая организация? — спросил Дэйн.

Мистер Менли слегка нахмурился.

— Гм, черт возьми, у них есть хоть какая-нибудь? Или они попросту толкут воду в ступе?

— Откуда мне-то знать? — ответил Дэйн. — Они говорят, что у них хорошая организация, если вы спрашиваете именно об этом. Насколько я могу судить, у них и вправду что-то такое есть.

Мистер Менли печально вздохнул.

— Так трудно все знать! Я имею в виду знать правду. Эти люди постоянно напирают на бесконечные «исторические моменты». Все эти «освободительные движения» в странах, о которых никто никогда не слыхал. Да их тысячи, Дэйн, и все они так и ждут, когда дядя Сэм придет и раскроет чековую книжку.

— Не все. Многие устраивают дела через Москву или Пекин.

— Совершенно верно, — согласился мистер Менли. — Мы должны вмешаться в это дело по вполне понятной причине. Революции в цене, все их покупают, почему мы должны оставаться в стороне и не прикупить парочку и себе? Но что мы со всего этого имеем, а? Что мы выиграем от того, что в Ракке победит революция?

Дэйн пожал плечами.

— Если вам не нравится, покупайте какую-нибудь другую революцию.

— Я бы купил, — ответил мистер Менли. — Но пока не вижу, ради чего стоило бы раскошелиться. Мое начальство в Вашингтоне советует спонсировать этот Комитет, если у них есть шансы победить.

— Ну, это понятно.

— Да. Но есть ли у этой революции хоть какие-то шансы?

— Не знаю, — сказал Дэйн. — У меня недостаточно информации для того, чтобы делать какие-то выводы.

— Ни у кого ее нет. И все же я должен либо положиться на них, либо отказать им... Дэйн, как бы вы поступили на моем месте?

— Сменил бы работу, — ответил Дэйн.

— Ждать от вас совета... — вздохнул мистер Менли.

— А что я могу посоветовать? Что бы вы ни решили, выбор за вами, и я здесь ни при чем. Черт возьми, вам ситуация в Ракке известна лучше, чем мне!

— Я прочел целый ворох документов, — сказал мистер Менли. — И изучил множество отчетов и сообщений на интересующую нас тему. К слову, эти заговорщики рассказали не очень-то много во время вашей встречи.

Дэйн допил виски, поудобней раскинулся в кресле и прикрыл веки. Потом открыл глаза и произнес:

— Я бы сказал так: эти люди опытные актеры.

— То есть?

— То есть они сыграли для меня небольшой спектакль.

— Объясните, пожалуйста, свою мысль, — попросил мистер Менли и придвинулся поближе. Ему нравились актеры-любители.

— Судя по сводкам, — начал Дэйн, — эти трое работают вместе в течение двенадцати лет. Шесть месяцев назад они обратились за помощью к Америке и попросили прислать опытного американского агента. Два месяца назад они настойчиво повторили просьбу. На этот раз агент прибыл, были разработаны планы, но потом все отложили. Затем они возжаждали кровопролития, и проекту вновь был дан ход. Вам поручили проверить их подготовленность, а мне выпало работать с ними напрямую. Несколько часов назад они наконец встретились со своим долгожданным «американским агентом». Так обстояли дела на тот момент, когда я входил в их гостиничный номер.

— Ну, и что за представление они разыграли?

— Странное. Обычно заговорщики, если они действительно хотят прибегнуть к помощи извне, стараются произвести впечатление дружной команды, хотя бы с виду. А эти нарочито выпячивали свои разногласия. И роли, которые

они играли в этом маленьком спектакле, разительно отличались от характеристик, которыми их наделило общественное мнение.

— Вы не могли бы объяснить более детально?

— Например, Лахт. Он самый младший из троих. О нем говорят как о человеке железной выдержки и необыкновенно самоотверженном, который никогда не тратит время на пустые разговоры. А передо мной он предстал таким болтуном, который презирает своих бестолковых коллег. Бикра считают большим эгоцентристом с непомерным чувством собственного достоинства. Вывести его из себя очень трудно, и он обладает талантом истинного спорщика. Но сегодня он вел себя как ленивый школьник, при этом постоянно нервничал по поводу и без. Рауди характеризуют как самого выдающегося из этой тройки, как прирожденного лидера. Он терпелив и безоговорочно предан делу. Но тот, кого я увидел, был нерешительным, слабохарактерным мямлей, а лидировал явно молодой Лахт.

— Да, странно, — задумался мистер Менли. — Может, они репетировали сцену с заговорщиками из арабской версии «Юлия Цезаря»?

— Я не знаю, чего они хотели добиться, — сказал Дэйн. — Но мне все это не нравится.

— Это еще ничего не значит, — ответил мистер Менли. — Общественное мнение зачастую складывается под влиянием пропаганды. У них могут быть простые человеческие недостатки, в то время как все считают их чуть ли не героическими личностями.

— Может, и так, — с сомнением в голосе произнес Дэйн.

— Что-нибудь еще?

— Да ничего особенного, — ответил Дэйн. — У меня из головы не идет вопрос, чего они намеревались достичь этим представлением. Ведь их разногласия кажутся губительными для всего дела.

— Я не хочу вникать в эти нюансы. Как вы считаете, возможно, они не желают, чтобы мы вмешивались?

Дэйн покачал головой.

— Желают, еще как. Хотя и рискуют потерять помощь с нашей стороны.

— Может, их начала страшить мысль о том, что близок час активных действий? Так сказать, застопорились?

— Возможно, — отозвался Дэйн. — Но маловероятно. Эта троица уже готова к тому, чтобы пролить реки крови. Не своей, конечно.

— А может, кто-то из них или даже двое переметнулись на другую сторону? Связались с иракцами или русскими?

— Это часто бывает. Но моя интуиция, — а она у меня есть, — подсказывает, что здесь что-то другое. Я верю, что они горят желанием освободить Ракку; конечно, под личным руководством, но все же избавить ее от поработителей. Я уверен, что они понимают, каковы будут последствия, и не боятся грядущих событий. И полагаю, что они чертовски грамотно спланировали всю революцию.

— Тогда к чему был этот спектакль? — спросил мистер Менли.

Дэйн пожал плечами.

— Понятия не имею. Может быть, они хотели заинтриговать меня?

Мистер Менли потер лицо. Он встал, потянулся, зевнул, тут же притворно закашлявшись, и снова сел.

— Ладно, черт с ними, Дэйн, — сказал он, — все равно решение принимать мне. Как представитель Вашингтона в этом деле, я должен сказать, будем мы помогать или нет.

— И что вы решили?

— Не знаю... Я не могу допустить еще одного провала. После нашей неудачи в Того. — Мистер Менли сокрушенно покачал головой. — Вы, наверное, слышали?

— Нет, — признался Дэйн.

— Мой бог, я-то думал, об этом знают уже все! Это был полный провал. Они пообещали нам луну с неба, взяли наши денежки и весело ринулись в набег на границы Нигерии. Это были просто бандиты, Дэйн! А утверждал тот проект я.

Дэйн налил себе еще один бокал виски.

— А перед этим был случай в Сальвадоре. Никто не мог бы назвать это провалом, но и успехом это можно было считать только с огромной натяжкой... Мне нельзя допустить еще одной неудачи, особенно сейчас.

— Тогда не беритесь за эту революцию.

— Но нам срочно нужна революция, просто позарез! Нам необходима хорошая политическая заварушка международного значения. Черт возьми, русские и китайцы растащили уже все лучшие куски! Нам остались одни огрызки. Да при наших финансовых возможностях мы могли бы купить любую революцию с потрохами. Я даже парочку уже присмотрел. Но некоторые нервные болваны в Вашингтоне всегда убивают меня, спрашивая об их политической направленности. Да какая разница?

— Да, тяжело вам! — заметил Дэйн. — Тем не менее что вы решили насчет Ракки?

Мистер Менли расслабился.

— Гм, наше начальство хочет революцию, и немедленно. Я рассмотрел все варианты и ничего более подходящего, чем эта, не вижу.

— Другими словами, в продаже имеется только этот товар? — спросил Дэйн.

— Именно. Ракка — первый удобный случай за последнее полгода. Остальные так называемые революционеры — это мечтатели, в лучшем случае теоретики... Но Лахт и его сообщники кажутся достойными внимания... как вы считаете?

— Похоже на то.

— А у меня должны быть веские причины, чтобы поддерживать их дело. Я имею в виду, что едва ли мне следует рассказывать начальству о том спектакле, который они устроили, не так ли?

— Не знаю, что вы скажете своему начальству, — ответил Дэйн. — Меня больше интересует, что вы скажете *мне*.

— Да, конечно... Действительно, Дэйн, это ракканское дело пахнет жареным, вы верно заметили. Но в какой-то мере этого можно было ожидать.

— Несомненно. Но в какой именно мере, вот вопрос.

— Ну, этого мы пока не знаем. По крайней мере на данном этапе. Чтобы приготовить жаркое, надо сперва купить индюшку.

— Значит, покупаете?

— Это основной вопрос, вы согласны? Гм... Как вы сами сказали, это единственный товар. С виду он неплох. Хотя и с

душком. Но я считаю, что этим можно пренебречь, потому мы берем индюшку и посмотрим, что из нее получится.

— Итак, вы утверждаете проект?

— Да, черт меня побери! Утверждаю! Дэйн, у вас дурацкая привычка торопить тогда, когда нужно собраться с мыслями и все хорошенько обдумать.

— Извините, — сказал Дэйн.

— Ответа, мы беремся за это! — провозгласил мистер Менли. — Я считаю, да, я действительно так считаю, это дело нам выгодно. Вы тоже так думаете?

— Я постараюсь принести выгоду, — ответил Дэйн.

— Мой бог, советчик из вас никакой! — вздохнул мистер Менли. — Но у вас свой интерес, это естественно... Дело в том, что некоторые детали в данной ситуации не совсем понятны. Я надеюсь, ради нас двоих, что все пройдет, как запланировано.

— Я тоже надеюсь, — отозвался Дэйн. — Особенно ради меня самого. Меня ведь могут убить.

— Да, ваша миссия чрезвычайно опасна, — согласился мистер Менли. — Я как-то позабыл об этом.

— А я нет, — сказал Дэйн. Он встал. — Они дали мне двенадцать дней. Передайте мои наилучшие пожелания Вашингтону, мистер Менли.

— Спасибо. Удачи, Дэйн, берегите себя. Эти иностранные аферы не стоят ничьей жизни.

— Тем не менее иногда приходится расплачиваться именно жизнью. До свидания, мистер Менли.

Дэйн вернулся в свою гостиницу. По привычке он искал в номере подслушивающие устройства, но ничего не нашел. Разделся и аккуратно повесил одежду на стул. Потом почистил зубы, принял таблетку снотворного и лег в постель.

Глава 3

День первый, второй и третий

На следующее утро Дэйн уже был на борту самолета «Ближневосточной авиакомпания», рейс 642. Примерно через час самолет пересек Средиземное море и приземлился

в аэропорту Бейрута. Там Дэйн пересел на винтовой самолет «Корпорации воздушных сообщений Персидского залива», направляющийся в Дамаск и Хомс, а также в Саб-Бияр, Рутбу, Карбалу и Кариат-аль-Хараб.

После Дамаска все посадки были однотипны: когда самолет опускался, барханы становились больше и выше. На бескрайних коричневатых просторах появлялись черные базальтовые скалы. Песчаные проплешины цвета хаки отмечали границы бесплодных долин из потрескавшегося гранита. Иногда пейзаж из палитры черных, желтых и коричневых красок оживлялся вкраплением пятен зеленого цвета. Самолет летел к ним, постепенно снижаясь. Наконец посадка в оазисе. Здесь находились плантации, стоял каменный городок у источника или наполовину пересохшей речки. И посадочная полоса с одиноким домиком из гофрированного железа.

Да и процедура высадки была одной и той же. Снимали багаж и высаживали пассажиров, загружали новый багаж и сажали новых пассажиров. Через час самолет отбывал, следовал приевшийся уже пейзаж до следующей остановки, не отличимой от предыдущей. Дэйну казалось, что они кружат над одним и тем же местом.

В конце концов, пролетев восемьсот миль над Сирийской пустыней, они прибыли в Кувейт, на побережье Персидского залива. Дэйн провел ночь в отеле и с рассветом вернулся в аэропорт. Он сел на вертолет, который летел из Кувейта в Ракку и иногда летал на нефтяные разработки в Бурган и Аль-Бахару, а также в Бубиан и на Фалайкские острова.

В Ракке нефтяной бум разразился сравнительно недавно. Из тихого, незаметного поселения она разрослась в небольшую метрополию. Она стала самым крупным, после Кувейта, городом на тысячу квадратных миль. Ракка превратилась в огромный торговый центр для бедуинов побережья Хаса и даже для таких отдаленных мест, как пустыня Сумман в Саудовской Аравии. Цены в Ракке были ниже, чем в Хофуф, а законы мягче, чем в Риади. Ракканская гавань Рас-эль-Бадиа

была приспособлена для принятия судов лучше, чем илистое побережье Бахрейна. Более удачное место для торговли трудно было найти на всем длинном пустынном побережье Аравии. А за последние десять лет здесь нашли залежи нефти.

Ракка состояла из двух частей, можно сказать, что из двух городов — Старый и Новый, царства асфальта и камня. Новый город представлял собой хаос бесконечных магистралей и квадратных невыразительных зданий. В нем не было не то что индивидуальности, но даже и намека на какой-либо стиль. С тем же успехом он мог оказаться пригородом Ньюарка, Бомбея или Каракаса.

Старый Город, напротив, был неоспоримо характерен в несколько непрезентабельном смысле. Первое впечатление, которое он производил, — это теснота и кривизна. Мощенные булыжником улицы были не шире тропы для мулов. Здания из темно-серого гранита лепились впритык, казалось, они стараются оттеснить друг друга подальше от дороги. Теснота поражала взгляд; с трех сторон город окружала пустыня, бескрайние просторы песка и скал. Четвертая сторона была обращена к океану, тоже в своем роде пустыня. Имея под боком столько неосвоенного пространства, ракканцы все же предпочитали громоздить дома поближе к морю. Хотя был ли у них выбор? Создавалось впечатление, что сама пустыня оттесняет город все дальше к океанскому побережью, а дома и постройки сплотились плечом к плечу, чтобы противостоять этому яростному и неодолимому напору.

В Старом Городе сумрачные улочки постоянно петляли и убегали, прячась за углы серых гранитных зданий. Огромные и недобрые каменные стены, казалось, нависали над вами. Большие здания в Ракке постоянно ведут войну, и человеку приходится отступать.

Прогресс достиг и Ракки. Грязные хижины и каменные дома стояли впережку с рядами компактных домиков из Западной Германии. Старые мечети были наскоро отреставрированы, и за прошедший месяц уже пять кафе засияли неоновыми огнями. Появилось множество баров и ресторанов. Один предприимчивый югослав открыл отель в западном стиле, неподалеку от мыса Рас-Шурваин. Он назвал его «Империал».

Для европейца жизнь в Ракке была нелепа, но не лишена интереса. Узкие улочки Старого Города были построены в расчете на мулов; позже за право первенства здесь сражались люди, мулы, верблюды и «Фольксвагены». Точно так дела обстоят и поныне. Но улицы Нового Города раскинулись так же широко, как Елисейские Поля. Несмотря на это, они постоянно запружены «Кадилаками», контейнерами для перевозки нефти, «Лендроверами», пешеходами, козами, мулами и «Фольксвагенами».

Повседневная форма одежды в Ракке колебалась от библейской до современной, включая все разнообразные вариации обеих. Над городом витал легкий душок безнравственности, манящий и отталкивающий, аромат материальных богатств и духовного голода. Правверных призывали к молитве пять раз в день, но «Радио Каира» благодарило Аллаха громче, чем любой муэдзин с луженой глоткой.

На улицах всегда было полно народа. Помимо местного сурового племени, здесь встречались изгои и перебежчики почти со всех уголков полуострова, даже из далекого Ширази или Бушира. Колония индусов из Бомбея мертвой хваткой держала в руках оптовую торговлю продуктами. Небольшая горячая кучка китайских коммунистов изучила местный диалект арабского языка и теперь присматривалась, где бы здесь заварить хоть какую-либо бучу. Сомалийцы работали в доках и уже успели организовать профсоюз.

Едва ли не каждый человек в городе был замешан в буйстве общественной жизни и баловался политиканством.

Везде, где только соберется толпа, можно было найти и полисмена; их было много, хотя возможно, что и недостаточно. Все они были из Ирака, в основном багдадцы, хотя иногда их подменяли контингенты из Басры. Они были молоды, ходили в хаки, при себе носили автоматические пистолеты и дубинки. Полицейские были чужаками и завоевателями в этой южной стране, они это знали, и это им не нравилось. Они патрулировали по трое или по четверо и наблюдали за всеми сборищами народа. Сборища наблюдали за ними, переговаривались и выжидали. Полисмены знали, чего они ждут. И страстно желали расстрелять эту наглую толпу. Полисменам очень хотелось домой.

Дэйн путешествовал под именем Чарльза Рональда Пирсона. Он решил представляться нефтепромышленником из Оклахомы, который к тому же ведет разработки в Центральной Америке.

Он ничего не понимал в нефтедобыче, и у него не было ни времени, ни желания знакомиться с данным предметом. На этот счет у него была своя теория. Дэйн искренне полагал, что неполное знание — вещь опасная. Он решил, что пытаться изучить такой сложный предмет за несколько дней или недель едва ли удастся, да и едва ли это нужно. Он считал, что способен ввести в заблуждение другими методами.

Дэйн хорошо знал пределы своих актерских возможностей. Он также старался не обмануться сам, обманывая других. Мастерство он заменил терпением и больше делал ставку на эксцентричность, маскируя этим недостаток актерского таланта. Неизвестно, были ли его теоретические выкладки действительно настолько эффективными или любой другой метод сработал бы так же успешно, только Дэйна это не интересовало. Его метод должен был удержать его на безопасном расстоянии от иракских патрульных.

Утром тридцатого мая он зарегистрировался в ракканском отеле «Империял» как нефтепромышленник... больной нефтепромышленник.

Первые слова Дэйна, обращенные к клерку отеля, задали тон образу его персонажа.

— Мое имя Чарльз Рональд Пирсон, — сказал он. — Я забронировал номер. Мне немедленно нужна моя комната, и мне нужен доктор.

Клерк, маленький энергичный ливанец, посмотрел на высокого американца с угрюмой физиономией, стоявшего у его стола. Незнакомец был загорелым, но кожа его имела нездоровый желтый оттенок. (Такой оттенок был вполне естественным у Дэйна, и постоянно возникало ложное впечатление, что он болен).

Дэйн ничего не знал о добыче нефти, но зато прекрасно разбирался в ипохондрии. Он хорошо умел создать видимость болезненного состояния. Справиться с задачей ему помогла неизбежная легкая дизентерия, которую схватывает

любой новичок, прибывший посозерцать Ближний Восток. Она очень способствовала более глубокому вхождению в роль.

Комната уже ждала его. И клерк послал за доктором-европейцем, по ходу вежливо выразив больному свое сочувствие. Мысленно он причислил Дэйна к распространенной и легко узнаваемой категории европейских путешественников-ипохондриков. Дэйн это понял и тихо порадовался. Он хотел подходить под стереотип так, чтобы ему можно было легко прицепить ярлык и сдать в архив. Если он устоял под взглядом опытного служителя отеля, — то есть заведомо перво-классного психолога и физиономиста, — значит, его личина выдержит подозрительные взгляды неспециалистов.

За весь первый день в Ракке Дэйн и носа не казал из своей конуры. Пришел и ушел доктор. Дэйн заказывал в номер газеты, тосты и чай. Вечером он попросил крутых яиц, но вскоре отослал их обратно на кухню нетронутыми.

На следующий день он показался из номера с осунувшимся лицом, сжимая трясущимися руками бутылочку с лекарством и целую пачку разномастных антибиотиков. Взял такси и осмотрел несколько нефтяных разработок. Он не задал ни одного вопроса, но постоянно делал заметки в блокнот корявым почерком, да еще одному ему известным шифром. Он прослонялся не больше трех часов, а потом вернулся обратно в комнату.

В тот день он позвонил по нескольким номерам: в агентство путешествий, чтобы заказать поездку на разработки в Бака, в Саудовской Аравии, и в правительственный секретариат, где поинтересовался ценами на аренду нефтяных разработок. На вопрос, зачем ему это, он сообщил, что интерес его — чисто академический и он подумывает о приобретениях.

Еще он позвонил в геологоразведочную фирму и сказал, что желает встретиться с одним из местных специалистов. Потом связался с концерном по недвижимости и попросил прислать каталог цен.

Во всех местных кабачках и ресторанах, где вечерами собирались европейские и японские нефтепромышленники, подняли на смех неуклюжую и тяжеловесную скрытность

Дэйна. Ему тут же перемыли все косточки; пришли к выводу, что он хандрит и вдобавок одержим манией преследования, так и ждет, что на него кинутся с ножами. Станный он, Чарльз Рональд Пирсон, но такое место, как Ракка, неизменно притягивает всяких типов со странностями. Например, старый Лео Гримпсел, который купил разработку в Бахр-аль-Азр, и богатый, и образованный, но, видимо, считает, что умываться — значит тратить время попусту. Или Арнольд Моррисон, который притворяется, что не понимает арабского языка, лишь для того, чтобы подслушать на базаре последние сплетни. Вот Роджер Коррам без ума от арабских мальчиков, а Хуан-Карло Дамиато спит с заряженным револьвером под подушкой.

Нестандартное поведение Пирсона было в этих местах настолько стандартным, что никто и не подумал проверять его осведомленность в деятельности, которой он якобы занимался. Зачем? Ведь никто никогда не спрашивал Дамиато, разбирается ли тот в вулканических породах, и не интересовался у Моррисона, что он знает о закладке шахт.

После обеда к Дэйну явился геодезист. Это был худощавый и живой молодой человек, родился он в Ракке, в зажиточной семье, потом закончил университет Аль Азахр в Каире. Звали его Хасан эль-Дин эль-Аоуди. Ему было двадцать четыре года.

Хасан был холоден и учтив. Он пожал Дэйну руку, сел на предложенный стул и раскрыл свой блокнот.

— Полагаю, — начал он, — что необходимо сразу пояснить, что может и чего не может наша фирма и что входит в сферу ее деятельности. Это на случай, чтобы не возникло никаких недоразумений.

— Начало вдохновляет, — заметил Дэйн. — Но лучше обойдемся без предисловий. Я знаю все о вашей фирме от одного из ваших клиентов — мистера Лахта, кажется, его звали именно так.

Хасан выпрямился.

— Лахт? Незнакомое имя... если только вы не имеете в виду мистера Абдулу Лахта из Кайара.

— Нет, — ответил Дэйн. — Я говорю о мистере Али Лахте из Ас-Шихра, города на побережье Хадрамаут.

Хасан впал в глубокую задумчивость.

— Что-то припоминаю. Но ведь этот город находится на побережье Зуфар, разве не так?

— Да нет, — не согласился Дэйн. — Этот город неподалеку от Джабал-Самхана и как раз за мысом Рас-Музандам. Мистер Лахт иногда еще называл вас Радж.

— Хорошо, — перебил его Хасан. — Я верю, что вы — человек Лахта. Эти условленные фразы — дурацкие, тем более что от Ас-Шихра до Рас-Музандам почти тысяча миль.

— Идея заключалась в том, чтобы точно выяснить, что говоришь с нужным человеком. Вы знаете, зачем я здесь?

— Да, конечно. Вы приехали, чтобы получить информацию. Она у меня. Скажите, Комитет до сих пор намерен начать революцию седьмого сентября?

— Да. Если только я не найду убедительных причин отложить ее.

Хасан закрыл блокнот и пересел в кресло. Он зажег сигарету и некоторое время молча курил. Потом сказал:

— Вам не понравится мой доклад.

— Он неблагоприятен?

— Да, можно сказать и так... все равно что ураган назвать легким ветерком.

— Как бы там ни было, я должен вас выслушать и передать ваши слова Комитету.

— Выслушаете, — сказал Хасан. — Но может получиться так, что вернуться обратно будет чрезвычайно трудно. Здесь все происходит очень быстро, мистер Пирсон. Иракцы не спят.

— Я на подозрении?

— У вас безупречное прикрытие. Тем не менее будьте готовы к тому, что в течение ближайшего часа вас арестуют, то есть еще до обеда, к десерту признают виновным и вынесут приговор после вечернего кофе.

— Какого черта... Ладно, будем последовательны. Сначала я хотел бы услышать ваш доклад.

Глава 4

Главная проблема в Ракке — узнать нужную новость в нужное время. А это значит, чтобы нужные люди оказались в нужном месте.

Ирак очень большой, а Ракка намного меньше. Революция за независимость может победить, но готовить ее необходимо с особым тщанием. При соблюдении следующих важных моментов: она должна быть внезапной, хорошо подготовленной и поддерживать интересы народа. Переворот должен произойти быстро, чтобы иракцы не успели ввести свои войска. Установить свое правительство, отправить полномочную делегацию в ООН и получить признание суверенитета от других держав.

Политическая ситуация такова: если иракцы успеют нанести удар, они «подавят выступления, подстрекаемые диссидентами из этнических меньшинств». В случае если они запоздают, то «выступления» превратятся в «революционное восстание», а «диссиденты» станут главой «правительства независимой страны».

Первый и самый важный вопрос: насколько быстро будут действовать иракцы? Сколько времени им понадобится, чтобы передислоцировать в Ракку хотя бы полк?

Хасану повезло: он знал ответ на часть этих вопросов.

Иракское командование считало Хасана человеком, далеким от политики. Впрочем, этот статус содержал скорее не позитивный, а негативный оттенок. Он означал, что этот человек, так или иначе, не является противником существующего порядка, который наводит Ирак; но все-таки и не является его союзником. Человек, как утверждают политики, существо политическое. Не бывает нейтральных или внеобщественных масс, как не бывает «далеких от политики» людей. Те, кто не включается в социальную деятельность, — не просвещенные простаки. Сама природа человека толкает его к общественной жизни; вопрос лишь в том, когда и для чего.

Этой точки зрения придерживалась вся тайная полиция Багдада, поэтому ее не могли не перенять во всех провинци-

альных учреждениях полиции, таких, как в той же Ракке. А это значило, что от Хасана ждали, когда он переметнется на какую-либо сторону, и потому за ним наблюдали.

Такая оценка, данная не кем иным, как шефом тайной полиции, считалась более чем хорошей характеристикой. В местах, где каждый находится под подозрением, а интеллигенты (таковым считался всякий закончивший колледж) расценивались как враги, если не доказывали обратного, наименее подозрительный человек автоматически заслуживал наибольшего доверия. Исходя из этого Хасан был в прекрасных отношениях со всеми полицейскими ищейками.

Его работа позволяла ему разъезжать по всей стране, а иногда даже бывать в такой дали, как Басра и Хофуф.

Хасан путешествовал, держал рот на замке, а уши востро и примерно исполнял свои служебные обязанности.

Три недели назад его послали сделать кое-какие пробы на севере страны, где-то в районе Вади-Харамона. Это была закрытая военная зона, расположенная в шести часах быстрой езды от Ракки и менее чем в двенадцати минутах — от иракской границы. Земля там была бесплодной, а реки пересохшими. Казалось, в такой пустыне невозможна жизнь; но всего за час Хасан увидел двух газелей, стервятника и танковую бригаду.

Газели и стервятник еще туда-сюда, но танковая бригада, хотя и не столь ужасное явление, как джинн, и не такое редкостное, как птичье молоко, все же встречается не каждый день. Это как смерть: достоверно известно, что когда-нибудь ее встретишь, но она всегда приходит неожиданно.

В плоской долине прямо перед собой Хасан увидел большое скопление техники и людей. Повсюду виднелись военные палатки британского образца, стенки которых тщетно старались уловить хотя бы малейшее дуновение ветерка. Палаток было около сотни, между ними сновали люди в военной форме.

Немного в стороне от прочих возвышались палатки побольше, перед ними стояли часовые. Иракский флаг свисал с алюминиевого флагштока. Под ним виднелись два полковых флажка.

В пятидесяти ярдах от лагеря ровными рядами стояла

техника. Хасан насчитал двенадцать танков, восемь или десять БМП, несколько джипов и один ракетомет. Кроме этого, но не так четко, он разглядел две-три пушки-самоходки. На прицепе одного из грузовиков стояли минометы. Пять-шесть джипов были оснащены пулеметами пятидесятого калибра.

Вся зона была обнесена забором из колючей проволоки, вдоль которого расхаживали охранники.

Неподалеку виднелась полевая кухня невероятных размеров, у которой хлопотало пять или шесть поваров. Уборные были расположены на периферии импровизированного городка. Хасан насчитал пять штук. Они стояли, как памятники тех страшных часов, которые ушли на продавливание каменной земли.

Секунды через три Хасан отступил со всеми предосторожностями. Оставаться там дольше не было необходимости: достаточно было раз взглянуть. Он вернулся к своему джипу и отъехал миль на пять. Потом остановился, глотнул воды, затаился сигаретным дымом и постарался все обдумать. Он был очень впечатлительным молодым человеком.

То, что он увидел, может стоить ему головы. Вероятно, кто-то прошляпил, иначе его никогда бы не подпустили к этой зоне. Она, должно быть, засекречена, так засекречена, что военные даже не поставили в известность местное руководство. И если они узнают, что он здесь был...

Он взял себя в руки и постарался мыслить логично. Перебрал все возможные причины для того, чтобы размещать подразделение именно в этой точке.

Маневры? Однозначно — нет. В этом заброшенном уголке не было столько свободного места. Какой смысл проводить военные маневры именно здесь, если Ираку хватает и своей пустыни Аль-Хаджара, которая лежит к северу от раканской границы.

Что же здесь делает танковая часть? Может быть, это демонстрация силы перед Саудовской Аравией... правда, перед кем демонстрировать подобную силу в такой пустынной местности?

Проблема приобретала особое значение с учетом нынешнего положения дел в Ираке. Недавно курды подняли восста-

ние; большая часть иракских войск была переброшена к горам Курдистана, подавляя по пути бунты в Сулеймании и Амадии. Оставшиеся части были необходимы для таких неспокойных городов, как Басра и Багдад, для контроля за границами и как резерв для помощи на фронтах.

И тем не менее они выделили танковую бригаду и тайно переправили ее в Вади-Харамона, за сотни миль от всех военных конфликтов, если не считать Ракки.

Вывод напрашивался сам собой. В Ракке скоро будет жарко. Поскольку подразделение было секретным, прислано оно не для устрашения, а для действий. Получается, что враги раскрыли их планы. Эта танковая бригада задумана для контрудара, который в нужный момент подавит выступление, и революция погибнет, не успев начаться.

Хасан завел джип и покатил к полицейскому отделению в Самахе, откуда он выехал. Он был в глубокой задумчивости. Проехав еще пару миль, он снова остановился. Его положение становилось опасным. Потому нужно было кое-что предпринять, прежде чем возвращаться.

На это потребовался час напряженного труда. Затем он медленно поехал в Сарах.

Иракский лейтенант, а с ним пять солдат вышли под палящее солнце, чтобы встретить его: небывалое раньше событие. Хасан заметил, что солдаты держат автоматы наперевес, вместо того чтобы нести их закинутыми за плечо. В руках у лейтенанта оружия не было, но кобура его револьвера была расстегнута.

— Ну, геолог, — сказал лейтенант, — как продвигается работа?

— Никак, — ответил Хасан.

— То есть?

Хасан показал. Левая передняя шина джипа была спущена. На ней красовалась рваная дыра, какие обычно оставляют выступы базальта.

— Да, незадача, — посочувствовал лейтенант. — А запаска?

— Это и есть запаска. Сперва пробилась та, что была.

Он показал на заднее сиденье. Там лежала еще одна пробитая шина.

— Что ж ты, не знал, что здесь неровная местность? Раньше ведь тоже такое бывало, разве не так?

Речь давно была подготовлена, и Хасан не замедлил с ответом:

— Это самая поганая местность в мире! Ничего хуже для людей и машин еще не придумали, чем эти пустыни на востоке Аравийского полуострова. Я исследовал плато Арма и побережье Джафура, и Ад-Дахна, и даже Раб'аль-Кхали. Всякое со мной бывало, но такое — в первый раз!

— А что случилось?

— Заехал на лавовое поле, похожее на кучу битого стекла. Эта чертова дрянь припорошена сверху песком, полдюйма, не больше; заметить трудно, а шины продырявить легко. Естественно, я взялся за ремонт, а то бы до сих пор там торчал! Я развернулся и убрался с проклятого поля, залатывая колеса, когда они прорывались. Сейчас на них больше заплат, чем резины, я истратил весь свой запас. Придется просить у тебя, чтобы как-то добраться до Ракки.

— Плохо дело, геолог, — сказал лейтенант. — А работу ты будешь заканчивать?

— Нет. На чем я поеду?

— Как далеко ты заехал?

— До Вади-Давасир, — назвал Хасан высохшее русло реки в шести милях к западу, подальше от военного лагеря.

— Там и наткнулся на лаву?

— Не там, — ответил Хасан. — Сперва я повернул на юг, посмотрел на выступы пород. Если хочешь, покажу где.

Какое-то мгновение лейтенант колебался. Он не поверил Хасану, но, с другой стороны, он не верил никому. Был полдень, солнце жарило всюю, и он решил, что дело можно замять.

— Заходи и выпей кофе, — сказал он. — Это даже хорошо, что ты не поехал дальше Давасир. Сразу после того, как ты уехал, мне позвонили и сообщили, что военная зона закрыта для всех.

— Почему?

Комендант пожал плечами.

— Они не соизволили меня проинформировать. Наверное, из-за набегов бедуинов или еще чего-нибудь.

— Наверное, — равнодушно сказал Хасан. — Все равно чашка кофе была бы кстати.

Этим инцидент исчерпался, также как доклад самого Хасана. Сомнений не оставалось. Когда бы ни началась революция, она будет подавлена. Пока рядом стоит эта бригада, восставшим надеяться не на что.

Следующий пункт операции был прост. Хасану нужно покинуть отель. Потом он позвонит Азизу Аоуд Бен Алиме, здешнему торговцу, которого Комитет назвал Дэйну как местного связного и помощника. Комитет поручил Бен Алиме отвечать за безопасность Дэйна. Именно он должен рассказать Дэйну, когда и как выбираться из Ракки. Именно Бен Алима обязан проследить за тем, чтобы Дэйн добрался до Катара вовремя и передал сообщение.

Собственно, Бен Алима был обычным телохранителем, предусмотренным на всякий случай, для непредвиденных осложнений. У Дэйна было хорошее прикрытие, и пока оно работало, так что он собирался вылететь утром в Кувейт.

Он позвонил в агентство путешествий и заказал билет на самолет. Ужин ему подали в номер, и весь вечер он провел, читая газеты и ожидая звонка от Бен Алимы.

Глава 5

Как и большинство городов, с наступлением темноты Ракка меняла свой облик. Днем она казалась безвкусной свалкой экзотических реликвий, сказочным городом, ожидающим нового Гарун аль-Рашида. Ночью над ней витал дух настоящей смертельной опасности. Проходя по улицам в полдень, вы чувствовали угрозу надвигающейся революции; на тех же улицах в полночь вы рисковали встретить быструю и безжалостную смерть.

Жители города были пуританами, может, попроще и пораспушенней, чем ваххабиты, но все же настоящими и убежденными пуританами. В барах не продавали спиртное, по те-

левидению старательно избегали показывать обнаженную натуру, ночные клубы не потворствовали мужским развлечениям. Однажды сомалийские предприниматели открыли на окраине города бордель. Полиция сровняла его с землей. Для подавленных желаний оставалось две отдушины: гомосексуализм и революционная деятельность.

После вечерней молитвы большинство народа спешило спрятаться за толстыми стенами оград. Но работа кипела в городе круглосуточно — в доках и на новом нефтеочистительном заводе. Некоторые рестораны и ночные кафе, содержащими которых были преимущественно персы и индусы, оставались открытыми для посетителей.

Рабочий люд бывал здесь, но еще чаще бывал нерабочий. Представители обоих классов, особенно нерабочего, являлись, несомненно, политическими животными. Эти бледные фантазеры и ярые мечтатели всю жизнь готовы были простоять под неоновыми огнями кафе, распинаясь на тему о тяжелых временах. Их пассивность и инертность были хорошо известны, но, собравшись вместе, они неожиданно возгорались жадной действий. Ненадежные вояки, трусливые и неуверенные, их ярость была напускной, они умели лишь одно — сотрясать воздух пустыми речами. В большинстве своем это были дураки, но их тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Эти непостоянные стада вставали в строй и раньше, значит, встанут снова.

Но прежде, чем они встанут, они вволю накричатся.

Азиз Аоуд Бен Алима попросил принести телефон.

Это был плотный мужчина средних лет с короткой холемой бородкой. У него было приятное круглое лицо, на котором сейчас застыло странное выражение. Он сидел в маленькой кабинке кафе «Метрополос», неподалеку от площади Бедуинов. Из радио гремела музыка, что служило хорошей защитой от лишних ушей. На столике перед ним стояла чашечка кофе, телефон и пепельница, полная окурков. Он курил «Галуаз» — привычка, приобретенная много лет назад в Сирии. Руки у него были потные. Он зажег сигарету и набрал номер.

— Позовите к телефону Хасана, пожалуйста.

— Это вы звонили полчаса назад? — спросил злобный женский голос.

— Да.

— И час назад?

— Да.

— Тогда ради всего святого, не звоните сюда больше! Я же сказала, что передам ему все, что вам нужно. Как только он вернется, он вам перезвонит. Но он сегодня не пришел, прекратите сюда звонить.

— Это очень важно...

— Для меня важно заснуть!

Она бросила трубку. Азиз выругался. Хасан опаздывал на два с половиной часа. Его не было нигде, абсолютно нигде. Что-то произошло. Он не мог понять, как получилось, что события, идущие по плану, неожиданно вырвались из-под контроля. Нужно было что-то делать, но что?

Азиз собрался с мыслями. Взял трубку и набрал другой номер.

— Отель «Империал», добрый вечер.

— Добрый вечер. Соедините меня, пожалуйста, с мистером Чарльзом Рональдом Пирсоном.

— Кто у телефона?

На мгновение Бен Алима задумался.

— Идрис эд-Зеличи.

— Мне очень жаль, сэр. Мистер Пирсон был нездоров, когда ложился. Он просил его не беспокоить.

— Неважно, позовите его. Это срочное сообщение, которое он ожидает.

— Он ничего не сказал об этом.

— Позовите его! Это деловой разговор; вас отблагодарят.

— Сэр, ничто не доставит мне большей радости, чем возможность помочь вам. Но приказ есть приказ; послушавшись, я могу потерять работу.

— Болван! Из-за своего тупого упрямства ты тоже можешь потерять работу!

— Я думаю, нет, — ответил дежурный. — Излишнее рвение наказуемо, но не очень строго. Не желаете ли оставить сообщение, сэр?

— Я перезвоню, — пообещал Бен Алима и положил трубку.

Все шло наперекосяк. Хасан не пришел, до Дэйна не дозвониться. Он понимал, что обязан узнать, что случилось. Должен, и цена, которую придется заплатить за это знание, не имеет значения.

Он потянулся к телефону...

На втором этаже небольшой заброшенной конторы, приютившейся возле припортовых доков Рас Агила, человек очень осторожно положил трубку телефона. Он усмехнулся, потом нахмурился. Откинулся на спинку старого кресла и принялся внимательно изучать мозаику трещин на потолке.

У этого человека было множество имен и лиц, которые он менял так легко, будто примерял платья из обширного гардероба. Он был настоящим дьяволом, в нем шизофреник сочетался с ярым приверженцем некоторых принципов, тщательно скрываемых, но тем не менее следовал им он всегда. И фанатично верил в свою правоту, и вера хранила в этом Люцифере осколки святости.

Он был прирожденным актером, с головой отдающимся роли, которую играл.

Собственно, он даже не играл, он перевоплощался. Не изображал, а был.

В настоящий момент его звали Сулейманом, и табличка на двери гласила, что он импортер. Он был Сулейманом, который не задумывается о жилье, главное — чтобы оно было поближе к воде. Там, где есть вода, всегда найдется лазейка, чтобы удрать. Почему? Потому, что бездомные постоянно идут рука об руку с опасностью. Куда? В какой-нибудь тихий уголок, который станет опасным, как только начнет приобретать черты уютного, теплого дома.

Но человек должен жить. Сулейман признавал это и кое-что еще. Он сознавал, что, идя по жизни, неизбежно причиняешь кому-нибудь боль. Печально, но это одна из неизбежных истин. Мы не властны избирать пути; мы следуем по тропам, которые наметила для нас судьба. Путь ее начертан в нашем сердце; а значит, следует покориться и безропотно идти вперед.

Сулейман покорялся судьбе с неким удовольствием, так, словно, если бы даже она не сделала его таким, каков он есть, он и сам избрал бы именно этот путь.

Формально он занимался продажей и перепродажей сухофруктов. В действительности он продавал информацию. Она и была основным источником его доходов, покупал ее он дешево, а продавая, драл три шкуры. Если он не мог купить сведения, он их попросту крал. Если красть было нечего, он придумывал их сам.

У него не было родины. Родился он в Эритрее в семье сирийцев, вырос в трущобах Кейптауна, Бамако и Салисбери, проучился шесть месяцев в университете Аль Хира в Аммане. Он путешествовал с ливанским паспортом, поскольку ни родная страна, ни страна его родителей не хотели его признавать. Впрочем, у него имелись и другие паспорта.

Дом был там, где был он; верил он в одно — в себя. Он молился Аллаху, хотя подозревал, что его чувства останутся без ответа. У него не было друзей, поскольку он часто переезжал с места на место и лишний груз ему был не нужен. Не было и жены, потому что не было настоящего дома. Не было детей, а значит, не было будущего.

Не было и сожалений, а если бы были, он бы захлебнулся в море собственных слез. Напротив, он научился верить, что то, чего у него нет, — лишнее. Это было нетрудно, труднее было научиться любить то, что есть. Но он с этим справился; таким он и был — победителем собственной судьбы, вершителем своей жизни.

Сулейман работал с информацией. Только что он получил новую порцию сведений из совершенно неожиданного источника. Правда, многовато ее было, он предпочитал торговлю не оптом, а в розницу, малый риск от продажи незначительных сообщений. Он не имел ничего против более крупных сделок, но не любил рисковать головой.

Потому сейчас он сидел и думал, взвешивая все «за» и «против». Все, что он делал раньше, не выходило за рамки безопасного бизнеса. Он попался в сеть собственного предназначения. Путь предопределен, и ведет он, конечно, к смерти. Но, без сомнения, это — его путь, его неповторимая

дорога к неизвестному и неизбежному *далеко*. Поскольку он покорен судьбе, лепил ее он по своей воле.

Это и было его жизнью: строил ее он разумом, а жил чувствами. Это и было психологией и религией Сулеймана, которые являлись результатом его раздумий — синтеза, анализа и веры в себя. И не было никаких расхождений или противоречий между его внутренним миром и личиной, которую он надевал. Соответствие образу было полным, пока он не менял его на какой-нибудь другой.

Сейчас он был Сулейманом. Через минуту, через час, день или месяц, если этого требовала его тайная уверенность, он будет кем-нибудь еще.

Он потянулся к телефону.

В полумиле от площади Бедуинов находится маленькая площадь с пересохшим фонтаном. Это Зокало Чико. Здесь начинается магистраль к Кувейту и Ираку. Это красивая площадь, окруженная с трех сторон престижными магазинами и полосатыми тентами вечерних кафе. По четвертой стороне протянулся ряд ухоженных домов. Здесь располагается административный центр Ракки — шумный и суетливый днем и пустынный по ночам, оживляемый только патрулями.

На четвертом этаже главного здания горел свет, и пожилой лифтер дремал на деревянном табурете. Впечатлительному человеку освещенные окна дома представились бы горящими глазами голодного волка, озирающего город. Многие горожане делали защитные знаки от дурного глаза, когда видели эти окна. Эти горящие допоздна окна находились в кабинетах полиции — регулярной, особой и тайной. Они были злыми гениями Ракки, поскольку полиция была самой деятельной частью местного правительства. И, как затишье перед бурей, эти сияющие в ночи окна предвещали недобрые времена.

Город забылся тяжелым сном, не несущим отдыха, полным ночных кошмаров. Мужчины внезапно просыпались посреди ночи, вставали с постели и в десятый или стотысячный раз проверяли ружья, завернутые в промасленные кожи и припрятанные под половицей, браунинги, засунутые под

матрасы, или связки гранат, замурованные в глиняных стенах. Они трогали оружие и успокаивались, а их женщины только дрожали от страха и невысказанного стоны протеста.

Город был нафарширован оружием; но сегодня ночью окна полицейского управления горели допоздна, и мужчины Ракки гладили ружья, считали по пальцам дни и часы и гадали, все ли идет так, как задумано.

Полковник Зейд, шеф ракканской полиции, положил телефонную трубку.

Это был крупный, полный мужчина, недавно разменявший шестой десяток. Его мундир цвета хаки был безупречен, невзирая на растущую жару. Его волосатые, но хорошей формы руки на мгновение сжались в кулаки. Потом он командовал себе расслабиться, и руки привычно повиновались. Он развернул стул и выглянул в окно, задумчиво, но по-солдатски пристально глядя на ночной город. Четвертый этаж предоставлял великолепный обзор Старого Города. Полковник видел сразу два измерения — город и карту военных действий. Пулеметы лучше поставить здесь и здесь... Уличные бои всегда дело грязное, особенно если у повстанцев окажутся артиллерийские орудия или базы... Зокало Чико будет центром обороны, а дорога на север...

— Что он сказал?

Полковник Зейд обернулся, слегка нахмутив брови. На некоторое время он совсем забыл о Хакиме. Чертов парень умел сидеть тихо, как мышь.

— То, что можно было от него ожидать, — ответил Зейд. — С ним я не предвижу никаких трудностей.

— Рад, что ты настроен так оптимистично, — сказал Хаким. — Но мне бы хотелось узнать, что сказал этот человек.

Полковник Зейд постарался сдержать свои чувства, окидывая взглядом Хакима. Этот парень пробыл в Ракке не больше двенадцати часов, он был штатским, спецгентом, присланным из Багдада по высочайшему распоряжению. В его присутствии не было никакой необходимости, а теперь оно начинало становиться оскорбительным.

— Он сказал то, что обычно говорят люди его сорта. Утром я начну действовать.

— Не сейчас?

— Не сейчас. Нужно закончить определенные процедуры, рассмотреть протоколы допроса. Нужно предусмотреть реакцию заграничной прессы и иностранных послов. Мы не должны быть похожи на тупых нацистских штурмовиков, Хаким.

«А кто ты еще? — подумал Хаким. — Ты и похож на тупого штурмовика. Когда-нибудь тебе это припомнят».

— Вы не расскажете мне о своих планах на утро? — спросил Хаким.

— Конечно, конечно, но чуть позже, — сказал Зейд. — У меня еще осталась пара дел.

И он по уши зарылся в бумаги.

Хаким откинулся на спинку стула, засунув руки в карманы. Зейд раздражал его. Все военные раздражали его своей толстозадостью, почти детским желанием подавлять других и таким образом отстаивать собственную непомерно раздутую значимость.

Да, казалось, Зейд держал ситуацию под контролем. Но так ли это? Полковник производил впечатление хорошего солдата; но он был никудышным политиком. И политическую ситуацию он оценивал неадекватно.

Хаким понимал, что он может и ошибаться; его собственная неуверенность в себе была лишь кажущейся. Возможно, все пойдет так, как и ожидает Зейд, и талант Хакима окажется ненужным. Возможно... Но делать ставки было еще рано. Прогнозам военных он никогда не доверял.

Он посмотрел на часы. Еще четыре или пять часов, за это время тупорылый полковник снизойдет и расщедрит на нужную информацию. А через пять часов все закончится.

— Полковник, — сказал Хаким, — разрешите воспользоваться вашим телефоном?

Зейд поднял голову и уставился на Хакима.

— Ради Аллаха, куда вы собираетесь звонить?

— В кафе, — ответил Хаким. — Очень хочется кофе.

— Звоните, конечно, — разрешил Зейд.

Он умел быть щедрым.

Глава 6

День четвертый

С тех пор, как шпионаж стал профессией, он приобрел массу общих черт с остальными, более мирными специальностями. Шпионаж — это образ жизни, со своим жаргоном, своими неудобствами, международной конкуренцией и своим фольклором. Это работа, которая совмещает высокую степень опасности и такую же высокую степень скуки. Из этих двух взаимопроникающих частей и состоит жизнь шпиона.

Дэйн пережил одно из вышеупомянутых ощущений, когда спустился утром в холл гостиницы. Подали счет, в котором было указано все до мелочей. Дэйн почувствовал легкий укол тревоги. Он расплачивался и придирчиво анализировал свои чувства, хотя понимал, что едва ли что-то может ему подсказать, где таится опасность. У входа ждало такси, дверца машины была распахнута, мотор громко ревел. Дэйн видел, как мальчишка-носильщик ставит его чемодан в багажник.

И тогда его осенило. Все это бывало и раньше, он покидал отели, а служащие выстраивались у стен, с любопытством наблюдая за каждым шагом обреченного человека.

Все было из рук вон плохо, но шпион должен уметь подавлять тревожные крики своей интуиции. Потому Дэйн сел в такси, как в собственный катафалк, с ухмыляющимся, всепонимающим водителем. Теперь он всей кожей чувствовал близкую опасность, и тогда пришла ее вечная подруга — скука.

Они вырулили с мыса Рас-Адан и начали быстро спускаться по спиральной дороге к городу, потом миновали ветхие дома пригорода и прибыли в аэропорт. Водитель включил радио: зазвучал рок-н-ролл из «Забытой станции», арабские или какие-то там еще голоса и ритм, который кого угодно выведет из себя (песня по заказу Али, Абдуллы и Селима или кого-то из той же компании Союза Собирателей Фиг).

Обреченно ехать в такси навстречу приближающейся

опасности было глупо, но другого выхода он не видел. В этом оцепенелом состоянии, которое повторялось, как и сама ситуация, было что-то неестественное. И чем ближе они подъезжали к аэропорту, тем сильнее охватывала Дэйна опустошенность и скука.

— Это Баб-эль-Мистри, — сказал таксист, указывая на восхитительные кованые ворота. — Единственно приличное, что сделали для нас египтяне.

— Красивые ворота, — отозвался Дэйн.

— Да, неплохо сделано, — буркнул шофер. — Но они слишком много о себе думают, а делают мало.

— Угу, — сказал Дэйн, вспоминая точно такие же разговоры в Афинах, Стамбуле и Кабуле. Все говорили одно и то же, даже он сам.

— А чуть ниже находится плантация финиковых пальм, из которых получают много полезных вещей.

Дэйн откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Казалось, он находится под действием наркотиков, поскольку память способна вызывать галлюцинации почище, чем опиум. Но, в отличие от видений, вызванных химическими препаратами, воспоминания, мелькающие в сознании и быстро сменяющие друг друга, были неприятны и бессмысленны. И хотя Дэйн прекрасно понимал, что пора что-нибудь предпринять, воспоминания властно захватили его и не отпускали всю дорогу к аэропорту.

Когда он подошел ко входу, с обеих сторон появились два полисмена, а перед ним возник человек в штатском, который очень вежливо попросил его паспорт для проверки. Дэйн достал паспорт. В утренних лучах солнца Дэйн выглядел не совсем проснувшимся.

Незнакомец в штатском — и с глазами змеи — изучил документ, сделал вид, что обнаружил в нем какую-то неточность, и притворно нахмурился.

— Мне очень жаль, мистер Пирсон. Вам следует пройти со мной.

И положил паспорт в карман.

— А в чем дело?

— Нарушение.

— И в чем оно заключается?

Человек в штатском снова нахмурился, теперь уже вполне искренне. Неглубокая чаша его терпения была исчерпана.

— За мной, — сказал он, и два полисмена подхватили Дэйна под руки.

Невзирая на сопротивление, Дэйна поволокли к стоянке, где уже ждал полицейский джип.

— Куда вы меня везете? — спросил Дэйн, продолжая играть свою роль.

— В полицейское управление.

— Но я опоздаю на самолет!

— Возможно.

— Но послушайте...

Полисмены втолкнули его в джип. Дэйн продолжал возражать, поскольку этого требовала его роль. Шофер завел мотор, и машина помчалась обратно к городу.

Правда, до города они так и не доехали. Когда машина свернула за угол трущобного района Агила, они увидели грозящий посреди дороги перевернутый воз. Джип резко затормозил, к бледному небу взметнулась туча пыли. Шофер вместе с двумя полисменами вылезли из машины и попытались поставить воз на колеса.

Вокруг собралась толпа, наблюдающая, как эти трое ухватались за огромные деревянные колеса.

— Раз! Два! Три!

Они подняли воз, и в это мгновение мальчишка с белыми лишаями на бритой голове пробежал мимо них и что-то бросил.

Это была граната, и она разнесла шофера и двух полицейских прежде, чем те успели упасть на землю. И еще с полдюжины народу, толпившегося рядом.

Дэйн и штатский, сидевшие в джипе, уцелели. Штатский тут же выдернул браунинг из кобуры, висевшей под мышкой. Ругаясь сквозь зубы, он упер рукоятку револьвера в левое предплечье и тщательно прицелился в удирающего ребенка. Когда он наводил пистолет, то напомнил себе, что у его браунинга прицел слегка сбит влево. Конечно, лучше всего было бы выстрелить в спину, но он долго прикидывал, сумеет ли он попасть именно в коленную чашечку с этих пятидесяти ярдов, уж очень это было заманчиво.

Дэйн решил его задачу просто — рубанул по его кисти, чем испортил выстрел и сломал стрелку пару фаланг. Штатский развернулся к нему, стараясь не выронить револьвер. Дэйн изо всех сил ударил ребром ладони по его шее, прямо в кадык. Штатского подбросило, и он растянулся на сиденье, хрипя и хватая ртом воздух.

Дэйн выбрался из джипа и оглядел толпу. Народ был настроен не очень враждебно, но отнюдь не дружелюбно. Хотелось немедленно унести ноги отсюда. Но как? Уехать в полицейском джипе не представлялось возможным: граната поколежила радиатор и разнесла левую переднюю шину в клочья. Идти пешком значило нарываться на новые неприятности; ждать автобуса — тоже не выход.

Неожиданно судьба улыбнулась ему. Со стороны города, окутанный клубами пыли, как джинн, вылетел маленький красный «Фиат». Он затормозил рядом с ним, и из окна выглянуло молодое загорелое лицо с тощей бородкой.

— Это вы Дэйн? — быстро спросил водитель.

Дэйн кивнул.

— Садитесь, да поживее, ради Аллаха! Меня послали за вами, но заболтались, обсуждая детали, старые козлы!

Дэйн сел в машину, водитель рванул стартер с такой злостью, точно ненавидел свой «Фиат». Маленькое авто развернулось и понеслось обратно к городу.

— Куда вы меня везете? — поинтересовался Дэйн.

— В безопасное место, помоги нам Аллах!

— А кто вас послал?

— Если вы не знаете, значит, так нужно. Мне заплатили за то, чтобы я вас привез, а не за то, чтобы болтал с вами.

— Вам разрешили назвать свое имя? — спросил Дэйн.

— Разрешили? — Водитель удивленно покосился на Дэйна. — Аллаха ради, я делаю, что хочу, и говорю, что хочу, а не то, что «разрешили». Меня зовут Майид Битх аль-Ашафи, я из клана Авазим, слышали, наверно.

— Кто же не слышал о клане Авазим! — торжественно воскликнул Дэйн.

Майид посмотрел на него с подозрением, но лицо Дэйна было серьезным.

— Видите ли, — продолжал Майид, — в этой стране счи-

таются не только с племенами Шарифа, но и с Авазим, самым сильным из кланов. И Аллах мне свидетель, это правда, хотя эти богачи Аниза или Шаммар считают себя выше всех остальных.

Майид Битх аль-Ашафи презрительно взмахнул руками, едва не направив «Фиат» в бок телеги, груженной дынями. «Осторожнее!» — проорал он старому горбатому торговцу дынями и невозмутимо выровнял машину. Дэйн решил, что Майиду не больше двадцати пяти—двадцати шести лет. На его узком лице застыло гневное выражение. Его склонность к горячности и преувеличенному драматизму проистекала из окружающей обстановки.

С центральной дороги они свернули в квартал Бадинде. Промчались мимо источника Аль Маттар, который снабжал не менее четверти населения питьевой водой и глισταми, и подъехали к перекрестку у разрушенной турецкой мечети. Сзади послышался быстро нарастающий рев полицейских сирен. Майид оскалил зубы, как бешеный пес, и втиснул «Фиат» в проулок, в который, казалось, не пролезет и осел.

Протиснулись, оставляя на каменных стенах двойную царапину глубиной с сантиметр.

Майид гордо глянул на Дэйна.

— Ну как? Их джипы слишком широкие, за нами не пролезут. Им придется ехать в обход по главной дороге.

— Удачная мысль, — согласился Дэйн. — Ты часто так едешь?

— Первый раз. Иракские болваны, наверное, подумают, что это невозможно.

Дэйн подумал так же. Он не был уверен, что они сумеют добраться до самого конца проулка.

Они выехали на круговую дорогу, по периметру которой шел Йоби Бер — Большой Базар, центральный рынок Ракки. Пронесли по площади, не снижая скорости, едва не опрокидывая прилавки, снесли сундучок сапожника, обогнули целый караван верблюдов и остановились у кожевенного завода из красного кирпича.

— Все, приехали, — заявил Майид. — Вылезай, мне еще нужно спрятать машину.

— Куда мне идти? — спросил Дэйн.

— Черт возьми! — закричал Майид. — Если я подъехал прямо к черному входу завода, это не значит, что ты должен тащиться к булочной на том конце улицы!

Дэйн посмотрел на длинное невысокое строение. Оно ему не понравилось. Ему не нравился также Майид, Ракка, Аравия и весь Ближний Восток, вместе взятые. Они действовали на нервы. Все постоянно спешили, не давая времени собраться с мыслями и что-то предпринять. Наверное, во всем виноват климат, идеальный для нервных срывов.

— Иди, они тебя ждут, — сказал Майид. — Да вылезай же из машины, Аллаха ради, мне надо смыться!

Дэйн вылез.

— Спасибо, что подбросил, — сказал он.

— Пожалуйста, — ответил Майид. — Мне, конечно, заплатили, но для тебя я сделал бы это за бесплатно, за спасибо. Благослови тебя Аллах!

— И тебя, — сказал Дэйн.

Майид рванул с места так, будто за ним гнались привидения. Дэйн медленно пошел к заводской двери. Толкнул, она со скрипом отворилась. Дэйн вошел и закрыл дверь за собой.

Комната была шестидесяти футов в длину и двадцати в ширину. Из узких зарешеченных окон струился слабый сумрачный свет. Дэйн разглядел тушки десятка или больше овец, привязанных за тощие ноги к потолку, их головы укоризненно свешивались вниз. Куча зеленоватой овчины громоздилась у одной из стен. Сбоку валялось несколько свернутых козьих шкур. Не считая овечьих и козьих шкур, завод был пустым.

Дэйн сперва даже подумал, туда ли привез его Майид; это казалось в его духе — подумаешь, экий пустяк. Он сделал несколько шагов и тихо позвал:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

Медленно прошелся по комнате, обошел задубевшие зеленые шкуры. Сделав еще пару шагов, он неожиданно сообщил, что одна из туш шевельнулась...

Дэйн быстро развернулся, принимая одну из стандартных в карате стоек: левую ногу вперед, правая сзади, ступни

чуть повернуты внутрь и вес гармонично распределен, локти прижаты к телу, руки расставлены. Он почти не разглядел стоящего за спиной человека и скорее почувствовал, чем увидел взмах дубинки в его руках.

Реакция Дэйна была непроизвольной, выработанной годами тренировок. Его левая рука взметнулась в блоке, когда он завершал разворот, и отбила опускающуюся дубинку. Его противник отпрянул и от удара Дэйна слегка качнулся вправо. Дэйн шагнул к нему. Его правая рука, прижатая к боку, вылетела вперед и вверх, прямая, как копье, с вытянутыми и плотно сжатыми пальцами, ладонью вниз и с подогнутым большим пальцем. Дэйн чувствовал, что удар будет смертельным, он должен перерубить беззащитное горло незнакомца.

Забывшись в предвкушении победы, он едва не лишился жизни, поскольку противник непостижимо быстро развернулся и отбил руку Дэйна, так что удар пришелся в плечо.

Потерявший равновесие и потому беззащитный Дэйн постарался вернуться в стойку, проклиная себя за то, что не бил в корпус соперника. Он нарушил основное правило боя: никогда нельзя недооценивать противника.

К счастью, это правило позабыл и противник. Он тоже потерял равновесие и, разозлившись, не использовал эти несколько секунд для того, чтобы вернуться в устойчивую боевую позицию. Он, не медля, прыгнул вперед, нанес слабый удар, а потом попытался ткнуть Дэйна дубинкой в живот.

Попытка не удалась. Дэйн без труда увернулся, оказавшись у противника за спиной, мгновенно встал в стойку. Теперь его руки были прижаты к бокам, а правая нога взлетела вверх и резко ударила незнакомца по почкам.

Тот упал, ударился головой о пол и выронил дубинку. Решив больше не испытывать судьбу, Дэйн прыгнул ему на спину, схватил за волосы и оттянул его голову назад. Руки незнакомца слабо скребли по земле; Дэйн замахнулся для последнего удара по шее ребром ладони.

— Хватит! — вскрикнул поверженный противник, и Дэйн остановил руку в дюйме от его сонной артерии.

Незнакомец медленно сел, привалился к стене и попытался отдышаться. Левый бок его, в который Дэйн впечатал ботинок, сильно болел. Несчастный поморщился и сказал:

— Я удивлюсь, если ты не сломал мне пару ребер.

— Возможно, — согласился Дэйн. — Но, скорее всего, это просто ушиб.

— Все-таки я лучше схожу к врачу, чтобы проверил.

— Сходи, если хочешь. Правда, я не уверен, что у тебя будет такая возможность.

— Надеюсь, что будет. — Незнакомец поднял голову и увидел, что Дэйн снова становится в боевую стойку. — Мой милый мальчик, — сказал он, — я не знаю, что ты придумал насчет меня, но почему бы нам сперва не поговорить?

Дэйн кивнул.

— Говорить будешь ты, а я — слушать.

— Вот и хорошо. В таком случае, может, ты не будешь стоять столбом? Я хочу сказать, что бок у меня огнем горит, а тот первый удар хотя и не попал в цель, но, кажется, парализовал мне правую руку. С таким раскладом, я думаю, ты можешь расслабиться, даже присесть рядом и покурить.

— Нагнись и обними колени, — приказал Дэйн. Морщась от боли, тот повиновался. Дэйн быстро обыскал его, но не нашел ни ножа, ни пистолета.

— Все в порядке, можешь разогнуться, — разрешил он. Сел рядом и закурил. — Итак, кто ты такой?

— Я Джабир абу Ибрагим.

— Откуда ты?

— Я родился в Рабате, но мой дом — Каир.

— Далековато ты забрался от дома, Джабир абу Ибрагим.

— Не спорю, но не дальше, чем ты, мистер Дэйн.

Несколько мгновений они молча изучали друг друга. Дэйн был поражен. Ни поведением, ни разговором Джабир не походил на убийцу. Он был высок и худ, с приятными чертами лица. Несомненно, городской житель, путешествовал мало: его кожа была светлой, ее не касались ни солнце, ни ветер, а его длинные тонкие пальцы едва ли привыкли к тяжелой работе. Одет он был в легкий серый костюм итальянского покроя, в данный момент здорово измазанный. Он был чисто выбрит, и это в краю, где мужчины гордятся своей бородой. Приветливый и открытый, он наводил на мысли о приятной беседе за вечерним коктейлем, а уж совсем не о кровавых пятнах на полу кожевенного завода.

— Кто приказал тебе убить меня? — спросил Дэйн. — Или это было твое собственное желание?

— Отнюдь, — ответил Джабир. — Что же до моих нанимателей — вернее сказать, моих друзей, — благоразумнее было бы не называть их.

— Да, — признал Дэйн. — Но как ты считаешь, стоит ли твое благоразумие сломанной шеи?

— Я не верю, что ты пойдешь на это, — сказал Джабир с обезоруживающей улыбкой. — Посуди сам: я избит и немощен, полностью в твоей власти. Ты американец и придерживаешься национальной традиции по отношению к честной игре.

— Ты и вправду так думаешь?
Джабир с чувством кивнул.

— Твой характер — как на ладони; ты мог бы убить меня в горячке драки, да и почти убил. Но теперь, когда бой окончен, неужели ты способен хладнокровно расправиться со мной? Мой друг, не глупи! Ты не похож на варвара, такого, как турки или русские, и не пытайся убедить меня в обратном.

— Интересное заявление, — отозвался Дэйн. — Ты готов поставить на это жизнь?

— Почти наверняка.

— Тогда ты проиграл, — сказал Дэйн. Он оттащил Джабира от стены и бросил его на пол лицом вниз. Затем упершись коленом в его поясницу, обхватил двумя руками голову и дернул.

— Ради Аллаха, стойте! — заверещал Джабир.
Дэйн остановился.

— Прошу прощения. Ты, наверное, хотел помолиться?
Джабир слабо пробормотал:

— Вы хотели убить меня. Вы действительно хотели меня убить...

— И хочу до сих пор, — заверил его Дэйн. — Молись побыстрее, или что ты там собирался. Даю тебе три секунды.

Джабир недоверчиво покосился на него. Дэйн следил за наручными часами. Потом его руки снова взялись за голову Джабира.

— Постойте! — вскрикнул тот. — Я расскажу вам все!

— Как пожелаешь, — ответил Дэйн. — Но я не заставлял тебя идти против своей совести.

— Моя совесть — это моя жизнь. Помогите мне встать и дайте, пожалуйста, сигарету.

— Начинай, — скомандовал Дэйн. — Кто нанял тебя?

— Никто. Я согласился на это ради того дела, в которое верю.

— И что за дело? Кто тебе сказал, что меня нужно убрать?

— Дело — независимость Ракки. Человек, который хотел вашей смерти, — Саид Азиз Аоуд Бен Алима. Теперь можно я сяду и возьму сигарету?

— Продолжай, — сказал Дэйн. Ему нужно было время, чтобы все обдумать. Алима был его связным в Ракке и самым знаменитым деятелем освободительного движения. Комитет специально послал его на связь с Алимой. Геолог Хасан, который наткнулся на расположение иракской танковой бригады, был человеком Алимы и передал эти жизненно важные сведения по распоряжению самого Алимы.

Теперь Бен Алима стремится убить Дэйна — если верить Джабиру. Смысл?

— Ребенок и то выдумал бы лучшую историю, — выдал Дэйн свое заключение.

— Я давно вырос, — грустно сказал Джабир. — Но я бы не решился лгать в такую минуту. Менее рискованно сказать правду, хотя она может показаться невероятной.

— Наверное, тебе было некогда выдумывать более правдоподобную ложь.

— Клянусь честью, что я сказал правду! Аллах свидетель, это так!

Дэйн тяжело сел, задумался. Минуты шли. Джабир докурив сигарету и спросил:

— Вы и вправду хотели меня убить?

— И сейчас могу. Ты знаешь, что меня послали сюда, чтобы помочь освободительному движению в Ракке?

Джабир кивнул.

— Тогда почему Бен Алима хотел меня убить?

Джабир печально улыбнулся.

— Посылают-то многих, но не всех сразу можно прове-

ритель. Например, только прошлой ночью мы узнали, что вы — не тот, за кого себя выдаете.

— Не тот? А кто же?

— Враг. Мы выяснили, что вы работаете на Ирак.

Дэйн уставился на него.

— На каком базаре ты услышал эти сплетни?

— Так получилось, что эти сведения поступили прямо из Афин, от Центрального Комитета.

— От какого именно члена Комитета?

— Рауди.

— Либо Рауди ошибся, либо он предал ваше дело.

— Рауди отдал борьбе за независимую Ракку двадцать лет жизни. И он никогда не ошибается, особенно если на карту поставлена жизнь официально присланного американского агента, что может повлечь за собой международный скандал.

— Черт возьми, я говорю, что он ошибается или врет! Здесь чувствуется рука профессионала. Послушай, если я предатель, то почему же я не передал иракцам всю информацию, как только получил ее от Хасана?

— Потому что это помешало бы им нанести контрудар. Они понимают, что Ракка на грани революции, и подозревают, что она скоро произойдет. Танковые бригады расположены под рукой. Но они не знают, когда именно начнется восстание. Для них очень важно узнать точную дату и позволить революции начаться, будто они о ней не знали. Размещение бригад обходится недешево, да и они могут понадобиться где-то в другом месте. Исходя из этого, иракцы старались не идти на контакт с вами, пока вы находились на территории Ракки.

— Но, с другой стороны, — добавил Дэйн, — они не могли позволить мне уехать и передать мое сообщение Комитету. Если бы я успел связаться с Рауди или Бикром, восстание не началось бы, пока танковые подразделения находятся вблизи Ракки.

— Именно так, если вы — за нас. Но если принять за факт, что вы — иракский наемник, тогда ваш курс вычислить не сложно. Вы добираетесь до Комитета в назначенный срок и говорите, что все в порядке, иракских войск в стране нет и революцию можно начать, как запланировано.

— В таком случае, почему иракские копы загребли меня в аэропорту и вернули в Ракку?

— Маскировка, чтобы вам быстрее поверили. Через несколько часов вас бы выпустили, возможно, даже депортировали. Это придало бы плану большую правдоподобность.

— И все это Рауди установил прошлой ночью, за час или два, на основе бог знает каких фактов. И сразу же передал приказ меня убить... Да, вы долго не раздумываете!

— Нам свойственна горячность, — признал Джабир, — и мы питаем роковую страсть к преувеличениям. Знаете, мистер Дэйн, я уже начинаю сомневаться, правильно ли поняли на линии этот приказ.

Дэйн поднялся и с ненавистью пнул груды овечьих шкур.

— А я начинаю сомневаться, происходит ли на линии хоть что-нибудь без непонимания, ошибок, перекрестных сведений и общего недоверия. Черт бы побрал все это...

Он резко замолчал. Неподалеку раздался вой трех полицейских сирен, и этот вой быстро приближался.

— Влипли! — сказал Джабир. — По крайней мере, я точно влип.

— Идиот! Ты понимаешь, что уж я-то завяз по самые уши?! Как только я попадусь ракканцам, один из ваших патриотов сунет мне нож под ребро при первой же возможности. Если же меня схватят иракцы, они уж придумают что-нибудь не настолько приятное.

Джабир осторожно встал. И сказал:

— Дэйн, я вам верю. Если я ошибаюсь, то поплачусь за эту жизнь, но вам я доверяю. Оставляйтесь у нас, мы выясним, в чем была ошибка, и вы сможете передать информацию Комитету.

— Хорошо, — медленно ответил Дэйн. — Думаю, вам тоже можно верить, хотя сам не знаю, почему.

— Вот и прекрасно, — сказал Джабир. — А сейчас, как вы думаете, не лучше ли нам убраться отсюда подальше?

Они услышали, что один из джипов остановился перед заводом. Два других голосили ярдах в пятидесяти.

— Да, — произнес Джабир, краска сбежала с его лица. — Если мы сможем удрать. Похоже, нас окружили. Может, у вас есть какая-нибудь идея, мистер Дэйн?

Глава 7

Джабир поспешил к двери и запер ее.

— Я не спрашиваю, есть ли у вас пистолет, — сказал Дэйн.

— К сожалению, нет, — ответил Джабир. — Я предпочитаю боевую палицу.

— Я заметил.

— Ничего вы не заметили, абсолютно ничего, — заверил его Джабир. — Прошу не судить о моем мастерстве по той небольшой демонстрации, которую вы видели. Я подумал, что проще простого будет стукнуть вас по башке, — а если точнее, то за левым ухом. Никогда бы не подумал, что вы владеете этим... карате?

— Более-менее, — сказал Дэйн. — Вы почти достали меня.

— Возможно, когда-нибудь мы снова попробуем, — мечтательно протянул Джабир. — Это было бы интересно... Но в настоящий момент меня больше интересует, нет ли пистолета у вас?

— Увы, — ответил Дэйн.

— Нет? Я-то полагал, что американские агенты всегда таскают при себе пистолеты и еще кучу всякого смертоубийственного оборудования.

— Это оборудование должно быть достаточно маленьким, чтобы его можно было спрятать при таможенном досмотре. А это труднее всего. Я думал, что найду себе что-нибудь на месте. Пожалуй, пистолет нам сейчас и не пригодился бы.

В двери настойчиво забарабанили. Рассерженный голос с явственным багдадским акцентом требовал немедленно открыть. И добавил, что любые попытки сопротивления будут подавлены огнем.

— У них девятимиллиметровые «люгеры», — сообщил Джабир. — Они просто обожают переводить свои машинки на автоматический огонь. Как ты думаешь, мы сможем удрать по крышам?

— По крыше, — поправил его Дэйн. — Насколько я

помню, это здание больше ни к чему не примыкает. Здесь все-таки не Казба.

— Откройте, немедленно откройте! — надрывался снаружи багдадский полисмен. Его голос заглушали удары в дверь, били по меньшей мере три человека.

— А что будет, если мы откроем? — спросил Дэйн.

— За резиденцией коменданта есть маленький сад, где расстреливают таких, как мы, после допросов, если, конечно, есть о чем спрашивать.

— Понятно, — сказал Дэйн, — поскольку возможного выхода у нас нет, попробуем невозможный. Как вы смотрите на то...

В эту минуту десять футов стены взлетели на воздух, и вихрь из красной пыли закружился по комнате.

— Гранаты! — вскрикнул Джабир.

— Это не граната, — сказал Дэйн. — Смотрите!

Пыль немного улеглась, и они увидели смятый капот грузовика, наполовину вломившегося в стену. Знакомый голос заорал:

— Эй вы, двое! Я что, должен ждать вас весь день?

Это был Майид Бихт аль-Ашафи, который явился на помощь Дэйну уже второй раз за последний час. На его лице застыла привычная маска гнева. Но и он не удержался от удовлетворенной и гордой улыбки, когда Дэйн и Джабир вскарабкались на сиденье рядом с ним; ведь только что он проехал на грузовике сквозь стену!

Когда Майид дал задний ход, на машину обрушился шквал огня. Переднее стекло разлетелось вдребезги; Майид отшвырнул осколок, развернулся и переключил на первую скорость. Пули барабанили по грузовику, как град. Но, к счастью, полисмены не догадались стрелять по шинам или двигателю. Казалось, что они срывали злость на самой машине, пытаясь разделаться с ней, как с бешеным слоном.

— Вы видели, как я протаранил кирпичную стену? — самодовольно спросил Майид. — Уверен, что еще никто не решался на подобное! Я сделал это, чтобы спасти тебя, Дэйн, и доказать, что для Авазим нет ничего невозможного.

— Уже два раза ты спас мне жизнь, — отметил Дэйн. —

У меня нет слов, чтобы выразить мою благодарность, и я твой вечный должник.

— Чепуха, — великодушно заявил Майид, — ничего особенного я не сделал!

— Мы не могли бы ехать побыстрее? — осторожно спросил Джабир.

Тяжелый грузовик тащился через площадь, словно беременная буйволица; полицейские джипы носились вокруг него, как разъяренные гончие. А еще это было похоже на погоню индейцев за фургоном на Диком Западе. Разница состояла лишь в том, что вместо пустынной прерии вокруг громоздились магазины, в которых прятались визжащие люди, восемь-десять непрочных строений и около пятидесяти крытых лотков.

— Черт! — крикнул Майид. — Эта машина не рассчитана на гонки. Но у нее есть свои преимущества.

Дэйн при всем старании никаких особых преимуществ не видел. Он слышал крики офицера, пытавшегося организовать своих подчиненных. Окруженные джипами, они влетели в самый центр базара. Груды подносов с медными чашами и горками красных и желтых конфет полетели во все стороны. Грузовик пронесся по разложенным рядам седел, протаранил холм дынь и обратил в паническое бегство трех верблюдов и целый табун ишаков. Один из джипов вынужден был резко свернуть в сторону, чтобы не сбить лошадь; тут же он пролетел сквозь тент и покатил дальше, сияя красочным тряпьем, волочившимся по бокам. Водителю пришлось остановиться, чтобы распутаться самому.

— Счет один — ноль в нашу пользу, — сказал Майид так, будто этот номер придумал он сам.

Джип, в котором сидел толстый капитан полиции, продолжал нестись рядом и поливать кабину грузовика пулями. Дэйн и Джабир пригнулись. Майид тоже пригнулся и продолжал вести машину на максимальной скорости — сорок миль в час.

— Ты всех нас угробишь! — воскликнул Джабир.

— Не я, — возразил Майид. — Я вижу дорогу через дырки, которые проделали пули.

Полицейские нарезали еще несколько кругов, а потом наконец сообразили, что такую тактику успешной назвать нельзя. Тогда капитан проревел какие-то команды, и его джип вырвался вперед. Второй джип держался на правом фланге грузовика, а третий — успевшего распутаться водителя — остался далеко позади.

Джабир принял.

— Нам прострелили бензобак.

— Хорошо, что не голову! — ответил Майид.

Они промчались мимо пустой цистерны, оставили позади кузнечные ряды и свернули на улицу, по обе стороны которой протянулись склады. В тридцати ярдах заканчивался базар, дальше шла широкая улица Шари Маразина. Но джип капитана добрался туда первым. Его быстро развернули вдоль улицы, получилась импровизированная преграда.

— Плохо дело, — сказал Джабир. — Хорошо, если один из этих сараев будет незаперт, тогда мы остановимся и заскочим в него...

Но Майид не слушал его. Дэйн уже видел раньше похожее выражение у него на лице: стиснутые зубы, горящие глаза, каждая мышца напряжена. Майид вжал до отказа акселератор, и грузовик ринулся прямо на джип.

Ни Дэйн, ни Джабир не успели возразить. Да и бесполезно. А капитан и солдаты не успели даже выбраться из джипа. Когда они узрели исковерканный капот грузовика, летящий на них с убийственной (или самоубийственной) неотвратимостью, они ударились в панику.

Капитан верещал запоздавшие приказания. Шофер выжал педаль газа, джип рванулся вперед и врезался в фонарный столб. Грузовик вылетел на Шари Маразина и за мечетью Катбей свернул на Шари Дидерия.

— Заслоны на дороге хороши, — поучительно сказал Майид, — только если в них никто не сидит.

— Истинная правда, — подтвердил Дэйн. — Но как там проживают два оставшихся джипа?

— А что, они рядом? — спросил Майид.

Джабир выглянул в окно.

— Ярдах в пятидесяти, но быстро нагоняют.

— Придется ими заняться, — проворчал Майид и резко свернул налево, в узкий переулок Шари Калифа.

— У нас заканчивается бензин, — предупредил Джабир.

— Нам его много и не надо, — важно заявил Майид. — Подождите — и поймете сами.

Мания величия — вещь неприятная. В крайней форме она обычно ведет к неожиданной смерти. До настоящего момента Майид постоянно побеждал невероятное. Но приходит час, когда невероятное доказывает, что оно поистине невероятно. Возможно, этот час пробил?

Ответа Дэйн не знал и обнаружил, что это его особо не волнует. Впервые за всю жизнь он постиг глубину фатализма. Что сбудется, то сбудется, и руны наших судеб вырезаны на камне задолго до рождения. Возражать бессмысленно, а пытаться что-то изменить — богохульство. В таком настроении Дэйн откинулся на сиденье и серьезно попытался насладиться последней поездкой. По крайней мере, это будет очень драматично...

Глава 8

Грузовик спасался бегством, как раненый медведь, у его колес голодными волками вертелись два джипа. Майид повернул на Шари Тахт эр-Раб, петляя по дороге, чтобы не дать джипам вырваться вперед. Он что-то бормотал себе под нос и яростно вертел рулевое колесо. Джабир сидел, наморщив лоб и закусив нижнюю губу. Дэйн полулежал и размышлял, какая все-таки переменчивая штука — жизнь. Серьезный повод для раздумий в такой момент.

Майид снова повернул, пронесся мимо Баб Дарб эль-Лаббан, свернул во второй проулок и начал подниматься по Шари Таббана, к центру города. На полпути он резко свернул на Шари Баб эль-Вазир. Эта улица была уже любой тропы. Грузовик еле втиснулся в нее, свободного места осталось, должно быть, меньше фута с обеих сторон.

Улица продолжала подниматься под углом приблизительно в сорок градусов, и Майид перешел на первую ско-

рость, протянул еще пятьдесят футов, пока мотор не начал работать с перебоями. Водитель повернулся к своим пассажирам.

— Видите справа дверь, приоткрытую, круглую сверху? Вылезайте и идите туда.

— А как же полиция? — поинтересовался Джабир.

— У них будет полон рот своих забот, — усмехнувшись, ответил Майид. Он перевел рукоятку на нейтральную скорость, распахнул дверь и выскочил наружу. Дэйн и Джабир последовали его примеру.

Все произошло так, как предсказал великолепный аزمи. Грузовик сработал заслоном. Получилось довольно страшно. Машина, оставленная на нейтральной, начала медленно, с постепенно нарастающей скоростью катиться вниз по наклонной, грозя раздавить несчастные джипы.

Полицейским было уже не до гонора, спасти бы свои головы. Не успев даже развернуться, джипы дали задний ход и ринулись вниз, подгоняемые железным гиппопотамом. Нестись вниз на большой скорости по узкому проулку, несомненно, страшно, и один из водителей совсем потерял голову. Он едва не налетел на мечеть ас-Силахдар, попытался выровняться и врезался в небольшое каменное здание в оттоманском стиле восемнадцатого столетия.

Второй шофер, лучше ориентирующийся, докатился до самого перекрестка с Шари Таббана. Там ему не повезло, он столкнулся с «Крайслером», который принадлежал шейху Джабиру бин-Мубараку, прибывшему из Кувейта с визитом. В груды металла, которая раньше была автомобилем и джипом, врезался старенький «Бьюик», который перевозил продукты из Ракки к новым нефтяным разработкам близ Мина-киша. За его рулем был подслеповатый старик Мухаммад ибн-Шеннат из захудалого клана Рувала Салубба.

Грузовик Майида довершил груды обломков, разнеся «Крайслер» вдребезги и ударив в джип с такой мощью, что у последнего начисто отлетела передняя ось.

Почтенный «Бьюик» — единственный источник дохода для ракканских Рувала Салубба — отделался лишь погнутым бампером. Увидев такое, старый Шеннат тут же выскочил,

растянулся посреди улицы и возблагодарил Аллаха за ниспосланное чудо.

Образовалась пробка, загремели проклятия. Майид торчал у двери, громко крича и хлопая в ладоши, пока Дэйн с Джабиром, поднатужившись, не втащили его в дом.

Майид плотно захлопнул за собой дверь и заложил ее стальным брусом. Он провел спутников по коридору, который соединял два ветхих домика, в небольшой садик. Там он двинулся по такой узкой тропинке, что пришлось идти по ней гуськом, миновав шесть или восемь запертых дверей. Не доходя до конца тропы совсем немного, Майид постучал в одну из них.

В двери открылось небольшое оконце, и сквозь железную сетку на подошедших глянул карий глаз. Потом раздался скрип замка, и привратник распахнул массивную дубовую дверь, впустив их, а после немедленно запер ее снова.

— Быстро, — сказал Майид, когда они очутились внутри, — проводи нас к хозяину.

— Я не могу, — ответил привратник. — Мне приказано сторожить дверь.

— Тогда пусть нас проведет та девушка, галийка.

— Хасина ушла на базар.

— А другие мулиды?

— Абдель уже три дня кашлял и теперь лежит в постели, Али Бикр пошел вместе с Хасиной, чтобы помочь ей донести покупки. Повар Масуд на кухне, готовит, а он не любит, когда его отрывают от такого дела. Разве ты сам не найдешь дорогу, бедуин?

— Конечно, найду, — прошипел Майид. — Но нужно объявить о нашем приходе!

— Все жалобы — к хозяину, — ответил привратник и спокойно уселся на стул возле закрытой двери.

Майид выругался и повел Джабира и Дэйна по узкому, причудливо изогнутому проходу. Потом остановился.

— Это невозможно допустить, — объяснил он. — В конце концов, хотя я и не богач, но я чистокровный аelmi, и это

прямое оскорбление для меня и моего народа, если обо мне не доложат со всем почтением.

— Я понимаю твои чувства, — тихо откликнулся Дэйн. — Конечно, ты прав, но может, мы все-таки войдем?

— Ясное дело, — отозвался Майид. — Я просто хотел высказать свое мнение и то, что я иду на это только ради нашей дружбы.

Бормоча что-то себе под нос, он провел их через прямоугольный дворик с клумбами и акациями и завел в небольшую, бедно обставленную комнату.

— Это комната, — сказал Майид, — в которой принимают незначительных персон. Естественно, нам она не подходит.

Он повел их дальше. Но уже не так уверенно. Казалось, что стены и коридоры дома давят на него. Он сжал губы и положил руку на деревянную рукоять кусы, ножа, который по обычаю бедуинов носил за поясом. Поймав взгляд Дэйна, он сказал:

— Мне бы не хотелось, Дэйн, чтобы ты решил, будто я боюсь чего-то на свете, кроме Аллаха. Дело в том, что мы, Авазим, привыкли к просторам пустыни и неба и нам душно в городе, среди стен и спертого воздуха, где все несет болезни.

Джабир хихикнул, но тут же сделал вид, что просто закашлялся. Майид не соизволил обратить на него внимания и ввел их в комнату побольше прежней, да и мебель в ней была получше.

— Это каа, — почтительно пояснил Майид. — Комната для важных гостей, в ней мы и поговорим с хозяином.

— А где же сам хозяин? — спросил Джабир.

— Он скоро выйдет поприветствовать нас, — прорычал Майид. — Его отсутствие оскорбительно для меня, так же, как для вас. О Аллах, сперва нету слуг, чтобы проводить нас, теперь никто нас не встречает! Кто-то поплатится за это головой!

Каа была длинной комнатой с высокими потолками, у стен расположились диваны. Рядом с одним из них стояла статуя из серого мрамора, а перед другим лежала деревянная шкатулка. Рядом с нею два бронзовых подсвечника, серая

металлическая зажигалка и пепельница от Чикагского Газового Общества. На полу лежали исфаханские ковры, еще два висели на стенах. Всю противоположную стену занял буфет. Мягкий свет лился из мозаичных окон, но воздух в комнате был тяжелый и какой-то неживой.

В эту минуту в комнату ворвался Азиз Аоуд Бен Алима. Опытный купец был настолько искусен в лести, что его извинения удовлетворили даже разгневанного Майида. Бен Алима был занят разговором с полицейскими у парадной двери, пока Дэйн с компанией пробирались через черный ход. Он не мог оторвать слуг от обыденных дел, чтобы не возбуждать подозрения иракцев. Так уж получилось, все было сделано из лучших побуждений — чтобы обеспечить гостям безопасность. Но конечно, он не может ожидать, что они простят ему такое вопиющее нарушение законов гостеприимства.

Майид громогласно объявил о своем прощении, Джабир просто улыбнулся. Они сели все вместе на один из диванчиков, и Али Бикр, вернувшийся с базара, подал кофе и сладости от «Фортнум и Мейсон».

Когда слуга вышел из комнаты, Бен Алима нагнулся к Дэйну и сказал:

— Я снова вынужден извиниться, мистер Дэйн, за попытку убить вас. Мне невыносимо стыдно и...

Дэйн остановил его, не желая выслушивать еще полчаса сердечные излияния и мольбы о прощении.

— Вы уже выяснили, в чем была ошибка?

— Как вы, наверное, знаете, — начал Бен Алима, — прошлой ночью я получил приказ от Рауди убить вас.

— Как он сумел связаться с вами? — спросил Дэйн. — Я полагал, что связь между вами и Комитетом практически невозможна.

— Возможна, если кто-то рискнет проделать такой долгий путь. Я получил это известие от одного табунщика-авамири, бедуина из кочевья Омани, который загнал до полусмерти свою лошадь, чтобы принести нам приказ.

— Он приехал один?

— Один-одинешенек, ему помогало лишь его верное ружье и быстрая лошадь, он скакал с самого побережья! Но

лошадь у него просто чудесная, вороная, со счастливой звездочкой во лбу.

— Гнедая все же лучше, чем вороная, — с видом знатока отметил Майид.

— Не лучше, если у вороной во лбу — счастливая звездочка и белые чулки.

— Первая лошадь Пророка была вороной, — подал голос Джабир, — у нее были белые ноги и белая звездочка во лбу, а в битве она не знала себе равных.

— Значит, — вмешался Дэйн, — этот человек прибыл...

— Да, он табунщик из клана Авамир, — продолжил Бен Алима. — Он проделал долгий и рискованный путь, а в доказательство показал знак — личное кольцо Рауди. Он передал слова Рауди: американец Стивен Дэйн — предатель и иракский шпион; его нужно немедленно уничтожить; эти сведения, в свою очередь, передал ему один саудовец, который давно помогает делу освобождения Ракки, и в его верности не приходится сомневаться. И добавил, что промедление может погубить наше дело.

— Все это я уже знаю, — сказал Дэйн. — И потому ты попросил Джабира убить меня. Но тогда почему ты передумал и послал мне на помощь Майида?

— Как только я получил послание через авамири, я начал действовать. Как ты уже сказал, я послал к тебе Джабира. Потом, как радушный хозяин, предложил гостю остановиться у меня. Но он отказался, поскольку не хотел навлекать на мой дом лишних подозрений. Я предложил ему взять свежего коня, но он сказал, что доверяет только Айисса — своей лошади. Сказал, что найдет укрытие в пустыне, у клана Бани Халиди, где у него есть друг. И уехал.

— И что? — спросил Дэйн. — По-моему, ничего подозрительного он не сказал.

— Почти. Я стоял и смотрел ему вслед, и на сердце у меня было тяжело. Что-то в нем меня настораживало, но я не понимал, что именно.

— Ты выяснил это или нет? — не выдержал наконец Дэйн.

— Я долго и напряженно думал, — продолжал Бен Али-

ма. — Но не мог понять, в чем дело. Он выглядел простым, бесхитростным бандитом, с которым мне не хотелось бы повстречаться ночью в переулке. Но все же у него было кольцо самого Рауди, которое я знаю, как и это, что на моем пальце. И у него было полное право самому заботиться об убежище.

— Наверное, тебе не понравилось то, что он приехал с юга, — предположил Майид. — Сам я никогда не доверяю этим дикарям из кочевья Омани — ни Авамир, ни Гафири, ни другим.

— Они не лучше и не хуже остальных, — возразил Бен Алима. — Нет, дело в другом. Я думал-думал, а потом до меня дошло! Его лошадь!

— А что было не так с его лошастью? — спросил Джабир. — Ты сказал, что она была просто чудо.

— Да, и я до сих пор так считаю.

— Может, она была слишком свежей, не устала, не в пене, будто и не скакала так долго? — предположил Майид.

— Она почти ползла, — ответил Бен Алима. — Я даже засомневался, дотянет ли она до стойбища Бани Халиди.

— Тогда почему она тебе не понравилась? — спросил Дэйн.

— Мне не понравилась ее морда, — ответил Бен Алима.

— Ее морда! — воскликнул Джабир.

— А что с ней было не так? — удивился Майид.

— Все так, — мягко проговорил Бен Алима. — У нее была чудесная, крупная, правильная морда — римский профиль, как сказали бы вы, мистер Дэйн. Откровенно говоря, это была великолепная морда, которую раз увидишь — и запомнишь на всю жизнь.

Майид, видимо, все понял и теперь радостно заухмылялся. Джабир, как горожанин, выросший на литературных источниках, едва ли знал больше, чем описание первой лошади Пророка, и молчал, хотя, судя по его лицу, у него забрезжила смутная догадка. Дэйн, который совершенно не разбирался в лошадях, заскучал, но прерывать лошадиную историю не решился.

— Она была породистой? — попытался упрочить свою догадку Джабир.

— Вот именно, — сказал Бен Алима. — Я, конечно, плохо

разбираюсь в коневодстве, мои знания по этому предмету слишком незначительны. Но даже я заметил, что у этого животного большие ноздри и длинные уши, широкий лоб и мощный круп, а длинная шея изящно изогнута. Любой бы на моем месте это увидел, а специалист и подавно. Теперь ты понял, Джабир?

— В основном да, — сказал Джабир. — Но я думал, что ты узнал, какой она породы.

— Узнал! — вспыхнул Майид. — Дело-то совсем не в лошади, городской болван! То, что увидел Саид Бен Алима... Но простите, Бен Алима, слово за вами.

— Так вот, — продолжил тот, — я понял, что лошадь чистокровная, да при этом из лучших пород Аравии, а таких всего пять. Но из которой? Вероятно, кухаилан. Но что за вид этой породы? Неизвестно. Но у нас есть один бесспорный признак — самый яркий, а именно — римский нос. Эта лошадь принадлежала к знаменитому виду Шаваф. И, поняв это, я догадался, что гонец был подослан врагами, и потому послал Майида.

— Я все еще не понимаю, почему, — признался Дэйн.

— Остальное лучше объяснит Майид, — ответил Бен Алима. — У меня уже пересохло горло.

— Все яснее ясного, если ты знаешь историю этой породы, — включился Майид. — Понимаете, шейхи Бахрейна всегда разводили шавафи, как самую дорогую породу лошадей, пока в 1930 году, после волнений, не разорились и не передали все владения Файсалу аль-Дувишу, шейху всех мутаири, который помогал Сауду в борьбе за престол. Но вскоре они поссорились, и король схватил его. Файсал аль-Дувиш умер в Эр-Рияде, говорят, что его отравили. Сауд забрал себе всех шавафских лошадей — как и знаменитых шарафских верблюдов, — и мутаири никогда ему этого не простили, хотя позже снова восстановили породу верблюдов. А что до лошадей, то через несколько лет Сауд подарил табун северным Аниза, чтобы подкупить их, но тогда возмутились кланы Мутаир и Шаммар, даже чуть не начали войну. Но стреляли мало, а говорили много, и Сауд угрозами и дарами заставил продать табун в Рубаи, что в Ираке. Получилось, что, как

только лошади исчезли из страны, пропал и повод для раздора, все успокоились. Ты подумал об этом, Бен Алима?

— Да, просто вспомнил об этом деле. А вспомнив, подумал о предательстве. Потому что никто не продаст чистокровного шавафа, да еще со счастливой меткой во лбу. И едва ли лошадь была угнана во время набега, от Омана до Рубаи — тысяча миль. Вы поняли, Дэйн?

Дэйн кивнул.

— Получается, этот человек был скорее рубай из Ирака, чем аваири из Омана.

— Вот именно! — сказал Бен Алима. — А это значит, что он скакал не с юга, а с севера и считал, что глупый торговец не разберет, какой породы лошадь.

— Отсюда следует, что его послали иракцы, чтобы запутать нас... Но в таком случае, как же они достали кольцо Рауди?

— Этого я не знаю, — признался Бен Алима. — Но я точно знаю, что намного легче подделать кольцо или даже украсть настоящее у Рауди, чем забрать у Рубаи лошадь породы Шаваф.

Майид кивнул, соглашаясь, и пробормотал:

— Это уж точно.

— Все это очень интересно, — сказал Дэйн, — но, наверное, нам стоит подумать над тем, как мне лучше выехать из Ракки и добраться до Комитета?

— Уже придумали, — успокоил его Бен Алима. — Вы выедете, как только взойдет луна, то есть через два часа. Правда, полететь на самолете не получится, мистер Дэйн.

— А на чем я поеду? — поинтересовался Дэйн.

— Вас будут сопровождать Майид и несколько его соплеменников, — сказал Бен Алима. — Конечно, на самолете было бы быстрее. День-два до Сафании, потом еще день, — а может, и немного больше — до Джубайла, а оттуда, с божьей помощью, до Катифа, где будет ждать лодка или машина, которая отвезет вас до Катара.

— Комитет будет ждать меня в течение восьми дней, — напомнил Дэйн.

— Вы там будете через пять, если будет на то воля Аллаха.

— В пути могут случиться непредвиденные задержки?

— Непредвиденные? Нет, ничего непредвиденного не ожидается, хотя будущее сокрыто от человеческих глаз, особенно от глаз того, кто отправляется в длительное путешествие. — Бен Алима медленно встал. — Но теперь, друзья мои, вам нужно отдохнуть. Слуга принесет ужин, а я пойду и проверю, все ли готово к поездке.

Он вышел из комнаты. Майид сразу же прилег на диван, сладко зевнул и уснул. Дэйн и Джабир переглянулись, Джабир пожал плечами и начал устроиваться на ночлег.

Почему бы и нет? Дэйн лег, закрыл глаза и уже мгновение спустя крепко спал.

Слуга разбудил их через час. Али Бикр принес ужин, состоящий из жареной баранины, плова и фиников. Он сказал, что Саид Бен Алима скоро навестит их, и вышел. Дэйн и Джабир ели молча, но Майид не переставал повторять, что это лучший ужин, который ему доводилось попробовать за последние два года.

Прошло около часа после того, как они расправились с кофе, и Майид уже начал беспокоиться. Но тут вернулся Бен Алима, рассыпаясь в извинениях по поводу того, что заставил гостей так долго ждать, и объявил, что все готово.

— Вам нужно спешить, — сказал он. — Джабир, мистер Дэйн, прошу вас переодеться в эту одежду и оставить свою здесь.

Он открыл шкаф и выдал каждому из них типичный костюм бедуинов: хлопчатобумажный халат, шаровары, клетчатую шерстяную накидку и обязательный бурнус, вместе с черным шарфом, которым бурнус крепится.

— Да, ты вполне похож на араба, — заключил Бен Алима, когда Дэйн закончил переодеваться. — Правда, арабы могут быть похожи на кого угодно... Твои ботинки не подходят к костюму, но лучше их оставить. Если полиция захочет вас проверить, тебя все равно раскроют. Пойдите — я чуть не забыл!

Он бросился к другой дверце шкафа и достал два изогнутых кинжала, таких же, как тот, что носил Майид. Потом он

немного отступил, чтобы полюбоваться результатом своих трудов.

— Да, пожалуй, все, — сказал он. — А теперь вам и Майиду нужно поскорее отсюда убраться.

— А как насчет настоящего оружия? — спросил Джабир, со страхом разглядывая свой кинжал.

— У меня никогда не было даже самого плохонького пистолета, — ответил Бен Алима. — Я простой купец и простой политик, помоги мне, господи... Впрочем, даже бедуинам не разрешается носить ружья в черте города. Но Майид и его друзья раздобудут вам оружие, как только смогут. Вам пора, а я помолюсь, чтобы ваш поход был быстрым и удачным.

Они покинули дом через ту же дверь, что и входили, и услышали, как за ними шелкнул замок.

— Вам лучше надвинуть на лицо капюшоны накидок, — посоветовал Майид и быстро пошел по дорожке.

Они миновали несколько поворотов, покорно следуя за Майидом, который уверенно шел впереди. Минут через десять из какой-то двери выскользнули четыре закутанные в накидки фигуры и присоединились к ним. Насколько Дэйну мог определить, это были беду. За последующие двадцать минут никто не проронил ни слова.

Они вышли к окраине. Сзади слабо мерцали огни на ночных улицах города. Впереди расстилалась серая громада пустыни, едва различимая при свете звезд. В пятидесяти ярдах Дэйн, присмотревшись, увидел черное пятно на сером фоне. Когда они подошли поближе, пятно превратилось в группу людей и несколько верблюдов.

— Все они из города, — сказал Майид, — но хорошие всадники. А сейчас ты увидишь, что такое жизнь настоящего араба.

— Должно быть, это что-то интересное, — с сомнением в голосе произнес Джабир.

— Наверняка, — подтвердил Дэйн. — И наверняка неприятное.

Джабир понуро кивнул и вместе с Дэйном пошел к верблюдам.

Глава 9

Научиться езде на верблюде, по идее, не трудно, думал Дэйн. Как всегда, при овладении новой технологией, на начальной стадии требуются только упорство, смекалка и способность воспринимать свои неудачи с юмором. С такими мыслями он, не колеблясь ни минуты, пошел к коленопреломленной твари, которую показал ему Майид.

Прежде чем Дэйн успел твердо устроиться в деревянном седле, обитом овечьей кожей, и как только он беспомощно начал шарить вокруг в поисках поводьев и дергать ногами, пытаясь нащупать несуществующие стремяна, верблюд всхрапнул, дернулся, застонал и встал на ноги, что походило на серию толчков при землетрясении. При этом Дэйн больно ударился о луку седла.

Американцу все это совсем не понравилось. Но секунду спустя он обнаружил еще одну потрясающую вещь: этот верблюд, оказывается, разбирался в психологии, если не верблюжьей, то в его, Дэйна, уж точно. Поскольку животное выгнуло шею, длинную и гибкую, как средних размеров питон, повернуло голову на сто восемьдесят градусов и уставилось прямо Дэйну в глаза, причем с расстояния в шесть дюймов, не больше.

Казалось, на него пялится доисторический монстр, при этом с каким-то подозрительным выражением — от этого становилось жутко и довольно противно. Взгляд у верблюда был воинственный, вздорный и исполненный гнева, словно напоминающий, что момент жестокой истины скоро грянет.

Дэйн уставился в ответ, давая верблюду понять, что с собой шутить он не позволит, пусть только попробует. Он нащупал повод, кто-то подал ему ружье и сумку со снаряжением, кто-то передал стрекало.

Дэйн ткнул верблюда стрекалом. Тварь презрительно проигнорировала укол и продолжала пялиться. Дэйн с трудом пытался сохранить уверенность в себе, но тщетно; он понимал, что нужно хотя бы притвориться, что она у него есть, а потому резко ударил пятками по ребрам верблюда и сказал:

— Пошел, поганый змееголовый ублюдок.

Ублюдок невозмутимо продолжал глазеть, в основном не потому, что привык к постоянным понуканиям, а потому, что впервые на его спине сидел американский спецгент, от которого пахло как-то не так.

Дэйн принялся колотить зверюгу между глаз и по отвратительно гибкой шее. К счастью для них обоих, кто-то во главе отряда подал сигнал к отправлению. Как только остальные верблюды тронулись с места, монстр американца бросил на него последний взгляд, давая понять, насколько ему безразличен всадник. Затем животное вернуло шею на исходную позицию и направилось за остальными, при этом явно показывая, что идет оно так, как само пожелает.

Все молчали. Отряд вытянулся в ряд и двигался быстрой рысью. Через час Дэйн выяснил еще одну особенность поездки на верблюде: сидеть нужно было скрючившись, в очень неудобной позе. Поскольку стремена отсутствовали, Дэйн попросту висел, вцепившись в повод и луку седла и дергая ногами взад и вперед, чтобы не свалиться. И прикидывал, скоро ли заработает себе артрит.

Они ехали, не останавливаясь, до рассвета. Затем прозвучал сигнал к привалу, всадники спешили и принялись молиться, а после занялись приготовлением кофе. Дэйн сполз со своего верблюда и с трудом удержался на ногах. В принципе, с ними было все в порядке, не считая коленей, которые куда-то подевались. Он немного успокоился, когда увидел Джабира, ковыляющего так, будто его лягнул копытом мул.

Как только Джабир поднял голову, Дэйн моментально выпрямился как ни в чем не бывало.

— Что с вами? — кротко спросил он. — Давно не ездили?

— Мой друг, — простонал Джабир, — я никогда раньше не ездил на верблюде или какой-нибудь другой твари. Арабы в основном живут в городах и обычно путешествуют на автобусе или машине.

— Не отчаивайтесь, — сказал Дэйн. — Скоро привыкнете. Главное — это расслабить колени.

— Я с удовольствием расслабился бы весь, — ответил Джабир, — в одном подходящем месте в Бейруте. Но прежде всего я бы убрался из этой дурацкой пустыни подальше. Ума

не приложу, как кто-то может жить здесь по собственной воле!

— Через несколько дней мы уже будем на побережье, — успокоил его Дэйн.

— Хорошо бы! Они как раз совещаются по этому поводу.

В отряде было десять всадников, все ракканцы, кроме одного кочевника-халиди; Майид был из Авазим, Джабир — из Рабата и Каира, а Дэйн — из Соединенных Штатов. Итого — их было тринадцать человек — число символическое, о чем никто из них не задумывался.

Вероятно, Майид и остальные ракканцы разошлись во мнениях. Обсуждение, начинавшееся приглушенным шепотом, перешло в крики, вопли и общее возмущение. Все разговаривали так громко и быстро, что не слышали друг друга и были готовы вцепиться собеседнику в лицо.

— Надеюсь, они сообщат нам о своем решении, — сказал Дэйн.

— Не сомневаюсь, если только они когда-нибудь придут к нему, — отозвался Джабир. — Эти кочевники — самые вздорные и упрямые создания на свете. Они могут спорить о пустяках до бесконечности и так и не прийти к соглашению.

Наконец Майид отделился от остального отряда и подошел к Дэйну и Джабиру. Он с негодованием качал головой, как человек, вконец выведенный из себя.

— Похоже, — начал он, — дела идут не так, как ожидалось. Но, с другой стороны, этого можно было ожидать. У тебя тоже так бывало, Дэйн?

— Конечно, а что случилось?

— Здесь мы должны были встретиться с двумя рафиками, — пояснил Майид. — Но пришел только один.

— А мы не можем обойтись одним рафиком, раз на то пошло?

— Могли бы, если бы пришел нужный. Но явился не тот, которого ждали. Этот нам потребуется позже. Вот и все дела.

— Я чего-то не понимаю, — сказал Дэйн. — А что такое рафик?

— Я думал, это все знают! — удивился Майид. — Чтобы долго не объяснять, приведу пример. Скажем, тебе нужно проехать по пустыне через земли определенного клана, ну,

как нам сейчас. А люди из этого клана могут напасть на тебя или взять в плен, чтобы потребовать выкуп, или убить, чтобы забрать твоё ружьё и верблюда, а то и просто от нечего делать. Чтобы такого не случилось, ты нанимаешь рафика — человека из того же клана, по чьей земле тебе нужно проехать, а он обеспечивает безопасность тебе и твоим товарищам. А если тебе предстоит проехать через несколько кланов, значит, столько рафиков и нужно нанимать.

— Сколько рафиков понадобится нам? — спросил Джабир.

— Два. Один проведет нас по землям клана Авазим, а второй — Бани Халиди, которые тянутся до самого Катифа. Человек из Бани Халиди пришел, как и обещал, а азми, который нужен нам именно сейчас, пропал. Этот мерзавец, наверное, застрял в борделе или до одурения нажрался «кат».

— А кто-нибудь другой мог бы провести нас? — спросил Дэйн.

— Да, у нас есть парень, который знает эту местность, — сказал Майид. — Но он не может выступать в роли рафика, поскольку это земля не его клана.

— Постой, — спохватился Дэйн. — но ты же сам из Авазим, разве не так?

— Так, — согласился Майид. — Я пару раз об этом говорил. Но, к сожалению, я не могу быть рафиком.

— Почему? — поинтересовался Джабир.

Майид дернул плечом и сплюнул.

— Наверное, я не говорил вам, но я из кочевья Азарима, которое враждует с остальными — с Хадали, Мухалиба и Шакфа. С южной ветвью клана, Мусахима, у нас война, и почти со всеми Мувайиха тоже. Потому рафик должен быть из нейтрального кочевья — например, Факу или Алайхат.

— А почему вы враждуете между собой? — спросил Джабир.

— Это вопрос интересный, — сказал Майид. — Тут замешаны спорный колодец, коварная женщина и дорогой оманский верблюд. Когда у нас будет время, я с удовольствием расскажу вам о нашем клане. Но сейчас...

— Сейчас, — вмешался Дэйн, — не могли бы мы как-то обойти земли Авазим?

— Обойти можно, — ответил Майид, — но если мы возьмем западнее, то попадем на территорию Мутаир, а у них — кровная вражда с Авазим, мы их злейшие враги, не считая клана Айман. Они прирожденные всадники и стрелки, да и никто не согласится быть нашим рафиком в тех землях.

— Значит, мы останемся здесь и решим, что нам делать дальше? — спросил Джабир. — Нужно же что-то предпринять!

— Понятное дело. Есть другой путь, который предложил я. Свернуть на юг и проехать через земли Авазим без рафика. Постараемся не подъезжать близко к селениям, чтобы о нас никто не узнал. Поедем через болота возле Эйн-аль-Абд, а потом быстро спустимся к побережью Хаса.

— Мне этот план нравится, — сказал Дэйн.

— И мне, — поддакнул Джабир.

— Вы умные люди. Но остальные не хотят ехать через Эйн-аль-Абд, потому что там живут джинны, и те, кто популивей, туда не суются.

— Глупости какие! — возмутился Джабир. — В нашем случае им лучше засунуть свои суеверия в карман. Их можно переубедить?

— Я старался, но не смог, — признался Майид. — Они ведь простые арабдар, привыкли жить в городе, окруженные со всех сторон каменными стенами, позабыли добродетели своих отцов, но сохранили все их недостатки.

— Итак, — спросил Дэйн, — что будем делать?

— У нас остается только один выход, — ответил Майид. — Ехать, не таясь, в Саудовскую Аравию, по дороге в Эр-Рияд. Дорога хорошая везде, кроме той части, что возле Шиггайг.

— Но тогда мы попадем к Мутаир? — уточнил Джабир.

— Попадем. Но дорога принадлежит не им, а королю. И находится под охраной Сауда, там полно застав и солдат, а Мутаири не любят вызывать недовольство Сауда и шастать по его дороге — по крайней мере в последнее время.

Джабир призадумался.

— Все это хорошо. Саудовцы спокойно относятся к конфликту с Раккой. Они даже могут нам помочь. Тогда мы под-

нимемся до Сумманских гор, свернем к югу, в земли Бани Халиди, и доберемся до Катифа. Остальные согласны?

Майид кивнул.

— Дэйн, как ты на это смотришь?

— Звучит неплохо, — ответил Дэйн. — Я думаю, попытаться стоит.

— А я не думаю, — заявил Майид с неожиданной злостью. — Я ненавижу саудовцев и не собираюсь переться по их поганой дороге. Вы когда-нибудь видели их солдат? Красноглазые фанатики-ваххабиты, насквозь лживые, особенно те, кто из клана Нейд. Пророк ставил их ниже всех. Шаммар — люди благородные, ничего не скажу, как и Утайба. Но кто доверится выходцам из Харба или Сбея, этим гадам, которые нацепили королевскую форму и носят королевские ружья?!

— Черт возьми, — взорвался Дэйн, — нам нужно быстро на что-то решиться! Потому, если ты не хочешь ехать по дороге в Эр-Рияд...

— Я так не говорил, — огрызнулся Майид. — Я только высказал все, что думаю. Солдаты — это еще хуже, чем кочевники, и мне не хотелось бы попадаться им в лапы.

— Но ведь саудовцы на нашей стороне, — напомнил ему Дэйн.

— Никто не может считаться другом, пока не докажет, что он не враг! — отчеканил Майид. — Мне этот план не по душе, его придумали эти горожане. Но кто будет меня слушать? Давайте отправляться, чего уж там.

Майид резко развернулся и пошел к своему верблюду. Отряд оседлал своих скакунов и двинулся быстрой рысью, оставляя за спиной красный диск солнца и держа курс на Тавал-аль-Мутаир и дорогу в Эр-Рияд.

Глава 10

Над Раккой медленно разгорался рассвет, солнце лениво подымалось из-за Персидского залива, день обещал быть жарким и безветренным. В Зокало Чико прихрамал взвод солдат, изнуренных и злых после неудачных ночных поисков подозрительного американского нефтепромышленника. Они

поглядывали на солнце и обсуждали проклятую погоду — жара, повышенная влажность и ни малейшего ветерка. Было тридцатое августа, на небе взошла звезда Канопус, но шамал все еще отказывался дуть, и лето не спешило уходить. Это было просто невыносимо: в такие дни хотелось либо убить кого-то, либо самому покончить с жизнью, либо, на худой конец, сойти с ума. На остальное просто не хватало сил.

На северной стороне площади, в центральном здании, на четвертом этаже даже позабыли выключить свет. Вошел полковник Зейд, расстегнул пояс с кобурой и бросил его на стол. Его форма утратила былую опрятность, а его волосатые руки не переставали сжиматься в кулаки. Он был по горло сыт этой проклятой Раккой и той игрой в кошки-мышки, которую ему приходилось вести. Он солдат, а не какой-то вонючий политик! Он человек действия; ему не терпелось пустить в ход пулеметы, винтовки, мортиры. Он бы...

— Не получилось? — мягко промурлыкал Хаким.

Иракский спецгент валялся на кушетке, обдуваемый двумя вентиляторами. Зейд глянул на него и нечеловеческим усилием подавил в себе желание выхватить браунинг и дважды выстрелить в Хакима — в оба наглых глаза.

— Не получилось, — сказал полковник. — Нам удалось захватить одного из них — кочевника из Авазим, который должен был провести их, как рафик, через земли своего клана.

— Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Зейд. — Этот человек сказал что-то оскорбительное, солдаты начали его бить и случайно свернули ему шею.

— Как неосторожно!

— Это со стороны азми было неосторожно дразнить солдат. А все из-за погоды.

— Я не думаю, что в Багдаде это сочтут достаточным оправданием, — сказал Хаким. — Мне повезло, я тоже нашел одного человека. Он не был с теми, кто удрал, но, по-моему, он что-то знал.

— Правда?

— Да. Я столкнулся с ним возле «Ворот Мекки» во время утренней прогулки.

— Вы полагаете, что он связан с освободительным движением?

— Возможно, — ответил Хаким. — Он местный, образованный и довольно шустрый молодой человек. Интересный тип, его нужно было взять на заметку и подробно расспросить.

— Кто он такой?

— Хасан эль-Дин эль-Аоуди, геолог.

— Что он вам сказал?

— Да ничего, — грустно ответил Хаким.

— И вы не смогли раскрыть ему рот?

— Это было нетрудно, — ответил Хаким. — Рот у него и так был раскрыт дальше некуда, но без моей помощи. Гиены уже выпотрошили его, но лицо еще можно было узнать.

— Как он был убит?

— Нож под ребра.

— Кто это сделал?

— Возможно, его враги, по каким-то своим соображениям. А может, и друзья, у которых были свои причины.

— Я не понимаю ваших загадок, — проворчал Зейд.

— Это довольно легкая загадка, — улыбнулся Хаким.

— О Аллахе! Может, это вы его убили?

— Возможно, — сказал Хаким. Он с неохотой поднялся. — А теперь, комендант, если вы предоставите мне машину и моих людей, я вас покину.

Зейд даже не подозревал, что Хаким притащил кого-то из своих людей в Ракку. Но он не подал виду и сказал:

— Зачем машину? Мой шофер отвезет всех вас в аэропорт. И вечером вы будете уже в Багдаде.

— Но нам не нужно в Багдад, комендант.

— Не нужно? Значит, в Басру?

— Увы. Я собираюсь последовать за американцем и его спутниками.

Полковник Зейд на какое-то мгновение онемел. Потом выдал:

— Вы собираетесь преследовать их? На машине?

— Ну, конечно же. Это моя работа — побеждать там, где

вы проиграли. И я начну погоню на машине, и только одному Аллаху известно, что будет дальше.

— Они, должно быть, уже покинули территорию Ракки. И едут по Саудовской Аравии, — сказал Зейд.

— Вполне возможно. Я тоже еду в Саудовскую Аравию.

— А что скажут на это саудовцы?

— У нас много паспортов и документов, — ответил Хаким. — Проблем не предвидится.

— Хорошо, — одобрил Зейд. — Значит, вы едете в Саудовскую Аравию. А потом?

Комендант подошел к стене, на которой висела карта Ирака, Аравии и Персидского залива.

— Посмотрите! — подозвал он спецаргента. — Саудовское королевство занимает тысячи квадратных миль. Но вы, наверное, выберете побережье Хаса?

— Да, именно его.

— Это понятно. Но где на побережье? Они могут покинуть Саудовскую Аравию где-то между вот этой точкой и Салвой — промежуток около трехсот миль.

— Точнее, триста двадцать четыре, — сказал Хаким.

— Да и Салва — это еще не предел мира. Они могут направиться в Катар, в нейтральные земли, в Оман... В Хадрамаут или Йемен...

— ...Или в Африку, или на луну, — закончил Хаким. — Успокойтесь, комендант, ваше воображение шутит с вами дурные шутки. Они такие же люди, как все остальные; они могут далеко не все, и к тому же они связаны по рукам и ногам своими обязанностями. И если уж я способен догадаться, что они собираются предпринять, то я могу понять и то, что они никогда бы не стали делать.

— Не понимаю, — признался полковник, усаживаясь в кресло. — Я простой солдат. Ваши догадки кажутся мне волшебством.

— Это моя работа, — сказал Хаким. — Просто работа. Хотя, надо признать, она потруднее, чем командование дивизией или парочкой бригад... К тому же у меня есть свои источники информации, как вы успели заметить.

— Да, пожалуй. А кто доставлял вам сведения в Ракке?

— Увы, я не могу этого открыть, я в ответе за своих информаторов.

— Нет, вы скажете! — настаивал Зейд. — Все-таки комендант здесь я!

— Возможно, я скажу вам об этом позже... если вы останетесь комендантом. А теперь, могу ли я получить машину?

— Возьмите белый «Бьюик», который стоит у входа.

Хаким покачал головой.

— Если вы не возражаете, я бы предпочел машину без номера иракской дипломатической службы.

— Тогда возьмите голубой «Шевроле», с кувейтским номером. Ключи в машине. Вам еще что-нибудь нужно?

— Больше ничего, полковник. До свидания, и спасибо за гостеприимство.

— Счастливого пути, Хаким.

— Благодарю. И вам счастливо, комендант.

Хаким вышел, а полковник Зейд еще долго сидел в кресле, задумчиво глядя на телефон. Он понимал, что комендантом ему больше не бывать. Куда его пошлет Багдад? Наверняка в какой-нибудь паскудный форт в пустыне или в болота под Аль-Курной. Может, его даже понизят в звании, а то и расстреляют, если решат, что он пагубно повлиял на события.

Он слишком устал быть постоянно начеку.

Зейд продолжал тупо пялиться на телефон, пока в голову ему не пришла одна мысль. Он ведь может позвонить на саудовский форпост и предупредить, что мимо них проследуют иракский спецгент и его помощники. Может, они пристрелят Хакима или, на худой конец, посадят в тюрьму лет на двадцать. Конечно, это не спасет его самого, но хоть какое-то удовлетворение он получит.

Но это была идея, которая приходит только в такую отвратительную погоду. Самоубийство, убийство, помешательство... Единственное, что удерживало от подобных действий, — это безмерная усталость.

Тем не менее Хаким мог предугадать и такой вариант и принять меры предосторожности. Он был умным мерзавцем.

Глава 11

Отряд Дэйна весь день двигался размеренной рысью. Они остановились только раз, у колодца Кабари Вадха. Там им встретила небольшая группа сбейских овцеводов, которые гнали стадо из Кувейта. Овцеводы поделились последними сплетнями об измученных иракских солдатах, исколесивших вдоль и поперек все земли Ракки. Новости были встречены всеобщим ликованием. Еще ракканцам рассказали об убийстве молодого инженера-геологоразведчика по имени Хасан, родом из Аоудиса. Убийца все еще не найден.

Услышав об этом, ракканцы ничем не выдали своих чувств. Джабир отошел в сторону, и Дэйн последовал за ним.

— Ты его знал? — спросил американец.

Помрачневший Джабир ответил:

— Знал, и очень хорошо. Он сочувствовал нашему движению и вообще был моим другом.

— Как ты думаешь, кто мог его убить?

— Иракцы, скорее всего. Нам известно, что в Ракке сейчас действует один из спецгентов Багдада. Человек по имени Хаким. Если он в чем-то заподозрил Хасана, он мог таким способом заставить его замолчать навеки.

— Я только раз встречался с Хасаном. Он показался мне славным парнем.

— Он был гораздо лучшим человеком, чем я. Нельзя оставить его смерть неотмщенной, — сказал Джабир.

Дэйн кивнул.

— Пойдем, надо держаться вместе со всеми.

Возле колодца Кабари Вадха ракканцы пробыли не больше получаса — только пополнили запасы воды и двинулись дальше.

Если они и были «мягкотелыми горожанами», как говорил Майид, то ничем этого не показывали. Ракканцы ели, пили и справляли естественную нужду не сходя с седел, не останавливая верблюдов. Это были жилистые, выносливые люди, как будто скрученные из проволоки. Дэйн надеялся, что тоже сумеет не ударить в грязь лицом.

Его колени уже давно перестали болеть и почти одеревенели. Подобно Джабиру, он старался не думать о боли, усталости и других неудобствах похода, как и о сомнительном успехе своего дела. Он понимал, что, если начнешь себя жалеть, станет только хуже. Правда, у него не было под рукой маленького мешочка с «кат», чтоб облегчить страдания.

Королевская дорога, тянувшаяся на севере от Кувейта к Эр-Рияду, по западным меркам не представляла собой ничего особенного. Дэйн слышал, что от нефтеносных районов к этому городу проложили недавно новую асфальтированную дорогу, но она проходит далеко на юге. Таких же дорог, по которой они сейчас ехали, Дэйну раньше видеть не приходилось. Засыпанная гравием, она вилась между пологими песчаными холмами. Унылое однообразие безжизненной желто-серой пустыни нарушали только изредка попадавшиеся камни и убогие клочки кустарников. Но даже такая дорога была куда лучше рыхлого сухого песка, полосы которого время от времени попадались на пути.

В оазисе Вабра Майид встретил какого-то рашиди, возвращавшегося из Эр-Рияда на грязном заморенном верблюде. Они разговорились, предоставив усталым путникам возможность хоть немного передохнуть. Беседа оказалась долгой и оживленной, поскольку в клане Авазим было принято жениться только на женщинах клана Рашаида и еще нескольких небольших кланов.

Они разговаривали около часа, и вот Майид с необычайно озабоченным выражением лица степенно подошел к Дэйну.

— Этого человека зовут Абдулла ибн-Худжайлан, он приходится мне троюродным братом по материнской линии. Я лично не особо доверяю этим рашиди — они считают своим господином достопочтенного Мутаира и даже гордятся этим. Но они в самом деле много знают о планах Мутаира, — сказал он.

— И что? — спросил Дэйн.

— Так вот, мой родственник рассказал нечто чрезвычайно важное для нас. Вы помните лошадей?

— Каких лошадей?

— Шавафских лошадей, которые, в общем-то, принадле-

жат Мутаиру. На одной из них скакал так называемый омани. Помните, этот шавафский конь спас вам жизнь, когда Бен Алима заметил...

— Да-да, конечно, я вспомнил, — сказал Дэйн.

— Так вот. Насколько известно мне и Бен Алиме, эти лошади были проданы Рубаи, в Ирак. Но теперь все немного переменялось. Абдулла говорит, что на Рубаи неожиданно напали враждебные иракские пастушьи кланы во главе с Мунтафиком, — начал объяснять Майид.

Абдулла подошел ближе и прислушался к рассказу родича. Это был коренастый мужчина с бычьей шеей, слепой на один глаз из-за трахомы. Он сказал:

— Я удивлен, что вы не слыхали об этом. Это случилось года два-три назад, во время одного из курдских бунтов. Мунтафик пошел вместе с иракскими войсками, чтоб отплатить за давнюю кровную обиду. Они увели шавафских лошадей и еще много добра.

— Не понимаю, при чем здесь мы, — сказал Джабир.

— Сейчас поймешь, — заверил его Майид и повернулся к Абдулле: — Расскажи им, что случилось потом.

— Весь табун достался Будуру Мунтафику, который был главным у пастухов и понес в этом рейде тяжелые потери. Но он не знал, что с этими лошадьми делать. В этом клане Мунтафик разводят только овец, а ездят на верблюдах, — породистые лошади не годятся для того, чтоб пасти на них отары. И ссориться с саудовцами им не с руки, потому что каждый год этот клан кочует в Тавал-аль-Мутаир в Аравии. Но им приходится ладить и с Мутаири, на чьих землях они кочуют.

— Да, шекотливое положение, — согласился Дэйн.

— Они неплохо из него выкрутились, — продолжал Абдулла. — Обсудили это дело с одним из самых влиятельных шейхов Мутаири, который отнесся к ним благосклонно. Видите ли, если принять во внимание старинную вражду, король Саудовской Аравии не мог допустить, чтобы Мутаири выкупили обратно своих лошадей. Но ему не улыбалось и отдавать знаменитый табун иракцам. И шейх посоветовал отправить табун к Харбу, на землях которого живут Мутаири, хотя он сам и является подданным Аравии. Шейх Мутаири рассчитывал, что король со временем поостынет и позволит

выкупить табун. Или, может, влияние саудовцев ослабнет и удастся вернуть лошадей в военном походе. И Мунтафик решил продать табун Харбу.

— А это значит, что наш мнимый посланец оmani — из клана Харб, — вмешался Майид, — а они — друзья и союзники саудовцев!

— Вы хотите сказать, что саудовцы против нас? — сказал Джабир. — Но это же бессмыслица! С чего бы им нам мешать?

Абдулла Рашаиди сказал:

— Ваша политика меня не касается, хотя Авазими всегда исхитрялись извлечь из нее какую-нибудь прибыль. И знать об этом ничего не желаю, я человек благоразумный и не ввязываюсь ни в какие глупые и рискованные авантюры. Но вы сейчас кое-что узнаете о планах саудовцев и тогда поймете, почему они настроены против вас.

— Поторопись же, родич, — сказал Майид.

— Это ясно даже слепому, о мой упрямый Авазими. Забудьте, мы сейчас в довольно крупном и значительном оазисе. Естественно, в нем есть крепость. Она стоит на холме в западной части оазиса. Отсюда даже видна ее верхушка — вон там, за пальмами.

— Да, конечно. Так в чем дело?

— Для меня, в общем-то, ни в чем. Но я отправился в крепость сразу же, как добрался до Вабры, потому что у меня срочное поручение от государственного ведомства в Эр-Рияде относительно моих людей Далула Рашаиди, которые сейчас стоят в оазисе Караи, — нас несправедливо обвинили...

— Ради Аллаха, Абдулла, рассказывай только то, что непосредственно касается нас!

Абдулла бесстрастно заявил в ответ:

— Я буду рассказывать, как мне удобно. Так на чем я остановился? Ага, я отправился в крепость предъявлять послание от губернатора Суммана, чтобы саудовские солдаты прекратили отбирать наш скот взамен своего жалованья. И пока я стоял во дворе крепости, ожидая, когда кто-нибудь обратит на меня внимание, я услышал шелканье радиопередатчика и бормотание радиста, записывавшего сообщение. Он говорил: «Отряд из двенадцати человек, один — американец, направ-

ляется на юг из Ракки, немедленно взять в плен, убивать, только если окажут сопротивление».

Абдулла помолчал немного, наслаждаясь впечатлением от своих слов, потом продолжил:

— Потом радист позвал капитана, но солдат сказал ему, что капитан сейчас в лагере Мубарраз, развлекается с молодым пастушком. Радист все равно просил немедленно позвать ему капитана. Тогда солдат сказал: «Вряд ли ему понравится, если его сейчас кто-нибудь потревожит». А оператор заявил: «Очень влиятельным лицам в Эр-Рияде никак не понравится, если его *не* потревожат!» Солдат досадливо отмахнулся, дескать, он может, конечно, сходить к капитану, только хорошо бы это действительно оказалось такое уж важное сообщение. Радист сердито рявкнул: «Оно *действительно* важное! Так что беги к капитану». Это было перед тем, как я вручил сержанту свое послание, а потом я уехал из крепости.

— Давно это было? — спросил Майид.

— Часа три назад, может, чуть больше.

— Почему же ты сразу не подошел к нам и не рассказал?

— Это меня не касалось. У меня полно своих собственных неприятностей, и мне нет дела до чужих. Но я увидел, что вы за люди, а когда понял, что ты — мой родич, решил предупредить вас. Но вы должны уехать отсюда тихо и без спешки, ради моей жизни. И не вздумайте рассказать саудовцам, что я предупредил вас!

— Обещаю! Благодарю тебя, родич, — сказал Майид. — Я твой должник и, да поможет мне Аллах, надеюсь вернуть долг, если останусь в живых... — Он повернулся к ракканцам: — А теперь в седло, мы едем!

Можно было и не командовать: как только Джабир услышал, что могут возникнуть осложнения с саудовскими солдатами, он пошел к остальным и все им пересказал. Верблюдов сразу же оседлали, погрузили на них поклажу. Все забрались в седла, и отряд неторопливой рысью потрусил прочь.

Дэйн и Майид тоже сели на верблюдов и присоединились к остальным. Дэйн спросил:

— Почему именно сейчас?

— Один Аллах знает, да еще саудовцы, — ответил Май-

ид. — Будьте настороже и приготовьте винтовки. Скоро будет видно.

Они съехали с риядской дороги и инстинктивно повернули восточнее, к побережью. Оазис еще не закончился, отряд проехал мимо нескольких маленьких грязных деревушек, между которыми росли финиковые пальмы вперемешку с жалкими клочками кустарников.

— Проклятье, почему они не нападают?! — вырвалось у Джабира.

— Может быть, солдат не сразу отыскал сержанта, — предположил Майид. — А может, они поджидают нас за деревней, на случай если придется стрелять.

Они продолжали двигаться к востоку, и вот за последней кучкой маленьких грязных хижин развернулась иссушенная солнцем пустыня. В вечернем свете она казалась серо-коричневой, а несколько приземистых хижин выглядели почти черными на фоне темнеющего неба.

Неожиданно Майид сказал:

— Они прячутся за теми хижинами!

— С чего вы взяли? — удивился Джабир.

— Я почуял их запах, — с достоинством ответил Майид. — Я различаю запах новой кожи от их амуниции и запах бензина от грузовика. Они нападут, как только мы покажемся из-за хижин.

— Но они же собираются взять нас живыми! — напомнил Джабир.

Майид пожал плечами.

— Гораздо проще убить нас и сообщить в Эр-Рияд, что мы оказали сопротивление.

Дэйн сказал:

— Хорошо, теперь пусть кто-нибудь спешится и делает вид, что поправляет на верблюде груз.

Майид шепотом передал распоряжение, и один из раканцев спустился на землю и начал возиться с багажом. Остальные остановились и ждали.

— Что вы думаете о контратаке? — поинтересовался Дэйн.

Джабир кивнул, а Майид сказал:

— Обхитрить хитрецов — самая лучшая тактика на войне. Давайте поделимся и внезапно нападём с двух сторон из-за хижин!

— Может, они на это и рассчитывают?

— Вполне возможно... Тогда что?

— Насколько крепкие стены у этих развалюх? — спросил Дэйн.

— Их запросто можно пробить ногой.

— Прекрасно. Значит, несколько человек поедут вперед, но повернут, как только начнется стрельба. Остальные объедут хижины с флангов. Вы, я и Джабир поедём напрямик через хижины.

— План мне нравится, — сказал Майид. — Дэйн, вы должны были родиться бедуином! Теперь нам остается только положиться на удачу.

Джабир сказал:

— Надо ехать! Нельзя же перекладывать тюки всю ночь напролет!

— Пора! Повторю еще раз: первые трое едут вперед и поворачивают, как только загремят выстрелы; остальные — в объезд, а мы втроем будем прорываться напрямик, по центру. Видите тот холм в трех сотнях ярдов отсюда? Там соберемся, если останется, кому собираться.

Джабир пересказал план остальным. Дэйн спросил Майида:

— Как вы считаете, наши люди с этим справятся?

— Кто знает? Я уже говорил вам, это Арабдар, привычные больше к городу, чем к пустыне. Им, конечно, далеко до настоящих бедуинов. Но они все равно держатся неплохо.

— Скоро все решится. Все готовы, Джабир?

Джабир кивнул.

— Тогда скажи, чтоб тот заканчивал с тюками, и пусть первые трое отъезжают.

Джабир отдал приказания. Как только всадники двинулись, Майид сказал:

— Это будет славная заварушка, Дэйн! Если, конечно, нас тут не пристрелят.

Глава 12

Первые три всадника двинулись вперед медленно и без малейшего воодушевления. Они прекрасно поняли план контратаки, но не видели причины, по которой именно им придется принять на себя первый залп. Это было нечестно, это было ужасно несправедливо, но времени на споры не оставалось. И они поскакали вперед, надеясь на счастливую случайность. Им оставалось лишь молиться, а там — будь что будет, по воле Аллаха!

Трое всадников выехали за ряд убогих строений и, едва заведя отблески последних лучей заходящего солнца на стволах винтовок притаившихся в засаде солдат, соскочили на землю, прячась за телами своих верблюдов. Хриплый голос выкрикнул команду, загрели выстрелы, верблюды повалились на землю и забились в агонии.

В это же самое время еще две группы всадников быстрым галопом объехали хижины с двух сторон и с пронзительными дикими воплями налетели на сидевших в засаде солдат, беспорядочно паля из винтовок. Солдат было не так уж и много, и они смотрели в основном на первую группу всадников. Но там был еще и пулемет пятидесятого калибра, развернутый как раз на нападавших с тылу. Саудовцы тоже слышали кое-что о контратаках.

Но пути к отступлению не было, потому что верблюда, который несется галопом, остановить и даже повернуть практически невозможно. И ракканцы поскакали прямо на вражескую позицию, завывая, как безумные дервиши.

Пулеметчик от неожиданности растерялся и нажал на гашетку, не успев как следует нацелить свою машину. Тяжелый ствол тут же запрокинулся от отдачи, и первая очередь пуль ушла в небо. Отчаянно матерясь, пулеметчик крепче ухватился за рукоятку и сумел развернуть ствол, так что даже успел подстрелить одного из всадников и проделать ровную линию дырок в одной из седельных сумок. Но тут всадники налетели на него и копытом верблюда пулеметчику пробило череп, так что его мозги вылетели на песок.

Дэйн, Джабир и Майид, как и собирались, поскакали на-

прямик через последнюю хижину. Могучие верблюды легко проломили переднюю стену, и всадники рванули вперед, мельком заметив женщину с тремя маленькими ребятишками, которые забились в угол, стараясь не попасть под копыта и обломки глиняной стенки. Задняя стена сразу же рухнула под напором животных, и трое всадников оказались в самой гуще растерянных и перепуганных солдат. Ракканцы, нападавшие сзади, как раз только что налетели на засаду, учинив здесь жуткий переполюх.

В такой беспорядочной толпе стрелять из ружей было бы чистым самоубийством, поэтому Дэйн и Джабир пришпорили своих верблюдов и понеслись вперед, раздавая направо и налево удары прикладами. Майид выкрикнул какую-то непристойность и соскочил с верблюда.

Ракканцы, не в силах унять разгоряченных животных, ломались прямо по головам саудовских солдат и старались держать к приметному холму, который показывал Дэйн.

Майид с карабином в одной руке и длинным ножом в другой, проложил себе дорогу обратно к верблюду и ловко взобрался в седло. Дико шерясь, он крикнул Дэйну:

— Ну что, поехали? Или, может, лучше останемся и перебьем этих собак?

— Двигаем отсюда, и по-быстрому!

Верблюдам тоже не терпелось выбраться из этой свалки. Как только толпа солдат осталась позади, верблюды, выкатив глаза и оскалив пасти, рванули бешеным галопом куда подалее. Пожалуй, сейчас они могли бы дать фору и газелям.

Позади сержант хрипло выкрикивал какие-то приказания во всю силу своих легких, стараясь хоть как-нибудь привести солдат в чувство. Четверо солдат торопливо разворачивали станковый пулемет, но так суетились, что перестарались и опрокинули его на землю. Пока они поставили пулемет на место, отряд Дэйна уже убрался из зоны обстрела. Солдаты все равно начали стрелять, хотя бы для того, чтобы доказать самим себе, что с боевым духом у них все в порядке.

— Великолепно! Просто великолепно! — крикнул Майид. — Я сложу поэму об этой битве! Какое изысканное и утонченное искусство боя!

— Да, неплохо вышло, — согласился Дэйн.

Перед ними вырос тот самый одинокий холм, возле которого собрались остальные участники экспедиции — взволнованные, радостно возбужденные, вдохновленные успехом. Сейчас они чувствовали себя непобедимыми.

— Потери есть? — спросил Дэйн.

Один из ракканцев ответил:

— Хасса подстрелили из пулемета, когда мы напали сзади, а Мазайад погиб, когда пробивались сквозь саму засаду. Да еще Ридана из первой группы убили из винтовки.

— Раненые есть?

— У меня слегка задето бедро, но рана поверхностная, ничего серьезного. А Амару попали в живот, он не протянет и часа. Убили двух верблюдов, одного ранили — и вылечить вряд ли получится, и еще одного слегка задело.

— Трое убитых, один тяжело ранен, скоро умрет — ничего себе атака! — раздраженно произнес Дэйн.

— Отличная атака! — возразил ракканец. — Мы перестреляли не меньше пятнадцати этих собак!

Сам Дэйн насчитал только шесть или семь, может, еще одного-двух не заметил. Но он не стал ничего говорить, пусть себе наслаждаются победой.

— Значит, мы потеряли четверых людей, считая и Амара, и трех верблюдов, — сказал Майид. — Придется двоим ехать вместе. Ты, Омар, и ты, Бадр, вроде бы полегче остальных. Залезайте вдвоем на верблюда Ридана. Но сперва снимите воду и поклажу с убитых животных. Пошевеливайтесь, нам надо поскорее убраться отсюда!

Когда тюки с мертвого верблюда перегрузили на оставшихся, раненный в живот Амар уже едва дышал. Он был без сознания, и пульс на шее почти не прощупывался.

— Нам некогда ожидать, пока он померет! — заявил Джабир. — Поехали, надо торопиться!

Все согласились. Амара оставили лежать на песке, подложив ему под голову шерстяную попону и прикрыв живот плащом, чтобы по ране не ползали мухи. Отряд рысью потрусил на восток, к побережью.

— Куда мы едем? — спросил Джабир.

— Не знаю. Обсудим позже. А пока что надо убраться отсюда как можно дальше, — ответил Майид.

Дэйн и Джабир кивнули в знак согласия. Всадники держались тесной группой и скакали довольно медленно, чтобы верблюды немного отдохнули после боя. Позади вспыхнул и погас последний солнечный лучик — как будто кто-то погасил свечу. И на пустыню внезапно опустилась ночь.

Глава 13

Полчаса спустя Дэйн спросил Майида:

— Зачем ты прыгнул с верблюда посреди боя?

— Чтобы они не смогли сразу погнаться за нами!

— Как это?

— Я добрался до их грузовика и проделал дыры в обеих передних крышках.

Джабир спросил:

— Разве у них нет запасных?

— Есть, конечно, только вряд ли во всем Вабра найдутся еще одни специальные крышки для езды по сыпучим пескам!

— Неплохо сработано. А пока ты там орудовал, ты случайно не выпустил пару пуль в мотор этого их грузовика? — спросил Дэйн.

Майид схватился за голову:

— И как я не додумался?! Шайтановы дети! Правда, во время боя всегда так — ты нацеливаешься на что-то одно, и все остальное напрочь вылетает из головы.

— Они могут починить крышки, — заметил Джабир. — На это уйдет час, а то и меньше, и они погонятся за нами. Быстро эти грузовики ездят по песку?

— Гораздо быстрее, чем верблюд, скачущий галопом, — ответил Майид.

— Так надо ехать быстрее!

— Еще не время. А то мы заморим верблюдов насмерть.

Некоторое время ехали молча. Потом Дэйн сказал:

— Они не станут гнаться за нами ночью. А наутро ветер заметет все следы.

— Не важно, что там сделает ветер, — уныло отозвался Майид. — Во всех этих саудовских крепостях есть охотники клана Мурра. Их мастерство вошло в поговорку. Это люди из самой южной пустыни, почти безлюдной и выжженной солнцем. И эти мурра, глянув на след верблюда, могут тут же рассказать, какого верблюд пола, молодой он или старый, свежий или загнанный, белый или коричневый, могут даже угадать, будет ли у верблюдицы потомство. Глянув на любой холмик, который для вас или для меня — просто кучка песка, нанесенного ветром, мурра может узнать, вправду ли это работа ветра или же кто-то оставил свой след. А уж если это в самом деле чей-то след, мурра поймет по нему, куда тот след ведет, и сколько народу здесь прошло, и даже тяжелой ли была их поклажа!

— Очередная красивая байка! — недоверчиво бросил Джабир.

— Погоди немного и убедишься сам, — невозмутимо ответил Майид. — Все, что мы выиграем за ночь, саудовцы наверстают за завтрашний день на своем грузовике... О Аллах, ну почему я не стрельнул в мотор?!

— Сколько ехать отсюда до побережья? — спросил Дэйн.

— Примерно две ночи и два дня, — ответил Майид. — Это если мы загоним верблюдов насмерть.

— А сколько надо саудовцам, чтобы нас перехватить?

— Ночь, день и еще ночь. Это самое большее. Если у них хороший грузовик, они справятся даже быстрее.

— Не особо радужные перспективы. Есть какие-нибудь мысли на этот счет, Джабир? Майид?

Джабир покачал головой. Майид сказал:

— Нам остается только молиться. Но добраться до Катифа мы сможем только чудом.

— Возможно, чудо нам и не понадобится, — сказал Дэйн. — Мы теперь едем не в Катиф.

Джабир в изумлении уставился на него и возразил:

— Но мы должны ехать в Катиф! Там нас ждет лодка и машина, все уже давно подготовлено!

— Знаю. Как раз поэтому мы туда и не поедем, — ответил Дэйн.

— Ничего себе объяснение! — негодовал Джабир.

— Все до смешного просто. Кому-то известно почти все, что мы запланировали. Это очевидно. Кто-то знал, что мы поедем риядской дорогой и обязательно будем проезжать Вабру. Этот кто-то предупредил саудовцев, которые с недавних пор стали относиться к нам не очень-то дружелюбно. И конечно, ему известно, что мы направляемся в Катиф. Поэтому там нас скорее всего будут поджидать, если, конечно, саудовский патруль не перехватит нас по дороге.

— Никак не могу понять, почему саудовцы пытаются нам помешать? — сказал Майид.

— Что ж тут непонятного? — отозвался Джабир. — Они попросту еще раз нас предали — эти саудовцы известны своим вероломством.

— Так-то оно так... Только какое-то странное у них на этот раз предательство.

— Стоит ли над этим сейчас раздумывать? — сказал Джабир. — У нас имеются более насущные заботы, разве не так?

— Не скажи. Если мы сообразим, что происходит, мы, может быть, сумеем выпутаться из этих неприятностей, — возразил Дэйн. — Что ты там говорил, Майид, про странности саудовцев?

— По-моему, они слишком перемудрили со своими хитростями. Согласитесь, мы и так верили, что они наши друзья. Они раздобыли именное кольцо Рауди — или хорошую подделку — и послали человека в Ракку передать Бен Алиме, что он должен убить Дэйна. Все хорошо и разумно. Союзники получают разные послания. Но к чему тогда эти сложности с посланником? Зачем им говорить, что он оман и приехал прямо из Катара, от Комитета, а не от Харба из Эр-Рияда? С этим именным кольцом Бен Алима точно так же поверил бы посланию и от саудовцев. Я немного разбираюсь в интригах и должен заметить, что чрезмерное усложнение только сводит на нет все усилия.

— Но, с другой стороны, зачем бы это саудовцам на нас нападать? А они именно это и делают, мы уже убедились, — сказал Джабир. — Получается, они помогают своим врагам — иракцам? Да ни за что на свете!

— Но по какой-то загадочной причине они все же на нас напали, — заметил Дэйн.

— Возможно, саудовцы на этот раз хотят выступить против самой Ракки? — предположил Майид.

— Наверняка так и есть! — поддержал его Джабир. — В конце концов, ну кто не польстится на кусок земли, насквозь пропитанной нефтью, пусть даже у себя дома этой нефти хоть залейся? Но саудовцам нет смысла замышлять такое, потому что Ирак ни за что этого не допустит. Иракцы могут спокойно остаться в стороне и даже признать независимость Ракки, если революция победит. Но они непременно двинут свои армии через Хайяру и раздолбают саудовцев в пух и прах, если те захватят хоть один квадратный метр ракканской земли.

— Иракцы и сами могут захватить Ракку, — сказал Дэйн. — И саудовцы наверняка об этом знают.

— Конечно, знают! Но кто знает, что за всем этим стоит, Дэйн-саид? — продолжал Джабир. — Учитывая, что вы у нас не предатель, — а мы уже успели в этом убедиться...

— Ну, спасибо... Черт их знает, этих саудовцев, — почему они вдруг решили на нас напасть? Лучше давайте подумаем, куда нам теперь деваться.

— Вы в самом деле думаете, что они поджидают нас в Катифе? — не сдавался Джабир.

— Вы еще сомневаетесь?

— Конечно, это не лишено смысла... Мне просто очень жаль, что все приготовления пойдут прахом. И оттуда так близко до англичан в Бахрейне, так близко до Катара!

— Ничего не поделаешь. Надо придумать что-то другое, — сказал Дэйн.

— Может, у нас получится перехитрить саудовцев? — сказал Джабир. — Что, если мы поедем как будто в сторону Катифа, а потом резко свернем и свяжемся с иностранными нефтяными компаниями в Дахране?

— Мы можем обмануть саудовцев, но не их мурранского следопыта, — заметил Майид. — И до Дахрана ехать на полдня дольше, а мы и так проигрываем во времени.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Джабир.

— Надо ехать прямо к побережью со всей скоростью, на которую способны наши верблюды. Будем держать напрямик к Джубайлу или Бахри. Это довольно крупные порты рыбо-

ловов и ловцов жемчуга. И это ближайшие отсюда города на побережье Хаса.

— Как раз этого саудовцы от нас и ожидают! — сказал Джабир.

— Мы не можем замахать руками и взлететь на небо — хотя уж этого-то саудовцы от нас точно не ожидают! Что скажешь, Дэйн?

— Чего тут говорить! Сколько мы выигрываем во времени, если поедем в Джубаил вместо Катифа?

— Полдня. Если очень повезет — день.

— Значит, так и сделаем. Майид, ты знаешь туда дорогу?

— Конечно! Джубаил стоит на землях моего клана, на земле Авазим! Я знаю здесь каждый холмик и каждую долину, каждый камешек и каждую горсть песка!

— Не забывайте, что у нас нет рафика для Джубаила! — напомнил Джабир.

— В самом городе документы нам не понадобятся, а в пустыне — пули саудовцев ничем не лучше пуль азии.

— Что ж, решено! Майид, нельзя ли ехать побыстрее? — спросил Дэйн.

— Попробуем. Хэй-я, вперед! — и он подстегнул верблюда.

Верблюд побежал быстрее, фыркая и ворча. Остальные животные старались не отстать от вожака. Дэйн сказал Джабиру:

— Главное, не напрягай колени! В этом весь секрет езды на верблюде.

— Дэйн, ты иногда бываешь жутким занудой!

— О тебе же забочусь! — откликнулся Дэйн. Дальше разговаривать стало некогда — американец был полностью поглощен скачкой и старался не напрягать колени.

Глава 14

День шестой

Всю ночь всадники скакали в быстром темпе, заданном с вечера Майидом. Звезды в бездонном небе над пустыней сияли необычайно ярко, так что Дэйн, глядя на небо, позабыл даже о хрусте песка на зубах и почти не замечал тяжелого жи-

вотного запаха, исходившего от разгоряченного скачкой верблюда. Почти, но не совсем.

Чернота неба сменилась глубоким серым цветом, звезды начали гаснуть. Майид взял прядь волос и поднял их к небу. Он заявил, что уже может различить волосы на фоне неба, так что пришло время для утренней молитвы. Отряд остановился, все спешили и сотворили намаз. Как только моление окончилось, Майид скомандовал отправляться, не позволив даже выпить утреннюю чашечку кофе. Можно попить воды и пожевать сушеного мяса, не сходя с седла, и можно будет хоть год потом давать отдых ногам — если удастся ускользнуть из Саудовской Аравии.

На небе сменилось бесчисленное множество оттенков серого, звезды медленно меркли и наконец угасли совсем. Впереди над горизонтом блеснул край солнца цвета львиной шкуры, но бледные пока солнечные лучи не прогнали ночного холода. Солнце быстро поднималось, безжалостный ослепительный свет озарил каждую трещину, каждую морщину на истерзанной пустынной земле. С северо-запада потянуло легким ветерком — Майид назвал его «шамалем». Это означало, что смертоносная летняя жара заканчивалась, близилась осенние муссоны.

К полудню Майид довел отряд до небольшого колодца, называвшегося Аркайми. Там, кроме них, никого не оказалось, и путники жадно припали к воде, напоили верблюдов и наполнили свежей водой бурдюки и фляги. Быстро пообедали. Майид сказал Джабиру и Дэйну, что это их последняя остановка в северной части Джафурской пустыни. До самого Джубайла или Бахри на побережье Хаса им больше не встретится ни одного поселения, ни одного колодца. Но другим Майид этого говорить не стал, чтобы не волновать понапрасну непривычных к пустыне ракканцев.

Впереди лежало полторы сотни миль пустыни, местами каменистой, но в основном песчаной. Большинство ракканцев тяжело пережили вчерашний отчаянный прорыв сквозь засаду саудовских солдат и сейчас были угнетены, буквально выбиты из колеи. Верблюды очень устали после долгого изнурительного лета и не были готовы к такому длительному и напряженному переходу.

— Погляди, какие у них маленькие и сморщенные горбы! — сказал Майид Дэйну. — За последние месяцы беднягам пришлось немало потрудиться. На этих верблюдах нельзя ехать так далеко! На них сейчас вообще лучше не ездить. Беднягам нужен хороший уход и кормежка и небольшие прогулки по паре миль в день.

— Все это прекрасно, но саудовцы повисли у нас на хвосте и буквально дышат нам в затылок...

Майид со вздохом произнес:

— Да, придется загнать их до смерти. Только вот как быть, если они падут до того, как мы выберемся на побережье?

— Тогда нам конец. Если нас и не прикончат саудовцы, пустыня прекрасно с этим справится сама, — отозвался Дэйн.

— Нам нельзя попадаться солдатам! Не забывай, мы подстрелили нескольких саудовцев, и они ясно дали нам понять, что думают по этому поводу. Этого запала хватит на несколько дней, и в конце концов они нас настигнут и приволокут наши головы обратно в Эр-Рияд. Дэйн, мы не должны этого допустить!

— Как же мы сможем им помешать, если уж эти мерзавцы нас поймают?

— Мы примем бой, Дэйн, и будем драться до последнего! Но если они станут брать верх, пообещай, чтопустишь пулю мне в голову, Дэйн! И не промахнешься. Ты сделаешь это для меня?

— Конечно, Майид. Обещаю.

— А потом лучше тебе и самому застрелиться, Дэйн-саид.

— Возможно.

Джабир прислушался к разговору.

— Вам не кажется, что это чем-то напоминает дешевую мыльную оперу?

— Если тебе так кажется, попади в плен к саудовцам, — ответил Майид. — Если уж нам суждено проиграть... Джабир, ты слыхал об игре в мяч?

— Естественно.

— Ну да, в нее же играют на всем полуострове! Только саудовские солдаты иногда вместо мяча используют чью-ни-

будь голову. Правда, гораздо чаще пленников просто закапывают по горло в песок, лицом к солнцу. И обрезают веки, чтоб ничего не пропустил. А сами садятся под навесом шагах в двадцати-тридцати и начинают есть, пить и веселиться повсякому. Так у них принято развлекаться, у саудовских солдат. Если хочешь, могу рассказать еще — поразвлекься они любят!

— Хватит, хватит! Вы, бедуины, такого понарасказываете! Я вообще предпочитаю не попадаться ни к кому в плен. Не пора ли нам ехать? — спросил Джабир.

— Пожалуй. И неплохо бы этими историями немного пострашать наших ракканцев, — сказал Дэйн. — Страх действует лучше всяких стимуляторов.

— Все зависит от человека. Иногда, наоборот, от страха он не сможет и пальцем двинуть! — заметил Джабир.

— Майид, ты лучше знаешь наших ракканцев. Если это их подстегнет, расскажи им парочку своих историй, — предложил Дэйн.

Майид кивнул.

— Хотел бы я рассказать что-нибудь этакое нашим верблюдам, чтобы они бежали сломя голову на край света! Кстати, Дэйн, пришло время сделать еще кое-что.

— Что?

— Сбросить с верблюдов весь лишний багаж, чтоб облегчить ношу. Только не прямо здесь, не на голом месте, где каждый кустик виден за милю. Я знаю, где мы это спрячем!

Все забрались в седла, и Майид повел отряд к изрезанной глубокими трещинами каменистой части пустыни. Возле одной из трещин он остановился. Провал был около пяти футов в ширину, дно терялось в непроглядном мраке.

Майид закричал:

— А теперь мы должны снять с верблюдов все лишнее, каждую мелочь, без которой можно дотянуть до побережья! Ради ваших верблюдов, ради спасения ваших собственных жизней — каждый лишний фунт отнимет у вас еще одну милю! Начинайте, сбрасывайте все в эту яму! Бросайте все седельные сумки, и шатры, если они у кого есть, и кожаные ружейные чехлы, и кофейные чашки, и кофемолки, и джезвы, и всю остальную посуду! Бросайте лишнюю одежду, и

украшения, и все запасное оружие! У каждого должна остаться только одна винтовка и одна полная обойма, — если саудовцы нас догонят, бой будет очень коротким. Оставьте по бурдюку с водой, и сумки с сушеным мясом и молочным порошком, и плащи.

Майид сновал между ракканцами, следил за выполнением своего приказа. Он позволил каждому оставить при себе кусу — чтобы в нужный момент, если будет на то воля Аллаха, было чем перерезать себе горло. Еще он велел всем оставить при себе все наличные деньги. У кого-то были индийские рупии, у кого-то иракские динары или саудовские риалы, но больше всего было увесистых талеров Марии-Терезии. У Дэйна имелась изрядная пачка долларов, рупий и фунтов стерлингов, и он спросил Майида, не хватит ли этого, чтоб не тащить тяжелые талеры.

— Может, и хватит. Не знаю, — сказал Майид. — Один Аллах знает, сколько стоит нанять корабль с командой в Джубаиле. Кроме того, может, удастся откупиться от саудовских солдат, если уж они нас настигнут. Но это вряд ли — мы же перестреляли их людей.

Все вещи, которые Майид велел оставить, были сброшены в пропасть. Ракканцы вовсю причитали о том, с чем пришлось расстаться. Почти все лишились самого дорогого, что у них было, — старинных чеканных наборов для кофе, которые достались от предков и передавались в их роду от отца к сыну из поколения в поколение.

Майид обошел трещину, заглянул в нее с разных сторон — дна так и не увидел. Тогда он сказал ракканцам:

— Слушайте меня! Я из клана Авазим, и ваши драгоценности спрятаны в земле моего клана, в месте, которое я всегда смогу найти. И я клянусь своей честью и честью моего клана, что ни один из азми их не получит! И как только смогу, я расскажу, что здесь произошло, великим шейхам Авазим, и они вернут вам все, что здесь погребено, кроме, может, только рассыпавшегося кофе! В этом я клянусь вам перед богом честью моей и моего отца и честью моего клана! А теперь — в седла!

И они припустили быстрой рысью по каменистой пусты-

не, между трещинами в граните и базальте, в глубине которых, казалось, бушевало адское пламя.

— Ты в самом деле собираешься вернуть им эти чашки? — спросил Дэйн.

— Я должен это сделать, если останусь в живых, — ответил на полном серьезе Майид. — А если случится так, что кто-нибудь из них погибнет, я верну эти вещи их сыновьям и женам. У меня нет выбора. Я должен это сделать, я ведь поклялся честью!

Глава 15

Отряд ехал по раскаленной добела пустыне к побережью Хаса. Майид знал каждый холмик в землях клана Авазим и держал напрямик — на восток, чуть забирая к югу. В полдень они остановились на несколько минут, но Майид не позволил никому пить, — вода нужна для верблюдов, сказал он, и ракканцы только уныло смотрели, как измученные животные утоляли жажду.

Они снова пустились в путь. Бело-желтое солнце, казалось, прилипло к безоблачному небу, не желая опускаться на ночь в Красное море. Дэйн время от времени поглядывал на него и был совершенно уверен, что проклятое светило не сдвинулось ни на дюйм в течение последнего часа. Похоже, оно решило повиснуть там навечно, чтобы всадники испеклись заживо прямо в седлах.

Но вот солнце наконец поплыло вниз, и в пустыне, как всегда неожиданно, наступил вечер. Майид остановил отряд, когда, по его расчетам, пришло время вечерней молитвы, и позволил ракканцам часок поваляться на стынушем песке — вовсе не ради них самих, объяснил безжалостный бедуин, а только чтобы дать короткую передышку верблюдам. Но вот они снова забрались в седла и поехали дальше на восток и чуть к югу, к побережью, в существование которого Дэйн уже почти не верил.

— В конце концов, грузовик с саудовцами нас еще не догнал, — обратился к нему Майид. — И это только потому,

что мы целый день не слезали с верблюдов. Ночь поможет нам скрыться.

— Когда мы доберемся до Джубаила? — спросил Дэйн.

— Если сможем и дальше выдержать такой темп и если не подведут верблюды, то, скорее всего, завтра к вечеру — да поможет нам Аллах!

— Но грузовик может нас нагнать уже утром.

— Может. Я вообще удивляюсь, что они до сих пор не показались. Наверное, у них не очень хороший следопыт-мурри или что-то не заладилось с мотором грузовика.

— Может, какая-нибудь шальная пуля в той перестрелке угодила в мотор? — предположил Джабир. — Может, нас вообще никто не преследует!

— Я знаю — они идут за нами, — убежденно заявил Майид.

— С чего это ты взял? Как вообще это можно узнать?

— Я просто знаю это, и все. Не могу объяснить, как. Настоящие бедуины чувствуют такое нутром. Только с таким предчувствием и можно выжить в этих жестоких пустынных землях, где вокруг — одни враги.

— Обыкновенные суеверия! — сказал Джабир.

— Горожанину этого не понять, так же, как многие другие простые вещи, — сказал Майид. — Гляди-ка, мы начали сдавать! Дэйн, Джабир, подгоните своих верблюдов! Нельзя терять темп!

Остаток ночи остался в сознании Дэйна как череда кошмарных видений, изредка прерывавшихся болью измученного тела и чувством оцепенения, охватившим мозг. С верблюдом все было в порядке, он не отставал от верблюда Майида, который бежал во главе отряда и задавал скорость. Дэйну ничего не оставалось делать, как только следить, чтоб поводья не выскользнули из пальцев, и дремать в седле с открытыми глазами.

Он вдруг ощутил, что панически боится — совершенно непонятно почему, — что звезды оторвутся от неба и упадут ему на голову. И никакие знания по астрономии не помогали перебороть этот страх. В другой раз ему показалось, что в де-

сяти шагах перед его верблюдом встала сплошная гранитная стена, но он не успел так резко остановить верблюда или свернуть — и пришлось пройти прямо сквозь эту стену. Потом земля как будто разверзлась прямо у его ног громадной пропастью, потом стала болотом, превратилась в зыбучую трясину и снова в обрыв. А когда ужасные видения ушли, реальность оказалась ничуть не краше — Дэйн с напроць онемевшими ногами колыхался на полумертвом от усталости верблюде, в легкие с хрипом врывался ледяной ночной воздух, щедро сдобренный песком и пылью, который драл глотку, как наждачная шкурка, веки на широко раскрытых глазах опухли и страшно болели, а перед глазами тянулась все та же однообразная безжизненная пустыня.

Часы бежали, из-за горизонта выплыл серебряный полумесяц молодой луны, и пытку жарой сменила пытка холодом. Задул ледяной шамаль — надо ж было ему начаться именно сейчас! Шамаль пронизывал до костей сквозь легкие летние одежды — холодный воздух с северо-востока, с заснеженных горных вершин Центрально-Азиатской возвышенности.

Отряд ехал, не останавливаясь, но уже не рысью, а шагом. И вот кто-то тихо сказал:

— Подождите!

Все встрепенулись. Говорил Мухаммед ибн-Хисса, который присоединился к отряду, чтобы провести их через земли Бани Халиди. Это был невысокий человек с вечно озабоченным выражением на усеянном мелкими оспинами лице. На памяти Дэйна он заговорил впервые.

— Слушайте! — сказал Мухаммед.

Майид отъехал немного назад и привстал в седле. Он глянул на Мухаммеда, который мотнул головой к западу. Майид шепотом велел остальным замолкнуть, поднял лицо к небу и застыл, сосредоточенно прислушиваясь.

Шли минуты, Дэйн ничего не мог расслышать, только ветер свистел да негромко всхрапывали верблюды. Но вот Майид опустил в седло и сказал Мухаммеду:

— Да, это грузовик.

— Скорее всего, — подтвердил тот.

— Где-то к северо-западу от нас, верно?

Мухаммед кивнул.

— И движется на северо-запад.

— Надеюсь, что так, — сказал Мухаммед.

Джабир сказал:

— Может, вы это все просто выдумываете? Я ровным счетом ничего не услышал!

— Это потому, что твои уши привычны только к звукам города, — пояснил Майид. — Негромкие звуки пустыни ускользают от тебя. А ты, Дэйн, слышишь мотор грузовика?

— Нет. Кстати, по-моему, мы давным-давно должны были увидеть свет его фар.

— Фары? — удивился Майид. — Ночью в пустыне фар не включают. Тем более когда за кем-то гонятся. Кроме того, зачем бы это им понадобилось, раз с ними мурранский проводник, который видит ночью не хуже кошки?

Майид снова повернулся к Мухаммеду:

— Ты знаешь колодец неподалеку отсюда, под названием Авайна?

— Знаю. Но я слышал, что этим летом он пересох.

— Раз уж он высох и раз уж ты об этом знаешь, саудовцам тоже это известно, и они не станут нас там искать. Дайте-ка подумать...

Майид прикрыл глаза руками и сосредоточился. Потом сказал:

— Во имя Аллаха! Если мы правильно распознали, в какую сторону они движутся, это означает, что саудовцы решили ехать в Тадж!

— Или в Хиннат, — предположил Мухаммед.

— Да, а может, в Нату! — Майид рассмеялся, Мухаммед тоже тихонько захихикал.

— Какого черта вы веселитесь? Что вас так рассмешило? — не выдержал Дэйн.

— Саудовцы! Мы смеемся над саудовцами! — отозвался Майид. — Понимаешь, у них, скорее всего, случилось вот что: они шли вначале за своим мурранским следопытом, он прекрасно распознавал наши следы и днем, и ночью и вел солдат точно за нами — они отставали всего на несколько миль. Но

саудовцы, видишь ли, давно перестали быть кочевниками и не особо доверяют старинным знаниям. Они теперь — серединка на половинку, отказались от старого и не приняли новое. Так что их сержанту, наверное, надоел дотошный проводник, который ползает по песку и раскапывает какие-то песчаные холмики. Наверное, солдаты устали от безделья, им надоело ждать, а может, у них оказалось маловато воды. И вот сержант сказал: «Ребята, у этих беглецов не хватит воды, чтобы напрямик добраться до побережья! А их верблюды были измотаны еще вчера, когда они прорвались через нашу засаду. И колодец Авайна пересох. Значит, они обязательно завернут к жилью! А единственное жилье здесь — Тадж и Хиннат, ну, может, еще Ната. Так что хватит тут без толку ковыряться в песке, надо поехать прямо в деревню и перехватить их там!»

Мухаммед снова хихикнул. Дэйн сказал:

— А что будет, когда они не найдут нас в тех деревеньках?

— Они немного попроклинают нас, потом извинятся перед своим проводником — иначе он никогда больше не станет иметь с ними дела — и спросят у него совета.

— И что он им скажет?

— Наверное, скажет, что дальше отслеживать нас бессмысленно. Судя по последним следам, мы должны быть где-то к югу от Таджа и направляемся, скорее всего, в Джубаил. Значит, скажет он, вы найдете их либо в Джубаиле, или где-нибудь в пустыне неподалеку от города — мертвыми, и гиены уже попиروвали на их костях.

— Значит, их ошибка, по большому счету, ничем нам не поможет? — спросил Джабир.

— Поможет, и очень, — уверил его Майид. — До этого наше положение было совершенно безнадежным. Нас могло спасти только чудо. И чудо свершилось — глупость этих саудовцев поистине подобна чуду! И у нас в запасе теперь еще полдня. И даже больше — если сержант упрется и решит осмотреть окрестности Хинната.

— Нам этого хватит? — спросил Дэйн.

— Ну, почти хватит. Нам нужно еще совсем немного, что-

бы успеть наверняка. Но в любом случае мы проживем на полдня дольше!

— Погоди, мне кажется... — Дэйн прислушался. — Да, я слышу — это гудит мотор грузовика! Чуть громче ветра... Слышишь, Джабир?

— Тихо, очень-очень тихо. — Дэйн с удовольствием отметил нотки неискренности в его голосе.

— В седла! У нас появилась надежда, братья! — закричал Майид. — Придется еще немного потерпеть, и — берегите своих верблюдов!

Ракканцы шепотом обругали Майида последними словами, но покорно взобрались на верблюдов и последовали за ним — снова немного к югу и на восток. Впереди, на побережье Хаса, их ждал Джубаил-аль-Бахри.

Глава 16

День седьмой

Наступило утро, и жестокое солнце снова поднялось на небосвод. Оно ослепительно сияло прямо перед глазами, безжалостно стегало измученных путников раскаленными лучами, словно безумец или сам дьявол, Шайтан аль-Кабир. Солнце терзало бедных верблюдов с непостижимой злобой и жестокостью, как будто вознамерилось медленно изжарить их прямо на ходу. Поднимаясь все выше и выше, оно все сильнее раскаляло воздух, песок, металл — так что вскоре к ружьям невозможно было притронуться, и даже седла стали горячими на ощупь. Ночной шамаль исчез, как будто его и не было, раскаленный воздух застыл, не заметно было ни малейшего дуновения ветерка.

Майид, с обожженным солнцем лицом и покрасневшими глазами, сказал Дэйну, что здешний климат, похоже, ничуть не лучше адских сковородок.

Один из ракканцев закричал, что видит сзади две или три темные фигуры и они движутся вслед за караваном! Майид пригляделся повнимательнее и невесело хмыкнул.

— Что там такое? — спросил Дэйн.

— Гиены. Учуют смерть и будут теперь бежать за нами, надеясь на поживу.

В небе над маленьким отрядом появился одинокий стеврятник, парящий на невидимых потоках воздуха. Он тоже ждет, сказал Майид Дэйну, и он будет насмерть биться с гиенами — впрочем, недолго.

Все молча ехали, едва держась в седлах от усталости. Проехали мимо остатков небольшого пересохшего оазиса. Внезапно один из ракканцев потерял сознание и повалился вниз головой на плотно слежавшийся песок.

Майид остановил отряд, спешился, влил в глотку бесчувственному ракканцу немного воды и брызнул несколько капель ему на лицо. Это не помогло, человек так и не пришел в себя, не пошевелился, дышал неровно и с хрипом. Майид не мог возиться с ним дольше. Он перекинул бесчувственное тело поперек седла и привязал веревкой, затем вновь сел в седло и погнал отряд в прежнем ритме.

Миновал полдень, а впереди по-прежнему простиралась бескрайняя пустыня. Один из верблюдов — молодой, светло-коричневой масти, довольно послушный (для верблюда) — неожиданно начал часто-часто кашлять. Майид внимательно прислушался и, похоже, вначале сильно обеспокоился.

— Плохо, очень плохо, — сказал он Дэйну. — Мы можем доехать, если потеряем кого-нибудь из людей, но без верблюдов нам никак...

— Он так сильно заболел?

— Сильно. С одной стороны, верблюды уже и так держатся на пределе выносливости. Но что гораздо хуже, этот кашель очень напоминает приступ манхуса — это такая болезнь легких. Надеюсь, я ошибся и все не так плохо — болезнь очень заразна, и остальные верблюды вполне могли ее подхватить.

— Он выживет?

— Нет.

— Надолго его еще хватит?

— Сам увидишь. Ждать уже недолго.

Они поднялись на небольшой холм. Светло-коричневый верблюд кашлял, как человек с последней стадией туберкулеза. Едва перевалили вершину и начали спуск, большое живот-

ное три раза оглушительно кашлянуло и замертво рухнуло на песок.

— Так умирают верблюды, — сказал Майид, снова оставив отряд.

— И так всегда — никаких особых признаков близкой смерти или едва заметные, — добавил Мухаммед ибн-Хисса, проводник из Халиди. — Кажется, что он готов бежать хоть на край света, но, как только наступает предел его сил, верблюд мгновенно падает и умирает.

— Так ты думаешь, это просто переутомление, не альманхус?

— Хотелось бы верить. Верблюд погиб слишком быстро, вряд ли у него были больные легкие. Мы будем забрасывать его песком, Майид?

— Это ни к чему. Если саудовцы в самом деле поперлись в Тадж, они сюда не вернуться. А если и так — мы к тому времени либо ускользнем от них, либо умрем.

— Ты прав. Надо, чтоб еще кто-нибудь сел вдвоем на одного верблюда.

Майид оглядел своих спутников и скомандовал:

— Али, сядешь позади Мубарака. Он все равно без сознания, так что будет вместо седельных сумок.

Они вновь поехали, вниз по песчаному склону и дальше по гранитной платформе, усеянной множеством огромных валунов. Платформа совсем чуть-чуть поднималась в гору, но измотанные верблюды еле ползли, пытаясь и отдуваясь, будто карабкались по скалистым пикам Акдара. Люди были измучены ничуть не меньше верблюдов. Ракканцы даже не пытались делать вид, что они прекрасные наездники, они буквально лежали с закрытыми глазами поперек верблюжьих спин, обхватив одной рукой шею животного, а другой цепляясь за луку седла. Мухаммед ибн-Хисса, наверное из-за неукротимой гордости своего клана, сидел в седле почти так же прямо, как в начале пути, и только иногда было заметно, что он устал не меньше прочих — когда халиди начинал внезапно крениться в сторону, но тут же хватался за луку седла и снова выпрямлялся, устыдившись своей слабости.

Майид, такой же сын пустыни, как Мухаммед, но более

крепкий и выносливый, сидел в седле прямо, поводья, как всегда, непринужденно свисали у него в руке. Казалось, он не испытывает никаких неудобств. Но тени на его лице, почти полностью закутанном кафьей, залегли глубже, чем обычно, и кожа стала темнее, чем всегда, и глаза превратились в багровые воспаленные шелочки.

Дэйн уже несколько раз бывал в пустыне, но никогда раньше ему не приходилось ехать так долго без отдыха и никогда — на верблюде. Ему очень не хватало нужного опыта, но он был на редкость вынослив, что, в свою очередь, объяснялось отличным сбалансированным питанием и таким медицинским обслуживанием, о котором ни бедуинам, ни ракканским горожанам не приходилось даже мечтать. Здоровье восполнило недостаток опыта, и Дэйн, хоть и устал, как не уставал никогда в жизни, сидел в седле почти так же уверенно, как Майид, и даже умудрился сохранить кое-какие силы про запас.

Джабиру тоже приходилось несладко. Араб, чуждый пустыне, он прожил жизнь в неплохих условиях и получал необходимую медицинскую помощь, но несравнимую с западными стандартами. Он легче переносил тяготы путешествия, чем ракканцы, которые всю жизнь питались в основном рисом да финиками, а мясо видели не чаще трех-четырёх раз в год. Он держался лучше их, но не намного. Тем не менее гордость не позволяла Джабиру показать слабость. Он ехал позади Дэйна, вперив взгляд в спину американца. И пока тот прямо сидит в седле, Джабир тоже не собирался сдаваться, если даже эти усилия замучают его до смерти.

Невоспетым героем похода был Турки ибн-Бадр, ракканский горожанин, раненный в бедро в последней перестрелке с саудовцами. Его рана была бы не слишком тяжелой, если бы он сейчас спокойно лежал на больничной койке, вместо того чтобы колыхаться под палящим солнцем поперек спины верблюда. Для такого изматывающего перехода рана была достаточно серьезной. Но мужественный ракканец наравне со всеми терпеливо сносил тяготы путешествия. Он чем мог перевязал свою рану, и никто пока не услышал от него ни слова жалобы.

...День полз невыносимо медленно. Верблюды, бежавшие весь день тяжелой рысью, к вечеру перешли на шаг, и никто на свете не смог бы заставить их двигаться хоть чуть-чуть быстрее.

Гиены бежали теперь совсем близко, на расстоянии винтовочного выстрела. Но они, казалось, знали, что сейчас никто не станет тратить силы на то, чтоб стрелять в обнаглевших трупоедов.

Стервятник по-прежнему кружил в вышине. К нему уже присоединился второй, и они на пару зависли в небе над головами путников, едва шевеля крыльями в горячих восходящих потоках. Как и гиены, они были в пределах досягаемости, но тоже были уверены, что никто не станет из-за этого беспокоиться и хвататься за ружье. Если ракканцам и хотелось сейчас кого-то убить, так это Майида, который завел их в эту глушь и теперь уже, наверное, не сможет найти дорогу обратно. Они не против были пристрелить заодно и американца, из-за которого, собственно, и был затеян этот безумный самоубийственный поход. А уж после можно было бы пришить и наглого гордеца-халиди, уже только за то, что этот истинный бедуин не скрывал презрения к горожанам и почему-то считал себя лучше их.

Но ни у кого не оставалось сил на убийство, хотя некоторым ракканцам уже начали приходить на ум такие мысли.

Все хорошее в этом мире когда-нибудь заканчивается. Но то же самое случается и со всем плохим. Вечером Майид увидел на севере три приземистых холма, а на юге — изогнутый подковой базальтовый выступ. Он выпрямился в седле и стал внимательно вглядываться вперед, придерживая опухшие веки обеими руками.

Остальные остановились и ждали, не отваживаясь на что-то надеяться. Майид долго вглядывался в горизонт, переводя взор с севера на юг и обратно. Потом нахмурился и вновь опустил в седле.

— Похоже на то, что я допустил ужасную ошибку! — мрачно сказал он Дэйну.

— Ты хочешь сказать, мы оказались не там, где надо?

На лице Майида отразилась глубокая удрученность и досада.

— Ты угадал. Что я за дурак! Как мог я, чистокровный азми, совершить такую тупую ошибку?!

Ракканцы внимательно прислушивались к разговору. Кое-кто из них начал нервно поглаживать пальцами винтовки.

— Не там, где надо! — гневно выкрикнул Джабир, пряча за злостью растерянность и отчаяние. — О многомудрый азми, не хочешь ли ты признать, что ты заблудился в пустыне?!

Дэйн заметил, что Мухаммед ибн-Хисса ничуть не встревожен. Более того, халиди даже, похоже, изо всех сил старался не улыбнуться.

— Заблудился? Нет, о Джабир, я сказал совсем не это, — продолжал Майид. — А только то, что мы оказались не там, где я рассчитывал.

— Будь так добр, объясни убогому, что это значит! — проронил Джабир, и голос его прозвучал, как шелест вылетевшего из ножен меча, готового скреститься с мечом врага.

— Я думал, мы окажемся немного южнее, — ответил Майид. — Но я ошибся и никак не могу понять, почему! Впрочем, Джубаил-аль-Бахри прямо перед нами, примерно в трех милях отсюда.

— Ты хочешь сказать, мы у цели? — недоверчиво спросил Джабир.

— Естественно! Но я сказал правду — мы не там, где должны были оказаться! Я рассчитывал, что мы выйдем вон там.

И Майид указал на кучу валунов примерно в пятидесяти ярдах от места, где остановился отряд, неотличимую от любой другой кучи валунов.

Мухаммед ибн-Хисса не выдержал и рассмеялся шутке. Он смеялся, как мог, хотя смех его более походил на лай волка, бил себя ладонями в грудь, подбрасывал в воздух винтовку и тут же ловко подхватывал ее. Наконец к нему вернулась серьезность.

— Только азми мог так промахнуться! — сказал он Майи-

ду. — Авазими никогда не знают, куда едут, — доказательством тому твои собственные слова!

Джабир спросил:

— Вы точно уверены, что мы вышли к Джубаилу?

— Погляди сам! Смотри прямо перед собой и чуть вправо. Вот так! Видишь, там верхушка водонапорной башни?

Джабир посмотрел в том направлении и кивнул. Ему пришлось проглотить свою злость.

— В самом деле. Ты совершил невозможное, Майид! Ты настоящий мужчина, и клан Авазим может гордиться тобой!

Ракканцы начали благодарить проводника, не очень энергично, зато искренне. Дэйн поздравил Майида. Мухаммед Халиди улыбнулся и кивнул.

— Неплохо, азми! — сказал он, как будто не произошло ничего необычного. Впрочем, он и сам запросто мог с этим справиться.

Отряд снова пустился в путь, держа на водонапорную башню. Ее вид влил в измученных ракканцев новые силы, и даже верблюды, казалось, почувствовали близкое окончание путешествия, потому что перешли на рысь.

— Нам нельзя въезжать в город всем вместе, — сказал Дэйн. — Хотя мы, похоже, оставили в дураках саудовцев с их грузовиком.

— Похоже на то. Но радоваться рано, — сказал Майид. — Саудовцы могли поехать из Таджа прямо в Джубаил по новой южной дороге и сейчас поджидают нас на окраине города. Или, не найдя нас в тех селениях, они могли вернуться к нашему следу и сейчас находятся в какой-нибудь паре миль у нас за спиной. Одно можно сказать наверняка: грузовика мы сейчас не видим — но только сейчас. И если я хоть что-нибудь понимаю в саудовцах, они обязательно появятся — рано или поздно!

Майид повернулся к ракканцам:

— Слушайте меня! С этой минуты кто-нибудь должен все время смотреть назад! Ни на мгновение не спускайте глаз с наших тылов! И держите винтовки наготове!

Глава 17

Солдаты саудовского патруля были людьми упорными, выносливыми и злопамятными. Они прошли отличную выучку по западным военным канонам. А их сержант был воплощенным идеалом всех этих качеств. Он родился и вырос в Джидде. Бедный, лишенный поддержки клана и без нужных связей в верхах, он вступил в саудовскую армию и собственным упорством пробивал себе дорогу. Способность воспринимать и впитывать новые знания восполняла недостатки его положения. Повышение по службе он заслужил своим старанием и настойчивостью, постигая тайны военного мастерства под руководством западных инструкторов. И вскоре сержант вполне мог рассчитывать на офицерский чин.

Это был самоуверенный и упрямый человек, его характер сформировался под влиянием жизненных обстоятельств. И для него было естественным уважительно относиться только к самому себе и смотреть свысока на всех прочих. Сержанту не нравились люди впечатлительные, доверяющие своей интуиции, поскольку сам он особой чувствительностью не отличался. Он ненавидел кочевников как горожанин и ненавидел все кланы кочевников, сохранившие независимость, поскольку происходил из разбитого в межклановых стычках семейства, от которого мало что осталось.

Мурранский проводник, прикомандированный к отряду саудовцев, был высоким, полным достоинства кочевником из Даханской пустыни, земли его клана лежали где-то за Рубаль-Хали. Мурри не умел ни читать, ни писать и имел весьма своеобразное представление о странах, граничащих с Южной Аравией. Он слышал об Африке, Пакистане, Америке, России, Иране, Индии, но его мнение о размерах и расположении этих стран было довольно странным и далеким от истины. Но мурри нисколько не беспокоила столь чудовищная неосведомленность в таких общеизвестных вопросах. Он знал почти все, что вообще стоило знать о юго-восточной части Аравийского полуострова, от Хадраута далеко на юге до Ан-Нафуда на самом севере. Кроме того, он на память знал Коран и все, что только можно, о гордом клане Мурра. А еще проводник прекрасно знал имена и деяния всех своих

предков до седьмого колена и при каждом удобном случае начинал их перечислять в подробностях. Впрочем, и безо всякого подходящего случая тоже.

Сержант его терпеть не мог и сносил только в надежде на то, что в один прекрасный день станет офицером и ему не придется общаться непосредственно с этим дикарем.

Смирив свое недовольство, сержант позволил мурранскому следопыту вести отряд через пустынные земли западного Суммана. С закипавшей все сильнее досадой и неприязнью он следил за тем, как дотошный мурри рыскал по песчаным холмам, разнюхивая следы ракканского отряда, возбужденно размахивая при этом руками с видом дешевого фокусника. Такой способ преследования сводил на нет все преимущества быстроходного грузовика, но мурри не было дела до какой-то спешки. Лично у него времени было до черта, и главное было не уронить свое достоинство, а также честь своих предков и всего клана Мурра. А потому мурри ползал по песку, выискивая остатки следов, не обращая внимания на время, и своей дотошностью тянул жилы из сержанта.

Первую сотню миль сержант мирился с таким ужасающим промедлением, но неприязнь к медлительному мурри все росла. А тот как ни в чем не бывало подбирал с песка какие-то чешуйки отшелушившейся кожи, обрывки старой одежды, куски верблюжьего дерьма, находил какие-то отпечатки верблюжьих ног... «О, это ни в коем случае не человеческий след! Это именно следы верблюда, верблюда с побережья Батина. И один из этих верблюдов хромает на правую переднюю ногу. Мой прапрадед, почтенный Вадха аль-Амаш, часто говаривал...»

Через сто миль невыносимо медленного рейда, ставшего таким из-за нерасторопности мурранского следопыта, неприязнь сержанта переросла в глубокую, горячую ненависть. А вместе с ненавистью пришло и недоверие к дедовским способам поиска, и сомнение в его человеческих возможностях.

Верблюжье дерьмо, неразличимые кусочки кожи, старое тряпье — такой ерундой пусть занимается какой-нибудь другой умник! Сержант учился у опытного и высокообразованного немецкого офицера, у которого был большой опыт

войны в пустыне — он служил в Африканском танковом корпусе великого генерала Роммеля! Немец говорил о прекрасном искусстве тактики и стратегии, о широких возможностях дислокации танков в пустыне, о линиях коммуникаций, налаженном снабжении, оперативных базах...

Оперативные базы! Конечно же, именно это необходимо беглецам! Даже этот возмутительный мурри заверял, что их верблюды в ужасном состоянии. Они не рассчитывали, что придется убегать от погони, у них не было возможности подготовиться к дальнему броску через пустыню. Разве они могли надеяться достичь побережья без остановки? Вряд ли. Такое безумие не могло прийти им в головы. Им нужна была оперативная база, чтобы хоть несколько часов передохнуть и подготовиться к маршу.

Сержант сверился со своей картой и принял решение.

— Мы едем в деревню Тадж, — скомандовал он водителю. — Следи за компасом, ориентируйся на местности! Тадж должна быть к северо-западу отсюда, значит, поворачиваем на сорок пять градусов.

— Но они идут не туда! — возмутился следопыт. — Знаки на песке сказали мне, что беглецы держат на восток и немного к югу!

— Может, ты и разбираешься в следах, зато я кое-что знаю о человеческой выносливости, особенно если эти люди не родились в пустынной глуши, как почтенный аль-Мурра. Водитель, гони к Тадж! Выжми из этого драндулета все что можно!

Мурри много чего мог сказать на это, причем много чего очень нелестного в адрес сержанта, но следопыт был человеком гордым и сдержал свои чувства. Он с независимым выражением уселся в кузов и не проронил ни слова. Пусть сержант разбирается с этими беглецами, как ему угодно. Что можно сказать человеку, который тебя не слышит? Как говорил его прапрапрадед по отцовской линии...

Сержант обыскал всю деревушку Тадж и допросил перепуганных местных жителей. Ничего не обнаружив, он вихрем понесся к Хиннату. С лицом мрачнее тучи сержант порыскал

по Хиннату и снова не нашел никаких следов пребывания беглецов. Но местные скотоводы были так напуганы видом саудовских солдат, что сержант заподозрил неладное. Наверное, беглецы все же проезжали здесь!

Он поехал в Нату, уже немного сомневаясь в правильности своего решения. Жители Хинната с несказанным облегчением следили, как грузовик скрывается в пустыне. Они приняли этот отряд за очередных саудовских сборщиков податей.

В Нате сержант пришел в еще большую ярость, а селяне казались перепуганными еще сильнее, чем в Хиннате. Ничего не обнаружив, сержант велел схватить какого-то араба из толпы, который был испуган больше остальных, плотного низенького человечка с хитрыми лисьими глазами. Сержант уединился с ним в одной из хижин и решил расспросить по-своему. Он прихватил для такого случая жесткий верблюжий хлыст, чтобы дикарь стал поразговорчивее.

Этот араб пару лет назад украл в Сарраре серебряный браслет и решил теперь, что до него наконец добрались полицейские. Это была необдуманная юношеская проделка, но она грозила вору потерей правой руки, если бы он попался палачу Эр-Рияда. Узнав же, чего хочет саудовский сержант, араб заметно успокоился и возблагодарил Аллаха. Он внимательно выслушал грозного вояку и наплел ему всяких небылиц — короче, сказал именно то, что сержант хотел услышать.

Сержант выскочил из лачуги и обратился к своим:

— Так и есть! Этот олух видел неподалеку отсюда отряд примерно в десяток человек, на верблюдах. Он решил, что это аймани, и спрятался, но следил за ними и видел, что отряд ехал на восток и немного к северу. Значит, ракканские ублюдки едут в Абу-Хадрийя. Наверняка где-то там их ожидает корабль!

— Это невозможно! — не сдержался мурри. — Они не могут ехать в Абу-Хадрийя! Это гораздо севернее, они держат на юг! Все знаки...

— Избавь меня от своих нелепых причитаний! — оборвал его сержант. — Ты видел какие-то куски дерьма и что-то похожее на верблюжьи следы, а этот человек видел двенадцать

человек на верблюдах, которые ехали к побережью! Мы едем в Абу-Хадрийя! Водитель, быстро!

Вор легко догадался со слов самого сержанта, какова численность отряда беглецов, и быстро сориентировался в ситуации. Но теперь у него появилось настоящее желание съездить, например, в Кувейт.

— Нетрудно догадаться, что тут произошло! — разъярялся подобранный сержант мурранскому следопыту. — Эти ублюдки наверняка взяли припасы и свежих верблюдов у брехливых собак из Тадж или Хинната. Когда мы поймем ракканцев, я вернусь и поговорю по-своему с этими шакалами!

Мурри сидел с отрешенным лицом, скрестив руки на груди. За всю оставшуюся дорогу он не проронил ни слова.

Глава 18

Дни восьмой и девятый

Благодаря богам пустыни и глупому упрямству сержанта-джидданца отряд Дэйна добрался до окраин Джубаила, так и не услышав громохота грузовика за спиной. Они не отважились пробираться в город днем, поскольку резонно решили, что приказ об их аресте разослан по телеграфу во все городки на побережье Хаса. Поэтому беглецы до вечера прятались среди нагромождения гранитных скал, надеясь, что грузовик с солдатами, который не показался до сих пор, по времени еще немного.

После заката они забили всех верблюдов, разделив на мясо того, который показался Майиду и Мухаммеду самым молодым и нежным. Дэйну прожаренное на костре верблюжье мясо все равно показалось не мягче подметки. Но он был так голоден, что проглотил свой кусок, почти не разжевывая.

Они выпили остатки воды и зарыли в песок верблюжьи останки, фляги, седла и все остальное снаряжение. Это было необходимо: полиция искала группу из десяти-двенадцати всадников, и теперь такой группы просто не существовало. Не было даже просто группы — они решили пробираться в город по двое-трое и с разных сторон.

Дэйн настоял, чтобы винтовки тоже остались здесь, и

Майид, поколебавшись, согласился с ним. Он объяснил, что в Джубаиле винтовки не более уместны, чем в Ракке. И полицейские, которые иногда закрывают глаза на подобные нарушения закона, на этот раз не станут церемониться, потому что они наверняка получили приказ о поимке беглецов. Кроме того, винтовки не помогут против хорошо организованной полиции, вооруженной автоматами.

Людам, которые привыкли к своим винтовкам и даже стали считать их чем-то вроде талисмана на счастье, было тяжело решиться на такое. Человек, сжимающий в руках оружие, чувствует себя гораздо увереннее обычного, и ракканцы прятали винтовки в песок с таким чувством, будто хоронят лучших друзей. Все, кроме Мухаммеда ибн-Хисса.

Посланец Бани Халиди, который до сих пор был самым тихим и покладистым, неожиданно проявил ослиное упрямство. Он наотрез отказывался бросить свою винтовку. Халиди сказал, что никогда в жизни, с самого детства, не выпускал оружие из рук, а во время редких визитов в какой-нибудь город прятал винтовку под плащом. Никогда! Бани Халиди — небольшой клан, заметил он, хотя и прославленный своими воинами, и с трех сторон их окружают земли сильных кланов — Мутаир, Авазим и Айман, а с четвертой — море. И потому каждый халиди всегда и везде готов к битве, готов защищать своих овец и верблюдов. Но это еще не все! У него ведь не простая винтовка, и даже не «ли энфилд», как у большинства бедуинов. Это «маузер», который достался ему от одного аймани, убитого в набеге. И этот «маузер» — такое чудесное оружие, что даже сам собой безошибочно находит цель. Кроме того, такая винтовка — предмет особой гордости самого Мухаммеда и всего его клана.

Халиди мог до скончания века распинаться относительно достоинств своей чудесной винтовки, так что Майид прервал его и снова разъярился, почему нельзя сейчас появляться в Джубаиле с оружием, пусть даже и спрятанным под плащом или привязанным к телу и прикрытым одеждой. А Дэйн сунул упряму в руку солидную пачку денег, которых хватило бы на три таких «маузера» (хоть Мухаммед и хотел сохранить именно этот, свой собственный). Потом Майид процитировал государственный закон о статусе проводника-рафика (на

это Мухаммед возразил, что в данном случае закон недействителен), потом — закон кусары, с которым Мухаммеду пришлось согласиться.

Несчастный халиди стоял с винтовкой в одной руке и деньгами Дэйна в другой. Наконец он спрятал серебряные реалы под рубашку и с совершенно потерянным лицом начал дрожащими руками зарывать свой любимый «маузер» в песок. Когда он поднялся, Майид, из глаз которого в два ручья текли слезы, подошел к нему обнял и провозгласил, что с этой минуты и до скончания века Мухаммед аль-Халид ибн-Хисса — его друг и брат и все, что только есть у Майида, теперь принадлежит и Хисса. Мухаммед, тоже не пряча слез, произнес такую же клятву.

Всех растрогало благородство и достоинство этих двух сынов пустыни, и ни один из беглецов не смог сдержать слез. Кроме Дэйна и Джабира.

Спустя десять минут Дэйн как можно тактичнее напомнил, что пора бы им двигаться. Все согласились, хотя никому и не хотелось, чтобы такая волнующая сцена закончилась так быстро.

Майид хорошо знал город: Джубаил-аль-Бахри был главным торговым центром для клана Авазим. Здесь жили друзья Майида и даже родственники — два дяди и трое двоюродных братьев. Конечно, это всего лишь городские арабы, но они все хорошей крови, из клана Авазим, и не забывают родства. Собственно, в городе прятаться даже безопаснее, потому что авазими-горожане не замешаны во всевозможных внутриклановых разборках.

Майид довел спутников до одиноко растущей пальмы у городских окраин и пошел дальше один. Не прошло и часа, как он вернулся, улыбаясь во весь рот, очень довольный собой.

— Лучше и быть не могло! — сообщил он. — Мой дядя Бандар, который любит меня, как родного сына, всего пять дней назад вернулся из деловой поездки в Мишааб. Он человек общительный, у него полно друзей, и он с радостью спрячет нас и позаботится о том, как нам лучше добраться до Ка-

тара. Он готов нам помочь исключительно из доброго ко мне отношения, однако неплохо бы тебе, Дэйну, дать ему немного денег — хотя бы пару горстей реалов, чтоб проявить почтительность к хозяину дома.

— Я заплачу. Его дом сможет вместить нас всех?

— Конечно, нет! Нас ведь девять, и, чтобы спрятать всех сразу, понадобились бы хоромы какого-нибудь принца! Дядя может принять четверых, но мы уже поговорили с его братом, и тот согласен спрятать еще троих. Остальные двое будут у моего двоюродного брата. Мне кажется, что разделить на три небольшие группы для нас даже безопаснее. Да, Дэйну, второму дяде и кузену тоже неплохо бы дать немного денег в знак благодарности и уважения.

Дэйну великодушно согласился. В конце концов, он тратил не свои собственные деньги!

— Договорились. Но полегче с расценками, Майид! Нам надо еще как-то добираться до Катара. Твой дядя не в курсе, полиция нас ищет?

— Ищет! Это известно каждому! По всему Хаса саудовские солдаты и полицейские рыщут по улицам, приглядываются к прохожим и задают глупые вопросы. Но к нам они приглядываться не станут, потому что я проведу вас такими закоулками, в которые саудовцы стараются не соваться. А теперь — Дэйну, Джабир и мой дорогой Мухаммед ибн-Хисса, вы пойдете в первой группе. Пора!

Все девять путников благополучно пробрались в город и были надежно спрятаны у родственников Майида. Дэйна и Джабира поместили в какой-то кладовой, а Майиду с Мухаммедом досталась недостроенная комната на чердаке дома дядюшки Бадара. Трое ракканцев прятались в обширной кладовке брата Бадара, а оставшиеся двое попали в сарай к одному из Майидовых кузенов. Тайники были, конечно, не ахти какие, но саудовцы уже обшарили Джубаил, и теперь полицейские патрулировали улицы не слишком старательно, больше для виду. Незачем было особо усердствовать — ведь достоверно известно, что беглецы должны выйти к побережью где-то возле Абу-Хадрийя.

Но если бы даже до них дошло, что ракканцы скрываются в Джубаиле, полицейские только стали бы тщательнее осматривать корабли, уходящие из порта, чтоб не выпустить беглецов из Саудовской Аравии. А это довольно несложно даже в таком крупном порту, как Джубаил-аль-Бахри. Было второе сентября, разгар сезона добычи жемчуга. И все, что только могло держаться на плаву, сейчас отбыло в Персидский залив с ловцами жемчуга на борту. Корабли, слишком маленькие для того, чтоб выходить в открытое море с командой ловцов жемчуга, подвозили туда воду и провизию и находились сейчас на временных стоянках в портах ближе к устью залива. Так что в Джубаиле не осталось никаких судов, кроме разве что гребных лодок, но даже гребные лодки были сейчас на расхват.

Время тянулось ужасно медленно. Дэйн и Джабир играли в шахматы, болтали, ели, пили и снова возвращались к бесконечным шахматным партиям. В их убежище было прохладно и влажно, что не могло не радовать после ужасной иссушающей жары и ночного холода в пустыне. Но, к удивлению американца, Джабира кладовая почему-то не устраивала. Может быть, из-за сырости, а может, по какой иной причине, но его стали мучать головные боли, потом поднялась температура, разладился желудок. Пришлось вызвать на дом врача. Доктор осмотрел беднягу и сообщил, что это может быть началом туберкулеза, а возможно, и нет. Симптомы вроде этих слишком неспецифичны, такое бывает в начальных стадиях и холеры, и амебной дизентерии, и гепатита, и малярии, и оспы, и даже бубонной чумы. Перепуганный Джабир подскочил на кровати, услышав такой устрашающий перечень недугов. Но врач уложил его обратно и сказал, что упомянуть об этих болезнях он был обязан как специалист. На самом же деле он считает (хотя и в этом нельзя быть совершенно уверенным), что Джабир попросту стал жертвой обычной пищевой токсикоинфекции, которые очень часто встречаются на побережье Персидского залива. Их даже так и называют — «заливные лихорадки». Эти заболевания очень разнообразны как по проявлениям, так и по тяжести тече-

ния, но доктор все же почти уверен, что у Джабира именно заливная лихорадка.

— Это серьезная болезнь? — встревожился больной. — Я могу умереть?

— Да нет, что вы! И не надейтесь! — рассмеялся доктор. — Правда, организм может ослабеть после лихорадки, и вы подхватите какую-нибудь более тяжелую инфекцию. Но такое случается нечасто, и вы — крепкий молодой мужчина, и в любом случае — все в воле Аллаха!

— Если у меня заливная лихорадка, как долго я буду болеть? — спросил Джабир.

— Все зависит от того, какую разновидность лихорадки вы подхватили. Бывает трехдневная заливная лихорадка, бывает семидневная, а также десяти-, двадцати- и тридцатидневная формы. Но определить это невозможно до выздоровления — так вам скажет даже самый опытный врач на всем побережье. Никаких волнений, полный покой и отдых, овощная и молочная диета. И избегайте переохлаждений. Я оставлю кое-какие лекарства — это должно вам помочь. А теперь позвольте распрощаться и пожелать вам скорейшего выздоровления и всяческих успехов.

Джабиру врач показался непроходимым невеждой, хотя того считали лучшим лекарем на весь Джубаил. Тем не менее он стоически переносил свою болезнь, а Дэйн чем мог старался облегчить его страдания.

К концу второго дня их пребывания в городе нашелся подходящий корабль, и капитана пригласили в дом для беседы с Дэйном и Джабиром. Капитан оказался персом из Бушира. У него были пухлые руки и ноги, прилепленные к толстому, мясистому телу, так что с виду он чем-то напоминал морскую звезду. Майид провел его в комнату, не скрывая своей неприязни. Правда, перс вызывал у него такие чувства, скорее всего, оттого, что был приверженцем шиитского направления в исламе, а не традиционного здесь суннитского. И вообще, это был какой-то безродный перс, не знавший даже пяти поколений своих предков.

Звали капитана Мизра Маджид бин-Сахил. Он пристроил свое жирное тело в самое крепкое на вид кресло и погладил живот. Еще раньше перс постарался придать своему лицу традиционное выражение убогого просителя и теперь был полностью готов к деловому разговору.

В самом начале торга Маджид заявил, что то, чего требуют Дэйн и остальные, — вне всякого сомнения, совершенно ужасно, немыслимо, невозможно, опасно, нелегально и, конечно же, нисколько ему не выгодно. Произнеся эту речь, капитан откинулся в кресле и выжидательно замолк.

Дэйну претил этот восточный обычай торговаться по нескольку часов из-за каждой ерунды, но, раз уж они попали в Джубаил, надо вести себя так, как здесь принято. И американец отклонился назад, скрестил на груди руки и заявил:

— Мне жаль, что вы так считаете, почтенный Маджид бин-Сахил, но все же я не хочу предлагать ничего, что принесло бы вам одни убытки. Видно, придется поискать какого-нибудь другого капитана...

Маджид уставился на него немного испуганно, а Майид, стоявший у него за спиной, ободряюще кивнул: Дэйн выбрал в этом деле самый верный подход.

— Приятно слышать, что почтенный мистер Дэйн так печется о моих интересах, — сказал Маджид. — Но, к несчастью для вас, в Джубаиле сейчас нет больше ни одного корабля подходящих размеров. Все они сейчас в заливе с командой ловцов жемчуга. Я и сам был бы там, если бы удача не отвернулась от меня. Видите ли, я вышел из гавани всего каких-то две недели назад, и тут какой-то бестолковый рулевой на яхте, круто поворачивая, чтоб обогнуть неожиданное препятствие, протаранил меня прямо посередине борта! Проломил обшивку и едва не снес мне мачту! Яхта перевернулась и тут же затонула — так им и надо! Я едва дотянул до порта, и мои матросы все время откачивали воду, словно одержимые. Я тут же поставил корабль в док для ремонта, поскольку я не только капитан, но и владелец судна. Настоящее чудо, что они управились всего два дня назад! Вам страшно повезло, что я здесь оказался! Потому как я уже за-

кончил все приготовления и завтра утром собирался отправляться в устье залива.

Майид сказал:

— Полагаю, вы не совсем точно рассказали нам о своих планах. Мой дядя Бандар говорил, что корабль ваш был готов к плаванию еще неделю назад, но команда ушла на другие корабли, и вам до сих пор не удалось набрать матросов.

Маджид бин-Сахил печально улыбнулся Дэйну.

— Может, и так. Я не великий математик, чтоб так просто складывать и вычитать часы и дни! Я простой моряк и не очень разбираюсь в делах сухопутных. Но этот благородный молодой человек сказал правду о моих предателях-матросах. Но как можно их винить? Сезон добычи жемчуга короток, а на корабле, застрявшем в порту, денег не заработаешь. Но я узнал из достоверных источников, что неподалеку от мыса Рас-Таннура разбился корабль из Синда и оставшиеся в живых индийские моряки, не найдя работы в Катифе, сейчас держат путь в Джубаил. Так что мои затруднения, как видите, вскоре разрешатся.

Джабир даже застонал — настолько очевидна была ложь! Майид закашлялся, чтоб ненароком не рассмеяться в голос. Дэйн сказал:

— В самом деле, вам очень повезло, Маджид бин-Сахил. Но индийские моряки могут поехать и на юг, в Дахран, или задержаться на недельку в Катифе, попить-погулять на радостях из-за чудесного спасения.

— Конечно, конечно! Эти матросы — все отъявленные мошенники и бездельники! Но только я слышал, что как раз эти индийские моряки...

— Однако, несмотря на то, что они могут и вовсе не появиться в Джубаиле, а могут и запросить у вас совершенно невыгодных условий контракта — поскольку сезон добычи жемчуга в самом деле очень короток и рабочие руки нарасхват, — я могу предложить вам девять сильных мужчин, чтобы укомплектовать ваш корабль командой для короткого и выгодного во всех смыслах путешествия... Если вы все же рискнете согласиться на мое предложение.

Маджид задумался.

— Девять человек... А хоть кто-нибудь из них раньше выходил в море?

— По меньшей мере пятеро — опытные моряки. Эти пятеро из Ракки, хорошо известного в заливе порта. Кроме того, мой друг Джабир, у которого сейчас не совсем ладно с животом — переел жирной баранины, — плавал на многих судах в Красном море и заливе Аден. Правда, должен признать, что Майид и его товарищ Мухаммед ибн-Хисса не бывали на море. И сам я никогда не плавал в Персидском заливе, хотя и ходил под парусом в Атлантике.

Дэйн выложил все это с невозмутимым лицом, и Майид снова с превеликим усилием подавил смех. Он прекрасно знал, что пятеро ракканцев были, скорее всего, торговцами или работниками нефтяных компаний, а их опыт обращения с водой сводился исключительно к потреблению ее внутрь.

— Неплохо, неплохо... — сказал Маджид. — Я в затруднительном положении. Из-за путешествия, в которое вы хотите меня втянуть, у нас могут возникнуть серьезные осложнения с властями. С другой стороны, если мой корабль простоит в порту весь сезон, я ничего не заработаю. Я должен проявить благоразумие... Но вы мне нравитесь, мирза Дэйн, а для такого импульсивного человека, как я, это значит гораздо больше всяких прочих соображений. Решено — я согласен! Я доставлю вас и ваших людей в Катар!

— Когда? — спросил Дэйн.

— Хоть сегодня ночью, если пожелаете!

— Да, мирза Маджид бин-Сахил, я в самом деле очень хочу этого, и я весьма благодарен вам!

— Да что вы, что вы! Если уж человек пришелся мне по душе, я был бы счастлив ему угодить. Я был бы рад сделать это бесплатно, из одного только дружеского расположения к вам. Но я человек небогатый, и мне надо расплатиться кое с какими долгами, прежде чем мы выйдем в море, кроме того, необходимо сделать некоторые дополнительные приготовления...

Следующие полчаса они с самым дружелюбным видом договаривались об оплате проезда. Маджид назвал свою цену, но Дэйн знал кое-что о том, сколько обычно стоит за-

фрахтовать корабль, и предложил в четыре раза меньше названной суммы. Они продолжали препираться, и это могло тянуться многие часы, даже дни, но американцу было дорого время. Наконец они пришли к согласию, хотя сумма была просто астрономической и у Дэйна почти ничего не осталось на дорогу до Дохи.

Майид не одобрил такой поспешности в денежных делах. Он понимал, конечно, что время дорого, но все же его мнение об американце немного упало. «Человек он хороший, но ужасно расточителен!» — сказал он позже Мухаммеду ибн-Хисса.

Через два часа все девять беглецов были на борту. Маджид поднял не все паруса (он, конечно же, не поверил Дэйну в отношении ракканских матросов), и с отливом корабль вышел в море. Джубаил-аль-Бахри остался за кормой, и берег Аравии вскоре превратился в узкую темную полосу на горизонте. Где-то впереди их ждали Бахрейн и Катар.

Глава 19

День десятый

Корабль Маджида относился к классу «кутийя» и был построен в Индии девятнадцать лет назад. У него была высокая закрытая корма, две мачты и широкие, красиво очерченные паруса. Корабль напоминал английские фрегаты восемнадцатого века всем, кроме мореходных качеств, которые были совершенно несопоставимы.

Кутийя Маджида плыла ужасно медленно и не могла выдержать хоть сколько-нибудь сильный ветер. Единственное неоспоримое достоинство этого неповоротливого и неуклюжего корабля — его устойчивость. Кутийя сидела на воде основательно, как бревно, и плавала ничуть не лучше названного предмета.

С рассветом шамаль утих, и Маджид повел корабль милях в пяти от берега в надежде поймать западный бриз. Сильный постоянный боковой ветер наполнил паруса кутийи, выявляя все ее лучшие скоростные качества. Дэйн и остальные бегле-

цы трудились в поте лица, разбираясь наугад с незнакомой путаницей фалов и парусов. Приходилось все время откачивать постоянно подтекавшую в трюм воду и выполнять еще массу поручений, которые Маджид считал совершенно необходимыми.

К закату они добрались до Бахрейна, показался порт Мухаррак, а примерно в пятидесяти милях к юго-западу находилась северная оконечность Катара. Вечером бриз утих. Кутийя сильно раскачивалась на волнах, и Джабир, который немного оправился от болезни и вышел, пошатываясь, на палубу, заявил, что эта кошмарная качка быстро загонит его в гроб.

Через пару часов снова поднялся ветер — на этот раз шамаль, предвестник северо-западного муссона. Паруса кутийи вновь наполнились, и она медленно заскользила вперед. Дэйн прикинул, что, если ветер продержится всю ночь, к утру они должны достичь северного побережья Катара и еще до заката войдут в гавань Дохи.

Капитан Маджид придерживался того же мнения: примерно так он и рассчитывал, если, конечно, не случится каких-нибудь непредвиденных обстоятельств.

— Но, мирза Дэйн, должен вам напомнить, что на море редко все происходит так, как мы рассчитываем, особенно осенью, в неверный промежуток между двумя муссонами. Погода до сих пор летняя, и это, в общем-то, радует. Но лично я не люблю плавать под этим ветром. Он неверен и переменчив, как вы сами уже заметили. Дует то немного к северу, то поворачивает к югу, то сильнее, то слабее, как пожилая дама, которая не знает, чего хочет.

— Да, ветер переменчив, но он, похоже, не собирается затихать и дует в основном с северо-запада, — сказал Дэйн.

Маджид угрюмо кивнул.

— Он может перемениться в любую минуту. И мне не нравятся остальные знаки.

— Какие знаки?

— Неужели вы не заметили? Вы же плавали в великой Атлантике! На юге собираются тучи. Пока не очень большие, но

ветер все время сгоняет их туда. И уже примерно час, как появилась рябь на воде — от восточного ветра.

— И чем это нам грозит?

— Откуда мне знать, что будет угодно ветрам и небесам? Может, ничего и не случится, если ветер разгонит тучи и затихнет эта восточная рябь. Но если тучи будут собираться и дальше, это значит, что скоро с юга поднимется встречный ветер. Это не опасно, но мы не сможем плыть дальше к нашей цели, более того, нас может даже отогнать обратно. А эту рябь на воде поднимает ветер с востока, и, если он усилится, мы попадем в шарки, или, как называют это арабы, каус.

— Что это за шарки, или каус?

— Сильный ветер с востока или юго-востока. Он дует прямо к побережью Катара.

— Но мы ведь и так хотим попасть туда?

— Конечно, только нам желательно попасть туда живыми. Если каус будет достаточно сильным, да еще и подует прямо с востока, нас снесет прямо на коралловые рифы или песчаные отмели, которых полно вдоль побережья Катара. Тогда, может, кому-нибудь из вас и удастся выплыть — проделать вплавь последние пару миль до берега среди вздымающихся волн и бритвенно-острых коралловых рифов.

— Неприятная перспектива... — заметил Дэйн. — Надеюсь, до этого не дойдет.

— Я тоже. Все в воле Аллаха!

Шамаль не утихал, и к одиннадцати ночи они обогнули северную оконечность полуострова Катар. Тучи на юге начали расходиться, но восточные волны становились все заметнее. Маджид бегал взад-вперед и советовался с тремя моряками, оставшимися от его собственной команды. У всех у них был удрученный вид, они постоянно принимались к ветру и безнадежно качали головами. Майид сидел на кормовых перекрытиях и сосредоточенно вычищал грязь из-под ногтей кончиком кинжала. Джабиру неожиданно стало хуже, и Маджид разрешил ему прилечь в капитанской каюте и даже проводил туда.

Возвратившись на палубу, капитан сообщил Дэйну:

— Погода мне не нравится. Я решил вывести корабль в открытое море, пока она совсем не испортилась.

— Нет. Я очень тороплюсь, и мы не свернем с прежнего курса.

Маджид чуть растянул губы в печальной улыбке:

— Я понимаю ваши соображения насчет спешки, о достопочтенный господин. Но это нам не поможет — восточному ветру нет до них дела. Нас снесет на рифы! Корабль должен выйти в открытое море ради спасения наших жизней! Надеюсь, вы это понимаете, сэр?

— Нет.

— Вы не шутите? Тем не менее я должен отдать приказ...

— Нет! — Дэйн даже не повысил голоса.

Маджид почувствовал себя неуютно.

— Уважаемый сэр, хотя вы и понравились мне с первого взгляда и я считаю вас дорогим гостем на своем корабле, но капитан здесь все-таки я, и мое слово — закон! А потому, примите мои глубочайшие извинения, но...

— Не нужно отдавать рулевому приказ поворачивать в море, — спокойно, но веско проронил Дэйн. — Если вы так сделаете, то вынудите меня — против моей воли, заметьте — распороть вам брюхо.

Маджид уставился на американца, не в силах издать ни звука. Дэйн опирался для устойчивости на фальшборт, его свободная рука покоилась на поясе, всего в трех дюймах от кусы с узким, бритвенно-острым клинком. На первый взгляд в его фигуре не было и намека на угрозу, но Маджиду все равно почему-то стало не по себе.

Капитан попытался перевести все в шутку.

— Конечно же, вы, сэр, — человек воинственный, мне как раз такие по душе! Но вы, наверное, пошутили насчет ножа? Я вам все равно понадобится, чтобы провести корабль в порт. Так что вы в безвыходном положении, и я все-таки отдам приказ.

— Что ж, попробуйте. Только я выпущу вам кишки раньше, чем вы договорите! А насчет того, что без вас нам не обойтись — уверяю, вы не незаменимы, даже на вашем собственном корабле. С этой работой справится любой из ваших

троих матросов. Если у них не получится, я сам возьмусь за дело. Мы уже обогнули побережье Катара и идем вдоль восточного берега полуострова. Уже сейчас мы где-то рядом с мысом Рас-Лаффан и милях в шестидесяти от Дохи. У вас в каюте есть карта. Там, кстати, отмечено, что в Дохе есть большой маяк, а проход в гавань отмечен бакенами. Не думаю, что в таких условиях будет очень сложно подогнать к берегу эту шаланду.

— Вы не имеете права!

— Качать права вам сейчас не время. Нас девять, а вас только четверо. Может, у вас и припрятана где-нибудь пара винтовок, да только кто ж вам позволит их достать! На всякий случай за каждым из вас будет все время присматривать один из моих людей. Ясно?

— Да. Но, клянусь Аллахом, погода...

— Так что продолжайте держать вдоль берега — не то мне придется уговаривать вас по-другому!

— Вы приказываете? — злобно спросил Маджид. При сложившихся обстоятельствах Дэйн даже не мог его в этом винить.

Ветер немного утих, но продолжал дуть с северо-запада. В час сорок пять они обогнули мыс Рас-Лаффан, до Дохи оставалось не больше пятидесяти миль. Дэйн просчитал, что если ветер не переменится, они будут в столице еще до обеда.

Как только мыс остался позади, Маджид быстрым шагом подошел к Дэйну:

— Мистер Дэйн! У нас неприятности!

— Что еще?

— О почтеннейший господин, вы смогли перебороть волю небес, раз уж шамаль, который должен был смениться каусом, продолжает дуть, но сам корабль не желает покориться вашей воле!

— Нельзя ли пояснее?

— В корабле течь! Так понятнее?

Дэйн сказал:

— Послушайте, если вы опять вздумали морочить мне голову...

— Я вам говорю, в корабле — течь! — Маджид сообщил эту новость с каким-то противоестественным удовлетворе-

нием. — Пойдемте вместе со мной в трюм и убедитесь своими глазами, если не верите! И прихватите ваш нож на случай, если рассердитесь!

Они спустились в трюм. В тусклом желтоватом свете фонаря Дэйн не мог разглядеть даже доски днища. В трюме было примерно фута на четыре воды, и трое матросов Маджида вместе с ракканскими стражами выбивались из сил, откачивая воду помпой.

— Как это случилось? — спросил Дэйн.

— Откуда мне знать? Я не обладаю сверхчеловеческими способностями, как вы! Я простой моряк, и мой корабль дал течь. Наверное, эти ублюдки в Джубаиле поставили заплату из непросушенного дерева или плохо законопатили щели. А может, где-то выскочила заклепка у кия. Это мы узнаем, только когда доберемся до какого-нибудь дока.

— Мы можем дотянуть до Дохи? Осталось каких-то пятьдесят миль!

— Это невозможно! Даже если шестеро будут все время откачивать воду, ничего не выйдет. Уровень воды повышается примерно на фут в час. Если не верите, можете спросить своих людей!

Дэйн спросил, и ракканцы подтвердили слова Маджида.

— И как нам теперь быть, капитан? — поинтересовался Дэйн.

— Ага! Как только вас припекло, я опять сразу стал капитаном! — язвительно бросил Маджид. — Если бы это был не мой собственный корабль, я и пальцем не шевельнул бы, чтоб только насладиться зрелищем, когда вы будете тонуть! Но корабль — мой, а у меня есть семья, которую надо содержать... Нам нужно как можно скорее добраться до какого-нибудь порта. Примерно в миле к западу отсюда вдоль побережья Катара будет Шакик. Оттуда всего сорок миль до вашей Дохи, так что вам почти не из-за чего расстраиваться, мистер Дэйн!

— О'кей! Идем туда!

Они поднялись на палубу, и капитан отдал соответствующие распоряжения рулевому.

— Я собираюсь вывести корабль на пляж, — стал объяснять он Дэйну. — В Шакике отличный пляж, я как-то уже

бывал там, соскабливал наросты с днища. Если ветер продержится и течь не усилится — и если будет угодно Аллаху, — то уже через час мы будем на пляже.

Никакая неприятная случайность на этот раз не вмешалась, и уже в три часа ночи Маджид привел корабль на пляж. Кутийя скользнула по мокрому песку и чуть накренилась, ложась на округлый бок. Так что Дэйн и его отряд смогли сойти на берег, даже не намочив ног.

До самого Шакика было около пяти сотен ярдов, и отряд Дэйна зашагал по плотному песку, потом по дорожке между высокими кустарниками. Джабир начал заметно отставать. Он пошатнулся и мог бы упасть, если бы Дэйн его не подхватил.

— Я раньше ни разу по-настоящему не болел, — признался он Дэйну. — Только раз подхватил дизентерию во время каникул в Европе.

— В Шакике найдем доктора, — ободрил его американец. — А в Дохе есть английский госпиталь. Успокойтесь, все будет в порядке!

— Да... Пойдем, надо держаться всем вместе!

Джабир шел, сгибаясь от боли, и Дэйн поддерживал его, обхватив за талию. Остальные шли ярдах в тридцати впереди, их светлые одежды смутно маячили в предрассветной мгле.

Внезапно Дэйн остановился.

— Ты слышал? Какой-то шорох в кустах?

— Ничего я не слышал, и мне плевать на всякие там шорохи! — буркнул Джабир. — Наверное, это какая-нибудь коза, или собака, или заблудившийся верблюд. Я хочу только одного — поскорее добраться до опытного врача!

Его колени начали подгибаться, и Дэйн едва смог удержать его оседавшее тело. Американец встревожился:

— Джабир?! Надо продержаться еще совсем чуть-чуть!

Джабир не отвечал. Он потерял сознание и стал весить, казалось, не меньше тысячи фунтов.

Дэйн снова услышал какой-то подозрительный шорох. Правда, теперь уже не в кустах, а на дорожке у себя за спиной.

Он уронил Джабира, быстро пригнулся, разворачиваясь кругом и выхватывая нож.

Он уже почти повернулся, когда что-то тяжелое обрушилось ему на затылок. Дэйн потерял сознание.

Глава 20

День одиннадцатый

Кто-то тряс его за ногу, незнакомый голос тихо произнес: — Мистер Дэйн, я думаю, вам уже пора прийти в себя!

Дэйн открыл глаза и приподнялся, морщась от боли. Голова просто раскалывалась. Он находился в большой комнате с выбеленными стенами, сидел на громоздком диване, обитом кошмарным цветастым индийским ситцем. Здесь же стоял неизменный арабский набор для кофе: приземистый столик темного дерева, медная джезва с вычеканенными на ней кругами и замысловатыми арабесками, курильница, свисающая с крюка в потолке, и совершенно неуместный среди них американский комод светлого кедрового дерева с зеркалом, в стиле эпохи экономического бума.

Дэйна тормозил мужчина, сидевший на стуле с прямой спинкой примерно в ярде от дивана, на таком расстоянии, чтобы Дэйн никак не мог достать его ударом ноги. Это был высокий худой араб с большими печальными карими глазами и аккуратной бородкой. Он сидел в расслабленной позе, спокойно сложив руки на груди. Каким-то невероятным образом ему удалось вольготно развалиться даже на стуле с высокой прямой спинкой.

— Какого черта? Кто вы такой? — спросил Дэйн.

— Мои друзья зовут меня Хакимом, — ответил араб. — Надеюсь, вы тоже будете меня так называть.

— Конечно, Хаким, — Дэйн медленно сел на диване, чувствуя, как волны нестерпимой боли расходятся от затылка по плечам и шее. Он опустил ноги на пол, но встать и не пытался. Хаким был от него футах в пяти. Ножа на поясе не было, но и так Дэйн мог бы запросто разделаться с этим Хакимом.

В этом Дэйн и не сомневался. Как и в том, что у Хакима наверняка был под рукой пистолет, какой-нибудь маленький

тупоносый револьвер. И если даже Хаким будет двигаться с черепашной скоростью — хотя на это не стоило и надеяться, — он все равно успеет его выхватить и расстрелять американца вдвое быстрее, чем тот вскочит с мягкого, податливого дивана и преодолеет разделявшие их пять футов.

Конечно, если уж на то пошло, можно найти какой-нибудь другой, более подходящий способ...

Дэйн сказал:

— Теперь я знаю ваше имя, а вы, конечно, знаете, как зовут меня. Может быть, скажете, зачем вы стукнули меня по голове и притащили сюда?

— Вы вполне могли бы догадаться и сами, — ответил Хаким. — Мы работаем на разных людей. Вы — на ракканцев, я — на иракцев. Вы должны доставить некое важное сообщение к определенному сроку. А я должен вам в этом помешать.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Сейчас расскажу. Мне не нужно причинять вам никакого физического вреда, мистер Дэйн. Это лишнее, и в данной ситуации пахнет садизмом. И меня не интересует, ни что за сообщение вы должны передать, ни кто ваши друзья и помощники. Если я стану спрашивать, вы запросто можете мне солгать, и даже под пыткой вы вполне могли бы сочинить какую-нибудь складную историю, а если я буду все же настаивать, вы сочините другую, такую же правдоподобную.

— Логично, — признал Дэйн.

— Я стараюсь поступать разумно. Мне нужно только удержать вас здесь до определенного срока. Если бы для этого понадобилось вас убить — уверяю вас, я бы это сделал. Но это не понадобилось. Поэтому вы сейчас просто под домашним арестом.

— Очень логично и разумно. Сколько вы собираетесь меня здесь держать?

— Сейчас полвосьмого утра, вы были без сознания около четырех часов. Вы останетесь здесь на два дня и две ночи, чтобы ваше задание провалилось наверняка. Ну, может, еще на день, для верности. А потом я вас отпущу.

— Что с Майидом и Джабиром? И остальными из отряда?

— С ними все в порядке, и они в безопасности, — ответил Хаким. — Майид и ракканцы уже не в Катаре. Мои люди взяли их прошлой ночью возле самого города. Их доставили на бангалу, которая сейчас на пути к Оману.

— У вас просто дар предвиденья! — заметил Дэйн.

Хаким улыбнулся.

— Ну, что вы! Я собирался держать их здесь, в доме, вместе с вами. Но, честно говоря, мне не особо улыбалась перспектива охранять целых девять человек. А в порту как раз подвернулась бангала, которая этой ночью уходила в Оман, и я воспользовался удобным случаем. Если бы бангала шла на север, ваши ракканские друзья угодили бы в иракскую тюрьму, где им самое место. Но я просто использовал подходящий случай — и они проснутся часов через двенадцать или четырнадцать и уже через день окажутся в Рас-аль-Хайма, в Омане. Конечно, это довольно далеко от дома, но людям обеспеченным вернуться будет нетрудно.

— Жаль, не удалось проститься с Майидом, — сказал Дэйн.

— Извините, как-то не получилось это устроить. Но человек по имени Джабир здесь, в комнате наверху. Он был без сознания еще до того, как я напал на вас. Боюсь, он плохо перенес морскую прогулку. К сожалению, я не могу пригласить сюда врача. Надеюсь, моих скромных познаний в медицине будет достаточно. У него, кажется, пищевое отравление средней тяжести. Полный покой и умеренное питание — это я смогу обеспечить.

— А Маджид и его люди?

— Очевидно, они только случайно стали вашими сообщниками. Я поговорил с Маджидом в той же манере, которую вы нашли столь эффективной, — кнут и пряник, морковка и стрекало. Я пообещал им найти место, где отремонтируют их корабль, и даже больше, только они взамен должны безоговорочно выполнять мои приказания, не показываться в городе и никому ни о чем не рассказывать. Несколько моих людей, естественно вооруженных, заменят им недостающую команду. Они отгонят любопытных горожан, которые могут случайно набрести на кутию. Впрочем, это не так уж важно.

Маджид наверняка ничего не знает о ваших планах. Но я все же предпочитаю перестраховаться.

— Да, у вас была хлопотная ночь! — заметил Дэйн. — Только что вы скажете местным властям?

— Скажу, что отплатил за давнюю кровную обиду.

— Даже старинная кровная месть в Катаре противозаконна.

— Это запрещено, но никто меня не осудит. Шакик — мелкий городишко в малюсенькой стране. Хотя отсюда всего сорок миль до Дохи, это все равно что сорок тысяч миль, если говорить о здешних обитателях. В городке всего один-два чиновника и несколько сотен коренных жителей. И они за целый год не видят больше горсти рупий, да и это много. Так что здесь очень просто договориться, и радушные катарцы назовут лишь долгом гостеприимства то, что вы или я назвали бы взяткой.

— Все это прекрасно, но скажите мне, как вы умудрились оказаться именно здесь и сейчас, в нужное время и в нужном месте?

— Пусть это останется моей маленькой тайной, — ответил Хаким.

Он встал, и Дэйн заметил у него в руке небольшой двухзарядный пистолет.

— А теперь мне нужно сделать кое-что еще, — сказал Хаким. — Поэтому простите, но я должен вас оставить на некоторое время. Примите мои поздравления — я восхищен вашей предприимчивостью! Вы обошли иракскую полицию на их территории, ускользнули от саудовских солдат в Аравии! В самых худших условиях прошли шесть сотен миль через пустыню! Это настоящий подвиг, мистер Дэйн!

— Спасибо, Хаким. Только шестьсот миль не в счет, если не можешь пройти последние сорок.

— Печально, но факт. А теперь, мистер Дэйн, это — ваша комната. Чувствуйте себя как дома. Как видите, здесь только одно окно — в двенадцати футах от земли, почти под самой крышей. И через него за вами все время будет наблюдать человек с винтовкой. У него приказ стрелять, если вы попытаетесь отсюда сбежать, и я поклялся пристрелить его самого,

если вы все же каким-то образом ускользнете. Всего хорошего, мистер Дэйн!

Хаким легонько кивнул и удалился.

Весь день неусыпный страж за окном следил за каждым движением Дэйна, держа винтовку наготове. Казалось, он опасался, что Дэйн окажется чародеем и сумеет обрушить каменную стену или проскользнуть через замочную скважину.

Дэйн не был чародеем. Он ничего не мог тут сделать и, соответственно, ничего не делал.

В двенадцать принесли обед, страж сменился. Вечером подали ужин, первый стрелок снова занял свой пост.

Дэйн походил по комнате, подремал и старался ни о чем не думать. У него оставался всего один день и одна ночь, чтобы доставить послание Хасана в Комитет. И похоже, это ему не удастся.

Согласно приказу Хакима, свет в комнате Дэйна не выключали всю ночь. Дэйн улегся на диван и оставил попытки не думать. Казалось, выхода из создавшегося положения нет. Тем не менее Дэйн все же решил попробовать. Слишком много жизней зависело от его успеха. Лучше всего, решил он, будет разыграть покорность и смирение, которые в его положении покажутся только естественными. Эту роль надо будет разыграть перед Хакимом, и, конечно же, играть придется очень убедительно. Если Хаким не заподозрит подвоха, это немного притупит его бдительность. Тогда Дэйн на него накинется и вырубит до того, как Хаким успеет вытащить свою смертоносную игрушку. А чтобы сторож у окна не стрелял, Дэйн решил загородиться телом Хакима, как щитом.

Это могло и не сработать. Но Дэйн решил все же попытаться, завтра утром. Другого пути он не видел.

Тем не менее другой путь неожиданно обнаружился сам собой. Утром Хаким вошел в комнату американца, радушно улыбаясь, и пистолета, по всей видимости, при нем не было.

— Мистер Дэйн, — начал он с порога. — Похоже, я в отношении вас немного ошибся!

— Это как?

— Видите ли, мое представление о нынешней политичес-

кой ситуации оказалось несколько неверным. Я рассчитывал, что смогу удержать этот город и вас в нем столько времени, сколько мне будет нужно. Так бы оно и было, если бы дело касалось только местных властей. Однако в этом замешаны англичане и даже американцы.

— Какого черта? Не понимаю, о чем вы говорите?!

— Я говорю о нефти. На Ближнем Востоке все упирается в нефть, — пояснил Хаким.

— Но не в этом случае.

— И в этом тоже. Англичане, а с недавнего времени и американцы очень интересуются этим побережьем, а также мелкими султанатами и владениями независимых шейхов. С ними гораздо легче иметь дело, чем с более крупными странами вроде Саудовской Аравии, Ирака или Ирана. Англичане и американцы относятся к ним очень доброжелательно и готовы любому перегрызть глотку за независимость своих драгоценных самодержцев, шейхов пустыни, — разумеется, пока те будут сговорчивыми. И у нас, иракцев, недавно едва не возникли определенные затруднения на международном рынке — когда англичанам в Бахрейне стало известно о том, что я и горстка моих людей находимся здесь. Им в голову пришла смехотворная мысль: они решили, что мы — передовой отряд иракской армии, чуть ли не десант, и что мы собираемся возобновить старинные притязания Ирака на северное побережье Катара, где находится Духанское нефтяное месторождение.

— Откуда они узнали, что вы здесь? — поинтересовался Дэйн.

— Я не уверен, но у меня есть кое-какие подозрения на этот счет. Впрочем, это сейчас не важно. Важно то, что англичане не стали откладывать дела в долгий ящик и решили проверить свои подозрения. Они всегда были легки на подъем и немедленно послали из Бахрейна патрульный катер. Он будет здесь буквально через пару часов.

— Да, не очень у вас приятное положение, — сказал Дэйн.

— Скорее, очень неприятное. Кто-нибудь в городе проболтается, англичане обшарят окрестности и обнаружат в Катаре группу иракцев с фальшивыми паспортами, да еще и вооруженных. Меня никак не устраивает такая перспектива,

но моей стране это нужно еще меньше. Мы не можем допустить подобного инцидента.

— Откуда вы узнали об этом патрульном катере? — спросил Дэйна.

— По радио. Нам передали сообщение друзья из Бахрейна.

— Вы можете заявить, что это просто недоразумение.

— Я так и собираюсь сделать. Я со своими людьми останусь здесь до прихода англичан в любом случае — в этой безводной пустыне просто негде скрыться. Но мы будем без оружия и в качестве личных гостей одного из здешних чиновников. Мы будем изображать исследовательскую группу, которая путешествует по Персидскому заливу, собирает сведения для определенных статистических расчетов. Я сумею убедить в этом британцев. Они не ожидают наткнуться на что-нибудь в этом роде, и, думаю, такое разъяснение их успокоит.

— А как насчет кутийи, потерпевшей кораблекрушение у здешних берегов прошлой ночью? — спросил Дэйна. — И пленника-американца?

— Я не виноват, что кутийя налетела на скалы именно здесь. А Маджид не проболтается. Он очень уважительно ко мне относится — мы теперь с ним деловые партнеры. Два килограмма опиума и гарантия дальнейших поставок. Ваши ракканцы сейчас на пути в Оман. Пройдет несколько недель, пока они доберутся до дома и всплывет история об их похождениях. К тому времени это мне уже не повредит.

— А американский пленник?

— Вы говорите о загадочном американце, который приплыл на персидском корабле? — спросил Хаким. — С ним тоже все просто. Мы скажем англичанам, что это очень таинственный человек, с какой-то секретной миссией. Скажем, что он задержался только на одну ночь и спешно отбыл в Доху. Думаю, если они захотят узнать о вас больше, им придется побеседовать с вами лично.

— И где я буду?

— В Дохе, я полагаю. Вы ведь туда собирались?

— То есть вы меня отпускаете?

— Естественно. Мне бы, конечно, больше хотелось вы-

полнить свое задание до конца, но в настоящий момент мы не можем себе позволить международного инцидента. В любом случае ракканская угроза для нас не так важна. Лидеры движения за независимость — просто старые болтуны и мечтатели. Было бы лучше позволить им заварить эту кашу с восстанием, а потом раздавить его одним мощным ударом. Да так быстро, чтобы газеты даже не успели поднять из-за этого шумиху. А если восстание будет отложено на потом, движение за независимость останется в подполье. Ираку придется сохранять бдительность. Что ж, нам не привыкать.

— Все это какая-то бессмыслица! — сказал Дэйна, в основном самому себе.

— Почти все в нашей жизни кажется бессмысленным, — отозвался Хаким. — Мы можем только поступать сообразно обстоятельствам. Если это в конце концов приводит к нужным результатам, мы называем свои действия правильными. Вот сейчас, например, меня больше устраивает, чтобы вы оставались живым и здоровым, чтобы потом могли ответить на кое-какие интересные вопросы, которые вам зададут английские власти.

— Я до сих пор не вполне вам доверяю, — признался Дэйна.

— Пойдемте со мной, убедитесь сами. — Хаким легонько кивнул, прошел к двери и распахнул ее широким жестом.

Глава 21

День двенадцатый

Хаким ничего не делал наполовину. Он забрал Дэйна и Джабира из дома и привез в Шакик. Представил местному мэру и трем самым значительным лицам городка. Прозвучало множество взаимных комплиментов, и Хаким настоял на том, чтобы отвезти американца и его товарища за сорок миль, в Доху, на личном автомобиле. К машине прилагался водитель и двое вооруженных охранников, чтобы удостовериться, что поездка пройдет благополучно. Хаким провожал их, радушно улыбаясь, и даже помахал рукой на прощание.

Все сорок миль до столицы Катара машина шла ровно, на

большой скорости. В дороге никто не проронил ни слова. Джабир еще не вполне оправился от болезни, он лежал поперек сиденья с закрытыми глазами, придерживая руками живот. Водитель был полностью занят машиной, охранники между собой не разговаривали, а Дэйн размышлял.

В Доху они прибыли вскоре после полудня. Водитель проехал вдоль главной площади и подрулил к серо-белому двухэтажному зданию.

— Здесь штаб-квартира ракканского движения за независимость, — пояснил он Дэйну. — Пройдите на второй этаж — нужные вам люди там.

— Спасибо, — сказал Дэйн.

— Да пожалуйста!

Едва Дэйн и Джабир вышли, водитель развернул машину и помчал обратно в Шакик.

Комитет занимал весь второй этаж. Все трое — Рауди, Лахт и Бикр были здесь — одни в огромной мрачной комнате. В комнате стояло несколько плетенных из камыша кресел, столики с остатками завтрака и немытыми чашками изпод кофе, три или четыре небольших диванчика. На стене был закреплен радиоприемник.

Дэйн уложил Джабира на диван. Старик Бикр торопливо опустил журнал и построил привычное выражение величественного достоинства. Рауди выронил газету. Лахт, который как раз что-то писал, отложил ручку.

— Мы опасались, что вы не успеете, — сказал Лахт.

— Я и сам опасался, — сказал Дэйн.

— Что это с Джабиром?

— Наверное, что-то съел.

— Так... Мы готовы выслушать ваше сообщение.

Дэйн сообщил об иракских военных подразделениях, окруживших город, и по ходу рассказа все время наблюдал за лицами заговорщиков.

— Очень, очень плохо... Вся наша работа, все наши планы! — воскликнул Рауди, затем заморгал и вцепился в свою жиденькую бородку.

— А может, иракцы уже оставили город? — неуверенно предположил Бикр.

— Нет! Проклятые оккупанты остались там! — вмешался Лахт. Он встал и зашагал по комнате из конца в конец, худой и длинный, злобный и раздраженный. — Мы ничего не в силах сделать! Нужно перенести сроки восстания. Вы со мной согласны?

Рауди и Бикр какую-то секунду поколебались, потом дружно кивнули. Лахт продолжал:

— Мистер Дэйн, я сейчас не в состоянии достойно оценить содеянное вами. Поймите меня правильно — трудно благодарить гонца, принесшего дурные вести. Но, поверьте, мы все равно вам чрезвычайно признательны.

— Ничего, — ответил Дэйн.

— Для вас зарезервирован отличный номер в гостинице «Париж», это как раз напротив через площадь. Гостиница, правда, не очень хорошая, но это лучшее, что есть в Дохе.

— Вы очень добры, — сказал Дэйн.

— Мы уже заказали вам билет на самолет, утренний рейс Катар — Амман. Там вы сможете пересест на самолет в Европу.

— Прекрасно! — сказал Дэйн и уселся в камышовое кресло.

Лахт спросил:

— Вы не желаете немного освежиться с дороги, мистер Дэйн, принять душ?

— Спешить некуда. Я, пожалуй, немного задержусь.

— Задержитесь? Это зачем?

— Мне хотелось бы дождаться, пока не передадут ваше распоряжение об отмене восстания.

Рауди вздохнул.

— Наш радист как раз сейчас обедает.

— Ничего, я подожду.

— Его не будет еще целый час, а то и два!

— Да я не спешу! А вот вы, кажется, должны бы поторопиться.

— Мистер Дэйн, вы что-то хотите нам сказать? — спросил Рауди.

— Возможно. И я думаю, что у вас тоже есть что сказать мне.

— Что бы это все значило?

Дэйн выпрямился в кресле.

— Послушайте, давайте перестанем водить друг друга за нос! Вы ведь не собираетесь передавать приказ об отмене восстания!

Какое-то мгновение они молча сверлили его взглядами. Рауди хотел было сказать что-то неопределенное, но не решился. Бикр старался сохранить личину гордого достоинства. Лахт улыбнулся и сказал:

— Вы правы, мы не собираемся передавать такой приказ.

— Почему?

— Чтобы это понять, нужно немного разбираться в сегодняшней политике, мистер Дэйн.

— Я уж постараюсь как-нибудь разобраться.

— Хорошо. Во-первых, нужно учитывать такой факт: Ракка полностью созрела и готова к революции. Это необратимый исторический процесс. И мы, руководители революционного движения, на самом-то деле не в состоянии полностью его контролировать. Мы только предугадываем его развитие и следуем велениям времени. Если бы мы так не делали, наше место занимали бы другие люди.

Но все, кто находится в этой комнате, в то же время прекрасно понимают, что в настоящий момент революция победить не может. И ничего не изменится еще много месяцев, а то и лет. Но люди этого не понимают и не захотят понять. Они готовы бороться, готовы сражаться за свою независимость, хоть и не осознают тех сил, что ими движут. И они не смогут победить. А потому нам остается только сохранить свою позицию при неминуемом разгроме революционных сил.

Мы не можем выступить против революции! Она произойдет в Ракке так или иначе, и если мы ее не поддержим, то другие, менее искушенные люди займут наше место. И вполне естественно, что новые лидеры революционного движения обвинят в провале восстания нас! Таким образом, мы ничего не достигнем, если попытаемся предотвратить неизбежное.

В то же время, мы не можем выступать и за революцию,

зная, что восстание обречено на провал! В таком случае провал тоже будет стоять нам положением в Комитете.

Следовательно, нам приходится с энтузиазмом готовить революцию и в то же время подготавливать все так, чтобы наша репутация осталась безупречной, когда революция будет подавлена.

— Да, для вас было бы лучше всего, если бы получилось именно так, — признал Дэйн.

Лахт продолжил:

— Не понимаю, что может нам помешать? Признаться честно, мы никак не рассчитывали, что вы успеете вовремя с этим посланием из Ракки. Таким образом вся вина — неумышленная, конечно же — за то, что революция все же началась, пала бы на вас, — Лахт печально покачал головой. — Это было бы наилучшим выходом для всех вокруг, не правда ли, мистер Дэйн?

— Может, вам это и кажется наилучшим выходом, — сказал Дэйн. — Если принять во внимание ваше своеобразное отношение к делу. И, может, я и согласился бы с тем, чтобы меня считали неудачником, провалившим все дело, — если бы я его действительно провалил. Но мне не по вкусу, что вы изо всех сил старались мне помешать, всю дорогу вставляли мне палки в колеса!

— С чего это вы взяли? — поинтересовался Лахт.

— На моих глазах за эти дни произошло несколько совершенно невероятных событий. Во-первых, мое прикрытие. Все было сделано в лучшем виде и должно было сработать. Вполне надежное прикрытие, его ни за что бы не рассекретили, разве что случилось бы что-то непредвиденное. Ничего непредвиденного не случилось, во всяком случае по моим сведениям. Однако за какие-то два дня иракская полиция вышла на мой след.

Следующее — подставной посланец, якобы из клана Омани, с кольцом Рауди. Эта выходка вполне в вашем стиле, но она не сработала, потому что Бен Алима немного разбирается в лошадях.

Потом мы пересекли границу Саудовской Аравии, и саудовцы, ваши друзья и союзники, ни с того ни с сего начали

нас преследовать. Почему бы это, интересно? Разве что их попросил об этом кто-то из вас!

Как ни досадно, пришлось признать, что среди нас завелся предатель. Судя по характеру просочившейся к противнику информации, это мог быть только кто-то из Комитета. Кто? Ведь вы работаете вместе уже двадцать лет и прекрасно друг друга знаете. Исходя из этого, я предположил, что вы все в этом замешаны. Однако я понял, что есть еще кто-то четвертый — человек, который выполняет для вас всю подготовительную работу.

Утечка информации — дело рук того, кто вместе со мной участвовал во всех передышках, который знал все ежедневные и ежечасные перемены в обстановке и наших планах. У Майида не было доступа ко всей секретной информации. Бен Алима доказал делом свою невиновность — не убив меня по приказу Комитета. Кроме того, не такой он человек, чтобы предать своих товарищей ради какой-то неопределенной политической выгоды. Слишком прямодушен. Так что остается Джабир — человек Комитета, который блюдет его интересы.

— Здорово он меня вычислил! — сказал Джабир. — Саид Лахт, теперь ведь уже все равно, знает он или нет?

— Да, теперь это не имеет значения.

— Тогда... Да, я в самом деле предал вас, Дэйи. Обратите внимание, Комитет не давал мне указаний убить вас. Если, конечно, без этого можно будет обойтись. Убивать вас в сложившейся ситуации — бессмысленно и глупо с точки зрения политика. Комитету нужно было только, чтобы вы задержались в пути, пока не начнется революция. Мне было разрешено делать все, что я сочту нужным, чтобы вас задержать. Самым разумным было попросту позвонить иракскому коменданту, полковнику Зейду.

— Анонимный звонок? — спросил Дэйи.

— Вообще-то нет. Я представился бродячим торговцем Сулейманом, который известен как человек не очень благонадежный и время от времени поставляет иракцам кое-какую информацию. Эта личина придавала определенный вес моим словам и отводила всякие подозрения от Комитета.

— А потом вы превратились в Джабира? — спросил Дэйи.

— Да. Эта роль, по-моему, прекрасно мне удалась!

— А кем вы станете завтра?

— Кем-нибудь еще... — беззаботно ответил Джабир. —

Это зависит от особенностей ситуации и нужд Комитета. Но вернемся к Ракке. Если бы полковник Зейд не опростоволохился, мне не пришлось бы больше ничего придумывать. Но раз уж так вышло, я попробовал прислать посланца-харби с копией кольца Рауди. Но этот безмозглый кретин харби не придумал ничего лучшего, как приехать на своей лучшей шавафской лошади, которая никак не могла прибыть из Омана. Бен Алима узнал лошадь. Собственно, он немного ошибся, решив, что она принадлежит иракскому клану Рубаи. Эта ошибка уберегла вас от массы неприятностей, Дэйи, но мне пришлось пойти на крайние меры.

Я обратился за помощью к саудовцам. И, чтобы подстраховаться на всякий случай, позвонил еще и Хакиму. Я тогда не был ни Сулейманом, ни Джабиром. Я назвал другое имя и пообещал доставить вас в порт Шакик в Катаре.

— Как вы рассчитывали это проверить? — поинтересовался Дэйи.

— Собственно, я не думал, что дойдет до этого. Я рассчитывал, что саудовцы вас перехватят либо мне придется все сделать самому. Но с саудовцами ничего не вышло, а мне жутко не повезло — я заболел. Тем не менее, даже больному, мне удалось довольно быстро уговорить капитана Маджида открыть кингстоны кутии в паре миль от Шакика.

Джабир мрачно улыбнулся.

— Но и тут вмешался какой-то злой рок. По политическим соображениям Хаким вас освободил. Этого никак нельзя было предугадать. Конечно, лучше всего было бы, если б я мог сам с вами разделаться.

— Естественно, так вам было бы удобнее всего, — согласился Дэйи. — Только заболели вы не случайно.

Джабир даже приподнялся на диване.

— Что вы имеете в виду?

— Когда я сообразил, что вы — наемный убийца, я решил позаботиться о вас прежде, чем вы займетесь мной. И я вас отравил.

— Что?! Вы отравили меня?

— Боюсь, что так и есть.

— Дэйн, я не могу поверить, что вы на такое способны! Что вы мне подсыпали?

— Перуанский яд под названием «камотилло». Мне не составило труда подмешать его вам в пищу.

— И у вас все время был с собой этот яд?! — недоверчиво спросил Лахт.

— И еще кое-какие мелочи. Никогда не знаешь наверняка, что может пригодиться в работе, — пояснил Дэйн.

Потрясенный Джабир никак не мог до конца поверить в то, что его отравили. Он спросил:

— А почему вы не отравили меня насмерть этим своим камотилло, раз уж решили, что я предатель?

— Вы нужны были мне живым, ради моей собственной безопасности, — объяснил Дэйн. — Я должен был сделать дело, за которое взялся, несмотря на то, что Комитет старался мне помешать. Если бы я просто убил вас, Комитет нашел бы какой-нибудь еще способ задержать меня. А так они все еще рассчитывали на вас.

Джабир застонал и отвернулся к стене. Дэйн обратился к Лахту:

— Хотелось бы знать, что вы теперь собираетесь делать?

— Ничего не изменилось. Все идет по плану. Мы не станем посылать приказ об отмене восстания, оно состоится, иракские власти его подавят. И все обвинят в этом мистера Дэйна, который не доставил вовремя жизненно важное послание. Да и саму Америку, которая в последнее время не поддерживает наши важнейшие планы, наше сопротивление, нашу борьбу.

— Не забывайте, что я все же доставил послание вовремя! И, собственно, Соединенные Штаты никогда не обещали вам никакой помощи, — заметил Дэйн.

— Мы ни о чем не забыли, — сказал Лахт. — Но мы представим все именно так — и ракканцы, и весь мир поверят нам!

— Я могу доказать, что это неправда!

— Неважно, что вы там можете доказать! Вопрос в том, удастся ли вам заставить людей в это поверить? Припомните Кубу, там американцы тоже потерпели досадное поражение.

Вам не кажется, что наша версия более правдоподобна? И вы, мистер Дэйн, просто должны будете с этим смириться, потому что мы сообщим всему миру, что так оно и было! И наше слово будет более веским, и мы будем повторять это так часто и так искренне, что ваших опровержений просто никто не услышит! Мы лишим вас возможности выступить со своими возражениями, мистер Дэйн, а в нашем мире информация — залог успеха!

— А вы не переоцениваете свои возможности?

— Не думаю. Посмотрите в лицо фактам! Нам придется противостоять не всем Соединенным Штатам, а всего лишь какому-то Стивену Дэйну, тайному агенту, который работает на полусекретную организацию борцов за независимость. Ваша организация не станет выступать против нас, потому что это противоречит ее основным задачам. Вы можете, конечно, попробовать сами, да только что вы можете сделать? В лучшем случае, напишете какую-нибудь статейку или книжонку, в стиле «как это было на самом деле». Это модно среди отставных британских офицеров. Не думаю, что вам удастся оправдаться таким образом. А у нас, в противовес вашей предполагаемой книжонке, будет немедленный и практически неограниченный доступ на радио, телевидение и в газеты. Нас увидят и услышат десятки, даже сотни миллионов людей! И мы постараемся так вдолбить им в головы свою версию, что она в конце концов станет единственно признанной истиной. А потому у вас не получится переписать историю заново, и придется вам все же воздержаться от такого безнадежного дела. Надеюсь, вы понимаете, что в этом мире только тот, кто располагает средствами массовой информации, может рассчитывать на то, что его видение событий примут на веру люди всего мира.

Дэйн кивнул.

— Все это, конечно, верно — теоретически. Только в жизни иногда не все так просто. И вы, Макиавелли восточного побережья Аравии, слишком высокого мнения о себе. Вы переборщили с собственным цинизмом и слишком уж рассчитываете на человеческую глупость. И наверно, из-за недостатка самоуважения вам трудно понять и самих себя, и других людей.

— Недостатка самоуважения? Что вы имеете в виду? — удивился Лахт.

— Я хочу сказать, что вы неверно представляете себе, что вы такие сами. Вы ведь вовсе не такие умные и изворотливые, как вам кажется. Вы просто дешевые политики, склонные все усложнять, строить интриги ради самих интриг. Вы много лет жили за счет пожертвований соратников, но сейчас положение ваше пошатнулось, и вы цепляетесь за малейшую возможность, чтобы все осталось по-прежнему!

— Естественно, мы жили на деньги борцов за свободу, — сказал Бикр. — Но вы обвиняете нас несправедливо! Мы действительно желаем Ракке свободы и независимости!

— Это, конечно, прекрасно. Я тоже искренне хочу, чтобы Ракка стала независимой, как и Южная Африка, и Гаити, — сказал Дэй. — И я так же искренне желаю...

— Хорошо, хорошо! — прервал его Лахт. — Полагаю, об этом сказано уже достаточно. Мы посвятили вас в свои планы. Остается только решить, мистер Дэй, какую из предложенных ролей вы согласитесь принять.

— Вы в самом деле считаете, что у меня есть выбор?

— Конечно. Восстание должно состояться, как и запланировано, и должно провалиться по вашей вине. Это неизбежно. Вопрос в том, как именно вы предпочитаете объяснить свой провал? Например, если вы согласитесь с нами сотрудничать, мы можем постараться снять с вас большую часть вины. Мы представим вашу задержку как неумышленную, более того, сообщим, что вам все время мешали русские или китайские агенты, которых мы тут же за просто придумаем, если будет нужно. Ваше положение все равно не станет слишком уж хорошим, поскольку неудача — она неудача и есть, но все же вы предстанете не в таком уж и дурном свете!

— Вы очень великодушны, — сказал Дэй. — А если я откажусь?

— Что ж, пока вы не начнете активно выступать против нас, пока вы не попытаетесь открыто высказать свою точку зрения на эти события, мы выставим вас как просто неумелого, неуклюжего, даже смешного неудачника из американских добродетелей. О вас не станут думать как о злодее или плохом

человеке, вы покажетесь просто чем-то мелким и несерьезным, дешевой.

— Забавная перспектива! А что, если я стану активно выступать против вас? — спросил Дэй.

— В таком случае все будет выглядеть несколько иначе. Нам придется заявить, что вы и ваши американские руководители с самого начала были настроены против нас. Или, скорее, сперва вы были за нас — хоть это и не так правдоподобно, — но потом сошлись с иракцами, и из-за своей национальной жадности до нефти и нездоровых опасений вмешательства еще одной независимой силы вы стали действовать как будто бы на нашей стороне, но на самом деле намеревались предать ракканскую революцию... Что-нибудь в этом роде, позже мы сможем разработать версию более детально.

— Да, вы и вправду приготовили для меня немало самых разных обликов... — сказал Дэй.

— Конечно. Так что теперь, мистер Дэй, вы должны выбрать, окончательно и совершенно определенно — какая роль подходит вам лучше всего?

Дэй встал, зевнул, потянулся, устало потер ладонями лицо.

— Вы знаете, это было жутко длинное и утомительное путешествие. Разговор у нас тут, конечно, очень интересный и небезынтересный, но мне бы хотелось сейчас пойти в гостиницу и помыться с дороги.

— Минуточку! Вы забыли сказать, какую роль вы предпочтете!

— Выкиньте из головы весь этот бред! — ответил Дэй. — Я не играю никаких ролей, кроме тех, которые сам себе выбираю. Я доставил вам послание, и вы отдадите приказ об отмене восстания.

— Я думаю, вы ошибаетесь, — сказал Лахт.

— А я думаю, ошибаетесь как раз вы. Я уже рассказал вам, как, по-моему, все происходило на самом деле. Но я все равно добрался до Дохи и нашел способ выполнить задание.

— А что, собственно, вы такого нашли? — поинтересовался Лахт.

— Иракского агента по имени Хаким, который сотрудни-

чает с Джабиром. Хаким таки перехватил нас в Шакике. Мы были полностью в его власти. И он нас отпустил.

— Он чуть ли не вытолкнул нас в шею! — подал голос Джабир. — Из каких-то политических соображений, во избежание международного инцидента...

— Вы в самом деле считаете, что все так просто? — спросил Дэйн. — Международные трения, английские военные катера из Бахрейна... Господа, вы так давно сочиняете и скармливаете другим всевозможные небылицы, что сами готовы верить чему угодно!

— Тогда, может быть, вы нам скажете, почему это Хакиму вздумалось вас отпустить? — спросил Лахт.

— Поставьте себя на его место, — предложил американец. — Он хороший человек, и данный конфликт ему, в общем-то, безразличен.

Рауди сказал:

— Нам известна его репутация.

— Ваша репутация ему тоже известна. Так вот, в Шакике, когда Хаким держал нас под стражей, он рассказал о своем задании. Хаким знал или по крайней мере предполагал, что за послание я должен доставить: обоснование отмены революции. Заметьте, в интересах его страны, чтобы эта революция состоялась. У иракцев достаточно сил и средств, чтобы безболезненно ее подавить. Хаким вполне мог продержать меня там до определенного срока, но он все же решил меня отпустить и даже помог вовремя добраться до Дохи, чтобы я выполнил свою миссию. Он, конечно, соловьем заливался насчет того, почему это ему вдруг стукнуло в голову так поступить, да только одному хорошему агенту очень трудно провести другого хорошего агента. Если б Хаким действительно хотел удержать меня, он нашел бы способ сделать это, даже если бы в гавани Шакика собрался весь английский флот.

Но он решил меня отпустить. Был чрезвычайно любезен, познакомил меня со всеми более-менее важными местными деятелями и даже дал свою собственную машину и охранников, чтобы я без помех добрался в Доху и доставил сообщение о возможной угрозе Ирака.

Почему, интересно, он все же отпустил меня и так позаботился об успехе моей миссии? Потому что, пока я был у Хакима в плену, ему стало кое-что известно. Не спрашивайте, как он об этом узнал. Скорее всего, у него в Шакике припасена собственная коротковолновая радиостанция и есть свои источники информации. Однако он узнал или догадался об одном немаловажном событии, из-за которого все так радикально изменилось.

Он узнал, что вы, господа, и не собирались отменять восстание. Неважно, доставлю я послание или нет.

Это немедленно поменяло местами все фигуры в игре. Хаким отпускает меня, но восстание все равно начинается, как и было запланировано. Его, конечно, подавят, и тут завертится пропагандистская машина вашего Комитета. Да только без толку. Потому что Хаким разгадал гаденькую интрижку вашего Комитета. И у него под рукой все самые уважаемые граждане Шакика и капитан Маджид со своими людьми, чтобы вывести вас на чистую воду.

Вы, кажется, сами мне только что говорили, что информация в нашем мире — единственная реальная сила, не так ли, господа? Я согласился, только с небольшой оговоркой. Давайте-ка поглядим, что у нас получается. Вы серьезно считаете, что ваша пропагандистская телега может сравниться со средствами массовой информации всего Ирака? Глупости! И вы это прекрасно знаете. Ваш писк утонет в море их голосов. И они, а не вы, будут писать эту историю. Как вы думаете, что они напишут?

Никто не ответил, и Дэйн продолжил:

— Они расскажут — по радио, на телевидении и в газетах, — что узнали о предстоящем мятеже и о попытке американцев его предотвратить. Не то чтобы им хотелось выставить нас, американцев, в хорошем свете — они прекрасно понимают наши истинные стремления. Но они все равно расскажут, как американский агент — не важно, по каким соображениям — предпринял почти безнадежную попытку избежать ненужного кровопролития. И о том, как облеченный властью ракканский революционный Комитет проигнорировал его сообщение и позволил революции начаться. Уж по-

верьте, они постараются расписать истинные причины таких действий Комитета: и то, как власть ускользает от этих бесполезных для своей страны изгнанников, и то, как предали они свой народ ради собственной выгоды.

Собственно, они ни на йоту не отступят от правды — хотя какая разница? Правда это или нет, но тогда придет конец и революции, и всему движению за независимость, и — Комитету!

Дэйн замолк, протер глаза, потом продолжил:

— Как бы то ни было, это всего лишь мое личное мнение. Вам, конечно, придется туго, если вы отмените мятеж. Но если нет — ваше положение станет совершенно безвыходным. Впрочем, вам решать. А я, пожалуй, пойду приму ванну.

Дэйн повернулся и направился к выходу. За его спиной зашумели, потом раздался голос Лахта:

— Некогда без толку спорить! Рауди, идите за радистом!

— Он скоро сам придет. Но вы, конечно, правы. Мы должны отменить восстание! Но как мы сможем сохранить наши позиции при этом разгроме?

— Мы можем сделать заявление! — предложил старый Бикр.

— Возможно, нам и удастся выбраться из этой передраги, не подмочив свою репутацию, — откликнулся Рауди. — Все это лишь вопрос построения фраз и правильно расставленных акцентов.

— Тихо! Я составляю обращение! — сказал Лахт. — Как вы думаете, стоит ли упоминать египетскую контрразведку?

Дэйн уже дошел до самой двери, когда его тихо, слабым голосом окликнул Джабир. Дэйн задержался, обернулся и подошел к диванчику.

Джабир выглядел весьма неважно. Щеки ввалились, кожа цвета желтоватого пергамента обтягивала лицо, нос заострился. Тем не менее Джабир сумел растянуть губы в мрачноватой усмешке.

— Это очень нехорошо с вашей стороны, — сказал он Дэйну. — Да, именно, вы поступили со мной очень жестоко... Дэйн, я слышал об этом камотилло. Скоро ли я смогу выздороветь? И не останется ли каких-нибудь необратимых последствий?

— Вы не выздоровеете, — ответил Дэйн.

— Дэйн! Лечение в хорошей больнице, в Каире или, скажем, где-нибудь в Европе...

— Вы не выздоровеете, — повторил Дэйн. — Яд слишком долго находится у вас в крови. Вы протянете еще месяцев шесть, может — год. И умрете от паралича нервной системы. Отравление камотилло не особенно болезненно, но это верный конец.

Джабир отчаянно завертел головой, как будто стараясь таким образом увернуться от неизбежного.

— Вы бессердечный ублюдок, бесчестный человек! Я всего лишь пытался вас задержать, а вы заставляете меня медленно умирать!

— Я отравил вас не из-за этого, — ответил Дэйн. — Если бы дело касалось только нас с вами, я не стал бы давать вам камотилло. Но в этом замешано гораздо больше людей.

— Это больше никого не касается!

— У вас короткая память, Джабир, — возразил американец. — Я убил вас не за то, что вы меня предали. Но я не мог не рассчитаться с вами за остальных.

— Каких это остальных? Ради Аллаха, что за бред вы несете?!

— Я говорю о Хасса и Мазайаде, убитых саудовскими солдатами, об Амаре, который умер от ран после прорыва через засаду саудовцев. Они считали вас своим другом и погибли, потому что вы предали нас саудовцам. Я говорю о Хасане эль-Дин эль-Аоуди, геологе, который видел иракские войска. Вы зарезали его, Джабир, чтобы известия об иракских солдатах не просочились в Ракку. Вы, наверное, рассуждали с Хасаном о чем-то высоком, когда сунули ему нож под ребра...

Джабир долго молчал. Потом сказал:

— Хасан рассмеялся над моей шуткой и как раз отвернулся посмотреть куда-то в сторону. Его смерть — единственная, о которой я сожалею.

— Можете больше не сожалеть, — сказал Дэйн. — Вы расплатитесь за это сполна.

...Дэйн спустился по ступенькам и вышел на улицу. Пересек площадь, щуря глаза от ослепительных отблесков света на белых стенах зданий, и вошел в гостиницу. В номере принял ванну, предупредил портье, чтоб его разбудили перед авиарейсом на Амман, и лег спать.

Через три дня, уже в Париже, он старался объяснить мистеру Менли, почему не началась революция в Ракке.

Мистер Менли огорчился, но не предался отчаянию. Сейчас он как раз занимался революцией на Гаити — прекрасный план, отличный пример борьбы Добра со Злом, причем с солидными шансами на успех.

Дэйна это не особенно заинтересовало, и мистер Менли немного расстроился. Но он понимал, что его агент устал и, конечно же, нуждается в отдыхе. Пару недель в Лондоне или Париже — и Дэйн снова будет в форме, готовый к очередному опасному заданию.

Но Дэйн думал иначе. Он предпочел бы нескольким неделям в Америке или в одной из европейских столиц тихую и спокойную жизнь где-нибудь на затерянном острове в Тихом океане.

И он не собирался сообщать мистеру Менли, как называется этот островок. Заметил только, что на этот островок газеты приходят только раз в году, там нет телевидения, а радиосвязь очень ненадежна.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Сюжет и все действующие лица этой книги вымышлены. Сходство с реальными событиями и реальными людьми случайно.

Глава 1

На безмятежной водной глади они были одни; на сотни километров вокруг не было ни души, только искрился под солнцем океан, и колыхались на воде пряди плавучих водорослей.

Палуба дрейфующего двухмачтового кеча. Притаившись, Деннисон не сводил глаз с капитана. Если Деннисон убьет его сейчас, быстро и незаметно для цивилизованного мира, судно капитана, его деньги и даже его имя, означенное в документах, будут принадлежать ему. И когда Деннисон, бродяга, попадет в поле зрения цивилизованного мира в следующий раз, он превратится в капитана Джеймса, героя, оваянного легендами.

Джеймс и не подозревал — да и не мог подозревать, — что в невзрачном, обожженном солнцем, списанном на берег лоботрясе, отрабатывающем свой проезд до Нью-Йорка, скрывается железная хватка и целеустремленность...

* * *

Классическая ситуация — герой и злодей отрезаны от какого-либо вмешательства извне, не подвластные никакому иному закону, кроме божьего промысла. Итак, ничто не мешает Добру восторжествовать над Злом. Ничто.

1

Только бы запустить мотор! Если бы это ему удалось, он был бы спасен. Это вопрос жизни и смерти. Остальные опасности не в счет. Он должен запустить проклятый мотор, как это ни рискованно!

Деннисон бесшумно спустился вниз по трапу, перешагнув через сломанную третью ступеньку. В трюме было темно, хоть глаз выколи. Он на ощупь отцепил трап, осторожно перенес его и положил на койку. За трапом находился холодный и неподвижный кожух мотора.

Сперва проверить подачу топлива. Долгое время мотор стоял с отключенной подачей горючего. Чтобы запустить двигатель, надо подсоединить заново все составляющие и проверить их в действии.

Итак — подача топлива. Он присел на кожух и нащупал карбюратор. Пальцы сразу нашли бензопровод и, скользнув вдоль него, наткнулись на первый вентиль. Открыл его. Потом Деннисон перегнулся через двигатель и вел рукой вдоль трубки, пока не отыскал второй вентиль, у самого бака. Открыл и этот.

Все идет как надо. Теперь водяной клапан.

Он размещался где-то справа по борту, позади мотора и рядом с водяным насосом. В темноте пальцы Деннисона шарили по внутренности мотора настороженным тарантулом — вниз, по свечам зажигания, по генератору, к маслосборнику. Он потянулся дальше. Его пальцы наткнулись на водяной насос и пробежались по трубке до самого водяного клапана. Деннисон попытался открыть и его.

Заело!

Ощувив нахлынувшую волну паники, он резко дернул маленький железный вентиль. Ни с места. Может, его удастся отвинтить с помощью отвертки, но в этом случае есть риск сорвать резьбу. Сколько протянет мотор без воды?

Тут ему пришло в голову, что, возможно, он просто вращает вентиль не в ту сторону. Деннисон попробовал повернуть кран в другом направлении. Через минуту у него получилось.

Все идет, как надо. Главное — не терять головы.

Какой-то звук?

Всего лишь скрип судна. Успокойся. Запускай мотор.

Он стиснул зубы и постарался припомнить, что следует делать дальше. Аккумулятор, вот что! Деннисон обнаружил его слева и включил. В этот момент его пальцы наткнулись

на что-то длинное, с гладкой кожей. Это нечто свисало сверху и на ощупь походило на змею.

Он отшатнулся, крепко приложившись локтем о маховик. Змея?! Черт, откуда на судне могла появиться змея? Мыши, крысы и тараканы на корабле привычное дело, но змея?

Впрочем, чего только не бывает. Он как-то слышал о мокасиновой змее, которая проскользнула на судно через незащищенный водозаборник. А что здесь?

Нет, здесь с решеткой все в порядке; он сам проверял. Но змея могла пролезть и по вентиляционным отверстиям!

Деннисон вынул нож и осторожно потыкал им в темноту, туда, где приблизительно находилась гадина. Лезвие коснулось чего-то гладкого, что сразу же скользнуло вбок.

Змея!

Надо уносить ноги.

Но змея находилась на пути к трапу. Он мог бы выбраться через один из люков, но вдруг эта тварь уже подбирается к нему? Нужно посмотреть.

Деннисон вынул из кармана спички и зажег. Вот она, рядом с двигателем! Ее плоская лоснящаяся голова возвышается над черным телом, она готовится к атаке...

Но это была не змея. Всего лишь один из толстых электрокабелей, которые тянулись от аккумулятора к двигателю. Клемма вышла из гнезда. Изогнутый черный кабель был подсоединен лишь к двигателю, а другой его конец висел в воздухе. Должно быть, отсоединился во время одного из разворотов судна.

Деннисон потыкал клеммой в гнездо. Не удержится, слишком свободно — нужен гаечный ключ или плоскогубцы, чтобы закрепить зажим. Но он не знал, где их можно найти. Будет ли мотор работать, если одна из клемм аккумулятора неисправна?

Наверное, нет. Только спокойствие! Плоскогубцы наверняка лежат где-то здесь.

Спичка догорела, и он снова услышал непонятный звук.

«Это всего лишь мое воображение», — сказал он себе, обливаясь потом в темном и душном трюме. В довершение всего из-за этой несуществующей змеи у него снова разболелась голова. У основания черепа резко запульсировала боль.

Он услышал, как захлопал фал на грот-мачте. Что-то тихо прошуршало по палубе.

Деннисон пошарил вокруг и наткнулся на ручки плоскогубцев. Инструмент заржавел, но его губки все еще могли закрываться и открываться. Деннисон яростно набросился на клемму. Готово!

Над ним поскрипывали блоки и шелкал фал на мачте. Серdito хлопнули паруса, и судно повернулось под внезапно налетевшим порывом ветра. Но мотор уже можно было запускать. Деннисон решил не возиться с трапом, а вскарабкаться на палубу, став на козух двигателя. Скорее...

Боже, он забыл о заводной ручке!

Он ясно видел ее перед собой — бронзовый рычаг трех футов в длину, двух дюймов в ширину и с полдюйма в диаметре, вставленный в паз, который находится в палубе рубки. Без заводной ручки у него нет ни малейшего шанса запустить уснувший двигатель.

Где может быть эта чертова штуковина? Куда ее засунули? Он пошарил по другую сторону от мотора. Нашел еще одни клещи и здоровую отвертку. Ручки не было.

Где, где, где? Он мысленно перебрал все укромные уголки судна. Ручка может находиться в любом из них. Деннисону ни за что не отыскать ее вовремя. Все пропало.

Отвертка!

Ну, конечно же! Он тупеет на глазах. Большая отвертка так же легко войдет в паз, как бронзовый рычаг. На некоторых судах вообще всегда используют отвертки вместо дорогих бронзовых ручек. Как он мог забыть?

Деннисон подобрал отвертку и выбрался на палубу. Слабый ветер трепал паруса, вполне достаточно, чтобы заставить блоки скрипеть. Истаявшая на четверть луна сияла все еще ярко. В ее холодном свете он оглядел палубу, тень, которую отбрасывала рубка, обошел мачту, обрыскал всю яхту, от бушприта до брашпиля.

Все спокойно. Капитан Джеймс не воспользовался возможностью незаметно проскользнуть обратно на корабль.

Теперь оставалось только завести мотор. Если двигатель заработает, он спасен. Деннисон вошел в рубку и опустил на короточки рядом с приборной доской. Открыл воздушную

заслонку и перевел дроссель на одну треть. Вставил отвертку в паз и убедился, что скорость — нейтральная. Что еще, что еще он мог забыть?

Ничего. Мотор должен заработать. Но Деннисон не мог избавиться от мысли о неполадках, которые подстерегают в море: осадок в бензобаке, вода в карбюраторе, севший аккумулятор, изношенные детали... Или более редкие неудачи: сломанный генератор, заклинивший поршень, коррозия реле стартера или водоросли на решетке водозаборника.

Он заставил себя не думать обо всем этом. Проклятый мотор должен завестись!

Деннисон встал и, затаив дыхание, нажал кнопку зажигания.

2

Когда Деннисон разжигал небольшой костерок, он увидел двоих австралийцев, шагающих вверх по склону холма. Вчера вечером, в порту, ему на глаза попался их маленький неуклюжий кеч, над которым развевался флаг Австралии, едва ли не больший, чем все их корыто. Деннисон видел, как эти два здоровяка драили палубу и поднимали желтый карантинный флаг.

Сейчас они поднимались на холм. Того, что повыше, украшала копна выгоревших белокурых волос и густая пшеничная борода. Он смахивал на викинга. Второй был почти шести футов ростом, с песочными волосами, гладко выбритый, и походил на защитника футбольной команды какого-нибудь колледжа. На обоих были только шорты и сандалии, и кожа их отливала красноватой бронзой. В плечах косая сажень, грудь колесом, мускулистые предплечья, огромные бицепсы, крепкие икры ног. Животы расчерчены квадратами мышц. Их тела дышали бьющей через край физической силой и здоровьем.

Такое нагромождение мускулов напугало Деннисона, который сам был среднего роста и довольно тощ.

— Ну, че? — произнес бородач тихим и тоненьким голосом, неожиданным у такой громадины. — Харчишься?

— Завтракаю, — ответил Деннисон.

— Тоже дело, — заметил «защитник». — Плоды хлебного дерева, а?

— Да, и авокадо.

— На Маврикий мы только на них и сидели, — пропищал бородач. — Неплохо, особенно если их поджарить.

— И выдавить немного лимона сверху, — добавил его спутник.

— Присоединяйтесь, — сказал Деннисон. — Но глядите в оба, чтобы не прибежал какой-нибудь ублюдок с ружьем. В смысле, землевладелец.

Он говорил сердечным, проникновенным голосом, доверительным тоном, которым всегда обращался к мужчинам типа «шкаф». Австралийцы с благодарностью кивнули. Бородач отложил в сторону старый кливер, который нес в руках.

Деннисон оглядел кусок парусины:

— Похоже, прогнила.

— Это точно, — согласился «полузащитник». — Парень-швед выкинул ее, пока плесень не перекинулась на рундук. А мы с Алексом подобрали.

— Какой с нее толк? — спросил Деннисон. — Она не выдержит первого же ветра.

В его речи начал проскальзывать легкий австралийский акцент.

— Для паруса это ни к черту не годится, — ответил «полузащитник». — Но здесь много бронзовых заклепок, видишь? И крепления из нержавеющей стали. Мы расклепаем их и оставим себе. Потом, когда раздобудем где-нибудь парусины, сделаем кливер.

— Тоже дело, — одобрил Деннисон. — Из Австралии, да?

— Угу.

— Я там бывал. Сидней. Порт Морсби.

— Да ну? — удивился бородастый Алекс. — А мы оба жили на двести миль к югу от Виндема. А в Сиднее были только раз, верно, Том?

— Чертовски шумный город, — ответил Том.

— И дорогой. Мы с детства работали на овцефермах. Знаешь, эти поганые овцы до сих пор сидят у меня в печенках!

— Эт-точно, — поддакнул Том. — Потому мы и решили уехать — посмотреть мир, пока не обзавелись своим хозяйст-

вом и не вросли в землю. Денег у нас было немного, вот Алекс и построил лодку.

Алекс вспыхнул до корней бороды.

— Мы строили вместе, Том.

— Ну, может, я как-то и пригодился при сборке и обшивке досками, — сказал Том. — Но это ты продумывал всю конструкцию и сверлил пазы.

«Чрезвычайно скромные молодые люди», — с удивлением отметил про себя Деннисон. С таким ростом и такими мышцами уж он-то бы не слишком скромничал.

— И как поживает ваше судно? — спросил Деннисон.

— Неплохо, — ответил Том. — У меня не было никаких чертежей, так что я постарался, насколько смог, сделать лодку похожей на люггер, как бывает у ловцов жемчуга. Да только, видно, малость сплеховал с обводкой — наша малютка что-то сильно заваливается на подветренный борт, и за ней нужен глаз да глаз. Придется, наверно, удлинить киль — это должно поправить дело.

Том помолчал, потом продолжил:

— Мы сделали долгий переход на Маврикий, постояли на Реюньоне и двинули напрямик на Дурбан. Хотели зайти на Мадагаскар, да деньги все вышли.

— Южноафриканцы — замечательные парни, — вставил Алекс. — Не взяли с нас ни цента. Кормили и одевали за спасибо. В местном порту мало того что не взяли с нас за стоянку, так еще и перекрасили наш «Муссон» за бесплатно. А яхт-клуб поставил нам новые паруса. Наши порвало в клочья к югу от Мадагаскара.

— Мы даже думали, не остаться ли в Дурбане, — заметил Том.

— Но не остались, — продолжал Алекс. — Мы собирались обойти вокруг всего земного шара, а потому отправились дальше, вокруг мыса Доброй Надежды. И на север, вдоль западного побережья Африки. Скука смертная, скажу я вам. Потом пришли на острова Зеленого Мыса.

— А там цены просто дикие, — сказал Том. — Думали отправиться в Англию. Даже нашли пассажирку, готовую заплатить, да она передумала. Тогда мы пересекли Атлантику и пришвартовались здесь. Можно еще один хлебный плод?

Какое-то время все молчали, сосредоточенно уминая хлебные плоды и авокадо. Наконец Том prorонил:

— Порт Морсби?

— Да, в сорок восьмом, — ответил Деннисон с нарочитой небрежностью. — Жара, духота... Гадкое место. Мне его хватило под самую завязку, — добавил он с новоприобретенным австралийским акцентом.

Австралийцы кивнули. Они прикончили завтрак и встали.

— Нам пора двигать, — сказал Алекс. — Попробуем подработать, перехватить хотя бы пару-тройку долларов.

— Пустая затея, — отозвался Деннисон. — Поверьте, я уже пытался.

— Знаю, — весело ответил Том. — Но мы все-таки попробуем, заодно посмотрим город. А потом пойдем ловить рыбу. А ты как?

Деннисон пожал плечами.

— А я хотел бы убраться подальше с этого поганого острова.

— Я слышал, один американец купил сегодня кеч, — сказал Том. — На пятьдесят футов, тот, что был пришвартован у главного причала. По-моему, ищет напарника. Он идет в Нью-Йорк.

— Нью-Йорк! — воскликнул Деннисон. — Мой родной город!

— Я слышал, он собирается запастись там оборудованием, — добавил Алекс, — а потом пошарить по Карибскому морю, поискать затонувшие корабли.

— Может, поговоришь с ним? — спросил Том. — Капитан Джеймс. Говорят, старый морской волчара. Наверное, интересно с ним поплавать.

— Может, и поговорю.

— Да, кстати. Мы сегодня устраиваем пирушку. Двое хороших ребят угощают. Обещались выставить по паре бутылочек. Бросай все и приходи.

— Приду, — сказал Деннисон.

— Джеймс наверняка там будет. И почти все ребята из порта. Как солнце сядет, так и начнут.

— Я приду, — кивнул Деннисон. — Удачи!

Он смотрел, как австралийцы спускаются с холма. Их голые плечи отливали на солнце яркой бронзой.

Вот бы ему быть таким!

Деннисон вздохнул и вытер рот лохмотьями, в которые превратилась его рубашка. Нью-Йорк...

Там живет его сестра. У нее можно будет занять денег, немало, но для начала достаточно. Она бы ни за что не стала пересылать их почтой, но личная встреча — это совсем другое. Ну конечно, она ему не откажет. Как только денешки окажутся у него в кармане, он тотчас же отправится на Сити-Айленд и отыщет яхту, направляющуюся на юг. А может, вернется обратно с Джеймсом.

Опять же, когда он возвратится сюда с деньгами, все будет совсем по-другому. Может, он примкнет к капитану Джеймсу и они вместе будут искать эти затонувшие корабли. А нет — так можно еще устроиться на грузовую шхуну, или в школу катания на водных лыжах, или на какую-нибудь прогулочную яхту, из тех, на которых развлекаются туристы, или, в конце концов, можно заняться поиском затонувших кораблей самолично. Карибское море таит массу нераскрытых возможностей!

Он повидается с капитаном Джеймсом и подпишется на этот рейс до Нью-Йорка. Удача наконец повернулась к нему лицом. Несомненно! После долгих и скучных месяцев, дела начинают идти в гору. «Только так теперь все и будет», — пообещал себе Деннисон.

Он поднялся, заправил рубашку поглубже в штаны и решил пройти по городу. Солнце сядет часа через четыре, не раньше. Возможно, за это время что-нибудь подвернется — чисто на случай, если Джеймс ему откажет. Кроме того, слепо полагаться на везение с путешествием в Нью-Йорк неразумно. Может, найдется что и получше. Раз уж удача тебе улыбнулась, значит, она подбросит с дюжину вариантов, чтобы ты мог все тщательно взвесить и выбрать наиболее подходящий. Счастливый случай широко распахнул свои двери, и вот ты снова чувствуешь себя человеком, а не кучкой дерьма на фоне тропического пейзажа.

Он спускался по круто сбегавшей вниз пыльной дороге к Шарлотте-Амалии, мимо пользующихся дурной славой хи-

жин аборигенов, мимо больших винных магазинов, ювелирных и посудных лавок, направляясь к магазину скобяных товаров Хейккля.

В лавке царили прохлада и полумрак. Хейккла был занят тем, что завязывал узлом конец шнура, свисавшего из-под колокольчика. Он часто сооружал живописные узлы для домохозяев, которые сами были не в состоянии толком завязать узел. Когда Деннисон вошел, тощий лысый Хейккла поднял голову и глубоко вздохнул.

— У меня ничего для тебя нет, — быстро произнес он. — Я же сказал: милостыню не подаю.

— А я и не прошу, — бодро проронил Деннисон.

— Почему бы тебе не обратиться с Сент-Томаса?

— Скажи, как.

— Я кое-что нашел, — ответил Хейккла. — На один небольшой сухогруз нужен помощник, чтоб разбирался в навигации. Помощник капитана, заметь, Деннисон! Они везут в Ливардс цемент и какие-то железки.

— И что, я, наверное, буду единственным белым на борту? — бросил Деннисон.

Хейккла передернул плечами.

— Ну и что? Я думал, тебе главное — выбраться с Сент-Томаса?

— Так-то оно так. Но не затем, чтобы застрять на Санта-Круссе или Антигуа. Как называется это корыто?

— «Люси Белл». Стоит сейчас у городской пристани.

— Это вариант, — сказал Деннисон, который теперь насколько не сомневался, что фортуна повернулась к нему лицом. — Я подумаю. Но мне подвернулось кое-что получше.

— И что же?

— Рейс в Нью-Йорк. Там я смогу разжиться деньжатами. У меня в Нью-Йорке друзья. С кем ты будешь играть в шахматы, когда я уеду, старый ворчун?

— Да, тут, на острове, мало кто умеет играть в шахматы, — согласился Хейккла. — Но Нью-Йорк... Уже октябрь, Деннисон. Ты попадешь туда к зиме. Я слышал, там чертовски холодно.

— И что с того?

— Может, лучше наймешься помощником капитана на

«Люси Белл»? Ты ведь долго жил в тропиках. Зачем тебе торчать зимой в Нью-Йорке?

— Да мне и самому не очень-то хочется. Но там я смогу занять денег.

— Ну-у, — с сомнением в голосе протянул Хейккла, — если ты точно уверен, что сможешь разжиться деньгами...

— Конечно, смогу! Только потому я туда и собираюсь.

— Значит, ты точно уезжаешь?

— Точнее некуда.

Хейккла помолчал, оглядывая свою сумрачную лавку.

— Ты опять на мели?

— Аг-ха, — ответил Деннисон с легким финским акцентом.

— Вот, возьми. — Хейккла протянул ему замусоленный доллар. — Мне будет не хватать шахмат.

— Мне тоже, — сказал Деннисон. — Спасибо. Если я передумаю насчет «Люси Белл», я дам тебе знать. Когда они отплывают?

— Через пару дней, а то и через неделю.

— Я заскочу к тебе. Спасибочки!

Выйдя на улицу, Деннисон сделал вывод, что он прекрасно умеет вымогать деньги. Но, с другой стороны, эти финны такие сентиментальные!

Теперь перед ним открылись целых две возможности удирать с Сент-Томаса. Кто скажет, что ему не везет? Помощник капитана на «Люси Белл»! Два, целых два способа. Может, появится и третий? И у него есть доллар — хватит на обед с мясом. А вечером его ждет попойка! Насколько он знает австралийцев, вечеринка должна быть буйной и веселой.

Жизнь определенно становилась светлее.

Подойдя к яхт-клубу, Деннисон увидел яхты из разных уголков земного шара — одни были пришвартованы у пристани, другие стояли в заливе на якоре. Сезон штормов закончился, и корабли теперь заходили в гавань каждую неделю. Сент-Томас пользовался большой популярностью у путешественников.

Они приплывали со всех концов земли — из Бостона и Нью-Йорка, огибая с юга течение Гольфстрим или лавируя меж Багамскими островами, через Кубу, Гаити и Пуэрто-Рико. Идя из Европы, многие капитаны предпочитали надежный и выверенный путь через Канары и Карибское море. Некоторые суда устремлялись дальше на юг на крыльях пассатов, к Тринидаду или Барбадосу, а затем поворачивали на север, держа курс на цепочку Малых Антильских островов. Другие шли напрямик через Северную Атлантику, как сделали Гербольт или Бартон. И немногие смельчаки отваживались выбрать более короткий и опасный путь через Гренландию и Ньюфаундленд.

И, откуда и куда бы ни направлялись все эти суда, они находили пристанище в гостеприимном порту острова Сент-Томас.

Хотя Деннисон знал технические характеристики и внешний вид каждого судна в порту, ему не довелось побывать на борту ни одного из них. Самое главное различие между богатыми и бедными заключалось в том, есть ли у тебя яхта. Если нет — тут ничего не попишешь, и только случай может привести тебя на борт чьего-то предела мечтаний. Но если у тебя есть яхта — пусть хоть дырявая маленькая двадцатифутовая посудина, — тогда ты становишься в один ряд с любым киноактером на стофутовой шхуне или с удалившимся от дел промышленным магнатом на прогулочной парусной громадине с мотором. А на самом деле даже круче.

Деннисон знал толк в яхтах и любил их. Он вырос в Амивилле, на южном берегу Лонг-Айленда, и его первым кораблем был маленький ялик с парусом. Потом он пересел в одномачтовый шлюп. Когда он учился в университете и еще были живы его родители, у Деннисона появился небольшой прогулочный парусник. Дважды он участвовал в Бермудской регате; а один раз, как раз перед призывом в армию, его наняли перегнать вдоль побережья небольшую яхту — от Тан-дерболта, штат Джорджия, до Форт-Лаудердейла во Флориде.

Вот это было путешествие! Как если бы у него завелась своя яхта. Честно говоря, он представлял, что это и есть его собственная яхта. Как самый настоящий владелец судна, он встречался с другими владельцами в портах по пути следова-

ния. Он перебрасывался с ними шуточками на причалах, а однажды его даже пригласили пропустить рюмочку на борт шикарного парусника.

Это путешествие стало для Деннисона настоящим открытием. Когда у тебя есть яхта — это значит, что у тебя есть и дом, и определенное положение в обществе, и профессия. Ты сразу же начинаешь чувствовать себя настоящим мужчиной, одним из элитного братства яхтсменов. А без яхты ты — никто.

После Кореи Деннисон не раз пытался приобрести яхту, но время было упущено, и ему все никак не везло.

Он знал все о каждом судне в порту, потому что в таком маленьком городишке, как Сент-Томас, только и разговоров было, что о яхтах да о морских бродягах. Стоя на пирсе, Деннисон смотрел на новенькую шведскую тридцатифутовую яхту, на которой пришли двое парней из Гетеборга. Один сейчас валялся в местной больничке с пищевым отравлением, а второй, оказавшись без гроша в кармане, из кожи вон лез, чтобы по выгоднее загнать кому-нибудь их посудину. Рядом со шведской яхтой стояла на якоре увеличенная копия знаменитой «Капли» Джошуа Слокума. Эта красавица принадлежала отошедшему от дел владельцу заводов по производству электроприборов, который путешествовал с супругой и каким-то другим семьей. Неподалеку, почти у самого главного причала, болтался старенький шлюп. Парень по имени Тони Эндрюс вместе с двумя приятелями пригнал этот шлюп из Нью-Бедфорда. В Сент-Томасе его приятели решили, что по горло сыты морскими приключениями, которых им хватит теперь до конца жизни, и сошли на берег. Тони собирался идти дальше один, хотя с огромным парусом управиться в одиночку будет, наверно, трудновато. Дальше виднелся маленький двадцатишестифутовый шлюп из Англии, на котором прибыл невозмутимый бородач с симпатичной молодой женой. У самого конца причала болтался заброшенный одномачтовый тендер. Его владелец собирался когда-то на Таити, но вот уже три года торчит в Сент-Томасе, без конца копаясь в своем моторе и починая генератор. Видно, не очень-то он и торопится на свой Таити. На ялике испанской постройки, пришвартованном у северного дока, жил амери-

канский писатель — тощий, самоуверенный и вечно чем-то недовольный. Он писал рассказы, настроил их уже целую кучу, и каждый день ездил на велосипеде на почту в Сент-Томас, проверяя, не прислали ли ему гонорар. Когда же вместо гонораров издатели присылали обратно его творения — а так оно обычно и бывало, — этот зануда, и в хорошие дни угрюмый и мрачный, становился чернее тучи. У него не было никаких явных источников дохода — но, как ни странно, особых денежных затруднений тоже.

Накануне из Аргентины прибыла большая гоночная яхта. Бригантина, зафрахтованная в Антигуа, заканчивала погрузку баков с водой, готовясь отплыть на рассвете. Рядом виднелся старый сухогруз капитана Финнерти из Сен-Мартена.

Судя по небольшой толпе на борту австралийского кеча, вечеринка уже началась. Писатель-американец перевез Деннисона туда в надувной резиновой лодке.

Пирушка началась довольно прилично. Двое здоровяков-австралийцев вежливо развлекали гостей разговорами. Подávalи ром местного разлива, который прикупили более дешевые моряки. Короткие тропические сумерки быстро сменились ночным мраком.

— А где капитан Джеймс? — спросил Алекс. — Что-то не видно его кеча.

— Он стоит у городской пристани, по ту сторону острова, — пояснил Финнерти. — Грузит снарягу. Сказал, что может не успеть на вечеринку.

— Я так надеялся, что он придет, — сказал Алекс. — Тут один парень хочет идти с ним в Нью-Йорк.

Старый Финнерти поскреб седую бороду и повернул кирпично-красное от загара лицо к Деннисону.

— Вообще-то, — сказал он, — ходить с кэпом Джеймсом тяжело, но здорово. Он настоящий рабовладелец, спустит три шкуры с любого, но и себя тоже не жалеет. Зато ты будешь плавать с настоящим моряком и отличным человеком.

— Да, я слышал, — сказал Деннисон, хотя как раз о Джеймсе он ничего не слышал. — Вы его давно знаете?

— Давно, — кивнул Финнерти. — Мы с Джеймсом ходили вместе на трехмачтовой «Звезде Океана», которая в конце

концов пошла ко дну неподалеку от мыса Горн. Наверное, вы много слышали о Джеймсе?

Финнерти окинул взглядом каюту.

— Нет? Ну, он мало ходил по Карибскому морю. Зато собаку съел на морских путях возле берегов Африки, Индонезии и Китая. Ах да, еще Южной Америки и туземных островов Тихого океана. Наш капитан настоящий джентльмен удачи. Из старого поколения, последний флибустьер божьей милостью!

— Не уверен, что морские разбойники уходят в прошлое, — заметил, ухмыльнувшись, писатель. — Я думаю, что определение «джентльмены удачи» можно применить ко многим, собравшимся здесь.

— Я имел в виду нечто другое, — откликнулся Финнерти. — Действительно, мы водим наши яхты по морю, и иногда это — опасное занятие. Некоторые из нас покоряли горные вершины, или охотились на тигров, или дрались на войне. Все это чертовски опасно, я не спорю. Но нам далеко до настоящих джентльменов удачи, так же, как до капитана Джеймса.

— Отчего же? — поинтересовался писатель.

— Потому что он слеплен из другого теста.

— Боюсь, что не понимаю вас.

Финнерти тряхнул головой.

— Не знаю, как вам и объяснить. Джеймс всегда ходил по лезвию ножа, если вы улавливаете суть этого выражения... Понимаете, Джеймс сражался почти во всех войнах, которые прогремели за последние тридцать лет. Он мыл золото в Новой Гвинее, водил торговую шхуну на Гебридских островах, пахал с рабами в Сенегале...

— Да таких любителей приключений полным-полно, — прервал его писатель. — Не волнуйтесь, старое поколение и не думает отмирать. Более того, к ним присоединяется все больше молодежи. Все они неизменно притаскивают домой кипу снимков с голыми дикарями и горными склонами, а потом строчат статьи в «Тру» и «Нэшнел джеографик». Их квартиры забиты вонючими шкурами разных зверюг, высушенными человеческими головами, дротиками, ножами, тыквенными бутылками...

— Джеймс не из их числа, — возразил Финнерти. — Те парни, о которых вы толкуете, не имеют ничего общего с джентльменами удачи. Они — простые собиратели сувениров. И никогда не забудут подстраховаться, на всякий случай, для пущей безопасности.

— А Джеймс?

— Он никогда не думал о своей шкуре. Такие, как он, себя не берегут. И обычно умирают молодыми.

— Тогда почему Джеймс до сих пор жив? — съязвил писатель.

— А вы не торопите, — отрезал Финнерти. — Он слишком крепкий, чтобы смерть могла ухватить его голыми руками.

— Искатели славы все крепкие, — заметил писатель.

— Вы ни черта не понимаете! — проронил Финнерти с отвращением. — Джеймс в гробу видел вашу славу. Он идет на риск потому, что так устроен. И только. Он не считает себя ни искателем приключений, ни исследователем, ни джентльменом удачи. Ничего подобного. Он вообще не думает о себе! Он делает свое дело, потому что такой уж он есть. Улавливаете?

Писатель пожал плечами.

— Каждый представляет себя в этаким идеализированном виде. Это вполне по-человечески. И Джеймс не избежал общей участи. Наверняка он много о себе воображает.

— Сразу видно, что вы ничего не смыслите в людях, — пробурчал Финнерти. — Не удивительно, что ваши рассказы никто не покупает!

Собеседники сверлили друг друга взглядами. Тони Эндрюс поспешно вмешался в разговор.

— Джеймс кажется отличным парнем. Эй, — обратился он к Деннисону, — если ты хочешь выйти в море, почему бы тебе не пойти со мной? Мои приятели откололись, и я не откажусь от помощи. У тебя как с финансами?

— Никак, — ответил Деннисон.

— У меня так же, — беспечно сообщил Тони. — Но на шлюпе есть запас консервов на пару недель и целая груда разных причиндалов для рыбной ловли. Слушай, я собираюсь идти до Никарагуа. Они там строят большую дамбу. Мы мо-

жем подработать на строительстве, запастись продуктами и двинуть дальше.

Финнерти покачал головой, глядя на Деннисона.

— Нельзя упускать шанс поплавать с кэпом Джеймсом. Конечно, если он тебя возьмет. Черт побери, это так же здорово, как плавать вместе со Слокумом. За три недели ты узнаешь о жизни и смерти больше, чем за три года поисков приключений на свою задницу.

Писатель ухмыльнулся, но воздержался от комментариев.

— Спасибо за предложение, — поблагодарил Деннисон, обращаясь к Тони. — Ценю твоё доверие. Я подумаю. Но, видишь ли, кэп Джеймс идет в Нью-Йорк, а у меня там есть одна заначка. Правда, если ты собираешься идти на север...

— Не дальше Майами, — сказал Тони. — Дружище, в Нью-Йорке скоро зима! Там же холодина зверская!

— Знаю, — ответил Деннисон. — Я постараюсь убраться оттуда сразу же, как только получу деньги.

— Ну, ты еще подумай, — попросил Тони. — Мое предложение остается в силе.

Деннисон кивнул. Три! Три шанса, три пути — выбирай любой! Фортуна распахнула перед ним двери в будущее так широко, что они едва не слетали с петель. Он волен плыть на юг с «Люси Белл», на запад вместе с Тони или на север на пару со знаменитым капитаном Джеймсом. Удача надежно пришвартовалась к нему, он свободен как птица, вся жизнь впереди!

Бутылки с ромом продолжали обходить каюту по кругу, и вечеринка превращалась в шумную попойку. Мнения начали провозглашаться более категорично, необидительные аргументы отметались с ходу. Жена англичанина принялась откровенно строить глазки Алексу, прямо под носом своего бодротого муженька. Алекс откликнулся с грубоватой и неуклюжей галантностью, но было заметно, что он сбит с толку таким поворотом событий и не знает, что предпринять. Рыдал аккордеон, под потолком раскачивалась керосиновая лампа, бросая желтый отсвет и черные тени на лица присутствовавших.

Основательно поднабравшийся Деннисон обнаглел. Он

шумно рассказывал англичанину с замороженной физиономией, что такое архипелаг Туамото.

— Дыра страшная! Атоллы, подводные рифы, все острова похожи друг на друга, как две капли воды. Течений на карте и в помине нет. Какое там плавание, о чем вы говорите! Эти проклятые течения угробят тебя, и глазом моргнуть не успеешь. Там чуть не остался «Чарльз Морган»!

— Осмелюсь заметить, там нужно быть осторожным, — сказал англичанин.

Друзья-австралийцы задумали бороться. Они кружили и топтались на скользкой крыше каюты, стараясь обхватить друг друга. Наконец Том сгреб Алекса и швырнул его через мостик прямо в каюту. Казалось, тот должен был переломать себе все кости, но он тут же вскочил, засмеялся и, схватив Тома за шею и ногу, бросил его чуть ли не на середину судна. Том угодил на ванты, которые провисли под его тяжестью. Кеч закачался. Гости столпились за спасательными тросами, чтобы австралийцам было где разгуляться. Том вскочил на ноги, похожий на огромного ухмыляющегося кота, и двинулся к Алексу.

Деннисон повидал много драк, но подобного видеть еще не приходилось. Эти молодые великаны швыряли друг друга с такой силой, что неизбежно должны были поссоривать себе шеи. Но их спасало то ли опьянение, то ли здоровые могучие тела, то ли долгие тренировки на этом поприще. Австралийцы падали на палубу, перепрыгивали через канаты, швыряли друг друга на ванты и мачты и неизменно поднимались на ноги, снова бросаясь в атаку.

«С ума сойти, — подумал Деннисон. — А ведь они даже не разозлились! Дерутся себе, как два ленивых тигра, без капли злости. Подобные приемчики запросто могут угробить обычного человека, а они даже не разошлись как следует!»

Это кровавое сражение, с шутками и прибаутками, с безумными захватами, без видимого вреда для драчунов и без малейшей примеси гнева, сбило Деннисона с толку. Ничего подобного в своей жизни он еще не видел.

Наконец Том ухватил Алекса за бороду, сбил его с ног и перевалил за борт. Гости ринулись посмотреть, что стало с

побежденным, от чего яхта сильно раскачалась. Секунды шли одна за другой, а он не показывался.

— Как ты думаешь, с ним все в порядке? — забеспокоился Деннисон.

— Он плавает, как акула, — отмахнулся Том. — Его хоть топором бей, все нипочем!

Но время шло, а Алекса все не было. Французский моряк забормотал что-то насчет барракуды, а швед грустно покачал головой, видимо, припомнив похожий случай, когда кто-то упал за борт и утонул. Алекс не появлялся.

Том перегнулся через борт, готовясь нырнуть. Неожиданно в фонтане брызг из-под воды вырвался Алекс, схватил Тома за шею и увлек за собой. Все гости пришли в восторг.

Так закончилась битва гигантов. Австралийцы вскарабкались на палубу, протрезвевшие и освеженные. Старый Финнерти, совсем уже прикорнувший в каюте, приподнял голову и спросил, что там стряслось.

Деннисон все никак не мог осмыслить увиденное. Эти двое великолепных полуголых героев, кровь с молоком, бросали друг друга по всей палубе, не боясь причинить вред, совсем как дети...

Точно, как дети! Но как веселились эти дети с телами взрослых мужчин и собственной яхтой в качестве игрушки! Они в шутку воспринимали игры, в которые взрослые играли всерьез. Как, должно быть, здорово быть таким ребенком!

Вечеринка подходила к концу. Писатель уже смылся, поэтому Деннисон вернулся на берег вместе с четой англичан. Когда угар пирушки развеялся, они тут же вспомнили, кто они и кто такой Деннисон. Он почти кожей ощущал их неодобрение.

— Да, хороший вечер, — сказал Деннисон, когда они пристали у пирса.

— Гм-м, — отозвался англичанин. Его жена вообще не удостоила его ответа.

— Ну, пока! — добавил Деннисон и быстро зашагал по причалу. Его разбирала злость. Они презирают его? Ха, да этот долбаный англичанишка едва ли когда-нибудь держал в руках больше, чем сто долларов! Все, что у него есть, — эта посудина. А его жена спит с каждым, кто состроит ей глазки!

Деннисон шагал по дороге, ведущей к Бич-Ков, расшвыривая ногами прибрежную гальку. «Нет, в самом деле, — думал он, — пора что-то предпринять. Я тут всем до того намозолил глаза, что со мной никто и разговаривать не желает. Разве что такая пацанва, как эти австралийцы. Теперь удача улыбнулась мне, и я своего не упущу. Владеть собственностью — вот что ценится в этом поганом, богом забытом мире!»

Он сбился с быстрого шага, и слезы навернулись ему на глаза. Пришла пора честной самооценки.

«Боже мой, я ведь не хуже всех остальных! У меня даже образование лучше, чем у многих из них. Загвоздка в том, что у меня шило в заднице. Я никогда не гнался за вещами и деньгами. У меня бы все это было, если бы я поставил себе целью нагрести побольше и удрать подальше! Вот как тогда, в Шанхае... Конечно! Или в тот раз, в Малакке? Черт возьми!

За то, что ты — просто хороший парень, никто тебе денег не отвалит. Люди привыкли судить ближних по размеру бумажника и шмоткам, им глубоко плевать, что там у тебя внутри.

Я слишком долго был хорошим парнем. Двенадцать лет я строил из себя славного и доброго бродягу. Но я заставлю их считаться с собой, черт возьми!

Я многое видел в жизни, если не вообще все.

Помотался по всему миру. Многие ли могут этим похвастаться?

Три года в универе. Диплом бакалавра.

Прошел войну. Немногие видели то, что видел я.

Я прочел много книг, чертову прорву разных книг — трудных и полегче. И, между прочим, не только по программе. Я вам не какой-нибудь необразованный ублюдок.

Я был капитаном сухогруза и рабочим на лесопилке. Я пережил любовные и военные баталии. Я плаваю как рыба. Я запросто могу превратить человека в отбивную и хорошо управляюсь с ножом».

Деннисон достал свой складной нож с костяной рукоятью, внимательно оглядел его и спрятал обратно. Снова побрел вперед по темной дороге.

«Я бродил по миру, как восточный дервиш, потому что мне всегда претила мысль о тихой жизни в маленьком доми-

ке, вместе с милой женушкой, о тихой и незаметной работе. Я всегда стремился познать мир и себя; я сделал все, что мог.

Но теперь мне все это смертельно надоело. Да, я помню, что уже не раз это говорил. Но сейчас я действительно так думаю. Теперь я хочу что-нибудь сделать, кем-нибудь стать, обзавестись чем-нибудь. Мне это необходимо, и я добьюсь всего! И не такое приходилось совершать.

Я доберусь до Нью-Йорка и займу денег. Открою там свой бизнес. В бизнесе я соображаю, у меня получится».

«Главное — не забыть об этом, — твердил себе Деннисон. — Главное — не забыть! Как на меня смотрят все эти пижоны! Я это запомню!»

Впереди он увидел смутный контур приближающегося человека. Когда он подошел поближе, Деннисон разглядел его. Здоровенный негр в лохмотьях, абсолютно пьяный. Его шатало туда-сюда по дороге.

С такими нужен глаз да глаз...

Негр подрулил к Деннисону и загородил путь.

— Эй! — начал он.

— С дороги, приятель, — очень спокойно произнес Деннисон, достав нож и раскрыв его за спиной.

— Пжалста, дайте мне... — Негр протянул обе руки, сложив ладони горсточкой. Взгляд не фокусируется. Пьян в дымину. — Мистр... пжалста, дайте мне... мне...

«Обнаглел, блин! Черт возьми, я сейчас покажу ему, на кого он наварлся!»

Деннисон выставил перед собой открытый нож, ладонь охватывает рукоятку, указательный палец — на безопасной стороне клинка. Он принял боевую стойку, с ножом наперевес, готовый полоснуть или пырнуть. Он слегка повернул нож так, чтобы негр увидел блеснувшее в лунном свете изогнутое лезвие.

— Нет, мистр...

Совсем как в ту ночь, с Эррерой. Но про Эрреру лучше забыть. Про Джейни и про все остальное тоже. Настал час доказать свою способность на решительный поступок, отплатить за все былые обиды и заглушить сомнения, раз и навсегда.

— Мистер!

Негр попятился. Деннисон двинулся на него мягким кошачьим шагом, поводя ножом вправо-влево, словно змея, готовящаяся ужалить.

«Потому что меня ничто не может остановить! Я — человек действия, и плевать я хотел на все на свете. Какого черта?! Полоснуть по этой черной жирной шее, выпустить ему кровь, пнуть эту тушу в дорожную пыль...

Человек, способный на убийство, — способен на все!»

Негр споткнулся, едва не упав, затем замер. Его вытаращенные глаза поблескивали в лунном свете, голова запрокинулась, открывая доступ к незащищенному горлу.

Пальцы Деннисона побелели на рукоятке ножа. «Давай, — подзуживал он себя, — врежь ему, покажи, чего ты стоишь, докажи, что ты способен на все!»

Но время было упущено. Всего мгновение назад запах крови буквально носился в воздухе, он даже чувствовал его. Но время было упущено, минута — пока его нож бездействовал, и что-то изменилось. Что-то произошло, втиснулось между двумя мгновениями и двумя напряженно застывшими фигурами на дороге, и запах крови улетучился.

Ничего себе приключеньице! Деннисон внезапно ощутил, насколько он пьян и как нелепо выглядит с ножом в руках перед человеком, который уже начал приходить в себя.

— Иди-ка ты отсюда подальше, — буркнул Деннисон и быстро прошагал мимо негра. Тот какую-то минуту пялился ему вслед, потом пожал плечами, хихикнул и, шатаясь, побрел своим путем.

«Каким идиотом я был бы, — убеждал себя Деннисон. — Ну, сделал бы я его, и что? Это ничего бы не доказало».

Он взобрался на небольшой холм посреди сада, где утром завтракал вместе с австралийцами. Прилег под деревом и принялся размышлять о прошедшем дне, о вечере, о пьянке, хихикающем негре и об открывшихся перед ним перспективах.

«Мой бог, ну и нажрался же я! Остается надеяться, что к завтрашнему утру я просплюсь. Главное не забыть, что завтра мне нужно поговорить с Джеймсом. От его решения зависит все».

Если бы я захотел, я бы спокойно пришиб этого чернома-

зого. Раз плюнуть! Меня голыми руками не возьмешь! Посмотрите мое личное дело и убедитесь. Вот, например, в Корею, когда...»

4

Я смотрел, как ко мне подходит этот здоровяк Эррера, с ухмылкой на пьяной толстой роже, и знал, что ничего хорошего это не сулит, а может, что и похуже. Правую руку он не вынимал из кармана. В этом кармане он обычно держал нож. Ему хотелось подраться, и на этот раз козлом отпущения он выбрал меня.

Стычка между мной и сержантом Эррерой назревала давно. Этот головорез и забияка был поваром и любимцем команды. С тех самых пор, как меня перевели из Северной роты в Сеул, в роту «Лисы», он все присматривался ко мне, сбитый с толку, принюхивался, пытаясь решить, кто я такой — рыба, птица или отборное жаркое?

Проблема заключалась в том, что я закончил колледж. Остальные солдаты, кому повезло, едва-едва дотянули до конца школы. Надо мной витала аура высшего образования, накладывая свой неизгладимый отпечаток на мою речь и образ мысли, возводя неодолимую преграду между мной и всеми остальными.

Ребята из роты «Л» недолюбливают тех, кто выделяется из толпы. Быть таким, как все, — это не цель, а закон выживания, введенный в действие с подачи громил-садистов вроде Эрреры. Они сметают с пути всех, кто хоть чуть-чуть отличается от шаблона. Таких, как Элгин, который всегда носил с собой Библию, или Моран, этот несчастный придурок в военной форме, совсем еще мальчишка, или Томкинс, который тосковал по дому и влюбился в одну корейскую проститутку...

Боже, спаси и сохрани, я ведь тоже не такой, как все!

Я же по натуре не борец! Я старался, как мог. Я говорил, как говорят они, делал все, как делают они, разговаривал их дурацким языком и смеялся вместе с ними над похабными шуточками. Но моя солидарность с ними не стоила и выеденного яйца, и сквозь нее наверняка проступала презрительная

отрешенность. Наконец Эррера сделал вывод: я не такой, как все. А следовательно, настала пора со мною разобраться.

Я провел рукой по поясу, чтобы удостовериться, что мой тесак при мне. Так и есть, на месте. Эррера не спеша двигался ко мне, ухмылка на его роже расплылась еще шире.

— Встать! — приказал он.

Я не двинулся с места.

Вы не представляете, каково было в Корее зимой 1946-го года. Холод был нешуточный, почти все время температура не подымалась выше нуля, а форма нам полагалась чисто символическая. В Вашингтоне какой-то идиот, должно быть, решил, что, раз Корея находится в тропиках, куртки, зимняя выкладка, теплые носки и перчатки будут совершенно лишними. Думаю, что все это отослали в Бирму.

В наших сборных домиках было не теплее, чем снаружи. Все, на что они годились, это защищать от ветра, который, бывало, достигал такой силы, что сметал человека с холма, где был разбит наш лагерь. От ветра они, конечно, защищали, зато внутри всегда было сыро и промозгло. Ты запросто мог отморозить себе конечность, если приложишь голую руку или ногу к обледенелому металлическому каркасу раскладушки. Потому мы спали полностью одетыми, запихнув свои бутсы под одеяло, чтобы они не промерзли насквозь к утру. И умывались мы нечасто.

Мы постоянно рыскали в поисках горючего. Разобрали на дрова наши рундуки, пустили в ход всю древесину, которую могли отыскать на ближайших склонах, и все щепочки, которые умудрились стянуть из столовой. Единственное горючее, до которого мы могли дотянуться, было предназначено для нашего транспорта. Потому мы воровали бензин.

Мы разводили небольшой огонь в самодельной печурке. Потом плескали туда кружку бензина и захлопывали заслонку. Бензин взрывался в печке, и минут на пять-десять нам становилось теплее. Затем процедура повторялась.

Иногда кто-то не успевал закрыть заслонку, и язык пламени в восемь-десять футов вырывался из нутра печки, поджигая одеяла, тумбочки и всех, кто стоял рядом. Так сгорели радиобудка и два домика, номер три и номер семь. Шестеро ребят получили довольно серьезные ожоги, так что пришлось

отправить их в Сеул, в главный госпиталь. Конечно, жечь бензин в буржуйках строго воспрещалось. Но нас это не останавливало, мы мерзли как цуцки, а другого топлива под рукой не было.

Кормили тоже не ахти как. Мы стояли в самом конце списка по снабжению из Сан-Франциско. Продовольствие шло к нам через Йокагаму, Инчхон, Йонгдонпо, Сеул и Мунсан. Толкачи налево и просто воры регулярно паслись по всему курсу следования, а потому к нам, в Кейсонг, доходило немного.

Был бы у нас приличный старший офицер, он бы, возможно, сумел изменить бедственную ситуацию к лучшему. Но наш командир спился на корню, он втихую заливал глаза в своей теплушке и мечтал о славных боевых временах, когда он носил звание полковника. Война окончилась, и его понизили до обычного капитана. Поэтому он пил, оставив нас на произвол судьбы и сержантов, которые обучали нас кулаками и сапогами.

Короче, в ту зиму мы больше походили на стаю полуголодных, замерзших волчар. Красные не рыпались со своей стороны, они еще не подготовились к атаке. Так что нам ничего не оставалось, как сидеть сложа руки на нашем маленьком заснеженном холме. Сражаться было не с кем, кроме своих. И драки были единственным развлечением, они заменяли кино, книги, девчонок и танцы.

Если ты не умел хорошо драться — пиши пропало, поскольку рота «Лисы» предоставляла отличный курс выживания, где побеждал сильнейший, тот, кто не был отягощен современными предрассудками и руководствовался незамысловатыми принципами неандертальцев. Мозги могли пригодиться тебе где-нибудь в другом месте, так же как личностные качества или способности. Только не здесь. В роте «Лисы» все, что тебе было нужно, — это сила, мышцы, умение драться и хладнокровие. Все остальное — лишний груз.

Система работала, как гигантский шлифовальный станок, только в роли деталей выступали люди. Вверху крутились такие жернова, как Эррера, Смит и Рэмслер. Если они сумеют размазать тебя по стенке, то за тебя принимаются садоги из второго эшелона, такие как Лаферти или Блейс.

Если и у них это получится, тебя берут в оборот тихенькие, осторожные и жестокие «шестерки» вроде Томпсона, Хаздейла и Нея. И так далее, до самых мелких шестеренок этой машины.

На самом дне находились перемолотые жерновами, а оттого самые ничтожные — отбросы. Об них каждый мог вытирать ноги, они служили на побегушках, к ним цеплялись по пустякам, у них забирали одеяла и одежду, их гоняли на мороз по любому капризу, затюкивали и не давали жить. Фуффло.

Когда ты достигал дна, из тебя уже выбивали все остатки самоуважения, ты был раздавлен. Можно, конечно, продолжать строить из себя нечто, забыв о человеческом достоинстве. Например, отключиться от всего, как сделал Элгин, который зарылся в свою Библию, или двинуться мозгами, как малыш Моран. Один черт.

Скрыться от этой машины было невозможно. Все зависело от твоего характера и мужества. Либо ты один из винтиков, либо — фуффло.

Теперь настало время испытать на прочность меня.

— Встать! — повторил Эррера.

Я усмехнулся и разлегся на раскладушке.

— Быстро встал, шенок! — взревел он.

Я продолжал улыбаться, хотя челюсти у меня свело. Я не хотел свары. Я не желал приобщаться ни к машине, ни к отребью. Мне претило иметь что-то общее с системой, которая перемалывала людей в покорную и мягкую труху. Но шансов у меня не было никаких. Это видели все, даже я сам. Эррера был побольше меня, выше ростом и наверняка мог спокойно разделить меня под орех. Но если даже я как-то вывернусь сейчас, эта чертова машина все равно, рано или поздно, меня расплющит.

Тем не менее я обдумывал свой план спокойно и отстраненно, словно безумец. А план был нехитрым: не подавать виду, как мне страшно и держаться до конца, чего бы это ни стоило.

— Трахни себя с разбега, — ответил я.

У повара отвалилась челюсть. Никто еще не говорил ему ничего подобного. Он ведь такой большой, такой ловкий, так здорово работает кулаками и своим расчудесным ножом!

— Хор-рошо, Деннисон, — процедил он. — Прекрасно. Вот что я тебе скажу, мальчик мой. Ты ведешь себя как сопливый засранец. И я скажу, шенок, что пришла пора выбить из тебя всю дурь, всю эту всепрощающую любовь Христа-Спасителя. Как тебе удобней — сидя или стоя?

Я встал, не сводя с него глаз. Сердце стучало, как барабан, но внешне я оставался спокойным. И внезапно я осознал истинную весомость этой минуты, этой самой минуты: в промерзшем сером домике, когда передо мной стоял здоровый и красномордый Эррера и с десятков парней сидели на своих раскладушках, наблюдая за нами. С неожиданной и пронзительной ясностью я понял, что в действительности формирует человека.

Младенчество и детство почти не оставили своих следов в моей душе. Сейчас, именно сейчас я подошел к последнему и окончательному этапу. Я знал, что мое поведение в следующие несколько минут — каждое слово, жест, мысль и движение — впечатаются в душу навечно; что спустя годы эти минуты станут еще отчетливей, весомей и важнее, чем в настоящий момент, когда я поднялся в полный рост против страшных челюстей этой шлифовальной машины. Настал момент истины, и то, как я поведу себя сейчас, станет краеугольным камнем всей моей жизни, моей библией, философией, моим личным доказательством — тварь ли я дрожащая или право имею? В эти несколько мгновений я обрету душу или покажу полное ее отсутствие.

И когда я понял это, когда осознал всю опасность, которая нависла над моим внутренним миром, я уже больше не колебался. Эррера и его нож не могли меня испугать. Меня сильнее беспокоил я сам, то новое, что я могу открыть в себе и для себя.

— Я готов, Эррера, — сказал я твердо, как и требовал данный момент. И вынул из-за пояса свой тесак.

— Даже так? — удивился он, достал свой нож и раскрыл его.

— Да, — подтвердил я.

Мужики приподнялись на своих раскладушках, словно стервятники, учуявшие падаль. Этим сволочам нравилось глядеть на драки. По лагерю молниеносно разнеслось: «Ден-

нисон и Эррера выходят на круг! С ножами!» В дом начали набиваться зрители, не желающие пропустить редкую развлекуху.

— Я только хочу предупредить тебя, — обратился я к сержанту.

— О чем же, сучонок?

— Всего один момент. Я, видишь ли, чокнутый.

— И что?

— А то, — сказал я. — Ты сам заварил эту кашу, ну что ж. Но только хлебать будем до конца. Уловил? До доньшка. Тебе, Эррера, лучше убить меня, потому что я размениваться не буду и сам постараюсь тебя кокнуть.

Он, похоже, опешил. Обычно подобные стычки заканчивались, когда кто-то слегка полоснет соперника. Но до смертоубийства дело никогда не доходило.

— Чего это с тобой? — спросил Эррера.

— Я уже сказал. Я чокнутый. Я не люблю драться, детка, но уж если начинаю, то дерусь до конца. Либо ты меня убьешь, либо я прикончу тебя. Вот так. Уловил мою мысль?

Эррера уловил, и моя мысль ему не понравилась. Он уставился на меня, пытаюсь сообразить, не блефую ли я. Мне было плевать, о чем он там думает. Меня раздирали холод и голод, и мне не улыбалось оказаться среди отбросов команды. Может, в тот момент я действительно был немного чокнутым.

— Давай врукопашную, на кулаках, — наконец предложил Эррера.

— Не пойдет, — ответил я. — Рукопашкой пусть детки балуются. На ножах. Или, если хочешь, возьмем М-один?

— Винтовки? Ты что, и правда слурел?

— А ты что думал? Я ведь сказал, что чокнутый. И давай закончим это поскорее. Ножи, винтовки, штык-ножи? Выбор за тобой, шенок.

Он молча пялился на меня. Дело стало приобретать нехороший оборот. Он ведь не собирался биться до смерти. Но и не хотел жертвовать своей репутацией. К тому же Эррера никогда не был трусом. Тот, кто сказал, что все задиры — заведомые трусы, плохо в них разбирался. Однажды на станции в Кейсонге Эррера напоролся на группу красных корейцев.

И сделал из них винегрет. Я видел Эрреру во многих схватках с ребятами нашей команды, и не изо всех он выходил победителем; но спуску он никому не давал и сам пощады не просил. И самое смешное, что он, в целом, был неплохим парнем, вполне симпатичным, когда бывал трезвым. Но если он надирался так, как сейчас, то превращался в дикого зверя.

И все же хладнокровное смертоубийство ему претило. Не каждый человек способен на такое. Это у кого какой характер.

Следующие несколько мгновений атмосфера была напряженной некуда. Он стоял совсем рядом со мной, готовый полоснуть меня ножом по животу. Я держал свой тесак перед собой, лезвием вниз и положив указательный палец вдоль незаостренной части клинка. Если бы он сделал одно движение, я бы всадил ему нож в брюхо, снизу вверх, прямо под ребро.

Мы застыли, не шевелясь. В комнате отчетливо завоняло смертью. Все вокруг затаили дыхание, ожидая, что будет дальше. «Вот это приключенье!» — подумал я тогда. Замереть в боевой стойке, на волосок от смерти, секунды стучат в висках, отсчитывая, может быть, последние мгновения твоей жизни!

Неожиданно я понял, что Эррера готов отступить. И, что важнее всего, я понял...

5

Утром Деннисона разбудило солнце. Он обнаружил, что голова слегка побаливает, но если учесть количество спиртного, принятого накануне вечером, то самочувствие было еще сносным.

Он направился к яхт-клубу и увидел, что «Канопус», кеч капитана Джеймса, успел обогнуть остров и встать на якорь неподалеку от Главной пристани. Деннисон еще тешил себя надеждой, что тот не успеет прийти так скоро. Теперь от разговора не отвертеться.

Писатель сидел на своей посудине, потягивая «Севен-Ап», чтобы заглушить утреннее похмелье. Он одолжил Ден-

нисону бритву и мыло и позволил подняться на борт, чтобы привести себя в порядок.

Деннисон осторожно поскреб бритвой свою длинную, щетинистую физиономию, вымыл руки и пригладил волосы. Его одежда порядком истрепалась — штопаные-перештопаные штаны и сияющая прорехами рубаха. С этим уж ничего поделывать нельзя. Он принялся внимательно изучать свое лицо, которое в писательском стальном волнистом зеркале предстало по-дурацки вытянутым — исковерканный и нечеткий овал, заостренный сверху и снизу. Единственной примечательной чертой, судя по отражению, были глаза. Ясный и прямой взгляд, вобравший синеву и блеск озаренного солнцем моря. Хотя это поганое зеркало испохабило и их, заставив растекаться, становясь то шире, то уже, по всей волнистой поверхности.

— Какого черта ты не заведешь себе приличное зеркало?! — крикнул Деннисон.

— А мне нравится это! — проорал в ответ писатель с палубы.

Деннисон завершил утренний туалет, оглядел себя и решил, что все равно в данных условиях лучше подготовиться он не может. Если Джеймс его не примет, то пошел он к черту, старый козел! Есть и другие варианты.

Он позаимствовал у писателя шляпку и погреб к «Канопусу». У его кормы были пришвартованы еще несколько шляпок, а на кокпите, под тентом, сидела группа людей.

— Тоже претендент?

— Да, сэр.

— Я — Джеймс. Швартуйся и залезай на палубу.

Итак, перед Деннисоном стоял знаменитый Джеймс, который обогнул мыс Горн на трехмачтовике «Звезда Океана», которого знали в Африке, Индонезии и Южно-Китайском море, а также в Южной Африке и на островах Тихого океана. Тот самый Джеймс, джентльмен удачи, сражавшийся почти во всех войнах, которые прогремели за последние тридцать лет, мывший золото в Новой Гвинее, водивший торговую шхуну на Гебридских островах и пахавший вместе с рабами в Сенегале. Джеймс, который идет на риск, потому что так устроен, никогда не подстраховывается, делает свое дело и вообще не думает о себе. Путешественник до мозга костей — ка-

мень всегда остается камнем, картофель картофелем, а Джеймс вечным скитальцем. Поэтому неудивительно, что на Деннисона он произвел впечатление.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался Деннисон.

Капитан Джеймс кивнул. Ему было слегка за пятьдесят, рост — повыше шести футов, крепко сбитый и массивный человечище. Одет в футболку и штаны цвета хаки, на ногах туфли на резиновой подошве. Старая капитанская фуражка сдвинута на затылок. На талии — полотняный пояс. Широкое загорелое лицо, толстые губы, крупный нос и массивный низкий лоб. Череп, где его не прикрывала фуражка, был совершенно лысый, нежно-розового цвета. Он напомнил Деннисону Эрреру и некоторых других армейских сержантов, которых он знал.

Двое других мужчин, устроившихся на кокпите, были претендентами на место. Первый — светлокожий негр, неплохо одетый, весь в белом. Второй — Билли Биддлер, один из местных пропойц.

— Так вот, капитан, — продолжил свою речь негр, — я учусь в Нью-Йорке, в Колумбийском университете. Я буду очень признателен, если смогу отработать стоимость проезда туда, поскольку у меня нет денег на покупку билета. Я буду стараться.

— Вы когда-нибудь работали на судне?

— Я регулярно выходил в море на рыбачьей шхуне моего отца.

— Ага.

Капитан Джеймс повернулся к Деннисону.

— Как вас зовут?

Деннисон назвал.

— Что, парень, сидишь на мели? — спросил Джеймс.

— Немного есть, — усмехнулся Деннисон.

— Выпиваешь?

— Нет. Но время от времени не откажусь пропустить стаканчик.

— Я сам такой, — рассудительно промолвил Джеймс. — Но сдается мне, что наш дружок не отказывается от стаканчика каждый вечер.

Билли Биддлер поднял голову и моргнул, когда сообра-

зил, что речь идет именно о нем. Он был небрит, грязен, а белки глаз испещрены красными прожилками. Хотя руки он сжал на коленях, было видно, что они трясутся.

— Да, я пьяница, — признал Биддлер. — Ну так что? Я могу работать на судне, как любой другой. Я буду хорошим помощником, кэп. Возьмите меня, и увидите.

— На судне нет ни капли спиртного, — сказал Джеймс.

— Нет так нет, я могу обойтись без выпивки.

— У тебя может случиться белая горячка, — задумчиво проговорил Джеймс.

— Нет! Что вы! Здоровье просто железное. Парочка недель в море, и я избавлюсь от зависимости. Точно вам говорю.

Потом с надеждой добавил:

— Из этого плаванья я вернусь новым человеком.

— Не сомневаюсь, — сказал Джеймс медленно и с ленцой. — Только я не собираюсь открывать филиал общества «Анонимных алкоголиков».

Негр подал голос:

— Капитан, я также работал на судне моего дяди, и еще...

— Минуточку, — остановил его Джеймс. — Я не люблю, когда меня перебивают. — Он повернулся к Деннисону. — Когда-нибудь ходил на паруснике?

— Случалось, — ответил тот. — Багамы, Флорида, Карибское море, южная часть Тихого океана.

Капитан Джеймс долго и пристально всматривался в лицо Деннисона. Он выглядел заинтересованным. Потом обернулся к остальным претендентам и сказал:

— Ладно, парни, спасибо, что пришли.

Минуту до претендентов доходило, что их бортанули. Затем они оба заговорили наперебой. Джеймс поднял руку, приказывая замолчать.

— Я сказал мягко, — промолвил он. — Сейчас я скажу без стеснения. Прежде всего, я предпочел бы идти до Нью-Йорка в одиночку, чем взять на борт любителя выпить. — Он усмехнулся, глядя на Биддлера. — Может, ты еще спокойно протянешь пару лет на суше, но до Нью-Йорка доплывет твой труп. Поэтому я тебе отказал. Что касается тебя... — он посмотрел на негра. — Ты хорошо разговариваешь, сынок, и идешь правильной дорогой. Все прекрасно, я таких люблю.

Многие черные парни — хорошие моряки, и обычно я рад ходить с ними на одной яхте. Но не в качестве помощника, и не две недели один на один. Я ничего не имею против черных ребят, но я всегда не мог найти темы для разговора с ними. Все вы думаете только об одном — о цвете своей кожи. И подобные разговоры наводят скуку на всякого, если только он сам не чернокожий. То же самое относится и к тебе, сынок. Ты, похоже, славный парень, но я не могу тебя взять. Спасибо, что потрудились догresti сюда.

Билли Биддлер и негр полезли в свои шлюпки. Капитан Джеймс повернулся к Деннисону. На его лице отразилась легкая заинтересованность, словно у человека, засевшего рассматривать юмористический журнал.

— Итак, — начал Джеймс. — Ты сказал, что ходил по южным широтам Тихого?

Деннисон кивнул.

— Пробовал подработать на Туамото.

— Ловля жемчуга?

— Была попытка. Без аквалангов — гнилая затея.

— Это да, — подтвердил Джеймс. — Это точно.

Он дружелюбно улыбнулся. Деннисону он начинал нравиться.

— Так вот, я могу взять с собой одного человека, — сказал капитан. — Особенно человека, пошатавшегося по свету. Мне кажется, ты кое-чего повидал?

— Кое-чего, — уклончиво ответил Деннисон. — Но куда мне до вас!

— О, черт! Ни от кого не скроешься. Но сам-то ты, похоже, пережил за свою жизнь немало приключений.

— Да уж, пришлось.

— Наверно, побывал в горячих уголках?

— По крайней мере, мне так казалось, пока я там был, — ответил Деннисон, смущенно рассмеявшись.

— Мне нравятся люди, которые сталкивались с опасностью, — добавил Джеймс. — Это формирует характер. Полагаю, что ловля жемчуга на Туамото не слишком сильно повлияла на твой характер?

— Я задержался там не надолго, — признался Деннисон. — Вы же знаете, как там...

— Да уж, знаю, — кивнул Джеймс. — Такие занятия не окупаются. Вот и один мой приятель пролетел, Форестер Джонс. Он накропал пару книжек, может, ты и слыхал о нем.

— Имя мне знакомо, — сказал Деннисон. — Если именно он написал... э-э...

— У этого Форестера Джонса неплохой нюх на приключения. Сам он парень здоровый, глаза, как голубой лед. Может, тебе попадалась его фотография в какой-нибудь из его книг? Однажды он сорвался с места, и как ты думаешь, куда рванул? В Аравию, к побережью Хадрамаута. Дохлый номер, по-моему. Хорошо, что он вообще оттуда ноги унес. Но такой уж он парень, этот старый пройдоха Форестер. Только расскажи ему о какой-нибудь дыре, куда трудно добраться, и этот паразит уже вострит лыжи. Он не смог раздобыть визу в Саудовскую Аравию, потому и пошел в Аден. Собирался проскочить на север через Йемен. Замаскировавшись под араба, или верблюда, или еще какую тварь...

— Я вспомнил его книгу! — воскликнул Деннисон. — «Роковые пески», вот как она называется!

— Точно, — согласился Джеймс. — Чертовски занимательная книжка. Я пять раз ее прочел. Самая смешная вещь из всех, что я читал.

— Смешная? Вы хотите сказать, что он неверно отразил факты?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Джеймс. — Сам-то я никогда не был в Аравии. Все, что мне известно, так это то, что старина Форестер просидел шесть недель в Адене, шатаясь по всем кабакам, какие только мог найти. И, должно быть, насобирал целую кучу интересных историй. Потом он вернулся домой и написал книгу. Что ты на это скажешь?

— Гм... Я могу понять человека, который...

— Слушай, пива хочешь?

— Капитан, я...

— Я собираюсь пропустить порцию, — перебил его Джеймс. — Присоединишься? Вот и славно!

Капитан Джеймс спустился по сходам и вернулся с двумя баночками пива. Открыл и передал одну Деннисону.

— Начинай, — сказал Джеймс. — А эту историю я рассказывал тебе, поскольку подумал, что парню, который ловил жем-

чуг на Туамото, должна понравиться история про то, как мой старый дружок Форестер навешал всем лапшу на уши. Забавная ведь история, разве нет?

— Да, забавно, — согласился Деннисон. — А вы когда-нибудь рассказывали ее самому Форестеру?

— Ясное дело, нет, — сказал Джеймс. — Ему сразу же захотелось бы подробно объяснить мне, что я не прав. Кроме того, книги он пишет хорошие. Ты читал о том, как он прожил полгода с данакилами в южной Эфиопии?

— Кажется, нет. А что, он и вправду там жил?

— Понятия не имею, — ответил Джеймс. — Что я, черт возьми, знаю об Эфиопии? Но Форестер клянется, что он там был. И все, о чем написал, он сам видел в Эфиопии.

— Вы тоже так считаете?

— Я же уже сказал, не знаю. Да меня это и не волнует. Никому это не важно, кроме старины Форестера Джонса. Наверное, он придает этому большое значение.

— Думаю, да, — сказал Деннисон.

— Наверняка. — Джеймс допил пиво и швырнул пустую баночку в воду. — А может, и нет. Может, он и сам уже не помнит, где он действительно побывал, а где и приврал. Ты уже допил?

Деннисон медленно дотянул пиво. Он был сбит с толку и обескуражен. На что Джеймс намекал? Ишь умник выискался! Черт побери, этот Форестер Джонс наверняка хотел рассказать правду, так же, как любой другой на его месте. Но даже у самых лучших и самоотверженных возникают затруднения в этом вопросе. Даже самые правдоподобные истории вызывают подозрения. Само приключение налетает на тебя и уходит, и частенько ты даже не понимаешь, что с тобой что-то случилось, пока все не заканчивается. Тогда ты пытаешься припомнить свои истинные чувства и действия, тебе предстоит вспомнить свои решения, которые ты тогда принимал, и их результат для себя самого. Ты ищешь ответы в кривом зеркале памяти и вынужден довольствоваться отголоском ответов, жалким подобием настоящих слов и действий. Безнадежное занятие! Память постоянно подсовывает что-то другое, подшучивает над тобой, и слова, которыми ты пересказываешь случившееся, не отражают и десятой части того, что происходило в действительности.

Но лучше это, чем ничего. Все, что человек сохраняет через многие годы, прошедшие со времени настоящего приключения, — это память. Человеческая память разворачивает картину происшествия, яркую и подробную, придавая ценность долгой и, в общем-то, бесполезной жизни.

Если даже Форестер Джонс немного и приврал? Что с того? Ведь самые правдоподобные истории вызывают сомнения, а уж выдумок тем более нечего стыдиться: они отражают человеческие надежды, страхи и желания, показывают путь, каким формировался характер автора.

Чего Деннисон боялся, так это грани между сомнительной правдой и благой ложью, грани, на которой человек может сломаться, потерять все критерии истины. Он страшился минуты, когда правда и ложь сольются в одно, и человек уже не сможет определить, что он только рассказывал о себе, а что было на самом деле. Он уже видел такое. Этому может способствовать алкоголь или наркотики или однообразное, скучное существование. Когда выдумки и реальность станут для тебя неразделимы, можешь спокойно перерезать себе глотку, пока какой-нибудь ублюдок не сделал это за тебя.

Здесь таилась главная опасность для всех путешественников, более смертельная, чем любой шторм, кораблекрушение или подводные рифы. Но Деннисон гордился своим умением держаться по ветру при любом курсе.

— Ладно, чего уж там, — сказал Джеймс после продолжительного раздумья. — Если уж начать развозить кашу по чистому блюду, то какая, в принципе, разница? Человек поступает так или иначе, потому что это в его характере. Вот и все. Если ты разбираешься в судах и подводном плавании, я мог бы предложить тебе потом работу. Собираюсь заняться поиском затонувших кораблей.

— Я не против, капитан, — ответил Деннисон.

— Отлично, — закончил Джеймс. — Пока нам надо дойти хотя бы до Нью-Йорка. Отплываем послезавтра, а до этого у нас будет куча работы. Приходи вечером, часов в девять, в яхт-клуб. Я выставлю тебе выпивку.

В яхт-клубе была просторная, обшита деревом комната с современной пластиковой стойкой. Деннисон пришел око-

ло девяти. Капитан уже сидел за одним из больших столов. Рядом расположились двое австралийцев, англичанин с женой, швед, писатель и капитан Финнерти.

— Присаживайся, Деннисон, — позвал его Джеймс. — Ты со всеми знаком?

Деннисон кивнул, отыскал свободный стул и заказал себе то же, что пили все, — «Том Коллинз».

Говорил Финнерти:

— Значит, ты собираешься обосноваться в этом полушарии, а, Джимми?

— Ага, — ответил Джеймс. — Через какое-то время Восток становится у тебя поперек глотки.

Англичанин и его жена страстно закивали, соглашаясь, а Финнерти рассмеялся. Он повернулся к австралийцам.

— Вы, ребята, должно быть, считаете, что пережили кучу приключений? Вот этот старый капитан — один из самых знаменитых путешественников нашего времени! Кэп, почему бы тебе не написать книгу о своих приключениях? Да не одну, а по меньшей мере дюжину?

Джеймс усмехнулся и покачал головой.

— Расскажи им, как было дело с теми кули, — настаивал Финнерти. — Тогда, в Вест-Индии.

— Этим ребятам будет скучно выслушивать бред старых дураков, — ответил Джеймс. Но он был явно польщен, и австралийцы без труда его уговорили. Джеймс откинулся на спинку стула, раскурил сигару и заказал по новой для всей честной компании. Он подождал, пока установится полная тишина.

— Я считаю, что ничего особенного в этой истории с кули нет. Подобные случаи в те времена не были редкостью. Давно, двадцать пять лет назад. Я тогда был совсем мальчишкой. Это случилось в Куала-Риба.

В тех краях, которые назывались Датской Индией, а сейчас стали Индонезийской республикой. С датчанами было приятно работать. Я сам наполовину датчанин. Я управлял каучуковой плантацией в диких джунглях, на берегу грязной

речушки, которая текла в море Флорес. Я был единственным белым на сотни миль окрест. У меня имелся помощник — наполовину датчанин, наполовину яванец. Пока дела шли хорошо, он вел себя спокойно. Еще там жили четверо полицейских-яванцев — они следили за порядком, и несколько сотен китайских кули, работавших на плантации.

В то время каучук приносил солидный доход. Я был молод и полон энергии, и я действительно поклялся кули, что хорошо им заплачу. Хотел произвести впечатление. Молодым соплякам это свойственно.

Да, лучше бы я вообще никогда не связывался с этими кули. Это были ребята из Кантона, и они черт знает сколько лет в глаза не видели женщин. Яванцы были, впрочем, довольно спокойные парни, с ними вполне можно было ладить. Но китайцы, особенно те кули, что происходили из окрестностей Кантона, были помешаны на общественной и политической сознательности. Собственно, по-моему, все эти китайцы были отъявленными коммунистами. И они у меня вкалывали на совесть, не разгибаясь, — уборка каучука, сами понимаете.

Они знали, конечно, что я здесь новенький — последний белый, который был управляющим до меня, недавно загнулся от лихорадки. И эти парни решили, что со мной можно шутить шутки. Они заикнулись было о повышении платы — я послал их ко всем чертям. Я и так платил им ровно столько же, сколько получали все остальные кули на архипелаге. Парни пошумели малость, но в конце концов им пришлось заткнуться.

И все бы шло как по маслу, если бы баркас из Батавии, на котором привозили их зарплату, пришел вовремя. Но баркас не пришел. Я потом узнал, что его перехватили пираты-даяки и, соответственно, грабнули и пустили на дно. Эти даяки промышляли по Сулу и морю Флорес. От них просто житья не было — пока, пару лет спустя после того случая, Друкшир со своими ребятами не прошелся рейдом вдоль всего побережья Борнео и не перевернул вверх дном все их поганые деревушки. Я тоже приложил к этому руку, и, должен вам сказать, ребята, эта операция прошла как по нотам. Славное было дельце!

Но тогда даяки были еще в силе и, как назло, перехватили мой баркас с серебришком кули.

И, когда подошел срок, я не смог с ними расплатиться, как обещал. Я предложил им расписки, но чертовы кули не соглашались брать никакие бумажки. Эти узкоглазые тупицы верили только в полновесное серебро, они считали деньгами только то, что можно попробовать на зуб. Я говорил, что деньги обязательно придут, но мне не верили. Поползли слухи, что, дескать, я вообще не собираюсь им платить. И мерзавцы стали просто невыносимыми.

Я считал себя человеком спокойным и рассудительным и думал, что всегда сумею договориться с людьми. Но эти негодяи меня вконец достали, и я озверел. Когда кули в сотый раз приперлись капать мне на мозги, я заорал, чтобы они заткнулись или я в самом деле не заплачу им ни цента. А баркас с серебром все не приходил.

Смешно сказать, но в чертовых джунглях эти деньги и потратить-то было не на что! Все, что кули могли с ними делать, — так это складывать в кубышки или, того лучше, — продувать друг другу в трик-трак. Но мерзавцы желали получить свое серебро на руки точно в день зарплаты, словно какие-нибудь заводские рабочие.

Мне, конечно, пришлось туго. Эти гады избили до полусмерти одного из полицейских. Я в наказание на три дня вполнину урезал им пайку риса и добавил лишний час рабочего времени. Стоит только раз позволить кули сесть тебе на голову — и все, ты пропал. Даже я, сопляк, успел это понять.

Мой бедный помощник, на которого и раньше-то не особенно можно было положиться, чуть не наложил в штаны от страха. Парень умолял меня выступить перед работягами, толкнуть речугу или что-то вроде этого, предлагал снарядить специальную лодку и послать в Батавию. Как я мог на такое согласиться? Пришлось и ему толковать, что баркас придет со дня на день. «Там и моя зарплата, и твоя, — говорил я ему. — Эти чертовы кули прекрасно знают, что в конце концов получат свои вонючие монеты. Им бы только найти повод, чтобы поскандальить».

Но тут кули начали отлынивать от работы. Я вызвал их десятников и сообщил, что дневная норма должна выпол-

няться в любом случае. Мерзавцы-десятники только разводили руками. Дескать, что они могут поделывать? Я сказал, что каждый из них мне лично за это ответит.

На следующий день они не собрали и половины нормы. Желтомордые ублюдки собрались вокруг конторы и скалились, ожидая, что я на это скажу. Ну, я им и показал. Велел помощнику прикрывать меня с револьвером наготове, а сам кинулся на десятников с кулаками. Я расквасил до черта желтых рож и сказал, что назавтра они получают то же самое, если не выполнят норму. Эти вонючие китаезы такие тощие — одна кожа да кости, поэтому то, что я устроил, даже и дракой не назовешь.

Вечером они прислали ко мне парламентаря. Представьте, они требовали увеличить дневную пайку риса! Я ответил, что пусть они сперва ее заработают. А когда этот ублюдок вздумал со мной препираться, я врезал ему как следует и заставил заткнуться.

Теперь у моего помощника действительно появился повод трястись. Он лепетал, что, дескать, нам опасно ходить поблизости от барачных кули, как стемнеет. Я сказал, что мы не должны показывать слабинку, если хотим удержать положение под контролем. Но откуда было взяться храбрости у этой бесхребетной мокрицы?

Мы теперь ни на минуту не расставались с револьверами и постоянно держали наготове винтовки. Что-то такое носилось в воздухе, знаете ли. Я обычно не очень доверяю таким предчувствиям. Но в этих диких джунглях, когда под боком пара сотен озверевших кули, которые бредят убийством, ошибиться трудно. Я прижал их еще крепче прежнего, заставлял вкалывать с утра до ночи. По моему разумению, если этих людишек как следует заморить работой, у них просто не останется сил, чтобы затевать бунты. Кроме того, я по-прежнему рассчитывал на этот чертов баркас.

И тут вмешалась глупая случайность. Я как раз убирал в сейф какие-то бумаги, когда в контору забрел один из этих кули. Он увидел открытый сейф, а в нем — кучу мешочков. У этой желтой образины глаза враз стали круглыми, чуть на лоб не вылезли. Ясное дело, он решил, что в мешочках — их денежки.

Естественно, никаких денег там не было и в помине. В этих мешках я держал образцы минералов и горных пород, которые, согласно инструкциям, должен был отослать в Батавию. Но попробуйте втолковать тупому кули, что в бургистских холщовых мешочках можно держать что-нибудь другое, кроме талеров Марии-Терезии.

— Наши деньги? — спросил он.

— Деньги еще не прибыли, — ответил я.

— А мешочки...

— Послушай, ты, идиот! — разозлился я. — Ты видел, как приходил баркас? Сверху по реке? Или снизу?

— Нет. Но...

— Так откуда, черт возьми, тут взяться деньгам? Когда придет баркас — придут и ваши деньги! А теперь убирайся отсюда ко всем чертям!

— Что в мешочках?! — завершала эта желтая обезьяна.

Я едва удержался, чтобы не развязать один из мешков и не ткнуть его туда мордой. Пусть бы понюхал свое серебришко! Но я решил этого не делать. Нужно было держать себя в руках. В конце концов, порядок — прежде всего. Если я покажу ему, что в мешках, то каждый из этих двух сотен кули тоже захочет посмотреть. И, если бы я так сделал, я полностью утратил бы контроль над ситуацией.

— Пшел вон! — заорал я и пинками выкинул наглеца из конторы.

А надо вам сказать, что как раз тогда меня прихватила лихорадка. Любого белый, который попадает в джунгли, рано или поздно ее подхватывает. Поэтому я, должно быть, вел себя несколько несдержанно — хотя, надо признаться, характер у меня и в лучшие времена не ангельский.

А баркас с деньгами все не приходил. И через трое суток, ночью, начались настоящие неприятности. Толпа кули окружила контору и начала ломиться внутрь. Меня тогда в конторе не было. Только помощник, у которого поджилки тряслись от страха, да пара полицейских-яванцев. Эти идиоты за просто могли спокойно отсидеться в конторе — у каждого было по винтовке, а контора была построена весьма основательно и вполне могла сойти за маленькую крепость. Так нет,

они совсем потеряли голову и решили удрать через заднюю дверь.

Кули искрошили их в капусту своими мачете. Потом попробовали было взломать сейф, но не тут-то было. Желтомордые сволочи вконец озверели. Они поняли, что терять больше нечего, и решили закончить начатое, а потом свалить все на даяков. И рванули искать меня.

А я со своими двумя полицейскими торчал тогда ниже по реке — мы спустились на каноэ посмотреть, нет ли каких следов этого чертова баркаса. И тут на пригорок вывалилась толпа кули и хлынула вниз, прямо на нас. У каждого был при себе мачете, а пара-тройка разжилась теперь еще и винтовками и револьверами. Смотрелись они внушительно, скажу я вам!

Мои полицейские хотели свалить вниз по реке — мы же были на каноэ. Но я не разрешил. Будь я проклят, если позволю узкоглазым ублюдкам разнести весь лагерь вдребезги! У нас были винтовки и пара ящиков с патронами. Кроме того, я заранее тихонько припрятал в джунглях еще кучу патронов. Совсем близко, всего в полумиле отсюда. Быстрым шагом мы добрались бы туда в считанные минуты. Место надежное, хорошо укрытое. Я сказал полицейским, что, если мы сами сумеем утихомирить мятежников, нам выдадут в Батавии особое вознаграждение. Парням это не очень-то понравилось, но спорить они не стали и пошли со мной.

Мы рванули прочь от реки, напролом через джунгли. А сзади за нами неслись две сотни кули, вереща и улюлюкая. Они палили нам вслед из винтовок — к счастью, совершенно без толку.

Так они за нами и гнались, пока мы не добежали до моего тайничка с боеприпасами. Я оставил копов в засаде, а сам бросился через заросли обратно, в обход. Решил напасть с фланга. Копы должны были ждать, пока я не начну стрелять, а потом поддержать меня огнем.

Три человека против пары сотен кули! Что ж, моя уловка сработала. Во-первых, чертовы кули никак не могли сообразить, откуда я стреляю. А у меня был прекрасный выбор мишеней, и я не тратил патронов попусту. Когда эти одуревшие желтые дьяволы меня наконец заметили, они ринулись ко

мне. Никогда не думал, что узкоглазые негодяи имеют понятие о мужестве, но тут волей-неволей задумаешься — я стрелял, а они перли на меня, как сумасшедшие. Я еле успевал менять рожки, мой автомат раскалится так, что держать было больно. Не знаю, как бы я выбрался из этой переделки, если бы не гранаты.

Понимаете, у меня была с собой пара-другая гранат. Я приберегал их на самый крайний случай. И когда патронов почти не осталось, а автомат так нагрелся, что выгорела вся смазка, я перестал стрелять. Китаезы снова сгрудились в кучу и полезли на меня. И тогда я кинул гранаты в самую гущу желтожопых обезьян. Пару старых добрых гранат, оставшихся с Первой мировой войны, таких, знаете, с длинными деревянными ручками. Они сработали что надо!

Короче, остались одни лохмотья — и от кули, и от доброго куска джунглей. В лунном свете это смотрелось потрясающе! Я для верности кинул еще одну гранатку. На том все и закончилось.

Когда я вернулся к своим копам, оказалось, что китаезы успели их обойти, и теперь в живых оставался только один, да и тому изрядно досталось. Но парень все же выжил.

Я послал запрос на новых работников. На этот раз брал только яванцев. Эти китайцы такие неуживчивые, все им не так!

7

Под конец рассказа все путешественники сидели, откинувшись поудобнее в своих креслах, и в восхищении качали головами. Капитан Джеймс закурил еще одну сигару.

— Для такого нужна немалая храбрость, — подал голос Алекс.

— Храбрость? — беззаботно откликнулся Джеймс. — Никогда не думал об этом. Я, наверное, глуповат для таких рассуждений.

— А о чем же вы, в таком случае, думаете? — спросил швед. — Как вы обосновываете свои действия?

Капитан Джеймс поскреб свою лысину. Этот вопрос, похоже, сбил его с толку.

— Черт... Да никак не обосновываю!

— Но как же вы тогда приняли решение сражаться с теми китайцами?

— Да у меня просто не было выбора, — объяснил Джеймс. — Так всегда бывает, когда дело пахнет жареным. Мужчина должен встречать лицом к лицу все, что бы с ним ни стряслось, и победить — или проиграть. А когда ты лицом к лицу с опасностью — остается только делать лучшее, на что способен, чтобы поскорее с ней разделаться.

— Или погибнуть, — добавил Финнерти.

— И то правда, — согласился Джеймс. — Но если тебя в самом деле пришкопят — так что? Может, мир без тебя будет только лучше? Но пока ты жив, ты продолжаешь встречать лицом к лицу все неприятности, какие сваливаются на твою голову, и делать то, что считаешь правильным.

Швед спросил:

— Но как быть, если не уверен, прав ли ты на самом деле?

— Я всегда уверен, — усмехнувшись, ответил Джеймс.

— Да ну? Тогда вы оч-чень необыкновенный человек. В большинстве из нас гнездится червь сомнения...

— Вы говорите прям как тот пастор, — сказал Джеймс.

— Я не пастор, — отрезал швед. Его тяжеловесное лицо закаменело. — Просто я иногда задумываюсь о морали, этике, о правах человека...

— Понятия не имею, о чем это вы таком толкуете, — перебил его Джеймс. — Вся эта дребедень — для священников и университетских профессоров. А я — человек простой, может, малость недалекий, и мне вполне хватает собственного мнения.

— Да любому хватает! — вмешался Деннисон.

Финнерти и австралийцы дружно кивнули. Швед, казалось, смутился. Деннисон подумал, что, может, он вспоминает сейчас о том парне, который выпал из его яхты в Скагерраке? Может, швед в миллионный раз прокручивает в уме все, что сделал, чтобы спасти бедолагу, вспоминает каждую минуту промедления? Вправду ли он сделал все, что было можно? И — хватило ли этого?

— Но откуда вы знаете, что вы в самом деле правы? — снова спросил швед.

Капитан Джеймс пожал плечами.

— А черт его знает! Мои мозги включаются в работу, и я просто делаю то, что должен, вот и все. Если ты в себе уверен, как же ты можешь быть не прав? И если даже ты умрешь, в этом нет ничего позорного. Конечно, если ты умер правильно — выпрямившись во весь рост и не отступив ни на шаг перед опасностью.

Путешественники кивнули, все, как один, будто присяжные, услышавшие справедливый приговор судьи. Швед тоже кивнул, правда, не сразу. Похоже, он не нашел того ответа, который искал в уверенности капитана Джеймса.

Джеймс снова заговорил, чуточку растерянно:

— А собственно?... К чему все эти разговоры — кто прав, кто не прав, и как да почему что-то творится у меня в голове... Кто, к чертям собачьим, вообще это знает? И кому это нужно? Знаете, парни, если хотите — сами тут поболтайте про это. А мне пора.

Он повернулся к Деннисону.

— Ты глянь на якорь, когда придешь на яхту, ладно? Ну, все, всем спокойной ночи.

Капитан Джеймс встал и вышел из бара.

Какое-то время все молчали, заново наполняя стаканы. Потом Финнерти сказал:

— Я же говорил вам — он стоящий парень! И это еще не самая крутая его история. Причем все — чистая правда!

— В самом деле? — поинтересовался швед.

— Чтоб я сдох! Вот вы бы послушали Джеймса, когда у него случается подходящее настроение. Спросите его как-нибудь про золотую шахту, которую он разрабатывал где-то в Дживаро. Или про то, как он вывозил слоновую кость из Конго и Танганьики, или про ту историю с сапфирами на Цейлоне. Уж вы мне поверьте, немного на свете найдется таких парней, как капитан Джеймс. Не знаю, есть ли на земле уголок, куда он не успел сунуть свой нос! И везде, куда он попадал, что-нибудь случалось. Но, как только начинались неприятности, старина Джеймс встречал в них и разбирался по-своему. Между прочим, всякий раз успешно.

— Храбрый парень! — сказал Том.

Швед нахмурился.

— Все это, конечно, так... Но... Капитан Финнерти, я знаю, что этот Джеймс — ваш друг. И все же, позвольте мне высказать начистоту, что я о нем думаю?

— Давайте, — сказал Финнерти.

— Спасибо, — швед тяжело вздохнул и продолжил: — Нельзя не признать, конечно, что капитан Джеймс — человек отважный, решительный и уверенный в себе. Прекрасные качества! Даже завидные. Но мне кажется, что вместе с этими достоинствами капитану Джеймсу присущи и некоторая черствость, бессердечие, полное безразличие к мнению и чувствам других.

— Согласен, — кивнул Финнерти.

— Вы на самом деле согласны? — швед заметно приободрился. И произнес решительно: — Тогда я должен вам сказать, что мне очень не нравятся такие приключения, которые постоянно случаются с Джеймсом.

— То есть как это?

— Да, не нравятся, — настойчиво повторил швед. — Таких людей, как Джеймс, нужно остерегаться. Ему ведь нет дела до чувств окружающих. Да что там — он даже не задумывается, что у других тоже могут быть какие-то чувства! Мне знаком такой тип любителей приключений. Они специально выбирают самые гнусные, мерзкие, незаконные уголки мира, чтобы оправдать собственное беззаконие и жестокость.

— Вы, собственно, понимаете, о чем говорите? — поинтересовался Финнерти.

— Вполне. Мне довелось повидать немало таких людей. Я побывал во многих краях и везде встречал таких вот бравых авантюристов, как этот ваш капитан Джеймс. Белых господ в высоких шнурованных ботинках, боссов, которые принуждают туземцев кланяться им в ноги. Они живут, как султаны, и искренне убеждены в неравенстве людей. Колониальные фашисты, вот кто они такие!

— Ну вот, приехали, — пробормотал Алекс.

— К чему из-за этого так волноваться? — спросил Том.

— Но это правда! — швед обернулся к Деннисону и писателю, ища поддержки. — Они специально выбирают такие места, эти храбрые искатели приключений! Им просто необходимо, чтобы вокруг было море подбострастных желтых

лиц — или черных, или коричневых, — чтобы почувствовать собственную силу и исключительность, чтобы можно было наглядно доказать свое превосходство — превосходство хорошо вооруженного белого над «дикарями». Ну, подумайте, кем мог бы стать головорез с такими замашками, например, в Лондоне или в Нью-Йорке?

— Банкиром, — предложил Финнерти.

— Очень смешно, — мрачно проронил швед после того, как затихли последние смешки. — И ничуть не похоже на правду. Ничуть не похоже!

Он пригладил ладонью свои редкие блеклые волосы, стараясь не потерять нить рассуждений. Потом заговорил снова:

— Понимаете, дело в том, что в наш век, в наши дни никого нельзя считать людьми второго сорта. Ни-ко-го! И эти китайцы, которых перебил своими гранатами капитан Джеймс, имели полное право узнать, что находилось в тех мешках.

— Конечно, — сказал Финнерти. — А капитан имел полное право ничего им не показывать. Права разных людей всегда в чем-то противоречат друг другу. И единственный способ получить то, что причитается тебе по праву — бороться за свои права, что и сделал капитан Джеймс. Просто так уж получилось, что капитан Джеймс победил — и то только потому, что он таков, каков есть.

Швед грустно возразил:

— Немного предосторожности, предусмотрительности — и можно было бы избежать этого кровопролития.

— Кули тоже могли бы проявить предусмотрительность, — возразил Финнерти. — Это должно заботить того, кто слабее. Прежде чем затевать что-нибудь, эти китайцы должны были вспомнить, с каким человеком собираются связаться. А капитан Джеймс просто делал то, что считал нужным.

— Это несправедливо, — упорствовал швед.

— А хотя бы и так, — отозвался Финнерти. — Так уж повелось на этом свете. В мире нет справедливости. И никогда не было. Приходится шагать по чужим головам, чтобы забраться на верхушку пирамиды, иначе непременно окажешься за бортом. А когда ты наверху — все, что ты сделаешь, будет правильным. Кэп Джеймс оказался на верхушке собственной пирамиды, и в этом его личная заслуга, черт возьми!

Тот, кому удастся его спихнуть, должен быть чертовски крепким парнем!

— При том, что у него такие же права, как у Джеймса? — спросил швед.

— Ясное дело! Хотя сейчас и много болтают обо всяких там правах человека и прочей такой белиберде, но вы-то понимаете, как все обстоит на самом деле?! Сила! Хитрость! Мошь! Ловкость! Разве не так?

Швед с сожалением кивнул.

— Может, сейчас это и так, но времена меняются, и это правило тоже может измениться. Возможно, такое положение только кажется нам правильным, а на самом деле все обстоит по-другому?

— Ну не будьте вы таким идиотом! — воскликнул Финнерти. — Черт возьми, вы же прекрасно понимаете: что действует — то и правильно, а ваши чувства по этому поводу тут совершенно ни при чем!

— Вот это и есть самый настоящий фашизм, — сказал швед. — Правда, я никак не пойму, почему вы его так страстно проповедуете, капитан Финнерти. Вы ведь сами вроде бы никого еще не убили. Вы торгуете на этих островах, и любой, черный ли, белый — все для вас одинаковы. Вы человек честный, вашему слову можно верить, со всеми вы обходитесь по справедливости, не оглядываясь на цвет кожи и прочие подобные предрассудки, вы никого не обидели... Не понимаю, почему вы так защищаете этот культ силы?

— Потому, что это соответствует истине, — просто ответил Финнерти. — Просто лично я — не борец по натуре. Я давным-давно убедился, что мне не взобраться на вершину своей собственной «пирамиды». Более сильные оттерли меня на задний план, и я перестал трепыхаться. Я купил шхуну и пристроился торговать в этом тихом болоте. Я ни с кем не спорю, я в стороне от всего и живу тихонько в этой глухомани, где никогда ничего не случается. Но я не такой идиот, чтобы думать, что эти острова и есть весь мир. Глаза-то у меня открыты, и газеты я читаю все время, так что прекрасно представляю, что творится на свете. Повсюду полным ходом идет грызня. Это — закон жизни. Цепляйся изо всех сил, распахивай других локтями — иначе отпихнут тебя. Всегда вы-

живает сильнейший. А капитан Джеймс, черт возьми, выживает лучше всех, кого я знаю!

— По-моему, нам не имеет смысла продолжать спор, — сказал швед. — Вам не хватает смелости взглянуть со стороны на уроки, которые преподнесла вам жизнь.

— Да вы и сами-то не особенный храбрец, раз не смееее признать правду! — огрызнулся Финнерти.

— Полегче, парни! — веско бросил Алекс. — Не стоит оно того, чтобы рвать друг другу глотки. Все мы согласны в одном — капитан Джеймс настоящий мужчина, а нравится он вам или нет — кому какое дело?

— Точно, точно, — поддакнул писатель, подмигивая Деннисону.

— Да, в этом мы все согласны, — мрачно пробурчал швед.

— Тогда давайте нальем еще по одной, — сказал Том, — и поговорим о чем-нибудь более интересном. К примеру, о ценах на шерсть.

— Господи Иисусе! — простонал Алекс. Все дружно рассмеялись.

8

Рано утром Деннисон и Джеймс принялись за последние приготовления к путешествию. Наполнили баки пресной водой, погрузили и упаковали последние порции свежего мяса и овощей. Шлюпку перевернули вверх дном и принатовали над каютой вместе с веслами и подвесным мотором. Акулье ружье капитана — почтенного возраста винчестер тридцатого калибра — хорошенько смазали, обернули промасленной тряпкой и прикрутили к специальным крючьям в рундуке. Содержимое корабельного рундука надо уложить так, чтобы, в случае чего, штормовые паруса всегда были под рукой — а над этим пришлось поломать голову.

На «Канопусе» был только один бак с бензином, на тридцать галлонов. Этого спокойно хватало, чтобы пройти четырнадцать-пятнадцать сотен морских миль без дозаправки. Джеймс проверил мотор и сказал, что его надо будет запускать примерно раз в три дня хотя бы на час, чтобы подзарядить батареи аккумулятора. Бак все равно будет почти пол-

ным, когда они доберутся до Санди-Хук, и горячего должно хватить, чтобы подняться до Сити-Айленда по Ист-Ривер.

Они пересмотрели все фалы, один за другим, и заменили старые, перетершиеся, новыми. Проверили, чтобы все концы были закреплены на скобах, заменили, где нужно, клинья. Попробовали, как работает помпа, и поставили новый предохранительный трос на гик. Деннисон в маске нырнул под дно, осмотрел для верности рулевые тяги и тяжелый бронзовый винт и сообщил Джеймсу, что все в полном порядке. Днище кеча малость обросло ракушками, но не настолько, чтобы ощутимо замедлять ход судна.

Утром австралийцы на своей прогулочной яхте вышли в море и взяли курс на Панаму. Деннисон проводил их взглядом, позавидовав беззаботной легкости, с которой эти парни преодолевают любые водные пространства.

— Нельзя так водить яхты, — высказался капитан Джеймс. — Эти мальчишки слишком полагаются на слепую удачу.

Деннисон понимал, что капитан, конечно, прав. Но это, несомненно, был самый простой способ путешествовать по морю — конечно, пока удача от тебя не отвернулась.

К вечеру они закончили все приготовления, и завтра утром кеч мог спокойно пускаться в плавание. Джеймс остался в каюте — разбирал свои карты и прокладывал первый отрезок маршрута. А Деннисон отправился в яхт-клуб, решил в последний раз пропустить стаканчик на острове Сент-Томас.

В баре яхт-клуба почти никого не было. Только писатель одиноко сидел за угловым столиком и потягивал ром с колой, мрачно уставившись на рукопись, разложенную на столе перед ним.

— Ну, как идет? — спросил Деннисон, присаживаясь рядом.

— Туго, — поднял голову писатель. — Я вообще не знаю, почему до сих пор не бросил это безнадежное дело и не стал, к примеру, фермером или еще кем. Знаете, что издатель скажет об этом рассказе?

— И что он сказал?

— Он сказал, что тут слишком явственно отдает Мальро. Подумать только! В чем только не обвиняли меня эти чerto-

вы ублюдки, которые заправляют издательским делом в Нью-Йорке! Это зависит от того, что они время от времени перечитывают на досуге. Мне сообщали, что в моих рассказах «слишком много» от Конрада, Лондона, Кипплинга, и вот теперь — Мальро!

— Да ну? — спросил Деннисон.

— Может, конечно, и так, — проворчал писатель. — Но с этим ничего нельзя поделать. Жизнь, знаете ли, похожа на литературу. И в кипплинговских ситуациях люди говорят и действуют, как кипплинговские герои.

— Жизнь похожа на литературу?

— Конечно. В литературе показана жизнь, какой она должна быть. И жизнь старается по возможности соответствовать литературе. Помните, как старик Финнерти спорил со шведом вчера вечером? Законы жизни и все такое. Борьба за выживание. Ну, разве не похоже это на что-нибудь из Джека Лондона?

— Наверное, похоже, — согласился Деннисон и тоже заказал себе ром с колой.

— Ну вот, и откуда, вы думаете, наш Финнерти набрался таких умных мыслей? Думаете, его убеждения появились на ровном месте, а? Как бы не так! Он, конечно же, читал когда-то Лондона и теперь бессознательно старается приспособить к собственной жизни то, что вычитал в книгах.

— А вы никогда не писали о таких людях и ситуациях, которых нет у Конрада и Лондона? — спросил Деннисон.

Писатель какое-то время задумчиво разглядывал потолок, потом ответил:

— У меня есть приятель, который пишет о гангстерах, наркоманах, бандитских налетах, изнасилованиях, убийствах и всем таком прочем. Я точно знаю, что он никогда и близко не видел ничего подобного. Да он и не хотел бы, чтобы это его коснулось. Этот человек любит покой и уют и проводит время в основном сидя в удобном кресле у себя дома. Он слушает музыку и читает книги — как, собственно, и большинство других писателей. Так вот, он сидит себе дома, слушает музыку и пишет о насилии и жестокости. Вы думаете, я тоже должен так поступить?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Деннисон.

— Что ж, я не стал сидеть дома, — воинственно продолжил писатель. — Я уехал, чтобы повидать мир, чтобы самому узнать, как все происходит на самом деле. Но беда в том, что люди не хотят читать о том, что и так видят вокруг каждый божий день. Им подавай романтику, приключения — а ты где хочешь, там их и бери, а правду жизни — к черту!

Деннисон хмыкнул, стараясь как-нибудь проявить сочувствие. Он уже понял, что писатель надрался вдрызг и теперь его потянуло на откровения.

— А я пишу о том, что вижу и слышу вокруг, — гнул свое писатель. — Возьмем, к примеру, этих ребят-австралийцев. Они ведут себя как типичные австралийцы, правда же?

— Точно.

— Вот и я так думаю. Только кто в это поверит? А этот бесстрастный англичанин, он разве не типичная личность? На яхтах выходят в море только люди определенного типа.

— А я, к примеру? — спросил Деннисон.

— А ты — типичный бродяга.

— А по-моему, нет. Начать с того, что я получил в свое время неплохое образование.

— Бродяги и бездельники все с образованием.

Деннисон усмехнулся.

— А вдруг у меня в банке лежит миллион долларов?

— Значит, ты бродяга, который сумел отхватить где-то миллион долларов.

— Как-то вы слишком быстро навешиваете всем ярлыки, — заметил Деннисон. — Неважно, что человек делает, вы враз решите, что ничего необычного в нем нет, если он подходит под какой-нибудь ваш шаблон. И распишете его судьбу шаг за шагом. Ерунда все это! Неудивительно, что ваши рассказы никто не берется печатать. Кто ж их купит?

— Так вы что, не избавились еще от иллюзий насчет свободы выбора?

— Иллюзии? Я свободен и делаю, что хочу.

— Выходит, вам больше всего на свете сейчас хочется плыть вместе с капитаном Джеймсом?

— Конечно. У меня были и другие варианты.

Писатель вздохнул и потер лоб ладонью.

— В самом деле? Мои поздравления!

Он опрокинул в рот остатки рома и заказал еще. Деннисон видел, что писатель сильно пьян.

— А что вы думаете о капитане Джеймсе?

— Вы вправду хотите знать мое мнение? — переспросил писатель.

— Ясное дело. Вы согласны с тем, что говорил швед?

— О колониальных фашистах? Нет, этот швед сам не понимал, о чем толкует. Он немного не в себе из-за того парня, который вывалился с его яхты. К тому же во вторую мировую он воевал за англичан и побывал в немецком концлагере. Так что и теперь, когда война закончилась, наш швед болезненно относится ко всякой жестокости. Его ужасает любое проявление жестокости и насилия, и его взгляд на мир пронизан страхом.

— И все же он ходит на яхте один.

— Да. По-моему, так он пытается успокоить нервишки. Тоже способ. Вы себе не представляете, сколько народу выходит в море только затем, чтобы вернуть себе былую храбрость. Но насчет капитана Джеймса швед не прав. Джеймс не фашист, ни в коей мере. У него нет никаких убеждений, никакой псевдообщественной программы, нету даже намека на истинный садизм.

— В таком случае, он — один из ваших с Лондоном и Мальрой типичных искателей приключений?

— Нет. Я имел в виду совсем не то, — проговорил писатель, тупо таращась прямо перед собой. — У меня такая склонность, сводить все к чистой теории, все упрощать. Но вы, кажется, спрашивали о Джеймсе? Капитан Джеймс — просто человек, который борется за первозданную чистоту таинственного искусства приключений, вот!

— Вы слишком много выпили. Я с трудом вас понимаю.

— Не понимаете? Давайте я объясню вам свою теорию приключений и их искателей. Бармен, еще рома моему другу!

Деннисон устроился поудобнее и приготовился слушать. Почему бы не выслушать рассказ, который уже оплачен стаканом выпивки, хотя никто и не собирался это сочинение покупать?

— Приключения — это таинственное, мистическое искусство, — начал писатель, понизив голос и прикрыв гла-

за. — Оно требует огромного самообладания — такого же, как, скажем, йога. У приключений существует строгая иерархия, они подчиняются очень жестким законам. Каждый искатель приключений находит в этой иерархии свое собственное место, выяснив, какой тип действий ему больше всего по вкусу. Нет — скорее, выяснив, на что он лучше всего годится. Я доступно объясняю?

— Конечно, — кивнул Деннисон. — Типы действий.

— Хорошо. В самом низу шкалы стоит война. Она не особенно высоко ценится, разве что у небольшого числа профессионалов — потому что в войнах участвуют слишком многие. Теряется исключительность, понимаете? Затем идет борьба с безликими силами природы — морем, горами, лесами, пустынями, джунглями и всем таким. Еще чуть выше, хоть и не намного, котируется охота на диких зверей, причем желательно с примерно равной степенью опасности для охотника и зверя. Но превыше всего ценятся те искатели приключений — они-то и есть истинные адепты этого искусства, — которые способны совладать с озверевшими людьми, потому что не существует занятия более опасного.

— Вот к ним-то и относится капитан Джеймс, — вставил Деннисон. — Он же воевал с охотниками за головами, и с этими кули, и вообще еще черт знает с кем.

— Погоди-ка, — остановил его писатель. — Прежде чем вознести Джеймса на такую высокую ступень, прежде чем отнести его к истинным искателям приключений, ты должен вспомнить о правилах, о непреложных правилах искусства приключений. А правила эти таковы.

Истинного искателя приключений не вдохновляет ни патриотизм, ни какая-нибудь великая идея. Это совершенно особые случаи, и не надо путать их с истинными приключениями.

Жизнь истинного искателя приключений полна лишений и невзгод. Единственная достойная его награда, к которой стоит стремиться, — это золото. И то больше из-за символического значения этого металла, чем ради его денежной стоимости.

Истинный искатель приключений стремится навстречу опасности только для того, чтобы еще раз почувствовать ее

терпкий привкус, чтобы попробовать свои силы и победить ее не только материально, но и духовно. — Писатель потер лоб и посмотрел на Деннисона. — Ну, и что ты теперь скажешь?

— Похоже, это хорошо продуманная теория, — дипломатично ответил Деннисон.

— Так и есть. Я записал ее в коротеньком рассказике «Правила игры».

— И как, его у вас купили?

— Еще нет. Я подумываю о том, чтобы изменить кое-какие правила.

— Что ж, по-моему, капитан Джеймс вполне соответствует всем этим вашим требованиям к истинным искателям приключений, — сказал Деннисон.

— Не знаю... Есть много путей к просветлению, и приключения, несомненно, один из них. В самом ли деле Джеймс — адепт действия? Вправду ли он достиг блаженного состояния отрешенности от собственной личности? Или капитан такой же заурядный человек, как все остальные, и просто делает свое дело, осмотрительно избегая опасностей где только можно? Я и в самом деле не знаю. Я думал о том, как он, этакий веселый толстяк, идет по жизни. Внешне все просто — обычный хороший парень, настоящий мужчина. Но за этим фасадом таятся демоны. Он говорит, что ни о чем не мечтает, ничего себе не воображает. Он просто живет так, как другие могут только мечтать. Но так ли это? Так ли это?

Деннисон немного опьянел и стал несговорчивым.

— Я хочу вам кое-что сказать, — начал он. — Вы много чего подмечаете, но кое-что упустили из виду. Во-первых, вы, по-моему, не понимаете, что такое опасность и что такое смерть, и каково испытать это на собственной шкуре. И вы так и не поймете, что такое настоящие приключения, пока сами не попробуете, что оно такое. И насчет людей вы тоже многого просто не видите. Вы не понимаете, что вот даже я — по-вашему, типичный бродяга — тоже личность, и у меня есть свои достоинства. Вы видите только ярлыки, вы видите людей отдельно от того, что их окружает, и не понимаете, что они способны измениться, стать другими. Поэтому они у вас такие схематичные, неживые. Возможно, люди и в самом

деле в массе своей типичны. Но каждый отдельный человек изменчив и непредсказуем. Люди убивают, или зарабатывают миллионы, или кончают жизнь самоубийством, а вы можете найти объяснение их поступкам только после свершения факта, но не раньше. И пока вы не научитесь предвидеть, на что способен каждый отдельный человек, вам никогда не понять людей.

— Это просто какой-то злой рок, — вздохнул писатель. — Я вечно встречаю в споры с образованными бродягами. Тем не менее весьма похвально уже то, что вы, мой друг, хотя бы пытаетесь рассуждать.

Писатель качнулся и наклонился вперед так низко, что чуть не съехал на пол, но ему удалось выпрямиться. Он снова потер лоб.

— Наверно, лучше мне пойти к себе на яхту. Я, похоже, пьян, а мне завтра с утра надо поработать.

— Поработать? — удивился Деннисон.

— Над романом.

— И о чем ваш роман?

— Действие происходит во время Второй мировой войны. Несколько солдат попали в плен к японцам, на Бирме, и японцы заставляют их копать тоннель под рекой. Группа американских пехотинцев пытается освободить своих из плена, но сперва они должны захватить хорошо укрепленную гряду холмов из желтого песчаника. Гряда вся изрезана ущельями и оврагами — они словно полосы на шкуре тигра. Это символично.

— Звучит неплохо, — сказал Деннисон, помогая писателю добраться до двери.

— Это будет хороший роман! И знаете что? Я был одним из тех парней, что копали этот чертов тоннель! И пусть только эти засранцы из издательства попробуют сказать, что это похоже на Лондона или Конрада!

— Утром мы уходим.

— Удачи! Тебе она скоро очень и очень понадобится.

Или, может, капитану Джеймсу.

— Почему это?

— Откуда я знаю? — сказал писатель. — Только у меня

какой-то особый нюх на неприятности, я их предчувствую. И еще почти никогда не ошибался.

Писатель, пошатываясь, побрел к своей яхте. А Деннисон пошел вниз, на пирс, где был пришвартован «Канопус».

Перед тем как заснуть, Деннисон раздумывал о том, что разные люди говорят о капитане Джеймсе. Финнерти считает его романтиком, искателем приключений. Швед убежден, что Джеймс — колониальный фашист, а писатель утверждает, что капитан — адепт мистического искусства приключений. Ну, а сам капитан уверен, что просто с ним часто случаются всякие неприятности.

«А что думаю я? — спросил себя Деннисон. — Так... Я думаю, что если человек попал в приключения и выбрался из них живым, то он вполне может потом рассказывать о них всякие истории. А Джеймс, конечно же, точно такой же человек, как любой из нас, — точно такой же, как я, и как Хейккла, и как Финнерти, и такой же, как писатель. Приключение длится считанные секунды, а потом можно годами вспоминать и рассказывать о нем. Вот что я думаю.

Впрочем, к чему забивать голову всякой ерундой? У нас с капитаном Джеймсом впереди переход в четырнадцать сотен морских миль. Мы будем вместе по меньшей мере три следующие недели. Вот тогда и посмотрим, с чем его едят.

Однако какого черта меня так занимает, что за человек этот капитан Джеймс? Он будет тем, кем я стану его считать, вот и все. Я всегда должен об этом помнить! Всегда!»

С этой мыслью Деннисон заснул.

Джеймс разбудил его на рассвете. Они наскоро перекусили, поставили парус и закрепили фалы. Деннисон отдал носовые и кормовые швартовы, и яхта под парусами скользнула к выходу из гавани.

Несмотря на такую рань, кое-кто из яхтсменов уже проснулся. Они махали вслед уходящему паруснику и провожали Джеймса и Деннисона гудками сигнальных сирен. Деннисон и капитан погудели в ответ. Вскоре они вышли из гавани и взяли курс на север. Ветер дул попутный, и яхта сразу набрала хорошую скорость. Следующий раз они сойдут на берег только в Санди-Хук.

Глава 2

1

Кеч стремительно рассекал волны. Они шли под четырьмя нижними парусами. Ветер дул справа, и яхту сильно раскачивало. Главный гик был подтянут вантами вверх, так, чтобы его не захлестывали волны, и закреплен предохранительным тросом, чтобы парус не болтал. Деннисон обнаружил, что удерживать корабль от поворота в наветренную сторону крайне трудно. Дело осложнялось еще и западным морским течением, которое сталкивалось с поверхностным волнением, поднятым северо-восточным ветром, и усиливало качку. Но Деннисон, вкалывавший до седьмого пота, ворочая тяжеленный дубовый штурвал, был счастлив, как никогда прежде. Если бы кеч шел на моторной тяге, Деннисон за какой-нибудь час притерпелся бы к нему и потерял всякий интерес. Никакое занятие не могло заинтересовать его больше чем на неделю. Но парусник — прекрасный, древний, невероятно сложный и непрактичный, почти неуместный в этом мире — вдохновил его и приковал к себе.

Капитан Джеймс забросил лаг собственного изобретения. Потом отрегулировал расположение парусов, и кеч пошел ровнее, стал лучше слушаться руля. Паруса наполнились свежим попутным ветром, и кеч, по приблизительным подсчетам капитана, делал теперь почти семь узлов. Остров Сент-Томас совсем скрылся из виду.

Оба они — и Деннисон, и капитан — немедленно втянулись в судовую ритм. Повреждения на шкотах и парусах нужно вовремя отслеживать и чинить. Еду готовили по очереди, в промежутках варили кофе. Переставляли паруса, когда северо-западный ветер сменялся северным. Выкачивали воду из трюма. Подгоняли и ремонтировали снаряжение.

Они сменяли друг друга на вахте по четыре часа, не считая времени, которое Джеймс проводил за расчетами курса. Вахтенный обязан следить за парусами, свободный от вахты — готовить еду, выкачивает просочившуюся в трюм воду или урывает несколько часов для сна.

Джеймс каждые сутки нес ночную вахту. Он усаживался

на крыше каюты, откинувшись спиной на шлюпку и прочно уперевшись ногами в поручень. Каждое утро и каждый вечер, если погода позволяла, он сверял курс по звездам и определял местонахождение судна. Деннисон фиксировал время наблюдений по часам капитана, которые тот одолжил ему на время путешествия. Он всегда проверял точность их хода по корабельному хронометру. И кеч шел на север со скоростью около ста пятидесяти миль в день, подгоняемый устойчивым попутным ветром.

Сент-Томас отдалялся по мере того, как карандаш капитана медленно вычерчивал курс по мелкомасштабной карте. Первой землей впереди были Бермуды, которые теперь находились всего в шестистах милях. Кеч пройдет в двухстах милях от них, а еще через семьсот миль будет Нью-Йорк.

Но сейчас им все равно, где находится земля — слишком далеко в море они зашли. Это станет важно через несколько недель, но в данный момент они отдались на волю волн, все их заботы связаны с яхтой, ветром, водой и погодой. Осматривая однообразную сине-зеленую гладь океана, который простирался во все стороны сколько хватало глаз, путешественники вспоминали обозначения штурманских карт: извилистые красные линии зоны ураганов, толстые зеленые стрелки, указывающие течения, оперенные стрелы направлений ветра и окружности, обозначающие штилевые районы.

Но штурманская карта содержала сведения о вероятных и ожидаемых условиях. Она не могла предусмотреть все неожиданности плавания. В таком деле приходилось больше полагаться на барометр, который застыл на отметке 29.9, ветер северо-западный, волнение умеренное. Деннисон и Джеймс следили за скоплением и передвижением облаков, как сухопутный житель следит за маневрами вражеских армий. Любой порыв ветра, любое изменение морских течений, любое колебание температуры и давления могли таить в себе угрозу — слабый отголосок того, что может выкинуть коварное море в следующую минуту.

Их путь пролегал по выверенным территориям, по морским странам океанских просторов. На третий день они дошли до мест, где пришлось распрощаться с попутным ветром. Впереди раскинулись «конские широты», полоса штилей и

неожиданных шквалов, одинаково тяжелая как для человека, так и для судна. Через «конские широты» протянулся восточный рукав Саргассова моря. За ним находились воды Бермудских островов со своими капризами, а потом их ждал Гольфстрим и северо-западные ветры.

Попутный ветер ослабел, вести кеч теперь стало легче легкого. На ночных вахтах Деннисон придерживал штурвал одной рукой, лежа на спине и устанавливая курс по звездам, проглядывающим сквозь просветы ночных облаков. Во время долгих ночных вахт делать было нечего, разве что иногда поглядывать на компас, когда звезды меркли в свете восходящей луны.

Ночи летучих рыб. Легкое, необременительное плавание, которое оставляет моряку массу времени на раздумья и грезы, когда вода мягко шипит под носом яхты, и кеч скользит по невысоким волнам моря.

Массу времени на раздумья... О Нью-Йорке.

Для чего он собирался попасть в Нью-Йорк? Ах, да, за деньгами. Попросить взаймы. Но удастся ли ему выбить деньги из сестры? Вполне вероятно — так ему казалось, пока он рассказывал об этом всем и каждому в Сент-Томасе. Совершенно — в действительности. Но теперь, оставшись наедине с собой, он находил эту авантюру почти безнадежной.

Деннисон вспомнил сестру, вдову с длинным носом, дамочку в цветастых шелках, которая жила в домике на Грамерси-парк, посвятив себя своим кошечкам и концертам. Что она может ему дать?

Комнату. Комнату и стол, и, возможно, немного карманных денег. На сигареты, скажет она, поскольку знает об этой мужской привычке.

За это благодеяние он будет вынужден выслушивать бесконечные лекции. Что даже похлеще, чем лекции Армии Спасения, и хуже бормотания святых отцов. По крайней мере, Армия Спасения и святые отцы кое-что понимают в жизни. Оливия же не видела ничего, кроме своего Грамерси-парка и фешенебельной части Лонг-Айленда.

Сперва она ударится, так сказать, в обзор. Она по минутам восстановит все тридцать четыре года его существования на грешной земле. Она припомнит, какие перспективы све-

тили ему, когда он вступал в жизнь, — упомянет его образование, определит уровень его интеллекта и его способностей, что будет сильно смахивать на кипу психологических тестов, которыми его пичкали в колледже.

Обзор завершится неутешительным резюме. Что он сделал со своими возможностями и способностями? Ничего, даже меньше, чем ничего! Кто он сейчас? Нищий, бродяга, тип, неспособный нести ответственность за свои действия, не желающий занять подобающее ему место в достойном образе жизни — на Лонг-Айленде и в Грамерси-парке.

Затем воспоследствует мольба. Еще не поздно! Изменись! Стань кем-нибудь! Оливия даже отыщет для него *возможности* — помощник в обувном магазине, продавец в фирме, производящей пылесосы. Сама по себе работа не в счет, главное — это благородный порыв к труду. Это прежде всего! Стань нормальным человеком, вступи в ряды воинства с серыми мордами, в ряды людишек, которые просыпаются в семь и возвращаются домой в шесть.

И когда он наплюет на ее мольбу и на предлагаемую работу, последуют возражения и аргументы, шаткие и идиотские аргументы о ценности благопристойного образа жизни в этом мире, в мире Оливии. Он никогда не мог ее переубедить. Все это заканчивалось удручающе однообразно: Оливия приказывала ему убираться из ее домика и возвращаться к своей беспутной жизни.

А деньги? Как насчет денег?

Каких денег?

Боже мой, каким же он был дураком, если поверил в то, что праведная Оливия согласится отщипнуть часть наследства своего покойного муженька, деньги, заработанные тяжелым трудом, на какую-то шхуну в Ливардсе, школу катания на водных лыжах в Сент-Томасе или поиски подводных сокровищ в проливе Мона? За всю свою жизнь она никогда не выбиралась дальше Нью-Йорка. Подобные места и подобные занятия не являлись ей и в страшных снах, они были так же далеки, как луна, и так же нереальны, как страна Оз или Зазеркалье. Вполне возможно, она считала, что тропические страны изобретены Голливудом.

Конечно, она займет ему денег — на приличный костюм,

чтобы он мог устроиться на работу в какой-нибудь занюханной конторе. Но не больше.

Господи, опять он сплеховал! Опять его разум выкинул какую-то нелепую шутку, заставив принять желаемое за действительное. Он ведь мог стать помощником капитана на «Люси Белл» и вести сейчас к Малым Антильским судно, груженное твердой древесиной и цементом. Он мог принять предложение Тони Эндрюса и плыть к Никарагуа. И вместо всего этого он направляется к единственному городу, куда он поклялся никогда больше не приезжать, — к этому проклятому Нью-Йорку!

Деннисон сокрушался по этому поводу долгими тихими ночами и жаркими днями. Ветер оставался слабым и переменчивым. Они вступали в царство «конских широт».

Стоял конец октября. В Нью-Йорке его ждала зима.

Она никогда не даст ему денег. Как же он выберется из Нью-Йорка? Конец сезона, найти яхту, отправляющуюся на юг, практически невозможно. При нем до сих пор были документы на право вождения судов, но они, наверное, стали недействительны после того, как он смылся с корабля несколько лет назад, в Порт-Саиде. А если даже и нет, на берегу сейчас толкнутся толпы моряков, шатающихся по грязным кварталам дешевых баров в поисках вакансий. Спрос на парусники резко упал. Как же он выберется из этого чертова города?

И с какой радости он вообще поперся в Нью-Йорк? Его жизнь проходила между призрачными границами Тропика Козерога и Тропика Рака, таинственными границами, которые он никогда не нарушал. Когда все вокруг говорило «нет!», почему же он ослушался? Как он мог забыть?

Этим вечером, поглядев на карту, он обнаружил, что они уже минули Тропик Рака. Кеч шел через тридцатый градус, широту Святого Августина. Впереди их ждали Нью-Йорк и зима.

2

Прошло четыре дня с тех пор, как их парусник покинул Сент-Томас. Попутный ветер иссяк, оставив их у границ «конских широт». Легкий бриз, дующий то с северо-востока,

то с северо-запада, подгонял кеч. Предохранительный трос был смотан, и яхта ложилась с галса на галс, пытаясь уловить малейшее дуновение. Иногда на горизонте возникали шквалы, но их ни разу не зацепило. С юга шла зыбь, свидетельствуя о далеких штормах.

Деннисон и Джеймс поставили грот. Теперь кеч шел на север, к Нью-Йорку, длинными галсами.

На пятый день, в час пополудни, Джеймс закончил вычисления и взялся за штурвал. Кеч был в прекрасном состоянии, если не считать трапа: одна из ступенек треснула и была залатана кое-как. Яхта скользила по волнам на крыльях восточного ветра. Деннисон вместо того, чтобы вздремнуть пару часиков, остался на кокпите, чтобы поговорить с капитаном. Разговор тек вяло, жара стояла страшная. Говорили о трудностях подводных работ.

— Забавные истории рассказывают про осьминогов, — сказал Джеймс. — Что вроде бы они хватают ныряльщиков и тому подобное. Видел фильмы про этих тварей?

— Ага, — ответил Деннисон. — Ныряльщик ухлопывает осьминога, а потом всплывает в пещеру, забитую сокровищами.

Они оба усмехнулись.

— Осьминоги! — фыркнул Джеймс. — Сейчас самое страшное — это акула, особенно если она тащится за судном несколько дней подряд, подбирая отходы. Наверное, она считает, что человек — тоже разновидность отходов.

— Разве она не права? — спросил Деннисон.

— Ясное дело. Какая разница: апельсиновая кожа или ноги-руки? Для голодной акулы все — харч. А вот барракуда — это еще похуже. Ты слышал о большой барракуде, что живет под пирсом яхт-клуба?

— В Сент-Томасе? Вы мне не сказали о ней, когда послали осмотреть дно яхты.

— Ну, — ответил Джеймс, — все говорят, что она безвредна. Детишки обожают прыгать на нее и пугать. Вот такая странная барракуда. А мурены?! Такие здоровые сволочи, длинные, будто угри, они любят гнездиться в темных углах и старых трещинах, сидят там и ждут, когда кто-нибудь проплывет мимо. Страшное дело!

— Еще бы, — согласился Деннисон. — А какое оборудование вы собираетесь забирать в Нью-Йорке, кэп?

— Кое-какое снаряжение хранится в гараже у одного моего приятеля. Парочка касок, скафандр, шестиваттовый генератор, глубоководный лот и остальные причиндалы. Почти все их придется чинить. А еще мне надо будет купить воздушный компрессор, да, скорее всего, и металлоискатель. — С минуту он помолчал. — Потом, запасной якорь и приличный моток тросов. Собственно, не мешает и прочный парус для грота.

— Дорогое удовольствие, — заметил Деннисон.

— Угу. Но есть у меня на примете пара ребятков, которые могут раздобыть его для меня. Если не получится, обойдусь тем, что есть.

Выходит, капитану тоже нужны деньги. Черт, а кому они не нужны! Самое время напомнить о его намеке на то, чтобы Деннисон остался и помог ему в поисках затонувших судов.

Деннисон отважился:

— Мне бы хотелось работать с вами, кэп, и дальше.

Джеймс смерил его задумчивым взглядом. На капитане были только шорты и фуражка, да повязанный вокруг шеи платок. На поясе, на ремне, висел складной нож со свайкой. Капитан Джеймс поскреб живот и задумался. Он был крупный, широкогрудый, с багровым лицом, обгоревшей до красноты шеей, усыпанный повсюду, даже на спине, веснушками и нависающим над поясным ремнем брюхом.

— Честно говоря, — наконец произнес он, — я не уверен, что смогу выплачивать тебе жалованье. Скорее всего, нет. Денег у меня — кот наплакал. Но если ты согласен работать в расчете на долю прибыли...

— Конечно, — быстро сказал Деннисон, даже слишком быстро.

— ...или только за еду и крышу, пока у меня не появятся бабки, — закончил Джеймс.

— Даже за это, — повторил Деннисон, распрощавшись с надеждой подзаработать денег.

— Ладно, посмотрим. Я бы не прочь оставить тебя, но в Нью-Йорке у меня есть пара дружков, которые могут решить взяться за это дело, ну, и вложить кое-какие деньги. Может,

они сейчас не при деле и захотят подработать? Сам знаешь, каково оно.

— Знаю, — отозвался Деннисон, стараясь казаться беззаботным.

— Но если получится, я бы взял тебя, — закончил Джеймс. — Если бы только не финансовые проблемы. Ну, поглядим, когда прибудем в Нью-Йорк.

— Хорошо, — сказал Деннисон и пошел в каюту.

Развалившись на койке, спиной к стенке каюты, Деннисон прокручивал про себя их разговор. И пришел к выводу, что, скорее всего, капитан его не возьмет. С кем-кем, а уж с ним такое случалось сплошь да рядом. Случайные встречи, случайная дружба, случайные развлечения, а в результате Деннисон всегда оказывался за бортом. Может, сейчас капитан и подумывает, а не взять ли его, но сейчас-то они в море, один на один, окруженные бесконечными просторами. В Нью-Йорке все будет по-другому, как только капитан встретит своих дружков. А нет, так он спокойно может взять одного из молокососов, только что окончивших колледж, или молодого болвана, согласного вкалывать день и большую часть ночи за спасибо, схватывающего все на лету, да еще с набитым кошельком вдобавок. Или Джеймс может передумать и нанять на Багамах какого-нибудь негра, на которого и тратиться не надо.

Итак, сам он опять останется с носом, на этот раз еще и в Нью-Йорке. Безусловно, пускаясь в это плаванье, он понимал, что шансы зацепиться на кече невелики, но тогда, в Сент-Томасе, ему казалось, что все сложится наилучшим образом.

Подгоняемый неустойчивым, переменным ветром, кеч все дальше забирался в «конские широты». Скорость судна продолжала падать; за пятый день они прошли только семьдесят две мили, за шестой — шестьдесят. Близились границы Саргассова моря. На поверхности воды появились плавучие пряди водорослей длиной в десять-двадцать футов, желтые и зеленые островки на сине-зеленой глади моря.

Деннисон впервые путешествовал через Саргассово море. Он был заинтригован. Так вот какое это море, которого панически боялись древние мореплаватели! Они рассказывали

душераздирающие истории о кораблях, попавших в сети коварных водорослей, застывших посреди моря, беспомощных и неспособных двинуться с места.

Но все это были обычные побасенки, которые так любят рассказывать моряки. Наглая ложь, поскольку в рыхлых длинных лохмотьях водорослей не смогла бы застрять и надувная лодка, не то что мощный, стремительный парусник. Самое большее, чем могли досадить эти водоросли, — обмотаться вокруг лага и засорить его катушку.

Днем паруса кеча ловили каждое дуновение ветерка, чтобы хоть немного продвинуться на север. Долгие минуты, когда, казалось, воздух вообще не шевелился, кеч все же продолжал двигаться вперед, влекомый самым легким бризом, который, похоже, существовал только для этой прекрасной яхты. Деннисон понял, какой это чудесный парусник.

Ему очень нравилось вести «Канопус». На нем можно было смело отправляться куда заблагорассудится — в любую точку земного шара, бродить по всем океанам Земли и бросать якорь где твоей душе угодно. Этот корабль мог дать такую свободу действий, о какой Деннисон раньше и не мечтал. Это был и дом, и транспортное средство, и способ подзаработать, и масса удовольствия в придачу. Человек, у которого была такая яхта, все равно что владел целым отдельным государством. Он мог даже не платить за стоянку в портах, если бросал якорь в гавани, а не приставал к пирсу. А питаться можно было бы рыбой, которую наловишь с корабля. А когда понадобятся деньги, можно было бы сдать яхту на время кому-нибудь или катать по морю туристов.

Дом, транспорт и источник заработка. Иными словами, Деннисон рассматривал кеч как нечто вроде солидного банковского счета. Говорили, что капитан заплатил за этот кеч восемь тысяч долларов. Сушая ерунда! В Нью-Йорке за него запросто отвалит двенадцать, а то и пятнадцать тысяч — это верняк!

А возможно, и больше. С такими деньгами человек уж точно может делать все, что заблагорассудится.

Ранним утром седьмого дня Джеймс заметил слабенький столбик дыма на восточном горизонте. Он послал Деннисона вниз за биноклем. Деннисону пришлось хорошенько поко-

паться в ящике капитанской тумбочки, пока он отыскивал то, что требовалось. В том же ящике, в самом углу, лежал и бумажник Джеймса. Деннисон из чистого любопытства раскрыл его. Он сильно удивился, когда насчитал там больше двух с половиной тысяч бумажками по пятьдесят и двадцать долларов. Скорее всего, это была только часть денег, которые капитан снял со счета вместе с теми, на которые купил кеч.

И он еще говорит, что почти разорился!

Деннисон положил бумажник на место и поднялся с биноклем на палубу. Но облачко дыма уже развеялось, и не было никаких признаков судна, которое его оставило.

Деннисон отнес бинокль обратно в каюту и положил на место, в тот самый ящик, откуда брал. На этот раз он задержался, чтобы поподробнее изучить капитанский бумажник. Кроме денег, там была кредитная карточка, водительские права, выданные в Мэриленде, маленькая банковская книжка — на текущем счету капитана Джеймса в Нью-Йоркском банке, как оказалось, хранилось три тысячи двести сорок долларов шестьдесят центов!

«Разорился! Да этот старый прохвост меня просто дурачит! — думал Деннисон. — Куда же подевалась ваша хваленая прямота и честность, а, капитан Джеймс? Похоже, я узнал, что вы за человек на самом деле. Когда двое затеряны в открытом море, они, хочешь не хочешь, узнают друг о друге все. И теперь я знаю, что вы ничем не лучше любого из нас, капитан Джеймс! Вы просто ловчее треплете языком, рассказывая свои истории, вот и все!»

3

Долгими жаркими днями и ночами, когда время тянулось невообразимо медленно, Деннисон постоянно размышлял о капитане Джеймсе и его кече. Эти мысли были неотвязными, избавиться от них не было никакой возможности. Яхта была единственным прочным, определенным местом в огромном безликом океанском просторе, который раскинулся впереди и позади. Время и пространство перестали существовать, оставалась одна только яхта, прокладывавшая свой путь в безбрежном сине-зеленом океане. Временами Деннисону каза-

лось, что в мире никогда не существовало ничего другого, кроме этой яхты и неизменного океана. Во всех смыслах корабль был сейчас для него целым миром, который несется по своей собственной орбите в неверной и таинственной вселенной. Капитан Джеймс был единственным, кроме него, обитателем этого мира, и судьбе было угодно сделать его господином, а Деннисона — рабом.

Корабль, прекрасно оснащенный и ухоженный, сложный и живущий как будто своей собственной жизнью, был для Деннисона единственной реальностью в настоящем. Но корабль был в то же время и его будущим, потому что все мечты и надежды Деннисона были сейчас связаны с этим кораблем. Это была единственная альтернатива невыносимым мыслям об Оливии и Нью-Йорке.

Но корабль принадлежал капитану Джеймсу. Эта внезапная мысль оборвала мечтания Деннисона. Все надежды и приятные картины будущего рассыпались в прах от осознания этого. И мечтания Деннисона стали несколько иными.

Чтобы отвязаться от неприятных и досадных мыслей о Джеймсе, Деннисон стал воображать, что капитан, например, вывалился за борт или его настигла какая-нибудь другая опасность из тех, что подстерегают человека в море.

Если бы капитан погиб...

«Тогда яхта стала бы моей, — думал Деннисон. — Я сам довел бы ее до Нью-Йорка и передал наследникам капитана, естественно, с соответствующими выражениями сочувствия. Но не стал бы упоминать о двух с половиной тысячах, что лежат в капитанском бумажнике. В самом деле, почему бы и нет? Это для них такая мелочь! Кроме того, ничего невозможно доказать. А я получил бы неплохую сумму, для начала.

Но почему, собственно, я должен возвращать кеч его наследникам? У такого человека, как этот Джеймс, может вообще не найтись никаких наследников. Родители его наверняка уже давно умерли. Жены у него не было, это точно. Какие-нибудь дальние родственники — может, один-два кузена? Да их попробуй еще разыскать. Наверняка они ничего не знают про кеч и не стали бы интересоваться, если бы я вообще не привел парусник в Нью-Йорк.

Если бы капитан был мертв, я с чистой совестью мог бы

оставить яхту себе и загнать ее, например, в Порт-о-Пренсе или Веракрусе. Там можно продать судно безо всяких документов на право собственности, и никто не станет задавать вам никаких глупых вопросов. Конечно, цену придется сильно сбавить. Может, удастся толкнуть кеч тысячи за три. Или за четыре, если пойти в Южную Америку. И это плюс те две с половиной тысячи, что лежат в капитанском бумажнике. Почти семь тысяч — очень даже неплохо!

Если бы только этот чертов капитан свалился за борт и пропал где-нибудь в море...

Черт, да лучше я не буду вообще продавать этот кеч! Стоит только поменять рангоут и такелаж, перенести дальше корме — и кеч будет не узнать. Закрасить регистрационные номера и заново зарегистрировать его в Сен-Мартене.

Но здесь можно ненароком наткнуться на кого-нибудь из Сент-Томаса.

Тогда — к черту Карибское море! На борту полно провизии, воды — полные баки. Значит — на юг! На Ямайке пополнить запасы, по Панамскому каналу проскочить в Тихий океан, а потом можно идти хоть на Маркизские острова, хоть на Фиджи. Островов там до черта, и никто не станет приставать с дурацкими вопросами. Острова, яхта и две с половиной тысячи налички в кармане — это же рай земной!

Если только этот капитан свалится за борт...

Впрочем, Деннисон подумал, что с капитаном Джеймсом вряд ли случится такая неприятность. Крупный, с виду неуклюжий капитан двигался по палубе мягко, словно огромный кот. Он ни разу не потерял равновесия, не споткнулся, его тело отвечало на малейшие рывки и неожиданные повороты судна. Очень сомнительно, чтобы человек, который чувствует себя на яхте, как на твердой суше, ненароком вывалился за борт. Капитан Джеймс был из тех людей, с которыми, по любым расчетам, всякие несчастные случаи на море происходят реже всего.

Но ведь есть и другие варианты, напомнил себе Деннисон. Например, если внезапно рванет ветер, гик дернется, и по пути двинет капитана по затылку. Вот и все — делов-то! Не нужен даже главный парус — капитану вполне хватит и гика от кливера, если только это случится внезапно...

Но и такая случайность — большая редкость. И вполне вероятно, что даже тогда Джеймсу удастся как-нибудь вернуться. Он такой мужик, что эти неприятные случайности для него — привычное дело...

Что же остается?

Убийство, естественно.

О боже, нет!

Ну, конечно же, нет. Но ведь никому не повредит, если Деннисон будет просто размышлять об этом, прикидывать, как все могло бы произойти, представлять в воображении...

Убийство — это значит зал суда, присяжные, полицейские. «Господа присяжные! Слушается дело о преднамеренном убийстве капитана Джеймса. Суду представлены убедительные доказательства того, что обвиняемый Деннисон, действуя преднамеренно и по предварительному замыслу...»

Но как эти крючкотворы сумеют что-нибудь доказать? Нет ведь никаких свидетелей! Присяжные могут подозревать все, что им угодно, но ничего не смогут доказать — без свидетелей и без тела!

Состав преступления.

А мотив?

«Джентльмены, я понятия не имею, о чем идет речь. Мы с капитаном Джеймсом были хорошими друзьями. Собирались вместе вести поиск останков затонувших кораблей в Карибском море. Я намеревался внести в дело свою долю — спросите хоть мою сестру».

(Оливия наверняка солжет ради меня, если дело будет идти о жизни и смерти).

«Еще раз говорю вам, мы были друзьями. Хорошими, близкими друзьями. Подружились мы на острове Сент-Томас. Почему еще, как вы думаете, он выбрал именно меня, а не кого-нибудь другого, чтобы плыть вместе с ним до Нью-Йорка? Дружеское расположение, джентльмены! Кроме того, заметьте, джентльмены: капитан Джеймс был намного старше меня. Капитан был для меня все равно что отец, и сам он относился ко мне как к родному сыну. Мне не раз приходилось слышать, как капитан Джеймс выражал пожелания, чтобы «Канопус» когда-нибудь достался мне — если с ним, с капитаном, что-нибудь случится...

Нет в записях? Господи, ну неужели не достаточно простого честного слова? Чего вам еще надо? Если вы считаете, что я не по праву оставил судно за собой — что ж, я с радостью передам его законному владельцу. Я действую так только потому, что капитан Джеймс, прежде чем с ним произошел этот прискорбный случай, намекал, что я, его компаньон, скорее всего, буду его единственным наследником. Он говорил, что родственников у него не осталось...»

Они, конечно же, никак не смогут признать виновным человека, который так решительно, прямо, честно и открыто строит речь в свою защиту! В худшем случае ему светит разве что условный приговор.

Деннисон еще раз все хорошенько обдумал и пришел к заключению, что дело складывается как нельзя лучше. Свидетелей нет, состава преступления — нет, мотив — весьма сомнительный. Что останется делать присяжным? Признать его виновным в убийстве? По подозрению, весьма неопределенному и без малейших доказательств? Нет, на это они ни за что не решатся! Они ни за что не признают его виновным.

Впрочем, может, у него вообще не возникнет никаких неприятностей с властями. Поглядеть хотя бы на того шведа! Путешествует вокруг света, повсюду рассказывая о парне, которого смыло волной с его яхты. Естественно, очень сожалеет об этом случае. Несчастном случае.

Но кто, кроме самого шведа, может знать, был это несчастный случай или убийство? Судя по всему, что известно об этом случае, швед запросто мог хладнокровно прикончить того беднягу, выкинув в море. А теперь, чтобы полностью насладиться местью, разъезжает по свету, с демонстративной скорбью рассказывая жалостливые байки о том, как ему не повезло.

«А предположим, к примеру, что с капитаном на самом деле произойдет какой-нибудь несчастный случай? Стал бы я беспокоиться, что меня могут обвинить в убийстве?»

Конечно, нет! Путешествие на паруснике по океану — чертовски рискованная игра. С тобой может случиться все, что угодно!

А если, кроме меня, никто не будет знать, как все было на

самом деле, то какая тогда разница — убийство это или просто несчастный случай?

Никакой.

Какая разница, каким образом человек умер на самом деле?

Да никакой разницы!

И кто притянет меня к суду за это?

Только я сам. Только моя совесть».

Совесть! Деннисон рассмеялся. Греки придумали эту треклятую совесть как литературную уловку. Фрейд и церковники заставляют нас относиться к ней с почтением. И все лицемерно превозносят совесть, точно так же лицемерно, как бога, в которого на самом деле не верят, и нравственные устои, которых никто больше не соблюдает. Смех, да и только!

Деннисон читал рассказы об убийцах, которые сами признавались в содеянных преступлениях, понукаемые безжалостными угрызениями мелкой и несчастной твари — совести. Вроде бы идеальное преступление, но убийца так изгладан своей горестно стонущей совестью, что предпочитает за лучшее сдать в руки правосудия. Подобный идиотский прием встречался у авторов достаточно часто, что приводило Деннисона в исступление.

Совесть! Ха! Он мог бы убить капитана запросто, как прихлопнуть надоевшую муху, и не почувствовать ни малейшего укола раскаяния. Точно так же, как мог уколошить того проклятого негра в Сент-Томасе и уколошил бы наверняка, если бы этот ублюдок не взял руки в ноги и не смылся, спасая свою шкуру.

«Мне безразличны любые вопли потревоженной совести, — думал Деннисон. — Я останусь глух к ним, пока не завоюю себе место под солнцем. Убить человека? Дьявол, я делал это — и со мной все в порядке! Конечно, говорят, что на войне все по-другому. Но я не верю в эту ерунду. Я вам не какой-нибудь вшивый патриот. Как по мне, убийство — всегда убийство. И нет никакого оправдания убийству, ради чего оно бы ни совершалось.

Я легко мог бы прикончить капитана — конечно, если бы захотел».

Кеч плыл на север, солнечные дни сменялись закатами и вечерними сумерками, потом приходила ночь, усыпая сияющими звездами величественный небесный свод. Стоя у румпеля долгими ночами, Деннисон смотрел на прекрасную картину звездного неба. Звезды медленно плыли по безоблачному черному небосводу, спускаясь к западу, давая дорогу новым светилам, встающим на востоке. Он заново знакомился с Медведицами и Орионом, этими верными небесными спутниками. Нашел по астрономическому атласу Близнецов и Андромеду и даже выискал Канопус, звезду, давшую имя яхте.

На девятую ночь Деннисон так же дежурил у руля. Он смотрел, как небо на востоке светлеет, занимается заря. Затем над горизонтом показался узкий краешек солнца. Солнечный диск поднимался все выше и выше, и наконец пыльную водную гладь озарило утро.

Солнечный оком пересекла неширокая темная тучка. Между тучей и морем Деннисон разглядел косые черные линии. Приближался шквал, и как раз с наветренной стороны.

«Может, еще и пронесет», — подумал Деннисон. И несколько мгновений ему казалось, что шквал действительно их минует. Деннисон глянул на компас и выровнял курс. Но когда он снова поднял голову, шквал шел прямо на их кеч. Черные косые дождевые струи надвигались с ужасающей быстротой, и спокойные волны уже подернулись рябью под порывами приближающегося неистового ветра.

— Шквал! — заорал Деннисон. — Давай наверх!

Он быстро освободил фал фока, и парус упал на кокпит. Шквал был уже меньше чем в пятидесяти ярдах от яхты, на траверзе. Деннисон круто заложил руль, чтобы встретить первый удар кормой.

Джеймс вылетел на палубу весь взъерошенный, с красными и опухшими со сна глазами. Бросив один-единственный взгляд на приближающийся шквал, он ринулся к грот-мачте и на бегу рывком распустил узел фала, удерживавшего грот, потом поспешил к кливеру и стакселю.

Ударил первый дождевой залп. Деннисон никак не мог

развернуть судно кормой к ветру. Штурвал накрыло складками упавшего грота, и толком повернуть его не получалось. Деннисон отбросил ткань в сторону, но складки парусины зацепились за руль. Пришлось их распутывать. Порыв шквала налетел сбоку и развернул кеч бортом к ветру. Яхта накренилась. Капитан Джеймс тем временем воевал с кливером, который застрял на середине мачты. Наконец он дернул изо всех сил, кливер освободился и упал вниз. Джеймс, путаясь в складках парусины, стал пробираться к стакселю.

Деннисон боролся с румпелем. Он почти ничего не видел — косые струи дождя больно хлестали по лицу, заливали глаза. Шквал бушевал уже в полную силу. Бешеный ветер сорвал спущенный только наполовину стаксель. Капитан Джеймс не устоял, его рвануло вперед вместе со стакселем. Ветер неистово трепал парус, а Джеймс намертво вцепился в переднюю шкаторину и дергал что было сил, стараясь сорвать стаксель. Снова застряла! Но вот внезапно стаксель соскользнул вниз по своей мачте. Двойной блок, закрепленный на верхушке упавшего паруса, едва не раскроил капитану голову. Джеймс отпрыгнул назад, спасаясь от просвистевшего совсем рядом блока, но споткнулся о кнехт и упал на палубу, прямо в ворох мокрой парусины и перепутавшихся фалов.

Деннисон видел, что капитан упал. Кеч был повернут к ветру кормой и немного — правым бортом, как раз сейчас его снова начало разворачивать. Деннисон не знал и никогда не узнает, случайно или нет он сделал в следующее мгновение именно то, что сделал.

Почувствовав, что яхту снова разворачивает ветром, Деннисон сильно вывернул руль, стараясь ее выровнять. Только на этот раз он вывернул руль не в ту сторону, что нужно. Яхта крутнулась вокруг длинного киля и встала бортом к ветру и бушующему морю. Ветер тут же ударил в подставленный борт, мачты заскрипели от перегрузки, и яхта сильно накренилась — еще немного, и она могла бы перевернуться.

Капитан Джеймс, запутавшийся в стакселе и беспорядочном ворохе разбросанных по палубе снастей, покатился вниз. Он попытался уцепиться за поручень, промахнулся и перелетел через борт, в воду.

Деннисон не выпускал из рук румпеля. Но вот кеч неук-

люже выровнялся и закачался на волнах. Ветер утих. Бешеный шквал пронесся дальше так же быстро, как налетел.

Деннисон тупо уставился на нос судна, пытаясь осознать, что же произошло. На палубе никого не было — только груда промокших парусов и путаница фалов.

Капитан вывалился за борт.

Какое-то мгновение Деннисон раздумывал, что можно такого предпринять, чтобы помочь капитану Джеймсу? Он даже начал приподниматься со своего места, но резко сел обратно. Джеймса смысла за борт во время шквала! Вот именно! Капитан перестал существовать, исчез с яхты, из мира, из жизни. Мечты Деннисона обернулись явью. Капитана больше нет! Деннисон остался один, и кеч теперь принадлежит ему.

Его охватило необъяснимое чувство триумфа. Судьба, которая никогда не была с ним ласкова и упорно подкидывала одну гадость за другой, почему-то решила наконец передохнуть. И очень вовремя! Проклятье, это первый подарок судьбы за тридцать четыре года. Корабль, деньги — и все это его, только его! Теперь-то как раз и начнется настоящая жизнь. То, что капитан исчез, не поразило Деннисона, не вызвало никаких сожалений. Он даже не удивился. Ему казалось, что все так и должно было случиться, что это было предопределено с самого начала. И, выкинув из головы неудачливого капитана, Деннисон начал строить планы.

Ему не хотелось идти в Нью-Йорк. К черту Нью-Йорк! На борту полно воды и пищи. Можно проложить новый курс, на юго-запад, к Панамскому каналу, а там его ждут не дождутся далекие южные острова Тихого океана.

Но при переходе по каналу у него могут спросить документы... Это рискованно. Может, лучше отправиться на юг, обогнуть мыс Горн...

Стоп, погоди-ка! Какого черта? Он ведь запросто может выдать себя за капитана Джеймса. И никто на канале ни о чем его даже не спросит. Разве что попросят показать сертификат на право вождения судов. А в таких сертификатах обычно значится только имя и адрес владельца. Там ни слова не сказано о внешности владельца, дается только описание судна, его длина, место изготовления, максимальное водоизме-

шение, мощность мотора и все такое прочее. Он запросто может воспользоваться документами Джеймса — это совершенно безопасно.

Да они вообще могут не потребовать никаких документов!

Конечно, сейчас ему предстоит немало потрудиться, и лучше с этим не откладывать. На «Канопусе» после этого шквала такой беспорядок! Нужно срочно этим заняться, привести все в надлежащий вид. А потом надо будет спуститься вниз, разобраться в картах...

Внезапно волосы у Деннисона встали дыбом, в животе похолодело. Как будто ниоткуда возникла рука и ухватила за поручень.

Деннисон не мог пошевелиться, только смотрел прямо перед собой, широко раскрыв глаза. Появилась вторая рука. Потом показались голова и плечи капитана Джеймса, который тяжело подтянулся на поручне и пристроил локти на фальшборт. Тело капитана все еще свисало за бортом. Деннисон заметил, что совсем рядом с капитаном через борт свисает несколько складок кливера. Забраться по ним на палубу будет легче легкого.

Деннисон поднялся на ноги. Яхта качнулась, и его едва не сбросило с кокпита.

— Оставайся, где стоишь! — крикнул Джеймс. — Без тебя выберусь!

Деннисон послушно опустил обратно на кокпит. Капитан Джеймс выжидал. И когда яхта вновь накренилась, он рывком подтянулся. Но даже сил капитана Джеймса не хватило, чтобы перебросить усталое тело через высокий фальшборт.

Тут Деннисону пришло в голову, что он мог бы покончить с капитаном одним ударом. Он вскочил и подался вперед.

Яхта заложила крутой вираж, и Джеймс напряг все силы для решающего броска. Он перевалился через борт, с трудом поднялся на ноги и вцепился в главный гик. Деннисон снова присел на кокпит. Джеймс подковылял к нему, придерживаясь за гик, и опустился рядом.

— Пронесло! — выдохнул Деннисон, гадая, отражается

ли на его лице все, что он на самом деле думает, или нет. Станет ли Джеймс обвинять во всем его?

— Еле выкарабкался, — прокомментировал капитан.

Деннисон кивнул.

— Не думаешь о подобном, пока это не сваливается тебе на голову, — сказал капитан и усмехнулся. Деннисон усмехнулся тоже, его переполняло восхищение капитаном.

Шквал был сейчас далеко по левому борту, и небо у них над головой сияло голубизной. Кеч выглядел так, словно по палубе прошелся ураган. На обеих ногах Джеймса наливались синяки, а руки были содраны в кровь.

— Вы бы смазали ссадины йодом, — предложил Деннисон.

— Понятное дело. В следующий раз, будь добр, предупреди меня чуточку пораньше, когда увидишь, что идет шквал.

— Хорошо, — ответил Деннисон. Капитан спустился в каюту.

Старый дурак ничего не заметил!

Судьба и случай снова плюнули Деннисону в лицо. «Чуть-чуть удачи, — подумал Деннисон, — и кеч был бы уже мой. Кеч и две тысячи шестьсот долларов плюс полная свобода. Страх господень, что вытворяет жизнь, чтобы посмеяться над человеком.

Мне никогда не везет. Успех всегда сопутствует кому-то, но не мне.

Все, что у меня есть, я вынужден брать с боем».

5

После шквала Деннисон впал в глубокую и безнадежную депрессию. Удача была так близко! Прямо сейчас, если бы все шло как надо, он был бы единственным владельцем кеча с почти тремя тысячами в кармане и шел в Панаму, а там и в Тихий океан. Он был бы хозяином своей собственной судьбы, сам, без дураков, и ни у кого не просил бы милостыни.

Вместо этого он оставался слугой, работал на чужой яхте, направляющейся прямоком в Нью-Йорк, и ему ничего не светило в будущем, кроме жалких меблированных комнат. Уколы праведного язычка сестры, потеря остатков чувства

собственного достоинства, изнурительная борьба за побег из мрачного северного города и возвращение на какой-нибудь тропический островок без копейки за душой...

Ради всего святого, ну почему капитан не сдох во время этого шквала!

Деннисон видел только один проблеск надежды во мгле, которая окутывала его настоящее и будущее. Раз уж такое однажды произошло, почему бы ему не случиться снова? Все еще может повернуться к лучшему.

Если капитан упадет за борт...

«Довольно, пора называть вещи своими именами. Если я убью капитана. И не нужно ждать следующего шквала».

Деннисон преисполнился гордости самим собой, когда подумал о слове «убийство». Так честнее. Нужно смотреть фактам в лицо. Больше никаких грез о случайном совпадении, никаких мечтаний на тему «Ах, если бы!». Раз уж удача, судьба или случай не приходят ему на помощь, он сам должен себе помочь.

Разве он не в состоянии ухлопать этого тупого, жирного, наглого и самоуверенного капитанишку? Да каждый день предоставляется куча шансов. Может ли он воспользоваться одним из них?

Конечно, может!

Деннисону пришлось по вкусу мысль о том, что он — убийца. Он станет одним из немногих, одним из тех отчаянных типов, которые не останавливаются ни перед чем. Он войдет в круг избранных, в братство проклятых и отверженных. На его лбу будет гореть клеймо, посвященные смогут увидеть эту надпись: «Держись подальше от этого парня». В его глазах зажжется огонь, и тот, кто разглядит этот пламень, десятой дорогой обойдет человека, чьи деяния начертаны на лице.

Никто не думает смеяться над убийцами.

Деннисону ужасно понравилась эта идея, но он не собирался приводить ее в исполнение немедленно. Сперва нужно все тщательно обдумать, взвесить все варианты и выбрать лучший.

Убийство принесет ему яхту стоимостью по меньшей мере пять тысяч плюс почти три тысячи долларов наличными.

Шансов, что убийство раскроют, никаких.

Что до самого дела, до совершения этого убийства... Ну, быть-то убийцей неплохо, но совершить убийство своими руками неприятно. Да, он должен взглянуть правде в глаза. Ему нравится тайно лелеять мысли об убийстве. Но совершить его страшновато.

Деннисон попытался отыскать причину этого страха, но мысли ускользали. Ему было даже трудно сосредоточиться. Он сильно обгорел на солнце. Хотя он прекрасно знал о коварстве тропического солнца, но последние несколько дней не позаботился о том, чтобы защитить себя в должной мере. Что только не вытворяет солнце в открытом море! Теперь Деннисон напялил рубашку с длинными рукавами и шляпу. Но солнце продолжало обжигать запястья и затылок. Его грудь и спина стали алого цвета, и время от времени обморочно кружилась голова.

Ладно, оставим это. Нужно думать о предстоящем убийстве.

Все должно произойти в мгновение ока. Когда это страшное мгновение пройдет, начнется новая жизнь. Провала быть не может — человек, способный убить, способен на все!

Вот и хорошо. Он убьет капитана.

В течение нескольких дней Деннисон чувствовал себя, как после принятия доброй дозы наркотиков. Его пьянила мысль о том, что он может совершить убийство, может прямо в эту самую минуту, а возможно, в следующую. Восторг вышей пробы наполнял его сердце, он знал, что его жертва ни о чем не подозревает и не будет подозревать, пока не станет слишком поздно. Тогда страх и животный ужас промелькнут в глазах несчастного — но только на миг.

Когда капитан будет спать на своей койке, Деннисон подкрадется к нему, сжимая нож. Может, стоит сделать это прямо сейчас? Когда капитан поднимал голову, чтобы взглянуть на вымпел на верхушке мачты, Деннисон исподтишка следил за толстяком, который, казалось, вот-вот потеряет равновесие. Стоит подскочить к нему и толкнуть...

— Что за чертовщина творится с тобой в последнее время? — спросил Джеймс в полдень одиннадцатого дня.

— Со мной? Ничего.

— Ты выглядишь странно.
 — Да ничего со мной не творится, кэп.
 — Ты недавно скалил на меня зубы. С чего бы это?
 — Просто так. На солнце обгорел, — ответил Деннисон, поскребывая щетину на подбородке.
 — Да ну? Ты что, заныкал где-то бутылку?
 — Нет! Я не пью, кэп!
 — А ну, дыхни.
 — Кэп!
 — Слышал, что говорю? Подойди ко мне и дыхни, черт тебя возьми!

Деннисон покорно подошел к капитану и дыхнул ему в лицо. Джеймс пожал плечами.

— Гм, ты совсем не пьян. Но запомни, Деннисон: перестань ходить вокруг меня и скалить зубы.

— Хорошо.

— Я не позволю хихикать надо мной, понял? — продолжал Джеймс. — Особенно всякому безденежному сброду. Поэтому прекрати эти свои штучки!

— Я и не думал смеяться над вами! — запротестовал Деннисон.

— Прекрати! — повторил Джеймс и отвернулся.

Деннисон с трудом сдерживал ярость. Его ткнули мордой в грязь, поставили на место, осадили, утерли нос! И кто? Человек, которого он собирается убить!

Мысль об убийстве, ранее туманная и неопределенная, обрисовалась со всей ясностью. Черт, он сделает это, и чем скорей, тем лучше. Возможно, даже завтра.

Тем же вечером Деннисон обнаружил, что у него начался жар. Его обожженная грудь покрылась волдырями. Похоже, солнечный ожог. Он проглотил соляную таблетку и решил, что на завтра наденет рубашку поплотней.

Деннисон сверился с картой и увидел, что «Канопус» находится почти на середине пути между Сент-Томасом и Бермудами. На следующий день они преодолеют эту самую середину, четыреста миль от Сент-Томаса и четыреста — до Бермудских островов. К западу остались лежать Багамы, до них шестьсот миль. Саргассово море раскинулось с востока, а за ним, через три тысячи миль, Африка.

Здесь же океан оставался безлюдным. Грузовые суда ходили тут редко, а парусники и того реже. Это заброшенное тихое местечко, где царит безветрие, неожиданные шквалы и пучки саргассовых водорослей, просто создано для убийства. Завтра. Завтра или никогда! Когда кеч минует середину пути.

6

На двенадцатый день плавания Джеймс, завершив полуденные наблюдения, спустился вниз для вычислений курса. Он вынырнул из каюты, ухмыляясь.

— Половина пути, — сказал Джеймс.

— Точно?

— Ага, как раз половина. Двенадцать дней. Двигаемся мы что-то слишком медленно. Хорошо бы, если б нас подогнал какой-нибудь ветерок.

Капитан окинул взглядом лениво плещущие волны. С востока дул легкий бриз. Кеч делал примерно три узла.

— Да, ветер нам бы не помешал, — согласился Деннисон.

— А то. Эти проклятые «конские широты» надоели до смерти. Штиль и шквал, штиль и шквал. С ума сойти.

— Пустынное местечко, — сказал Деннисон, оглядывая горизонт.

— Какое есть. Но мне это по душе. Люблю, когда есть где разгуляться.

— Я тоже, — кивнул Деннисон. — Мы действительно на середине пути?

— Железно. Наблюдения и расчеты сходятся. Следи за курсом, парень!

Кеч, оказываясь, повернул на десять градусов к ветру. Деннисон выровнял яхту по курсу.

— Не забывай о руле, — сказал Джеймс. — Хоть на соплях, но мы должны выбраться из этих поганных широт. Глянь! Ветер снова пропал.

— Да.

— И больше никаких снов наяву.

— Снов наяву?

— Вот именно. С того первого шквала ты бродишь по

судну, как лунатик. Витает в облаках, Деннисон. Что с тобой, черт возьми?

Деннисон почувствовал, как кровь приливает к его обожженным щекам.

— А что со мной такое?

— Да то самое. Тебя что, баба ждет в Нью-Йорке?

— Да. Одна девушка.

Джеймс зашелся смехом.

— Готов поспорить, какая-нибудь маленькая шлюшка.

— Я буду более внимательным, кэп, — пообещал Деннисон. — Просто я себя неважно чувствую. Солнце так и жарит.

— О'кей, — сказал Джеймс. — Перестань бредить и думай о насущном. Если бы ты был повнимательней, мы бы не попали в тот шквал. И меня бы не вынесло за борт.

Деннисон молча смотрел на него.

— Конечно, я выкрутился, — продолжал Джеймс, — и это главное. Но ничего могло бы и не случиться. Мне не хотелось бы, чтобы такое повторилось. Потому думай о деле. Ты снова сбился с курса.

Деннисон выровнял курс и снова уставился на капитана.

— Пойду вздремну часок, — сказал тот. — Пока еще твоя вахта.

— Кэп...

— Что еще?

— У меня есть шанс остаться с вами, после того как мы прибудем в Нью-Йорк? Мне правда нравится с вами работать, капитан.

— Мы уже все обговорили, — ответил Джеймс. — Ничего не изменилось.

— Но это реально?

— Лучше не рассчитывай на меня.

— Но шанс у меня есть?

— Считай, что нет.

Джеймс повернулся и двинулся вниз по трапу. Деннисон проводил его взглядом. Чувство безысходности охватило его, заглушая ненависть и гнев, разбивая желания и надежды в прах.

Деннисон закричал:

— Капитан Джеймс!

— Чего тебе? — отозвался капитан, не успевший дойти до конца трапа.

Деннисона захлестнуло отчаяние, его руки, сжимавшие штурвал, дрожали.

— За кормой акула! Плывет за нами.

— Черт побери, и что с того?

— Кэп, мне она не нравится, — испуганно ответил Деннисон. — В ней все двадцать футов, а то и тридцать. Похоже, эта тварь собралась перекусить наш руль.

— Не сходи с ума, — сказал Джеймс. Но все же поднялся по сходням. — Большая, а? Какого вида?

— Не знаю точно, — ответил Деннисон. Его трясло. В горле пересохло, руки дико прыгали. Он крепче вцепился в штурвал. Полуденное солнце обрушивало жар на его затылок, кровь в висках грохотала.

— Может, мако, — предположил Деннисон.

— Не в этих водах. — Джеймс пересек кокпит и вскарабкался на корму. — Скорее, «кормилица». Они не опасны. Но, может, мы сумеем подстрелить ее из нашего акульего ружья. Где же эта тварь?

— Там, прямо под нами, — ответил Деннисон.

Капитан Джеймс подступил к краю кормы, небрежно придерживаясь одной рукой за бакштаг.

— Что-то не видать.

— Была под рулем. Видите?

Джеймс нагнулся пониже, вглядываясь в прозрачную голубую воду. Деннисон поднялся, его тело казалось неповоротливым и безжизненным. Он подумал о Сент-Томасе и минуте, когда чуть не убил негра. Он подумал об Эррере. У тебя всего одна минута. Прежде чем ты поймешь, что произошло, минута пройдет и шанс будет упущен навсегда...

— Ничего, — сказал Джеймс. Он начал распрямляться.

Минута проходила... проходила...

Руки Деннисона вырвались вперед, хватая капитана за бока. Он толкнул Джеймса изо всех сил. Капитан упал, тяжесть его тела перевесила, рука не удержала бакштаг. Он плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг, и тут же вынырнул.

— Акула! — завизжал капитан. — Акула!

— Да нет, не акула! — крикнул Деннисон в ответ. — А вы,

кэп. Вы — за бортом. На полпути! Четыреста миль до Сент-Томаса и столько же до Бермуд. Выбирайте, что вам больше нравится, — и полный вперед!

— Деннисон! Что за дурацкие шутки?

— А может, вам лучше направиться к Багамам? — орал Деннисон. — Курс на запад, шестьсот миль. Вы их не пропустите! Плывите, кэп! Плыви, сукин сын!

— Прекрати! — заорал Джеймс в ответ. — Положи кеч в дрейф, Деннисон! Я возвращаюсь на борт!

— Дудки! — разрывался Деннисон. — Ты уже покойник, кэп! Может, ты этого еще не понял, ты еще дышишь, но это все равно! Ты покойник!

Кеч, подгоняемый легким ветром, скользил по волнам быстрее, чем может плыть человек. Джеймс нагнул голову и загребал воду мощными руками, стараясь нагнать судно. Но когда он поднял голову, кеч был уже в пятидесяти ярдах и продолжал удаляться.

Деннисон сидел на кокпите и смотрел на Джеймса, который теперь казался не более чем жирной черной точкой на волнах. Половина первого пополудни, солнце пекло немилосердно, как, впрочем, и положено в тропиках.

Чувство бешеного восторга охватило Деннисона. Он сделал это! Выждав нужный момент, он атаковал и не промахнулся! Все кончено. Убийство совершилось. Деньги и яхта — его. Месть удалась.

Он знал, что с этой минуты для него начинается новая жизнь.

Глава 3

1

Солнце застыло на небосводе, половина первого пополудни. Легкий ветерок с запада начал ослабевать. Паруса громко хлопали, и яхта покачивалась на зыби. Капитан, в пятидесяти ярдах за кормой, рассекая волны, нагонял судно.

Деннисон поднял глаза к безоблачному небу. «Ветер», — прошептал он.

Ни малейшего дуновения. Кеч медленно покачивался,

паруса обвисли. Тяжелые гики качались вверх и вниз, скрипя при каждом движении.

Двигаясь, как во сне, Деннисон попытался натянуть паруса. Джеймс находился уже в меньше чем двадцати ярдах от застывшего кеча.

«Почему я решил сбросить его за борт именно в полдень? — спросил Деннисон сам себя. — Ведь в полдень ветер всегда замирает. Мы с Джеймсом как раз говорили о ветре. Почему именно сейчас?»

Двигатель!

Он может завести двигатель и уплыть отсюда. У них тридцать галлонов бензина, это пять миль на галлон на полной мощности. Между ним и капитаном пролягут сто пятьдесят миль. Это все равно что тысяча.

Но теперь Джеймс был в каких-то пятнадцати ярдах от кеча. Завести мотор — это вам не просто нажать на кнопку. Он должен будет спуститься вниз и отцепить трап, чтобы не мешал. Затем включить главный аккумулятор. Еще необходимо открыть два вентиля бензопровода, один у карбюратора, а второй у бака. Потом отвернуть вентиль охлаждающей системы. Отыскать заводную ручку и взять ее с собой наверх, чтобы запустить двигатель. И лишь затем он может нажать кнопку зажигания и молиться, чтобы двигатель ожил.

Эта процедура была самой обычной. Двигатель парусной яхты всегда размещался в безопасном месте. И завинченные клапана и вентили были лишь мерой предосторожности. Но Деннисону понадобится время, чтобы успеть все их найти и открыть. По меньшей мере минут десять. Нет никакой возможности сделать это сейчас, когда Джеймс был всего в двадцати футах за кормой и продолжал плыть.

У Деннисона закружилась голова. На крыше рубки находился привязанный к марлиню багор. Деннисон отвязал его и двинулся к корме, держа багор наперевес, как копье.

Капитан Джеймс увидел направленный на него багор и остановился, держась вертикально на плаву, в пяти футах от кормы.

— Что это за шуточки? — закричал он. — Помоги мне забраться на борт!

Значит, капитан все еще не желает взглянуть фактам в

лицо! Он продолжает считать, что все это было не более чем шуткой.

Вполне вероятно. С другой стороны, Джеймс достаточно хитер, чтобы притвориться, что все происходящее — шутка, пока не вернется на борт. И все же Деннисон испытал искушение протянуть ему багор и помочь выбраться. Это позволит как бы сделать бывшее небывшим. Убийство уже не будет убийством, неважно, что подумает или сделает Джеймс потом.

Но он отбросил искушение поддаться уговорам капитана. Кеч принадлежит ему! Кеч, почти три тысячи долларов и полная свобода. Он не даст Джеймсу подняться на борт, удержит на безопасном расстоянии, пока не поднимется ветер. Убийство можно ненадолго отложить, но оно должно быть доведено до конца.

— Не подплывай, — сказал Деннисон, и от звука собственного голоса, мрачного и решительного, у него мороз пошел по коже. — Не подплывай, а то проткну тебя, как цыпленка.

Джеймс до сих пор либо не понимал, либо не желал понимать.

— Ну, хватит. Пошутили, и довольно, — сказал он. Капитан подплыл к корме и схватился за конец фала, болтавшийся в воде. Деннисон сделал выпад багром в его сторону. Джеймс отпрянул, выпустив фал из рук. Он отплыл за пределы досягаемости багра.

— Значит, вот как... — заключил он.

— Да.

Джеймс с сомнением оглядел его, затем перевернулся на спину и разлегся на воде, лениво двигая руками, чтобы только не погрузаться.

Капитан поступил в согласии с логикой, силы нужно экономить. Но Деннисон разозлился. Один вид Джеймса, отдыхающего на воде, выставив к небу брюхо и пальцы ног, приводил его в бешенство. И добавлял ложку дегтя к сложившейся ситуации. Все более чем серьезно, а Джеймс ведет себя так, словно плескается в бассейне. Как он может быть спокоен, когда до ближайшей земли триста миль?!

— Тебе конец, кэп, — сказал Деннисон, чтобы прервать

это невыносимое молчание. Но какого черта он называет его капитаном? Теперь он — капитан!

— Ты мертвец, Джеймс, — добавил Деннисон, сожалея, что не знает фамилии капитана.

— Почему ты это сделал? — спросил Джеймс.

Деннисон подумал, что говорить об истинных причинах не стоит. Он промолчал.

Неожиданно Джеймс повернулся на живот и снова поплыл к яхте.

— Я возвращаюсь на борт, — сказал он. — Мне все это надоело.

Капитан до сих пор не желает поверить в то, что с ним произошло. Жаль. И все же, как ни странно, его упрямство не позволяло Деннисону полностью ощутить серьезность ситуации. Когда Джеймс подплыл к вантам с левого борта, Деннисону показалось, что капитану просто захотелось испугаться, а его матрос глупо подшутил над ним, и, конечно, сейчас он взберется на палубу и все будет хорошо.

Но это была не шутка. Деннисон двинулся к вантам, не отставая от капитана. Когда Джеймс подплыл к борту кеча, он ударил его багром. Джеймс попытался ухватиться за конец багра, но Деннисон был быстрее. Следующий удар угодил капитану в плечо, ободрав кожу. Капитан отплыл, тяжело дыша.

Кеч продолжал медленно раскачиваться, паруса хлопали, блоки скрипели. Капитан лег на спину и лежал, переводя дыхание, лицом к заштилевшему кечу, в каких-то двадцати футах от него. Деннисон присел на крышу рубки, он ждал, когда поднимется ветер.

Через несколько минут он почувствовал легкое дыхание бриза. Деннисон побежал на кокпит и, работая рулем, как длинным веслом, повернул кеч так, чтобы поймать ветер с кормы. Бриз иссяк прежде, чем он успел повернуть яхту. Следующий порыв ветра пришел с носа корабля.

Деннисон снова развернул «Канопус». Но и этот ветер утих, а следующий порыв наполнил паруса с противоположной стороны. Джеймс подплыл поближе, почти на пятнадцать футов, как раз настолько, чтобы не бояться получить багром по голове, и остановился, выжидая.

Деннисон проклинал переменчивый ветер. Но он пони-

мал, что этого следовало ожидать. В этих широтах долгий штиль не редкость. Ему следовало выбросить капитана за борт раньше или подождать, пока они минуют Бермуды и подойдут к Гольфстриму.

Кеч медленно кружил на одном месте. Небо над головой сияло голубизной, ни малейшего намека на облако. Человек на яхте не сводил глаз с человека за бортом. Человек за бортом смотрел, не отрываясь, на человека на яхте.

2

Часы Деннисона показывали тридцать пять минут второго. Солнце обжигало его и без того обгорелую шею, руки, ладони и медленно поджаривало через тонкую ткань рубашки. Но беспокоиться о солнечных ожогах было некогда. Следующий порыв ветра поднял зыбь на волнах. Паруса наполнились. Ветер не утихал.

Деннисон дождался. Яхта двинулась вперед.

Внезапно он осознал, что Джеймс исчез из поля зрения.

Встревожившись, он пошарил взглядом по воде, но по левому борту капитана не было. Деннисон вскочил на крышу рубки и огляделся. Никаких следов Джеймса! Неужели он отказался от борьбы и мирно утонул?

Тут Деннисон заметил что-то розоватое. Над правым бортом возникла рука и ухватилась за леер. Затем вторая. Должно быть, Джеймс проплыл под кечем и вынырнул у другого борта. Он собирался вскарабкаться на палубу как тогда, во время шквала.

Деннисон спрыгнул с рубки и ударил пяткой по пальцам капитана. Тот схватил его за лодыжку. Деннисон вырвался — на ноги остались царапины — и ударил снова. Капитан разжал пальцы и упал в воду.

Кеч, лишенный управления, развернулся и замер, его паруса затрепетали.

Деннисон взмахнул багром, как мечом. Капитан отплыл еще на несколько ярдов. Деннисон бросился на кокпит и подналег на штурвал.

Паруса наполнились. Яхта тронулась с места! Она двинулась вперед, скользя по безмятежно-спокойной глади моря.

Стрелка на шкале самодельного лага дрогнула и закачалась. Кеч делал узел, а то и все два. Наконец-то капитан остался далеко за кормой.

Он победил! Деннисон правил, поглядывая в сторону капитана. Скорость яхты, невзирая на довольно слабый и переменчивый ветер, возрастала. Должно быть, она уже делала три узла, то есть шла много быстрее, чем может плыть человек. И капитан оставался в добрых пятидесяти футах за кормой.

Деннисон ухватился за штурвал обеими руками, напрягшись так, словно хотел подтолкнуть яхту. Тут ветер начал стихать. Нет, он не может утихнуть прямо сейчас! Ветер обязан отогнать судно подальше, подарить Деннисону время, чтобы он приготовился и дал отпор человеку за бортом.

Три узла! Верных три узла, хотя казалось, что «Канопус» просто ползет по воде. Стрелка лага остановилась. Наверное, отвес запутался в саргассовых водорослях. Деннисон поглядел назад и увидел, что капитан как был, так и остается в пятидесяти футах за кормой. Он даже и не пытался догонять кеч вплавь. Над водой виднелась лишь лысая макушка Джеймса и иногда половина лица — когда капитан приподнимал голову, чтобы глотнуть воздуха.

Он что, до сих пор не утонул?

При этом ветре кеч делал два с половиной, а то и все три узла. А чертов капитан все никак не исчезал из виду где-то за кормой. Но ведь сейчас кеч должен уже отойти от него на несколько сотен ярдов! И все же капитан по-прежнему в пятидесяти футах от яхты, хотя даже не пытается подплыть поближе.

Взгляд Деннисона упал на лаг, на стрелку циферблата, которая больше не вертелась, застыв на крайней отметке. Господи! Деннисон внезапно понял, какое чудо удерживает капитана рядом с яхтой — он, скорее всего, привязался к концу шнура от лага и просто лежал на воде, а кеч тащил его за собой.

Деннисон выхватил нож и одним махом обрезал шнур лага. И с удовольствием отметил, что лысина Джеймса тут же погрузилась под воду. Но тот очень скоро вынырнул и поплыл к яхте. Капитан плыл на боку, сберегая силы.

Между тем ветер начал стихать. Деннисон старался пой-

мать в паруса его последние легкие вздохи, чтобы пройти еще хоть сотню футов. Но вот ветер пропал совсем, кеч замедлил ход и постепенно остановился. Паруса бессильно обвисли. Джеймс подплыл и снова пристроился у правого борта яхты, в тени от грота.

Деннисон вновь занял свой пост с багром наготове. Потянувшись за сигаретой, он обнаружил, что руки его мелко дрожат. Деннисон заставил себя успокоиться и только тогда закурил сигарету. Джеймс все это время наблюдал за ним с мрачным видом. Может, ему тоже хотелось курить?..

Оба молчали. Солнце медленно, но неуклонно ползло к западу. Было уже почти полтретьего.

3

К трем часам воздух стал совершенно неподвижным, водная гладь без малейших признаков ряби тянулась до самого горизонта, ровная, как зеркало. Кеч, казалось, превратился в центр недвижимой вселенной. Во все стороны от него до горизонта простирался огромный плоский круг океана. Сверху этот круг замыкала лазурная полусфера безоблачного неба с яхтой в самом ее центре. Только солнце не знало покоя и упорно, будто уходя от погони, стремилось к западному краю горизонта.

Капитан Джеймс по-прежнему лежал на воде в двадцати футах от замершей яхты. Деннисону казалось, что капитан похож на луну, странную маленькую луну, которая вращается вокруг своей планеты, никогда не отдаляясь слишком далеко и никогда не приближаясь. Центробежные и центростремительные силы своим вечным противоборством удерживают на орбитах все луны, какие только есть. Удержат ли эти силы на прежней орбите и капитана Джеймса, не слишком близко и не слишком далеко, — пока он не станет таким же белым, раздувшимся и неживым, как луна?

Чтобы не отвлекаться на пустые раздумья, Деннисон решил покопаться в рундуке на кокпите. Изучив содержимое рундука, он обнаружил под свернутым в бухту якорным тросом и залатанным старым парусом сумку с разными мелочами, нужными при ремонте парусов. Среди прочего в этой

сумке оказался нож. Кончик ножа затупился, но в любом случае он был острее, чем багор.

Свой нож Деннисон носил в ножнах на поясе. А ножик из ремонтной сумки он пристроил к концу багра и крепко прикрутил суровой ниткой, которой штопают паруса. Теперь к его копыю прибавилось еще три смертоносных дюйма.

В три сорок на северо-востоке над линией горизонта показалось жиденькое облачко дыма. Деннисон смотрел на него довольно долго, так что капитан Джеймс, проследив за направлением его взгляда, тоже увидел дым. Оба они знали, что, скорее всего, это какой-нибудь одинокий сухогруз или прогулочное судно, снующее взад-вперед между Бермудами и островами Карибского моря.

Само судно так и не показалось из-за горизонта, и через какие-нибудь десять минут дымок совсем исчез.

Утрата этой призрачной надежды побудила Джеймса к действиям. Капитан вновь пошел на приступ. Он подплыл поближе к яхте и нырнул. Деннисон насторожился и подошел поближе к каюте, чтобы сразу увидеть капитана, где бы тот ни показался. Рука капитана появилась возле каната, который шел от бушприта к правому борту. Деннисон рванулся вперед, но не успел — рука снова исчезла.

Деннисон вернулся на середину палубы. В следующий раз Джеймс показался у кормы, но на высоких, круто изогнутых боках яхты у кормы ему не за что было уцепиться. Капитан снова нырнул и отплыл на прежнее место в двадцати футах от яхты по правому борту, в тень от грота.

Дело зашло в тупик, но Деннисон понимал, что его позиция более выгодная. Джеймс уже больше четырех часов болтается в воде. Если он будет плавать и дальше или просто лежать на воде — его силы постепенно иссякнут, уплывут капли за каплей. И чем дольше продлится это вынужденное перемирие, тем меньше шансов у капитана отбить судно обратно. Время работает на Деннисона.

Но эти размышления не принесли Деннисону желанного облегчения и ничуть не успокоили. Он уселся на кокпит и взялся за безжизненный штурвал, стараясь не обращать внимания на палящее солнце над головой. От постоянной бдительности у него разболелась голова, в висках пульсировала

кровь. До смерти хотелось пить. Но вода и продукты, так же, как шляпа, очки от солнца, свежая рубашка, аспирин и шейный платок, — все это лежало внизу, в каюте. Деннисон понимал, что пока капитан плавает неподалеку, оставлять палубу без присмотра нельзя ни на минуту — тот непременно попытается забраться наверх.

Это проклятое противостояние тянулось что-то слишком долго. Что же теперь, просто сидеть и ждать минута за минутой, когда капитан наконец отдаст концы? Кажется, пришло время подумать, как побыстрее избавиться от этого Джеймса. Должен же быть какой-нибудь способ!

И тут Деннисон вспомнил о капитанском оружьи.

Оно, как живое, встало у него перед глазами — старый гладкоствольный винчестер, покрытый смазкой и обернутый в промасленную тряпицу, прикрученный к крючьям в рундуке у правого борта. Точно, акулье ружье капитана! Надо было подумать об этом раньше. С ружьем в руках он запросто мог бы прикончить Джеймса, избавиться от него раз и навсегда.

Но чтобы добраться до ружья, так или иначе пришлось бы уйти с палубы. Нужно спуститься по ступенькам вниз, в каюту, пройти к дальней стенке и открыть рундук. Пара взмахов ножом — и марлинь, которым привязано ружье, развалится на куски. Потом — быстро наверх, на палубу, и там уже можно будет спокойно, не торопясь стереть лишнюю смазку и привести ружье в порядок.

Но чтобы достать ружье, надо оставить палубу без надзора. Сколько времени понадобится Джеймсу, чтобы подплыть к яхте и взобраться наверх?

Капитан, скорее всего, подплывет примерно посередине яхты, где изогнутый борт ниже всего и до него проще дотянуться из воды. Там он запросто сможет достать даже до леера. На то, чтоб подплыть, хватит и пяти секунд. Правда, потом надо будет подтянуться и втащить тело наверх. Теперь судно стоит ровно, не кренится, как во время шквала, и залезть наверх будет не так-то просто. Может, капитану вообще не удастся как следует подтянуться? Но на это надежды мало. Отчаяние подстегнет его, заставит напрячь все силы — между прочим, немалые, — и Джеймс наверняка заберется

наверх. Скажем, на это уйдет еще секунд пять. Всего выходит десять секунд.

А сколько уйдет на то, чтобы спуститься вниз, открыть рундук, перерезать веревки, схватить ружье и выбраться обратно на палубу?

Если не случится ничего непредвиденного, может, и удастся уложиться в десять секунд.

Черт, слишком рискованно! Надо как-то извернуться и урвать еще пару секунд.

Но все эти расчеты — только прикидка. Возможно, Джеймс сумеет залезть на палубу за восемь секунд? Так или иначе, всего несколько мгновений решат — победил он или проиграл.

А если капитану удастся забраться на яхту...

Нет, боже сохрани, об этом не хочется даже думать!

Значит, остается только сидеть сложа руки и ждать, когда этот ублюдок пойдет ко дну?

Нет, этого придется дожидаться слишком долго. Обязательно надо достать ружье. Это ружье внезапно стало самой важной вещью в мире, решением всех проблем. Деннисон снова и снова просчитывал каждое свое движение. Надо будет спускаться по ступенькам осторожнее — как бы не споткнуться и не свалиться вниз. А там еще эта третья ступенька, сломанная и так толком и не починенная, — она может проломиться в самую решительную минуту. И он поскользнется, упадет, потеряет сознание...

Надо действовать быстро, но не торопясь.

Время шло. Деннисон смотрел на человека за бортом. Джеймс лежал на воде, повернувшись лицом в открытое море, даже не глядя на яхту. До него было около тридцати футов. Фуражку он потерял, и обожженная солнцем лысина стала ярко-малиновой.

Деннисон тихонько подобрался к двери в рубку. Вынул нож из ножен и стал ждать. Капитан до сих пор не повернул головы и по-прежнему болтался в воде в тридцати футах от яхты.

Пора!

Деннисон рванулся вниз по лестнице, но поскользнулся — таки на поломанной третьей ступеньке. Чтобы не загромоздить

вниз, пришлось ухватиться за крышу каюты. Нож выпал и покатился вниз, под лестницу. Черт! Зачем он вынул его из ножен?! Деннисон бегом спустился вниз и стал шарить под лестницей, искать свой нож. Казалось, в голове оглушительно тикали часы, отмеряя секунду за секундой.

Четыре. Пять. Нашел!

Вот он, рундук. Деннисон дернул крышку. Крышка, плотно пригнанная, чтобы не допустить внутрь сырость, подалась не сразу. Деннисон ободрал все ногти, прежде чем она наконец откинулась. Девять секунд. Десять.

Ружье? Вот оно. Он резанул по веревкам, схватил ружье, дернул. Не поддается! Проклятье! Четырнадцать секунд. Боже, сколько же тут этих веревок? Деннисон резанул еще и еще и наконец высвободил ружье.

Сердце бешено колотилось. В горле пересохло так, что Деннисон чуть не задохнулся. Дыхание вырывалось с хрипом. Проклятое горло решило взбунтоваться — видно, почувяло свежую, прохладную питьевую воду — совсем рядом, в баке за рундуком. И пересохшее горло, и весь организм отчаянно нуждались в воде. Но с этим придется подождать. Сейчас не время.

Деннисон поскакал вверх по лестнице. Шестнадцать секунд. Не забыть про третью ступеньку! Он чувствовал себя, как генерал, бросивший все свои войска на решительный прорыв, зная, что враг может в любое мгновение ударить по незащищенным флангам.

Третья ступенька подломилась. Деннисон успел швырнуть ружье в промасленной тряпке на палубу, уцепился за крышу над лестницей и выпрыгнул-таки на палубу. Девятнадцать секунд. Где нож? Слава богу, на месте. Он тогда, не задумываясь, сунул его обратно в ножны.

Деннисон выхватил нож и подобрался, ожидая, что Джеймс вот-вот на него прыгнет.

Но Джеймс по-прежнему оставался там, где и раньше. Он лежал на воде в тридцати футах от кеча, раскинув руки в стороны, как морская звезда и едва заметно шевеля ногами. Деннисон сообразил, что капитан, наверное, все еще не отдохнул как следует после последней попытки забраться на

борт. И прямо сейчас Джеймс вряд ли сумел бы забраться на яхту без посторонней помощи.

Выходит, вполне можно позволить себе наконец напиться воды.

Хотя нет, сперва надо разобраться с ружьем. Деннисон развернул промасленную тряпку. Джеймс повернулся лицом к яхте и наблюдал за ним с безразличным видом. Вот оно, ружье, красивое и смертоносное, тускло поблескивает под слоем смазки.

Деннисон шелкнул предохранителем, передернул затвор и прицелился в малиновую лысину. Его палец прикипел к спусковому крючку. Голова капитана покачивалась на воде — вверх, вниз... Деннисон на мгновение закрыл глаза, потом снова открыл. Малиновый шар почему-то принял V-образную форму. Деннисон нажал на курок.

Раздался сухой щелчок. Подняв взгляд, Деннисон понял, что целился в заходящее солнце. Он открыл магазин и увидел, что там нет ни одного патрона.

Ну, конечно же! Как он раньше не догадался? Конечно же, Джеймс ни за что не оставил бы в рундуке заряженное ружье. Но ведь должны же где-то быть патроны, где-то на яхте, обязательно! Где же Джеймс их припрятал?

Деннисон закрыл глаза и задумался. Патроны. Коробка с патронами. Джеймс упаковывал ее сам. Куда же он мог ее положить? Но в какой же рундук, в какой ящик, водонепроницаемый ящик — в который из десятков ящиков, какие были на яхте?

Лицо Джеймса расплылось в улыбке. Он знал! Он знал, что ружье не заряжено, знал, что Деннисону не найти патронов — ему пришлось бы перерыть все ящики на судне, на это ушел бы не один час тщательных поисков. И он просто не захотел снова брать яхту приступом прямо сейчас.

Деннисон в ярости швырнул ружье в капитана. Винчестер пролетел лишних десять футов, шлепнулся в воду, подняв кучу брызг, и утонул. Джеймс еще раз улыбнулся и снова разлегся на воде. Его обожженная солнцем лысина маячила над поверхностью моря, как странный маленький остров. Капитан Джеймс спокойно плескался в теплой воде в тени грот-мачты.

Деннисон глянул на часы. Четверть пятого. Солнце палило уже не так сильно и быстро опускалось к горизонту. На какое-то мгновение поднялся легкий ветерок, но почти сразу затих. Но, может быть, это только предвестник вечернего бриза, какой обычно бывает на закате?

Внезапно Деннисон с ужасом припомнил, что в некоторых системах ружей приклад делается полым, и в нем имеется специальный пенал с насадками для шомпола, отверткой и даже... запасная обойма с патронами! Может, ружье капитана было той же системы? Проклятье! Неужели патроны были буквально у него в руках?

Впрочем, все это теперь ни к чему. Деннисон уселся на кокпит, унылый и безразличный ко всему на свете. Джеймс тем временем подплыл чуть поближе.

4

В пять часов раскаленный малиновый диск солнца повис так низко, что почти касался морской глади на западе. Вокруг него собралась стайка легких облачков, как будто готовясь проводить светило на дно темнеющего моря. На востоке уже сгустились сумерки. Заметно похолодало.

Деннисон только сейчас почувствовал, как сильно он обгорел на солнце за день. Лицо, руки и шея стали ярко-розовыми и горячими на ощупь. Вся поверхность кожи, над которой поработало солнце, нестерпимо болела. Каждое движение причиняло боль уже от того, что мускулы перекачивались под кожей, а легкая ткань рубашки, казалось, превратилась в наждачную бумагу.

А капитан Джеймс почти не пострадал от солнечных лучей — его защитил слой прохладной голубой воды. У него обгорело только лицо, лысина и плечи. Глядя на него, Деннисон почувствовал жгучую зависть. Ему сейчас ничего так не хотелось, как окунуться в блаженную прохладу моря.

Проклятое солнце! Есть люди, к которым загар пристает сразу, они никогда не обгорают на солнце. Но для Деннисона это было самой настоящей пыткой — солнце обожгло его точно так же, как если бы он облился кипятком или поджарился на раскаленной докрасна сковородке. Ему приходи-

лось видеть, как люди теряли сознание от солнечных ожогов. Это, как правило, сопровождалось обезвоживанием организма и потерей жизненно важных солей. От сильного солнечного ожога запросто можно умереть, если поражена большая поверхность кожи. Да, от этого можно умереть — точно так же, как от любого другого ожога!

Годы, проведенные в тропиках, не прошли даром, и Деннисон знал, сколько ему надо, чтобы обгореть. И надо же — днем он замечал все опасные признаки — головную боль, озноб, да и само по себе покраснение кожи. Замечал, но не внял предупреждению и ничего не сделал, чтобы как-то с этим справиться. Он ничего не сделал, боясь уйти со своего наблюдательного поста, и тем самым навлек на себя еще большую опасность.

Страшно хотелось пить.

А внизу, в каюте, был полный бак прохладной питьевой воды. И баночка с кремом, приятным мягким кремом, которым можно смазать горящее лицо, обожженные чуть ли не до волдырей плечи, руки, шею...

Но Деннисон не мог сходить за кремом. Только не сейчас, когда совсем рядом с яхтой болтается на воде капитан Джеймс, выжидая своего часа, готовый в любую минуту попытаться отвоевать корабль. И как бы плохо ни было Деннисону, Джеймс вряд ли чувствует себя лучше, проплавав пять часов в воде. Когда Джеймс умрет, его яхта и две с половиной тысячи долларов достанутся Деннисону. И бак с водой тоже будет его, и баночка с кремом от ожогов. Он сможет вволю выпастись, и весь этот жуткий кошмар закончится, развеется, как дым.

С заходом солнца подул легкий бриз, по волнам пошла рябь. Бриз дул с кормы, и Деннисон вытравил шкот так, чтобы грот-рей был почти под прямым углом к корпусу яхты. Парус тихо зашелестел и наполнился ветром.

Джеймс подплыл к грот-рею, который нависал почти над самой водой, и ухватился за него одной рукой. Под весом капитана кеч накренился, и Джеймс смог дотянуться до рея и второй рукой.

Деннисон оторопел. Конец грот-рея был теперь в воде, сам рей изогнулся дугой у самой мачты и затрещал. Джеймс

пытался перекинуть ногу через рей, извиваясь под ним, словно гигантская медуза.

Встряхнувшись, Деннисон открепил грот и потянул рей на себя с повисшим на конце капитаном. В другой руке Деннисон сжимал верное копье-багор. Но как только он изготовился для удара, Джеймс соскользнул с грот-рея и шлепнулся в воду.

Проклятье! Реи слишком близко от воды. Придется их подтянуть... Но так кеч сможет идти только в крутой бейдевинд.

Паруса затрепетали под легким ветерком. Деннисон установил их круто к ветру и закрепил. Кеч резко дернулся и двинулся с места. Наконец он пошел! Но где же этот чертов Джеймс?

Капитана не было видно ни справа, ни слева, ни за кормой. Деннисон побежал к носу корабля, прислушиваясь, как позади сердито хлопает парусина. «Канопус» шел в крутой бейдевинд. Добежав до носа кеча, Деннисон перегнулся через поручень. Никого. Куда же подевался Джеймс?

Тут послышался глухой удар о нос кеча с подветренной стороны. Перегнувшись посильнее, Деннисон увидел, что учинил капитан.

Бушприт яхты был почти шести футов длиной. Чтобы противодействовать натяжению парусов, бушприт с обеих сторон удерживали толстые просмоленные тросы — ватербакштаги, которые тянулись от конца бушприта до металлических колец, закрепленных на бортах у самой ватерлинии. Эти тросы можно было подтягивать сильнее или ослаблять с помощью раков — особых передвижных железных скобок. Ватерштаг, прочный металлический трос, скреплял бушприт с форштевнем — передней частью кия, выступающей в носовой оконечности судна. В поперечном направлении ватербакштаги были растянуты под углом на длинной металлической балке, балансире, которая таким образом перераспределяла натяжение тросов.

Все вместе это образовывало некую полую пирамиду. Так вот, Джеймс ухитрился забраться внутрь этой пирамиды. Он протиснулся в треугольное пространство между балансиrom, правым бортом и ватер-бакштагами.левой рукой капитан

обхватил балансир, правой уцепился за тросы. Таким образом, он надежно устроился в самом основании полой пирамиды. Голова и плечи капитана оказались над водой.

Деннисон грязно выругался, ухватился левой рукой за поручень и перегнулся вниз через борт, с багром, зажатым в правой. Не дотянуться! Крутые обводы бортов надежно защищали капитана. Деннисон перегнулся еще ниже и сделал выпад своим «копьем».

Джеймс быстро подтянулся на тросах и сумел схватить багор, который Деннисон ткнул вниз слишком уж неловко. Деннисон попытался вырвать свое оружие, но он тянул вверх, а капитан — вниз, и сил у Джеймса было поболее. Капитан резко дернул багор на себя, чуть не стянув Деннисона за борт.

Но капитан, подвешенный между тросами и балкой, не мог вытянуть багор далеко, негде было развернуться. И Деннисон, который по-прежнему сжимал конец багра, поудобнее перехватил поручень и снова потянул на себя. И тут капитан выпустил свой конец багра и даже подтолкнул его.

Рукоятка багра ударила Деннисона в живот. Деннисон не удержал равновесия и откинулся назад, зацепился за брашпиль и упал на палубу, стукнувшись при этом головой. Все исчезло, погрузилось во тьму. Уши наполнил высокий, тонкий звон. Деннисон боролся изо всех сил, не позволяя себе потерять сознание. Он тряс головой, как раненое животное, а часы где-то в голове неумолимо отсчитывали секунды.

Наконец ему удалось кое-как подняться на четвереньки. Багор лежал поперек брашпиля. Деннисон дотянулся до багра и, опираясь на него, поднялся на колени, потом встал. Ноги подгибались, его трясло.

Почему капитан до сих пор не забрался на судно?

Перегнувшись через поручень, Деннисон понял, в чем дело. Крутой изгиб бортов яхты, который защитил капитана от ударов багра, теперь обернулся против него. Джеймс пытался пробраться наверх по промежутку между балансиrom и ватер-бакштагами штирборта, но у него мало что получалось. Увидев Деннисона, капитан оставил свои старания и устроился на прежнем месте — внизу, между бакштагами и балансирами.

Деннисон примерился, сделал ложный выпад, потом уда-

рил сильно и точно, целясь капитану в голову. Джеймс нырнул и подобрался поближе к борту, где багор был ему не страшен. Деннисон перегнулся сильнее и снова ткнул багром. А капитан еще сильнее прижался к борту.

Наконец Деннисон понял, что так он капитана не достанет, и оставил эти попытки. Все равно Джеймс никуда не сможет деться, пока висит там, у самого борта. Чтобы выбраться оттуда наверх, ему пришлось бы немало попотеть, и это заняло бы какое-то время. И если он выпустит из рук тросы, за которые держится, то рискует остаться позади яхты — ветер пока дует, и кеч не стоит на месте.

Снова тупик.

На западе солнечный диск коснулся линии горизонта. Облака сгустились, восточная половина неба погрузилась в сумерки. Пять тридцать пять. Закат.

5

Деннисон смотрел, как солнце погружается в море. «Я должен думать, — внушал он себе. — Я должен, действительно должен! Черт бы побрал эту жадю, ожоги, горячку, головную боль, слабость и все остальное. Я должен думать, невзирая ни на что. Я должен думать, или мне конец!»

Но думать было трудно. Выбраться из сложившейся ситуации будет нелегко, это он понимал. Джеймс вцепился в яхту мертвой хваткой и сдаваться не собирался. Но капитан торчал в воде больше шести часов. Его силы уходят. Он не сможет взобраться на палубу, пока Деннисон следит за ним и не теряет головы.

«Но, — подумал Деннисон, — мне, наверное, стоит перейти к более активным действиям. Покончить с Джеймсом раз и навсегда. Он никуда не может деться из-под носа яхты. Одной рукой капитан держится за трос, другой за балансир. Он практически не может сопротивляться. Следует учесть и тот факт, что у него есть нож, подвешенный на ремешке к поясу. Коротком ремешке. Неудобно в драке.

Да ведь я могу обвязаться веревкой, прикрепив ее к бушприту, и подплыть к нему с моим собственным ножом! Боже, надо было так и сделать с самого начала! Неожиданно прыг-

нуть ему на голову и искромсать на куски. Наверняка Джеймс не успел бы даже достать свой нож. А даже если бы и достал, перед ним встал бы выбор: держаться за балансир или драться. Пара взмахов — и ему конец. Может, и мне немного достанется, какая разница?»

Деннисон кивнул своим мыслям. Чертовски хороший план. Но нет смысла приступать к нему немедленно. Обдумывая все детали, Деннисон обнаружил, что ему не обязательно вступать в рукопашную с капитаном. Есть более безопасный способ.

Если он повернет яхту на сто восемьдесят градусов и пойдет навстречу ветру, неважно в каком направлении, лишь бы она продолжала двигаться, Джеймс окажется прикован к своему убежищу, распластанный на носу, а передвигаться сможет только с большим трудом. Ослабевший и усталый, вымотанный до предела, капитан вынужден будет бороться только за то, чтобы удержаться на плаву, чтобы не дать захлестывающим волнам укрыть его с головой. Усилия, направленные на то, чтобы держаться и дышать, ослабят его еще больше. И возможность вскарабкаться на палубу отпадет сама собой.

Через час остатки сил покинут Джеймса. Его хватка ослабнет, волны сомкнутся над его головой. Возможно, он решится на последнюю отчаянную попытку подняться на борт. Потом конец.

Несомненно, это лучше, чем бросаться в воду и вступать в драку с отчаявшимся человеком.

Только бы ветер не утих!

Деннисон встал и повернул кливер. Кеч навалился на левый борт. Деннисон побежал на кокпит и вытравил несколько футов грота-шкота и фока-шкота. Повернул штурвал направо и поспешил обратно.

Сработало! Грот натянулся и заставил кеч пойти навстречу ветру. Закрепленный стаксель не позволял носу яхты подниматься или уклоняться от прямого ветра. Кеч плыл сам, безо всякого управления. Конечно, далеко не на полной скорости, но без остановок.

Деннисон сел на крышу рубки, лицом к носу. С наступлением вечера ему полегчало. Он смотрел на закат, наблюдая,

как ярко-алые и пурпурные облака постепенно бледнеют, окрашиваясь в оранжевый, а потом и в серый цвет. Чувство покоя снизошло на него, покоя и безмятежности.

Внезапно он вздрогнул и посмотрел на восток. Небо было темно-синим, а у горизонта почти черным. Когда он повернул голову на запад, последние яркие краски гасли на вечерних облаках. Верхний краешек солнца погрузился в море. В небе воцарились сумерки, показались первые звезды.

Наступает ночь! Всю безмятежность Деннисона как рукой сняло. Одинок, дрожащий от ночной прохлады, он осознавал, что дело не сделано. Он прохлопал, проворонил, забросил дело, которое нужно было завершить за день. Теперь уже ночь.

Боже, как он мог докатиться до такого? Какому самообману он поддался? Как он мог упустить дневное время, пока светло? Растратить на ерунду?

Весь день, с обеда до заката, он держал в руках свой единственный шанс. Теперь настала ночь. И тьма, понял Деннисон, станет союзницей капитану.

6

В шесть пятьдесят пять сумерки уступили место ночной тьме. Небо было черным, звезд не видать. А луна? Где же луна?

Деннисон вспомнил, что прошлой ночью луна была полной. Но он не знал, какая из фаз луны будет следующей. Три четверти? Или вообще никакой луны?

Если луна ему не поможет...

Тут он увидел луну, в фазе на три четверти, вынырнувшую из-за пелены облаков. Ее холодный свет коснулся невысоких волн, и до самого горизонта, на восток, пролегла по океану лунная дорожка. В тусклом лунном свете Деннисон смог разглядеть детали палубы и рубки, мачты, черные на фоне пасмурного неба, окинуть взглядом замысловатую паутину фалов и вант. Он обозрел всю яхту в мертвенном, пугающем свете луны, но не увидел ни руки, ухватившейся за поручень, ни темной массы тела за бортом.

Луна была союзницей Деннисона.

Но сила и верность этой союзницы представлялись сомнительными. Время от времени рваные облака закрывали лик луны, тогда кеч погружался во тьму, а Деннисон — в пучину тревоги. Далеко на юге сплошным покрывалом громоздились тяжелые облака. Они уже накрыли треть неба, закрыв собой звезды, и теперь грозили погасить луну.

«Мне нужен фонарик! Но для этого придется спуститься в каюту.

Ну и что? Нечего увиливать! Раз начав, я не отступаю, я уверен и спокоен. В трудной ситуации я быстрее соображаю. Сейчас я спущусь в каюту, найду фонарик и напьюсь воды».

Деннисон не двинулся с места. Он думал о человеке под яхтой, распластанном на корпусе судна. Джеймс наверняка услышит, как он будет спускаться в каюту. Возможно ли рисковать ради такой безделицы, как фонарик?

Лучше уж выждать. Пусть он первый совершит ошибку.

Полно, да человек ли цепляется за яхту?

Конечно, человек, успокоил себя Деннисон. Не время бросаться в мистику.

Его пробирала дрожь от ночной прохлады, хотя все лицо просто пылало. Жар и озноб, перегрелся на солнце. Только горячки ему и не хватало. Он должен думать, и думать быстро. Не забывай, что капитан Джеймс торчит под кечем, цепляясь одной рукой за трос, другой за балансир, в ледяной воде, полумертвый от усталости, жажды, голода и отчаяния...

Этот ублюдок, должно быть, еле жив. А может, он уже умер!

Деннисон с минуту рассматривал этот вариант, но потом отбросил. Джеймс продемонстрировал неистовую волю к жизни. Он до сих пор жив, жив и готов к борьбе. Капитан был настоящим зверем, способным пройти огонь, воду и медные трубы и остаться в живых.

«И я такой же, — сказал себе Деннисон. — Вся моя жизнь служит тому доказательством. Я успел побывать в жутких переделках. Просто жутких. Любой другой на моем месте уже откинул бы копыта. Но не я.

Просто я не придавал этому особого значения. Джеймс, наверное, считает меня неудачником. Я прямо слышу, как он

думает: «Этот болван провалил простенькое убийство, так же, как все в своей жизни».

Нет, ты ошибаешься, Джеймс! Что ты знаешь о моей жизни? Ты ничего не понял в моей жизни, а уже успел составить мнение — за каких-то два дня. Ты должен хорошенько узнать человека прежде, чем выносить окончательное суждение о его характере и возможностях. Но даже тогда можно ошибиться.

Ты видел меня в определенных обстоятельствах на Сент-Томасе и решил, что такой я и есть. Чепуха! Иногда обстоятельства сбивают человека с ног, это правда. Я сам был разбит вдребезги на Сент-Томасе. Ты увидел лишь часть меня — грязного, небритого, хитрого и лживого бродягу. И ты решил, что это — весь я: вечный бродяга, неизменно безденежный, возможно, озлобленный жизнью. Простой бродяга, всего-навсего. Ныне и присно. И во веки веков.

Ты не прав, и твоя ошибка вышла тебе боком. Где ты сейчас? В воде. Люди не похожи на глыбы мертвого гранита, Джеймс. Они как вулканическая лава, они изменяются, всегда в движении. Обстоятельства и стремления формируют их и опять сминают, снова и снова. Ты меня совсем не знаешь, Джеймс! Но ты узнаешь.

Ты думаешь, это мое первое убийство? Свое первое убийство я совершил в Корее...»

7

...В 1946 году. Я был в роте «Лисы» тридцать второго пехотного полка. Наша рота занимала небольшую высоту, защищая город Кейсонг. Может, ты помнишь Кейсонг? Он располагался на одном из путей наступления на Южную Корею, и в 1950 году северокорейская армия ворвалась в город за несколько часов и через день-два пошла дальше, на Сеул.

Но это произошло много раньше. В 1946 году, через год после Второй мировой. Наша наполовину поредевшая рота защищала ключевой отрезок тридцать восьмой параллели. У нас было две сторожевые заставы и три дорожных контрольно-пропускных пункта. Мы удерживали железнодо-

рожную станцию и территорию размещения нашей роты. И охраняли домик офицеров и сортир.

Я всегда был человеком сдержанным, молчаливым, и некоторые — такие, как Эррера, — считали это трусостью. Но вскоре они узнали разницу. Я неплохо разбирался в боксе. И в те дни я весил на двадцать фунтов больше. Ты бы не узнал меня тогда. Лишний вес шел за счет мускулов, накачанной груди и рук. И мускулы были еще те. Эти ротные болваны вскоре научились держаться от меня подальше.

Ты хочешь знать, что формирует и определяет человека? Стресс — вот что. Стресс, и давление, и высокая температура. Эти силы закаляют мужчину, словно кусок металла. Возможно, наследственность и окружение и определяют, из какого металла ты сделан, но то, что придает тебе форму, придает тебе индивидуальность и глубину, — это горн, в котором жизнь плавит тебя и выковывает твою суть. Подобный опыт приходит рано или поздно, но приходит непременно.

Это я понял в Корее. Она была гигантской шлифовальной машиной. Те, кто посильней, обрели там форму и твердость характера. Кто послабей, неудачники и отбросы, одним словом, фуфло, были разнесены в пух и прах.

Выдержи или сломайся. И сломавшихся было немало. Я до сих пор помню Эдди Трента, который продавал все свое казенное барахло на крытом рынке Кейсонга, чтобы купить яйца, орехи, яблоки или несколько баночек консервированной солонины из Австралии. Он был из тех, кто сломался. Еще был один, бывший десантник, по имени Доджельд. Он влюбился в местную шлюху, которую все звали Чернушка, и которая оказывала услуги всей роте. Она ничем не отличалась от остальных корейских шлюх, но Доджельд захотел жениться именно на ней. Одним прекрасным утром он привел ее, держа за руку, к старшему офицеру и сказал: «Сэр, мы с этой девушкой решили пожениться». Его отправили первым же кораблем домой по состоянию здоровья, и последнее, что я о нем слышал, — что его заперли в психушке. Он оказался слабаком.

Я могу рассказать еще кучу таких историй. О Моргане, который умудрился подцепить новую и неизлечимую форму сифилиса, невзирая на все предосторожности, от девчонки,

которая, как он клялся, была девственницей. Или о Беркенхорсте, который задрых на страже, на заставе. Красные напали на него и убили. Потом они кастрировали его и засунули яйца ему в рот. Или о Муччио, который всегда курил, когда дежурил у порохового склада, и однажды взлетел на воздух.

Все они оказались слабыми. Они не сумели выплыть и утонули. Потерянные люди, потерянные возможности. Корея делает из тебя человека или ломает тебя.

Но вернемся к истории, как я совершил свое первое убийство. Это случилось ночью, в середине февраля, когда стоял зверский мороз. Я охранял контрольно-пропускной пункт номер двенадцать, сидел в маленьком домике возле грязной дороги. В пятидесяти ярдах впереди находился разрушенный мост, который отмечал нашу границу на тридцать восьмой параллели. Мы должны были проверять шныряющих туда-сюда фермеров и допрашивать немногочисленных японских эмигрантов, которые пробирались на юг из Манчжурии и Северной Кореи.

В ту ночь со мной на посту был Томми Гаррисон. Мы сидели на деревянных скамьях, нос к носу, а между нами теплилась печурка. Томми писал письмо своей девушке, а я листал юмористическую книжку. Все было спокойно. Красные не казали носа со своей стороны уже две недели.

Внезапно послышался ружейный огонь. Пуля пробила стену нашего домика в двух футах надо мной и просвистела в нескольких дюймах от головы Томми.

Я сразу же упал на пол. Томми глядел на меня, открыв рот.

— Ложись! — заорал я.

Он рухнул на пол. Еще пара пуль пронизала наше укрытие. Я схватил винтовку и разбил лампу.

— Господи, — сказал Томми, — господи, боже мой! Деннисон, что это? Началась война? Что нам теперь делать?

— Спокойно, — ответил я. Растянувшись на полу, я подтащил полевой телефон. Глухо! Позже я обнаружил, что линию перерезали.

— Что нам теперь делать? — спросил Томми.

— Выбираться из этой развалюхи, — сказал я. Кто-то начал стрелять из автомата, и выстрелы слышались все ближе.

Я выполз из домика, сжимая свою М-один, Томми за мной.

— Давай налево, — сказал я. — Вокруг дома. Не поднимайся и целйся по вспышкам выстрелов.

— А ты?

— А я поползу направо, вокруг цистерны из-под солярки.

Томми исчез в темноте. Я передернул затвор и снял винтовку с предохранителя. Укрывшись за цистерной, я принялся всматриваться в темный склон холма, за которым начиналась Северная Корея. Время от времени там вспыхивали огоньки выстрелов. Похоже, оттуда стреляли три-четыре винтовки и один автомат.

По прикидкам, они стреляли ярдов со ста. Горло у меня пересохло, глаза прямо-таки лезли из орбит, пытаюсь разглядеть во тьме какую-нибудь цель. Может, я и испугался, но тогда мне некогда было задумываться над такими вещами.

Красные попадали в цистерну довольно часто. Я отполз оттуда и двинулся к пню от какого-то большого дерева. Начал выцеливать по вспышкам одного из красных, потом решил не спешить. Томми открыл пальбу.

Он выпустил всю обойму, целясь в темноту, и, конечно, ни в кого не попал.

Я выбрал себе целью один из ближайших огоньков и выстрелил два раза.

Я попал, потому что услышал, как он закричал. Он кричал, наверное, секунд пять, потом захрипел и стих. Я знал, что он мертв.

Я выпустил оставшиеся патроны, стараясь попасть в автоматчика. Вряд ли я попал — наверное, он сидел в укрытии. Я вставил еще одну обойму в мою М-один, но выстрелы с той стороны утихли. Красные прекратили огонь и отошли.

Все закончилось. Рядом застонал Томми, и я сперва решил, что он ранен. Но он просто испугался до посинения. На мгновение его перестало трясти, и он спросил:

— Они ушли?

— Думаю, да.

— Господи!

— Перезаряди, — посоветовал я. — На всякий случай.

Я поставил винтовку на предохранитель, а сам анализировал свои ощущения, ведь я только что убил человека.

Такие дни либо делали из тебя мужчину, либо ломали...

8

Деннисон размышлял, сидя на крыше рубки. Кеч мягко покачивался на волнах. Воспоминания о Корее потускнели, на смену пришли головокружение и тошнота. Он вцепился в багор и не выпускал его, пока приступ не миновал. Потом Деннисон потрогал пояс, чтобы убедиться, что нож на месте. Человек за бортом не подавал признаков жизни.

Сколько же времени он просидел на крыше рубки, вспоминая о Корее?

Часы показывали две минуты восьмого. Прошло уже полчаса с той минуты, как он решил спуститься в каюту и попить воды.

Но он чувствовал, что время было потрачено не зря. Он оживил другую часть себя — солдата, который прошел Корею и умеет действовать, не раздумывая. Именно таким он и был — и тогда, и теперь. Тот бродяга с Сент-Томаса семь часов волею, не решаясь что-либо предпринять. Настало время дать стрелку из Кейсонга завершить начатое дело и избавиться от Джеймса раз и навсегда.

Это же проще простого, он весь день это знал. Стоит только спуститься вниз и завести мотор, и он может плыть со скоростью шесть узлов. Кеч поднимет волны выше ватерлинии, где болтается сейчас Джеймс, и тот захлебнется или его смоем волной к чертовой бабушке.

Вся загвоздка в том, чтобы запустить мотор.

Деннисон снова припомнил все необходимые шаги. Вниз по трапу, отцепить сходни, подключить аккумулятор, открыть бензиновый и водяной вентили, отыскать заводную ручку и выбраться наверх, чтобы запустить двигатель. Итого он провозится внизу пять минут. Джеймсу представится прекрасная возможность выбраться на палубу и всадить нож ему в спину, пока он возится с мотором. Риск велик. А если немного подождать...

Нет! Черт, больше никаких проволочек. Вспоминая Ко-

рею, Деннисон ощутил прилив мужества и уверенности в себе. Он ведь тогда сумел нажать на курок, пойти на риск! Разве он изменился? И тогда и сейчас он вполне способен собраться, выработать план и придерживаться его, сражаясь не на жизнь, а на смерть. Такой уж он человек.

Внезапно ему стало легко. Несмотря на жар и озноб, Деннисон знал, что именно ради таких минут стоит жить. Эта опасная неопределенность и есть приключение. Для такого дела нужны люди определенного склада. Как он мог позабыть, что он как раз такой человек? Как он позволил себе скатиться до уровня болтливого бродяги?

Он сейчас же отправится заводить мотор!

Но сперва он обезопасит себя от всяческих сюрпризов, насколько это возможно.

— Джеймс? — тихо позвал он, перегнувшись через борт.

Никакого ответа.

— Капитан Джеймс?

На этот раз в ответ слегка хрюкнули. Деннисон нагнулся чуть ниже и разглядел бледное пятно лица.

— Джеймс, — сказал Деннисон, — ты можешь отцепиться и покончить с мучениями. Я сижу здесь, на носу. И буду сидеть. И не уйду, пока ты не потонешь.

Тишина.

— Я только надеюсь, — продолжал Деннисон, — я действительно надеюсь, что ты высунешь свою башку над бортом. Потому что, кэп, я сразу же ее отрежу.

Никакой реакции. Деннисон присел на крышу рубки, прислушиваясь. Ничего не произошло. Он тихонько встал и двинулся к каюте. Затем внезапно остановился.

А если Джеймс заговорит с ним, что-нибудь предложит, а он не ответит? Тогда капитан приподнимет осторожно голову, увидит, что его нет, и вылезет на палубу!

А может, вообще не стоит с ним болтать? Молчание значительнее любых слов.

Деннисон постарался обезопаситься:

— Это мое последнее слово, кэп. Мне плевать, что ты скажешь, плевать, что ты спросишь. Я не намерен отвечать. Точка, кэп.

Ни ответа, ни привета. Не слишком ли он разболтался?

Не догадался ли капитан о его плане? Может, он зря говорил все это?

«Наверное, — подумал Деннисон, — лучше посидеть немного, не двигаясь, и последить за бортом. Не стоит оставлять открытой спину. Этому меня научила армия.

Сейчас семь восемнадцать. Я подожду до семи тридцати».

Подняв глаза, он увидел, что луна стоит почти у него над головой. Ветер снова утих.

«До часа «Х» осталось двенадцать минут. Ожидать всегда тяжело, но я знаю, что такое ждать и что такое действовать. Всего несколько минут, чтобы быть уверенным, а затем я спущусь вниз и заведу мотор. Ожидание перед делом — самая трудная на свете штука, но я справлюсь. Как когда-то. Тогда, на Туамото, было еще хуже. Я...»

9

...сидел у себя в хижине и читал книгу, когда они пришли за мной. Я увидел страх на их лицах. Старый Оено, вождь, был с ними. Значит, что-то стряслось.

Это было на острове Йа-Хики, на юго-восточных Туамото. Небольшой клочок земли, окруженный коралловыми рифами. Население около семидесяти пяти человек. Ресурсы — кокосовые пальмы, хлебные деревья, овощи, рыба и жемчуг. На архипелаге Туамото искали именно жемчуг. Некоторые жемчужины вполне ничего, хотя, конечно, не сравнить с теми, которые вытаскивали со дна Персидского залива.

Но я оказался там не из-за жемчуга. Собственно, я совсем не собирался туда заходить. Я вел свой тендер из Вальпараисо на Таити и наскочил на рифы. Лично для меня Опасный архипелаг вполне оправдал свое название. Течение занесло меня на кораллы так быстро, что я и опомниться не успел. А могло быть и хуже. Я все-таки снял свой тендер с рифов, но в днище зияла приличная дыра. Я откачал воду и продолжал плыть, пока наконец не добрался, полузатоленный, до первого же острова. Это был Йа-Хики.

Я вытаскивал тендер на берег, заштопал его, но плыть дальше мне расхотелось. Остров был небольшой, но прекрасный и практически не испорченный цивилизацией. Полинезий-

цы оказались людьми милыми, простыми и великодушными. На борту у меня была небольшая библиотека — Шопенгауэр, Ницше, Толстой и всякое такое. Эти книги утоляли все мои интеллектуальные потребности. Я работал кем-то вроде кузнеца, ковал крючья для рыбной ловли и ножи из разных обломков железа, какие только были на острове. У меня не было постоянной женщины, как-то сердце ни к кому не лежало после Джейни. Но вокруг меня постоянно вилась стайка любопытных полинезийцев. Туземки в этих вопросах так милы и ведут себя так непосредственно...

В местном обществе я занимал весьма почтенное положение. Туземцы считали, что у меня есть «мана» — что-то вроде колдовской силы. Это их заблуждение обычно здорово мне помогало, но на этот раз едва не стоило жизни.

Старик-вождь рассказал, какая беда у них стряслась. Похоже на то, что в прибрежных водах завелась акула и стала пристально интересоваться ныряльщиками — ловцами жемчуга. Такое не раз случалось и прежде, и туземцы придумали надежный способ борьбы с этим. Но на этот раз акула была не простая, не такая, как остальные акулы, — так сказал мне вождь. Эта акула не кружила вокруг человека, примериваясь, а сразу нападала. Это — акула-людоед. Хуже того, на голове у этой акулы виднелись три белые отметины. Никто и никогда не встречал раньше акулы, похожей на эту. А значит, это — акула-призрак.

Я попытался было объяснить, что существуют сотни вполне естественных способов, какими акула могла зарабатывать эти белые отметины, но туземцы и слушать не хотели. Это акула-призрак, и все тут. И ни один обычный человек не сможет ее убить. И либо им придется прекратить ловлю жемчуга, пока акула снует поблизости — и нападает на ныряльщиков, либо кто-то должен выследить и убить эту акулу.

Но акулу-призрак способен убить только человек, у которого очень сильная «мана». А на всем острове достаточно сильная «мана» только у старика-вождя и у меня.

Вождю было уже за шестьдесят, у него отросло огромное жирное пузо, и времена, когда он нырял за жемчугом, давным-давно миновали. А вот я как раз прекрасно годился для этой опасной работы. Туземцы свято верили, что я, безус-

ловно, сумею ее проделать, и моя «мана» от этого вырастет вообще дальше некуда. Ну, если, конечно, я не захочу, то придется попробовать старому вождю.

Так что, на самом-то деле, выбирать мне не приходилось. Этот пузатый старик здорово выручил меня, когда я вел свой продырявленный тендер среди рифов. И я готов был скорее умереть, чем послать его на растерзание к этой чертовой акуле. И я сказал, что согласен.

Они обрадовались, как дети малые. А мне было о чем задуматься, когда я пристроил нож за набедренной повязкой и надел маску ныряльщика. Об акулах написано много всякого — они-де и чудовища, и грязные трупоеды, и до смешного трусливы, и — королевы глубин. Как говорится, выбирай на вкус. Неважно, какими там на самом деле бывают эти акулы, но вряд ли кому понравится идея порадовать закоснелую акулу-людоеда наживкой из самого себя. Может, вы и представляете, теоретически, какими должны быть акулы. Но теория и практика — совершенно разные вещи. Я знал одного охотника, который вышел против тигра-людоеда с одним только копьем. Это было в джунглях Непала. Ему казалось, что это будет неплохое развлечение, он подробно описывал нам, как именно и что за чем следует в таких случаях делать. Жаль, бедняга не дожил, чтобы рассказать, что же у него пошло не так, как должно бы. Сейчас я почувствовал себя в его шкуре.

Мы проплыли на каноэ до внешнего круга рифов, за нашими спинами ветер шелестел листьями пальм. Перебросили через борт кусок свинины и принялись ждать. Гребцы удерживали каноэ на одном месте и следили за водой. Я смотрел на небо. Никогда еще оно не казалось мне таким прекрасным, а чистый воздух — таким пьянящим. Мне хотелось voltar все это в себя прежде, чем я погружусь в пучину моря.

Сначала я даже обрадовался, что акулы нет на месте. Потом ожидание превратилось в сущее мучение. Мне представлялось, что я ожидаю, когда меня поведут на казнь. Вы радуетесь, что палачи еще не пришли. Потом вы начинаете волноваться. Наконец вы не находите себе места, мечтая, чтобы все поскорее закончилось.

Акулы все еще не было. Солнце садилось, и туземцы совсем уже собрались перенести сражение на следующий день.

И тут мы ее увидели! Около двенадцати футов длиной, с тремя белыми отметинами на торпедоподобной голове, она скользила под водой, бесшумная, как смерть. Акула-призрак!

Я проветрил легкие, поплевал в маску, протер ее и надел. Сжимая в руке нож, я прыгнул в воду.

Акула понеслась ко мне, двенадцать футов плавающей смерти. Я ждал. Она описала круг, я постепенно поворачивался, держа нож направленным на нее. Я начал медленно погружаться, акула за мной, кружась на уровне моей головы.

Сегодня она была осторожной. Противостояние продолжалось секунд тридцать. У меня уже заканчивался воздух. Я понимал, что вскоре придется всплывать, чтобы отдышаться. Когда я это сделаю, акула откусит мне ноги. Мне надо прикончить ее сейчас.

С разрывающимися легкими я ринулся к ней. Она отплыла подальше. Оставаться под водой дольше я не мог, мне нужен был хотя бы глоток воздуха. Я начал подниматься. И тогда она бросилась на меня.

Пузырьки воздуха вырвались из моего рта, когда эта черно-серая убийца перевернулась кверху брюхом и двинулась ко мне. Я отчаянно забил руками по воде, и она проплыла мимо, сдирая с меня кожу своей шкурой, похожей на наждак. Когда рядом со мной возникло ее незащищенное брюхо, я всадил в него нож и распорол его почти до хвоста.

Это все, что я запомнил. Пришел в себя, когда гребцы втаскивали меня в каноэ. Я лежал на носу, а за кормой волочился труп акулы-призрака. Островитяне вопили, как сумасшедшие, и хлопали меня по спине. Я знал, что вечером они устроят грандиозное празднество...

Деннисон размышлял, сидя на крыше рубки. Кеч мягко покачивался на волнах.

Он поднял голову и посмотрел на часы. Двенадцать минут девятого! Боже, он проторчал здесь сорок пять минут!

Точно, у него горячка. Он сидит и бредит о Йа-Хики и далеких Туамото.

«Забавно, — подумал Деннисон, — я так часто рассказывал эту историю, что и сам почти поверил в нее. Я сижу здесь и мечтаю о местах, где никогда не бывал! Южные моря. Я бы отдал душу и правую руку в придачу, чтобы оказаться сейчас там.

Но я не там. Я здесь, на этой проклятушей заштилевшей яхте, у меня горячка, и мне чертовски важно помнить, что со мной происходило на самом деле, а что нет. Не важно, из-за горячки или случайно, но я утратил чувство реальности.

Я никогда не был на Йа-Хики. Это не более чем воображаемые приключения. Это относится к разряду вещей, которые я бы совершил, если бы судьба повернулась так, а не иначе. Но на самом деле этого не было.

Корея была. Я был в роте «Лисы», тридцать второго пехотного полка, седьмой дивизии. Я был в Корее, я охранял дорожно-пропускной пункт и дрался с Эррерой. Это было на самом деле.

Так, уяснили. Пора приниматься за дело. Я собирался запустить мотор».

Деннисон, пошатываясь, поднялся. Пора! Джеймс не издавал ни звука, пока сорок пять минут висел под яхтой. Настало время Деннисону проявить мужество, доказать, что он достоин реальных походов в Корее и вымышленных — на Йа-Хики.

Крадучись, он тихо двинулся вниз. Спускаясь по трапу, предусмотрительно не наступил на скрипучую третью ступеньку.

«Теперь, — думал он, — я докажу, кто я на самом деле. Я бросил все на чашу весов. Пан или пропал, вот так!»

В трюме было темно, хоть глаз выколи. Деннисон на ощупь отсоединил трап, осторожно перенес его и положил на койку. За трапом находился холодный и неподвижный кожух мотора.

Сперва — подача топлива.

Он присел на кожух и нащупал карбюратор. Пальцы сразу нашли бензопровод и, скользнув вдоль него, наткнулись на первый клапан. Открыл его. Потом Деннисон перебрался

через двигатель и вел рукой вдоль трубки, пока не отыскал второй клапан, у самого бака. Открыл и этот.

Все идет как надо. Теперь водяной клапан.

Он размещался где-то справа по борту, позади мотора, и рядом с водяным насосом. В темноте пальцы Деннисона шарили по внутренности мотора настороженным тарантулом — вниз, по свечам зажигания, по генератору, к маслосборнику. Он потянулся дальше. Его пальцы наткнулись на водяной насос и пробежались по трубке до самого водяного клапана. Деннисон попытался открыть и его.

Заело!

Ощувив нахлынувшую волну паники, он резко дернул маленький железный клапан. Ни с места. Может, его удастся отвинтить с помощью отвертки, но в этом случае он рискует сорвать резьбу. Сколько протянет мотор без воды?

Тут ему пришло в голову, что, возможно, он просто вращает клапан не в ту сторону. Деннисон попробовал провернуть кран в другом направлении. Через минуту у него получилось.

Все идет, как надо. Главное — не терять головы.

Какой-то звук?

Всего лишь скрип судна. Успокойся. Запускай мотор.

Он стиснул зубы и постарался припомнить, что следует делать дальше. Аккумулятор, вот что! Деннисон обнаружил его слева и включил. В этот момент его пальцы наткнулись на что-то длинное, с гладкой кожей. Это нечто свисало сверху и на ощупь походило на змею.

Он отшатнулся, крепко приложившись локтем о маховик. Змея?! Черт, откуда на судне могла появиться змея? Мыши, крысы и тараканы на корабле привычное дело, но змея?

Впрочем, чего только не бывает. Он как-то слышал о мокасиновой змее, которая проскользнула на судно через незаперенный водозаборник. А что здесь?

Нет, здесь с решеткой все в порядке; он сам проверял. Но змея могла пролезть и по вентиляционным отверстиям!

Деннисон вынул нож и осторожно потыкал им в темноту, туда, где приблизительно находилась гадина. Лезвие коснулось чего-то гладкого, что сразу же скользнуло вбок.

Змея!

Надо уносить ноги.

Но змея находилась на пути к трапу. Он мог бы выбраться через один из люков, но вдруг эта тварь уже подбирается к нему? Нужно посмотреть.

Деннисон вынул из кармана спички и зажег. Вот она, рядом с двигателем! Ее плоская лоснящаяся голова возвышается над черным телом, она готовится к атаке...

Но это была не змея. Всего лишь один из толстых электрокабелей, которые тянулись от аккумулятора к двигателю. Клемма вышла из гнезда. Изогнутый черный кабель был подсоединен лишь к двигателю, а другой конец висел в воздухе. Должно быть, отсоединился во время одного из разворотов судна.

Деннисон потыкал клеммой в гнездо. Не удержится, слишком свободно — нужен гаечный ключ или плоскогубцы, чтобы закрепить зажим. Но он не знал, где их можно найти. Будет ли мотор работать, если одна из клемм аккумулятора неисправна?

Наверное, нет. Только спокойствие! Плоскогубцы наверняка лежат где-то здесь.

Спичка догорела, и он снова услышал непонятный звук.

«Это всего лишь мое воображение», — сказал он себе, обливаясь потом в темном и душном трюме. В довершение всего, из-за этой несуществующей змеи у него снова разболелась голова. У основания черепа резко запульсировала боль.

Он услышал, как захлопал фал на грот-мачте.

«Не беспокойся. Капитан по-прежнему в воде. Он думает, что я сижу на носу и караулю. Он не слышал, как я спустился вниз. Он не станет пытаться влезть на палубу. Только не сейчас».

Что-то тихо прошуршало по палубе.

Деннисон повернулся к трапу. Отсюда были видны звезды. Никакая тень не нависала над ним. Он пошарил вокруг и наткнулся на ручки плоскогубцев. Инструмент заржавел, но его челюсти еще могли открываться и закрываться.

Деннисон яростно набросился на клемму. Готово!

Над ним снова закрипели блоки и защелкал фал на мачте. Что делает Джеймс? Наверное, он взобрался на яхту и, конечно, нашел багор. Нож против багра — не оружие. Денни-

сон представил, как железный наконечник и деревянная рукоять пригвозждают его к палубе...

Паруса сердито хлопнули, и судно повернулось под внезапно налетевшим порывом ветра. Блоки снова закрипели, и Деннисон услышал, как кливер пришел в движение и скользнул по носу яхты.

Нет, это совсем не капитан!

Мотор уже можно было запускать. Деннисон решил не возиться с трапом, а вскарабкаться на палубу, встав на козлах двигателя. Скорее...

Боже, он забыл о заводной ручке!

Он ясно видел ее перед собой — бронзовый рычаг трех футов в длину, двух дюймов в ширину и с полдюйма в диаметре. Ее вставляют в паз, который находится в палубе рубки. Без ручки у него нет ни малейшего шанса запустить уснувший двигатель.

Где может быть эта чертова штука? Куда Джеймс ее засунул? Деннисон пошарил по другую сторону от мотора. Нашел еще одни клещи и здоровенную отвертку. Ручки не было.

Где, где, где? В мозгу проносились видения всех укромных уголков «Канопуса». Ручка может находиться в любом из них. Ему ни за что не отыскать ее вовремя. Все пропало.

Отвертка!

Ну, конечно же! Он тупеет на глазах. Большая отвертка так же легко войдет в паз, как и бронзовый рычаг. На некоторых судах вообще всегда используют отвертки вместо дорогих бронзовых ручек. Как он мог забыть?

Деннисон подобрал отвертку и выбрался на палубу. По хребту пробежал холодок, он весь сжался, ожидая удара ножом в спину.

Слабый ветер трепал паруса, вполне достаточно, чтобы заставить блоки скрипеть. Истаявшая на четверть луна сияла все еще ярко. В ее холодном свете он оглядел палубу, тень, которую отбрасывала рубка, обошел мачту и обрыскал всю яхту, от бушприта до брашпиля.

Все спокойно. Капитан Джеймс не воспользовался возможностью незаметно проскользнуть на судно. Больше такой возможности ему не представится.

«Я победил, — подумал Деннисон. — Я проявил мужест-

во и уверенность в себе, выдержку и стойкость. Час торжества близок!»

Теперь оставалось только завести мотор. Яхта сможет идти со скоростью шесть узлов по такому спокойному морю. А если ветер поможет, то и все семь. Шесть или семь узлов означают, что волны будут захлестывать нос судна выше ватерлинии, почти до самого бушприта. И уж подавно накроют с головой человека, висящего на балансире. Они избьют его, исхлещут, заставят предпринять отчаянную и безуспешную попытку взобраться на борт. Или оторвут от тросов, отташат от яхты и погребут в пучине.

Это реально? Да, это реально. Если заведется мотор. Он должен завестись. Обязан!

«Ох, — подумал Деннисон, — сейчас, я только отдохну минуту. Почему я не догадался глотнуть воды, пока был внизу? Или перекусить и надеть теплую рубашку? Не важно. Это еще успеется.

Только минутку передохну. Мне нужно будет сосредоточиться.

Потом я заведу мотор и стряхну этого старого осла с моей яхты».

Глава 4

1

Светящиеся стрелки часов показывали девять двадцать пять. Деннисон аккуратно завел часы и посмотрел на небо. Луна передвинулась к востоку, ее сияние серебрило яхту и черный океан, покрытый рябью. Пелена облаков, которая поднималась с юго-востока, разошлась, и в рваных просветах между тучами блеснули звезды. Ветер снова утих.

Пора заводить мотор.

Как только он включит зажигание, мотор должен затарахтеть. Конечно, капитан Джеймс это услышит. Он может попытаться залезть на палубу. Собственно, он будет последним дураком, если не попытается. Чтобы пресечь эту попытку, Деннисон проскочит с кокпита к носу яхты, как только запустит двигатель. Придется учитывать, что кеч останется

без управления. Вращательный момент винта поведет «Канопус» по большому кругу. Но главное, что яхта пойдет со скоростью в шесть узлов. Остальное не в счет.

Деннисон снова оглядел нос кеча. Все в порядке. Он бросился на корму, по пути споткнулся о брашпиль, тот загремел. Деннисон не оглянулся. Он заскочил в рубку и склонился над приборной доской. Открыл воздушную заслонку и перевел дроссель на одну треть. Затем включил зажигание.

Мотор немедленно затарахтел. Отличный мотор! Мотор его не подвел! Деннисон закрыл заслонку и повернул дроссель до упора. Мотор ревел во всю, сотрясая яхту от носа до кормы.

Какого черта «Канопус» стоит?

Сцепление! Он не включил еще сцепление!

Деннисон вставил отвертку в паз в палубе рубки и подал вперед. Внутри что-то сухо шелкнуло. Деннисон поспешно задвинул дроссель. Не сорвал ли он резьбу на передаточном механизме? Пока двигатель работал на холостых оборотах, Деннисон снова выжал сцепление и установил дроссель на полную мощность.

Да, черт возьми, есть сцепление! Он уловил разницу в шуме мотора, когда увеличилась нагрузка на двигатель. Заработало! Он победил!

Деннисон бросился к носу судна. Под его ногами яхту мотало из стороны в сторону, она двигалась, поднимая пенные волны. Надо быть начеку. Море не такое уж и спокойное, и кеч зарывается носом слишком глубоко в воду.

Он схватился за леер рядом с рубкой и продолжил путь, не выпуская трос из рук. Неожиданно яхта рванула вперед сильнее, и Деннисону пришлось ухватиться за брашпиль, чтобы удержаться на ногах.

Теперь он спасен. На носу никого, Джеймс не успел взобраться на палубу, и кеч несли вперед...

И тут Деннисона как громом поразило — яхта не двигалась с места.

Не двигалась? Не может этого быть! Крепко вцепившись в брашпиль, он прислушался. Да, мотор гроыхал на полную мощность, работая на всех оборотах. Он даже различил, как

слегка дребезжит передаточный вал. Но проклятая яхта не двигалась с места, застыла как вкопанная!

Кеч заваливался то на левый, то на правый борт. Паруса хлопали под слабым переменчивым ветром. Реи с бешеной силой раскачивались, а блоки гремели о мачты. Мотор ревел, все вокруг дрожало. Но, несмотря на рев и качку, кеч не сдвинулся ни на йоту.

Деннисон не понимал, что происходит. Закрыв глаза, он почти ощутил, что яхта несется вперед со страшной скоростью. Открыв, он видел, что судно замерло на месте, как пучки саргассов за бортом.

Ему пригрезилось, что яхта понеслась вперед. Видение, порожденное надеждой, желанием и горячкой.

Но тогда почему она стоит?! Деннисон сел на крышу рубки и задумался над этой головоломкой. Мотор продолжал реветь и раскачивать судно.

2

Деннисон опустил голову на руки. Может быть, он сошел с ума? Если двигатель работает, передаточный вал вращается, то почему тогда яхта стоит на месте?

Думай!

Мотор работает, и вал вращается. Значит, дело в винте. Может, винт как-нибудь погнулся?

Вряд ли. Он сам проверял его на Сент-Томасе. Тяжелый бронзовый винт был совсем новый и в полном порядке. Они должны были налететь на что-нибудь здоровенное и прочное, чтобы погнуть лопасти. Но они вообще ни на что не налетали.

Тогда в чем дело?

Принимая во внимание, что винт до сих пор соединен с валом, рассмотрим другие причины, которые мешают ему толкать яхту. Дефект конструкции? Какой еще дефект? Винт — деталь простая, всего две бронзовые лопасти, насаженные на бронзовую втулку. Когда судно идет под парусами, лопасти сомкнуты, чтобы не было сильного сопротивления воды. При работающем моторе они раздвигаются.

И тут Деннисон понял, что произошло. Днем, пока он не

видел, капитан Джеймс нырнул под заштилевшую яхту и связал обе лопасти неработающего винта вместе. Наверное, поясом.

Другого объяснения нет. Морские водоросли не могли опутать винт, это сделал капитан.

Деннисон вернулся в рубку, повернул дроссель в другую сторону и попробовал дать задний ход. Никакого результата. Переключил на нейтральную скорость, выдвинул дроссель и пошелкал передачами в надежде, что сотрясения освободят винт.

Глухо.

Деннисон отключил двигатель и вернулся на нос. В голове — ни единой мысли. Он снова опустил голову на руки, стараясь справиться с тошнотой и слабостью. Его захлестывали волны глубокой депрессии, безнадежности и всепоглощающего отчаяния. Он все еще оставался на палубе хозяином, но Джеймс царил над всем ниже ватерлинии, от балансира до руля. Они разделили яхту между собой, граница шла по ватерлинии, и Деннисону досталась далеко не лучшая половина.

Прежде ему казалось, что капитан цепляется за балансир в тщетной надежде продлить как можно дольше последние минуты своей жизни. Цепляется почти бессознательно, чисто рефлекторно. Он и не предполагал, что Джеймс взял в свои руки половину судна, ту, что скрывалась под водой. Ему не приходило в голову, что Джеймс может строить планы, как вернуть себе оставшуюся половину кеча, ту, что над водой.

Теперь сомнений нет. Человек за бортом наверняка рассмотрел сложившуюся ситуацию, взвесил свои шансы, прикинул степень риска и выработал собственный план. Он изрядно попотел, связывая вместе бронзовые лопасти, как раз на тот случай, если Деннисон решит запустить двигатель. Потому-то за все это время он и не пытался вскарабкаться на палубу. Даже тогда, когда знал, что Деннисон спустился вниз.

Значит, Джеймс чего-то ждет.

Чего же?

Он ждет, когда наступит подходящая минута.

Что можно считать подходящей для него минутой?

Это знает только Джеймс. Это часть его плана. Плох он или хорош, неизвестно. Но капитан начнет действовать, только когда приготовится.

«Я должен понять, что это за план», — подумал Деннисон.

Часы показывали пять минут одиннадцатого. Луна опускалась все ниже к горизонту на востоке и зашла уже за готмачту. На палубу легли тени, и казалось, все пришло в движение. У самого штурвала сгустилась причудливая тень, похожая на человека, на маленького скорчившегося человека, который правит неподвижной яхтой. А те, другие тени, в рубке и позади мачт — кто они?

Успокойся. Перестань выдумывать черт знает что.

Кеч качнуло, и мачты описали по небу круг. Деннисона бил озноб, он сидел на кокпите, подогнув колени и положив на них голову, которая просто раскалывалась от боли. Он закрыл глаза, и под веками сразу же поплыли огненные пятна. Лучше уж смотреть на огонь, чем на тени.

Все чудесно. Он может немного поспать.

Стоп! Он еще не может спать! Капитан придумал какой-то план. Деннисону позарез нужен свой план, лучший, надежный. План, как навсегда избавиться от этого паскудного плавучего ублюдка за бортом.

Налетел легкий ветерок, и Деннисон задрожал еще сильнее. Ветер подсказал ему одну идею. Прикрыв веки, он принялся рассматривать ее со всех сторон.

3

Да, план, несомненно, хорош. Он сработает. Рискованно, конечно; но оставлять капитана за бортом еще рискованней. Лучше попасть в любой шторм, землетрясение, пожар или торнадо — да все на свете! — чем под безжалостную руку капитана Джеймса. Этот план, если придерживаться его, не отступая ни на шаг, приведет к полной и безоговорочной гибели человека за бортом.

«Я сделаю это».

Деннисон прокрутил в уме все подготовительные шаги: «Сперва нужно тихо пройти на корму, к кокпиту. Поднять

крышку люка на корме. Найти внизу помпу. Подсоединить к шлангу.

Помпа связана с бензобаком. Если случится пожар, помпой можно откачать за борт бензин из бака по длинному неопреновому шлангу.

Десять или двадцать галлонов бензина тонким слоем растечется по воде вокруг яхты. А ветер дует с кормы. Бензин перетечет к носу, охватит кеч кольцом.

А потом я подожгу его.

Одна загвоздка — так можно остаться без судна. Бензин горит будь здоров. Могут вспыхнуть паруса, тросы, обшивка. Потерять судно — все равно что потерять жизнь.

Рискну. Я пойду на все, только бы пустить ко дну эту тварь!»

Деннисон встал, чувствуя себя сильнее и увереннее, чем в течение всего дня. Он бросил взгляд на нос яхты. Никого. Разувшись, он быстро пробежался до кокпита. Поднял крышку люка на корме и нашел шланг. Под ним, отдельно, лежала трубка-переходник от линии, ведущей к бензобаку. Деннисон подсоединил переходник к помпе. Потом подтащил конец шланга к бортовому шпигату. Слабый ветер почти стих. Спички в кармане.

Все готово.

Но сперва нужно предпринять некоторые меры предосторожности. Деннисон подошел к трапу и вынул из специального гнезда огнетушитель. Передвинул защелку распылителя и положил огнетушитель на пол рубки. Теперь у него есть защита от пожара, который может заняться на палубе.

Что еще?

Он бесшумно прокрался на нос и исследовал каждую подозрительную тень возле брашпиля. Ни одна из них не оказалась капитаном. Деннисон вернулся на корму.

Ветер еще не утих.

Начнем.

Деннисон встал у помпы и начал работать рукояткой. Помпа заскрипела и завывала, но из шланга не пролилось ни капли бензина. Он качнул еще раз двадцать, потом остановился. Что-то не так.

Надо было учесть, что помпой давно не пользовались.

Все подвижные соединения деталей насоса могли заржаветь. В насос нужно залить немного жидкости и предварительно прокачать.

Но заливать было нечего.

Боже, все против него! Такой прекрасный план неминуемо сорвется, если он не достанет немного жидкости, неважно какой, чтобы залить в этот паршивый насос!

Деннисон отошел от помпы, движимый смутной надеждой, что удастся отыскать ведро. Он спустит его за борт и зачерпнет немного воды. Босые ноги Деннисона прошли по влажному месту.

Мой бог! Небольшая лужа в углу рубки. Скорее всего, роса.

Деннисон присел на корточки перед лужей и только сейчас понял, как ему хочется пить. Когда он пил в последний раз? Утром, почти десять часов назад. Даже еще больше! Он выпил кофе в семь утра, и все. Получается, он не пил пятнадцать часов — и десять из них он провел под палящим солнцем.

Ему нужно попить воды. Но воды не хватит и на него, и на помпу. Если он откажется от плана с бензином, он попьет. С новыми силами он вернется на свой пост на носу яхты, с багром в руке, и подождет, пока капитан не высунется из-за борта.

Деннисон преодолел искушение. Он собрал воду в ладони и вылил в помпу. Потом быстро заработал ручкой, вверх и вниз. Послышалось шипение, и по шлангу хлынул бензин.

Он подставил руку под шланг, чувствуя, как по нему напором бьет жидкость, потом поднес ее к носу.

Так и есть, бензин.

Деннисон сто раз качнул рукоять. Потом еще пятьдесят, хотя руки ныли невыносимо. Воздух наполнился бензиновыми парами. Джеймс наверняка уже унюхал. Не попытается ли он взобраться на палубу именно сейчас?

Деннисон поспешил на нос, но он был пуст. Джеймс не появился. И нетрудно догадаться, почему.

Пожилой человек проболтался в воде десять часов, соль жгла ему глаза, ноздри и рот. Вероятно, он и не почувствовал

запах бензина! Но даже если и почувствовал, и услышал шум работающей помпы, он все равно не полезет на борт сейчас. Единственное, что поддерживает ослабевшего старика, — это его план. Вода отняла у капитана силу, притупила сообразительность, разрушила волю. Все, что еще удерживало последний проблеск жизни в нем, — это план. Смертельно уставшие люди часто впадают в мономанию. План стал для Джеймса идеей фикс. Его нельзя изменить, ускорить исполнение или отложить. Для капитана это значило бы распрощаться с последней надеждой, с последним звеном, которое связывало его с жизнью. Если Джеймс что-то и унюхал, он решил, что это всего лишь небольшая утечка бензина. И не двинулся бы с места.

Деннисон подсчитал, что бензин уже успел распространиться до самого носа. За бортом плескалось около пятнадцати галлонов, вполне достаточно, чтобы охватить кеч смертоносным кольцом. Довольно. Теперь бросить туда зажженную спичку.

Он вытер руки и достал из кармана спичечный коробок. Внезапно в нем проснулась жалость к несчастному, глупому старику-капитану, выброшенному за борт, обезоруженному и обманутому. Жаль, что он не утонул мирно и спокойно.

Прости, кэп.

Деннисон вынул спичку и чиркнул о коробок. У спички отломалась головка.

Спокойно.

Вторая и третья спички зажечься не желали. Деннисон достал сухую спичку из последнего ряда, чиркнул и увидел, как на кончике заплескался слабый огонек. Он бросил спичку за борт. Но она погасла, не успев долететь до залитой бензином воды.

Черт!

Деннисон вынул сразу четыре спички, поджег, с минуту смотрел, как они разгораются, и швырнул их в воду.

И вода за бортом вспыхнула!

Язык пламени опалил брови Деннисона, волосы затлели. Он отскочил от борта. Вокруг яхты взметнулся столб огня, за-

ключив судно в пылающее кольцо. Из-под носа парусника донеслись пронзительные крики.

Было невыносимо слушать, как кричал капитан. Его вопли резали уши. Высокие, почти женские визги раздавались через короткие промежутки. Деннисон увидел его — цилиндрический комок огня, живой факел, ринувшийся прочь от судна. Он нырнул, не показываясь десять, двадцать, тридцать секунд, затем снова всплыл на поверхность, все еще пылая. Объятый пламенем человек бился в воде, безостановочно крича, и Деннисон окаменел. Он только сейчас расслышал, что кричит Джеймс.

«Пальцем бы не тронул! Как сына родного!»

Старый брехун! Деннисон заставил себя смотреть, как огонь постепенно гас, черное тело остывало, разваливалось на куски и погружалось в морскую бездну.

Капитан был мертв.

Но страдать и сожалеть некогда. Один из фалов загорелся, грот вспыхнул, осыпая палубу снопами искр. Деннисон бросился к рубке и схватил огнетушитель. Горела обшивка правого борта, за который он скачивал бензин.

Деннисон окатил борт белой струей углекислоты. Парус занялся слишком высоко, не достать. Он затоптал горящие обрывки фалов и клочья парусины, которые упали на палубу, и забил руками начавшую тлеть рубашку. Огонь уже переметнулся на покрытый лаком транец.

Он сбил его, но тут снова занялся правый борт. Деннисон окатил его углекислотой из баллона, опустошив огнетушитель до дна. Потом сломя голову бросился в рубку, сорвал со стены баллон порошкового огнетушителя. И погасил пламя на правом борту. Бензин на воде догорал невысоким синим пламенем. Пожар утихал. Деннисон затоптал еще несколько горящих клочков на палубе и ухитрился погасить искру, перелетевшую на фок.

Огонь на воде погас. Деннисон дважды обошел всю яхту, заглядывая во все закоулки. Похоже, опасность миновала.

Пожар закончился, и кеч был в его руках. Где-то там, в воде, кружились и опускались на дно останки капитана. Грот сгорел полностью, фок нужно чинить. Но по крайней мере...

Деннисон поднял голову. Он быстро обернулся и увидел белоснежный сияющий грот над головой.

Но ведь грот сгорел, разве нет?

Он поднялся, потом снова сел на крышу рубки. Голова кружилась. Он взглянул на часы. Десять ноль шесть. Легкий ветер надувал паруса, и кеч шел своим курсом, никем не управляемый. Луна висела низко, у восточного горизонта.

Заскрипели блоки. Деннисон схватился за нож, висевший на поясе, и крепко его сжал. Прикосновение к холодному металлу успокоило его. Тогда он снова повернулся и посмотрел на грот, белый, исчерченный почти незаметной сетью снастей на упруго натянувшейся парусине. За ним виднелся фок, тоже наполненный ветром.

Они не горели. Никакого пожара не было.

Чтобы убедиться в этом полностью, Деннисон быстро пробежался по палубе, оглядев все, особенно борта и корму. Ничего не обгорело, даже краска и лак. Он снова сел на крышу рубки.

Неужели все это ему приснилось? Воспоминание о пожаре было таким же четким и ярким, как все, что он помнил вообще. С ума сойти! Господи, какая же ужасная штука — человеческий разум! Он соткал этот пожар из темноты, страха и собственного желания. Он все это время сидел на крыше рубки с закрытыми глазами и фиксировал каждое мгновение пожара, изобретая на ходу трудности, преодолевая их, вставляя куски диалога...

«Как сына родного!»

Деннисон поежился и обнял себя за плечи. Неужели весь этот кошмар был сном?

Да. У них нет никакой помпы. Господи ты боже мой! Это надо же, помпа! Никаких помп, никаких шлангов, бензин вообще невозможно никуда перекачать из бака. Наверное, он начал грезить, когда присел на крышу, сразу после неудачи с винтом.

Это-то уж точно не сон.

Деннисон сел на крышу рубки, закрыл глаза и сочинил историю о воображаемом пожаре, точно так же, как раньше

он сочинил сказку о Южных морях. Но между этими двумя историями есть значительная разница. Он точно знал, что история с Йа-Хики — неправда. А в этот пожар он поверил.

Да это же настоящая галлюцинация, а?

На мгновение Деннисон почувствовал прилив гордости за себя. Он только что пережил самую настоящую галлюцинацию, что свидетельствовало о том, как много он испытал за последнее время. Но гордость за данное достижение увяла и уступила место чувству острой тревоги. Там, за бортом, притаился человек, который только и ждет момента, чтобы прикончить его. Забывать об этом нельзя.

«Моя жизнь зависит от того, что я сейчас сделаю. Моя жизнь зависит от того, сумею ли я разгадать план капитана и сорвать его. Это главное. Все остальное — ожоги от солнца, жар, озноб, жажда — все это может подождать. Мне нужно быть сильным и твердым, как тогда, с Эррерой.

Теперь я знаю, что галлюцинации бывают и со мной. Я буду начеку. С этой минуты — только правда. Ложь слишком опасна для меня сейчас. Я должен мыслить ясно, угадать план Джеймса и что-то предпринять. Я хитрее его. Так что понять его замысел — дело несложное.

Итак, что мы имеем? Капитан Джеймс наверняка придумал, как проникнуть на кеч. Я вывел это заключение из такой предпосылки: у капитана богатый опыт действий в критических ситуациях. Также следует заметить, что план этот логичен, невзирая на его теперешнее положение. Касательно физической стороны план его, несомненно, хорош. Джеймс знает все о яхтах, воде и верно оценивает свои силы. Единственный недостаток плана состоит в том, какую роль он отводит лично мне. Поскольку, несомненно, какую-то роль он мне отводит.

Для этого он должен понять и определить мой характер. По мнению Джеймса, я — всего лишь жалкий бездельник, бродяга, сопляк, человек дружелюбный, но хитрый, приспособленец и трус. Джеймс решит, что я был таким и таким останусь навсегда. На этом и построен его план.

Но, к счастью для меня, Джеймс — человек глупый. Он не разбирается в людях. Для него внешность означает все. Он видел меня-на-Сент-Томасе, но разве он знал меня-в-Корее?

Джеймс понятия не имеет, что я прошел Корею и остался жив, что я вынес постоянный холод, голод, издевательства и все опасности, какие только могут обрушиться на человека. Я врал и оставался в здравом рассудке, когда остальные мерли, как мухи, или трогались умом. Он ничего не знает о той ночи на контрольно-пропускном пункте, когда красные открыли по нам огонь. Он не подозревает, что тогда я совершенно хладнокровно выполз из домика с винтовкой наготове, прицелился на вспышки выстрелов и...

Но я должен быть честен с самим собой. Не было никаких вспышек. У этих красных сволочей, наверное, на стволах имелись насадки-гасители вспышек. Некуда было целиться, на темном склоне горы — ни единого огонька. Только пули били по окну, рикошетили от цистерны из-под солянки и зарывались в землю. Куда стрелять в ответ, не в гору же? Поэтому я и не стрелял.

Но все остальное правда. Я-в-Корее такой же настоящий, как я-на-Сент-Томасе. Все это в прошлом, и сейчас новый я сижу на корме яхты.

Да, Джеймс не знает о самом важном событии в моей жизни. Он что, действительно считает, что я не смогу его победить? Думает, что я испугаюсь его? И все потому, что он не знает о Шанхае...

5

...и о том, как я встретил любовь, внезапную смерть и вечную жизнь, которые смешались в одно и втиснулись в несколько коротких дней и ночей. Корея закалила меня в горные тяжкие испытания, а Шанхай навсегда определил мой характер. Этот город поставил на моем лбу клеймо: «Использовать только в Шанхае». Некоторые места накладывают на людей неизгладимый отпечаток. Вот почему есть американцы, которые живут в Париже, и англичане, которые всю жизнь проводят в африканских колониях, и датчане, которых никак невозможно выдворить из Индонезии. Может, кое-кто из таких переселенцев и наживается на чужбине, эксплуатируя туземцев. Но таких деятелей можно пересчитать по пальцам. Не-

которые предпочитают жить в прекраснейших на свете краях. А другие живут в такой глуши, из которой сбежала бы и собака. Их просто тянет к таким экзотическим местам некая непостижимая и неодолимая сила. И эти края становятся для них родным домом, с которым не сравнится ничто на свете.

Вот таким домом и стал для меня Шанхай. Это мой город. И он исчез, пропал, перестал существовать, когда красные взяли над нами верх. Теперь проще попасть в самые заповедные закоулки Аравии, чем в Шанхай. Мой город потерян навсегда, и у меня не осталось даже какого-нибудь сувенира, вещицы, на которую можно было бы взглянуть — и вспомнить. Все, что мне осталось, — несколько воспоминаний, но и они со временем тускнеют и понемногу тают. Наверное, вскоре они совсем угаснут, и я не смогу отличить дорогу на Нанкин от Мотт-стрит. Международный городок в моем представлении станет неотличимым от Рокфеллер-центра, Бунд будет как две капли воды похож на Пятьдесят седьмую улицу, и даже образ Джейни растворится среди лиц сотен других девушек. Возможно, от этого я стану только счастливее, кто знает? Потому что эти воспоминания причиняют слишком много боли.

В тысяча девятьсот сорок седьмом отступающие армии Чан Кайши все еще удерживали большую часть Китая. Китай был нашим союзником. И вот армия Соединенных Штатов решила дать японцам передышку и отослала некоторые части в Шанхай, в отпуск. Первые отпускники попали в Шанхай в августе, и я был среди них — вместе с остальными ребятами из шестой и седьмой дивизий Корейской оккупационной армии.

Наш корабль поднялся по реке Вангпо и стал на якорь, и мы увидели на пристани толпу торговцев-разносчиков с лотками, заваленными всякой всячиной, продавцов с птицами в клетках, резными фигурками, местным рукоделием. Между ними сновали рикши и велосипедисты. Издали весь город был виден как на ладони, необычайный и прекрасный, ослепленный летним солнцем. Мы прекрасно понимали, что проиграем эту войну. Мы попали в Шанхай после года, проведенного в деревушках с тростниковыми крышами, вроде Мунсана или Таэгу, среди грубых, неприветливых

корейцев, которые дрались, как черти, за свои горы и рисовые поля и держали воображаемую границу, которую принято называть тридцать восьмой параллелью. Мы знали, что нас ждет, и мечтали вырваться и гульнуть на свободе.

Шанхай ждал нас с распростертыми объятиями, готовый за деньги предложить все, что только есть под солнцем. Люди здесь умели видеть очевидное, даже когда на Западе предпочитали закрыть на это глаза. В Шанхае понимали, что коммунисты выкинули с севера армию Чан Кайши. Знали, что Куоминтанг выметен подчистую и так же мертв, как династия Минь. Шанхай — единственный город в Китае, ориентированный на Запад, — тоже не останется прежним. Тысячи людей хотели уехать — а для этого нужны были деньги. Миллионам нужны были деньги хотя бы для того, чтобы купить себе еды. И всем им нужны были настоящие деньги, а не эти конфетные обертки, напечатанные в Куоминтанге, которые не стоили равным счетом ничего. Им нужны были настоящие деньги — наши добрые американские доллары, а каким образом эти доллары им достанутся, не имело никакого значения.

Когда я сходил с корабля в Шанхае, со мной творилось что-то непонятное. Я жаждал испытать все на свете удовольствия, насладиться жизнью про запас, учитывая то, что ожидало нас впереди. Эту неделю я хотел прожить полной жизнью, поскольку мне могла никогда больше не представиться такая возможность.

Я попробовал — и у меня ничего не вышло. Невозможно постоянно вкушать самый пик наслаждения. Ни в чем — ни с женщинами, ни в пьянке, ни даже на наркотиках. И не верьте сводникам и зазывалам, которые утверждают обратное, — они нагло врут. Острота новых ощущений очень быстро притупляется, все становится таким обыкновенным и скучным. Шлюшка, на которую ты взобрался, кажется давно надоевшей старой женой. Пойло, которое плещется в стакане, заводит не больше, чем простая вода. А шприц с наркотой становится таким же привычным и заурядным, как костыль у хромого. И ты сколько угодно можешь уговаривать себя, что все эти штуки — прекрасные загадочные диковинки, но себя

не обманешь. В конце концов останется только раздражение и досада на себя же самого.

Точно так было и со мной. Все время жить полной жизнью никак не получалось. Зато каждое мгновение, проведенное в городе, каждая секунда были пропитаны осознанием того, что я жив, на самом деле жив в таком месте, где смерть — обычное дело. Объяснить это как-то иначе я не могу. Наверное, это все равно что попасть в рай — в настоящий рай, а не такой, как на этих дурацких картинках — со всякими арфами, золочеными воротами и слащавеньким боженькой во главе всего этого балагана. Шанхай в августе сорок седьмого, близость смерти и Джейни — это был мой рай. И другого мне не надо.

В первое утро, спустившись с корабля, я снял комнатку в гостинице Христианского союза молодых людей, на пару с еще одним нашим парнем, Эдди Бэйкером. Мы переоделись в новенькую форму и вышли на улицу. Не успели мы и шагу ступить, как нас окружили сводники. Их было не меньше двух дюжин, торопливых и навязчивых маленьких торговцев телом. Отвязаться от них было почти невозможно, они вцеплялись в тебя мертвой хваткой, как тот триппер.

— Эй, Джо, эй, Мак, падем са мной! Хороши бордель для европейсы! Руски девашьки, турески девашьки, англиски девашьки! Девашьки нада, Джо, падем са мной!

Было десять утра.

Насчет девочек для нас с Бэйкером было, пожалуй, рано. Нам хотелось просто прогуляться, поглазеть на Шанхай. Сводники потянулись было за нами, но понемногу отстали, когда до них дошло, что платить мы не собираемся. И через каких-нибудь два часа за нами плелся только один из них. Он отзывался на имя «Джо» и, похоже, отставать не собирался. Пока мы с Эдди завтракали в ресторане с надписью «Только для европейцев», этот Джо сидел на корточках у двери и снова прилип, когда мы вышли. Чтобы от него отвязаться, один раз мы даже вошли в какой-то бар через одну дверь, а вышли через другую — на соседней улице. Но упрямец Джо отыскал нас и снова стал навязывать свои услуги. Он торговался за нас на базарах, болтал без умолку, сыпал шутками и не спускал с нас глаз. Что бы мы ни говорили, его

не пробивало — а мы старались вовсю. Нашего Джо ничем нельзя было пронять.

В девять вечера мы с Бэйкером поужинали и вышли на улицу, не зная, чем бы еще заняться. Джо вился тут же, под рукой.

Я предложил:

— Ну, что, может, заглянем в бордель?

— А в какой? — спросил Бэйкер.

Я кивнул в сторону ухмылявшегося сводника.

— Да в его. Этот маленький скунс таскался за нами одиннадцать часов кряду, по самой жуткой жаре, какую я помню. Не думаю, что ему хоть раз за весь день что-нибудь перепало поесть или попить. И все это только ради того, чтобы доставить нам скромненькие плотские удовольствия.

— Да? — спросил Бэйкер.

— А зачем бы еще? Эй, ты, Джо! Пошли в твой раскрепсный европейский бордель.

Не успели мы моргнуть, как сводник поймал такси, и мы поехали.

— Ты думаешь, это безопасно? — спросил меня Бэйкер.

— Парень, что в этом мире безопасно?

— Что-то мне это не нравится...

— Спокойно, приятель, — уговаривал я его.

Мы проехали по двум аллеям, потом свернули в какой-то тупик. Расплатились с таксистом и вышли. Джо подвел нас к одной из дверей и постучал.

Я сказал Бэйкеру:

— А сейчас ты увидишь то, что видел разве что один мужчина из десяти тысяч. Настоящий восточный гарем. Шанхайский бордель, представляешь, Бэйкер?! Подумай только, какие истории ты сможешь потом рассказать своим детям.

— Я слышал, что все эти шлюшки обязательно болеют какой-нибудь дрянью, — осторожно проговорил Бэйкер.

— Ну, поэтому мы и пойдем к проверенным профессионалкам.

Дверь открылась, и служитель провел нас в прихожую. Здесь мы расплатились со сводником. Получил он самую малость, особенно если припомнить, сколько времени на нас угробил.

— И что теперь? — спросил Бэйкер.

— Подождем.

Ждать нам пришлось недолго. К нам вышла мадам — тощая морщинистая старуха. Она пригласила нас в гостиную. И какую гостиную! Повсюду в живописном беспорядке стояли низенькие подставки с вазами. Ароматические курильницы. Скульптуры и картины. Мраморные лестницы. Столики и кресла тикового дерева. На столиках — сосуды с рисовой водкой.

Мадам дважды хлопнула в ладоши. И с верхнего этажа по широкой мраморной лестнице спустились девочки, одетые так же мило, как все девочки в Шанхае. Их было десять или двенадцать, и они выстроились перед нами в ряд.

— Ты все еще опасаясь триппера? — тихонько спросил я Бэйкера.

— Я думал, нам предложат европейских девок, — сказал он. — А тут одни китайки.

— По-моему, местные кисоньки с виду вполне ничего себе.

— И то правда, — согласился Бэйкер.

Мадам угодливо улыбнулась нам и сказала, что за раз они берут пятнадцать тысяч китайских долларов, а за целую ночь — тридцать шесть.

— А сколько это будет на нормальные деньги? — спросил Бэйкер.

— Три доллара за раз, двенадцать за ночь, — пересчитала мадам.

Бэйкер кивнул и указал на улыбчивую маленькую толстушку, сказав при этом:

— Ну, что, Деннисон, через полчаса я буду ждать тебя внизу, у выхода, идет?

— Ага, — кивнул я, подошел и тронул свою девушку за плечо. Я сразу выбрал ту, что мне понравилась. Она была довольно высокой для китайки. Как я потом узнал, родилась она на севере, и в ее жилах текла маньчжурская кровь. Выглядела она неплохо и держалась очень прямо. Когда я дотронулся до ее плеча, она кивнула.

Девушка провела меня наверх, в маленькую комнатку с дверью из промасленной бумаги. Главным украшением ком-

наты была широкая латунная кровать. Девушка разделась. У нее оказалась прекрасная фигура, ладная и подтянутая, совсем не то, что у тех старых потаскушек, которые промышляют на Бонгконге в Сеуле. Она была очень хороша и очень холодна со мной, и что-то в этой девушке поразило меня до глубины души. Я постоянно думал о ней, и уходить мне совсем не хотелось. Я оделся, спустился вниз по лестнице и заплатил мадам двенадцать долларов за целую ночь, потом вернулся в комнату. Всю ночь я пролежал рядом с этой девушкой, мы вместе прислушивались к выстрелам, гремевшим в темноте на улицах. Как я потом узнал, солдаты Национальной Армии постоянно грызутся с шанхайскими полицейскими, а красные партизаны выцеливают и тех, и других.

Это было что-то необыкновенное. Я знал из книг, что некоторые люди деградируют от общения с проститутками, а другие, наоборот, духовно возвышаются. Со мной не случилось ни того, ни другого. Мне было все равно, кто она такая и сколько тысяч других мужчин переспали с ней до меня. Сейчас она была со мной, в этой маленькой комнатке с бумажной дверью и тусклой лампой в углу. А снаружи кто-то в кого-то стрелял из винтовок, гремели автоматные очереди, каждый раз напоминая мне, что совсем рядом ходит настоящая смерть, а я до сих пор жив, в самом деле жив. Я лежал рядом с ней и думал о маленьком своднике по имени Джо, который целый день таскался за мной, одиннадцать часов гнул спину, чтобы предложить мне самое прекрасное и желанное в мире. Если задуматься, то все это оказывается таким смешным...

На следующее утро мне пришлось выдержать настоящее сражение. Я хотел, чтобы эта девушка — ее звали Джейни — была со мной весь день, и не здесь, не в борделе. Мадам уперлась и не хотела отпускать ее с работы. Самой Джейни, похоже, было совершенно все равно, уйдет она со мной или останется.

Мы с мадам долго торговались, спорили, бранились, орали друг на друга. В конце концов я заплатил двести тридцать восемь американских долларов за то, что Джейни проведет со мной всю оставшуюся неделю. Мадам здорово нагрела на

этом руки. Джейни переделалась в городское платье и пошла со мной.

Мы ходили с ней по улицам — просто гуляли, глазели по сторонам. Только через полдня я обнаружил, что она говорит по-английски — выучилась от военных полицейских.

— Почему ты раньше мне не сказала?

— Лучше молчать.

Я узнал кое-что и о ней самой. Она родилась и выросла в маленькой захолустной деревушке где-то в окрестностях Синканга, недалеко от северной границы. Родители продали ее — подумать только, продали! — человеку, который разъезжал по таким вот деревушкам, набирая молодых проститутток в крупные бордели Шанхая и Кантона. Вот тебе и родители! Она называла мне свое настоящее имя, но я не сумел его толком выговорить, а потому сразу забыл. Сейчас ей было семнадцать лет.

Когда я приехал в Шанхай, у меня было с собой около трех сотен долларов. Еще несколько сотен я занял у ребят из моей части, и мы с Джейни сняли домик неподалеку от Белого Русского сектора.

Мы жили, как муж и жена. Она каждое утро слушала радио и рассказывала мне о новых наступлениях красных в Северном Китае. В Корее я ни разу ни о чем подобном не слышал. Вечером мы ходили танцевать в маленькое русское кафе неподалеку, в котором были более-менее приемлемые цены. И целыми днями мы просто гуляли по городу. Наверное, я повидал все до единого старые храмы и кладбища этого города, но каждая минута этого ничегонеделья доставляла мне неопишное наслаждение.

Как-то раз старик сержант в лагере Полк, штат Луизиана, говорил мне, что из бывших проститутток получают самые лучшие жены. Он говорил еще, что когда уволится со службы, то поедет в Нью-Орлеан, выберет самую лучшую маленькую шлюшку и заберет ее к себе в Арканзас, на свою ферму. Тогда я думал, что старик просто спятил. И в Корее я тоже смеялся над пацанами, которые таскались за шлюхами. Только сейчас я наконец понял, в чем тут дело.

Я сказал Джейни, что люблю ее. Она посмотрела на меня своими грустными глазами и покачала головой.

— Пожалуйста, не надо говорить о любви.

— Но, Джейни, милая, я люблю тебя! Я хочу на тебе жениться. Я хочу, чтобы ты всегда была со мной. Я серьезно, черт возьми!

— Прости. Наверное, твои родители будут против.

— Послушай, Джейни, у меня из родных никого не осталось. Родители умерли, а брата убили японцы. Есть еще сестра, но я ее терпеть не могу. Выходит, я совсем один.

Тогда Джейни сказала, что она не христианка. Эка важность! Я сказал ей, что тоже не христианин. Я вообще не верующий. Я сказал, что ради нее готов стать хоть буддистом, хоть кем угодно!

— Ты ведь не думаешь так на самом деле, — сказала она. — Скоро ты уедешь и никогда больше не вернешься. И зачем бы тебе сюда возвращаться?

— А теперь слушай меня внимательно, — сказал я. — Я люблю тебя, Джейни. Может, не так уж и сильно, но сколько ни есть — все твое. Тебе не по душе быть проституткой? Мне тоже не нравится быть таким, каков я есть. Не отворачивайся, послушай! Джейни, я — трепло, трус и слабак. Я никогда и никому этого не говорил и никогда больше не скажу. Но я хочу, чтобы ты знала, с кем имеешь дело. И — я люблю тебя и хочу жениться, если ты за меня пойдешь.

Джейни разволновалась.

— Зачем ты мне все это говоришь? Ты ведь все равно не вернешься.

— Вернись!

Я взял ее за плечи и посмотрел прямо в глаза.

— Я не вернусь в Корею. Не вернусь на корабль. Я останусь здесь, с тобой.

— Но тебя поймут и расстреляют!

— Тебе это не безразлично?

— Я не хочу, чтобы тебя убили. Ты должен вернуться в свою армию.

— Ты выйдешь за меня замуж, когда я вернусь в Шанхай?

— Ты не вернешься.

— Господи! — воскликнул я. — Что я должен совершить, чтобы завоевать любовь проститутки? Перерезать себе вены? Дай нож, я сделаю это! Я сделаю что угодно, если ты после этого мне поверишь.

Тогда я достал из кармана складной нож и открыл его. Я и вправду собирался сделать то, что сказал, и мне было наплевать на последствия.

Джейни очень странно на меня посмотрела, отняла нож и прижалась ко мне всем телом.

— Джейни?

— Я люблю тебя, — сказала она и расплакалась. Кажется, я тоже плакал.

Эта неделя отпуска была для меня раем. Я любил Джейни, а она любила меня. Она миллион раз переспрашивала, правда ли, что я ее люблю, и правда ли, что я вернусь, и где мы потом будем жить, и будет ли у нас свой сад. Я решил, что оставаться в Шанхае слишком рискованно, из-за этих коммунистов и всего такого. В Штаты мне тоже возвращаться совсем не хотелось. Так что мы решили попробовать обосноваться в Гонконге, если мне удастся найти там приличную работу. Джейни считала, что с работой у меня все получится. Она рассказывала мне, как обустроит наш будущий дом и какие блюда она будет для меня готовить. За эти два дня мы расписали свою жизнь лет на тысячу вперед.

В последнюю ночь отпуска я твердо решил не возвращаться на службу. Но Джейни оказалась просто потрясающей женщиной — она сумела убедить меня, удержать от дезертирства.

— Ты должен возвратиться, — сказала она. — Если ты дезертируешь, ничем хорошим это не закончится. Они тебя все равно разыщут и расстреляют. Ты должен отслужить свой срок полностью и отделаться от них навсегда.

— Мой контракт заканчивается через шесть месяцев.

— И тогда ты будешь свободен? А где? В Сеуле?

— Нет. Нас всех доставят обратно в Штаты, а оттуда заберут новобранцев. Но я буду откладывать деньги. И как только получу свои бумаги, сразу побегу на корабль и приеду сюда, к тебе.

— Ты вернешься ко мне? — снова спросила она.

— Клянусь чем угодно!

— Ох, нет, ты никогда не вернешься! — ответила Джейни и залилась слезами. Я вытер слезы с ее лица и снова пообещал, что вернусь. Я говорил с ней очень терпеливо и мягко,

как с расстроенным ребенком. Потом я отдал Джейни двести сорок американских долларов, все, что мне удалось наскрести у приятелей.

— Тебе хватит этого, чтобы протянуть следующие шесть месяцев?

— Хватило бы и половины!

— Возьми все. Потом я пришлю тебе еще. Ты останешься здесь, по этому адресу?

— Нет, перееду, где подешевле. А ты вправду вернешься?

— Клянусь! Через шесть месяцев меня демобилизуют. Еще месяц — на то, чтобы вернуться в Шанхай из Штатов. Выходит, мы снова будем вместе через семь месяцев.

Джейни написала на карточке свое имя и новый адрес, по-английски и по-китайски. Я бережно спрятал карточку в свой бумажник. Я не разрешил ей провожать меня на пристань — боялся, что она расплачется там, при всех. И ушел, еще раз пообещав, что вернусь.

Я погрузился на борт, корабль отошел от пристани и неторопливо двинулся вниз, к устью Вангпо. А Шанхай остался за кормой — как будто его никогда и не бывало.

Меня отыскал Бэйкер и спросил:

— Ну, что, дружище, получил сполна?

— Да уж.

— Надеюсь, тебе хватит, чтобы скрасить остаток дней в Корее! — и он улыбнулся.

Я улыбнулся в ответ. А что мне оставалось делать? Я увидел, как Шанхай, город моей мечты, скрылся из виду за поворотом реки.

Я не обманывал Джейни. Я любил ее, она была мне нужна, и я верил, что тоже ей нужен.

Через семь месяцев — всего каких-то семь месяцев — я вернусь в Шанхай. Найду Джейни, женюсь на ней...

Деннисон открыл глаза, удивленно потряс головой. Не время вспоминать Джейни. Он должен думать о настоящем — о заштилевшей яхте, о белых в свете луны парусах над головой, о самой луне, которая клонится к востоку.

И о человеке за бортом!

«Отвлекаться ни в коем случае нельзя. У Джеймса есть план, он заберется на палубу и убьет меня, если я что-нибудь не придумаю. Он всадит нож мне в живот, выпустит кровь и все кишки... Неужели мне нужно пугать себя, чтобы заставить поверить, что жизнь моя в опасности?»

От носа судна донесся глухой удар. Что-то скрипнуло. Потом звуки повторились — удар, скрип.

Деннисон ущипнул себя за руку. Больно. Но совсем немного. Когда нож вспорет тебе брюхо, будет больнее. Помни!

Скрип и удар.

Деннисон встал. Бледно-желтая луна касалась края горизонта. На часах — семнадцать минут первого.

План капитана...

Скрип и удар.

Деннисон сжал рукоятку ножа и весь обратился в слух. Капитан что-то делал там, внизу, что-то, от чего раздавались скрип и глухие удары. Что он там творил?

Скрип и удар.

Капитан...

Скрип и удар.

Понятно. Джеймс выждал столько, сколько смог. Теперь его силы на исходе, и он принялся за свой план. Должно быть, это скрипит его нож по деревянной обшивке яхты. Он решил пробить себе путь в трюм.

Не может быть! У него ни черта не выйдет! Или он хочет просто долбить дыру? Это и есть его план?

Скрип и удар.

Да. Он собирается продырявить кеч. Может, он считает, что сумеет заставить меня пойти на попятный, пригрозив потопить яхту? Но я не отступлюсь.

Скрип и удар.

Даже если он продырявит обшивку и кеч даст течь, он вряд ли потопит весь. Некоторые любители острых ощущений свободно плавали и на полузатопленных яхтах. Наверное, Джеймс решил, что это лучше, чем постепенно умирать, цепляясь за балансир.

Скрип и удар.

«Мне это снится, — подумал Деннисон. — Капитан ни за что не решится потопить свою собственную яхту!»

Он покрепче сжал нож. Нож не подведет. Не разжимая руки, он вслушивался в тихий ровный скрип и глухие удары, доносившиеся из-под кеча. Да, он не ошибся.

Но у Джеймса не получится пустить яхту на дно простеньким складным ножом. У кеча двойная обшивка. Ему не пробиться через два с половиной дюйма отменного красного дерева из Гондураса, да еще действуя складным ножиком.

Постой, но ведь двойная обшивка стоит ниже ватерлинии! И если сделать дыру на самой ватерлинии, прямо над двойной обшивкой, кеч наберет воды. Капитану нужно долбить всего лишь дюйм с четвертью. Но и это не так-то просто. В Гондурасе отличная древесина, не то что на Филиппинах. Скорее всего, его нож сломается прежде, чем он успеет заметно навредить.

Но ему совсем не нужно долбить деревянную обшивку! Он может просто выцарапать шпаклевку из одного шва, расширить его, сколоть смолу и...

На его месте, я бы так и сделал.

Скрип и удар.

Как же его остановить?

Деннисон слушал, сжимая в одной руке нож, а в другой багор. Ему срочно надо что-то предпринять, чтобы остановить капитана, а не то Джеймс пустит яхту на дно.

Краем глаза Деннисон уловил какое-то движение. Он обернулся и увидел огромную черную массу, нависшую над судном.

7

Ему не привиделось. Громада нависла над яхтой как скала, черная на фоне темно-синего неба, освещенная единственным красным огоньком. Пока Деннисон стоял, открыв рот, эта махина подошла поближе, и над красным огоньком обнаружились два белых фонаря. Наконец она приблизилась настолько, что стал слышен рокот двигателей.

Откуда здесь взялся этот чертов сухогруз?

Может, это трамп, грузовое судно, которое ходит между

Штатами и Карибами? Проклятье! Вокруг — огромные океанские просторы, иди куда глаза глядят, так нет! Чертов сухогруз выперся прямо на яхту Деннисона. Невероятно, но факт. Рассчитывать на то, что ты не встретишься с теплоходом, не разумнее, чем надеяться, что не попадешь в ураган. Господи! Когда ты уже повидал море, учишься принимать в расчет каждую поганую случайность, каждое паршивое изменение ветра и воды. Даже вдали от обычных морских путей моряки на парусниках дежурят по ночам. Без этого никак. Потому что с сухогруза заметить маленькую яхточку не представляется возможным, их радары не настроены на деревянные парусники. И стальная громада раскрошит яхту так тихо и быстро, что люди на сухогрузе даже не почувствуют, что они на кого-то налетели. Довольно часто парусникам приходилось спешно удираť с пути слепого железного корабля, прущего по океану с отключенными радаром и уснувшим наблюдателем.

Скрежет и стук под носом «Канопуса» стихли. Джеймс тоже увидел или услышал приближающийся сухогруз.

Он все надвигался, его моторы шумели ровно и мощно, а ходовой огонь на левом борту казался подмигивающим красным глазом дьявола. Зеленый огонек на правом борту Деннисону не было видно. Если бы сухогруз шел прямо на них, он, наверное, разглядел бы оба огонька — и зеленый, и красный. Но, может, его зачем-то выключили, кто знает? Что же там говорится в правилах... Левый борт, правый и левый борт... Деннисон не помнил.

Оставалось ждать, сложа руки. Винт не работает, мотор запускай — не запускай, все без разницы, а ветер стих. Даже если бы ветер и надувал паруса, все равно Деннисон не знал, в какую сторону поворачивать яхту. Если сухогруз налетит на кеч, парусник может развалиться от удара, а может получить смертельную рану в корме, и тогда его просто утянет на дно водоворотом от винтов корабля. Если же на сухогрузе заметят, что что-то скрежест у них под ватерлинией, они останутся, проведут расследование — и найдут их с капитаном. Тогда — тюрьма.

Океан тянется на тысячи миль, и надо ж такому случить-

ся, что этот сухогруз вылез прямо на них! Не везет — так уж не везет.

Капитан Джеймс заорал:

— Эй, на сухогрузе! Эге-гей, на помощь!

Но, понятное дело, никто его не услышал за грохотом работающих моторов.

Сухогруз был совсем близко. Деннисон уже различал его нос, высокий, как скала, нависший над бортом кеча, подобно исполинскому топору. Казалось, корабль прибавил обороты. Затем огромная туша сухогруза придвинулась вплотную, и кеч отбросило в сторону волной, пенившейся у форштевня корабля.

Трампа пронесся мимо, кеч качнуло из стороны в сторону. На отлете его грот-мачта зацепила стальной корпус судна. Верхняя стеньга с треском обломилась, но сама мачта выдержала.

— Эй, на сухогрузе! — надрывался Джеймс.

Корабль не останавливался, он уходил все дальше, оставляя за кормой пенный водоворот и вонь солярки. Заметили их или нет? Может, они пойдут на разворот?

Деннисон таращил глаза, вглядываясь в темноту. Он стоял на ходуном ходившей палубе, вцепившись в кливер, и не отрывал глаз от уходившего сухогруза. На корме трампа виднелась цепочка медленно отдаляющихся белых огней. Он не разворачивался.

Может, капитана стряхнуло с его насеста?

Нет, держится, гад. Из-под носа кеча снова донеслись равномерные удары и скрип. Скрип и удар, скрип и удар... Как же его остановить?

И тогда, все еще глядя в ту сторону, куда скрылся сухогруз, Деннисон увидел, что ему ничего не нужно делать с капитаном. Ничегошеньки! Вопрос решил сам собой.

Он увидел плавник, быстро рассекающий волны и направляющийся к кечу. Два плавника. Акулы.

Должно быть, они следовали за сухогрузом, подбирая отбросы. Некоторые акулы плывут за кораблем неделями, питаясь мусором и отбросами. Они прямо кишат за кормой, подхватывая на лету все, что падает за борт.

Но эти две отстали от сухогруза. Они почуяли кое-что по-

лучше, чем корабельный мусор. Они почуяли человека в воде.

Деннисон облокотился о кливер и принялся ждать. Что вы предпримете против двух акул, а, кэп?

8

Из-под кеча донесся сдавленный крик ужаса. Капитан Джеймс увидел акул. Внезапно его руки возникли над бортом. Он судорожно пытался выбраться из воды.

Деннисон заколебался, его охватило жгучее желание помочь капитану. Бедный дурень уже получил свое...

Но отступать поздно, он давно все решил. Он должен довести убийство до логического конца, особенно после всего, что вытерпел. Деннисон сжал губы и ударил капитана по пальцам. Ему пришлось ударить трижды, прежде чем Джеймс разжал руки и полетел в воду.

Теперь капитан плескался у самого носа кеча, не отрывая глаз от быстро надвигающихся тварей.

— Деннисон! — закричал он. — Ради всего святого, сделай что-нибудь!

Деннисон медленно кивнул, но не сдвинулся с места.

— Спаси! Деннисон, я прошу прощения за все! Сделай же что-нибудь, помоги!

Деннисон снова кивнул, почти не осознавая этого. При виде акул его охватила смесь ужаса и удивления.

Джеймс барахтался в воде в каких-то двадцати футах от кеча. В правой руке он сжимал нож, и лунный свет блестел на лезвии и на лысой голове капитана. Акулы лениво кружили вокруг жертвы футах в десяти от Джеймса. Тот тяжело дышал, крутился в воде, стараясь удержать в поле зрения обеих хищниц.

Одна из акул подплыла ближе. Джеймс ударил рукой по воде, и акула отпрянула. Вторая тварь развернулась и отплыла, так и не коснувшись капитана.

Они снова принялись кружить, и Джеймс медленно поворачивался вокруг своей оси внутри этого страшного круга, его дыхание перешло в хриплые всхлипы, а лицо посерело в призрачном свете луны. Он повернулся, и акулы сузили

круги, почти коснувшись его своими темными мощными телами.

«Это ненадолго», — подумал Деннисон.

Джеймс брызнул водой на акул, но те никак не отреагировали.

— Деннисон! Помоги мне!

Деннисон стоял, крепко держась за кливер, и смотрел, исполненный любопытства, словно он находился в кинотеатре, где демонстрировался страшный фильм, который не имел к нему самому никакого отношения.

Одна из акул разорвала круг. Через мгновение Джеймс завизжал и ушел под воду. Должно быть, акула вцепилась ему в ногу.

Джеймс снова появился на поверхности, его белое лицо искажилось до неузнаваемости. Он все еще сжимал нож. Обе акулы бросились на него. Джеймс взмахнул ножом, попал, снова взмахнул. Одна из акул взвилась над водой, балансируя на хвосте. Ее серое с белым брюхо было вспорото. Она рухнула в воду. Брызги коснулись лица Деннисона. Туша акулы колыхалась на волнах, ее хвост судорожно дергался.

Джеймс быстро повернулся, ища взглядом вторую акулу. Потом он снова закричал. Акула была под ним, она схватила его и потянула на дно. Пока капитан боролся за то, чтобы остаться на плаву, раненая акула медленно повернулась и ухватила его зубами за правую руку, как раз пониже плеча. Челюсти сжались с отчетливым хрустом. Когда акула отплыла, в ее пасти осталась торчать рука капитана, все еще сжимавшая в пальцах нож.

Капитан кричал не умолкая! На месте битвы кипела вода, черная от пролитой крови. Однорукий человек продолжал вопить, пока волны не сомкнулись над его лысой головой и последний вопль его не сменился бульканьем.

Все закончилось. Капитана больше не было, только акулы продолжали кружить на месте, выискивая, что бы ухватить еще. Джеймс умер, погиб, его разорвали морские хищники. Его схватили акулы, когда он полез купаться. Никто не виноват, вот так!

Неужели все?

Деннисон посмотрел на море. Акулы ушли. Из-под носа кеча доносились ровные скрипы и удары, скрипы и удары.

Рука Деннисона сжала нож, висевший на поясе. Он сжимал его, пока не почувствовал боль, сжимал, не отрывая глаз от морской глади.

Далеко впереди отсвечивали кормовые огни сухогруза, почти исчезнувшие из виду. Волны вокруг кеча улеглись. Из-под носа яхты по-прежнему раскатывались удары и скрежет.

Никаких акул и в помине не было! Ни одной! Он придумал их, пока сухогруз уходил все дальше. Никаких акул. Только Джеймс под носом кеча, который продолжает чем-то стучать и скрипеть.

На востоке луна садилась в море.

9

Часы Деннисона показывали семь минут третьего. Луна коснулась горизонта, и редкие облачка пробежали по ее желтому лику.

Поднялся легкий ветер, кеч сдвинулся с места. Из-под носа продолжали доноситься равномерные удары и скрип.

Он должен наконец узнать, что там творится. Ему нужно посмотреть, что это стучит и скрипит. На этот раз — никаких теорий, все его теории оказывались ложными. Никаких грез, все его грезы уводили все дальше от мысли о человеке за бортом. Хватит лгать, ложь и иллюзии оставят его беспомощным в минуту истины, в ту минуту, когда человек за бортом подготавливается и полезет на палубу. Конец воображаемым пожарам и призрачным акулам! Сейчас он должен опираться только на правду, на самую правдивую правду. Он посмотрит под нос яхты, увидит, что там происходит, быстро сориентируется и сделает, что должен сделать. Все!

Скрип и удар.

Сейчас.

Деннисон ухватился за фал обеими руками, встал на поручень и нагнулся над водой. В меркнушем свете луны он увидел белое лицо: капитан, который двигался на одном месте. Что же он делает-то?

Джеймс заметил его, и спокойная, почти дружелюбная усмешка озарила его бледное лицо.

Скрип и удар. Капитан Джеймс делал зарядку. Он подтягивался на руках, вверх и вниз между трюмом и балансиrom. Его пояс с ножом скребся по корпусу судна, а удар звучал тогда, когда плечи капитана стукались об изогнутый нос.

Деннисон отшатнулся и вернулся на палубу. Он был потрясен. Что-то ужасное было в том факте, что капитан делал зарядку под носом яхты. Деннисон опустил на крышу рубки и только тогда разжал пальцы, стискивающие рукоятку ножа. Он поискал взглядом багор, но тот куда-то задевался. Наверное, багор скатился за борт, когда кеч раскачивало волнами проходившего мимо сухогруза.

Капитан Джеймс делал зарядку, разгоняя кровь по сведенным рукам и ногам, согревая движениями замерзшее тело. Готовясь к минуте, когда он предпримет попытку взобраться на борт.

Но когда?

Деннисон неуверенно попытался вообразить сложившуюся ситуацию с точки зрения Джеймса.

Практичный капитан рассуждал так: в полдень его столкнули в воду, обратно подняться ему мешает придуток, которого он нанял на время пути. К счастью, кеч зашилел. Джеймс поднырнул под яхту и связал лопасти винта, чтобы человек на борту не смог воспользоваться мотором. Если бы винт был не раздвижной, он бы привязал одну из лопастей к рулю или заклинил лопасти на оси.

За день ничего особенного не произошло, не считая того, что придуток на судне попытался застрелить его из незаряженной винтовки. Погода стояла обычная для экваториальной штилевой полосы — штиль и слабый ветер, но, к сожалению, никаких шквалов. Налетевший после захода солнца шквал предоставил бы ему массу возможностей подняться на борт. Но не может же везти во всем сразу. Пришла ночь, но луна светит слишком ярко, лучше и не пытаться. Совсем рядом прошел сухогруз, но пользы от этого — ни ему, ни придутку на борту. Теперь он делает зарядку и ждет...

Когда скроется луна!

Да, конечно же! Капитан, этот рискованный и флегматичный

человек, взял ситуацию в свои руки, как тогда, во время бунта кули в Куала-Риба. И как во время многих перипетий, в которых он успел побывать за свою долгую и богатую приключениями жизнь. Он хладнокровно взвесил свои шансы против шансов придурка на борту, прикинул вероятность успеха, если он полезет на яхту после захода луны, и решил поддержать свои небесконечные силы, которые успел растратить, болтаясь так долго в воде. Для капитана это было раз плюнуть. Самый лучший выход — подождать, дожидаться, пока луна скроется за горизонтом. Подождать и дать этому придурку время окончательно свихнуться от тревоги. Он замерзает? Займемся гимнастикой. Теряет силы? Ну, на того ослабевшего, испуганного, больного придурка на борту его еще хватит.

Деннисон бросил взгляд на часы. Семнадцать минут третьего. Луна на половину погрузилась в море. Она скроется через десять-пятнадцать минут. Ну, около половины третьего. Рассветет часов в пять, через два часа тридцать минут. У Джеймса будет два с половиной часа темноты, чтобы незаметно взобраться на палубу. Все это время Деннисону придется охранять яхту целиком — пятьдесят футов в ширину, сто футов в длину — против человека, которому хватит одного или двух футов.

Беспронимчивый план. И все же Деннисона не оставляла неясная надежда. По крайней мере, у всякого плана есть плюсы и минусы. Сейчас он рассмотрит этот план в целом.

Джеймс победит, если сумеет вскарабкаться на борт за два с половиной часа — когда луна уже сядет, а солнце еще не взойдет. Если Деннисон до рассвета не допустит этого, капитан потерпит поражение. Потому что рассвет несет за собой еще восемнадцать часов солнечного зноя, восемнадцать часов, которые иссушат силы капитана и научат его тому, что такое паника и отчаяние. За восемнадцать часов может подняться ветер, который нагонит такие волны, что старого козла смоем ко всем чертям. Да за восемнадцать часов может случиться что угодно!

«Следующие два с половиной часа — решающие, — подумал Деннисон. — Он уверен в успехе, этот старый хрыч. Для него это всего лишь очередное приключение, одно из мно-

гих. Еще один лабиринт, из которого нужно найти выход. Наверняка он побывал в худших переделках, и вышел оттуда победителем. Значит, он уверен в успехе.

Но то, как Джеймс рисует себе картину происходящего, не обязательно верно. Все умирают, даже капитаны! К тому же он — в воде, а я — на борту! Я должен об этом все время помнить, это важно.

Я способен совершить убийство. Я вполне способен нажать на спусковой крючок и пырнуть ножом. Это секундное дело. Именно в такой срок убийства и нужно заканчивать.

Но я убиваю капитана с самого полудня. В течение почти пятнадцати часов я убиваю капитана, снова и снова. Убийство действует на нервы, его нужно заканчивать в одно мгновение. Но получилось, что я убивал его опять и опять каждую минуту этих бесконечных пятнадцати часов, прибегая ко всем уверткам и хитростям, какие только возможны. Разве удивительно, что я немного не в себе?

Я могу убивать так же, как это делают другие, — мгновенно. Но убивать в течение пятнадцати часов...

Луна зашла почти полностью, а звезды дают слишком мало света. Я должен думать. Холодная сталь входит в мой живот... Я должен думать.

Где он может взобраться на борт? Да с любой стороны. По снастям, на шкафут кеча. На корму. На нос. В моей крепости зияют дыры и многочисленные проломы, которые готовы впустить врага. Эти места я должен оборонять особо внимательно. Но как уследить за всеми?

Прохаживаюсь туда-сюда, как я делал в Корее. Чтобы забраться на палубу, Джеймсу нужно время. Значит, я буду обходить яхту, держа нож наготове. Или, может, лучше занять наблюдательный пост на крыше рубки и медленно поворачиваться вокруг, высматривая черное тело на фоне темного неба, черное тело, которое затмит звезды?

Я не должен обманываться, я должен быть честным с самим собой. Я должен быть честным. Признаюсь, что через две недели после моей стычки с Эррерой он снова прицепился ко мне. Все мои старания, все мужество и уверенность в себе, которые я проявил в первую свару, ни к чему не привели. Во второй раз я сдался. Он не ударил меня, потому что я пополз к нему на коленях. Я сдался без боя. Надо мной сме-

ялась вся рота. И я сам смеялся над собой, шутил, разыгрывал из себя дурачка и ползал на брюхе по первому же приказу. У меня не хватило мужества драться, или покончить жизнь самоубийством, или даже сойти с ума. Все, на что меня хватало, это порезать руку ржавым ножом и надеяться, что у меня будет заражение крови.

Признаюсь, я никогда в жизни не убил ни одного человека.

Джейни, я до сих пор тебя люблю. Жаль, что я не вернулся к тебе. Как долго ты ждала меня? Ждешь ли еще? Джейни, меня демобилизовали в Беркли и через час я просадил в карты все деньги, которые получил после увольнения. Я нашел работу на сухогрузе, который ходил между Панамой и Нью-Йорком. Джейни, признаюсь, что забыл о тебе, хотя и любил. Да, я такой. И когда в Шанхай вошли коммунисты, я понял, что навсегда потерял возможность встретиться с тобой. И, бог свидетель, я даже обрадовался, когда эта обязанность спала с меня! Прости меня, Джейни.

Признаюсь, что я лжец, и болтун, и трус. Я признаюсь, что страшно хотел быть убийцей, если бы только у меня хватило силы и мужества убить. Я хотел построить новую жизнь на этом убийстве. Я собирался забрать яхту и деньги Джеймса, но черт с ними! Единственное, что я сейчас прошу от жизни — это убить капитана Джеймса...

Деннисон потер уставшие глаза и посмотрел на восток. Над горизонтом виднелся узенький краешек луны.

«Я должен действовать прямо сейчас, застать его врасплох, когда он не ждет нападения. Что же я должен сделать?»

Верхушка луны исчезла. Светящиеся стрелки часов показывали два часа тридцать одну минуту.

Под носом кеча капитан Джеймс завершил свои согревающие упражнения. Яхта погрузилась в кромешную тьму. Деннисон сел на крышу рубки и сказал себе, что он должен действовать.

«О, господи! О, боже мой! Что может сотворить человеческий разум! Куда подевалась моя сообразительность, куда она улетучилась? Как долго я отравлял себя грезами, мечтами

и пустыми надеждами, этим сладким дурманом? Как долго я питался снами, отворачиваясь от хлеба насущного — реальных действий?»

Холодная вода хлынула Деннисону за шиворот, невысокая волна плеснула в лицо и полилась в глотку. Он под водой! Деннисон дернул ногами и всплыл на поверхность, забил руками и тут же нашарил деревянный бок кеча и свисающую с борта веревку. Он ухватился за веревку и перевел дыхание.

«Сколько времени мучило меня это роковое видение? Как долго я воображал, что сбросил капитана за борт?»

Черная вода обнимала его плечи и шею. В правой руке обнаружился нож, предусмотрительно притороченный к запястью кожаным ремешком. Над головой возвышался кеч, призрачно сияя белыми парусами на фоне темного неба и моря.

Неужели все это происходит на самом деле?

Он коснулся борта кеча, под ватерлинией нашупал ракушки и слизь, набившуюся в облупившуюся краску. Набрал полный рот воды. Выплюнул. Потом сжал в пальцах нож. Нож его еще никогда не подводил. Он был в воде. Он ушипнул себя за левое плечо. Больно. Он был в воде. Все еще не удовлетворенный и сомневающийся, Деннисон ушипнул себя за плечо посильнее. От резкой боли глаза у него полезли на лоб.

Очередная волна накатила на лицо, вытаращенные глаза запекло от соленой воды.

«Достаточно. Я в воде.

Что же случилось?

В полдень капитан Джеймс столкнул меня за борт.

Почему?

Потому что капитан Джеймс — сумасшедший».

Капитан позвал Деннисона, якобы для того, чтобы показать большую акулу, и сбросил его в воду. Весь день Деннисон боролся за свою жизнь, цеплялся за нос яхты, а волны захлестывали его с головой, а тело постепенно немело, и безумец, оставшийся на борту, не давал ему подняться на палубу. Но Деннисон не отступил, не сдался, несмотря на предательские видения, которые рождались в его воспаленном мозгу.

Странно, бедный сумасшедший капитан, помешавшийся

на убийстве. И что более странно — это жалость, которую Деннисон питает к несчастному психу. Он не мог побороть сожалений по поводу человека, захватившего в свои руки палубу яхты. Никакое деяние, даже это, не может укрыться от взгляда мира, в котором оно произошло. И все моральные законы были сейчас на стороне Деннисона. Человеческое сочувствие и понимание обращено именно на Деннисона, на несчастную жертву покушения. Все жители Земли в теплых странах, находящиеся далеко от ужасной ледяной воды этого океана, поддерживали Деннисона, их сердца принадлежали человеку за бортом, ему, Деннисону, безмолвно плавающему у борта яхты. И бедняга Джеймс навсегда потерял понимание мужской половины человечества и сочувствие — женской. И никто, кроме Деннисона, не жалел несчастного капитана.

«Но с чего это я выдумал, что это я столкнул Джеймса за борт?»

Ответ напрашивался сам собой. Кому охота оказаться за бортом? О, легко чувствовать, что за тобой — все человечество. Но когда все уже сказано и сделано, когда настает момент истины, кому охота быть осужденным и умереть? Неудивительно, что мне пригрезилось, будто я был на палубе кеча, а капитан барахтался в воде! Усталость и трусость породили мои видения. Да лучше я представлю себя убийцей, чем буду думать о своей собственной смерти.

Но до чего странно, что я обвинял себя, даже в грезах, будто я могу затеять убийство! Я же совершенно не способен на такое. С каким болезненным постоянством мой усталый мозг твердил мне, что я убийца, как терпеливо расписывал все подробности и совпадения. И все для того, чтобы я не осознал, что убивают меня, а не кого-то другого».

Деннисон потер горящие от соли глаза. Хватит мечтать. Луна зашла. Он так долго ждал этой минуты, это его шанс! Мораль и закон на его стороне, философия, наука и религия протягивают ему свою руку, мужское понимание и женское сочувствие подталкивают его, направляют и придают сил.

Он не умрет.

Теперь — за дело!

Деннисон прислушался, но наверху стояла полная тишина. Он ухватился за борт кеча. Так, это корма, а вон и транец неподалеку. Отлично, капитан все еще торчит возле носа

судна, подстерегая его там. С ножом в руке, ждет, когда Деннисон начнет подниматься на палубу по тросам и балансиру. С другой стороны, капитан мог и сменить тактику. Этот жлоб вполне мог тихо прохаживаться по палубе, держа нож наготове, от борта к борту, высматривая черное тело на фоне неба, черное тело, которое затмит звезды.

Пора подниматься на борт. Какое место выбрать? Нос, корму или посередине борта?

Посередине, с правого борта. В случае чего, ванты прикроют его от неожиданного удара ножом.

Деннисон подтянулся по веревке, которая волочилась за кормой, и тихо поплыл вдоль левого борта, слегка касаясь его деревянного бока. Когда его пальцы наткнулись на якорную цепь, он на мгновение помедлил и помолился. Потом ухватился за поручень обеими руками.

Подождал. Никто не ударил его по пальцам. Деннисон подтянулся, выжался на руках. Кожа на лопатках покрылась мурашками в ожидании удара ножом, но он заставил себя не останавливаться. Перекинул через поручень одну ногу. Потом другую.

Он на борту! Припав к палубе, он мучительно вглядывался в темноту. В правой руке — нож.

Ничего.

Значит, Джеймс до сих пор торчит на носу. Отлично. Там все и закончится.

Деннисон двинулся к носу яхты, вода лилась с него ручьями. Вот и нос. Но никакая темная фигура там не маячила, никакая тень не застилала звезды.

Деннисон обошел всю яхту и вернулся на нос. Он был один. Джеймса нигде не было видно.

Где же капитан?

На минуту Деннисон замер, озадаченный. Потом он все вспомнил и пожалел, что не умер раньше.

Рядом с бушпритом лежали его часы. Он поднял их и посмотрел на циферблат. Два пятьдесят три. Луна зашла в два тридцать одну, двадцать две минуты назад. «Больше никаких

фантазий, — сказал он себе. — Я должен действовать. Только действовать, действовать, чтобы покончить с этим безумным замкнутым кругом, раз и навсегда!

Что может быть лучше, чем предварить нападение капитана и первым напасть на него? Какой смысл сидеть на палубе сложа руки и сторожить крепость, которую невозможно защитить? Покорно ждть, когда враг нанесет первый удар? Почему бы не ударить самому? Соскользнуть в воду, тихо подплыть к носу яхты и всадить в капитана нож по самую рукоять, желательно со спины, пока тот висит, вцепившись в трос и балансир».

Он уже спускался в воду с кормы. И тогда, в воде, усталость и страх взяли верх, он потерял контроль над собой и навывдумывал черт знает чего. А потом вскарабкался обратно.

Но теперь он не грезил. Он сидел на палубе, мокрый и дрожащий от холода. И снова перед ним встала та же проблема: убить капитана или погибнуть самому.

План-то был неплох. Он и сейчас хорош. Главное — решиться. Быть смелым.

«Я могу быть смелым!»

Быстро, чтобы не передумать, Деннисон пошел к корме. Как и в первый раз, он спустился вниз по веревке. Этот раз — последний. Убить или быть убитым, все остальное не в счет.

Деннисон крепко сжимал в правой руке нож. Он набрал в легкие воздух и нырнул. Поплыл под днище яхты, направляясь к носу. Внезапно что-то обожгло его левое плечо со стороны спины.

Боже, он забыл о капитане! Наверное, Джеймс услышал, как он прыгал в воду. Капитан бросил балансир, как только услышал всплеск. Он подплыл к Деннисону и ударил его ножом.

Деннисон дернулся, и боль снова обожгла его, на этот раз — левое бедро. Он отчаянно отмахнулся ножом, чувствуя, как тот рассекает воду невыносимо медленно. Не попал, только зацепил обшивку кеча.

Он снова ударил ножом и тут же ударился головой о днище яхты. Оттолкнулся, всплыл на поверхность и поплыл обратно к корме. Ухватился за веревку и одним рывком выдернул себя из воды.

Деннисон лежал поперек кормы, залитый водой и кровью. Чертов капитан! Он осторожно прикоснулся к ножевой ране на бедре.

Это была совсем не ножевая рана. Так, простая царапина.

Он сел, заглянул себе за спину и потрогал саднящую кожу на плече. На ощупь рана оказалась поверхностной, просто содрана кожа. Никакой нож не смог бы нанести такое повреждение.

Господи! Должно быть, он ободрал плечо и бедро о покрытые ракушками днище судна, наложил в штаны и понесся в панике к корме. Вторая попытка всегда неудачна.

А капитан?

До сих пор под носом. До сих пор прячется, выжидает нужного момента и не вылезет ни на секунду раньше.

Деннисон с трудом поднялся на ноги и побрел к носу. Сел на крышу рубки. У него едва хватало сил, чтобы не выпустить нож из пальцев. Который час? Три. Полчаса прошло после захода луны, а до рассвета еще полтора.

Нужно делать дело, нужно пройтись в обход по палубе. Но Деннисон не смог заставить себя двинуться с места. Он одиноко сидел под равнодушными звездами и ждал.

12

В десять минут четвертого Деннисон заметил темную бесформенную фигуру, медленно продвигающуюся под бушпритом. Бушприт заскрипел. Бортовой трос щелкнул и натянулся. Фигура продолжала двигаться, уже обнаружились голова и плечи, чернеющие на фоне звездного неба.

Деннисон не сводил глаз с этого зрелища и уже мог различить капитана. Джеймс стоял одной ногой на бортовом тресе, а второй упирался в балансир. Он еще не шагнул на борт, он висел между палубой и водой, готовый отскочить и снова спрятаться под изогнутым носом корабля.

«Решающий момент настал. Наверное, мне следует...»

Неожиданно капитан перекинул одну ногу через бушприт. Он оседлал его, держась теперь одной рукой за леер, а во второй взблескивало узкое белое лезвие. Усевшись на бушприт, Джеймс начал медленно передвигаться к носу.

Деннисон подумал, можно ли считать бушприт уже яхтой. Он видел, как блестят зубы и белки глаз капитана, видел, как сверкнуло лезвие ножа. Капитан двигался к носу яхты, выверяя каждое движение тщательно, но в то же время и уверенно. «Наверное, он помнит каждый дюйм своей яхты, — подумал Деннисон. — Правую руку сюда, левую ногу туда...»

Джеймс добрался до места, где бушприт соединяется с носом. Теперь Деннисон мог разглядеть капли воды, падающие с капитана. Он был в каких-то десяти футах.

Деваться было некуда, и Деннисон соскочил с крыши рубки и отбежал к правому борту.

Капитан слез с бушприта и стал на носу, встал впервые за пятнадцать часов. Его ноги подогнулись, и он тяжело опустился на палубу.

Сейчас или никогда...

Деннисон бросился вперед, но капитан уже был готов. Он держал свой нож на уровне груди.

— Давай, — хрипло прошептал Джеймс. — Я мечтал об этом. Я мечтал, как всажу этот нож тебе в брюхо, Деннисон. Я молился об этом. Давай-давай.

— Я вооружен...

— А мне плевать, — прошипел Джеймс. — Парень, мне плевать, если ты поцарапаешь меня своим игрушечным ножиком. Ну, ударь меня, Деннисон!

Деннисон понял, что капитан страшно зол.

Джеймс снова поднялся и удостоверился, что ноги его держат. Он пошел к правому борту, преследуя Деннисона, который отступал, пока не уперся спиной в ванты.

Теперь моли о пощаде...

— Капитан, я, наверное, был не в себе! Капитан Джеймс, я и вправду не знаю, что это на меня нашло! Наверное, я сошел с ума.

— Я убью тебя, — сказал капитан, продолжая наступать.

— Вы не можете меня убить, — взмолился Деннисон. — Я не буду защищаться!

— Да мне один черт, будешь ты защищаться или нет, — ответил капитан.

Деннисон снова отступил. Он пятился до вант-фока. За его спиной оставалось не больше пятнадцати футов палубы.

Нож он не потерял, но броситься на непреклонного и всемогущего капитана казалось выше его сил.

И тогда он услышал...

13

...громкий скрип под килем. Джеймс тоже его услышал и остановился, вслушиваясь. Скрип повторился. Так крошатся кораллы под стальным килем яхты.

— Деннисон, куда ты, черт побери, нас завел?

Кеч дернулся. Его нос задрался, потом судно завалилось на борт. И снова выровнялось.

— Деннисон! Живо на руль!

Кеч снова вздрогнул, его несло на пенную линию прибоа. Яхта дернулась и пошла свободней. Впереди расстилалась полукруглая бухта, а за сверкающим от пены берегом, на фоне светлеющего неба, виднелись смутные силуэты пальм.

— Господи! Нас отнесло к Багамам! — заорал Джеймс, перекрикивая шум прибоа. Потом он вспомнил о Деннисоне и ринулся к нему по наклонной палубе.

Деннисон действовал хладнокровно. Он метнул в капитана свой нож. Даже не взглянув, чтобы удостовериться, попал ли, он прыгнул за борт. Плыл под водой, пока грудью не коснулся песка. Тогда он встал.

Пустынный берег. В пятидесяти футах торчал увязший в песке кеч. Капитана не было видно.

Деннисон понесся по берегу. Над головой шумела листва деревьев. Он спрячется в лесу, переждет...

14

«Ближайшая земля в трехстах милях», — одернул себя Деннисон.

Капитан все наступал, и ему пришлось отодвинуться от фока. Теперь он оказался на кокпите. Яхта почти не двигалась, замерла на черной глади моря. Звезды над головой, казались, побледнели.

Внезапно капитан Джеймс прыгнул на мостик. Слегка споткнулся, но удержался на ногах. Теперь Деннисон не мог кружить по яхте. Капитан неотвратно надвигался, и Деннисону оставались лишь пять футов палубы. Отступать больше некуда. Он прислонился к бакштагу и принял боевую стойку. Капитан сделал еще шаг, и настало время...

15

...для шквала, налетевшего с юго-востока, закрывшего звезды и набросившегося на маленькую яхту, как разъяренный тигр. Кеч как был, под всеми парусами, опасно накренился, двадцать градусов, тридцать, вот-вот перевернется.

Джеймс схватился за штурвал, чтобы не вывалиться за борт. Он попытался потравить грот.

— Деннисон! — взревел он. — Быстро к фоку!

— Но, кэп! Вы же собирались...

— Забудь! — сказал Джеймс. — К черту, парень, главное — яхта!

Капитан посмотрел Деннисону прямо в глаза и швырнул свой нож за борт.

Какое-то мгновение Деннисон смотрел ему в лицо, потом тоже выбросил свой нож в море. Они обменялись рукопожатием.

— Теперь за дело!

Кеч почти перевернулся, поручни и каюта скрылись под водой. Вода все прибывала, затапливая палубу. Шпигаты не успевали выпускать ее обратно за борт. Кливер сорвало порывом ветра, и он трепыхался на остатках снастей. Деннисон отчетливо слышал, как лохмотья, оставшиеся от кливера, хлопают о мачту. Деннисон ухватился за фока-шкот, потянул. Заело! Он подергал в разные стороны, чтобы хоть как-нибудь ослабить натяжение. Кеч повернул на неверный галс, все его снасти натянулись до предела, мачты скрипели и гнулись. Капитан повис на грота-шкоте и дергал за него изо всех сил. И — надо же! Даже в такую минуту, в таком опасном положении капитан сумел подбодрить Деннисона мимолетной дружеской улыбкой...

16

Деннисон стоял на самой корме, упираясь плечом в бакштаг. Позади не было ничего, кроме неподвижной черной воды. Капитан карабкался на кокпит и был уже почти на расстоянии вытянутой руки. Тело его было собранным, как пружина, руку с ножом он выставил перед собой.

— Капитан! Мое последнее слово!

Джеймс ухмыльнулся.

— Господи, капитан! Осужденному всегда предоставлялось последнее слово!

Похоже, это позабавило капитана. Он приостановился, все еще усмехаясь, и сказал:

— Ну, конечно. Давай, говори свои последние слова.

— Это не займет много времени, — начал Деннисон, лихорадочно соображая. Только правду, сейчас — только правду! Спаси его может только правда.

— Капитан! Я поступил премерзко, я предательски пытался вас убить. Я старался, как мог — изо всех сил.

Джеймс кивнул.

— Собственно, я собирался убить вас, чтобы кеч и двадцать шесть сотен долларов, которые лежат в вашем бумажнике, достались мне. Погодите, я еще не закончил! Вы обещали!

— Давай поживее.

— Я пытался вас убить. Как бы то ни было, но именно это я и задумывал. Но теперь я понял, что на самом деле мне нужны были не ваши деньги и даже не ваша яхта. Мне нужно было просто вас убить, капитан Джеймс! Я хотел убить вас, капитан, чтобы доказать самому себе, что я в состоянии это сделать. И еще потому, что вы сами хотели, чтобы я попытался это сделать.

— Это еще как понимать? — спросил Джеймс.

— Не отпирайтесь! Вы ведь и вправду хотели, чтобы я попытался! Вы рискованный человек, капитан, вам просто необходим вкус опасности, смертельный риск — точно так же, как пьянице нужно виски. Почему вы постоянно попадаете в опасные передраги, а, кэп? Неужели в самом деле вам так не везет, что опасности валяются на вас со всех сторон сами

собой? А может, вы сами так все устраиваете, сами находите эти опасности, а?

— Эк тебя занесло!

— Только потому, что я волнуюсь. Припомните-ка все те истории, что вы рассказывали про каучуковую плантацию на Куала-Риба. Так вот, капитан, вы сами подтолкнули этих несчастных кули к мятежу — осознаете вы это или нет. Вы только подумайте как следует, капитан! Припомните. Вы могли бы выбрать любого из трех парней, которые хотели плыть с вами в этом рейсе. Вы не взяли с собой негра, потому что знали — он не станет против вас бунтовать. А бедный пьянчужка, старик Билли Биддлер — с ним вы бы справились одной левой, какой же интерес с ним сражаться? И тут вам подвернулся я. И вы взяли именно меня, потому что поняли, что я могу против вас восстать. Я был подходящим материалом для будущего рискованного приключения. Именно потому вы и оставили свой бумажник практически на виду, и...

— Не мели ерунды! — оборвал его Джеймс. — Слушай меня, ты! Эти сумасбродства тебя не спасут!

— А это не ерунда, капитан. Может, конечно, вы и сами не понимаете, почему так поступили. Но я ни за что не поверю, что вы даже не догадываетесь об этом. Зачем вы подтолкнули меня к покушению на убийство? Зачем еще, как не затем, чтобы в очередной раз пережить рискованное приключение, в очередной раз победить непокорного слабака и прибавить к своим занимательным историям еще одну. Вы сами спровоцировали своего наемного матроса на бунт. И теперь готовы его прикончить — совершенно правомерно и законно. Вы полностью оправданы в глазах любого, самого строгого судьи, не говоря уж о вас самих!

— Это правда.

— Нет, не правда! — выкрикнул Деннисон. — Джеймс, да посмотрите же на себя со стороны! И посмотрите на меня. Разве я не подхожу на роль очередной вашей жертвы? Я вероломный предатель, я малодушный трус, и я отчаянно хотел оказаться храбрым и решительным. А ведь я мог бы стать вам настоящим другом, капитан. Я умею быть храбрым, если нужно.

— Ты пытался убить меня, — сказал Джеймс и двинулся к корме.

— О, господи, капитан, ты просто идиот! — простонал Деннисон. — Это, может быть, был мой шанс. Капитан Джеймс, я пытался измениться. Может, теперь ваш черед попробовать изменить себя? Вы подстроили эту попытку покушения, потому что прекрасно понимали, что мне ни за что вас не убить — точно так же, как этим кули ни за что бы не удалось победить вас. А теперь вы собираетесь убить меня, потому что таково ваше право. Подождите! Стоит ли меня убивать только за то, что я не сумел как следует вас прикончить? Вспомните о миллионах преступников, которые никогда не попадались в руки закона. Кто накажет их? Бог? Так пусть бог накажет и меня! Не делайте этого, капитан! Позвольте мне остаться с вами, работать на вас. Неужели невозможно изменить всю эту бессмыслицу с преступлением и наказанием? Неужели мы не сумеем ничего изменить? Я очень этого хочу, капитан, клянусь чем угодно — очень хочу! А вы? Вы сможете захотеть этого? Или вам нравится всякий раз идти по проторенной дорожке? Неужели вам обязательно заканчивать то, что начали, довершать это проклятое оправданное убийство, которое вы сами же и затеяли от начала до конца? Сможете ли вы что-нибудь изменить, а, капитан? Или нет?

Джеймс смотрел ему прямо в глаза. Деннисон ждал, гадая, достигло ли цели хоть что-нибудь из того, что он тут говорил? Капитан нависал над ним, массивный и грубый, непроницаемый, неподвижный и равнодушный. Человек, который так хорошо скрывал свои намерения, что сам перестал это осознавать, так, что дух и тело его стали единым целым, слились воедино, словно в гранитной скале или, к примеру, в картофелине. Полно, да человек ли это? И что этот чертов Джеймс замыслил на сей раз?..

— Да, неплохой у вас джин. Благодарю покорно, джентльмены. Да, случалось мне бывать в переделках, и повидал я немало. Я был в Корее, когда красные перли на нас, как гор-

ная лавина. В Шанхае я узнал, что такое настоящая любовь. И еще я повидал немало любопытного на Туамото, и в Калкутте, и в Борнео. Полагаю, меня помотало по свету ничуть не меньше, чем любого из здесь сидящих.

Но самое необычайное происшествие приключилось со мной много лет назад, во время перехода на маленькой парусной яхте из Сент-Томаса в Нью-Йорк.

До Нью-Йорка, кстати, мы так и не добрались.

Должен предупредить, джентльмены, эта история очень и очень странная, но каждое слово в ней — истинная правда. Что тогда случилось? Все очень просто. Когда мы были на полпути от Сент-Томаса до Бермудов, в самом сердце тех самых «конских широт», капитан кеча выкинул меня за борт.

Вы, конечно, смеетесь, и я прекрасно вас понимаю. Но все так и было на самом деле. Знаете, вокруг парусников ошивается сейчас немало всякого странного народа. Тот человек, с которым я тогда плыл, — имя его я называть не буду, — оказался самым настоящим сумасшедшим. Убийцей. Он убивал людей в Индии, и в Малайзии, и на Яве. Его тянуло к смерти, он наслаждался ею, как какой-нибудь стервятник. Мне сперва казалось, что его еще можно как-нибудь изменить, исправить, что ли? Но, подумайте сами: два человека, затерянные на маленькой яхте посреди океана, никаких свидетелей, никаких доказательств... Искушение оказалось для него слишком сильным. Я очутился за бортом, и этот сумасшедший сторожил на палубе с багром наперевес, а кеч застыл на одном месте — не было ни ветерка, море было тихим и ровным, как зеркало.

Спасибо, можете налить мне еще. Вы спрашиваете, как же мне удалось остаться в живых? Что ж, я не удивился бы, если бы кто-то в таком положении растерялся и не знал, как быть. Так вот, первым делом я своим поясом скрутил вместе лопасти винта, чтобы он не смог запустить мотор и уйти от меня подальше. Потом я подобрался к самому борту кеча и уцепился за ватер-бакштаги и один из тросов у бушприта. Пристроился так, чтобы выпуклые обводы судна защищали меня сверху, и этот безумец не мог до меня дотянуться своим багром.

Он не мог меня достать, но и я не мог выбраться наверх,

на палубу. Этот парень все время торчал надо мной, караулил, держа наготове багор, чтобы проломить мне голову, если я попробую к нему подобраться. А к концу багра он привязал нож. Получилось то еще оружие!

И что, вы спросите, я делал? Думал! Я хорошенько обмозговал всю ситуацию. На обходной маневр надежды не было, и я не имел права ошибиться. Поразмыслив, я понял, что лучше всего будет дожидаться ночи, когда луна скроется за горизонтом. Значит, мне следует выждать не меньше пятнадцати часов. Чертовски тяжело так долго болтаться в воде, вот что я вам скажу. Но я знал, что ему там, на палубе, приходится еще хуже.

Ну, конечно же! Подумайте сами. Я слышал, как этот безумец снует туда-сюда по палубе, расхаживает там, бормоча себе под нос какую-то чепуху. Один бог знает, что он там себе навоображал! Целый день он жарился на солнце и сильно обгорел, потому как у него не было плотной рубашки, а спуститься за ней в каюту он не отважился. Этот придурок весь день просидел на кокпите, не сводя с меня глаз и выжидая, когда я начну что-нибудь делать.

Ночью он по-прежнему бродил туда-сюда по палубе и разговаривал сам с собой. Мимо, совсем рядом, прошел какой-то сухогруз, но нас не заметили. А мой бедный сумасшедший все расхаживал по палубе, болтая сам с собой о всякой ерунде. Наверное, у него начались галлюцинации. Я вполне мог бы забраться на борт уже тогда, но такой уж я человек — если чего решил, то буду действовать строго по плану.

Спасибо. За ваше здоровье!

Все случилось именно так, как я и предполагал. Когда луна скрылась за горизонтом, я залез наверх, на палубу. По моим прикидкам, силы безумца тогда были уже на исходе. Если бы я промедлил, рассвет был бы ему на руку. А так бедный придурок почти ничего уже не соображал. Он попытался ткнуть меня ножом, но очень уж неуверенно. Болтаясь в воде, я притомился, но тут собрал все свои силы и врезал ему в зубы. Он так и откинулся.

Что потом? Ну, я связал его, как цыпленка, и отправился к ближайшей земле. К Бермудам. Сошел на берег и рассказал обо всем властям. К тому времени капитан растерял послед-

нее соображение. Он начал вопить, что это я — я! — хотел его убить!

Но ему никто не поверил. Чего там, он окончательно рехнулся. Понятное дело, если бы я хотел его укокошить, почему я этого не сделал, вместо того чтобы перетянуть на Бермуды и тащить его с собой? Да если бы я что-то такое задумал, мне проще было бы выкинуть его за борт и уйти к чертовой бабушке с его кечем и деньгами, что лежали в каюте!

Оказалось, у него в Штатах есть сестра. Она меня долго благодарила за то, что я привез обратно ее братца, но с нее мне не обломилось ни цента за все старания. А капитан... Последнее, что я о нем слышал, — кажется, его засадили в какой-то дурдом в Мэриленде. Бедный придурок!

Что я делаю на Фиджи? О, это совсем другая история. Спасибо, мне хватит. В другой раз я расскажу вам, как я...

18

Джеймс вложил в удар всю свою немалую силу. Его нож полоснул Деннисона по животу и с хрустом вошел под ребра. Когда лезвие коснулось его, Деннисон выбросил вперед руку с тесаком, целясь капитану в горло.

Но он промахнулся. Лезвие скользнуло по груди Джеймса к правому плечу и вонзилось в руку, пропоров ее до кости. Капитан вскрикнул и отшатнулся. Он зажал рану здоровой рукой, пытаясь остановить хлынувшую потоком кровь.

Деннисон упал. Странно, но боли он не чувствовал, хотя в животе зияла страшная рана. Совсем не больно! Если бы он знал об этом раньше, то был бы похрабрее. На мгновение ему показалось, что он увидел первый луч восходящего солнца.

Глаза Деннисона начали закатываться, но он успел заметить, как капитан вытащил из-под кокпита обрывок какого-то шнура и пытается перетянуть руку повыше раны. Стиснув зубы, Джеймс затянул шнур узлом, и кровь постепенно остановилась.

«Отлично сделано, капитан Джеймс, — подумалось Деннисону. — Ваша безграничная тупость и упрямство погубили нас обоих. Это конец. Победителей не осталось. Такой изумительный финал удовлетворил бы самого прихотливого мо-

ралиста. Вы угробили предателя Деннисона, и все законники мира на вашей стороне.

Но я вас достал, капитан! Вы ранены, и очень серьезно. Вашей расчудесной правой руки теперь все равно что нет.

Приключение становится еще интереснее. Потому что теперь, как только вы скинете мой труп за борт, перед вами встанет почти неразрешимая проблема: управиться с кечем одной рукой, да еще и левой.

Слабаку с этим не справиться, капитан. Такая тяжелая рана обязательно воспалится — ведь придется целыми днями жариться на солнце. От этого твоя сила и храбрость растают, как дым, испарятся, будто их не было и в помине. Впереди еще много долгих, мучительно долгих дней. И однажды какое-нибудь случайное судно наткнется на дрейфующий кеч с мертвым капитаном, который сидит с навечно распахнутыми глазами, вцепившись в штурвал.

Да, так все и должно случиться. Только мне не верится, что подобное может произойти с вами, кэп! Я молюсь, чтобы так было, но не верю в свои молитвы. Вы такой упрямец, кэп. Вы стиснете покрепче зубы и поведете свой кеч сквозь штормы и штили, пусть и с одной рукой, пусть и раненый, но вы все равно приведете яхту в какой-нибудь порт. Бледный, с остекленевшими глазами, но живой и по-прежнему негибаемый. И вы еще расскажете эту историю своим приятелям-капитанам, когда встретитесь с ними в каком-нибудь богом забытом уголке земного шара. А они будут кивать и восхищаться вами.

И все же я надеюсь, что ничего этого не будет. Надеюсь, что ты загнешься в этих штилевых широтах. Если уж мне приходится умирать, я надеюсь, что ты подохнешь вместе со мной. Господи, молю тебя, пусть он тоже умрет, пусть хоть однажды правосудие не свершится! Умоляю...»

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

БЕЛАЯ СМЕРТЬ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *М. Мазалова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

СОДЕРЖАНИЕ

50-й КАЛИБР. Повесть. <i>Перевод М. Авдониной</i>	5
СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГОНКИ. Повесть. <i>Перевод В. Баканова</i>	163
ЖИВОЕ ЗОЛОТО. Повесть. <i>Перевод О. Степашиной</i>	299
БЕЛАЯ СМЕРТЬ. Повесть. <i>Перевод Е. Дрибинской</i>	491
ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ. Повесть. <i>Перевод И. Непочатовой</i>	635
ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ. Повесть. <i>Перевод И. Непочатовой</i>	789

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых монтажей 21.02.2005.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л. 50,4. Уч.-изд. л. 47,8.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ 2993.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

